

**С л о в о
Р у с с к о г о
м и р а**

ЦВЕТОВЪ

АННА КАРЕНИНА

ТОМЪ

ВЕРНАЯ ЧАСТЬ

А. И. МАЙКОВЪ

ВЕЧЕРА

НА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ

ВЕРСИЯХЪ

АЛЫС ПАРУСА

ГРУТЕРЬ

ПЪЯТИКНИЖИЕ

1918-1921

ВЪ СЪВЪТЪ

СЪ СЪВЪТЪ

ВЪ СЪВЪТЪ

СОДЕРЖАНИЕ

01	Апостолы славян	004	26	Потайные лабиринты	135
02	Достать из-под земли	010	27	Дорогу осилит идущий	140
03	Игумен земли Русской	016	28	Технологии книжной любви	143
04	«Умь молодь не дошелъ»	022	29	Институт рукописного прошлого	146
05	Евангелие от Анны	028	30	Спутники книг	151
06	«Всякому имя даю, какое пристойно»	031	31	Додо	154
07	Циническая свирель	038	32	Первый двойник	157
08	Большое видится на расстоянии	043	33	К Языкову...	162
09	Казак Луганский	050	34	Дело Маркса	168
10	«Каждое слово имеет свою судьбу»	054	35	Кто убил Лермонтова?	172
11	«Язык развивается так, как нужно нам»	058	36	Распространитель	178
12	Стало легче морально	063	37	Человеколюбие и крамола	181
13	«Язык невозможно разрушить политическими методами»	068	38	Печатным шагом	187
14	Надежда на самоочищение	074	39	Человек-театр	192
15	Творцы литературной нормы	080	40	И Гоголь, такой молодой	198
16	Копилка мудрости	086	41	Ему ты песен наших спой	201
17	Музей мертвых языков	090	42	Гений путешествий	208
18	«У меня зазвонил телефон»	095	43	Евграф — не граф	215
19	Слова-«кентавры» наступают	099	44	Неправильный гений	218
20	Запрос на азбуку	102	45	Учитель	222
21	«Лытдыбр» от блогера	106	46	Упадочный ренессанс	230
22	Матрица языков	110	47	Алмаз в серебре	233
23	Кого хочешь «лайкай», а люби меня!	116	48	Хочешь знать, как все это было?	237
24	День русского языка	120	49	«Я — изысканный стих»	242
25	Километры сокровищ	126	50	«Время! Я тебя миную»	248

51	Перевод длиной в жизнь	256
52	«Пора популяризировать изыски»	260
53	Человек без прошлого	266
54	Займитесь, господа, культурой	272
55	Рожденный летать	277
56	Эмигрантское зеркало родины	284
57	«Я живу русским языком»	290
58	У меня растут билингвы!	298
59	«Если кто-то мне ответит...»	302
60	«Моя душа живет в России»	305
61	Энергия от «Братьев Карамазовых»	308
62	Идущие к холоду	310
63	Духовное противоядие Джулиана Лоуэнфельда	316
64	Конец «золотого века»	320
65	Азбука удовольствия	326
66	Победа двуязычия	330
67	Поражение в правах	334
68	Язык до Брюсселя доведет	342
69	Мир, который построил Вильк	346
70	Английский классик с вологодским акцентом	354
71	Чужой родной язык	358
72	«Говорите по-русски, я еще понимаю»	366
73	«Я так давно не слышал русской речи»	372
74	Молдавские парадоксы русского языка	375

75	Повторение пройденного	378
76	Спорные буквы	384
77	Новая реальность	389
78	«Белинского и Гоголя с базара так никто и не несет»	394
79	Подсказано жизнью	400
80	Новый русский парадокс	406
81	«И стал он парнем очень клевым и лучше выдумать не мог»	412
82	Литфонд	416
83	Новые герои для нового времени	424
84	Сказка — ложь. Ее не трожь!	428
85	Сибирский строй	432
86	За лемезом на скрыготне	438
87	Слово — не воробей, выругался — 50 рублей	442
88	Категория неизбежности текста	444
89	«Я — верующий в Бога физик»	450
90	Право на чтение	454
91	Все зависит от народа	458
92	Диктант для всего мира	464
93	Учительница французского	470
94	Мифы третьего Рейна	476
95	Магия карнавала Михаила Бахтина	484
96	Наследие Лихачева	490
97	Завещание патриарха	496
98	Невесомость Алексея Лосева	502

АПОСТОЛЫ СЛАВЯН

ЛАДА КЛОКОВА

В монастыре Полихрон два брата день за днем исписывали листы пергамента, затем соскабливали странные, удивлявшие монахов значки и вновь покрывали плотные страницы непривычными буквами...

Можно предположить, что приблизительно так 1150 лет назад создавали первую славянскую азбуку братья Мефодий и Константин Философ. Ученые до сих пор спорят, где находился монастырь Полихрон, хотя большинство склоняется к берегам древнего Гелеспонта, который сегодня мы называем Дарданеллами. Здесь же, видимо, появилась и первая книга на славянском языке — краткий Апракос, начинавшийся словами Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Русский «Хронограф» 1512 года сухо сообщает: «Константин Философ и брат его Мефодий перевели святыя книги с греческого на славянский, у болгар же и у словен, и у сербов, и у босняков, и у русских — у всех них один язык». До наших дней сохранились и более древние славянские источники, го-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

раздо ярче живописующие жизнь великих братьев. Другое дело, что они носят легендарный характер. Правда, тут на помощь приходят документы на латыни — письма Анастасия Библиотекаря и римских pontификов, арабские хроники и даже письмо хазарского кагана Иосифа к раввину Хисдаи. Они подтверждают отдельные факты, изложенные в Житиях святых равноапостольных Мефодия и Кирилла (Константин перед смертью принял монашескую схиму и имя Кирилл. — *Прим. авт.*). Но есть загадка, до сих пор волнующая историков: Мефодий и Константин играли не последнюю роль в дипломатии Восточной Римской империи, к тому же Философ был близок к императору Михаилу III, но византийские источники молчат о братьях. Не упоминает о них даже константинопольский патриарх Фотий — учитель и друг Константина, оставивший богатое эпистолярное наследие...

ВТОРОЕ ОКО ИМПЕРИИ

Фессалоники славились на всю империю своими оружейниками и мастерами, выплавлявшими изящные безделушки из стекла. Здесь строили едва ли не лучшие суда в Византии, изготавливали прекрасные шелковые и льняные ткани и виртуозно выделывали кожи...

С тех пор как в 315 году до н.э. македонский царь Кассандр основал Фессалоники, назвав его в честь своей жены — сводной сестры Александра Македонского, — город немало повидал на своем веку. На его старых торговых улицах было не протолкнуться: здесь звучала греческая, сирийская, еврейская, персидская, славянская, армянская речь... Это как раз славянские племена, перекочевавшие с севера на Балканский полуостров, называли Фессалоники Солунью. А византийские писатели именовали город «вторым оком империи», «надзиравшим за западными провинциями».

Надзирать приходилось неусыпно: в Солуни квартировал византийский гарнизон, выдерживавший частые осады все тех же славян. В нем и служил друнгарий (офицер византийской армии. — *Прим. авт.*)

Лев. Его жену Марию одни исследователи считают славянской по происхождению, другие — представительницей знатного византийского рода. Впрочем, и сам Лев, скорее всего, принадлежал к высшей аристократии. Так, во время своей хазарской миссии при встрече с каганом Константин Философ, отвечая на вопрос, к какому роду он принадлежит, сказал: «У меня был дед великий и прославленный, который стоял близко к императору, но данную ему славу отверг и за это был изгнан. Придя в чужую страну, он там обнищал и меня породил. Я же, ища древней чести деда, не обрел ее, так как я внук Адама»...

Сколько детей было у Льва и Марии, мы не знаем. В истории остались только старший и младший сыновья: Мефодий, родившийся в 815 году, и Константин, появившийся на свет в 827-м. Какое имя получил старший сын при крещении — неизвестно, предполагают, что называли его Михаилом (Мефодий — имя, полученное при монашеском постриге. — *Прим. авт.*). Когда Мефодию исполнилось 18 лет, он избрал военную карьеру. В Константинополе, где он служил, его заметили, и уже в 835 году Мефодий был назначен воеводой в одну из славянских областей империи. Здесь он пробыл десять лет и, вероятно, действительно выучил язык местных жителей, как сообщает его Житие. В какой именно области служил Мефодий — неизвестно. Затем Мефодий неожиданно принимает постриг и уходит в монастырь...

А Константин с малых лет поражал окружающих своими способностями и блестящей памятью. С детства он тяготел к богословским и философским занятиям, рано начал писать стихи, любил читать труды Григория Богослова. В школе был первым учеником. В 840 году в Фессалоники прибыл новый архиепископ — знаменитый Лев Математик, один из самых великолепных умов эпохи, блестяще образованный ученый, которого подозревали в занятиях магией и чародейством. Лев Математик, скорее всего, замолвил словечко логофету (высшему чиновнику царской канцелярии. — *Прим. авт.*) Феоктисту о солунском вундеркинде, так что для продолжения образования Константина доставили в Константинополь. Произошло это, видимо, не ранее 843 года, когда Математик, оставив епископскую кафедру в Солуни, вернулся в столицу.

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

В 842 году скончался император Византии Феофил — убежденный иконоборец. Несмотря на то, что большая часть населения столицы стояла на позициях иконопочитания, Феофил пользовался уважением народа. И было за что. Так, однажды он приказал сжечь на городской площади груз торгового судна, принадлежавшего его жене Феодоре, заявив, что императорской семье не подобает вести торговлю. В другой раз публично высек бичом ее брата, который притеснял соседей, уверенный в своей безнаказанности. Наследником Феофила стал его сын — малолетний император Михаил III, регентшей при котором была Феодора. Фактическим же правителем империи являлся Феоктист. Житие Кирилла утверждает, что юный Константин стал старшим товарищем мальчика-императора, помогавшим ему в обучении. А свое образование Константин продолжил в Пандиактерионе — университете, основанном в 849 году в Магнаврском дворце Феоктистом и дядей малолетнего императора Вардой. В Магнавре, где учились только аристократы, преподавали математику, астрономию, грамматику, риторику, геометрию, музыку, античную и христианскую философию, богословие и историю. Работали здесь лучшие учителя того времени — будущий константинопольский патриарх Фотий, Лев Математик, Феодор, Феодегий, Комитас...

В середине IX века империи приходилось выдерживать тяжелый натиск славян и арабов, в Константинополе же продолжалось противостояние партий иконоборцев и иконопочитателей, плетущих интриги вокруг императорского трона. В это же время Византия переживает и очередной расцвет культуры, образованные люди востребованы властью. Константин заметили, видимо, на него возлагались большие надежды: логофет Феоктист поселяет юношу в своем доме и уговаривает жениться на своей крестной дочери — девушке из богатой и благородной семьи. Константин отказывается и становится священником. Его назначают хартофилаксом (хранителем библиотеки. — *Прим. авт.*) при церкви Святой Софии, он исполняет обязанности перво-

го секретаря константинопольского патриарха Игнатия. Однако скоро тайно сбегает из столицы. Что случилось — неизвестно, но позже в одном из своих писем будущий антипапа Анастасий Библиотекарь, знавший Константина лично, писал, что Игнатий очень негативно относился к светской литературе, презирая тех, кто ею занимался. Возможно, Константин бежал из-за разногласий с патриархом.

Его искали полгода и наконец обнаружили в одном из маленьких монастырей. Константин отказался вернуться к обязанностям хартофилакса, но согласился возглавить кафедру философии в Магнавре. Довольно быстро распространилась слава о блестящем молодом преподавателе, и с этого момента его начинают называть Константином Философом.

В 856 году Варда, дядя императора Михаила III, организовал убийство покровителя Константина логофета Феоктиста, а свою сестру императрицу Феодору постриг в монахини. Теперь именно он стал фактическим правителем империи. Но судьба — дама капризная: спустя десять лет Варда погибнет в результате заговора, устроенного фаворитом Михаила III — будущим императором Василием Македонянином...

ДОЛЯ МИССИОНЕРОВ

Незадолго до смерти Феоктист отправил Константина в его первую миссионерскую поездку к арабам — «саракенам» или сарацинам, как их называли в Византии. Исследователи указывают, что миссия могла состояться только в те моменты, когда между империей и арабами действовали недолгие перемирия — 845, 855–856 и 859–860 годы. В 845 году Константин был слишком молод, в 859–860 годах арабскую миссию возглавлял старый и хитрый дипломат Атрубилис. Значит, поездка Константина состоялась в 855–856 годах. Известно, что вместе с Константином отправился асикрит (секретарь царской канцелярии. — *Прим. авт.*) Георгий. По Житию святого, миссию возглавлял Константин, а Георгий был его помощником. А вот арабская хроника Абу-Джафара Табари указывает, что главой миссии был Георгий, целью которого был обмен военнопленными. Константин же должен был вступить в богословский диспут с арабскими учеными. Поездка завершилась успешно: на берегах киликийской реки Лам произошел обмен пленными, а Философ победил арабских богословов в споре, продемонстрировав при этом знание Корана.

Но по возвращении в Константинополь Константина ждал не триумф, а опала. Убит покровитель Феоктист, его сторонники бегут от преследования Варды. Философ тоже покидает столицу и укрывается в монастыре у брата. Чем там занимался Константин — неизвестно, Житие ограничивается кратким «беседовал с книгами». Правда, «беседовать» с фолиантами ему пришлось недолго: уже в 860 году император Михаил III призывает Философа в Константинополь и поручает ему хазарскую миссию. Хазарский каганат был одним из основных политических игроков в Нижнем Поволжье и Северном Причерноморье. В предыдущем веке хазары, столицей которых был город Итиль (нынешняя Астраханская область. — *Прим. авт.*), отвоевали у Византии часть Крыма и продолжали угрожать империи, так что Константинополь предпочитал поддерживать с каганатом союзнические отношения. Хазары исповедовали иудаизм, но в IX веке в каганат постепенно начинают проникать христианство и ислам. Богословские диспуты были одним из любимых развлечений правителей, а потому неудивительно, что каган направил в Константинополь послов, предложив Михаилу III прислать в Итиль ученого мужа. По сообщению Жития, в письме кагана говорилось: «Если в споре он победит евреев и сарацин, мы перейдем в вашу веру». В состав миссии, которую возглавлял Константин Философ, вошел и его брат: «Кирилл же уговорил своего брата Мефодия идти с ним, потому что тот знал славянский язык», — сообщает «Проложное житие Мефодия». Подготовка к миссии шла в Херсонесе Таврическом, куда византийское посольство добралось осенью 860 года и пробыло до конца зимы 861-го. Именно здесь Константин организует успешные поиски мощей святого Климента, папы римского. Климент, живший на рубеже I–II веков, за активную миссионерскую деятельность был отправлен римским императором Траяном в Херсонес, куда нередко ссылали первых христиан и уголовников. Римского первосвященника отправили работать на местные каменоломни, где он продолжал проповедовать. В конце концов наместник Херсонеса подверг его жестоким пыткам и мученической смерти: Климента привязали к якорю и бросили в море. По преданию, море чудесным образом отступило, открыв тело святого в 300 метрах от берега. Согласно Житию, Константин с местным епископом и клиром отыскал мощи святого Климента на крохотном острове в море недалеко от берега. Мощи были торжественно перенесены в соборную церковь, а часть их Константин взял себе. Заметим,

что в следующем веке, когда великий князь Владимир завоевал Корсунь (так на Руси называли Херсонес. — *Прим. авт.*) и принял здесь крещение, он забрал голову святого Климента в Киев. В столице Древней Руси мощи, скорее всего, находились в Десятичной церкви и, видимо, погибли в страшном пожаре во время разорения Киева Батыем. Кстати, именно после Крещения Руси князем Владимиром в 988 году в стране началось распространение грамотности и книг...

Пока Константин находился в Херсонесе, он выучил иврит, поскольку считал, что вести диспут с иудеями без знания языка, на котором был написан Ветхий Завет, недопустимо. В Херсонесе жила довольно большая еврейская община, в которой Константин и нашел себе учителя. Кроме того, в Житии есть и одно загадочное сообщение о херсонесском периоде: «И нашел здесь Евангелие и Псалтырь, написанные руськими письменами. И нашел человека, говорящего на этом языке. И беседовал с ним, овладев силой речи, опираясь на свой язык, установил различие гласных и согласных, молясь Богу, скоро начал читать и говорить». Ученые до сих пор ломают копья по поводу этого абзаца. Самые смелые утверждают, что это и есть свидетельство существования древнеславянской письменности до Кирилла и Мефодия, хотя никакие иные убедительные доказательства этого тезиса не найдены до сих пор. Другие считают, что этот отрывок — поздняя интерполяция. Третьи уверены, что это — ошибка переписчика: читать нужно не «руськими», а «сурьскими», то есть «сирийскими письменами»...

Весной 861 года миссия отправилась к хазарам. Константин Философ при дворе кагана вступил в диспуты с иудеями, язычниками и сарацинами и в каждом одержал победу. Как бы то ни было, хазары остались иудеями, а каган пожелал отблагодарить Константина богатыми

дарами. Но Философ отклонил их и взамен попросил освободить пленных соотечественников. Осенью 861 года миссия вернулась в Константинополь с двумя сотнями освобожденных из плена византийцев. Император принял Константина, но затем, по неизвестным причи-

нам, Философ был удален от двора, лишен кафедры в университете и стал скромным преподавателем при церкви Двенадцати апостолов. Мефодий же был назначен игуменом монастыря Полихрон. Вскоре и Константин перебрался в обитель к брату...

СЛАВЯНСКАЯ ГРАМОТА

IX век стал временем расцвета первого в истории крупного славянского государства — Великоморавской державы, в состав которой входили территории нынешних Венгрии, Словакии, Чехии, а также Малая Польша, часть Украины и Силезия. Великая Моравия, просуществовавшая менее ста лет, уже была христианизирована, находясь под протекторатом римской церкви (до Великой схизмы 1054 года, окончательно расколовшей церковь на католиков и ортодоксов, христианская общность Запада и Востока считалась единой. — *Прим. авт.*). Богослужение здесь проходило на латыни, епископы назначались римскими папами, в священнической среде преобладало баварское духовенство. Моравский князь Ростислав, противодействуя попыткам короля Восточно-Франкского королевства Людовика II Немецкого поработить Моравию, изгнал баварских патеров и направил послов в Рим с просьбой прислать учителей для подготовки местных священников и ведения богослужений на славянском языке. Римской курии эта идея не понравилась. Тогда в 863 году Ростислав отправил послов в Константинополь. Империя откликнулась мгновенно: во-первых, византийская церковь не возражала против организации службы на местных языках, во-вторых, союз с Моравией укрепил бы позиции Константинополя в Центральной Европе и помог бы Византии противостоять новым натискам болгар и русских.

Михаил III призвал Константина Философа и изложил ему суть проблемы. Слависты сходятся на том, что именно в 863 году и был создан первый славянский алфавит — в Константинополе или в монастыре Полихрон. Большинство склоняется ко второму варианту: из Житий известно, что над алфавитом работали оба брата (в основу нового алфавита было положено греческое скорописное — минускульное — письмо. — *Прим. авт.*). «Паннонские жития» Кирилла и Мефодия единодушно сообщают, что азбука была создана очень быстро. Но помимо азбуки нужно было создать новую терминологию, переведя греческие слова из богослужения на славянский язык. И перевести Апракос, необхо-

димый для службы. Поэтому многие исследователи предполагают, что братьям помогали монахи Полихрона — выходцы из местных славян...

Уже в конце 863 года братья, возглавляющие миссию, направляются в Великую Моравию. Они везут с собой славянский алфавит, скорее всего, Апракос, письмо Михаила III Ростиславу и богатые дары. Ростислав с почетом принял византийцев и предоставил им полную свободу действий. Жития утверждают, что Константин и Мефодий находились в Моравии 40 месяцев, то есть до весны 867 года. Результаты миссии были очень впечатляющими, так что римский папа Адриан II с явным сожалением писал Ростиславу: «Император послал вам блаженного Константина Философа вместе с братом, прежде чем мы успели послать кого-либо». Но не стоит думать, что миссия братьев была легкой: нужно было организовать службу на местном языке, объяснять нововведения населению, продолжать перевод богослужебных книг, готовить смену, да еще противостоять интригам все того же баварского духовенства. К тому же волей-неволей приходилось действовать с оглядкой на Рим, ведь Моравия находилась под церковной властью папы. А это было непросто. Хотя еще на Франкфуртском соборе в VIII веке, да и на более поздних соборах, римская церковь разрешила читать проповеди на местных языках, но на деле это не поощрялось. Положение усугубилось после того, как в 864 году Ростислав потерпел поражение от объединенных сил немцев и болгар: в Моравии вновь активизировалось баварское духовенство, стоявшее на позициях триязычия. Его сторонники держались учения Исидора Севильского, изложенного им в VII веке в «Этимологиях»: «...три языка священные: еврейский, греческий, ла-

тинский, которые во всем мире больше всего возвышаются. Это потому, что на этих трех языках на кресте Христа Пилатом была написана Его вина». Православные богословы считали это учение еретическим и называли его сторонников «триязычниками-пилатниками». Римская церковь признавала священными три языка, но на практике использовала

только латынь. Так, папа Иоанн VIII в 880 году пишет Святополку I, следующему после Ростислава князю Великой Моравии, что не запрещает богослужений на славянском языке, но далее добавляет: «При всем том повелеваем, чтобы в церквях вашей земли для большего почитания Евангелие сперва должно читаться на латинском языке и лишь после того на славянском языке для народа, который не понимает латыни».

Константин и Мефодий подготовили многих учеников из местных славян, среди которых Жития особо выделяют Горазда, Наума, Ангелария, Савву и Климента (будущий святой Климент Охридский, основатель знаменитой Охридской книжной школы, просветитель и болгарский архиепископ. — *Прим. авт.*). Но братья столкнулись с серьезной проблемой: поскольку ни один из них не имел сана епископа, они не могли рукополагать учеников в священство. В 867 году братья отправились в Венецию, чтобы оттуда следовать в Константинополь. С ними ехала большая группа учеников, для того чтобы принять священнический сан в столице Византии.

Братья надолго задержались в Венеции. Причина их остановки неизвестна, но многие ученые предполагают, что она могла быть связана с резким ухудшением взаимоотношений между Римом и Константинополем. Папой в этот момент был Николай I, а константинопольским патриархом — святой Фотий, наставник Константина Философа. Фотий резко обличал пап, упрекая их во властолюбии, он же первый осудил Рим за добавление к Символу веры слов «и от Сына», к тому же интересы двух престолов вошли в резкое противоречие по вопросу юрисдикции над Болгарией и Южной Италией. В 863 году Николай I отлучил Фотия от церкви, а Фотий анафематствовал папу в 867-м. В том же году в результате заговора был убит император Михаил III, на престол вззошел Василий Македонянин. Новый император сместил патриарха Фотия и вернул на патриарший трон Игнатия — того самого, от которого в юности сбежал в монастырь Константин. Не исключено, что братья действительно решили переждать в Венеции. Тут, кстати, и пригодилась мощи святого Климента, которые Константин везде возил с со-

бой. Папа Николай I, получив сообщение о мощах святого Климента, пригласил братьев в Рим, куда они с учениками прибыли в конце 867-го или начале 868 года. К тому времени Николай I скончался, и папой был избран Адриан II. Новый понтифик торжественно встретил братьев, признал славянскую литургию и освятил книги на церковнославянском языке. Братья поселились в греческом монастыре в Риме вместе с учениками, которые наконец-то были рукоположены в священников. Константин продолжал участвовать в диспутах, но в конце 868 года тяжело заболел, перед смертью принял схиму и имя Кирилл. Житие свидетельствует, что даже в смертный час Кирилл молился Господу: «Уничтожь триязычную веру...» Скончался Кирилл 14 февраля 869 года и был похоронен в базилике Святого Климента в Риме...

А Мефодий в 870 году в Риме был посвящен в сан епископа и назначен архиепископом Паннонии, ставшей вторым после Великой Моравии центром развития славянской письменности. Здесь, как и в Моравии, Мефодий вновь столкнулся с противодействием католического духовенства: в 873 году его сажают в тюрьму, издеваются, избивают, держат в холод под открытым небом. А ведь Мефодию в это время уже перевалило за 50... Только заступничество нового папы, Иоанна VIII, помогло выволочить Мефодия из заточения. Этот же понтифик официально признал славянскую литургию и разрешил ее в Паннонии и Моравии, в которой правил Святополк I, ориентировавшийся на немецкое духовенство и выступавший за богослужение на латыни. И именно в Моравию после освобождения прибывает Мефодий, где вместе с двумя учениками начинает перевод на славянский язык Ветхого Завета. Он успевает закончить свой труд незадолго до смерти. 6 апреля 885 года Мефодий умирает, оставив около 200 славянских священников, дьяконов и иподьяконов. Где похоронили Мефодия — в Велеграде или Девине — точно неизвестно.

***

Если вам доведется побывать в Риме, не поленитесь найти базилику Святого Климента, стоящую между Колизеем и Латеранским собором. Здесь можно поклониться одному из двух апостолов славян — святому Кириллу. Благодарность солунским братьям, канонизированным православной и католической церквями, безмерна: выразить ее словами вряд ли возможно...

РИА НОВОСТИ

ДОСТАТЬ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

ЕЛЕНА КУДРЯВЦЕВА

В июне 2013 года открылся новый сезон самого масштабного археологического проекта России последних десятилетий. Ученые полны надежд: Новгородская археологическая экспедиция уже не раз переворачивала представления о том, как жила средневековая Русь.

... Берестяная грамота — небольшое, размером с ладонь, письмо, нацарапанное на внутренней стороне березовой коры. Чаще всего его находят в скрученном виде, как маленький свиток. Такие послания лежат в толще земли, уже более тысячи лет ожидая своего читателя. Если развернуть берестяное письмо, неподготовленный человек увидит череду насечек и знаков: пробелы между словами появились в русском языке

не раньше XVI–XVII веков. Разглядеть в этих насечках текст не так просто. Именно поэтому первую музейную экспозицию, собранную еще в конце XIX века коллекционером Василием Передольским, никто всерьез и не воспринял. Когда Василий Степанович говорил, что это — «письмена предков наших», современники над ним смеялись, утверждая, что берестяные грамоты — это каракули неграмотных крестьян XIX века.

Да и правда, как могли сохраниться в земле письма, написанные несколько сотен лет назад? Одно дело, когда речь идет о египетских свитках, покоившихся в сухом климате Африки. И вдруг Новгород с типичным для запада России вечно дождливым небом и грязью по колено. Но именно эта стопроцентная влажность без доступа кислорода позволила храниться берестяным грамотам и прочей древней органике веками.

Говорят, извлеченные здесь восьмисотлетние бревна можно вновь использовать для строительства, а по древним уличным мостовым запросто могли бы проехать грузовики.

тому что у нас [здесь] есть спрос на беличьи шкурки. А о тебе: если будешь свободен, то приезжай будь к нам — Ксинофонт нам напортил. А об этом человеке (то есть Ксинофонте): мы его не знаем; а в том воля Божья и твоя». Кстати, в Москве во время ремонтных работ на Красной площади тоже была обнаружена берестяная грамота — единственная в своем роде. Грамота содержит опись имущества некоего Турабея, сделанную, по-видимому, после его смерти. Это самое длинное берестяное послание в мире, содержащее 370 слов.

Кстати, с веками эта чудесная сырость никуда не делась. «Раскоп в течение зимы набирает воду, и в июне перед началом сезона она стоит слоем в четыре метра, — говорит археолог, заведующий Центром по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника Сергей Трояновский. — Раньше для нас это было пыткой, так как приходилось большую часть времени проводить, откачивая маломощными насосами воду. Сейчас нам помогает городской Водоканал, который дал в пользование две мощные помпы».

Первое сохранившееся берестяное письмо, найденное в 1951 году, стало сенсацией в научном мире. Это был список доходов нескольких сел, датированный XIII веком. Затем нашли берестяную роспись пушного оброка с карелов, а в третьей грамоте оказалась замечательная запись о пиве: «Поклон от Григши Есифу. Онанья прислал [человека или грамоту] со словами <...> Я ему ответил: «Не велел мне Есиф варить перевару ни для кого». Тогда он прислал к Федосье: «Вари ты пиво. Сидишь на выморочном участке [и] не варишь ячмень». А дальше пошло-поехало: письмо с приказом купить корову и немецкую соль, просьба привезти медвежьи шкуры, жалоба на то, что кони потоптали пшеницу, древнерусские загадки, плач, что соседи отняли скошенное сено, просьба к жене прислать забытую рубашку, детские рисунки, любовные письма и так далее.

Оказалось, вопреки традиционным представлениям о невежественной Руси население древнего Новгорода в своей основной массе было грамотным. Каждый день люди писали друг другу письма, причем их писали и женщины: матери — сыновьям, сестры — братьям, жены — мужьям. По словам бессменного начальника экспедиции, академика Валентина Янина, немая древность вдруг заговорила живым языком. Ученые и представить себе не могли такой удачи.

С тех пор подавляющее число грамот — 1050 штук — обнаружено в Новгороде, но часть найдена в других городах: Старой Русе, Торжке, Смоленске, Твери... На Украине, в Звенигороде Галицком, например, найдена угроза Говеновой (от слова «говеть») вдовы к некоему Неженцу: «Дай шестьдесят кун ладейных (то есть за ладью или на ладью). [Так] сказал Говен перед смертью (буквально: идя на суд), а поп записывал. Дай [их] Луке. Если же не дашь, то я возьму у князя отрока и вместе [с ним] приеду — это тебе станет в большую сумму». В Витебске Степан просит Нежилу, если тот уже продал одежду, купить ему ячменя на 6 гривен. В Пскове Кюрик и Герасим пишут Онифиму о рыночных тенденциях: «...если вы еще не торговали, то пришлите немедленно, по-

СЛОВООХОТЛИВЫЙ ЯКИМ

Если разделить количество всех найденных грамот в Новгороде на количество лет археологических раскопок, в среднем получится 10 штук за год. Правда, когда-то их не находили вообще, а когда-то «улов» оказывался в два-три раза больше среднего. Особенно результативными стали последние годы: в 2010-м были найдены 42 грамоты, а в 2012-м — 33. Это везение только отчасти можно назвать случайным. Дело в том, что археологи копают по строго определенному плану, постепенно открывая культурный слой. Кстати, представление о том, что со временем старые постройки уходят под землю, в корне неверно. Культурный слой вырастает из того, что мы бросаем на землю. В Средние века это были стружки, щепки, зола, кости, черепки, стоптанная обувь, обгорелые бревна, навоз, пыль и т.д. Таким образом, древние новгородцы «намусорили» аж 7,5 метра культурного слоя. Так что для того, чтобы добраться до XI века, ученым пришлось немало покопать. Хорошая сохранность этого слоя помогла найти поистине бесценные сведения о жизни домонгольской Руси, о которой нам известно не так много.

Последние десятилетия основная работа ведется на так называемом Троицком раскопе, названном по расположенной здесь средневековой церкви. На этом месте раскопаны многоярусные мостовые древних улиц — Черницыной, Пробойной и Ярышевой. Раскоп с археологической точки зрения складывается из территориальных комплексов деревянных построек, каждой из которых археологи присваивают свою букву. «В этом году мы будем начинать новый участок Троицкого раскопа, — говорит Сергей Трояновский. — Сначала надо провести снятие поздних слоев — XX, XIX, XVIII и XVII веков. Обычно это

толщина более метра. Потом будем уходить в более поздние слои. Если раскоп имеет площадь порядка 400 квадратных метров, мы проходим его за пять лет, за сезон — не более полуметра. Но иногда из-за сильных дождей не удается пройти и сорока сантиметров. И не потому, что нам не хочется работать в дождь, а потому, что слой очень быстро набирает влагу и войти в раскоп не представляется возможным — земля превращается в кашу».

В прошлом году работа велась в усадьбе Ж, которая, по словам ученых, оказалась «самой грамотоносной». «Она лидирует среди всех новгородских усадеб, изученных за шестьдесят лет раскопок, — рассказывает участник экспедиции, лингвист, текстолог, специалист по изучению берестяных грамот профессор Алексей Гиппиус. — Здесь уже найдена почти сотня грамот, а чем больше плотность находок, происходящих от одной усадьбы, тем полнее информация, которую мы получаем. Это дает возможность увидеть жизнь в деталях и персоналиях. Усадьба Ж исследовалась в несколько заходов, и в 2012 году мы надеялись встретиться с теми же самыми людьми, чьи грамоты мы читали за два года до этого, ждали от них новых писем. Это необычайно волнующе и интересно». Надо сказать, ждали не напрасно — так, были найдены письма уже старого знакомого Якима. В 2010 году было известно около 20 грамот, написанных его рукой, сейчас их количество возросло до 37. В начале это были в основном маленькие записочки, имевшие отношение к церковным делам: письмо о покупке лампадного масла, выплаты за монашеские клобуки и так далее. Казалось, Яким — какой-то церковный человек, может быть, экононом монастыря. «И вот начинается новый сезон, и мы получаем от него новые письма, которые оказываются большими грамотами хозяйственного содержания, — рассказывает Алексей Гиппиус. — Из них следует, что Яким был управляющим богатейшего боярского семейства и ведал огромными денежными суммами! Одна из этих грамот упоминает 3 тысячи беличьих шкурок и сумму порядка 100 гривен (учитывая, что корова тогда стоила гривну, это очень большие деньги). Так что, если бы не новые письма, наше представление об этом человеке было бы искаженным».

Другой удачей тех же двух сезонов стала находка переписки целой купеческой семьи: 7 писем, которые некий Лука и его брат пи-

сали своему отцу в середине XII века. В одном из них Лука сообщает, что они с братом посылают отцу вино из Великих Лук, а с ним — 30 стеклянных сосудов. А на обороте другим почерком дописано, что «по косогору просят по 15 кун», то есть, по-видимому, речь идет о ценах на волоке, где запрашивают такую астрономическую сумму, что «изумелася есве» («мы были просто изумлены такими запросами»).

Комплекс семейных писем уникален прежде всего тем, что по нему можно проследить словесные привычки одного человека, его приемы, стиль, а значит, более достоверно воссоздать тот мир, в котором путешествовали берестяные грамоты. Кстати, воссоздание не просто языка, а целых коммуникативных ситуаций древних текстов — новое направление в лингвистике.

ДРЕВНЕРУССКИЙ МЕТАТЕКСТ

Исследование коммуникативных систем древнего времени в каком-то смысле передний край современной гуманитарной науки. С этой точки зрения очень интересно понять, частью какой системы являлись берестяные грамоты, какую роль они играли в жизни общества и как влияли на эту жизнь. «Когда мы называем берестяные грамоты письмами, мы невольно представляем наше современное письмо, — говорит Алексей Гиппиус. — Хотя что такое современное письмо, сказать уже довольно трудно. Двадцать лет назад письмо писали от руки и несли на почту. Теперь мы его набираем на компьютере и через минуту получаем ответ. Так что наполнение этого понятия изменилось на глазах, что уж говорить о событиях тысячелетней давности! Но тем не менее оказывается, что в каких-то своих эпистолярных привычках древние новгородцы были на удивление близки нам — жителям XXI века». И это сходство не случайно. Новгородская берестяная почта была не чем иным, как «службой коротких сообщений» — а ведь именно так расшифровывается знакомое нам сокращение SMS (Short Messaging Service).

«Иногда мы обнаруживаем совершенно неожиданное сходство берестяных грамот с электронным письмом, — продолжает Алексей Гиппиус. — Когда мы пишем такое письмо, то можем добавить дополнительный адресата и с какого-то момента обращаться уже к нему. Это трудно себе представить в традиционном письме, которое чаще всего обращено к одному адресату. А в древнерусских посланиях по ходу письма адресат может меняться, иногда даже несколько раз». Так, в одном из писем к матери посадник Онцифир Лукинич в середине текста вдруг говорит: «А ты, Нестер, сообщи мне о том-то». Нестер — это управляющий, который вслед за этим снова упо-

минается в третьем лице. А другое письмо вроде бы целиком обращено к матери, но из текста видно, что адресатом части инструкций является в действительности тот же Нестер. «Это мы ломаем голову, потому что находимся вне ситуации. А сами участники берестяной переписки могли без труда понять, кому адресован сыновний поклон, а кому — указание пойти купить коня, — объясняет Алексей Гиппиус. — За этим стоит более непосредственное ощущение письма как механизма, напрямую связывающего людей. То есть письмо пишется так, как если бы автор общался с адресатами устно, в их присутствии, обращая то к одному, то к другому». В связи с этим ученые считают, что письма было принято зачитывать вслух, и это делало очень значимой фигуру того человека, который письмо доставлял. Естественно, никакой централизованной почты не было, так что чаще всего функцию почтальона выполнял слуга или раб. Есть случаи, когда на одном листе написаны два письма, адресованные разным людям. Иногда посылный отправлялся к адресату с некоторой устной информацией, а грамота исполняла роль письменной санкции устного сообщения. Например, был найден такой текст: «Дай этому то, что он тебе сказал». И сначала не могли понять, что же это означает. Пока не поняли, что «этот» — это податель письма.

ХОРОШО ОТКРЫТОЕ СТАРОЕ

Особо ученые ждут находок грамот, которые позволяют понять, что означает то или иное «уникальное» слово или словосочетание. «В некоторых грамотах мы встречали довольно интересный оборот: «пришли мне такую же весть», — продолжает Алексей Гиппиус. — Что значат эти слова? Выглядит немного странно. До последнего времени это оставалось загадкой. И вот наконец, сравнив несколько грамот, поняли, что это означает просто «пришли мне весть об этом». То есть «такую же» отсылает не к другой вести, а к самому факту, событию, которому сообщение должно точно соответствовать. То есть новгородцы все-таки думали немного иначе, чем мы». Такую же радость вызывает находка кусочков уже обнаруженной ранее грамоты. Кстати, когда грамоты начали находить, перед учеными возник вопрос: почему подавляющее большинство из них представляет собой лишь часть письма, иногда три четверти, иногда еще меньше. Ответ оказался простым: древние новгородцы не хотели, чтобы кто-то видел их частную переписку, поэтому после прочтения письма более аккуратные и щепетильные граждане разрезали грамоты на мелкие кусочки, другие — надвое, а люди легкомысленные выбрасывали их целиком.

«Особенно важными для нас являются те тексты, из которых мы извлекаем что-то принципиально новое, ранее неизвестное, — рассказывает Алексей Гиппиус. — Иногда правиль-

ное прочтение приходит не сразу, а спустя годы и даже десятилетия. Например, еще в 1952 году был найден обрывок текста, где надежно читалось только одно слово: «селище». А недавно по новому цифровому снимку текст удалось прочесть целиком. И стало ясно, что грамота дошла до нас целиком. Это краткая запись: «Ильдятино селище, Терпила».

Грамота 60–70-х годов XIII века. Имя Ильдята для берестяных грамот уникально: больше оно нигде не встречается. Правда, в Новгородской летописи упоминается, что в 1268 году в Раковорской битве, где новгородцы вместе с псковичами бились с рыцарями Тевтонского ордена, было много погибших, и среди них названы Борис и Лазарь Ильдятиничи. «Так как время совпадает, ясно, что это дети того самого Ильдяты, — говорит Алексей Гиппиус. — Но что самое интересное, имя Ильдята оказалось славянизированной формой тюркского имени, его носитель явно был этническим тюрком, и при этом он владел селом под Новгородом! И он не один был такой, такими же тюрками были и два персонажа грамот из раскопок последних лет: Кияя и Гюлопа. Кто были эти люди? По-видимому, какие-то выходцы из кочевых племен, например крещенные половцы, которые могли прийти в Новгород в княжеском окружении и здесь осесть. Все эти свидетельства собрались буквально за последние несколько лет, и мы теперь можем сказать, что Новгород был действительно полиэтничен».

Кстати, не только тюркские, но и сами древнерусские имена для современного человека звучат удивительно. Чего стоят только Конозой, Жизнобуд, Хотен или Кошей!

ПУТЬ ДЛИНЮ В АЛФАВИТ

Можно предположить, что по менталитету жители средневекового Новгорода были намного ближе к нам, чем может показаться на первый взгляд. Об этом свидетельствует удивительный лаконизм берестяных грамот: жители мегаполиса нужно думать быстро, а изъясняться — коротко. «Во многом лаконизм берестяного письма связан с тем, что он приходит на смену практике

устных сообщений, — говорит Алексей Гиппиус. — Если ты посылаешь кого-то с вестью, она должна быть легко запоминающейся. Но хотя в этом отношении берестяные письма близки к скандинавской рунической традиции, мы в то же

время видим в них как церковнославянское влияние, так и опосредованное греческое. Результатом получается гибрид, когда краткий, лаконичный, устный по характеру текст может быть заключен в формульную рамку, имеющую книжное происхождение».

В одном из писем уже упомянутого Луки мы (в переводе) читаем: «От Луки и Ивана к Сновиду (вероятно, это имя отца). Мы двое живы-здоровы, уже «подпродались» (пораспродали товар), а товара греческого не купили. А ты «товарца напытай заморского» (то есть подыщи европейского товара). «С одной стороны, это прекрасный документ, иллюстрирующий торговую жизнь середины XII века, — отмечает Алексей Гиппиус. — С другой — здесь замечательно слово «подпродались». В источниках того времени такого глагола нет. Но если запросить Google, то он вдруг обнаруживается в современном жаргоне биржевых игроков. Еще в одной грамоте нам попала фраза «потом вы двое не удивляйтесь, когда к вам придет продажник». Кто такой продажник? Ясно, что производное от слова «продажа», а продажа для того времени — это штраф за финансовые правонарушения. То есть продажник — тот, кто собирает штрафы. И опять никаких повторных фиксаций в древности. Сейчас же словом «продажник» называют менеджера по продажам. Это очень интересно, поскольку оказывается, что русский язык продолжает образовывать слова по определенным словообразовательным моделям, как сейчас, так и тысячу лет назад».

Вообще, в древнее время отношение к самому процессу написания текста, по мнению одного из главных исследователей берестяных грамот, академика Андрея Зализняка, сильно отличалось от современного. Тогда написание, то есть нанесение знаков на некую поверхность, было процессом серьезным, относящимся скорее к сакральной, нежели к повседневной сфере. Не случайно многие грамоты начинаются с креста. Знак креста долгое время оставался неразгаданным. Думали, что это некий иероглиф, заменяющий слово «поклон». Но в итоге было доказано, что это — аналог крестного знамения, которым осеняет себя верующий человек в начале всякого важного дела.

МОНГОЛО-ТАТАРЫ И РЕДУЦИРОВАННОЕ ПАДЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Открытие берестяных грамот стало настоящим интеллектуальным пиром для филологов. Не часто в наши времена можно найти что-то, что в корне изменит устоявшиеся теории. «Оказалось, эти документы написаны на специальном отдельном диалекте, не таком, как известные нам классические древ-

нерусские, — рассказал Анатолий Зализняк во время лекции о языке древнего Новгорода. — Конечно, это тот же самый язык, разница была не настолько велика, чтобы затруднять понимание. Но тем не менее это был другой диалект, который мы сейчас называем древненовгородским, поскольку он совершенно явно приурочен к Новгороду и его государству». Изучение древненовгородского диалекта дало возможность пересмотреть существовавшую теорию происхождения русского языка. Долгое время считалось, что на территории древней Руси существовал единый монолитный восточнославянский язык, который со временем распался на русский, украинский и белорусский. Но на самом деле все оказалось не так. В древние времена на территории Руси было два диалекта: один на северо-западе (Новгород, Псков, Вологда, Архангельск, Пермь), второй — на юге (будущая Украина, часть будущей Центральной России — Ростов, Суздаль и др.). Из слияния этих двух древних диалектов и образовался тот литературный русский язык, на котором мы пишем сегодня.

Второе открытие было более драматичным. Дело в том, что, когда научный мир наконец-то признал грамоты подлинными, сами тексты продолжали воспринимать скептически. Считалось, что древние новгородцы писали кое-как, с ошибками, поэтому каждый исследователь трактовал и переводил непонятные ему места во многом произвольно. Так было до тех пор, пока академик Андрей Зализняк не выдвинул довольно смелую идею. Он взялся доказать, что новгородцы писали вообще без ошибок. И доказал. Понятное дело, что грамматики как формы кодификации письменного языка тогда не было, она появилась в начале XVII века. Но грамматика как свойство самого языка есть всегда: есть система падежей и спряжений, и, чтобы мы понимали друг друга, их нельзя смешивать. Таким образом, оказалось, что 90 процентов берестяных посланий написано грамотно.

«Когда мы говорим, что они писали правильно, мы имеем в виду, что берестяной текст представляет собой достаточно правильную фиксацию грамматически безошибочной речи, — говорит Алексей Гиппиус. — Кстати, не следует абсолютизировать эту правильность. Когда Андрей Анатольевич Зализняк совершил революцию в изучении берестяных грамот, он настаивал на том, что мы должны всерьез воспринимать

эти тексты, не видеть в них ошибки на каждом шагу, но подходить к тексту с презумпцией того, что он написан правильно. Это позволило по-новому прочесть множество грамот. А теперь мы уже можем себе позволить иногда и пожуричь наших авторов за ошибки. Например, уже названный Яким довольно много их делал, часто пропуская буквы, но при этом он пользуется своей графической системой и придерживается ее очень последовательно».

Интересно проследить, как на русский язык повлияло нашествие монголо-татар. Оказывается, почти никак. Бытующее мнение, что это монголо-татары научили ругаться русских матом, неверно. Судя по грамотам, мы прекрасно умели это делать и до них, хотя в письма такие слова попадали редко. «Мы делим грамоты на ранние древнерусские и поздние древнерусские, и это немножко не совпадает с делением на домонгольские и позднемонгольские, — объясняет Алексей Гиппиус. — Наше деление основано на чисто лингвистическом параметре. Мы наблюдаем так называемый процесс падения редуцированных гласных, принципиально изменивший фонетическую систему всех славянских языков. В 20-е годы XIII века наступает рубеж, когда он закончился, и с этого момента мы имеем дело уже с другой языковой эпохой».

Понять, о чем идет речь, можно на примере. Мы сегодня говорим сон, но сна, то есть в склонении слова представлен беглый гласный. А в древнерусском слово «сон» произносилось и записывалось как *сънь* — с двумя буквами «ерь». Они соответствовали редуцированным звукам, которые могли находиться в двух позициях: слабой и сильной. В сильной позиции редуцированные «прояснялись» (ъ совпал с о), в слабой «упали» — прекратили произноситься. Таким образом, вся фонетическая система древнерусского языка в это время кардинальным образом преобразовалась. Но монголы тут ни при чем. Так же как они не имеют отношения и к упадку берестяной письменности.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДЕФОЛТ

Грамоты, появившись в обиходе будущих россиян в начале XI века, к середине XIII вдруг теряют популярность: их число резко идет на спад. Новый всплеск берестяной грамотности, судя по раскопкам, приходится на XIV век, а со второй половины XV столетия на Руси исчезает не только берестяная,

но и вообще массовая грамотность. Этим процессам однозначного толкования пока нет. «Одно из объяснений упадка связывают с двумя голодными годами — 1215-м и 1230-м, — говорит Алексей Гиппиус. — Тогда в Новгороде были страшный мор и голод из-за неурожая, и если первый город еще как-то пережил, то в 1230-м Новгород чуть не вымер целиком. В летописи об этом сказано: «Уже был при кончине наш город».

Дело в том, что письменная активность древних новгородцев напрямую связана с экономикой. Даже по переписке можно проследить, как к началу XIII века из нее уходит «большая география» — названия не только заграничных, но и других древнерусских центров. Мир сжимается до пределов Новгородской земли, и интенсивность переписки резко падает.

В XIV веке наступает экономический подъем, и для развития берестяного письма возникают новые стимулы. Замечено: если ранние грамоты толкуют чаще всего о деньгах, то поздние — в основном о земле, о размежевании участков, о повинностях и т. д.

Предположений, куда подевалась берестяная грамотность как таковая, еще больше. В качестве одной из причин называют то, что к началу XV века на Руси появляется более или менее дешевая, но не устойчивая к воздействию времени бумага, которая вытеснила бересту. Другой причиной исчезновения берестяных писем считают дренажные работы, которые проводились в Новгороде при Екатерине Великой. По оценкам специалистов, были осушены слои, относящиеся к XVI веку. Кстати, частью построенной тогда дренажной системы новгородцы пользуются по сей день.

В этом году Министерство культуры поддержало инициативу Новгородской области присвоить всему историческому центру Великого Новгорода статус «достопримечательного места», который обычно получают крупные территории с большим количеством памятников. «Это означает, что в Новгороде под охрану будет поставлено практически все: начиная с названий улиц и включая культурный слой, — говорит Сергей Трояновский. — Но уже сейчас мы стали понимать, что надо подходить к этой теме шире, так как, по последним данным, оказалось, что древние новгородцы селились и за пределами городской стены, поэтому нам предстоит большая работа».

Заниматься большой работой в Новгород едут со всего мира: в этом году здесь помимо российских будут работать студенты из США, Швеции, Польши и Белоруссии. Многие из них захотели приехать в Россию, услышав лекции об уникальной берестяной письменности академика Андрея Зализняка. Да и что может быть лучше, чем отправиться в путешествие на тысячу лет назад? 📖

ИГУМЕН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ЛАДА КЛОКОВА

Солнце в зените. Под его беспощадными лучами стены Старого Иерусалима кажутся белыми и обманчиво-хрупкими. Тени, и прежде не спасавшие от зноя, совсем исчезают. Но жара не в силах справиться с паломниками — два людских потока непрерывно движутся навстречу друг другу: один втекает во врата храма Гроба Господня, другой вытекает из них.

Ступени лестницы, ведущей к площади перед храмом, за долгие века отполированы до блеска миллионами ног. Девятьсот лет назад по ним, так же как и мы сегодня, прошел «игумен земли Русской» по имени Даниил. Он был далеко не первым русским паломником в Иерусалиме, но стал первым русским путешественником, написавшим подробный путеводитель по Святой земле. Правда, тогда путеводители на Руси назывались «хождение» («хождение»), «паломник», «путник», на Западе — «итинерарий».

Потом в русской литературе появится много «путников» по разным святым местам — до XVIII столетия их будет написано не менее пятидесяти. Самым популярным из них станет «Хожение Трифона Коробейникова», путешествовавшего в XVI веке, число копий которого насчитывает несколько сотен. Но и «Хожение игумена Даниила», видимо, было не менее любимым, раз с начала XII века до нашего времени сохранилось около 150 его списков! Мы почти ничего не знаем об игумене Данииле: как и все древние русские писатели, он был излишне скромнен, сообщив читателям лишь свое имя и сан. Так что до сих пор исследователи спорят о персоне игумена и о том, было ли его путешествие в Святую землю простым паломничеством, или он помимо того исполнял и дипломатические поручения русских князей...

« ПУТЬ ТЯЖЕЛ ВЕЛМИ »

Это сегодня из Москвы до Тель-Авива можно долететь на авиалайнере за четыре часа. Еще часа полтора по шоссе в автобусе с кондиционером — и вы уже в Иерусалиме. Такси, гиды, Интернет, удобные гостиницы, мобильные телефоны, кафе, бутылки с водой в холодильниках магазинчиков на каждом шагу... Нам, привыкшим к изощренному комфорту, трудно представить, каково было путешествовать людям в XII веке. Представить трудно, но узнать можно. Благодаря сохранившимся итинерариям и «хождениям»... «Бесчисленное количество человеческих тел, совершенно растерзанных дикими зверями, лежат на дороге и возле дороги... На этой дороге погибают не только бедные и слабые, но даже богатые и сильные: многие убиваются сарацинами, многие умирают от жары и жажды, многие от недостатка питья, многие оттого, что пьют слишком много» — так описывает свой путь из Яффы в Иерусалим в «Путешествии в Святую землю» англосакс Зеевульф, как и Даниил, совершавший паломничество в начале XII века. А вот что сообщает русский игумен о пути от Иерусалима к Иордану: «Путь очень тяжек, страшен и безводен: горы высокие, скалистые, на дорогах много разбоя. <...> Многие люди задыхаются от зноя и умирают от жажды водной». И на Руси, и в Европе паломники объявлялись неприкосновенными, не подлежали светскому суду, на время паломничества их имущество и семьи поступали под защиту церкви, они освобождались от долговых обязательств, а всем христианам предписывалось оказывать им гостеприимство. Но все это не спасало «божьих странников» от нападений разбойников и сарацин, бурь и штормов, топивших корабли, болезней и увечий, полученных в долгой дороге, голода, зноя или холода...

И на Руси, и в Европе паломников легко узнавали по внешнему виду. Европейца отличали *peram et baculum* — мешок и посох. Бедные несли мешок за плечами на веревке, знатные вешали его на роскошную перевязь на бок. С IX века шляпы и плащи европей-

ских паломников стали украшать раковины морского гребешка (обычай этот связан с легендой о святом апостоле Иакове и городе Сантьяго-де-Компостела, соперничавшем в популярности у паломников с Римом. — *Прим. авт.*), которыми странники пользовались вместо ложек. И хотя большинство средневековых наставлений рекомендовало совершать паломничество босиком, странники не всегда следовали этому совету. Чаще они шли в калигвах (калигах, лат. *caligae*). Эта незатейливая обувь оказалась бы нам крайне неудобной: вместо подошвы — лоскут грубой кожи, затянутый по подъему ноги ремнем. А паломников на Руси называли «каликами переходжими». Филологи считают, что слово «калика» могло произойти либо от этих самых калигов, либо от итальянского *calico* («бедный»), либо от «калеки» — нищего, увечного человека. «Калик переходжих» отличали по ветхой одежде и все тому же посоху паломника. И мешок у калик был, иначе трудно представить, как они могли бы нести свой скудный скарб и нехитрые запасы еды — сухари, сушеные фрукты и грибы, соленую рыбу... Правда, в «Толковом словаре» Владимира Даля уточняется, что калика — это еще и странствующий богатырь. И действительно, русские былины описывают храбров-паломников иначе: это вовсе не нищие калеки, а «добры молодцы», разодетые в дорогие шубы, в лапти «семи шелков», котомки у них бархатные, а посохи богато украшены «рыбьим зубом» (клыком моржа. — *Прим. авт.*).

Сначала паломничество считалось «блаженным одиночеством», однако люди быстро поняли, что тяготы и опасности далекого пути лучше не преодолевать в одиночку. Так было больше шансов выжить. Поэтому в путешествие отправлялись большими группами, которые шли по дорогам, прося милостыню и распевая псалмы. А после 638 года, когда византийский гарнизон Иерусалима, выдержав четырехмесячную осаду, сдался арабскому халифу Умару ибн аль-Хаттабу, паломники начали нанимать вооруженную охрану: путешествия по Святой земле, завоеванной мусульманами, стали крайне опасны. Ситуация с безопасностью паломников не особо улучшилась и после начала эпохи крестовых походов. А игумен Даниил отправился в Святую землю сразу после первого из них...

МНИХ ЧЕРНИГОВСКИЙ

«Се аз, недостойный игумен Даниил, Рускыя земля, хужший в всех мнисех...» — «Я, недостойный игумен Даниил, худший из всех монахов, смиренный, одержимый многими греха-

ми, недоволен во всяком деле добром, понужден был своими помыслами и нетерпением, захотел видеть святой град Иерусалим и Землю обетованную». Так начинается «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли».

Считается, что игумен Даниил, скорее всего, был клириком Черниговской епархии. В «Хожении» Иордан четырежды сравнивается с рекой Сновь у Чернигова: «Всем подобен Иордан реке Снови. И шириной, и глубиной, и извилистым течением, и быстротой — всем он похож на реку Сновь. <...> Ширина Иордана такая же, как и у реки Снови на ее устье. <...> прибрежная равнина напоминает также Сновь-реку». Если догадка верна, то Даниил мог быть настоятелем одного из трех существовавших тогда в Чернигове монастырей: Елецкого Успенского, Ильинского или Спасо-Преображенского. Можно предположить, что постриг он принял либо в одной из этих обителей, либо в Киево-Печерском монастыре. Раньше считалось, что свое паломничество Даниил совершил в 1113–1115 годах, затем исследователи передвинули его путешествие на 1106–1108 годы. Сегодня большинство ученых датируют странствие русского монаха 1104–1106 годами. И, возможно, теперь стоит с большим вниманием отнестись к версии, высказанной академиком Борисом Рыбаковым, который считал Даниила автором еще двух сочинений — «Слова об идолах» (вольный перевод с греческого поучения Григория Богослова против язычества, разбавленный описаниями славянских языческих обычаев. — *Прим. авт.*) и «Повести о Шаруканском походе». Академик полагал, что игумен Даниил и былинный калика-богатырь Данило Игнатьевич мог быть одним и тем же лицом. Боярин Данило Игнатьевич спросил у князя Киевского разрешения постричься в монахи, а на обратном пути из Святой земли на поле битвы обнаружил раненым своего сына, участвовавшего в победном для русских князей сражении с половцами на реке Суле в 1107 году. А Николай Карамзин, опираясь на данные летописей, высказал предположение, что игумен Даниил в 1113 году был рукоположен в епи-

скопы Юрьева (ныне — Белая Церковь на Украине. — *Прим. авт.*) и скончался в сентябре 1122 года.

Что еще можно сказать о Данииле? Он знал греческий язык, обладал живым воображением, был внимательным наблюдателем и талантливым писателем. В его «Хожении» есть интересные детали, которые сложно не заметить: Даниил выносил и физически силен, выдерживает долгие пешие переходы на жаре, лазает по скалам, ныряет до дна, чтобы узнать глубину Иордана, и меряет расстояния странным для монаха способом: например, «от церкви Воскресения до Святая Святых несколько больше двух полетов стрелы», «расстояние между памятниками — дважды камнем бросить». Да и на рядового черноризца он непохож, если принять во внимание, что он не испытывает недостатка в деньгах, с ним отправляется дружина из киевлян и новгородцев и «иных мнозих», а в Иерусалиме он дважды получает аудиенцию у иерусалимского короля Балдуина I. Можно ли ожидать такого от обычного паломника-монаха?

НА ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ

Свой путь к Иерусалиму Даниил отсчитывает от Царьграда, не утруждая читателей объяснениями, как он добрался до Константинополя. Скорее всего, возглавляемая Даниилом группа двигалась по привычному для того времени пути, описывать который не требовалось, — «из варяг в греки». В Константинополе Даниил либо не задержался, несмотря на обилие там святынь, либо не стал упоминать об этом в своей книге. Зато он посвящает отдельную главу городу Эфесу, напоминая, что здесь находится гробница святого Иоанна Богослова, пещера семи отроков и хранится прах Марии Магдалины. Дальше по пути игумен посещает острова Хиос, Самос, Патмос, Родос (не забывает указать, что здесь два года томился черниговский князь Олег Святославич, проданный в рабство половцами. — *Прим. авт.*) и Кипр, где его поразил кипарисовый крест: «Ничем не скреплен с землею, только духом святым держится на воздухе».

Наконец Даниил добирается до Яффы — традиционного перевалочного пункта для паломников, откуда они начинали странствие по Святой земле. Отсюда — первый переход в «десять верст до церкви святого Георгия. <...> Воды здесь много. У этой воды отдыхают странники, но со страхом: место пустынь-

ное, близ города Аскалона, оттуда совершают набеги сарацины и избивают странников на путях...».

И вот Даниил уже в Иерусалиме. Здесь он останавливается на подворье лавры Саввы Освященного, где живет 16 месяцев и находит «мужа святого, старого годами и весьма книжного, образованного», который стал для него гидом. Русский игумен подробно описывает все, что видит в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, Иерихоне, Хевроне, Акре и других городах, живописует реку Иордан, указывая, что здесь «в зарослях водится зверей много: бесчисленное множество диких свиней, много и барсов тут, и даже львов». Можно только удивляться неугомонности Даниила: он побывал везде, где только можно, поклонился практически всем святым для христиан местам, измерил Гроб Господень в длину и ширину, чтобы увезти эту меру на Русь. А еще, как пишет Даниил, «Бог мне свидетель и Гроб Господен, что я во всех местах никогда не забывал русских князей и княгинь, их детей, игуменов, бояр и детей моих духовных и всех христиан. Но во всех местах поминал их...». И при этом не переставал описывать все, что его окружает, и все, что с ним происходит...

ПОД ЗНАМЕНЕМ КРЕСТА

События, происходившие в конце XI — начале XII века в Передней Азии, грозили изменить политическую конфигурацию и расстановку сил и на Западе, и на Востоке. Кровопролитная борьба, которую уже пять столетий вела Византийская империя с арабами и турками-сельджуками, схизма в 1054 году Восточной и Западной церквей (которую довольно спокойно восприняли на Руси. — *Прим. авт.*), ослабление константинопольского престола, вокруг которого разыгрывались жестокие интриги, амбиции римских пап, мечтавших объединить под своей властью весь «христианский мир», — все это в итоге вылилось в уникальное явление, которое мы называем эпохой крестовых походов.

Русь издавна связывали тесные связи с Византией. И речь не только о единой вере, браках князей с константинопольскими царевнами и активной торговле. Многие византийские императоры весьма охотно использовали русские дружины в своих войнах, а у некоторых из них русские воины служили в личной гвардии. К примеру, только в XI веке греческие хроники сообщают об участии русско-варяжских дружин в ви-

зантийских войнах против турок-сельджуков в Грузии и Армении, против турок-печенегов в Македонии и Фракии, против норманнов в Италии.

Но на тот же XI век приходится и активизация связей Руси с европейскими странами. Достаточно вспомнить, что своих дочерей князь Ярослав Мудрый выдал замуж за норвежского, венгерского и французского королей. Римские папы начали налаживать контакты с русскими князьями — вмешиваться в их междоусобицы, вступать в переписку и направлять на Русь посольства. Кстати, русские митрополиты — как правило, греки, присланные из Константинополя, — князей за это резко осуждали и, бывало, грозили им отлучением от церкви.

От крестовых походов Русь отстранилась: с одной стороны, в это время ее раздирали княжеские междоусобицы и набеги степняков, с другой — слишком уж сложно было Киеву разобраться в политических хитросплетениях Византии и Рима. Первый крестовый поход (1095–1099 годы) начинался как совместная война византийцев и европейцев за освобождение Святой земли, но вскоре стало ясно, что каждая из сторон преследует свои интересы. Византийский император Алексей Комнин рассматривал войну как способ вернуть империи завоеванные мусульманами территории, а благословивший крестоносцев римский папа Урбан II и вожди похода рассчитывали создать на Святой земле новые католические государства. Вождей было несколько — герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский, герцог Роберт Нормандский, графы Раймунд Тулузский, Стефан Блуаский, Роберт Фландрский и, наконец, младший брат короля Франции Филиппа I, граф Вермандауа и Валуа Гуго Великий. Между прочим, и Филипп, и Гуго приходились двоюродными братьями сидев-

шему в Киеве великому князю Святополку Изяславичу, ведь их матерью была Анна Ярославна, королева Франции...

Предав огню и мечу города Святой земли, в 1099 году крестоносцы наконец взяли Иерусалим. Как сообщают хронисты, после резни,

устроенной в городе, кровь лилась по улицам и кое-где доходила «до коленей всадника и уздечек коней». А после, облачившись в рубища, крестоносцы с плачем и рыданиями вошли в храм Воскресения, чтобы припасть к Голгофе и Гробу Господню. Первым правителем нового Иерусалимского королевства был избран Готфрид Бульонский. Он отказался назваться королем в городе, где страдал Иисус Христос, и взял титул *Advocatus Sancti Sepulchri* — «Защитник Гроба Господня». Когда в 1100 году он скончался, его преемником стал родной брат — граф Эдесский Балдуин Бульонский. Он оказался менее щепетильным, нежели Готфрид, и сразу стал именоваться иерусалимским королем Балдуином I.

ПАЛОМНИК-ПОСОЛ?

На Руси с радостью восприняли весть о взятии крестоносцами Иерусалима. Так что, возможно, не случайно игумен Даниил отправился в странствие сразу после утверждения власти крестоносцев в святом городе. И если бы не странное внимание к русскому игумену иерусалимского короля, можно было бы не сомневаться, что Даниил был обычным паломником. Мало того, покровительство ему оказывает не только Балдуин I. До города Вифлеема Даниил добирается под охраной сарацин: «Старейшина сарацинский сам с оружием проводил нас почти до Вифлеема и через те все страшные места тоже проводил нас. А без предосторожностей не пройти через эти места из-за нападения иноверцев: сюда приходят многие сарацины и разбивают в горах. И дошли до города Вифлеема живыми и здоровыми, здесь поклонились месту рождения Христова...» Не кажется ли удивительной такая странная забота и крестоносцев, и сарацин о дружине русских паломников?

Даниил дважды побывал на приеме у короля Балдуина I. Более того, король оказывает русскому игумену неординарные знаки внимания. В Страстную пятницу «в один час дня пошел к князю Балдуину и поклонился ему до земли. Он же, увидев меня, худого, подозвал к себе с любовью и спросил: «Что хочешь, игумен русский?» Он хорошо знал меня и очень любил <...> Я же сказал ему: «Князь мой, господин мой, прошу тебя ради Бога и князей русских, разреши, чтобы я поставил свое кадило на Святом Гробе от всей Русской земли». Тогда он милостиво и любовно разрешил мне поставить кадило на Гробе

Господнем, послал со мною человека, своего лучшего слугу, к эконому церкви Воскресения и к тому служителю, который держит ключ гробный. <...> Он открыл мне двери, велел снять калиги, босого ввел меня с кадилом и разрешил мне поставить кадило на Гробе Господнем». Чтобы прояснить ситуацию, добавим, что когда крестоносцы захватили Иерусалим, то были весьма озадачены, найдя в храме Гроба Господня православных греков, поскольку были уверены, что он захвачен мусульманами и христиан там нет. Правда, они недолго раздумывали, что делать с православными монахами и священниками: их предали анафеме и изгнали из храма, который с того момента перешел под контроль крестоносцев. Так что разрешение поставить лампаду, данное игумену Даниилу Балдуином I, выглядит как весьма любезное одолжение.

На следующий день, в Великую субботу, игумен Даниил с утра уже находится на площади перед храмом Гроба Господня, где «от всех концов земли собирается в этот день множество людей. Великая теснота и лютое томление тогда бывает людям». «И когда наступило семь часов дня субботнего, тогда пошел король Балдуин со своими войсками к Гробу Господню из дома своего, все шли пешие. Король прислал в подворье монастыря Саввы и позвал игумена и монахов, они пошли к Гробу Господнему, и я, худой, пошел с ними. Пришли мы к королю и поклонились ему. Тогда и он поклонился игумену и всем монахам и повелел игумену монастыря Саввы и мне, худому, близ себя пойти, а другим игуменам и всем монахам повелел перед собой пойти, а войскам своим повелел сзади пойти. <...> Прошли мы к восточным дверям Гроба Господня, король впереди прошел и встал на своем месте, на правой стороне у ограды

великого алтаря... Тут находилось место короля, созданное на возвышении. Повелел король игумену монастыря Саввы со своими монахами и православным попам встать над гробом. *Меня же, худого, повелел поставить высоко над самыми дверями гробными, против великого алтаря, чтобы мне было видно в двери гробные».*

Но и это еще не все. Русскому игумену было позволено осмотреть «Башню Давида» — главную цитадель и арсенал Иерусалима! «Дивный этот столп, из великих камней сложен высоко очень, на четыре угла создан, весь прочен, в основании крепок, в середине здания воды много. Железных дверей пятеро и ступеней двести, по ним подниматься вверх, хлеба в нем без числа запасено. Крепко он устроен для обороны. Это здание — глава всему городу, тщательно охраняют его и не разрешают никому входить вовнутрь его. Мне же, худому, недостойному, было разрешено посетить этот столп...». Кажется, король Балдуин почему-то хотел продемонстрировать Даниилу надежность положения крестоносцев в Иерусалиме.

Более того, «пошел <...> Балдуин I со своими крестоносцами на войну к Дамаску мимо Тивериадского озера. Я узнал, что князь хочет идти этим путем, пришел к нему, поклонился и сказал: «И я хотел бы пойти с тобою к Тивериадскому озеру, чтобы там походить по всем святым местам около Тивериадского озера. Ради Бога, возьми меня князь». Тогда князь с радостью великой повелел мне пойти с собой и нарядил меня в своей личной охране». Если игумен Даниил действительно являлся послом киевского князя Святополка Изяславича, то о задачах его дипломатической миссии остается только догадываться (кстати, выбор в качестве посла церковного деятеля был вполне обычен для русских князей. — *Прим. авт.*). Может, киевский князь хотел получить полное представление о том, что происходит в Палестине, чтобы лучше оценить непростое положение главного союзника Руси — Византии? Это выглядит вполне благоразумно и предусмотрительно. А заодно узнать что-нибудь, например, о своем двоюродном брате, слава о боевых подвигах которого могла докатиться и до Руси? Если так, то, увы, Даниил не смог бы найти графа Вермандауа, поскольку во время битвы в Каппадокии Гуго Великий был ранен и умер в октябре 1102 года...

Но почему Балдуин I с таким радушием и вниманием принимал игумена из далекой северной страны? Это, кажется, объяснить несложно. После триумфа в Иерусали-

ме многие участники первого крестового похода считали свои обеты по освобождению Гроба Господня исполненными. Перед походом им обещали, что в Палестине их будут ждать текущие по земле мед и молоко, рисовали картины земного рая и обещали бесчисленные блаженства. Реальность оказалась суровой: безводные пустыни, голые скалы, много песка и крови, голод, повальные эпидемии, стрелы и мечи сарацин. Так что немногие выжившие предпочли вернуться домой. И Балдуин I, надев корону Иерусалима, столкнулся с неожиданной проблемой: в его войске осталось всего лишь около 300 рыцарей и несколько тысяч пехотинцев. А мусульманские правители жаждали мщения. И вот из Иерусалима в Рим и в европейские столицы отправились гонцы с письмами, в которых Балдуин призывал на помощь новых защитников Гроба Господня. И какая разница, откуда придут свежие полки — из Франции, Англии или из далекой Руси?..

ПЕРВЫЙ ИЗ МНОГИХ

Книг о паломничествах в Палестину русскими путешественниками было написано великое множество. Но главной из них для нас все равно остается «Житие и хождение Даниила, игумена земли Русской». Потому что он был первым из русских паломников, кто решил честно, подробно и без изысков записать все, что он видел и слышал в своем путешествии в Землю обетованную. И, кажется, будто в каждом последующем «хождении» или «паломнике» можно отыскать отзвуки и отголоски этого самого первого рассказа о посещении Палестины, принадлежащего перу русского игумена.

«Пусть все читающие с верой и любовью это описание Гроба Господня и всех святых мест примут мзду от Бога равно с ходившими в святые места. Блаженны те, кто видел и веровал, трижды блаженны те, кто не видел, но уверовал.

Верою пришел Авраам в Землю обетованную; поистине вера равна добрым делам. Ради Бога, братья и господа мои, не осуждайте мое художество и мою глупость. Да не хулите описание ради меня, Гроба Господня и ради святых мест. Кто с любовью прочтет, тот мзду примет от Спаса Иисуса Христа. И Бог даст мира всем вам во веки веков. Аминь», — этими словами заканчивается «Хождение игумена Даниила»...

«УМЪ МОЛОДЬ НЕ ДОШЕЛЬ»

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

В своих молитвах братия Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря всегда поминает монаха XIV века Лаврентия. Как считают многие исследователи, именно в стенах этой обители была написана одна из древнейших и знаменитых русских летописей — Лаврентьевская.

...М

ы думали, что лекцию о древнерусской литературе нам будет читать солидный мужчина в очках с толстыми линзами и потертым портфелем. Но в аудиторию вошла молодая стройная дама в облегающем платье, аккуратно положила на стол модную сумку. Она

увлеченно рассказывала о старинных летописях, житиях, поучениях. Слушали мы невнимательно. На второй лекции Мария Алексеевна задала вопрос: в чем причина невнимания к предмету? А нам казалась скучной эта пыль из тьмы веков. На экзамене я так и сказал Марии Алексеевне. Без стипендии за такое невежество она меня не оставила. Но грустно заметила: «Ум молод, не дошел».

Спустя двадцать лет я нашел эти слова в Лаврентьевской летописи, один из составителей которой именно так и написал о себе: «Умъ молодъ не дошелъ».

«НУ, ПОПРОБУЙТЕ!»

Сейчас, стоя во дворе Вознесенского Печерского монастыря, что в Нижнем Новгороде, я с чувством вины вспоминал Марию Алексеевну и те лекции, к которым мы — юные и глупые студенты — относились столь пренебрежительно. Я уже давно совсем иначе смотрю на летописи, и теперь меня никто не переубедит, по крайней мере, в одном: к примеру, о татарском

нашествии на Русь лучше читать «Повесть временных лет», а не романы Василия Яна, как бы привлекательны они ни были...

От группы что-то обсуждавших монахов отделился один и направился ко мне. Отец Арсений по поручению настоятеля монастыря отца Тихона должен был препроводить меня в гостиницу. Между прочим, когда я спросил отца Тихона, могу ли я с ним побеседовать, он сурово и коротко ответил: «Ну, попробуйте!» Так же он ответил и на мой предыдущий вопрос о том, могу ли я приехать в монастырь: «Ну, попробуйте приехать!» Я решил попробовать и приехал, и теперь меня не покидало странное чувство: мне казалось, будто отец Тихон каким-то странным образом знает о моем легкомысленном отношении к летописям в студенческие годы и явно его не одобряет. Ведь считается, что именно в Вознесенском Печерском монастыре и была создана Лаврентьевская летопись — один из величайших памятников древнерусской литературы...

Я принял от монаха Арсения длинный ключ от старинного замка в древней двери, а за-

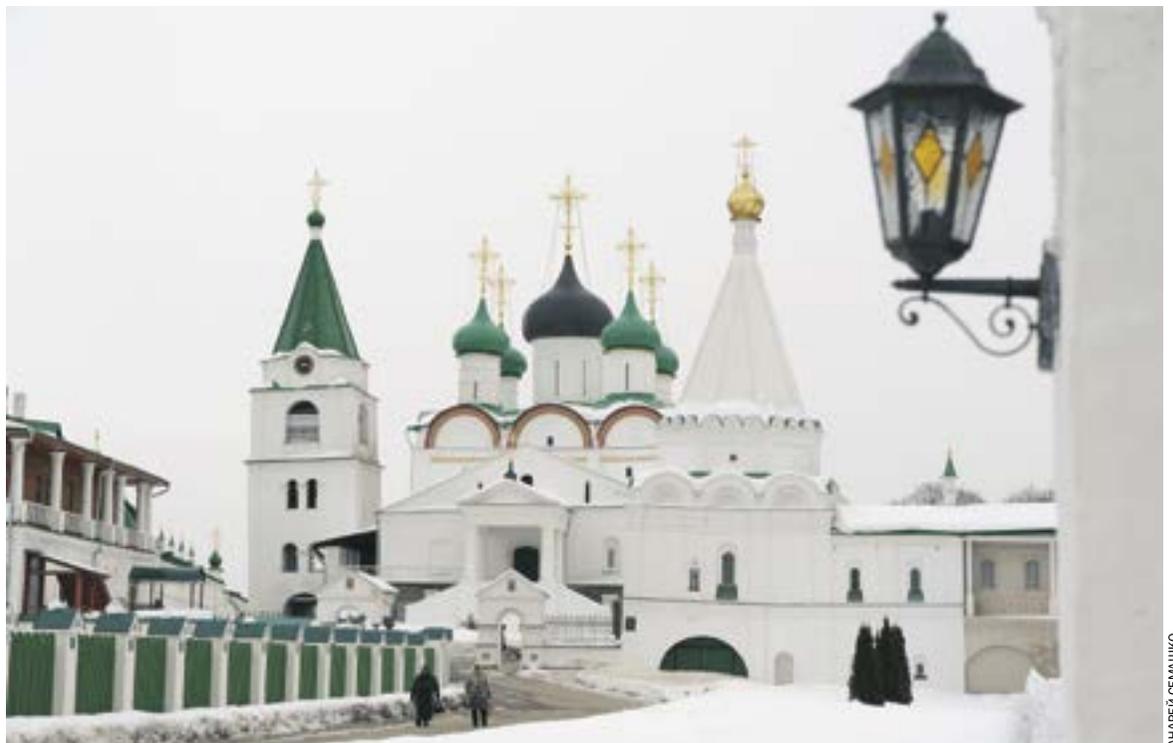
тем аккуратно занес свою фамилию в толстый журнал учета гостей. В монастырских гостиницах, где пришлось бывать, таких книг я не видел. Поэтому, возвращая отцу Арсению гостиничную «летопись» с автографом, я не преминул вспомнить о традициях летописания в монастыре, идущих со времен монаха Лаврентия. Отец Арсений помянул Лаврентия добрым словом, улыбнулся и повел меня в трапезную. Вид у него был презагадочный.

Свет из окон косыми лучами падал на чистенькие столы. В трапезной было чисто и тихо. Хотя, имея определенную долю воображения, легко представить, как стучали здесь деревянными ложками и чашками ветераны знаменитых баталий... Ведь в монастыре коротали свой век на казенном обеспечении постаревшие матросы первых кораблей Петра I. Между тем отец Арсений таинственно поманил меня и неожиданно открыл в стене незаметную дверку. Свет упал внутрь темной каморки. Обожженные кирпичи ее стен казались ровесниками самых древних монастырских построек. И если бы отец Арсений сказал мне, что я первый за последние шестьсот-семьсот лет заглянул сюда, я бы поверил...

Из нижегородского Вознесенского Печерского монастыря, основанного архимандритом Дионисием в начале XIV века, вышли святые преподобные Евфимий Суздальский, создавший знаменитый суздальский Спасо-

Евфимиев монастырь, и Макарий Желтоводский и Унженский. Из этой именно обители шло посольство к князю Пожарскому с просьбой освободить Москву от польских захватчиков. Сюда же 12-летним отроком поступил Никита Минов — будущий Патриарх Московский и всея Руси Никон. И, наконец, возможно, именно здесь в 1377 году монах Лаврентий, житель Суздальско-Нижегородского княжества, писал летописный свод, позже названный по его имени.

Глядя в сумрак древней каморки, я пытался представить себе монаха, старательно выводящего строки знаменитой летописи. Увы, мы не знаем, ни как он выглядел, ни сколько ему было лет, когда он взялся за свой нелегкий труд. До того как прийти сюда, я побывал в церковно-археологическом музее при монастыре, но и там мне сказали, что о Лаврентии ничего не известно. Да и никто из многочисленных посетителей и паломников о нем

Да нет, конечно, сейчас все иначе, не так, как было во времена Лаврентия: не было этих коттеджей, скоростного шоссе вдоль великой русской реки, канатной дороги над ней... И уж точно не было этих шашлычных двориков, как лишай, опоясавших гору, под которой стоит монастырь.

не спрашивает, а картина с изображением монаха-летописца в начале экспозиции — всего лишь фантазия художника... Обед в монастырской трапезной был отменный, особенно хороши оказались огурцы и грибы, засоленные в тяжелых темных бочках. Но время не ждет. И вот уже я снова шагаю по монастырскому двору рядом с монахом Арсением, который подробно объясняет, как обойти обитель и дойти до Старых Печер. Оказывается, там монах Лаврентий и писал летопись. Раньше монастырь находился в Старых Печерах, но после того, как в конце XVI века оползень с горы снес обитель в Волгу, его перенесли на полторы версты — на нынешнее место. А на старом — построили приходский Спасо-Преображенский храм. «Тогда гора прошла под монастырем, подняла его, как на спине, и вынесла в Волгу. Только утварь успели спасти», — объясняет отец Арсений. Оползень же открыл старые могилы, и братия обнаружила нетленные мощи, которые сейчас хранятся в Спасо-Преображенском храме. Может, это мощи Лаврентия? «Что вы! — замахал руками отец Арсений. — Это мощи схимонаха Иосафа, он умер за тридцать лет до оползня. А тот Лаврентий... Это ж XIV век!»

«ХУДЫЙ, НЕДОСТОЙНЫЙ И МНОГОГРЕШНЫЙ...»

Мы остановились передохнуть у слепого окна в древней стене, в нише которого вольготно развалился пушистый кот. Он жмурился на солнце и лениво наблюдал за проходившими мимо трудниками и паломниками...

И показалось, что и тогда — семь веков назад, когда жил монах Лаврентий, — здесь шла такая же обыденная и размеренная жизнь. Звук шагов, скрип деревянных ступеней, стук двери, запахнутой ветром, попавшим в ловушку монастырского двора, обнесенного высокой оградой... Правда, тогда за забором виднелась гора, а сейчас красуются коттеджи. За ними — Старые Печеры, до которых можно дойти за двадцать минут. Однако напрямую пройти нельзя: была раньше калитка, но ее закрыли, чтобы чужие не превращали монастырь в проходной двор. Отец Арсений еще раз объясняет мне, как дойти до Старых Печер: «Не заплутаете, прямо идите, прямо и увидите!» А два трудника, как малые дети, уже тянут его куда-то, просят осмотреть выполненную работу. Отец Арсений смеется, машет рукой: «Вечером расскажете!» ...

И этих многочисленных захламленных дворики мотелей и автостоянок — тоже не было. Гора над Волгой — вот что способно перенести в атмосферу времен монаха Лаврентия. И полное одиночество: за все время пути я не встретил ни одного человека. Но есть еще одно совпадение. Время года.

Лаврентьевская летопись, рассказывающая об истории Русской земли с древних времен до 1305 года, была написана по благословению епископа Суздальского Дионисия и предназначалась для великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича — тестя благоверного князя Дмитрия Донского. А одной из причин ее создания было поднятие патриотического духа русичей в период противостояния с монголо-татарскими завоевателями. Летопись была переписана двумя писцами при незначительном участии третьего, при этом второй писец назвал себя в приписке — монах Лаврентий. В послесловии он указал, что начал работу 14 января, а закончил 20 марта 6885 (1377) года. Так что, наблюдая здесь ныне таяние снега и длинные плачущие сосульки на деревьях, можно представить: то же видел и монах Лаврентий, когда, давая отдохнуть глазам, выходил на свет божий из своей кельи. Закончив труд, он написал: «Худый, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий мних».

...Перед Спасо-Преображенским храмом — никого. Тишина и спокойствие. Засматриваюсь на зеленые купола. Над ними с гулом пролетает самолет и медленно, будто нехотя, исчезает за горой. На этой горе семь столетий назад святой Дионисий вырыл пещеры, с которых и начался Вознесенский Печерский монастырь. Считается, что Дионисий выбрал это место из-за сходства с Киевскими высотами над Днепром.

На углу старого бревенчатого дома скучает вывеска «Старо-Печерская слобода». Доро-

га утоптана, лед на крыльце храма обколот. На дверях — расписание служб. Значит, люди сюда идут. Но сколько из тех, кто приходит, вспоминает о Лаврентии?

Место его захоронения неизвестно, доподлинно неизвестно и в самом ли деле тут он писал свою летопись — еще два монастыря могут претендовать на монаха Лаврентия. Но я оглядываюсь вокруг, и мне хочется верить, что именно здесь писалась Лаврентьевская летопись. И что я не зря пришел сюда на свидание с седой древностью... Кажется, даже сейчас тут спокойно можно засесть за написание многотомного исторического труда. Ничто не отвлекает от тяжелой работы переписчика. Полное уединение и отрешенность. Только ветер шумит на горе, да далеко над Волгой розовеют закатные облака...

Как хорошо, что я дошел до Старых Печер в одиночестве, успев о многом подумать во время пути! Нужно прожить жизнь, чтобы оценить совершенный летописцем духовный подвиг и понять, что из написанного остается в веках. И сколько драгоценного времени потрачено на перелистывание легковесного вздора. «Умь молодь не дошелъ»? Да-да, отец Лаврентий, именно так!

Я стараюсь запомнить каждую деталь увиденного, потому что знаю: вечером ко мне придет монах Арсений и будет расспрашивать о впечатлениях. Он сам бывал тут сотни раз, но его любопытному молодому уму интересно узнать мнение нового человека. И когда следующему жильцу монастырской гостиницы он протянет книгу учета, то, возможно, скажет, что в обитель приезжают еще и ради того, чтобы посмотреть на место создания знаменитой Лаврентьевской летописи. И, возможно, кто-то пройдет тем же путем, что и я...

Вечером приходит Арсений, и я сбивчиво рассказываю молодому монаху о Марии Алексеевне, о проницательности отца Тихона и о Старых Печерах. Он внимательно слушает, вздыхает и говорит: «Вот же! И слава богу, что приехали и посмотрели. А отца Тихона не стесняйтесь, он хороший!» Настоятель монастыря отец Тихон верен себе, а потому мой рассказ о впечатлениях предваряет своим любимым выражением: «Ну, по-

пробуйте! Расскажите!» Заканчивая рассказ, я хвалю монаха Арсения, который меня опекал. Отец Тихон улыбается, кивает и загадочно говорит: «Он человек из Древней Руси». Беседа переходит с темы на тему, отец Тихон сетует, что монастырь окружают увеселительные заведения, и называет обитель островом. Рассказывает, что, когда принял монастырь, тут был всего один монашествующий, а теперь восемнадцать. Для городского монастыря — обычное дело. О том, что монах Лаврентий написал летопись, вокруг которой филологи и историки сломали немало копий, он узнал только здесь, когда знакомился с историей монастыря. Внимание на этот факт обратил сразу. Но о самом монахе Лаврентии сказать ничего не может. Судя по всему, был молод, грамотен, имел твердую руку и зоркие глаза и, вполне возможно, походил на Арсения.

Но не все считают Вознесенский Печерский монастырь местом создания Лаврентьевской летописи. Писец единственной дошедшей до нас в подлиннике нижегородской летописи монах Лаврентий сообщил даты написания и указал, по чьему благословию она создана, но не сообщил места, где писалась рукопись. Нижегородский историк, автор исторических монографий Борис Пудалов считает, что Лаврентьевская летопись создавалась на Нижегородской земле, но в другом монастыре — Благовещенском, который расположен всего в 3 километрах от Вознесенского Печерского. «Пудалов — серьезный исследователь, с ним спорить трудно, — говорит отец Тихон. — Он весь архив нашего монастыря знает от и до».

ФУНДАМЕНТ И ЭТАЖИ

Обнародовал Лаврентьевскую летопись граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, купивший ее в 1792 году в Рождественском монастыре города Владимира. Граф подарил рукопись Александру I, а император передал ее в Публичную библиотеку (ныне — Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. — *Прим. ред.*), где она хранится и сегодня. Историк В. Л. Комарович, опираясь на текстологический анализ летописной хвалы владимирскому князю Юрию Всеволодовичу (сын Всеволода Большое Гнездо. — *Прим. ред.*), местом составления летописи считал нижегородский Благовещенский монастырь. А самого Лаврентия, соответственно, монахом этой обители. Исследователь А. Н. Насонов полагал, что Лаврентий был монахом Печер-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ского монастыря, но местом его работы считал владимирский Рождественский монастырь, упомянутый во владельческой записи на л. 1 Лаврентьевской летописи. Суздальское происхождение нижегородской княжеской династии определило мнение Н. Н. Дурново о написании Лаврентьевской летописи в Суздале. Н. Д. Русинов на основе лингвистических данных доказал нижегородское происхождение рукописи Лаврентия. Ученый привел версии о Благовещенском и Печерском монастырях как наиболее вероятных местах ее написания. Историк-краевед А. И. Елисеев считал местом составления летописи Печерский монастырь, так как именно эту обитель основал и возглавлял до поставления на суздальскую кафедру пришедший из Киева Дионисий, благословивший труд переписчика. Эта точка зрения была общепринятой в XIX и XX веках, пока историк Пудалов не пришел к выводу, что аргументы в пользу той или иной версии о месте создания Лаврентьевской летописи неравноценны.

Музей при монастыре бережно хранит рукописные и старопечатные церковные книги

«Из того, что Дионисий когда-то возглавлял Печерский монастырь, не следует, что все книжники, работавшие по благословию владыки, непременно были иноками этой обители, — пишет он. — Для версии о составлении летописи во владимирском Рождественском монастыре недостаточно единственного довода — поздней владельческой записи, не подкрепленной текстологическим анализом самого повествования. Тем более нет оснований для версии о Суздале как о месте

написания летописи». Пудалов провел текстологический анализ поминальной статьи нижегородских князей в монастырских синодиках и определил, что существовали три редакции великокняжеского синодика. Редакция в синодике Благовещенского монастыря наиболее точно соответствует нижегородскому

великокняжескому летописанию — и в перечне имен князей, и в порядке их следования. Близость именно благовещенской редакции следует рассматривать как косвенный довод в пользу ведения монахом Лаврентием летописи в Благовещенском монастыре, считает Пудалов.

Возможно, и хранилась Лаврентьевская летопись в этой обители. На лицевой стороне л. 1 рукописи остались две сильно поврежденные владельческие записи. Полностью была прочитана лишь упоминавшаяся выше запись: «Рождественкова монастыря Володимирьскаго», сделанная в первой половине XVII века. Более ранняя запись, введенная в научный оборот Г.И. Вздорновым и учтенная при подготовке «Сводного каталога славянорусских рукописных книг XIV в.», настолько повреждена, что сохранились лишь несколько букв: «...л [.] ов [.] ще [.] ск...» Эти уцелевшие буквы и дали Пудалову основания считать ее владельческой записью Благовещенского монастыря.

Ни один из упомянутых монастырей стопроцентно не претендует на звание места создания летописи. К тому, что местом создания рукописи считается Вознесенский Печерский монастырь, все относится спокойно. Рассуждение Пудалова насчет версий о месте создания Лаврентьевской летописи — единственное в своем роде. А вычеркнуть монаха Лаврентия из своей семивековой истории монастырь не собирается, какие бы исследования ни проводились. «Нашей обители монах Лаврентий, и пусть только попробуют потянуть одеяло на себя! Мы Лаврентия с Дионисием и книжником Павлом Высоким всегда в поминальных молитвах упоминаем! — решительно говорит отец Тихон. — Но гостям мы, конечно, всегда рассказываем и о версии с Благовещенским монастырем».

Впрочем, нынешние паломники и туристы интереса к вопросу о месте создания Лаврентьевской летописи никогда не проявляли. В монастыре не помнят такого. Директор церковно-археологического музея обители вообще мне заявила, что «для современной

жизни установление места написания Лаврентьевской летописи неактуально».

Но вряд ли можно с ней согласиться. Создание Лаврентьевской летописи было не только просветительским, но и духовным подвигом. Предстоящее столкновение с монголо-татарами — до Куликовской битвы оставалось всего три года — и желание сохранить историю Древней Руси заставили игумена Дионисия выбрать монаха и наложить на него послушание в виде создания летописного свода. Дионисий предоставил ему документы и тексты. Следил за работой, редактировал рукопись. «А теперь представьте: будет он ходить по этому поводу в другой монастырь? — победно вопрошает отец Тихон. — Благовещенский монастырь был домовым монастырем московских митрополитов. Дионисий никак не мог туда прийти и что-то приказать. Быть такого не может! Я думаю, он к Лаврентию каждый день ходил в келью. Дионисию самому было интересно. Он сам в руках держал рукопись и перечитывал!»

Склонность к ведению самых разнообразных записей и летописей и сегодня присуща Вознесенскому Печерскому монастырю, на что я обратил внимание, еще расписываясь в гостиничной книге. При монастыре создан издательский отдел Нижегородской епархии, выпускающий журналы, множество книг и альбомов. Ведется большая исследовательская работа в архивах страны. Сам отец Тихон составляет хронику монастыря, пишет книги на исторические темы и даже ведет личные записи о каждом прожитом дне. Все это он делает по собственному почину, так как считает, что иначе в монастыре, где была создана Лаврентьевская летопись, быть не может. На эти труды его вдохновляет подвиг Лаврентия, который имел на вооружении пергамент, набор гусиных перьев и несколько видов красок. Поэтому побывать тут и оценить, как в XIV веке создавались исторические и литературные труды, желательно каждому пишущему человеку. А в противном случае, как говорится, «умь молодь не дошелъ».

«Все, что мы тут делаем, это продолжение Лаврентьевской летописи, — говорит отец Тихон. — Лаврентий заложил фундамент, а мы строим этажи!» В том, как тяжелы эти этажи, я убеждаюсь, когда отец Тихон нагружает меня книгами, изданными в монастыре, в том числе и собственного сочинения. От предложения монаха Арсения, который вызвался помочь донести груз, отказываюсь. Эту ношу нужно нести самому.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ АННЫ

АЛЕКСЕЙ УРАЗОВ

Реймс — сердце французского региона Шампань-Арденны. Неофициальная столица французского шампанского. Виноград тут растет на Реймских горах, что к юго-востоку от города. Здесь впервые и приготовили этот напиток. Секреты своего ремесла местные виноделы хранят веками. Но это не главная загадка шампанских земель. В Реймсе хранится «государственная тайна» Франции. Таинственная русская рукопись, на которой несколько столетий монаршую присягу приносили короли Франции. Это — Реймское Евангелие.

Реймс — место, где будешь долго плутать по лабиринтам истории. В дохристианские времена город назывался Дурокорторум. Тогда на этих гальских просторах безраздельно властвовали римляне.

В благодарность за свои победы они воздвигли богу войны Марсу величественные монументы. В городе до сих пор стоят Марсовы ворота III н.э. Но здесь мы останавливаемся лишь на минуту. Впереди — центральная площадь города, где и располагается кафедральный Реймский собор. Первое, что поражает, — это его гигантские размеры. Как такое сооружение возвели в Средние века? Загадка...

Один шаг под сень собора — и ты уже во власти готики. Так и кажется, что злоеющие горгульи, которые наблюдают за тобой с портиков, тихо шепчут: «memento mori» («помни о смерти». — лат.). Ведь все в убранстве собора должно напоминать человеку, что он всего лишь песчинка в руках Господа. «Не пугайтесь. Вы, я вижу, тут впервые?» — неожиданно обращается ко мне странноватого вида старик. На вид ему за семьдесят. «Зовите меня Франсуа, просто Франсуа. Меня тут все знают. Я тут, что ли, зритель и бесплатный экскурсовод одновременно». Франсуа производит впечатление человека,

живущего вне времени. Грубоватая холщовая роба и удивительно проникновенные глаза, в которых как будто отражается мудрость веков. Кажется, что он сам свидетель средневековых коронаций.

«Откуда вы? Из России? А! Догадываюсь, почему вы тут... Ищете что-то о княжне Анне...» — Старик ведет нас вглубь собора, к алтарной части. «Вот тут, — слегка притопывая ногой, говорит Франсуа, —

вот тут начиналась власть во Франции! Тут короновались все французские монархи вплоть до XIX века!»

Традиция проведения крупных государственных торжеств в Реймсе возникла задолго до того, как был построен собор. В V веке епископ Реймский Ремигий, впоследствии святой Реми, крестил первого короля франков, Хлодвига I (Clovis. — *Прим. ред.*) из династии Меровингов. А первым из французских королей в Реймсе короновался Людовик Благочестивый из династии Каролингов. И было это

в 816 году. Шло время, и коронации проходили то в Нуайоне, то в Лаоне, то в Компьене. В 1027 году в Реймсе короновался Генрих I. «Уже будучи королем, в 1051 году он возьмет в жены русскую княжну Анну. Мы зовем ее Агнесса», — рассказывает Франсуа.

Агнесса, или Анна, — это и есть хорошо знакомая нам по советским историческим фильмам Анна Ярославна, или Анна Киевская, одна из дочерей Ярослава Мудрого. В 1051 году, совершив длительное путешествие через всю Европу, она приехала в Реймс. В мае того же года была сыграна пышная свадьба. Через год она родила будущего короля Франции, Филиппа I, а затем и еще троих сыновей.

«Она привезла из далеких киевских земель древнюю рукопись. Сегодня ее называют Реймским Евангелием», — уточняет Франсуа.

То, о чем рассказывает наш «экскурсовод», — это красивая, но все-таки легенда. Генрих I действительно вернул место коронации именно в Реймс. И именно с именем его жены Анны историки долгое время связывали появление во Франции Реймского Евангелия. И действительно, именно на нем французские монархи давали клятву. Попробуем разобраться, что здесь правда, а что — легенда.

«Выглядело это очень помпезно! Ведь коронация «очищала» короля от грехов! Все происходило строго по трактату «О коронации королей Франции». Это же целая наука. Кто и где стоял, последовательность церемонии. Без пяти минут король прикасался рукой к Евангелию и клялся править Францией во имя защиты всего христианского мира, — увлеченно рассказывает Франсуа. — Но вот откуда взялось во Франции это Евангелие? Ведь написано оно было на непонятном для французов языке. Поговаривали, что это неизвестные божественные письмена. Сегодня рукопись хранится в городской библиотеке Реймса. Но посмотреть на Евангелие или тем более сфотографировать его не так просто из-за режима особого хранения. Но вывести

ся в Реймсе в качестве таинственной восточной рукописи, на которой присягали французские короли при коронации. «Именно тогда это Евангелие и стало Реймским. И именно на этой православной рукописи и короновались четыре французских короля — Карл X (1560–1574), Генрих III (1574–1589), Людовик XIII (1610–1643), Людовик XIV (1643–1715). И пусть история жизни Анны не имеет ничего общего с Реймским Евангелием, удивительно, насколько истории наших стран переплетены», — улыбается Мари-Шарлотт.

много интересного нам все-таки удалось. Помогла милая девушка — библиотекарь Мари-Шарлотт. Как оказалась, без пяти минут специалист по средневековой культуре Франции.

«Да, я понимаю ваш интерес. История Реймского Евангелия — это отражение жизни христианства в средневековой Европе. Мир тогда был более цельным. То, что вам рассказал Франсуа, — это только половина правды. Ведь он — романтик, а я — ученый», — улыбается Мари-Шарлотт.

«На Евангелие действительно молились как на загадочную реликвию до тех пор, пока в Реймс в 1717 году не пожаловал ваш император Петр I. При посещении собора ему показали невероятную реликвию. Можно только догадываться, какой тяжелый шок был у наших французов, когда Петр открыл книгу и стал непринужденно вслух читать ее!» — рассказывает она. Петр I действительно смог прочесть первую часть пергаментной рукописи, содержащую чтения из евангелия на церковнославянском языке кириллицей, но вот вторая часть рукописи им прочитана не была.

«Распространенная легенда, которая связывает Реймское Евангелие с личностью Анны Ярославны, королевы Франции, и с тем, что оно якобы было частью ее приданого или личной библиотеки, увы, научного подтверждения не имеет. Конечно, жаль, когда мифы рушатся, но что тут сделаешь... Правда, судьба рукописи все равно уникальна», — продолжает Мари-Шарлотт. И правда, просто поразительно — как в условиях средневековой жизни рукопись так долго путешествовала по Европе? Первая ее часть, содержащая чтения праздничных евангелий по обряду православной церкви, писана кириллицей. Это был русский извод XI века, то есть как раз времен Анны Ярославны, что и путало исследователей. Вторая часть, содержащая евангелия, апостольские послания, паремии на праздники по римско-католическому календарю, была написана в 1395 году хорватской глаголицей. Авторы — монахи Эммаусского монастыря, основанного в Праге в 1347 году для совершения католического богослужения на славянском языке. В конце этой части имеется запись на чешском языке глаголицей, в которой писец сообщает, что кириллическая часть писана св. Прокопием Чешским.

На самом деле эта часть не столь древняя. Принадлежит она к русскому изводу и была пожертвована в Эммаусский монастырь императором Карлом IV, который, в свою очередь, приобрел ее где-то в Угрии (Венгрии). Из Эммаусского монастыря Евангелие было занесено гуситами в Константинополь, где оно было приобретено кардиналом Карлом Лотарингским. А уже он пожертвовал рукопись в Реймский собор. И произошло это только в 1574 году. После чего она стала хранить-

сским Евангелием, удивительно, насколько истории наших стран переплетены», — улыбается Мари-Шарлотт.

Со временем ритуал коронации французских королей все больше приобретал светский характер. Интерьер преобразился, подобно театральной сцене, украшенной декорациями. Так, во время коронации Людовика XVI (июнь 1775 года) с помощью временной декоративной архитектуры готический неф превратился в подобие греческого зала с мраморными колоннами.

А вот во время Великой французской революции сокровищница собора была разграблена. Драгоценные камни, украшавшие переплет Евангелия, были расхищены. «Вот в этом мы — французы и русские — похожи. Сначала строим дом, а потом его разрушаем. Затем выстраиваем заново», — с грустью добавляет Мари-Шарлотт.

Уже в XX веке собор сильно пострадал во время пожара в 1914 году, попав под бомбежку немецкой авиации. Свинец крыши плавился и лился вниз, погибли бесценные витражи... Восстанавливали собор более двадцати лет. Однако, как говорится, нет худа без добра: по причине этого трагического обстоятельства в Реймсе появилась новая достопримечательность. Французская католическая церковь и власти города, проявив завидную широту взглядов, заказали в 1974 году центральный витраж над главным алтарем собора еврейскому художнику родом из России — Марку Шагалу. Фирменный шагаловский синий цвет фантастической чистоты и глубины не оставляет равнодушными даже людей далеких от современного искусства и незнакомых с творчеством художника.

Витражи по сей день как новенькие. И главное, у них есть верный ценитель — Франсуа, который каждый вечер долго любуется тем, как преломляющиеся в витражных стеклах лучи заката падают на скульптуры святых. «Мне порой кажется, — говорит на прощание Франсуа, — что библейские герои оживают. Думаю, они точно знают секрет Реймского Евангелия!»

«ВСЯКОМУ ИМЯ ДАЮ, КАКОЕ ПРИСТОЙНО»

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

Бронзовый бюст Антиоха Кантемира работы молдавских скульпторов Юрия Канашина и Иона Здерчука установили 13 февраля 2004 года у Санкт-Петербургского университета. С тех пор памятник поэту и дипломату, чье имя навечно вписано в историю России, украшает сквер филологического факультета. Бюст подарило городу на Неве правительство Молдавии.

А вот в самой Молдавии памятника Антиоху Кантемиру нет. Аллея классиков в Центральном парке Кишинева, которая начинается от памятника Пушкину, установленного еще в XIX веке, в последние годы пополняется бронзовыми и каменными изваяниями румынских авторов. Это — политика. И в ней не нашлось места соотечественнику, сделавшему немало не только для русской, но и мировой культуры.

Если бы судьба распорядилась иначе, Антиох Кантемир стал бы господаром Молдавии, как его дед Константин, продержавшийся на престоле восемь лет (1685–1693). Как его тезка и дядя со стороны отца, правивший страной в 1695–1700 и затем в 1705–1707 годах. Как его отец Дмитрий Кантемир, занимавший молдавский трон дважды: с марта по апрель 1693 года и с 23 ноября 1710 по 11 июля 1711 года. Но судьба Антиоха Дмитриевича распорядилась иначе.

Через 101 год после его смерти русский критик Виссарион Белинский писал: «Кантемир начал собою историю светской русской литературы. <...> Несмотря на страшную устарелость языка, которым писал Кантемир, несмотря на бедность поэтического элемента в его стихах, Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ САМИЗДАТ

По большому счету стихотворные сатиры Кантемира стали первым русским «самиздатом» не по форме распространения (среди современников они расходились в списках), а по содержанию, которое в смутное постпетровское время вполне можно было считать диссидентским. Ну вот, например: «...церковь иль пуста, иль полна однеми, кои казаться пришли иль видеться с теми, которых инде нельзя видеть столь свободно. Молитвы, что поп ворчит, спеша сумасбродно, сам не зная, что поет, кто-кто примечает». Или: «Болваном Макар вчерась казался народу, годен лишь дрова рубить или таскать воду <...> И, сегодня временщик, уж он всем под пару честным, знатным, искусным людям становится». И даже: «Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским, буде в нравах с гнусным ты не различишь псарским». Доставалось от него всем — и дворянам, и духовенству, и мракобесам, и пьяницам, и обжорам. Наивно веривший в то, что просвещение и наука могут исправить род человеческий, Кантемир, как принято теперь говорить, вскрывал язвы общества, нисколько не заботясь о том, что кому-то это может не понравиться.

«Не могу никак хвалить, что хулы достойно,—
Всякому имя даю, какое пристойно;
Не то в устах, что в сердце, иметь я не знаю:
Свинью свиной, а льва львом просто
называю».

Даже тогда, когда нужно было проявить осторожность, он не переставал называть «свинью свиной». И вовсе не из-за отчаянной храбрости. Не от куража. Он не был воином. Но был — и об этом говорят многие биографы — человеком простодушным и светлым, честным и религиозным. И, добавим, государственным в самом высоком смысле этого слова. А потому не мог молчать. И от его не-молчания в русской литературе родились Фонвизин и Гоголь, Некрасов и Салтыков-Щедрин.

Уже тогда поэт в России был больше, чем поэт. Так, прославившие Кантемира сатиры при его жизни изданы не были.

Даже в XIX веке — через сто лет после смерти писателя — почти каждая попытка напечатать их встречала дружный отпор цензоров. В 1851 году для этого потребовалось разрешение самого царя. Но император Николай I отказал, заявив, что «сочинений Кантемира ни в каком отношении нет пользы перепечатывать».

Кантемир написал девять сатир. Сочинял басни. Составил алфавитно-тематический свод стихов из псалмов Давида — «Симфонию на Псалтырь» (труд, тяжелый даже в нашу компьютерную эру). Занимался переводами, знакомя русскую публику с сокровищами мысли других народов. Увы, часть из его переводов — например, «Персидские письма» Монтескье — утеряны, как и составленное им для развития математического образования в России руководство по алгебре. Зато переведенная им книга французского ученого Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» стала так популярна в России, что выдержала три издания — и это в XVIII веке! Правда, против этого труда, где речь шла о гелиоцентрической системе мира, в царствование Елизаветы ополчился весь Святейший синод. Через двенадцать лет после смерти Кантемира Синоду удалось добиться указа об изъятии «находящейся ныне во многих руках» книги и ее уничтожении. Между тем именно переводом Фонтенеля Кантемир положил начало русской научно-популярной литературе. И ввел в науку термины, многими из которых она оперирует до сих пор: средоточие, идея, материя, природа, наблюдение, плотность, вихри...

Кантемир обогатил наш язык такими устойчивыми словосочетаниями, как, например, «светлый ум», «чуткое ухо», «зоркий глаз». Он ввел в литературу народную речь. Он заметил потом русский поэт Константин Батюшков, первым осмелился «писать в России так, как говорят». «Этот человек, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свел поэзию с жизнью», — подвел черту Белинский.

ГАРЕМ СУЛТАНА

А ведь было время, когда «неистовый Виссарион» вслед за некоторыми другими критиками повторял: Кантемир «был иностранец, следовательно, не мог сочувствовать народу и разделять его надежд и опасений», не мог понять всей глубины русского языка и проникнуться всеми тонкостями русской души. Так писали о Кантемире составители учебников по русской словесности еще в XVIII веке. Хотя Кантемир был «иностранцем» только по происхождению.

Фамилию Кантемир ученые трактуют по-разному. Одни переводят ее как «железная кровь», другие указывают на то, что род ведет начало от Тамерлана (Хан Темир). Предки первого русского писателя могли оказаться на территории Молдавии после 1538 года, когда османский султан Сулейман I захватил крепость Тигину (или Бендеры, как называли ее турки). Такую версию высказал в книге «Эпоха и новая трактовка Кантемиров: конец XIV — первая половина XVII века», вышедшей накануне 300-летия Луцкого договора — первого в истории молдо-российского соглашения такого рода, — молдавский публицист и историк Федор Ангели. Он пишет о том, что прадед Антиоха Дмитриевича был мусульманином и имел гарем. Одна из жен Арасаноглу Кантемира была христианкой. Эту же религию исповедовал и Константин Кантемир, будущий господарь Молдавии.

В те времена Молдавия находилась под турецким владычеством. Порта утверждала господарей, предложенных боярским советом. Престол стоил немало, но Константин Кантемир, вззошедший на трон в 1685 году, за «должность» не платил. А все потому, что двенадцатью годами ранее он спас гарем султана Мехмеда IV, который едва не попал в плен к полякам после Хотинской битвы.

Взойдя на трон, Константин Кантемир вынужден был отправить сына Дмитрия в Константинополь заложником к турецкому султану. Таковы были правила игры.

ЗНАМЕНИТЫЙ ОТЕЦ

Сегодня имя члена Берлинской академии наук Дмитрия Кантемира выбито на здании парижской библиотеки Сен-Женевьев рядом с именами других великих ученых — например, Исаака Ньютона и Готфрида Вильгельма фон Лейбница. Отец Антиоха Кантемира был одним из самых замечательных умов своего времени.

Отправленный в 15-летнем возрасте заложником ко двору турецкого султана, юноша зря времени не терял. Он общался с учеными, изучал языки, философию, узнавал местные нравы. Годы, проведенные Кантемиром в Константинополе (1687–

1691, 1693–1710), дали миру двухтомную «Историю возвышения и упадка Оттоманской империи», которую Вольтер называл своей настольной книгой по Востоку и которая более ста лет считалась единственным серьезным научным трудом по истории Турции. «История Оттоманской империи» была переведена на все европейские языки.

Впрочем, среди его увлечений была не только история. Современники высоко ценили музыкальный талант Дмитрия Кантемира. Написанный им «Марш Баязида» долгое время был турецким национальным гимном. Считается также, что великий Моцарт в опере «Похищение из Сераля» использовал несколько турецких мелодий, записанных Кантемиром. Некоторые ученые говорят, что среди них и знаменитый «Турецкий марш».

В ноябре 1710-го Дмитрий Кантемир во второй раз занял молдавский трон. Этого требовали интересы Порты в северной части империи. Но процарствовал он недолго. Придерживаясь во внешней политике сближения с Россией, он в апреле 1711 года через доверенное лицо подписал в Луцке договор о союзе с Россией против Османской империи. Утвержденный Петром I документ обрел юридическую силу. По договору, после победы над турками Молдавия должна была перейти под протекторат России, которая гарантировала ей территориальную целостность без вмешательства во внутренние дела государства. Престол Молдавии оставался за Кантемирами.

ПОСЛЕ ПРУТСКОГО ПОХОДА

О сражении под Стэлинештами не пишут в школьных учебниках. О нем вообще стараются не вспоминать. Но жители маленького молдавского села гордятся тем, что на их земле был сам Петр Великий. В память о тех событиях на месте встречи российского императора с молдавским господарем установлен небольшой обелиск. В десятке метров от него заметны остатки гигантского земляного стола-вала, вокруг которого пировали когда-то русские и молдавские военные, ожидая так и не подошедшего подкрепления.

Увы, в решающем сражении на реке Прут победу одержали турки. Историки связывают это со спешкой, с которой осуществлялась подготовка к битве, с малочисленным и плохо обученным молдавским войском и с предательством валахов, которые обещали поддержать русских 20-тысячной армией, но не сделали этого.

Порта не простила молдавскому господарю предательства. У Петра требовали выдачи Кантемира. Но тот заявлял, что молдавского князя в его лагере нет. А Дмитрий Константинович прятался, сбрив бороду и заменив молдавское платье немецким. Своим же людям император объяснял: «Я лучше уступлю туркам всю землю, простирающуюся до Курска, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоинством». Дмитрий Кантемир и около 4 тысяч молдаван нашли пристанище в России и приняли российское подданство. Несмотря на неудачу Прутского похода, царь щедро наградил Кантемира за все его потери. «Ему, — пишет в биографии Антиоха Кантемира Ростислав Сементковский, — предоставлен был титул светлейшего, ежегодная пенсия в 6 тысяч рублей, много вотчин под Харьковом, в Московском и Севском уездах и дом в Москве; кроме того, ему предоставлены были и владетельные права, например суд над молдаванами, переселившимися с ним в Россию. <...> Известна еще резолюция Петра: «Где его (князя Дмитрия) пребывание будет, чтоб был гарнизон Российский».

Кантемир жил в Харькове, Москве, Санкт-Петербурге. Много работал как ученый-исследователь. Именно в России он написал самые значительные свои труды. Этому способствовала сама атмосфера: общая и политическая культура, научная мысль в петровской России была выше, чем в Молдавии и Турции. Но единственной работой, изданной при его жизни, стала «Книга Систима, или Состояние мухамеданския религии», в которой были собраны все современные знания об исламе. Она увидела свет в 1722 году.

В том же году Дмитрий Константинович отправился в Персидский поход: Петр поручил ему, как знатоку Востока, да еще в совершенстве владеющему несколькими ближневосточными языками, заведовать канцелярией. В этом походе вместе с ним был и его младший сын, Антиох.

УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И УЧИТЬСЯ

Будущему русскому писателю и дипломату было всего два года, когда его семья бежала из Молдавии в Россию. Родители — Дмитрий Кантемир и Кассандра Кантакузен, чей род восходил к византийским императорам, — заботились о воспитании детей и очень серьезно относились к их образованию. Но, увы, его плодами в полной мере воспользовались только двое: дочь Мария и младший сын, Антиох. Другие сыновья — Константин, Матвей и Шербан (Сергей) — мало интересовались науками.

Рано разглядев в Антиохе выдающиеся способности, отец пригласил к нему в учителя подающего большие надежды студента Московской академии Ивана Ильинского, которого Петр собирался отправить учиться за границу. Ильинский, занимавшийся литературой и переводами, оказал огромное влияние на своего ученика. Их дружеские отношения были так крепки, что Антиох поддерживал контакты с бывшим учителем до самой смерти Ильинского в 1737 году.

Вообще, в короткой жизни Антиоха Кантемира потерь было более чем достаточно. Ему шел только пятый год, когда умерла мать. Отец вновь женился — на 17-летней княжне Анастасии Ивановне Трубецкой. Дети от первого брака мачеху не приняли: ее ровесница Мария постоянно подшучивала над новой родственницей, в угоду которой отец сбрил бороду, сменил привычное полуазиатское платье на европейский

Памятник
Антиоху Кантемиру
в Санкт-Петербурге

костюм и из домоседа превратился в за-
всегда балов и ассамблей. Семейное
счастье с юной красавицей длилось недол-
го: вскоре после возвращения из Персии,
обострились старые болезни, и в августе
1723 года Дмитрия Кантемира не стало.
Антиоху было 15 лет.

Он страстно желал учиться. Еще при жи-
зни отца он некоторое время был студентом
Славяно-греко-латинской академии. Опра-
вившись после смерти Дмитрия Констан-
тиновича, Антиох подал прошение царю
с просьбой отправить его учиться за грани-
цу. Но Петр I отказал. Взамен Антиох был
зачислен студентом в только что открыв-
шуюся Академию наук, где слушал лекции
по высшей математике, физике, филосо-
фии, истории у выдающихся ученых свое-
го времени. Преподаватели удивлялись его
разносторонним способностям и прочи-
ли юноше большое будущее. Поговарива-
ли даже о том, что быть Антиоху presiden-
том Академии.

КАК РОССИЯ ОСТАЛАСЬ МОНАРХИЕЙ

Первая же сатира Антиоха Кантемира,
«К уму своему. На хулящих учение», на-
писанная в 1729 году, вызвала ажиотаж
у публики. Она имела мощный политиче-
ский подтекст, ведь после смерти Петра I
многие выступали против его преобра-
зований. Один из списков сатиры попал
к архиепископу Феофану (в миру Елеа-
зар Прокопович) — сподвижнику Петра,
государственному деятелю, поэту и пу-
блицисту, личности замечательной, извест-
ной и авторитетной. Архиепископ пришел
в восторг. И протянул руку помощи одарен-
ному юноше, чьи взгляды и устремления
так совпадали с его собственными. Это
сыграло огромную роль не только в судьбе

Кантемира, но и всей страны.

Россия переживала не лучшие времена. В 1730 году по-
сле смерти 14-летнего Петра II на престол взошла импера-
трица Анна Иоанновна. Ее, по предложению князя Дмитрия

Голицына, пригласил на правление Верховный тайный совет. Образованный и хитроумный, искусный в дворцовых делах Голицын, опасаясь за судьбу российского дворянства, предложил также ограничить власть императрицы «Кондициями», сводящими роль Анны Иоанновны к представительским функциям. И перед воцарением Анна подписала «Кондиции», согласно которым без Верховного тайного совета она не могла объявлять войну или заключать мир, вводить новые подати и налоги, расходовать казну по своему усмотрению, производить в чины выше полковника, жаловать вотчины, без суда лишать дворянина жизни и имущества, вступать в брак, назначать наследника престола.

Антиох, восхищавшийся Петром I, был ярким сторонником абсолютизма. Как и Феофан, будущее России он видел в продолжении петровских реформ. Как и другие члены «ученой дружины» — неформального кружка интеллектуалов из духовенства и дворянства, который собирался в доме архиепископа, — Кантемир с жаром обсуждал вопросы государственного переустройства. Именно он, «довольно со многими рассуждая», уговорил единомышленников принять челобитную, ограничивающую власть Верховного тайного совета. Он сам набросал текст челобитной, сам отправился в казармы собирать под нею подписи. И на следующий же день, 25 февраля 1730 года, зачитал челобитную во дворце перед императрицей и большой группой дворян (по разным источникам, там собралось от 150 до 800 человек). В этот же день Анна Иоанновна собственноручно разорвала подписанные «Кондиции», и Россия осталась абсолютной монархией.

В ПОЧЕТНОЙ ССЫЛКЕ

Все способствовавшие утверждению Анны Иоанновны на российском престоле были щедро вознаграждены. Кроме Антиоха Кантемира, который по-прежнему жил на жалованье подпоручика Преображенского полка. Несмотря на то, что в своем духовном завещании Дмитрий Кантемир наказывал передать все его богатства тому из детей, кто добьется наибольших успехов в науках, имея в виду сына Антиоха, наследство досталось старшему, Константину. Он удачно женил-

ся на дочери князя Дмитрия Голицына, который и позаботился о том, чтобы закон о майорате, подписанный Петром I, был исполнен неукоснительно.

Злые языки поговаривали, будто Антиох Дмитриевич своей челобитной отомстил князю, с которым волей судьбы оказался в родственных отношениях. Но это было не так. Все, кто знал Кантемира, отмечали его честность и простодушие,

его патриотизм, в самом высоком смысле этого слова, и боль за судьбу России. Но не этими качествами его характера руководствовался граф Остерман, когда предложил императрице отправить 22-летнего Кантемира послом в Лондон, соврав английскому посланнику в России, будто Антиох не так юн, как кажется, и лет ему 28. Образованность юного князя, его популярность в кругах знати, его литературный талант, наконец, с одной стороны, составляли опасность для искушенных в дворцовых интригах царедворцев, с другой — давали возможность показать просвещенной Европе, что и в России не все лаптем ши хлеблют. Отправка Кантемира в Лондон была, по сути, почетной ссылкой, на которую, впрочем, он сам с радостью согласился. И в январе 1732 года выехал из России. Не знал, что навсегда.

Нужно сказать, что в те времена российское правительство относилось к своим зарубежным посланникам как к приказчикам. Кантемиру порой приходилось исполнять поручения, годившиеся разве что для мальчика на побегушках. Например, купить для какой-нибудь вельможной персоны в Санкт-Петербурге дюжину пар чулок. При этом нужно было помнить о престиже России и, как теперь говорят, продвигать его. Кантемиру приходилось это делать исключительно на личном обаянии: правительство отказывало послам в финансировании. Бывали случаи, когда посол великой державы принимал у себя гостей, которым подавали еду в оловянной посуде: на иную у Кантемира не было средств. Был период, когда он из своего кармана оплачивал посольского священника. И вел между дипломатически-

ми делами нудную переписку с российским правительством с просьбами увеличить содержание.

Англичане об этом не знали. Им imponировал молодой и обходительный, по-европейски образованный российский посол. Но Кантемир прежде всего заботился об интересах России, он понимал, что чем больше силы набирает его страна, тем больше завистников и недругов она наживает. Он добился признания за Анной Иоанновной титула императрицы. Настоял на том, чтобы Англию в России представлял не резидент, а полномочный министр. Сумел уговорить английские власти отозвать из Константинополя своего посла, опасно интриговавшего против России. Победой дипломата стало подписание в 1734 году российско-британского трактата о дружбе и коммерции.

Успехи молодого дипломата привели к тому, что в 1738 году «Ея Императорское Величество, принимая в соображение, что князь Кантемир уже известен французскому двору, да и находится под рукой, назначила его своим полномочным министром к этому двору и отправила ему верительные грамоты». И Кантемиру пришлось все начинать сначала: налаживать связи между двумя государствами, интересы которых не совпадали. К тому же в Версале российского, теперь уже чрезвычайного, посла встретили поначалу настороженно: он прослыл там англomanом. Тем не менее его дипломатическая деятельность в Париже была чрезвычайно плодотворна и полезна Отечеству. Современники связывали это с личностью князя, чьи высокие нравственные качества вносили в дипломатические дела больше искренности, чем это было принято. За дипломатическими делами Антиох Дмитриевич не забывал о науке и литературе, которыми так страстно увлекался. Он написал седьмую свою сатиру, «О воспитании», где высказал передовую для педагогики той поры мысль, что «ласковость больше в один час детей исправит, чем суровость в целый год». Восьмую — «На бесстыдную нахальчивость», где указывает писателям, как осторожно нужно

обращаться со словом. Составил одиннадцать «Писем о природе и человеке», где высказал собственные нравственные принципы. Много переводил. Размышлял о русском стихосложении в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложности стихов русских». Даже участвовал в делах театральных: трагедия «Меншиков» была написана французским драматургом Пьером Мораном, поставлена на сцене одного из парижских театров и издана в 1739 году в Гааге при непосредственном участии российского посла. Эта трагедия положила начало героической трактовке образа Петра I во французской литературе.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Увы, здоровье Антиоха Дмитриевича пошатнулось еще в 1740 году. Страдая от болей в желудке, он неоднократно и безуспешно просил российское правительство об отставке. Он умирал, а ему только неохотно дали отпуск, и то при условии, что вычтут «отпускные» из жалованья. Предчувствуя скорую смерть, Кантемир выразил надежду, что, вследствие его неудовлетворительного материального положения, российское правительство за государственный счет перевезет его тело в Россию, как это делалось в отношении других резидентов. Но и этого не произошло. «Прах его, — пишет писатель Ростислав Сементковский, — более года оставался в Париже и только благодаря заботливости сестры был перевезен в Москву, куда прибыл лишь в октябре 1745 года и предан земле ночью, без всякого торжества, по желанию покойного в зимней церкви Николаевского греческого монастыря рядом с могилой его отца».

Этот монастырь стал семейной усыпальницей молдавских князей. Когда в 1935 году было принято решение разрушить главный монастырский собор, Молдавия находилась в составе Румынии. Власти этой страны потребовали у России вернуть им останки Дмитрия Кантемира. Могилы его детей, в том числе русского писателя и дипломата Антиоха Кантемира, остались под обломками храма...

Так сложилась судьба человека, о котором Константин Батюшков сказал впоследствии: «Душою и умом выше времени и обстоятельств». ❀

ЦИНИЧЕСКАЯ СВИРЕЛЬ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Ни один поэт себе такой судьбы не желает, но и она завиднее других: быть признанным поэтом второго ряда, остаться в энциклопедиях с оговорками и быть интересным скорее историкам литературы, чем читателям.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Но это, конечно, лучше, чем кануть в Лету со всем своим поэтическим наследием. Поэт, драматург и баснописец Сумароков в энциклопедиях остался, но читателей совершенно лишился; кто знает,

был ли бы он сам доволен таким жребием.

Пушкин и вовсе предрек ему забвение:

Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,

Уж на челе его забвения печать,

Предбудущим векам что мог он передать?

Страшилась грация цинической свирели,

И персты грубые на лире костенели.

Потом Пушкин, правда, несколько смягчил свою жесткую оценку, но в целом она осталась неизменной – и, кажется, не такой уж несправедливой.

Сумароков родился в ноябре 1717 года (ошибочно считается, что 1718-го, так что юбилей так себе, сомнительный, но ничего: скоро трехсотлетие) в семье прапорщика Петра Сумарокова, крестника Петра I и представителя старинного дворянского рода. Семья была богатой: за Петром Сумароковым числилось 1670 душ крестьян. Как большинство недорослей той поры, Александр учился дома, причем учитель его обучал в то же время и наследника престола. Затем пятнадцатилетний Сумароков поступил в Сухопутный шляхетский корпус, едва открытый в это время для детей из знатных дворянских семей. Нельзя сказать, чтобы корпус давал глубокое и фундаментальное образование, однако был ступенькой на пути к военной и политической карьере.

В корпусе к нему пришла первая слава: с самой юности Сумароков зарекомендовал себя недюжинным стихотворцем. Он сочинял стихотворные переложения псалмов, участвовал в кадетском литературном журнале, писал пьесы для кадетского театра и, главное, стихотворные послания к императрице Анне – необыкновенно легкие и певучие для поэзии своего времени, тяжеловесной и громоздкой.

Как теперь начать Анну поздравляти,

Не могу когда слов таких сыскати,

Из которых ей похвалу сплетати

Иль неволей мне будет промолчати?

Но смолчать нельзя! Что ж мне взять за средство,

Не умея ж петь, чтоб не впасти в бедство,

Тем, что ей должна похвала толика,

Коль она славна в свете и велика?

Это еще совсем традиционная поэзия: силлабический одиннадцатисложник, старинный, традиционный – но по своей простоте и легкости он куда ближе к народной песне, чем к пиитическим упражнениям Симеона Полоцкого или Феофана Прокоповича, старшего современника Сумарокова. Видно, что молодой поэт ориентируется на Третьяковского, законодателя поэтической моды своего времени.

Он выпустился из корпуса в 1740 году и стал адъютантом вице-канцлера Михаила Головкина. В этой должности он прослужил недолго: уже в следующем году Головкин, влиятельный царедворец времен Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, после восшествия на престол Елизаветы Петровны был обвинен в измене и сослан в Якутию. Однако Сумароков не пострадал – более того, он очень скоро стал адъютантом графа Разумовского, фаворита Елизаветы, и оставался им более десяти лет. Эта служба позволила ему бывать при дворе; именно там он познакомился с первой женой, Иоганной Балк, которая родила ему двух дочерей, Прасковью и Екатерину. Семейная жизнь его была несчастливой: жена оставила его – и биографы предполагают, что причиной разрыва стало увлечение Сумарокова крепостной девушкой по имени Вера, которая тоже родила ему двоих детей, Анастасию и Павла. На Вере Прохоровне Сумароков женился после смерти своей первой жены и Павлу выхлопотал через Потемкина место в Преображенском полку. В 1808 году в «Русском вестнике» появились сведения о том, что у Сумарокова было трое сыновей, которые утонули во время купания, спасая друг друга. Никаких других подробностей о троих сыновьях Сумарокова его биографам неизвестно, и, вероятней всего, это просто легенда.

ОТЕЦ РУССКОГО ТЕАТРА

Известность Сумарокову принесла первая его трагедия, «Хорев», которую в 1747 году сыграла при дворе труппа Федора Волкова. Воодушевленный успехом Сумароков продолжил писать пьесы и стал первым серьезным драматургом в истории русского театра. вполне естественно, что именно его назначили директором постоянного российского театра, когда тот был создан в 1756 году. Сумароков фактически создал в России классический европейский театр и долгое время определял его лицо: его пьесы шли на русских подмостках до 20-х годов XIX века.

У театра не было своего помещения, не было денег, которые приходилось вечно вы-

прашивать. Сумароков, по горячности своего характера, мирно решать эти вопросы не мог и постоянно с кем-то конфликтовал – но театром дышал, театром жил, болел им.

Его перу принадлежит девять трагедий, двенадцать комедий и три оперных либретто. Это были очень типичные классицистские трагедии с их обычным конфликтом между страстью и долгом, с разлученными влюбленными, которые долго и мучительно страдают под гнетом непреодолимых обстоятельств, и типичные комедии с молоденькими девушками, учеными педантами и зловедными стряпчими. Как и положено в классицистской пьесе, герои его были предельно обобщенными – не конкретный Ярополк из русской истории, а какой-то всечеловек, не русская его невеста и княжна, а какая-то Димиза; даже на что уж конкретный Димитрий Самозванец – и тот был всечеловек, обобщенный тип, а не историческое лицо.

Общее для классицистов стремление освободиться от всего случайного, представить характеры типические, изобразить борьбу разума и страсти привело к тому, что только корявые имена персонажей – «Владисан» или «Силотел», как в «Ярополке и Димизе», – напоминали об их русском происхождении; переименов их в Клеонтов и Дорин – и пьесу не отличишь от французских образцов.

Впрочем, пьесы Сумарокова отличались чрезвычайно бойким и легким по тем временам слогом; их афористичные двустишия и сейчас цитировать приятно, особенно когда слово получают тираны и деспоты:

*Блаженство завсегда весьма народу вредно:
Богат быть должен царь, а государство бедно.*

Или:

*Зла фурия во мне смятенно сердце гложет,
Злодейская душа спокойна быть не может.*

Или вот:

*Терпите подданны! то должность вашей части;
Ни кто не предписал закона царской власти.*

Впрочем, прекрасные страдальцы у него тоже очень выразительно страдают:

Нигде пристанища, несчастна, не имею.

Играй, свирепый Рок, ты бедностью моею!

Он писал необыкновенно быстро: комедию «Тресотиниус», например, длиной в пятнадцать нынешних вордовских страниц, настрочил за сутки – начал «12 января 1750 года», окончил «13 января». Комедии и трагедии переписывал и редактировал, насыщая их злободневными аллюзиями, сердитой полемикой с коллегами-соперниками.

В 1761 году его вынудили уйти в отставку – однако ему было чем заняться.

О СТИХОТВОРСТВЕ

Сумароков вечно был в гуще литературной борьбы. В 1748 году он издал брошюру «Две эпистолы Александра Сумарокова. В первой предлагается о русском языке, а во второй – о стихотворстве». Вопросы, которые он решал в ней, были насущнейшими вопросами для русской литературы XVIII века. В языке эпохи смешались и разговорный русский, и церковнославянский, и колоссальные пласты не освоенной еще иноязычной лексики; поэтические тексты самым нелепым образом сочетали одно с другим и третьим, и нужен был художественный вкус, опыт и время, чтобы разобратся в этом стилистическом хаосе.

*Коль «аще», «точию» обычай истребил,
Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
А что из старины осталось неотменно,
То можеть быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что наш язык не тот, что в книгах
чем,
Которы мы с тобой нерусскими зовем.
Он тот же, а когда б он был иной,
как мыслишь*

*Лишь только оттого, что ты его не смыслишь,
Так что ж осталось бы при русском языке?
От правды мысль твоя гораздо вдалеке.*

Он последовательно проводил мысль о том, что русскому языку все доступно. Боролся с пышными церковнославянизмами, с ненужными варваризмами – ну зачем говорить «аманта», когда можно сказать «любовница»? Вместо «страсть» – «пассия», вместо «насмехаться» – «мокероваться», а вместо «переписка» – «корреспонденция»?

Эта бурная языковая стихия еще не укрощена, не ограничена берегами твердых правил: их еще только предстоит выработать. Правила грамматики, практическая стилистика, обозначения конкретных звуков буквами – все это становилось предметом оживленной полемики между Сумароковым, Тредиаковским и Ломоносовым. Некоторые отзвуки бурных теоретических споров мы находим в комедии «Тресотиюс», где педанты спорят о том, с тремя ногами должна писаться буква «твердо» или с одной.

Вторая эпистола была посвящена правилам стихосложения по Буало. Сумароков, собственно, претендовал на то, чтобы стать русским Буало, русским Расином, русским Мольером и Лафонтеном, всеми сразу.

Сумарокову претил торжественный язык ломоносовских од; он нещадно их высмеивал в своих пародиях. Ему куда ближе была стихия песенная, разговорная. Его прославили любовные песни, которые пели все сословия: в самом деле, русская литература еще

только училась говорить о любви, и Сумароков одним из первых дал ей нужные слова.

*...Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся,
И боюсь, чтоб взор не изменил:
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил:
Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыд.
В сей жестокой брани мой рассудок тьмится,
Сердце рвется, страждет и горит.*

Язык его песен так прост и певуч, что почти не кажется архаичным. Читать Сумарокова куда легче, чем его современников. Он старался писать простым, человеческим языком, и, хотя творения его не свободны вполне от нагромождения мифологических образов, он сам резонно замечал в эпистоле о стихотворстве:

*Слог песен должен быть приятен, прост и ясен;
Витийств не надобно; он сам собой прекрасен.*

Он поучал стихотворцев: «Не делай из богинь красавице примера, // И в страсти не вспевай: «Прости, моя Венера, // Хоть всех собрать богинь, тебя прекрасней нет».

*Лучше, уверяет Сумароков, просто сказать:
«Прости в последний раз, и помни, как любил», –
Кудряво в горести никто не говорил;
Когда с возлюбленной любовник расстаётся,
Тогда Венера в мысль ему не попадетя.*

Песни его пелись на мотив модных менуэтов, музыку для них не писали специально. Иные из них, модные пасторали, отличались игривым эротизмом:

*Негде, в маленьком леску,
При потоках речки,
Что бежала по песку,
Стереглись овечки.
Там пастушка с пастухом
На брегу была крутом,
И в струях мелких вод
с ним она плескалась.
Зацепила за траву,
Я не знаю точно,
Как упала в мураву,
Вправду иль нарочно.
Пастух ее подымал,
Да и сам туда ж упал,
И в траве он шекотал девку без разбору.*

Заканчивается песенка лукавым намеком:

*И что сделалось потом,
И того не знаю,*

Я не много при таком

Деле примечаю;

Только эхо по реке

Отвечало вдалеке:

Ай, ай, ай! – знать, они дралися.

Впрочем, есть и совсем другой Сумароков – стихотворец, размышляющий (тоже в русле размышлений своей эпохи) о Боге, о бренности человеческого существования, о скорой смерти:

Плачу и рыдаю,

Рвуся и страдаю,

Только лишь вспомню смерти час

И когда увижу потерявша глас,

Потерявша образ по скончаньи века

В преужасном гробе мертва человека.

Не постигнут, боже, тайны сей умы,

Что к такой злой доле

По всевышней воле

Сотворенны мы

Божества рукою.

Но, великий боже! ты и щедр и прав:

Сколько нам ни страшен смертный сей устав,

Дверь – минута смерти к вечному покою.

Впрочем, нигде в своей религиозной поэзии он не достигает ни такой мощи, ни такой убедительности, как Державин; его религиозные стихи, скорее, выглядят сочинениями на заданную тему. И если песни его в самом деле отличаются живостью разговорного языка и неподдельным лиризмом, то здесь это очень обыкновенная, громоздкая, книжная поэзия, типичная для XVIII века.

ВРЕДНАЯ КНИЖОНКА

С середины 50-х годов Сумароков печатался в журнале «Ежемесячные сочинения», а с 1759 года издавал свой журнал – «Трудолюбивая пчела». В 60-х публиковал басни и стихи. Одна из басен, о жуках, которые учат пчел делать мед, дала Новикову для его «Трутня» знаменитый эпиграф: «Они работают, а вы их труд ядите» – правда, Новиков привнес в него социальное содержание, которого Сумароков вовсе не имел в виду.

В одной эпиграмме про Сумарокова говорится: «рыж, заика и мигун» – стало быть, он заикался и страдал тиками. Известно еще, что он был чрезвычайно самолюбив и раздражителен.

Жаловался, что его не понимают, что цензура придирается, что к нему несправедливы. Белинский приводит анекдот о Сумарокове, расспрашивающем зрительницу, которая пришла с «Дмитрия Самозванца», о впечатлениях: «Скажите, сударыня! Что более всего вам понравилось?» – «А как стали плясать, мой батюшка!» – отвечала гостя. Закипев досадою, Сумароков вскочил со стула, вскрикнул на сестру: «Охота тебе принимать к себе таких дур!», схватил шляпу и – убежал».

Рассказывают, что он мог швырнуть стаканом в помещика, который упоенно делился подробностями, как он наказывает своих крепостных. При этом Сумароков не был особенным сторонником равенства и братства – обычный дворянин, он придерживался обычных для своего сословия воззрений: у каждого человека свое место в мире, знай, сверчок, свой шесток. «Крестьяне пашут, купцы торгуют, воины защищают отечество, судьи судят, ученые взращивают науки». Мужик – человек «из сама подла рода, которого пахать произвела природа».

Биограф поэта П.Н. Берков указывает, что в записке, поданной в Вольное экономическое общество в конце 1767 года, Сумароков писал: «Прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность или потребна клетка, и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь? Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое – ради дворянина». Далее Сумароков спрашивает: «Что за дворянин будет тогда, когда мужики и земли будут не его; а ему что останется?» Кончается записка Сумарокова такими безапелляционными словами: «Впрочем, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».

Впрочем, Сумароков считал, что крестьян в отрыве от земли продавать нельзя: они к земле прикреплены и только с землей продаваться могут, а поштучно продавать, как скот, нельзя.

Он верил, что дворяне должны быть хорошими хозяевами, только тогда они имеют право управлять крестьянами:

Сию сатиру вам, дворяня, приношу!

Ко членам первым я отечества пишу.

Дворяне без меня свой долг довольно знают,

Но многие одно дворянство вспоминают,

*Не помня, что от баб рожденным и от дам
Без исключения всем прародец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?*

Это был обычный человек эпохи Просвещения с обычными для нее представлениями о мудро устроенном общественном механизме, в котором все находится на своих местах, выполняют предписанную им задачу. Монарх при этом существует для блага своих подданных; эту мысль Сумароков, как и другие поэты XVIII века, считавшие главной своей задачей ненавязчивое воспитание царей, проводил в произведениях последовательно, пока не разочаровался окончательно и в монархии, и в монархах. Он много надежд возлагал на воцарение Екатерины II, даже журнал свой, «Трудолюбивая пчела», посвятил ей. Но царица надежд не оправдала: чехарда фаворитов и всеобщее стремление урвать свой кусок настолько претили просветительским идеалам Сумарокова, что в его трагедии «Димитрий Самозванец» зазвучали уже прямые призывы к свержению царской власти. Екатерина, прочитав трагедию, назвала ее «на редкость вредной книжонкой», – правда, обошлось без репрессий. Сумароков впал в немилость.

И СОВСЕМ В БЕЗУМСТВЕ

В 1769 году он переехал в Москву – уже сильно пьющий, опускаящийся. Рассорился со всей семьей. Нервный, истеричный, легко впадающий в иступление, он восстановил против себя весь свет. Родственники его первой жены подали на него в суд, требуя лишить прав его детей от второй жены. Сумароков выиграл процесс, но почти разорился на судебных издержках. В стихотворении «Жалоба» он писал:

*...Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет.
Какая нужда мне в уме,
Коль только сухари таскаю я в суме?
На что писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить, ни есть?*

Похоронил вторую жену и, по его собственным словам, двенадцать недель плакал. Однако почти сразу после ее смерти вознамерился жениться в третий раз – на девушке по имени Екатерина Гавриловна, которая была лишь годом старше его старшей дочери. Берков цитирует печальный документ – пись-

мо матери Сумарокова, старой вдовы Прасковьи Ивановны, в консисторию с просьбой не позволять ее пожилому сыну жениться: «Уведомилась я, что сумасшедший и пьяной сын мой, овдовевший сего мая 1-го дня, вздумал паки жениться на рабе своей девке Катерине, а как ему от роду 60-й год, к тому ж имеет от первого брака двух дочерей, а от другой (!) до венца рожденных дочь и сына малолетних. Он же по беспрестанному его пьянству довел себя до такого состояния, что и ходить не может и совсем в безумстве». Прасковья Ивановна просила «о запрещении сего брака, который в пагубу оному сыну моему, в посрамление и огорчение мне и всей нашей фамилии, во всеконечное же разорение бедным его дочерям, от первого брака рожденным». Консистория ничего сделать не смогла, «поелику оной господин женился уже».

Он был сильно болен и умер через четыре месяца после женитьбы, оставив вдову беременной, а детей от второго брака – почти без средств к существованию. Его племянник вспоминал, что поступки дяди «до того разорвали все его связи с самыми ближними родственниками, что, когда он умер, не оставив денег даже на похороны, его схоронили на свой счет актеры московского театра».

Очень скоро после его смерти лавры русского Буало и Мольера увяли. Потомки переоценили место Сумарокова в поэзии: на фоне поэтических тяжеловесов – Ломоносова, Державина, Крылова, Фонвизина – он не выглядел уже ни Лафонтеном, ни Мольером, ни Буало. Может быть, поэтому Пушкин назвал его карликом, а Белинский осторожно заметил, что «Сумароков был не в меру превознесен своими современниками и не в меру унижаем нашим временем».

Он не был гением и титаном. Но гениям и титанам, чтобы двигаться вперед, нужны предшественники и современники. Даже когда они такие нелепые, смешные, пьяные и несчастные – если они делают свое дело честно, увлеченно и с любовью.

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Чуть не любой спор на тему «есть такое слово или нет», «можно так сказать или нельзя» в конечном счете оканчивается апелляцией к Далю: у него все есть. Полная коллекция русских слов как коллекция бабочек: обширная, разноцветная, включающая вымершие к нашему дню виды и редкие мутации. Коллекционер и классификатор — роль во всякой национальной культуре важная. Даль, однако, для российской культуры был больше, чем коллекционер и классификатор.

Русский лексикограф, одаривший Россию полным словарем ее языка, даже и русским по крови не был — хотя, несомненно, был русским по духу. Отец его, датчанин Йохан Христиан фон Даль, был по образованию филологом и богословом. В Россию его позвала Екатерина II служить придворным библиотекарем, однако он понял, что больше пользы может принести как врач. Вернулся в Йену, выучился на доктора и вновь отправился в Россию. Работая врачом в Луганске, он боролся с антисанитарией, занимался профилактикой инфекций, устроил лазарет для рабочих. Затем семья переехала в Николаев.

Мать Даля, Мария Фрейтаг, дочь немца и беглой француженки-гугенотки, владела пятью языками. Йохан Даль знал семь языков, в том числе древнееврейский. Владимир унаследовал родительские таланты в полной мере.

Дети — а их в семье было шестеро — получили образование дома. Мать учила их и наукам, и рукоделию. Дочь Владимира Ивановича Екатерина писала: «Часто он говаривал, что никогда не быть бы ему таким искусным хирургом, если бы пальцы его не были приучены к мелкой женской работе». Даль очень любил мать и писал о ней: «Мать разумным

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и мягким обращением своим, а более всего примером, с самого детства поселила во мне нравственное начало, окрепнувшее с годами и не покидавшее меня во всю жизнь... Я сознаю это благое влияние материнского воспитания, и сын мой, ею же воспитанный, говорит о себе то же».

Мальчик писал стихи и проявлял, скорее, гуманитарные таланты, однако в 13 лет вместе с младшим братом, Карлом, отправился в телегу из Николаева в Петербург учиться в престижном Морском кадетском корпусе. Среди одноклассников и друзей Даля были будущий адмирал Нахимов, будущие герои сражения в Наваринской бухте Станицкий, Завалишин (ставший декабристом) и Рыкачев, автор воспоминаний «Год Наварина»... Владимир учился очень хорошо: был двенадцатым по успеваемости, но корпус не любил, бездушное и казенное воспитание претило ему. Впоследствии он написал о своих юношеских годах повесть «Мичман Поцелуев». Главный герой ее, Смарагд Поцелуев, «жаждал познаний, душа его требовала постоянных, урочных и полезных занятий — а между тем он носил ее с собою в караул, на знаменитую гауптвахту в молдаванском доме, иногда на переключку в казармы у вольного дока, носил как гостью, как чужую, и сам видел, что этой пищи было для него недостаточно». Время учебы в корпусе Даль называл «убитыми годами». Учебное плавание по портам Балтийского моря в 1817 году убедило его в том, что море — не его призвание. Хотя бриг «Феникс» был прекрасен, командовал им один из лучших флотских командиров, лейтенант Дохтуров, программа практики была чрезвычайно обширна и включала знакомство с городами и жизнью иностранных гардемарин. Двенадцать лучших учеников, взятых в плавание, должны были вести дневники, куда записывали впечатления. Вот писательство Владимиру было интересно (кстати, он еще во время учебы в корпусе собрал словарик кадетского жаргона из 34 слов). В программе практики был заход в Копенгаген; Даль очень ожидал встречи с родиной предков, но в Дании убедился, что родина его Россия, что с Данией у него нет ничего общего. Окончив курс и получив звание мичмана, он попросился служить на Черном море, в Николаеве, где еще жила его семья. Отправился через всю Россию к месту службы на лошадях, как тогда и путешествовали. «На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово,

которое дотол не слышал», — писал Даль, а Мельников-Печерский рассказал в своих воспоминаниях случай, который вошел даже в школьные учебники русского языка: «Ямщик... поглядел на небо и в утешение продрогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу. «Замолаживает!» — сказал он. По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось. Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на холод, выхватывает из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет: «Замолаживает — иначе пасмурнеет — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью...»

Далю тогда едва шел восемнадцатый год. Так началась работа над словарем, которая длилась более полувека.

ПОИСКИ СЕБЯ

В 1821 году умер отец семейства, Иван Матвеевич, как его звали по-русски. Большая семья осталась почти без средств к существованию: старшие братья были юны и только начинали карьеру, младшие еще не вышли из детского возраста. Брата Льва взял в свой полк муж старшей сестры; мать с братом Павлом уехала в Дерпт и зарабатывала там репетиторством. В 1823 году у Владимира Даля случилась крупная неприятность. Он написал хлесткую эпиграмму на главнокомандующего Черноморским флотом вице-адмирала Грейга, эпиграмма широко разошлась по городу, и начальство решило принять меры. При обыске у Даля обнаружили рукописный черновик стихотворения, так что молодого моряка разжаловали в матросы и посадили на полгода под арест. Затем суд его оправдал, ему присвоили следующий чин, лейтенанта, но оставаться в Николаеве Владимир Иванович не мог: Грейг препятствовал его продвижению по службе. Даль перевелся в Кронштадт, а в 1826 году, отслужив положенные 7 лет отработки обучения за казенный счет, он вышел в отставку. Он еще и качки не выносил.

Двадцать пять лет, отставка, ни дела в руках, ни дохода — по сути, надо начинать жизнь заново. Он уехал в Дерпт к матери и там поступил в университет на медицинский факультет. Зарабатывал частными уроками русского языка, жил на чердаке, однако свои студенческие годы всегда вспоминал добром: «Каждый сам располагает собою и временем своим как ему лучше, удобнее, наконец, как хочется... Нас не секли, не привязывали к ножке стола... Это не школа, здесь нет розог, нет неволи». Здесь уже его однокурсником был Николай Пирогов, будущее светило хирургии и друг Даля на всю жизнь.

Даль продолжал писать стихи и маленькие комедии, причем стихи его в первый раз появились в печати в журнале «Славянин», который издавал Воейков. Именно в это время студент-медик вошел в литературные круги и свел знакомство с известными литераторами, в том числе с Жуковским и Языковым.

Мельников-Печерский пишет о годах его работы в госпитале: «Здесь он трудился неутомимо и вскоре приобрел известность замечательного хирурга, особенно же окулиста. Он сделал на своем веку более сорока одних операций снятия катаракты, и все вполне успешно. Замечательно, что у него левая рука была развита настолько же, как и правая. Он мог левою рукой и писать и делать все, что угодно, как правую... Самые знаменитые в Петербурге операторы приглашали Даля в тех случаях, когда операцию можно было сделать ловчее и удобнее левою рукой».

МОЛНИЕНОСНЫЙ ХИРУРГ

В 1828 году в мирные планы Даля вмешалась русско-турецкая война. Всех медиков, которые учились за казенный счет, отправили на фронт фельдшерами. Далю, отличному студенту-энциклопедисту, позволили в виде исключения сдать экзамены досрочно и ехать в армию врачом; он блестяще сдал экзамены — и на степень доктора не только медицины, но и хирургии. В армии новоиспеченный хирург получил большую практику и огромный опыт. После того как русские войска заняли крепость Силистрия, на поле боя осталось две тысячи раненых, и Даль, уже чуть не падавший от усталости, «резал, перевязывал, вынимал пули»... За турецкую кампанию он получил орден Св. Анны.

Солдатики в госпиталь попадали из всех уголков России, и чуткое ухо доктора продолжало автоматически ловить интересные словечки. «Речь простолюдина, — замечал тогда Владимир Иванович, — с ее своеобразными оборотами всегда почти отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, определенностью, и в ней было гораздо больше жизни, чем в языке книжном и в языке, которым говорят образованные люди». Он постоянно собирал новые слова, пословицы, сказки. Даль писал: «Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка...» Записи свои он возил в тюках на верблюде, который однажды пропал. Даль был безутешен — однако через 11 дней казаки привели к нему отбитого у турок верблюда вместе со всеми драгоценными записями.

Даже после войны Даль продолжал работать в опасных местах. В 1831-м лечил холерных больных и занимался профилактикой распространения холеры; врачей на холере и тогда, и позже бунтующий народ мог убить. Затем он оказался в Польше, на подавлении восстания. Здесь он отличился: когда войскам нужно было перебраться на другой берег Вислы, но инженера для постройки моста не было, доктор Даль сам создал понтонный мост, защищал его, пока войска переправлялись, и затем разрушил. Начальство вместо благодарности объявило ему выговор: врач должен раненых лечить, а не мосты строить; однако император Николай I наградил Даля орденом Св. Владимира с бантом. После войны Владимир Иванович пошел работать ординатором в военно-сухопутный госпиталь в Петербурге. Здесь его прозвали «молниеносным хирургом»: наркоза еще не было, операции делали по живому, но на столе у Даля ни один раненый не умер от болевого шока. При этом талантливый врач, как некогда и его отец, воевал с казнокрадством, антисанитарией, бюрократизмом (кое-что из его опыта воплотилось в повести «Вах Сидоров Чайкин»).

СКАЗОЧНИК

В столице у него было больше времени заниматься литературой и больше возможностей печататься. Бывший моряк, хирург, он вошел теперь в круг литераторов, познакомился и подружился с Пушкиным, Крыловым, Гоголем, Одоевским.

Первая повесть Даля, под названием «Цыганка», вышла в еще 1830 году; в 1832-м он издал книгу лично собранных и пересказанных сказок с кучерявым названием: «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый». Писатели приветствовали новую книгу, Пушкин горячо обсуждал с ее автором красоту и поэзию русского фольклора. Однако Фаддей Булгарин усмотрел в ней насмешки над правительством и нецензурщину и написал донос. Книгу запретили, а самого Даля взяли в печально известное Третье отделение. За него заступился Жуковский, служивший при дворе. Николай I опять сыграл роль доброго царя: Даля освободили уже через несколько часов. Более того, освободили и от предстоящей тяжелой командировки на эпидемию глазной болезни в военно-сиротских заведениях: царь счел, что это будет уж очень похоже на ссылку.

Но вскоре Даль оставил не только Петербург, но и медицину: оставаться в госпитале, где с попустительства начальства творились безобразия, он уже не мог и не хотел. Он попросил о помощи Жуковского, тот переговорил со своим другом Василием Перовским, военным губернатором Оренбурга и братом писателя Алексея Перовского (мы его знаем как автора «Черной курицы» Антония Погорельского). Губернатор предложил Далю место чиновника особых поручений. Эта работа под началом человека образованного и мыслящего означала свободу от утомительной

казенщины. Перед отъездом в Оренбург Даль женился на 17-летней Юлии Андре. Когда в Оренбург приезжал Пушкин, собирая материалы о Пугачевском бунте, Даль несколько дней ездил вместе с ним. В воспоминаниях Даля о Пушкине есть уморительный эпизод: поэт расспрашивал старожилов о Пугачеве и одарил одну старуху, которая ему особенно много рассказала, золотым червонцем. Местные жители испугались, отвезли старуху с ее червонцем к начальству и наябедничали: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». Антихрист Пушкин, который обычно отпускал длинные ногти, немало смеялся. Кстати, именно Даль подарил Пушкину сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке». Пушкин написал Дально на новенькой книжке: «Твоя от твоих. Сказочнику Дально от сказочника Пушкина». К вопросу о том, каким Даль был сказочником: «Курочку Рябу» именно он написал.

НАТУРАЛИСТ И ЭТНОГРАФ

По службе Даль много ездил по губернии и встречал самых разных людей. Он внимательно вглядывался в необычную для него азиатскую, степную жизнь. Он написал повесть о башкирах и повесть о казахах. Собрал две богатые коллекции флоры и фауны губернии, которые получили высокую оценку Академии наук. Замысел «Толкового словаря» тоже вызрел в Оренбурге. При этом Даль продолжал оперировать — за семь лет своей службы в Оренбуржье он бесплатно сделал более 50 операций на глазах.

Город стоял на пути из России на восток и был центром торговли со Средней Азией; Даль увлекся востоковедением, тюркскими языками, которые заинтересовали его еще в русско-турецкую войну. Его описания особенностей тюркских языков — едва ли не первые лингвистические работы в русской тюркологии. Даль собирал старинные тюркские рукописи, одну из которых, редкое и ценное историческое сочинение XVII века, тоже передал Академии наук.

Он основал в Оренбурге естественно-научный музей, перевел на русский язык с немецкого «Естественную историю Оренбург-

К.А. Зенф (?).
Портрет
В.И. Даля

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ского края» Эверсмана и приобрел такие обширные познания в области биологии, что по возвращении в Петербург начал работу над учебниками для военно-учебных заведений. Его «Зоологию» и «Ботанику» высоко оценили и преподаватели, и ученые. В 1838 году Петербургская Академия наук избрала Даля своим членом-корреспондентом за его естественно-научные труды.

СВИДЕТЕЛЬ

В 1836 году Даль ненадолго приехал в Петербург.

П. И. Мельников-Печерский рассказывал: «Незадолго до смерти Пушкин услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА

В. И. Даль составлял «Толковый словарь» 53 года.

До сих пор он остается одним из крупнейших и авторитетнейших словарей русского языка. Содержит около 200 тысяч слов и 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок и присловий. Последние четыре новых слова, услышанных от прислуги, Даль внес в свой словарь за неделю до смерти.

«...Это не есть трудъ ученый и строго выдержанный; это только сборъ запасовъ изъ живаго языка, не изъ книгъ и безъ ученыхъ ссылокъ; это трудъ не зодчаго, даже не каменщика, а подносчика его; но трудъ цѣлой жизни...» — из речи Даля «О русскомъ словарѣ», зачитанной в Обществе любителей российской словесности 25 февраля 1860 года.

сбрасывают с себя змеи, называется по-русски — выползина. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток с грустью сказал Дально: «Да, вот мы пишем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!..» На другой день Пушкин пришел к Дально в новом сюртуке. «Какова выползина! — сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. — Ну, из этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу...».

Когда Даль услышал, что Пушкин ранен на дуэли, немедленно помчался к нему. Как врач и как друг, он стоял у постели Пушкина, которому тогда медицина ничем не могла помочь. Он просидел с умирающим всю ночь, поил с ложечки, подавал лед — у поэта был жар. Даль подробно описал эти тяжкие часы для потомства — пушкинскую тоску и боль, смирение и готовность встретить смерть. «Ужас невольно обдавал меня с головы до ног, — я сидел, не смеядохнуть, и думал: вот где надо изучать опытную мудрость, философию жизни; здесь, где душа рвется из тела, где живое, мыслящее совершает страшный переход в мертвое и безответное, чего не найдешь ни в толстых книгах, ни на кафедре!» Именно в эти часы Пушкин перешел с Далем на ты — навсегда. Впадая в забытье, поэт брал друга за руку и звал — пойдем, пойдем со мной, выше! Приходя в себя, рассказывал: мне показалось, что мы лезем с тобой по книжным полкам... И снова звал — под-

ними меня, пойдем, пойдем! Даль сохранил последние слова Пушкина: «Кончена жизнь» — и «тяжело дышать, давит». И расслышал его тихий, незаметный последний вздох.

Пушкин завещал другу свой перстень с изумрудом, который называл своим талисманом, и простреленный сюртук, ту самую «выползину»; похоронили поэта в сюртуке его друга Нащокина. Понимая ценность этих реликвий, Даль заботился о том, чтобы сберечь их для потомства; и перстень, и сюртук сейчас находятся в Музее Пушкина на Мойке.

УПРАВЛЕНЕЦ

В Оренбурге родились сын и дочь Даля. После рождения дочери умерла жена. Даль остался вдовцом с двумя малыми детьми. В 1839 году Даль принял участие в походе против хивинского хана, который окончился трагедией: большая часть войска не вернулась обратно. Оставаться в Оренбурге он больше не собирался: Перовский, измученный неудачным походом, уходил в отставку, и его команда, как сейчас говорят, задумывалась о новых местах службы.

В 1840 году Даль снова женился — на Екатерине Соколовой, и в 1841 году переехал в Петербург. Вторая жена родила ему трех девочек.

В столице он продолжал свои естественнонаучные изыскания — работал над учебниками, писал для журналов статьи о повадках животных. Писал повести и рассказы, много публиковался и именно в это время стал известным писателем. Работал он теперь начальником особой канцелярии Министерства внутренних дел; министром был третий брат Перовский — Лев.

К этому времени Даль уже дослужился до статского советника; он довольно много сделал для совершенствования системы больниц, создал и ввел в Петербурге «городовое положение», написал исследование

о скопческой ереси. Пользуясь своим служебным положением, Даль придал своей работе над словарем всероссийский масштаб: он мог рассылать запросы в регионы и получать материалы с мест. Писцы их переписывали и сортировали по губерниям; один из служащих канцелярии писал потом, что «самый воздух в ней был пресыщен филологией».

Гости у Далея собирались по четвергам. И были они замечательные, цвет страны: мореплаватель Врангель, хирург Пирогов, актер Щепкин, поэт Шевченко, писатель Одоевский. На одном из таких «четвергов» родилась идея создания Русского географического общества.

В 1847 году Даль попросил читателей журнала «Отечественные записки» присылать ему народные слова, сказки, пословицы, описания праздников. Общество откликнулось — материалы ему присылали многие литераторы, ученые, чиновники.

Вот это еще в нем замечательно: он не только собиратель, писатель, доктор — но и неутомимый, опытный, умелый организатор; не только в лексикологии, но и в лечебном деле, и в этнографии, и в изучении естественных наук; не только самому узнать, но и поставить дело так, чтобы принести максимальную общественную пользу, — вот доминанта его служения.

ЗАЩИТНИК

В 1848 году в «Москвитянике» вышла маленькая повесть «Ворожейка» о цыганке-мошенице. Кончалась она словами: «Власти, как всегда, бездействовали». Повесть очень не понравилась царю: от литератора это стерпеть можно, от чиновника — уже никак. Царь велел поставить автору на вид. Министр Перовский сказал Далю афористически: «Выбирай что-нибудь одно: писать — так не служить; служить — так не писать». Девять-десять было некуда — Даль попросился в провинцию. Он хорошо помнил предыдущий арест с обыском — и загодя сжег все свои бумаги, о чем потом жалел.

Он уехал в Нижний Новгород управлять удельной конторой — ведать делами крестьян, принадлежащих царской семье. В губернии их было 37 тысяч, и нового управляющего ожидало бескрайнее море бед и проблем. Даль писал друзьям: «У столичных чиновников даже нет и понятия о той грязи, с которой мы возимся. Но унывать нельзя, а надо бороться день и ночь до последнего вздоха». Здесь он чем только не занимался: от систематизации

сведений о губернии до собственноручного выдергивания больных зубов крестьянам! И все это время он продолжал работать над словарем. Бродил с записной книжкой по Нижегородской ярмарке, собирал, классифицировал; писцы писали, длинные списки слов укладывались в коробочки... В Нижнем же он опубликовал статью «О наречиях русского языка», несколько статей о вреде одной грамотности без просвещения и сотню очерков из русской жизни (потом он издал их отдельной книгой).

Когда в 1853 году началась очередная русско-турецкая война, Даль создал в Нижнем Новгороде добровольческий полк, один из первых в России, и в составе этого полка на фронт поехал его сын Лев.

С ранних лет Даль не выносил несправедливости и дурного устройства дел, поэтому постоянно ссорился с начальством. В Нижнем он конфликтовал с губернатором, которому прямым текстом однажды написал: «Чиновники Ваши и полиция делают, что хотят, любимцы и опричники не судимы. Произвол и беззаконие господствуют нагло, гласно». Отношения с губернатором обострились, и наконец после очередной ссоры с ним Даль подал в отставку. Служить в условиях тотальной неправды и несвободы ему надоело. Он хотел заниматься своим делом — словарем. В Нижнем он закончил обработку материалов до буквы П включительно.

ЛЕКСИКОГРАФ И ПИСАТЕЛЬ

В 1859 году семья Даля переехала в Москву. Здесь его уже ничто не отвлекало от словарной работы. Наконец он выступил с докладом о ней на заседании Общества любителей российской словесности; Общество признало работу важной и решило изыскать средства для публикации словаря. К этому времени Даль разбирался в словечках, диалектах, акцентах как русский профессор Хиггинс, куда позднее придуманный Шоу; поговору он безошибочно определял происхождение человека — и однажды неожиданно вывел на чистую воду двух бродяг с фальшивыми паспортами, которые пытались выдать себя за вологжан-монахов. Даль собирал материалы для украинского словаря. Знал немецкий, французский, английский; в Дерпте выучил латынь; говорил на украинском, польском, белорусском; в Оренбурге научился объясняться с татарами, казаками и башкирами на их языках. Зная несколько славянских языков, смог читать и на других — болгарском и сербском.

Публикация словаря началась в 1861 году и продолжалась семь лет; в 1862-м вышел в свет второй фундаментальный труд — «Пословицы русского народа», появилось его Полное собрание сочинений.

Работу Даля страна оценила по заслугам: он стал почетным членом Петербургской Академии наук, Общества любителей российской словесности, Императорской Академии наук... Вообще, к концу жизни награды посыпались на Даля как из рога изобилия; сам он оставался человеком скромным и перечислять свои ордена и регалии не любил. Составляя их перечень по просьбе академика Грота, Даль писал: «Сам испугался учености своей, переписав все почеты эти... Да для чего вам все это, право, не понимаю... Судите дело, а личность откиньте, что вам до нее?» Ученые-языковеды, однако, считали труд Даля далеко не безупречным. Сергей Булич, автор статьи о Дале в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, отзываясь о «Толковом словаре» без всякого пиетета: «Его словарь, памятник огромной личной энергии, трудолюбия и настойчивости, ценен лишь как богатое собрание сырого материала, лексического и этнографического... не всегда достоверного». Булич ставит Далю в вину отсутствие фундаментального филологического образования, неспособность систематизировать и объяснить собранный материал научно. «В природе Даля, несмотря на естественно-историческое образование, полученное в Дерптском университете, было что-то мешавшее ему сделаться спокойным и точным ученым», — пишет Булич, излагая довольно популярный в научном сообществе начала XX века взгляд на роль Даля в русской лингвистике.

Кажется, «спокойным и точным ученым» Далю мешало сделать его постоянное стремление действовать, приносить непосредственную пользу здесь и сейчас. Не было описания края — составил; увидел больного крестьянина — прооперировал; коллекцию собрал и подарил академии; нашел любопытный сюжет — передал тому, кто им лучше распорядится; увидел интересное — описал и напечатал. Сюжет Пушкину, песни Киреевскому, сказки Афанасьеву, собрание лубочных картин — Императорской публичной библиотеке... Коллекции, собрания, редкие рукописи раздавал щедро и бескорыстно: берите, пользуйтесь!

Литературное творчество Даля Булич тоже ценит невысоко: «Многочисленные повести и рассказы его страдают отсут-

ствием настоящего художественного творчества, глубокого чувства и широкого взгляда на народ и жизнь. Дальше бытовых картинок, схваченных на лету анекдотов, рассказанных своеобразным языком, бойко, живо, с известным юмором, иногда впадающим в манерность и прибауточность, Даль не пошел, и главная заслуга его в этой области заключается в широком пользовании этнографическим материалом». А вот иного мнения придерживался Гоголь: «По мне он значительней всех повествователей-изобретателей». Белинский называл его «живой статистикой русского народонаселения». В литературе Даль занимает свою нишу — «физиологического очерка», считается основателем и типичным представителем «натуральной школы». Когда Россия Даля ушла в историю, эти очерки, повести, сказочки, перечислять которые здесь будет слишком долго, стали живым и непосредственным свидетельством канувшей в Лету пестрой и многообразной жизни.

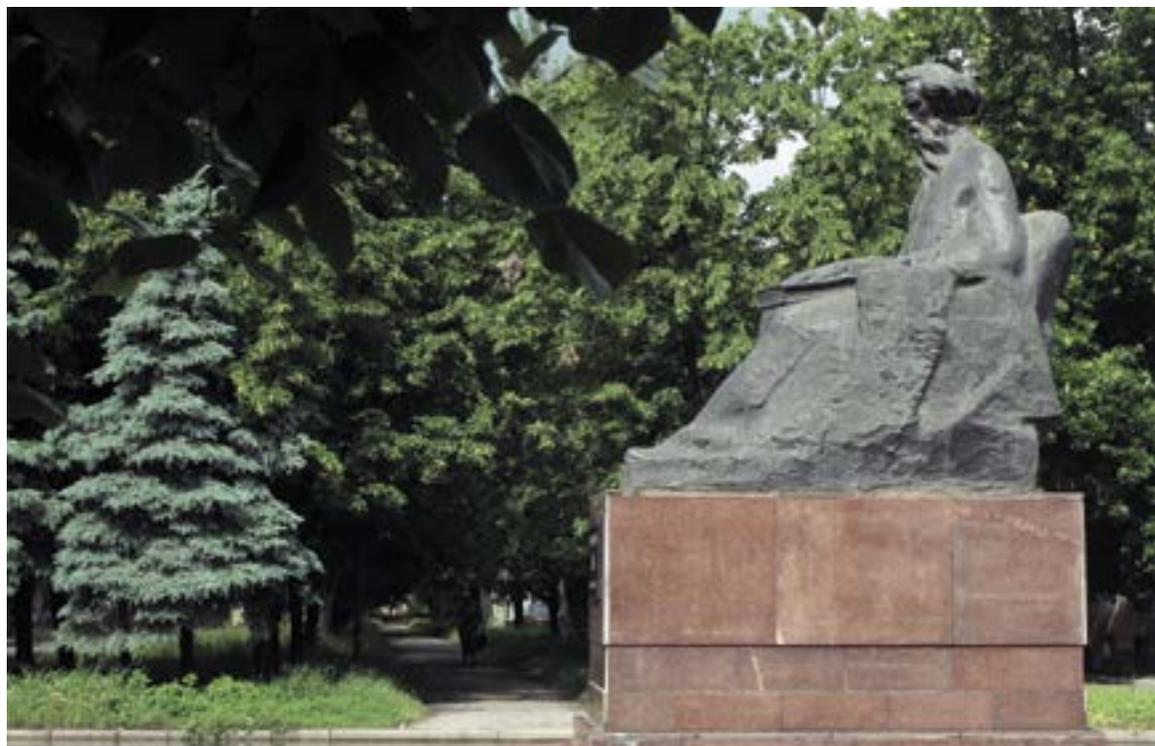
Недаром и в заглавие словаря своего Даль вставил ключевое слово «живой» — «живого великорусского языка». И словарь с его огромным количеством контекстуальных примеров дает полную и подробную картину богатого и щедрого языка; в этом смысле он — произведение более художественное, нежели научное.

Большое, говорят, видится на расстоянии. С расстояния в полтора века, отделяющих нас от первой публикации Даля, уже хорошо видно, какая это громада.

И не только словарь, но и автор его человек поразительный, возрожденческого масштаба: вышивать, оперировать глаза, сколачивать табуретки, устраивать разумную систему здравоохранения, писать учебники по ботанике и изучать татарский язык — все он умел, все ему давалось. И все его много-

летние труды были не для собственной славы, карьеры, богатства. А для чего — сегодня хорошо видно.

Как заспорим, есть в русском языке какая-нибудь «каралька» или нет, — так пожалуйста к Далю. 🍷

НИКОЛАЙ СИДОРОВ / КОММЕРСАНТЪ

КАЗАК ЛУГАНСКИЙ

ЕЛЕНА ПРИВЕН

Тридцать лет жители Луганска добивались создания в своем городе музея Владимира Ивановича Даля. Ведь именно Луганск — родина этого выдающегося русского этнографа, писателя, лексикографа, лингвиста и врача.

И хотя Владимир Иванович, родившийся в семье датского лекаря, врачевавшего работников Луганского литейного завода, прожил здесь всего четыре детских года, он на всю жизнь сохранил этот край в своем сердце и увековечил имя города в собственном псевдониме. Даль всегда считал Луганск своей родиной, к которой был сильно привязан. Казак Луганский, Владимир Луганский — так подписывал писатель и ученый свои научные и литературные труды.

Энтузиасты из числа профессоров и доцентов луганских институтов, литераторов, музыкантов, врачей, инженеров собирали частные коллекции, изучали наследие Даля. Вполне естественно, что у этих людей возникла общая мечта — создать музей. В 50-е годы в Луганске было организовано общественное движение в поддержку этой идеи. Сказать, что в советское время реализовать эту мечту было непросто — значит ничего не сказать. Ведь речь шла не о музее героя Гражданской или Великой Отечественной войны. Речь шла о личности полузабытой, к тому же дворянского происхождения да еще известной своими монархическими взглядами. Так что путь был тернистым, трудным и долгим. Только в 1986 году в Луганске открылся первый в СССР музей Владимира Ивановича Даля. До этого еще сумели добиться переименования одной из улиц города, которая до этого носила имя Юного Спартака.

«Это говорит прежде всего об интенсивности культурной жизни региона, об уровне его интеллигенции, его творческой элиты, о ее подвижничестве. Сплоченность этих людей сдвинула горы. Скульптор Илья Овчаренко работал над памятником Дालю, который был установлен в 1981-м, с 1950-х

годов. Валентин Нестайко, доцент медицинского института, писатель Тарас Рыбас, врач-онколог Юрий Ененко, художники, литераторы — все вместе они смогли сделать почти невозможное. Но и городская власть проявила мужество, потому что идею приходилось отстаивать на государственном уровне, несмотря на противодействие чиновников. Музей начинали с нуля, поэтому понадобились большие средства. И сегодня есть финансовые проблемы, но они решаемы, хотя денег, конечно, всегда не хватает, ведь экспозиция требует обновления, пополнения», — рассказывает заведующая Музеем Владимира Даля Людмила Соколова.

КУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ

Людмила Петровна из тех энтузиастов, которые могут рассказывать о Дале часами. С гордостью она говорит о том, что для широкой общественности имя Владимира Даля в середине XX века открыли не в последнюю очередь луганские ученые, литераторы, энтузиасты, изучавшие его жизнь и творчество.

Этот факт имеет большое символическое значение, особенно в связи с бессовестными разговорами о том, что Донецкий край, Луганск якобы были и остаются Диким полем — местом, где живут чуждые культуре и духовности люди, не знающие своего прошлого и безразличные к будущему. На самом деле все обстоит совершенно иначе. На Луганском литейном заводе, построенном в конце XVIII века, была создана высококлассная техническая школа, которая готовила инженерных специалистов. Здесь работали лучшие выпускники Горного кадетского корпуса. Техническая интеллигенция была высокообразованной и в гуманитарном отношении. Мастера и инженеры знали языки, владели музыкальными инструментами, открывали школы, преподавали в них, опекали библиотеки, организовывали благотворительные концерты. «Улица Даля когда-то называлась Английской, потому что здесь жили приехавшие в Луганск, на Литейный завод, иностранные мастера. Многие из них увлекались искусствами, знали литературу, музыку. Поэтому современная интеллигенция Луганска имеет весьма глубокие культурные корни, наша история благородна и велика, мы ее не забыли», — говорит Людмила Соколова.

Сегодня музей финансируется из городского бюджета. Мэрия много делает для содержания здания в порядке и пополнения экспозиции. Есть большой круг друзей музея, меценатов, расширяющих коллекцию документов и артефактов. И это не только луганчане. Несколько портретов Владимира Даля написала, привез-

ла в Луганск и передала в дар музею нижегородская художница Нэлла Генкина. Экспозиция может похвастаться раритетными и даже уникальными вещами, подаренными музею городской и областной властью, учеными медицинского института, благотворительными фондами. Настоящая гордость музея — фортепиано, принадлежавшее семье Владимира Ивановича Даля. Здесь есть артефакты той эпохи, в которую жил Владимир Иванович, — хирургические инструменты, которыми мог бы оперировать врач Даль, учебник зоологии, в написании которого принимал участие биолог Даль, первые оригинальные оптические офорты Андрея Сапожникова 1842 года, собрание которых сделал коллекционер Даль... А вот фотокопия первого сборника «Русские сказки», вышедшего в 1832 году. Книга написана простым языком и называется «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные». Автор — Казак Владимир Луганский. Это ценнейшая копия, потому что весь тираж этой книги был уничтожен. Власти усмотрели в сатирических текстах угрозу провоцирования народного недовольства и запретили продавать книгу, изъяв и уничтожив тираж. Даля даже арестовали, но к вечеру того же дня выпустили как героя Русско-польской кампании 30-х годов XIX века.

Можно лишь удивляться тому, насколько разносторонне одаренным человеком был Владимир Даль. Он разрабатывал хирургические инструменты, проводил блестящие офтальмологические операции, строил мосты, изучал биологию и военные науки, стал одним из основателей Российского географического общества... Конечно, нам более всего известны его этнографические и филологические изыскания. Даже очень мало интересующиеся науками люди наверняка слышали о «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля — чудесном собрании слов, пословиц, поговорок русского языка. И уж точно все читали сказку о Курочке Рябе, написанную Владимиром Ивановичем.

ОБЪЕДИНЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Даль всю жизнь страстно любил Украину, многие даже считали, что идеализировал ее. Он прекрасно владел украинским языком, знал Украину, ее быт, нравы, обычаи, культуру и литературу. «Малороссия — словно Родина его», — говорил Белинский. Почему — словно? Она и есть его Родина, принятая всем сердцем. Вот его строки: «Да, благословенная Украина. Как бы там ни было, у тебя за пазушкой жить еще можно! Оглобля, брошенная на землю, за ночь обрастает травой. Каждый прут, воткнутый мимоходом в тучный чернозем, дает вскоре тенистое дерево. Как сядешь на одинокий курган да глянешь до конца

света — так и кинулся бы впласть по этому волнистому морю трав и цветов, — и плыл бы, упиваясь гулом его и пахучим дыханием до самого края света».

«Такие строки невозможно написать без искренней любви. И это только одна цитата. А как он описывал украинскую кухню! Природу, характер украинцев! Даль много работал над созданием украинского словаря, но, к сожалению, не закончил его. Но в Словарь живого великорусского языка ввел и пословицы украинские, и множество слов малороссийского южного диалекта», — рассказывает Людмила Соколова.

В XIX веке в обществе шла дискуссия: будет ли жить украинская литературная проза или украинский останется лишь языком басен и песен, красивым, мелодичным, но используемым почти исключительно в фольклоре? Даль, для того чтобы убедить спорщиков, что украинская литература будет существовать, делает перевод повести Григория Квитки-Основьяненко и помещает его в солидном периодическом издании. Он хотел таким образом увлечь читающую публику украинской литературой и языком. Для него, этнографа и филолога, русский и украинский народы всегда были неразрывным, единым целым, и всю жизнь Даль посвятил объединению славянских культур.

Высочайшим образом Даль оценивал творчество Тараса Шевченко. Молодой малороссийский писатель и художник опекался российским творческим бомондом, приложившим огромные усилия к тому, чтобы выкупить талантливого самородка из крепостной зависимости. Его снабжали деньгами, красками и холстами, старались облегчить ссылку. Владимир Даль активно участвовал в этом, стараясь, по природной скромности, оставаться в тени. Писатели встречались, общались, но между ними случилась размолвка, связанная, очевидно, с пристрастием Шевченко к алкоголю и его высокомерным отношением к своим благодетелям. Однако Даль всегда весьма высоко отзывался о талантах Шевченко, считая его самым заметным явлением украинской культурной жизни.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

В наше прагматичное время, когда даже «Войну и мир» издают в виде комиксов, чтобы не нагружать ленивых отроков чтением, добиться того, чтобы молодые люди помнили и изучали наследие Даля, непросто. Для этого нужен энтузиазм, граничащий с подвижничеством. Студенты Восточноукраинского национального университета им. В. Даля опекаемы именно таким человеком. Татьяна Свиридова, одна из основательниц Музея Даля, возглавлявшая его на протяжении многих лет, сегодня научный сотрудник Центра далеведения университета, даже пьесы написала, чтобы заинтересовать студентов личностью, судьбой и трудами великого этнографа. «Мы живем на родине Даля, но, если вы спросите у молодых людей, даже студентов-гуманитариев, чем прославился этот великий ученый, мало кто из них вам ответит на этот вопрос. Не знают, почему он велик, почему известен во всем мире, почему вошел в сотню великих украинцев, почему 2001 год был объявлен ЮНЕСКО Годом Даля, имеют лишь самое общее представление. Приходится прикладывать колоссальные усилия, чтобы молодых людей, для которых есть только компьютер, Интернет и современная музыка, заинтересовать личностью великого ученого», — говорит Татьяна Николаевна.

В 2001 году в результате огромных усилий научной и творческой общественности Восточноукраинский национальный университет получил имя Даля. А в 2003 году в университете был создан Центр далеведения для исследовательской работы и просветительской деятельности. Сотрудники центра, финансируемого университетом и активно поддерживаемого ректором Александром Голубенко, читают лекции, проводят беседы, чтения, традиционные Далевские четверги. Все это включено в программу вуза. На сайте центра размещены самые интересные материалы. Например, фотографии сцен из спектаклей, которые поставлены по пьесам Татьяны Свиридовой. В одной из них действие разворачивается на Нижегородской ярмарке, где Владимир Иванович встречается с представителями разных слоев общества того времени. «На ярмарке Даль встречается и с Тарасом Шевченко. Такая встреча была на самом деле. Когда Даль был в Нижнем Новгороде, мимо проезжал, возвращаясь из оренбургской ссылки, Тарас Шевченко. В своих дневниках украинский поэт писал о встрече с Далем. У Владимира Ивановича об этом тоже есть воспоминания. А я уже досочинила их возможный диалог. Даль

рассказывает Шевченко, что пришел на ярмарку послушать народный говор, песни, найти новые пословицы, народные анекдоты», — объясняет Татьяна Николаевна. Студенческий театр поставил пьесу, и она прошла с большим успехом. Зрители были просто ошеломлены энтузиазмом студентов СтудДальТеатра. Ободренная успехом постановки, Татьяна Свиридова написала еще одну пьесу — «Незабываемые встречи». Александр Пушкин и Владимир Даль сыграли в жизни друг друга огромную роль. По оценкам литературоведов, их вклад в российскую словесность огромен. Пушкин стал основоположником современного литературного русского языка, Даль — хранителем сокровищ языка народного. Они познакомились в 1832 году в Петербурге, потом виделись в Оренбурге, куда Александр Сергеевич ездил для сбора материалов о Пугачевском бунте, Даль присутствовал и при кончине великого поэта. Студенческий театр поставил и эту пьесу, и за этот спектакль получил звание «народного». «К сожалению, мы не можем показывать свои постановки широкому зрителю, потому что для этого нужны большие деньги, которых у нас нет. Ведь все этнографические костюмы, парики, грим, декорации мы брали в аренду в театре, а это дорого, — сокрушается Татьяна Свиридова. — Но нам даже более важно, чтобы именно наши студенты знали и помнили, какое славное имя носит университет, где им выпала честь учиться».

Ежегодно в день рождения В. И. Даля, 22 ноября, здесь проходят Международные Далевские чтения. Главное событие — научно-практическая конференция, в которой участвуют ученые с Украины, из России и Белоруссии. Были попытки наладить контакты с Тартуским университетом, где учился Владимир Даль, но пока безрезультатно. По итогам конференции издается сборник научных работ. Центр разработал проект, поддержанный областным советом, областной администрацией, по изданию трехтомника Даля. Это первое подобное издание на Украине. «В России много издают, а мы — нет. Но сам Даль называл себя Казаком Луганским. Некоторые труды подписывал так — Владимир Луганский. Разве не должны мы приложить все усилия, чтобы память о нашем великом земляке была должным образом отмечена, чтобы новые поколения луганчан гордились тем, что наш край — родина Даля?!» — говорит Татьяна Свиридова. Работа ученых-далеведов сегодня мало востребована на Украине. Теперь у нас другие герои, другие имена на слуху — сомнительные, с точки зрения многих украинцев.

«Мне приходилось неоднократно выслушивать пренебрежительные вопросы от слишком ретивых украинских националистов, так называемых патриотов. Особенно когда я работала в Музее Даля. Они приезжали в Луганск, приходили в музей

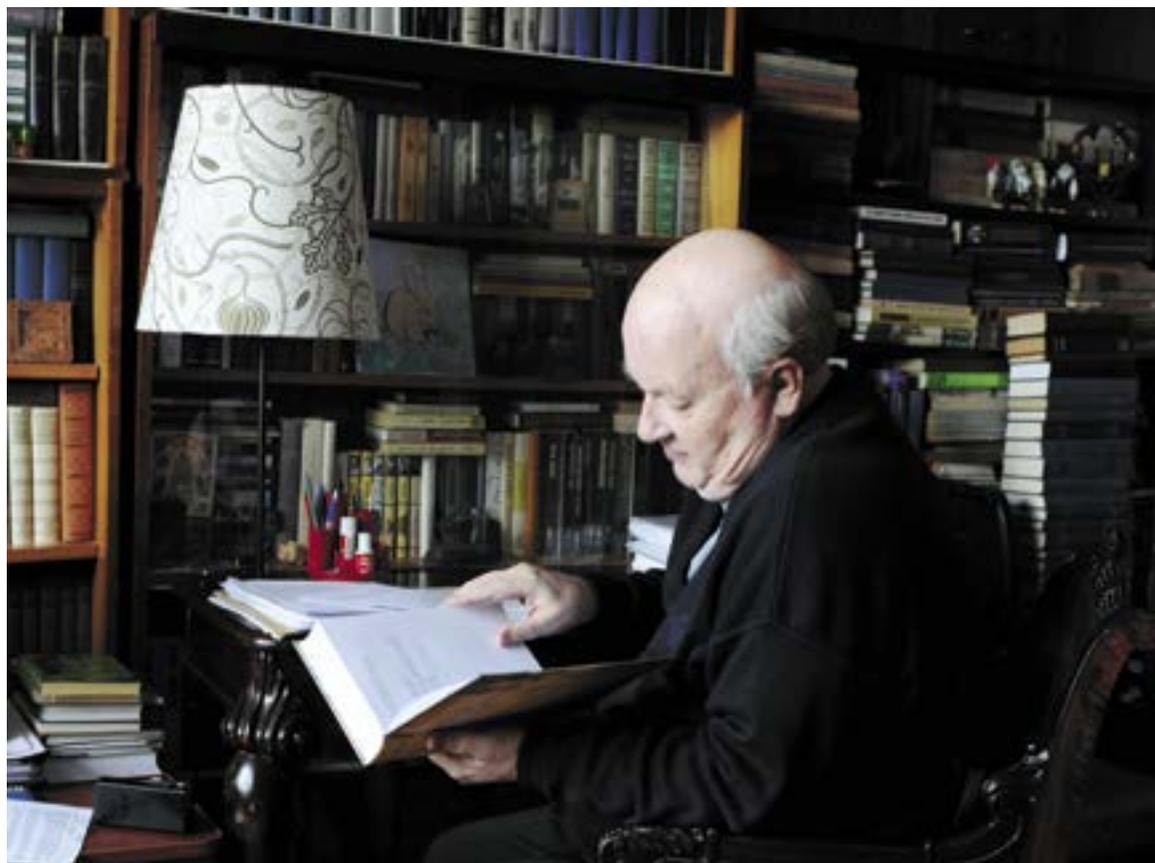
заранее негативно настроенные. Вот, например, известный националист, бывший в советское время диссидентом, Левко Лукьяненко со своими однопартийцами здесь были несколько лет назад. Они вошли в музей, увидели большой портрет императора Николая I и спросили: «Що цей кат тут робить?» («Что этот палач здесь делает?») Я ответила, что это не кат, а российский император, которому верой и правдой служил Владимир Иванович Даль. Он получил из рук царя 13 государственных наград, среди них — 4 боевых ордена. Это гостей не убедило, ведь для них и имя Даля мало что значило. Но когда я закончила экскурсию, рассказала о взаимоотношениях Даля с Тарасом Шевченко, они ушли довольные и даже перешли со мной на русский язык. А поначалу даже отказывались посмотреть экспозицию, потому что я вела экскурсии только на русском», — вспоминает Татьяна Свиридова.

В книге отзывов музея — сотни откликов благодарных гостей. Есть записи немцев, американцев, итальянцев, японцев, китайцев, россиян. Но для работников музея самое дорогое — отзывы украинских экскурсантов. «Когда житель Львова, Тернополя, Ивано-Франковска пишет, что понял величие личности Даля, тронут его человеческим и научным подвигом, осознал единство славянской культуры, — это особенно важно. Ведь сегодня Владимир Иванович Даль не стал в полной мере героем украинской истории. О нем вспоминают в основном ритуально. Это грустно. Мы рассчитываем на то, что те пять тысяч посетителей, которые ежегодно приходят в наш музей, расскажут об этом родным и друзьям, что все больше и больше людей узнают о том, каким великим человеком, ученым, писателем и патриотом был Владимир Даль», — говорят луганские далеведы. ❀

«КАЖДОЕ СЛОВО ИМЕЕТ СВОЮ СУДЬБУ»

БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Знаменитый «Русский орфографический словарь» Владимира Лопатина — настольная книга для школ, библиотек, издательств и госучреждений — в 2010 году вновь переиздается. О том, как он будет соотноситься с четырьмя новыми словарями, утвержденными в официальном статусе осенью 2009 года и вызвавшими неоднозначную реакцию общества, в интервью «Русскому миру.ги» рассказывает главный научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН Владимир Лопатин.

— Владимир Владимирович, насколько оправданно введение для госструктур четырех официальных словарей? Почему эти функции параллельно не допущены выполнять наиболее проверенные академические словари — Розенталя, Ожегова и ваш? Разумеется, при условии обновления содержания и переиздания.

— Сам до сих пор удивляюсь... Утвердила новые словари правительственная комиссия по русскому языку, которую возглавляет министр образования Фурсенко. Вот к комиссии с этим вопросом и надо обращаться. Почему — не знаю. Наш «Русский орфографический словарь» самый полный на сегодня. Он насчитывает 180 тысяч слов, в то время как один из утвержденных, тоже орфографический, — только 100 тысяч слов. Остальные — немногим более. Так что наш словарь вполне авторитетен, академичен и проверен временем. Им пользуются многие госучреждения. Его знают. Мне звонят регулярно. Для консультаций. Из Администрации президента, например, из редакционного отдела мне звонят постоянно, советуются. И мне не раз говорили самые разные люди, что мой словарь держат на рабочем столе как необходимость. Поэтому утверждение в официальном статусе четырех новых словарей не делает мой словарь менее «государственным». Он по факту официальный.

— Разница в том, что эти четыре словаря — обязательные для государственных органов власти, а ваш — нет.

— Вот только моим все пользуются, а новыми — нет.

— Организатор издания четырех официальных словарей — проект «Словари XXI века» — указывает на то, что ваш и иные авторитетные издания не успевают за стремительно развивающимся русским языком. Поэтому нужно многообразие словарей.

— Совершенно не могу согласиться с этим мнением. Скажу больше, это — ложь. Наш словарь новейший — 2005 года издания. Он в том числе включает слова, пришедшие в эпоху перестройки и реформ. Другое дело, что в нем нет слов, вошедших в обиход в последние два-три года. Но это естественное отставание для всех без исключения словарей. Словарь — это свод классических правил, которые всегда хотя бы чуть-чуть, но отстают от современного состояния.

И в этом его проверенное временем преимущество.

— Ваш «Русский орфографический словарь» будет переиздаваться?

— Да. Сейчас я работаю над его расширенным изданием. В первой половине 2010 года он должен быть издан. Он включает в себя уже 200 тысяч слов. И как меня уверяют в Минобрнауки, ему будет присвоен статус официального, то есть обязательного для госструктур. Также выйдет и мой справочник, исправленный и дополненный.

— Оправданно ли обилие словарей? Почему не ограничиться имеющимися авторитетными изданиями?

— Здорово, что словарей много. Все они разного объема и служат для разных целей, но это не означает, что я приветствую широкий поток новых словарей. Сегодня очень много словарей слабых и откровенно халтурных. Что тут сделаешь? Не допустить этого хлам к тиражности сложно. Институт русского языка РАН, к сожалению, к этому отношению не имеет. В его компетенцию не входит издательская деятельность. Мы, конечно, отказываем в экспертизе слабым словарям. Но их издатели великолепно обходятся и без нее: обращаются в частные издательства. Те нанимают так называемую независимую экспертизу. А она независима, к сожалению, только от компетентности. И дает потоку такой же некомпетентности зеленый свет. Причем делается это, как полагают издатели, элегантно. Они формально учитывают мнение экспертизы, обещают устранить ошибки, но издают словари в том виде, в каком считают нужным. Попросту не замечают экспертизы, если она мешает их бизнесу.

— И потому мы имеем в новой редакции словарей слово «кофе» среднего рода, «йогурт» и «договор»?

— Вот тут я был бы аккуратнее в спорах. Дело в том, что еще с 70-х годов во всех словарях, включая мой, допускается строгая письменная форма слова «кофе» — мужского рода и устная форма этого же

слова, допускающая средний род. Так что в разговоре допустимо и даже запросто можно сказать: «Какое вкусное кофе». Почему новые словари избрали средний род как единственную трактовку и правильную, мне непонятно. Со словом «йогурт» тоже не вижу трагедии. Оно действительно в 30–40-е годы пришло к нам из турецкого языка и имело сразу три формы написания и произношения — йогурт, югурт и ягурт. А в годы перестройки оно вернулось из немецкого языка и с принятым в нем ударением — йбгурт. И закрепилось именно в последнем варианте. Зачем менять сложившуюся практику ударения — мне тоже не совсем понятно. Одновременно не могу согласиться с теми реформаторами от русского языка, которые во всем хотят навести «порядок» — всех приучить говорить единообразно. Без вариантов. Смее утверждать: это невозможно! Русский язык — живой организм. Он растет и развивается. У него есть письменная, строго литературная, и устная, или разговорная, формы. Кофе мужского рода — письменная, кофе среднего — разговорная. Какая из них выживет и станет нормой, устанавливают не издатели словарей, не ученые или органы власти, а люди через разговорную практику. А она веками такова, что допускает варианты.

Кстати, по поводу слова «одновременно». Я тут на днях долго объяснялся и спорил с представителями одного телевизионного канала и нескольких радио. Все они в приказном порядке заставляют ведущих и корреспондентов говорить исключительно «одновре́менно». Я же в эфире сказал «одновре́менно». Это допустимые варианты ударений, как творо́г и твóрог. И то, и другое правильно. Так нет же. Мне звонят с телевидения и просят говорить «грамотно» — «одновре́менно». А то, говорят, «мы будем вынуждены вырезать вас из эфира». Понимаете, это ложный подход к грамотности речи. Он отнимает у русского языка возможность творческого развития и разнообразия речи, а вместе с ней — богатства языка.

— С точки зрения ученого, допустимо ли, чтобы варианты произношения противоречили друг другу? Так, по правилам новых официальных словарей название столицы Южной Осетии надо писать в грузинском варианте — «Цхинвали» вместо осетинского «Цхинвал», как сегодня говорят даже официальные российские лица. Та же путаница с Абхазией. Словари установили грузинское правописание ее столицы — «Сухуми», а на правительственном уровне принято говорить «Сухум».

— В моем словаре «сухумский» — производное от «Сухуми», «Сухум». В этих названиях опять же допускаются варианты. Если мы хотим подчеркнуть, что это грузинское название, говорим «Сухуми», «Цхинвали». Независимые от Грузии трактовки — «Сухум» и «Цхинвал». В последнее время они действительно стали более употребительными. Как известно, признана независимость этих республик. Это политический акт, оказывающий на разговорную ситуацию определенное влияние. Понимаете, выживаемость слова проверяется практикой. Каждое слово имеет свою судьбу. Рано или поздно оно себя покажет.

В этом смысле я считаю разумным сравнивать нынешнюю эпоху, когда в русскую речь хлынули англицизмы, с эпохой Петра I. Сегодня англицизмы проникают в русскую речь в основном из области бизнеса и компьютерной техники. Это происходит еще и потому, что в СССР бизнеса не было, а в IT-технологиях мы в конце перестроечной эпохи сильно отставали от Запада. Не было в этих областях и своей терминологии. В эпоху Петра I, когда, как известно, было прорублено окно в Европу, в русский язык тоже хлынули иностранные слова. В перестройку, если помните, был снят железный занавес. Очень похожие образы. Русский язык, как в эпоху Петра, так и сегодня, только выигрывает от заимствований иностранных слов. Язык что-то берет, что-то, что ему неудобно, отсеивает. Со временем те слова, что укрепляются в языке, развивают и обогащают его. Русский язык действительно в разные эпохи обогащается за счет иностранных языков. В этом его сила, а не противоречивость.

— Новые словари проигнорировали вполне распространенные англицизмы, ставшие русскими словами, — «о (ф) фшор» или «бре (э) нд». Они так и пишутся в разных изданиях по-разному. Как решить эту проблему?

— В нашем словаре пишется «оффшор» и «бренд». Это устоявшаяся норма — в иностранных словах после твердых согласных писать букву «е». Исключение — мэр, сэр, пэр, рэкет.

— Учитывая то обстоятельство, что в 2010 году ожидается принятие закона, по которому будут штрафовать представителей власти, закона и СМИ за публичную и тиражируемую безграмотность, пикантность ситуации

очевидна: кого штрафовать — тех, кто установил спорные нормы, или их потенциальных нарушителей?

— Это что считать безграмотной речью... Разумеется, надо повышать грамотность устной речи. Штрафовать ли за это? Мне трудно сказать. У меня есть сомнения, что такая мера реально повысит грамотность. Ведь почему мы много ошибаемся в разговорной речи? Если сравнивать современное состояние устной речи с советским временем, то тогда мы гораздо реже слышали живую разговорную речь. На радио и телевидении тогда читали заранее написанные и записанные высокими голосом тексты. А теперь, в эпоху свободы слова, кроме живой речи, другой и нет. Поэтому, естественно, мы чаще делаем ошибки и далеко не все говорим грамотно. Когда люди ошибаются, это нормально. Ведь человек подбирает нужные слова, делает паузы, что объяснимо для разговорной речи. Поэтому особенно расстраиваться из-за этого не стоит. Это всего лишь признаки свободы слова. И за них — штрафовать? Не уверен... Другое дело, когда публичное лицо бравитурит или намеренно искажает речь, выдавая ее за норму или, как представители рекламы, — за «креатив»... Тут есть над чем подумать.

— Многие филологи и лингвисты утверждают, что все языки мира упрощаются. Русский язык вписывается в эту тенденцию?

— Я не согласен с мнением, будто русский язык упрощается. Совершенно нет никакого упрощения. Грамматическая система правил ударения сложная, орфография еще сложнее. Он не упрощается, а обогащается. Новые слова — кстати, не только заимствованные — его развивают. Толчок тенденциям внутреннего развития дают даже иноязычные слова. Много слов, которые, являясь первой частью сложных слов — аудио-, видео-, радио-,

теле- и другие, — играют роль «новаторов». Лингвисты считают, что с точки зрения науки это слова, которые находятся на грани между частями сложного и самостоятельного слова. Обращали внимание? Мы уже не говорим: «Я посмотрел по видео». Мы говорим: «Я посмотрел по «видику». Если угодно, это пример внутреннего развития языка, приближение его к системе склонений-спряжений. Не факт, что именно этот пример станет нормой словоприменительной практики. Но вот такие частички — видео-, теле- и другие — остаются неизменяемыми словами, которые русский язык пытается склонять и спрягать. Это новые элементы аналитического строя языков. Вот в этом можно увидеть некоторое развитие грамматического строя русского языка — появление так называемых аналитических прилагательных. Так что никаких упрощенческих тенденций в развитии русского языка я не вижу.

— Что будет со словарями Розенталя и Ожегова?

— Насколько я знаю, они будут переиздаваться коллективами соавторов. Довольно известен словарь Розенталя в соавторстве с Джанджаковой и Кабановой, он одновременно орфографический и орфоэпический. Правильное употребление слов — объект исследований этого словаря. Ему люди привыкли доверять, и было бы логичным его переиздать. Как мне известно, этим словарям также будет присвоен официальный статус. Что закономерно. Вообще, нужно больше хороших нормативных словарей. Их многообразия, как и вариативности произношения слов в русском языке, бояться не надо. Стоит опасаться халтуры и моды на неграмотность.

— Лично вам какие новые словечки или их преобразования режут слух и хотели бы вы, чтобы эти варианты исчезли из русского языка?

— Сегодня как-то вдруг многие начали говорить «имеет место быть». Это ошибка. «Быть» — лишнее слово в этом словосочетании. Мне режет слух повальное увлечение этим нововведением. То же самое могу сказать о словосочетаниях «на самом деле» и «в этой связи». Таких словосочетаний в русском языке нет. Есть «в самом деле» и «в связи с этим». Мне иногда кажется, что кто-то просто так однажды пошутил, а словосочетания вошли в разговорную практику и замусоривают речь. ❶

«ЯЗЫК РАЗВИВАЕТСЯ ТАК, КАК НУЖНО НАМ»

БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

В своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» директор Института лингвистики РГГУ Максим Кронгауз утверждает, что стремительно развивающийся современный язык в России иногда искусственно делится на четыре основных — гламурную, заимствованную, бранно-матерщинную и интернетовскую — языковых среды. В интервью «Русскому миру.ru» ученый рассказывает о том, куда двигается развитие родной речи.

— С пешу сразу предупредить, что я не хочу давать оценок как лингвист. Просто я вижу: с языком что-то происходит. В нем сегодня очень много заимствований из английского, с падением цензурных барьеров увеличилось и растет количество брани, мата, появился и интенсивно внедряется интернет-язык. Я обязан эти явления описать и понять, к чему они ведут. Безусловно, я пытаюсь бороться за привычную языковую норму и привычное языковое поведение. Но с момента перестройки в нашей стране изменилось очень многое, что не могло не отразиться на языке. А молодое поколение, выросшее после перестройки, и вовсе воспринимает обновленный язык естественным, родным. Для тех, кто постарше, он... чужой, пожалуй, сильное слово... Скорее, измененный. Но и более старшие поколения, например мои ровесники, тоже меняются. Моя сегодняшняя речь отличается от речи 80-х. Многие этого не осознают, но мы стали использовать новые слова, пришедшие в язык после 90-го года. Более того, мы стали иначе себя вести во время общения.

— То есть изменения в языке влияют на нашу поведенческую культуру?

— И довольно сильно. Изменились разные составляющие речевого поведения, но особенно — использование брани. Мы стали чаще ругаться еще и оттого, что все разрешено. Пали все запреты, в том числе, к сожалению, и культурные, которые, увы, воспринимаются как ограничение свободы.

Мы также стали иначе здороваться и прощаться. Появились новые словечки-обороты. «Пока-пока», например. Оно практически повторяет английское «бай-бай». Еще калька с английского — «Берегите себя». Еще одно новое приветствие: «Доброй ночи». Кстати, оно вошло в речевой оборот через ночной эфир. Заметьте, ночью мы редко здороваемся, тем не менее это приветствие из телеэфира переключалось в жизнь. По модели «Доброй ночи» распространяется игровое интернет-приветствие «Доброго времени суток!». Интересно, что «Доброй ночи» совсем недавно было пожеланием «Спокойной ночи», то есть формой прощания. Теперь, в связи с изменением ритма жизни, выражение стало формой приветствия.

Общая особенность нового этикета — не то, какое слово мы используем, а то, когда мы говорим, а когда молчим. Например, когда здороваемся или не здороваемся. Думаю, многие наблюдали ситуации, когда европейцы здороваются, а россияне нет, например, в магазинах с персоналом. В 80-е у нас этого не было. Мы просто просили: «Нарежьте, пожалуйста, 300 граммов колбасы». Сегодня с продавцами мы уже здороваемся. Отчасти такая форма приветствия вызвана корпора-

тивной культурой сетевых магазинов, когда кассиров и продавцов обязывают здороваться. Но такая форма поведенческой и речевой культуры становится новой нормой. Я не хочу сказать, что в 80-е годы человек, не здороваясь с продавцом, был невежлив. Я хочу констатировать: теперь мы ведем себя иначе. Мы стали здороваться, ориентируясь на европейский этикет.

— **Перенимая при этом и обороты речи?**

— Сначала все же поведенческую норму. В подъезде дома или в лифте россияне обычно с незнакомыми не здоровались. Для иностранца поздороваться в этих условиях — норма. Для нас — нововведение даже не 90-х годов — нового века. Это не означает, что иностранцы вежливы, а мы нет. Просто у них так всегда было принято, у нас так принято не было. Теперь норма этикета меняется. Как и телефонный этикет. Раньше, когда мы звонили куда-либо, мы не представлялись. Сегодня подобная норма пока редкость, но крепнет новая тенденция — звонящий представляется по имени и фамилии. Конечно, у нас никто не говорит: «Петров или Иванов слушает», как принято в Германии, например, даже по домашнему телефону. Но если раньше мы звонили в поликлинику и спрашивали: «Алло, это поликлиника?» — то сегодня вас вежливо опередят: «Поликлиника номер такой-то». Не везде, конечно, но постепенно идет распространение корпоративного этикета. Хотя еще в середи-

не 90-х журналист известных российских изданий брал трубку служебного телефона и не называл себя.

— **Тогда как соединить нечто несовместимое: мы перенимаем европейский этикет и англицизмы — и одновременно бранимся и материмся так, что привыкаем не реагировать на крепкие слова?**

— А манера поведения, речь и язык — вещи взаимосвязанные. Помните, как в речевой обиход проникло слово «беспредел»? Оно сделало головокружительную карьеру — от лагерного жаргона до официального пресс-релизного термина и даже дипломатического речевого оборота. Совсем недавно

в ноте МИД РФ читаю: «...террористический беспредел». Слово из бранного жаргона вошло в язык. Но это уже не брань. Так же как и бандитские термины 90-х годов — «наезд», «крыша», «стрелка» и т.д.

— Почему они стали нормой языка и мы употребляем их без кавычек?

— 90-е годы были бандитскими, и для описания бандитской реальности нужны были слова. Откуда их было взять? Заимствований здесь почти нет. Это вполне патриотическая область. Исключений, пожалуй, два — «киллер» и «рэкетир». Все остальное свое, посконное. Почему бранно-бандитская стилистика выжила и осталась в языке? Тот же «наезд»: «не наезжай на меня» — сегодня так может сказать и вполне культурный человек. Изменились темп и ритм жизни, а вместе с ними вот таким вот образом изменился и язык, на котором мы говорим. Причем заметьте, из бранно-бандитской лексики многое отмерло как само собой разумеющееся, а «крыша», «беспредел», «отморозок» — выжили и здравствуют.

— Почему они не только выжили, но и переключиваются в официальную речь и особенно активно — в новояз XXI века — гламур и пиар? Чего стоит «беспредельная вечеринка» на MTV или стилистика речи гламурных героинь и их подражателей!

— Это не связанные процессы. Бандитская эпоха и ее влияние на русский язык все-таки закончились. Или заметно маргинализировались. Ведь уже не воспринимаются анекдоты про «красные пиджаки» и даже про «новых русских». И новых бандитских слов не появляется. А гламурная эпоха началась недавно, и конца ей пока не видно. Гламур определяется тем, что мы живем в обществе потребления. Гламурный язык это общество обслуживает и создает постоянные мотивы для продажи всего, превращая торговлю-шопинг в образ жизни.

— В книге «Русский язык на грани нервного срыва» вы пишете: «В гламурном языке есть слова, которых следует бояться, в них слишком много идеологии... и они не оставляют выбора». Чего бояться и что не оставляет выбора?

— Гламур — идеология бесконечных продаж. Частично она заменила советскую идеологию, которая тоже обслуживалась определенным набором слов. Чтобы идеология гламура себя реализовала, ей нужны свои слова. Слова оценочные, но с положительным зарядом, те, что хвалят товар, его производителя, но главное — связанный с товаром образ жизни, попутно навязывая этот самый товар. Степень навязывания и агрессивной наступательности гламурных слов очень раз-

ная. Она постоянно меняется. вспомните, вначале, где-то более десяти лет назад, бал правили «стильный», «элитный». Еще недавно — «культовый» и «знаковый». Потом — «эксклюзивный». Сегодня все или почти все они отправлены «в отстой». Им на смену пришли «правильный» и «готичный» (или «готично»). «Правильный» в этом гламурном ряду определяющее слово: «Правильный дом в правильном месте». Это — реклама жилья на Рублевке. Обратите внимание, тот же подход исповедуют известные персонажи (актеры, телеведущие и т.д.), когда рекомендуют, а на самом деле продвигают как товар «правильные» рестораны, магазины, фильмы.

— Сегодня наметилось легкое пренебрежение к гламуру, но его все равно обслуживают вполне уважаемые люди — режиссеры, писатели. Почему? Из желания «пропиариться»? Хотя и пиар сегодня — это уже стремление всех манипулировать всеми. Не есть ли это признаки вырождения «гламуренького» языка?

— Пиар действительно яркий пример того, как русский язык осваивает иностранные слова, а русский человек — европейский образ жизни. Однако американец или англичанин, приезжая в Россию, не воспринимает пиар (от англ. PR — Public Relations — связи с общественностью. — Прим. ред.) как свое слово. В русском «исполнении» оно изменилось и внешне, и по смыслу. У нас слово охватывает гораздо больше явлений, чем в английском языке. Кроме того, русскими придумано столько родственных слов — «отпиарить», «распиарить», «черный пиар», — что английское PR самостоятельно зажило в России и стало русским. Так русский язык

превращает чужое в свое. Слово «пиар», разумеется, принято ругать. Многие его не любят за то, что с ним связано. Но употребляют при этом активно.

Пиар как явление существовал давно, в том числе и в советском обществе. Только назывался иначе — пропаганда. Что же касается гламура и его цепкого проникновения в язык, то здесь не надо забывать об общей идее гламура — создание некоего идеального мира, с идеальными мужчинами и женщинами, в который должны вовлекаться все — читатели «глянца», пожиратели рекламы, фанаты масс-культуры. Этот мир, некий образец, призван в результате повышать продажи определенных брендов.

— Почему наш гламур так карикатурен?

— Детская болезнь роста. По мере взросления он станет более респектабельным.

— Еще вы утверждаете, что мы теряем мат. Почему? И так ли уж это плохо?

— Конечно, нормальный человек не любит, когда вокруг него ругаются матом. Но как лингвист я понимаю, мат — уникальное культурное и языковое явление, которое мы и вправду теряем. Сила матерного слова снижается потому, что пали все запреты и он звучит всюду — на улице, со сцены, в речи политиков, в кино. А энергия матерного слова, его мощь, падает. Кого-то мат еще оскорбляет, но многие, особенно молодые люди, воспитанные в этой системе культурных координат, даже не замечают мата. «Ну бранятся, ну и что?» — пожимают они плечами. Еще нынешняя ситуация с нецензурной лексикой напоминает русскую деревню, где мат в XIX веке и раньше почти не был табуирован. Кстати, к этому близка европейская ситуация, где мата как такового нет. Брань есть, но мата как выделенной табуированной группы нет. Там отчасти эту функцию выполняют богохульства, в то время как в русском языке — слова, связанные с сексом и телесным низом. Вот и выходит, что, с одной стороны, мат становится более слышен в тех местах, где его раньше не было. С другой — мы его теряем как культурное яв-

ление — некую особую выделенную группу слов. Уже большая часть молодых людей рассматривают мат как легкое бранное слово. Так постепенно мы переходим в другую культурно-языковую ситуацию.

— Ну и пусть ругательства уходят в филологическую музейную копилку, как латынь например. Без них язык очистится.

— Я не делаю выводов и переносов из языка в мораль. Человечек, который ругается, совершает грех или проступок, только если он ощущает запрет. Когда он его не ощущает, он не становится более греховным.

— Не стану с вами спорить. Приведу примеры. Говорящие на «олбанском» в Сети развивают язык или размывают его? И разве «падонки», использующие и мат, не снижают все барьеры — цензурные и моральные?

— Да, русский язык в Интернете довольно сильно отличается от разговорного. Но он не нов, это, скорее, жаргон, который, как показывает даже короткий опыт применения, не очень удобен. На него резко возникла мода, но также резко она сходит на нет. Посмотрите на тексты в Сети. В них уже нет резкого и сознательного искажения орфографии. Неудобно. Встречаются два-три словечка на текст. Но это лишь демонстрация принадлежности к интернет-сообществу. А ведь во время пика моды на «олбанский» на нем писались целые тексты. Сегодня от него в интернет-переписке остается пара-тройка выражений. Теперь новая тенденция: чаще пишут на грамотном языке и стараются быть грамотными, то есть понятыми. В некоторых интернет-сообществах появились даже табу на мат. Происходит саморегуляция и самоорганизация Интернета. Она охватывает не всю Сеть, а отдельные сообщества. Похоже, детский период развития Сети, когда все были увлечены игрой в «олбанский» язык, проходит. Наступил период осознания и отказа от ненужных, вычурных вещей.

— На ваш взгляд, каким интернет-язык будет завтра?

— Мне кажется, все возвращается к норме. Конечно, Сеть — полигон для игр и экспериментов, в том числе языковых. Но долго в одну игру не играют. Придумывают другую, возвра-

щаяся к обыденной речи. Сегодня опять спрос на нормальный язык. В Сети все больше грамотных текстов — человеку так удобнее читать. Поэтому вектор движения — своеобразный откат к литературной норме и грамотности. Другое дело, что норма уже не та, что в 80-е или в 90-е годы. Новая литературная норма формируется на наших глазах.

— Как этому способствуют или мешают самоорганизующиеся группы инициаторов защиты русского языка в Чувашии, на Урале, в Ульяновске и Петербурге? Знаете ли вы, что они настаивают на том, чтобы на законодательном уровне ограничивать англицизмы в русском языке или запрещать брань и «олбанский»? И местные власти идут им навстречу.

— Что такое самоорганизация? Разные взгляды на развитие русского языка должны существовать. Когда же происходит так, то язык развивается. Когда вмешивается власть... Здесь показательна история с буквой «ё». Смешная история. Буква «ё» придумана как факультативная в XIX веке. То есть две точки можно ставить по желанию. А если их нет, как в случае со словом «елка», то отсутствие двух точек — проблема только для иностранцев и маленьких детей. И вдруг возникает общественное патриотическое движение в защиту буквы «ё». Но патриотического в ней не более, чем в какой-нибудь «а» или «р». Почему человек, который ставит две точки над «ё», патриотичнее того, кто точек не ставит?

— То есть вы не разделяете стремления местных властей на законодательном уровне или директивно запрещать как «олбанский» в Сети, так и использование англицизмов в названии фирм, ресторанов и прочего?

— Это неразумно. Вот некоторые губернаторы своим чиновникам предписали в обязательном порядке писать букву «ё». Что странно. Есть же общие правила русского языка, и есть общий закон государства. Человек, который не пишет букву «ё», не нарушает никаких законов. За что же наказывать его? Можно и нужно выступать за или против тех или иных тенденций в развитии родного языка, но как только борцы начинают использовать в своих интересах государственные ресурсы, издавать законы, это тут же мешает развитию языка. История с буквой «ё» — лишь крайний и анекдотичный случай такой борьбы.

— Не кажется ли вам, что компьютерные проверочные программы скоро заменят, например, словарь Даля? Ведь многие проверяют грамотность написания слов не по орфографическим словарям, а по справочникам в «Яндексе» или «Рамблере».

— К сожалению, новые компьютерные способы регулирования грамотности часто приучают нас к неправильным вещам. И, безусловно, они становятся распространеннее, чем словари. В итоге появились опубликованные на бумаге тексты, которые соответствуют компьютерным программам, но при этом содержат грамматические ошибки. Особенно программы проверки орфографии портят орфографию, когда навязывают неправильные запятые и прочие знаки препинания. Как результат: в компьютерную эпоху студенческие курсовые и дипломы стали заметно менее грамотными потому, что никто не перечитывает написанный текст, а доверяет это сделать компьютеру. А компьютер тоже делает ошибки и постепенно вытесняет словари. Это не значит, что пользоваться программой плохо — просто надо ее доработать с участием лингвистов.

— Мы прошли стадию грани срыва, на которой находится русский язык, или застряли на ней?

— Когда я так называл книгу, я имел в виду некоторую игру слов. С одной стороны, речь идет о проблемах языка, с другой — о наших собственных. Прежде всего о нетерпимости к чужой речи. Мне кажется, очень важно не переходить эту грань нервного срыва, удержаться на ней и понять — язык развивается так, как людям удобно для общения. У Ильфа и Петрова в «12 стульях» есть такой персонаж — Эллочка-Людоедка. У нее в запасе был десяток слов, которыми она пользовалась. Ей этого было более чем достаточно. Над ней, конечно, можно издеваться, что и делали не только Ильф и Петров. Но вот какая штука: ей этих слов хватало. Навязывать ей словарь философа или Пушкина — бессмысленно. Ведь русский язык развивается так, как нужно нам. Понятие «мы» включает разных людей. И если мы хотим общаться со всеми, а не только со своим узким кругом, то надо быть более терпимым к чужому в языке. Есть люди, которые, услышав, с их точки зрения, неграмотное слово,

прекращают общение или относятся к собеседнику пренебрежительно. Тогда для этого человека норма выше общения. Мне кажется, общение — более высокая ценность, чем общепринятая норма литературного языка. Если мы хотим общаться, нам надо допускать возможность другого или чужого в языке. Нужно встречное движение разных поколений, тогда никакого нервного срыва не будет. ❶

АНТОН БЕРНАСОВ

СТАЛО ЛЕГЧЕ МОРАЛЬНО

БЕСЕДОВАЛА ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

О пятилетних результатах работы фонда «Русский мир» и перспективах рассказала в эксклюзивном интервью Людмила Вербицкая — председатель попечительского совета фонда «Русский мир», президент СПбГУ, МАПРЯЛ и РОПРЯЛ.

— Людмила Алексеевна, как вы оцениваете пятилетнюю работу фонда «Русский мир»?

— Мне непросто быть объективной. Я столько лет мечтала об этом фонде, столько лет пыталась убедить руководителей страны поддерживать русский язык, приводила в качестве примера страны, которые заботятся о своем языке, например Францию, где даже есть специальный министр, отвечающий за выполнение закона о французском языке. Много хорошего можно сказать и об Институте Сервантеса, а с Институтом Конфуция, наверное, никто сравниться не может, потому что они создали около тысячи центров. Я ждала результатов своих усилий много лет и была очень рада, когда в апреле 2007 года Владимир Владимирович Путин, обращаясь к Федеральному Собранию, сказал, что он решил откликнуться на просьбы филологов-русистов и создать фонд «Русский мир». Указ о создании нашей организации, подписанный 21 июня 2007 года, был совершенно беспрецедентным! Не было раньше в России ничего подобного. И нам все приходилось делать с нуля: готовить документы, устав, создавать структуру... Может быть, мы услышим на VI Ассамблее Русского мира другие мнения, но мне кажется, за эти пять лет фонд сделал очень многое. Хотя по существу мы начали работать только с конца 2007 года, когда появилось финансирование.

— Какие достижения вы считаете наиболее важными?

— Мы активно работаем по двум основным направлениям. Первое — создание Русских центров и Кабинетов Русского мира в разных странах, второе — финансовая поддержка проектов, связанных с русским языком и культурой. Мне кажется, уже можно говорить о том, что «Русский мир» — это фонд, который стал действительно известен во всем мире. Я всегда говорю, что у меня давно есть одна мечта, и Вячеслав Алексеевич Никонов, по-моему, полностью разделяет мою идею: планета должна заговорить по-русски. Мы очень надеемся, что в кон-

це концов у нас это получится. Конечно, сегодня с китайским языком вряд ли какой-нибудь другой может сравниться — и благодаря количеству людей, говорящих по-китайски, и благодаря работе Института Конфуция, который делает многое для распространения языка. На втором месте — понятно, английский. А вот с испанским мы уже можем поспорить. В развитии нашего языка были разные периоды: и всплеск интереса в перестройку, и падение. Сейчас в целом мы наблюдаем подъем. Мотивация для изучения нашего языка у иностранцев разная. У одних цели прагматические: надо торговать с Россией, заключать соглашения, думать, каким образом использовать богатства российской энергетики. Есть и другие: все-таки многие в мире понимают особое значение русской культуры для жизни всего мира, стремятся понять, почувствовать сложные, многогранные пласты нашей цивилизации.

— **Насколько эффективна работа Русских центров и Кабинетов Русского мира?**

— Не могу сказать, что они все работают прекрасно. Дело в том, что на самом деле мы берем на себя очень серьезные обязательства, открывая эти центры: поставлять новую литературу, новые учебные программы, выбирать людей, которые там работают. Как правило, успешно работают Русские центры, созданные на базе вузов, — скажем, в Польше и во многих других странах. Но эффективно — не везде. Примеры приводить не хочу, а о причинах скажу. Мне кажется, виноваты не столько мы и наши центры, сколько отсутствие четкой координации действий целого ряда организаций, выполняющих одну и ту же задачу, имеющих одну и ту же цель: распространение русского языка. К счастью, совсем недавно начало возрождаться Россотрудничество, куда пришел блестящий руководитель, Константин Иосифович Косачев. 3–4 сентября он провел по-настоящему важную встречу руководителей Русских домов из разных стран, на которой выступил Дмитрий Анатольевич Медведев, присутствовали министры, и все почувствовали, что Рос-

сотрудничество вышло на новый уровень. Кроме того, существует Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, президентом которой я являюсь, она объединяет русистов около 80 стран. Есть Российское общество преподавателей русского языка и литературы, и, безусловно, есть очень сильные организации в зарубежных странах. Вот когда мы добьемся тесной координации наших действий, когда мы начнем открывать Русские центры с ориентацией на совместную работу с Россотрудничеством, когда будет полное, глубокое понимание того, что мы вместе должны решать эти проблемы, — тогда мы сможем сделать гораздо больше.

— **Этого понимания еще нет?**

— Оно намечается, но четкого постоянного взаимодействия еще нет. Вернее, у Россотрудничества есть постоянные программы с МАПРЯЛ, а с «Русским миром» мы только начинаем это делать. Как раз на той встрече, о которой я упомянула, — организованной Россотрудничеством — мы уже детальнее говорили о том, как нам взаимодействовать, думая об открытии нового центра или филиала в какой-то стране. Нужно предварительно вместе обсуждать, ориентироваться на то, откуда можно привлечь русистов, где у нас открыты Русские дома — которые, к слову, тоже по-разному работают. Тесное взаимодействие жизненно необходимо для будущих проектов, потому что период сейчас непростой, если говорить о поиске кадров. Лет пятнадцать-двадцать назад наши преподаватели русского языка как иностранного с радостью ехали в любую страну, потому что понимали, что там они получают больше денег, а работать, скорее всего, будет легче при меньшей нагрузке. И со студентами не было никогда проблемы. А сейчас очень трудно найти высококвалифицированного лингвиста, который согласится на полгода или год уехать работать из России.

— **Станет ли «четкое взаимодействие» толчком к разделению сфер влияния организаций, специализации? Какую роль вы видите в будущем «Русскому миру»?**

— Поскольку «Русский мир» одним из направлений своей работы считает открытие Русских центров, именно здесь и должно быть самое тесное взаимодействие. А Россотрудничеству не надо ничего больше открывать. У них уже есть Русские дома. Скажем, в Берлине в прекрасном месте, в центре города, находится Русский дом, и я, наблюдая за его работой уже не одно десятилетие,

вижу, как в последние пять-шесть лет изменилось к нему отношение не только со стороны русских, живущих там, но и со стороны немцев, что очень важно. Раньше, смешно сказать, его рассматривали как гнездо КГБ. Что делают в Русском доме? Ну, конечно, вербуют! Но наконец восторжествовало здравомыслие. Директором берлинского Русского дома четыре или пять лет был Михаил Михайлович Владимир — сейчас он, к сожалению, ушел, но у него появился надежный преемник, Сергей Иванович Жиганов. Так вот, когда я увидела, как на выставки, которые организуются в Русском доме, идут не только наши эмигранты, но и немцы, и они стоят в огромной очереди, меня это очень-очень обрадовало. Только что прошел в Русском доме Берлина прекрасно организованный Россотрудничеством III Международный студенческий форум. Сергей Иванович Жиганов сделал все для того, чтобы Русский дом стал домом и немецкой молодежи. В Германии, кстати, действует сильная ассоциация русистов, ее возглавляет профессор Рената Белянчикова. Я об этом говорю затем, чтобы показать, как важно наладить общую работу и с Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, которая объединяет русистов всего мира. Без взаимодействия с русистами каждой страны и с российскими исследовательскими центрами тоже ничего не получится.

— **На каких стратегических проектах «Русскому миру» лучше сосредоточиться в будущем?**

— Мне трудно говорить о конкретных проектах, но думаю, нужно прекратить мелкотемье. Пора переходить к глобальным проектам, и об этом мы уже говорили на последнем заседании нашего попечительского совета (фонда «Русский мир». — *Прим. ред.*). Да, очень важно, если мы поможем одной какой-нибудь русской школе, например австрийской, есть там прекрасная школа обучения на русском языке с возможностью получения нашего аттестата и поступления в русские вузы. Но ясно, что важнее решать проблему тестирования на знание русского языка в самых разных аспектах: и тех, кто приезжает в Россию работать, и тех, кто занимает государственные посты, и прочее. Общими глобальными темами нужно объединять разные организации, и в их числе российские вузы. В новый состав правления фонда «Русский мир» вошел Сергей Игоревич Богданов, проректор СПбГУ, он долгое время был деканом филологического факультета. Я очень рада и сама стремилась к тому, чтобы

известный русист такого уровня оценивал предложения по грантам, которые поступают в фонд. Тогда мы сможем и более комплексно решать не только проблемы русского языка и литературы, но и общественно направленные, социальные задачи, а, может быть, в ка-

кой-то мере это коснется и гражданского общества. Тогда мы сможем финансировать не разрозненные заявки отдельных организаторов о проведении семинаров или мастер-классов, а будем системно инициировать аналогичные мероприятия в ряде стран.

— **В том числе, например, и конференции русистов?**

— Безусловно, фонд «Русский мир» очень содействует работе МАПРЯЛ. В прошлом году он помог провести конгресс в Шанхае, в этом году — III Конгресс РОПРЯЛ и Научно-практическую сессию «МАПРЯЛ — Русскому миру», которые прошли 11–12 октября в Санкт-Петербурге. И эта помощь очень важна и МАПРЯЛ, и РОПРЯЛ, потому что никакого специального финансирования у нас нет, кроме взносов, которые еще и нерегулярно поступают. Если бы «Русский мир» не помогал, то не было бы сейчас очень нужного журнала «Русский язык за рубежом», который идет нарасхват во всем мире, или журнала «Мир русского слова».

— **Если говорить в целом о российских технологиях продвижения русского языка за рубежом, то насколько они соответствуют духу времени, современным запросам?**

— Абсолютно. Методика преподавания, без которой о технологиях нет смысла говорить, у нас разработана блестяще, для разных языковых уровней. И в этом смысле филологический факультет Санкт-Петербургского университета, конечно, ведущий центр, национальное достояние. Наши исследования мы используем и при подготовке школьных учебников для российских школ. Все средние школы Таджикистана уже три года работают по учебникам русского языка, которые подготовила группа наших авторов совместно с таджикскими. Сейчас у нас практически

готов учебник для молдавских школ, в работе — учебник для казахских. Так вот, вся научная жизнь нашего университета проходит онлайн. Ученый совет транслируется в Интернете, равно как и специализированные советы, заседания — эти технологии у нас уже стали общим местом. Хотя не могу такого сказать о других российских вузах. Ни технически, ни технологически мы не отстаем от ведущих научных центров мира. Думаю, сейчас у русистики в дефиците другое: кадры и учебники. Даже в российских школах нет хороших учебников по языку: лучшим до сих пор остается учебник русского языка академика Щербы 1934 года, хотя лексика, конечно, устарела, и школы по нему не работают. Филологический факультет СПбГУ в этом году закончит так называемую школьную линейку по русскому языку, и появится наконец достойный нашей страны и нашей молодежи учебник. Я очень надеюсь, что дети его полюбят. Только бы учителя смогли донести наши разработки до детей! Я до сих пор помню свою учительницу Алевтину Владимировну, каждый ее урок был целым спектаклем. Чтобы объяснить правописание «уж замуж невторпеж», она изображала, как вбегает и кричит эта Липочка, — все ее уроки мы запоминали на всю жизнь. Таких учителей к сожалению, очень немного.

— **Думаю, вот так преподавать могут не все.**
 — Не можешь — не ходи в эту профессию. А сейчас уже стоит проблема не только таланта, но и элементарной грамотности. Ведь из Герценовского сколько идет в школы? (Педагогический университет им. А. И. Герцена. — **Прим. ред.**) Максимум 3,5 процента. Мы с горечью наблюдаем общее падение культуры, засилье мата. Люди даже сами не понимают смысла того, что говорят! Если бы они открыли словарь нашего профессора Валерия Михайловича Мокшенко — а у него блестящие словари мата — и посмотрели, что означают эти слова, они бы никогда в жизни их не произнесли. Все беды — от серости. По последнему исследованию ВЦИОМ, у нас треть населения не прочли за год ни одной книжки. Вы можете себе это представить? Всего 0,2

процента родителей читают детям книги! А что мы слышим с экранов телевизоров, по радио? Я постоянно говорю о необходимости тестирования на знание русского языка чиновников и дикторов телевидения. А каналов, на 100 процентов финансируемых государством, в России практически нет.

Гуманитарные направления в нашей стране вообще — в загоне. Если так будет продолжаться, то не будет ничего: ни высоких технологий, ни нанотехнологий, ни энергетики — ничего. Я об этом говорила, кстати, на конференции по случаю 1150-летия российской государственности в Новгороде Великом, приводя слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Гуманитаризация — это путь к гуманизации общества». Лучше и не скажешь. Посмотрите, президентские стипендии присуждаются по пяти направлениям: энергоэффективность и энергосбережение, ядерные технологии, космические технологии, медицинские технологии, стратегические информационные технологии, но гуманитарного направления в конкурсах нет. Об этом говорили и на заседании Совета по культуре речи, который проводил в Москве Владимир Владимирович Путин, и мне кажется, он обратил внимание на эту проблему. Тем более что президент, выпускник нашего университета, широко образованный человек, постоянно работающий над собой. Выучить английский язык, будучи президентом, — это вообще фантастика, а ведь он выучил и свободно говорит на нем. Он очень хорошо понимает важность гуманитарного направления.

— **Возвращаясь к теме русского языка за рубежом, как вы оцениваете его современное состояние и главные тенденции развития?**

— Состояние, конечно, разное в разных странах. Все зависит от людей, руководителей русистских организаций. Например, в Польше — внушительные достижения, а мы хорошо себе представляем историю наших взаимоотношений. Там есть сильные центры русистики — например, Ассоциация русистов Польши, ее возглавляет Людмила Шипелевич. В Польше проводится много интересных мероприятий и по линии фонда «Русский мир», и в рамках работы МАПРЯЛ. Вы посмотрите, уже третий год подряд на русское отделение Варшавского университета самый большой конкурс — до 50 человек на место! В Болгарии я бывала в разное время. Когда-то там на русском говорили везде, потом стали просить говорить только на английском. Когда я была в Болгарии последний раз, в отеле спускаюсь завтракать и го-

ворю: «Мне как с вами общаться, по-английски или по-русски?» Отвечают: «По-русски, по-русски!» Что-то меняется в мире, и интерес к русскому языку большой. По мере укрепления страны и внутреннего нашего осознания, что Россия — великая держава, меняется и отношение к нашему языку. 26 и 27 октября в Петербурге прошел IV Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом, а в Москве с 28 по 30 ноября пройдет III Всемирный форум иностранных выпускников российских (советских) вузов. Это тоже очень важная часть Русского мира — о наших соотечественниках нельзя не думать. Ректор СПбГУ Николай Михайлович Кропачев многое делает для того, чтобы наши специалисты возвращались в Россию.

— **Жить? Возможно ли?**

— Почему нет? Большинство наших ученых уехали по экономическим причинам. Если их обеспечить, люди вернуться, и с удовольствием. Например, в наш университет сейчас приезжает и руководит лабораторией прекрасный профессор Станислав Смирнов. Совсем в Россию он еще не переехал, но, мне кажется, это возможно. Как хорошо сказал один наш преподаватель: «Я бы согласился уехать за границу, но только если бы мне можно было увезти с собой всю лабораторию, всех своих сотрудников, друзей, родителей и нашу научную атмосферу».

— **Но есть и другое мнение, об отсутствии престижа науки в России.**

— Если говорить о нашем университете, то у нас нет ни одного случая, когда бы серьезная лаборатория, важное научное достижение не поддерживались бы. И аппаратура соответствующая покупается, и центры создаются, и премии выплачиваются хорошие. Не всем, конечно, и не каждый месяц, но все-таки. Все зависит от конкретной организации. Хотя нужно думать на государственном уровне об изменении базовой заработной платы в государственных учебных и научных учреждениях.

— **Подводя итоги разговора, насколько полно воплотились ваши ожидания от фонда «Русский мир»?**

— Воплотились, конечно, безусловно. Я помню даже первый момент, когда я узнала о создании фонда 21 июня, — мне стало легче морально. Помню первый момент, когда я сообщи-

ла важную новость публично. Я открывала конгресс в Болгарии и помню свою радость от того, что могу сообщить всем, что наш президент, вообще руководство страны наконец поняло, что язык нужно сохранять, беречь, вкладывать в него деньги. И это доверие мы оправдали, я считаю, сделали очень многое. Уже во всех основных странах у нас есть точки «Русского мира», многие ведущие мировые русисты прибегают к помощи «Русского мира». Интенсивная совместная работа у нас идет с Германией — и по линии «Русского мира», и в рамках форума «Петербургский диалог», который в одиннадцатый раз собрался в Москве 14 октября. Его начинали Владимир Путин с Герхардом Шредером, потом Ангела Меркель с Дмитрием Медведевым, теперь — Ангела Меркель с Владимиром Путиным. Интересно то, что и развитие «Петербургского диалога» проходит сейчас при поддержке со стороны «Русского мира». Так, немецкий сайт «Петербургского диалога» — достаточно хороший, дающий возможность немцам знакомиться с тем, что происходит, — со следующего года не будет финансироваться компанией «Газпром — Германия». На последнем заседании «Русского мира» мы выделили средства на помощь сайту, чтобы немцы не лишились информации о том, что происходит в России с русским языком. Помогая другим странам, мы решаем ту же проблему улучшения взаимоотношений между нами, распространения языка. Безусловно, растет и статус фонда. И мы хотим, чтобы изменилось наше финансовое наполнение. Помню, на прошлом Всемирном конгрессе соотечественников Дмитрий Анатольевич Медведев отметил хорошую работу фонда. Мы тут же попросили его об увеличении финансирования, и он добавил нам 250 миллионов

рублей. Надеемся, что и после прошедшего конгресса мы решим наши растущие финансовые проблемы. Все-таки 500 миллионов рублей, которые есть в нашем распоряжении, — деньги небольшие, учитывая наши глобальные проекты и их важность как для России, так и для всей планеты. 🇷🇺

«ЯЗЫК НЕВОЗМОЖНО РАЗРУШИТЬ ПОЛИТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ»

БЕСЕДОВАЛА ЕЛЕНА ПРИВЕН

Доктор исторических наук, профессор Донецкого национального университета Елена Стяжкина известна как ученый и литератор не только на Украине, но и в России. Корреспондент «Русского мира.ru» побеседовала с Еленой об Украине и России, о национальной самоидентификации, о языке, о прошлом, настоящем и будущем наших стран.

Наблюдая за нашей украинской жизнью, все время задаю себе вопрос: до какого состояния нужно довести население Донбасского региона, чтобы оно наконец возмутилось и выразило хоть сколько-нибудь активный протест?

— Я много читала русских философов и согласна с их почти единодушным заключением о том, что русские — неполитическая нация. Мы — осколок русскости здесь — собрали в себе лучшее и худшее. Мы тоже неполитические люди, хорошо это или плохо.

— Но мог сработать хотя бы инстинкт самосохранения...
— Есть и второй момент. Он связан с историей заселения нашего края и историей выживания на этой территории.

Здесь ключ к нашей политической пассивности. Жить в этих местах всегда было очень трудно: регион не слишком хорош для аграрной деятельности, для предпринимательства, поскольку требует огромных затрат. Шахту, металлургический завод самостоятельно не построишь. Поэтому всегда присутствовала жесткая зависимость от государства и от той работы, которую может дать государство. Это не значит, что мы его любили, часто даже ненавидели, но объективно были с ним сильно связаны. И еще всегда была сильная зависимость друг от друга. Мы живем в тесном контакте, хотя можем не любить соседа, презирать его, но мы связаны с ним. Никогда наш регион не надеялся на столицу, а только на самовыживание в рамках семей, соседских поселений, трудовых коллективов, родственников. Задача выживания всегда была первостепенной. Когда главное — выжить, на гуманитарные и идеологические подробности внимания не обращаешь. Конечно, нам не нравится ксенофобия, которую сейчас активно разыгрывают политики. Ведь край наш заселен в немалой степени потомками многонациональных браков, и тему этнической принадлежности в связи с этим обстоятельством муссировать неприлично. Среди пристойных людей, по крайней мере. И когда мы слышим по телевизору, как навязчиво и агрессивно звучит эта тема, то для нас это выглядит просто пещерностью. Даже малообразованные люди воспринимают как дикость призывы «Геть жидів та москалів». У моего младшего сына есть няня. Она говорит: «Та як же це можна чути! Як же ми будемо жити без жидів та москалів? У мене ж подруга, сусідка. Ні, я так не хочу». Но мы, презирая ксенофобию, не имеем установки с ней бороться. У нас всегда доминирует установка выжить здесь и сейчас, ни на кого не рассчитывая, ни на кого не уповаю.

— Такая установка не может не сузить мировоззрение, делает его слишком бытовым.

— Конечно. Донбасс бросили на какое-то время в годы Великой Отечественной войны. Когда советские войска ушли, а немецкие еще не пришли, но уже стояли на пороге. Людей не эвакуировали, ничего не сделали, чтобы спасти их. И в этом ожидании никто никуда не бежал, не прятался. Все концентрировались на одной цели — выжить.

— У меня есть пара возражений чисто умозрительного плана. Ведь Дикое поле заселялось людьми вольными, авантюристами. Казаками, наконец. По идее, они должны были бы себя вести смело и независимо. И их потомки должны бы оставаться таковыми...

— Я думаю, пассионарности этих людей хватило в свое время лишь на побег. А здесь им хотелось обрести стабильность, спокойствие. Что касается казаков, то местное казачество было пограничным, охранительным в основном. Казаки-воины жили в Сечи, там проходила их политическая и военная жизнь, а здесь были заставы. Поэтому казачья ментальность не была здесь преобладающей.

— И второе возражение. Ну вот выжили. Во время большей или меньшей стабильности, защищенности уже можно начинать осознавать и более высокие потребности...

— В том-то и дело, что момент, когда наши люди ощущают себя «выжившими», уверенными в завтрашнем дне, все не наступает. Мы так и не выдохнули все, с чем сюда приехали. наших репрессированных родителей, наших погибших на страшной войне дедов, 70-е годы с дефицитами и очередями, 90-е с бандитизмом и нищетой.

— Так это сделало нас такими послушными и вялыми?

— Я против определения «послушные». Мы имеем свое мнение, четко понимаем, о чем идет речь, не впадая в иллюзии, даем оценку тому, что происходит. Но на улицы не выходим. И в этом феномен. Но мы довольно дружно выбираем политиков, которым доверяем решать наши проблемы. И так показываем свою волю. Другое дело, как потом политики обходятся с нашим доверием...

— Даже новое поколение, студенты, тоже не протестуют. Возьмем историю с попыткой переименовать Донецкий национальный университет... (В декабре 2008 года появилось об-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ращение студентов к министру образования с просьбой присвоить Донецкому национальному университету имя Василя Стуса — известного диссидента, поэта, борца за украинскую независимость — на том основании, что он в свое время окончил этот вуз. Вскоре последовали письма министра образования и президента Украины, предлагавшие рассмотреть вопрос о переименовании ДонНУ. Разразился громкий скандал, поскольку подавляющее большинство студентов и преподавателей посчитали эти действия давлением и провокацией. В результате массовых акций сопротивления переименование было отменено. — Прим. авт.)

— Вот здесь не соглашусь. Именно студенческое самоуправление и было источником движения сопротивления, которое повернуло процесс вспять. Это потом разные СМИ трактовали ситуацию как кому выгодно. Но я знаю, как все было, изнутри. Преподаватели, как вы понимаете, всегда находятся под огромным давлением со стороны министерства. Некая растерянность поэтому была. Донецкий национальный — это же не частная лавочка, а государственный вуз. Есть иерархия, есть система. Думаю, письма из министерства вызвали определенную растерянность. Хотя по закону принять решение о присвоении имени может только трудовой коллектив. И в этой растерян-

сти именно студенты оказались на высоте. Они за ночь собрали тысячи подписей, изготовили ленточки «За Национальный», которые раздавали в университете. Они организовали живую цепь вокруг университета, пели гимн ДонНУ. Если бы преподаватели не услышали этого, продолжая оставаться в растерянности, мы потеряли бы лицо перед студентами. Да и перед самими собой — тоже.

— Но 600 студентов подписали письмо в защиту переименования, а это немало.

— Среди этих подписантов значительная часть вовсе не наши студенты. Там есть люди из Запорожья, Львова, Кривого Рога, не имеющие никакого отношения к ДонНУ. А из наших студентов-подписантов я знаю многих. Я разговаривала с ребятами, пытаюсь понять их мотивацию. Они произвели на меня разное впечатление. Некоторые из них — настоящие фанатики украинизации. Они уверены, что так будет лучше, что Василь Стус фигура огромного масштаба, борец за независимость Украины. Они искренни, и это вызывает уважение. Другие просто делают политическую карьеру. Цинично, сознательно разыгрывают «раскольную» карту. Можно же было работать над продвижением идеи: год, два, столько, сколько понадобится для подготовки общественного мнения, для выработки солидарного решения студентов и преподавателей. Можно было читать стихи Стуса, рассказывать о поэте, «болеть» этим. Возможно, идея о присвоении имени Василя Стуса объединила бы многих, пришлось бы по душе. Но некие общественные организации провозгласили акцию 17 декабря, а уже 31 декабря министр «поддержал инициативу студентов о переименовании», что в определенном смысле можно рассматривать как указание. Когда это у нас министры поддерживали народную инициативу в такие кратчайшие сроки? Это заставляет не верить в спонтанность инициативы, в искренний порыв студентов. Вот я бы предложила дать университету имя моего учителя профессора Поликарпа Яковлевича Мирошниченко и даже нашла бы 600 подписей,

но, думаю, чиновники нас вообще не услышали бы, не говоря уж об ответе и поддержке. Поэтому лучше, чтобы сегодня университет оставался просто «Национальным», без имен, раз это так конфликтно. Кстати, существует два списка инициаторов: один — общественный, созданный на сайте «Інша література», другой — тот, что был послан во все инстанции — от министерства до Верховной рады. Этот второй список подписантов никто не показывает. Говорят, боятся репрессий.

— А какие репрессии могут быть применены даже теоретически?

— Понятия не имею. Моя аспирантка была в числе тех, кто поддерживал акцию по присвоению имени Стуса. Ну и что? Мы продолжаем с ней работать. Она умница, труженица, талантливого человек. Планируем в начале следующего года защиту. Говорили уже после акции. Все нормально. Какие репрессии? Бред...

— Вот западные украинцы, определяющие сегодня гуманитарную политику в стране, упрекают нас как раз за то, что мы без имен живем, значит, и без корней.

— Мы живем с именами и с корнями, но с другими, которые они презирают или как минимум не желают знать. Мои герои — они из тех, кто не вписывается в пантеоны. Это люди, которые обращались к каждому, к личности, к душе, были вне государственных мифов. Вот я работаю в университете, в котором у меня были учителя. Многие нынче уже покойные. Одна из них, Мария Абрамовна Молдавская, была почетным профессором Сорбонны. Профессор Роман Данилович Лях, ныне покойный, в доперестроечный период читал нам лекции исключительно на украинском языке. Это была его принципиальная позиция. У нас был преподаватель Поликарп Яковлевич Мирошниченко, который в советские времена доказывал, что в основе любой культуры лежит крестьянская культура, что именно крестьянство — альфа и омега. Крестьянство, а не рабочий класс. Это был великий ученый. И для меня мой факультет — имени его. И имени других моих учителей...

— А история с переименованием закончилась?

— Нет. К нам недавно приезжали с гуманитарной миссией народные депутаты академик Николай Жулинский и Вячеслав Кириленко. Читали лекции, в том числе и о Стусе. Я себя чув-

ствовала как папуас, которого белые люди пришли просветить. У нас в университете имя Стуса звучит постоянно. Лекции, семинары, конференции, Стусовские чтения... Так что мы неплохо осведомлены об этом действительно большом и талантливом человеке. Вячеслав Кириленко сказал, что мы обязательно придем к мысли о том, что имя Стуса нужно дать университету и это будет для него большой честью. Потом студенты задавали вопросы. И одна барышня спросила: «А кто вам дал имя Вячеслав»? Он немного опешил, а потом ответил: «Може, мати, може, батько, я уточню». А девушка говорит: «Уточните, пожалуйста, и спросите, какое отношение к этому имели ваши соседи». Пламенный нардеп, мягко говоря, смутился. Студенты были настроены повоевать, и они это сделали. Так что отпор мы давать можем. Хотя, конечно, не всегда он убедителен. Поэтому к нам продолжают ездить агитаторы.

— Мы не сопротивляемся тотальной украинизации теле- и радиозифира, дублированию фильмов на мову. Мы подчинились. Можно ли считать, что галицийский проект Украины победил?

— В галицийском проекте единой соборной реформируемой Украины ничего плохого нет. Носителем его был Вячеслав Чорновил, который демонстрировал дрейф от националистического диссидентского к националистическому же, но облагороженному европейскому демократическому либеральному проекту, предполагающему множественность культур и строительство гражданского общества. Чорновил не был шовинистически агрессивным, он был готов корректировать свои взгляды, слушать других. И проект его был способен позитивно трансформироваться. А вот победило на Украине совсем другое. Это не галицийский проект, а проект прикрытия. Когда национальное прикрывает бездарное, коррупционное, становится ширмой, индульгенцией, разменной монетой, козырной картой для политиков. При этом реального движения в сторону национального нет. Можно сколько угодно ругать СССР, но тираж книг на украинском языке, издававшихся в Советском Союзе, в тысячи раз превышал тиражи в независимой Украине.

— Но сейчас огромное количество научных книг, учебников издается на украинском...

— Когда наши университетские ученые в своих работах упоминают «вітчизняних дослідників» (отечественных исследователей. — Прим. авт.), то называют и российских, и советских в том числе. Люди помоложе считают отечественными русских и украинских исследователей. Интересно, что такая же проблема есть и на западе страны. Например, в Черновцах. Но к числу отечественных помимо украинских они относят румынских и венгерских ученых.

— Государство предпринимает колоссальные усилия по внедрению украинского языка во все сферы жизни. Вплоть до репрессивных мер, когда студентам, скажем, запрещают общаться по-русски даже на переменах в стенах университетов. А все равно на огромной территории Украины русский остается доминирующим. Он сильнее?

— Нет, он просто родной. Это зеркальная история Эмского указа и Валуевского циркуляра, запрещавших украинский. Разве его убили? Нет, он жив. То есть родной язык больше, чем циркуляр, чем вся система образования и репрессивные меры государства. Язык — это часть структуры мира, а ее нельзя разрушить политически. Перевести тексты с одного языка на другой невозможно без потери смысла. А смысл — это глубинное, субъективное, интимное. Абсолютно точно передать на другом языке то, что ты чувствуешь, невозможно. В языке ментальность народа, образ чувств зафиксированы очень точно. Приведу мой любимый пример. По-русски — «настоячивый», по-украински — «наполегливий». Там, где русский будет стоять с ровной спиной,

стоять насмерть, держа то, что под ногами, украинец ляжет и будет так же упрямо, насмерть лежать, раскинув руки, потому что так территория, которую он занимает, будет больше. Спина не будет такой прямой, поза будет неудобной, зато места он займет больше. Это — разное мироощущение, отраженное в языке.

— А мы здесь, на юго-востоке, настоячивые или наполегливые?

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Награждение
Елены Стяжкиной грамотой
Министерства образования
Украины. 2007 год

— А мы, если исходить из этого, оказались в некотором смысле маргиналами. Мы и не русский этнос, и не украинский. Мы как пограничные народы, у которых всегда будет травма маргинальности по отношению и к тем, и к другим. Наша самоидентификация все меньше и меньше связана сегодня с Россией как с родиной. Мы уже не воспринимаем ее как родину, но еще не воспринимаем как свою родину Украину. Которая, к слову, делает все для того, чтобы мы оставались маргиналами, — унижает нас, не считается с нашими культурными, образовательными запросами, хотя молодое поколение уже проявляет готовность признать Украину родиной. В этом плане мы очень честны. Нас можно во многом упрекать — в совковости, пристрастии к империи... Но нельзя упрекнуть в нечестности. Мы и к СССР относились честно, играя по его правилам. Видели недостатки, но страну любили и гордились ею. Сегодня над нами смеются за это. А мы честно признаем, что до сих пор до конца не готовы признать эту независимую Украину, о которой мы не мечтали, своей родиной. Многие все еще хранят верность Советскому Союзу. Но многие — возможно, большинство — признают Украину своей страной. Пусть не родиной, но уже — своей страной. Украина должна была бы сделать все, чтобы мы воспринимали ее матерью, а не мачехой. Увы... Страна остается некомфортной — не в смысле бытовых удобств, а в смысле толерантности, готовности принять всех своих детей в их разнообразии. Поэтому она осознается как собственное государство, но не воспринимается эмоционально, как мама. И вина за это лежит на политиках, которые по недомыслию или цинизму создают проблему. Потому что русскоязычные граждане — такие же граждане, как и украиноязычные. Такие же! Вот пример. Гоголь — несомненно украинский писатель, писавший на русском.

— После выхода фильма «Тарас Бульба» на украинских сайтах и интернет-форумах началась настоящая война. Украинские интеллигенты — историки, писатели, журналисты, кинорежиссеры — обвинили фильм в воспевании имперскости, насаждении идеи колониальной малороссийскости в ущерб идее великого украинства. И ладно бы в этом обвиняли режиссера. Сам Гоголь оказался виноват во всем. Именно писателя обвиняют в «зроссийщенности», в предательстве родины. А вы говорите — украинский писатель...

— Я убеждена, он настоящий украинский писатель, писавший на русском языке. Как, скажем, Бродский был русским поэтом, писавшим в США на английском. Поскольку такое возможно для великих людей, то почему это не может быть правдой для простого человека? Если наши правители не хотят ее признавать, то для меня, например, это ужасная трагедия. Язык невозможно убить политикой. Но можно сломать гордость и достоинство его носителей. Или вот, скажем, форсированный перевод украинской науки исключительно на украинский язык. Это вредит прежде всего науке и языку, потому что если ученый хочет получить коллегиальный отклик на свою работу, он должен написать ее либо по-русски, либо по-английски. Но чтобы монография или учебник пошли в зачет научных работ, они непременно должны быть написаны на украинском языке. Возникает вопрос: кем я хочу быть — ученым или просто исполнителем неких правил? Если я хочу быть ученым, мне приходится делать перевод изначально написанного мною на украинском и потом публиковать свой текст в русскоязычных и англоязычных изданиях. Хотя мне легче и точнее вы-

разить мысль, конечно, сразу на русском. Ну не бред?

— Давайте попробуем рассуждать с позиций идеологов именно такой процедуры. Они небезосновательно считают, что если этого не делать, то украинский никогда не станет уважаемым языком культурного, научного, высокого общения на Украине.

— Но при этом маргинализируют огромную часть общества. То есть делают ситуацию точно противоположной тому, что было раньше, когда высокие позиции занимал как раз русский. Здесь очень тонкая история. Я убеждена, украинский нуждается в широкой государственной помощи, в системной поддержке. Украинский достоин того, чтобы жить и развиваться. Значит, все усилия по вовлечению русскоязычных в украинский языковой контекст должны поощряться, оплачиваться, становиться выгодными и модными. В свое время читающая советская публика познакомилась с «Крестным отцом» на украинском языке. Это был первый в Союзе перевод. И это было прекрасно. Книжки на украинском языке должны иметь бюджетные льготы, учебники должны быть бесплатными, а преподаватели — получать надбавку. Тогда это будут грамотные, аккуратные шаги. Все иные меры — из серии прикрыть срам капустным листом. Рассчитывать, что кто-то по доброй воле будет убивать родной язык, просто бессовестно.

— **Сделать украинский выгодным можно, но модным — что-то очень плохо выходит.**

— А где у нас вообще можно послушать красивую и правильную украинскую речь? Языковые потуги пляшущих человечков в политических шоу выглядят смешно, жалко, чудовишно. Потому что почти никто из них языка украинского не знает. В большинстве случаев это глухой, вымученный суржик. И люди это слышат. Обмануть невозможно. Лишь единицы ратуют за что-то искренне. Например, певец Вакарчук, который пишет и поет свои песни на украинском. И это прекрасно, и это чувствуют не только русскоязычные на Украине, но и русские в России. Но когда ратует за него человек, не давший себе труда выучиться и свободно владеть языком, то мы все чувствуем фальшь, циничную игру.

— **А как, на ваш взгляд, должна была бы вести себя власть, чтобы не делать всех вышеописанных ошибок?**

— Некоторое время назад в Луганске Фонд Науманна проводил круглый стол на тему «Украина и Россия: взгляд из Луганска». В дискуссии принимал участие историк и наш известный телеведущий Андрей Куликов. И он на чистой украинской мове рассказывал о правах русского и русскоязычного населения на Украине. Его модель четкая и справедливая — русскому и русскоязычному населению должны быть предоставлены точно такие же культурные, образовательные права, какие имеет население

украинское. Должны быть свои телеканалы, школы, университеты, газеты и журналы. Чиновники обязаны, по его мнению, владеть обоими языками. Вот это и есть европейский выбор. Все остальное — лукавые игры на фоне несостоявшейся, провальной экономической политики. Если быть до конца честными, то придется признать, что решение языковой проблемы невыгодно никому. Другое дело — муссировать, сетовать, причитать, обещать. Перед выборами — для мобилизации электората. Все играют в эту игру, в том числе и те, кто обещает борьбу за придание русскому статуса второго государственного. Если вопрос решится, чем тогда консолидировать избирателей на новых выборах? Было бы искреннее желание, нашли бы правовые механизмы решения. Обратились бы в европейские институты, в международные правозащитные организации. Но — зачем?

— **А какова должна быть роль России в поддержке соотечественников? На что мы вправе рассчитывать?**

— Это сложный вопрос. Всегда почему-то подразумевается, что мы должны просить помощи, будучи в позиции младшего брата. Я часто участвовала в конференциях, проводимых Институтом стран СНГ. Меня всегда очень обижает интонация, с которой такие мероприятия проводятся. Она патерналистская, снисходительная, с подтекстом «папа знает лучше». Ждут, что мы станем жаловаться, а россияне будут нас утешать. На одной из последних конференций обсуждали вопросы преподавания истории в России и на Украине. Как честный ученый, я подробно ознакомилась с нашими и российскими учебниками. Наши — чудовищно смешные. Но и российские от нас не отстали. Я не могу принять такой подход, что теперь репрессиями нужно считать только то, что закончилось смертью, а переселение в Сибирь и на Дальний Восток — это укрепление регионов. Диссидентское движение названо чудовищной ошибкой и т.д. То есть налицо поворот к Краткому курсу истории ВКП (б). Мне кажется, это проблема, и наша задача — создавать движение навстречу друг к другу и четко оценивать с научной точки зрения качество изложения исторического материала. Мы не можем принять интонацию снисхождения, покровительства, назидательности и пойти в украинское общество со словами «За нами Россия». За нами сегодня нет России. Каждая страна стоит сама за себя и отвечает сама за себя. И если мы хотим быть вместе, то только партнерство, диалог и шаги навстречу друг другу. Внешний вектор политики России, на мой взгляд, мог бы быть смягчен, хотя я понимаю, что империи это трудно. 🍎

НАДЕЖДА НА САМООЧИЩЕНИЕ

ЛЕОНИД КРЫСИН*

Как воспитать хороший языковой вкус, не отвергая неизбежное обновление речи?

Два характерных процесса происходят в современном русском языке. Это, во-первых, жаргонизация литературной речи и, во-вторых, усиление заимствования иноязычных слов. Оба влияют на литературный язык колоссально.

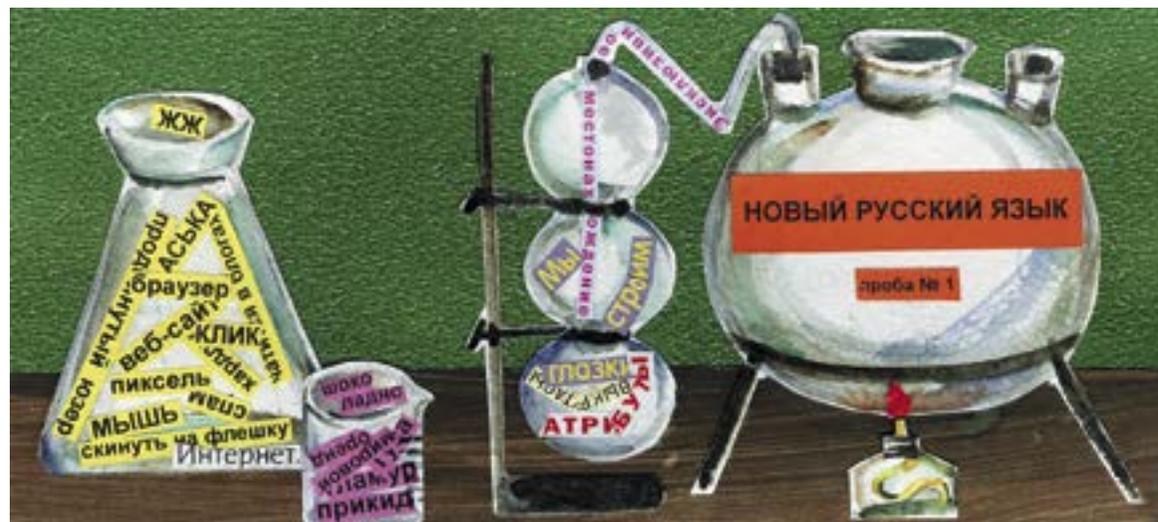
КТО СЕЛ НА ИГЛУ ЖАРГОНОВ

Проникновение в литературную речь жаргонных слов и выражений, их употребление (*крутой* (парень), *разборка*, *беспредел*, *отморозок*, *балдеть*, *крыша поехала* и т.д.) становится едва ли не нормой. Почему так происходит?

Для нашего времени характерно вхождение в публичную жизнь таких слоев и групп, представители которых активно используют в речевой практике разного рода жаргоны и другие формы нелитературной речи. Кроме того, отход в области социальной жизни от канонов и норм тоталитарного государства, провозглашение свобод сказываются, в частности, на оценках некоторых

языковых фактов и процессов. То, что раньше считалось принадлежностью социально не престижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), начинает приобретать «права гражданства» наряду с традиционными средствами литературного языка. Не последнюю роль в усилении влияния жаргонизмов играют миграционные процессы: перемешивание разных слоев населения, отток сельских жителей в города, усложнение социального состава горожан, интенсификация общения между представителями разных, в том числе языковых, групп.

Роль жаргонов как средства общения в прошлом недооценивалась. До недавнего времени в отечественной науке о русском языке считалось, что жаргоны не имеют социальной базы. У этой точки зрения были резоны. Так, развитое в дореволюционное время нищенское арго к середине XX века как будто утратило социальную базу. Арго беспризорников, впитавшее в себя элементы воровского

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

жаргона и бывшее активным в 20-е годы, позднее угасает, не имея устойчивого контингента носителей. Однако в конце XX века оба арго возрождаются в новом социальном и языковом обличье, поскольку множатся ряды нищих и беспризорников. Эти два арго составляют лишь часть многоцветной палитры современных социальных жаргонов и арго: они существуют наряду с такими языковыми образованиями, которыми пользуются уголовники, мафиози, проститутки, наркоманы, фальшивомонетки, карточные шулера и другие социальные группы современной России. Эти жаргоны и арго по большей части несамостоятельны, «перетекают» друг в друга. Например, в области лексики и фразеологии жаргоны наркоманов, проститутток, нищих имеют много общего. У студенческого жаргона обнаруживается общность со сленгом хиппи, «челноки» активно использовали торговое арго и т. д.

В основе этого многообразия лежит тюремно-лагерный жаргон. Он формировался в социально пестрой среде советских лагерей и тюрем на протяжении десятилетий. Восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала дореволюционного воровского арго, тюремно-лагерный жаргон значительно расширил не только набор

выразительных средств, но и социальный состав тех, кто им пользовался. С ним были знакомы, его употребляли как «воры в законе», «домушники», «медвежатники», «скокари», «щипачи» и прочие представители уголовного мира, так и недавние инженеры, совпартслужащие, военные, студенты, рабочие, актеры, журналисты, поэты, крестьяне, врачи — все, кто составлял многомиллионное население сталинских лагерей.

В современных условиях тюремно-лагерный жаргон находит себе новую «среду обитания». Им пользуются, например, бизнесмены, журналисты, политики. Он модифицируется, пополняясь новообразованиями и меняя значения традиционно используемых лексических единиц. Например, *напарить* — обмануть, *калу́ста* — деньги (первоначально только о долларах — из-за их зеленого цвета), *поставить на счетчик* — ежедневно увеличивать проценты от не уплаченного вовремя долга и т. д. Сначала жаргонизация проявлялась в устной речи, затем — в языке СМИ и в публичных выступлениях политиков, депутатов и писателей. Хорошо это или плохо? Несомненно, плохо, если рассматривать процесс жаргонизации литературной речи с позиций языковой нормы, не допуская мысли о неизбежном обновлении языка. Как показывает изучение развития русско-го литературного языка, процесс обновления всегда происхо-

ЧЕМ РЕМЕЙК ЛУЧШЕ ПЕРЕДЕЛКИ

Для развития почти каждого языка характерен процесс заимствования слов из других языков. Тем не менее и к самому этому процессу, и к иноязычным словам носители языка часто относятся подозрительно: зачем что-то брать у других, если есть свое? Зачем нам *имидж*, если есть *образ*? К чему *саммит*, если можно сказать *встреча в верхах*? Чем модный в кинематографии *ремейк* лучше обычной *переделки*? И разве *консенсус* прочнее *согласия*?

дид в борьбе «архаистов» и «новаторов». Но всегда для этого процесса был характерен тщательный отбор новшеств, «взвешивание» их свойств с точки зрения пригодности для коммуникативных нужд культурного общества. Элементы такого отбора можно наблюдать и сейчас: в потоке жаргонных слов и оборотов взгляд тех, кто наделен языковым чутьем и вкусом, различает некоторые, отдельные особенно емкие, выразительные слова и обороты, которые могут быть употреблены и в литературной речи. Разумеется, с определенной стилистической окраской и главным образом в непринужденном общении, например слова *стукач*, *крутой*, *беспредел*, *тусовка* отмечены в речи образцовых носителей литературного языка.

Многие из жаргонных элементов утрачивают свою социальную прикрепленность, становятся хорошо известными в разных социальных группах носителей русского языка, а некоторые получают развитие в литературном языке. К примеру, фразеологизм *сесть на иглу*, попав из речи наркоманов на страницы газет, «обрастает» производными: «*Область села на дотационную иглу*»; «*Нельзя все время сидеть на игле инвестиций*» и т. п.

Кстати, в конце 40-х годов, во время борьбы с «низкопоклонством перед Западом», даже устоявшиеся в русском языке технические термины пытались заменить на исконно русские: не *бульдозер*, а *тракторный отвал*, не *грейдер*, а *струг*... Но бывают в истории общества и другие времена. Таким временем можно считать конец прошлого столетия и начало нынешнего, когда возникли политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию иноязычной лексики. Вот некоторые из этих условий. Значительная часть россиян осознает свою страну как часть цивилизованного мира; в идеологии объединительные тенденции прео-

легко выбрать!

скидка 5%

Подарочный набор №21 Роскошный объем

скидка 10%

89 00

скидка 25%

164 00

скидка 30%

41 00

СУПЕР скидка!

Супер тис клининг комплекс

скидка 12%

айросмусинг голубой

269 00

ватерлейка металллик

роллер-пен

обладают над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества Западу; происходит переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, в области экономики, политики и культуры имеет место ориентация на Запад. Это легко проиллюстрировать сменой названий в структурах власти. Верховный совет давно стал именоваться *парламентом*, совет министров — *кабинетом министров*, его председатель — *премьер-министром* или *премьером*, а его заместители — *вице-преьерами*. В городах появились *мэры*, *вице-мэры*, *префекты*, *супрефекты*, советы уступили место *администрациям*, главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями* и *пресс-атташе*, которые выступают на *пресс-конференциях*, рассылают *пресс-релизы*, организуют *брифинги* и *эксклюзивные интервью* своих шефов... То есть произошла интенсификация общения носителей русского языка с носителями иных языков. Так в русской речи — сначала в профессиональной среде, а затем и за ее пределами — появились термины, относящиеся к компьютерной технике. Само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер* и многие дру-

гие названия, например видов спорта (новых или по-новому именуемых) — *виндсерфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл* и др. Англицизмы пробивают брешь и в старых системах наименований. Так, добавочное время при игре в футбол или в хоккей все чаще именуется *овертайм*, спортивное состязание на выбывание из дальнейших соревнований одной из команд — *плей-офф* и даже традиционное боец в кикбоксинге заменяется англицизмом *файтер*. У всех на слуху многочисленные экономические и финансовые термины типа *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *инвестиция*, *ипотека*, *маркетинг*, *монетаризм*, *фьючерсные кредиты* и т. п. Многие из них были заимствованы давно, но использовались в основном среди специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились актуальными для общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды. Активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики происходит и в менее специализированных областях чело-

веческой деятельности: достаточно напомнить такие широко используемые сейчас слова, как *бренд, имидж, презентация, номинация, спонсор, видео, шоу* (и их производные: *видеоклип, видеотехника, видеокассета, видеосалон; шоу-бизнес, ток-шоу, шоумен*), *триллер, хит, дискотека, диск-жокей* и множество других.

Среди причин, которые способствуют массовому проникновению иноязычных неологизмов в наш язык, определенное место занимают причины социально-психологические. Многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка. *Презентация* выглядит более респектабельно, чем привычное русское *представление, эксклюзивный* — лучше, чем *исключительный, топ-модели* — шикарнее, чем *модели*. Хотя намечается и некоторое семантическое размежевание «своего» и «чужого» слов: *презентация* — это торжественное представление фильма, книги и т.п.; *эксклюзивным* чаще всего бывает *интервью*, а сказать о ком-нибудь *эксклюзивный тупица* или воскликнуть: «*До чего же эксклюзивная у вас колбаса!*» — едва ли можно.

Ощущаемый многими большой социальный престиж иноязычного слова, по сравнению с исконным, иногда вызывает явление, которое может быть названо «повышение в ранге». Так, во французском языке слово *boutique* значит «лавочка, небольшой магазин», а будучи заимствовано нашими модельерами и коммерсантами, оно приобрело значение «магазин модной одежды». Примерно то же происходит с английским словом *shop*: в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами, преимущественно западного производства (обычный продмаг никто *шопом* не назовет). Английское *hospice* («приют, богадельня») превращается в *хоспис* — дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфорта, облегчающего процесс умирания. И даже итальянское *puttana*, оказавшись в рус-

ском языке, обозначает не всякую проститутку (как в итальянском), а главным образом валютную.

Как относиться к тому, что иноязычные слова нередко вытесняют из употребления слова исконные? Может, необходимы запретительные меры, не позволяющие, скажем, журналисту или диктору телевидения употреблять иноязычное слово, если есть равнозначное русское? Прежде чем ответить на эти вопросы, посмотрим, какие сферы общения в наибольшей степени подвержены иноязычному влиянию. Чаще всего новые иноязычные слова можно встретить в СМИ, например на телевидении, в передачах, посвященных экономической или политической жизни, моде, музыке, кино, спорту. В устной публичной речи, например в радио- и телеинтервью на бытовые темы, в выступлениях на заседаниях парламента — употребление иноязычных слов-неологизмов часто сопровождается оговорками типа: «так называемый монетаризм», «как теперь принято выражаться, электорат» и т.п., поскольку, ориентируясь на массового слушателя, говорящий ощущает связь с ним более остро, нежели автор статьи. Некоторые из заимствований употребляются не только в прямых своих значениях, но и переносно, метафорически: *телевизионный марафон, реанимация российской экономики, ангажированная пресса, политический бомонд, рейтинг вранья* и т.п. Однако обиходная речь не испытывает сколько-нибудь заметного наплыва иноязычных слов. Что понятно: будучи по большей части словами книжными или специальными, заимствования и употребляются главным образом в жанрах книжной речи.

Наблюдаются и социальные различия в отношении к иноязычным словам, особенно новым. Люди старшего поколения в среднем менее терпимы к «чужой» лексике, чем молодежь; с повышением уровня образования освоение заимствований происходит легче; представители технических профессий меньше останавливают свое внимание на том, какое слово они видят в тексте или слышат — русское или иноязычное, чем представители профессий «гуманитарных». Но это в целом. Возможно и более сложное

отношение к иноязычным словам. Например, профессионал может не замечать «чужезычности» терминов, которые употребляются в его профессиональной сфере, и негативно реагировать на иноязычную терминологию в других сферах деятельности и общения.

По поводу резкого роста иностранных заимствований паниковать не стоит. Нередко говорят и пишут об «иноязычном потоке», заливающим русский язык, о засилье иностранщины, под гнетом которой он гибнет. Такие высказывания рожают чувство безысходности. Растущее влияние английского языка также может наводить на мысль о сужении сфер использования русского языка, о его функциональном угасании. Действительно, с масштабом и темпами распространения английского в сферах политики, международных контактов, в науке русский язык, надо прямо сказать, состязаться не может. Но коммуникативное пространство далеко не ограничивается политикой и наукой. И разве можно сбрасывать со счетов сотни миллионов людей, для которых русский язык — родной и которым совершенно нет необходимости — ни сейчас, ни в будущем — переучиваться и полностью переключаться на другой язык, например на английский? Словарь нашего языка и в особенности его грамматика представляют собой устойчивую систему, способную эффективно обслуживать коммуникативные нужды и говорящих по-русски с детства, и тех, кто только изучает русский язык, обслуживать в разных областях человеческой деятельности, начиная с бытового общения и кончая сферами образования, науки, законотворчества, судопроизводства.

При этом не нужно забывать, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. Язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного. Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. Кто из наших современников знает, например, кто такой *проприетер* и что означает слово *индигестия*? Что имел в виду Гоголь, когда в «Мертвых душах» писал о даме, с которой приключилось «небольшое

инкомодите? Кто такой *супирант*? Какой смысл вкладывали наши предки в слово *суспиция*? И что они имели в виду, когда считали, что театральные актеры излишне *фарсирет*? Сейчас не всякий словарь даст нам ответы на эти вопросы, и мы узнаем, что *проприетер* — это собственник, *индигестия* — «несварение желудка», что *инкомодите* означает по-русски просто неудобство, неловкость, что *супирантом*

называли поклонника, воздыхателя, а *суспицией* — подозрение, недоверие к кому-либо, что *фарсирующим* считали актера, который достигает комического эффекта чисто внешними приемами игры. Конечно же, никто не издавал указов, предписывавших изгнать эти слова из русской речи. Они устарели, были вытеснены из употребления как нечто ненужное. А с другой стороны, многого ли добились пуристы прошлого, призывая запретить употребление таких слов, как *эгоизм* (вместо этого предлагалось *ячество*), *цитата* (предлагались в качестве синонимических замен *ссылка*, *выдержка*), *поза* (взамен изобреталось *телоположение*), *компрометировать* (вместо этого рекомендовали говорить: *выставляя в неблагоприятном виде*), *игнорировать* (Владимир Иванович Даль считал, что это «слово непозволительное») и др.?

Разумеется, чрезмерное или неуместное употребление иноязычных слов недопустимо, но неумеренность и неуместность вредны и при использовании любого слова. Конечно, ни ученые-лингвисты, ни журналисты и писатели не должны сидеть сложа руки, бесстрастно наблюдая, как засоряется иноязычием родная речь. Но запретами здесь ничего сделать нельзя. Нужна планомерная и кропотливая научно-просветительная работа, конечная цель которой — воспитание хорошего языкового вкуса. А хороший вкус — главное условие правильного и уместного использования языковых средств, как заимствованных, так и исконных. 🍎

* Автор — доктор филологических наук, профессор
Института русского языка РАН.

АНТОН БЕРКАСОВ

ТВОРЦЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ

БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Как и почему средства массовой информации стали «лабораторией» по развитию русского языка, отодвинув на второй план художественную литературу? Кто способен отвоевать у СМИ статус «законодателей» литературной нормы? Об этом в интервью «Русскому миру.ru» рассказывает доктор филологических наук, профессор МГУ Григорий Солганик.

Григорий Яковлевич, вы — автор тезиса о том, что развитие русского языка диктуется сегодня не литературой, а СМИ. В чем причина этого «переворота»?

— Раньше нормы речи определялись языком художественной литературы. Язык литературы был отражением языка общения. Сегодня художественную литературу читают мало, в школах — только то, что входит в программу. Литература оказалась на периферии общественных процессов. Что остается? Средства массовой информации. Они проникают во все поры нашей жизни. Особенно радио и телевидение, хотим мы того или нет, врываются в каждый дом. Их престиж и влияние растут. СМИ, правда, больше слушают и смотрят, но и читают. Отсюда их едва ли не всепоглощающее влияние. Но СМИ как сохраняют и развивают литературную норму языка, так и портят ее.

— **Чего они привносят больше?**

— Лингвисты считают, что язык снижает планку. Я этот поток пессимизма не принимаю. Но вижу, что особенно нашествие иноязычных заимствований меняет структуру русского языка. Лингвист Максим Кронгауз даже издал книгу «Русский язык на грани нервного срыва». Разделяю иронию, вынесенную в заголовок, но не разделяю вселенского плача лингвистов и части филологов по поводу якобы утери русским языком самобытности. Разумеется, англицизмы, жаргонизмы, просторечия, или, как раньше говорили, язык улицы, качественно меняют русский язык. Есть даже утверждения, что литературный язык теряет идентичность. Моя точка зрения прямо противоположна. То, что часть лингвистов считают негативом и даже порчей литературного языка, на самом деле — следствие закономерностей его развития. Американские слависты подсчитали: за последние 10 лет каждый день в русский язык входит семь американизмов. Это колоссальное количество — лишь вершина айсберга воздействия иностранных слов на русский язык. Кстати, это не только российское явление. Вся Европа обеспокоена массовым нашествием аме-

риканизмов или англицизмов в европейские языки. Французы, иронизируя по поводу непомерного увлечения части соотечественников иностранными заимствованиями, даже изобрели издевательский термин — «франглийский». Немцы свою обеспокоенность выразили в термине «денглиш». И они ставят барьеры на пути иноязычных слов. Те же французы штрафуют журналистов за неправомерное использование англоязычных заимствований. Да, такая опасность и для русского языка есть тоже. Но это не значит, что заимствования искажают суть русского языка. Наоборот, если они уместны, они закономерны. Иностранные заимствования, как и суверенные жаргонизмы и просторечия, постепенно входят в русскую литературную норму. Это происходит посредством СМИ. Язык СМИ — это та лаборатория, где все эти слова олитературиваются или отбраковываются. В этом новая миссия СМИ — посредника между национальным языком, который включает в себя все, и литературным языком, вбирающим в себя только отработанные временем единицы языка.

— **Что сегодня больше влияет на литературную норму речи — стилистика газетных жанров или пришло время более массовых СМИ — телевидения и Интернета?**

— Пожалуй, язык периодической печати все меньше влияет на культурный процесс. Бал правят язык телевидения и язык радио. Они доступнее и потому их престиж выше. А газеты уходят в Интернет. Кстати, за исключением желтой прессы, тиражи которой держат стабильно высокую планку. Эти процессы опять же закономерны. Массовые СМИ — ТВ, радио, желтая пресса — набирают обороты влияния, особенно на разговорную и письменную речь. Качественная или серьезная литература востребована меньше, поэтому сужает диапазон воздействия на развитие русского языка.

— **Почему телевизионный язык каналов «Культура» или «Россия» так и остается на ТВ, а телеязык сериалов и программ типа «Универ», «Интерны», «Комеди клуб», «Дом-2» — язык сленга, англицизмов и просто брани — входит в массовую речь, даря сомнительного содержания «афоризмы» — однодневки?**

— Так жанры ТВ разные. Разумеется, я большие симпатии испытываю к языку канала «Культура». Как в свое время Малый театр был хранителем образцового литературного языка, так и канал «Культура» является носителем хорошего современного русского языка. Мне, кстати, недавно звонили оттуда. Спрашивают: «Как относиться к обороту речи, который применил президент РФ — «отрешить от власти в связи с утратой доверия»? «Отрешить» — это архаика, устаревшее слово, оно сегодня не используется в языке. Но в юридической практике есть такая формула, она записана в языке законов — «отрешить от должности». Хотя по сути это архаизм. Что же касается слов, которые нам дарят развлекательные каналы — а они изобретательны в новообразованиях, — то в их усилиях много тщеты и пустоты. Например, сегодня говорят «клевый». Не было такого слова. Но раз так говорят уже многие, значит, есть такое слово. Воздействие такого рода новообразований на культурную среду будет только расти. Что же касается их вхождения в литературный язык — большой вопрос. Они как реклама. Ее много, но она еще быстрее выветривается из сознания.

— А реклама влияет на развитие русского языка?

— Казалось бы, должна. Пока она большей частью оказывает на русский язык негативное влияние. Во-первых, она делает слишком много ошибок — стилистических, грамматических, всяких. Но рекламный мир оправдывает явные ошибки «креативностью мышления» и тем, что так — «доступным» языком и понятными образами —

ШТУЧНАЯ РАБОТА

Речевые оговорки известных политиков, подхваченные улицей и влияющие на разговорную речь

«Вот где собака порылась».

«Характером умный оказался».

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

«Мы будем преследовать террористов везде...

Мы их и в сортире замочим».

ВЛАДИМИР ПУТИН

«Пора принять меры и наложить вето на табу».

«Скоро белорусский народ будет есть нормальные человеческие яйца».

АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО

«Оттяните их за истинное лицо».

«Я потратил 200 миллионов евро на судей

э-э-э...как их... адвокатов».

СИЛЬВИО БЕРЛУСКОНИ

«Страна, в которой был изобретен автомобиль, не может от него отвернуться».

БАРАК ОБАМА

«Два часа с немножком».

«Допустимо ли оставаться в стороне от того процесса, который ведет нас в пропасть?»

ЮРИЙ ЛУЖКОВ

«В харизме надо родиться».

«Когда я знаю, что это поможет,

я не буду держать за спиной».

«Чешут... где они там чешут?»

ВИКТОР ЧЕРНОМЫРДИН

«Таможня сегодня в некотором смысле объект неопознанный, но очень важный».

«Может, хватит кошмарить бизнес?»

ДАМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ

реклама воздействует на потребителя. Но как последовательно реклама ни старается исказить речь в стремлении навязать не только ненужные товары, но и новые речевые обороты и слова — тщетно. Пока она только снижает языковую планку и уровень грамотности. И язык СМИ здесь выступает преградой. Хотя, надо признать, иногда «креативные словечки», и особенно жаргонизмы, все смелее становятся новой литературной нормой. Так, газеты уже как норму употребляют оборот «тусовка в Давосе». Или «отморозки», «беспредел». Язык СМИ, фильтруя, отбирает жаргонизмы, которые перестают ими быть, превращаясь в новую речевую норму. В последние годы в печати едва ли не штампом стали слова «аккурат» и «круто». Это просторечия, которые теряют черты ограниченности и приобретают литературность. Их используют и образованные носители литературного языка. Думаю, потому, что жаргонизмы имеют эмоциональную силу. Достаточно вспомнить хрестоматийное «мочить в сортире». Так язык СМИ апробирует новые слова, которые могут войти сначала в моду, а потом в норму.

— **Какое влияние на русскую литературную норму оказывают высокие технологии XXI века, в частности Интернет? Точнее, его сленг, электронная почта и СМС-переписка? Они развивают или унифицируют язык?**

— Конечно, развивают, засоряя. Частично идет процесс упрощения, частично — нивелирования, но в целом происходит расширение рамок литературного языка, а мусор постепенно вымывается из речи, как всякий мусор. Даже мат проникает в речь, становясь отчасти новой нормой речи. В словарях теперь дается как нормальное слово «дерьмо». В царской России оно было нецензурным. Сегодня политические деятели публично употребляют его. Хотя, на мой взгляд, это уже ложная демократизация. С этим делом надо бороться. Может, не как французы с иноязычным влиянием, но образовывать людей надо. С другой стороны, все вместе взятые стилевые

потоки, включая англицизмы, жаргоны и просторечия, сильно влияют на новую литературную норму. Но это не порча языка. Это последствия демократизации русской речи. Замечательный языковед Лев Щерба говорил, что после 1917 года началась демократизация русского языка. Ведь язык Пушкина и Лермонтова — это был язык салонов. На нем говорила незначительная часть общества и почти не говорил народ. А после 1917 года началось вхождение в литературный язык технических терминов. Сегодня эта демократизация языка продолжается в связи с дальнейшим приспособлением людей к высоким технологиям.

— **Вы всегда утверждали, что язык газеты развивает авторский язык, или индивидуальный стиль автора. В обыденной речи язык может хотя бы приблизиться к авторскому?**

— Нет. Стабильность литературного языка дается нам стихийно. Почему мы еще понимаем язык Пушкина? И почему часть языка Пушкина требует пояснения специалистов? Потому что от поколения к поколению мы принимаем язык, который был. Так что когда говорят, что язык создается народом, это верно, но отчасти. Откуда большинство пословиц, поговорок или афоризмов? От народа, но они создаются разделенными даром языка людьми. Их всегда мало, но именно их словесные находки и идут в народ. А большинство людей, как точно заметил в свое время академик Виноградов, говорят штампами. Пушкин в свое время жаловался, что русский язык так мало обработан, что даже для дружеской переписки приходится создавать новые обороты или переходить на чужой язык. В его эпоху — французский. Это было время штампов. А штампы, как однажды метко выразился языковед Виталий Костомаров, это «изнасилованная метафора». Штамп всегда компрометирует речевой оборот. Сегодня штампы под видом метафор и выдают нагора всякого рода развлекательные программы и сериалы, реклама или юмористы, претендующие на сатиру. На самом деле они насилюют речь. Ну и кому нужен такой «авторский» язык? Мы же от него и страдаем. А вот речевые стандарты — это не так уж и плохо. Стандарт все же не всегда заметен в речи и проверен временем. И в быту не всегда надо гово-

АНТОН БЕРКАСОВ

рять оригинально, лучше все же понятно. Индивидуальный стиль — это все требование к художнику. Раньше — к писателю, сегодня — к СМИ и представителям массовой культуры.

— Но ведь как раз массовая литература стандартна и безлика во всех смыслах, в языке в том числе. Не потому ли отечественная литература, некогда лидировавшая в развитии языка, уступила место в лучшем случае масскульту от литературы — дарьям донцовым, александрам марининым, олегам роям и прочим оксанам робски?

— Но они преуспевают. Даже фильмы снимают по их опусам. Хотя как раз их письмо — это стопроцентные штампы, насилюющие метафору и переживающие от этого успех. Та-

кая примета времени. Тем не менее массовую литературу несколько искусственно противопоставляют серьезной литературе. Это противопоставление свое отжило. Да, я студентам на лекциях привожу примеры всяких разных околотурных красотей масскульта. Чего только стоит название труда Александра и Натальи Литвиновых — «Мужчины любят это». А речевой оборот из этого произведения — «ресторан рядом не валялся» — типичная стилистическая ошибка плохо успевающего школьника. И субъективно я согласен — масскульт снижает планку литературы и речи. Но объективно — сегодня идет сложнейший социальный и лингвистический

процесс. Да, масскульт правит литературный бал. Но через символы и знаки массовой культуры человек может адекватно, как он считает, себя оценить и верно идентифицировать себя же в обществе. Как считает моя коллега из Уральского университета Наталья Купина, «это достигается за счет того, что массовая литература трансляцией массовых стереотипов закрепляет их в массовом сознании и готовит потребителя к закреплению новых. Именно благодаря массовой литературе в обществе складывается единая система идей». Я солидарен с мнением многих коллег, которые наконец-то признают, что массовая литература делает то, что раньше делала классическая литература, — объединяет общество.

— **Что сегодня развивает русский язык в большей степени — массовая культура или СМИ?**

— Пока средства массовой информации. Однако о каком-либо безраздельном господстве, как раньше было с классической литературой, СМИ даже мечтать не стоит. Сегодня вообще грани между СМИ, массовой и серьезной литературой сглаживаются. Вот почему противопоставление массовой литературы серьезной я считаю искусственным. Ведь писатели, последователи классики, страдают от того, что их мало читают. Они сами уже прибегают к приемам, используемым масскультом. Посмотрите: они ведут телепередачи; пишут в газеты и журналы, как бы раньше сказали, «поденщину»; случается, поют и лицедействуют. Это и есть один из признаков демократизации литературной нормы языка.

— **Так как СМИ перехватили у литературы инициативу развития русского языка, массовая культура может у СМИ эту инициативу тоже отнять, например благодаря развитию телевидения и Интернета?**

— Пожалуй, нет. Скорее, между ними стираются, и будут стираться, грани различия. А переработчиком выступают, и будут выступать, все же СМИ. Хотя говорить о тенденциях и прогнозировать трудно, но рискну. Ломоносов делил лексикон на три стиля — высокий, средний и низкий. Сегодня высокий стиль постепенно выходит из употребления. Он даже иногда принимается за ложный пафос. Возможно, толчком к этому послужил советский период, когда официальный язык «задеревенел».

Все тогда говорили «на котурнах». А сегодня извиняются за высокие слова. Параллельно низкий стиль, благодаря масскульту и СМИ, переходит в средний. Так вот если говорить о будущем, то мы благодаря СМИ идем к глобальному среднему стилю. В некоторых европейских странах — Франции, Чехии, Словакии — язык средств массовой информации уже стал эталоном национального литературного языка. Постепенно это явление становится интернациональным.

— **А литература сможет вернуть лидирующие позиции или ее будущее — узкий круг специалистов и интеллектуалов?**

— Мне кажется, она будет сближаться с массовой литературой. Этот процесс набирает обороты. Те же Владимир Сорокин и Виктор Пелевин используют в своем творчестве приемы масскульта. Но серьезная литература участвует, и будет участвовать, в создании литературной нормы. Другое дело, что это участие уже не такое господствующее. А в будущем оно и вовсе будет идти через СМИ, сближаясь с массовой литературой. Например, Солженицын ввел в литературный язык, что бывает крайне редко, два слова — «образованцы» и «образованщина». Но ввел-то он их не через литературные произведения, сделавшие ему имя и репутацию, а через публицистические заметки. Так что сегодня СМИ — творцы литературной нормы. Вот кто сегодня у языковой власти. 📍

КОПИЛКА МУДРОСТИ

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

В лексиконе россиян львиную долю занимают не иностранные заимствования и даже не брань, как можно было бы подумать, а пословицы, поговорки и крылатые выражения. Таковы итоги недавнего исследования ВЦИОМа.

Еще неожиданнее плата за тягу к шуткам-прибауткам. Оказывается, и нецензурную лексику народ тоже стал использовать чаще. Но, утверждают лингвисты и филологи, «схватка» языковых «низа» и «середины», какой принято считать пословичный фольклор, говорит о признаках выздоровления языковой культуры.

Не так давно знакомый предприниматель попал на тренинг-семинар «Зарплата и управление персоналом». Он был настолько потрясен бездарностью его организаторов, которые, по его словам, «конкретно разводили на «бабки», что придумал, как им отомстить. Теперь он балуется тем, что от имени организаторов тренинга рассылает спам-приглашения. Вполне завлекательные: «Новые бизнес-семинары с повышенной силой тренинга — «Эффективное управление персоналом в нетрезвом состоянии». Или: «Как восстановить имидж деловой женщины после корпоративной вечеринки».

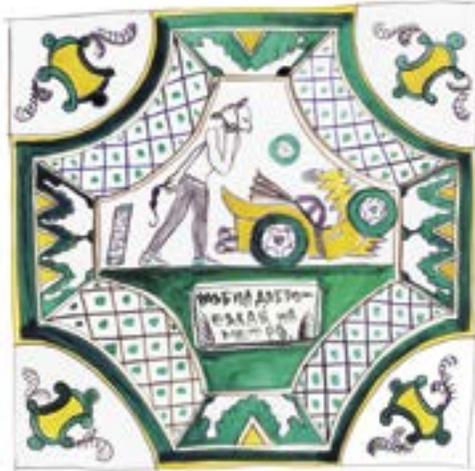
Другие пострадавшие от подобных «семинаров», как убедился мой знакомый, затеяли в Сети обмен «приглашениями». Одни «ЖЖ» предлагают тренинг «Изошренные формы приказов об увольнении». Другие — «Использование протокольной рожи как инструмента ведения переговоров». Третьи предлагают курс под названием «Повышение эффективности ануслизинга директоров и топ-менеджеров. Основы поддакивания».

ГЛАВНЫЙ ВРАГ НЕУДАЧИ — СМЕХ

«Вообще, в гуманитарном знании происходит своеобразный переворот, — считает Ольга Христофорова, преподаватель филологического факультета МГУ. — Его суть — люди устали или не успевают приспособиваться к быстро меняющейся действительности и идут ва-банк: пытаются ее приспособить под себя, когда это возможно. Отсюда фокус интереса личности смещается с явлений культуры на их функционирование. Грубо говоря, интересуют не тренинги как явление, а то, как и зачем они устроены. То есть предметом изучения становятся не культурные символы, а правила, способы и цели их использования. Один из доступных способов такого познания — облечь все в шутку. Или пословицу, которая является своеобразным регулятором человеческого поведения и миропонимания. Пословицы и поговорки, конечно, представляют собой клишированные суждения, но эти суждения выражают приобретенный опыт познания, кстати, как правило, негативный. Ну а если мы смеемся над неудачами, значит, не все так плохо».

С экспертными заключениями филолога совпадают и данные исследований социологов. Так, по данным ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения. — *Прим. ред.*), до 81% опрошенных россиян (опрос проводился в 100 городах и селах, в нем приняли участие 1600 человек) в быденной речи используют пословицы, поговорки и крылатые выражения. А 12% из них еще и сами их придумывают, предпочитая при этом обыгрывать крылатые выражения или афоризмы, чуть реже — пословицы. Далее рейтинг разговорной стилистики расположился так: 66% опрошенных в общении используют цитаты из песен, кино и литературных

произведений. 61% пользуются матом и ненормативной лексикой. Каждый второй (52%) говорит на распространенном в его регионе диалекте русского языка. Чуть реже применяют профессиональный сленг и употребляют иностранные слова (43 и 44% соответственно), еще реже — высокий стиль (35%) и архаизмы 32%. И наконец, несколько преуве-

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

«АВТОМОБИЛЬНЫЕ» ПОВОРОКИ

- На безрыбье и самокат иномарка.
- Чем круче внедорожник, тем дальше идти за трактором.
- Искусство вождения требует жертв.
- Не тот лох, кто у светофора заглох, а тот дятел, кто назад попятил.
- Что трезвому канава, то пьяному магистраль.
- Пристегиваться поздновато, когда кругом палата.

личными оказались страхи филологов относительно влияния компьютерного и интернет-сленга на современный русский язык. Компьютерный сленг используют 29% опрошенных, блатной язык — 20% и лишь 13% говорят на интернет-сленге.

«Неспроста пословицы — явный лидер речевого общения, — полагает Тамара Николаева, профессор филологического факультета МГУ. — Недавно мы тоже проводили научные изыскания о влиянии пословиц на современную речевую стилистику. И пришли к выводу, что пословицы — один из самых частотных по употреблению в разговорной речи оборотов. Например, в среднем на 800 текстов приблизительно 200–250 пословиц. Это много. И свидетельствует о том, что речевая ситуация в современном обществе нестабильна, а динамику ее развития иногда лихорадит. Как следствие говорящий, для преодоления комплекса социального одиночества или с целью повышения собственной адаптивности, прибегает к использованию проверенных веками шуток — пословиц и поговорок».

Как полагают многие филологи, человек потому и прибегает к народной копилке мудрости, что она — проверенный способ показаться своим в чужом или не очень комфортном обществе, которое чуть гибче или быстрее адаптируется к переменам. И вот, чтобы догнать авангард, новичок или отстающий вводят в речь пословицу, подчеркивая тем самым, что их мнение основывается не на оторванных от человеческой жизни представлениях. При этом почти никто не использует пословицы в первоизданном виде. Как правило, люди модернизируют их, приспособив под ритм и стилистику XXI века.

Кстати, как заметили и филологи, и социологи, в российском обществе популярны не только русские пословицы и поговорки. Так, шутка-прибаутка начала 90-х «На безрыбье и самокат иномарка» имеет итальянские корни. А, например, популярная пословица конца 90-х «Больше всего врут перед выборами, сексом и после рыбалки» имеет американское происхождение.

В целом, отмечают многие исследователи-лингвисты, накопление и эволюция народной мудрости развивается, как и история, — по спирали. В принципе, какими бы новыми или авангардными ни казались нам пословицы, поговорки или крылатые выражения, все они или почти все заимствованы у предков, но существенно, иногда до неузнаваемости, видоизменены. Или, наоборот: отражают творческое развитие хорошо знакомой пословицы в новых исторических и цивилизационных условиях. Как случилось со славянской пословицей «Своя рубашка ближе к телу». В современной России она зазвучала едва ли не с точностью до наоборот — «Без рубашки ближе к телу».

«Явление пословицы многомерно, — убеждена Ольга Христофорова. — Это явление мысли, языка и культуры, и главное

в нем — не логическая природа, не информация, а образ, несущий смысловую двуплановость, иногда — многоплановость. Пословицы как раз своей выживаемостью и доказывают, что самые глубокие суждения, безупречно выстроенные по законам логики, самые умные и четко сформулированные мысли не приобретут крыльев, если они не имеют соответствующей художественной формы, например такой, как пословица. Кстати, этот жанр фольклора, изучаемый многими, так и остается загадочным».

В частности, многие ученые-филологи не могут понять, как намеренные искажения слов в русском языке иногда обретают форму шуток-прибауток, переходящих в пословицы, или, видоизменяясь, проникают в разговорный и даже литературный язык. Особенно богаты в этом плане чиновничьи письменные выражения и милицейские протоколы. К примеру, слово «население» долгое время считалось искажением, пошедшим от чиновничьей безграмотности, а стало вполне литературным словом. А в Московском государственном университете филологи собрали целую коллекцию милицейских канцеляризмов, которые смело могут претендовать на статус шуток-прибауток, со временем способных переродиться в пословицы. Вот лишь малая их толика: «Застрелен при попытке самоубийства с моста», «Он был задержан за то, что, идя по улице, нецензурно удивлялся ширине впереди идущей женщины»...

Возможно, одна из причин живучести искажений слов — вполне лояльное к ним отношение граждан. Как показало исследование ВЦИОМ, народ действительно к ним терпим. Они раздражают 46–47% респондентов, но лишь до 20% не скрывают своей к ним неприязни, а 24–27% не выказывают раздражения. Еще менее болезненно обществом воспринимаются злоупотребления иностранными терминами и ненамеренные ошибки в письме или речи. Эти промахи вызывают негативную реакцию лишь у 17–19% опрошенных. И только 13–14% из них не прячут своих чувств.

«НИЗЫ» ПРОТИВ «СЕРЕДИНЫ»

Совсем иначе обстоит дело с матерной речью. Ею, как установили социологи ВЦИОМ, пользуются до 61% опрошенных (до 20% из опрошенных — регулярно, до 20% — эпизодически, остальные — редко). Причем и на эту специфическую отрасль языкознания распространяется рост шуток и прибауток, находящихся на грани фола или вовсе переходящих эту грань. «Здесь все или почти все остроты и наблюдения связаны с взаимоотношением полов. И вот что ново — все самое интересное связано с мужчинами, — говорит Максим Кронгауз, директор Института лингвистики РГГУ. — Раньше ведь

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКОВ

«БЫТОВЫЕ» ПОГОВОРКИ

- Глупость не освобождает от мышления.
- Есть два способа, как управлять женщиной, но их никто не знает.
- Если руки золотые, не важно, откуда они растут.
- Второй брак — это победа надежды над здравым смыслом.
- Если мама смеется над остротами папы, значит, в доме гости.

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

«ОФИСНЫЕ» ПОГОВОРКИ

- Тот менеджер дурее,
у кого визитка пестрее.
- Только сядешь поработать,
обязательно кто-нибудь
разбудит.
- Не тот богат, кто цены
накручивает, а тот,
кто сделки прокручивает.
- Крут был Леха,
а кинули как лоха.
- Не имей сто процентов,
а имей сто клиентов.

все новации относились к женскому началу. Теперь рядом с недавними властителями дум — «метросексуалами», — часто крепким, в несколько этажей словом упоминаются образованные по аналогии «ретросексуалы» (имеются в виду «обычные мужики, но красиво названные». — *Прим. ред.*) и «техносексуалы» («они же, но помешанные на технике». — *Прим. ред.*). Однако за их спинами уже виден будущий чемпион — «уберсексуал», причудливая смесь английского с немецким — вспомните: «уберменша». Только не спрашивайте меня, что это такое. Все равно не переведу с языка оригинала, то бишь мата. Разве что в качестве намека назову пару-тройку этих «сверхмужчин» — Билл Клинтон, Джордж Клуни, Пирс Броснан, они любят себя, политику, вино, сигары и где-то между ними — женщин, да и то как атрибут себя любимых. Замечу, тенденция удручающая — большинство этих «неосексуалов» как-то слишком самодостаточны и практически не нуждаются в женском обществе.

И потому, прогнозирует ученый, пословицы и поговорки, складывающиеся вокруг мужчин нового поколения или их ориентации, скорее всего, промежуточны и недолговечны, как и сами шуточки ниже пояса. Время показало, что более живучи пословицы, обращенные к уму и сердцу. И вот то, что «схватка» языковых «низов», пытающихся занять нишу «середины», какой принято считать пословичный фольклор, складывается не в пользу первых, как раз и говорит о признаках выздоровления языковой культуры общества.

Критерий отсеивания сальных пословиц тот же, что и устаревших шуток, — все, что не принято большинством людей, их мыслями и чувствами, не приживается. Например, пословица «Изломанного лука двое боятся» еще какое-то время, поменяв прямой смысл на переносный, жила после того, как луки были вытеснены стрелковым оружием, но в итоге была сдана в филологический архив.

Так происходит и с пословицами-жаргонизмами и прибаутками на так называемой фене. С той лишь разницей, что стремительное время их отсеивает еще быстрее. Или высмеивает так, что мало не покажется. Тот же Кронгауз в своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» смеется над тем, как сегодня употребляется слово «господин». И приходит к парадоксальному выводу: «...Нынешний «господин» — это, собственно, переодетый «товарищ». По всем ситуациям, в которых это слово употребляется, оно никогда не употребляется в тех контекстах и таким образом, как употреблялось дореволюционное слово «господин». Наоборот, оно произносится во всех тех контекстах, в которых недавно произносилось слово «товарищ».

Согласитесь, наблюдение — на загляденье. 🍷

МУЗЕЙ МЕРТВЫХ ЯЗЫКОВ

БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

По прогнозам лингвистов, через сто лет вместо существующих ныне почти 6 тысяч языков на планете останется не более 600. Об «онемении» мира, музее мертвых языков и конкуренции за мировое господство между английским и китайским языками, которые могут сохранить культуру многоязычия, в эксклюзивном интервью «Русскому миру.ru» рассказывают профессор языкознания Свободного университета Берлина Юрген Трабант и ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН Владимир Плунгян.

— Господин Трабант, вы — автор тезиса о том, что отмирание многих языков сопровождается оскудением речи живущих языков, которых будет все меньше. В чем причина таких выводов?

Юрген Трабант: Мой соотечественник Вильгельм фон Гумбольдт всегда выступал за многоязычие. Он утверждал, что «языки создают разные каркасы мира. Ведь сколько языков, столько и взглядов на мир». И вроде бы сегодня торжествует именно такой подход. Человечество общается на разных языках, много и самозабвенно — как традиционно, так и по ICQ, в «Твиттере», в «Скайпе», переписывается по электронной почте, шлет невообразимое количество СМС. Но исследования показывают, что в этом общении развивается болтливость, а не стилистика или содержание. Содержание как раз беднеет. Особенно упадок речевой деятельности заметен в стилистике общения молодежи городских окраин, будь то пригороды Берлина, Марселя или Лондона. Так, при социализации молодых мужчин — не важно, это жители пригородов или мигранты, — жесты часто оказываются важнее речевой коммуникации. Подростки, молодые мужчины, о которых я говорю, могут вести себя так: плевать на землю, чтобы обозначить свою территорию; толкаться, вместо того чтобы сказать: «Уходи!»; свистеть, издавать боевой клич с целью подозвать друзей или спугнуть неприятеля; жестами вовле-

кать в общение спутников. По множественным косвенным признакам мир на разных уровнях общения движется к концу языка и языков. Язык постепенно превращается не в средство самовыражения культуры личности, а сначала в способ передачи информации, а потом, как у животных, способом информации становится жест.

Владимир Плунгян: Я не так пессимистичен. Все же языки у человечества останутся. Безъязычие молодежи или ее специфический сленг, соматический язык — эти явления были и будут всегда. Ну да, язык культуры — письменный язык — это не их способ самовыражения. У молодежи, штурмующей мир, он часто брутальный или пубертатный. Однако надо быть последовательными: письменный язык — это лишь часть культуры. Это все равно что наблюдать за тигром в зоопарке и говорить о том, что это — мирное пушистое животное. А те, кто видел тигров на воле, знают, что в 90 процентах случаев они ведут себя, мягко говоря, иначе. Так вот, более 90 процентов человеческих языков, когда-либо существовавших и существующих, не имели

и не имеют письменности. Тем не менее в устном режиме функционирования большая их часть до нашего времени дожила. Не надо все же забывать, что устная форма существования языка — главная. Иная проблема — вопрос смерти языка по отношению к другому или другим языкам. Тут я разделяю тревогу и озабоченность многих лингвистов. Особенность

нашей эпохи — количество языков в мире стремительно сокращается. Раньше такого с человечеством, вероятно, не было, хотя языки всегда умирали. Но не так массово. Раньше язык умирал вместе с его носителями. Сегодня люди физически никуда не деваются, но на родном языке говорить перестают. Так, общаясь с детьми, они поощряют не двуязычие, как было еще вчера, а тот язык, который более востребован. Например, в Европе это английский, в России — русский. В наших селах многие татары, башкиры или представители кавказских народов с детьми еще говорят на родных языках, а в городах даже в семье русский язык вытесняет из обихода родные языки. Следующее поколение детей уже знает их хуже, а их дети и вовсе могут не знать родной язык.

— Почему так происходит?

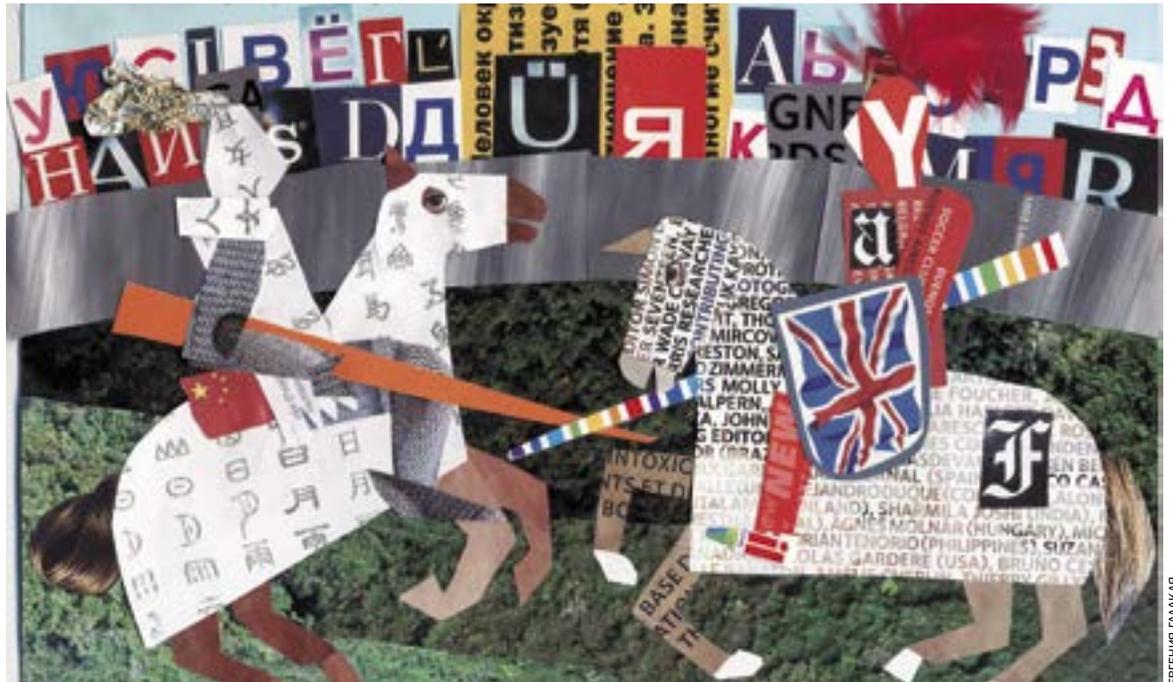
В. П.: Люди сами не хотят говорить на родных языках.

Ю. Т.: Заметьте, если «Талибан» взрывает Будду в Афганистане, человечество скор-

бит, возмущаясь актом вандализма. А языки умирают вот так, как рассказал мой коллега, тихо и незаметно. Но это тоже элемент варварства, который несет нам новое тысячелетие.

— А почему надо скорбеть по поводу умирания языков, у которых нет, например, письменности? Может, с их утерей человечество преодолеет «Вавилонское проклятие»? Идет сближение людей, в том числе через сокращение количества языков. Может, это хорошо?

В. П.: Еще в студенческие годы я подрабатывал репетитором. Это было в горах Дагестана, там я оказался на лингвистической практике и готовил школьника для поступления в вуз, подтягивал его русский язык. При этом я восхищался красотой и редкостью лингвистических оборотов его аварского языка. А он мне отвечает: «Ты про мой язык лучше ничего не говори. Больше всего на свете я хочу его забыть». Я оторпел: я-то приехал его изучать! Понимаете? Мы должны быть реалистами: языков становится меньше, потому что люди не хотят на них

говорить. Рыдать можно сколько угодно, призывая мир сохранять языковое разнообразие, а люди тем не менее добровольно отказываются говорить на своих языках. Они считают, что так удобнее и лучше. Если же мы хотим сохранить многоязычие, мы должны как-то так менять мир, чтобы люди не хотели отказываться от своих языков. Пока же они предпочитают говорить на языках, которые им дают большие возможности самовыражения, профессионального роста и карьеры, да и просто материального благополучия.

Ю. Т.: Я бы хотел довести до абсурда мысль о «Вавилонском проклятии». Аристотель в свое время заметил: «Мы молчим без языка. И это есть универсальная предрасположенность к пониманию мира и себя». Но на языках, уж так получилось, мы говорим. И пока через мысль, донесенную речью, пытаемся понять себя и мир. Имея репутацию «профессора европейского мультилингвизма», я напоминаю своим понимающим по-английски студентам со всего мира, что они говорят и думают еще и на других языках, что само по себе драгоценность. Как ученый я ощущаю опасность английского одноязычия на собственном опыте: не переведенные на английский язык труды немецких, итальянских, французских, русских ученых-гуманитариев или писателей не воспринимаются в англоговорящем мире. Целые библиотеки накопленных знаний просто пропадают. Однако неспроста же раньше Гегеля или Достоевского, Монтеня или Сервантеса люди старались читать на языке оригинала. Потому что сколько языков, столько и способов взглянуть на мир. Теряя их, мы теряем многомерность и многогранность мышления, которые ведут к пониманию мира. А понимать мир молча — это высший пилотаж мышления, возможно доступный человечеству через многообразие языков, но не через жесты и животное мычание.

В. П.: Соглашусь с тем, что умирание языков — это для лингвистов потеря объектов для изучения. И потеря работы. Это как для биологов и экологов, когда живых

организмов становится меньше. Так и с языками. Это гуманитарная проблема.

Ю. Т.: Причем это проблема не только и не столько редких или не имеющих письменности языков, а вполне массовых, например немецкого. В Германии элита отворачивается от своего родного языка. Решающую роль играет тот факт, что в важных и престижных областях информационного пространства — в сфере научного и делового общения — немецкий сдает позиции английскому. Представители немецких элит воспитывают своих детей в англоязычном окружении, чтобы те могли стать частью мировой аристократии. Это наносит ущерб авторитету немецкого языка и приводит к парадоксам. Зачем мигрантам учить немецкий, если даже представители местных элит говорят на нем разве что в кругу семьи? Один семейный язык у мигрантов уже есть, зачем им второй? Им необходим официальный или рабочий язык, а его функции в германском обществе все чаще выполняет английский. У нас, например, появились международные фирмы и корпорации, куда не принимают без знания английского. А тем, кого приняли, негласно, на уровне корпоративной этики, запрещают говорить на немецком даже в служебном кафе или в курилке. С одной стороны, это обусловлено общими тенденциями глобализации, с другой — специфической немецкой проблемой: получив травмирующий опыт нацизма, мы потеряли веру в родной язык. Нам до сих пор стыдно за него. Разумеется, это ослабляет лояльность к немецкому языку у немцев. А ведь он существует не только для нужд практической коммуникации. Все мышление, культура того или иного языкового сообщества передаются через язык. Разумеется, немецкий не вымрет со дня на день, ведь на нем говорят 100 миллионов человек. Но когда нация стесняется говорить на родном языке, этот комплекс может сделать его сначала нерабочим, а потом, постепенно, — ненужным.

В. П.: В России пока обратная проблема. Я бы ее назвал «чисто английской» или «чисто имперской». Точно так же, как англичане не спешат учить иностранные языки, вероятно, полагая, что это иностранцы должны учить их язык, так и россияне — как, впрочем, французы и японцы — не хотят учить английский. Мне представляется, что это — зеркальное отражение истории человечества, ведь языков всегда становилось больше. Шла дивергенция языков — процесс,

когда от одного языка отпочковывались родственные, например от старославянского — современные русский, украинский и белорусский языки. Так происходило потому, что близкие народы или даже один народ отделялись друг от друга, осваивая новые земли. Но современный мир устроен уже не так. Мы не можем, как в древности, разойтись далеко и не общаться. Нет такой тайги, необитаемого острова или тундры, где бы тот или иной язык законсервировался и не испытывал бы на себе глобальных влияний. Это означает, что тенденции к уменьшению количества языков нарастают и устоявшийся статус многих языков мира, в том числе так называемых мировых — испанского, немецкого, арабского, французского и русского, — будет меняться. За исключением английского, разумеется.

— **То есть вы прогнозируете, что в далеком будущем мир заговорит на одном языке и, скорее всего, им будет английский?**

В. П.: Упаси боже, если останется один язык. Не важно какой — английский или, к примеру, китайский. Я тоже готов вспомнить Гумбольдта: «Каждый язык — уникальный инструмент выражения мысли. Теряя язык, мы теряем целый мир». Но те, кто не любит английский язык и надеется, что он не выдержит груза глобализации, зря тешат себя иллюзиями. С точки зрения лингвистики нет оснований для оптимизма. Английский последовательно превращается в универсальный инструмент международного общения. Он точно выживет в глобальном мире. Возможно, или даже наверняка, эту участь разделит китайский язык. Кстати, еще неизвестно, кто кого поглотит.

Ю. Т.: Даже при моей склонности рисовать мрачную картину языкового будущего я считаю, что было бы триумфом глупости, если бы мир заговорил исключительно на английском языке, сделав его единственным средством выражения мысли. Конечно, общемировая тенденция такова, что оставшиеся 10 процентов мировых языков будут постепенно сужать ареал своего влияния. К примеру, итальянский, немецкий, шведский в большей степени уже превращаются в местные языки. С большой долей отчаянного сопротивления, но, вероятно, местным станет и французский. Хорошие, но ограниченные шансы сохранить статус региональных языков есть у испанского, арабского, русского и китайского.

Но то, что они будут снижать свое влияние на мир — вопрос времени, пропорций и географического ареала. Что же касается китайского языка, то я не думаю, что у него есть перспектива стать универсальным средством международного общения. Даже вторым таким языком, после английского, я его не вижу. Слишком он сложен в произношении, требует чрезвычайно труднопроизносимых интонаций. Наконец, иероглифы делают его неудобным и сложным на письме.

В. П.: Тут я не соглашусь. Лингвистически китайский язык довольно просто устроен, не сложнее английского. Что касается иероглифов и интонации, действительно далеких от универсализма, то как английский упростился до своего доступного миру эквивалента — «американского английского», так и китайский упростится и приспособится к нуждам желающих его знать. Когда китайцы завоюют мир — я говорю о культурном и экономическом завоевании, — они параллельно с распространением китайского и в целях его популяризации могут использовать латинскую графику. Что им может помешать проявить гибкость, кстати, природную для китайского менталитета? У китайского языка хорошие перспективы в мире: у него нет неправильных глаголов, нет сложного склонения, спряжения. Ну, и не стоит забывать, китайцев все же 1 миллиард 300 миллионов. И это единственный перспективный соперник английского языка в современном мире.

— **Как вы полагаете, конкуренция двух языков за мировое влияние может привести к тому, что появится третий «победитель» — что-то вроде воскресшего эсперанто или его подобия для нового повседневного международного общения? Например, в Интернете?**

Ю. Т.: Такую идею я совершенно не разделяю. Если уж исходить из мирового опыта и практики, то латынь для этой цели куда лучше подходит. По крайней мере, в Европе. Ведь за латынью стоит богатая литература и философия, начисто отсутствующая у эсперанто.

ную идею «личного приемного языка». Ее разработала Европейская комиссия с подачи бывшего комиссара ЕС по языковым вопросам Леонарда Орбана. Согласно этой концепции, каждому гражданину ЕС следует наряду с английским учить родной язык и еще один европейский язык, чтобы познакомиться с культурой своих соседей. То есть предлагается изучать в школах не только английский как язык международного общения, но и «приемные языки». Минимум два,

а по факту три европейских языка. Это новая важная задача, которая стоит перед обновляемой системой образования Евросоюза. Я думаю, к модели двух-трехязычия постепенно придет весь мир — ради сохранения культуры многоязычия.

Все же лучше участвовать в живой культуре, например английской или китайской, чем в искусственном или мертвом мире эсперанто, потому что не выжившего, что он — не живой.

В. П.: Абсолютно солидарен. Но хочу уточнить. Мировое двуязычие, например английского и китайского, тоже невозможно. Мировая практика сосуществования двух языков в пределах одной нации или культуры, показывает, что они не уживаются. Один обязательно вытеснит другой. Помните, Великая французская революция освободила человека от многих запретов? Появилась свобода разводов, вероисповедания, свобода перемещения для низших сословий, много других свобод. Кроме одной — языковой. Даже король Франции не был так деспотичен в отношении языковой политики. При короле французский язык был одним из государственных и обязательным, но его не насаждали так, как это делали якобинцы. Они законодательно объявили французский единственным государственным языком, хотя Франция тогда была далеко не одноязычной страной. Помимо французского еще более распространен был бретонский язык. На юге развивался провансальский язык. И тот, и другой сильно отличались от французского. Париж всегда с ними боролся, но именно революция сделала все, чтобы оттеснить их на обочину, а потом и вовсе маргинализовать до уровня «стыдных» диалектов. В этом смысле Франция указала миру путь не самого демократичного языкового развития. Франция, как и мир, были и остаются империалистическими и тоталитарными в смысле языковой политики. Поэтому, на мой взгляд, гарантию выживания языковому разнообразию, разумеется относительно, дает не мировое двуязычие, а все-таки многоязычие. С группой одного-двух доминирующих языков и группой в 10–30 языков местного и регионального значения.

Что же касается эсперанто или каких-то иных искусственных языковых образований, я тоже не вижу за ними перспектив.

— **Какими, по-вашему, могут быть способы сохранения и развития местных и региональных языков?**

Ю. Т.: Полагаю, языковая политика должна существенно измениться. Думаю, это не только проблема Германии, где амбициозные директора школ поощряют изучение на английском языке большинства предметов. Разумеется, позиции немецкого в этих областях ослабевают. А сам немецкий язык преподается с ложно понятых «прагматических» позиций: ученикам предлагают фактографические тексты и filmy, а не немецкоязычную литературу. То есть надо вернуть классическое преподавание на родном языке. А при обучении иностранным языкам следует использовать великолеп-

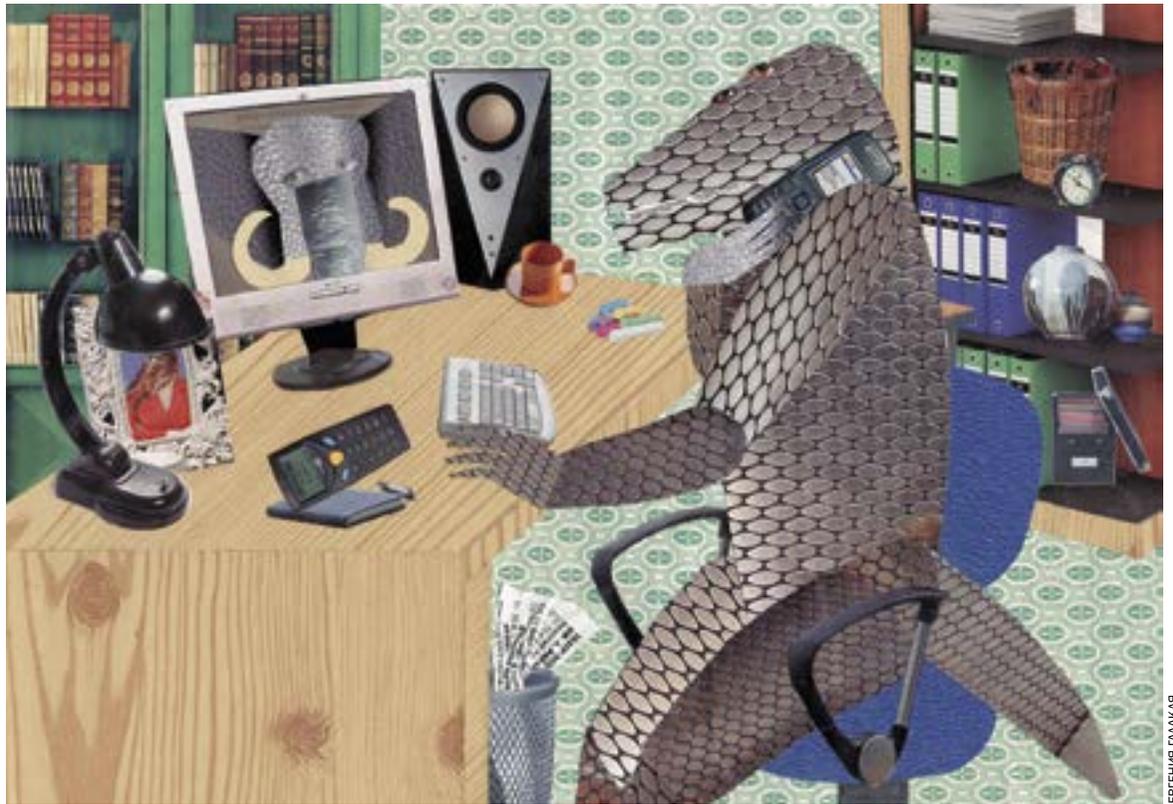
ую идею «личного приемного языка». Ее разработала Европейская комиссия с подачи бывшего комиссара ЕС по языковым вопросам Леонарда Орбана. Согласно этой концепции, каждому гражданину ЕС следует наряду с английским учить родной язык и еще один европейский язык, чтобы познакомиться с культурой своих соседей. То есть предлагается изучать в школах не только английский как язык международного общения, но и «приемные языки». Минимум два,

а по факту три европейских языка. Это новая важная задача, которая стоит перед обновляемой системой образования Евросоюза. Я думаю, к модели двух-трехязычия постепенно придет весь мир — ради сохранения культуры многоязычия.

В. П.: В России роль лакмусовой бумажки языковой толерантности выполняет украинский язык. Он подвергается уровню насмешек как некий «недоязык». Тут мы стопроцентно копируем Францию. Если в Париже кто-то вздумает говорить с университетской трибуны или по телевидению с густым прованским или бретонским диалектом, его засмеют. В России то же самое: «классическим» русским языком считается его московское произношение. Вологодское «оканье», южнорусский суржик или сибирская скороговорка считаются чем-то «дремучим». А вот во многих европейских странах диалектные различия в родном языке только приветствуются и сохраняются как элемент речевого и литературного богатства. России до такого уровня языковой политики и культуры еще надо расти. На этом пути для начала придется капитально осваивать иностранный — английский как язык международного общения. Вот когда россияне массово заговорят на английском, тогда, полагаю, общество само почувствует потребность в двух-трехязычии. Тогда, думаю, среднестатистический россиянин сам захочет, владея русским и английским, изучить какой-либо язык соседей — украинский, казахский, аварский или чеченский.

— **Массовое вымирание языков все же придется принять как данность?**

Ю. Т.: В конечном счете выживут только те языки, у которых много носителей. Человечеству остается постепенно создать музеи мертвых языков. Выступаем же мы за реставрацию церквей и соборов. Но при этом почему-то спокойно смотрим, как ветшают храмы мысли. 📍

ЕВГЕНИЯ ГАЦКАЯ

«У МЕНЯ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН»

МАКСИМ КРОНГАУЗ*

Одним из самых важных изобретений XX века стал мобильный телефон. Между прочим, превратившийся в новый феномен речевой культуры, развивающий русский язык.

ПОЛОЖЕНИЕ О ТОМ, ЧТО язык меняется под влиянием внешних обстоятельств, давно стало общим местом. В частности, язык должен реагировать на появление новых артефактов или значительное изменение старых. И русский язык реагирует вслед за английским, как правило, заимствуя из него названия технических новинок. В последнее десятилетие появилось огромное количество новых *гаджетов* и *девайсов* (два недавно заимствованных слова, семантика которых в русском языке окончательно не устоялась, в частности не вполне понятно, чем *девайс* отличается от просто *устройства*).

ЧЕХОВ «ГОВОРИЛ В ТЕЛЕФОН»

В издательстве «НЛО» только что была выпущена книга итальянского философа Маурицио Феррариса «Ты где?» с подзаголовком «Онтология мобильного телефона». Институт русского языка (ИРЯ) им. В.В. Виноградова РАН организовал круглый стол под названием «Портрет общества через мобильный словарь». На круглом столе были обсуждены итоги исследования «Мобильное слово», проведенного сотрудни-

ками ИРЯ на сайте «Имхонет» (imhonet.ru). Посетители сайта участвовали в голосовании за лучшие «мобильные» слова и выражения, а также в анкетировании. В рамках анкетирования задавались следующие вопросы:

— Выберите слово, которым вы чаще всего называете свой мобильный телефон.

— Какое выражение вы используете чаще всего в значении «разговаривать по мобильному телефону»?

— Какое выражение вы используете чаще всего в значении «кончился заряд в мобильном телефоне»?

— Какое выражение вы используете чаще всего в ситуации оплаты за мобильный телефон?

— Как вы называете стационарный телефон?

Как видно из вопросов, исследователей интересовало прежде всего появление новых слов и выражений. Это касалось номинаций мобильного телефона и описания новых ситуаций, с ним связанных (оплаты, отличной от «домобильной эпохи», и разрядки аппарата). Однако не меньший интерес представляет собой то, что происходит со «старым» словом «телефон», а именно изменение его сочетаемости в новых условиях. Важно также отметить появление новых «телефонных» выражений и постепенный уход старых в более или менее стандартных ситуациях. Телефон был изобретен, как известно, в 1876 году (тогда патент на изобретение был вручен А. Беллу), но телефонные аппараты вошли в обиход значительно позднее. Уже примерно век с небольшим русская «телефонная» лексика менялась, и этот процесс продолжается и поныне. Оценить скорость изменений «телефонной» лексики помогает художественная литература. Можно вспомнить знаменитое детское стихотворение Корнея Чуковского «Телефон»:

«У меня зазвонил телефон.

— Кто говорит?

— Слон.

— Откуда?

— От верблюда...»

В этом стихотворении, в частности, используются такие выражения: «У меня зазвонил телефон», «А потом позвонил крокодил», «Повесьте, пожалуйста, трубку», «Позвоните по номеру сто двадцать пять» и другие. Очевидно, что все эти выражения актуальны и сейчас. Кроме того, кажется, что так говорили всегда. Однако это не совсем так. И на это нам указывает сам Чуковский.

Связь Чуковского с «телефонной» темой не ограничивается детским стихотворением. В своей книге «Живой как жизнь», написанной в 1962 году, он делает важное наблюдение: «И еще пример. Молодое поколение (да и то, что постарше) давно освоилось с такими формами, как «Звонила Вера, что завтра уезжает», или: «Позвони Еремееву, чтобы прислал чемодан», но еще Чехов не знал этих форм. Не знал он и формы: «говорить по телефону». Он писал: «Сейчас в телефон говорила со мной Татаринова»; «Альтшуллер говорил в телефон»; «Сейчас говорил в телефон грузинский учитель»; «Сейчас говорил в телефон с Л. Толстым» и т. д. Та же форма в его «Рассказе неизвестного человека»: «Я заказывал в ресторане кусок ростбифа и говорил в телефон Елисееву, чтобы прислали нам икры, сыру, устриц и проч.». Изменение микроскопическое, почти неприметное: замена одного крохотного словечка другим, но именно путем безостановочного изменения микрочастиц языка меняется его словесная ткань».

«НАБЕРИ МЕНЯ!»

Итак, мы видим, что вначале можно говорить о самой простой, «изобразительной» сочетаемости данного слова. Именно телефон, а не человек, издает звон, то есть *звонит*. Человек же направляет звуки внутрь аппарата, то есть *говорит в телефон*. Потребовалось время, чтобы изменить эту ситуацию. Замена предлога означает, по-видимому, что на смену наиболее конкретному пространственному изображению (направлению речи в аппарат) приходит более абстрактная интерпретация. Наиболее близкой является аналогия с идеей общения или даже связи и средства (или канала) такой связи: сравните — *общаться по переписке* и *связаться по почте* и более современные — *разговаривать по скайпу* или *общаться по Интернету (связаться по электронной почте)*. А у *звонить* путем метонимического переноса появляется новое значение: *звонит телефон* и *звонит че-*

ловец (кому-то по телефону). Сходный метонимический перенос мы видим и у других значений этого глагола: *звонит колокол* — *звонарь звонит в колокол*; *звонит звонок* — *посетитель звонит в звонок*.

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940) отмечается и дальнейшее развитие глагольного значения: *Я звонил ему об этом происшествии еще вчера* («беседовать, рассказывать о чем-н. по телефону (разг.)»). Но в современном языке это значение, по-видимому, не сохранилось.

Зато в «телефонной» лексике произошел, причем прямо на наших глазах, новый метонимический перенос. Все чаще вместо фразы: «Позвони мне!» мы слышим: «Набери меня!» А ведь раньше можно было набрать только номер, но не его счастливого обладателя. Так, в Национальном корпусе русского языка словосочетание *набрать меня* зафиксировано один-единственный раз в тексте 2003 года (для сравнения: словосочетание *позвонить мне* встречается в корпусе 662 раза), а два самых ранних примера *набрать* в этом значении датируются 90-ми и 2000-м годами: «В Рим, — неуверенно согласился я. — Значит, ты должен заехать в Париж. Подожди, я сейчас наберу Гулю. — У меня нет визы, — сказал я, оглушенный. — Кстати, я прилетел в Бельгию, потому что именно с бельгийской визой было меньше всего хлопот. — Ты проснулась, подруга?» [Николай Климонтович. «Дорога в Рим». 1991–1994]

«Не, мужики, теперь меня мочить никак нельзя, — возразил Сергей. — Моргун приказал доставить меня, куда хочу! — Помоему, он фуфло гонит, — засомневался один из парней. — Набери «папу», — предложил другой. — Да, чтоб он меня послал? Нет уж! — покачал головой бык». [Андрей Житков. «Супермаркет». 2000]

Похоже, *набрать* используется практически как синоним *позвонить*, однако утверждать точно это нельзя, так как новое употребление глагола еще не вполне устоялось. Возможно, это действие рассматривается как менее важное, менее фундаментальное, связанное с коротким разговором и ассоциируемое в основном с мобильным телефоном (хотя сам набор номера возможен на любом телефоне). Так, естественнее выглядит фраза «Когда подъедешь, прямо перед вахтой *набери* меня», чем «В мамин день рождения обязательно *набери* ее».

БРОСИТЬ ТРУБКУ ИЛИ ВИСЕТЬ НА ТЕЛЕФОНЕ?

Отдельной проблемой оказывается судьба идиом, изначально связанных именно со стационарным телефоном: *повесить трубку*, *бросить трубку*, *висеть на телефоне*. Они по-прежнему употребляются, хотя прямое их значение очевидным образом утрачено. Действительно, *повесить трубку* и *бросить трубку* означает «прервать («резко» — во втором случае) телефонный разговор», но в основе этих выражений лежит идея помещения трубки стационарного телефона на рычаг, разъединяющий связь. Прямое прочтение выражения *бросить трубку* для мобильного телефона, скорее, означало бы швыряние мобильного телефона на землю (*трубка* или *труба* — одно из его возможных названий). В выражении *висеть на телефоне* («очень долго разговаривать по телефону») также изначально содержится перенос изображения. Разговаривая по стационарному телефону, по-видимому, прикрепленному высоко на стене (а не по более позднему аппарату, стоящему на столе), человек как бы висит на нем. И хотя этот образ совершенно не подходит к мобильному телефону, эта идиома, как показало упомянутое выше исследование ИРЯ им. В. В. Виноградова, была названа в качестве ответа на вопрос «Какое выражение вы используете чаще всего в значении «разговаривать по мобильному телефону?»» (такой ответ дали 20,9 процента респондентов). Сейчас трудно прогнозировать устойчивость этих выражений в будущем при вытеснении стационарных телефонов мобильными.

И еще одна, может быть самая интересная, новация касается речевого этикета. В разговорной русской речи появились новые формулы прощания. Не так давно по аналогии с *увидимся!* начало использоваться и шутивное телефонное *услышимся!*. Следует

отметить, что эта формула не просто относится к разговорной речи, но более конкретно — к «телефонной» речи. Иначе говоря, она существует в рамках разговорного «телефонного» этикета, и при этом ее «сконструированность» еще ощутима, она не нейтральна, а, скорее, иронична, или можно сказать, что в ней пока

еще не стерлась игровая словообразовательная модель. В Национальном корпусе в собственно функции прощания глагол *услышаться* вообще не встречается, но в сходной функции завершения беседы засвидетельствован один раз: «Окей, еще услышимся. Продолжение следует!» [«Убить Михаила. Пранк по телефону доверия». 2004]

Интересно, что и сам «прототип» словообразовательной модели появился в русском языке сравнительно недавно под влиянием английского *see you*, калькой которого он является. Две другие новые формулы прощания не могут считаться в полной мере «телефонными», но широко распространились они в самое последнее время, то есть в эпоху мобильного телефона и Интернета. Ключевым для них следует признать слово *связь*, и, по-видимому, первоначально они использовались при общении с помощью какого-либо средства связи, но сейчас вышли за эти рамки, и я постоянно слышу их при прощании в обычном разговоре (сам, однако, пока от их активного использования воздерживаюсь).

Первая из них также построена по аналогии со стандартными формулами прощания с предлогом *до*: *до свидания!*, *до встречи!*, *до завтра!* и т.д.

Формула прощания *до связи!* встречается в Национальном корпусе, причем некоторые употребления, как мы видим, связаны с письменным общением: «Там всем, конечно, на хуторе привет и спасибо и до связи!» [«Письмо девушки маме». 1996] «Хорошо, — сказал Тема, — я попробую. — Отлично, — сказал Николайский, — тогда до связи. Вы нам позвоните или лучше мы вам позвоним?» [Сергей Болмат. «Сами по себе». 1999]

Возможно, формула *до связи!* и раньше существовала в этикетке связистов, но как общепринятая она используется только в последнее время. Вторая формула — *на связи!* — еще интереснее, поскольку хотя ранее такое сочетание слов, конечно же, встречалось, но только не как общезначимая этикетная форма. Вот пример из Национального корпуса: «Запомни дорогу: будешь на связи с правой колонной». [Борис Васильев. «Были и небыли».

Кн. 2. 1988] Это словосочетание могло встречаться, например, в начале профессиональной (например, военной) беседы с вариантами *на проводе* и *на телефоне*: «Как слышите, прием! Радистка Кэт на проводе. — Вас слышу, — отозвалась Маша». [Людмила Петрушевская. «Маленькая волшебница». 1996] Кроме того, оно также могло употребляться в сочетании с глаголами *быть* или *оставаться*: «И, пожалуйста, Сереженька, будь на связи. Все время на связи!» [Семен Данилюк. «Бизнес-класс». 2003]

По-видимому, подобные сочетания и превратились в этикетную формулу путем опущения глагола: (*буду*) *на связи*, или (*остаюсь*) *на связи*, или просто (*есть*) *на связи*.

«ДО СВЯЗИ!»

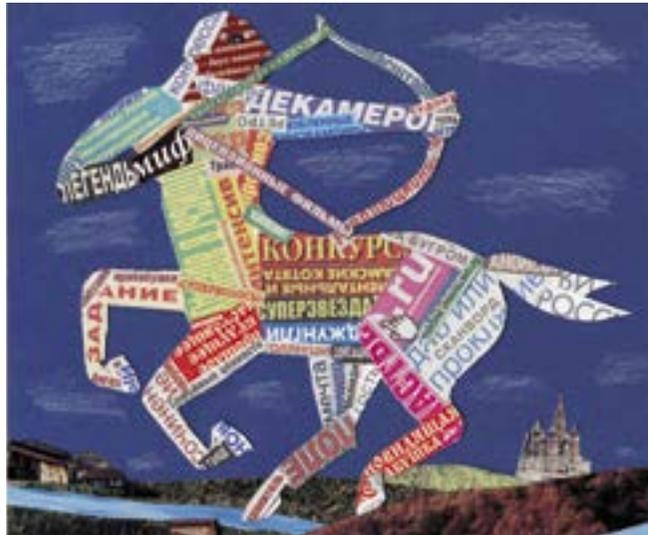
Распространение этих формул как общезначимых стало возможно именно в нашу эпоху, когда коммуникация с помощью определенных средств связи (мобильный телефон, Интернет, включающий электронную почту, скайп и т.д.) стала не просто необычайно частотной и важной, но постоянной. В этом смысле формула *на связи!* (возможный вариант *на телефоне!*) даже более радикальна, чем *до связи!*. Если вторая формально указывает на возможность и ожидание нового контакта, то первая подчеркивает, что контакт теперь вообще не прерывается. Мобильный телефон и Интернет обеспечивают постоянную связь, а устное общение воспринимается лишь как одна из возможных реализаций этой связи, и, похоже, не самая первичная и главная. Это и дает возможность подобным этикетным формулам стать общезначимыми и нейтральными. Следует оговориться, что отличить теперь телефонную связь от прочих видов связи становится все труднее, потому что устройства, ассоциируемые с тем или иным видом связи, становятся полифункциональными: компьютер можно использовать для телефонной коммуникации, а мобильный телефон обеспечивает выход в Интернет и реализацию компьютерных функций.

Итак, мы видим, что эпоха развития «телефонной» лексики отнюдь не закончилась. Более того, ее роль только повышается, ведь в лексике речевого этикета оседают самые важные слова. Надо понимать, что ее динамичность обусловлена не изобретением какого-то одного нового гаджета, а фундаментальными изменениями нашей коммуникации. 📞

СЛОВА- «КЕНТАВРЫ» НАСТУПАЮТ

ЛЕОНИД КРЫСИН

Почему тротуар не стал «топталищем»,
бильярд — «шаротыком», а «вау» и «упс»
все равно отомрут.

ЕВГЕНИЯ ГАДАЧАЯ

Читаю газеты. «Участники саммита пришли к консенсусу...» «В бутиках большой выбор одежды прет-а-порте...» «Имидж политика»... «Большой бизнес»... киллеры, наркокурьеры...
Слушаю радио. «Вот что рассказал нашему корреспонденту автор нового римейка...» «В США прошли праймериз, показавшие значительный дисбаланс в рейтинге кандидатов...»

Диктор телевидения сообщает: «Первые транши были переведены в офшорные зоны...» «Дилеры прогнозируют дальнейшее падение котировок этих акций...»

Что за напасть? Откуда столько слов «кентавров», которым приделаны «русские ноги»? Почему такое обилие иноязычных слов в наших средствах массовой информации? В последние два десятилетия поток иноязычных, главным образом английских, заимствований усилился, и один из известных наших русистов — Виталий Костомаров — назвал его даже не потоком, а потопом. Общественность обеспокоена обилием американизмов в нашей речи, и кое-кто считает, что это угрожает самобытности русского языка.

Попробуем разобраться в том, насколько «законны» многие новейшие заимствования, нельзя ли найти им соответствующие русские замены. Да и сам процесс иноязычного влияния на наш язык — насколько он естествен и необходим, не перешел ли он в последние годы разумных границ?

ПОТОК ИЛИ ПОТОП?

Почти для каждого языка процесс заимствования слов из других языков вполне естествен и обычен. Тем не менее и к самому этому процессу, и в особенности к его «результатам» — иноязычным словам — носители языка часто относятся с изрядной долей подозрительности: зачем что-то брать у других, разве нельзя обойтись средствами родного языка?

Иноязычное слово нередко ассоциируется с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным. Как это было, например, в середине XX века, когда в пылу борьбы с «низкопоклонством перед Западом» велено было писать и говорить вместо бульдозер — тракторный отвал, вместо грейдер — струг. Игру футбольных команд стали

называть не матчем, а встречей, радиопередачи об этих встречах надо было называть не репортажами, а рассказами, и т.д. Илья Эренбург в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» отметил, что даже сыр

камамбер был в это время переименован в сыр *закусочный*.

Бывают в истории общества и другие времена — когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать конец XX — начало XXI века, когда возникли такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики. У всех на слуху разнообразные экономические и финансовые термины типа *бартер, брокер, ваучер, дилер, дистрибьютор, инвестиция, маркетинг, монетаризм, фьючерсные кредиты* и т. п. Многие из них заимствованы давно, но они были в ходу преимущественно среди специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов.

Многочисленны термины, относящиеся к компьютерной технике, — *компьютер, дисплей, файл, интерфейс, принтер* и многие другие. Иноязычные названия видов спорта, новых или по-новому именуемых, — *виндсёрфинг, скейтборд, армрестлинг, кикбоксинг, фристайл* — тоже вошли в нашу жизнь. Англицизмы пробивают бреши и в старых системах наименований. Так, добавочное время при игре в футбол или в хоккей все чаще именуется *овертайм*, повторная игра после ничьей — *плей-офф* и даже традиционное боец в кикбоксинге заменяется англицизмом *файтер*.

И в менее специализированных областях человеческой деятельности происходит активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики. Широко используются сейчас слова *имидж, презентация, номинация, спонсор, видео, шоу*. И их производные — *видеоклип, видеотехника, видеокас-*

сета, видеосалон; шоу-бизнес, ток-шоу, шоумен, триллер, хит, дискотека, диск-жокей и множество других.

Так что же — надо оправдать употребление всех этих заимствований, признать их вполне «законными»?

«КЕНТАВР» ПРЕВРАЩАЕТСЯ...

При ответе на этот вопрос необходим учет ряда обстоятельств, имеющих лингвистическую и социальную природу.

Семантическое и функциональное разграничение иноязычного и исконного слов, синонимичных или близких по смыслу — одна из причин укоренения заимствования в языке. Не протестуем же мы против употребления слов *паника, комфорт, рентабельный*, а ведь некогда они были синонимами слов *страх, уют, доходный*. По мере укрепления этих иноязычных слов в русском языке у них сформировались дополнительные — по сравнению с их русскими параллелями — смысловые компоненты. Паника — это не просто страх, а «крайний, неудержимый страх, сразу охватывающий человека или многих людей», комфорт — «условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют», рентабельный — «оправдывающий расходы, не убыточный, доходный» (определения даны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. М., 1997).

Сходное размежевание «чужого» и «своего» происходит и при освоении новых заимствований. *Имидж* в буквальном переводе с английского означает образ. Но в современном русском языке это слово имеет более сложный смысл: «представление (часто целенаправленно создаваемое) о чем-нибудь внутреннем и внешнем облике, образе (имидж политика; имидж телевизионного ведущего)». Слово *рейтинг* (англ. rating, от глагола to rate — оценивать; определять класс, категорию) первоначально было спортивным термином и обозначало положение спортсмена среди ему подобных, оцениваемое определенным количеством баллов, а затем стало употребляться переносно — в значении «степень популярности кого-либо (например, политика, общественного деятеля), устанавливаемая путем социологического опроса экспертов, голосования и т. п. и определяемая тем местом, которое занимает данное лицо среди ему подобных». *Шоу* (англ. show — представление, зрелище; спектакль) — в одном из значений это «яркое эстрадное представление», а в другом, переносном — «не-что показное, рассчитанное на шумный внешний эффект».

Подобная судьба ждет и некоторые нынешние модные американизмы, чье заимствование не оправдано ни семантически, ни функционально. В качестве примера можно привести англоязычные междометия типа

вау, *упс* или *опс*, которые распространились в последнее время, преимущественно в речи молодежи. Дело в том, что разного рода «коммуникативная мелочь» — союзы, частицы, предикативные наречия и в особенности междометия — составляет наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускает в свой круг «чужаков». Так что все эти *вау* и *упс* едва ли займут место исконных *ой!*, *Вот это да!* и других.

Иногда чуть ли не в приказном порядке предлагают заменять иноязычные слова русскими. Искать русские соответствия заимствований, конечно, необходимо, особенно в сферах публичного использования русского языка — в газете, на радио и телевидении, в выступлениях государственных и общественных деятелей. Подчас исконное слово лучше передает нужный смысл, чем иностранное. Очевидно, например, что слово *эксклюзивный* дублирует смысл русского прилагательного *исключительный*. Стало быть, надо вывести его из употребления как сорняк? Но не все так прямолинейно происходит в нашем языке. Например, нередко осмеивавшееся в прошлом слово *водомёт* — прекрасный синоним заимствованного *фонтан*. А чем весьма выразительное и прозрачное по своей структуре слово *окоём* хуже греческого по своим корням термина *горизонт*? Однако судьбе и русскому языку угодно было сохранить иноязычные слова, а не исконные. Тем не менее поиски русских соответствий иноязычным словам — насущная задача. Не надо только превращать эти поиски в обязательное правило. Иначе мы рискуем вернуться к временам Владимира Даля, предлагавшего тротуар называть *топталыщем*, а бильярд — *шаротыком*. 📍

Другая причина укоренения иноязычного заимствования заключается в том, что «чужое» наименование нередко оказывается короче собственного, русского — как правило, описательного, состоящего из нескольких слов. Так, в русском языке укрепились заимствования *снайпер* — вместо *меткий стрелок*; *сейф* — вместо *несгораемый шкаф*; *спринтер* — вместо *бегун на короткие дистанции*. Закрепляются и некоторые совсем недавние нововведения: *саммит* (англ. *summit* буквально — вершина, верх) вместо *встреча в верхах*; *римейк* (англ. *remake* — переделка) вместо *новая версия* ранее снятого фильма; *киллер* вместо *профессиональный убийца* и другие.

Как видим, иноязычное слово редко дублирует значение русского. В подавляющем большинстве случаев между ними имеется смысловое различие, на которое накладывается еще и различие функционально-стилистическое. Иноязычный элемент часто является термином, а его русская параллель — обычным, общеупотребительным словом. Сравните такие пары: *бартер* — *обмен*, *дискриминация* — *ограничение*, *инвестиция* — *вложение*, *консенсус* — *согласие*, *монетарный* — *денежный*, *рента* — *доход*, *ремиссия* — *ослабление*, *стагнация* — *застой*, *трансформация* — *преобразование*, *транш* — *доля*, *часть* и т. п.

САМООЧИЩЕНИЕ ОТ НЕНУЖНОГО

Как же относиться к невиданной прежде активизации употребления иноязычных слов?

Лингвисты уже неоднократно обращали внимание на то, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. В частности, язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально ненужного. Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. В словаре-справочнике «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» (СПб., 1997) можно найти иноязычные слова — *модерантизм* (умеренность в политике), *нивелиатор* (тот, кто нивелирует, уравнивает что-либо), *нотидия* (официальное сообщение, уведомление), *официалист* (чиновник), *суспиция* (подозрение), *фарсировать* (достигать комического эффекта чисто внешними приемами), *экскузация* (отговорка), *элеферия* (свобода). Сейчас этих слов нет, они исчезли из употребления, хотя в свое время по поводу уместности некоторых из них, нужности их для русского языка шли жаркие споры.

ЗАПРОС НА АЗБУКУ

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Незабываемое «нАчать» с хуторским говорком Михаила Горбачева, брутальное «мочить в сортире» Владимира Путина и просторечное «кошмарить» Дмитрия Медведева, оказывается, не просто речевые орехи-вольности. За ними просматривается тенденция в развитии современного русского языка.

«Переваривая» речевые особенности и стилистику социальных групп и их лидеров, русский язык переживает своеобразный стресс. Лечение его могла бы заняться социалингвистика, но в обществе на нее нет спроса.

Так, во всяком случае, утверждают социалингвисты — ученые, изучающие русский язык на стыке двух наук: социологии и лингвистики. Цель их изучения — не филологические процессы, происходящие внутри языка, а особенности его использования различными социальными группами.

НОВОЕ «ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ»

О том, что язык не единообразен в социальном аспекте, одним из первых в XVII веке писал испанский энциклопедист Гонсало де Корреас. Сам термин «социалингвистика» первым употребил в 1952 году американский социолог Герман Карри. Однако наука о социальной обусловленности языка зародилась гораздо раньше. Еще в Древней Греции Геродот и Платон обосновали постулат о том, что все средства языка распределены по сферам общения, а деление общения на сферы имеет в значительной мере социальную природу. В многонациональных Римской и Византийской империях идея социального деления единого языка на «кусочки» — диалекты и «кусочки» — акценты, в зависимости от социального и национального статуса его носителей, и вовсе считалась аксиомой. Позже, в эпоху бурного развития капитализма, англичане и французы выдвинули и обосновали гипотезу, согласно которой темпы языковой эволюции зависят от темпов

развития общества, то есть развитие языка отстает от экономических и социальных перемен. Отставание вызывает языковой стресс, который Европа впервые пережила в середине XIX века, вслед за промышленной революцией. Сегодня страны ЕС вновь испытывают языковой стресс. На этот раз из-за неизбежных языковых мутаций, которые в их речь приносят мигранты.

Первый стресс русский язык испытал в эпоху революций, нэпа и индустриализации, второй — в конце XX века. Влияние перестройки, кризисов и череды реформ на русский язык, пожалуй, наиболее точно сформулировал известный лингвист Максим Кронгауз, заявив о том, что «русский язык находится на грани нервного срыва». При этом надо учитывать, что до России еще не добралась мировая тенденция: давление на язык нескольких поколений волн миграции — то, что сейчас испытывают английский, испанский, немецкий, итальянский и другие европейские языки. Ведь пока подавляющее большинство мигрантов в России составляют русскоязычные люди, большая часть которых выросла с россиянами в одной стране — СССР.

Социалингвисты считают, что сегодня приоритетным направлением работы должны стать национально ориентированные исследования. Причина очевидна: новое «великое переселение» народов — из Азии в Европу и США — с последующим давлением мигрантов на языковые и речевые нормы. Особую активность проявляют немецкие и французские социалингвисты. Они утверждают, что внутри их стран помимо французской или немецкой общности постепенно формируется несколько мелких этносоциальных общностей, в которых складываются своеобразные условия функционирования языка или двуязычие. Так, французские исследователи говорят не только о многообразии франко-арабских акцентов, но и о степени влияния франко-арабского диалекта на разговорный французский язык. В Германии, где немецкий язык всегда тяготел к диалектизмам и никогда не был однородным, к этой проблеме прибавляется турецкое влияние. По мнению социалингвиста Наймана Дитмара, немецко-турецкий «обиходный» язык, когда турецкие

официанты и продавцы привносят на немецкие улицы и в сферу обслуживания турецкие названия, вымещающие немецкие (шаурма вместо бутерброда), постепенно формирует ситуацию, ведущую либо к формированию еще одного диалекта в немецком языке, либо к разговорному двуязычию. Еще пестрее язы-

ковая палитра в США, где к традиционным спорам по поводу «чистоты» и литературности американского английского и собственно английского прибавился воз языковых влияний. К примеру, социолингвист Уильям Лабов первым вслед за термином «американский английский» ввел понятие «стандартный английский». На нем, как принято считать, говорят натурализовавшиеся мигранты первого и второго поколений, только в третьем поколении переходящие на американский английский. Также в США все глубже изучаются проблемы «афроамериканского английского» и его соотношения со стандартным английским языком. В школах для детей афроамериканцев введен курс литературных форм английского стандартного языка. Отдельная проблема — языковая интеграция испаноязычных выходцев из Мексики и Латинской Америки. Для них английский стандартный «строить» заново: с нуля учат писать и говорить. Но это пока не слишком удается, поскольку латиноамериканские мигранты предпочитают говорить на испанском языке, обходясь английским по минимуму.

РУСИСТЫ И РУСИФИКАТОРЫ

Отечественная социолингвистика не сильно отстала от американских языковых проблем. Многие научные труды 20–30-х годов, посвященные языковым изменениям после революции 1917 года, имели четкий «русистский» уклон. Остальные языки многонационального СССР лишь адаптировали или отвергали новые слова. Так, слова «трактор», «магазин», «квитанция» (по разным данным, таких слов насчитывается порядка 100–150) почти без изменений вошли в большинство языков народов бывшего СССР. «Русистская» тенденция, для которой характерно собирание единого языка из drobных диалектов, регионализмов и прочих говоров и которая после развала СССР была названа русификацией, продолжилась в 50–60-е годы: «холодильник», «самолет», «завод» и еще около 100 новых слов обогатили разные языки Советского Союза. Кстати, некоторые из них — «космос», «водка» — вошли в международную терминологию. Немалый вклад в обогащение мировой языковой культуры внесли первые отечественные социолингвисты. Евгений Поливанов еще в 30-е годы обратил внимание на то, что многие процессы, происходившие в русском языке после 1917 года, несли в себе социальные факторы. Позже Михаил Панов сформулировал разные методы изучения социальных влияний на язык. Один из них, которым пользуются современные исследователи, — вопросник (пере-

крестные вопросы и разные способы получения ответов на одни и те же вопросы), составленный Пановым настолько хитроумно и грамотно, что при его помощи и сегодня удается получать объективную языковую картину.

«Вопросник в 60–70-е годы распространялся среди говорящих на русском литературном языке, — говорит Леонид Крысин, заместитель директора Института русского языка (ИРЯ) РАН. — Нами было получено несколько тысяч ответов. Это довольно представительная цифра. Все обработано. Получились интересные языковые зависимости от меняющегося социума. Только несколько примеров. Почему мы говорим и прожектора, и прожекторы? Коричневый и коришневый? Директора и директоры? На основе данных вопросника Панова в конце 60-х была сделана большая работа — «Русский язык по данным массового обследования». И уже тогда намечился вектор развития русского языка, который сегодня господствует, — старые произносительные варианты, всегда

считавшиеся незыблемыми, уступают дорогу новому произношению. Я вот лично не собираюсь отказываться от типичных старомосковских слов — «четверг», «езьжю», «дожжь» или «дошь». Помните у Аллы Пугачевой — «Эти летние дожди»? Или объявление дикторами — Петр Ильич Чайковский. Именно — «ый». Это уже почти исчезнувшие нормы русского литературного языка, которые властвовали еще вчера — в 60-е и даже 70-е годы. Эти нормы вчерашнего социума, исчезая, точками сохраняются в каких-то современных речевых оборотах. Мне, например, приятно слышать, что некоторые люди за хлебом ходят не в супермаркет и даже не в пекарню, а в булочную. Или хотя бы в булочную. Вот такие точки старого московского произношения еще живут в речи грамотных носителей литературного языка».

Однако социолингвист Крысин признает, что будущее современного русского языка все же за другим. Его определяют две тенденции. Первая — давление социального большинства и как следствие разных форм просторечия на русский язык. Вторая, пока только набирающая обороты, — влияние потоков миграции на разговорное пространство русского языка.

ПРИНЦИП ВИНЕГРЕТА

Для российской социолингвистики главным объектом исследований остается все же социальная дифференциация языка. А новый российский социум начала XXI века характеризует фантастическое смешение разных разговорных стилей, которые довольно быстро меняются. Так, еще в середине 90-х годов разговорную речь отличало сильное влияние бандитского жаргона («разборка», «крыша» и т.д.). На рубеже двух столетий и частично сегодня нормы разговорной речи заметно меняют иностранные, в первую очередь английские, слова и выражения (Интернет, шопинг, эсэмэска). Для текущего состояния русского языка характерны языковые особенности различных «гешефтгрупп» — как профессиональных (офис-менеджеры, мелкие предприниматели и т.д.), так и групп людей, объединяющихся по общности интересов — туристов, фанатов-болельщиков, коллекционеров, религиозных и прочих палом-

ников, собаководов и любителей кошек. Они в языковую копилку вносят много чего: «банка» в значении «гол» для футбольных «фанов», «письма счастья» — уведомление по электронной почте о дне выплат бонусов или премий в офисе, «кукла» в значении «подставной» поделчик в речи браконьеров. И так до бесконечности.

«Активизация дробных «гешефтгрупп» свойственна временам, тяготеющим к стабильности, — объясняет Леонид Крысин, — но здесь довольно много проблем. Начнем с того, что стабильность какая-то слишком хрупкая, больше похожая на предкризисную. Вот и социальные группы такие же — если не хрупкие, то малочисленные, а значит, не стабильные, перетекающие одна в другую. Это способствует дальнейшему смешению стилей по принципу винегрета. Ведь группы разные не только по направлению их использования, но и социально разные. Просторечие, жаргон, арго, местные диалекты — эти компоненты национального языка сейчас очень сильно влияют на литературный язык. И это не решаемая социолингвистическая проблема, потому что пока нет глубоких исследований, которые бы расставили все по местам — где жаргон, где сленг, какая разница между жаргоном и сленгом, между сленгом и иностранными заимствованиями, все чаще проникающими в речь в игровой форме благодаря Интернету и молодежному сленгу. Я думаю, это новый вектор развития социолингвистики, на которую в обществе пока нет сформулированного запроса. А он, на мой взгляд, зреет: без азбуки, каковой для современного смешанного общества является социолингвистика, мы не выучим алфавит».

Не потому ли, что в обществе нет спроса на социолингвистику, русский язык активно засоряется? В публичных речах, на ТВ и в радиозфере нормой стало использование бандитского жаргона — «отстегивать», «разборки» и т.д. Как следствие все чаще звучат разнузданные ругательства из уст политиков. И все более безнаказанно чувствуют себя сиюминутные «звезды» типа Зверева, Собчак или Лолиты, чью откровенную брань и нецензурную лексику на телевидении пока еще заглушают. Вряд ли стоит преуменьшать влияние языковых «шалостей» на литературные нормы языка. Это «баловство» и «раскованность» тем более значимы, что, по общему признанию ученых, диалектология и другие формы сельского и городского просторечия тихо угасают. Их носителями, особенно местных говоров, остаются люди стар-

шего и среднего поколений. В основном женщины преклонного возраста. Поэтому уже сегодня разные формы просторечия пополняются отнюдь не за счет уходящей природы — диалектизмов и местного говора. Им на смену дуют новые языковые ветры.

РОЗА ЯЗЫКОВЫХ ВЕТРОВ

Этим «ветрам» можно дать два условных названия — «новый простой человек» и «человек мира».

Носителем просторечия остается пресловутый «простой человек». Однако он, точнее, его самосознание заметно меняется. Если раньше простой человек в подавляющем большинстве стоял у заводского станка в городе и обрабатывал землю в деревне, то сегодня он почти всюду. Основные профессии мужчин — носителей нового русского просторечия — охранник, таксист, порученец или менеджер, уличный торговец, официант и почти вся городская служба сферы услуг; женщин — тоже вся без исключения сфера услуг.

Но если раньше «простой человек» осознавал себя простым, то сегодня работник службы интернет-сервиса или продавец бутика, охранник или официант не воспринимают себя носителями рядовой, а тем более простой услуги. Такого рода рост самоуважения новой городской среды дает очень много бытовых примеров просторечия на грани хамства, которые перенимает элита. То же «кошмарить клиента», например, зародилось в среде рядовых рейдеров. А разнородность и рыхлость просторечных сред приводит к тому, что, с одной стороны, носители просторечия претендуют на «новую элиту» эпохи («Блондинка в шоколаде», «Звезда в шоке»). С другой — социальным ядром носителей просторечия остаются «простые пацаны» от криминала и полукриминала. По наблюдениям экспертов ИРЯ РАН, число подобных лиц и членов их семей может составлять до трети населения современной России. Но именно эта треть оказывает мощное языковое влияние на оставшиеся две трети.

Альянс бывших охранников, представителей силовых структур и бандитов, пополняемый за счет всей страны, лишь одно из подтверждений того, что сегодня просторечие не является только фактом городской жизни, как это было раньше, когда сохранялись старые территориальные, как правило сельские, диалекты. Сегодня сельский образ жизни в целом модернизирован и в большей своей части вестернизирован, поэтому он

постепенно теряет традиционные диалекты, вливаясь в новое просторечие.

Другое, пока еще невыразительное, но набирающее силу направление развития просторечия — мигранты из стран СНГ.

«В этом направлении самая острая проблема — образовательная, — убежден Леонид Крысин. — Она тоже имеет отношение к социолингвистике. В городах, особенно в мегаполисах, в средних школах смешанные классы далеко не редкость. Однако методика преподавания языковых дисциплин остается старой, не учитывающей целого ряда меняющихся обстоятельств. Так, в школах учатся как этнические русские, так и иноязычные россияне, для которых русский — второй язык. Наконец, мигранты из стран СНГ и дальнего зарубежья — это еще одна языковая группа, которой русский язык надо преподавать по более доступным методикам. И педагоги, и лингвисты сегодня работают над новыми методиками обучения детей русскому языку. Но я, честно говоря, пока не видел внятных и грамотных методик, из которых было бы понятно, как выходить из этого непростого положения. Я, например, не знаю, как из него выходить, но мне очевидно, что надо по-разному преподавать не только русский язык, но и предметы на русском языке — физику, математику, биологию, историю — для детей, столь по-разному владеющих русским языком».

Как полагает Леонид Крысин, продуманное и разноплановое изучение русского языка может свести к минимуму и, возможно, даже избавит Россию от тех проблем, которые сегодня испытывают ЕС и США, задыхающиеся не только от не желающих интегрироваться в устоявшуюся языковую среду мигрантов, но уже и от переселенцев, которые меняют речевые нормы своей «новой родины».

У России еще есть время, тем более что пока давление миграции на русский язык почти не ощущается. Во всяком случае, оно не дало еще ярких или устоявшихся выражений и определений, которые бы ломали традиционное произношение и литературные нормы речи. ❶

«ЛЫТДЫБР» ОТ БЛОГЕРА

Или как интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка

МАКСИМ КРОНГАУЗ

Те, кто хоть раз пользовался Интернетом, знают, что с русским языком там все время что-то происходит. Искажается орфография, в тексте появляются рожицы, на каждом шагу встречаются непонятные слова и даже выражения. Но главное отличие заключается даже не в самом языке, а в способах и условиях его использования.

Истории человечества известны две формы существования языка — устная и письменная. Письменная форма вторична по отношению к устной и появилась позже. С помощью письма можно передавать информацию через пространство и время. Устная речь мгновенна, потому плохо сохраняется и не передается на далекие расстояния (по крайней мере, так было до изобретения записывающих и передающих устройств типа магнитофона и телефона). А такая нужда постоянно возникала и возникает.

ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ ГЛАЗАМИ

Глаголы со значением «писать» в разных языках, как правило, этимологически восходят к двум идеям. Первая — идея царапанья, вторая — нанесения краски на поверхность. Это два традиционных способа изображения знаков. Сегодня ситуация изменилась. Мы все чаще имеем дело с текстом на экране компьютера, а его мы не пишем — в том самом исконном смысле. Мы нажимаем на клавиши, и происходит некое чудо — на экране возникают буквы.

Можно утверждать, что с появлением Интернета, новой сферы коммуникации, появился и некий промежуточный тип коммуникации, который в каком-то смысле является письменным (визуальным), а в каком-то — устным. По способу восприятия это, безусловно, визуальная речь, то есть она воспринимается глазами. Так же ее можно оценить и по некоторым другим характеристикам. Например, мы можем делать длительные паузы во время разговора, что недопустимо во время устной беседы. Устный диалог подхлестывает к быстрым реакциям и мгновенным репликам. Итак, технически это письменная речь. А вот с точки зрения структуры используемого языка — безусловно, устная.

Здесь надо оговориться, что речь идет о разговорных жанрах Интернета. Скажем, на сайте какого-нибудь министерства или крупной компании посетитель столкнется с обычной письменной речью. Иначе обстоят дела в таких речевых сферах, как форумы, чаты, ICQ, блоги, комментарии к блогам и т.д. Именно этот фрагмент Интернета оказы-

вается наиболее интересным и специфичным. Если рассматривать речь в этой сфере с точки зрения ее структуры, то легко заметить, что она гораздо ближе к устной.

Здесь важно обратить внимание на то, что общение из устной сферы частично перемещается в Интернет. Мы очень часто делаем письменно то, что раньше делали устно. Некоторые проблемы, решавшиеся раньше с помощью телефонного звонка, теперь решаются с помощью переписки. При этом что она занимает куда больше времени. У этого есть свои основания. Подобное поведение считается более вежливым. Так мы не беспокоим собеседника. Он, например, может вообще не ответить на письмо. На устное же обращение не ответить сложнее, подобная реакция сильнее задевает собеседника. Таким образом, часть нашего общения переместилась в эту «письменную» по технике исполнения и восприятия фазу.

СМАЙЛИКИ-РОЖИЦЫ

В Интернете письменных средств недостаточно для полноценного общения. У обоих видов общения — устного и письменного — есть свои достоинства и недостатки. Достоинства письменной речи — она хорошо хранится и передается на далекие расстояния. Кроме того, она нормативная, ее можно анализировать. Но и у устной речи тоже есть достоинства. И многие лингвисты предпочитают изучать именно ее. Она первична исторически. Да и на синхронном уровне письменная речь — это, скорее, запись устной. Устная речь гораздо быстрее письменной. Когда мы сталкиваемся с иностранным языком, у нас возникают проблемы именно с восприятием устной речи. Мы не успеваем ее проанализировать. Но для родной речи скорость, безусловно, достоинство. И наконец, она гораздо богаче письменной. Среди ее средств громкость, всевозможные интонации, особые выделения фрагментов речи голосом (например, логическое ударение и т. п.). Есть много языковых единиц, которые невозможно точно записать, например хмыканье записывается с помощью условного «Хм», хотя на самом деле произносится нечто иное. То же касается и так называемого эканья, которым мы заполняем паузы. Устную речь, как прави-

ло, сопровождают мимика и жесты. Именно поэтому письменная фраза иногда вызывает обиду, а ее устный аналог нет, потому что в речи содержатся нюансы, отсутствующие в письменной форме и позволяющие дополнить, уточнить, смягчить...

Так вот, если большая часть коммуникации переходит в область письма, неизбежно встает вопрос о недостаточности письменной речи. Неизбежно должно происходить ее обогащение. Самый простой пример — это смайлики. Сначала возникли очень простые значки, состоящие из скобки и двоеточия: «:)» и «(:(»». Чему соответствуют такие смайлики? Прежде всего они демонстрируют иронию. Как будто в скобках написано «шутка». В речи мы в этой ситуации обычно используем особую интонацию. В принципе, смайлики могут выполнять и другие функции, например передавать настроение. Это, кстати, не обязательно содержится даже в устной речи. В разговоре по телефону довольно трудно передать настроение. А в обычном разговоре оно передается с помощью мимики. Так что можно сказать, что смайлик выполняет функции и мимики, и интонации. С момента появления смайликов они постоянно развиваются. Сейчас имеются целые наборы рожиц, среди которых можно выбрать подходящую и автоматически вставить в текст.

Таким образом, происходит развитие формальных письменных средств. Правда, при очень сильном обогащении эти средства, как ни странно, перестают работать. Форм не должно быть слишком много, иначе их трудно и использовать, и интерпретировать. Вот пример из личного опыта. Я в одной таблице смайликов увидел зеленую рожицу, которая еще и меняет цвет. В подписи было написано, что это зависть. Рожица мне настолько понравилась, что я немедленно вставил ее в текст. Мой собеседник, конечно, не понял, что я имел в виду. Догадаться по такой рожице, что это чувство зависти, нормальный человек не может. Он должен для этого изучить язык смайликов, запомнить всю таблицу. Понимание же скобок и двоеточий было элементарным. Лингвисты в этом случае говорят об иконических знаках, когда по форме видно, что имеется в виду. Сегодня смайлики слишком разнообразны, чтобы их было легко использовать. Тем не менее процесс все равно идет. Смайлики в разных видах так или иначе уже обогатили письменный язык.

ИГРА В ЗАЧЕРКИВАНИЕ

В последнее время появились и другие средства. Приведу два примера. Первый — зачеркивание текста. Вообще-то возможность зачеркивания всегда существовала в письменной речи. Это значило, что человек уничтожает часть своего текста. Зачеркивали обычно так, чтобы нельзя было прочесть. Либо переписывали набело. Но интернет-зачеркивание обозначает не текст, который должен быть уничтожен. Текст, который хотят уничтожить, просто стирают. Зачеркивают как раз то, что имеют в виду. А затем как бы произносят вслух другое (незачеркнутое). Возникает игра и новое измерение текста. Наряду с тем, что говорится, появляется то, о чем автор думает. Возможно, это тоже только одна из функций зачеркивания.

Мы видим, что здесь письменная речь оказывается богаче устной, потому что в процессе говорения я не транслирую то, что я действительно думаю в момент речи. Я могу проговориться сознательно, но это уже довольно тонкая игра. Здесь же это такой простой прием. Еще один способ обогащения письменной речи — описание поведения. Как правило, такой текст берется в звездочки. Например, *смущается* или *хмурится*. Это очень похоже на авторские ремарки в театральной пьесе, своего рода самооценка, тоже придающая новое измерение тексту.

Есть еще много разных приемов. Активно используется регистр, то есть прописные и строчные буквы. Причем многие считают, что прописные буквы — это просто аналог громкости. Используются также разные шрифты и т.д. Все эти примеры подтверждают сказанное выше: коммуникация в Интернете ставит задачу обогащения письменной формы языка.

«ЙЦУКЕН»

Приведу еще несколько примеров лексического обогащения интернет-языка, основанного на игровых механизмах. Многим будет непонятно странное слово «лытдыбр». А для ведущих интернет-дневник (блог) оно вполне привычно. Известен даже его автор. Здесь, кстати, проявляется еще одно важное свойство Интернета. Тексты в нем сохраняются. Кто-то где-то придумал некое слово. Очень трудно проследить, кто именно. Только про некоторые литературные слова известно, кто их ввел, и то, как правило, если это знаменитый человек. В Интернете же тексты сохраняются, и при желании можно проследить употребление нового слова вплоть до его возникновения, то есть до автора. Так вот, это слово впервые упомянул эстонский филолог из Тарту Роман Лейбов в своем блоге. Так он назвал свою запись, написав это слово латиницей. Возникнуть это слово могло только в компьютерную эпоху, потому что до нее такого механизма просто не существовало. Он набрал слово «дневник» в латинской раскладке, как бы перепутав регистр, затем его транслитерировали обратно в кириллицу, и получилось «лытдыбр». Теперь оно распространено среди блогеров.

Примерно так же появилось словечко «ЗЫ», соответствующее латинскому PS, то есть постскриптум в конце письма. Здесь, правда, «путаница» регистров проще: латинские буквы сразу набираются кириллицей. Этот прием стал довольно часто использоваться при образовании ников, интернет-псевдонимов. Например, Федя может назваться Atlz. Такие бессмысленные сочетания букв время от времени встречаются в русских текстах именно как результат приема «перепутать регистр».

Наконец, если попытаться выйти за пределы Интернета, можно вспомнить рассказ В. Пелевина, в котором один из героев назвал себя Йцукен. Он залез на порносайт и набрал такие буквы в качестве ника. Русское слово «йцукен» не очень известно, но оно соответствует латинскому qwerty. Это первые буквы второй строчки стандартной (английской) клавиатуры. И такая клавиатура называется qwerty, потому что есть другие виды клавиатуры, например французская (azerty). Интересно, что это слово постепенно завоевывает себе некое пространство в русском мире. Один из дизайнерских магазинов Артемия Лебедева называется «Йцукень».

Мы видим, что словечек таких мало, но прием начинает работать. Причем его будущее не очень определено, потому что сейчас есть программы, которые автоматически переводят в нужный регистр. На нашем домашнем компьютере мы постоянно боремся с женой. Я категорически против этой программы, а жена, наоборот, ее любит. Так что уже сегодня на компьютере с такой программой лytdybr возникнуть не мог. Это явление существовало всего около десяти лет. Но оно породило некий механизм и несколько словечек.

IMHO, ИЛИ ПО МОЕМУ СКРОМНОМУ МНЕНИЮ

Еще один пример механизма, порождающего новые слова. В русском языке в советское время существовало множество аббревиатур. Но именно в интернет-языке и языке SMS образование аббревиатур получило новый толчок. Связано это в первую очередь с экономией пространства и скоростью набора текста. Стали возникать новые аббревиатуры.

Среди самых известных можно назвать IMHO, что означает In my humble opinion — по моему скромному мнению. Оно существует и в русском варианте и записывается как ИМХО. Это просто транслитерация. Есть и другие английские аббревиатуры, которые часто используются в русских текстах, например LOL, что значит «очень смешно». И еще aka — also known as. Она тоже записывается русскими буквами, что свидетельствует о ее адаптации. Я нашел выражение «Анка АКА пулеметчица», то есть «Анка, называемая пулеметчицей». Это явление существовало и до Интернета. Достаточно вспомнить английскую аббревиатуру ASAP — As soon as possible. Но в русском подобного рода аббревиатуры были не приняты.

Посмотрим на стандартные русские аббревиатуры: СССР, ТАСС, колхоз, вуз. Это имена, то есть группы существительных. А рассмотренные английские аббревиатуры составляют целые выражения. В русском Интернете происходит зарождение именно таких аббревиатур. К примеру, ЕВПОЧЯ, ЕМНИП. Первая — «Если вы понимаете, о чем я», вторая — «Если мне не изменяет память». Или СЗОТ — «Сорри за офф-топ». Мне больше всего нравится ТТТ — «Тьфу-тьфу-тьфу», правда, она не слишком распространена. Основная масса таких слов связана с репликой-реакцией. Это оценка некоторого текста или поста. Гораздо более популярны нецензурные аббревиатуры: ХЗ, КГ/АМ (расшифровке в этой статье не подлежат, кто знает, тот знает).

ЕБЖ

В русском языке аналогов почти не было. Мне удалось найти только один. Это знаменитая аббревиатура ЕБЖ — аббревиатура Льва Толстого — «Если буду (будем) жив (ы)». Толстой часто заканчивал этим письма. Это имело хождение в узком кругу знакомых Толстого. Так обстоит дело и сейчас. Все эти слова зарождаются в узком кругу. И только потом части из них удается прорваться в более широкие сферы. Тот же самый «лытдыбр» вышел за пределы блогосферы и встречается, например, в СМИ.

Возникновение новых слов отчасти вызвано влиянием английского языка, но отчасти и новыми условиями коммуникации, экономией времени и средств, а также игровой стихией. Итак, мы столкнулись с совершенно новой ситуацией, когда неформальное общение частично перенеслось в письменную сферу. Письменный язык становится таким же спонтанным, как и устная речь. Раньше почти не было неконтролируемой письменной речи. Были, конечно, письма, но они, как правило, не были публичными. Аналогом того, о чем сказано выше, могут служить некоторые очень маленькие локальные коммуникативные сферы. Например, перебрасывание записками в классе, писание на партах. Но все это точечные акты. Сегодня письменная речь становится полноценной формой существования разговорного языка, что приводит, с одной стороны, к обогащению этой речи, с другой — к появлению новых механизмов, некоторые из них локальны, а некоторые будут иметь довольно обширные последствия. Мы должны быть к этому готовы. ❶

механизмов, некоторые из них локальны, а некоторые будут иметь довольно обширные последствия. Мы должны быть к этому готовы. ❶

МАТРИЦА ЯЗЫКОВ

БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Энциклопедия «Языки мира» — амбициозный проект Института языкознания РАН по описанию около 6 тысяч языков Земли. Многотомный и многолетний труд лингвистов претендует на роль «хранилища» всех человеческих языков. О том, как реализуется этот проект, «Русскому миру.ру» рассказывают участники рабочей группы «Языки мира».

— **С**правочник по языкам мира уже существует. Зачем Институт языкознания издает еще и энциклопедию?

Андрей Кибрик, руководитель рабочей группы «Языки мира», заведующий сектором ареальной лингвистики ИЯ РАН: Да,

есть каталог языков мира «Этнолог». Есть одноименный сайт на английском языке. Но каталог всего лишь перечисляет конкретные языки и дает общие элементы справки-информации. Издание, которое мы готовим, совершенно иного рода. В энциклопедии собраны подробные сведения о каждом из языков и то, как каждый из них устроен: с точки зрения звуковой системы, грамматики и с точки зрения того, как он погружен в общество — его социальные характеристики, число носителей, функциональные сферы использования языка. Такого рода описания языков в мире нет. Мы издали 17 томов, охватили большую часть языков Евразии, но работы еще много. На очереди еще около 10 томов.

— **А что это за единые стандарты описания языков?**

А. К.: Это схема описания языка — последовательность вопросов по разным аспектам — социальным и языковым (фонетическим, грамматическим) характеристикам. По каждому пункту автор должен на них ответить. Тем самым получается матрица, в которой каждый язык описан по большому количеству параметров. Что, собственно, обеспечивает информационную ценность энциклопедии. На базе изданных нами книг

группа наших коллег, занимающихся компьютерной лингвистикой, создали базу данных, в которой каждый язык описан по сотням признаков. Это позволяет сопоставлять языки между собой и выявлять закономерности их развития.

— **И какая тенденция просматривается? Все наши языки вышли из одного праязыка?**

А. К.: Вопрос о праязыке актуальный в современной лингвистике, но дебатированный. Есть общепризнанный метод установления родства языков, так называемый сравнительно-исторический. Он был разработан в XIX веке и является в лингвистической науке нормой, которая и позволяет устанавливать родство языков. Проблема, и пока неразрешимая, в том, что сравнительно-исторический метод достоверно работает лишь на исторической глубине примерно в 6–10 тысяч лет. Как, например, в случае с языками индоевропейской группы — русским, английским, армянским, греческим, хеттским. После указанного исторического рубежа начинаются разногласия между лингвистическими школами. Одни ученые считают, что этот метод можно распространить вплоть до языка пра-человечества. На этих позициях стоит отечественная школа лингвистики, основанная Владиславом Иллич-Свитычем. Однако большая часть лингвистов скептически относятся к идее Иллич-Свитыча. По их мнению, если исходить из данных науки о том, что возраст человечества составляет

примерно 100–150 тысяч лет, то исследование 10 тысяч лет — не повод утверждать, что мы можем проникнуть до основания истории. Так что на вопрос о праязыке нет ясного ответа. А издаваемая нами энциклопедия, надеюсь, станет для лингвистов, работающих над решением этой загадки, одним из инструментов разрешения проблемы.

– У описанных в вышедших томах энциклопедии языков больше отличий или больше общих моментов?

А. К.: Во всех языках мира есть область универсального, есть область варьирования. Увы, постепенно представление о количестве универсальных черт сжимается. Оказывается все меньше таких свойств, которые для языков являются общими. Например, считается, что звуковые языки имеют в сво-

ей системе звуков различия между гласными и согласными. Вроде бы верно. С другой стороны, есть языки, которые вообще не являются звучащими. Язык жестов, например. В них смешно было бы искать гласные и согласные. Но это полноценные человеческие языки, на которых вполне можно разговаривать, читать, вести дебаты и так далее. Сегодня многие языковые универсалии в большинстве языков ставятся под вопрос. При видимом сокращении количества языков все более очевидным становится межъязыковое варьирование. Оно сегодня гораздо шире, чем допускалось ранее. Что неизменно затрудняет и замедляет работу над энциклопедией.

Андрей
Кибрик

– Означает ли это, что и дальше будут расходиться, например, английский и американский английский или славянские языки — русский и украинский?

А. К.: Это в традиционных обществах, где преобладали процессы языковой дивергенции, или расхождения, даже близкие языки постепенно расходились так, что люди все меньше понимали друг друга или понимания не оставалось вообще. Сегодня заметны обратные, конвергентные процессы, или процессы схождения языков. Они усиливаются. Правда, сближение происходит за счет упрощения или нивелирования языков. Но предсказать, как в условиях глобализации будут развиваться дивергенция или конвергенция языков, довольно сложно. Ясно только, что раньше все время возникали новые языки. В условиях современного мира их количество только сокращается.

Юрий Коряков, автор языковых карт, старший научный сотрудник ИЯ РАН: В науке принято считать, что некий пик роста языков был около 2 тысяч лет назад, когда их количество выросло до нескольких десятков тысяч. Сегодня их насчитывается около 6 тысяч. Процессы глобализации — возникновение империй и глобальных религий, — когда господствующий язык вытеснял все остальные, заложили основы для схождения языков. Раньше было так, как сегодня на острове Новая Гвинея: в каждой древне-поселении был свой язык, в соседней деревне его еще понимали, а уже чуть дальше — нет. Глобализация постепенно вытесняет малые языки. Тенденция такова, что в отдаленном будущем, возможно, мир будет говорить на одном-двух языках международного общения.

К счастью для лингвистов, в мире остается еще много так называемых географических карманов, где языковое разнообразие сохраняется. На той же Новой Гвинее около тысячи языков.

– А зачем потребовалось составлять языковую карту?

Юрий
Коряков

АНТОН БЕРКАСОВ

Ю. К.: Она визуализирует языковую картину мира — показывает, как языки расположены относительно друг друга. Кроме того, она отражает географические условия — горы, равнины или острова, которые влияют на языковую картину. Известно, например, что на равнинах малых языков сегодня почти не осталось. Они прячутся в горах, в джунглях или на островах. И я заметил, что языковые карты — а я их начал составлять еще школьником — ничем не отличаются от исторической

или экономической. Лингвистическая картография рисует картинку тенденций.

А. К.: Юрий Коряков справедливо заметил, что процесс сокращения языкового разнообразия имеет глубокие корни. И карта косвенно подтверждает — языковое разнообразие сегодня заметно сокращается. Но тут не должно быть некоего алармизма, как в случае с глобальным потеплением. Подобное периодически случалось в истории Земли. То же самое происходит с языками. Сокращение количества языков — факт, который нужно признавать, а задача лингвистов состоит в том, чтобы успеть зафиксировать элементы языкового многообразия.

– Какие тенденции в развитии русского языка сегодня преобладают? Сфера его применения в мире сжимается или, как считает ряд европейских лингвистов, регионализируется?

А. К.: Я бы сказал, что русский язык за последние двадцать лет территориально, скорее, расширился. Еще Высоцкий писал, что «в общественном парижском туалете есть надписи на русском языке». В Ирландии, например, сегодня русский язык распространен чрезвычайно широко. На нем говорит около 100 тысяч человек. Туда приехало много мигрантов из Прибалтийских государств. Английский многие из них знают плохо, а между латышами, эстонцами и литовцами нет другого общего языка, кроме русского. Более того, на русском они общаются с поляками, чехами и мигрантами из других восточноевропейских стран. Я был поражен, когда прочитал слова президента Ирландии Мэри Макалис: «Русский — наш второй язык». Вот так процессы миграции, начавшиеся после развала СССР, по факту привели к тому, что русский язык расползся по планете. Хотя, конечно, в некотором смысле статус русского языка сократился. В отделившихся государствах русский язык почти вытеснили вместе с местным русскоязычным населением, которое оттуда постепенно уезжает. Но в целом где-то прибавилось, где-то убавилось, а в совокупности — это вопрос глубокого научного исследования: как количественно измерить значимость того или иного языка?

Ю. К.: Кстати, на китайском языке говорит свыше миллиарда землян, но он был и остается локально значимым.

Или на французском и немецком, как и русском, говорят относительно немного людей, но эти три языка глобально значимы. Русский язык за счет диаспоры и экономических и культурных контактов продолжает расширяться. Русский сегодня выгодно учить. Он позволяет зарабатывать деньги. Например, в туристических странах и регионах Средиземноморья, куда россияне едут. Или, наоборот, бизнесмены-иностранцы едут к нам, вооружаясь знанием русского языка.

– Тенденция к регионализации русского языка просматривается?

Ю. К.: Не только русского. Те же немецкий и французский глобальными были в отдельных аспектах. Немецкий был языком науки и терминов в XIX веке. Французский — язык дипломатии и культуры в ту же эпоху. Английский их вытеснил из всех сфер влияния. И этот процесс усиливается. Хотя все больше людей считают, что помимо английского им надо изучать и китайский язык. Это еще одна тенденция глобализации. Правда, если быть до конца корректным, то это, скорее, не факт, а прогноз. Пока китайцы учат английский.

– Насколько оправданно с научной точки зрения то, что китайцы, продвигая свой язык, специально переводят письменность с иероглифов на латиницу?

А. К.: Такие проекты иногда возникают в разных странах с экзотической системой письма, но они чрезвычайно болезненны с точки зрения связи страны со своей собственной историей и культурой. Если представить себе, что китайских детей перестали учить иероглифической письменности и перевели на латиницу, то через несколько десятков лет окажется, что население уже не сможет прочитать то, что было написано за тысячелетия истории. Хотя письменность и язык — это не одно и то же. Правда, китайцы говорят об альтернативной международной письменности, способствующей популяризации китайского языка. Такая запись — транслитерация китайских иероглифов латиницей и даже кириллицей — создана, но сами ки-

тайцы не хотят и не умеют ею пользоваться. Толку от этого проекта — ноль. Вот если китайцы, например, начнут на латинице или кириллице издавать газеты и журналы, не забыв иероглифы, тогда это поможет иностранцам в овладении китайским языком. Но страны, у которых есть осмысленная языковая политика, крайне неохотно идут на такого рода эксперименты.

Те, кто так поступает, — с кириллицы на латиницу, например, перешли Азербайджан и Узбекистан — рискуют. Проблема в том, что все население этих стран внезапно оказалось временно безграмотным. Был целый период, когда, не понимая латиницу, люди ничего не могли читать. Эти страны преодолели проблему лет за десять, но теперь их молодое поколение не может прочесть, что было в царское и советское время написано на азербайджанском и узбекском языках. Так что такие эксперименты — вещь довольно рискованная.

Ю. К.: В Китае есть еще одна сложность. Ведь китайский — не единый язык. Если китайцы двух отдаленных провинций будут разговаривать между собой, они друг друга могут не понять. Их языки родственны, но не едины. А иероглифическая система письменности выполняет функцию объединения. Иероглифы не связаны с произношением, они связаны со смыслом, поэтому дают возможность писать и понимать друг друга. Так что без иероглифов китайцы писать не смогут, да и общаться будут с трудом. А это локальный сепаратизм. Его китайское правительство, как всякое другое, остерегается.

А. К.: Мне кажется, значимость и рост влияния английского языка в мире основаны на мощи американской науки, которая создала базис для цивилизационного рывка вперед и роста влияния английского языка. Китай пока остается центром дешевой и качественной рабочей силы. Не более того. Это несопоставимые величины, стоящие за значимостью того или иного языка.

– Если значимость изучения влиятельных групп языков объяснима с прагматичной точки зрения, то изучение и систематизация бо-

лее 500 индийских языков и диалектов сразу вызывает вопрос — зачем?

Юлия Мазурова, научный сотрудник ИЯ РАН: Нужно ли нам заниматься индоарийскими языками? Попробуйте историка спросить: зачем изучать Древний Египет? Для начала — из естественного любопытства. Потом — чтобы понять какие-то закономерности развития. Так и с исследованием различных языков. С практической точки зрения это тоже востребовано. С Индией у России тесные экономические связи. А тенденции в развитии индоарийских языков, как и везде, близки. Глобализация на индийском субконтиненте идет полным ходом. Языки там тоже выравниваются. Интересные с лингвистической точки зрения явления внутри них нивелируются, а малые языки постепенно исчезают под давлением больших — хинди и английского. Если семья хочет продвинуть ребенка в социуме, естественно, он говорит на хинди и английском. Другое дело, что внутри хинди, например, сохраняется много заимствований из родного языка, что создает немало трудностей и курьезов.

– Это, наверное, как китайцы, которые считают, что они говорят по-английски, а их не понимают в США?

Ю. М.: Это называется смешением языковых кодов. Я в университете изучала персидский и таджикский языки, они близкие, но письменность у них разная. И вот наш преподаватель рассказывал, как таджики говорят по-таджикски: «Пальто этамбо вешалка бэ вешанит». То есть корни русские, а все морфемы таджикские.

А. К.: Лингвисты такие явления очень любят. Изучая их, мы избегаем оценок насчет «порчи» русского или таджикского языков. Это очень интересные процессы. Они в некотором смысле обратны глобальной тенденции к выравниванию языков. Это ответ вызовам глобализации. Фактически эти вызовы повышают языковое разнообразие в рамках развития русского языка. Кстати, англоязычная лингвистика развита и продвинута, поэтому она создала такое понятие, как World Englishes — мировые варианты английского языка. И по факту сейчас возникла и крепнет потребность изучать вариативность международного русского языка. Это направление науки уже создается в современной лингвистике. Правда, пока как от-

дельные и разрозненные элементы, к тому же центр изучения вариантов русского языка находится вовсе не в России, а в Хельсинки. Там есть целая группа лингвистов, в том числе из России. У них по вариантам развития русского языка в мире вышла целая серия исследований, сборников и книг. Я пытался своим студентам давать такие задачи — по описанию русского языка гастарбайтеров, живущих в Москве. Это тоже отдельное явление. И некоторые студенты написали интересные работы. Это необычные процессы в языкознании. Они опровергают схематичные представления о том,

Юлия
Мазурова

АНТОН БЕРКАСОВ

что язык — это некоторая фиксированная совокупность правил и все должны ей неукоснительно следовать. В реальности все вариативно и индивидуально.

– Вы издаете энциклопедию «Языки мира» на русском языке. Будет потом на нее спрос в мире?

А. К.: Часть книг всегда уходит за границу, но проблема в том, что русский язык уже не глобален и не является международным языком науки. На нем читает небольшая часть зарубежных ученых. Поэтому вопрос о том, не следует ли подобные издания публиковать на английском языке, висит в воздухе. Иногда мы начинали с зарубежными коллегами обсуждать варианты сотрудничества, но некоторые из них говорили: «Вы пишете на таком редком языке...» Целевая аудитория, конечно, сужена. Однако мы далеко продвинулись в подготовке русскоязычного издания, и было бы логичным довести дело до конца. Параллельно мы думаем об англоязычном проекте энциклопедии «Языки мира». И, наверное, своевременно вести речь не о бумажном издании, а об интернет-портале или об интернет-вариациях этого проекта. Мы думаем об этом, но инерция недоделанного столь велика, что она нас сильно загружает.

– Как вы сами оцениваете пользу от вашего фундаментального труда?

А. К.: Фундаментальная наука совершенно неожиданно может оказаться прикладной. В свое время астрономы просто смотрели на звезды. Что, казалось бы, может быть менее практичным? А потом возникли космические технологии. Эту аналогию можно распространить на лингвистическую науку. Ведь изучение разнообразия языков проливает

свет на то, как устроены мозг и сознание человека. Что напрямую выходит на когнитивные науки, которые уже сегодня лежат в основе высоких технологий. 📖

КОГО ХОЧЕШЬ «ЛАЙКАЙ», А ЛЮБИ МЕНЯ!

МАКСИМ КРОНГАУЗ

Время от времени вспыхивают дискуссии о мотивированности огромного количества заимствований, которые хлынули в последние десятилетия в русский язык. Как правило, такие дискуссии ведутся в критическом ключе: мол, конечно, есть небольшое количество полезных заимствований, но вообще-то они вредны и могли бы быть заменены хорошими русскими словами.

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

Я попытаюсь обосновать полезность двух заимствований, которые легко переводятся на русский язык и потому вроде бы избыточны. Негативное отношение к ним усиливается еще и по той причине, что речь идет о сетевом сленге, то есть эти слова, скорее всего, никогда не попадут в словарь литературного русского языка.

ЕСЛИ ФРЕНД ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ...

Сознавая уязвимость своей позиции, я все-таки рискну выступить в защиту слов, популярных в блогосфере и социальных сетях, а именно жаргонизмов *френд* и *лайк*. Когда-то я по тем же причинам сочувствовал блогу, а теперь он стал вполне respectable словом, по крайней мере, попал в орфографический словарь. Итак, чем же хороши *френд* и *лайк* и в чем же их сходство с *блогом*. Дело в том, что так же, как *блог* не вполне *дневник*, *френд* не вполне *друг* (точнее, совсем не *друг*), а *лайк* не равен глаголу *нравится*. Но начну все-таки с английского языка.

Некоторые английские словари робко отмечают у существительного *friend* и глагола *like* новое подзначение, связанное с Интернетом. Вот что пишет наиболее прогрессивный в этом отношении сайт Оксфордских словарей-онлайн (<http://oxforddictionaries.com/>) для *friend*: a contact on a social networking website — «контакт в социальной сети». А вот

что для *like*: Indicate one's liking or approval of (a web page or posting on a social networking website) by using the site's 'like' facility — «обозначить, что нечто нравится или одобряется (веб-страница или текст в социальной сети), используя кнопку «like».

Итак, *friend* и *like* — это, по существу, специальные кнопки, нажав которые пользователь может установить особый контакт с другим пользователем или, соответственно, выразить оценку тексту, фотографии или интернет-странице. Однако английские слова выбраны для них не случайно, ведь социальные сети и блогосфера имитируют отношения, существующие в реальной жизни, хотя в действительности им не равны. Аргументы? Пожалуйста.

Сколько у вас друзей? Кто-то скажет «один», кто-то — «десять», кто-то — «двадцать». Трудно найти человека, который скажет «сто», ну а «тысяча» не скажет никто. А вот френдов бывает сколько угодно, точнее, сколько позволяют технические возможности блогосферы или социальной сети. Причем тысячу френдов может иметь далеко не самый коммуникабельный человек. Дело в том, что люди наполняют это слово разным содержанием. Кто-то считает его почти полным синонимом *друга* и заводит себе в сети, скажем, десять френдов. Это все равно не вполне друг, потому что обычно френдами становятся и члены семьи, и близкие родственники, которых мы обычно друзьями не называем. В социальных сетях люди с небольшим количеством френдов редкость, но все же они встречаются. Более популярна интерпретация *френда* как *знакомо* (некоторые социальные сети ее в явном виде рекомендуют), и тут возможны различные вариации: близкие знакомые, любые знакомые, знакомые, с которыми предполагают общаться, и т.п. Между *другом* и *знакомым* можно ввести и промежуточное отношение *приятель*, но это все очень условно. Наконец, третья интерпретация *френда* состоит в том, что он рассматривается как источник (или адресат) информации. Я не буду говорить о том, что френда можно еще рассматривать и как социальный бонус, поддержку собственного социального статуса. Можно гордиться тем, что у тебя много френдов, можно гордиться тем, что у тебя во френдах есть известные люди. Все это отчасти повышает твой социальный статус в сети. Но речь о коммуникации, поэтому я сосредоточусь

на первых трех позициях. Итак, *френд* может пониматься как друг, знакомый или даже незнакомый человек. Для публичного и активно выступающего в сети человека последний тип важен, потому что он составляет аудиторию. Для непубличного человека в последний тип входят, как правило, известные ему люди, чьи тексты он хотел бы читать, с кем он, возможно, хотел бы познакомиться.

Время от времени в социальных сетях вспыхивают дискуссии, в которых отражаются различные понимания этих слов и проблемы, возникающие в связи с этим. Часто встречаются авторские «декларации о дружбе», где явным — иногда грубым — образом заявляется, что во френды принимаются только знакомые люди. В комментариях эти декларации либо горячо поддерживаются, либо автор объявляется недемократичным и высокомерным.

Не менее интересны и дискуссии об удалении из френдов. Удаление рассматривается как наказание за проступки обычно двух родов: за «нехорошее» комментирование и за нехороший поступок вне непосредственной коммуникации. В первом случае это похоже на отказ от дома, причем автор текста рассматривает себя как хозяина коммуникативного пространства, а комментатора — как гостя. Иногда, впрочем, речь идет о простом устранении коммуникативной помехи. В сходном, но даже более широком смысле используются глагол *банить* и существительное *бан* (*накладывать бан*), заимствованные из английского языка: *ban* — «запрещать, налагать запрет». Забанивание означает поражение в коммуникативных правах, а именно запрет или ограничение в публикации текстов.

Второй случай удаления более похож на исключение из круга приятелей. Исключение из френдов за преступление, проступок, идеологически вредный текст напоминает отказ в подаче руки. В дискуссиях обычно поддерживается изгнание «нерукопожатного» френда или, напротив, указывается на нелепость такого поступка, поскольку таким образом оказывается перекрыт важный источник информации: исключение френда означает исключение его текстов из френд-ленты. Очевидно, что так вступают в противоречие разные понимания слова *френд*. Вопросы типа «Что делать, если френд оказался

вдруг...?» или «Может ли враг (мерзавец и т. п.) быть френдом?» вполне актуальны в сегодняшнем Интернете и едва ли будут каким-то образом разрешены окончательно. Именно поэтому можно сказать, что *френд*, в отличие от *друга* в русском языке, не означает тесной связи и не обязательно обозначает позитивное отношение. Он, скорее, нейтрален и должен пониматься в техническом смысле как некий вид контакта в Интернете. А уже конкретные люди могут наполнять его различным содержанием, сближая его с *другом* или, наоборот, удаляясь от него к *источнику информации*.

Френд, в общем, прижился в сетевом языке, но до литературного русского, в отличие от того же *блога*, не дорос. Возможно, и не дорастет. Тем не менее нельзя не упомянуть образованные от него слова: *френдить (ся)*, *зафрендить (ся)*, *отфрендить (ся)*, *расфрендить (ся)*, *френд-лента*, *френдёж*. Набор характерных приставок только подчеркивает отличия *френда* от *друга*: *задружить* кого-то невозможно, но и крепко *сфрендиться* с кем-то затруднительно. А уж существительное *френдёж* («беспорядочное заведение новых френдов исключительно ради количества») только подчеркивает, что друг — это друг, а френд — всего лишь френд.

КНОПКА «ПОЗИТИВА»

Похожим образом обстоит дело с *лайком*. *Лайк*, правда, имеет гораздо более узкую сферу применения. Вообще, кнопка *like* появилась в «Фейсбуке» в апреле 2010-го в качестве рекомендательной. Она используется и внутри социальной сети для рекомендации конкретных текстов, фотографий и т. п. и вне ее для рекомендации чего угодно: статей ли, товаров ли... Некоторые сайты и социальные сети последовали примеру «Фейсбука» и стали использовать подобную или в точности такую же рекомендательную кнопку, например в «Ютубе» помещенные на сайте видеоролики также оцениваются с помощью кнопки *like*. А в самых популярных российских сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» во внутренней функции используются кнопки *мне нравится* и *класс!* соответственно.

Функции внешней и внутренней кнопки *like* хотя и имеют много общего, но все же различны. Первую функцию можно условно назвать социальной, а вторую — коммуникативной. Роль внешней кнопки состоит, скорее, в чистой рекомендации, особенно если речь идет о товаре. Есть и другие кнопки со сходной функцией, например *share* (или по-русски — *поделиться*). Для нашего разговора интересней коммуникативная функция внутренней кнопки под каким-то текстом или фотографией в «Фейсбуке». Ее истоки следует искать в блогосфере, в огромном количестве бессодержательных положительных комментариев. Помните: *аффттар жжот, пеши исчо, зачот, отжыг, мидадь* и так далее и тому подобное? Да, вот еще: **+1**. Последний комментарий можно описывать и как присоединение к мнению говорящего (видимо, изначальный смысл), и как согласие, и как самую общую положительную оценку. Именно **+1** берет в качестве главной рекомендательной кнопки в свою социальную сеть «Гугл» и даже использует его в самом названии социальной сети: *Google+*.

В общем, на коммуникативную потребность в самом элементарном комментарии, то есть в оценке текста, социальные сети отреагировали эффективным образом: они сделали ее механической. Не надо стараться быть оригинальным (не у всех ведь получается), не надо даже мучиться над выбором между *ржунимагу* и *жызненна* — надо просто нажать на кнопку. К гениальной эффективности добавилась еще и позитивность. В самых известных социальных сетях кнопки типа *dislike* («не нравится») отсутствуют. Чтобы обручать чей-то текст, надо сделать пусть небольшое, но усилие: написать слова. Напомню из языка падонков: *выпей йаду, убей sibя ап стену, ацтой, низачот, многа букафф* и так до бесконечности, отрицательных-то оценок больше, чем положительных. Но читатель ленив, нажать кнопку легче, чем написать слова, и, хотя скандалы и свары не прекращаются, эффект позитивности в социальных сетях имеет место.

С «позитивной» кнопкой связана одна интересная проблема, которую я бы назвал неоднозначностью оценки. Когда мы с помощью кнопки хвалим товар, все понятно, товар нам нравится, мы его рекомендуем, и это самая простая и нейтральная оценка. Когда мы отмечаем так статью (особенно с помо-

шью кнопки «поделиться»), это значит, что статья показалась нам важной или интересной, короче, ее надо прочесть. А вот когда «мне нравится» чье-то высказывание, все не так просто. В социальных сетях несколько раз возникала дискуссия об уместности позитивной оценки после сообщения о чьей-то смерти, то есть фактически после некролога. Более того, когда кто-то воспользовался этой кнопкой для поддержки автора, присоединения к скорби, другие участники диалога обвинили его в кощунстве, неуместной радости по поводу чьей-то смерти. С другой стороны, когда сообщение о смерти известного поэта сопровождалось его стихотворением, использование «позитивной» кнопки не вызвало никакой критики. Попробую описать ситуацию схематически. Имеется автор А сообщения о чьей-то смерти, сопровождающий сообщение теплыми словами об умершем. Имеется Б, нажимающий кнопку «мне нравится», поддерживая тем самым А и присоединяясь к нему в скорби. Имеется В, который воспринимает позитивную оценку в качестве оценки факта смерти и возмущается этим. Если использовать процитированную реплику, то Б адресует «мне нравится» автору, а не ситуации, а В воспринимает это как оценку ситуации.

И в этом смысле гугловский вариант с позитивной оценкой +1 оказывается с лингвистической точки зрения гораздо более точным и однозначным, чем фейсбуковский *like*, потому что он всегда означает поддержку автора независимо от позитивности или негативности самой ситуации. Однако *like* в этой функции сегодня гораздо более популярен, чем +1. Это вызвано, конечно же, не лингвистическими причинами, но чрезвычайно интересны лингвистические свидетельства этой популярности в русском языке.

И в «Фейсбуке», и на других международных сайтах, использующих разные языки, глагол *like*, расположенный на рекомендательной кнопке, был переведен. На русский его перевели с помощью глагола *нравиться*. Вслед за «Фейсбуком» этот же русский глагол изначально используется и в русскоязычных социальных сетях, например в «ВКонтакте». Однако в действительности в русском языке закрепилось другое слово: заимствование из английского — *лайк*. Оно замечательно

во многих отношениях, например тем, что *лайк*, в отличие от английского источника, является существительным, а не глаголом. И надо сказать, что существительное оказалось необычайно удобно, потому что *лайк* сразу стал единицей измерения успеха, популярности, остроумия, значимости и актуальности, а единице должно соответствовать существительное.

Успех самого *лайка* подтверждается и тем, что от него произошло сразу довольно много слов и устойчивых выражений: *лайкать*, *лайкнуть*, *лайкануть*, *залайкать*, *облайкать*, *отлайкать*, *словить лайки*, *поставить лайк* и др.

За очень короткий срок существительное *лайк* ворвалось в русский язык и закрепилось в нем вопреки стратегиям руководителей разных социальных сетей. Правда, в ближайшее время шансы на попадание в словарь литературного языка у него невелики. *Лайк* воспринимается как очень разговорное слово и используется относительно узким кругом, прежде всего участниками социальных сетей. Однако от Москвы до Козьмодемьянска оно уже долетело, о чем свидетельствует песня рыжеволосой девушки из Козьмодемьянска, что в Республике Марий Эл.

Видеоролик с ней стал очень популярен в Рунете. И, по-моему, вполне заслуженно. Начинается он так:

*Мне жених попался, эх, не идеал,
Тяжелей айпада груз не поднимал...*

А заканчивается вот так:

*Все равно навеки
Я теперь твоя.
Кого хочешь лайкай,
А люби меня!*

И попробуйте передать ту же мысль по-русски, не используя корень *лайк*!

После этого можно подвести итог. С помощью заимствованных слов русский язык разрушает имитационные стратегии социальных сетей, если хотите, разоблачает их лицемерие. А английский язык используется как прием отстранения. Френд никакой не друг, вот поэтому он и *френд*. А *лайк*? Просто поверим девушке из Козьмодемьянска. 📌

ДЕНЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

БЕСЕДОВАЛА САША КАННОНЕ

В этом году в России появился День русского языка — 6 июня. В канун 212-летия со дня рождения А. С. Пушкина издан соответствующий указ президента России. Таким образом власть подчеркивает свое внимание к родной речи. Нуждается ли она в этом? Своими размышлениями с журналом «Русский мир.ru» делится профессор Литературного института, член Союза писателей Виктор Гольшев.

— П

резидентский указ стал своего рода итогом общественной полемики о состоянии современного русского языка. Большинство считает, что состояние это неважное. Что думаете по этому поводу вы?

— Состояние русского языка всегда оценивали как неважное. Сначала его портила советская официальщина, потом торговая. Но, по-моему, это нормально. Язык это переваривает.

— Что является критерием оценки? Язык улицы, власть имущих или СМИ?

— Ну, власти у нас, по-моему, правильно говорят, и улица тоже. А с журналистами похуже дело обстоит, поскольку у них поточное производство. Надо много писать, отсюда вал штампов, неграмотность, выражения вроде «озвучил» и т. д. А на телевидении дела совсем плохи. Смотреть и слушать это невозможно. И, боюсь, именно телевидение играет очень большую роль в порче языка.

— А качество перевода на языке сказывается?

— У нормальной литературы тиражи очень маленькие, и на население это не может сильно влиять.

— Вы говорите о художественном переводе — а если взять технический? Торговля, финансы, коммерция, спорт, шоу- и турбизнес, реклама — отсюда, мне кажется, в язык идет основной вал безобразных, небрежно переведенных слов. «Все включено»! Включать можно что-то и куда-то, глагол требует дополнения! В романо-германских языках не требует, а в русском требует. Еще у нас есть падежи, склонения, мужской, женский и средний род, имена-отчества, обращение на «вы»...

— С одной стороны, заимствования — это, конечно, нехорошо, потому что у нас всегда получается смесь французского с нижегородским. С другой — появилось много реалий, для которых нет русских слов, и самое простое — их заимствовать.

— Всегда ли так было?

— Нет, не всегда. Количество заимствований зависит от состояния науки. Если она развивается нормально, как это было с русской математикой в XIX веке, почти весь не-

обходимый словарь формируется на русском. А, например, с генетикой ничего нельзя было сделать — официально она у нас не существовала. Но язык с этим справляется. Например, в футболе сначала были одни иностранные слова, а потом началась русификация. Сейчас, правда, из пижонства опять стали употреблять иностранные слова.

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ ГОЛЫШЕВ —

классик отечественного перевода. Родился в Москве в семье переводчицы Елены Голышевой. В 1961 году окончил Московский физико-технический институт. В 1961–1966 годах — инженер в Институте автоматики и телемеханики АН СССР и Московском институте стали и сплавов. В 1966-м — научный редактор в редакции физики издательства «Мир». С 1966 года профессиональный переводчик. В 1970 году принят в Союз писателей СССР. В 1991-м вел курс западной литературы в Бостонском университете. С 1992 года преподает художественный перевод в Литературном институте им. Горького. Член общественного редсовета журнала «Иностранная литература». Друг Иосифа Бродского. Имеет литературные награды. Автор переводов произведений Роберта Пенна Уоррена, Уильяма Фолкнера, Натанаэла Уэста, Джона Стейнбека, Уильяма Стайрона, Торнтон Уайлдера, Кена Кизи, Джорджа Оруэлла, Уильяма Кеннеди, Чарльза Буковски, Трумена Капоте, Ричарда Райта, Видиадхара Сурадхипрасада Найпола, Ивлины Во, Тома Вулфа, Уильяма Гасса, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Стивена Винсента Бене, Редьярда Киплинга, Эдуарда Вилсона, Дешила Хэммета и других. В Литературном институте руководит семинаром переводчиков с английского языка.

PHOTOPRESS

— Вы думаете, к иностранной лексике прибегают из пижонства?

— Очень часто. Особенно это было распространено в 90-е годы, когда половина объявлений писалась по-русски, половина по-английски. И сейчас тоже: русскими буквами английские слова написаны, которые можно по-русски сказать, или, наоборот, английскими — русские, или еще — полслова по-русски, полслова по-английски. Это все жульничество языковое.

— С давних пор в России существует мощная переводческая школа. Что с ней происходит сейчас?

— Хорошие переводчики есть, но поскольку переводных книг стало в тысячу раз больше, то народа не хватает, и качество перевода страдает. Раньше было иначе: молодым прорваться в эту «мафию» было сложно. Круг «допущенных» был очень ограниченным.

— Перестройка ограничения отменила. Не только переводить — писать и издавать принялись все кому не лень. Это повлияло на языковую ситуацию?

— Если говорить об издателях, то большинство вновь пришедших очень скоро и отмерли. Не выдержали по причине своей необразованности или недостаточной любви к книжкам. В то же время случается и так, что люди приходят со стороны, но быстро ориентируются и в этом деле понимают хорошо. Я часто вижу во главе издательств и бывших физиков, и бывших книготорговцев.

— Но ведь начинается все не с издателей, а с переводчиков. Естественный отбор — это единственная система контроля или существует какая-то структура, которая выполняет эту работу?

— В свое время журнал «Иностранная литература» учредил Гильдию переводчиков России, меня выбрали ее президентом. Но я недолго пробыл на этом посту. В то время мне казалось, что Гильдия ничего не делала, потому что, во-первых, она не была зарегистрирована, а во-вторых, идея, по-моему, была неправильной. В Гильдию входили светила перевода, 100 человек, а я говорил, что нужно создать профсоюз и что все, кто переводит, имеют право в ней состоять. Но другие члены меня не поддержали. Они хотели быть «аристократией», и потому это было мертвое дело. Сейчас Гильдия по-прежнему существует, она обрела официальный статус.

— Аналогичный институт в адвокатском сообществе контролирует деятельность коллег и в случае чего лишает их лицензии. Непрофессионализм, коррумпированность адвоката — это уголовное преступление, опасное для общества. А коррумпирование речи не опасно?

— Следить невозможно. Я не знаю, сколько лиц состоит в Гильдии сегодня. Ну, 200 человек. А переводят тысячи — и как это контролировать? Качество перевода могут контролировать или редактор, или издатель. Сейчас это технически неосуществимо. Очень быстро нужно книжки выпускать,

и у редактора нет времени, чтобы из переводчика соки выжимать. Раньше было всего три издательства — «Худлит», «Прогресс» и «Молодая гвардия». А сейчас их тьма. Тогда контроль мог быть реальный, сидели редакторы, которые с текстом возились. В этом была некая нормативность, что-то свежее пробить было сложно. Впрочем, сегодня это, уже по другим причинам, кажется, вовсе не возможно.

— Сейчас в Интернете работают группы любителей, которые переводят тексты и телесериалы, в Интернете же размещенные. Они не всегда толком знают язык оригинала, и тем не менее их переводы пользуются спросом, потому что те, кто ими пользуются, за них не платят. Насколько серьезно можно относиться к такой работе?

— Я думаю, нельзя переводить и редактировать, не зная языка. Как-то в молодости мне нужны были деньги, и я взялся редактировать японский перевод. Я сразу понял, что у меня не получается. Вроде все по-русски нормально, но мелкие нюансы, не зная языка, отредактировать невозможно.

— Кажется, сейчас главная беда переводчиков не в том, что они не владеют языком оригинала, а в том, что они не знают своего. Отсюда, в частности, такое количество «лишних» слов — неуклюжих калек с английского при наличии русского аналога. Ведь у 80 процентов всех этих «мониторингов» и «лизингов» аналоги есть.

— А как «мониторинг» будет — «слежение», что ли?

— Почему нет?

— Ну, «мониторинг» красивее... Охота павлиньи перья надевать на себя — это нормальное человеческое желание. Особенно в наше рыночное время, когда, чем ты сильнее щеки надуешь, тем больше тебе цена. Например, все журналисты пишут «нелицеприятный», имея в виду что-то неприятное. На самом деле значение совершенно другое — «беспристрастный, справедливый». Но оторвать их от этого уже нельзя, как нельзя оторвать от «эпицентра», который также неправильно употребляют в 90

случаях из 100. Вместо «центр» говорят «эпицентр». Опять павлиньи перья, красивее хочется сказать.

— **А модное сейчас слово «вызов»...**

— Ну, это от английского challenge. По-русски это — «задача».

— **Да, но, в отличие от русского слова «задача», русское слово «вызов» опять же требует дополнения. Вызов на дуэль, на работу, вызвать «скорую помощь» и пр. Мне кажется, перенос иностранных слов без оглядки на русскую грамматику нарушает логику языка. И это настоящая беда, потому что ломает лингвистическую структуру.**

— Согласен. Но это вина ооновских переводчиков и политиков. Ну некогда им разбираться в тонкостях. Они уже в эту трясиину попали и в ней существуют — во всех этих «озвучаниях» и «озабоченностях».

Это, я думаю, скоро в словарь войдет — точно так же, как «одевать *на* себя» вместо «надевать» или слово «адекватный» без дополнения («адекватный» — «не адекватный» не может быть вообще, но может быть «адекватный» — «не адекватный» чему-то). Впрочем, и словарь, по-моему, уже не работает. Он же должен обновляться, но никто этим не занимается. Например, англо-русский словарь еще в Интернете есть, но бумажных не выпускают. Последний вышел в начале 90-х, но по нему нельзя работать, он устарел. К тому же если раньше, чтобы Фолкнера переводить или Хемингуэя, не надо было знать, какой фирмы этот стул, то теперь надо, потому что теперь все связано со скрытой рекламой. Безумно много частных названий стало в литературе, и без Интернета переводить это невозможно. А бумажные словари делать некому. Денег не платят — кто будет пыхтеть? Недавно я купил словарь синонимов английского языка. Там было 300 гнезд и примерно шесть или семь авторов. Даль в одиночку составил словарь. Эти — шестером или всемером. Я его выбросил в помойку. Им пользоваться нельзя.

— **Перестройка что-то дала переводу?**

— Ну конечно дала. Все же имеет оборотную сторону. Появилась возможность напечатать то, от чего мы были вакцинированы насмерть. В советские годы было очень много книг, которые нельзя было даже в библиотеке взять — они в спецхране стояли. Причем в большинстве своем это были совершенно «невинные» вещи. Потом их выбросили в общее пользование.

Перестройка дала освобождение мозгов. Зашоренные все были. Сейчас, правда, стали слишком «расшоренные», но, я думаю, это вторичное дело. Деморализация происходит не на языковой основе, а на воровстве, на социальной несправедливости. С одной стороны, свобода, с другой — дикий рынок.

— **То есть то, что происходит в языке, это отражение общественной ситуации?**

— Да. Пришли люди, которые плохо владеют языком. Они и раньше не очень хорошо говорили. Язык начальства всегда был казенным языком, казенный язык был у телевизора. А сейчас он еще и сильно неграмотный.

— **А можно что-то сделать или язык сам себя регулирует?**

— Саморегуляция не означает, что дело надо пустить на самотек. Вероятно, этим должны озаботиться носители языка. Но как это осуществлять, по каким параметрам? Ну как запретить кому-то называть себя «фьючерсной компанией»? Я думаю, должна быть некая влиятельная группа людей, которую шокирует плохое обращение с языком, и она бы это

регулировала не путем санкций, а просто кривясь, грубо говоря. Но поскольку эти люди в большинстве своем сейчас мало значения имеют, в отличие от политиков и богачей, то слушать их никто не будет: «А чё ты мне такое указываешь, ты получаешь 25 тысяч!»

— **Кстати, о людях. Мне кажется, в разные эпохи «во главе языка» стоят разные социальные группы. Сейчас это кто?**

— Они и стоят — нувориши и политические выскочки. Когда слушаешь старых эмигрантов, удивляешься, как хорошо

они говорят по-русски. Язык чистый, верные интонации. Почему? Их речь определяло дворянство, образованное мещанство. А сейчас — я даже не знаю, кто определяет. Средства массовой коммуникации. В 90-е годы все сделались приклатненными. Жаргон пошел повсеместно, началась похабщина, шутки ниже пояса, общее падение нравов и вкуса. Я думаю, со временем это все осядет, хотя «нижние» шутки всегда привлекательны. Мне очень интересно, на кого ориентируются книжные издатели и телевизор. Они думают, что на простой народ. Но нет никакого так называемого простого народа. Народ весь простой, кроме шизофреников. А они построили для себя некую низкопробную модель населения и ей как бы угождают. Как-то знакомый режиссер пригласил меня в Театр сатиры. Сам смотрит спектакль, смеется, а мне говорит: «Понимаешь, вот в зале 500 человек — они этого не понимают». Вот ужас в чем состоит: ты умный, а все дураки! Я театр плохо знаю, но меня это удивило: создатели спектакля заранее уверены, что публика не поймет, они делают свою работу для скотины.

— **Сегодня любой человек может найти текст в Интернете, перевести его, и этот перевод будет прочитан. Вы член Союза писателей с 1970 года. Ваш путь к читателю был столь же короток?**

— Никакого пути вообще не было: как захотел, так и начал переводить. Просто пока я студентом был, это служило мне приработком. Первый перевод мы сделали с приятелем, с которым учились в Физико-техническом институте. Это был рассказ Сэлинджера, которого тогда у нас в стране совершенно не знали. Я не помню, по-моему, «Над пропастью во ржи» на русском раньше появился, но наш рассказ год лежал, его никто не хотел печатать. В конце концов он вышел, и это была моя первая официальная публикация. Потом я устроился на работу, потому что, пока переводишь, надо иметь деньги, и реально начал, уже не работая, переводить году в 1966-м. В 1970-м меня приняли в Союз писателей.

— **Вы так хорошо владели языком?**

— Думаю, я и сейчас им не владею толком.

— **Впрочем, для переводчика важнее знать русский, чем тот, с которого переводишь. Ахматова переводила даже с древнеегипетского.**

— К сожалению, да. Но со стихами другая история. Там личность переводчика играет большую роль. Можно хорошо знать язык и переводить плохо. Оттого очень редко настоящие стихи бывают переводные. Это не факт поэзии, а, скорее, факт образования: нужно же знать, что пишут другие. А переводы с древнеегипетского — этим кормились поэты. Любой, кто умел писать стихи, пробавлялся переводами с казахского, таджикского, армянского, и это очень редко хороший продукт был. Кого-то из поэтов создавали — вроде Расула Гамзатова. Но я не уверен, что и с ним все было нормально.

— **Мы говорили об отрицательном воздействии иностранных заимствований. Но есть ведь и положительное? Они обогащают язык?**

— Да, *необходимые* — обогащают. К ним мы привыкнем, как привыкли к Эйфелевой башне. Другое дело, что речь очень уплощается. Мы все время дальше от природы уходим, и она становится менее эмоциональной. Не в смысле гнева и ругани — с этим как раз все в порядке. У нас же даже в критике театральной и литературной «опустить» — сладкое дело. На Западе в прессе так себя не позволяют вести. Однако это, я думаю, не языковое дело, а этическое. Такой способ цивилизации. Там, в Англии, лицемерят, а мы больше ругаемся, больше врем.

— **В профессии переводчика существуют какие-то табу?**

— Врать не надо, желательно по-русски выражаться. Врать не надо — это означает, что не следует подминать книжку под себя. Но это не табу и не установка, потому что я не могу сказать, что это сознательно происходит. Просто когда ты не можешь справиться и знаешь, что тут можно пару слов выбросить, не по себе становится.

— А у вас было, что, поняв, что не справляетесь, вы отказывались от перевода?

— Один раз. Как ни странно, это детектив был, Хэммет. Я начал переводить, потом сообразил, что я жаргон понимаю, а по-русски его изложить не могу, потому что по-русски он сразу переносит тебя куда-то в Одессу, к уркам. Я бросил. Потом, правда, через несколько лет перевел. Замечательно все получилось. Просто не надо было за каждым словом гнаться, должен общий тон быть. Кроме того, я отказываюсь от всего, что мне по-человечески не подходит. Вон они лежат, эти книжки. Один писатель — пожилой автор, другой — молод, но в письме обоих доминирует мрачность какая-то старческая. Иногда даже трудно сформулировать, что подходит, а что нет. Но для меня это важно.

— На состояние языка влияет качество литературы, которую кто-то решил перевести, вести в обиход русского языка?

— Думаю, влияет. Во всяком случае, раньше влияло.

— Я об этом спрашиваю потому, что на протяжении более чем полувека вы обращались только к лучшим образцам английской и американской литературы.

— Да, пока мог, я переводил то, что хотел, и мои предложения почти всегда принимались. Сейчас это практически невозможно, потому что издатели сами выбирают и покупают права. При этом они уверены, что на хорошей литературе денег они не получают. А я знаю, что перевожу то, что «шлягером» не будет. «Шлягером» будет какая-нибудь другая вещь — «Гарри Поттер», например.

— А как вам «Гарри Поттер»?

— Да никак. Я участвовал в переводе пятого тома. Там неплохие деньги платили в отличие от обычных расценок. Язык Роулинг нормальный, написано грамотно, аккуратно, достаточно пресно, чтобы это имело широкий спрос, но с довольно мудреной

психологией. Автор прекрасно осведомлена о всяких волшебных делах, знает устройство английских школ, понимает их атмосферу. В общем, там много ингредиентов, которые вместе дали успех, причем реальное знание предмета здесь важнее, чем литературные способности. А вот что мне совсем не нравится, так это элемент паранойи, который есть в книжке. Все время зло присутствует.

— Но главную роль в успехе поттерианы, конечно же, играет пиар...

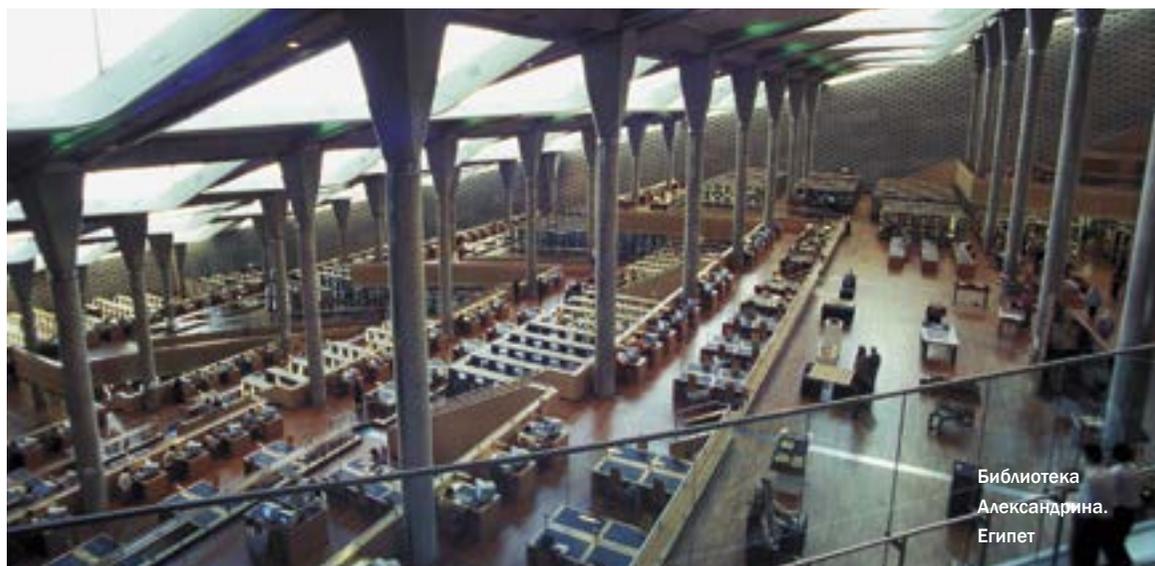
— Ну да, издатели знают, на что ставить. В какую-нибудь нормальную книжку они деньги вкладывать не будут, потому что, как ее ни раздувай, ее все равно не продашь. Еще одно немаловажное слагаемое успеха — фильмы. Книжка, по которой снят фильм, всегда будет лучше продаваться.

— То есть при выборе книги деньги для вас не играют роли.

— Нет. Во-первых, это не такая большая разница. Ну переиздадут, может, раза два — тираж все равно будет маленьким. А во-вторых, за эти деньги ты должен сидеть с тем, что тебе не нравится. Есть люди, которые, может, не так нервно относятся к литературе. Им более или менее все равно, что переводить. Это кто как устроен. Но большинство тех, кого я знаю, не переводят что попало.

— С 1992 года вы преподаете в Литинституте, выпустили уже немало студентов. Что вы можете сказать о новых русских переводчиках?

— Они меняются, и очень сильно. Мне кажется, последние четыре года большинство студентов стали более деловыми, собранными, чем, скажем, десять лет назад. Они все вовремя и правильно делают и, не потеряв художественной жилки, стали более целеустремленными и четкими. Но им, мне кажется, чего-то все-таки не хватает. Какой-то возвышенности, романтизма... 🍷

Библиотека
Александрина.
Египет

PHOTAS/ALAMY

КИЛОМЕТРЫ СОКРОВИЩ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Тишина и особый запах. И книги на полках — книги, которые иной раз и в руки взять страшно, сердце замирает: такие они старые, столько хранят историй, мыслей, прикосновений, столько помнят и знают...

Нормальная жизнь библиотеки как хорошая память для человека: все хранится где положено, все находится быстро и легко.

Первые библиотеки — нормальные подспорья человеческой памяти: записи законов, склады глиняных табличек с долговыми расписками и торговой информацией. Самые большие библиотеки Древнего мира существовали при дворцах и храмах. Причем не только духовные: скажем, святилище бога врачевания Асклепия в Эпидавре обзавелось большой библиотекой по медицине.

Цари иногда впускали в свои книгохранилища желающих: так, греческий тиран Клеарх в IV веке до н.э. создал первую в мире публичную библиотеку в городе Гераклее (ныне — Турция). Но самой большой библиотекой античности была Александрийская, в Египте, созданная и хранимая династией Птолемеев. Мусейон, в который она входила, украшали ботанический сад, зверинец, обсерватория... Хранителями Александрийской библиотеки были величайшие ученые и поэты древности. Например, Каллимах, слава которого в поздней античности уступала лишь славе Гомера. Этот поэт, которому подражали даже спустя столетия после его смерти, составил первый аннотированный каталог библиотеки. Или один из «отцов географии», основатель научной хронологии Эратосфен, которому современники дали прозвище «бета», подразумевая — «второй после Платона». А великий астроном, математик и географ Клавдий Птолемей?..

Войны, пожары и распри привели к упадку блестящей Александрии, а вместе с ней

и к разрухе Мусейона. Остатки же Александрийской библиотеки сгнули после завоевания Египта арабами.

Древняя библиотека была не только культурным и образовательным центром, но и сокровищницей: папирус, пергамент, чернила и краски были дороги, переписчики и художники работали медленно, книга ценилась на вес золота. Не удивительно, что в монастырских библиотеках особо ценные книги приковывали к стенам цепями.

БОГАТСТВА ДУХА

С рождением монашества начали формироваться библиотеки при монастырях, первые из которых были созданы в Египте, а затем в Византии (гораздо раньше прославились уникальные библиотеки Константина Великого и константинопольского патриарха). Западный мир познакомился с монашеством в IV веке. Здесь пошли уже проторенной дорожкой: монастыри становились центрами просвещения, науки, а также образования для принимавших постриг или детей богатых феодалов, которых отдавали монахам для обучения. В средневековых монастырях за библиотеку обычно отвечал старший певчий, он же определял, какие тексты следовало читать при каждом богослужении, считал-

ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Древнейшая в мире библиотека клинописных табличек найдена в Ниппуре (ныне Ирак), священном городе шумеров, захваченном в XVIII веке до н.э. вавилонянами. Таблички, которые археологи считают школьным архивом, датируются 2500 годом до н.э. Они складывались в корзины, которые завязывались и помечались этикетками.

Рамсес II — фараон XIX династии, при котором египетская цивилизация достигла расцвета, — был обладателем библиотеки, насчитывавшей не менее 20 тысяч папирусов. Книги хранились в ящиках, глиняных кувшинах и специальных футлярах. Над входом в библиотеку храма Рамсесум, построенного Рамсесом II, была высечена надпись: «Аптека для души».

Царь ассирийцев Ашшурбанапал вошел в историю не только как полководец, но и как собиратель древних письменных памятников. Археологи нашли библиотеку Ашшурбанапала, уцелевшая часть которой насчитывала более 20 тысяч клинописных табличек, хранившихся в специальных глиняных кувшинах с этикетками.

Китайский император Чен-ди в 26 году до н.э. приказал искать книги по всей Поднебесной, в результате был составлен один из самых древних книжных каталогов в мире.

Библиотеку Аристотеля постигла трагическая судьба. Философ завещал ее ученику и другу Теофрасту. После смерти Теофраста библиотека попала к его невежественным родственникам, хранившим ее в сыром подвале. Позже она была выкуплена и доставлена в Александрийскую библиотеку. Большая часть библиотеки Аристотеля сгорела в правление Юлия Цезаря.

Александрийская библиотека — одна из крупнейших в древности. В III веке до н.э. Птолемей II создал в Александрии Мусейон, где действовала библиотека. А Птолемеи III издал закон: всякий прибывший в гавань обязан был отдать или продать имеющиеся у него книги. Во II–III веках н.э. из-за войн и пожаров Мусейон был разорен. В 391 году библиотека, переведенная в храм Сераписа, была частично сожжена христианами. Окончательно ее уничтожили в 642 году арабы, завоевавшие Египет.

Библиотека
медицинского
факультета

ПРЕДОСТАВЛЕНО ИМ. ЗОЛОТАРЕВЫМИ

ся мастером церемоний. Как правило, эту должность доверяли брату из числа nutriti — монахов, воспитывавшихся в монастыре с детства. Старший певчий, как и современный библиотекарь, выдавал монахам книги, составляя строгие списки. «Высшее образование» тогда можно было получить в епископских школах. Во Франции, к примеру, одни из лучших таких школ находились в Париже и Реймсе. В них обучали «семи свободным искусствам» — грамматике, диалектике, риторике, арифметике, геометрии, музыке и астрономии. На базе епископских школ впоследствии формировались университеты, тоже со своими библиотеками.

Формирование древних русских библиотек также связано с монастырями. Хотя считается, что первую библиотеку собрал в Киеве князь Ярослав Мудрый: «Повесть временных лет» утверждает, что «Ярослав же любим бо книгам, и многы списав положи в церкви святой Софы, юже созда сам». Библиотека Ярослава в Софийском соборе насчитывала не менее 500 томов, что по тем временам было огромной цифрой. Судьба ее неизвестна. Зато известно, что до монголо-татарского нашествия

крупнейшие библиотеки имелись в Соловецком и Троице-Сергиевом монастырях. Так же как и в западных, в русских монастырях работали летописцы и переписчики, там собирали рукописи и изготовляли их копии. Сейчас эти копии — бесценные источники для филологов: по ошибкам, опискам, по изменениям, сделанным переводчиком, текстологи выясняют пути перемещения рукописей, историки языка получают дополнительные сведения об изменении фонетики и т. п.

Постепенно пергаментная книга стала заменяться бумажной — в Европе к эпохе Возрождения книга стала доступнее и дешевле. В России книги долго писали на завозной бумаге. Сегодня в распоряжении археографов — ученых, изучающих древние книги, — есть многочисленные справочники, позволяющие по водяным знакам выяснить, где и когда произведена бумага. Так, русский «Апокалипсис» написан на французской бумаге родом из Дижона... Первая же собственная бумага в России появилась при Иване Грозном — обладателе легендарной исчезнувшей библиотеки.

До петровских реформ общедоступных библиотек в нынешнем понимании этого слова в России не было.

КНИГУ — ЛЮДЯМ

В Европе тем временем шло разделение труда: скриптории — места, где производились книги, — уже отделились от библиотек и монастырей. С распространением книгопечатания (к XV веку книги в Западной Европе уже не писали от руки, а печатали) собрания книг и документов поделались на библиотеки, где собирали печатные

книги, и архивы, куда стекались рукописи. Грамотных людей становилось больше, библиотеки перестали быть частными собраниями — при церквях и университетах появились общедоступные читальни. Стали создаваться императорские, королевские, национальные библиотеки, а при школах, академиях, университетах — научные. Конец эпохи Возрождения и начало Нового времени — это начало библиотечной специализации.

Однако резкий рост количества и размеров библиотек приходится именно на Новое время, когда и производство бумаги, и процесс печати стали совершенствоваться.

В России первые светские библиотеки стали появляться в XVII веке, еще в допетровские времена. Обычно они создавались при приказах: Приказе печатного двора, Пушкарском приказе, Аптекарском... Возникли библиотеки при высших учебных заведениях — Славяно-греко-латинской академии, Учительской семинарии (это собрание потом стало основой библиотеки Петербургского университета). Пользоваться книгами из этих собраний могли профессиона-

лы: литейщики, врачи, аптекари, послы и приказные дьяки. Частные библиотеки состояли, как правило, из рукописных книг — преимущественно религиозного характера, собирали их в основном цари, деятели церкви и образованная знать. Новая страница в библиотечной истории России открылась во времена петровских реформ: книжные собрания, теперь преимущественно светские, стали насыщаться печатными изданиями, открылись для зарубежной литературы, начали получать периодические издания. Собрать книги стали образованные светские люди. Петр I и сам увлеченно собирал книги по самым разным сферам знаний, от географии до садово-паркового искусства. Впоследствии часть личной библиотеки Петра вошла в собрание первой российской публичной библиотеки, которая открылась в 1714 году. В ее основу легли три книжных собрания: Аптекарского приказа, герцога

Пергамская библиотека — одна из крупнейших в древности, была создана во II веке до н.э. царем Эвменом II в Пергаме. Она уступала Александрийской по размерам фонда. Соперничество между библиотеками дошло до того, что египетские правители запретили вывозить папирус в Пергам, из-за чего и был изобретен пергамент (обработанная телячья кожа). Библиотека была разорена в 43 году до н.э. после завоевания Пергама Римом.

В 39 году до н.э. римский историк, друг Горация и Вергилия Азиний Поллион открыл первую публичную библиотеку в Риме, в храме богини Свободы на Авентинском холме. Позже библиотеки в Риме основывались императорами, например Августом и Траяном. К IV веку н.э. в Риме насчитывалось около 30 публичных библиотек.

Второй по величине после Александрийской стала в Древнем мире римская библиотека в Эфесе, построенная в 135 году. Она называлась библиотекой Цельса, поскольку была построена для Тиберия Юлия Цельса его сыном Тиберием Юлием Аквиллой. Разрушена в III веке во время нашествия готов.

В IV веке в Константинополе создается библиотека императора Константина. К концу V века она насчитывала свыше 120 тысяч текстов, в числе которых были уникальные списки поэм Гомера, написанные золотом на змеиной коже. В столице Византийской империи располагалась также библиотека константинопольского патриарха, где помимо канонических религиозных текстов хранились и сочинения еретического содержания.

К IV–VI векам в Китае были распространены библиотеки в буддийских и даосских монастырях. С III века в Поднебесной для изготовления книг уже использовали бумагу, что удешевило книги, которые раньше писались на шелке или бамбуковых «свитках». В IX веке в Китае начали использовать ксилографию, «печатая» книги.

С VIII века, после того как арабы научились производить бумагу, книги стали быстро распространяться по арабскому Востоку. Создавались библиотеки, насчитывавшие сотни тысяч томов. Есть легенда, по которой после завоевания Багдада монголы собрали книги из городских библиотек и сбросили их в Тигр, в результате чего река была перегороджена своеобразным «мостом», а воды ее потемнели от чернил.

Библиотека-
читальня в парке
Сокольники. 1931
год

ПРЕДОСТАВЛЕНО И. ЗОЛОТАРЕВИЧ

Курляндского и коллекция книг, которую подарил царю герцог Голштинский.

Библиотека сначала называлась императорской, публичной, казенной; затем вместе с Кунсткамерой перешла в ведение Академии наук. В нее передавали свои книги многие ученые и общественные деятели России: еще в XVIII веке в собрание Академии наук перешли рукописи историка Татищева, значительная часть личной библиотеки Якова Брюса... За библиотекой было официально закреплено право получать обязательный экземпляр каждой книги, выходящей из печати.

СТАНОВЛЕНИЕ

В XVIII веке количество библиотек в России неуклонно увеличивается. Между смертью Петра I и воцарением Екатерины II процесс несколько приостановился, однако снова пошел во второй половине века: императрица последовательно воплощала в жизнь идеалы Просвещения. Свои библиотеки появляются у Русского драматического театра, у Академии художеств, у Вольного экономического общества, Адмиралтейства,

открываются библиотеки Московского и Петербургского университетов, Горного училища (Института горных инженеров) — здесь книги могли брать и учащиеся.

Библиотеки обслуживают все больший круг читателей, выдача книг становится массовой — приходится внедрять новые технологии библиотечного дела: вести каталоги, картотеки, налаживать учет читателей, хранить книги в определенном порядке. Дело это настолько серьезное, что библиотекарей приходилось выписывать из-за границы (именно так в Россию приехал по приглашению Екатерины II отец Владимира Даля).

В 1795 году Екатерина II одобрила проект постройки здания Ея Императорского Величества Публичной библиотеки (ныне — Российская национальная библиотека) — первой универсальной библиотеки, открытой для всех. Екатерина лично курировала ее создание, выписывала для нее книги. Но Екатерина вскоре умерла, дело несколько затормозилось при Павле I и вновь пошло при Александре I; сам император приобрел для нее собрание графа Дубовицкого, часть архива Бастилии, бесценные манускрипты раннего Средневековья из французских монастырей... Досталось библиотеке и наследство Екатерины II, в том числе древнейшие памятники русской письменности и культуры: Остромирово Евангелие XI века, Лаврентьевская летопись с входящей в ее состав «Повестью временных лет»...

Торжественное открытие Публичной библиотеки состоялось в 1814 году: каждый человек «имел свободный вход в оную, какого бы звания или чина он не был». Через три года в библиотеку записались первые женщины.

БЕСПЛАТНАЯ И ОБЩЕДОСТУПНАЯ КНИГА

В первой половине XIX века в России открылось пять новых университетов, при них — библиотеки; в Казанском университете библиотекой заведовал математик Лобачевский, который поставил всю библиотечную работу на строго научную основу.

В первой половине XIX века растут частные собрания, многие из которых потом пополнили университетские, научные, публичные библиотеки. Ведомственных и учебных библиотек в это время было значительно больше, чем публичных и уж тем более народных; в большинстве библиотек за пользование фондом брали плату, что резко ограничивало круг читателей. Скажем, в 1850–1860-х годах залог и плата за пользование фондами Тобольской частной публичной библиотеки составляли 13 рублей; для сравнения, зарплата тобольского священника была тогда 10–15 рублей в месяц, казенного

чиновника или квалифицированного рабочего — 8–11 рублей в месяц.

Народные читальни начали появляться с середины века. Именно в середине XIX века стала особенно остро ощущаться нехватка бесплатных, общедоступных читален — даже в Москве, где идея создания народного музея и библиотеки широко обсуждалась. И Владимир Одоевский, хранитель коллекции бедствовавшего в Петербурге Ру-

В X веке была известна библиотека кордовского халифа аль-Хакама II, в которой насчитывалось не менее 400 тысяч томов.

В то время в Кордове было много частных библиотек, а коллекционирование книг стало своего рода свидетельством высокого положения в обществе.

Считается, что первую библиотеку на Руси основал князь Ярослав Мудрый в киевском Софийском соборе. Она состояла в основном из текстов религиозного характера, и в ней было не менее 500 томов. Судьба библиотеки неизвестна. Как и многих монастырских библиотек, пострадавших во время монголо-татарских нашествий.

К XIV веку относится основание первой королевской библиотеки в Европе. «Первопроходцем» был французский король Карл V. А к XVI веку в Европе уже широко распространены университетские библиотеки. Первая из них возникла в XI веке при Университете Болоньи. Согласно каталогу, в библиотеке Сорбонны насчитывалось в 1338 году 1720 книг.

В XV–XVII веках в Москве формируется Патриаршая библиотека, появляются частные собрания, расширяются библиотеки Соловецкого, Белозерского, Троице-Сергиева монастырей. Нередко библиотеки организовывались при приказах — Аптекарском, Посольском, Пушкарском.

К концу XVII века лавры самой большой библиотеки мира достались Придворной библиотеке в Вольфенбюттеле — резиденции герцогов Брауншвейгских. В 1845 году она погибла в пожаре. А в XVIII веке лучшей научной библиотекой Европы считалась библиотека Геттингенского университета.

В 1725 году Екатерина I передала в ведение Академии наук библиотеку, основанную в Петербурге Петром I еще в 1714 году. В ней насчитывалось свыше 2000 томов — географические атласы, трактаты по военному и корабельному делу, медицине, математике, архитектуре.

К концу XVIII века в России действовали такие крупные библиотеки, как библиотека Академии художеств, библиотека Вольного экономического общества, Русского драматического театра, библиотеки Московского и Санкт-Петербургского университетов, Морская библиотека в Санкт-Петербурге.

Огромная библиотека была у Екатерины II, собиравшей не только книги, но и монастырские рукописи. Она выкупила библиотеку у Дидро, а после смерти Вольтера направила во Францию придворных для приобретения его библиотеки. Позже императрица подарила свою библиотеку Эрмитажу. Она же в 1795 году издала указ о создании первой национальной библиотеки.

Остромирово
Евангелие

РИА НОВОСТИ

мянцевского музея, выдвинул идею перевести его в Москву. В 1862 году музей переехал. Московские учреждения и отдельные граждане приняли живое участие в пополнении его книжных запасов — в дар библиотеке было передано свыше 300 личных книжных собраний. Сейчас это Российская государственная библиотека.

В создании и формировании фондов библиотек на протяжении всего XIX века колоссальную роль играл так называемый человеческий фактор: замечательные люди сами добивались разрешения у городских властей, строили здания библиотек, комплектовали фонды, помогали существующим библиотекам. Так, Чехов всю жизнь покупал и посылал книги в Таганрогскую публичную библиотеку, куда потом была передана

и его личная библиотека; в Тамбовскую библиотеку поступили книжные собрания бывшего губернатора Хвошинского, Поленова, Воейкова, а в составе двух последних — библиотека Державина...

К концу XIX века в библиотеках — и столичных, и региональных — появляются детские отделения, хотя дети еще не стали сколько-нибудь значительной читающей массой, да и детской литературы на русском языке было не так уж много; основную часть фонда составляла детская периодика вроде «Задушевного слова».

Общей системы библиотек не было — все они принадлежали к разным ведомствам и друг с другом почти не взаимодействовали, общие правила существовали лишь для нескольких казенных библиотек. А главное — библиотек все-таки было очень мало, хотя огромные усилия к их появлению прикладывало и Министерство народного

просвещения, и сами учителя, и земство, и энтузиасты. Так, сибиряк Макушин создал «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии», к которому привлек даже издателей Сытина и Павленкова; его усилиями сельские библиотеки стали пополняться естественно-научными, сельскохозяйственными, художественными и детскими книгами. К концу XIX века земские народные библиотеки перестали быть редкостью. О народном чтении заботились издатели, политики, местные общественные деятели; очень важным считал вопрос народного чтения Лев Толстой, который взялся писать рассказы и притчи для детского чтения.

ПЕРЕЛОМ

После революции началась массовая гибель частных библиотек — они горели вместе с усадьбами (так погибла библиотека Блока), их реквизировали у «контры»

и держали в неподходящих помещениях, где книги приходили в негодность, терялись, разворовывались. В голодные годы хозяева распродавали библиотеки букинистам, а то и топили собраниями сочинений печи. Наконец, советское правительство летом 1918 года издало декрет «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР». По декрету, национализации подлежали все без исключения библиотеки, включая частные собрания, в которых было больше 500 томов. Ученые, которым удалось выхлопотать для себя охранную грамоту, получали разрешение на 2000 томов. Национализация книг далеко не всегда означала их сохранность. Реквизированные книги терялись и гибли в процессе перевозки, а иногда преднамеренно уничтожались как идеологически вредные. Особый

В 1814 году

в Санкт-Петербурге открылась Императорская публичная библиотека (ныне — Российская национальная), возглавил которую А. Н. Оленин. Ее фонд насчитывал свыше 240 тысяч книг. В библиотеке работал И. А. Крылов, а среди ее постоянных читателей были А. Дельвиг, В. Кюхельбекер, Н. Бестужев.

Библиотека государственного канцлера России графа Н. П. Румянцева, которая насчитывала около 30 тысяч книг и рукописей, стала основой фонда при создании будущей Российской государственной библиотеки в Москве. В 1826 году, после смерти Румянцева, его брат передал библиотеку графа государству.

К началу XX века в России существовало множество библиотек: университетские, при гимназиях и духовных академиях, губернские и уездные публичные библиотеки, военные, народные, а также частные коммерческие библиотеки.

С 1918 года в России

началась национализация библиотек, идеологом которой была Н. К. Крупская, подписавшая в 1923 году инструкцию о пересмотре фондов. Этот документ предусматривал перевод «неблагонадежных» книг в спецхран, некоторые из них уничтожались.

С конца XX века

библиотеки многих стран переквалифицировались в медиатеки, где посетители могут получить не только книги, но и аудио- и видеокассеты, CD, выйти в Интернет.

В 2002 году в Египте

была построена Библиотека Александрина — этот проект предусматривает воссоздание бывшей Александрийской библиотеки. Он был реализован при участии ЮНЕСКО, правительства Египта, ряда европейских и арабских стран, а также Японии. Строительство огромного комплекса, спроектированного норвежскими учеными, продолжалось семь лет.

урон был нанесен монастырским библиотекам — часть их погибла, часть поступила в другие библиотеки, где коллекции нередко были разрознены, переданы в обменные фонды, утеряны. Декрет 1920 года о централизации библиотечного дела положил начало всесоюзной библиотечной сети: появился общий план работы, общая материальная база, общие принципы учета, каталогизации, комплектования — но и общие идеологические требования, которые на практике привели к «чисткам» библиотечных фондов, уничтожению изданий, передаче части фондов в спецхраны.

Ликвидация безграмотности в масштабе всей страны невероятно увеличила спрос на книгу. В 30-е годы XX века в стране шла колоссальная работа по созданию школьных, сельских, рабочих библиотечек. Открывались новые библиотеки, в том числе научно-технические. Они связывались в общую сеть, обменивались дублетными экземплярами, налаживали взаимодействие, меняли систему каталогизации на более современную.

Великая Отечественная нанесла серьезный удар по этой работе: часть библиотек погибла, часть попала в катастрофические условия; сократилось число работников, выделяемых средств; самые ценные собрания пришлось эвакуировать, затем возвращать на место... В послевоенные годы библиотеки залечивали раны вместе со всей страной.

Новый пик развития пришелся на конец 50-х — начало 60-х годов и был связан с «оттепелью», с научно-техническим прогрессом, с взрослением первого поголовно грамотного поколения, требующего специальных, профессиональных знаний. Именно поэтому в разных городах стали открываться и расти научные и научно-технические библиотеки. Сеть библиотек сформировалась, библиотечное дело стало серьезной научной дисциплиной. В библиотеках начали внедрять автоматизацию и механизацию: поиск стал легче, тяжелые книги и подшивки перестали таскать вручную (а это немаловажно: в огромных книгохранилищах совокупная длина книжных полок составляет сотни киломе-

тров). С появлением компьютеров возникли первые электронные системы учета и заказа.

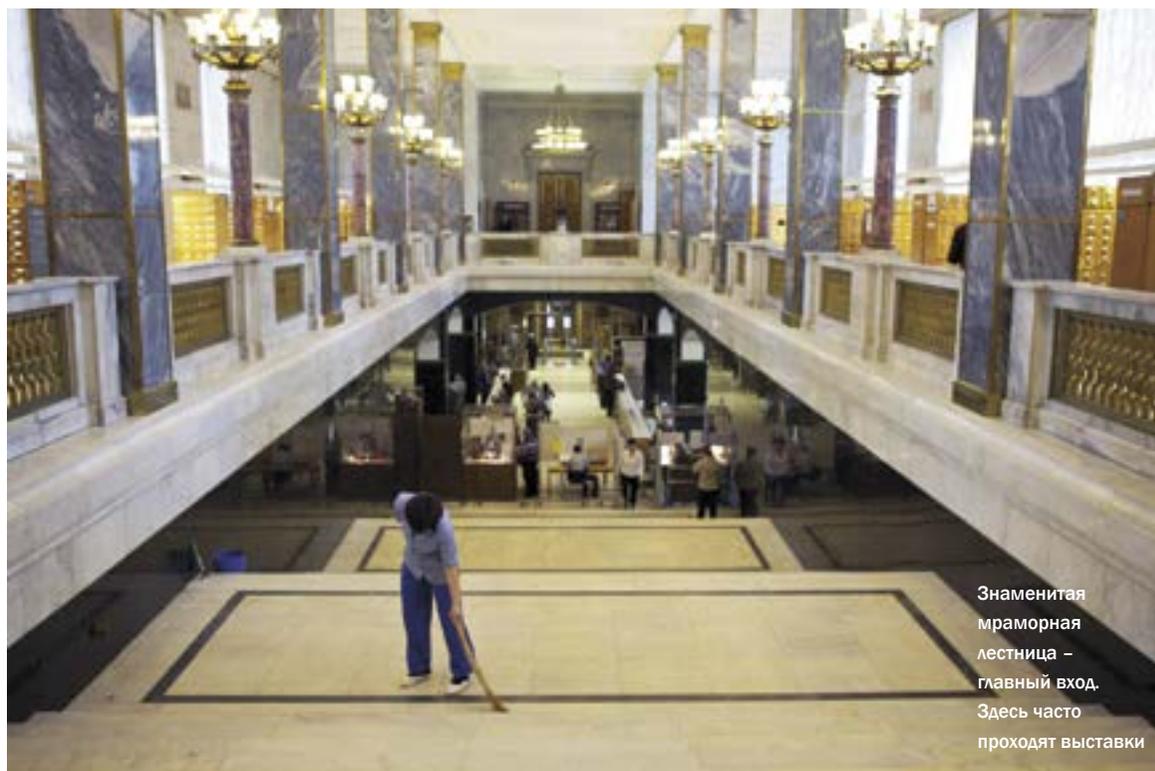
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Новый удар по библиотекам нанесла эпоха перемен: финансирование сократилось, библиотекари ушли, плановый ремонт закончился, фонды перестали пополняться, подписка на периодические издания прекратилась. Конец XX века — время библиотечных катастроф в России: в библиотеке Академии наук пожар уничтожил почти весь советский фонд; строительство метро повредило Дом Пашкова, принадлежащий РГБ... Споры и даже убийства библиотечных работников из-за элитной недвижимости, закрытие архивов, протечки и затопления, отлетающая от стен штукатурка, кражи ценных изданий из фондов — все это библиотечные будни конца прошлого — начала нынешнего века.

Не лучше обстояли дела и с сельскими библиотеками: часть закрылась, во многих по штату положено всего полставки библиотекаря, новых поступлений — десяток-полтора книг в год; ни компьютера, ни сканера, ни копира... Даже в Москве и сейчас можно не найти нужной книги, потому что в нескольких крупных библиотеках сразу она находится в заштабелированных на время ремонта и неразобранных фондах.

Пока российские библиотеки выбирались из этой ямы, в мире произошла компьютерная революция, которая привела к появлению принципиально новой концепции библиотеки. Теперь закрытые хранилища понемногу становятся частью единой всемирной информационной системы. В идеале — каждому читателю в любой точке земного шара должен быть доступен нужный ему документ, хранящийся в системе. Библиотеки поняли и приняли вызовы времени: оцифровывают фонды, открывают доступ к электронным каталогам, создают общедоступные системы копирования и доставки документов, встраиваются в общее информационное пространство.

Нововведения не меняют принципиально характера и предназначения библиотек, которые продолжают собирать и хранить документы, аккумулировать общую человеческую память. Разве что работать с массивами памяти становится легче...

Знаменитая мраморная лестница – главный вход. Здесь часто проходят выставки

АНТОН БЕРКАСОВ

ПОТАЙНЫЕ ЛАБИРИНТЫ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

Гипсовые бюсты русских писателей строго смотрят сверху вниз на людей. Бронзовый Владимир Ульянов внимательно читает бронзовую книгу. Пятница. 11 часов утра. Мы — в самом большом зале Российской государственной библиотеки, рассчитанном на 468 читательских мест.

Около 15 человек в зале уже заняты тем же, чем и вождь революции. Удивительно, но здесь не царит обычная для библиотек тишина. Непонятные жутковатые звуки — то ли кто-то громко стонет, то ли собака где-то воеет — разносились по всему залу. «Это под полом скрипит конвейер, который доставляет литературу из книгохранилища. Очень не по себе слушать его целый день, даже привыкнуть не получается», — поехала главный библиотекарь, весь день наблюдающая за читателями. Как правило, работники, которые сидят при входе в читальный зал, занимают высокую ступень в библиотечной иерархии. В их обязанности может входить не только дозор за поведением книголюбов, но и решение читательских проблем: не сраба-

тывает пропуск, не выпускает охрана, так как кто-то протаскивал в библиотеку свою литературу... Такое рабочее место ценится за то, что можно в течение дня и ходить, и сидеть. Да и книжной пыли в зале меньше, чем в фондах.

Массивная дверь распахнулась, и в зал влетел шестнадцатый читатель — юноша с толстенной потрепанной книгой. Он, конечно, и не думал о том, из каких лабиринтов Российской государственной библиотеки (РГБ, до сих пор в народе ее называют Ленинкой. — *Прим. ред.*) добрался до него этот издававший виды том. А мы пришли сюда как раз за этим: проследить всю цепочку от требования до получения, которая в РГБ занимает в среднем два часа.

ВЫБОР ПО ТРЕБОВАНИЮ

Требование на книгу можно оформить двумя путями. Первый — классический рукописный, с ним все понятно. Второй — через электронный каталог. Им можно воспользоваться в залах каталогов РГБ, где стоят специальные терминалы, или с домашнего компьютера.

Рукописный вариант плох тем, что через два часа ожидания читатель может получить ответ: «Книга занята». А электронный каталог сразу показывает наличие издания в фондах. Но и здесь не все гладко: терминал может зависнуть или сенсорные кнопки не сработают. Хотя, конечно, как бы ни были несовершенны и непривычны первые электронные каталоги, будущее за ними. Массивные шкафы бумажного каталога уйдут в прошлое, но пока за их судьбу волноваться нечего. Большинство читателей всех возрастов не спешат приобщаться к новейшим технологиям: у электронных терминалов народа значительно меньше, чем среди выдвижных ящиков с незабвенными картонными карточками. Администрация продолжает покупать новую мебель для каталога (правда, уже из ДСП), тогда как изношенные старые (из массива дерева) шкафы и стеллажи хранятся в подсобных помещениях в качестве музейных экспонатов.

ПУЛЬКА ОТ ДИСПЕТЧЕРА

Фонды Ленинки, расположенные в знаменитом здании в центре Москвы, разбиты на 19 ярусов: здесь сосредоточены

книги, карты, ноты, газеты и пр. на 247 языках мира. Ярусы соединены сложной системой приспособлений — шедевров технической мысли прошлого столетия, которые уже мало где используются — что в мире, что в России. Еще один из таких «шедевров» — пневмопочта. Это система трубопроводов, по которым под давлением воздуха несутся патроны с требованиями

читателей внутри. Патроны эти, больше похожие на школьные цилиндрические пеналы серого цвета, в РГБ нежно называют «пульками». Требования вкладывают в «пульку», закрывают, «пульку» подносят к трубопроводу, нажимают на кнопку — адрес доставки — и аппарат с шумом засасывает «снаряд». Через несколько секунд патрон с громким щелчком выскакивает в нужном месте книгохранилища. Так в Ленинке передается около 30 тысяч читательских требований в день. Центр управления пневмопочты — диспетчерская. Она притаилась в нескольких шагах от читального зала: перегородка, стол, стул, ящик с «пульками», телефон да чахлая цветочек в горшке.

Чтобы заложить требование в «пульку», нужна сноровка, потому что в один патрон закладывают по несколько бумажек. Их аккуратно сворачивают в трубочку — ни в коем случае не объемную — и плотно закрывают патрон, иначе случится ЧП: бумажки рассыпятся по пути, следующие «пульки» забьют каналы, вся система встанет. А пока мастер будет чистить трубопровод, требования придется разносить вручную, бегая по лестницам. «Бывает, и ошибаемся, отправляем не на тот ярус, — говорит диспетчер. — Тогда патрон возвращают мне обратно или сами отправляют его куда надо. По настроению».

МАЛАЯ РОЗА — ЭМБЛЕМА ДОСТАВКИ

Теперь наш путь лежит в книгохранилище. Все ярусы похожи один на другой. На 8-м, в самом сердце Ленинки, собрана современная отечественная литература. В ярко освещенном зале — суэта, люди в фартуках снуют туда-сюда. Это группа сортировки, которая отвечает за прием и обработку чи-

«ЕСЛИ ВЫ ПОХИТИТЕ КНИГУ, ПОПАДЕТЕ В АД»

Подобными угрозами были исписаны книги в Средневековье. Библиотекари выказывали недюжинную фантазию в составлении проклятий для книжных воров (к примеру, «будете жевать и выплевывать свой язык» или «изо рта у вас будут выскакивать жабы»). Тогда на воровстве книг из библиотек ловили сплошь людей уважаемых, ведь образование было уделом избранных.

Известные «Магдебургские цензурии», охватывающие первые 13 веков христианства, писались коллективом протестантских ученых, руководил которым Маттиас Флациус Илирийский — лютеранский богослов. Примечательно, что оно содержит немало материалов из библиотек Германии, Венгрии, Франции, Италии, Англии, Валахии, Болгарии и Московии, пропажа которых обнаружилась позднее. Утверждают, что Флациус немало потрудился ради этого сочинения: надев рясу монаха, пробирался в монастыри и крал из библиотек книги.

В мемуарах одного французского дворянина рассказывается, как в мастерскую художника Дю Мустье пожаловал кардинал Барберини со своей свитой, в которой состоял и кардинал Памфилио, приходящийся родней семье Борджиа. Со стола художника пропала весьма ценная книга в роскошном переплете. Разъяренный Дю Мустье принялся обыскивать гостей, и пропажа обнаружилась

под сутаной монсеньора Памфилио. Пикантности этой истории придает тот факт, что в 1644 году кардинал Памфилио стал папой Иннокентием X. Шесть лет кардинал Доменико Пассионеи возглавлял апостольскую библиотеку Ватикана. А до того прославился весьма своеобразным подходом к библиотечным фондам. Рассказывают, например, что, будучи папским нунцием в Люцерне, он часто посещал местные библиотеки. Причем заранее договаривался о своем визите и просил выдворить из книгохранилища всех других посетителей. Оставшись один, нунций выбрасывал в окно охапки книг, где их подбирали его приближенные. Известна история о том, как в 1789 году Николай Михайлович Карамзин с удивлением обнаружил в библиотеке курфюрста Дрезденского рукопись Еврипида. А удивление его было вызвано тем, что именно эту рукопись он не раз видел в Москве. Позже выяснилось, что том этот, как и еще не менее 60 ценных книг, из московских библиотек украл специалист по древним греческим и латинским рукописям профессор Христиан-Фридрих Маттеи, преподававший в Московском университете.

В XIX веке вызвала ужас история священника Иоганна Георга Тинниуса, отличавшегося примерным поведением. Как выяснилось, он грабил

тательских заказов. На столе жужжит специальный миниатюрный принтер, печатающий требования электронного каталога. Рядом пневмопочта отщелкивает «пульки». Библиотекарь раскладывает на столе и печатные, и рукописные требования так, чтобы потом не бегать по два раза к одной и той же полке с книгами. Затем идет к стеллажам.

По центральному проходу между стеллажами с лязганьем и скрежетом, медленно, со скоростью 0,19 м/с, движется большой цепной конвейер. Это именно он издает те самые звуки, которые леденят кровь посетителей в читальном зале. Неудивительно: старичок-то работает с 60-х годов! Конвейер похож на карусель. Правда, очень длинную: если вытянуть в одну линию все 120 «люлек» конвейера полу-

чится 240 метров! Механизм движется постоянно, а если нет загрузки («сброски», как здесь говорят) — ходит вхолостую. Вращаются огромные шестеренки, метра два в диаметре, «люльки», чуть раскачиваясь, маневрируют по комнатам, уезжают под потолок — на 9-й ярус, вниз — на 7-й. Библиотекарь берет с полки книгу, вкладывает в нее требование и опускает в «люльку». Все — книга едет в читальный зал. Бывает, книга попадает в неудобного формата, или ее положили неаккуратно, или «люль-

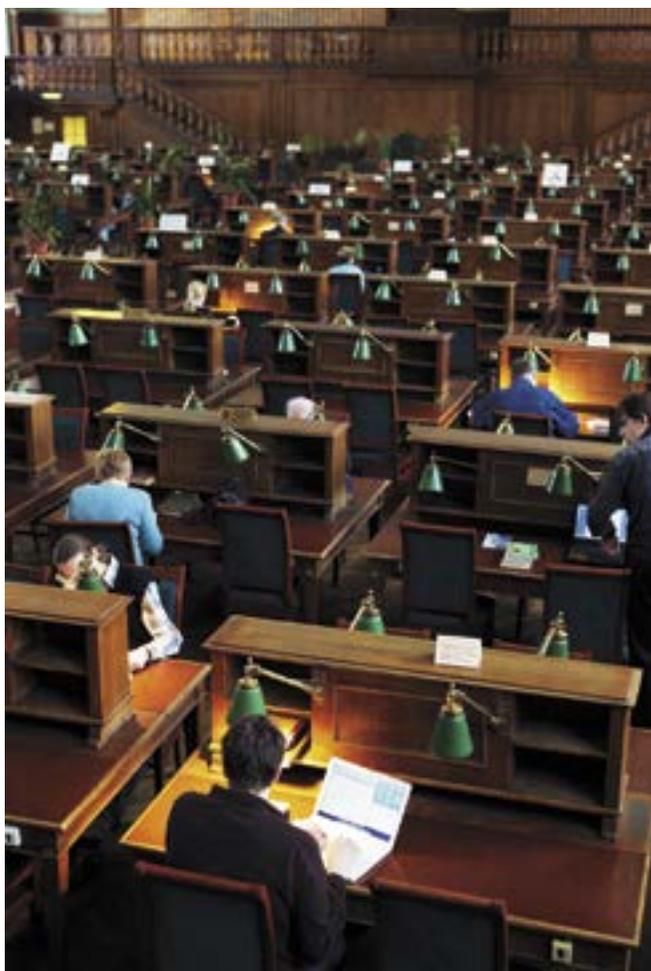
ер большего размера называют большим, а меньшего — «малой розой». Почему? Никто не знает, даже старожилы. «Малая роза» — это механизм, состоящий из 40 «люлек», с длиной пути в 38 метров и скоростью еще меньшей, чем у большого конвейера, — всего 0,14 м/с. Принцип действия обеих каруселей одинаковый, отлича-

ются они направлением пути: у каждого свой список читальных залов, где ждут книги.

Но конвейеры охватывают далеко не все. Есть еще два вертикальных механических конвейера, установленных в начале 80-х. Они не только производят книгообмен между ярусами, но и доставляют книги в некоторые читальные залы. Выглядят как мини-лифты с 54 «кабинками». Они движутся по двум вертикальным шахтам со скоростью 0,22 м/с: по одной — вверх, по другой — вниз. Работник из группы сортировки кладет книги в «кабинки», закрывает дверцу, нажимает на кнопку — и те с шумом исчезают. Доставка груза происходит автоматически: раздается короткий звонок — книги съезжают по желобу, собранному из множества колесиков, очень напоминающих старые счеты с костяшками.

Точно так же выглядели механизмы и 20, и 50 лет назад. Сменялись библиотекари, читатели, технический персонал. Во все времена случались технические неполадки — и библиотекари носили книги вручную по лестницам.

«Не знаю, был ли у конвейеров когда-нибудь капитальный ремонт — но тридцать пять последних лет его точно не было, — говорит технический сотрудник РГБ Виктор Сытый. — Минусов у них много: цепь, по которой ездят «люльки», трется, пыль и смазка летят на книги, требования, вставленные в книжки, часто выпадают по пути, а потом сотрудники их собирают. Я знаю, что в Перми есть завод, который провел модернизацию такого конвейера, увеличив скорость до 1 м/с, так что читатель может получить книгу не за два часа, а за тридцать минут. К тому же «люльки» сделаны закрытыми, так что книги едут в безопасности. Модернизированный конвейер сейчас успешно использует Городская

АНТОН БЕРКАСОВ

ка» сильно раскачивается — издания падают по дороге, портятся. Точно таким же образом книгу возвращают на место: кладут на конвейер — и поехали.

Ленинку обслуживают два конвейера, они проходят через все ярусы, но нигде не пересекаются. Второй — малый цепной конвейер. Чтобы не было путаницы, сами работники РГБ конвей-

и убивал людей топором, чтобы иметь средства на покупку книг. В 1813 году его арестовали, и тут оказалось, что его библиотека насчитывает около 60 тысяч томов!

Его современник, бывший монах из Таррагоны Дон Винсенте, также страдал библиоманией. Он спас библиотеку монастыря во время военных действий, затем сбежал вместе с ней и открыл букинистическую лавку. Говорят, он продавал книги, а затем убивал покупателей и возвращал проданное. Он также участвовал в книжных аукционах и в 1836 году, когда его обставил более богатый конкурент, Дон Винсенте убил его и поджег его лавку. Бывшего монаха арестовали и казнили. В 1871 году в России процесс над приват-доцентом Мюнхенского университета, библиотекарем Петербургской публичной библиотеки Алоисом Пихлером закончился ссылкой ученого в Тобольск. Этот человек был пойман с поличным при попытке вынести из библиотеки средневековое издание сочинений св. Амвросия. Обыск на квартире Пихлера принес богатый «улов»: более 4 тысяч украденных книг, приготовленных для отправки за границу. Правда, благодаря заступничеству правительства Баварии Пихлер в итоге вернулся в Германию. Граф Либри, итальянский математик, бежал из Италии во Францию из-за политических интриг.

Здесь он занял пост секретаря комиссии по розыску манускриптов в библиотеках Франции. Он действительно разыскивал редкие книги, только воровал их и продавал за границу. В конце концов, истинная подоплека «работы» графа открылась, и он бежал в Лондон.

В 1994 году из отдела редких книг и рукописей библиотеки Колумбийского университета пропало несколько сотен томов, в том числе учебник геометрии XIII века и рукопись французского «Романа о Розе» XIV века. Книжный вор, имя которого так и не было названо, пытался продать украденное в Европе и был пойман в 1995 году.

В 2002 году были пойманы похитители, укравшие из фонда Российской национальной библиотеки в Петербурге прижизненное издание «Принципов натуральной философии» Исаака Ньютона, изданное в 1687 году, издание произведений русского футуриста Константина Большакова Le Futur 1913 года, а также книгу Роберта Оуэна «Новый взгляд на общество», изданную в 1813 году.

клиническая больница им. Пирогова для работы с карточками. Такую систему можно установить и в нашем здании хранения, но это потребует огромного бюджета».

АЛЛЕРГИЯ НА КНИГИ

Тележки привозят книги прямо в читальный зал, их можно разглядеть за стеллажами, на которых уже ожидают читателей стопки книг. Библиотекари изо дня в день перекладывают томики с одного места на другое, беря их из чужих рук, отдавая их в чужие руки.

Так у многих проходит вся жизнь, среди «старой гвардии» текучки кадров практически нет. Как и во всех специальностях, здесь тоже есть профессиональные болезни — чаще всего у работников развивается аллергия на книжную пыль. И большинство библиотекарей книги

не читают, к вечеру на них глаза не смотрят. «Я дома читаю редко и только с монитора компьютера, — говорит одна из библиотекарей, — в метро не читаю совсем, может, иногда газеты. — В РГБ есть отдел, в котором обслуживают только сотрудников. Говорят, наибольшим спросом там пользуется бульварное чтение — берут охранники».

В таком виде Ленинке жить осталось недолго — до 2013 года, поскольку строительство огромного нового здания РГБ по соседству вопрос уже решенный. Так что скоро все «малые розы» и «пульки» отправятся в какой-нибудь музей библиотечного дела. 📖

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

БЕСЕДОВАЛА ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

С какими проблемами сталкиваются сегодня российские библиотеки и что несет им завтрашний день? Об этом «Русскому миру.ru» рассказывает генеральный директор Российской государственной библиотеки Александр Вислый.

АНТОН БЕРКASОВ

— **А**лександр Иванович, правда ли, что одна из главных проблем современных библиотек — кража книг?

— Я бы не сказал, что это одна из главных проблем. В Ленинке за последние 10 лет редкие рукописи или рукописные книги не крали, известны единичные случаи в других библиотеках, но преступников почти всегда ловят, если соблюдаются необходимые нормы и правила. Если имеются единичные случаи краж современной литературы, например учебников из фондов открытого доступа, то они восполнимы. В нашей библиотеке «защиту» национального наследия выполняют и подсобные фонды: не надо выписывать книги из основного хранения.

— **Что же тогда является больной темой?**

— Возьмем нашу библиотеку. Это чуть более 2,5 тысячи посадочных мест, за год мы можем обслужить свыше миллиона читателей. В России живет 140 миллионов человек, из них 100 миллионов — читающих. Получается, если все потенциальные посетители захотят к нам прийти, они смогут это сделать лишь раз в сто лет! Понятно, что только строительство нового здания не решит проблему доступа читателей к нашим фондам. Нужна цифровая библиотека. Но здесь на нас ограничения накладывает российское законодательство.

— **Закон об авторском праве?**

— Камень преткновения — четвертая часть Гражданского кодекса, которая регулирует отношения в области интеллектуальной собственности. Чтобы перевести документ в цифровую форму, нужен письменный договор с автором или другим правообладателем. В России ежегодно издается около 120 тысяч наименований книг, около 7 тысяч наименований журналов, сборников, бюллетеней. Кстати, по количеству наименований (не по тиражам) Россия догоняет прежний Советский Союз. Понятно, что более 100 тысяч договоров в год одна организация не в состоянии заключить, особенно когда понятия не имеешь, где авторов искать. Вопрос открытый. Все это понимают, и были попытки внести изменения в четвертую часть ГК, но они натолкнулись на противодействие не столько авторов, сколько правообладателей, в том числе издательств.

Директора трех национальных библиотек обращались напрямую к президенту страны, получили ответ из правового управления о том, что нет оснований вносить поправки в четвертую часть ГК. Но проблема остается, и среди других предложений по ее решению есть, например, идея создания специального авторского общества, которое будет заключать договоры в пользу национальных библиотек России. Возможны другие пути, в том числе достижение договоренностей с издательствами о том, чтобы они учитывали интересы читателей и удаленных пользователей Ленинки и других библиотек в юридических документах, то есть отдельным пунктом при заключении авторского договора. Окончательного решения пока нет.

— **А технические и материальные ресурсы есть?**

— О, здесь все просто. Во-первых, найти финансы и техническую возможность не так сложно, а во-вторых, и мощности у нас уже есть, и опыт.

— **Как они задействованы?**

— Ежегодно начиная с 2000 года мы на постоянной основе переводим в цифровой формат 30 тысяч диссертаций и 30 тысяч авторефератов. Уже сейчас можно прийти к нам в библиотеку, сесть за компьютер и приобщиться к полному собранию современных научных знаний о мире, изданных на русском языке и размещенных в электронной библиотеке диссертаций РГБ. Эту же информацию можно получить и в ее 350 виртуальных читальных залах, которые открыты сегодня в вузах, библиотеках и учреждениях науки практически во всех субъектах РФ и в странах СНГ. Читать тексты можно беспрепятственно, распечатывать на бумаге — не более 10–15 процентов объема. Даже если библиотека купила электронную копию книги у издательства, то представляя ее читателю при соблюдении трех требований: на безвозмездной основе, в помещении библиотеки, при обеспечении невозможности создать цифровую копию. Так что пока никто не может почитать наши книги с домашнего компьютера или скопировать разрешенный объем на флешку, чтобы не переписывать вручную, например форму-

лы математики или ядерной физики. Таковы требования четвертой части ГК. Наши оппоненты в этом споре об авторских правах забывают об интересах читателей, живущих на необъятных просторах нашей родины и имеющих конституционное право на бесплатный доступ к информации и знаниям.

— **Все понимают, что цифровые библиотеки постепенно начнут вытеснять классические. Есть ли смысл сейчас закупать бумажные книги?**

— Думаю, ситуация не изменится в ближайшие 20–50 лет. Мы продолжаем как национальная библиотека в соответствии с федеральным законом «Об обязательном экземпляре документов» получать из Книжной палаты для вечного хранения по два экземпляра изданных в стране книг и продолжающихся изданий. Это 400–500 тысяч экземпляров в год, то есть около 10 километров новых полок. И тут кроется вторая проблема. Куда ставить новые поступления? Наше хранилище — вот это белое прямоугольное здание в центре Москвы — под завязку наполнено книгами. Чтобы решить эту проблему, мы арендуем помещения для малоспрашиваемых фондов, отвозим их на хранение под Можайск, то есть реально из оборота выведено примерно 10 процентов национальной библиотеки. Остро необходимо строительство нового здания, причем рядом с основным, потому что РГБ фактически включает 14 крупнейших библиотек — таковы богатства ее специализированных фондов: картографического; рукописей; редких и ценных изданий; русского зарубежья; изоизданий; восточной литературы; нотных изданий и звукозаписей; военной литературы и др. Например, фонд литературы русского зарубежья (около 750 тысяч единиц хранения) — самое крупное в стране собрание документов российской эмиграции, состоящее из русскоязычных изданий, вышедших после 1917 года за границей. Это книги, журналы, газеты, редкие ценные документы XX века, произведения авторов всех волн эмиграции. Или фонд изоизданий — самый богатый в России (1,3 миллиона экземпляров) и один из самых больших в мире. Новое здание будет стоить примерно 15 миллиардов рублей и иметь самую современную «начинку». Оно задумывается как социокультурный комплекс, где будет комфортно и книгам, и читателям, и сотрудникам главной библиотеки страны. Есте-

ственно, у нас запланирована доставка документов из нового здания в старое, и наоборот.

— **Красивая картина. Ленинка всегда находилась на особом положении. Ваши сотрудники также находятся в привилегированном положении по части зарплат?**

— Увы. Проблема зарплат — одна из острейших для федеральных библиотек. Мы питаемся из федерального бюджета и не достигаем уровня оплаты труда, установленного правительством Москвы. Средняя зарплата нашего сотрудника — около 14 тысяч рублей. Это очень немного для Москвы. И уже давно сложилась ситуация, когда специалист РГБ с высоким уровнем образования и высшим статусом, накопив опыт, уходит в обычную районную библиотеку, где зарплата в два раза больше. К чему ведет такое положение дел? К тому, что в библиотеки не очень охотно идет молодежь и ежегодно средний возраст нашего работника становится выше и выше...

— **Каковы перспективы развития у других библиотек страны?**

— Есть несколько уровней библиотек. Жизнь областных учреждений пока все еще зависит от доброй воли губернатора: финансирование идет из областного бюджета. Одной из проблем является комплектование библиотек. Исходя из потребностей пользователей, библиотекари ищут пути пополнения фондов различной литературой, в том числе научной и учебной, издающейся в Москве и Санкт-Петербурге малым тиражом. У этой категории библиотек, как и у нас, остро стоит вопрос хранения книг. И я знаю, в Тюмени, Оренбурге и других регионах новые здания строятся.

Спускаемся на следующие уровни: районные, городские, сельские библиотеки. Здесь мы имеем дело с другим читателем. Большинство людей приходят за художественной литературой, журналами, местной периодикой. В этой нише катастрофы случаются не только из-за того, что фонд изнашивается и читать нечего, а потому, что местная администрация решила здание приспособить под ресторан или дискотеку. Сельских, поселенческих библиотек — около 47 тысяч. Они, как правило, небольшие. Вот где острый дефицит любой информации и литературы, особенно научной: в среде агрономов, учителей, врачей. Я недавно принимал участие в форуме сельских библиотекарей. Большинство из них — энтузиасты своего дела. И основ-

ные проблемы у них — комплектование фондов, финансирование и информатизация. Как бы помогла этим специалистам возможность найти в виртуальных читальных залах РГБ необходимую им для работы литературу! Однако четвертая часть Гражданского кодекса...

— **Будут ли развиваться синтетические заведения: кафе-библиотека, поезд-библиотека?.. Каково будущее частных библиотек?**

— Кафе, которые просто украшены несколькими книжными полками, уже существуют, дальше это направление вряд ли разовьется. А вот у частных библиотек интересные перспективы, но проблемы перед ними будут стоять те же, что и у нас, — цифровой формат, договоры с авторами.

— **Как выглядит Российская государственная библиотека в сравнении с лучшими библиотеками мира?**

— Достоинство. Это касается объема и состава наших фондов, а также профессионального уровня специалистов. Ведь РГБ — это научно-исследовательское и научно-методическое учреждение. У нас работают около 2,5 тысячи специалистов, 500 из них — научные сотрудники, среди которых более 150 кандидатов и докторов наук. Действует аспирантура, учебный центр, высшие библиотечные курсы, где обучаются и специалисты из других библиотек. Больше нигде в мире нет аналога нашему фонду диссертаций как наиболее полному в стране собранию этого вида документов. Тут мы абсолютные лидеры благодаря системе, сохранившейся с советских времен: человек не может защититься, если не пришлет нам один экземпляр своего труда.

Те проблемы, которые стоят перед нами и нашими читателями, мы поднимаем на самом высоком уровне государственной власти.

Так, 3 декабря прошло уже пятое заседание Общественного комитета содействия развитию библиотек России, председателем которого является Борис Грызлов, спикер Госдумы. Мы не будем стоять на месте — дорогу осилит идущий. 📖

ТЕХНОЛОГИИ КНИЖНОЙ ЛЮБВИ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

С первого взгляда и не скажешь, что эта библиотека выгодно отличается от большинства муниципальных. Старенький линолеум неопределенного цвета, потеки на высоких потолках с лепниной. На стене — призыв с непонятной пунктуацией: «Молодежь — время читать!» Но, как выяснилось, в случае с «Централизованной библиотечной системой» в подмосковном наукограде Фрязино, бедность обстановки непоказательна. На голом энтузиазме здесь создали настоящий культурный центр.

В обстановке фрязинской библиотеки глаз цепляется только за выставочные стеллажи: «Катерина Сусанна Причард, австралийская писательница. 1884–1969», «В. Ф. Комиссаржевская, русская актриса. 1864–1910» — и полку «Аудио, видеоматериалы», где собраны аудиокниги, фильмы, спектакли ведущих столичных театров. За дверью — «закрытый абонемент». Когда-то все книги стояли в свободном доступе, но в 1994 году в библиотеке прошла волна книжных краж, и теперь половина фонда доступна только библиотекарям. Хотя скоро все 100 тысяч книг, видимо, снова выставят на всеобщее обозрение, так как в последнее время наблюдается обратная тенденция. Люди всех возрастов избавляются от книг, несут в библиотеку охапками Гомера и Жюль Верна, расчищают домашнее пространство. Свободного места на полках библиотеки уже нет — художественная, научная, учебная литература лежит горами.

Библиотека существует с 1936 года, она — одно из первых культурных заведений города. С тех пор как она перешла в ведение городской администрации, она называется «Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система г. Фрязино» (МУ ЦБС). В 1960 году библиотека переехала из подвала на первый этаж жилого дома, принадлежащего Институту радиотехники РАН. Аренда стоит около 1 миллиона рублей в год. Владелец ни разу не сделал в здании библиотеки капремонт, а муниципалитет решил, что лучше построить новое здание, чем ремонтировать старое чужое. Уже в 2010 году библиотека отпразднует новоселье на площадях в 1000 квадратных метров. МУ ЦБС живет в основном на городском бюджете. В 2009 году только на пополнение фонда ей досталось 290 тысяч рублей, на которые купили порядка 500 новых книг. Однако жизнь библиотеки выходит за рамки хозяйственных вопросов и даже книгооборотов. Самый душевный проект библиотеки — первый в стране музей Осипа Манделштама. Его, по сути, единолично создает житель

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

Фрязино Сергей Василенко, методист ЦБС, член правления Манделштамовского общества. Он посвятил жизнь изучению и сохранению всего, что связано с великим поэтом Серебряного века. Многие ему подарила вдова поэта Надежда Яковлевна Манделштам. Все сокровища из личной коллекции будут в январе — феврале 2010 года выставлены в библиотеке — глядишь, городские власти и помещение дадут. Ведь музей не будет частным.

Конечно, Фрязино — довольно странное место для такого музея: здесь ничто не связано с Манделштамом, кроме места жительства владельца коллекции. Но почему бы и нет?

СТИМУЛ ЧИТАТЬ

В библиотеку приходит порядка 100 человек ежедневно, что неплохо для городка с населением свыше 50 тысяч человек. Как правило, это пенсионеры, незащищенные слои населения, дети и студенты. Директор Людмила Василенко пытается сделать из библиотеки семейный центр, куда бы приходили родители с детьми. «Главная наша проблема — не деньги, не книги и не помещение, — говорит она, — а то, что люди перестают читать и ходить в библиотеки». На вопрос, зачем

ходить в библиотеку, если все можно купить в магазинах, заказать через Интернет с максимальным комфортом, — она возражает: «Не все. Старая периодика, дореволюционные издания, местная краеведческая литература — например, о Фрязино и окрестностях пишут Георгий Ровенский и Василий Потапов; адаптированные детские книжки со справочным материалом: что такое ушат, кочерга... Да что далеко ходить — многих художественных книг 10–20-летней давности уже нигде не купите». Для приобщения фрязинцев к чтению сотрудники библиотеки не жалеют сил. Каждый месяц они готовят на местном телевидении передачу «Про чтение», рассказывая о новинках или признанных шедеврах мировой литературы, предлагая взять эти книги в библиотеке. Водят по Фрязино краеведческие экскурсии, анонсы своих мероприятий транслируют в кафе-пиццерии «Эспрессо». В десятки проектов вовлечены все 22 библиотекаря со средней зарплатой в 12 тысяч рублей. Буквально недавно ЦБС начало устраивать передвижные библиотеки в двух точках города: дворце культуры «Исток» и в муниципальном досуговом центре для пожилых людей «Ретро». Туда стекаются и жители близлежащих домов, берут книги домой, делают заказы. Впрочем, выездной опыт у ЦБС есть, уже 10 лет такая работа ведется в профилактории «Приозерный», детских центрах отдыха. Ежемесячно в библиотеке проходит «Клуб общения», где читаются литературные лекции, выступают местные молодые и зрелые поэты, музыканты, ведутся обсуждения. На такие вечера ходит молодежь. Два раза в неделю в детском филиале библиотеки проходят бесплатные развивающие занятия «Первая первинка» для детей четырех-пяти и пяти-шести лет: малышей учат любить читать и рассказывать о прочитанном. Ежегодную Неделю детской книги обычно проводят с размахом: с выступлениями местных коллективов во дворце культуры, тематическими постановками детских садов. С 2004 года открылся отдел для слепых и слабовидящих людей, куда постоянно ходит сорок человек. И это уже не говоря о различных тематических выставках собственных книг на стеллажах библиотеки — по юбилеям авторов и книг, для популяризации неизвестной широкому кругу читателей хорошей литературы; или тематических вече-

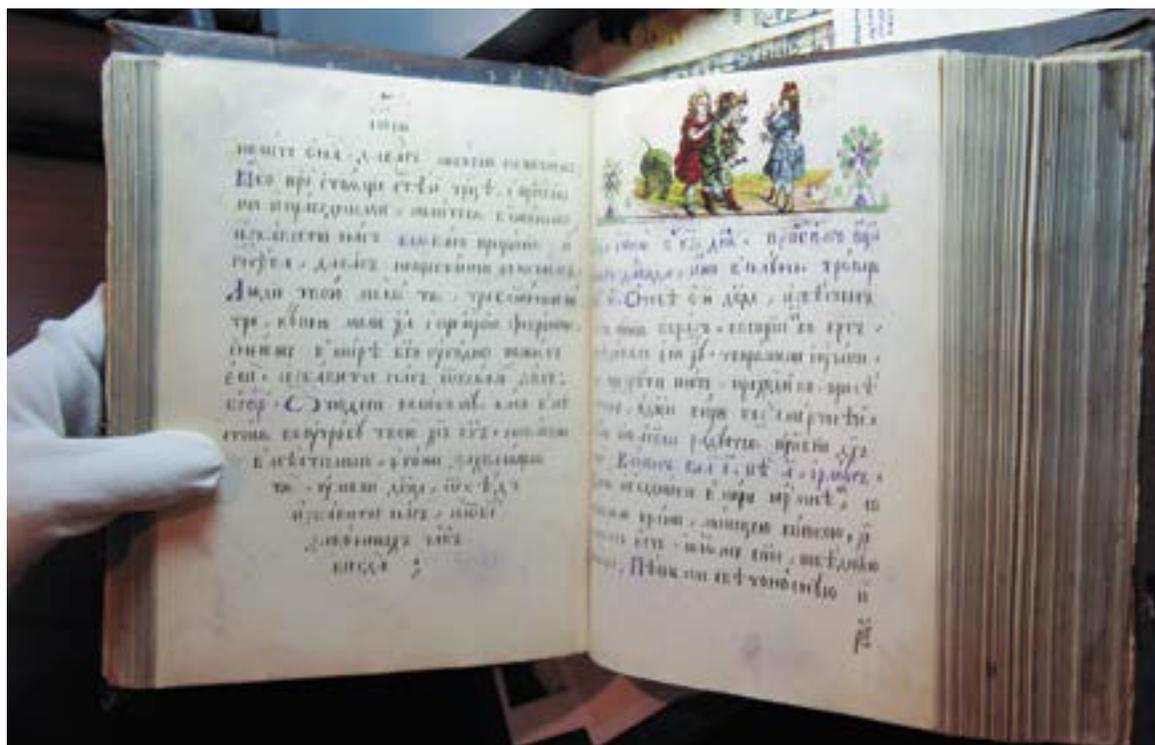
рах — «Гоголь и музыка» и т. п. Время от времени библиотекари проводят какие-нибудь программы в школах. Последняя — «Чтобы помнили»: школьникам предлагалось спросить дома родственников и написать сочинение о том, как их деды-прадеды воевали на фронтах Великой Отечественной. В итоге и внуки с дедами пообщались «за жизнь», и библиотека получила ценные документы, а учителя — неравнодушные сочинения. Заодно стали расходиться книги о войне. К слову, сегодня одни из самых сильных стимулов взять книгу в библиотеке — телевизор и кино. Например, никогда не был так популярен Н. В. Гоголь, как после выхода фильма «Тарас Бульба».

КАКАЯ ЕСТЬ

У библиотеки есть постоянные читатели, которые приходят не только за книгами, но и поболтать о том, о сем. Любимым библиотекарям носят конфеты и яблоки. «Наша самая почетная читательница — Наталья Степановна Макеева, 1916 года рождения, — рассказывает главный библиотекарь Светлана Мелихова, проработавшая здесь всю жизнь. — Она работала завлабораторией медицинских исследований, читает как серьезную, так и легкую литературу. Четыре года назад пришла к нам с вином и пирожными, чтобы отметить 90-летие. Она не одинокая старушка, у нее много друзей и родственников — просто такие с нами сложились отношения. Молодежь тоже есть хорошая. Часто берут одно и то же произведение на русском и английском».

К современным цифровым системам ЦБС уже начало готовиться — создают электронный каталог и предоставляют читателям

правовую систему «Консультант+». Но сами работники не уверены, что за цифровыми библиотеками — будущее. Как выяснилось, молодое поколение города Фрязино тоже придерживается консервативной позиции. ЦБС провело анкетирование среди старшеклассников с вопросом, какой должна быть современная библиотека, и большинство ответов было: «Такой, какая сейчас». 📖

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ИНСТИТУТ РУКОПИСНОГО ПРОШЛОГО

Минея служебная. Рукопись
конца XIX – начала XX века.
Переписчик использовал
вместо заставок переводные
картинки

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

Московские школьники задумчиво морщат лоб: пытаются прочесть буквенную цифирь, чтобы определить, в каком году была создана книга, лежащая перед ними. Справляются, хоть и с подсказкой: XVI век! В нижегородском Институте рукописной и старопечатной книги древние фолианты — это не просто экспонаты за стеклами витрин. Они начинают говорить с каждым, кто проявляет к ним интерес.

Суббота — выходной для Института день. Но сегодня, вопреки правилам, пустые коридоры заполнили гадающие подростки: школьники в Интернете нашли информацию о том, что в Нижнем Новгороде есть Институт рукописной и старопечатной книги (ИРиСК), и решили обязательно посетить его во вре-

мя поездки. Экскурсию для юных и пытливых туристов, не пожелавших ограничиться лишь осмотром кремля по соседству, лично проводит директор ИРиСК, кандидат филологических наук Марина Белякова: она оценила юношескую любознательность и энтузиазм. Это неудивительно, ведь Марина Михайловна — сама энтузиастка и подвижница. Во многом благодаря именно ей ИРиСК, созданный двадцать лет назад как негосударственная научно-исследовательская организация, существует по сей день.

Институт удивителен: здесь собрана уникальная коллекция памятников старообрядческой рукописной традиции XVI–XX веков и редкие старопечатные издания. И при этом нет штата сотрудников! Есть нечто большее: команда единомышленников — ученых и студентов, которые собственноручно собирали эту коллекцию во время многочисленных экспедиций, а теперь с любовью занимаются научным описанием, изучением и сохранением древних книг.

— Раньше говорили не «писать» или «печатать книгу», а «строить книгу», — начинает рассказ Марина Михайловна, дав каждому гостю возможность подержать в руках небольшие демонстрационные кусочки пергамента. — Рукопись создавали как храм — на века. Благодаря этому мы можем сейчас держать в руках книги, которым по триста — триста пятьдесят лет. Они прекрасно сохранились, даже не требуют специальной реставрации. Особенность коллекции Института рукописной и старопечатной книги в том, что здесь собраны книги, которые хранились в обычных крестьянских домах: их покупали, читали, переписывали для себя не монахи, не купцы или богатые люди, а обычные крестьяне — в основном старообрядцы.

— Старообрядцы сохранили традицию переписывания, ведь после реформы патриарха Никона книги печатались с теми исправлениями, которых староверы не признавали, — напоминает Марина Михайловна. — Нижегородчина в этом плане — край уникальный, сотни лет здесь жили старообрядцы, их скиты просуществовали до 20-х годов прошлого века. Сейчас остались лишь считанные общины. У старообрядцев были свои служебные и душеполезные книги, полемические сборники, в которых доказывалась истинность старой веры и обрядов. В нашей коллекции большинство книг можно отнести к религиозной литературе.

МОЛЧАЛИВЫЕ НОТЫ

Крышки переплета, по размеру заметно превосходящие страницы, пара крепких застежек, широкие поля — все это не просто «издательская мода» того времени, а гарантия сохранности ценной рукописи от воды и огня. Современные школьники хоть и не сразу, но догадываются, для чего старинные фолианты обязательно закрывались на замочки: у плотно застегнутой книги даже в пожаре только обуглятся края да чуть обгорит переплет: подрежешь обгоревшие страницы — и снова можно пользоваться.

Разглядывая коричневатые буквы рукописей, молодежь узнает о том, из чего делали чернила наши прапрадеды — из так называемых чернильных орешков, есть такие наросты на листьях дуба. Добавляли квас или кислые щи, ржавые гвозди, ставили в горшке в теплое место, чтобы ржавчина растворилась в кислой среде... Потому и цвет чернил в ранних рукописях не черный, а коричневый. А вот и закладка (регистр) — кусочек ткани: капельку воска капали на страницу, на нее приклеивали лоскуток.

С интересом рассматривают ребята расшитые бисером лествики (от древнерусского «лествица», то есть лестница. — *Прим. ред.*) — разновидность четок у старообрядцев, а также древние певческие книги: староверы не приняли новый, многоголосный стиль пения, продолжали культивировать знаменый распев и записывать ноты «крюками». Эта система нотной записи пришла на Русь из Византии.

Есть в собрании Института и рукописи с так называемыми вкладными записями — те, что когда-то были пожертвованы

в соборную церковь. Бывшие владельцы помечали, когда и кто эту книгу отдал общине (такой большой материальный вклад обеспечивал жертвователю вечное поминовение): «аще кто сию книгу покусится вынести из церкви сия, да будет проклят и отлучен от святые соборные и апостольские церкви». Подобные вкладные записи писались по слову — по полслова на страницу, чтобы потом никто не мог ее стереть или вырвать: захочешь рукопись вынести, убрав «компрометирующую» надпись, лишишься половины книги.

СНАЧАЛА РУКИ ПОМОЙ, ПОМОЛИСЬ, А ПОТОМ УЖ ЧИТАЙ!

Абсолютное большинство тех сокровищ, которыми обладает ИРиСК, находки собственных полевых археографических экспедиций. Марина Михайловна признается: коллекция собиралась бы куда сложнее, не будь у староверов такого правила — книга не должна лежать без дела, ею нужно пользоваться. И если ты доказал, что можешь ее читать и понимать, — бери! Потому сотрудникам Института и отдавали древние рукописи: возьмите книгу, она должна читаться, а церковнославянского языка молодежь в деревне уже не знает...

— На иконы и священные книги считалось правильным тратить лишь «пóтовы деньги» — те, что достались в результате особо тяжелого труда, — рассказывает Марина Михайловна о забытой нынче культуре. — Так, наставница одной из старообрядческих молельных, будучи девушкой из обеспеченной семьи, специально в молодости нанималась копать колодцы только затем, чтобы потом купить икону или книгу. И старшее поколение относилось к книгам очень бережно. — Директор показывает небольшие подушечки, которые полагалось подкладывать под книгу, чтобы переплет при чтении не переламывался. — Ты сначала руки помой, чистое полотенце на столе расстели, под книгу подушечки подложи, помолись — после этого можешь и приступать.

Марина Михайловна признается, что со своими главными информантами и дарителями Институт выстраивал отношения годами.

— Наладить контакт с людьми, которые до сих пор ограничивают свое общение с внешним миром, очень непросто. Главную роль здесь играет личность исследователя. Можно ссылаться на любые авторитетные университеты, но это ничего

не даст. А вот если ты приезжаешь не один раз и в тебе видят достойного и понимающего человека, отношение постепенно меняется. Поэтому мы всегда специально готовим людей, которые едут с нами в экспедицию впервые: нужно не только знать определенные нормы поведения и соответствовать им — никакой косметики, брюк, непокрытой головы, — но и входить в этот мир с глубочайшим уважением и почтением к людям, которые сохраняют свои вековые традиции.

ПСАЛТЫРЬ ИЗ КУРЯТНИКА

Старообрядчество до сих пор включает в себя множество согласий и толков, и Нижегородская область в этом плане — уникальная мозаика. Сотрудники Института еще застали то время, когда представители двух разных общин, сидя около хлебного магазина на скамеечке, могли полемизировать на тему: «Антихрист — он чувственный или духовный?» Сейчас носителей старой веры все меньше, они ассимилируются, различия постепенно стираются. Но при этом, по словам Марины Михайловны, несмотря на отсутствие молодежи в общинах, традиция не прекращается. Сами староверы объясняют это просто: пока молодой — как с миром не общаться? Надо работать, детей учить... А как выходишь на пенсию — так и приходишь в общину. Директор вспоминает, как им с Еленой Курзиной, старшим научным сотрудником Института, довелось пообщаться с человеком, который впоследствии принял обет молчания.

— Он уходил в молчание постепенно: сначала молчал в течение недели, писал мелом на двери дома, чтобы к нему в это время не заходили и не требовали беседы. Мы специально приехали в тот день, когда он говорил. Он объяснил, что постничал бы,

да здоровье не позволяет. И решил, что более всего человек грешит, когда суесловит, — вот и выбрал для себя такой аскетический подвиг. Через год после того нашего визита он перестал говорить совсем.

В 90-е годы сотрудники Института выбирались в экспедиции так часто, как только могли: Марину Михайловну не мог удержать дома даже полуторагодовалый сын — сидя в большой сумке, маленький Витя объездил с мамой пол-области. Было очень важно собрать коллекцию, потому что тогда все это уходило безвозвратно: если покупались дома в деревне, то книги выбрасывались или продавались в антикварные магазины. А книги «непонятные» или в плохом состоянии могли использоваться как гнет для квашения капусты, например.

— Помню, как мы доставали эту Псалтырь из курятника, отчищали ее от куриного желтка и помета, — приоткрывает Марина Михайловна коробку, в которой лежит сильно потрепанная рукопись. — Сейчас задачи поменялись — важно изучить и описать то, что уже собрано. Поэтому мы теперь предпочитаем рукописи брать лишь на время, оцифровывать и возвращать хозяину. Ведь хранить книгу тоже тяжелый труд.

АПОКАЛИПСИС АФРИКАНТА ИВАНОВИЧА

К оцифровке иногда привлекают студентов: например, ими был полностью переведен в электронный вариант Апокалипсис из коллекции Африканта Ивановича Мокроусова, наставника старообрядческой Федосеевской общины. Он жил в Володарском районе Нижегородской области, много общался с сотрудниками Института, рассказывал о том, как первые староверы, уйдя от гонений, селились на речке Сейме, позднее там появились деревни, которые были мало заселены до прокладки железной дороги в 1860-х годах. Но старообрядческие моленные (помещение для богослужений. — *Прим. ред.*) были практически в каждой деревне: в Передельнове, например, их было две — одна принадлежала семейству Капитановых (Капитановская), другая — общественная. Основал моленную прапрадед Африканта Ивановича, Андрей Иванович Капитанов. Род Капитановых — знаменитые «капустники»: они владели водяной

Рукопись первой половины XVIII века «Поморские ответы» с расшитой бисером лестовкой

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мельницей, покупали земли в лугах, корчевали их и выращивали капусту. В Капитановской моленной молилось все Передельново, она размещалась в отдельной громадной избе. Великим постом на исповеди в моленной бывало по 350 человек — велась специальная книга учета, которую наставница сожгла в 1937 году. На моление приходили в больших красивых кашемировых шалях, в кашемировых же подрясниках (сарафанах), надевали белые рукава с кружевами. В будни платки были черные, без рисунка, в праздники — с каемкой и серединкой.

При моленных велось обучение детей славянской грамоте, пению «по крюкам», службе.

Казалось бы, гонения староверов были обычным явлением со времен раскола, но факты говорят о том, что самым суровым испытанием для старообрядцев стали XX век и советская власть. Африкант Иванович вспоминал, как в 1937 году моленную разорили: «Приехал председатель сельсовета Подольский, секретарь ячейки Михаил Андреевич Горин и какой-то рабочий Живоедов. Привезли с собой две подводы. Отобрали ключи... Дернули они иконостас — иконы так и посыпались... Сложили их в сундуки и увезли неизвестно куда. Но еще до этого некоторые иконы и книги мы зарыли в сундуке на огороде, не-

которые раздали по родне». В числе таких, спрятанных и спасенных, книг оказался и Толковый Апокалипсис, который теперь стал одним из украшений коллекции.

Еще одна гордость Института — рукописи самобытного книжника Дороефа Уткина, который не только переписывал старые книги, но и создавал свои оригинальные произведения с прекрасными иллюстрациями. Он жил в первой половине XX века, критиковал Льва Толстого, размышлял о том, что такое СССР, комментировал работы Ленина. Некоторые из его иллюстраций (например, «Древо — культура жизни человечества или духовное развитие») сами по себе являются философскими работами, образными и метафоричными размышлениями о мировом укладе.

МЕЧТА О НИЖЕГОРОДСКОМ МАТЕНАДАРАНЕ

Глядя на коллекцию Института, с трудом можно поверить, что еще в конце 70-х годов в Горьком, как тогда назывался Нижний Новгород, не было ни одного полевого археографа или филолога-медиевиста! Нижегородская научная археографическая школа начала развиваться только с 1980 года, когда из Новосибирского академгородка сюда приехала молодой кандидат наук Татьяна Черторицкая, ученица мэтра отечественной археографии академика Покровского. Ее решение о переезде из родной Сибири было по-научному романтичным: она знала, что в Нижегородском крае благодаря староверам сохранилась живая книжная традиция, а исследовать ее некому. Увлеченная и полная энтузиазма, она быстро нашла здесь учеников, и спустя одиннадцать лет работы и экспедиций в городе появились и представительная коллекция рукописных и старопечатных книг (сейчас — в фонде Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского), и три кандидата наук, защитившихся в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ РАН, один из них — Марина Белякова. Все это удачно совпало с «временем перемен»: в начале 90-х губернатором Нижегородской области стал Борис Немцов,

и в свете его реформ казалось, что уйти от бюджетного финансирования культуры и науки без ущерба для их качества вполне возможно, главное — поддерживать существующие «точки роста», из которых потом разовьется целое направление. Вот тогда и была создана некоммерческая организация Институт рукописной и старопечатной книги. Идею горячо поддержал Дмитрий Сергеевич Лихачев, а это окрыляло.

— Мы мечтали о «нижегородском Матенадаране» (одно из крупнейших хранилищ рукописей в мире, находится в Ереване. — *Прим. ред.*), — вспоминает Марина Белякова. — И пытались создать учреждение нового типа, куда не просто приходят почитать книгу, как в библиотеку, где книги не просто хранятся, как в архиве, или где их можно увидеть только за стеклом, как в музее. Идея была в том, чтобы человек, придя в эти стены, встречался здесь не только с рукописями, но и с теми людьми, которые их собирают, исследуют, реставрируют. Чтобы он мог потрогать и полистать этот XVI век, и при этом рядом с ним были бы знающие люди. Это производит магическое воздействие: вот перед тобой был скучноватый музейный предмет, и вдруг он оживает, и ты понимаешь, что это — настоящее чудо. Ведь каждая рукописная книга уникальна! И специалист расскажет, когда она была создана, сколько человек ее переписывали, поможет расшифровать читательские пометки на полях...

Пусть не все мечты осуществились, но Институт рукописной и старопечатной книги на протяжении уже двадцати лет живет, оставаясь явлением уникальным: собрано более 450 памятников письменности, общая библиография научных работ сотрудников Института перевалила за 120 публикаций. По экспедиционным материалам выпущены монографии и сборники фольклора, реализована масса исследовательских проектов. Архивные и полевые изыскания Института стали базой для постановки на охрану памятников истории старообрядчества. Сейчас коллектив ИРиСК работает над проектом «Создание электронной библиотеки цифровых копий уникальных нижегородских рукописей XVI–XX веков из собраний религиозных общин и частных коллекций». И не отказывается принимать гостей: здесь любят молодежь с огоньком в глазах — ведь это они, задающие множество вопросов, и доказывают, что вся эта огромная работа — не зря. 📖

АЛЕКСАНДР БУРЧИЙ

СПУТНИКИ КНИГ

ЛАДА КЛОКОВА

Египетские писцы приклеивали на свитки кусочки папируса... Средневековые книжники отмечали страницы фолиантов петельками из кожи, пергамента или плотной ткани, а также создавали весьма функциональные конструкции для облегчения чтения... В XIX веке читающие дамы нередко отдавали предпочтение цветам и кружевным платочкам... А мы... Что только мы не используем сегодня в качестве закладок!

Книжные закладки давно живут между страниц книг и в состоянии рассказать нам много интересного о прошлом. В этом мог убедиться каждый, кто побывал на выставке «Из истории книжной закладки», организованной Научно-исследовательским отделом редких книг (Музей книги) Российской государственной библиотеки.

«Наш Музей книги — это прежде всего огромный книжный фонд, насчитывающий более 300 тысяч единиц хранения, — рассказывает сотрудница музея Нина Чаленко. — Это — печатные издания XV–XXI веков. В отделе редких книг музея есть фонд не книжных материалов, в котором помимо письменных принадлежностей и других предметов, связанных с книгой, формируется и коллекция книжных закладок. Первые экземпляры нашего собрания появились еще в конце 80-х годов, а с 2009 года сформировалась самостоятельная коллекция, в которой сегодня насчитывается около 500 закладок».

ЧИТАТЕЛИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Псалтирю на латыни, изданной в Париже в 1586 году, явно пользовались часто и активно: маленькие закладочки из пергамента, «выглядывающие» из книги, имеют довольно ветхий вид. Это так называемые закладки-регистры, весьма распространенные в Средневековье. Книги, даже после изобретения книгопечатания в XV веке, были все еще очень дороги, а также объемны. В основном издавалась литература религиозного характера, то есть фолианты требовали чтения вдумчивого и неспешного. Закладки-регистры и были придуманы для того, чтобы книгу не нужно было листать почем зря. «В Германии такие закладки называют «блаттвайзерами», то есть «указателями листа», — объясняет Нина Чаленко. — К боковой части выбранного листа в книге приклеивалась полосочка, как бы сказали сейчас — маркер. Она либо накладывалась на страницу, либо охватывала лист с обеих сторон. И поскольку этот маркер, как правило, выходил за пределы боковой части обреза, с его помощью можно было быстро открыть книгу на нужной странице». Регистровые закладки делались в виде петель, узелков из ниток, ленточек, их раскрашивали и украшали аппликациями.

Еще один вид распространенных в XV–XVI веках и на Западе, и в России закладок выглядел следующим образом: фигурный держатель, как правило с несколькими лентами, крепился на верхней части обреза книги. В России такие закладки называют «паворозами» или «поворозами». «Вспомните Гентский алтарь, расписанный братьями ван Эйками в первой половине XV века, — говорит Нина Чаленко. — На нем на одной из створок изображена Дева Мария с книгой, содержащей подобную закладку».

Между прочим, художники очень часто изображали на своих картинах книги с закладками. Достаточно вспомнить необычного «Библиотекаря» Джузеппе Арчимбольдо, «Святого Марка» Андреа Мантеньи, «Апостолов Петра и Павла» Эль Греко или знаменитую картину Альбрехта Дюрера «Двадцатилетний Христос среди книжников». Сотрудники Музея

книги решили не игнорировать такое похвальное пристрастие художников к детализации и украсили экспозицию репродукциями картин с изображениями книг и книжных закладок. Одной из первых обращает на себя внимание репродукция известного полотна Квентина Массейса Старшего «Меняла с женой».

Пожалуй, самой удивительной закладкой XV века из представленных на выставке оказалась странная на первый взгляд конструкция. На обычном ремешке красуется круг из пергамента. Во-первых, он вращается вокруг собственной оси, а во-вторых, свободно перемещается вверх-вниз по ремешку. На различных сторонах окружности нарисованы одна, две, три и четыре незатейливые палочки. «Книга напечатана в четыре столбца, — поясняет Нина Чаленко. — Если человек прерывал чтение на четвертом столбце, он вращал круг и находил обозначение из четырех палочек. Затем передвигал круг вверх или вниз, фиксируя его на той строчке, на которой он остановился. Очень удобно!»

Поражает то, как в те далекие времена люди продумывали до мелочей все детали книги. Тончайшее кружево, дорогой шелк и парча, затейливая вышивка и трудоемкие аппликации, например в виде королевских лилий из почти прозрачной бумаги...

ЛЕНТЫ ДЛЯ ИМПЕРАТРИЦЫ, ПУШКИ ДЛЯ ИМПЕРАТОРА

Особое место в экспозиции заняли подносные экземпляры и библиофильские издания. Первые преподносились в дар императорам, членам их семей или каким-то очень известным и важным персонам. «Как правило, переплет для такого подносного экземпляра заказывался у самого лучшего переплетчика того времени, — рассказывает Нина Чаленко. — Соответственно, мастер, разрабатывая переплет, который часто включал и закладку, старался выполнить все в едином стиле: продумывалось место крепления закладки, сама закладка должна была соответствовать книге, причем не только ее элементам и дизайну, но иногда и содержанию».

Мастера старались на славу. Чего стоит, например, «Оливуцца» — подносный экземпляр книги-воспоминания о пребывании российского императорского двора на вилле «Оливуцца», что близ Палермо, зимой 1845/46 года, преподнесенный императрице Александре Федоровне! Итальянский переплет-

чик Л. Пьераллини «одел» ее в кремовый бархат, украсил роскошным тиснением и изящными накладками, а закладку превратил в водопад сине-белых шелковых лент с бахромой из золотой канители...

А рядом красуется еще один шедевр: «История Гвардейской Артиллерии» — юбилейное издание, приуроченное к столетию учреждения Павлом I Гвардейского артиллерийского батальона. Но нет, не императорский вензель на переплете книги привлекает внимание в первую очередь. Здесь есть кое-что поинтереснее: две закладки-ляссе («ляссе» — искаженное на французский манер немецкое слово *Lesezeichen*, что переводится как «закладка». — *Прим. ред.*) из форменной тесьмы с фигурными металлическими завершениями. Одно из них — львиная голова с пушкой в зубах. Это — пушкарский знак времен царя Алексея Михайловича. Второе — стилизованное изображение барабана с вензелем императора Петра I — основателя Гвардейской артиллерии.

Только истинный ценитель редких изданий может понять тот трепет, который охватывает при виде экземпляра книги профессора Санкт-Петербургского университета, хранителя Императорского Эрмитажа Никодима Павловича Кондакова «История и памятники византийской эмали». В 1892 году было выпущено всего 600 пронумерованных экземпляров: по две штуки на русском, французском и немецком языках. «Да, это библиофильское издание, настоящее произведение искусства, — с гордостью говорит Нина Чаленко. — Переплет этой книги был сделан в Германии, в продажу она не поступала. И каждый экземпляр имел к тому же еще и замечательную закладку, вытканную на московской фабрике Сапожниковых из шелка, золотных и серебряных нитей».

ЗАБЫТЫЙ ПЛАТОЧЕК И КОРОБКА ПЕЧЕНЬЯ

Где чаще всего находят старые закладки? Конечно, в книгах! Но иногда специалистам Музея книги везет, и среди пожелтевших от времени страниц они находят совершенно особенные «экспонаты».

«Вот в этой книге, — Нина Чаленко показывает том «Сочинений» Г. Р. Державина, изданный в 1835 году, — был найден сложенный пополам кружевной женский платочек. На книге — автограф дарителя: «Любови Степановне Федоровой за успехи

и прилежание. Член Совета воспитательного общества благородных девиц. Марта 2-го дня 1836 года». Хочется верить, что этот изящный платочек действительно принадлежал Любови Степановне Федоровой».

Еще среди таких необычных закладок-находок — сухой цветок, который создатели экспозиции не преминули вложить в томик стихов Пушкина 1829 года издания, раскрыв книгу на странице — конечно! — со стихотворением «Цветок»: «Цветок засохший, безуханный, // Забытый в книге вижу я; // И вот уже мечтою странной // Душа наполнилась моя...»

Если бы Александр Сергеевич дожил до 60-х годов XIX века, он, наверное, был бы разочарован тем, что дамы второй половины столетия все реже пользуются цветами в качестве закладок. На смену засохшим лютикам и ромашкам пришли закладки массового производства. Видимо, первопроходцем здесь можно считать Томаса Стивенса — предпринимателя из Ковентри, который первым наладил массовое производство тканевых закладок с всевозможными пожеланиями. А с 80-х годов XIX века закладки стали печатать на бумаге, и они постепенно превратились в то, что мы сегодня называем «рекламный носитель». Сметливые предприниматели додумались и до более хитрой уловки: например, «кондитерская империя» Абрикосовых вкладывала закладки-сюрпризы в коробки конфет и печенья, превращая покупателей в коллекционеров. Со второй половины XIX века закладки приобрели «расширенную функциональность»: на оборотах печатались календари, линейки, анонсы издаваемых книг, подписные купоны на собрания сочинений...

Увы, книголюбы с грустью говорят о том, что закладка постепенно отмирает: все большее число людей предпочитают «листать» страницы цифровых книг. Так что сегодня многие российские библиотеки уже формируют свои коллекции закладок, сохраняя жизнь вечным спутникам книг. 📖

ДОДО

МИХАИЛ БЫКОВ

Марина Цветаева не терпела слово «поэтесса». Есть на свете занятия, которые несут в себе некое изначалие, сущность, менять которую и уж тем более бороться с ней — дело бессмысленное.

Солдат, космонавт, игрок, мать...
 Поэт...
 «М» и «ж» тут абсолютно ни при чем. Солдатки, космонавтки, игрушки и поэтессы имеют место, разумеется. Как словообразования. Но не как сущности. И первый родивший мужчина, если таковой, упаси бог, все-таки появится, будет, по сути, матерью. И — никем иным. Как бы его там потом ни прозвали. Можно взглянуть на ситуацию и с другой стороны. Есть ли качественная разница в словах «поэт» и «поэтесса»? Не эту ли разницу имела в виду Марина Ивановна, когда столь требовательно относилась к определению собственного труда? Согласитесь, присутствует в слове «поэтесса» что-то искусственное, мелкое, глупенькое, лишнее. Все то, чего истинная поэзия не приемлет по определению. Что так, что эдак, графиня Евдокия Петровна Ростопчина была поэтом. Без всяких натяжек и сантиментов. Правда, в хрестоматиях и биографиях ей частенько приписывают лишнее, называя одной из первых женщин-стихотворцев в России. Не по уровню дарования и влиянию на литературу, а по хронологии. Одной из первых Евдокия Петровна, известная всему XIX веку как Додо, не была. Если о Додо Сушковой-Ростопчиной сегодня еще помнят, то подавляющее большинство ее предшественниц и современниц вовсе забыты.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Варвара Анненкова, приходившаяся родственницей Лермонтовым. Анна Бунина, по воспоминаниям Анны Ахматовой — «тетка ее деда». Княгиня Зинаида Волконская, в России почти не жившая и искренне любимая римлянами до сих пор. Надежда Дурова, кавалерист-девица, поменявшая уланскую пику на перо литератора. Софья Закревская, Александра Зражевская, Анна Жукова — все они родились раньше, чем наша героиня, появившаяся на свет в январе 1812 года в семье действительного статского советника Петра Сушкова и его супруги Дарьи Ивановны (она была Пашкова) в басманной части Москвы. Кстати, если уж говорить о первой женщине-поэте, то, скорее всего, это будет Анна Сергеевна Жукова, урожденная Бутурлина. Известен год ее смерти — 1799-й. Но когда родилась и где — тайна. Впрочем, ее стихи, напечатанные в журнале «Иппокрена», говорят нам, что их автор все-таки — поэтесса. Не более. На литературном поприще XIX века Додо Сушкова-Ростопчина не была женщиной-одиночкой. Авдотья Панаева, сестры Над-

ежда и Софья Хвощинские, Юлия Жадовская, рожденные в первой трети столетия, равно как и перечисленные выше представительницы века осмнадцатого, писали с разной степенью успеха. И даже печатались. Почему ж тогда именно Евдокия Петровна воспринимается как главная женская литературная фигура «золотого века» русской поэзии и прозы?

По рождению Евдокия не принадлежала к родовой русской аристократии. Но и к «захудалому дворянству» ее родителей отнести нельзя. Мать Дарья Ивановна умерла, когда Додо едва исполнилось 6 лет. Отец был занят по службе, и воспитанием девочки занимались в доме родственников Пашковых. А двери пашковского особняка в Москве были открыты для самых знатных и ярких людей Первопрестольной. Мальчиком здесь часто бывал Мишель Лермонтов, учившийся в Благородном пансионе при Московском университете. Евдокии минуло 16, когда этот порог однажды переступил Александр Пушкин.

К этому времени юная Сушкова получила отличное домашнее образование, свободно читала на пяти языках и уже пять лет, как сочиняла сама. Ее стихи знали, хвалили, находя в них ясность изложения, легкость рифмы и самостоятельность чувств и мыслей. Способствовало первым успехам и то, что дядя Николай Васильевич Сушков держал литературный салон в собственном особняке в Старопименовском переулке. Дом, к слову, сохранился до сих пор.

Ростопчинские места в Москве — это отдельная тема. Додо в этом смысле повезло удивительно. Почти все адреса, связанные с ее именем в столице, можно найти и сегодня. Не только на карте, но и в «живом» виде. Понятно, что почти все перестроено, если не сказать — изуродовано. Но все-таки, все-таки...

На Новобасманной улице уцелел особняк Сушковых, где Додо родилась, на той же улице, ближе к Красным Воротам, стоит храм Петра и Павла, где ее отпевали. В Потаповском переулке стоят остатки дома Пашкова, где Евдокия воспитывалась. На Большой Лубянке сохранился особняк Ростопчиных, родителей ее мужа — графа Андрея Федоровича. На Садовой-Кудринской стоит здание, купленное супругом для семейной жизни, известное в свое время богатой живописной галереей и библиотекой.

Впрочем, Ростопчины во главе с отцом семейства графом Федором Васильевичем, знаменитым генерал-губернатором Москвы в 1812 году, появились в жизни Додо несколько позже, чем на-

чалась ее взрослая жизнь. Первая любовь — князь Александр Голицын, совсем мальчик. Брак намечался, но сорвался. И тогда среди ухажеров уже «вошедшей в возраст» девушки появился Андрей Ростопчин. И на сей раз события развивались непросто. С одной стороны, родовитый жених, наследующий гигантское состояние. С другой — репутация графа Андрея,

какой он обзавелся в гвардейских кирасах. Довольно сказать, что он вышел корнетом в полк, так и не окончив курс Пажеского корпуса. Один из современников писал в письме: «Дай Бог, чтоб были счастливы! От нее зависит ей надобно держать его в руках».

Были ли они счастливы, станет ясно из дальнейших событий личной жизни Додо Ростопчиной. Но начиналось все довольно весело. Настроение не портили даже бесчисленные пересуды в московских салонах. Там откровенно говорили о том, что Ростопчин женился от обиды на опекунов, не позволивших ему жениться по любви на другой, а «маленькая м-ль Сушкова» дала согласие на брак исключительно по расчету.

После венчания в мае 1833 года молодые супруги некоторое время провели в провинции, в одном из имений графа. Но в 1836 году деревенский покой наскучил, и они отправились в Петербург. Там Додо уже ждали и, признаться, заждались.

Еще в 1831 году князь Петр Вяземский, вхожий к Сушковым, тайным образом позаимствовал из дневника Додо стихотворение «Талисман» и передал его в Петербург редактору альманаха «Северные цветы». Стих напечатали, подписав условным псевдонимом. Дома Евдокию за это ругали, но дебют состоялся. И успешный!

В Петербурге графиня Евдокия сразу превратилась в светскую львицу. Балы, маскарады, приемы, литературные и музыкальные салоны — жизнь пошла кругом. Муж развлекался по собственному графику: карты, лошади и все остальное, что было свойственно отставному гвардейскому офицеру.

Удивительно, как Додо успевала писать стихи и вести серьезные разговоры в гостях у Жуковского, Вяземского, Соллогуба, Смирновой-Россет, Карамзиных.

картин, собранную его отцом. Чем был хорош граф Андрей, так это тем, что не был склонен изменять привычкам. Львиную долю времени занимал Английский клуб, карты и лошади.

Евдокия Петровна устроила литературный салон. По субботам на втором этаже ростопчинского дома собирался литературно-театральный цвет Москвы. Бывали Тургенев, Гоголь, Толстой, Тютчев, Островский, Полонский, Погодин, Щепкин...

Именно у Карамзиных ее посетила большая любовь. «Предмет» — сын великого историка и литератора Андрей Николаевич. Взаимность оказалась полной. По столице поползли слухи. В определенном смысле Евдокии Петровне повезло с мужем. Ему, увлеченному мужскими забавами, оказалось глубоко все равно, как проводит время его жена. Если что и тревожило, так это досужие пересуды света. Поэтому в 1838 году рожать первого ребенка, дочь Ольгу, графиня отправилась в деревню. Вторая дочь, Лидия, появилась на свет при похожих обстоятельствах. Отцовство приписывали Карамзину. Но затем родился сын Виктор, и в данном случае в отцовстве Ростопчина сомневаться не приходилось.

В это время Додо много работала. Ее пьесы ставили в лучших театрах столицы. Пишутся повести, объединенные общим названием «Очерки большого света». В 1841 году вышел из печати первый сборник стихов, написанных в 1829–1839 годах. Она последний раз видится с Лермонтовым, собирающимся возвращаться после прерванного отпуска на Кавказ и мучимым дурным предчувствием.

Хвалят все, даже строгий Белинский. Еще в 1838 году он так реагирует на стихи Ростопчиной, опубликованные в «Современнике»: «Кроме двух произведений Пушкина можно заметить только одно, подписанное знакомыми публике буквами «Г-ня Е. Р-на». Лучшие композиторы, в частности Глинка и Даргомыжский, перекладывают ее стихи на музыку романса.

В жизни разменявшей четвертый десяток Ростопчиной все меньше светских интересов, все больше литературы. И совсем из этой жизни исчезает Андрей Карамзин. Видимо, сила любви самой Додо значительно превосходила интерес к ней со стороны Андрея Николаевича. Отношения зашли в тупик. В 1846 году Карамзин поставил точку. Женится на известной красавице — вдове уральского магната Павла Демидова Авроре Карловне, урожденной баронессе Шернваль фон Валлен, и уехал управлять Тагильскими сталелитейными заводами. Он погибнет спустя восемь лет на Крымской (Восточной) войне, куда уйдет добровольцем в Дунайскую армию.

Тогда Додо напишет: «Некому теперь разгадывать мои стихи и прозу».

Сами Ростопчины покинули Петербург в 1845-м. Обратной дороги в столицу после заграничного вояжа им не было. Император Николай I весьма нервно отреагировал на публикацию стихотворения «Насильный брак», углядев в нем критику на собственную внешнюю политику. Ростопчиной запретили въезд в Петербург, и муж решил осесть в Москве. Купил особняк на Садовой, куда перевез знаменитую коллекцию

Для всех этих людей она оставалась той Додо, что принимала у себя в Петербурге на Дворцовой набережной Александра Сергеевича за день до роковой дуэли. Той Додо, которой спустя год после смерти Пушкина Жуковский передал перевязанный крепко-накрепко пакет. В нем пряталась последняя пушкинская тетрадь. Гений приготовил ее для новых, никогда так и не написанных стихов.

Но стихи самой Додо интересовали публику все меньше. И молодых коллег по литературному цеху — тоже. Уходили последние, влюбленные в «блестящий Александров век», старела на глазах казавшаяся вечной Николаевская эпоха.

Графиня реагировала без сантиментов. В письме Погодину она призналась, что хотела бы часик побыть Богом, чтобы вторым потоком утопить коммунистов, анархистов и злодеев. Чувствовала, чем обернется для России грядущая эпоха варваров, понимала, что принесут ей чернышевские.

Последние годы жизни Ростопчина проводила в основном в подмосковной усадьбе Вороново, верстах в 50 от Москвы по Старо-Калужской дороге. Многие, в частности храм, главный дом и чудный голландский домик, сохранились там доселе. В 1857 году обедавший с графиней врач по случаю поставил страшный диагноз — рак.

Графиня Евдокия Ростопчина скончалась в декабре 1858 года.

Александр Дюма, путешествовавший по России в то время, получил от графини приглашение посетить ее в Москве. Он провел в гостях у Додо два часа и был поражен удивительно теплой энергией, которую излучала эта уже обреченная дама. Брат Сушковой-Ростопчиной Сергей Петрович оставил такое описание юной Додо: «...черты правильные и тонкие, прекрасные и выразительные карие глаза, выражение лица чрезвычайно оживленное, подвижное, часто поэтически-вдохновенное, добродушное и приветливое...»

И видно, годы ничего не изменили. 📖

ПЕРВЫЙ ДВОЙНИК

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

В отличие от других русских писателей Антоний Погорельский был вполне благополучен в жизни и успешен в карьере. По нынешним меркам — умер рано, по тогдашним — прожил достаточно. Биография его практически безупречна: учился, служил, воевал, путешествовал, хозяйствовал, воспитывал племянника... А что в литературе остался только автором детской сказки — так и то уже хорошо, иным и в этом не повезло.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Про отца Алеши Перовского принято говорить «вельможа». Граф Алексей Кириллович Разумовский служил при Екатерине II, вышел в отставку в предпоследний год ее правления и вернулся на службу уже только при Александре I — сначала попечителем Московского университета, затем министром просвещения. Помимо четверых детей в законном браке у него был еще десяток внебрачных детей от 35-летнего союза с мещанкой Марией Соболевской. Дети воспитыва-

лись как аристократы, однако отцу пришлось помучиться, оформляя им дворянство. Унаследовать фамилию и титул незаконные дети не могли, так что фамилию получили по названию принадлежащей отцу усадьбы Перово. Из братьев Перовских и их прямых потомков вышли несколько министров и губернаторов; сестра Софья была женой литератора — князя Львова, сестры Анна и Ольга стали мамами будущих литераторов — Алексея Константиновича Толстого и братьев Жемчужниковых. Еще среди потомков этой замечательной семьи была цареубийца Софья Перовская, внучка старшего из братьев, Николая, и детская писательница Ольга Перовская, его же правнучка, известная советским детям своей книжкой «Ребята и зверята».

Дети Перовские жили в отцовском имении в Почепе, но считались не детьми его, а воспитанниками. К отцу их допускали редко. Учились они дома; домашние учителя заложили основательный фундамент образования, которое продолжалось в частном пансионе. Рассказывают, что в нем Алеша так сильно тосковал и рвался домой, что попытался сбежать, упал с забора, повредил ногу и всю жизнь потом прихрамывал. Литературные способности проявились у него рано: однажды он преподнес отцу в день именин собственное сочинение.

В 1805 году 18-летний Алексей Перовский поступил в Московский университет и в 1807 году его окончил со степенью доктора философских и словесных наук. Чтобы получить степень, ему надо было прочесть три пробные лекции; две из них он прочел на французском и немецком языках, чего даже не требовалось. Лекции были естественно-научные: об отличии животных от растений, о системе Линнея и о растениях, которые хорошо бы размножить в России. Естественные науки увлекали братьев Перовских: Алексей впоследствии успешно занимался садоводством в отцовском имении, а его брат Василий, ставший военным губернатором Оренбурга, стоял во главе множества начинаний, связанных с изучением природы края и его населения. Заметно в лекциях влияние Карамзина — любимого писателя Алексея. Первой публикацией молодого Перовского стал вышедший в 1807 году и посвященный отцу перевод на немецкий язык повести Карамзина «Бедная Лиза». «Если бы мой опыт и удался наилучшим образом, — писал автор в посвящении, — то и тогда, не будь Вашего одобрения, я счел бы его весьма несовершенным. Мое единственное желание, чтобы Вы восприняли эти листки как знак совершенного уважения и как единственно доступное мне доказательство безграничной благодарности, которой я Вам обязан. Вашей светлости преданнейший слуга...». Лекции вышли отдельной книжечкой в 1808-м. Примерно к этому времени относится его первое литературное знаком-

ство: он подружился с князем Вяземским, и эта дружба длилась много лет.

Окончив университет, Алексей Перовский пошел служить. Отец его только что вернулся на государственную службу и быстро наращивал влияние; благодаря отцовским связям братья Перовские смогли быстро сделать карьеру, однако вряд ли она была бы возможна без их собственного стремления приносить пользу стране. Алексей уехал в Петербург, где поступил в 6-й департамент Сената. Почти сразу ему пришлось выехать в долгую командировку — объехать несколько губерний, изучить там жизнь. В Москву он вернулся в 1810 году, продолжал служить в том же департаменте. Литература была для него отдыхом и отрадой, но не серьезным профессиональным занятием. В Москве он познакомился с видными литераторами — Жуковским, Крыловым, Василием Пушкиным, Воейковым, с некоторыми сдружился. В кругу Жуковского всегда было много дружеского смехотворства, а именно это, пожалуй, Перовский очень ценил; друзья о нем отзывались как о талантливом шутнике, импровизаторе, мистификаторе.

В 1811 году Алексей Перовский стал одним из организаторов Общества любителей российской словесности при Московском университете (а еще был членом Общества любителей природы и Общества истории и древностей российских). Общество любителей российской словесности издавало сборники, посвященные литературе и фольклору, проводило чтения, иногда протекавшие довольно скучно, и литературно-музыкальные вечера. Алексей, охотно предававшийся дурачеству, однажды озадачил председателя общества Прокоповича-Антонского своим намерением прочитать на заседании общества стихи, представлявшие собой полную чушь:

*Абдул Визирь
На лбу пузырь
Свой холит и лелеет.
Вауе геометр,
Взяв термометр,
Пшеницу в поле сеет.*

Разумеется, он писал и серьезные стихи — баллады и элегии; ничего выдающегося в этом жанре не создал. Он вообще был из тех незаменимых в литературе людей, которые, не создавая собственных гениальных произведений, создают среду, в которой только гений и может появиться. И гений, кстати, появился довольно скоро.

В 1812 году Алексей опять служил в Петербурге — секретарем министра финансов. Когда началась Отечественная война, он, несмотря на хромоту и недовольство отца, поступил в армию. Отец пообещал лишить его имени и материальной поддержки. Сын ответил: «Можете ли вы думать, граф, что сердце мое столь низко, чувства столь подлы, что я решусь оставить свое намерение не от опасения потерять вашу любовь, а от боязни лишиться имени? Никогда слова сии не изгладятся из моей мысли...» Начал войну он штаб-ротмистром 3-го Украинского казачьего полка. Партизанил. Отступал, наступал, в 1813 году участвовал в крупных сражениях — под Лейпцигом, Дрезденом, при Кульме. Под Лейпцигом только что назначенный на свой пост генерал-губернатор Королевства Саксонии Николай Репнин-Волконский (муж законной дочери Алексея Кирилловича Разумовского — Варвары) взял Перовского к себе старшим адъютантом. При нем Алексей состоял до 1816 года, пока Репнин наводил порядок в разоренной войной Саксонии, и вернулся вместе с ним в Россию. За два года в Германии свободно владевший немецким молодой русский много читал немецких авторов и открыл для себя Гофмана, который повлиял на его творчество больше, чем любой другой писатель.

Вернувшись в Россию, Репнин уехал губернатором в Малороссию, а Перовский вышел в отставку и поступил на гражданскую службу в чине надворного советника. Он стал чиновником особых поручений по департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий. В 1817 году у его сестры Анны родился сын, тоже Алексей. С мужем своим, графом Константином Толстым, Анна разошлась в самом начале семейной жизни, осталась матерью-одиночкой. Брат взял ее с полуторамесячным сыном к себе, поселил в доставшемся ему от отца имении Погорельцы в Черниговской губернии

и часто их там навещал; по названию имени он впоследствии взял себе литературный псевдоним. В Петербурге Перовский свел знакомство с издателем Николаем Гречем и в 1820 году в гречевском журнале «Сын Отечества» опубликовал свой перевод оды Горация. Познакомился он и с молодым Пушкиным, начинавшим свою самостоятельную жизнь после окончания лицея. С Пушкиным связан его дебют в качестве литературного критика: Воейков разнес в пух и прах «Руслана и Людмилу», предъявляя поэме множество обвинений в нелогичности, необоснованности поступков персонажей и т. п. Перовский ответил на каждый из вопросов Воейкова так, что все они стали выглядеть глупо: «Зачем Финн рассказывает Руслану свою историю? — Затем, чтобы Руслан знал, кто он таков; впрочем, старики обыкновенно бывают словоохотливы, и гораздо удивительней бы было, если б Финн не рассказал своей истории». Пушкин назвал ответ Перовского остроумным и забавным; Перовский защищал даже не столько самого Пушкина, сколько вольный дух поэзии. С Воейковым отношения стали довольно натянутыми; начальник их обоих Александр Тургенев писал Вяземскому: «Мои чиновники: Воейков и Алексей Перовский батально ругаются за Пушкина»; Тургенев даже их мирил.

В 1822 году умер Алексей Кириллович Разумовский. Сразу же после смерти отца Алексей Перовский подал в отставку и уехал из Петербурга в Погорельцы, где подрастал его племянник Алеша, будущий писатель Алексей Толстой. Перовский растил его вместо отца.

Чем он занимался в Погорельцах помимо воспитания племянника? Садам и хозяйством. Его имение поставляло на николаевские верфи корабельный лес. Снова начал служить: стал попечителем Харьковского учебного округа. Служба не требовала постоянного присутствия, так что у него оставалась возможность подолгу жить в имении и писать. И в русской литературе появилось новое имя: Антоний Погорельский.

Первой увидела свет его маленькая повесть «Лафертовская маковница» — в журнале «Новости литературы» в 1825 году. Современному читателю это название надо уже расшифровать: лафертовская — это живущая в Лефортове, а маковница — старуха, которая печет пирожки с маком. Старуха эта, согласно повести, была ведьма и пыталась околдовать внучатую племянницу: оставить ей после своей смерти свои неправедно нажитые сокровища и выдать замуж за некоего чиновника Мурлыкина, в котором девушка с ужасом узнала бабушкиного кота. Мурлыкин этот восхитил Пушкина, который писал брату, что теперь прямо-таки бредит им: «Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину». Кстати, на «Маковницу» Пушкин ссылаясь в своем «Гробовщике» — и впрямь, есть что-то жутко роднящее обе повести. «Маковница» вполне укладывается в романтическую традицию, однако автор — в отличие от однозначно романтического Гофмана — нигде не указал, что все это не примерещилось его героям; авторская позиция двусмысленна и нигде внятно не прописана: хочешь — так толкуй, хочешь — эдак. Подобной двусмысленности не снес Воейков, публикатор повести — он снабдил ее послесловием, в котором предложил свою развязку с полным материалистическим объяснением всех чудес. Погорельского такое своеволие возмутило. Он включил «Маковницу» в свой сборник «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», где отослал читателя, жаждущего развязки, к первой публикации повести, заметив, что не пересказывает ее, ибо не хочет «присваивать чужого добра».

И «Лафертовская маковница», и «Двойник» были весьма благожелательно встречены критикой: это была первая русская фантастика, занимательное и умное чтение. Как и другие русские романтики, Погорельский щедро заимствовал сюжеты и решения у немцев — в первую очередь у Гофмана. Вся структура «Двойника» напоминает структуру его «Серапионовых братьев», а одна из повестей сборника так точно

следует гофмановскому «Песочному человеку» (про любовь к девушке, которая оказывается механической куклой), что сейчас Погорельского обвинили бы в плагиате (впрочем, другая повесть навеяна Карамзиным, а третья — перелицовка повести француза Пужана «Жоко»). С Погорельского начинается русская гофманиана, вальс с чертовщиной, традиция, которая тянется через Пушкина и Гоголя к Достоевскому, а дальше — к Блоку и Булгакову (и даже кот Бегемот напоминает Мурлыкина); отсюда разбегаются по русской литературе загадочные и мучительные двойники; все зыбко, все непонятно: то ли мерещится, то ли в самом деле так... Но Погорельский, пожалуй, отличается от них всех тем же, чем «золотой век» от последующих: ясностью духа. Герой «Двойника» мило беседует со своим загадочным гостем об отвлеченных материях; это загадка, но не смертельная, тайна, но не чудовищная, это раздвоение, но еще на рациональное и иррациональное, не более; глубоко в дебри иррационального он не забирается. Его двойник — только тень, только предвестник ужаса, он безвреден и исчезает, не нанося герою никакого вреда. И уж в любом случае чтение это уютное, для лежания под пледом — в отличие от европейских романтиков, того же Гофмана или Мэри Шелли, Погорельский на своих читателей не нагоняет ледяного ужаса, только слегка попугивает. Это, скорее, продолженная в литературе традиция салонных историй, вечерних рассказов — традиция, живая во времена Погорельского. Он и сам был хороший рассказчик и охотно страшил слушателей легкой чертовщинкой. В нем самом, человеке приятном и доброжелательном, двойничество если и было, то не мрачное, а, скорее, печальное: приступы печали одолевали его с детства. Отчасти об этой детской печали его следующая литературная удача, хрестоматийная «Черная курица», написанная для племянника Алеши Толстого. «Черную курицу» до сих пор читают детям, и на первый взгляд она кажется вполне дидактичной историей о том, как плохо быть неблагодарным мальчиком, врать и нарушать свое слово. Но слишком сильно уж врезаются в память образы несчастных подземных жителей, закованных в крохотные кандалы и понуро по-

кидающих свой край — оттого, что Алеша их выдал, запутавшись во лжи и пытаясь оправдаться. Это один из первых литературных уроков, доносящих до ребенка самую горькую правду жизни: в ней бывает непоправимое. Иных ошибок исправить нельзя ничем: ни раскаянием, ни слезами, ни хорошим поведением. Есть раны, которые никогда не заживают, и разлуки навсегда. Откуда эта тоскливая нота в светлом, благополучном, веселом Погорельском? Никакими жизненными обстоятельствами ее не объяснить, никак не обосновать. Просто жизнь — это жизнь, а тоска — это ее часть; наоборот, так.

Он написал еще несколько произведений, преимущественно фантастических. Самое крупное из них, роман «Магнетизер», осталось незаконченным. А вот следующий его большой труд, роман «Монастырка», оказался совсем другим. В романе рассказывается о девушке, воспитаннице Смольного монастыря, которая после выпуска возвращается в Малороссию — это первый, наверное, литературно значимый опыт реалистического, бытового, семейного романа. Пожалуй, читателя привлекала не только точность в описаниях нравов, отношений, подробностей жизненного уклада, но и присущая Погорельскому ясность, поэтичность, то, что Булгарин, литературный противник Погорельского, ядовито обозначил словом «милый» — дескать, ну мило, но на этом и всё...

В 1826 году он снова вернулся на службу в Петербург — в Комиссию по устройству учебных заведений; на лето возвращается в Погорельцы. В 1827 году съездил с сестрой и Алешей в Германию — мальчик на всю жизнь запомнил, как сидел на коленях у Гёте. В 1830 году Погорельский вышел в отставку: начинался николаевский зажим, закручивание гаек, служить становилось трудно. В 1831-м повез племянника в Италию — приобщать к мировой культуре. В Италии они познакомились с Брюлловым, который пообещал написать портреты и Перовского, и его сестры, и племянника. Брюллов только через четыре года приехал в Россию; зная его необязательность, Перовский, по выражению Пушкина, «заполонил» его: поселил у себя и не отпускал, пока тот не выполнит обещания. Брюллов, однако, сбежал,

окончив только один портрет — знаменитый портрет молодого Алексея Толстого с собакой. Пушкин весело рассказывал жене в письме, как Перовский показывал ему неоконченные брюлловские картины: «заметь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник такой». В последние годы он жил в Погорельцах, сосредоточившись на воспитании Алеши Толстого, которому стал не только родителем,

но и первым литературным учителем: опубликовал его стихи (с грозной критикой рядом, чтобы юноша не зазнавался), ввел в свой литературный круг — собственно, передал ему дело из рук в руки. Сам уже ничего не писал — не собирал архивов, над рукописями не трясся, так архив его весь и пропал; говорят, управляющий его именем, извел все бумаги на папильотки для котлет. Он и не считал себя серьезным писателем, и места в литературе особого не занял — Чернышевский даже назвал его «лучшим из худших». Но без него русская литература не была бы сама собой: его произведения стали не самыми заметными, но необходимыми ступеньками, которые связывают литературные эпохи; он, может быть, не велик — но без него, пожалуй, и эпоха сложилась бы иначе, и русский классический роман развивался бы не так, и уж точно не было бы в русской литературе ни поэзии Алексея Толстого, ни сатиры Козьмы Пруткова, которая вся выросла из домашних парадоксов, экстремов, розыгрышей дяди и его трех племянников, Толстого и Жемчужниковых.

В 1836 году он почувствовал себя плохо и отправился в Ниццу (как всегда, с сестрой и племянником) лечить «грудную болезнь» — одни считают, что туберкулез, другие — что ишемическую болезнь сердца. До Ниццы он не доехал, умер в Варшаве. Перед смертью просил: «Света, света!»

Что-то недоговоренное, непонятное осталось, чем-то мучает эта судьба, как мучают маленькие подземные жители, уходящие прочь в крохотных кандалах. Чего он не написал? О чем думал?

Почему ему было так темно? 🕯

К ЯЗЫКОВУ...

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

Директор музея заранее предупредил:
«Спрашивайте, как проехать не в музей,
а в парк».

«Парк — единственное, что осталось от родового имения русского поэта Николая Языкова», — как бы извиняясь, говорит встретившая нас Татьяна Николаевна Уренцова, научный сотрудник музейного комплекса «Усадьба Языковых».

Комплекс был открыт в 2003 году — к 200-летию Николая Михайловича Языкова. Вырос он из скромной экспозиции, посвященной забытому русскому поэту, ютившейся в музее рабочего поселка Языково, приписанного к местной текстильной фабрике. И чудом сохранившегося парка.

...Высокие ели и вязы, дубы и кедры похожи на зеленый остров, раскинувшийся на окраине поселка. Кроны шумят, словно деревья шепчутся друг с другом. Парк был посажен отцом поэта, Михаилом Петровичем Языковым, который словно догадывался, что его младшему сыну нужно будет место для неспешного течения поэтических дум. Ради устройства усадьбы Михаил Петрович оставил военную службу в звании гвардии прапорщика.

«ОН ВСЕХ НАС, СТАРИКОВ, ЗА ПОЯС ЗАТКНЕТ»

В семье Языковых было шестеро детей: три брата и три сестры. Старший из братьев, Петр Михайлович, был известным геологом, а в историю русской культуры он вошел как собиратель древних рукописей и фольклора. Средний брат, Александр Михайлович, был предводителем дворянства Карсунского уезда.

Будущий поэт Николай Языков родился в Симбирске на Московской улице, в доме своего деда по материнской линии. Дом этот сохранился до наших дней. Больше всех в семье Николай любил младшую сестру, Екатерину, ставшую позднее женой его друга — поэта Алексея Степановича Хомякова.

Усадьбу Языково, где прошло его детство, Николай получил по завещанию в 15 лет. В это время он учился в Петербурге, в Институте горных инженеров, окончив который в 1820 году поступил в Инженерный корпус. Однако учеба была в тягость, его манила литература. В 1821 году Языков был исключен из Инженерного корпуса за постоянные прогулы. Вместо занятий Николай предпочитал, облачившись в халат с пышными кистями, курить трубку и грезить. Еще он с удовольствием посещал литературные кружки и редакции журналов, свел знакомство со многими поэтами и писателями той поры — Дельвигом, Баратынским, Грибоедовым, Одоевским... Особо сдружился с поэтом, переводчиком и издателем Александром Воейковым. Правда, ему к тому времени удалось опубликовать лишь одно свое стихотворение: в 1819 году свет увидели строчки, посвященные товарищу Языкова по учебе Александру Ивановичу Кулибину — сыну известного механика-самоучки.

Старшие братья уговорили Николая продолжить обучение. В 1822 году Языков поступает на философский факультет Дерптского университета, имея при себе рекомендательные письма от Воейкова — бывшего профессора русской словесности этого учебного заведения. Но и здесь учеба не задалась. На сей раз из-за пирушек и кутежей. Николай ежегодно получал 6 тысяч рублей ассигнациями в качестве дохода от имения, но даже такую огромную по тем временам сумму быстро просаживал, часто оказываясь на мели. Расточителен он был до безобразия: студенческие товарищи пили и ели за его счет, он даже оплачивал трактирные долги своего слуги. В университете он был личностью очень популярной — не только из-за своей щедрости. Студенты распевали его стихи, положенные на незатейливые мелодии. Как вспоминал друг Языкова той поры, поэт Н. А. Татаринов, «только на пирушках в полном вакхическом разгуле он соглашался декламировать стихи свои. В одной рубашке, со стаканом в руке, с разгорев-

шимися щеками и блестящими глазами, он был поэтически прекрасен. Все его стихи выучивались наизусть, клались на музыку и распевались студенческим хором». Его же стихи звучали и на собраниях студенческой корпорации «Рутения», которую организовал Языков. Некоторые песни на стихи Языкова были переведены на немецкий и пелись в Дерпте еще с полвека. Да и в других университетах они были известны, удержавшись в памяти русского студенчества до начала XX века.

Языков пишет не только стихи о студенческих пирушках, он слагает и любовные элегии. Муза поэта была известна: Николай влюбился в Александру Андреевну Воейкову — жену своего друга. Александра Андреевна, урожденная Протасова, племянница и крестница В. А. Жуковского, славилась исключительным обаянием, это именно ей Василий Андреевич посвятил свою «Светлану». Александра Андреевна в то время переехала из Петербурга в Дерпт к матери и сестре — Марии Андреевне Мойер, в салоне которой Языков бывал постоянно. Он писал нежные стихи в альбом Воейковой, но, как и другой ухажер — брат Пушкина Лев, — успеха не имел. Стихи же Николая перекочевывали из альбома Александры Андреевны на страницы журнала, который выпускал Воейков. Но увлечение закончилось трагично: в 1829 году Воейкова умирает в Италии, ее смерть стала сильным потрясением для Языкова.

Меж тем стихи Николая уже были замечены. Ему благоволил Жуковский, Языковым весьма интересовался Пушкин, искавший знакомства с ним. В 1824 году Воейков писал Языкову: «Наш Байрон восхищается Вашими стихами и пророчествует Вам мирты, розы, лилии и вечнозеленые лавры». Встретились поэты в 1826 году. Произошло это в Тригорском — имении Алексея Вульфа (с ним Языков подружился в Дерптском университете), расположенном неподалеку от Михайловского, где отбывал ссылку великий поэт. После Языков написал известное стихотворение «Тригорское», в котором Пушкин называется «свободным поэтом, не побежденным судьбой». А Александр Сергеевич увековечил

имя Николая Михайловича в бессмертном «Евгении Онегине». Помните, в четвертой главе? «Так ты, Языков вдохновенный, // В порывах сердца своего, // Поешь бог ведает кого, // И свод элегий драгоценный // Представит некогда тебе // Всю повесть о твоей судьбе».

Своему другу князю Петру Андреевичу Вяземскому Пушкин пишет о Языкове: «Ты изумишься, как он развернулся и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет».

БУЙСТВО СИЛ

В Дерпте Языков проучился восемь лет. К 30-м годам он утомился от пирушек и студенческих забав, обучение его интересовало мало — начатые работы по истории Ливонии так и не были завершены, жизнь в немецкой среде раздражала, ему хотелось домой. Первые восторги читателей остались позади, теперь его хвалили меньше. Николай впадает в депрессию. «Мне бы только добраться до Языкова, — пишет он брату. — Уж там-то я застихотворствую, и восстановится моя блистательная слава поэтическая! Эта надежда меня теперь утешает, как ребенка». Он получает известие, что в имении достроен большой дом, закупает в огромном количестве книги и шлет их в Языково для формирования библиотеки.

Выпускные экзамены в университете Языков сдавать не стал, он вовсе не собирался идти на госслужбу, ведь имение давало приличный доход. Казалось, интуиция его не подвела: уже осенью 1829-го на симбирской земле из-под его пера появляется знаменитый «Пловец». Но... Быстро пресытившись помещицьею жизнью, Николай Михайлович решает ехать в Москву. Здесь он устраивается в Межевую канцелярию, которая была традиционным прибежищем поэтов: до Языкова в ней служили Вяземский и Баратынский. Но чиновничьи обязанности оказались в тягость Языкову, с большим удовольствием он участвует в организации журналов. Вместе с семьей Елагиных-Киреевских поэт устраивает литературные чтения и вечера в салоне Авдотьи Петровны Елагиной. На них бывает и Пушкин. Поэты сближаются еще больше.

К НЕНАШИМ

**О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внимлите
Простосердечный мой возглас!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине, не тот**

Огонь чистейший, пламень ясный
 Вас поднимает; в вас живет
 Любовь не к истине, не к благу!
 Народный глас — он божий глас, —
 Не он рождает в вас отвагу:
 Он чужд, он странен, дик для вас.
 Вам наши лучшие преданья
 Смешно, бессмысленно звучат;
 Могучих прадедов деянья
 Вам ничего не говорят;
 Их презирает гордость ваша.
 Святыня древнего Кремля,
 Надежда, сила, крепость наша —
 Ничто вам! Русская земля
 От вас не примет просвещенья,
 Вы страшны ей: вы влюблены
 В свои предательские мненья
 И святотатственные сны!
 Хулой и лестью своею
 Не вам ее преобразить,
 Вы, не умеющие с нею
 Ни жить, ни петь, ни говорить!
 Умолкнет ваша злость пустая,
 Замрет неверный ваш язык:
 Крепка, надежна Русь святая,
 И русский бог еще велик!

Н. Языков, 1844 год

Накануне свадьбы Пушкин устроил в своей арбатской квартире холостяцкий обед для ближайших друзей (тогда он назывался «девишник»). На этой пирушке Языков знакомится еще с одним поэтом, героем Отечественной войны 1812 года Денисом Васильевичем Давыдовым. «Я пьяный на девичнике Пушкина говорил вам о том, но вы были так пьяны, что вряд ли это помните...» — писал потом Давыдов в 1833 году новому приятелю в Языково.

Кстати, с пушкинской свадьбой связана знаменитая поездка Языкова и друга Александра Сергеевича, Павла Воиновича Нащокина, к цыганам. Певице московского цыганского хора Татьяне Демьяновой он позже посвятил цикл стихотворений. «А познакомились я с ним в самый день свадьбы Пушкина, — рассказывала незадолго до своей смерти Демьянова писателю Б. Марковичу. — Вечером вернулся Павел Войнович, и с ним этот самый Языков. Белокурый был, толстенький и недурной. Они там на свадьбе много выпили, и он совсем как не в своем уме был. Как увидал меня, стал мне в любви объясняться. Я смеюсь, а он еще хуже пристаёт; в ноги мне повалился, голову на колени мне уронил, плачет: «Я, говорит, на тебе женюсь. Пушкин на красавице женился, и я ему не уступлю, Фараонка», — такой смешной он был».

Позже товарищ Языкова, Петр Васильевич Киреевский, писал в январе 1832 года Николаю Михайловичу в Языково о том, что Татьяна по-прежнему прекрасно поет в хоре. К тому времени поэт вернулся в родное имение из-за болезни спинного мозга. Несмотря на нездоровье, здесь он начинает собирать народные песни и предания, воссоздает поволжские былины. А в Москве между тем зло судачили, что Языков исписался, что числить его в рядах первых поэтов уже нельзя, а в рядах первых бражников — еще можно. Но вышедший в 1833 году первый сборник стихов Николая Михайловича посрамил злопыхателей. Николай Васильевич Гоголь утверждал, что Пушкин об этой книге сказал с «досадою»: «Зачем он назвал их «Стихотворения Языкова»! Их бы следовало назвать просто «хмель»! Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил».

Последний раз Пушкин и Языков встретились 29 сентября 1833 года. Александр Сергеевич возвращался из Оренбурга, куда ездил собирать материалы для своей «Истории Пугачева». В Языково поэт застал всех трех братьев. Пушкин шуточно пожурил их за «азиатские привычки», так как все трое встретили его в халатах с длинными кистями, поделился впечатлениями от поездки по Поволжью, прочел балладу «Гусар», пересказал некоторые сцены новой комедии Гоголя.

Парк, где Пушкин и Языков бродили все два дня, что провел здесь «солнце русской поэзии», владельцы имения бережно хранили. На память о своем пребывании в Языково Пушкин посадил ель, а на оконном стекле в комнате, где ночевал, вырезал алмазным перстнем свой автограф. Ель эта до сих пор одна из главных ценностей парка. А комнате Пушкина хозяева долго держали в неприкосновенности, показывая гостям. Гости, правда, тоже были люди известные: Денис Давыдов, Алексей Хомяков, Петр и Иван Киреевские, Дмитрий Ознобишин...

Слава Языково как литературного гнезда сохранялась и после того, как Николай Михайлович покинул имение. Уехал он отсюда после гибели Пушкина — разбитый и потрясенный, измученный болезнью. Два года Языков не мог взяться за перо. Из этого «забытья» вывело его общение с Гоголем, с которым уже тяжело больной Языков познакомился в Италии, где поэт безуспешно лечился. В 1844 году Языков пишет свое знаменитое послание «К ненашим», которое Гоголь назвал «прекрасными и чудными стихами». Но именно эти стихи, написанные

в поддержку славянофильства, сыграли роковую роль в судьбе творческого наследия поэта. Литературные критики, державшие сторону западников, начали писать о Языкове в уничижительных тонах. Белинский подверг критическому разбору стихотворение Пушкина «К Языкову». Критик писал, что в то «золотое время быть поэтом — значило быть древним полубогом. И потому все бросились в поэты». Белинский призвал смотреть на послание Пушкина к Языкову как на до-

садное исключение. Позднее Николай Добролюбов, намекая на образ жизни поэта, заявил, что Языков погубил свой талант, а Герцен в «Былом и думах» сравнил послание «К ненашим» с полицейским доносом...

Николай Михайлович Языков умер в Москве в декабре 1846 года. На смертном одре поэт читал стихи. Похоронили его на кладбище Данилова монастыря.

В 1847 году братья поэта передали его книги в симбирскую Карамзинскую библиотеку. Усадьба Языково была продана симбирскому купцу Федору Степанову, который создал при ней суконную фабрику. Комнату, где ночевал Александр Сергеевич Пушкин, и в бывшем барском доме, и в селе по-прежнему называли «пушкинской»...

ПАМЯТЬ ПОТОМКОВ

В 1903 году, к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Языкова, Симбирская губернская ученая комиссия издала очерк о селе Языково «гофмейстера Высочайшего двора» В.Н. Поливанова, женатого на дальней родственнице поэта. Поливанов так обрисовал бывший дом Языкова: «В два этажа, он построен отцом поэта, в форме «покоя» — с коридорами и двумя просторными флигелями. Со стороны сада дом украшен семью колоннами дорического стиля с каменной лестницей. Двор обнесен решеткою с каменными столбами и параллельно постройкам обсажен вязами, образующими внутри тенистую площадку».

После революции в языковском имении разместили детский дом. В 1919–1920 годах Пушкинский Дом просил художника А.А. Пластова, жившего в соседнем селе Прислониха, зарисовать комнату Пушкина, но все уже было разрушено.

К началу 60-х годов от дома остались только фундамент, балюстрада и сильно поредевший парк. Такой увидела усадьбу приехавшая сюда Надежда Михайловна Демидова, кандидат медицинских наук, сотрудник Московского научно-исследовательского института гигиены им. Ф. Эрисмана, до революции работавшая ткачихой на местной фабрике. Это по ее инициативе в 1972 году в стенах фабрики был создан му-

зей истории рабочего поселка Языково. И хотя с 1969 года в языковском парке Ульяновское областное и Карсунское районное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и хоровое общество Ульяновской области проводили ежегодные музыкально-поэтические праздники памяти А. С. Пушкина, в экспозиции музея место, выделенное под поэта Языкова, было крохотным. Поселок славился одеялами и шинелями, выпускавшимися на фабрике, а не как родовое гнездо Языкова. Акацию и сирень из парка жители безжалостно выкапывали и пересаживали в свои палисадники, а в тех, кто приезжал на ежегодный День А. С. Пушкина в языковском парке видели не почитателей русской поэзии, а потенциальных покупателей ягод и фруктов.

Не уцелел бы знаменитый парк, если б его не взяла под свою опеку фабрика. В парке проводились гулянья, местная библиотека открывала павильоны для чтения. Приезжим литераторам языковские школьники дарили на память сделанные своими руками гнезда с аистами внутри — символ литературного гнезда. Все кануло в Лету вместе с советскими временами. В 90-е жители поселка продолжали рубить деревья в парке, жечь костры, устраивать пикники... Нанятый фабрикой сторож по вечерам предпочитал держаться от этого места подальше. В 2002 году Ульяновский областной музей предложил стать директором парка Татьяне Николаевне Уренцовой. До нее от этой должности отказались двое мужчин. А она — заведующая сельской библиотекой — согласилась поменять стеллажи с книгами на темные аллеи. «Кто-то ведь должен был взять это на себя, — объясняет Татьяна Николаевна. Помолчав, добавляет: — сюда к Языкову Пушкин приезжал!» Дружбе двух поэтов она в библиотеке посвящала большие выставки, вступала в переписку с архивами и музеями. Все письма Пушкина к другу в Языково она может цитировать по памяти. Но когда Татьяна Николаевна по вечерам в парке рассказывала обо всем этом тем, кто жег костры и жарил шашлыки, понимали ее далеко не все.

Правда, не обижали бывшего библиотекаря, все ж таки в поселке все друг друга знают.

Помог отстоять языковский парк профессор из Казани Николай Васильевич Нарышкин — поклонник творчества Языкова, уроженец здешних мест. Это он убедил губернатора Ульяновской области создать в Языково мемориальную зону. Привели в порядок парк, вычистили пруды, укрепили фундамент барского дома, под экспозицию музея выделили старый больничный корпус, назначили штат работников. Сейчас в музее работает и Тамара Васильевна Алексеева. Это она стояла у истоков первого поэтического праздника «День А. С. Пушкина в языковском парке» (сейчас он называется «Пушкинско-Языковский праздник поэзии»). Татьяна Николаевна Уренцова стала научным сотрудником музея. А ее муж, Петр Николаевич, директор. Это он всем гостям, которые приезжают к Языкову впервые, советует спрашивать дорогу к парку, а не к музею. Ведь о том, что в селе открыт музей Николая Михайловича Языкова, по-прежнему знают далеко не все.

P. S.

...Кроме нас, гостей в музее не было. Тишину парка нарушали лишь щебет птиц да скрежет лопаты. Директор старательно расчищал ото льда аллею, ведущую к скромному музейному комплексу. И хотя экскурсий в этот день не планировалось, лопатой Петр Николаевич работал очень усердно, словно ждал какого-то важного гостя. А и правда: вдруг с трассы свернет какой-нибудь путник и заглянет к Языкову? И, может, он тоже окажется национальным гением? Такое тут однажды уже было...

ДЕЛО МАРКСА

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Годовая подшивка «Нивы» была до революции почти в каждом читающем доме. Серьезные литераторы и общественные деятели посмеивались над благонамеренностью журнала и ядовито вышучивали «картинки из «Нивы»», висевшие на стенах мещанских домов по всей России. И все-таки «Нива» так и осталась в культурной памяти страны одним из лучших ее журналов и одним из самых успешных издательских проектов. В чем секрет ее успеха?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В 1859 году в Россию приехал молодой немец Адольф Маркс, сотрудник лучшего в Берлине, а может быть, и в Европе, книжного магазина. Книготорговец Битепаж пригласил перспективного юношу помочь с организацией дела в России. И Маркс, которому тогда был 21 год, отправился в чужую страну, не зная даже ее языка. Пять лет проработал у Битепажа, потом перешел к Маврикию Вольфу, успешному издателю, однако вскоре ушел и от него. В 1869 году Маркс взялся за самостоятельное издание книг, а через год основал журнал «Нива». Тонкий еженедельник был иллюстрирован гравюрами (к каждой из которых давалось основательное пояснение) и рассказывал читателю о новостях науки, о международной жизни, о медицине. В нем печатались рассказы и стихи русских и зарубежных литераторов, часто — повести и романы с продолжением. Уже в первый год существования журнала с ним стали сотрудничать поэт Аполлон Майков, писатель Всеволод Крестовский, художник Константин Маковский. Постепенно вокруг издания

сложился круг авторов, которые отличались известным консерватизмом. Общественную позицию журнала проще всего было бы определить словами «за веру, царя и отечество»; российская жизнь в нем представляла очень спокойной, основанной на незыблемых устоях, картина мира была ясной и простой. Самые громкие имена среди авторов ранней «Нивы» — Фет, Полонский и Лесков. Возьмем подшивку за первый год издания журнала — 1870-й. В ней мы найдем историческую повесть, отчет о Всероссийской мануфактурной выставке с гравюрами (вот главный сад и вход в аквариум, вот пушка-великан Обуховского сталелитейного завода, вот панцирная броня в разрезе). Читателю рассказывают об уходе за больным, о потогонных средствах, обсуждают женский вопрос, повествуют о диком итальянском

обычае «чиччата» (это нечто вроде дуэли на ножах до смертельного исхода). Есть военные мемуары, охотничьи рассказы, очерки Кавказа, история жизни Наполеона III с картинками. Политическое обозрение. Воззвание Гюго. Письмо Карлайля. Статья о водороде в природе и хозяйстве, статья об озоне. Иллюстрированный очерк «Помещение для скоростипно умер-

ших в Нью-Йорке»: «Моргой в Нью-Йорке называется здание, в которое сносятся все умершие на улице, раздавленные, утопленники...» Автор подробно описывал, как все организовано у американцев («с потолка идет над каждым из столов трубка, из которой безостановочно струится критановая жидкость и поливает охладелье трупы»), и резюмировал: «К несчастью, у нас в Петербурге до сих пор еще нет ничего подобного, а между тем, в виду часто-повторяющихся несчастных случаев, не мешало бы подумать об этом».

БОЛЬШАЯ ПУБЛИКА МАЛЕНЬКИХ КОШЕЛЬКОВ

Журнал был относительно недорог — годовая подписка стоила от 4 до 5 рублей, в зависимости от места проживания читателя и необходимости доставки и пересылки журнала. Уже в первый год выпуска подписаться на «Ниву» можно было не только в Москве, но и в Берлине; в 1870 году подписчиков было 9 тысяч — гораздо больше, чем у любого другого русского журнала.

Издатель постоянно придумывал способы увеличить подписку. Сначала они были довольно стандартными. В 1871 году подписчики журнала стали получать бесплатное приложение «Парижские моды» — с обзором тенденций, изящными картинками, узорами для рукоделия и практичными выкройками. В 1879 году Министерство внутренних дел позволило Марксу посылать подписчикам «бесплатные премии, заключающиеся в книгах, картинах, photographиях, портретах, географических и прочих картах, планах, общественных играх, календарях и т. п. изданиях». До тех пор рассылка приложений была не особенно популярна; Маркс положил начало целой отрасли издательского дела, существующей и по сей день.

Адольф Федорович внимательно следил за новинками в издательском деле, внедрял новые технологии и постоянно работал над тем, чтобы максимально удешевить свою продукцию, не теряя при этом в качестве. Недорогая продукция Маркса не была дешевой: он с уважением относился к небогатой публике и старался дать ей за ее небольшие деньги интересный журнал и по-настоящему хорошие книги.

К середине 1880-х тираж «Нивы» перешагнул 100-тысячный рубеж. Это означало, что в малограмотной прежде России появился большой читательский слой — «большая публика маленьких кошельков», по чьему-то удачному выражению.

Менялись читатели — менялось и изображение семьи подписчиков на первой странице

журнала. В первые годы издания типичные читатели выглядели настоящими аристократами — гладко выбритый, хорошо одетый мужчина в сюртуке и дама в пышном платье с завитыми локонами. В последующие годы мужчина отрастил бороду (в 1900-е это уже стала типичная интеллигентская бородка клинышком), а дама стала одеваться и причесываться поскромнее. Третий член семьи, дитя, почти не видоизменился — да его толком и не видно, картинка маленькая.

ИСКУССТВО УДИВЛЯТЬ

Круг читающей публики вбирал в себя все новые и новые социальные слои, вплоть до грамотных рабочих и крестьян. За внимание и деньги нового, массового читателя стали бороться старые и новые издания. Конечно, полезный опыт «Нивы» многие тут же переняли и тоже стали рассылать подписчикам бесплатные приложения — моды или олеографии. Чтобы сохранить за собой преимущество, Марксу приходилось постоянно изобретать что-нибудь новое.

Поэтому в 1889 году к журналу стал прилагаться ежегодный литературный сборник. Со следующего года он стал ежемесячным, затем в год стало выходить 24 таких сборника. Впоследствии приложение к «Ниве» превратилось в самостоятельное периодическое издание.

Маркс резко повысил гонорары за публикации в «Ниве» и постарался привлечь на страницы журнала лучших отечественных писателей: Гончарова, Григоровича, Толстого, Тургенева; целые драмы можно писать об истории его переговоров с умирающим Тургеневым о его последнем произведении или с Толстым по поводу издания «Воскресения» в пользу канадских духоборов. Впрочем, публикация «Воскресения» в 1899 году стала крупной удачей «Нивы».

Старый круг малоизвестных писателей постепенно уступил место созвездии замечательных имен. «Нива» печатала стихи Алексея Толстого, Тютчева, Случевского, прозу Николая Успенского, Станюковича, Чехова, Мамина-Сибиряка, Григоровича... Фирма Маркса не ограничивалась изданием «Нивы», основной целью было книгоиздание. Маркс был уверен, что для русского читателя интересней всего русские авторы — и ставку сделал именно на русскую литературу, хотя издавал и иностранных авторов.

Сначала, пока финансовое положение фирмы было неустойчивым, Маркс выбирал авторов, которым не надо платить гонорар, — умерших более 50 лет назад; за полвека истекало авторское право. Так он издал Фонвизина, Кольцова, Екатерину II. Когда его положение на рынке упрочилось, а «Нива» стала давать стабильный доход, он смог покупать права у на-

следников писателей, на чьи произведения авторское право еще не истекло. Затем смог заняться и неприбыльными издательскими проектами, к которым лежала его душа: к роскошному, на века, изданию хороших книг — таких, которые держат на полке десятилетиями и передают потомкам. Выбор книг для издания говорит сам за себя: «Потерянный рай» Мильтона с иллюстрациями Доре, «Фауст» Гёте. Позднее вышли в свет сказки братьев Гримм, «Рейнеке-лис» («Лис Патрикеевич») Гёте и «Мертвые души» Гоголя — издание, в которое Маркс вложил множество средств и душевных сил.

Еще в начале работы над «изящными» изданиями Маркс писал переводчице «Потерянного рая»: «Я больше двух лет употребил на составление и приготовление этого издания; хорошо было бы, если бы русская публика приняла эту книгу, хотя с малой долей той любви, которую я положил на нее. Предпринимая это издание, я не рассчитываю на то, что оно может скоро разойтись, и знаю, что мне в несколько лет не покрыть расходов на него, но это только доказывает, что есть идеалисты, которые хотят работать без надежды на скорую пользу».

Впрочем, с такой же любовью Маркс относился и к более скромным изданиям — полным собраниям сочинений и однотомникам русских классиков. Они не были вполне научными, как в других издательствах, с ними не проводилась такая дотошная текстологическая работа, однако они были иногда в десятки раз дешевле — при большом тираже и приемлемом качестве. Именно с Адольфа Федоровича Маркса началась традиция дешевого издания русской классики большими тиражами.

БИБЛИОТЕКА «НИВЫ»

Другие издания не отставали: рассылка литературных сборников подписчикам стала обычной практикой. Поэтому в 1894 году Маркс сделал следующий шаг. Теперь подписчики «Нивы» стали получать в качестве приложения к журналу бесплатные собрания сочинений русских и иностранных писателей. Так началась совершенно новая страница в истории журнала и его приложений.

Русскую классику Маркс выпускал обычно двумя изданиями: первое было коммерческое — большой тираж, невысокая цена. Второе издание — бесплатное приложение к «Ниве», тираж зависел от подписки. Постоянные подписчики «Нивы» собирали целые библиотеки русской классики. В течение года они получали в качест-

ве приложения одно-два собрания сочинений. Бесплатные собрания приводили в журнал массы подписчиков — в 1904 году у «Нивы» их было 275 тысяч — второй результат в Европе.

Коммерческий успех «Нивы» позволял финансировать издательские проекты. Сам Маркс определял свою задачу так: «Главная цель «Нивы» — служить в области печатного слова культурным задачам дорогого нашего отечества. В этом она полагает и все свое значение, и все свое честолюбие; этим определяется и содержание ее приложений. Сделать выдающихся наших писателей общедоступными — одно из верных средств достижения этой плодотворной цели».

Ломоносов, Жуковский, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь, Гончаров, Достоевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Лесков, Чехов, Фет — это далеко не полный список авторов, чьи произведения фирма Маркса издавала отдельно и в составе собраний сочинений, в том числе приложениями к «Ниве».

ОЛЕОГРАФИИ

Картинки в «Ниве» и приложения-репродукции к ней — совершенно особая история. «Нива» знакомила читателей с творчеством русских и иностранных художников: рассказывала о недавно состоявшихся художественных выставках, воспроизводила самые интересные из выставлявшихся картин. Картины известных художников сначала публиковались в виде гравюр. Позднее в журнале стали появляться фотографии. Иллюстраций из года в год становилось все больше.

В качестве приложений подписчикам бесплатно высылали олеографии и хромолитографии — цветные, многокрасочные репродукции, которые позволяли читателям — особенно провинциальным — получить личное представление о картине. Олеографии и хромолитографии были несовершенны и трудоемки, они неточно передавали и иногда даже искажали цвета. Их часто бранили за безвкусицу и алляповатость, которые в первую очередь объяснялись уровнем развития типографской техники. Во вторую очередь — дело в социальных слоях, которым пришлось по душе олеографии из журнала. Эти картины вытеснили из употребления совсем уже низовые культурные явления: лубок, народные картинки про битву русских с кабардинцами... Репродукциями из «Нивы» в глухой русской провинции стали украшать стены в избах и трактирах — это прибавило журналу дурной славы, но очень способствовало просвещению: Маковский, Шишкин, Верещагин стали известны даже в отдаленных уголках Российской империи. А позднее Маркс стал издавать и целые художественные альбомы — Айвазовского, Репина, других художников.

ПОСЛЕ МАРКСА

Маркс умер в 1904 году, однако «Нива» не погибла — напротив, обрела второе дыхание, в чем большая заслуга ее последнего редактора, Валериана Ивченко (Светлова). Его усилиями в журнале появилось новое поколение замечательных литераторов: Мирра Лохвицкая и ее сестра Тэффи, Блок, Есенин, Куприн, Мандельштам, Брюсов, Мережковский, Георгий Иванов, Чулков, Бальмонт, Кузмин, Сологуб, Грин, Ремизов... С «Нивой» сотрудничал (как журналист и публицист) Корней Чуковский, печатался адвокат Анатолий Кони, искусствовед и художник Игорь Грабарь, шахматный раздел вел Зноско-Боровский, известный не только как шахматист, но и как драматург и критик. Аудитория «Нивы» тоже подросла и изменилась: теперь это был журнал уже не для среднего мещанина, а, скорее, для среднего интеллигента.

Впрочем, ни своей консервативности, ни своей благонамеренности он не потерял.

«Ниву» периода ее расцвета выделяет обилие отличных иллюстраций (для журнала работали замечательные фотографы, в числе которых Булла) и колоссальное обилие рекламы — «угрина», «бородорастителя», шоколада и какао, «лучшей крыши Руберойд», слабительного Purgen («Вкусно. Нежно. Надежно»), коньяка Шустова, вин Хина-Ларош, которые рекламируют театральные артисты, в том числе Шаляпин.

Полистаем подшивку за 1907 год. Выставка картин в Академии художеств. Фоторепортажи: «продовольственные работы для голодающих в городе Кинешме», «безработные ожидают очереди для получения провизии», «парад в Высочайшем присутствии», «наводнение в Кременчуге», «лаборатория бомб в Финляндии», «закладка памятника Гоголю». Серьезные статьи с серьезными названиями: «Из практики современного судостроения военных флотов». Подробный, с фотографиями и схемами, рассказ «спасение заживо погребенного» — о человеке, попавшем в завал; на фотографиях ему проигрывают через просунутую в землю трубу песни через фонограф и подают пищу; на схемах — как просунули эту трубу и какие копали траншеи и тоннели, чтобы его спасти. Искусствоведческая статья о Нестерове и множество его картин. Картины Семирадского. Очерки по истории конституции. Жизнеописание Гарибальди. Подарки Франции русской армии. Общий портрет царской семьи «по поводу счастливого избавления от готовившегося покушения на Особу Его Императорского Величества». Много групповых фотографий — скажем, «женщины-депутатки Финского сейма», «ходы к крестьянским депутатам», «старобрядцы». Разное: винодельческая революция во Франции, слоны-дровосеки в Азии. В качестве приложения — заканчива-

ется собрание сочинений Станюковича, начинается десятитомный Алексей Толстой. Тексты большие, гораздо больше мелкого шрифта, чем в прежние годы: объем издания не увеличился, но он стал плотнее и насыщеннее.

Революция сильно изменила «Ниву»: из нее пропали фоторепортажи и проблемные статьи, исчезла политика. Однако «Нива» продолжала выходить. Реклама из нее тоже пропала: все частные объявления стали монополией советской власти.

Собрания сочинений, однако, продолжались и в 1918 году — последнем в жизни «Нивы». Подписчикам высылали Герцена, Горького, Короленко, Беранже и труды историка Кареева. О чем теперь пишет «Нива»? «Картины русской жизни» с крестным ходом на Троицу и рассказом из жизни сельского батюшки, этнография и страноведение («улица в Эрзеруме», «калмыцкая легенда», виды Константинополя) ... В журнале почти никак не отражается современная жизнь с ее трагедиями (разве что намеками: в серии крымских работ Маковского одна называется «Товарищ»: сидит полупьяный босьяк с двумя бутылками вина) — а поди-ка попробуй в 1918 году говорить прямым текстом. Зато очень подробно, из номера в номер, обсуждается Великая французская революция: очерки Кареева, статьи Власа Дорошевича, картины и гравюры — все о Марате, Дантоне, Робеспьере; это был единственный известный русскому интеллигенту опыт состоявшейся революции; в истории Французской революции люди пытались искать ответы на свои сегодняшние вопросы.

И еще вопросы: «сколько нужно земли, чтобы разбогатеть?» — пропагандируется опыт немца-садовода, разбившего фруктовый и розовый сад с пасекой на клочке 20 на 20 саженой. Инженер Рюмин очень научно обсуждает животрепещущий для замерзающих Москвы и Петрограда вопрос «топливо и тепло» — как правильно топить печь. Роли Шаляпина. История помпейских раскопок. Неизбежные для 1918 года Пьеро и Коломбины. «Галантный разговор» Сомова.

В сентябре 1918 года советская власть закрыла все буржуазные издания, в том числе «Ниву». Многолетняя блестящая история журнала закончилась.

Остался простой секрет успеха: любить то, что делаешь, уважать своего читателя, издавать хорошо, продавать недорого — и понимать, что есть ценности выше прибыли.

Но почему-то так, как у Маркса, ни у кого не получается. 🍷

КТО УБИЛ ЛЕРМОНТОВА?

МИХАИЛ БЫКОВ

Ответ, казалось бы, очевиден. 27 июля 1841 года в нескольких верстах от Пятигорска у подножия горы Машук состоялась дуэль. Отставной майор Николай Мартынов, выстрелив из пистолета, нанес поручику Тенгинского пехотного полка Михаилу Лермонтову смертельное ранение. Почему ж тогда и сегодня, спустя сто семьдесят лет, равнодушные к гению поэта люди продолжают искать ответ на вопрос: кто убил Лермонтова, как его убили, что его убило?

Обстоятельства последней дуэли Михаила Юрьевича Лермонтова на первый взгляд хорошо известны.

Поздней весной 1841 года он вместе с капитаном Нижегородского драгунского полка Алексеем Столыпина-Монго прибыл в Пятигорск лечиться на водах. Подорожная в Дагестанский отряд под Темир-Хан-Шурию потеряла смысл. Боевые действия там уже закончились. Новое прикомандирование к Лабинскому отряду, находящемуся на отдыхе на левом фланге Черноморской линии, позволяло соорудить себе короткий отпуск по медицинской причине.

Пятигорск того времени слыл в столицах местом не только курортным, но и крайне модным. Даром что рядом продолжала куриться затянувшаяся Кавказская война.

Общество в то лето в городе собралось значительное, около 1500 семей. В двух признанных салонах, генеральш Верзилиной и Мерлини, говорило, пело, танцевало, играло и флиртвало немало представителей столичной аристократии. В лермонтовском круге оказались князя Трубецкой и Васильчиков, корнет лейб-гвардии Конного полка Глебов, само собой, блистательный красавец Столыпин. Наконец, «однокорытник» Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров экс-кавалергард Мартынов. Были и другие. Но список этих друзей-товарищей имеет особенное значение. Все перечисленные были в тот роковой вечер у Перкальской скалы, когда Лермонто-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ва не стало. Все они на следствии давали путанные показания. Все, кроме князя «Ксандра» Васильчикова, до конца дней отмалчивались, когда речь заходила о трагедии. Да и князь позволил себе относительную откровенность только под занавес жизни, спустя почти столетия после гибели Лермонтова.

А тогда, в июле 1841-го, они наблюдали, как разгоралась ссора между поэтом и Мартыновым, как грянул вызов и как грохнул выстрел.

Теперь, когда свидетелей давно нет на свете, когда сохранившихся документов недостаточно, истинную причину и обстоятельства дуэли мы не узнаем никогда. Как обычно в таких случаях, остаются версии, логические построения, спекуляции на тему...

ВЕРСИЯ: ИМПЕРАТОР

Нетрудно догадаться, что император Николай I этого невысокого офицера с горящими огромными глазами не любил. Было за что после январских стихов 1837 года. При советской власти эту нелюбовь трактовали, начиная с учебников и заканчивая диссертациями, банально: «сатрап» увидел в строчках, написанных на смерть Пушкина, посягательство на устои власти, излишнее свободолюбие и независимость суждений. Как следствие — ссылка.

Думается, под этим поверхностным пластом лежит многое. Комплексы царя, вскормленные декабрьскими событиями 1825 года, и вечный страх повторения дворянского восстания. Сложные и тонкие отношения Николая с Пушкиным, бесспорные переживания первого в связи с трагической кончиной второго. Критический взгляд взрослого царя на ту конструкцию власти, что он построил. В результате — понимание того, что есть вещи, против которых даже всеильный монарх бессилен. Например, сделать «героем нашего времени» Максима Максимовича вместо Печорина. Даже Лермонтов, узнав о такой царской трактовке, попробовал: написал в 1841 году очерк «Кавказец». Но выполнить «заказ» не получилось, Максим Максимович героем не вышел, очерк запретила цензура. Раздражало царя и то, что в собственной семье он имел горячую поклонницу лермонтовского таланта: жену Александру Федоровну.

Если смотреть на отношение царя к Лермонтову сквозь призму всех этих чувств и мыслей, то тем более понятно, что лейб-гусарский корнет злил государя самим фактом существования. Первый биограф Лермонтова, Дружинин, собственно книгу написать не смог, но собрал большое количество воспоминаний родственников, знакомых, сослуживцев поэта. Он встречался и с другом последних месяцев жизни Михаила Юрьевича —

знаменитым бретером и храбрейшим офицером Руфином Дороховым, находившимся летом 1841 года в Пятигорске. Это он послужил прообразом Долохова в романе «Война и мир» для Льва Толстого. Дорохов подвел итог одной фразой: «Дуэли не было — было убийство».

В логическую цепочку укладывается и тот факт, что не только Николай I, но и его сын Александр II не разрешали к печати

подготовленные биографии Лермонтова, а сочинения поэта хоть и издавались, однако ж без сведений об авторе. Первая биографическая книга, подготовленная Висковатовым, вышла только в 1891 году.

Лермонтов оказался смелым и умелым офицером. Но ни одно из представлений к награждению орденом и Золотым оружием «За храбрость!» царскую визу не обрело.

Наконец, многие охотно повторяют тезис князя Вяземского, узнавшего якобы со слов князя Васильчикова о том, что государь, получив весть о гибели Лермонтова, сказал: «Собаке — собачья смерть!» Ссылаются на некоего флигель-адъютанта Лужина, присутствовавшего при эпизоде. Николай I не терпел дуэли и считал их варварством. Любил крепкие выражения и эффектные фразы. То есть сказать мог, но сказал ли — недоказуемо.

Аргументов против этой версии тоже хватает. Но один — особенный, и касается именно тех событий, что происходили летом 1841-го в Пятигорске.

Прочитав распоряжение Николая I относительно поэта: «дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку». Подписано 30 июня (12 июля) 1841 года.

Лермонтов уже более месяца находился в Пятигорске. Если б по распоряжению императора или на крайний случай шефа жандармов Бенкендорфа усилиями III Отделения и была организована спецоперация против, извините, всего лишь пехотного поручика, зачем тогда, спрашивается, требовать удаления Лермонтова из Пятигорска, где сия операция и намечалась?

В этой же связи нельзя не сказать о том, что после гибели поэта в официальной переписке соответствующих чинов, в частности жандармского подполковника Кувшинникова, приглядывавшего за Михаилом Юрьевичем, не было и легкого намека на доклад об исполнении некоего поручения...

ВЕРСИЯ: ЗАГОВОР

Конечно, в свете знали о том, что Лермонтов в немилости. И консервативная часть петербургской элиты, сообразуясь с собственными правилами, вела себя «святое папы римского». По принципу: император не любит, а мы возненавидим! К тому были и некоторые объективные основания. Многие современники, вспоминая Лермонтова, говорили, что в нем уживались два человека. Один — мягкий, доброжелательный для ближнего круга, другой — полный сарказма, насмешливый, даже жестокий в своих шутках для остального света.

Если неподготовленному человеку дать прочитать откровения лермонтовского сослуживца по лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку Арнольди и мемуары Шан-Гирея, он окажется убежденным, что речь идет о двух разных людях.

Лермонтовские стихи, эпиграммы, публичные шутки-насмешки и другие выходки имели конкретных адресатов. Кое-кто из них в лето 1841 года оказался на водах в Пятигорске. Так случилось, что эти люди посещали салон генеральши Мерлини. Разумеется, никакого вульгарного антагонизма не было. У Мерлини запросто бывали близкие поэту люди, в том числе Столыпин-Монго, не только многолетний товарищ, но и родственник. Алексей, будучи на два года моложе Лермонтова, приходился ему дядей. Заходил к героической Катерине Ивановне и сам Лермонтов.

Дамой боевой генеральша Мерлини слыла не напрасно. В 1836 году, будучи уже вдовой коменданта Кисловодской крепости, она возглавила оборону городка во время набега горцев. Екатерина Ивановна прекрасно ездил верхом и держала отменную конюшню, что лошадиника-Лермонтова не могло не привлечь.

Вхожесть поэта в дом не мешала участникам салона Мерлини отзываться о нем без аристократического лоска — «ядовитая гадина». Неудивительно, что там были озабочены желанием проучить, наказать, поставить на место «этого выскочку». Дело приняло конкретный оборот, когда заметили, что одним из объектов для шуток стал молодой офицер Лисаневич. Сын генерала Павла Граббе, командовавшего в 1841 году войсками Кавказской линии, пересказывал воспоминания отца по этому поводу.

К Лисаневичу приставали с угрозами вызвать Лермонтова на дуэль и проучить. Отстали только тогда, когда офицер сказал, что «у него рука не поднимется на такого человека». Генерал Граббе — не единственный, кто вспоминал эту провокацию. Подтверждала сие Эмилия Шан-Гирей, дочь генерала Верзилина и первая красавица салона своей матери в 1841 году. О наличии каких-то «подстрекателей» говорил и князь Васильчиков исследователю жизни поэта Висковатову. Раз так, то с конспирацией у заговорщиков дело обстояло из рук вон плохо. Напрашивается вывод — что проучить-то хотели, но о человекоубийстве не помышляли.

Вывод: про некий заговор вспоминали. Однако — ни одной фамилии!

Дальше других по этой дороге пошел, как ни странно, убийца Лермонтова. Николай Мартынов в конце жизни признался как-то: «Друзья таки раздули ссору...»

Тут самое время сказать, что постоянным участником салона генеральши Мерлини был... князь Васильчиков.

ВЕРСИЯ: ТОВАРИЩИ

Компания у Лермонтова на водах подобралась разношерстная. Стоит представить всех главных участников трагедии подробнее.

Начнем со Столыпина-Монго. Лермонтоведы в отношении этого человека стоят на полярных позициях. Одни считают Алексея добрым другом и помощником поэта, другие — его злым гением.

Наверное, многолетняя дружба не являлась эталоном человеческих отношений. А иначе и быть не могло. Некоторые исследователи отмечают, что в 1840 году, после дуэли Лермонтова с сыном французского посла де Барантом, которому со стороны поэта секундировал Монго, в их отношениях наметилось некое охлаждение. Несмотря на это, Столыпин стал секундантом племянника и в последнем случае. Его не остановили соображения личной безопасности. А угроза имела весьма серьезная. Император не слишком благоволил бывшему лейб-гусару, и, окажись в материалах расследования фамилия Монго, все могло бы закончиться для него разжалованием в солдаты, а то и чем похуже.

Знавшие Столыпина отмечали его благородный характер и щепетильное отношение к вопросам чести. Одновременно Монго отличался сибаритством, дендизмом, беспредельной ленью и равнодушием к делам карьерным. Представитель знатного рода, красавец, отлично подготовленный офицер, Столыпин

несколько раз вступал в военную службу и выходил в отставку. Получив чин корнета в 1836 году, только в 1855-м за отличия в Крымскую войну произведен в майоры и награжден Золотым оружием.

Поклонники Лермонтова обвиняют Монго в том, что он не уберег поэта от роковой дуэли. Более того, следуя представлениям о дворянской чести, дал несколько советов Мартынову во время следствия, дабы тот представил события в нужном свете. Конечно, в таком поведении можно усмотреть признаки измены другу, но, видимо, Столыпин отталкивался от собственной трактовки случившегося и считал виновником ссоры Лермонтова.

В то же время как раз Монго старался сделать хоть что-то, чтобы смягчить условия дуэли и уже в ходе поединка не допустить убийства. Это он крикнул Мартынову после счета «Три!», что разведет стрелков, так как время для выстрела вышло.

Видимо, те же представления о чести не позволили Столыпину хоть что-то рассказать о мотивах и обстоятельствах поединка впоследствии. Он молчал вплоть до своей смерти от чахотки в 1858 году во Флоренции.

Секундантом Лермонтова был Михаил Глебов. Этот 23-летний корнет Конной гвардии уже понюхал пороха на Кавказе в 1840 году. Был серьезно ранен в плечо в битве на реке Валерик. Той самой, которую так ярко и пронзительно отразил в одноименном стихотворении Лермонтов. Выходит, не просто петербургский знакомец по службе в гвардейской кавалерии. Боевой товарищ! Он и вел себя как таковой. Это Глебов по окончании следствия рассказал частным образом о том, как вел себя Лермонтов на дуэли. Прочитировал последние слова поэта о том, что он стрелять в Мартынова не станет. Это Глебов остался с телом Лермонтова под проливным дождем, когда Мартынов сразу после поединка уехал, а князь Васильчиков отправился в город за доктором и транспортом.

Сам Глебов ненадолго пережил убитого друга. В 1847 году пал на Кавказской войне в перестрелке около аула Сарты. В момент гибели адъютант командующего князя Воронцова Глебов сидел на коне перед готовящимся к атаке батальоном Ширванского полка. Зная Глебова после 1841 года поговаривали, что он сам искал смерти.

Так же как Монго, латентным секундантом на дуэли был и князь Сергей Трубецкой. И так же как Монго, князь числился в черном списке государя. Еще будучи в кавалергардах, сын героя войны 1812 года многократно отличался. И вовсе не по службе. В 1837 году соблазнил дочь генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина, вследствие чего был принудительно об-

венчан с нею в Царском Селе в присутствии императора. «Шалости» красавца Трубецкого в Петербурге кончились тем, что царь распорядился перевести его в Гребенской казачий полк. Вместе с Лермонтовым и Глебовым Трубецкой участвовал в походе 1840 года и сражался на реке Валерик. Его фамилию, как и фамилию поэта, вычеркнули из наградных списков.

Бретер Трубецкой до конца жизни себе не изменил. В 1851 году, 36 лет от роду, тайно увез от мужа некую Лавинию Жадимировскую. После поимки отсидел в Алексеевском равелине сколько положено. Был лишен титула, чинов и знаков отличия, разжалован в солдаты. Умер в 1859 году.

Сергей Васильевич Трубецкой никогда не отвечал на вопросы, связанные с последней лермонтовской дуэлью.

Князь Васильчиков офицером не был. Сын председателя Государственного совета и близкого соратника императора князя Иллариона Васильчикова служил по юридической части. На Кавказе оказался ведомый карьерными соображениями. Группа молодых амбициозных аристократов прибыла туда, дабы осуществить масштабные административные реформы. Однако уже через год стало ясно, что прежде надобно выиграть у горцев войну. Князь «Ксандр» осел в Пятигорске на некоторое время.

Его характеризовали как блестящего оратора, эрудита, фата и позера.

В отношениях с Лермонтовым в короткий пятигорский период князь Васильчиков успел перемениться до крайности. По словам Чилаева, владельца домика, в котором квартировал поэт, Васильчиков сначала ухаживал за Лермонтовым, но через месяц стал сдержан и холоден.

Это, конечно, не повод подозревать князя «Ксандра» в какой-то серьезной интриге против недавнего приятеля. Но именно Васильчиков позволил дуэли состояться.

Каждый из компании в меру своих сил и понимания того, что происходит, старался поединок предотвратить. Например, Дорохов, говорят, сознательно ужесточил условия для стрелков, надеясь, что Мартынов, не слышавший за смельчака, отступит. Остальные почти уговорили Лермонтова и Столыпина скорее уехать в Железноводск, дабы выиграть время. Все решилось, когда Мартынов заявил об окончательном реше-

нии драться. Была надежда, что никто не согласится стать его секундантом. И тогда все рассосется само собой. Неожиданное согласие дал именно князь «Ксандр».

На допросах Мартынов, Глебов и Васильчиков вели себя так, как успели договориться заранее. Первое: причина дуэли — злые шутки и провокации Лермонтова, оскорбленное самолюбие Мартынова. Второе: Трубецкого и Столыпина не выдавать. Так и сделали. Лермонтов мертв, ему все равно. А остальным — жить...

Дольше других, кстати, жил князь Александр Васильчиков. До 1881 года.

ВЕРСИЯ: ДЕКАБРИСТЫ

Современный исследователь жизни поэта Чернов высказал весьма интересную мысль по поводу причины поединка. 13 (25) июля 1841 года — дата непростая. Минуло ровно пятнадцать лет с того дня, как на кронверке Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге были казнены пятеро приговоренных к повешению участников восстания 14 декабря. Лермонтов был не чужд идеям декабристов, а некоторых из них хорошо знал лично. На Кавказе он подружился с сосланным в солдаты Александром Одоевским, в Пятигорске — с Николаем Лорером. Знал Лихарева, Назимова, Нарышкина...

Лорер вспоминал в мемуарах, что пятигорская гвардейская молодежь очень тепло относилась к декабристам. Имелась в виду лермонтовская компания.

Отмечалось, что в тот день у Верзилиных Лермонтов был мрачнее обычного и если шутил, то зло. Автор гипотезы считает, что не мог ни сам Лермонтов, ни его товарищи не помнить о казни. Вполне вероятно, что поэт мог сказать тост за «цареубийственный кинжал». Но Мартынов, к слову, убежденный монархист, мог вступить за государя императора, и скандал произошел на почве политических убеждений.

Как тут быть с воспоминаниями Эмилии Шан-Гирей, рассказывавшей историю с кинжалом иначе. Именно она танцевала с Лермонтовым, когда тот, бросив взгляд на стоявшего поодаль Мартынова в черкеске

с длинным кинжалом на поясе, сказал по-французски: ужасный горец с огромным кинжалом. Эмилия отмечала: будто на зло музыка оборвалась неожиданно, и слово «кинжал» прозвучало отчетливо и громко. Мартынов закусил губу.

ВЕРСИЯ: МАРТЫНОВ

Николай Соломонович Мартынов родился в 1816 году в Нижнем Новгороде, получил отличное образование. Много читал, музицировал, писал стихи и прозу. В «Славную школу» поступил годом позже Лермонтова. Часто путают: однокурсником Михаила Юрьевича был брат Николая Мартынова, Михаил.

Нельзя сказать, что в юнкерской школе Лермонтов и Мартынов дружили. Но приятельствовали — точно. Особенно их сближала любовь к рукопашному бою на саблях.

Мартынов вышел в Кавалергардский полк. Интересная деталь: служил вместе с Жоржем Дантесом, убийцей Пушкина. Вскоре попросился «охотником» на Кавказскую войну. Вернулся в Кавалергардский полк с орденом Анны 3-й степени с бантом. Через год был зачислен ротмистром по кавалерии с прикомандированием к Гребенскому казачьему полку.

Весной 1841 года жизнь резко изменилась. В полку посчитали, что Мартынов нечист в картах, а по тем временам это означало одно — отставка. Так отставной майор оказался в Пятигорске без очевидных карьерных перспектив, 26 лет от роду, постоянно пребывая в дурном настроении.

По словам очевидцев, недавно авантажный гвардейский офицер радикально сменил имидж. Перед пятигорским обществом предстал человек в черкеске и папахе, с громадными бакенбардами и столь же громадным кинжалом.

Формально вызов был брошен из-за пустяка. 25 июля 1841 года на вечеру в доме Верзилиных любезничавшему с младшей дочерью генерала, Надеждой, Мартынову показалось, что очередная лермонтовская шутка слишком уж необязательна. Уже на улице состоялся роковой разговор. Мартынов произнес слово, которое в офицерской среде XIX века всегда воспринимали серьезно: «удовлетворение». Но Лермонтов продолжал шутить...

Были ли у отставного майора иные причины искать удовлетворения в поединке с поэтом? Или все можно объяснить обидой, слишком остро воспринятой при плохом расположении духа? Тем более что впоследствии Мартынов неоднократно заявлял о том, что к Лермонтову всегда относился хорошо, помнил их товарищество со времен «Славной школы» и прочая...

В 1837 году семья Мартыновых лето проводила на Кавказе. Там же в период первой ссылки оказался и Лермонтов. 18-летняя сестра Мартынова Наталья Соломоновна была очарована ссыльным корнетом. Однако в серьезные отношения знакомство не переросло.

Лермонтов продолжил бывать у Мартыновых и после, уже в Москве. Можно предположить, что брат, озабоченный необходимостью пристроить сестер, рассчитывал на иное развитие событий. И, как говорится в таких случаях, затаил обиду. Но как тогда быть с письмом матери Мартынова, написавшей сыну в 1840 году из Москвы на Кавказ: «Лермонтов у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю... Слава Богу, он скоро уезжает, для меня его посещения неприятны»?

Также весьма сомнительны и претензии Мартынова к Лермонтову в связи с тем, что, по мнению некоторых современников, прототипом княжны Мери в «Герое нашего времени» послужила Наталья Соломоновна. А это должно быть обидно. Но ведь сама Наталья с восторгом оценивала роман и персонаж, с которым ее пытались сравнить.

В 1837 году меж Мартыновым и Лермонтовым случилась неприятная бытовая история. Наталья Соломоновна попросила поэта передать на Кавказе брату письмо. В последний момент Мартынов-отец вложил в конверт 300 рублей. При встрече Лермонтов вернул Мартынову деньги, но письмо отдать не смог. Объяснил это тем, что в дороге у него украли бумаги. Инцидент был исчерпан. Но спустя много лет в семье Мартыновых вспомнили об этой истории. Намеки на позволившего себе не-

достойное дворянина любопытство Лермонтова обуславливались тем, что на конверте не имелось никаких пометок о вложенных деньгах. И тогда, следовательно, откуда Лермонтов мог знать о них?

Говорить можно что угодно. Отношение к Мартынову в обществе после дуэли резко переменялось, он всю оставшуюся жизнь пытался найти оправдания себе и лишить Лермонтова ореола мученика. Но вот закавыка: если в семье Мартыновых заподозрили Лермонтова в некоей нечистоплотности еще в 1837 году, тогда как же его могли принимать в доме в 1840-м?

Попытки найти в мартыновском выстреле скрытые, подсознательные мотивы, заложенные в мозг и душу как бомбы замедленного действия более ранними событиями, весьма сомнительны. Но это не означает, что подсознательных мотивов не было вовсе. Мартынов писал стихи. И Лермонтов писал стихи. Помните у Пушкина — Моцарт и Сальери?..

Не это ли главное?

Отсюда и неуверенность у барьера. Не мог Мартынов не понимать, «на что он руку поднимал». Отсюда и патологическое стремление выстрелить и попасть. Да, можно поставить обидчика под огонь, но почему непременно нарезного «кухенрейтера», смертельно опасного на близком расстоянии? Да, Мартынов мог не слышать слов о нежелании стрелять в него, сказанных Лермонтовым секундтанту Глебову. Но он не мог с десяти шагов не видеть, что Лермонтов поднял руку с пистолетом стволом вверх.

* * *

В повести «Княжна Мери» Михаил Лермонтов с мистической точностью воспроизвел собственную смерть. Там было все: покинутый поневоле Петербург; «водяное общество», не терпящее особенных людей; стремление опустошенных войной и рутиной офицеров развлечься и отвлечься; драгунский капитан-подстрекатель; флиртующие дамы; терзаемый амбициями Грушницкий, ищущий возможности заявить о себе хоть как-то; отчаянный выстрел то ли со страху, то ли со стыда...

Одна разница: в романе плохой человек выстрелил неудачно. В жизни такие люди попадают в цель куда чаще. ❶

РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ

МИХАИЛ БЫКОВ

8 февраля 1837 года на дуэли смертельно ранен Пушкин. На следующий день корнет лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов написал стихотворение «Смерть поэта». Александр Сергеевич скончался днем позже... Как стихи попали к гвардейскому улану Владимиру Глинке — один Бог ведает, но в тот же день, 10 февраля, он дал списать их издателю Бурнашеву в кондитерской Вольфа у Полицейского моста. Вскоре строки, словно электрическая искра, пробежали по всему Петербургу.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Они обернулись ответом Лермонтова в 16 строк. «А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов...». Поэт написал их в пятнадцать минут, на одном дыхании. На этот раз «надменные потомки, жадною толпой стоящие у трона» отреагировали совершенно иначе. Лермонтова поместили в гауптвахту, и началось следствие. Суд свершили быстро, в неделю. В начале марта гвардейский корнет отправился служить на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк тем же чином.

Что тут нового? Собственно, ничего. Биография великого русского поэта известна. А уж начало 1837 года — особенно. Но был еще один человек, чья судьба изрядно переменялась вместе с судьбой Лермонтова именно в эти дни. Его звали Святослав (Святополк) Афанасьевич Раевский.

Подавляющее большинство людей, живших на земле, ничем не запомнились. Их удел — частное существование. Что вовсе не плохо и не хорошо. Что — совершенно нормально. Добрался бы мы до XXI века, будь каждый землянин Наполеоном, Пушкиным или Эйнштейном?

Другое дело, что в жизни почти каждого человека встречается случай. Тот самый, когда дается шанс из частного обывателя превратиться в социальную личность. Многие этот случай пропускают незамеченным, кое-кто сознательно сторонится, повинувшись рефлексу «как бы чего не вышло». Святослав Раевский свой шанс использовал.

Это он первым сделал списки с дополнительных и самых важных 16 лермонтовских строк и начал распространять их по Петербургу. К слову сказать, стихотворение «Смерть поэта» прожило в списках более двадцати лет, и впервые его опубликовали в 1858 году. Когда не было на свете уже ни Лермонтова, ни императора Николая Павловича. А вот Раевский еще жил. Как, впрочем, и Жорж Дантес, и Николай Мартынов...

Само стихотворение не вызвало недовольствия властей и двора. Даже весьма равнодушный к поэзии младший брат императора Николая I, великий князь Михаил Павлович, почувствовал себя литературным критиком. «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина», — разразился он пророчеством.

Но случилось так, что спустя несколько дней на квартиру Лермонтова в доме Шаховских на Садовой улице зашел родственник корнета Николай Столыпин. Человек светский, но недалекий. Он позволил себе пожуричь Мишеля за поэтические нападки на Дантеса. Мог ли Столыпин предполагать, чем обернутся его банальные сентенции на сей счет?

странным языкам, нумизматике, геральдике, ораторскому искусству. Короче говоря, готовил себя к взрослой жизни основательно.

При таком разнообразии интересов логично предположить, что Раевский сразу после университета живо определился с карьерой. Ан нет!

Напечатали, разумеется, без последних 16 строчек.

Кем же он был, этот господин Распространитель?

Раевские — фамилия в России известная. Главный монумент Бородинского поля стоит там, где в 1812 году располагался центральный редут, получивший название в честь командовавшего его обороной генерала Николая Раевского. Помнят у нас и княгиню Марию Волконскую, урожденную графиню Раевскую, последовавшую за мужем-декабристом в Сибирь. Ту самую Марию Николаевну, что везла каторжникам пушкинское послание: «Во глубине сибирских руд...» Да и среди самих сосланных декабристов был Раевский — Владимир Федосеевич.

Святослав Раевский в прямом родстве с этими — знаменитыми — Раевскими не был. Оно и неудивительно. Род известен с XII века, когда некто Петр Дунин прибыл в 1124 году ко двору Володаря, князя Перемышля. Спустя четыреста лет на службу московскому государю выехал из Польши потомок Дунина Иван Степанович Раевский.

Родовое древо у рода оказалось ветвистым. К какой именно ветви этого древа принадлежит Святослав Афанасьевич — утверждать не берусь. Твердо известно, что родился он в семье дворянина Саратовской губернии Афанасия Гавриловича Раевского в 1808 году. Человека с образованием, лично знавшего самого Михаила Сперанского, реформатора времен Александра I. Видимо, некоторые предки Святослава крепко осели на средней Волге, раз его бабушка по материнской линии, урожденная Киреева, осталась сиротой во время пугачевского восстания. Ее приняли в доме Столыпинах в Пензе, где росла сверстница Елизавета, впоследствии — бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева. Семьи дружили поколениями, и неудивительно, что Елизавета Алексеевна стала крестной матерью Святославу Раевскому.

В отрочестве и юности тот бывал в поместье Арсеньевой, Тарханах, где по большей части рос и маленький Мишель Лермонтов. Однако в те годы разница в шесть лет возникновению дружбы не способствовала. Сам Раевский отмечал позже, что помнил Лермонтова 12-летним подростком.

К тому времени Святослав уже оканчивал обучение в Московском университете, куда поступил в 1823 году на словесное отделение. После курса Раевский там же еще год изучал право и физику с математикой. Кроме того, посещал лекции по ино-

Три года, вплоть до лета 1831-го, Святослав занят неизвестно чем. Вероятно, не бедствовал, раз мог позволить себе не служить. И, скорее всего, пытался найти себя в московском мире литературы и искусства, куда ввел его однокурсник Краевский, спустя некоторое время ставший известным издателем в Петербурге.

При столь вольном образе жизни у Раевского наверняка находилось время заглядывать к крестной, переехавшей вместе с внуком в Первопрестольную из Тархан в 1827 году. Свободная жизнь закончилась в 1831 году. Раевский перебрался в Петербург и поступил на службу в Министерство финансов в чине губернского секретаря. Постепенно рос в должностях и в 1834 году получил чин коллежского секретаря. Истинный сын вольнолюбивого Московского университета, учившийся в нем тогда, когда из студентов в солдаты отправили Полежаева, когда завели дело на студентов братьев Критских, поклонник Пушкина и Радищева Святослав служил столоначальником в департаменте... военных поселений. В эпицентре рутины и бюрократии николаевского времени.

В 1832 году в Петербург приехали Арсеньева с внуком. Мишель надумал поступить в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Как и в Москве, в столице Раевский не мог не бывать у них в гостях. Бабушка, правда, вскорости уехала в Тарханы, но внук и крестник успели стать друзьями. Более того, в 1836 году, когда Лермонтов уже служил в царскосельских гусарах, Раевский принял предложение вернувшейся в Петербург Елизаветы Алексеевны и поселился у них в квартире на Садовой. Эти годы, с 1832 по 1836-й, были годами крепкой дружбы Лермонтова и Раевского. Так случилось, что именно Святослав стал проводником молодого поэта в дебрях ли-

тературного Петербурга. Дорога оказалась не самой длинной: Жуковский, Карамзин, Пушкин знали издателя Краевского, тот поддерживал отношения с бывшим сокурсником Раевским...

Друзья даже пробовали сочинять вместе. Некоторые исследователи творчества Лермонтова убеждены, что главы неоконченного романа «Княгиня Лиговская», посвященные чиновному Петербургу, написаны Раевским. Святослав принимал деятельное участие в попытках пробить для постановки драму «Маскарад». Похоже, он в успех верил больше, чем сам автор. По крайней мере, в письме Раевскому зимой 1836 года Лермонтов крайне скептически оценивал такую перспективу.

В 1837 году дружба продолжилась. До марта Раевского арестовали через три дня после того, как определили в гауптвахту Лермонтова. В своих показаниях он старался как можно больше вины взять на себя. С делом Святослава Афанасьевича разобрались в два дня, он отсидел месяц под арестом и был выслан в Петрозаводск служить на усмотрение олонецкого губернатора.

Лермонтов из первой ссылки вернулся быстро. Уже в апреле 1838 года он — вновь лейб-гусар. Раевский оставался в ссылке вплоть до конца года. Друзья встретились в Петербурге лишь в апреле 1839-го. очевидцы вспоминали, что едва поэт прознал о возвращении Святослава, как тут же примчался к нему домой и бросился ему на шею с просьбами о прощении. И сразу после ареста, и теперь Лермонтов считал себя виноватым в том, что товарища наказали за его стихи.

В Петрозаводске Раевский не терял времени зря. И пусть Александр Тургенев писал кому-то: «Лермонтов послан на Кавказ. Раевский, его приятель, — в какую-то губернию холодную», Святослав Афанасьевич в этой «холодной губернии» служил чиновником для особых поручений при гражданском губернаторе, что позволило ему активно действовать на ниве развития местных СМИ, как сказали бы сейчас. Он способствовал появлению новой печатной

ти, писал сам, по большей части исследуя местный быт и фольклор, редактировал приложение к «Олонецким губернским ведомостям».

Не успел Раевский обжиться в Петербурге, как Лермонтов с помощью бабушкиных связей выхлопотал ему место в Ставрополе. Поэт был убежден, что на Кавказе Святослав сумеет отогреться от двух лет олонецкой ссылки. Полтора года Раевского по делам службы носило из Ставрополя в Пятигорск, из Моздока в Кизляр... Осенью 1840 года чиновник для особых поручений попросил отставку и выехал с Кавказа. Любопытно, что летом в Ставрополе находился и Лермонтов. Но каких-либо следов о встречах с Раевским не сохранилось. Да и были ли они, эти встречи?

В июне 1838 года Лермонтов-кавказец написал Раевскому олончанину странные строки: «Твое последнее письмо огорчило меня: ты сам знаешь почему; но я тебя от души прощаю, зная твои расстроенные нервы. Как мог ты думать, что я шутил твоим спокойствием или говорил такие вещи, чтобы отвязаться...»

Шла ли речь все о том же — попытке Лермонтова извиниться за историю с 16-ю строчками — или о какой другой обиде, непонятно. Странно и то, что сестра Раевского, вспоминая о встрече друзей в Петербурге в апреле 1839 года, в деталях описала слова, действия и вид Лермонтова. Но весьма скупко оценила реакцию брата. «Был тоже растроган до слез и успокаивал друга». И ничего не сказал?

После отставки Раевский прожил еще 36 лет. О подробностях его жизни в течение столь долгого времени известно немного. В 1844 году он поселился в собственном маленьком имении в Саратовской губернии. В 1847-м женился на Александре Сумароковой и переехал в имение жены Надеждино (Раевка). Жили, видать, дружно: за семь лет на свет появилось пятеро детей. В 1854 году попробовал было вернуться на службу в Пензе, но надолго не задержался.

По «лермонтовскому поводу» к нему обращались нечасто. Но когда обращались, Святослав Афанасьевич охотно делился воспоминаниями и бумагами с лермонтовскими автографами. Особенно много помог пензенскому учителю гимназии Хохрякову, первому собирателю материалов о жизни Лермонтова. Однако ж сам, профессионально владея словом, о Лермонтове ничего не написал. 📖

ЧЕЛОВЕКООЛЮБИЕ И КРАМОЛА

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Что мы помним о Николае Новикове? Всего ничего обычно: он был масон, да еще — просветитель. Кажется, книги печатал. Кажется, сидел в тюрьме. Целая жизнь уложилась в несколько слов... А жизнь удивительная — цельная, чистая и очень горькая.

Новиков родился в 1744 году в селе Авдотьино, оно же Тихвинское, по названию храма Тихвинской Божьей Матери. В этом селе жил взрослым, здесь же умер, здесь и похоронен. Усадьба в полном запустении, от дома ничего не осталось, флигель, на котором установлена мемориальная доска, зияет пустыми окнами. Уцелели несколько кирпичных домов, которые при Новикове строили для крестьян. Рассказывают, что под всей усадьбой тянутся потайные ходы; их никто толком не исследовал. Зато уже появляются новые легенды о Новикове: в них он не просто масон, а еще фальшивомонетчик, алхимик, только что не колдун.

НЕДОРОСЛЬ

А он был обыкновенный издатель. Правда, лучший в России в свое время. Он фактически сформировал в России книжный рынок, основав издательство, которое бесперебойно выпускало недорогую и хорошо изданную литературу. Он издавал лучший в XVIII веке журнал, «Живописец», и первый журнал для детского чтения, он стоял у истоков русской общественной мысли. Историк Ключевский писал: «Люди, близкие к тому времени и к самому Новикову, утверждали, что он

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению; что благодаря широкой организации сбыта и энергическому ведению дела новиковская книга стала проникать в самые отдаленные захолустья и скоро не только Европейская Россия, но и Сибирь начала читать».

Откуда берутся такие необыкновенные? Начало жизни — самое обычное для дворянского недоросля: сын флотского капитана, алатырского воеводы, один из пятерых детей, учился у местного дьяка, играл с крестьянскими мальчишками, с рождения был записан в Измайловский полк. Образованием дворянских неучей озаботились к этому времени лучшие умы государства: не дело бы детей обучали люди, к учительству вовсе не пригодные, даром что иностранцы: бывшие слуги, повара, парикмахеры. Большой резонанс получила история о семье, по невежеству своему взявшей в учителя сына «чухонца» вместо француза; тот и научил дворянского сына финскому языку. В 1755 году открылся Московский университет, а при нем — гимназия для дворянских детей; среди ее первых учеников — братья Фонвизины и Николай Новиков. Учился он в школе европейских языков, прав-

не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению; что благодаря широкой организации сбыта и энергическому ведению дела новиковская книга стала проникать в самые отдаленные захолустья и скоро не только Европейская Россия, но и Сибирь начала читать».

да, потом с какой-то странной скромностью писал, что языкам не обучен, но обучен был, и неплохо: во втором классе учитель французского даже отметил его среди лучших. Однако в январе 1760 года учение окончилось: Новикова отчислили из гимназии «за леность и нехождение в классы»; биограф просветителя Западов выяснил, что причиной отчисления стала отлучка, о которой тот не предупредил начальство. Вряд ли Новиков отличался особой леностью. Читал много, задумывался о главных вопросах современности: о предназначении просвещенного человека, о пользе, которую он должен принести обществу.

В 1762 году Новиков, которому пришла пора служить, отправился в Измайловский полк. Служба была не в радость: Петр III добивался от своей армии безукоризненной выучки, и львиную долю времени отъедал бессмысленный фрунт, шагистика — строевая подготовка, как сейчас говорят. Однако очень скоро полк принял самое деятельное участие в дворцовом перевороте. На трон взошла молодая царица Екатерина, и на измайловцев пролились монаршие милости. Новиков получил унтер-офицерский чин. Еще находясь на службе, он предпринял первую попытку книгоиздания: заказал в типографии, принадлежащей Академии наук, печать «Реестра российским книгам, продаваемым в Большой Морской, в Кнутсоновом доме» — там находилась книжная лавка. Каталог, отпечатанный в 400 экземплярах, должен был помочь читателю сориентироваться в книжном изобилии. Первый опыт оказался успешным, и вторым стало издание «Пересмешника» Михаила Чулкова, живых и остроумных бытовых сказок. Книга продавалась хорошо. Идея заняться книгоизданием не оставляла Новикова, но, чтобы выйти в отставку и наладить дело, нужны были деньги. Авдотьино большого дохода не давало — разве только позволяло прокормиться, и Новикову пришлось одолжить денег у хозяина университетской книжной лавки Христиана Вевера.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА

Прежде чем Новиков вышел в отставку и предался избранному делу, ему пришлось послужить в Комиссии Нового уложения. Екатерина II, осознав, что законодательство в стране находится в хаотическом состоянии, решила созвать комиссию для создания новых законов. Она написала для Комиссии Наказ с изложением воззрений французских

просветителей на закон. В новом законодательном органе работали депутаты от всех сословий, кроме крестьянского. Нет, крестьяне исправно заваливали императрицу жалобами на тиранию своих господ, бегство крестьян от хозяев принимало масштаб серьезной государственной проблемы, но решение царица нашла самое немудрящее: крестьянам сенатский указ запретил жаловаться на господ под страхом телесного наказания. А господ потихоньку попросили не очень-то уж зверствовать и помнить о человеколюбии.

На секретарские должности в Комиссию брали грамотных дворян из гвардии. Новикову довелось фиксировать прения в Комиссии о среднем роде людей; это странное название обозначает не третий пол, а социальный статус мещан: торговцев, духовенства, художников, приказных служащих, ученых. Несколько лет работы в Комиссии стали для Новикова целой школой просвещения: перед ним открылась масштабная картина крестьянского бесправия. И видеть страшно, и сделать, кажется, ничего нельзя. Комиссия, призванная создать справедливые законы, довольно скоро окончила свою работу.

В 1768 году она переехала из Москвы в Петербург (а с ней и Новиков, уже в офицерском чине), затем, с началом русско-турецкой войны, и вовсе свернула свою деятельность. С армейской службой Новиков свое будущее не связывал. Поэтому в 1769 году он вышел в отставку и занялся издательским делом.

В УЛЫБАТЕЛЬНОМ ДУХЕ

Это было время появления первых русских журналов. Начала выходить «Всякая всячина», организованная Екатериной II. Вместе с изданием собственного журнала императрица решила издавать журналы всем желающим. Так на свет появились «И то и сё» Михаила Чулкова и «Смесь» неизвестного издателя. Журналы были небольшие, по четыре странички. Тон задавала «Всякая всячина», объяснявшая читателю, какой образ мыслей похвален, а какой предосудителен. Она ратовала за сатиру в «улыбательном духе», за обличение пороков, а не людей: ведь совершенных людей не бывает, зачем же переходить на лица!

Новиков стал издавать свой журнал. И название для него выбрал резкое, непохожее на всю эту бестолковую смесь такой и сякой всячины. «Трутень» стал наследником сумароковской «Трудолюбивой пчелы», и эпиграф был избран из Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите». «Всякая всячина» старалась быть доброй старушкой, проповедующей человеколюбие, «Трутень» был ядовит и безжалостен. На его страницах появляется целая вереница злых, надутых,

жанных дворян с говорящими именами: Безрассуд, Змеян, Злорад, Недоум, Себялюб. С Новикова начинается русская социальная сатира — да не только сатира: то бедная Лиза печально выгланет из его коротких историй, объясняющих русские пословицы, то высунется рожа Митрофанушки, то в «несчастном Е***», чей батюшка читает Четьи-Минеи, а матушка вовсе читать не любит, обозначатся черты Петруши Гринева. А «Дикий помещик» Салтыкова-Щедрина прямо вырос из новиковского Недоума (уже в следующем издании, «Живописце»), который не раз подавал правительству просьбы об истреблении простого народа.

Как и положено человеку эпохи Просвещения, Новиков обличал не социальный строй, а пороки — правда, носители этих пороков чуть не на подбор оказывались скверными господами. Исправьте пороки, исправьте сердца — и наступит справедливость. Вообще, сама идея что-нибудь законодательно помянуть в положении крестьян — это была идея очень далекого будущего. Сейчас все упования возлагались на исправление человеческой природы: «Змеян, человек неосновательный, ездя по городу, надседаая кричит и увещевает, чтобы всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям; чтоб не прощал им ни малейшей слабости; чтоб они и взора его боялись; чтоб они были голодны, наги и босы и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании. <...> И если б все дворяне пример брали с сего чудовища, то бы не было у нас кроме мучителей и мучеников. Однако благоразумный Мирен не следует мнению Змеянову и совсем отменно с подвластными себе обходится».

Иногда «Трутень» писал не об отвлеченных Змеянах и Миренах, а о самых обыкновенных Филатках и Андрюшках. Письмо Филатки в «Трутне» — совершенно реалистический, живой рассказ о человеке, задавленном горем и нуждой: «...денег не плотит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохорал, а сын большой помер, остались малые ребятишки, и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость...» — пишет о нем барину староста Андрюшка. И докладывает об исполнении поручений: «С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей. И он на сходе высечен». Добролюбов замечал по поводу писем Андрюшки и Филатки: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?»

«Всякая всячина» тоже сострадала несчастным крестьянам. В одном из ее номеров даже шла речь о том, как некий злой господин немилосердно порет крестьян. А злая сатира «Трутня» казалась императрице чрезмерной. Так что очень скоро

ро «Всякая всячина» и «Трутень» схлестнулись в полемике о роли социальной сатиры. Сатира вообще должна знать свое место, указывала «Всякая всячина». Некий Афиноген Перочинов поучал в ней: «1) никогда не называть слабости пороком; 2) хранить во всех случаях человеколюбие; 3) не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) просить Бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения», а «Всячина» добавляла от редакции: «Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить».

«Трутень» устами своего персонажа Правдулюбова возражал жестко и по делу: называть пороки слабостями — это не человеколюбие, а пороколюбие; слабость и порок — одно и то же; можно по слабости влюбиться в чужую жену и опозорить ее дом, можно по слабости пьянствовать и в пьяном виде «жену и детей прибить до полусмерти». Наконец, «слабость и порок, по-моему, все одно; а беззаконие дело иное».

«Всякая всячина» в ответ посоветовала Правдулюбову лечиться, «дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумаге, до коей он дотрогивается». «Трутню» пришлось осторожноничать и сбавлять накал полемики. «Всякая всячина» продолжала печатать длинные и скучные нравоучения. Это довольно скоро опостылело читателю, и тираж журнала стал падать. В 1770 году он закрылся, а вслед за ним закрылся и «Трутень».

После «Трутня» Новиков начал печатать «Пустомелю». Во втором номере он опубликовал стихи Фонвизина «Завещание Юнджена, китайского хана» (в них хан наставляет сына, как править, и порядки в его царстве разительно отличаются от российских) и «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» (автор спрашивает, зачем так дурно устроен свет, — что многие расценили как опасный атеизм). Так

что третий номер журнала не вышел.

Новиков некоторое время служил в Иностранной коллегии переводчиком, а затем снова взялся за журнал. «Живописец» продолжал дело «Трутня». Среди текстов, появившихся в журнале, был опубликован «Отрывок путешествия в *** И *** Т***», принадлежащий перу Радищева и рисующий безра-

ния кровав и страшен. Стало быть, лучше всего — путь личного самосовершенствования для каждого человека.

В 1775 году Новикова пригласили в масонскую ложу. Масонство пришло в Россию несколькими десятилетиями раньше, а к концу XVIII века получило уже широкое распространение в столичной дворянской среде, привлекая одних полезными знакомствами, а других — идеей духовного роста, самосовершенствования.

достные картины сельской жизни: «Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою... Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистою, просыхающая только зимним временем...» Деревня называлась Разоренной; в следующих номерах было обещано рассказать о другой деревне, Благополучной, но читатели так и не дождались этого рассказа — должно быть, Благополучной не нашлось.

Не стоит думать, что «Труть» и «Живописец» были целиком посвящены крестьянской теме — в них было полным-полно жанровых сценок, бытовых миниатюр, пародий, сатирических объявлений (одно из них, о престарелой кокетке, ищущей любовников, тоже целило в очень ясную по тем временам мишень; императрице было за что недолюбливать Новикова). «Живописец» закрылся в 1773 году, но Новиков уже был занят другим делом.

КНИЖНАЯ ИМПЕРИЯ

Еще в 1772 году он издал «Опыт исторического словаря о российских писателях» — книгу, в которую вошли сведения о 317 русских писателях, от хорошо знакомых читателю до совсем неизвестных, чьи произведения ходили еще в рукописи. Потом, став во главе «Общества, старающегося о напечатании книг», издал 18 переводов классических зарубежных книг на русский язык. Так русский читатель познакомился с Гулливером, Сидом, Кандидом, с «Метаморфозами» Овидия (они назывались «Превращения») и комедиями Гольдони.

Следующий его издательский проект был огромным и важным: «Древняя российская вивлиофика» печатала дипломатические документы древней Руси, записки об истории Сибири, рассказы о путешествиях в другие страны, географические описания, летописи, памятники литературы. Издание вместо прибыли принесло убытки, подписчиков оказалось мало, однако Екатерина, благоволящая к изданию древних документов, дважды щедро помогала издателю деньгами. После «Вивлиофики» Новиков издавал «Кошелек», высмеивающий галломанов, издал лучшее из «Живописца» и «Труть» отдельной книгой и задумывался о том, как распространять книги по России: доставка книг за пределы Петербурга и Москвы была слишком дорогой и трудной, а книжный голод никак не насыщался. По России прокатился пугачевский бунт; времена менялись, жизнь требовала новых смыслов и новых решений. Что делать, чем служить общественной пользе, если ни от обличения порока, ни от прославления добродетели нет никакого толку: нравы никак не исправляются; путь восста-

Обещание новых смыслов и привело Новикова в масонство. В отличие от других его не проводили через знакомый нам по «Войне и миру» ритуал, а приняли сразу в третий градус, сделав для него исключение из правил — возможно, потому, что порядочный, умный и честный Новиков был масонам нужнее, чем они ему. Так он стал мастером в ложе «Урания» и сосредоточился на собственном духовном росте.

Он снова стал издавать книги и основал первый русский библиографический журнал, «Санкт-Петербургские ученые ведомости». В 1779 году Новиков арендовал типографию Московского университета, навел в ней порядок и стал издавать книги: учебные, религиозные, научные, художественные — и, конечно, масонские. Масоны создали в России Типографическую компанию, которая занималась распространением книг по всей стране. Новиков особенно заботился о том, чтобы книга была хорошо издана и стоила немного — чтобы читатели из третьего сословия могли ее себе позволить. Появилась нормальная книготорговая сеть, объединяющая издателей и распространителей книг, Просвещение зашагало по стране.

Новиков основал в Петербурге два училища — Александровское и Екатерининское. Издавал первый русский журнал для детей, «Детское чтение для сердца и разума», и первый журнал для женщин, «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» — преимущественно литературный, но с приложением модных картинок.

Новиков со своим другом Иваном Шварцем, создателем учительской и филологической семинарий при университете, задумал масштабный план просвещения страны: готовить учителей, распространять книги — всем этим должно было заниматься Дружеское ученое общество, членами которого тоже были масоны. Шварц не просто был масоном — он, в отличие от Новикова, больше занятого издательскими делами,

жил масонством, ездил за границу по масонским делам, привез в Россию идеи розенкрейцерства. Новиков стал мастером в новой ложе, члены которой интересовались алхимией и мистикой; сказки о Новикове-алхимике рассказывают до сих пор. Между тем самому ему претили туманные размышления Шварца; в конце концов он решил отмежеваться от умонастроений собратьев по ложе и в своих рассказах по русским пословицам «Сиди у моря тихого, жди погоды теплая» и «Свое добро теряет, а чужого желает» высмеял и тайны масонских высоких градусов, которые соблазняют людей рассказами об извлечении золота из ничего, и человеческую глупость и жадность, которые заставляют верить в эти сказки и жертвовать для них состоянием. Шварц был недоволен Новиковым. «Он меня подозревал в холодности к масонству и ордену, — говорил на допросе Новиков, — потому что я, быв совершенно занят типографскими делами, упражнялся в том урывками, а я, ведая пылкость его характера и скорость, удерживал его, опасаясь, чтобы в чем не приступить, невеликой осторожностью смотрел на все, что он делал, насколько мне было возможно». Шварц вскоре заболел и умер. Новиков взял к себе в дом его вдову и детей. Сам он уже тоже был женат, пошли дети. Дети много болели, сам он тоже болел. 1784 год — год смерти Шварца — стал нелегким годом. Именно с этого времени деятельность Новикова стала привлекать к себе внимание правительства.

ОБИТАТЕЛИ КАМЕРЫ № 9

В типографии Новикова печатались журналы «Утренний свет», «Московское ежемесячное издание», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец» и газета «Московские ведомости». У «Ведомостей» было несколько приложений: экономическое, научное, литературное, детское. Уже сложился круг авторов, работающих с журналами. Сам Новиков отдавал в «Утренний свет» свои философские статьи, где говорил о вреде рабства, необходимости свободы мысли. Среди книг, выходявших из типографии и расходившихся по всей России, была отнюдь не только масонская литература — она терялась в потоке учебников, научной литературы, книг русских и иностранных писателей. Эта растущая книжная империя в сочетании с масонством, Дружеским ученым обществом, Типографической компанией тревожила Екатерину II. В мире и так было неспокойно. Испуган-

ная объявлением независимости США от британской короны, императрица чувствовала, что троны по всему миру стали шататься. А на такие события монархи всего мира реагируют одинаково: зажимом политических свобод, усилением политического сыска и истреблением вольномыслия. Она стала внимательно присматриваться к деятельности Новикова. Долго искали повода, чтобы прищучить издателя — но повод никак не находился. Придирались по мелочи: не нарушено ли тут авторское право? А вот тут автор ругает орден иезуитов, а он дружествен нам, изъять тираж. Здесь запретить статью, там книгу. Наконец, Екатерина потребовала, чтобы архиепископ Платон (Левшин) выяснил, крепок ли Новиков в православной вере, не еретик ли и нет ли в его изданиях чего-нибудь противного религии. Архиепископ побеседовал с издателем и сказал, что желал бы, чтобы и другие христиане были таковы, как Новиков. Среди почти полусотни книжек нашли 23 неблагонадежные — и запретили.

Хуже того, Новиков пытался подменять собой государство на ниве филантропии — того самого человеколюбия, которое проповедовала императрица, — и ему это хорошо удавалось. В неурожайный 1787 год, когда страна изнемогала от голода, Новиков раздавал хлеб крестьянам. В Москве рассказывал друзьям, как люди умирают от голода и едят сено и солому. Сын уральского заводчика Григорий Походяшин дал Новикову 10 тысяч рублей на покупку хлеба для раздачи людям. Отчета не просил — доверял. Своего имени просил не называть. Этот хлеб, неизвестно на какие деньги купленный, потом породил множество сплетен о том, что Новиков у себя в имении печатает деньги или выплавляет золото алхимическим путем.

В конце концов чаша терпения императрицы переполнилась. В 1787 году Московский университет не продлил заключенный с Новиковым договор аренды. Указ императрицы запретил все духовные книги, которые печатаются не в синодальной типографии, — их следовало уничтожить, и из книжных лавок изъяли книги, отпечатанные Новиковым, и сожгли. Сам Новиков уехал в Авдотьино. Он тяжело болел, жена вскоре умерла от чахотки, Новиков остался вдовцом с тремя малыми детьми. Книгоиздательская империя разваливалась: доходы падали, появились долги — так что Типографическую компанию решили ликвидировать. Все ее долги Новиков взял на себя.

Тем временем в Париже грянула революция.

Поиски крамолы ужесточились — и в конце концов привели чиновников уголовной палаты в Авдотьино. Новиков, узнав об обыске, упал в обморок, а после него долго не вставал. Тем не менее его было велено арестовать и привезти в Мо-

ску. Состояние арестанта было таким скверным, что вместе с ним поехал и доктор Багрянский. Доктора потом посадили вместе с пациентом — «за перевод развращенных книг».

Допросы длились долго: выясняли всё — и какие книги печатали, и зачем масоны ездили за границу, и зачем общались с наследником престола, и откуда деньги на книгоиздание...

Никаких улик, свидетельствующих о государственных преступлениях, не нашлось. В списке преступлений значились тайные сборища, общение с иностранцами, издание неразрешенных книг. «Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, — писала в своем указе Екатерина, — но вышеупомянутые и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тяжчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однако же, и в сем случае, следуя сродному нам чело- веколюбию... повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость». В камере, где некогда доживал свои дни несчастный царевич Иван Антонович, Новиков просидел четыре года вместе с доктором Багрянским и слугой доктора, который пошел в заключение вслед за господином. Прогулки не разрешали. На пропитание всем троим выделяли рубль в день. Холод, сырость, недоедание, болезнь, вещи, которые были на себе на момент ареста, изнасились, других взять негде. Дома — осиротевшие дети, за ними присматривал масон, поэт и переводчик Семен Гамалея. Полуживой Новиков посылал Екатерине мольбы о прощении или хотя бы об увеличении кормовых денег. Она не отвечала. В 1796 году императрица умерла, и новый царь выпустил на волю заключенных. Новиков вышел из тюрьмы старым и сломленным.

ОСТАВШАЯСЯ ЖИЗНЬ

Семен Гамалея писал: «Он прибыл к нам 19 ноября поутру, дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе... Доктор и слуга крепче его... Некоторое отвешивание лучей небесной радости видел я на здешних поселянах, как они обнимали с радостными слезами

Николая Ивановича, вспоминая при том, что они в голодный год великую через него помощь получили; и не только здешние жители, но и отдаленных чужих селений... Сын в беспамятстве подбежал, старшая дочь в слезах подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что он отец ее». Он был разорен, имущество отнято в пользу казны, книги, оставшиеся в книжных лавках и на складах, уничтожены, и на нем еще висели долги Типографической компании. Царь обещал было вернуть Новикову имущество, а потом затребовал обратно. С Новикова стали взыскивать долги; сумма оказалась чудовищной; продажа имущества с аукциона их кое-как покрывала. Часть долгов выплачивал Походяшин.

У Новикова осталось Авдотьино, несколько верных друзей и трое детей, из которых старшие были больны эпилепсией. Он попытался вернуться к мирной жизни: стал сажать сад, чинить дом, строить дома для крестьян. Помогал нуждающимся. Во время войны 1812 года жалел пленных французов — собирал у себя в имении, кормил и передавал властям, избавляя от стихийной расправы. Построил в Авдотьине новый храм. Жил тихо и бедно. Имение было заложено, расплатиться с процентами по займу он не мог — пришлось залезать в долги. В 1818 году у него случился инсульт, и вскоре он умер, оставив только долги. Карамзин просил Александра I пожалеть семью и оставить детям имение — но имение было продано за долги. Ничего не осталось.

Россию впечатлила эта бессмысленная и дикая расправа над человеком, не совершившим никаких государственных преступлений: многолетний труд на пользу общества уничтожен, семья разорена, сам искалечен и сломлен.

Такие фигуры еще не раз возникали потом в истории России: Чернышевский уверовал в необратимость перемен и оказался в Петропавловской крепости, для Синявского надежда на «оттепель» закончилась мордовским лагерем. Такова, наверное, природа власти, во всякие времена лихорадочно крутящей гайки, едва мировые ветры задуют сильнее, и ищущей крамолы у политических противников. Одно только утешает — что это все никуда не девается, не пропадает: рукописи не горят, грамотность не уничтожить, книги покупают, память оказывается крепче стен Шлиссельбурга. 📖

ПЕЧАТНЫМ ШАГОМ

МИХАИЛ БЫКОВ

Ежели какому-нибудь кинорежиссеру надобно найти антураж для съемок невеселого фильма про нашу суровую действительность конца 80-х — начала 90-х — могу подсказать адресок. В Москве, недалеко от станции метро «Беговая», на улице с тем же названием. По правую руку тому, кто движется от центра.

Оказался в этом здании по случаю. В одной из расположенных там редакций вдруг решили выплатить авторский гонорар. И в советское время, когда к армии относились крайне внимательно, пятиэтажный параллелепипед на Беговой улице выглядел скучновато и казенно. Одно слово — казарма добротного провинциального гарнизона. Но светились над главным подъездом два слова — «Красная звезда». Да четыре метровых ордена рядом давали понять — адрес серьезный и достойный. И тогда, и сейчас «казарма» на Беговой — место дислокации издательства Министерства обороны «Красная звезда» и редакции одноименной газеты — главного периодического издания наших Вооруженных сил.

Сегодня, правда, главный вход почему-то закрыт. Но есть еще два: правее — в кафе с неприятным и неизбежным названием «Звездочка», левее — доступ в газетно-печатные недра. Доступ, само собой, ограничен выдавшим жизнь охран-

ником, очевидно, из офицеров-отставников. Впрочем, отставные печатники выглядят примерно так же.

Вот тут и начинается искомый режиссерами-«чернушниками» антураж. Ясно, что в зданиях, входящих в систему Минобороны, жизнь определяется приказами. И так же ясно, что последние приказы по покраске стен, замене дверей, ремонту лифтов и обыкновенной уборке отдавались тут последний раз в советское время. Рядом с постом охранника — обшарпанный и пустой стол. Этот объект мебельного дизайна а-ля 60-е явно не на своем месте. И верно: на стене над столом одинокое объявление какой-то турфирмы, предлагающей шикарно отдохнуть на вечно зеленых курортах Египта. Тут же — записка от руки: телефон менеджера Маши (кажется). Звоните,

В.С. Садовников.

Санкт-Петербург. Панорама Невского проспекта. В доме №28 (угол Невского и набережной Мойки) располагалась редакция газеты «Русский инвалид»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мол, если надо в Египет. Листок заметно истрепался спустя полтора месяца после новогодних календ.

На этажах картина примерно такая же. Уныло, серо, тусклый свет сквозь немые с прошлого века окна, скрип дверей. И редкие люди, такие же мрачные и неприветливые, как пейзаж за нематыми окнами.

Да простят автора сотрудники «Красной звезды», но репортажные строки из песни не выкинешь. Что увиделось — то увиделось...

СНАЧАЛА — «ИНВАЛИД»

Как и почему в XX веке у нас это слово — «инвалид» — приобрело ущербно-обидный характер, уже не понять. Но в веке XIX в России оно вызывало несколько иную реакцию. Скорее — уважительную. Ибо инвалидами называли по большей части военных ветеранов, честно служивших Родине и выведенных из штатного состава армии и флота по увечью или другому нездоровью.

Не случайно первое военное издание в стране получило название «Русский инвалид». Не потому, конечно, что было адресовано только военным инвалидам. Автор проекта Памидан-Пезаровиус изначально предложил, чтобы вся прибыль от военной газеты поступала в помощь ветеранам-инвалидам. Только что закончилась кампания 1812 года по выдворению Наполеона из пределов России, и армия, перейдя границу, отправилась в поход на Париж. Благотворительность по случаю последствий войны 1812 года приветствовалась всем русским обществом. Слух о «доброй» газете мгновенно распространился среди читающей публики. Не оставили издание без внимания и на самом верху. Дабы обеспечить издание конкурентным преимуществом, редакции передали право первой получать и печатать военные сводки с европейского театра боевых действий. Первый номер газеты вышел в феврале 1813 года. Выглядел он так: шесть полос формата А-4 (чуть больше. — *Прим. авт.*), рубрики многообразием не блистали. Но зато в них было главное — новости, как российские, так и зарубежные. А кроме

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Номер газеты
«Русский инвалид,
или Военные
ведомости»
за 3 января
1840 года

того, отчеты о пожертвованиях в адрес ветеранов войны.

Жизнь «Русского инвалида», как и любой другой газеты, прожившей век и более, наполнилась и успехами, и неудачами. К последним привели попытки главредов объединить под одним брендом сугубо военную и общественно-политическую информацию.

В начале реформ Александра II подзаголовок подчеркивал: «Газета военная, политическая, литературная и ученая». Издание сократило количество полос — до четырех, но перешло на ежедневный режим выхода. Что по тем временам — профессиональный подвиг.

В 1869 году, когда военная реформа графа Милютина уже разворачивалась, именно военный министр принял реше-

ние о превращении «Русского инвалида» в профессиональную армейскую газету. Понимал, что значило для военных иметь собственный печатный орган. Газету структурировали на военный манер, наполнили специальной информацией. В таком виде она дожила до 1917 года.

К слову, «Русский инвалид» возродился в 1992 году. Но уже под другим покровительством — Всероссийского общества инвалидов (ВОИ) — и, соответственно, с иной концепцией.

С АРМЕЙСКОЙ ПРОПИСКОЙ

В XIX веке появились и два основных военных журнала: «Военный сборник» и «Морской сборник». Причем военно-морское ведомство опередило сухопутных коллег на десятилетие, приступив к изданию «МС» в 1848 году. Это старейший военно-морской журнал не только в России, но и в мире. Дело заладилась сразу. В «Морском сборнике» охотно печатались такие разные, но равно уважаемые в России люди, как основоположник русской военной хирургии Николай Пирогов и адмирал-новатор Степан Макаров, физик, академик Борис Якоби и дипломат князь Евфимий Путятин, открывший для России официальную Японию, родоначальник российской педагогики Константин Ушинский и составитель словаря Владимир Даль.

Журналы того времени не чурались художественной литературы. Повести, рассказы, описания приключений рассматривали как обязательный десерт к основному блюду. «Морской сборник» не был исключением. На его страницах публиковались Александр Островский, Иван Гончаров, Константин Станюкович, Алексей Писемский...

«Морской сборник» — тот феноменальный случай военной периодики, когда после февральских и октябрьских событий 1917 года издание не прекратило существования и даже не было временно закрыто. Кто знает, вероятно, особое положение флота в революционных событиях того времени и особое отношение большевиков к опоре их власти в лице революционных моряков

Балтики сыграли важную роль в сохранении издания. Старейшее флотское издание выходит и сейчас.

У «Военного сборника» судьба оказалась потруднее. Основанный в 1858 году по прямому указанию военного министра графа Милютина, он сразу вызвал к себе живейший интерес в офицерской среде. Число подписчиков превышало 5 тысяч. Напомню, самому Пушкину двадцатилетием ранее с редактируемым им «Современником» и близко не удалось приблизиться к такому показателю. В год основания в «Военном сборнике» по штату числилось 39 офицеров и 5 статских.

В 1869 году «ВС» объединили с газетой «Русский инвалид». В том смысле, что издания сохранили творческое лицо, но управление и — главное — стратегия определялись для них в одинаковой степени военным руководством страны. Для проведения единой политики было принято решение ввести объединенного главного редактора. Что-то нам знакомое, верно? «Военный сборник» довольно часто вынужден был лавировать между цензурой и читательским интересом, между консервативным и либеральным крыльями русского армейского орла. «Русскому инвалиду» было легче, так как он занимался в основном оперативными новостями, как и положено газете. А «ВС» к 1910 году в два раза уменьшил подписку по сравнению с годом основания журнала. Тут есть некий парадокс. Многие прогрессивно мыслящие военные признавали, что журнал справляется с ролью воспитателя и советника офицерского корпуса. Сам офицерский корпус после некоторых финансовых и организационных реформ, проведенных Николаем II, воспрянул духом, стал инициативнее и любознательнее. А тут — на тебе!

В отличие от своего морского собрата «Военный сборник» перевороты 1917 года не пережил.

Но если кто-то думает, что это все, чем была богата военная периодика Российской империи, тот глубоко ошибается. К началу Первой мировой войны под эгидой военного и морского ведомств по общественной инициативе выходило в свет 7 общих и 12 узкоспециализированных журналов (например, «Артиллерийский журнал» и «Вестник русской конницы»), 11 журналов для нижних чинов, 8 газет, 13 флотских изданий, 6 изданий при военно-учебных заведениях, начи-

«Часовой» довольно строго следовал курсу, заданному для всей военной белоэмиграции головной организацией офицеров — Русским общевоинским союзом. С журналом сотрудничали такой видный военный теоретик, как генерал Николай Головин, и такой выдающийся русский философ, как Иван Ильин.

ная с «Вестника Николаевской академии Генерального штаба» и заканчивая «Юнкерскими досугами» в Одессе. А также: 4 военно-медицинских издания, военно-музыкальное, Пограничной стражи и еще официальные и не очень бюллетени, всяческие периодические листки. Сюда же можно присовокупить около 30 изданий, к которым русское офицерство тяготело и в профессиональном, и в обывательском плане. Речь о журналах по автоделу, авиации, конному спорту и коневодству. Наконец, в массовом порядке и систематически издавались истории русских воинских частей, что тоже приобрело характер периодического воздействия на аудиторию. Было что почитать, ей-богу! И — было кому писать. В русском обществе печататься в военной периодике считалось делом приличным и довольно выгодным. Поэтому в прессе отметились не только офицеры, владевшие словом, вроде Петра Краснова и Антона Деникина, но и вполне статские господа. Особенно отчетливо это показала Первая мировая война. Фронтowymi корреспондентами отправились на войну Валерий Брюсов, граф Алексей Толстой, Михаил Пришвин... Серьезно занимался периодической военной печатью в начале Гражданской войны Александр Куприн.

Кстати, о Гражданской войне. Вернее, ее последствиях для тех, кто не разделил красную идею, уцелел в боях, не сгорел в тифу, не встал у расстрельной стенки и — покинул родную землю. Пожалуй, главными изданиями военной эмиграции стали журналы «Часовой» и «Военная быль». В обоих случаях впечатляют не тиражи и объемы. Поражает та преданность избранному делу, с которой в крайне стесненных финансовых условиях, без современной полиграфической базы, при почти полном отсутствии оперативных информационных источников создавали и редакторы этих изданий трудились десятилетиями.

«Часовой» возник в 1929 году в Париже по инициативе офицеров белой армии Василия Орехова и Евгения Тарусского. В 1936 году редакция перебралась в Бельгию. Там, в Брюсселе, и вышел последний номер «Часового» в 1988 году. Строго говоря, журнал прекратил существование тогда, когда его последний основатель, Василий Орехов, уже физически не смог продолжить начатое шестьдесят лет назад. Василий Васильевич ушел из жизни в 1990-м в возрасте 93 лет. 669 номеров, 26760 полос...

«Военная быль», задуманный и осуществленный лейтенантом флота Алексеем Герингом, — издание более историчное и менее политизированное, чем «Часовой». Главная задача, которую ставил перед собой Геринг, — публиковать материалы об истории Русской императорской армии и Русского императорского флота. Журнал выходил в Париже с 1952 по 1974 год.

Сейчас и «Часовой», и «Военная быль» — раритеты...

ПРОПАГАНДА КАК ОРУЖИЕ

О том, что начиная с первых политических шагов коммунисты очень серьезно относились к пропаганде, сказано много. Не меньше и о том, что они прекрасно владели этим оружием политической борьбы. Удивительно, но в не сложном для Красной армии 1919 году суммарные тиражи фронтовых, армейских, дивизионных газет составили, скажем, в ноябре около 400 тысяч экземпляров ежедневно! Печатным словом бомбили не только свои части, но и передовые порядки противника. Десятки тысяч экземпляров газет были адресованы солдатам и офицерам армий Деникина и Колчака. Надо признать, что соответствующие органы белой пропаганды даже в самой стабильной Добровольческой армии Юга России, впоследствии — Русской армии барона Врангеля, противостояли красному информационному натиску весьма вяло и без выдумки.

Тенденция к сохранению разнообразия изданий на военную тему и больших тиражей длилась все семьдесят с лишком лет советской власти. До распада Советского Союза помимо главного военного офицера — газеты «Красная звезда» — система военных СМИ включала в себя 24 крупные окружные газеты, более дюжины централь-

ных журналов, десятки дивизионных газет. Только в Западной группе войск в Германии издавалось более 20 дивизионных СМИ. Суммарный тираж достигал 8-миллионной отметки. Притом что армия такого числа солдат и офицеров не имела. Расчет делался не только на тех, кто носил погоны. Но и на подростков, призывную молодежь, ветеранов Вооруженных сил, представителей других силовых структур.

В годы афганской войны далеко не все советские мужчины читали газету «Красная звезда». Но абсолютно уверен, что не было в Отечестве такого мужчины, который не знал бы о ее существовании. Сдается, сейчас таких мужчин — большинство.

Казалось бы, представительство военных СМИ на современном печатном рынке тусклым не назовешь. Есть журналы «Военный вестник», «Военно-исторический вестник», «Морской сборник», «Ориентир», «Братишка», «Военная мысль», «Армейский сборник», «Военный парад», «Зарубежное военное обозрение». Сохранилось немного газет в военных округах. Несколько лет назад тематический федеральный телеканал появился — «Звезда». А ощущения какие-то странные. Иной раз смотришь на продукт труда военных журналистов и диву даешься — насколько устаревшим и скучным этот продукт выглядит. В другой ряд — и продукт замечательный, и читать любопытно, но взять его негде. Или — не по карману. А главное — нет ощущения, что кто-то если и не «рулит процессом», то хотя бы, стоя в сторонке, отдает себе отчет в том, как этот процесс сделать оптимальным с точки зрения экономики и полезным для адресата.

Может быть, поэтому среди молодых офицеров как-то не наблюдается устремлений посидеть в бригадной библиотеке или выписать на дом какую-нибудь «Военную мысль». Попытка разговаривать на эту тему, но понимания не встретил.

Да, у привычных СМИ есть могучий конкурент — Интернет. С его недреманным оком не поспоришь. Но пока далеко не в каждом гарнизоне это око так уж недреманно. Хотя это —

полбеда. Полистайте форумы военнослужащих — там редко когда встретишь серьезный разговор или глубокий вопрос. В лучшем случае — военной историей увлекаются.

Есть и такой аргумент в пользу развития военных СМИ и восстановления к ним такого отношения, какое было в Российской империи и в СССР. Аргумент под названием США. Не стоит спорить о том, является ли эта страна военным лидером планеты. Штаты не испытывают проблем с личным составом и мотивацией солдат и офицеров. Там слово «патриотизм» до сих пор — не пустой звук. И на этом фоне в государстве работает около полутора тысяч военных бумажных СМИ, треть из которых — журналы, а две трети — газеты. Разовый суммарный тираж превышает 10 миллионов экземпляров. У нас, для сравнения, примерно 200 тысяч. Если верить данным самих наших СМИ, заявляющих тиражи порой от вольного.

Интересно, как организовано финансирование этого процесса в США. Далеко не все из СМИ финансируются из военного бюджета. Хотя и эти цифры впечатляют. Довольно много изданий, которыми владеют частные компании. Другое дело, что тиражи удачных проектов выкупаются Пентагоном для распространения в частях и на базах, на боевых кораблях и в военно-учебных заведениях. Существуют строго высчитанные нормы минимального, так сказать, потребления профессионально-духовной пищи на солдатскую и офицерскую душу...

Тираж газеты «Красная звезда», главного печатного офицера Министерства обороны, — 100 тысяч экземпляров, распространяемых в России, СНГ и за рубежом. Так нам сообщает сайт PRO SMI.

Стандартная формулировка, из которой совершенно непонятно: СНГ — это за рубежом или все-таки нет? Равно как и не ясно — это сертифицированный тираж или заявленный самой редакцией. Впрочем, сейчас не об этом. Тираж военного офицера Америки Army Times — чуть больше: примерно 140 тысяч. И очень хочется посмотреть, как живет-тужит редакция этого журнала в пригороде Вашингтона — Спрингфилде. Жаль, что до этого Спрингфилда от столичной Беговой улицы так далеко... 📍

ЧЕЛОВЕК-ТЕАТР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Наша литература как-то особенно богата мучениками и страдальцами, а счастливых и благополучных писателей в ней раз-два и обчелся. «Догадал меня черт родиться в России с умом и талантом!» — климат не то что не благоприятствует, но добавляет едва ли не во всякую судьбу тоски и заботы, подмешивает во всякую жизненную пьесу трагедии. Александр Островский — еще из счастливчиков: писал, печатался, любил, был любим женщинами и публикой, к концу жизни даже благополучен. Невидимые миру слезы случались, ощущение, что бьешься лбом об стену, — бывало. И все-таки это один из самых гармоничных русских талантов.

К ак и многие литераторы середины XIX века, он по происхождению — из духовного сословия. Отец его, Николай Федорович, был сыном священника, семинаристом, который не стал батюшкой, а предпочел судейскую карьеру. Дослужившись до восьмого класса, получил, как полагалось, личное дворянство (Саше к этому времени уже было шестнадцать). Мать, Любовь Ивановна Саввина, мягкая и добрая женщина, была дочерью просвирни и пономаря. Жили Островские в Замоскворечье — уютном, радушном, бестоловом, с его двухэтажными домиками и высокими колокольнями, населенном свахами, купцами, дьячками, мещанами, ремесленниками, мелкими чиновниками. Утопающее в колокольном звоне, пахнущее пирогами идиллическое Замоскворечье было замкнутым миром со своими правилами и понятиями, своими драмами, своими удовольствиями — зимой катанье на санях, летом на лошадях, гулянье в Сокольниках или Марьиной Роще. У маленького Саши, старшего из детей Островских, была няня Авдотья Ивановна Кутузова, фигура почти равнозначная Арине Родионовне по вкладу в русскую литературу: она и сказки рассказывала, и песни пела, и прибауток знала неисчислимое множество... Островского с детства окружала живая, узорчатая языковая стихия, тот самый язык

московских просвирен, учиться которому советовал Пушкин. Для того чтобы из этого получилась большая литература, стихия должна была встретиться с культурой; великий писатель — это, как правило, великий читатель. У Островского-старшего была большая библиотека, и старший сын, Саша, много и охотно читал.

ТАЛАНТ, РЕШИТЕЛЬНЫЙ ТАЛАНТ!

Мать Островского рано умерла — Саше было 8 лет. Четверо детей остались сиротами. Отец женился через пять лет на обрусевшей шведке Эмилии фон Тессин; мачехой она оказалась внимательной и доброй, учила детей языкам и музыке, заботилась о них как родная мать. Детей вскоре стало шестеро. Саша еще гимназистом начал писать стихи; отец, однако, прочил ему юридическую карьеру, так что после выпуска 17-летний Островский пошел учиться на юридический факультет Московского университета, куда имел право поступить без экзаменов, поскольку баллы в аттестате были довольно высокие. Но юриста из него не получилось. «Три семестра прошли благо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

получно, на четвертом не явился на экзамены, пробыл еще год на втором курсе, затем на экзаменах получил по истории римского права единицу и подал на имя ректора прошение об увольнении его «по домашним обстоятельствам», — рассказывает биограф Островского Михаил Лобанов.

Отец устроил юношу писцом в совестный суд на 4 рубля жалованья; затем он перешел в суд коммерческий — чиновником стола «для дел словесной расправы» и дослужился до 15 рублей. За восемь лет службы перед глазами Островского прошла бесконечная вереница разнообразных персонажей. Он слушал, смотрел, запоминал, накапливал... Наконец судебные впечатления легли в основу первой драмы, сначала названной «Банкрот», а потом переименованной в «Свои люди — сочтемся»; сцены из нее появились в 1847 году в «Московском листке» за двумя подписями: А. О. и Д. Г. «Д. Г.» был артист Дмитрий Горев. Степень его участия в создании пьесы неизвестна, предыдущая его пьеса, «Государь-Избавитель», довольно беспомощна, однако скандал он устроил шумный, и Островскому долго еще приходилось оправдываться и доказывать свои права на пьесу.

Первая его законченная пьеса — «Картина семейного счастья». Он впервые прочитал ее публично у профессора Шевырева, лекции которого слушал в университете, 14 февраля 1847 года (14-е Островский с тех пор считал своим счастливым числом). Успех был триумфальный. Хозяин дома поздравил гостей «с новым светилом в отечественной литературе». Еще больший успех ожидал «Банкрота», которого автор читал в 1849 году у Михаила Каткова; наконец, на одном

из чтений, у графини Ростопчиной, Островского слушал Гоголь, который нашел, что новый драматург — талант, решительный талант! Пьеса, уже под заглавием «Свои люди — сочтемся», вышла в журнале «Москвитянин» в 1850 году и возмутила часть московского купечества, которая нашла в ней клевету на свое сословие: молодой купец фактически грабит своего благодетеля. Купцы подали жалобу на Островского, царь ознакомился с пьесой, нашел, что опубликована она зря,

го не осталось от двадцатилетней жизни и семьи. Поразительно отношение к этому браку наследников Островского, детей от второго, венчанного брака: они не сочли нужным даже сохранить для потомков фамилию Агафьи Ивановны.

Злые языки бесконечно рассказывали об Островском сплетни: что он считает себя русским Шекспиром; что языков не знает, а переводит...

«Хотя Островский и жил в Москве, но это не помешало любителям рас-

пространять слухи о его частной жизни: будто он пьет без просыпу и толстая деревенская баба командует над ним, — писала Авдотья Панаева. — Когда рассказчику заметили, что Островский, кроме белого вина, ничего не пил за обедом, то на это следовало объяснение, что Островский, приезжая в Петербург, боится выпить рюмку водки, потому что тогда он уж запьет запоем....». Семевский замечал: «Сколько переслышал я о нашем современном драматургическом таланте и пошлых пасквилях, и глупых анекдотов — и никогда, решительно ни в один из многих моих визитов к Островскому не заметил я ни одной черты, ни одного намека, которая бы оправдывала хоть сотую долю из всего того, что говорят его завистники и его недоброжелатели». И еще: «...скромность, добродушие и незлопамятность характера видна и в речах и в поступках Александра Николаевича».

Первая сценическая постановка пьесы Островского состоялась в 1853 году, и с тех пор он ежегодно пополнял репертуар русских театров новыми пьесами. Играть театрам было совершенно нечего: были старые, выпретенные классицистские трагедии, уйма бессмысленных водевилей про жену и мужа... были «Недоросль», «Горе от ума» и «Ревизор». И все. «Борис Годунов» впервые добрался до сцены в 1870 году. Потребность в хороших русских пьесах была колоссальная, а в пьесах нового автора было что играть: для каждого актера чудесная роль, которую так интересно осваивать, и есть чем блеснуть... правда, и здесь не обошлось без капризов: иные актрисы наотрез отказывались играть старух или простолюдинок в платочках. Пьесу «Не в свои сани не садись», историю соблазненной и покинутой купеческой дочери Дуни, выбрала для своего бенефиса молодая актриса Любовь Косицкая. Она явилась перед публикой в ситцевом платье — и совершенно умягчила сердца зрителей естественностью и простотой. Пьеса имела шумный успех. Тем не менее, по старому закону

а ставить ее не следует. Молодого автора отдали под негласный полицейский надзор, который был с него снят только в начале царствования Александра II, а пьеса добралась до сцены лишь в 1861 году.

Шли последние годы царствования Николая I, памятные современникам и потомкам тем, как удушалось всякое вольное слово, как принудительно насаждалось благонравие. К пьесе предъявили претензии, что порок в ней не наказан, как следовало бы. Хотя другая часть московского купечества говорила, что пьеса вполне актуальна и проблема в ней ставится верно.

СЕМЕЙНЫЕ ДРЯЗГИ

С 1849 года Островский жил в отцовском доме вместе с невенчанной женой Агафьей Ивановной, женщиной простой и необразованной, но милой, любящей и заботливой — здорово похожей на обломовскую Агафью Матвеевну, разве что, может быть, она была не такая зашуганная.

Один из посетителей, М.И. Семевский, оставил воспоминания об Островском в начале его семейной жизни: маленький дом, грязная лестница и незапертая по московскому обычаю дверь; за дверью визитера встречает маленький мальчик с пальцем во рту, за ним другой, за ним кормилица с грудным, и только в третьей комнате сидят хозяин с хозяйкой — причем хозяйка сразу убегает за перегородку, а хозяин мучительно думает, следует ли ему снять халат. «Я увидел перед собой очень дородного человека, на вид лет тридцати пяти, полное мясцообразное лицо обрамляется мягкими русыми волосами, обстриженными в кружок, по-русски (а la мужик или а la Гоголь — как его рисуют на портретах), малозаметная лысина виднеется на маковке, голубые глаза, кои немного шурются, при улыбке дают необыкновенно добродушное выражение его лицу», — рассказывал гость.

Отец Островского его мезальянса не принял, отношения отца и сына до самой смерти первого оставались натянутыми. Отец купил имение и уехал; ничего хорошего от беспутного сына не ждал, деньги ему давать перестал: живи как знаешь. И Островский жил с семьей на скудные на первых порах литературные и театральные гонорары. Дети числились незаконными и не имели права на отцовскую фамилию. А отцовские надежды оправдал младший сын, Михаил Николаевич, который со временем дослужился до министра. Человек честный, прямой, заботливый и верный долгу, он опекал двух осиротевших племянниц, дочек третьего брата, а к старшему брату своему относился с любовью и заботой. Дети Агафьи Ивановны умерли во младенчестве — кроме одного, Алексея Александрова, который умер в 21 год, пережив свою мать на два года; ниче-

от театральных гонорарах, драматургу полагаются 4 процента от театральных сборов в столицах, а за провинциальные постановки не полагалось вовсе ничего. Островский долго боролся с этой несправедливостью, но сдвинуть что-то с мертвой точки ему удалось много позже.

«ГРОЗА»

Голубоглазая и золотоволосая Косицкая совершенно очаровала Островского. На похоронах Гоголя в Даниловом монастыре она рассказывала ему, как любила слушать колокольный звон. Из рассказов Косицкой — о детстве, о Волге, о необыкновенных снах — постепенно складывался образ летящей, странной, мечтательной души, воплотившийся потом в Катерине из «Грозы». Любопытно, что сыграла Катерину Косицкая — по сути, ее прототип.

Роман Островского и Косицкой был мучителен для обоих; он страдал от вины перед своей Агафьей Ивановной, для Косицкой, как и для Катерины, понятие греха было абсолютно. Я не хочу отнимать вашей любви у другого человека, — строго сказала она ему. А сама вскоре влюбилась в ничтожество, в купеческого сынка, который разорил ее и унижал; сама любовь Островского была оскорблена этим выбором.

Но чтобы из первых впечатлений получилась «Гроза» — нужен был еще важный душевный опыт. В 1856 году великий князь Константин Николаевич задумал литературно-этнографическую экспедицию по Волге; ее организатором стало Морское министерство. Литераторы должны были путешествовать по реке и собирать материалы о жизни населения по ее берегам, о его быте, промыслах, торговле, языке, творчестве и т. п. Волгу поделили между участниками экспедиции, Островскому достались верховья: Тверь, Торжок, Кострома... Два лета подряд Островский ездил по Волге; собрал огромное количество разных материалов, в том числе примеры местных говоров: «перечень» — боковой ветер, «призятить» — взять зятя в дом, «прямушка» — прямая тропинка, по которой ходят и ездят, когда грязна больша

И несколько хронологических пластов — вот как Герцен писал, в столице XIX век, а отъедешь от нее — там уже XVII, а дальше и вовсе кафры с готтентотами... Здесь и Борис из XIX века, и Кулигин из XVIII, и Кабаниха, словно сошедшая со страниц «Домостроя», и дальше, и глубже в темень веков, до людей с песьими головами... И темная дикость в душах, и фольклорная, светлая стихия, роднящая Катерину с Ярославной...

«Гроза» не выносит однозначных приговоров, позволяет самые разные интерпретации — оттого и спорят так о ней до сих пор: Кабаниха — заботливая мать, носительница вечных ценностей или чудовище? Катерина — луч света в темном царстве или забитая неграмотная женщина? Социальный протест или духовный кризис? Пробуждение души или окончательная гибель? А может, она и вовсе в прелести была, как написал недавно один журналист? Островский только показывает — ярко, выпукло, дотошно — и не дает никаких однозначных ответов: думайте сами.

Поразительно странное совпадение «Грозы» с так называемым «клыковским делом», о чем рассказывает Михаил Лобанов. Островский закончил «Грозу» 9 октября 1859 года, а 10 ноября в Костроме вытащили из Волги тело местной мещанки Александры Клыковой. Расследование показало, что она была влюблена в местного почтового служащего, что ее изводила властная свекровь, а добрый, но покорный матери муж никак за нее не заступался. Читать «Грозу» Клыкова никак не могла. Премьера состоялась 16 ноября, вскоре после ее гибели, а в печати пьеса появилась еще позже, в 1860 году. «Гроза» была встречена триумфально. В том же году она получила Уваровскую премию за лучшее драматическое произведение. Критики бросились в схватку: горькая история Катерины стала поводом поговорить о насущно важных вопросах — как Добролюбов в знаменитом «Луче света в темном царстве»: об общественном климате, возможных переменах, прогрессе, цивилизации и так далее. Писарев откликнулся размышлениями о Бокле; Катерина, Бокля не читавшая, «лучом света» быть никак не могла. Критики отталкивались от литературы, чтобы порассуждать о необходимости социальных перемен. А зрители плакали и рукоплескали в театрах.

«Я ТОЛЬКО И ДЕЛАЮ, ЧТО РАБОТАЮ...»

Триумфов в жизни Островского вообще было немало. В. А. Герценштейн так рассказывает о бенефисе Прова Садовского в Москве (играли «Свои люди — сочтемся»): «Что творилось в театре в этот вечер, не поддается никакому описанию. Молодежь вынесла Островского на руках, без шубы, в двадцать градусов мороза, на улицу, намереваясь таким образом до-

шья дорога. Необыкновенный речной простор, спокойная и уверенная красота Волги — это сразу задает систему координат в «Грозе», где река и гроза становятся такими же участниками действия, как и люди. Это новый театр, доселе неслыханный: здесь двигателем сюжета становится атмосфера. Атмосферу Островский создает мастерски: здесь и физическое ощущение простора — кажется, выйди, раскинь руки и лети...

нести его до квартиры, и, когда более благоразумным удалось накинуть ему на плечи шубу и усадить в сани, толпа в несколько сот человек различного пола и возраста направилась по сугробам снега к дому автора. Островский жил тогда в Замоскворечье, в самом центре «темного царства», и в эту ночь шумная толпа потревожила сон многих Кит Китычей, мирно покоившихся на высоких пуховиках. Островский появился на пороге своей квартиры, вызванный оглушительными криками толпы, он раскланивался со всеми, двух или трех вблизи стоявших обнял и расцеловал и выразил сожаление, что не может пригласить и вместить в своем доме всех, «хотя и поздних, но милых гостей»...

Провалы, разумеется, тоже бывали. Материальное положение лучшего русского драматурга, чьи пьесы шли по всей России, оставалось довольно шатким. Семевский, редактор журнала «Русская старина», попросил у него в 1879 году воспоминаний для публикации. Островский откликнулся горьким монологом: «С лишком тридцать лет я работаю для русской сцены, написал более 40 оригинальных пьес, вот уже давно не проходит ни одного дня в году, чтобы на нескольких театрах в России не шли мои пьесы, только императорским театрам я доставил сборов более 2 миллионов, и все-таки я не обеспечен настолько, чтобы позволить себе отдохнуть месяца два в году. Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обдываю сюжеты вперед, в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т. е. без хлеба, с огромной семьей — уж до воспоминаний ли тут!»

Через два года после смерти Агафьи Ивановны он снова женился; избранницей его стала актриса Мария Васильевна Бахметьева. Детей у этой пары было шестеро. Чтобы всех прокормить, Островский писал по две пьесы в год, получая от недоброжелателей упреки в халтуре, поспешности; со временем, разумеется, стали говорить, что он «исписался». Он не исписался, но искал новых путей: создал несколько замечательных по стилю и знанию материала исторических хроник, много переводил иностранных пьес, начиная с шекспировского «Укрощения строптивой» — «Укрощения злой жены», которую

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Русские писатели
круга журнала
«Современник»:
И.А. Гончаров,
И.С. Тургенев,
Л.Н. Толстой, Д.В.
Григорьевич, А.В.
Дружинин и А.Н.
Островский
(крайний справа).
Фотография
С.Л. Левицкого.
Март 1856 года

он перевел прозой в 1850-м и стихами в 1865-м, назвав ее на сей раз «Усмирением своенравной». За Шекспиром последовали Плавт, Теренций и Сенека. Новым импульсом для переводов стала его поездка по Европе: Островский объездил несколько стран, восхищаясь красотой природы и архитектурой — до слез, до ощущения, что сердце не может вместить такого счастья. Вернувшись, он взялся за переводы итальянских авторов: Гольдони, Гоцци и современных драматургов. Переводил с французского — часто в рабочих целях, для бенефисов знакомых актеров, причем некоторые пьесы в его переводах оказывались удачнее, чем в оригиналах. Он перевел несколько интермедий Сервантеса, а смерть оборвала его работу над «Антонием и Клеопатрой» Шекспира. 47 (по другим подсчетам — 49) оригинальных пьес и 22 перевода — целая театральная эпоха.

Островский не раз жаловался, что ему приходится заниматься всем: и растолковывать актерам роли, и присутствовать на репетициях, и следить за тем, чтобы режиссер не искажал авторский замысел... Но вряд ли бы он всем этим занимался, не будь он таким энтузиастом театра, требовательным и страстным. В конце жизни он написал, что он и есть русский

Поработать на новых должностях он успел совсем недолго, до конца сезона, с декабря 1885-го по май 1886-го, когда — уже совсем больной — уехал в свое любимое Щельково, выкупленное для него братьями после смерти мачехи. Там он с упоением предавался рыбной ловле, там думал, принимал гостей, писал пьесы, торопясь

успеть к началу сезона, — там и умер 2 июня от разрыва сердца.

И хотя он в последние годы жизни вел огромную организационную работу, писал в основном заметки и записки по организации театрального дела — талант николю не оскудел: в последнее десятилетие написаны «Бесприданница», «Без вины виноватые», «Таланты и поклонники» — и нежнейшая, прозрачнейшая, прекрасная «Снегурочка», совершенно новое слово в театре и литературе.

Не дидактичный, не назойливый, внимательный к людям, он как-то интуитивно понимал их и воссоздавал во всей мешанине красоты и безобразия, наделял собственными физиономиями и безупречно точными речевыми характеристиками: десятки непохожих, не повторяющихся, своеобразных персонажей, целая галерея портретов — от акварельно-нежных до плакатно-ярких, сотни шаржей, набросков, карикатур. Это был «органический», по определению его друга Аполлона Григорьева, талант: для кого другая русская действительность — варварская, скудная и бедная почва, а для него — полная сокровищ. Так человек незнающий и равнодушный проходит по лесу — ну травка, ну птичка, ну дерево, — а для влюбленного в лес наблюдателя тут у каждой букашки есть свое имя и богатая жизнь, у каждого семечка история, и зверская, равнодушная жестокость здесь, и божественная гармония... Недаром его знаменитое прозвище — «Колумб Замоскворечья» — подчеркивает именно эту сторону его дара: первооткрывательскую.

Сам он был человек спокойный, уравновешенный, добрый, и жизнь его лишена африканских страстей и крутых поворотов — упорный многолетний труд, классическое «делай что должно, и будь что будет». А получился из этого практически в одиночку воздвигнутый русский национальный театр.

театр: «Другие искусства имеют школы, академии, высокое покровительство, меценатов; для драматического искусства покровительственным учреждением должен бы быть императорский театр, но он своего назначения давно не исполняет, и у русского драматического искусства один только я. Я — всё: и академия, и меценат, и защита». Заносчиво? — да нет, справедливо.

ВОЗ ОРЕХОВ ДЛЯ БЕЛКИ БЕЗ ЗУБОВ

Островский — один из основателей Литературного фонда, созданного в 1859 году для помощи нуждающимся литераторам и ученым; Литфонд оказался чрезвычайно нужным и живым начинанием, пережившим много правителей и режимов. Второе его общественное начинание — Общество русских драматических писателей и оперных композиторов, нечто вроде профсоюза, который в конце концов отвоевал для авторов пьес и опер право получать пристойные гонорары за постановки; с этих пор материальное положение самого Островского стало хоть сколько-то стабильным. В конце жизни он стал получать назначенную императором Александром III пенсию в 3 тысячи рублей.

Островский, живущий театром и едва ли не в театре, вникал во все театральные процессы, ясно видел, что надо исправлять в театральном деле, — и в 1881 году вошел в комиссию «для пересмотра законоположений по всем частям театрального управления» при Дирекции императорских театров. Эта его работа принесла много пользы артистам, до тех пор бывших такими же бесправными, как и драматурги.

У него было множество планов и идей по реорганизации театра, но не было возможностей. Он знал всё: как учить актеров, как формировать труппу, как правильно организовывать бенефисы, какой должна быть репертуарная политика... Возможности появились в 1885 году, когда Островского назначили заведующим репертуарной частью московских театров и начальником театрального училища. Должность была важная, требующая гражданского чина, по Табели о рангах соответствующего генеральскому, а Островский как ушел в отставку из суда губернским секретарем, так и остался чиновником двенадцатого класса; это как поручика ставить командовать армией. А командовать больше было некому.

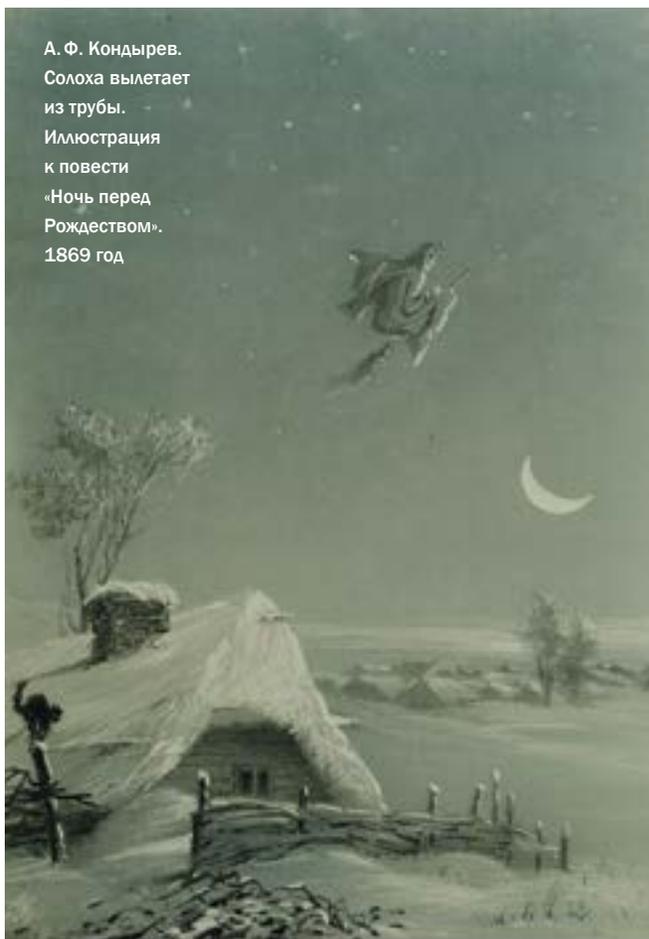
Он был уже немолод и нездоров, и назначение свое прокомментировал так: «Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уже зубов не стало».

И ГОГОЛЬ, ТАКОЙ МОЛОДОЙ

АННА ГАМАЛОВА

Некоторые книги были в нашей жизни всегда — вечные, как солнце, трава или новогодняя елка. Поэтому нам трудно понять, что когда-то и они ворвались в литературу неожиданными кометами, ошеломляя и радуя, — так же трудно, как представить себе бабушку молодой, а маму — девочкой. С «Вечерами на хуторе близ Диканьки» ровно так и обстоит дело.

А. Ф. Кондырев.
Солоха вылетает
из трубы.
Иллюстрация
к повести
«Ночь перед
Рождеством».
1869 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Чуть более 180 лет назад критик Петр Плетнев рассказал Пушкину о молодом писателе Гоголе-Яновском, «который обещает что-то хорошее» и заметил: «Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение». Тогда Гоголь в самом деле еще только много обещал: названия его первых произведений (ну, кроме неудачного «Ганца Кюхельгартена») — «Глава из исторического романа», «Учитель», «Женщина» — нынешнему читателю даже и не говорят почти ничего.

Николай Васильевич тогда преподавал в Патриотическом институте, куда его устроил Плетнев, и учительствовал частным образом, в том числе был педагогом у слабоумного Васи, сына Александры Васильчиковой, которая приходилась теткой писателю Владимиру Соллогубу. Соллогуб так описывает первое знакомство с Гоголем: «Мы вошли в детскую, где у письменного стола сидел наставник с учеником и указывал ему на изображения разных животных, подражая при том их бляению, мычанию, хрюканью и т. д. «Вот это, душенька, баран, понимаешь ли? баран, — бе, бе... Вот это корова, знаешь, корова, му, му». При этом учитель с каким-то особым оригинальным наслаждением упражнялся в звукоподражаниях».

Работать над «Вечерами» Гоголь начал еще в 1829 году — ему едва исполнилось

двадцать. В письмах домой он засыпал свою маму требованиями рассказывать ему «о поверьях, обычаях малороссиан, сказках, преданиях, находящихся в простонародьи», описать наряд сельского дьячка, описать свадебный обряд, сообщать мало-мальски интересные анекдоты... Вся работа уложилась в три года и была закончена в 1832 году; автор еще и отвлекался на исторический роман «Гетьман» и заграничную поездку. Спрятаться при публикации под маской «пасичника Рудого Панько» ему посоветовал все тот же Петр Плетнев.

Как вспоминал Соллогуб, по вечерам молодой учитель читал Васильчиковой, ее старой матери и сонму домашних приживалок свою «Майскую ночь»: «Кто не слышал читавшего Гоголя, тот не знает вполне его произведений. Он придавал им особый колорит своим спокойствием, своим произношением, неуловимыми оттенками насмешливости и комизма, дрожавшими в его голосе и быстро пробегавшими по его оригинальному остроносому лицу, в то время как серые маленькие его глаза добродушно улыбались и он встряхивал всегда падавшими ему на лоб волосами. Описывая украинскую ночь, он как будто переливал в душу впечатления летней свежести, синей, усеянной звездами выси, благоухания, душевного простора. Вдруг он остановился. «Да гокак не так танцуется!» Приживалки вскрикнули: «Отчего не так?» Они подумали, что Гоголь обращался к ним. Гоголь улыбнулся и продолжал монолог пьяного мужика. Признаюсь откровенно, я был поражен, уничтожен; мне хотелось взять его на руки, вынести его на свежий воздух, на настоящее его место».

Очень скоро первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» увидела свет — четыре повести: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь» и «Пропавшая грамота». Десятью годами позже Гоголь, составляя собрание сочинений, раздумывал, не выкинуть ли их вовсе, но не стал: «...то первоначальные ученические опыты, недостойные строгого внимания читателя; но при них чувствовались первые сладкие минуты молодого вдохновения, и мне стало жалко исключать их, как жалко исторгнуть из памяти первые игры невозвратной юности». В самом деле, Гоголь, автор хрестоматийного «Знаете ли вы украинскую ночь», был чуть старше 20 лет — редкое даже для избалованной талантами русской литературы явление совершенно оформившегося уже на выходе из отроческих лет чистого и ясного гения. Сейчас трудно представить, какое ошеломляющее впечатление произвели живые, поэтичные и прекрасные «Вечера» на русскую публику. Отечественная литература в те времена была еще очень молода, золотой фонд ее был чрезвычайно мал и активно пополнялся действующими писателями. По преимуществу дворянская, она была салонной, библиотечной и кабинетной — ну, может, выбиралась иногда на лоно романтической природы... но деревня как она есть, со всеми ее обитателями возникала в литературе разве что где-то на обочине, где-то на полпути меж-

ду Петербургом и Москвой. А тут вдруг вломился в нее и крепко обосновался целый мир — яркий, шумный, со своими преданиями и поэзией, смешной, страшный, трогательный. Гоголь писал Пушкину (Плетнев их познакомил в мае 1831 года) о том, как рассмешил наборщиков: «Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он, после некоторых ловких уклонений, наконец, сказал, что *штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, особенно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву*. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни». Пушкин отвечал: «Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов и отзыва остренького сидельца». Под «остреньким сидельцем» он имел в виду Николая Полевого, издателя «Московского телеграфа».

Искусшенный, начитанный Пушкин — под статью простосердечным наборщикам — долго ходил очарованный новой книгой, о чем писал издателю «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» Воейкову: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился». И напоминал в 1836 году в рецензии: «Читатели наши, конечно, помнят впечатление, произведенное над ними появлением «Вечеров на хуторе»: все обрадовались этому живому описанию племени, поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина!» А со времен Фонвизина к тому времени прошло сорок полных лет, за которые ничего равного «Недорослю» на свет не появилось — пока не затмил его славу тот же Гоголь со своими «Ревизором» и «Женитьбой».

Пушкин, правда, замечал в «Вечерах» «неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов»; кто сейчас предъявит книге, словно высеченной из цельного куска мрамора, упрек в стилистическом несовершенстве? Но 180 лет назад она еще была только что вышедшей из типографии книжкой, а критики делали свое дело: придирались и бранились. Так что Пушкин, предвидя упреки, которые посыплются на молодого сочинителя, просил издателя приложения к «Русскому инвалиду»: «Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкнове-

нию, нападут на неприличие его выражений, на дурной тон и проч.». Желавшие нападать, разумеется, нашлись. И первым был «остренький сиделец» Николай Полевой, сам недавно опубликовавший в «Московском телеграфе» статью «Малороссия, ее обитатели и история». С этой статьей спорил в «Литературной газете» друг Гоголя Орест Сомов, а Полевой подозревал, что «пасичник Рудый Панько» Сомов и есть; так или иначе, в «Московском телеграфе» он безжалостно разобрал книгу, обращаясь непосредственно к автору: «воля ваша, мы своим русским умом не понимаем этого высокопарения», «желание подделаться под малоруссизм спутало до такой степени ваш язык и всё ваше изложение, что в иных местах и толку не доберешься»... Полевой вменил в вину Гоголю даже «бедность воображения» и «скудость изобретения», не говоря уже об ожидаемых Пушкиным упреках в «отступлении от устава вкуса и законов изящного» и даже «ошибках против правописания».

Писатель Андрей Стороженько в «Сыне Отечества и Северном Архиве» на протяжении четырех номеров печатал свою этнографическую экспертизу «Вечеров» под псевдонимом «Андрей Царынный»; он въедливо указывал, что Левко на бандуре играть не мог, потому что на бандурах играют только слепые, а гетманский гонец в «Пропавшей грамоте» не мог ехать через Конотоп, а песня, которую поют парубки под окном головы, есть «смешение наречий малороссийского с русским» и т. д. и т. п., — живописность и занимательность книги, правда, он признавал. Споры об этнографической точности «Вечеров» тянулись еще несколько десятилетий, полемисты находили у Гоголя все новые неточности, хотя каждому было очевидно, что этнографически верное описание украинского быта в задачи этой насковзь сказочной книги вообще не входило.

Полевому поспешили возразить Орест Сомов все в тех же «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду») и Николай Надеждин в «Телескопе». К выходу второй книги «Вечеров» в общественном мнении — пожалуй, с легкой руки Пушкина — устоялся взгляд на книгу как на произведение живое, веселое, остроумное, несмотря на глубокую печаль, пронизывающую даже светлую и ясную «Майскую ночь», на фантазмагорию и чертовщину, которых в этой веселой и занимательной книге хоть отбавляй. Во вторую книгу, увидевшую свет

в марте 1832 года, входили еще четыре рассказа: «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», отмеченная чуть не всеми рецензентами как самое сильное произведение в сборнике, «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», рецензентами не замеченный, и «Заколдованное место». Баратынский, которому Гоголь подарил свою книгу, писал о ней: «Еще не было у нас автора с такою веселою веселостью, у нас на севере она великая редкость. Яновский — человек с решительным талантом. Слог его жив, оригинален, исполнен красок и часто вкуса. Во многих местах в нем виден наблюдатель, и в повести своей «Страшная месть» он не однажды был поэтом». «Телескоп» заметил, что «Рудый Панько владеет кистью смелою, роскошною, могущественною. Его картины кипят жизнью», а Полевой в «Московском телеграфе» вынужден был признаться, что вторая книжка хороша, но опять усмотрел «большие неправильности в языке». И тоже нашел «неистощимую веселость», далась же она им, эта веселость. И ладно «Ночь перед Рождеством», в самом деле уморительно смешная, но «Страшная месть»! В самом деле страшная, томительная, с мятущейся и стонущей душой пани Катерины, поэзию увидели в ней, но как же не увидели этого другого Гоголя — с его страхом смерти, с его метафизическими прозрениями и острой тоской. Как же не увидели Шпоньки — откуда начался третий Гоголь, миргородский, ревизорский, с острым глазом и ехидцей...

Впрочем, «Вечера на хуторе близ Диканьки» — это в самом деле юность русской литературы, со всем тем лучшим, что есть в юности: силой и искренностью чувств, непосредственностью, органичностью и красотой. Это хорошо разглядел Белинский, который в 1835 году отозвался о «Вечерах» так: «Это были поэтические очерки Малороссии, очерки полные жизни и очарования. Всё, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов обольстительного, всё, что народ может иметь оригинального, типического, всё это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах г. Гоголя. Это была поэзия юная, свежая, благоуханная». Молодой Гоголь не ставил себе никакой задачи, когда писал «Вечера». Ничему не учил, ничего не проповедовал, не ставил целей обличать и исправлять нравы — просто писал, потому что пишется, как птица поет, потому что поется, не зная даже, что из этого получится. Это потом он станет бичевать и горько осмеивать, поучать и наставлять, получит свою долю славы, осуждения и осмеяния... А «Вечера на хуторе близ Диканьки» так и останутся памятником счастливой молодости, полной сил и любви, — молодости, у которой еще все впереди, которая живет, поет и радуется миру, потому что не может иначе. 📖

ЕМУ ТЫ ПЕСЕН НАШИХ СПОЙ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Когда-то стихи Аполлона Майкова учили наизусть с первых школьных лет, а самого его считали лучшим поэтом послепушкинской эпохи. Время выдвинуло вперед Тютчева, Фета, Алексея Толстого, а классического Майкова отодвинуло на второй и третий план. Хотя Майков, конечно, не стал хуже.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И в учебниках он уцелел: шести-классники читают «Емшан» — и, надо сказать, читают с удовольствием: есть в нем и так любимая ими чеканная балладная поступь, и ясный сюжет, и удивительная летящая тоска, на которую всегда откликается душа: «Ему ты песен наших спой, — // Когда ж на песнь не отзовется, // Свяжи в пучок емшан степной // И дай ему — и он вернется». Иннокентий Анненский большую статью посвятил педагогическому значению стихов Майкова: они так живописны, так звучны, так тщательно отделаны, что прекрасно годятся для того, чтобы научить детей любить стихи. Многие поэты никогда не публикуют свои юношеские стихи: так они слабы, несамостоятельны, косноязычны, так вялы — как проросшие в темноте ростки картошки. Другие совсем молодыми входят в поэзию уже мастерами, уже сильными поэтами: ничего ни где не провисает, не вызывает чувства мучительной неловкости. Таким поэтом и был Майков. Иннокентий Анненский замечал: «Мы не найдем в его томах ни беспредметных порывов юности, в виде целых пьес, ни прилежных робких подражаний любимым образцам — перед нами сразу выступает поэт, точно Паллада, вышедшая во всеоружии из Зевсовой головы».

АПОЛЛОНИЧЕСКИЙ АПОЛЛОН

Майков вошел в литературу как поэт антологический, работающий в русле классического наследия. Его первый сборник стихов был густо населен фавнами, наядами и дриадами и содержал перепевы древней классической поэзии. Белинский откликнулся на этот сборник большой и очень доброжелательной рецензией: «прекрасное дарование», «дивно поэтическая, роскошно художественная пьеса», «какие пластические, благоуханные, грациозные образы!».

Белинский говорил о склонности молодого поэта к живописности и его «гармоническом единстве с природою», но замечал у него некоторую однобокость изображения мира: в этом мире почти отсутствует трагедия. Майков и до конца жизни остался солнечным поэтом — в полном согласии со своим именем «аполлоническим», как говорили в Серебряном веке: ясным, спокойным, сдержанным. Никогда в нем не было ничего темного, страстного, «дионисийского» — напротив, его даже упрекали в чрезмерном бесстрастии. Но страстность он всегда истреблял, изгонял из своей поэзии, специально вымарывал все личное — отчасти потому, что это никому не интересно, отчасти из нежелания открывать душу посторонним. Он писал своим сыновьям, косвенно отвечая на упреки критиков, мол, почему у него совсем нет любовной лирики: «Меня <...> упрекали в холодности, главное указывая на то, что нет у меня любовных стихотворений <...> Но о любви своей мне всегда было писать и говорить стыдно. Что кому до этого за дело! Каждого пускать с своим носом к себе в сердце!» Майков не то что не выворачивает перед читателем душу, а вообще застегнут на все пуговицы и повязан галстуком; в его поэзии нет ничего смутного, ночного, бередящего душу — он поэт разумный, трезвый, уравновешенный. Более того, такие люди воспринимают чужую исповедальную лирику с некоторой брезгливостью — как душевный стриптиз. Публикатор писем Майкова И.Г. Ямпольский обращает внимание на то, что поэт сознательно стремится к поэтической сдержанности. Так, в одном из писем сыновьям сказано: «Вообще то, что вам представляется, может быть, во мне зрелостью ума, есть плод многого горького опыта, очарований и разочарований, и «взгляды и убеждения» сложились не без внутренних бурь и потрясений.

Только мне всегда стыдно было их обнаруживать в стихах, ибо мне всегда противны были как байроновские проклятия, так и лермонтовские: «И скучно, и грустно, и некому руку подать». Но все это легло в основу совершенно объективных образов и лиц».

В лирической поэзии — самом, наверное, субъективном виде творчества — Майков старался быть «объективным». «В письме к сыновьям от 1890 года Майков говорит, что он «все свое облекал в объективную форму» и «все личное», которое являлось подпочвой стихотворений, изгонялось «как лишнее, не нужное никому», — пишет Ямпольский.

Пожалуй, стихотворения Майкова больше всего схожи с академической живописью его времени. Он сразу заявил себя мастером, он с юности предпочитал классические сюжеты — и всякое свое чувство, всякую свою мысль воплощал в тщательно отделанных строфах; где-то он даже назвал себя ювелиром.

И ДАЖЕ — ЕГО САМОГО С ЕГО КИСТЬЮ!

Отчасти, наверное, майковская склонность к живописанию — а он в поэзии явно тяготеет к описаниям, к статичным пейзажам, ландшафтам, максимум — бытовым сценкам — вынесена им из отцовского дома. Отец его, отпрыск древнего рода Майковых (считается, что к нему принадлежал святой Нил Сорский), был офицером, воевал в 1812 году под началом Багратиона, в Бородинском сражении был ранен в ногу — и пока лечил ее в своем ярославском имении, развлекался срисовыванием картинок. Рисование так увлекло его, что он не оставил его и по возвращении на военную службу, а вскоре сделался одним из известнейших художников своего времени — и впоследствии академиком живописи. До нас дошел его эскиз плафона «Олимп», изображающий сидящих на облаках богов; его сдержанная, прохладная цветовая гамма, лаконичность композиции и невыразительность лиц составляют интересную параллель майковской поэзии. Аполлон Николаевич тоже увлекался живописью, но в конце концов оставил это увлечение — сохранив, однако, склонность к созданию словесных картин, иногда чудесно выразительных:

*Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист; —
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь, как будто по водам,
Нога шумит... а ухо внемлет*

*Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет.
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные, спят...*

Мать Майкова была писательница и переводчица — Евгения Петровна, урожденная Гусятникова. Аполлон, старший из четырех сыновей, родился в 1821 году (он был ровесником Бодлера, Флобера, Достоевского и Некрасова). Мальчик очень дружил с братом Валерианом, следующим за ним по старшинству. Детство, как и положено дворянским детям, они проводили в деревне, где дружили с крестьянскими мальчишками и пристрастились к рыбной ловле. Потом семья переехала в Петербург. Дом Майковых был открытый, гостеприимный, в нем постоянно собирались писатели и художники, но это был не светский салон, а именно уютный дом, где друзей любили, слушали, помогали, если им плохо. Одним из частых гостей был еще совсем не знаменитый Иван Гончаров, который вскоре стал преподавать братьям Майковым русскую словесность. Впоследствии из писем писателя к воспитанникам выростет «Фрегат «Паллада». Евгения Петровна охотно привечала и даже подкармливала начинающих писателей; ее очень любил Достоевский, с которым Аполлон Майков сошелся в юности и дружил до самой смерти Федора Михайловича.

Аполлон и Валериан поступили на юридический факультет Петербургского университета; Валериан вскоре занялся литературной критикой, и в нем видели продолжателя дела Белинского. Младший брат, Владимир, впоследствии стал писателем, Леонид — этнографом.

Первые известные стихи Аполлона Майкова датированы 1837–1840 годами; в них он уже сложившийся поэт. Ректор Петербургского университета Плетнев, друг Пушкина, показывал его стихи Жуковскому и Гоголю, рассказывал о них при дворе. На первую книгу поэта он откликнулся рецензией, где писал: «...судя по верности умопредставлений, сочувствует он с антологическими поэтами Греции, как сочувствовал с ними Дельвиг, а судя по музыкальному, воздушно-прозрачному стиху, с Батюшковым, Жуковским, Пушкиным и А. Шенье». Первую книгу Аполлон Майков посвятил маме. Публика встретила сборник очень благосклонно, а царь наградил автора тысячей рублей для поездки в Италию: учиться живописи и изучать поэзию.

Италия властно притягивала к себе русских поэтов и художников — от старших, Сильвестра Щедрина, Иванова, Брюллова, Тютчева, Гоголя, до младших — Алексея Толстого и Майкова. Майковские стихи об Италии — радостное изумление: «Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом! //

Под таким небом невольно художником станешь». Эти строчки очень нравились Гоголю, он их часто повторял. Стихотворение это — рисунок в стихах: нарядные албанки стоят у фонтана, художник их рисует, а поэт описывает: «...и чудное небо, // И плющ темнолистый, фонтан и свирепую рожу тритона, // Альбанок и даже — его самого с его кистью!» Стихотворение из итальянского цикла «На дальнем Севере моем» — чудесная картина римского вечера, сумерек, «тумана в золотой пыли», заката — очень нравилось Некрасову.

Мама писала сыну: «Вот ты и в Риме! Там, куда давно влекло тебя воображение и твоя муза; не разочаровывайся совершенно, мой друг, смотря на Рим, обитаемый итальянцами. Увы, всему приходит черед. Слава и земное могущество исчезают яко дым — но в Риме еще много осталось бессмертной славы; смотри на его обломки как поэт, философ... пиши, рисуй... не предавайся только праздности и лени...»

Он побывал в Париже, слушал лекции в Сорбонне; на обратной дороге задержался в Праге — здесь зародился его интерес к идеям панславизма, здесь он работал над кандидатской диссертацией «О первоначальном характере законов по источникам славянского права».

Вернувшись домой, молодой поэт поступил на службу в библиотеку Румянцевского музея и окунулся в петербургскую литературную жизнь, тон в которой теперь задавали Белинский и Некрасов; с обоими Майков много общался. Он живо поддерживал молодую натуральную школу, в некрасовском «Петербургском сборнике» поместил свою поэму «Машенька» о дочери мелкого чиновника, соблазненной и покинутой блестящим кавалеристом Клавдием. Со временем «Машенька» автору разонравилась, стала казаться тенденциозной; спустя десять лет он писал об этой поэме: «...мотивы взяты из жизни, но неопределенна, не признана общая мысль поэмы; в герое — несколько

общих черт, рассуждения о любви, отношения к свету, — все заученное, ходившее тогда в литературе с легкой руки Ж. Занда».

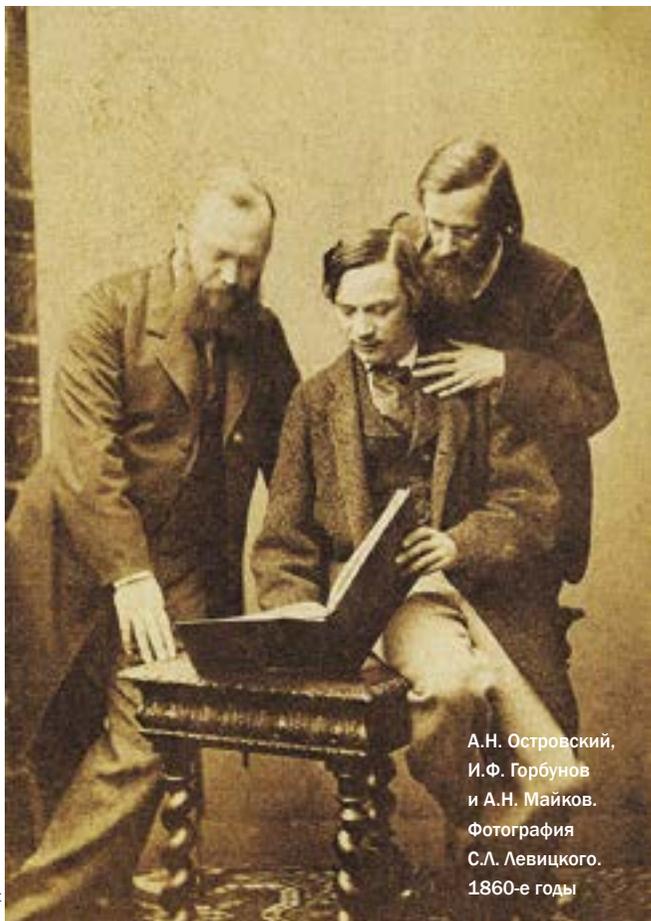
МНОГО ЭГОИЗМА И МАЛО ЛЮБВИ

Какое-то время братья Майковы увлекались демократическими идеями. Оба вошли в кружок петрашевцев, где сблизилась с Достоевским. Но летом 1847 года 23-летний Валериан Майков внезапно умер: с ним сделался удар во время купания. Аполлон долго не мог

В 1848 году в России начался очередной политический заморозок — реакция на французскую революцию и брожение умов. В следующем году кружок петрашевцев был разгромлен, его члены арестованы; Майкова задержали, допросили и в тот же вечер отпустили. Перепуган он был страшно — испугом и отделался; одни биографы утверждают, что по своей полной непричастности к делу петрашевцев,

другие — что следователи просто не докопались до того, как близко он стоял к центру кружка. Позже Майков писал, что в 40-х годах даже дневников не вел, опасаясь обыска, что к античным темам обращался потому, что в подцензурных условиях это была отдушина для творчества; тем поразительнее его резкий поворот в политических взглядах в «мрачное семилетие». Как и Достоевский, Майков в это время совершенно отошел от революционно-демократических идей («много вздору, много эгоизма и мало любви») и стал проповедовать, что лучшие формы правления — те, что выработаны самой историей. Он сблизился со славянофилами, стал резко возражать западникам — а с началом Крымской войны и подъемом патриотических чувств Майков принялся яростно поддерживать правительство. Он писал в это время Писемскому: «И каково бы ни было образование каждого, из каких бы источников ни почерпнул он свои знания и мнения, все в один голос, в один миг должны были разрешить этот вопрос и единодушно, перед судом совести ответить: «Я русский»... Ничто не подавило в нашем сознании, что можно быть ученым и образованным человеком и чувствовать, что мы в то же время русские и что в нас повыше всего одно святое чувство любви к отечеству!» Стихотворения, написанные Майковым в 1854 году, восстановили против него многих бывших друзей. Его отношение к революционному преобразованию действительности ясно выражено в стихотворении «Арлекин» 1854 года:

*...И мы пошли ломать. Трещало
Все, что построили века...
Грядущее издалека*

А.Н. Островский,
И.Ф. Горбунов
и А.Н. Майков.
Фотография
С.Л. Левицкого.
1860-е годы

прийти в себя. В одном из писем он с горечью писал, что с братом было связано не только прошлое, но и будущее: теперь все намеченное вдвоем предстояло делать в одиночку. Примерно в это же время Аполлон познакомился со своей будущей женой, Анной Ивановной Штеммер из немецкого лютеранского семейства. Женился он на ней, однако, только в 1852 году, после нескольких перенесенных потрясений.

Нам среди руин зарей сияло...
 Но вдруг среди наших сладких снов,
 Среди наших пламенных теорий —
 Мы слышим черни ярый рев:
 Как будто вдруг из берегов,
 Бушуя, выступило море!..
 Мы в ужасе глядим кругом.
 И что ж? Как демоны в потемках,
 Одни стоим мы на обломках:
 Добро упало вместе с злом!
 Все наши пышные идеи
 Толпа буквально поняла
 И уж кровавые трофеи,
 Вопя, по улицам влекла...
 «Арлекин» появился в «Современнике»
 в 1855 году. Поэт Щербина написал эпи-
 грамму, где прямым текстом говорил,
 что Майков воспеваает Третье отделение.
 «Отечественные записки» отозвались от-
 рицательной рецензией. Стихотворение
 «Коляска» довольно долго ходило в спи-
 сках. В нем лирический герой с благого-
 вением смотрит на проезжающего по ули-
 це в коляске императора, погруженного
 в мрачные мысли, и сочувствует ему, и хо-
 чет ему сказать:
 «Великий человек! Прости
 слепорожденным!
 Тебя потомство лишь сумеет разгадать,
 Когда история пред миром изумленным
 Плод слезных дум твоих о Руси обнажит
 И, сдернув с истины завесу лжи печальной,
 В ряду земных царей твой образ
 колоссальный
 На поклонение народам водрузит».
 Хотя в те времена даже оборот «обожаемый
 император» был совершенно обыкновением для ежеднев-
 ных газет, столь верноподданническое стихотворение все же
 было несколько неожиданным для литератора круга Некрасо-
 ва и Белинского. Майкова бранили за подлость и называли
 «льстивым рабом»; в письме поэту Полонскому он писал по-
 том, что это была «глупость, не подлость». Николай I долго за-
 нимал его мысли; Майков считал, что император был спосо-
 бен на огромные свершения и прекрасно понимал русский
 дух, но образованное общество, выросшее на французских
 идеях, его не поняло...

КАК ФЕВРАЛЬ НИ ЗЛИСЯ

В 1852 году Майков женился на своей Анне Ивановне, с ко-
 торой жил долго и счастливо. У них было четверо детей — три
 мальчика и девочка Вера. Забегая вперед, скажем, что Вера
 заболела и умерла в 11 лет. Майковы очень горевали по до-
 брой и заботливой дочке; стихи «Не может быть! не может
 быть!» — редкий случай, когда Майков не пытается быть объ-
 ективным и не вымарывает живые чувства, а просто плачет:
Не может быть! не может быть!
Она жива!.. сейчас проснется...
Смотрите: хочет говорить,
Откроет глазки, улыбнется,
Меня увидит, обоймет
И, вдруг поняв, что плач мой значит,
Ласкаясь, нежно мне шепнет:
«Какой смешной! о чем он плачет!..»
Но нет!.. лежит... тиха, нема,
Недвижна...
 В 1855 году Майков издал прелестную поэму «Рыбная ловля»:
А тут мой поплавок мгновенно исчезает.
Ташу — леса в воде описывает круг,
Уже зияет пасть зубастая — и вдруг
Взвилась леса, свистя над головою...
Обгрызла!.. Господи!.. Но, зная норы щук,
Другую удочку за тою же травую
Тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюет... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надежд, волнуясь от страха,
Выкидываю вверх — чуть видного ерша...
О, тварь негодная!.. От злости чуть не плачу,
Клянусь себя, людей и мир за неудачу.
 Майков холоден и академичен, когда пишет о вакханках с тим-
 панами. Слишком зол и публицистичен в своих попытках вести
 полемику в стихах и обличать нравы — ну не тягаться ему здесь
 было с желчным и ядовитым Салтыковым-Щедриным, вечным

его противником. Но когда Майков берет за то, что любит больше всего на свете, когда он позволяет себе расстегнуть пуговку у ворота и побыть собой — веселым, счастливым, простым, — из-под его пера летят, искрясь, строчки, исполненные самой высокопробной поэзии. Недаром сразу, ментально полюбили читателю и прочно обосновались в хрестоматиях для детского чтения его знаменитое «Весна! выставляет первая рама» — стихи, до краев полные счастья, света, тепла и весеннего шума.

В советские времена Майкова как реакционера и консерватора пытались «сбросить с корабля современности». В «Литературной энциклопедии», вышедшей в 1929–1939 годах, о Майкове среди прочего сказано о его стихотворении «Сенокос», что он «в слащавых тонах» изображал «деревню под эгидой ласкового помещика». «Сенокос», собственно говоря, вот:

Пахнет сеном над лугами...

В песне душу веселя,

Бабы с граблями рядами

Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают;

Мужички его кругом

На воз вилами кидают...

Воз растет, растет, как дом.

В ожиданьи конь убогий

Точно вкопанный стоит...

Уши врозь, дугою ноги

И как будто стоя спит...

Только жучка удалая

В рыхлом сене, как в волнах,

То взлетая, то ныряя,

Скачет, лая впопыхах.

Не столь уж много в русской поэзии таких ярких, обаятельных и смешных образов полного животного счастья, как эта жучка удалая, ныряющая в волнах свежего сена. Хотя, пожалуй, на фоне «эгиды ласкового помещика» она еще смешнее.

Когда Майков пишет о весне, грозе, солнце — он вдруг начинает звенеть счастьем и лучиться солнцем, и это, наверное, лучшее, что вообще выходило из-под его пера —

все эти звезды, которые похожи на золотых пчелок, эти синие стрекозы, этот благодатный дождик, который загнал влюбленных в золотистую клетку, эта ласточка, поющая:

«Как февраль ни злился,

Как ты, март, ни хмурься,

Будь хоть снег, хоть дождик —

Все весною пахнет!»

Почти все это — стихи второй половины 50-х: времени семейного счастья, тихой усадебной жизни. Время оттепели, время надежд: будь хоть снег, хоть дождик — все весною пахнет. И у сборника стихов характерное название: «На воле».

Майков в это время много выступал с чтением стихов, много печатался. Сейчас он одобряет правительство, которое «само пустилось по спасительному пути реформ и призывает само все разумные силы нации к открытию мер для осуществления идей, за которые некогда гнало». Крестьянскую реформу он приветствовал — и написал стихотворение «Картинка», изображающее крестьян, которые слушают царский манифест. Стихотворение привело в ярость Салтыкова-Щедрина: «Что ни слово, то фальшь».

... В ВЕЧНОСТЬ ГЛЯНУВШЕЙ ДУШИ

С 1852 года Майков работал в Петербургском комитете иностранной цензуры: начинал младшим цензором, а с 1875 года возглавлял комитет. В комитете работал Тютчев, который для Майкова стал наставником, старшим товарищем, учителем: «Знакомство с Тютчевым и расположение ко мне, — отмечает Майков, — все скрепленную пятнадцатилетней службой вместе и частными беседами и свиданиями, окончательно поставило меня на ноги, дало высокие точки зрения на мир, Россию и ее судьбы в прошлом, настоящем и будущем, и сообщило тот устой мысли, на коем стою теперь и на коем воспитываю свое семейство». В том же комитете работал и Яков Полонский. «Мне ничего более не надо: я и умереть хочу, как и Тютчев, в дорогом моему сердцу комитете», — сказал однажды Майков.

В 1858 году Майков по приглашению Морского министерства отправился в экспедицию в Грецию на корвете «Баян». Корвет подолгу стоял в портах Италии; в одном из своих итальянских стихотворений Майков досадует на опостылевший Неаполь и тоскует по родине. «Неаполитанский альбом (Мисс Мэри)» — стихи веселые, легкомысленные, полные танцевальных ритмов; даже о восстании Гарибальди он повествует как-то мимоходом, вскользь. До Греции «Баян» так и не добрался, однако Майков в экспедиции учил новогреческий язык и создал цикл новогреческих песен.

В 60-е годы поэт сблизился с кругом «Москвитянина» и славянофилами. Дружил с Достоевским — еще с петрашевских времен. Они переписывались, пока Достоевский был в остроге и ссылке, Майков был крестным отцом детей Федора Михайловича, который ценил деликатность и душевность Майкова, его готовность помочь. Дружить с Достоевским было трудно: тяжелый характер его был причиной

размолвок и недопонимания, однако друзьями они оставались до самой смерти Достоевского.

Славянофильство, панславизм, борьба с нигилизмом, консерватизм в политических взглядах и серьезное, вдумчивое христианство — все это сближало его с Достоевским. Достоевскому очень нравилось стихотворение Майкова «Дорог мне, перед иконой...» — о свечах в церкви, за каждой из которых — чья-то молитва:

Это — светлое мгновенье

В диком мраке и глуши,

Память слез и умиленья

В вечность глянувшей души...

«И откуда Вы слов таких достали! Это одно из лучших стихотворений Ваших», — писал Майкову Достоевский.

Майков много размышляет о христианстве: его поэма «Три смерти» рассказывает о заре христианства и борьбе с язычеством. В стихотворении «Савонарола» он задумывается о том, как губительна для христианства мрачная, безрадостная аскеза. Нет, не в этом Христос, убеждает Майков:

О нет! Скорбящих утешая,

Ты чистых радостей не гнал

И, Магдалину возрождая,

Детей на жизнь благословлял!

И человек, в твоём ученье

Познав себя, в твоих словах

С любовью видит откровенье,

Чем может быть он свят и благ...

В «Упраздненном монастыре» Майков размышляет о русском христианстве и его нынешнем оскудении:

Святыню вывезли... Но нет,

Не всю!.. Нет, чувствую, живут

Мольбы и слезы, столько лет

От сердца лившиеся тут!

Наконец, последняя его большая поэма — «Два мира» — снова о язычестве и христианстве; «Три смерти» вошли в нее как одна из частей. В 1882 году Майков получил за поэму Пушкинскую премию Академии наук; историк литературы Святополк-Мирский, говоря об общем оскудении поэтического мастерства в конце XIX века, характеризовал поэму так: «Несмотря на то, что там содержится множество пассажей, доказывающих, что у Майкова был сильный ум, стихи ее плоски и общая концепция неудачна». Крупные поэмы, продуманные, простроенные стихи — рассудочные, рациональные, старательно проработанные — сильно проигры-

вают коротким стихийным зарисовкам сборника «На воле». Тем не менее именно серьезный, масштабный поэтический труд Майков считал своим основным делом. Он много думал о русской истории, и ей посвящено множество его крупных поэтических произведений — а лучшим из них все равно оказался «Емшан», одухотворенный не мыслью, а живой тоской.

Трудолюбивый, усидчивый, спокойный, одаренный незаурядным версификаторским дарованием, знающий несколько

языков Майков не мог не стать прекрасным переводчиком. Он перевел на русский язык «Слово о полку Игореве», и этот перевод долго считался лучшим. Майков переводил греков и римлян, Мицкевича, Гёте, Лонгфелло, Андерсена, верно служа литературе — поэзии — чистому искусству, как он его понимал. «Я читать не могу стихов теперь, где, кроме задира-тельной идеи, ничего нет. А уж рассказы об исправниках — мочи нет! Двадцать рассуждений бы прочел лучше о преобразовании земской полиции, чем одну такую повесть», — злился Майков на народническую литературу «с тенденцией». Сам он «тенденцию» у себя тщательно истреблял — и считался вместе с Фетом и Полонским приверженцем «искусства ради искусства». Фет, великий князь Константин Романов — поэт К. Р. — вот его литературные соратники к концу жизни.

Удивительно, что поэт, еще заставший Батюшкова и Пушкина, переживший Некрасова и Тютчева, выдержавший многолетнюю вражду с революционно-демократической критикой, к концу жизни еще успел в новую литературную битву:

У декадента все, что там ни говори,

Как бы навыворот, —

пример тому свидетель:

Он _видел_ музыку; он _слышал_ блеск зари;

Он обонял звезду; он шупал добродетель.

Он начинал писать, вдохновленный Державиным, даже не Пушкиным; в конце жизни ценил Мережковского — от XVIII века до Серебряного, почти до самого XX Майков пронес лиру через самые непоэтические времена, верный себе и своему поэтическому девизу:

В чем счастье?..

В жизненном пути

Куда твой долг велит — идти,

Врагов не знать, преград не мерить,

Любить, надеяться и — верить. ❶

ГЕНИЙ ПУТЕШЕСТВИЙ

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

На высоком берегу Иссык-Куля, неподалеку от киргизского города Каракол, стоит простой и величественный памятник — скала, сложенная из серых глыб гранита и увенчанная бронзовой фигурой орла с распростертыми крыльями. Рядом — могила. Здесь покоится прах человека, который провел в путешествиях более двадцати лет, прошел свыше 30 тысяч километров и сделал несколько десятков открытий. На надгробной плите выбита надпись: «Путешественник Н. М. Пржевальский».

До Каракола я добрался под вечер. Еще с десяток километров на машине по тряскому шоссе, и я — у ворот Мемориального музея Николая Михайловича Пржевальского, на территории которого находятся памятник и могила путешественника.

Этот человек оставил после себя колоссальное научное наследие и целую плеяду учеников и последователей. «Я уповаю на свое здоровье, свой штуцер и на поговорку «не так страшен черт, как его малюют», — эти слова Николая Михайловича могли бы стать девизом его путешествий. Пржевальский был резок в суждениях, властен, нетерпим к человеческим слабостям, честолюбив. Можно даже сказать, что это был нелюдимый человек, не любивший ни балы, ни театр, ни литературу. Городская жизнь его явно тяготила, общество — раздражало. По возвращении из очередной экспедиции, когда на него обрушилась неимоверная слава, Пржевальский писал: «Там была свобода, здесь — позолоченная неволя, здесь все по форме, все по мерке; нет ни простоты, ни свободы, ни воздуха». Или вот еще, например: «Могу сказать только одно, что в обществе, подобном нашему, очень худо жить человеку с душой и сердцем...»

Среди блистательных имен русских путешественников и исследователей трудно найти другой пример столь цельно прожитой жизни. Внезапная и ранняя смерть Пржевальского потрясла русское общество. Он умер, как и жил — в дороге, и лег в землю в простом походном костюме, предоставив возможность потомкам разбираться в его наградах, чинах и званиях.

НАЧАЛО ПУТИ

Небольшой музейный зал хранит память о детских годах Пржевальского. На стенах — семейные портреты, фотографии братьев путешественника (Владимир стал успешным московским адвокатом, Евгений — известным математиком. — *Прим. ред.*). Пржевальские происходили из старинного казачьего рода. Отец будущего путешественника Михаил Кузьмич Пржевальский, выйдя в отставку с военной службы, обосновался в имении жены, Елены Алексеевны, в деревне Кимборово

Смоленской губернии. Здесь в апреле 1839 года и родился Николай.

В 1843 году Пржевальские построили новый дом в полутора километрах от Кимборова. В этой усадьбе, названной «Отрадное», и прошло детство Николая. В 1846 году Михаил Кузьмич умер, оставив на руках Елены Алексеевны трех маленьких сыновей и дочь. Хозяйственные заботы не давали возможности вдове уделять детям много времени, ими больше за-

нималась нянька Макарьевна — мастерица рассказывать всевозможные сказки и истории. «Рос я в деревне дикарем, — вспоминал Николай Пржевальский, — воспитание было самое спартанское: я мог выходить из дому во всякую погоду и рано пристратился к охоте». Однако «дикарь» с отличием окончил в 1855 году Смоленскую гимназию, поскольку обладал великолепной памятью и способностью к наукам. Среди одноклассников Николай выделялся независимостью и резкостью суждений, а также умением подчинять товарищей своему влиянию. Примерным поведением гимназист Пржевальский, понятное дело, не отличался. Однажды его едва не исключили из гимназии. Всею виной было уничтожение классного журнала. Всех, кого подозревали в этом проступке, в том числе и Пржевальского, посадили в карцер и решили держать там до тех пор, пока не объявится виновный. На четвертый день Пржевальский сознался, что это он выбросил журнал в Днепр. Мать будущего путешественника еле уговорила начальство гимназии не исключать сына, а в качестве наказания прописать ему изрядную порцию розог.

Еще один экспонат — фотография Николая Михайловича в форме унтер-офицера Рязанского пехотного полка. Сообщения об обороне Севастополя произвели на юного Пржевальского столь сильное впечатление, что по окончании гимназии он решил поступить в действующую армию. На фронт он не попал, а армейские будни, имевшие мало общего с тем, о чем мечтал Пржевальский, пришлись ему не по сердцу. Офице-

ры предавались кутежам, в полку процветало пьянство. Сам он спиртного в рот никогда не брал, а людей пьющих попросту презирал. Осенью 1856 года Пржевальский получил чин прапорщика и назначение в Полоцкий полк, расквартированный в Смоленской губернии. Место службы было новым, а царившие вокруг нравы оставались теми же. Разочаровавшись в воинской службе, он стал задумываться о путешествиях, о которых мечтал с детства. Рассчитывая попасть в малоисследованные районы России, Пржевальский подал начальству рапорт о переводе на Амур, однако получил трое суток гауптвахты. Тогда Пржевальский пришел к выводу, что добиться поставленной цели он сможет, только окончив Академию Генерального штаба. Экзамены в августе 1861 года он сдал на отлично и в числе первых был зачислен в Академию, во время учебы в которой был избран членом Русского географического общества (именно в этот период выходят в свет его первые сочинения, в том числе и «Военно-статистическое обозрение Приамурского края»). После окончания Академии Пржевальский добровольцем отправился в Польшу для участия в подавлении восстания, затем преподавал историю и географию в Варшавском юнкерском училище. А затем последовало долгожданное назначение в Восточно-Сибирский военный округ, где Пржевальский рассчитывал заняться географическими исследованиями. По дороге к новому месту службы он заехал в Русское географическое общество в Петербурге. Здесь Пржевальскому повезло — он встретился с Петром Петровичем Семеновым, возглавлявшим Отделение физической географии. Молодой, энергичный офицер поделился с ученым мечтами исследовать тогда еще неизвестный Тянь-Шань. А умудренный опытом Семенов посоветовал Пржевальскому не торопиться и попробовать свои силы в менее сложном предприятии. Он предложил ему отправиться в путешествие по малоизученному Уссурийскому краю и в случае успеха обещал способствовать снаряжению экспедиции в Центральную Азию.

В ЛЕСАХ ПРИМОРЬЯ

Уссурийскому путешествию Пржевальского посвящен один из залов музея. Здесь хранится копия первой награды великого исследователя — серебряной медали Русского географического общества, полученной им за изучение края.

Перед тем как отправиться в свою первую экспедицию, Пржевальский большую часть свободного времени проводил в библиотеке Сибирского отделения Географического общества, изучая все, что было написано об Уссурийском крае. Страстному желанию исследовать новые территории не мешало даже отсутствие опыта и денег: путешествовать по Приморью Пржевальскому предстояло на свои весьма скромные средства.

В мае 1867 года мечты Пржевальского начали сбываться, о чем незадолго до отъезда он с восторгом писал одному из своих друзей: «...я еду на Амур, оттуда на р. Уссури, озеро Ханка и на берега Великого океана, к границам Кореи. <...> Я рад до безумия! <...> Да, на меня выпала завидная доля и трудная обязанность — исследовать местности, в большей части которых еще не ступала нога образованного европейца». Уссурийская экспедиция продлилась почти два года. Пржевальский сплавливался по таежным рекам, ночевал в лесах на морозе, сражался с шайкой китайских бандитов. Встречая Новый год в заснеженной уссурийской тайге, Пржевальский писал в дневнике: «Во многих местах вспомнят обо мне сегодня в Европе, и, вероятно, ни одно гаданье, самое верное, не скажет, где я теперь нахожусь. Этих мест, куда я забрался, пожалуй, не знает и сам дьявол». Экспедиция прошла более 3 тысяч километров, исследовав долину Уссури, озеро Ханка и впадающие в него реки, побережье Японского моря, южную часть Сихотэ-Алиня. Доклад в Русском географическом обществе о результатах экспедиции был встречен с восторгом. Блестяще справившись с первым испытанием, Пржевальский доказал, что готов взяться за решение куда более сложных задач. С Дальним Востоком связан один любопытный эпизод жизни Пржевальского. В молодости он был завзятым картежником. Играл смело, ставил на кон по 200–300 рублей и почти не знал проигрыша. За карточный стол друзей обычно не при-

глашал, играл с купцами и офицерами. Выиграв тысячу рублей, игру всегда прекращал, говоря, что «играет для того, чтобы выиграть себе независимость». Зимой 1868 года во время пребывания в Николаевске он выиграл огромную по тем временам сумму — 12 тысяч рублей и, уезжая в Петербург, выбросил карты в Амур. «С Амуром, — сказал он при этом, — прощайте и амурские привычки». На эти деньги, кстати, в основном и снаряжалась его легендарная экспедиция в Монголию.

Едва успев отчитаться о путешествии по Уссурийскому краю, Николай Михайлович обратился к Русскому географическому обществу с предложением об организации экспедиции в Центральную Азию. Проект его получил полнейшее одобрение. С этого момента начинается череда великих центральноазиатских путешествий Пржевальского.

СРЕДИ ПУСТЫНЬ МОНГОЛИИ

Есть в музее книга «Монголия и страна тангутов», написанная Пржевальским по возвращении из первой монгольской экспедиции. Сильно потертый переплет синей кожи, плотные, почти не тронутые желтизной листы бумаги. На иллюстрациях — караваны верблюдов, заснеженные пики гор, маленький русский отряд, отстреливающийся от шаек бандитов. С каждой страницы веет жаром пустынь, запахом полыни, дымом походных костров.

Маршрут шел через Монголию, Северный Китай и Тибет. Программа исследований, которую Пржевальский составлял вместе с Семеновым, была огромной, а средств — крайне мало. Экспедиционный отряд состоял из четырех человек — начальника экспедиции Николая Пржевальского, его помощника поручика Михаила Пыльцова и двух казаков.

Январь 1871 года. Путешественники прибыли в Пекин, откуда им предстояло отправиться к пустынному плато Ордос в излучине Хуанхэ и выйти к берегам озера Кукунор. Пржевальского предупредили: придется идти по землям, охваченным восстанием дунган, караванные пути контролируют отряды бандитов. Пржевальский закупил 10 ружей, 15 револьверов, 5500 патронов к штуцерам, 45 килограммов пороха и 4,5 килограмма дроби. «Словом, — сообщал он в одном из писем, — мы снаряжены так, как, вероятно, не был вооружен сам Ермак Тимофеевич, отправляясь на покорение Сибири». Перед экспедицией

Пржевальский устроил учения: по сценарию отряду надо было отбить нападение бандитов. За четыре минуты четыре путешественника успели сделать 67 выстрелов, что вполне удовлетворило начальника экспедиции.

В середине мая 1871 года отряд вышел из Пекина. Проводника не было, а потому дорогу приходилось искать самим, проходя понапрасну многие километры. Путь экспедиции пролегал по южной безводной окраине Гоби, где еще не доводилось бывать европейцам.

В июне 1871 года отряд вступил на равнины Ордоса, оказавшись среди безжизненных песков Кузупчи. Пржевальский писал: «Тяжело становится человеку в этом, в полном смысле, песчаном море, лишенном всякой жизни: не слышно здесь никаких звуков, ни даже трещания кузнечика, кругом тишина могильная...» В сентябре отряд двинулся по песчаной пустыне Алашань. Две недели путешественники шли среди высоких барханов и солончаков. «Беда заблудиться, гибель тогда путнику верная, в особенности летом, когда пустыня накаляется, словно печь», — записал Николай Михайлович в дневнике.

К исходу сентября отряд Пржевальского прибыл в город Динъюаньин (Алашань-Цзоци), где участники экспедиции отдохнули, а затем отправились в близлежащие горы Алашаня. Отсюда до главной цели путешествия — озера Кукунор — оставалось 640 километров, однако продолжать экспедицию не было никакой возможности. У путешественников осталось менее 100 рублей — этих денег не хватало даже на обратный путь. Пржевальский принял решение возвращаться. Надо было спешить, надвигалась зима. Там, где путешественники несколько месяцев назад страдали от жары, теперь их ожидали мо-

розы и метели. Особенно тяжело пришлось, когда экспедиция вышла на возвышенную окраину Гоби, встретившую отряд ледяным холодом и пронизывающим ветром.

В одном из залов музея выставлена буссоль — геодезический инструмент, которым Пржевальский пользовался в экспедициях

при составлении карт. Прибор этот, несмотря на солидный возраст и выпавшие на его долю испытания, в прекрасном состоянии, сияет медью и, кажется, готов к работе. Во время зимнего перехода Пржевальский с помощью этой буссоли занимался съемкой местности и отморозил по два пальца на каждой руке. По ночам температура воздуха опускалась до минус 32 градусов по Цельсию. «Кусок вареного мяса почти совсем застывал во время еды, а руки и губы покрывались слоем жира, который потом приходилось соскабливать ножом», — вспоминал Пржевальский. Единственным топливом в этих пустынных местах был аргал (сухой помет скота). Но собирать его не хватало времени, а настроенное враждебно местное население продавать аргал отказывалось.

В январе 1872 года отряд пришел в китайский город Калган. Два месяца ушли на снаряжение нового путешествия. Сначала по уже знакомой дороге экспедиция направилась в Динъюаньин, а оттуда на запад, к берегам озера Кукунор. Отряд шел по местности, разоренной дунганским восстанием. Колодцы, встречавшиеся на караванной тропе, были отравлены: дунгане нередко бросали туда тела убитых ими людей. «У меня до сих пор мутит на сердце, — писал Пржевальский, — когда я вспомню, как однажды, напившись чаю из подобного колодца, мы стали поить верблюдов и, вычерпав воду, увидели на дне гнилой труп человека».

Пока отряд Пржевальского продвигался вглубь Монголии и провинции Ганьсу, среди населения распространялись самые невероятные слухи об экспедиции. Бесстрашную четверку русских, не боявшихся вступать в стычки с бандитами, молва наделила сверхъестественными способностями. Говорили, что это полубоги, заговоренные от пуль. Пржевальского считали святым, по велению которого является тысяча невидимых людей, сражающихся с бандитами. Начальнику русской экспедиции приписывали способность управлять стихиями, предсказывать будущее, напускать болезни на скот и людей. На поклон к отряду съезжались целые толпы. Местные князья привозили своих детей для благословения. При приближении экспедиции к кумирне Дулан-Кит собралось около 200 человек, которые, стоя на коленях по обе стороны дороги, усердно молились.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

После удачной охоты на озере Лобнор

Через несколько месяцев пути отряд достиг озера Кукунор и после двухнедельной передышки отправился дальше. Пржевальский очень хотел достичь Лхасы, но понимал, что оставшихся средств слишком мало, чтобы предпринять путешествие.

Более двух месяцев экспедиция шла Тибетским нагорьем. Это была самая трудная часть пути. Зима в высокогорье оказалась на редкость суровой. В разреженном воздухе каждый шаг давался с трудом, тяжело было даже дышать, путешественники страдали от одышки и головокружения. Одежда участников экспедиции была покрыта многочисленными заплатами и плохо защищала от холодов, от сапог остались одни голенища, к ним вместо подметок приходилось подшивать куски шкуры убитых яков. В последний день уходящего, 1872 года Пржевальский записал в дневнике: «Еще ни разу в жизни не приходилось мне встречать Новый год в такой абсолютной пустыне, как та, в которой мы ныне находимся. И как бы в гармонию ко всей обстановке у нас не осталось решительно никаких запасов, кроме поганой дзамбы (мука из поджаренных зерен ячменя либо лепешки из этой муки. — *Прим. ред.*) и небольшого количества муки. Лишения страшные, но их необходимо переносить во имя великой цели экспедиции». Верховья реки Янцзы стали конечной точкой путешествия.

На обратном пути отряд Пржевальского снова пережил немало испытаний. В горах Алашаня внезапно разразившийся ливень обернулся катастрофическим наводнением, которое едва не уничтожило все коллекции и багаж экспедиции. Переход через Гоби мог стоить путешественникам жизни. Жара стояла страшная, часто дули ураганные ветры. Проводник не сумел найти два колодца, которые должны были встретиться на пути экспедиции. Третий колодец был найден, когда путешественники уже потеряли надежду на спасение. Любимый пес Пржевальского Фауст, сопровождавший хозяина, погиб от жажды.

1 сентября 1873 года отряд прибыл в Кяхту. «Путешествие наше окончилось, — писал Пржевальский. — Его успех превзошел даже те надежды, которые мы имели, переступая первый раз границу Монголии».

Результаты этой экспедиции потрясли научное сообщество. В Петербурге, куда Пржевальский прибыл в январе 1874 года,

ему устроили торжественный прием. Доклад в Русском географическом обществе проходил под гром аплодисментов. Газеты пестрели заголовками о Пржевальском. Путешественник удостоился аудиенции у императора Александра II, который, осмотрев коллекции, распорядился приобрести их для Академии наук. Пржевальскому было пожаловано звание подполковника, а Русское географическое общество вручило ему свою высшую награду — Большую Константиновскую медаль. Имя русского путешественника стало известно всему миру.

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Большая часть музейной коллекции рассказывает об экспедициях, последовавших за первым путешествием по Центральной Азии. В витринах разложены путевые дневники, записные книжки, зарисовки, рукописные карты, паспорт, выданный Пржевальскому китайскими властями на время путешествия...

В 1870–1885 годах Пржевальский организовал и провел еще три экспедиции. Ему удалось проникнуть в самое сердце Центральной Азии. За эти полтора десятка лет Пржевальский открыл несколько горных цепей, определил точное местоположение и описал озеро Лобнор, установил границы Тибетского нагорья и расположение основных горных хребтов Центральной Азии. Благодаря работе русского исследователя Центральная Азия не просто появилась на картах. Научный мир получил полное представление о природе этой географической области. А сотни людей открыли для себя Центральную Азию по книгам Пржевальского, в которых он описал свои путешествия.

Из каждого путешествия Пржевальский привозил огромные зоологические и ботанические коллекции. В одном из залов музея стоит чучело знаменитой лошади. Но мало кто знает, что именем Пржевальского названо еще несколько видов животных и растений.

Пожалуй, наиболее плодотворной стала третья экспедиция Пржевальского по Центральной Азии. Она началась зимой 1879-го и продолжалась без малого два года. Отряд Пржевальского, состоявший из 13 человек, преодолел

свыше 7500 километров, причем большая часть пути пролегла по еще не исследованным районам Центральной Азии. Экспедиция проходила в очень сложных условиях. Несколько раз отряд попадал в песчаные бури, во время перехода по Джунгарии и Хамийской пустыне стояла 60-градусная жара, часто не хватало воды, подъем в тибетское высокогорье давался тяжело из-за разреженного воздуха, а в октябре, когда путешественники пересекали хребты Куньлуня, ударили морозы. Трудности усугублялись тем, что проводников либо нельзя было сыскать вовсе, либо они намеренно старались сбить экспедицию с пути. И тем не менее Пржевальский почти достиг Хасы. Экспедиция остановилась в 300 километрах от столицы Тибета.

Власти Хасы запретили приближаться к городу. Среди населения разнесся слух, что русские хотят похитить далай-ламу. На перевалах были выставлены солдаты, со всей округи собралось множество людей, чтобы помешать продвижению экспедиции, местным жителям под страхом смерти запрещалось продавать путешественникам продукты. «Итак, — писал Пржевальский, — нам не удалось дойти до Хасы: людское невежество и варварство поставили тому непреодолимые преграды! <...> теперь, когда всего дальше удалось проникнуть вглубь Центральной Азии, мы должны были вернуться...».

Пржевальский стал первым европейским путешественником, проникшим во внутренние районы Тибета, и на родине его ждал восторженный прием. Уже по дороге в Петербург он начал получать поздравительные телеграммы, во многих городах приходилось останавливаться и выступать с докладами, в столице путешественников ждал триумф. Русское географическое общество избрало Пржевальского своим почетным членом. Он удостоился ордена Святого Владимира 3-й степени. Пржевальский стал почетным членом Венского, Венгерского, Итальянского, Дрезденского географических обществ, Королевского географического общества в Лондоне наградило его золотой медалью.

Популярность Пржевальского была столь велика, что ему просто не давали прохода. Ког-

да путешественник ездил в Петербург, то обычно покупал билет в одноместное купе и старался не выходить из него. А живя в столице, он почти не покидал квартиры, заказывая обеды на дом. Пржевальский находился в зените славы. Казалось, впереди еще много больших дел, интересных путешествий. И вдруг...

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

Последний зал музея. Здесь собраны некрологи, написанные на смерть Пржевальского, многочисленные письма со словами соболезнования Русскому географическому обществу, проекты памятника великому путешественнику, афиши лекций о значении его работ и высочайшее повеление Александра III о переименовании города Каракол в Пржевальск.

...Летом 1888 года Пржевальский начал собираться в новую экспедицию по Центральной Азии. Путешествие обещало стать весьма крупным предприятием: правительство ассигновало на него 80 тысяч рублей, в нем должны были принять участие 25 человек! Однако, несмотря на то, что экспедиция вполне могла рассчитывать на значительный успех, Пржевальский на сей раз отправлялся в поездку с тяжелым сердцем, его словно мучили какие-то предчувствия, он был грустен и даже плакал, когда расставался со своим домом и близкими. 5 октября путешественники приехали в Пишпек (ныне Бишкек). Во время охоты на фазанов в окрестностях этого города Пржевальский несколько раз пил сырую воду. Эта опрометчивость, видимо, и стала для него роковой. 22 октября экспедиция прибыла в Каракол, здесь Пржевальский почувствовал себя плохо. 29 октября его состояние настолько ухудшилось, что пришлось позвать доктора. Но, увы! Ученик Пржевальского Петр Кузьмич Козлов вспоминал: «Приходя в сознание и видя себя окруженным нами, он говорил совершенно спокойно и твердо о своей близкой смерти.

— Я нисколько не боюсь смерти, — говорил он, — я ведь несколько раз стоял лицом к лицу с ней.

Замечая на наших глазах слезы, он называл нас «бабами».

— Похороните меня непременно на Иссык-Куле, на красивом берегу. Надпись сделайте простую: «Путешественник Пржевальский». ❶

ЕВГРАФ — НЕ ГРАФ

МИХАИЛ БЫКОВ

Года два назад Александр Беглов, председатель Совета при президенте России по делам казачества, сказал в интервью, что сегодня к казакам себя причисляют примерно 7 миллионов человек, живущих в нашей стране. Но на вопрос, кто же такие казаки, Александр Дмитриевич дал предельно корректный ответ. Казак — это «любой гражданин, который лично по своему внутреннему решению относит себя к казачеству».

Когда сидишь с казаками вечерком по-над Доном, где-нибудь верстах в пятидесяти от древней юртовой станицы Усть-Медведицкой, именуемой ныне райцентром Серафимович, лучше помалкивать.

Разговор тут строится медленно, и столичная привычка выяснить все в двух-трех фразах результата не даст. Поторопишься с вопросами или, того хуже, мнением, и беседа увянет, не начавшись. Распылится в репликах об отелившейся корове на базу бабы Кати, о сомах, что зашевелились под корягами на старце Дона, о запившем пастухе в соседнем хуторе. Так что, хочешь узнать что-нибудь существенное — сиди молчи. И слушай.

Рано или поздно разговор выйдет на казачью тему. Те, кто образованием попроще, вспомнят о преданиях и неписаных законах казачьего мира. Иные заберутся в этнографические дебри, оперируя такими терминами, как этнос, народность, субэтнос и прочая. В любом случае попытаются убедить в том, что казачество — это нечто особенное, отдельное, уникальное...

И ведь вот что особенно интересно — это тема не сегодняшнего дня. Тема если и не вечная, то столетиями датированная.

И вот уже век минул, как пытался в ней разобраться самый яркий и самобытный историк казачьего народа — Евграф Савельев. Человек, чей труд по изучению казачьего прошлого старались не шибко замечать при последнем русском императоре. Гипотеза происхождения казаков, которую отстаивал Евграф Петрович, не слишком устраивала власти в Санкт-Петербурге. После 1917 года, когда уничтожение казачества превратилось в государственную политику, исследования Савельева оказались не нужны. Сейчас, когда официальная Москва казачество признает и пы-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ти исследование «Атаман М. И. Платов и основание г. Новочеркасска». Затем — «Типы Донских казаков и особенности их говора», «Войсковой круг на Дону», «Исторический очерк сельского хозяйства на Дону». В промежутке — сборник стихов, датированный 1909 годом.

тается найти верные дороги в казачий мир, казалось бы, наступил момент истины. Самое время разобраться не только с современным житьем-бытьем 7-миллионного «казачьего сословия», но и, думая о его будущем, определиться с его прошлым. Однако ж открытого диалога на сей счет пока не слышно. И фамилия Савельева, тем паче ссылки на его оригинальную теорию в редких дискуссиях на тему «казаки — это кто?», не звучит.

А кем был сам Евграф Петрович Савельев? И чем он может быть сегодня нам интересен?

Савельев родился в 1860 году на Дону, в станице Бабской (позже переименованной в Константиновскую. — *Прим. авт.*). Происхождением из донского дворянства, которое появилось при Екатерине Великой. Ранее казаки сословных границ не знали. Были, конечно, зажиточные и бедные, старшины и простолюдины, но формальных отличий не водилось. Поэтому, наверное, Савельев, будучи дворянином, к станичному дворянству относился с изрядной долей скепсиса.

В отличие от большинства казаков мужеска пола Евграф стремления к военному мундиру в себе не обнаружил. Тянулся к гуманитарному образованию. Получал его сначала в Константиновском приходском училище, затем — в 1-м Донском окружном, наконец, в Новочеркасской учительской семинарии. Двадцати лет от роду поступил в службу: приходским учителем в Донских округах. Полтора десятка лет Савельев отдал делу народного просвещения. В 1882–1884 годах сотрудничал с газетой «Донской голос». Но далее, вплоть до перехода на чиновничью службу в 1894 году — делопроизводителем Областного правления войска Донского, — публично не выступал. Впрочем, и первые десять чиновных лет Савельев на литературной, научной и публицистической ниве себя никак не проявлял. Знаяшие его лично отмечали скрупулезность и аккуратность Евграфа Петровича. Особенно по части научной работы. Не исключено, что все эти годы молчания он занимался сбором и подготовкой того колоссального объема материалов, что позже превратились в исследования и книги. По крайней мере, в анкете, собственноручно заполненной Савельевым летом 1915 года, он сообщает, что в 1900, 1903 и 1905 годах совершал исследовательские поездки по Северному Кавказу и Закавказью, изучая «быт и нравы лезгин, чеченцев, хевсур, осетин, сванетов и черкесов, а также археологические древности для истории казачества».

В 1904 году пришло время первой книги. Ею стали «Очерки по истории торговли на Дону». Через два года вышло из печат-

Медленно, но верно Савельев приближался к главному труду жизни — «Истории Дона и донского казачества». Шесть томов, из которых только три увидели свет в 1918-м. Уже разгоралась Гражданская война. Книги печатать перестали.

К этому времени Евграф Петрович — оставник со стажем. Официально он ушел со службы по состоянию здоровья в 1911 году в чине надворного советника с орденом Святой Анны 3-й степени и несколькими медалями. Появилось свободное время, и в 1913–1917 годах Савельев выпускает семь книг. Тут и исследования, связанные с Ермаком и Степаном Разиным, тут и драма, посвященная казачьим вождям Булавину и Некрасову. Может сложиться впечатление, что перед нами — типичный книжный червь, не вылезаящий из-за письменного стола, способный реализоваться только с помощью пачки писчей бумаги. На самом деле Евграф Петрович не был «добровольным затворником». Ни в личной жизни, ни в общественной.

Он женился рано на дочери казачьего офицера Антонине Ивановне Косовой. Супруга, к слову, тоже была равнодушна к перу. Экспериментировала в стихотворчестве. У Савельевых родилось пятеро детей: сыновья Александр и Василий, дочери Валентина, Елена и Юлия. В семье вспоминали еще об одном ребенке, рано умершем сыне Петре, но официально подтвердить этот факт затруднительно.

Семья Евграфа Петровича — живой пример того, что сотворил с казачеством 1917 год. Антонина Ивановна погибла в 1920-м от тифа. Старший сын, Александр, прошел Первую мировую в железнодорожных войсках, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, воевал против красных, дальше — эвакуация: Новороссийск — Югославия — Болгария — Германия... Умер в Мюнхене в 1949-м. Дочь Валентина эмигрировала в Болгарию.

Василий остался в советской России, равно как и две младшие дочери.

Как общественный деятель Евграф Петрович стал известен на Дону, и не только, в 1910 году. К этому времени он с группой единомышленников наладил выпуск «Донского литературного сборника» и занялся созданием Казачьей партии. Не самые лояльные власти публикации плюс политическая деятельность, в основе которой лежало стремление вернуть Дону экономическую самостоятельность и определиться с национальным статусом казачества, послужили истинной причиной ухода Савельева с государственной службы. А поводом стало нашумевшее в 1911 году «дело донских литераторов», по которому среди прочих проходил и Савельев. 22 декабря 1911 года в уголовном департаменте Новочеркасского суда присяжные признали Евграфа Петровича виновным, правда, что сие значило на практике, выяснить не удастся. Есть только ничем не аргументированные предположения некоторых современных исследователей, что какое-то время историк провел в тюрьме. С другой стороны, есть факты, свидетельствующие, что начиная с 1913 года Савельев занимает ряд значимых общественных должностей в Новочеркасске.

И все-таки главное дело Савельева — это история казаков. Он взялся доказать, что донцы — это вовсе не потомки беглых крепостных, уходившие жить на Хопер, Медведицу и Верхний Дон от плохого барина в поисках лучшей доли. В равной степени Савельев пытался проследить и историю той этнической группы, что впоследствии стали именовать запорожскими казаками.

Неоднократно приходилось слышать: брось поддерживать выдумки, давно известно, что казаки — не народ, не этнос, а те же русские люди, переселившиеся в конце ордынского периода на южные рубежи Московии. Ведь нет документов и прочих материалов, доказывающих их иное происхождение. Для верности приводится точка зрения больших историков — Соловьева и Ключевского.

Самый простой способ если не изменить отношение к теме кардинально, то хотя бы заронить серьезные сомнения в

«единственно верном учении» — это почитать Савельева. В его исследованиях достаточно документальности и глубины, чтобы продлить историю казачества вглубь веков как минимум на тысячу лет. В его книгах хватает аргументов, чтобы не обижать большой и самобытный народ уверенностью в его бандитско-беглом происхождении.

Конечно, с Савельевым можно спорить. Но для этого его нужно читать. А он пишет: «Для истории о начале казачества недостаточно знать местные источники, а нужно хорошо изучить историков греческих, римских, армянских, арабских, татарских и турецких, порыться в консульских документах XI–XV веков, хранящихся в архиве монастыря Св. Марка в Венеции, основательно познакомиться с археологией Дона, берегов Черного и Азовского морей и проч. И тогда уже сказать свое слово...» Было бы ошибкой считать Савельева эдаким местечковым националистом, положившим во что бы то ни стало превратить казачество из сословия в этнос. Говоря о феномене казачества в России, донской историк ратовал за единство славянского мира и вовсе не звал к политической автономии, суверенитету и уж тем более созданию казачьего государства. Даже в весьма радикальной программе Казачьей партии нет никаких попыток противопоставить казачий мир и Большую Россию. Скорее, наоборот, просматривается желание силой казачьей общины усилить мощь единого государства. А уж в исторических и этнографических трудах Савельев абсолютно сдержан и корректен.

В официальной биографии Евграфа Петровича дата смерти отсутствует. Ее заменяет знак вопроса. Хотя правнучка историка и писателя Кристина Стефановна Попова, рожденная в Болгарии, уверенно называет 1927 год.

В 1917-м, сразу после Февральской революции, на Дону собрался Войсковой круг и прошли выборы в Войсковое правительство. Одним из старшин этого правительства от 1-го Донского округа стал Евграф Савельев. В 1918-м, как уже сказано выше, выходят три из шести томов «Истории казачества». Более ничего о публичной деятельности этого человека не известно. Да и могла ли она быть? Ведь книги Савельева изымались из библиотек и магазинов и массово уничтожались.

Как Евграф Петрович прожил последние десять лет жизни — тоже пока тайна. Хотя по одному скромному факту можно понять — жилось нелегко. В 1922-м Савельев продал собственный дом в Новочеркасске некоей гражданке Авиловой Екатерине Степановне...

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ГЕНИЙ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Откуда-то Толстой все знал про людей. И про тогдашних, и про сегодняшних, хотя те и другие не так уж отличаются друг от друга. Откуда-то этот бородатый старик понимал, о чем думает юная девица, что чувствует обманутая жена, какой ад в душе у жены неверной; понимал также про флигель-адъютантов, помещиков и философов; понимал про деревья и лошадей; и про страну, и про жизнь он понимал что-то важное и неизменное. Речь даже не об актуальности толстовских текстов, а об их неразменности. Так золотой царский рубль — он уже не царский и даже не вполне рубль, но неизменно золотой.

«А нну Каренину» Толстой закончил 135 лет назад, в 1877 году; в том же году завершилась и первая журнальная публикация в «Русском вестнике» — правда, без эпилога, в котором Толстой скептически отзывался о русских добровольцах, уходящих на Балканскую войну. Редактор Катков не одобрил этого скепсиса и эпилога печатать не стал, а вместо этого кратко до абсурда пересказал, что случилось с героями романа после смерти главной героини, и объявил роман неудачным. Хотя изначально его журнал пытался превратить роман в весомый аргумент в пользу «чистого искусства» в бесконечной русской полемике о том, что лучше: искусство ради искусства или искусство ради общественного блага.

Роман, однако, был написан вовсе не за этим.

ЛОПНУЛА СТРУНА

Роман был задуман в кризисное время — в 1870–1871 годах, когда семейное счастье Толстых, такое, кажется, безоблачное и ясное, вдруг на девятом году дало трещину: «Лопнула струна, и я осознал свое одиночество», — написал Толстой об этом времени много позже. А Софья Андреевна прямо по горячим следам записала в дневнике: «что-то переломилось в нашей жизни» — и «переломилась вера в счастье, в быт, которая была».

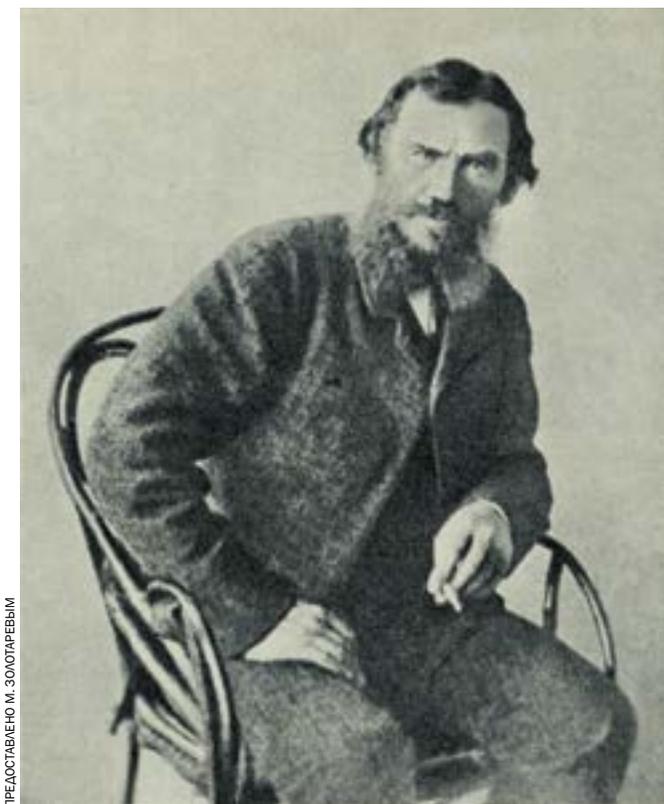
«Мысль семейная», которая была такой ясной в «Войне и мире», теперь мучительно саднит. Терзает ощущение, что

жизнь проходит неправильно. Что мир, полный радости и красоты, устроен плохо, не так; что там, где должна быть любовь и счастье, — там взаимное мучительство, стыд, унижение, некрасивые слезы, глупая улыбка, глупые слова: «преступная жена», «с развратным отцом, да, с развратным отцом»... «пере-страдал»... «тебе весело...»

И несколько толчков, которые привели к рождению романа, — это и душераздирающая, скандальная, многолетняя история любви Алексея Толстого к замужней женщине; и впечатление от смерти Анны Пироговой, которая на соседней станции Ясенки бросилась под поезд от несчастной любви... Роман вызревал и ждал, но родился только тогда, когда Толстой нашел адекватную форму — ее подсказал лаконичный и стремительный пушкинский отрывок «Гости съезжались на дачу» с его безобразной героиней Зинаидой Вольской, которая делает то, что считает нужным. Вот она, героиня, которая делает все наперекор правилам, свету и судьбе; вот нож, который взрезает общее благополучие.

Героиня обрела внешний облик, когда Толстой встретил дочь Пушкина, Марию Гартунг, полную темноволосую красавицу в черном платье, с фиалками в волосах. На одном из своих портретов она именно такая: в черном платье и с фиалками, с роскошными плечами — и с тонким пушкинским профилем, который, правда, Анне Карениной не достался.

Сначала Анна не была Анной, а Каренин не был Карениным — они вначале были Ставровичи. Первая сцена была пушкинская: светский салон, он и она уединяются так, что это заме-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чают все. Вронский был сначала Балашовым, потом Гагиным. Уже тогда Толстой придумал скачки, и эта сцена сравнительно мало изменилась до конца. Когда возникла фамилия «Каренины», Анна называлась Наной (Анастасией), а набросок носил название «Молодец баба». Нана мучила и морочила мужа и любовника, жила с любовником на даче, муж и любовник весьма трагически и благородно сталкивались в подъезде, она собиралась рожать и боялась этого...

Но в рамках романа-адайлтера Толстому было тесно — и появился Левин, а с ним широкий мир чувств и идей — огромный фон для горячей, стремительной, губительной истории любви.

В романе зажили друзья и родные Толстого, развернулись окрестные пейзажи, задышала остроактуальная живая жизнь с ее политическими новостями и экономическими проблемами; дотошные литературоведы нашли даже ту статью, которую Каренин читал в неназванном издании — оказалось, «Ревю де Дё Монд»...

Публика читала, спорила, горячилась. Споры шли разные, в том числе литературоведческие — о композиции романа,

о слоге и сюжете. Это, правда, в основном на Западе, когда роман перевели на иностранные языки — на французском и немецком он вышел в 1885 году. Европейцы прочитали и стали дружно уверять друг друга, что автор гениален, да, жизнь он чувствует, это да, и герои у него необыкновенные, да, и мощь шекспировская, и почти равен по силе Стендалю и Золя, да, но стиля у него нет, нет-нет-нет. Ужасно длинно, и столько лишнего, и зачем эти описания, и эти ненужные споры о социально-экономических вопросах, бр-р, читать ведь невозможно! Так не пишут!

НАРУШАЕТ ВСЕ ПРАВИЛА

Французский критик Эмиль Эннекен в книге «Ecrivains français», где рассказывал об иностранных писателях, которых приняла французская культура, говорил о Толстом так: «Левин и его жена, Каренин, Анна, Вронский, князь Облонский, княгиня Долли, семья Щербацких, друзья и подруги всех этих людей, дети, слуги, крестьяне делают роман Толстого запутанным и сбивчивым, переполненным и затемненным художественным произведением, нарушающим все правила единства и выразительности». Толстого называли «гениальным невеждой» — в самом деле, ну что это такое, не изучил никаких общепринятых правил хорошего литературного тона и пишет как бог на душу положит. Некоторые так возмущались толстовскими излишествами, что стали править автора: из немецкого перевода выбросили, например, все сомнения Левина; чешский, румынский, китайский и множество других переводов выходили в сокращенном виде — оставалась одна «История Анны», как у китайцев. Сила разрушительной страсти — она понятна в любой культуре без перевода; но уберечь метания Левина, уберечь Кити Щербацкую с ее родами, уберечь лес, грибы, покосы, Кознышева, варенье в медном тазу, политические споры — останется любовный роман, может быть, хороший, но не гениальный, а со скидкой на перевод — так и вовсе тривиальный. Читатели и критики все старались пристроить «Анну Каренину» где-то между «Госпожой Бовари» и «Любовником леди Чаттерлей», но она явно выламывается из этого ряда.

А в 1886 году, сразу после выхода английского издания, одна благочестивая организация по надзору за общественной нравственностью занесла роман в свой список непристойных книг.

Нет, справедливости ради надо сказать, что за границей об-суждение романа не затихало несколько десятков лет, и каса-лось оно не только страсти героев и варварского стиля автора, но и философской глубины и изобразительной мощи — со вре-менем Толстой перестал казаться таким уж диким, необузданным и неправильным: гению можно.

ГРЕХ БЕСТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ

На родине свежие номера «Русского вест-ника» передавали из рук в руки, и хорошо еще, если не рвали их из рук. Фурор был не-обыкновенный. Двоюродная тетя писателя, Александра Толстая, писала: «Всякая глава «Анны Карениной» подымала все общество на дыбы, и не было конца толкам, восторгам и пересудам, как будто дело шло о вопросе, каждому лично близком». Критик Страхов, друг Толстого и его редактор, писал ему, ког-да шестая часть романа вышла в свет: «Ро-ман ваш занимает всех и читается невоо-бразимо. Успех действительно невероятный, сумасшедший. Так читали Пушкина и Гоголя, набрасываясь на каждую их страницу и пре-небрегая все, что писано другими».

На родине Толстому тоже пеняли за незна-ние правил литературных приличий. Критик Александр Станкевич уверял, что Толстой во-обще написал два романа в одном, что две сюжетных линии — левинская и каренин-ская — никак не пересекаются, что так дела-ли в средневековых романах, но с тех-то пор выработаны «непререкаемые нормы», а Толстой их нарушает. Профессор Рачин-ский написал Толстому, что в романе его нет единства, потому что «нет архитектуры». Тол-стой с достоинством возразил: «Суждение ваше об А. Карениной мне кажется невер-но. Я горжусь, напротив, архитектурой — сво-ды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. И самое главное, что вообще мало кто тогда осознал и оценил: «Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомст-ве) лиц, а на внутренней связи».

Интересно отреагировали на роман писа-тели давние знакомцы Толстого со сложной историей сотрудничества, дружбы, взаимно-го охлаждения, едва ли не вражды, и взаим-ного интереса и уважения. Тургенев писал Полонскому: «Анна Каренина» мне не нра-

вится, хотя попадают истинно-великолепные страницы (скач-ка, косьба, охота). Но все это кисло, пахнет Москвой, ладаном, старой девой, славянщиной, дворянщиной и т.д.». Некрасов, уже совсем тяжело больной, почти умирающий, успел запу-стить в автора эпиграммой: «Толстой, ты доказал с терпением и талантом, // Что женщине не следует «гулять» // Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом, // Когда она жена и мать». Разумеется, Тургеневу, автору «Записок охотника», понра-вилась охота и косьба. Разумеется, Некрасову, который пол-ностью подчинил свой талант идее социального служения (да еще и с его отношением к венчанному браку), роман не мог не показаться неправильным: не то, не так, не об этом надо. Каждый о своем, это всегда так.

Каждый и видел свое. Нервные девушки искали ответа на лич-ные вопросы, молодые революционерки и феминистки воз-мущались: зачем Анна вообще ищет счастья в личной жизни, когда столько всего надо сделать? Гимназистки и курсистки были недовольны, зачем злой Толстой убил симпатичную Анну: за что наказал женщину, ей что, надо было всю жизнь сидеть замужем «за этой кислятиной Карениным»?

Но в целом русское общество мало интересовалось вопроса-ми архитектоники романа и жаждало ответов на проклятые вопросы. Общество очень расстроилось, что в романе нет «тенденции». Слово «тенденция» тогда еще было похвальным, а не ругательным. Оно означало, что у автора есть заветная идея и что он эту идею понятными словами доносит до чита-теля, лучше всего в лоб и прямым текстом. Демократический критик Максим Антонович — тот самый, который возмущал-ся Базаровым-Асмодеем, карикатурой на лучшую молодежь России, — говорил о «бестенденциозности и квиетизме» рома-на. И в самом деле: салоны, розовые платья, гирлянды фла-лок — тьфу!

Медвежью услугу автору оказал тот самый «Русский вестник», где роман вышел в свет. Публикация едва началась, а в журна-ле уже вышла статья «По поводу нового романа гр. Толстого». Ее автор Василий Авсеенко уверял, что «Анна Каренина» — великосветский роман, прекрасный пример «чистого искусст-ва». Для «Русского вестника» роман был аристократическим и «антинигилистическим». Демократическая критика разозли-лась. Петр Ткачев в журнале «Дело» назвал роман «салонным художеством». Он тоже считал, что Анна Каренина — «чистое искусство» и великосветское произведение, только в его систе-ме ценностей это было отвратительно, а не прекрасно. Салты-кова-Щедрин, больного и раздраженного, и начало романа, и его апология в «Русском вестнике» просто взбесили. Прочи-тав первые полторы части, он писал Павлу Анненкову: «Веро-

ятно, Вы <...> читали роман Толстого о наилучшем устройстве быта детор. частей. Меня это волнует ужасно. Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы *на одних* половых побуждениях <...> Мне кажется это подло и безнравственно». Он даже начал под впечатлением от прочитанного писать «Благонамеренную повесть» — о благонамеренном созерцании и благонамеренном искусстве.

Надо сказать, что потом, когда роман был опубликован до конца, Салтыков-Щедрин своей оценки уже не повторял.

Толстой возражал против такого понимания своей работы. «И если близорукие критики думают, — говорил он, — что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Анны Карениной, то они ошибаются».

Быстрее и лучше всех понял автора Достоевский. «Анна Каренина как факт особого значения» называлась его статья, и речь в ней шла об удивительном толстовском психологизме, о пушкинской традиции, о «небывалом реализме художественного изображения». «Анна Каренина» есть совершенство как художественное произведение, — писал Достоевский, — <...> и такое, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться».

А Чехов однажды в письме брату назвал Каренину «милой и дорогой Анной»: роман помог ему перенести тяжелую дорогу. А в 1888 году писал Суворину, споря все с той же идеей, что в романе должна быть «тенденция»: «Требую от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса и правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника. В «Анне Карениной» и в «Онегине» не решен ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно».

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Больше всего споров вызывает обычно эпиграф к «Анне Карениной» — Толстой не упоминает, где взял его, ибо для всякого читателя-современника знание цитаты само собой разумеется: она из «Послания к римлянам», и смысл ее — «Не мстите за себя». То есть мир устроен правильно, на разумных основаниях, вне зависимости от наших стараний, и каждый получит свое. Именно в этом, может быть, заветная мысль толстовского романа, где автор и его автопортретный (не автобиографический даже) герой сражаются с личным соблазном — ощущением неправильности всего сущего, такой жуткой, что приходится обманывать себя разными уловками, чтобы не повеситься и не застрелиться.

Толстой относится к персонажам как ветхозаветный Бог (Чехов — скорее, как новозаветный: для него по-настоящему интересны только те, кто все отвергнет и пересоздаст себя, а прочие мелюзга и способны обсуждать только осетрину с душком). Толстой любит персонажей не за их добродетели, а за полноту проживания жизни, за силу самоотдачи, за способность действовать вопреки разуму, выгоде, здравому смыслу. Бери что хочешь и плати за это — таков, наверное, смысл романа.

Толстой не осуждает Анну — откажись она от любви, ее жизнь прошла бы бессмысленно. Не осуждает он и Вронского, которого только трагическая любовь и гибель возлюбленной сделали человеком в полном смысле слова. Он не дает никакой надежды Левину, не гарантирует семейного счастья Китти, оставляет Долли и Стиву с весьма сомнительными перспективами — человек только сам волен придать своей жизни смысл, это вопрос только его личного выбора и личной ответственности. Об этом говорит и финал романа: «Жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее — не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» Человек волен вкладывать в свою жизнь любой смысл, за него никто этого смысла не вложит; надо помнить лишь, что за этот выбор придется отвечать, и не так, как думаем мы, а так, как решит Высшая Сила, от нас не зависящая. Кто-то назовет ее Богом, кто-то жизнью. Мы вольны и даже обязаны выбрать, иначе наша жизнь так и останется животной; и воздаяние за этот выбор будет осуществляться не по нашим, а по высшим законам. Вот почему не прав свет, который судит Анну, — по толстовским меркам она права, ибо живет с полной отдачей и платит полной мерой. Прав и Левин, живущий путанно и сложно, но полно и честно. Людской суд не властен над толстовскими героями —

над ними есть авторский суд, равный Божьему. И с точки зрения этого авторского суда оправданны все, кто выбирает и платит, — и наказаны все, кто, подобно Каренину и графине Лидии Ивановне, трусят и фарисействуют. Это жестокая мораль — но другой нет ни в романе, ни в жизни. ❀

УЧИТЕЛЬ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

В воспоминаниях современников он всегда проходит мимо. Как он проходил мимо по улицам Царского Села — высокий, красивый, задумчивый, как шел по гимназии, накрахмаленный и строгий, — это запомнили многие. Но почему-то почти не сохранила ничья память ни живых разговоров с Иннокентием Анненским, ни каких-то совместных дел. Всегда один, отъединенный от всех, всегда сам по себе — «как тень прошел и тени не оставил», писала о нем Ахматова.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Он и в поэзии — прошел как тень. И если бы не Вертинский, который положил на музыку и прославил его стихотворение «Среди миров», — Анненский бы, наверное, не получил ни толики народной любви и так и остался бы поэтом для поэтов. Есть, в самом деле, поэты для поэтов — такие, кто открывает новые двери в поэзии, но не успевает заглянуть, что за ними, прокладывает новые пути, но не проходит по ним сам, задумывается над новыми гипотезами, но слава первооткрывателей достается другим. Поэты-волшебники, поэты-алхимики, в чьих лабораториях булькает и пузырится новая поэзия, которая еще не стала хмельным напитком для массового читателя. Анненский — это плодотворная почва, на которой выросла добрая половина Серебряного века, но сам он, как то зерно, которое прорастает колосом, должен был умереть, чтобы дать плоды. «Он был преддверьем, предзнаменованием // Всего, что с нами позже совершилось...» — сформулировала та же Ахматова в стихотворении «Учитель» — части несостоявшейся поэмы.

БРАТЬЯ

Жизнь Анненского небогата внешними событиями, и рассказ о ней вполне уложится в несколько абзацев: родился, учился, работал... Родился в семье государственного чиновника, командированного в Сибирь, поэтому место рождения — Омск, с которым его ничего не связывает: семья очень скоро вернулась в Петербург. Иннокентий в пять лет тяжело заболел, и болезнь дала осложнение на сердце; сердечником он был всю жизнь, от паралича сердца потом и умер. Болезненный мальчик сменил несколько учебных заведений, наконец, уже юношей, поселился вместе со старшим братом, который взялся его готовить в университет. Отец братьев в это время почти разорился, ввязавшись в какую-то финансовую авантюру, за разорением последовал апоплексический удар — по-нынешнему инсульт. Иннокентию пришлось оставить гимназию и готовиться к сдаче экзаменов самостоятельно, а брату и его жене — фактически заменить юноше отца и мать. Именно брату с женой, писал потом Анненский, он «всецело обязан интеллигентным бытием». Впрочем, он сам был чрезвычайно книжный мальчик, с детства влюбленный в литературу.

Вот у старшего брата, Николая Федоровича, биография такая, что рассказывать и рассказывать. Он был и литератор, и общественный деятель, и журналист, и статистик. Прирожденный лидер, по убеждениям народник, он был из тех людей, которые двигают историю вперед, хотя и не зарабатывают себе на этом имени. Николай Федорович был женат на сестре народника Петра Ткачева; характер его и убеждения сформировались в 60-е годы, под влиянием некрасовского «Современника», он был живым примером интеллигента-делателя, бескорыстно служащего народу. Аресты, ссылка, работа на голоде, публичные выступления, развитие земской статистики, опять аресты, работа в «Русском богатстве» вместе с Короленко (у них был даже один псевдоним на двоих) — этой кипучей жизни хватало бы, кажется, на обоих братьев; шестидесятники были люди чрезвычайно энергичные и дея-

тельные. Николай Федорович, неугомонный остряк, по воспоминаниям современников, резко отличался от брата, замкнутого, скованного, будто накрахмаленного.

Иннокентий был моложе Николая на двенадцать лет и принадлежал совсем к другому поколению — поколению Чехова, Минского и Надсона, поколению надломленному, опечаленному, обессиленному, нервному и тоскующему. Юность этого поколения породила много скверных стихов о смерти, бессилии и тоске; впрочем, хорошие стихи тогда почти перестали писать. Молодой Анненский, студент историко-филологического факультета Петербургского университета, стихи писал, но никогда не печатал, относился к ним резко критически; может быть, и правильно делал. В поэзию он вошел очень поздно: первая книжка вышла, когда автору было 48 лет; это едва ли не самый пожилой дебютант во всей русской литературе.

Предметом его интересов всегда была античность, древняя Греция; он был замечательным знатоком греческого языка и переводчиком Еврипида. Как вспоминал сын поэта Валентин Анненский, писавший под псевдонимом Кривич, отец его знал или изучал 13 языков, включая даже один африканский. Кроме того, Анненский хорошо знал западноевропейскую поэзию и, пожалуй, в своих стихах ориентировался не на русских предшественников, а на французских символистов — Верлена, Бодлера, Рембо, которых много переводил. Словом, когда вышел первый сборник стихов — «Тихие песни» под псевдонимом Ник. Т-о, — коллеги уже хорошо знали Анненского как переводчика поэзии и знатока греческого языка.

Перед каждым поэтом рано или поздно встает вопрос, как зарабатывать на жизнь; Анненский зарабатывал преподаванием, хотя куда с большим удовольствием, наверное, уединился бы со своими стихами и переводами. Преподавал он преимущественно древние языки — он вообще был «классик», но и античную литературу, и русский, и даже теорию словесности — в гимназии и на Высших женских курсах; много размышлял о том, как правильно преподавать детям язык и литературу. В разное время руководил тремя разными учебными заведениями, Николаевская гимназия в Царском Селе — из них самое известное.

СУПРУГИ

Женился на женщине практически вдвое старше себя: ему было 23, ей за сорок. Ее звали Надежда Хмара-Барщевская, однако называли ее все Дина; она была помещица, вдова, он — студент-репетитор, который должен был за лето подтянуть ее сыновей-троечников. Над этой странной парой кто только не издевался. Особенно тяжело читать воспоминания преподавателя царскосельской гимназии Варнеке (той самой гимназии, где Анненский потом стал начальником) — тот, хоть и признавал заслуги Анненского как переводчика и ученого, считал его умнейшей, сложнейшей, интереснейшей личностью, но не щадил его ни как человека, ни как директора, ни как учителя; досталось и жене, и ее ужасным розовым платьям, и манере себя вести, он замечал даже, что во Франции никому не приходило в голову поставить Малларме директором гимназии.

Сергей Маковский, редактор журнала «Аполлон», вспоминал о Дине Валентиновне так: «Семейная жизнь Анненского осталась для меня загадкой. Жена его, рожденная Хмара-Барщевская, была совсем странной фигурой. Казалась гораздо старше его, набеленная, жуткая, призрачная, в парике, с наклеенными бровями; раз за чайным столом смотрю — одна бровь поползла кверху, и все бледное лицо ее с горбатым носом и вялым опущенным ртом перекошилось. При чужих она всегда молчала; Анненский никогда не говорил с ней. Какую роль сыграла она в его жизни? Почему именно ей суждено было сделаться матерью его сына Валентина?» Некоторые мемуаристы писали, что жена вообще не понимала творчества Анненского, что между ними было отчуждение, что сама фигура этой худой, сильно накрашенной старухи — странная и нелепая. А Валерия Срезневская, подруга Ахматовой, наоборот, запомнила Дину Валентиновну элегантно и милой: «И какой-то еле уловимый запах незнакомых духов, и тихий мелодичный голос с аристократическими интонациями — все нравилось мне в ней и надолго оставалось в памяти». И племянница Анненского, Татьяна Богданович, вспоминала, что жена говорила: Кенечка — гений, он обгоняет свое время.

ДИРЕКТОР

Как бы то ни было, уже совсем молодым Иннокентий Федорович взял на себя заботу о большой семье, привыкшей к жизни на широкую ногу. Он сильно тяготился преподаванием и директорскими обязанностями, которые исполнял с 1896 года, когда его поставили начальствовать над Николаевской гимназией. Гимназисты вспоминали о нем разное: кто-то — каким он хорошим был преподавателем греческого, как умел сделать мертвый язык живым и интересным для учеников; как в гимназии ставили Еврипида и Софокла, кое-что в переводах директора, кое-что в оригинале. Другие рассказывали, что в гимназии при нем не было никакого порядка, ученики относились к нему без всякого трепета. «При Анненском в классах устраивались митинги, гимназисты распивали водку под партами, издевались над учителями, и умнейший русский лирик должен был, чуть-чуть шепелявя и вызывая этим насмешки учеников, просить и убеждать их, без всякого успеха, конечно», — вспоминал выпускник царскосельской гимназии поэт Николай Оцуп. Другой выпускник, Дмитрий Кленовский, рассказывал: «Он выступал медленно и торжественно, с портфелем и греческими фолиантами под мышкой, никого не замечая, вдохновенно откинув голову, заложив правую руку за борт форменного сюртука. Мне он напоминал тогда Козьму Прутоква с того известного «портрета», каким обычно открывался томик его произведений. Анненский был окружен плотной, двигавшейся вместе с ним толпой гимназистов, любивших его за то, что с ним можно было совершенно не считаться. Стоял несусветный галдеж.

Анненский не шел, а шествовал, медленно, с олимпийским спокойствием, с отсутствующим взглядом». Правда, Кленовский был еще младшим школьником, когда Анненского сняли с поста директора.

Иннокентий Федорович много писал о своей директорской работе дальней родственнице Анне Бородиной, жалуясь, что его заставляют выгонять учащихся за проступки, отказывать ученикам в приеме, когда он их уже обнадежил. В одном из писем читаем: «Вы спросите меня: «Зачем Вы не уйдете?» О, сколько я думал об этом... Сколько я об этом меч-

тал... Может быть, это было бы и не так трудно... Но знаете, как Вы думаете серьезно? Имеет ли нравственное право убежденный защитник классицизма бросить его знамя в такой момент, когда оно со всех сторон окружено злыми неприятелями? Бежать не будет стыдно? И вот мое сердце, моя мысль, моя воля, весь я разрываюсь между двумя решениями. Речь не о том, что легче, от чего сердце дольше будет исходить кровью, вопрос о том, что благороднее? что менее подло? чтоб выразиться точнее, какое уж благородство в службе!» Преподавание классических языков сокращалось, греческий отменили, только старшеклассники доучивались по старой программе, и директор вел два-три урока в неделю. Тем временем в стране полыхала первая революция, школьники устраивали собрания и рвались на баррикады. Николай Пунин, тоже из числа гимназистов, вспоминал,

как депутация учащихся явилась к директору на сороковой день после Кровавого воскресенья — требовать заупокойного молебна по жертвам. Анненский принял депутацию холодно и даже «брезгливо» — и в требовании отказал, отчего гимназисты стали встречать его пеннием «вечной памяти». Горячие головы, разумеется, не понимали, что директор прикрывал их от начальственных репрессий. Юноши устраивали выступления, обструкции, химические атаки, наконец, как вспоминал Варнеке, «перед самым октябрём 1905 года во время общей молитвы царский портрет оказался облитым мочой милых мальчигов»; директор защищал учеников от кар, и кончилось это его добровольно-принудительной отставкой в январе 1906 года. В гимназию прислали нового директора для наве-

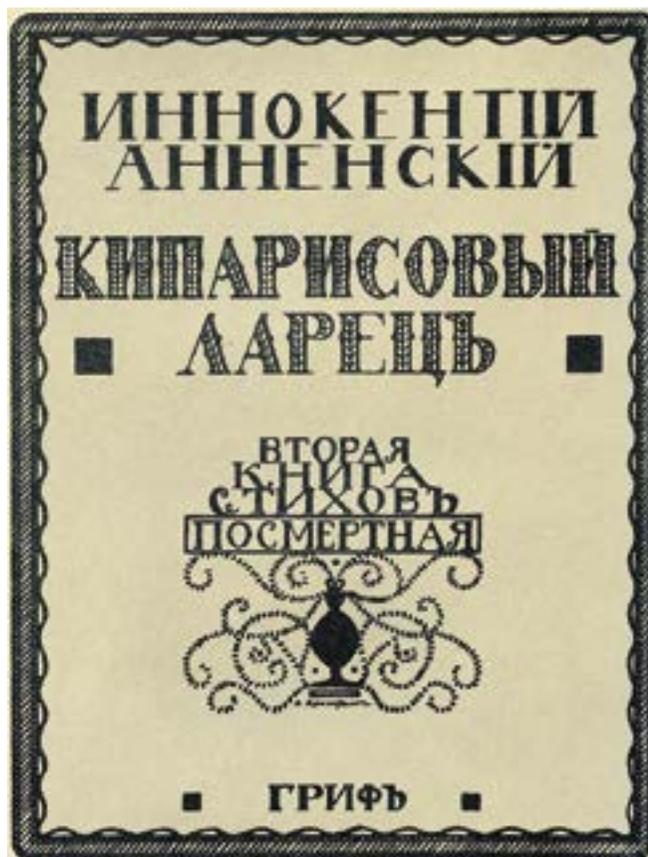
И.Ф. Анненский
среди учащихся
Царскосельской
Николаевской
гимназии

дения жесткого порядка, Анненского же перевели на должность инспектора Петербургского учебного округа, он лишился казенной квартиры и серьезной доли дохода. Новая работа требовала частых поездок по Петербургу и окрестностям, а у него было больное сердце, и разъезды эти давались ему тяжело. Впрочем, с новой работы его со временем тоже отправили в отставку, уж очень мало его представления о педагогике соответствовали начальственным.

Один из преподавателей гимназии, П. П. Митрофанов, вспоминал о директоре так: «...правда, следить за ремонтом гимназической прачешной... сажать в карцер учеников за преждевременное курение ими папирос И. Ф. был не мастер, да и не охотник при всей своей добросовестности к службе. Но и ученики, и мы, преподаватели, любили, ценили и читали его за другое — за то, что он сумел вдохнуть нам любовь к нашему делу и давал нам полный простор в проявлении наших сил и способностей... О каком бы то ни было полицейском режиме и регламентации не было и речи, да и сам И. Ф. не приказывал, а лишь просил и советовал. И таково было его обаяние — обаяние умного человека, опытного педагога, гуманного гуманиста, что слушали и слушались все не только со вниманием, но и с воодушевлением. Его любили, и он нравился — и своею своеобразно красивой наружностью, и своею всегда деликатной, несколько старомодной манерой обращения с людьми, и своею неизменной добротой ко всем нашим нуждам и запросам».

До нас дошло несколько педагогических трудов Анненского; известно, что он участвовал в создании гимназии с совместным обучением для мальчиков и девочек; к сожалению, его педагогическое наследие толком не изучено. Учителя в его гимназии вспоминали, что даже на педсоветы ходили с удовольствием; одного этого достаточно, чтобы понять, какой это был редкий директор — и как мало он вписывался в жесткую систему народного просвещения. В гимназии царил какой-то вольный поэтический дух, издавался гимназический журнал; среди вы-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Обложка посмертного издания книги стихов И. Ф. Анненского «Кипарисовый ларец» (М., «Гриф», 1910).
Художник А. Арнштам

пускников — Николай Гумилев и довольно много работников литературы и искусства.

Новосибирский учитель Михаил Выграненко сделал попытку проанализировать педагогическое наследие Анненского. Надо сказать, некоторые мысли до сих пор звучат с пугающей актуальностью: «Обремененный и переутомленный учитель русского языка для школы не только горе, но и зло: он раздражен, он болен, он не следит за своей наукой, за литературой

и, главное, тяготеет уроками, — а ведь преподавание родной словесности, особенно в старших классах средней школы, это едва ли не самое ценное, что мы даем, и притом не только для образования, но для воспитания наших юношей, а эти юноши — ведь это все, что у нас есть самого ценного, наше подрастающее поколение, наши надежды...»

Или вот еще: «Я должен признаться, что когда подумаю о наводнении нашей средней школы исписанной бумагой, эти вопросы смущают и волнуют меня более, чем «переутомление» учителей... Пригодна ли, целесообразна ли работа? — вот первый вопрос. Может быть, иное корпение, несмотря на всю свою египетскую трудность, и ничего не стоит».

ТИХИЕ ПЕСНИ

Педагогические труды Анненского мало кому известны; четыре его оригинальные трагедии на античном материале привлекают мало внимания. Как переводчику ему воздают должное, но не более, кажется; в истории литературы он остался как тончайший лирик и критик-новатор. Две небольшие книги — «Тихие песни» и «Кипарисовый ларец», вышедший уже после смерти Анненского, — подчеркнута негромко названы. «Тихие песни» не привлекли даже особого внимания публики. По воспоминаниям Николая Пунина, «в Гостином дворе в книжной лавке Митрофанова уже которую зиму за стеклом в окне, засиженный мухами, стоял экземпляр книги стихов: Ник. Т-о «Тихие песни», и мы знали, что это сборник стихов Анненского. Никто из нас в ту пору этой книги не читал, но если бы даже и читал, самый факт — директор пишет стихи — ни в какой мере не соответствовал царскосельским представлениям о директоре и его времяпрепровождении и в наши головы не укладывался».

Большинство людей, его знавших, вспоминают о сложности Анненского — как будто несколько совершенно разных людей в одной телесной оболочке — и его бесконечном одиночестве, он даже гулял всегда один. Корней Чуковский, тогда молодой критик, да еще некстати обидевший Анненского в одной своей статье, писал: «Я внезапно почувствовал его сиротство: неприкаянный, одинокий поэт, не умеющий сли-

ваться с людьми, войти в их круг естественно и просто. Чувствовалось страстное желание сблизиться с литературной средой, но мешала многолетняя замкнутость. Видно было, что от этой замкнутости он тяжело страдает, жаждет преодолеть ее — и не может». Он принадлежал к двум разным поколениям: государственный чиновник, директор гимназии — и поэт-модернист, которого не понимал даже собственный

брат. И обоим поколениям он был чужд. Добрый, понимающий, вдумчивый, холодный, замкнутый, презрительный, чопорный, смелый, боящийся начальства — кажется, мемуаристы рассказывают о каких-то совсем разных людях.

В Царском Селе очень мало знали про модернизм, Ахматова говорила, что помнили разве что «о, закрой свои бледные ноги»; над директором гимназии, пописывающим декадентские стишки, нехорошо подшучивали. Анненский сносил насмешки спокойно и сказал однажды: «Я знаю, что моя мысль принадлежит будущему, и для него берегу мысль». Время его настало, когда Сергей Маковский начинал в Петербурге новый литературный журнал, «Аполлон». Журналу нужен был теоретик, и Гумилев, главный мотор журнала, вспомнил об Анненском. К нему отправилась депутация, его пригласили к сотрудничеству; в журнале начали печатать его программную статью «О современном лиризме», которую он не успел закончить. Анненский очень много значения придавал «Аполлону», а внутри редакции всегда были какие-то подводные течения, тайны, недомолвки и интриги. Результатом одной из них стало то, что из сверстанного номера сняли статью Анненского, чтобы поместить в него стихи таинственной Черубины де Габриак. Анненский страшно обиделся и расстроился — и считается, что эта обида, одна в череде многих, и спровоцировала фатальный сердечный приступ, от которого он внезапно умер на Царскосельском (Витебском) вокзале Петербурга. Татьяна Богданович писала: «Иннокентий Федорович, проезжавший на извозчике мимо вокзала,

вдруг сделал знак извозчику, чтобы он повернул к вокзалу. Сойдя с него, он сделал шаг и сразу же упал со всего роста на ступени лестницы. Проходивший на вокзал врач подошел к нему, выслушал и констатировал моментальную смерть от разрыва сердца.

Мне вспомнилось потом, как Иннокентий Федорович говорил шутя:

— Я бы не хотел умереть скоропостижно. Это все равно что уйти из ресторана, не расплачившись».

Хоронить его пришли ученики, друзья, поэты — в том числе Волошин и Гумилев, для которого эта смерть была личным горем.

ПОЛЕТ

Анненский однажды написал жене из Флоренции: «Все, что предполагалось, мы видели. Монументы, церкви, картины — все это обогащает ум. Я чувствую, что стал сознательнее относиться к искусству, ценить то, чего прежде не понимал. Но я не чувствую полноты жизни. В этой суете нет счастья. Как несчастный, осужденный искать голубого цветка, я, вероятно, нигде и никогда не найду того мгновения, которому бы можно сказать: «остановись — ты прекрасно».

<...> ты не обижаешься на меня. Я тебя уверяю, что лучше тех мгновений, которые ты мне дала своей лаской и любовью, у меня не было, и все-таки ты знаешь, что я всегда и везде томлюсь...» Валентин Кривич, комментируя эти строки, говорит о тоске, которая внезапно приливалась и заливала душу его отца. Анненский был поэт тоски.

Кружатся нежные листы

И не хотят коснуться праха...

О, неужели это ты,

Все то же наше чувство страха?

Иль над обманом бития

Творца веленье не звучало,

И нет конца и нет начала

Тебе, тоскующее я?

У него множество стихов, так и называющихся: тоска возврата, тоска белого камня, тоска миража, тоска медленных капель, тоска мимолетности. Ему известны были сотни от-

тенков тоски, обиды, печали. Второй мучительный сонет, третий мучительный сонет... (Кстати, тут Анненский — отчаянный новатор, как, впрочем, и во всем; в его трагедии «Фамира-кифаред» не места действия обозначены, как это традиционно делалось, а состояние природы: «Сцена десятая. Темно-золотого солнца». «Сцена шестнадцатая. Пыльно-лунная».)

«Я потерял Бога и беспокою, почти безнадежно ищу оправдания для того, что мне кажется справедливым и прекрасным», — написал Анненский в 1904 году.

Иногда он декадентски манерен и по-бальмонтовски звонковучен:

Золота заката розы,

Клонит солнце лик усталый,

И глядятся туберозы

В позлащенные кристаллы.

Но не надо сердцу алых, —

Сердце просит роз поблеклых,

Гиацинтов небывалых,

Лилий, плачущих на стеклах.

Но в его лирике всегда есть пронзительная нота чистой, ясной, мучительной тоски — ничем не вызванной, не причиненной: просто жить больно, и стихи — больно. Это особенно ясно видно в его знаменитом стихотворении «Смычок и струны»: «И было мукою для них, что людям музыкой казалось». И в другом, «То было на Валлен-Коски»: там для развлечения публики в водопад кидают куклу, вытаскивают ее на веревке, а потом кидают снова и снова...

Бывает такое небо,

Такая игра лучей,

Что сердцу обида куклы

Обиды своей жалчей.

И сердце оказывается одиноким, «как старая кукла в волнах».

Это удивительный способ смотреть на мир, видя в нем одновременно и ужас, и страх, и тоску, и необыкновенную красоту. Кто еще из русских поэтов был способен одновременно разглядеть и жуткую, мертвенную Черную Весну с «облезлыми крышами, бурными ямами, позеленевшими лицами» — и почувствовать сухой тростинке:

А. Экстер.
Эскиз костюма
вакханки
к спектаклю
по пьесе
И.Ф. Анненского
«Фамира-
кифаред»
в постановке А.Я.
Таирова. 1916
год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

*На бумаге синей,
Грубо, грубо синей,
Но в тончайшей сетке
Разметались ветки,
Ветки-паутинки.
А по веткам иней,
Самоцветный иней,
Точно сахаринки...*

И увидеть, всей душой понять детскую бессонницу, когда видишь если не гад морских подземный ход и дольней лозы прозябанье, то —
*И я лежал, а тени шли,
Наверно зная и скрывая,
Как гриб выходит из земли
И ходит стрелка часовая.*

В двух книжках Анненского, как в увесистом свертке с семенами разных цветов, скрыт и антиэстетизм Саши Черного, и футуристические эксперименты со словом (Накололи, намололи, // Колоколы-балаболы. // Лопотуны налетали, // Болмоталы навязали, // Лопотали — хлопотали, // Лопотали, болмотали, // Лопоталы поломали). И фольклорная, разгульная стихия, которая пока еще кричит в его «Шариках детских», а потом загрохочет музыкой революции в блоковских «Двенадцати». И изумительное по смелости описание дождика, полное тугих, как у Олеси, метафор:
*Вот сизый чехол и распорот, —
Не все ж ему праздну висеть,
И с лязгом асфальтовый город
Хлестнула холодная сеть...*

И по-маяковски нахальные рифмы: «вышиты — мыши ты». И живая, реальная деталь, вот хоть «красная думочка», оставшаяся от женщины, с которой расстался лирический герой, так и дышит она в тексте, так и горит алым пятном, эта красная думочка с прошивками; это у него Ахматова научилась говорящим деталям. И, наконец, от Анненского в русской литературе этот чеканный, счастливый весенний сдвиг, это неостановимое, торжественное движение:

*Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!
Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...
И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,
Точно стада в тумане
Непорочные сны —
На сомнительной грани
Всесожженья весны. ❀*

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

УПАДОЧНЫЙ РЕНЕССАНС

АННА ГАМАЛОВА

Золото — солнечное, серебро — лунное. Золото — богатство, серебро — изысканность. Серебряный век в России оказался богаче «Золотого»: «Золотой» — чуть ли не единолично пушкинский, Серебряный — всеохватный.

С каждым годом он все глубже погружается в историю — вот уже за вековой рубеж перевалили 1910-й, год смерти Толстого, и 1911-й, убийство Столыпина, Амундсен на Южном полюсе, дело Бейлиса... Большое видится на расстоянии: с вековой дистанции становится заметен колоссальный масштаб явления, которое мы обозначаем как «предреволюционные годы» в истории — и как Серебряный век в литературе.

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД

Откуда вдруг взялся такой неожиданный расцвет искусства и поэзии в России, по-прежнему наглухо застегнутой на все пуговицы, скованной форменным мундиром? Почему в Европе модернизм связывают с концом века, fin de siècle, а в России — с «началом века», можно даже не говорить какого: наш как-то не воспринимается в этой роли. Вроде бы мы и конец тысячелетия застали, и начало нового — а расцвета почему-то нет как нет. Может быть, стоим слишком близко, а через сто лет все станет заметнее?

Серебряный век — не только поэзия и проза — целая полоса общественной жизни. Современники считали ее упадком, декадансом, разложением; самым пронзительным, однако, и тогда было ясно, что это не увядание, а цветение, не упадок, а «ренессанс», по выражению Николая Бердяева. Нет, конечно, XIX век тщательно позаботился об этом расцвете. XIX был веком здравых суждений, общественной пользы и практичности: он опутал весь мир цепью железных дорог, связал регулярными паровозными маршрутами, отменил рабство, продлил жизнь, придумал антисептики, ввел санитарную и гигиену — и резко увеличил население Земли. Планета из огромной пешеходной стала компактной, страны оказались ближе друг к другу, люди — понятней, националь-

железных дорог, связал регулярными паровозными маршрутами, отменил рабство, продлил жизнь, придумал антисептики, ввел санитарную и гигиену — и резко увеличил население Земли. Планета из огромной пешеходной стала компактной, страны оказались ближе друг к другу, люди — понятней, националь-

ные культуры — прозрачней, новости — быстрее. XIX век с его телеграфом, фотоаппаратом, кинематографом, промышленной революцией основал современную городскую цивилизацию и впервые вывел на историческую арену человеческие массы. Впервые появился не узкоаристократический, а довольно крупный слой грамотных людей, возросли тиражи, появилась читательская аудитория, с которой стало возможно взаимодействовать. Размножились газеты и журналы; выставки, публичные лекции и кинозалы стали привлекать толпы народа. Появилась та самая почва, на которой только и возможен расцвет искусства и словесности. Они и кинулись в рост, как пальма *Attalea Princesps* в знаменитой притче Гаршина — безумного предшественника наступающих времен.

XIX век, вырвавший монополию на творчество из рук аристократии, наследующий Просвещению с его идеалами, озабоченный утилитарными целями, заменивший Бога наукой и надрывно призывающий к социальным реформам, к концу своему стал уж совсем непозтичен — только стон Надсона и тоска Случевского звучали пронзительной нотой в торжественном, машинном, маршевом шествии промышленного века. XX век не хотел говорить о богатстве и бедности, социальной справедливости и несправедливости — его интересовали понятия более фундаментальные: жизнь и смерть, красота и уродство, любовь и ненависть. Даже суровая реалистическая проза стала у Бунина экзистенциальной, а у Андреева — и реалистической перестала быть, перешагнув грань между реальным и символическим. XX век в своем начале устремлялся не к земному, а к вечному — и требовал поэзии о самой сути жизни.

Нам кажется сейчас, что вся поэзия, вся литература в Серебряном веке была такая — модернистская, поднятая над земным или поднимающая земное до трансцендентного. А это был самый краешек, острие времени, вершина айсберга — штучное, экспериментальное, сверхновое искусство. А снизу плыл огромный массив позитивистской, привычной культуры уходящего века — с уныло-гражданской лирикой и народническими повестями из жизни крестьянства. И с точки зрения этой приземленной культуры все происходящее на острие было чужь и блажь, дикость и вырождение — декаданс, одним словом.

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ

Старая Европа в самом деле переживала кризис. Стало понятно, что начинается новый, непривычный мир с другими порядками и законами, совсем непохожий на то, что было раньше. Древняя, устоявшаяся в крепких жанровых канонах, традиционная европейская культура затрещала по швам под напором новых людей, новых веяний и настроений.

А рамки оставались прежними: те же люди, тот же политический строй, те же законы, та же мораль, те же способы познания мира — хотя и они уже уперлись в пределы рационального. Затрещали и эти рамки. Граница между добром и злом, правдой и ложью, моральным и аморальным, умным и глупым стала постепенно размываться и стираться, пока не стерлась окончательно в постмодернизме, полноправном наследнике модернизма. Все эти фин-де-сьеклевские «цветы зла» и «богодьяволы» к концу XX века логично вылились в пресловутое «снятие бинарных оппозиций» — вплоть до размывания фундаментальных границ между жизнью и смертью или мужчиной и женщиной.

В новых условиях, при стертых границах, оказалось, что герой — не тот, что прав, а тот, что силен; не важно, что ты изображаешь, — важно как; важен не вектор чувства, не стремление к добру или злу, а только сила, последовательность, яркость этого стремления. Настало время героев-одиночек, противостоящих толпе. «Сверхчеловеки стали бродить стадами», сказал Петр Пильский в ядовитой статье о знаковом литературном явлении нового века — романе Арцыбашева «Санин», воспеваящем (точнее — скучно объясняющем, как это хорошо) силу одиночек, животную жажду жизни и секса.

Дух времени и новая философия овладевали одиночками, толпами одиночек, потом массами, разменивались на копейки, становились уличной модой. Недаром модерн оказался не только самой необычной, но и самой коммерциализированной эпохой в искусстве, временем взлета бытовой культуры: соборы в нем редки, а пепельницы или сахарные щипчики с характерными изгибами очертаний — неисчислимы. Эта эпоха — первая, которая сделала предметом искусства рекламный плакат и слоган, окончательно смешав высокое с низким.

НЕЗНАКОУМКА

Поэты сознательно смешивали грех и святость, земное и небесное. Встреченная уличная женщина становилась Незнакомкой, загадочным образом женственности — и через пару месяцев все уличные женщины таинственно рекомендовались незнакомками: «Я уесь Незнакомка, хотите познакомиться?» — цитировал Юрий Анненков девушку Ванду у ресторана «Квисисана».

Самое удивительное в людях той эпохи — готовность жить согласно принципам или их отсутствию. Жить необычно, жить сильными чувствами — этого требовал дух времени. Жизнь под серым российским небом, в привычное межсезонье три четверти года, была так насыщена хандрой и скукой, что требовала прорыва к яркому, удивительному, солнечному — и жизнетворцы рвались к иным небесам, как гаршинская пальма. В русском интеллигентском быту появились хитоны, пеплосы и диадемы, мистерии и балы-маскарады; жизнетворцы перебирали маски, выискивая для себя подходящую. Подошедшая иной раз прирастала, а цирковой клюквенный сок («истекаю я клюквенным соком», кричит паяц у Блока) оказывался настоящей кровью, что давным-давно заметил еще Ходасевич. И золотые туфельки, и смазные сапоги были одинаково свойственны этому времени; хоть желтая кофта фата, хоть черное траурное покрывало — все это были составные части образа, в котором жизнетворцы пребывали день и ночь. Демоническая женщина Нина Петровская, к примеру, носила черное платье, черные четки и черный крест; загадочная Черубина де Габриак посылала в журнал стихи на бумаге с траурной каймой, переложенной сухими цветами. Растиражированный подражателями, образ этот дошел до трафаретной пошлости — такова «демоническая женщина» у Тэффи: «Она носит черный бархатный подрясник, цепочку на лбу, браслет на ноге, кольцо с дыркой «для цианистого калия, который ей непременно пришлют в следующий вторник», стилет за воротником, четки на локте и портрет Оскара Уайльда на левой подвязке».

Было бы смешно, когда бы не было так грустно: платить за свою маску, позу, литературную игру, волшебные галлюцинации приходилось жизнью. Поэтому в жизни стрелялись, травились, нюхали эфир и кокаин, кололи морфин, спивались, сходили с ума и топились в Мойке. У русского Серебряного века — целый мартиролог тех, кто не дождал до великих потрясений эпохи. Они стирали не только грань между жизнью и игрой, но и между жизнью и смертью, слишком легко перешагивая из бытия в небытие. Многие и запомнились не творчеством своим, от которого мало что сохранилось, а образом, врезавшимся в коллективную память: от легендарного Александра Добролюбова до сумасбродной Палады Богдановой-

Бельской. В жертву легенде, образу приносились жизни и состояния — все на ветер, все растратить; но зато фиалки и подснежники в зимнем Петербурге, но зато вилла «Черный лебедь», но зато «жил на всю катушку». Пальма росла, росла, проломила стеклянную крышу и вырвалась на мороз, от которого и погибла.

ВСЕ ВСЕРЬЕЗ

Говоря о Серебряном веке, трудно удержаться от соблазна перечислять длинные списки имен, одно другого звонче: вот художники, вот скульпторы, вот поэты такие, а вот сякие — благо они не скупались на пышные названия и торжественные манифесты. Вот композиторы, вот танцовщики — плеяды достойнейших имен и поразительных достижений. И почти за каждым именем — трагическая судьба, биография, изломанная несчастной любовью, болезнью, ошибками, перепаханная вкривь и вкось XX веком.

«Начало века» не скупилось на страшные события. Серебро ярнее светилось на черном кровавом фоне эпохи: японская война, 9 января, революция 1905 года, еврейские погромы. Глухая реакция: «столыпинские галстуки», эпидемия самоубийств, политические убийства, разгон Государственной думы. Наконец — Великая война, которую затмила собой революция, разом положившая конец мрачным, прекрасным и опасным играм с жизнью и смертью. Теперь все стало всерьез.

И все-таки серебро светится — не стальным, а теплым, эльфийским светом. Время осталось в веках цветным, а не серым, летящим, а не тонущим; и не солугубовская недотыкомка символ его, а врубелевская Царевна-Лебедь — сама прозрачность, сама печаль, сама красота и жизнь.

И вроде бы все в нашем веке повторяется — и земля сжалась в малый шарик, опутанная Интернетом, любой человек — на расстоянии клика мышкой. И социальные реформы не привлекают... Может, и в нашем времени через сто лет потомки найдут что-то прекрасное и упоительное — то нам неведомо. Но помнить, что за свои слова приходится платить судьбой, стоит и в наш жидкокристаллический век. 🍷

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОСТАРЕВЫМ

АЛМАЗ В СЕРЕБРЕ

МИХАИЛ БЫКОВ

Александр Блок родился 28 ноября 1880 года. В Петербурге. Ушел из жизни 7 августа 1921-го. В Петрограде. Тут есть о чем поговорить.

Сроки жизни русских поэтов — это вообще отдельная тема. Пушкин — 37, Лермонтов — 26, Некрасов — 56, Есенин — 30, Маяковский — 37, Цветаева — 49. Это только первый ряд. Особая гордость. Блок прожил 40. Не 41, как предпочитали излагать учителя словесности в советских школах. Именно — 40. Это важно. Это рубеж. Это знак.

И еще: у Блока довольно современников, что появились на свет и покинули его в одном и том же месте. Географически. Но по остальным параметрам место рождения и место смерти для них оказались разными. Тут — Петербург. Там — Петроград. Блок — не исключение.

И это важно. Потому как это тоже — рубеж и знак.

Мемуаристы, литературоведы, критики, биографы — это о другом. Будучи замкнутым человеком, Блок жил открыто, не таясь. Воспоминаний о нем осталось в достатке. Записных биографов — тоже. Везунчиков в своем роде. Не стремился Александр Александрович к подвигам. Прожил интеллигентно. Без роковых тайн. Строчки поэта изучены и препарированы вдоль и поперек. Каждая строфа пронумерована и оцифрована.

Отдельно — любители «жареного» и «желтого». Пьяницы с глазами кроликов, красный граф Алексей Толстой с Бессоновым, южная казачья кровь жены Любови Дмитриевны. Тесть Дмитрий Менделеев — не еврей ли? «Испысывание» после 1909-го, потеря рассудка, сифилис, самоубийство. И, конечно, «Двенадцать». Не дает покоя вопрос — почему все-таки впереди Иисус Христос?

Ищут, ищут, ищут...

Да без толку, по большому счету. Загулы и романы — это, в принципе, порядок вещей. Не только среди поэтов. Остальное — не доказывается, хоть тресни. А если кое-что, прежде всего состояние рассудка в последние месяцы жизни, и окружено некоторыми смущающими фактами, что с того? Трудно было ему.

И только эти «Двенадцать»... До сих пор идут. И кто там впереди — не разберешь уже.

Так что обойдемся без биографов и литературных критиков. Уж пусть не взыщут. Блок, при всех своих романтических и символических скитаниях по стране Поэзии, ежесекундно пользовался — без этого никак! — родовой кровью. Текла по его венам и артериям мекленбургская кровь. Северная. Предок прибыл в Россию служить по медицинской части при дворе царя Алексея Михайловича. И Александр Александрович слыл за довольно организованного, пунктуального человека. А такой не мог не вести дневник.

Дневник Блока, в отличие от дневника последнего императора, Николая II, также разменявшего Петербург на Петроград, — не ежедневные систематические записи о событиях и погоде. Он довольно обрывочен, схематичен, эмоционален и заполнялся от случая к случаю. Зато сразу видно — были случаи! И северная тевтонская кровь смешивалась с русской. С той самой скифской.

Все это к чему? Если кто хочет о стихах — читайте стихи Блока. В самом деле, что еще надо? Ежели кому угодно о самом Блоке — заглянем в его дневники. Им можно доверять.

В 1915 году 15 октября (ст.ст.) Александр Александрович записал: «И уж во всяком случае, я очень честен».

Странно, но отрочества и юности у Блока не было. Так случается у тех, кто начинает писать стихи в пять лет. И кто окружен литературой и наукой с рождения. Хрестоматийный мальчик со скрипкой (книжкой, микроскопом) — какое тут отрочество и юность?

Дед поэта — Андрей Николаевич Бекетов, ученый-ботаник, ректор Петербургского университета. Бабушка Елизавета Григорьевна Бекетова — знаток языков и переводчик. От Дарвина и Брэма до Бичер-Стоу, от Флобера до Жорж Санд. Оба, судя по записям самого поэта, влияли на него в юные годы весьма сильно. Одно из наиболее ярких воспоминаний детства — привычка деда обращаться к крестьянам купленного им поместья Шахматово под Клином в Тверской губернии по-французски: «Ну что мой маленький друг...»

Блок вспоминает об этом. Но без удивления. Такие были люди. И они жили рядом. Вплоть до 1902 года, когда умерли с разницей в три месяца. Блоку уже шел 22-й.

Отец Александр Львович к литературе был довольно холоден. Занимался юриспруденцией, профессорствовал в Варшавском университете. И сын поступил на юрфак Петербургского университета. Но отношение Блока к этой профессии исчерпывается одной дневниковой фразой: «Юридический факультет, как и прежде, не памятен». Написано в 1918-м. А еще спустя много лет он отчетливо помнил противный озноб, бивший его на экзаменах по причине полного незнания предмета. И так — три года, три курса.

Предок Иван Блок получил русское дворянство из рук Петра Великого. Офицером не был, служил лейб-медиком. С другой стороны, кто при Петре Алексеевиче не был офицером, если уж попадался ему под руку? Насколько равнодушен был Александр Блок к юридической науке, настолько же ему претила и военная служба — основная стезя русского дворянства.

И так слабое влияние отца закончилось в 9-летнем возрасте. Мать вышла замуж за гвардейского офицера Кублицкого-Питотух. Блок пишет: «Семнадцать лет моей жизни я прожил в казармах лейб-гвардии Гренадерского полка». Радости — никакой! В другом месте — «Я валялся в казармах, в квартире верхнего этажа, читая массу книг и томась».

Наконец в сентябре 1916 года Александр Александрович записывает принципиальное: «Я не боюсь шрапнелей. Но запах войны и сопряженного с ней — есть хамство. Оно подстерегало

меня с гимназических времен и вот — подступило к горлу. Запаха солдатской шинели не следует переносить... Эта бессмысленная война ничем не кончится. Она, как и всякое хамство, безначальна и бесконечна, безобразна»...

Интеллигент? Безусловный. Со всем хорошим и всем плохим, что несет это состояние. Но и — дворянин. Что позволяет столь разительно отличаться от талантливых поэтов и писателей, но плебеев, ворвавшихся в литературный мир России в начале XX века. И — строками. И — поведением. И — самооценкой. И — тянуться к таким же, как сам. Пусть поначалу счастливым, но потом издерганным мистическими поисками. Пусть декадентствующим напрапалу, от письменного стола до постели. Пусть бравирующим на грани пошлости претензиями на человеческую и творческую смелость. Но — своим! Андрей Белый, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Михаил Кузьмин, Николай Гумилев, Вячеслав Иванов, Николай Пяст... Как так получилось, что, несмотря на разность талантов, взглядов и судеб, все они — а помимо того еще десяток-другой фамилий — воспринимаются все же скопом? Если не кривляться перед зеркалом собственной образованности. Если — честно?

Серебряный век... Нет, не творческий монолит. Скорее, Ноев ковчег, в котором каждой твари по паре. И время такое — надо спастись и спасать. Как уместен тут вопрос из другого времени и другого мира — из Голливуда. Но в исполнении ученика школы Станиславского — Роберта Рэдфорда. «Когда Ной строил ковчег? До потопа, до потопа».

Эти — не строили. Они ждали. Некоторые из них — ломали построенное прежде. И Блок, вопреки дворянскому воспитанию и бекетовской интеллигентности, возражал резко. Даже оскорбительно. «Не меньше вашего ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как и строительство, и так же традиционно, как оно... Зуб истории гораздо ядовитее, чем вы думаете». Это — Маяковскому, летом 1918-го!

И о том же в феврале 1921-го, за полгода до смерти: «Перед нашими глазами с детства как бы стоит надпись: огромными буквами написано: ПУШКИН... Имена основателей религий, великих полководцев, завоевателей мира, пророков, мучеников, императоров — и рядом это имя: Пушкин».

Блок против пиратов, сбрасывающих хлам с корабля истории. Категорически!

Если требовала жизнь и убеждения, поэт не щадил никого. Не только из новеньких, вроде футуристов, — «Бурлюки, которых я не видал, отпугивают меня», записано в феврале 1913-го. Но и прежних. Друзей-символистов. Товарищей-мистиков. Единомысленников. Или — не «едино»? И были они вообще друзьями, товарищами, единомысленниками в варварском смысле слова?

Июнь 1909-го: «Без Бугаева (Белого) и Соловьева обойтись можно».

Октябрь 1911-го: «Все эти вечера читаю «Александра I» (Мережковского). Писатель, который никогда никого не любил по-человечески — а волнует. Брезгливый, недобрый, рассудочный...»

Апрель 1912-го: «Утверждение Гумилева о том, что «слово должно значить только то, что оно значит», как утверждение — глупо. Но понятно психологически, как бунт против Вяч. Иванова...»

Октябрь 1912-го: «Пяст живет, сцепя зубы, злится и ждет лучшего. Он послал рассказ... в «Русскую мысль». Много никуда негодного... чего не видит. Стихов не пишет. «Западник».

Апрель 1919-го. «Я получил корректуру статьи Вяч. Иванова о «кризисе гуманизма» и боюсь читать ее».

Май 1921-го. «Начало дневника З.Н. Гиппиус. Это очень интересно, блестяще, большей частью, я думаю, правдиво, но — своекорыстно».

Как можно было любить его после этого и считать первым? Вслух не каждый признавался, но во внутренних диалогах оспаривать первенство было крайне сложно.

Блок оценивал не только персоналии. Он тяготел к обобщениям, выразившимся, правда, в довольно эксцентричной форме. Трудно спорить с тем, что любимым знаком препинания поэта было тире. Оно укорачивало путь.

«Есть два рода литературных декадентов: хорошие и дурные. Хорошие — это те, которых не стоит называть декадентами... Декадентство — упадок. И упадок состоит в том, что иные или намеренно, или просто по отсутствию соответствующих талантов затемняют смысл своих произведений, причем, некоторые сами в них ничего не понимают...». Такова реакция 21-летнего Блока на новое течение в русской литературе на стыке веков, к которому и он имел прямое отношение.

В 1906 году Блок — еще молодой человек. Как раз оканчивает курс на филологическом

факультете Петербургского университета, на который перевелся с юридического. На круг вышло девять лет учебы. Стихотворений уже много. Сотни. Уже за спиной «Стихи о прекрасной даме», перед глазами — поклонение и фанатизм влюбленности. Время, когда уже родились строфы «Девушка пела в церковном хоре» и «Незнакомки». А он в дневнике — вот о чем: «Религия и мистика». И вывод, который не мог понравиться друзьям по оружию: «Мистики — очень требовательны. Религиозные люди — скромны. Мистики — себялюбивы. Религиозные люди — самолюбивы».

Проходит менее двух лет, и Александр Александрович разנסит в пух и прах и церковь, и интеллигенцию. То есть — самого себя. Литературные течения, споры, поиски несуществующего, интриги, зависть, страх — все есть вокруг. Нет понимания того, что, если не объединиться в простых и ясных истинах, не сложить силы для того, чтобы выбраться из приближающегося тупика, — все кончится. И Россия кончится.

Но сама-то Россия вовсе так не думала. Она осиливала столыпинские реформы, оправлялась после нелепой русско-японской войны, поднимала проценты экономического роста, придавив на время революционную дурь Пресни. И все это — правда.

Тогда почему же Блок задыхался и постепенно исписывался, о чем сам себе и признавался в дневниках? Как это, большой поэт, лидер, олицетворение нового — и тупики? Профессиональной карьере нет и десяти лет!

Личная жизнь? Конечно. Не без этого. Вернее — почти без этого. Поэт не может только думать. Он должен чувствовать. Это — питательная среда. Это — импульс!

Экономический рост, конечно, прекрасно. Но вот парадокс: когда приходит время счета для всех, исчезает интерес к душе каждого. Еще в начале 1907 года Блок отмечает: «Стихами своими я недоволен с весны. Стихи уж писал так себе, полунужные. Растягивал. В рифмы бросался».

В рифмы бросаются, когда они не приходят сами.

А вот совсем страшное, 1909 год. «Думаю о том, что вот уже три-четыре года я втягиваюсь незаметно для себя в атмосферу людей, совершенно чуждых для меня, политиканства, хвастливости, торопливости, гешефтмахерства. Источник этого — русская революция, последствия которой могут быть и становятся ужасными...». Два года минуло, как умер в 9-дневном возрасте их с Любовью Дмитриевной сын Митя.

Вывод: надо отказаться от литературного заработка и найти другой способ жить. Эта мысль повторяется спустя шесть лет, когда уже идет Великая война и Россия временно не справляется с нею. «Если бы те, кто пишет и говорит мне о «благородст-

ве» моих стихов, захотели посмотреть поглубже, они бы поняли, что в тот момент, когда я начинал «исписываться» (относительно — в 1909 году), у меня появилось отцовское наследство; теперь оно иссякает и положение мое может сделаться критическим, если я не найду себе заработка. Трудом литературным прожить среднему и требовательному писателю, как я, почти невозможно».

Успешный Блок, обожаемый Блок, независимый Блок! Преувеличивал, утонул в депрессии, потерял веру в себя? И что прикажете делать остальным, если так холодно-жестоко, так сурово судит себя человек, написавший когда-то: «Я послал тебе черную розу в бокале // Золотого, как небо, ай»? Про черную розу, воля ваша, — все, что угодно. Но вторая строка — это не под силу среднему, хотя и требовательному, писателю. До сих пор спорим об этом небе, ведь миллионы других средних писателей написали бы — да и писали наверняка — «золотого, как солнце».

Блок в прозе не только дневники писал. Изредка — статьи. Он как-то составил собственную биографию. Начал в 1911 году. Закончил — в 1915-м. Все?

Нет, не все. 17-й год не мог не сказаться на настроении и создал надежду. Казалось бы, кто угодно, но только не этот тонкий и требовательно-злой, умный и наблюдательный, привыкший к рафинированному быту и повседневному вниманию человек способен на такие слова: «Октябрьский переворот все-таки лучше февральского». По всему Блок должен был бы сказать иначе — февральский хуже октябрьского...

А он — вон как!

Но это ненадолго. Блок ошибся. Как и многие тогда. Весна 1921-го: «В Москве зверски выбрасывают из квартир массу жильцов... Я иногда дремал на солнце у Смоленского рынка на Новинском бульваре».

Теперь — все!

Очень верно схватил суть Маяковский, он умел. В некрологе на смерть Блока Владимир Владимирович написал о последней встрече с Александром Александровичем. В Москве, на поэтическом вечере. Блок читал старые стихи. Маяковский подвел черту: «Дальше дороги не было».

Знаете, что удивительно?

Мережковский умер в 1941 году. Зинаида Гиппиус — в 1945-м. Андрей Белый — в 1934-м. Михаил Кузьмин —

в 1936-м. Вячеслав Иванов — в 1949-м. Ахматова — в 1966-м. Бальмонт — в 1942-м. Клюев — в 1937-м. Ходасевич — в 1939-м. Мандельштам — в 1938-м, Пастернак — в 1960-м. А уж Бурлюк — в 1967-м.

Исключений почти нет. Вот, пожалуй, Хлебников, которого так хвалил при жизни Блок, ушел в 1922 году. «Старый символист» Брюсов — в 1924-м... И — Гумилев, которого большевики расстреляли в 1921-м. Но тут — иной случай. Тут — насилие, смерть, которой не ждали и к которой не готовились.

Каждый сыграл отведенную ему роль, внес лепту, положил на алтарь... Потом медленно сошел на нет. Кого-то до сих пор любят, а то и боготворят. Кого-то иногда почитывают. На чьих-то могилах давно выросла катаевская трава забвения.

А как же «алмазный мой венец»? На чьей голове сверкает драгоценными искрами? Пусть не прямо, но сказано же в книге Валентина Катаева, сильного писателя следующего поколения: «Думаю, он считал себя гениальным и носил в бумажнике письмо от самого Александра Блока, однажды похвалившего его стихи».

Александр Блок — это явление. Это — состояние. Но это еще и — понятие. Всегда трудно сравнивать великих. Надо ли — другой вопрос. Но сравниваем, что поделаешь.

Пушкин — не только эпохальное, но и понятное. Лермонтов — уже нет. И Тютчев — нет. И Есенин. Хотя в каких мерных системах можно измерить их гений? А ответствие миру? Или — несоответствие?

Все, служившие Серебряному веку русской поэзии и умершие после Блока, являются частью этого Серебряного века. Они все — из него. И все они — в нем. Но только Блок и есть Серебряный век. Плоть от плоти. Дух от духа.

В преддверии Рождества 1914 года Александр Александрович написал в дневнике: «Совесть как мучит! Господи, дай силы, помоги мне». И Господь помог. Забрал к себе, но только после того, когда все уже было сказано. 📖

ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ, КАК ВСЕ ЭТО БЫЛО?

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Книга вышла, и сразу стало понятно, что в русской литературе появился большой поэт. А сам большой поэт глядел в трамвае на своих попугачиков и думал: «Какие они счастливые — у них не выходит книжка».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Первые стихи Ахматовой выходили в «Аполлоне», и она прятала номера журнала за диванными подушками, «чтобы не расстраиваться». Слишком много было рядом с ней живых настоящих поэтов, слишком много она читала хороших стихов, чтобы безоговорочно верить в свой талант. Она и потом, много позже, сетовала, что «эти бедные стихи пустейшей девочки перепечатываются много раз». Разумеется, с трагической высоты прожитого Ахматова не могла не судить себя, молодую и еще совершенно благополучную (благополучную, разумеется, по железным меркам последующей жизни), строгим судом памяти и совести. Впрочем, она и сразу, как «Вечер» вышел, отнеслась к нему безо всякого ликования — напротив, даже уехала от огорчения в Италию.

Молодая Ахматова писала не очень ровно. Первые опыты показала мужу, тот не одобрил, предложил поискать себя в чем-нибудь другом, вот хоть танцами заняться: «Ты гибкая». Она в самом деле была гибкая от природы, показывала трюк «женщина-змея»: могла безо всякой тренировки изогнуться назад и коснуться носками головы. Ахматова продолжала писать стихи. Сергей Маковский вспоминал ее — только что вышедшую замуж за Гумилева, совсем молодую: «Весь облик тогдашней Ахматовой, высокой, худенькой, тихой, очень бледной, с печальной складкой и атласной челкой на лбу (по парижской моде) был привлекателен. По тому, как разговаривал с ней Гумилев, чувствовалось, что он полюбил ее серьезно и горд ею. Не раз до того он рассказывал мне о своем жениховстве. Говорил и впоследствии об этой своей настоящей любви... с отроческих лет». Осенью 1910 года Гумилев уехал в Эфиопию на полгода, молодая жена осталась одна — наедине со смутно бродящими в душе звуками и мыслями, с книгами — зачитывалась «Кипарисовым ларцом» Иннокентия Анненского, корректуру которого прочла в Русском музее — «и что-то поняла в поэзии»... «Я иска-

ла, находила, теряла. Чувствовала (довольно смутно), что начинает удаваться». Она стала показывать стихи другим поэтам, читала их на «Башне» у Вячеслава Иванова. Иванов, сначала скептически относившийся к ее стихам, скоро начал их хвалить, но как бы в пику Гумилеву, которого откровенно недолюбливал, называл глупым и необразованным; вскоре, после рецензии Гумилева на *Cor Ardens* Иванова, они и вовсе стали врагами.

«Когда Николай Степанович, после года приблизительно брачной жизни опять уехал в дальнее странствие, Анна Андреевна как-то зашла к нам, читала стихи, — рассказывал Сергей Маковский. — Она еще не печаталась «всерьез» (были помещены ее стихи под псевдонимом лишь в какой-то киевской газете и в парижском «Сириусе»), Гумилев «не позволял». Прослушав несколько стихотворений, я тотчас предложил поместить их в «Аполлоне». Она колебалась: «Что скажет Николай Степанович, когда вернется?» Он продолжал быть решительно против ее писательства». Маковский предложил Ахматовой сказать всем, что украл у нее стихи и напечатал против ее воли. «Стихи Ахматовой, как только появились в «Аполлоне», вызвали столько похвал, что Гумилеву, вернувшемуся из Абиссинии, оставалось только примириться с фактом».

Ахматова сама говорила, что на первые похвалы, «бешеные и бесстыдные», она кокетливо отвечала: «А вот моему мужу не нравится». В конце концов молва подхватила эту реплику и потащила дальше: Гумилев завидовал творческому дару жены, ревниво относился к ее литературной славе, Гумилев ничего не понимал в стихах... Все это Ахматова назвала «гадкой, злой сплетней»; довольно много усилий она потратила на то, чтобы опровергнуть, объявить лживыми воспоминания Георгия Иванова «Петербургские зимы»: «Еще барышней она <Ахматова> писала:

*И для кого эти бледные губы
Станут смертельной отравой?
Негр за спиною, надменный и грубый,
Смотрит лукаво.*

Мило, не правда ли? Непонятно, почему Гумилев так раздражается, когда говорят о его жене как о поэтессе? А Гумилев действительно раздражается. Он тоже смотрит на ее стихи

как на причуду «жены поэта». И причуда эта ему не по вкусу. Когда их хвалят — насмешливо улыбается. — Вам нравится? Очень рад. Моя жена и по канве прелестно вышивает».

Ахматову этот фрагмент приводил в ярость: «Георгий Иванов даже позволяет себе выдумывать прямую речь Гумилева («Петер<бургские> зимы») по этому поводу. Что Н<иколай> С<тепанович> не любил мои ранние стихи — это правда.

Да и за что их можно было любить!» Она много раз рассказывала об их встрече после возвращения Гумилева из Аддис-Абебы на Благовещение 1911 года: «В нашей первой беседе он между прочим спросил меня: «А стихи ты писала?» Я, тайно ликуя, ответила: «Да». Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: «Ты поэт — надо делать книгу». Вскоре были стихи в «Аполлоне» (1911, №4)». И еще: «И если бы он хоть чуть-чуть в этом сомневался, неужели бы он пустил меня в акмеизм? Надо попросту ничего не понимать в Гумилеве, чтобы на минуту допустить это». И дальше: «Весь акмеизм рос от его наблюдения над моими стихами тех лет, так же как над стихами Мандельштама». Суть акмеизма ведь — уход от символической таинственности, неясности, размытости — к точности, к изначальному значению слова, от общего — к конкретике, от потустороннего — к реальному, предметному миру.

Гумилев, приехавший в Россию, рвался в литературную борьбу. Акмеизм как таковой и зародился в 1911 году, с возвращением Гумилева из Африки; осенью 1911-го был создан «Цех поэтов», в котором Ахматова стала секретарем.

Гумилев приехал веселый, полный сил, готовый покорять и завоевывать. Он привез из Африки множество историй о приключениях, которые она не хотела слушать — как он не хотел ни слушать, ни знать ничего о той жизни, которой она жила без него, — жизни, которая в стихах выглядит тихой, печальной и строгой.

Ахматова рассказывала Павлу Лукницкому в 20-х годах, когда Гумилева уже не было в живых, что уходила из комнаты, когда он пускался в рассказы о своих африканских при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В имени Слепнево. 1912 год. В центре Анна Ахматова, слева от нее – Мария Кузьмина-Караваева, справа – Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (мать Мария) и художник Дмитрий Бушен

ключениях: скажи, мол, когда закончишь. Его комната была полна удивительных трофеев — слоновых бивней и гепардовых шкур. Маковский рассказывал: «Анну Андреевну не очень увлекала эта экзотическая бутафория. На жизнь она смотрела проще и глубже. К тому же во время отсутствия мужа она сама выработалась в поэта вдохновенно-законченного, хоть и по-женски ограниченного собой, свою болью. Гумилев должен был признать право ее на звание поэта, но продолжал раздражаться все больше ее равнодушием к его конквистадорству. Никакой блеск собственных его рифм и метафор не помог убедить ее, что нельзя вить семейное гнездо, когда на очереди высокие поэтические задачи. Помощница нужна ему, нужен оруженосец, спутник верный, любовь самоотреченная нужна, а не женская, ревнивая,

к себе самой обращенная воля. Что делать? Он даже готов покаяться, обуздать свой нрав, только бы чувствовать ее частью самого себя, воплощенной грезой своей... Но она безучастна, хотя еще любит его, — чужда ему и завоеванной им славе».

Он был ей неверен — он вообще хотел нравиться женщинам, покорять, поражать. Она писала просто и горько:

...Жгу до зари на окошке свечу

И ни о ком не тоскую,

Но не хочу, не хочу, не хочу

Знать, как целуют другую!

Русский читатель, привыкший к прямолинейной исповедальности родной литературы — хотя, казалось бы, не в ней ли лермонтовский лирический герой умирал в долине Дагестана, как может умерший писать стихи? — русский читатель воспринял первые публикации Ахматовой как лирический дневник. А сложных отношений между автором и лирической героиней, кажется, и вовсе не заметил; ну разве что, может быть, догадался, что вовсе не обязательно это Гумилев собственноручно хлестал Ахматову «узорчатым, вдвое сложенным ремнем». Гумилев жаловался: «Мне было не очень-то весело гулять по Петербургу этаким ветвисторогим оленем!...ведь я, подумайте, из-за этих строк прослыл садистом. Обо мне прошел слух, что я, надев фрак, хлещу «узорчатым, вдвое сложенным ремнем» не только свою жену — Ахматову, но и своих молодых поклонниц, предварительно раздев их догола... Но я ничего не мог поделаться с ее украинским упрямством». Но, в общем, никого особенно не занимало, правда это или неправда, собиралась ли сама Ахматова умереть или это ее лирическая героиня ждет смерти чуть не в каждом стихотворении... Ослепительная, ошеломляющая новизна захватила всех, и стало понятно всем, что вот так — можно. Что вот так — пишут стихи: как дневниковую запись, в которой нет никаких громких слов, а только пунктир событий, только случайно оброненные реплики, только выхваченные взглядом говорящие детали: цвет неба, иней, забытый хлыстик на столе... Что все эти некрасивые подробности — слезы, когда тебя бросают, ярость, удушающая ревность, тоска, холод нелюбви, испепеляющая самоирония — это настоящая поэзия:

Круг от лампы желтый...

Шорохам внимаю.

Отчего ушел ты?

Я не понимаю...

Или это, совсем душераздирающее, прощальное:

Хочешь знать, как все это было?

Три в столовой пробило,

И, прощаясь, держась за перила,

Она словно с трудом говорила:

«Это все... Ах, нет, я забыла,

Я люблю вас, я вас любила

Еще тогда!» —

«Да?!»

Интересно: в дореволюционных изданиях здесь стоит «?!», а в современных — невыразительная точка; поразительно, как она меняет весь сюжет.

Оказалось, можно вот так — не разговаривать о любви, а любить — прямо в стихах, прямым текстом. Ахматова много унаследовала от Мирры Лохвицкой, умершей чуть раньше, в 1905 году, — теоретики литературы находят множественные внутренние связи между их стихами, хотя сама Ахматова царственно бросила только «в ней что-то было»...

Книгу издали общими усилиями «Цеха поэтов»: предисловие написал Михаил Кузмин, над обложкой работал Сергей Городецкий, над фронтисписом — Евгений Лансерэ из «Мира искусства», друг Кузмина. Собственно, заглавие «Вечер» придумал Кузмин, сама Ахматова хотела назвать сборник «Лебеда» и начать его с обманчиво простой «Песенки»:

Я на солнечном восходе

Про любовь пою,

На коленях в огороде

Лебеду пою.

Но «Лебеда» — это до оскомины горько и слишком уж просто — не строгой простотой «золотого сечения», а банальной простотой пареной репы, не совместимой ни с «треуголкой и растрепанным томиком Парни», ни с поразительным по точной лаконичности «муравьиным шоссе». Кузмин вспомнил про сомовский «Вечер», появился эпиграф из Андре Тёрье: *La fleur des vignes pousse et j'ai vingt ans ce soir* («Распускается цветок винограда, а мне сегодня вечером исполняется двадцать лет»). В «Вечере» еще были вполне сомовские графы и маркизы, упржнения в стилизации,

от которых Ахматова потом легко отказалась, настолько они были избыточны для ее классически простой, по-пушкински гармоничной музыки.

Рекламы особой не было, но сборник вдруг начал очень хорошо расходиться, и неведомая доселе Ахматова из жены поэта Гумилева вдруг стала совершенно самостоятельным, отдельным поэтом, которого любят, ценят — и которому бешено подражают. Не успела эта книга выйти в свет, как русские барышни поняли, что настало их литературное время. Они получили право голоса — право жить в литературе, быть неумными, несчастными, брошенными и прекрасными; путать перчатки, оплакивать любовь, таинственно молчать и многозначительно говорить... «Я научила женщин говорить, — сказала Ахматова. — Но, боже, как их замолчать заставить». Эпигонская поэзия посыпалась как из рога изобилия: Ахматова, как это случается с большими поэтами, открывает огромную поэтическую перспективу, наносит на карту целую область поэзии, бывшую до сих пор белым пятном, — и туда несутся толпы восторженных туристов и паломников.

Цветаева, сама молоденькая, 20-летняя, но уже автор «Вечернего альбома» (удивительно, как они обе начали с вечерней темы), не без ревности писала сестре мужа: «Вчера мы купили книгу стихов Анны Ахматовой «Вечер», которую так хвалит критика <...> Ахматову называют утонченной и хрупкой за неожиданное появление в ее стихах розового какаду, виолы и клавирина». Поразительно, что критики не увидели в поэзии Ахматовой никаких новых горизонтов. Им казалось, что это не расширение возможностей русского стиха, а обеднение: что от всемирности, от глу-

бины, от всеохватности символистов осталась только узкая и скучная тема, интимный женский дневник. Борис Эйхенбаум писал: «Большинство критиков не уловило реакции на символизм и обсуждало стихи Ахматовой так, как будто ни о чем другом, кроме особенностей души поэта, они не свидетельствуют. На фоне отвлеченной поэзии симболи-

стов критики восприняли стихи Ахматовой как признания, как исповедь. Это восприятие характерно, хотя и свидетельствует о примитивности критического чутья».

Между тем Ахматова — замечательный новатор стиха. Эйхенбаум говорит о ее творческом методе: «Мы чувствуем смысловые очертания слов, потому что видим переходы от одних слов

к другим, замечаем отсутствие промежуточных, связующих элементов. Слова получают особую смысловую вескость, фразы — новую энергию выражения. Утверждается интенсивная энергия слова. Становится ощутимым самое движение речи — речь как произнесение, как обращенный к кому-то разговор, богатый мимическими и интонационными оттенками. Стиховая напевность ослаблена, ритм вошел в самое построение фразы. Явилась особая свобода речи, стих стал выглядеть как непосредственный, естественный результат взволнованности. Чувство нашло себе новое выражение, вступило в связь с вещами, с событиями, сгустилось в сюжет. Явилось то ощущение равновесия между стихом и словом, о котором говорилось выше».

В книге угадываются тени Лохвицкой, Федора Сологуба, Блока, Иннокентия Анненского — время есть время, без его отпечатка хорошей поэтической книги и не бывает, наверное. И все же принципиальное отличие Ахматовой от предшественников — в поразительной энергии стиха, в его предельной сжатости, лаконичности, в мощи слова, освобожденного от избыточности. Все — о главном, ничего о второстепенном (кирпичи, которые везут за оградой, ворона, снежок на крокетной площадке или ужаленный осой палец — это все главное, все — сама жизнь, живая и непосредственная). Говорящая деталь вместо заунывных, дидактических объяснений — это не ахматовское изобретение: вспомнить чеховский «забор с гвоздями», и героя, от которого «пахло вареной говядиной», и «сетку для ловли перепелов», купленную мстителем вместо револьвера...

Но впервые деталь, так крупно и ясно прописанная, такая осязаемая и в то же время глубоко нагруженная смыслом, явилась в лири-

ке. «Анна Ахматова обладает способностью понимать и любить вещи именно в их непонятной связи с переживаемыми минутами, — писал в предисловии Михаил Кузмин. — Часто она точно и определенно упоминает какой-нибудь предмет (перчатку на столе, облако как беличья шкурка на небе, желтый свет свечей в спальне, треуголку в Царскосельском парке), казалось бы, не имеющий отношения ко всему стихотворению, брошенный и забытый, но именно от этого упоминания более ощутимый укол, более сладостный яд мы чувствуем. Не будь этой беличьей шкурки, и все стихотворение, может быть, не имело бы той хрупкой пронзительности, которую оно имеет». Это острое зрение Кузмину напоминает о членах древнего общества обреченных на смерть: перспектива близкой смерти придавала их ощущениям особую остроту.

Поразительно, но история придала словам Кузмина особый, пророческий смысл, которого он и не вкладывал вовсе в свои строки.

Звенела музыка в саду

Таким невыразимым горем.

Свежо и остро пахли морем

На блюде устрицы во льду.

Это из стихотворения «Вечером», написанного в 1913-м, в последний мирный год России. Кто мог подумать тогда, каким невыразимым горем зазвучат эти строки через несколько лет, когда Ахматова услышит их в очереди за ржавыми селедками, которыми провоняет и платье, и туфли на много дней вперед... Как иначе прочтается «слава тебе, безысходная боль», и не юным разочарованием окажется «и знать, что все потеряно, что жизнь — проклятый ад», а настоящим адом обернется... и «голод и ненастье», накарканные лирической героиней на невообразимое тогда завтра, придут в реальном завтра самым ощутимым голодом и многолетним ненастьем.

И все это Ахматова встретит спокойно и мужественно, как принимала сердечную боль и тоску лирическая героиня ее «Вечера», и не испугается в присутствии смерти, и тонкий девичий голос окрепнет — и не только всенародная несчастная любовь окажется этим голосом оплакана, а, кажется, сама Родина им заговорит — глубоким, торжественным голосом взрослой Ахматовой. ●

«Я — ИЗЫСКАННЫЙ СТИХ»

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Полагают, что прадед Бальмонта носил фамилию «Баламут». Как украинский Баламут превратился в звонкозвучного Бальмонта, никому не известно. Но эта экзотическая фамилия очень идет поэту, похожему на тропическое растение, неожиданно выросшее под холодным среднерусским небом.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

По происхождению Бальмонт был помещик из самой русской глубинки: из Шуйского уезда Владимирской губернии. На русского помещика он походил, правда, весьма мало: усы, слишком большие и остроконечные, чтобы быть консервативными, борода в донкихотском духе, поэтическая шляпа, ударение на «о» в фамилии — считается, что он сам его стал туда ставить, все родственники ударяли на «а»... До 10 лет Константин, третий из семерых сыновей в семье, жил в деревне, в родительском поместье. Отец был поглощен земскими делами и охотой, которую очень любил; мать, женщина деятельная и одаренная (как говорил ее сын — необузданная и страстная), любила литературу, знала несколько языков, устраивала любительские спектакли — она-то и воспитывала сына в любви к истории, литературе и языкам. Языки ему давались легко, читал он много и в особенности любил русских поэтов — Пушкина, Некрасова, Кольцова, Никитина; иностранные книги читал в оригинале. В 10 лет он уже писал стихи; свои первые стихотворные опыты показал матери, но она так жестоко раскритиковала их, что Константин «замолчал» на шесть лет.

Детство Бальмонта — классическое русское усадебное детство — прошло во владимирской деревне Гумнищи, где стоял небольшой и уютный родительский дом. «Моими лучши-

ми учителями в поэзии были — усадьба, сад, ручьи, болотные озерки, шелест листвы, бабочки, птицы и зори», — признавался он. И говорил, что любит деревню и видит в ней «малый Рай». При этом, кажется, трудно найти в современной ему литературе поэта, более городского по настроению и мироощущению; его будто разрывало пополам — тянуло и к городу с его соблазнами, и вон из него — в любимую деревню, за границу, к морю и солнцу. Удивительно, что он, уроженец неяркой, негромкой и печальной Центральной России, стал поэтом бурных страстей и певцом Солнца:

*Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.*

*Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.*

ХОЧУ БЫТЬ ДЕРЗКИМ

Чтобы дать детям образование, родители переехали из любимых Гумниц в фабричную Шую. Гимназию Константин не любил, сильно скучал, а к старшим классам попал в нелегальный народовольческий кружок — из искреннего желания изменить мир и чужую жизнь к лучшему. За участие в кружке его выгнали из седьмого класса, хлопотами матери Бальмонта устроили в гимназию во Владимире, где он уже жил один, на квартире у учителя. Эту гимназию он тоже не особенно любил и кое-как ее окончил полтора года спустя, иначе как о «тюрьме» о ней не отзывался. И с высшим образованием у него не сложилось: с юридического факультета Московского университета его отчислили за участие в студенческих волнениях, он пытался учиться в ярославском Демидовском лицее, но не окончил и его; изучение биографий русских поэтов показывает, что большинство из них плохо ладили с формальным образованием, но занимались постоянным самообразованием, много и систематически работая; таков был и Бальмонт.

Он рано женился — против воли матери, и с женьбой не заладилось. Красавица Лариса Гарелина оказалась такой же нервной особой, как и он сам, он жаловался на ее непонимание и равнодушие и к его стихам,

и к его революционным порывам. В стихотворении «Лесной пожар», по убеждению исследователей — автобиографическом, он говорит о ее пьянстве:

*Мне стыдно плоскости
печальных приключений,
Вселенной жажду я,
а мой вампирный гений
Был просто женщиной,
познавшей лишь одно,
Красивой женщиной,
привыкшей пить вино.*

Считается, что она и втянула Бальмонта в пьянство; пил он много и, по воспоминаниям современников, в пьяном виде, даже от небольшой дозы алкоголя, становился страшен и неприятен, в нем просыпалось что-то зверское, нехорошее.

Несчастливая семейная жизнь, неустроенность, тоска, неудача первого стихотворного сборника (он сжег весь тираж) — все это заставило молодого Бальмонта пытаться покончить с собой. В 1890 году он выбросился из окна третьего этажа. Остался жив, но после этого год пролежал в постели, многое пережил, о многом передумал, встал с одра с новыми силами — и начал медленное восхождение к славе.

«В долгий год, когда я, лёжа в постели, уже не чаял, что я когда-нибудь встану, я научился от предутреннего чириканья воробьев за окном и от лунных лучей, проходивших через окно в мою комнату, и от всех шагов, достигавших до моего слуха, великой сказке жизни, понял святую неприкосновенность жизни. И когда наконец я встал, душа моя стала вольной, как ветер в поле, никто уже более не был над нею властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом...» — вспоминал он.

Однако всю жизнь с тех пор хромал — и еще раз потом пытался покончить с собой, и опять выбросившись из окна; что-то в этой склонности к полету есть очень характерное именно для Бальмонта. Уж чего-чего, а приземленности в его характере не было ни на грамм. Может быть, потому современникам казался таким удачным его второй брак: переводчица Екатерина Андреева, происходившая из крепкой купеческой семьи, была женщина разумная, спокойная, рассудительная,

умевшая не давать Бальмонту совсем оторваться от почвы и улететь...

Со временем, впрочем, он ушел от Андреевой к Елене Цветковской, такой же сумасбродной, нервной и хаотичной, как он сам; жил на два дома. Потом от Цветковской его шатнуло к Дагмар Шаховской...

А в промежутке был долгий роман в стихах и письмах с поэтессой Миррой Лохвицкой, конец которому положила только ее преждевременная смерть...

Страстный и влюбчивый Бальмонт на рубеже веков изумил всю русскую читающую публику своими откровенными, не без вызова, признаниями:

*Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.*

*Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!*

Вторая половина XIX века пригнула русскую поэзию к земле, обременив страданиями о народной доле и предсмертной надсоловской меланхолией. Бальмонт со своей пьянящей весной и невыносимым предложением «Будем как Солнце» ошеломил, обрадовал и покори́л и читающую публику, и коллег-поэтов.

ПОПОКАТЕПЕТЬ И ВЛАДИМИРЩИНА

В стихах своих он был «многоязычен и многолюбив», как сам о себе сказал, — в них целый калейдоскоп чужих стран и экзотических образов.

На Попокатепетле

Огням свершился срок.

Лишь след огнистой лавы

Еще хранит светло

Взнесенной Оризавы

Могучее жерло.

Правда, находим мы у него и удивительной точности строки о русской природе:

Есть в русской природе усталая нежность,

Безмолвная боль затаенной печали,

Безвыходность горя, безгласность,

Безбрежность,

Холодная высь, уходящие дали.

<...>

Как будто душа о желанном просила,

И сделали ей незаслуженно-больно.

И сердце простило, но сердце застыло,

И плачет, и плачет, и плачет невольно.

Можно даже не сравнивать всю эту декоративную пышность Попокатепетлей и Оризав с холодной высью и уходящими даями; понятно все без слов. При всей своей космополитичности Бальмонт имел все основания заявлять о себе в стихах «я — русский».

МИНУЯ ЗЕМНЫЕ ПУТИ

Правда, заявлял он о себе не только это. «Я ведь только обласко, полное огня», — предупредил он в одном стихотворении. И в другом: «Я — внезапный излом, // Я — играющий гром, // Я — прозрачный ручей, // Я — для всех и ничей». И в третьем:

Пойми, о нежная мечта:

Я жизнь, я солнце, красота,

Я время сказкой зачарую,

Я в страсти звезды создаю,

Я весь — весна, когда пою,

Я — светлый бог, когда целую!

И в четвертом: «Как воздушно в нежном сердце у меня!»

Бальмонт был искренне, от всей души, счастливо влюблен в себя и свой поэтический дар; современники вспоминали о его постоянной поэтической позе, о неврастеническом надрыве и бесконечной любви к себе самому. «Изнемогал от самовлюбленности, был упоен собой», — желчно припечатал его Бунин.

С другой стороны, он и был неврастеником; неврастения его к старости перешла в душевную болезнь, душевно болен был его брат и его сын; это не сознательно избранная поэтическая поза, а врожденная беда. И в счастье его самоупоения было много хорошего: в первую очередь ощущение внутреннего солнца, которое заставляло его желать осчастливить всех. Марина Цветаева, которой Бальмонт много помогал в голодные 20-е, говорила о его способности отдать последнее полено, а переводчик Марк Талов вспоминал, как небогатый Бальмонт тайком совал ему, совсем безденежному, деньги в карманы пальто.

К.Д. Бальмонт.
1900-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Бальмонт называл себя «поэт», в третьем лице — «Хотите, поэт придет к вам по воздуху, минуя земные пути?» — и последняя жена его, такая же сумбурная, экзальтированная и взбалмошная, тоже звала его «поэт». И Цветаева говорила — Бальмонт был весь Поэт, воплощенный поэт.

Отсюда, может, и его странная самовлюбленность, что он не разделял себя и поэзию, что любил в себе ее стихию, чувствовал ее мощь:

*Я — изысканность русской медлительной
речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.
Я — внезапный излом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всех и ничей.
Переплеск многопенный,
разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переключки лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.
Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я — изысканный стих.*

Он и был — стих; как писал о нем Борис Зайцев — «великолепный шантеклер, приветствующий день, свет, жизнь...», как говорил Блок: «Когда слушаешь Бальмонта — всегда слушаешь весну».

НА БАЛЬМОНТСКОМ

Он, такой отвлеченный, такой вакхический, такой неземной — облачко, полное огня, — был серьезным и стабильным работником. После неуспеха своего первого сборника и расставания с первой женой — а этот брак рассорил его с родителями и лишил их финансовой поддержки — он едва только не голодал, сильно нуждался. Профессор Московского университета Стороженко подбросил ему работу над большими переводами, так у Бальмонта появилась работа, которая его долго кормила. Он много переводил, преподавал, занимался постоянным самообразованием. И писал, что надо уметь сидеть

над книгами и словарями, даже если на улице прекрасный весенний день и хочется целоваться.

Много ездил по всему миру, учился, привозил из своих поездок интересный этнографический и историко-культурный материал: например, издал целую книгу о Египте по материалам своей египетской поездки... Переводил Шелли, Уитмена, французских и немецких поэтов, Эдгара По... Правда, многие критики считали, что он

слишком бальмонтизирует поэтов, перелицовывает их, переписывает со своей фирменной струнной звучностью; суровый «напостовец» Левелвич в советском биографическом словаре прямо-таки припечатал: большинство переводов испорчены «крайним субъективизмом Бальмонта и чрезмерно вольным обращением с оригиналом». Немногим лучше отзывался о бальмонтовских переводах Шелли и Уитмена Корней Чуковский, утверждавший, что у переводчика «каждая шейка фатально делается лилейной» и вообще все превращается в сплошную «сень струй». И в самом деле — музыка стиха имела над Бальмонтом слишком большую власть. Он слишком сильно упивался ею, слишком поддавался соблазну сладкозвучия — но ведь и открыл при этом целое направление поэтических экспериментов, путь, по которому потом прошел до конца Северянин. Бальмонт обнаружил способ сделать из русского языка — привычного уже языка русской классики, пригодного для критического реализма и народнической поэзии, — язык необыкновенный, не вполне русский, бальмонтский (современники говорили, кстати, что он даже читал свои стихи с небольшим акцентом, непонятно каким). Он исследовал музыкальные возможности русского стиха — и иногда музыка захватывала его и уносила:

*Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тающих свечей, —
Грустные, безбольные
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей...*

Это ведь музыка, иногда чистая музыка, даже теория музыки, исследование звуковых возможностей в ущерб красоте и смыслу:

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.

Величавый возглас волн.

Близко буря. В берег бьется

Чуждый чарам черный челн.

«...Я показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые», — позже писал он сам о сво-

К.Д. Бальмонт
с третьей женой,
Е.К. Цветковской.
Конец 1930-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

их первых опубликованных стихах. Читатели музыку услышали и Бальмонта оценили: в первые годы XX века он стал одним из самых читаемых и любимых русских авторов — из тех, чьи стихи переписывают себе в тетрадки и читают дорогим людям в минуту внезапного душевного откровения.

Впрочем, далеко не все его стихи — музыкальное счастье бытия; как в жизни был «хороший Бальмонт» и «плохой Бальмонт» — о его дурных минутах вспоминали все его знавшие; так и в поэзии его была обратная сторона солнечного Бальмонта: заигрывание с дьяволом хорошей поэзии не родит. И в жизни солнечность обращалась солнцепоклонничеством, готовность любить — банальным развратом, душевная смута — алкоголизмом, повышенная впечатлительность и чувствительность — истериками. После взлета славы Бальмонт прожил

еще несколько десятилетий, но так и остался поэтом Серебряного века — поэтом мимолетностей, импрессионистом, ловящим смутные образы и впечатления, музыкантом слова. А дальше были самоповторы, быстро прискучившие читателю.

Я ХОЧУ РОССИИ

Всегда революционно настроенный, в 1901 году Бальмонт принимал участие в массовой политической демонстрации, а после ее разгона написал стихи «Маленький султан». Там рассказывалось, конечно же, про Турцию, «где совесть — вещь пустая, там царствует кулак, нагайка, ятаган, два-три нуля, четыре негодяя и глупый маленький султан»... Но все, кому надо, поняли, о чем это, так что автора на три года выслали из столицы, а он уехал в Европу.

Во время революции 1905–1907 годов он написал довольно много революционных стихов, которые никак нельзя отнести к достижениям его творческого гения; стихи откровенно плохие — может, потому, что автор занялся не своим делом. Среди них были два стихотворения, опять-таки, о Николае II — со знаменитыми и часто вспоминаемыми (как выяснилось — пророческими) строками:

*Кто начал царствовать — Ходышкой,
Тот кончит — встав на эшафот.*

Жена его, Екатерина Андреева-Бальмонт, вспоминала, что он все дни проводил на улице, строил баррикады, произносил речи, влезая на тумбы. Он считал, что его будут преследовать за его революционную деятельность (считал не без оснований: за ним был установлен негласный полицейский надзор), и уехал за границу на семь лет. И тосковал, тосковал по родине. Египет, Южная Африка, Австралия, Океания, Полинезия...

В 1913-м он вернулся, поскольку к 300-летию дома Романовых была объявлена амнистия политическим эмигрантам. Его встречали на вокзале толпы поклонников; говорить речь ему не разрешили, и он стал кидать в толпу ландыши. На родине, по которой Бальмонт так тосковал, он не задержался: жажда приключений и впечатлений гнала его дальше — он снова в разъездах; Первая мировая застала его в Париже, он рванул в Россию, ехать пришлось через Англию и Скандинавию. Но на месте ему не сиделось, и уже в России он покатил через всю страну с выступлениями, оказался на Дальнем Востоке, оттуда перебрался в Японию...

Февральскую революцию он радостно приветствовал, но Октябрьской не принял. Бедствовал, не желая печататься у большевиков; да если и желал бы — бумаги не было, книгоиздание остановилось... В Петрограде выжить было трудно, и в 1920 году Бальмонт

перебрался в Москву — с третьей женой, Цветковской, и их общей дочерью Миррой. В Москве написал несколько дурных лояльных советской власти стихотворений и стал хлопотать о выезде за границу: он бедствовал, голодал, жена и дочь болели — это была просто попытка спастись. Выезд ему был разрешен, предполагалось, что поездка займет год, но она продолжалась до конца жизни. За границей он сразу заявил о своей антисоветской позиции, о том, что большевики губят страну... Большевики его обвиняли во лжи; ему часто ставили в вину то, что он, выбравшись из страны фактически обманом, закрыл для многих возможность выехать на лечение — вот хоть тому же Блоку...

За границей, в Париже, он много печатался, ездил с лекциями по Европе, много переводил. И не раз раскаивался, что уехал. Писал бывшей жене: «Я хочу России... пусто, пусто. Духа нет в Европе». И еще: «Мой траур не на месяцы означен, он будет длиться много странных лет». Денег работа приносила мало, Бальмонт очень нуждался. А с начала 1930-х годов начал сходить с ума. Периодически жил в пансионе-общезитии «Русский дом», организованном матерью Марией — Елизаветой Кузьминой-Караваевой, в нем и умер от воспаления легких в 1942 году. Хоронили его в сильный дождь, могила была полна воды, и гроб всплывал; его держали шестом, засыпая могилу.

Впрочем, заканчивать жизнеописание поэта могилой — довольно глупо: жизнь поэта после смерти только начинается. Так что — о прекрасном:

Жизнь проходит, — вечен сон.

Хорошо мне, — я влюблен.

Жизнь проходит, — сказка — нет.

Хорошо мне, — я поэт.

Душен мир, — в душе свежо.

Хорошо мне, хорошо. ♣

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

«ВРЕМЯ! Я ТЕБЯ МИНУЮ»

ЛАДА КЛОКОВА

Русая девочка 13 лет спросила опытного революционера: «Можно ли быть поэтом и состоять в партии?» «Нет», — сказал тот. Честь и хвала этому человеку: ответь он иначе, русская литература, возможно, лишилась бы одного из своих великих поэтов... Через пять лет девочка выпустила сборник стихов: зеленую обложку украшали слова «Вечерний альбом» и имя автора — Марина Цветаева.

Книга имела большой успех. Гумилев писал, что автором «инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии». Волошин и Брюсов отмечали необычную интимность стихов и отсутствие каких-либо влияний. В последнем, впрочем, Цветаеву никто не мог упрекнуть. «Ни к какому поэтическому и политическому направлению не принадлежала и не при-

надлежу», — заявила Марина Ивановна в 1926 году в «Ответе на анкету». Волошин как-то даже поспорил с поэтессой Аделаидой Герцык, что отыщет в стихах Цветаевой чье-нибудь литературное влияние. Спор он бесславно проиграл. Зато стал утверждать, что в Цветаевой живет не менее десяти поэтов, и уговаривал ее печататься под псевдонимами, будто одной истории с Черубиной де Габриак ему было мало. «Но Максимо мифотворчество роковым образом преткнулось о скалу моей немецкой протестантской честности, губительной гордыни все, что пишу, — подписывать», — отметила Марина Ивановна в «Живое о живом».

«Я ГОД ПРИМЕРЯЮ СМЕРТЬ»

...Она просыпается затемно, когда все спят. Пробирается к кухонному столу (иного — нет), нащупывает тетрадь. Главное — не уронить что-нибудь с грохотом: несмотря на сильную близорукость, она не носит очки.

За окном сонно ворочается парижский пригород Медон. Карандаш шуршит по бумаге, слова сокращаются — рука не успевает фиксировать мысли. Руки у нее большие и натруженные. Как у крестьянки, никакой изысканности, отличающей поэтесс, говорят недоброжелатели. Ей нет дела до этого шипения за спиной, она живет в согласии с выбранным еще в юности девизом — *Ne daigne* (фр. «Не снисхожу»). А слово «поэтесса» она не признает. Она — Поэт.

Она пишет, выгадывая у времени лишнюю минуту: скоро начнется новый безрадостный день. Нужно думать о том, где взять денег, чем кормить семью, напечатать ли эмигрантские журналы ее рукописи: она считает каждую копейку скудных гонораров. Ее ждут стирка, готовка, размышле-

ния о том, что продать из вещей. Да и кто их купит? «Все мои вещи, когда я их покупала, мне слишком нравились, — поэтому их никто не покупает», — написала она еще в 1919 году в голодной Москве. Тогда она стала продавать книги из семейной библиотеки. Но сейчас... Кочевой быт и нужда поглотили почти все ценное. Остались, правда, серебряные кольца и браслеты, которыми унижены ее руки. Но с ними она не расстанется до смерти...

Есть одна странность: предполагая, домысливая, как она умрет, Марина Ивановна часто вела разговор о петле. Вот и в сентябре 1940 года написала: «Никто не видит — не знает, — что я год уже ишу глазами крюк... Я год примеряю смерть». До черного дня — 31 августа 1941-го, до петли в захолустной Елабуге оставался один год...

НАЧАЛО

Сверните с шумной Тверской в Мамоновский переулок, пройдите его до конца и остановитесь. Вот он — застенчивый Трехпрудный. Видите затейливое здание с башенками? Это — бывшая скоропечатня товарищества «Левенсон А.А.». Та самая, куда Марина отнесла свой первый сборник. Напротив по диагонали стоял деревянный особняк (в революцию его растащили на дрова). Именно здесь в 1892 году, 26 сентября по старому стилю, родилась Марина Цветаева.

«Главенствующее влияние — матери (музыка, природа, стихи, Германия). Страсть к герою. Один против всех. Более скрытое, но не менее сильное влияние отца. (Страсть к труду, отсутствие карьеризма, простота, отрешенность.) Слитое влияние отца и матери — спартанство. Два лейтмотива в одном доме — музыка и музей. Воздух дома не буржуазный, не интеллигентский — рыцарский», — писала Цветаева. Кажется, трудно представить более неподходящих друг другу людей, чем ее родители. Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета, директор Румянцевского музея, четырнадцать последних лет своей жизни посвятил созданию Музея изящных искусств (ныне — Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). Сын бедного сельского священника всего в жизни добился сам. В 33 года он без памяти влюбился в красавицу Вареньку — дочь известного историка Дмитрия

Иловойского. Они прожили десять лет в браке, Варвара Дмитриевна умерла после родов, оставив мужу семилетнюю Валерию и сына Андрея. Спустя год Цветаев женился на Марии Мейн. Мария Александровна красотой не блистала, зато была одаренной личностью: прекрасно играла на рояле, пела, рисовала, знала несколько языков. Но она не смогла заменить мужу Вареньку, большой портрет которой Цветаев повесил в спальне. В дневнике своем вторая жена записала: «Мы венчались у гроба».

Мария Александровна родила Марину и Анастасию, а мечтала о сыне, хотела назвать его в честь своего отца. Александр Данилович Мейн — остзейский немец, отслужив в Кексгольмском гренадерском полку, стал чиновником при московском генерал-губернаторе. Мать Марии Александровны, происходившая из польского рода Бернацких, умерла после родов. Для воспитания Маши отец выписал из швейцарского Невшателера бонну — Сусанну Эмлер, с которой обвенчался, когда дочери было 20 лет. Цветаевы ее называли «Тю» — тетья и очень любили.

А будущего поэта в семье звали Мусей, Марусей. В четыре года мать усадила ее за фортепиано. Тогда же Муся научилась читать и начала сочинять стихи.

Мусе и Асе внушали, что просить — недостойно, что деньги — грязь, одевали подчеркнуто строго, за шалости наказывали. Зато мать много читала им вслух, играла на рояле, рассказывала о несчастном Лире, о мудром Сократе и «лунном короле» Людвига Баварском. Твердила, что талант — не заслуга человека, а дар Божий. «Это меня охраняло и от самоомнения, и от само-сомнения, от всякого, в искусстве, самолюбия...» — вспоминала Марина Ивановна.

Ежедневные прогулки на Патриаршие пруды и к памятнику Пушкину на Тверской, гувернантка-немка Августа Ивановна, напевавшая «Ach, du lieber Augustin...», золоченые иконостасы домового университетской церкви Св. Татианы, церковный хор... Муся обожает Рождество и Пасху, но самый дорогой ей праздник — Благовещение, когда на волю выпускают птиц. Марина, судя

Марина
Цветаева
и Сергей
Эфрон перед
свадьбой. 1911
год

по мемуарам Анастасии и Валерии, была непростым ребенком: упряма, застенчива, горда, обладает большой силой воли, резка и замкнута. Любимое ее занятие — чтение. Кумир — Пушкин. Она десятки раз переписывает его «К морю» — это стихотворение и лермонтовское «Свиданье» останутся любимыми на всю жизнь. Позже она влюбится в Ростана, Гейне, Гёте, Гёльдерлина, Гофмана, Шамиссо.

Первую тетрадь своих стихов Марина Цветаева завершила в 7 лет! В «Истории одного посвящения» она вспоминает, что стихи были подражательные, а тетрадь заканчивалась словами: «Плохие стихи — ведь это корь. Лучше отболеть ею в младенчестве». Мать не воспринимает ее стихи всерьез, мечтая о том, что дочь будет известной пианисткой.

На лето семья переезжает в Тарусу. Здесь — дача, запущенный сад, огород, в котором возится отец, ветви жасмина в раскрытом окне, варенье из крыжовника, букетики иммортели, посиделки на берегу Оки до ночи, когда над рекой медленно плывет

белый шар Луны... Здесь же живут любимая Тьо, закармливающая сестер конфетами, и родственники отца Добротворские.

...В 1902 году пришла беда: у Марии Александровны открылась чахотка. И хотя она продолжает вести деловую переписку мужа и бодрится, на щеках ее предательски цветет нездоровый румянец. Доктора советуют сменить климат. Три года мать и дочери не были

в России: Мария Александровна лечилась в Италии, Швейцарии, Германии. В Нерви под Генуей в «Русском пансионе» 10-летняя Муся жадно прислушивается к разговорам соседей — революционеров-эмигрантов: эти странные люди говорят, что Бога нет, ругают царя! В 1905 году Цветаевы едут в Ялту, здесь в пансионе их соседи — эсеры, и Маруся снова тянется к разговорам о «политической ситуации». Мария Александровна переживает, боится, что дочь выберет «не ту дорогу». Состояние ее между тем ухудшается, она возвращается в Тарусу, где умирает в июле 1906 года. Ее опасения по поводу дороги, которую выберет дочь, были напрасны: к 16 годам Марина потеряла интерес к политике.

После смерти матери Марина еще больше замкнулась в себе. Занятия музыкой забросила, за четыре года сменила три гимназии. Она прячется на чердаке, а когда отец уходит на службу, запирается в своей комнате и читает запоем. Ее страсть — эпоха Наполеона, ее жизнь — французские и германские поэты. Летом 1909 года одна едет в Париж, где слушает курс французской литературы в Сорбонне. Но в Париже, как и в Москве, она чувствует себя одинокой, ее мучает тоска. Позже Цветаева сформулирует причины тоски и одиночества, терзавших ее всю жизнь: поэт всегда противостоит миру. Поэт — невольник своего дара и пленник своего времени. Его задача — увидеть самому и дать увидеть всем остальным. И как эта способность «увидеть» и этот талант «дать увидеть» — мучительны!

Вернувшись в Москву, она втайне готовит первую книгу: «Вечерний альбом» выходит осенью 1910 года. Да, сборник был оценен маститыми поэтами, у Цветаевой завязыва-

ется дружеская переписка с Волошиным, возникает взаимная неприязнь с Брюсовым, но не они ввели ее в литературные круги. Ее «Вергилием» стал один из создателей знаменитого издательства «Мусагет» — Лев Эллис. Он просил руки 17-летней Марины и получил отказ. Она была влюблена в другого — 26-летнего Владимира Нилендера, бредившего орфическими гимнами переводчика античной литературы. Но отношения не сложились. Теперь она начала курить, пьет рябиновую настойку, дурачится: дала в брачную газету объявление со своим адресом о том, что требуется жених. «Ее нельзя назвать злой, нельзя назвать доброй, — вспоминала Валерия Цветаева. — В ней стихийные порывы. Уменьше ни с чем не считаться. Упорство. Она очень способна, умна».

Одиночество закончилось в мае 1911 года, когда Марина в Коктебеле, куда она приехала по приглашению Волошина и Пра (так «волошинцы» звали мать поэта — Елену Оттобальдовну. — *Прим. авт.*), встретила Сергея Эфрона. Все коктебельцы с упоением откапывали на пляже затейливые камешки. Цветаева заявила, что выйдет замуж за того, кто угадает ее любимый камень. «...С. Я. Эфрон... чуть ли не в первый день знакомства отрыл и вручил мне — величайшая редкость! — генуэзскую сердоликовую бусу, которая и по сей день со мной», — писала в 1931 году Цветаева. Они повенчались в Москве в январе 1912 года. Марина и Сергей молоды, счастливы, обеспечены. Они создали издательство «Оле-Лукойе», которое выпустило сборники стихов Цветаевой «Волшебный фонарь» и «Из двух книг», книги Эфрона «Детство» и Волошина — «О Репине». На этом издательство заглохло. А Марина, вернувшись из свадебного путешествия по Европе, объездила пол-Москвы в поисках «своего» дома и нашла то, что искала, в Борисоглебском переулке. В сентябре 1912 года она родила дочь — Ариадну.

ЛУЧШЕ БЫТЬ, ЧЕМ ИМЕТЬ

В «Герое труда» Цветаева пишет, что с 1912 по 1920 год она жила «вне литературной жизни». Это выглядит странно. Да, после «Из двух книг» в эти годы не вышло ни одного ее сборника. Но именно в это время созданы стихи о Москве, прекрасный цикл к Ахматовой, невыносимо светлые стихи к Блоку, стихи о войне, революции... Именно тогда она пишет пьесы «Червонный валет», «Метель», «Фортуна», «Каменный ангел»...

Может, она подразумевала, что не встречается с поэтами, не печатается? Вряд ли: она популярна, на поэтических вечерах ей аплодируют, в 1916 году она публикуется в каждом номере «Северных записок». А может, то, что происходило в это время в ее жизни и в жизни вокруг, заслоняло для нее понятие «литературная жизнь»? Ведь именно тогда грянули Первая мировая война и революции в России. Цветаева отка-

зывалась мириться с ними. Германия — ее любовь с детства, а война для нее — понятие апокалипсическое. Февральская революция ее потрясла: «Пал без славы Орел двуглавый. // Царь! — Вы были неправы». Октябрьскую она восприняла как непоправимую беду.

В ее жизни катастроф тоже хватало. После рождения дочери она расцвела, стала носить старомодные платья в пол, украшения из аметистов и янтаря. У нее начинается роман... Даже не роман, а какое-то самоистязание. Причина его — поэтесса Софья Парнок, та самая «Русская Сафо». Эфрон самоустранился: поездки на фронт с санитарным поездом пришлось как нельзя кстати. Цветаевой же, как выразилась Пра, пришлось «перегореть». К концу 1915-го Цветаева будто очнулась от наваждения. Позже в своем «Письме к Амазонке» она расставит точки над «и», отказав подобным отношениям в праве на существование...

В 1916-м начинается новый роман, завершившийся летом того же года. На сей раз — с Осипом Мандельштамом, который, судя по стихам, посвященным Цветаевой, влюбился не на шутку. Он даже пытался найти себе работу в Москве. Эфрона в этот момент призвали в армию, он снова ничего не замечал. Или делал вид? В то время он еще едва ли не молился на Марину...

В апреле 1917-го у Эфрона и Цветаевой родилась вторая дочь — Ирина. Сергей Яковлевич перевелся в Москву, в 56-й запасной полк. Он не отличался крепким здоровьем, Цветаева, опасаясь туберкулеза, хлопотала о переезде на юг. В октябре 17-го она приезжает к Волошину в Крым, а на обратном пути узнает о боях в Москве. Цветаева — в ужасе, под стук колес и площадную брань попутчиков записывает в тетради клятву мужу:

«...Если Бог сделает это чудо — оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака...» 21 год спустя, когда Цветаева, вопреки своей воле, отправилась за мужем и дочерью в СССР, она приписала к этим словам: «Вот и поеду — как собака...»

...Эфрон собирался в Ростов — там формировалась Добровольческая армия. В последний раз они виделись в январе 1918-го. В следующие четыре года Марина Ивановна не будет иметь о муже никаких известий, ее ждут тяжелые испытания. Голод, холод, нищета, болезни дочерей (в 1920 году в Кунцевском приюте, куда Цветаева на время отдала детей, поскольку кормить их было нечем, умерла Ирина). Дом в Борисоглебском стал общежитием. Цветаева рубит на дрова шкафы и стулья («утюгом колочу по топору»), рояль обменивает на пуд черной муки, варит кашу на воде и пустые похлебки в самоваре... Она экономит

**Марина
Цветаева
с сыном
Георгием
Георгием
(Муром).
Фавьер,
Франция. 1935
год**

бумагу, записывает строфы на обоях. Как-то дома она застала незнакомого человека. Приняв грабителя за начинающего поэта, пришедшего познакомиться, она предложила ему морковного чаю, а он, ужаснувшись ее нищете, выгреб из своих карманов все деньги... Она пробовала работать, но бессмысленная служба в Наркомнаце оказалась выше ее сил. Учреждение располагалось на Поварской, в бывшей усадьбе графа Соллогуба — «прототипе» дома Ростовых в «Войне и мире». Через пять месяцев уволилась. А затем... Ее пригласили выступить в Наркомнаце на вечер, на котором присутствовал Луначарский. «Так четко я никогда не читала... Монолог дворянина — в лицо комиссару — вот это жизнь!» — вспоминала Цветаева в «Моих службах». Глядя на Луначарского, она отчеканила монолог графа Лозена из «Фортуны»: «...Так нам и надо за тройную ложь // Свободы, равенства и братства!»

В те годы она придумала себе еще один девиз: *Mieux vaut être qu'avoir* (фр. «Лучше быть, чем иметь»).

...Когда читаешь воспоминания об этом времени, поражаешься не тому, как Цветаева смогла выжить и не сойти с ума, а тому, как она могла писать! «Осенью 1921 года мы шли с Цветаевой вниз по Тверскому бульвару, — вспоминает в «Бывшем и несбывшемся» Федор Степун. — Мужественно шагая по песку *босыми ногами*, она просто и точно рассказывала об ужасе своей нищей, неустроенной жизни... Мне было страшно слушать ее, но ей не было страшно рассказывать: она верила, что в Москве царствует не только Ленин в Кремле, но и Пушкин у Страстного монастыря». С Пушкиным — ей ничего не было страшно. Еще — рядом были те, кто делился последним. Константин Бальмонт, которого она звала «братик», Павел Антокольский, актриса Софья Голлидэй — ей Цветаева посвятит «Повесть о Сонечке», князь Сергей Волконский — ему она напишет цикл «Ученик», друзья из любимого «Обормотника»...

О, не раз, наверное, в тяжелые минуты Марина Ивановна вспоминала «Обормотник»! На 7-м этаже дома на Малой Молчановке, подъезд которого до сих пор украшают свирепые львы, поселились сестры Эфрона — Вера и Лиля, а также Пра. Здесь, где смеялись, пели, танцевали, Марина и Сергей были завсегда. Двумя этажами ниже жил Алексей Толстой, которого «волошинцы» звали важно — «Алехан», а он их нежно —

«обормотами». Так и получился — «Обормотник»...

В июле 1921 года Цветаева узнает, что муж жив: Эфрон эвакуировался в Галлиполи, оказался в Константинополе, намерен перебраться в Чехию. Марина Ивановна не ходит — летает как на крыльях, хлопчет о разрешении на выезд. И вдруг... 7 августа приходит весть о смерти Александра Блока: нет больше «рыцаря без укоризны», которого она боготворила. Проходит чуть более двух недель и — новый удар! Расстрелян Николай Гумилев, ползут слухи о самоубийстве Ахматовой. В надежде узнать что-нибудь Цветаева не выходит из «Кафе Поэтов», умоляет его хозяев оплатить ей командировку в Питер: «Господа! Я вам десять вечеров подряд буду читать бесплатно — у меня всегда полный зал!» (в те времена в «Кафе Поэтов», располагавшемся в Настасьинском переулке — напротив дома Сытина на Тверской, — собиралась вся литературная Москва. — *Прим. авт.*). Узнав, что Ахматова жива, Цветаева пишет ей восторженное письмо...

Самой большой радостью того года стали «Версты» — сборник из 35 стихов, изданный перед ее отъездом. «Передайте Марине, что ее книга «Версты», которую она оставила нам, уезжая, — лучшее, что осталось от России», — писала Аделаида Герцык своему знакомому в эмиграции.

ЧУЖБИНА

В мае 1922 года Цветаева с дочерью уже в Берлине. В июне они перебираются в Прагу, встречаются с Эфроном. До 1925 года семья живет в деревнях на пособие от чешского правительства и гонорары Цветаевой. Сотрудничество с эмигрантскими изданиями идет трудно: Цветаева резко реагирует на редактуру своих текстов, многие ее стихи не нравятся издателям, то обвиняющим ее в симпатиях к большевикам, то упрекающим в излишней романтизации «белой идеи». Но у нее есть верный почитатель — Марк Слоним, литературный редактор правозэсеровской «Воли России», где ее печатают постоянно. Еще у нее есть «добрый ангел» — Анна Тескова, чешская учительница и переводчица, с которой Цветаева переписыва-

дактуру своих текстов, многие ее стихи не нравятся издателям, то обвиняющим ее в симпатиях к большевикам, то упрекающим в излишней романтизации «белой идеи». Но у нее есть верный почитатель — Марк Слоним, литературный редактор правозэсеровской «Воли России», где ее печатают постоянно. Еще у нее есть «добрый ангел» — Анна Тескова, чешская учительница и переводчица, с которой Цветаева переписыва-

После бегства Эфрона от Цветаевой отвернулись все, кроме ее верных «добрых ангелов». Ее не печатали, с ней не общались, жить было решительно не на что. Она понимала, что выбора — нет: придется ехать к мужу. Она понимала, что писать она там не сможет, а ведь всегда говорила: «если я не смогу писать — умру». Перед самым отъездом из Парижа, узнав об оккупации Германией Чешского государства, она написала «Стихи к Чехии». Там есть строки, от которых — мороз по коже:

*О, черная гора,
затмившая весь свет!..*

*Пора-пора-пора
Творцу вернуть билет.*

*Отказываюсь — быть
В Бедламе нелюдей.*

*Отказываюсь — жить
С волками площадей.*

*...Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.*

*На твой безумный мир
Ответ один — отказ.*

Так она чувствовала себя, возвращаясь на родину. Впрочем, ее родины больше не было. Как не было у ее любимой Москвы, которую она воспела, как никто другой. Красной России, куда вернулась Цветаева, она была не нужна. Белой России, жившей в парижских пригородах, она не нужна была тоже. Она все понимала: «Тоска по родине! Давно // Разоблаченная морока! // Мне совершенно все равно — // Где — совершенно одинокой // Быть...» Что Россия, что Франция — все чужбина...

В Москве большинство прежних знакомых не рвались с ней общаться. Кто-то боялся, а кто-то, возможно, стыдился: немало коллег по цеху поливали ее грязью в передовицах, пока она была в эмиграции. Последние сочувствующие отшатнулись в 1939 году, после того как НКВД арестовало ее дочь и мужа. Она практически не пишет стихов: в 1940 году их появилось лишь девять, в 1941-м — два. «Если я не смогу писать — умру»...

Ее жизнь превращается из кошмара — в ад кромешный.

лась с 1922 по 1939 год. Она помогала, чем могла, — деньгами, одеждой. Письма Цветаевой к ней опубликованы в 2009 году отдельной книгой, читать эту жуткую летопись жизни задыхающегося от нищеты человека — сплошная мука...

Что ее поддерживало? Скорее всего, общение и переписка с такими же, как она, — «не от мира сего»: Андреем Белым, Борисом Пастернаком, Райнером Рильке...

В 1925 году у Цветаевой родился долгожданный сын — Георгий, которого она зовет Мур. Тогда же семья перебирается во Францию, скитается по беднейшим пригородам Парижа, борется за выживание. Ариадна помогает матери по дому, Эфрон чаще сидит без работы. Гонораров становится все меньше. У Марины Ивановны развивается малокровие. Бывает, семья живет на 5 франков в день, которые зарабатывала Аля вязанием шапочек. Спасали все те же «добрые ангелы»: Тескова, Анна Андреева (вдова Леонида Андреева), литературовед Святополк-Мирский, писательница Колбасина-Чернова, семья журналиста Лебедева...

К концу 20-х годов Сергей Эфрон примыкает к левой части евразийского движения, лидеры которого пытались наладить контакты с «оппозицией» в СССР (мистификация, блестяще разыгранная ГПУ, вошла в историю под названием «Операция «Трест». — *Прим. авт.*). Эфрон стал лояльнее к СССР, увлек своими идеями Алю и Мура. Марина Ивановна больше не находит общего языка с мужем и дочерью. Эфрон устраивается в «Союз возвращения на родину», с 1931 года он — агент ОГПУ. Цветаева ничего не знает. Скандал с убийством разведчика-невозвращенца Игнатия Рейсса в Швейцарии осенью 1937 года, в котором был замешан Эфрон, оказался для нее катастрофой. В октябре Эфрон бежал, а вскоре обнаружился в Ленинграде (Аля уехала в СССР еще в марте 1937-го. — *Прим. авт.*). Цветаеву вызвали на допрос в полицию. Она была раздавлена: невпопад отвечала на вопросы, читала свои французские переводы стихов Пушкина... Следователи опустили «эту полоумную русскую». Вскоре после этого Марк Слоним встретился с Цветаевой и был поражен тем, как она постарела. «Я обнял ее, и она вдруг заплакала, тихо и молча, я в первый раз видел ее плачущей, — вспоминал Слоним. — ...Меня потрясли и ее слезы, и отсутствие жалоб на судьбу... Я помню, как просто и обыденно прозвучали ее слова. «Я хотела бы умереть, но приходится жить ради Мура, Але и Сергею Яковлевичу я больше не нужна».

Одна из последних фотографий
М.И. Цветаевой. 1939 год

«...ЭТО УЖЕ НЕ Я»

...18 августа 1941 года Марина Ивановна с Муром в группе эвакуированных приехали в Елабугу. 21 августа остановились в доме Бродельщиковых. 24 августа Цветаева едет в Чистополь, надеясь получить работу. 26 августа пишет заявление в Совет Литфонда: «Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда». Работы нет. 28 августа возвращается в Елабугу. 31 августа...

Биограф Цветаевой, Виктория Швейцер, расспрашивала Бродельщиковых об их квартирантке. «Она показала им старой и некрасивой, — пишет Швейцер в книге «Быт и бытие Марины Цветаевой». —...Одета была неважно... Дома все время носила большой фартук с карманом — «так в нем и померла», — говорит Анастасия Ивановна (Бродельщикова. — *Прим. авт.*) ... Все в тот день погнали аэродром чистить. Вместо Цветаевой

сын пошел. Первой домой вернулась хозяйка. В сенях наткнулась на стул и удивилась: зачем тут стул? А подняв глаза, увидела повесившуюся квартирантку».

Цветаева оставила три предсмертных письма. Первое — сыну: «...Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я... Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что *попала в тупик*». Второе — милиции, в котором просит отвезти сына к поэту Асееву. Последние слова в нем: «Не похороните живой! Хорошенько проверьте». Третье — Асееву с просьбой позаботиться о Муре...

Ее похоронили 2 сентября 1941 года на Елабужском кладбище. На похоронах, по словам Бродельщиковых, никого не было. Точное место захоронения — неизвестно...

ВНЕ ВРЕМЕНИ

«Человек! Душа! Вдохновение!» Так Цветаева описала себя в 1919 году. Она только так и могла жить. Не интересовалась политикой, не участвовала в «общественной жизни», была беспомощной в быту. Свое творчество называла «заговором против века, веса, счета, времени, дробей». Стояла на том, что вся жизнь человеческая движется воображением: «...тот, кто вообразил полет человека, был предтечей авиации...» Она считала себя «защитником потерянных дел», настаивала, что поэт всегда должен быть с побежденными: «преследуемый всегда прав, как и убиваемый!» Утверждала, что слово есть высший подарок Бога человеку. «Но если есть Страшный Суд слова — на нем я чиста», — писала Марина Ивановна.

Как и все великие поэты, она не вписывалась ни в свое время, ни в жизнь окружающих ее людей. Как и всех великих поэтов, потомки ценят ее гораздо больше, чем ценили ее современники. «Время! Я тебя миную...» — это строка из ее стихотворения. Обещание свое она выполнила.

...Дом в Борисоглебском, где она прожила восемь лет, к счастью, уцелел. Здесь почти столетие назад шестилетняя девочка Ариадна, сидя за столом, выводила в тетради слова о своей маме: «...У нее светло-русые волосы, они по бокам завиваются. У нее зеленые глаза, нос горбинкой и розовые губы. У нее стройный рост и руки, которые мне нравятся».

Запомним Марину Ивановну Цветаеву такой. 📖

ПЕРЕВОД ДЛИНОЙ В ЖИЗНЬ

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

С русского языка на испанский Сельма Ансира переводила Пушкина, Толстого, Гоголя, Островского, Достоевского, Гончарова, Бунина, Чехова, Булгакова, Мандельштама... Но главная ее страсть — творчество Марины Цветаевой. Вся проза русского поэта уже переведена Сельмой Ансирой на испанский язык. Теперь настал черед стихов.

Десять лет назад в Мехико вышел первый том дневников Льва Толстого, которые мексиканка перевела на испанский язык. Директор Музея Толстого в Казани Светлана Коновалова пригласила Сельму Ансирю в город, где русский классик начал писать свой дневник. В благодарность за визит и интересное выступление на конференции Светлана, зная о любви мексиканки к Цветаевой, предложила переводчице съездить в Елабугу на могилу Марины Ивановны.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

«МНЕ НУЖНА ЦВЕТАЕВА!»

В Елабугу приехали вечером на рейсовом автобусе. Сотрудница Елабужского государственного музея-заповедника Танзиля Агешева повела гостей показывать дома знаменитых горожан — художника Шишкина, врача Бехтерева, кавалерист-девицы Дуровой. Но мексиканка не скрывала, что они ее мало интересуют: «Мне нужна Цветаева!» Когда три дамы прибыли к воротам Петропавловского кладбища, начался дождь. Стояла поздняя осень, кругом — непролазная грязь. Светлане с Танзией было страшно отпускать маленькую, хрупкую иностранку бродить по сырому вечернему кладбищу. Но та твердо сказала: «Дайте мне двадцать минут, я хочу побыть одна». Делать нечего — пришлось указать гостье южную сторону кладбища (по воспоминаниям, именно там была похоронена Марина Цветаева. — *Прим. ред.*) и остаться у ворот.

Двадцать минут давно прошли. Сельма вернулась, когда Светлана и Танзиля разволновались уже не на шутку. Она говорила о желтых листьях над ветхими крестами, о шорохах дождя и о том, что порой ей казалось, будто ее любимый русский поэт гово-

рит с ней о... Дальше мексиканке не хватало слов. «Я просто не могу описать это!» — сказала она со слезами на глазах.

...От пристани, к которой в августе 1941 года причалил пароход «Советская Чувашия», доставивший Марину Ивановну с сыном Георгием в числе других эвакуированных из Москвы в Елабугу, остались лишь камни. Вверх по дороге, вдоль крутого желтого берега над холодными серыми водами Камы Сельма прошла тоже одна. Вот так же семьдесят лет назад от пристани к городу шла и Марина Ивановна. Светлана и Танзиля терпеливо

ждали Сельму в машине. Они уже все поняли: мешать не надо, для нее это — своего рода паломничество. А потому не удивились, когда на следующее утро Сельма категорически отказалась покидать Елабугу, не побывав в доме Бродельщиковых на улице Ворошилова, где провела последние дни жизни Цветаева. Мексиканке объясняли, что нынешняя хозяйка, Анна Георгиевна Полтанова, не пускает посетителей на порог, что и прежние-то хозяева — Бродельщиконы и Гурьевы — продали дом из-за нашествия почитателей поэта. Сельма не хотела ничего слышать: «Я была в Елабуге и не вошла в этот дом?! Да я жить не смогу после этого!» Большой пустырь с болотом под серым небом, с краю — тот самый старый дом с рассохшимися рамами. Сельма постучала. «Это — не музей!» — раздался грубый окрик из-за двери. Сельма продолжала стучать в дверь. В окно выглянула женщина в белом платке и пестром халате. Сельма стала упрашивать: она понимает, что это не музей, но ей очень важно попасть внутрь. «Всем важно!» — безжалостно отрезала женщина. И тогда, путая от волнения русские слова с испанскими, Сельма закричала, что она — переводчик, переводит Цветаеву, приехала с другого континента, что для нее это действительно важно...

Компанию хозяйке составляла лишь кошка с котятками. И пока Светлана и Танзиля беседовали с суровой Анной Георгиевной, расхваливая пушистых мяукающих малышей, Сельме разрешили осмотреть дом. Она до сих пор помнит все так, будто это было вчера. Покосившаяся деревянная полка у входной двери с ворохом газетных вырезов публикаций о Цветаевой... Портрет Марины Ивановны, который оставил кто-то из поклонников... Угол, где жила Цветаева с сыном, не огорожен... На столе, покрытом старой клеенкой, лежат луковицы, еще не очищенные от налипшей земли... Сельме казалось, что все здесь возвращает туда — в страшный август 1941-го. Она ухватилась за дверную ручку: хозяйка заверила, что их с тех пор так и не меняли. Значит, Марина Ивановна вот так же...

«Да, жила тут эта поэтесса, курила много! А с ней мальчик — избалованный такой...» — Нарушившая одиночество мексиканки Анна Георгиевна повторяла все то, что слышала от прежних хозяев. Пора было уходить. Прощаясь с Елабугой, Сельма не давала обещаний вернуться. Это было ни к чему. Она и так знала, что приедет сюда еще не раз, ведь с 1979 года она не мыслила своей жизни без стихов Марины Ивановны Цветаевой.

...Отец Сельмы — Карлос Ансира, один из ведущих театральных актеров Мексики, — был увлечен русской литературой. Он играл в «Записках сумасшедшего» Гоголя, «Вишневом саде» Чехова, «На дне» Горького... В 1961 году за роль в «Записках» получил в Москве приз как лучший иностранный актер, играющий персонажей русской классики.

В доме много и часто говорили о России. Близким другом Карлоса Ансиры был кинорежиссер Гонсалес Мартинес Ортега. В год, когда Сельма оканчивала школу, отец с Ортегой писали пьесу о жизни Достоевского. За обеденным столом, где собиралась вся семья и Ортега, постоянно звучали названия далеких русских городов. Гонсалес Мартинес Ортега рассказывал про свою учебу во ВГИКе, о московских друзьях, музеях и театрах. Наслушавшись этих рассказов, Сельма решила пойти по его следам: учиться в России, изучать русский язык, читать любимых отцом Достоевского, Чехова и Толстого в подлиннике. В школе она была отличницей, а потому в Министерстве культуры Мексики ее заявку на обучение в Москве удовлетворили. Отец принял эту новость с восторгом, мать, конечно, расстроилась, но возражать не стала. И в 1974 году Сельма отправилась учиться на филологическом факультете МГУ им. Ломоносова.

В университетской группе она оказалась единственной иностранкой. Сначала приходилось трудно: ей было непросто успеть за сокурсниками, а название улицы, где располагалось ее общежитие, она едва могла произнести по слогам: Кржижановского. Письма шли долго, а чтобы поговорить с родителями три минуты по телефону, нужно было выстоять очередь на переговорном пункте на улице Горького и отдать половину стипендии. Но еще больше мучило другое. В Мехико она собиралась вернуться преподавательницей русского языка. А как преподавать произведения Островского или Пришвина, да и многих других классиков, когда нет их переводов на испанский? А тут еще отец Сельмы попросил дочь сходить во Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП), найти инсценировку по «Бедным людям» Достоевского, перевести ее на испанский. Потом он часто обращался к ней с подобными просьбами, а иногда она и сама подбирала что-то, читала и советовала: стоит или не стоит ставить спектакль на мексиканской сцене. Сотрудники ВААП очень быстро стали принимать Сельму как свою. Красивая маленькая мексиканка с длинными черными волосами нравилась им: она была доброжелательна, заразительно смеялась и жадно интересовалась русской литературой. Ей подбирали интересные новинки современной русской прозы. Особенно старался сотрудник Виктор. И даже когда стало известно, что сердце Сельмы принадлежит студенту Музыкального института им. Гнесиных, уроженцу Эквадора

Мануэлю Стасею, он продолжал оказывать ей внимание. Виктор и изменил жизнь мексиканки. Однажды он вручил Сельме толстый запечатанный конверт без надписи. «Почитай, может быть, тебе будет интересно. Принесешь в понедельник». Был март 1979 года. По холодной и мокрой улице девушка пришла в свое общежитие, закрылась в комнате и открыла конверт. На первой странице рукописи, отпечатанной на ротаторе, красовалась надпись: «Пастернак Б.Л., Рильке Р.М., Цветаева М.И.: «Письма лета 1926 года». Австрийский поэт-символист Рильке и Борис Пастернак Сельме были известны, а вот имя Марины Цветаевой студентке последнего курса филологического факультета МГУ ни о чем не говорило. «И кто такая эта Цветаева?» — подумала она. О том, что произошло дальше, Сельма рассказала друзьям только спустя много лет. Слезы ручьями текли по щекам, мороз подирал по коже — так она была потрясена письмами Цветаевой. Она вспомнила, что в понедельник нужно отдать рукопись, но заставить ее сделать это не могла даже смерть. В ВААП она в понедельник все-таки пошла, но без конверта. И все дорогу повторяла про себя имя Марины Ивановны Цветаевой. Почему она не слышала о ней раньше? «Витя, извини, книга — моя, я буду ее переводить», — твердо сказала она ему. А тот и не думал переживать. Только обрадовался. Вторую копию писем он передал итальянской переводчице Сирене Витали, и она тоже решила взяться за перевод. Виктор же посоветовал Сельме обратиться за помощью в переводе писем к сыну Пастернака — Евгению Борисовичу. Нашел для Сельмы его телефон.

У молоденькой мексиканки не было никакого опыта работы переводчиком. Цветаеву она приняла пока только сердцем, не подозревая о тех сложностях, с которыми ей придется столкнуться. Виктору она пообещала: «Умру, а переведу!» И потянулись дни, полные напряженной работы со словарями и книгами.

О своем интересе к Марине Цветаевой она никому не рассказывала. «Это была тайна моей души», — говорит Сельма. Помимо Евгения Борисовича Пастернака, который согласился помогать мексиканской студентке, и сотрудника ВААП Виктора о ее работе над переводом знал только известный мексиканский писатель Серхио Питоль, работавший тогда атташе по культуре в посольстве Мексики. И если Евгений Борисович помогал студентке с русским языком, то Серхио

«МАТВЕЕВСКАЯ» ВЕРСИЯ

На Петропавловском кладбище Елабуги почитателям творчества поэта обычно показывают так называемую официальную могилу Цветаевой, расположенную недалеко от того места, где в 1960 году сестрой Марины, Анастасией Ивановной, был установлен крест со знаменитой надписью: «В этой стороне кладбища...» И она, и дочь Марины Цветаевой, Ариадна Эфрон, отказались от эксгумации, сказав, что не хотят тревожить прах других усопших. Елабужская семья Матвеевых считает, что настоящая могила Марины Ивановны Цветаевой находится с правой стороны через одну могилу от могилы Елены Матвеевой, умершей летом 1941 года. Навещая могилу дочери, Мария Ильинична Матвеева и ее дети (Зоя и Семен) в первых числах сентября того же года стали свидетелями погребения эвакуированной женщины. «Хорошо, что самоубийцу не рядом с нашей Леной хоронят», — запомнила тогда слова матери Зоя. Также она запомнила высокого юношу в длинном черном кожаном пальто. Заметим, что присутствие сына Цветаевой, Георгия Эфрона, на похоронах матери документально не подтверждено. Профессор Ульяновского педагогического университета, глава Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов Лилит Козлова записала рассказ Зои Матвеевой и назвала эту версию «матвеевской». Она же установила на указанной могиле чугунную ограду с буквами М и Ц. Старший научный сотрудник Дома памяти М.И. Цветаевой в Елабуге Наталия Мухина, как и некоторые другие исследователи, считает эту версию наиболее вероятной из существующих. Но так ли это на самом деле?

Питоль учил находить для перевода на испанский правильные слова. По его совету она каждый день читала испанских классиков. У каждого писателя свой язык, и надо найти нить, которая приведет к языку Цветаевой. Нельзя переводить Цветаеву как Пастернака или как Рильке. Иначе получится плоская ткань для читателя. Так учил ее Серхио Питоль. Перевод Сельма закончила в 1980 году. Позже, вспоминая то время, она поражалась своей смелости и самонадеянности, которые позволили ей взяться за столь сложный текст. Серхио Питоль ознакомился с переводом и дал Сельме рекомендательное письмо для своего издателя в Мехико. Во вре-

мя летних каникул, которые Сельма проводила дома, она побывала у издателя и со свойственной ей страстью и напором рассказала о судьбе Марины Цветаевой, ее творчестве, ее отношениях с Пастернаком и Рильке. Издателю было 80 лет. Пожилой, умудренный жизнью человек слушал Сельму, не перебивая, целый час. «Хорошо, доченька, — сказал он, — мы издадим». Уникальная, рассчитанная на знатоков книга вышла на испанском языке в 1984 году тиражом в 3 тысячи экземпляров и быстро разошлась. Издательство в Барселоне выкупило перевод у первого издателя и выпустило книгу в Испании. Книга снова быстро разошлась. Сельма понимала, что книга читается не из-за ее перевода. Имена трех великих поэтов на ее обложке привлекают внимание.

О книге писали в газетах. Больше остальных Сельме запомнился отзыв поэта Хосе Эмилио Пачеко. Он написал, что перевод Сельмы Ансиря открывает испанцам настоящее сокровище — русского поэта Марину Цветаеву.

Сельма Ансиря была счастлива и потому, что ее первую книгу отец незадолго до смерти успел подержать в руках.

С тех пор Сельма Ансиря перевела на испанский язык произведения Пушкина, Толстого, Гончарова, Достоевского, Бунина, Булгакова. Выяснилось, что ей нравится переводить не слишком известные испаноязычным читателям произведения русских классиков. «Путешествие в Арзрум» Пушкина, «Метель» Толстого, «Лихая болезнь» Гончарова, «Рим» Гоголя... Она перевела на испанский почти всю прозу Марины Цветаевой. Глядя, как напряженно работает дочь над текстами русского поэта, мать Сельмы заметила: «Марина Ивановна должна быть счастлива, что с такой отдачей ты ее переводишь на испанский». Сказано это было после того, как у Сельмы в очередной раз вырвалось горькое признание: «Не могу! Марина Ивановна, ну почему мне так трудно? Зачем я вас выбрала! Это так сложно!» Но вслед за тем Сельма клялась недоумевающей маме, что без Цветаевой жить уже не может.

После смерти мамы, с которой она обсуждала все свои переводы и которая первая слышала цветаевские строки на испанском, ее главным советчиком стал муж — виолончелист Мануэль Стасей. У него абсолютный музыкальный слух, он прекрасно говорит по-русски, так что каждую неверную «ноту» в переводе жены он улавливает мгновенно. В барселонском оркестре, где он играет, много русских, и Мануэль, в отличие от Сельмы, говорит по-русски каждый день. А она может позволить себе это только во время визитов в Россию, где проводит два-три месяца в году.

В Ясной Поляне, в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого, она руководит семинаром переводчиков, который проводится там каждое лето. Бывая в Москве, она днями пропадает в книжных магазинах в поисках новых книг о своей любимой Цветаевой. Она побывала в музее поэта в Болшево, во время перевода «Живое о живом» посетила Тарусу. И почти каждый год 31 августа она приезжает в Елабугу. Со времени ее первого визита здесь многое изменилось. Пустырь, который она видела рядом с домом Бродельщикových, превращен в площадь. Теперь здесь установлен бронзовый бюст Цветаевой. Сам дом выкуплен, в нем создан музей.

Сельма уверена, что для полноценного перевода переводчику нужно не только посетить те места, где жил автор, но и повторить его путь. Это помогает переводчику понять те чувства, которые испытывал писатель. Прочитав в книге Анны Саакянц о Марине Цветаевой подробное описание приезда поэта в Елабугу, она решила повторить и этот путь, приплыв в город по Каме. Летом 2006 года от московского Речного вокзала до деревянной пристани маленького русского города Елабуги, ставшего последним пристанищем Цветаевой, на теплоходе отправились российские и зарубежные литературоведы. Была среди них и Сельма. Старенькое судно не отличалось особым комфортом, что помогло перенестись в 40-е годы. Говорили на палубе и в каютах, конечно, о поэте. Кто-то дал Сельме послушать запись песен на стихи Цветаевой московской певицы Елены Фроловой. Сельма нашла Елену в Москве и пригласила в Барселону на презентацию своего перевода книги о Цветаевой французского литературоведа Цветана Тодорова «Жизнь в огне». Они подружились и за последние пять лет объездили с литературным концертом всю Испанию и часть Мексики. Часто после концерта зрители подходят и благодарят Сельму за переводы работ Цветаевой.

Недавно Сельма заново перевела «Письма 1926 года». В юности ее сил хватило на то, чтобы передать смысл текста, а сейчас, используя накопленный багаж переводческого опыта, она попыталась донести до испаноязычного читателя волшебную музыку цветаевских строк. Евгений Борисович Пастернак дал согласие на издание повторного перевода.

А сейчас перед Сельмой стоит грандиозная задача, к решению которой она, возможно, шла все последние 32 года.

Она начала перевод на испанский язык поэзии Марины Цветаевой. ❀

«ПОРА ПОПУЛЯРИТЬ ИЗЫСКИ»

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Поэты — заложники эпохи: она выбирает из их стихов только созвучные и забывает остальное. Кому-то везет больше, кому-то меньше. Игорь Северянин — из невезучих. Он остался в истории русской литературы автором грезэрок, экстазов и морефей, воплотивших самый дух времени, пошлого, мещанского — и все равно полного самой неподдельной поэзии.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Игорь Лотарев, названный по святым в честь князя Игоря, был по рождению аристократом, состоял в родстве с Карамзиным (даже называл его дедом) и Фетом (мать его была урожденная Шеншина). Отец его, военный инженер, штабс-капитан, был моложе жены на пятнадцать лет; брак их развалился, когда будущий поэт был еще ребенком. Игорь остался с отцом — уехал вместе с ним из Петербурга в Череповец, где учился в реальном училище. Окончил всего четыре класса: сам дух торговли ему претил, и мальчик однозначно заявлял, что будет поэтом.

*Из меня хотели сделать торгаша,
Но торгашеству противилась душа.
Смыслу здравому учили с детских дней,
Но в Безразумность влюбился соловей.*

Стихи он писал с восьми лет. Учиться он больше нигде не учился, а жаль: при всей его ошеломительной одаренности и любви к литературе ему остро не хватало общей культуры. Может быть, доведись ему получить приличное образование, и поэт был бы другой — глубже, сильнее, умнее. Все задатки, все предпосылки для этого были. Но не сложилось.

Отец умер в 1904 году, когда Игорю было 17 лет. Юный поэт поселился у матери в Гатчине. Там и познакомился с вечно пьяным,

одетым в отрепья, странным поэтом Константином Фофановым, который, собственно, и убедил молодого Лотарева, что он гений. Фофанова, да еще Мирру Лохвицкую, рано умершую поэтессу, юноша

ценил больше других поэтических авторитетов и был верен этой любви всю жизнь. «Я Лохвицкую ставлю выше всех: // И Байрона, и Пушкина, и Данта», — признавался он в стихах. Удивительно, что он считал Цветаеву бездушной, а Пастернака — назвал «бездарью» и «заурядью»; вкус подводил его постоянно. Фофанов и Лохвицкая — последняя заря поэзии XIX века; от них, пожалуй, он унаследовал легкость и певучесть. Но пошел дальше — и стал одним из тех русских поэтов, которым суждено было основать целое направление в поэзии, сделать множество открытий, исчерпать обнаруженные возможности до дна — и направление закрыть: после него здесь сделать ничего нельзя.

Ту же жилу несколько раньше взялся разрабатывать Бальмонт, изучавший формальные возможности русского стиха, способы придать ему особую музыкальность, напевность, пластичность. Северянин пошел дальше: его музыкальность — почти нестерпима, на грани приторности, напевность навязчива и гротескна, он будто стремится сделать из русского языка французский, если не эльфийский; свою поэтическую речь он насыщает варваризмами и макаронизмами, особенно упирая на «Э»: «элегантная коляска, в электрическом биенье, эластично шелестела по шоссе по песку»... Иной раз и вовсе не поймешь, на каком языке это написано: *Пора популяризировать изыски, утончиться
вкусам народа,*

*На улице спелии кухню, огимнив эксцесс
в вирелэ!*

Начало поэтической карьеры Северянина (считается, что этот псевдоним он выбрал, покоренный северной природой Череповца, а потом — окрестностей Петербурга) было не особенно радужным: он печатал за свой счет не книжки даже, а брошюры, некоторые по две страницы, и напечатал их целых 35 штук. Первой всероссийской славой он обязан Льву Толстому, которому в 1909 году привезли одну из северянинских брошюр, с «Хабанерой II»: «Вонзите штопор в упругость пробки, — // И взоры женщин не будут робки». Лев рыкнул: «Чем занимаются, чем за-

нимаются... И это — литература? Вокруг — виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки...» Северянин говорил потом: «С легкой руки Толстого... меня стали бранить все, кому было не лень». Но вместе с руганью пришла скандальная слава, выступления, публикации — и деньги.

Я ВСЕ-ТАКИ ХОРОШИЙ

В деньгах он нуждался отчаянно. Одну из самых больших ошибок в своей жизни он сделал в юности не в последнюю очередь из-за безденежья. Он был влюблен в дочь гатчинского сторожа-алкоголика Женю Гуцан, ученицу швеи. Золотоволосую красавицу он назвал Златой и какое-то время был с ней безоблачно счастлив: продал библиотеку, которую любовно собирал, снял квартиру... денег хватило на три месяца радости: «Такое счастье, истинное счастье, которое спустя шестнадцать весен и разлюбя с тех пор полсотни женщин, испытываю всей своей душой!»

Потом оказалось, что Злата ждет ребенка, а он — без денег, без профессии, без работы — ну что за жених... Злата ушла на содержание к богатому старику, родила дочь Тамару, потом, после смерти покровителя, вышла замуж за немца и уехала в Берлин... Свою дочь поэт увидел уже 16-летней. Злату он любил много лет, о ней написал поэму «Падучая стремнина» — печальную и предельно откровенную историю первой любви. В его первых любовных стихах то и дело сквозь поэтические красоты прорывается совершенно детское отчаяние: «И я, и я в разлуке изнемог! // И я — в тоске! Я гнусь под тяжелой ношей... // Теперь я спрячу счастье «под замок», — // Вернись ко мне: я все-таки хороший...» (А неуместные, ненужные, бескультурные кавычки так и торчат по его стихам, до самых последних дней...)

Любовная лирика адресовалась не только Жене-Злате: Северянин был влюбчив, как Дон Жуан, одна возлюбленная в его стихах и жизни сменяет другую — а то и появляется рядом, параллельно; писать о них — никаких журнальных площадей не хватит. Возлюбленные получали пышные, помпезные имена — одна была Мадлена, другая Королева, третья — Балкис Савская... Они рожали ему детей, и все дети его жили порознь,

в разных странах, носили разные фамилии — одна дочь, последней его гражданской жены, Веры Коренди, получила фамилию Северянина. Сколько было возлюбленных — пересчитать невозможно; пятое издание книги «Громокипящий кубок» он посвятил своей «тринадцатой», Марии Волнянской, она же Балкис; прожил с ней семь лет и расстался — потому что она «не смогла жить с поэтом»...

«Громокипящий кубок», вышедший в 1913 году, принес Северянину оглушительную славу. Все графоманы страны (ну, может, за исключением графоманов-народников) стали писать под Северянина. Отметился среди северянинских эпигонов, кстати, и молодой Юрий Олеша, году этак в 1915-м опубликовавший свое первое стихотворение с совершенно северянинским названием «Кларимонда».

«Если вы желаете меня оскорбить, подражайте мне», — изрек Северянин в публикации своих афоризмов, которой дал название «Блестки».

РЯДОВОЙ МЕРСИ

«Громокипящий кубок» был ошеломительно нов: он принес в русскую литературу совершенно неслыханные напевы, струнные, мандолинные, томные... Сам мир его стихов был до невозможности, как сказали бы сейчас, гламурен: здесь вам и салоны, и автомобили с «шоффэрами», и рестораны, и аэропланы, и модные места для прогулок... Актуальные до карикатурности, благозвучные до пустозвонности северянинские «поэзы» балансировали на грани автопародии, время от времени заваливаясь за эту грань. Впрочем, иногда это была совершенно сознательная установка. Он уже стал основателем «эгофутуризма», благополучно развалившегося довольно скоро (из эгофутуристов стоит назвать, пожалуй, Константина Олимпова, сына Фофанова, да еще Василиска Гнедова и молодого Георгия Иванова, который быстро перемялся к акмеистам). Эпатировать буржуа — это было самое футуристическое занятие. Публику Северянин (как и кубо-

футуристы, в их числе Маяковский) не любил и щедро поливал стихотворными ругательствами — достаточно вспомнить только «великосветских олухов», которые «в княжьем гостинице наструнились, лица свои оглупив», с торжественной кодой «Я презираю вас пламенно, тусклые ваши сиятельства...», звучащей как «свинные ваши морды»... А публика его обожала — в основном, конечно, женщины и молодые поэты. Письма от поклонниц носили мешками, по провинции разъезжали с выступлениями фальшивые Северянины... Он в самом деле был «повсеградно озкранен» и «повсесердно утвержден». Северянин давал «поззоконцерты» в столицах и гастролировал по провинции. Бунин ревниво писал: «Игоря Северянина знали не только все гимназисты, студенты, курсистки, молодые офицеры, но даже многие приказчики, фельдшерницы, коммивояжеры, юнкера, не имевшие в то же время понятия, что существует такой русский писатель Иван Бунин».

Впоследствии, когда Северянина просили прочитать что-нибудь из его салонных, парфюмерных стихотворений, он мрачно отвечал: «Эти стихи неуместны здесь. Они — для дураков». В своем презрении к «двуногим», к обывательской массе он страшнее Пушкина, говорившего о «черни», и очень близок к Саше Черному и Маяковскому с их физиологическим отвращением, с животной брезгливостью к «мясу»: «Мясо наелось мяса, мясо наелось спаржи, // мясо наелось рыбы и налилось вином. // И расплатившись с мясом, в полумясном экипаже // Вдруг покатило к мясу в шляпе с большим пером. // Мясо ласкало мясо и отдавалось мясу...»

А о себе замечал философски: «Он тем хорош, что он совсем не то, // Что думает о нем толпа пустая. // Стихов принципиально не читая, // Раз нет в них ананасов и авто». Ананасов в шампанском, которые ему всякий раз норовили подsunуть угощавшие его поклонники, он тоже не ценил — предпочитал обычную русскую еду. Рассказывают, как удивился молодой Антокольский, увидев, что Северянин вместо какого-нибудь мороженого из сирени заказал в ресторане штоф водки и соленый огурец. Те, кому доводилось посетить Северянина дома (а у него были специальные приемные дни для молодых поэтов, для поклонниц и для издателей), удивлялись и темному, грязному подъезду, и плохонькой квартирке с развешанным

на просушку постиранным бельем: за фанерной перегородкой была прачечная...

Впрочем, есть и обратные свидетельства. В Первую мировую Северянина забрали в армию. Писатель Леонид Борисов рассказывал в своих воспоминаниях, что рядовой Лотарев стрелял из рук вон плохо, но однажды три выстрела из пяти у него все же угодили в цель. «Батальонный командир похвалил Лотарева:

— Молодец, солдат!

На что Северянин, он же солдат Лотарев, чуть повернувшись в сторону батальонного командира, небрежно кивнул: — Мерси, господин полковник!»

Ответить полагалось: «Рад стараться, ваше высокоблагородие». Лотарев получил прозвище «рядовой Мерси». Впрочем, из армии его вскоре комиссовали: сам профессор Бехтерев освидетельствовал его и нашел у рядового Мерси тяжелую неврастению.

Но даже с ананасами и авто он был не только претензиозен, парфюмерен и дурновкусен, но еще и нов, и свеж, и музыкален, о чем непременно говорил всякий пишущий о нем критик. Чуковский, автор первого большого литературного обзора о футуристах, отзывался о Северянине так: «Дух дышит где хочет, и вот под вульгарной личиной сноба — радующий и светлый поэт. Бог дал ему, ни с того ни с сего, такую певучую силу, которая, словно река, подхватит тебя и несет, как бумажку, барахтайся сколько хочешь: богатый музыкально-лирический дар. У него словно не сердце, а флейта, и, сколько бы ему ни было лет, ему вечно будет восемнадцать». Музыкален он был не только в переносном смысле, но и в самом прямом: свои стихи он пел — отчасти на какие-то свои мотивы, отчасти на популярные мотивы из Амбруаза Тома, своего любимого композитора. Публику он зачаровывал, как удав кроликов:

*В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево...*

Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,

А дорожка песочная от листвы разузорена —

Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.

Выходил мрачный, не улыбочивый, в сюртуке под цвет волос — воронова крыла, с орхидеей в петлице, расхаживал по сцене огромными шагами, декламировал-пел свои стихи, не обращая на публику ни малейшего внимания, — и уходил без поклона. Публика трепетала и рукоплескала.

Я САМ СЕБЯ НЕ ПОНИМАЮ

В отрыве от ананасов и авто это был совсем другой поэт, не городской даже, не публичный, а тихий и счастливый лирик, влюбленный в мир, солнце, лето, цветы. Недаром так часто появляется в его лирике образ сирени — счастливой, обильно цветущей, иногда прекрасной, иногда страшной, даже хохочущей; сирень у него — это, пожалуй, жизнь, цветная и остро пахнущая...

Как и у Саши Черного, у Северянина очень сильны гамсуновские мотивы ухода из города — куда-нибудь в деревню, в тишину, к рекам, к простой, спокойной жизни... Он и уезжал из Петербурга — снимал с матерью дачу в эстонской деревне Тойла, по примеру Федора Сологуба, отдохавшего там же. Любил рыбачить. Любил просто гулять. Тишина, лесное и речное спокойствие вселяли в него неумемную радость жизни, громкую и ликующую.

*Теперь ли тосковать,
Когда поспел ячмень?*

*Я всех расцеловать
Хотел бы в этот день!*

После революции и объявления независимости Эстонии Северянин оказался в вынужденной эмиграции. Он специально подчеркивал: я не эмигрант, я дачник. На родине остались друзья, литературные связи, издатели... Впрочем, издательства довольно скоро позакрывались. В Эстонии не было страшного петроградского голода, но литературной работой прожить было очень трудно. Не было читателя, не было слуша-

теля, не было среды. Он пытался работать в одиночестве.

Среди глуши, бумаги и чернил,

Без книг, без языка, без лживой кружки

Я заживо себя похоронил

В чужой лесной озерной деревушке.

В 1921 году умерла мать Игоря Васильевича. Очень скоро после ее смерти он женился на 19-летней эстонской поэтессе Фелис-

се Круут, как говорил — спасаясь от ужаса одиночества на чужбине. Это оказался единственный в его жизни венчанный брак. Серьезная, взрослая не по летам, Фелисса взяла на себя заботы о повседневной семейной жизни. Делала подстрочники эстонской поэзии, Северянин переводил их на русский стихами, в его переводах вышли лучшие стихи современных ему эстонских поэтов. Дела все равно не слишком ладилась. В 1925 году он жаловался в письмах, что сидит без хлеба, на одном картофеле, дров нет, зарабатывать не может, поскольку болен... Одному знакомому он жаловался: «Подумать страшно, — я живу нахлебником у простого эстонца... только оттого, что женился на его дочери. Я для него не знаменитый поэт, а барин, дворянин, сын офицера. За это он меня и кормит. Ему лестно. А я ловлю рыбу. И читаю свои стихи речным камышам и водяным лилиям. Больше ведь некому. Кругом глушь, мужичье. Ночью я часто сажусь в лодку и выезжаю на середину реки. Звёзды отражаются в воде, камыши так мелодично, так ритмично шуршат, как аккомпанемент моим стихам. Я читаю и сам слушаю свой голос и плачу. Мне начинает казаться, что я не читаю, а только слушаю то, что поют «хоры стройные светил». И тогда почти смиряется души моей тревога...»

В 1931 году Северянин издал сборник «Классические розы», который считается лучшим в его творчестве. Заглавное стихотворение — это те самые «как хороши, как свежи были розы» — строки, которые потом начертали на его могиле и по которым Северянина помнят едва ли не лучше, чем по «ананасам в шампанском».

«Классические розы» — это густая, отстоявшаяся, трудная тоска по родине.

О России петь — что стремиться в храм

По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,

Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,

Что Любовь любить, что бессмертным быть!

Весь сборник — о том, что там, за государственной границей. О счастливых воспоминаниях и угнетающих размышлениях, о постоянной дилемме — вернуться или нет, о надежде, о себе:

Я — русский сам, и что я знаю?

Я падаю. Я в небо рвусь.

Я сам себя не понимаю,

А сам я — вылитая Русь!

Стихи сборника — прочувствованные, искренние, горькие... иногда слишком декларативные, рассудительные, резонерские; чем старше Северянин — тем больше резонерства в его стихах... и сквозь декларацию и пафос прорывается страшное, заветное:

Ничего! — ни от вас, лепестки белых

яблонек детства,

Ни от вас, кружевные гондолы утонченных

чувств:

Я растратил свой дар — мне врученное

Богом наследство —

Обнищал, приутих и душою расхищенной

пуст...

Ради заработка он ездил с женой по Европе, выступал перед эмигрантами с чтением стихов. Фелисса родила ему сына, которого называли Вакхом, боролась с пьянством мужа, которое приводило ее в отчаяние. Василий Шульгин, хорошо знакомый с этой парой, писал в воспоминаниях: «Она была от балтийской воды; он — от российской водки. Он, по-видимому, пил запоем, когда она стала его женой. Но у нее был характер, у этой принцессы с эстонской мызы. Она не отступила перед задачей более трудной, чем выучиться писать русские стихи; а именно: она решилась вырвать русскую душу у боярина Петра Смирнова. Ей это удалось, в общем. Когда я с ними познакомился, он не пил ничего; ни рюмки. И в нем не было никаких признаков алкоголика; кроме разве вот этой полупечали». И дальше, говоря о том, как часто муж огорчал и обманывал Фелиссу, Шульгин замечал:

«Она его все же не бросила; она не могла бросить дело своей жизни, она была и тверда, и упряма; но она бессильна удержать в своем собственном сердце два отношения к своему собственному мужу; к мужчине бесконечно спасаемому и вечно падающему». Брак дал трещину; поводом для окончательного разрыва стало увлечение Северянина учительницей Верой Коренди. Фелисса не простила.

МИРА НЕ ПЕРЕДЕЛАЕШЬ

С Верой Коренди Северянин прожил до конца своих дней, и не слишком-то счастливое это было время. Стихов, посвященных ей, не существует — да он на склоне лет и вовсе перестал записывать стихи. Он старел и болел, мучился безденежьем и отсутствием смыслов.

*Мира не переделаешь,
Благородства в него не вложишь,
Черное подло, как белое,
Повсюду одно и то же.
Все партии отвратительны,
Потому что они партийны.
Поэтому с людьми мучительно:
Их подлость почти стихийна.
В деревне ли жить ли, в городе ль,
Ах, люди повсюду люди.
Уж лучше к простору озер идти:
Там все же их меньше будет.
Вздохнешь на безлюдьи чуточку
От взора, вражды и каверз,
Спасительную взяв удочку,
К зеленой идя дубраве...*

Книги не продавались; он ловил рыбу и пытался продавать ее дачникам; предлагал приезжим в местной гостинице свои книги с автографами... Ему предлагали поступить на службу — он возмущался: он поэт, поэт не должен служить. Жил фактически на средства гражданской жены.

В своей вынужденной эмиграции он не раз задумывался о возвращении — но уже был крепко привязан к Эстонии — сначала одной семьей, потом другой. Чем тяжелей становилось его положение, тем больше он задумывался о том, чтобы вернуться. Кажется, просвет для него наметился в 1940 году, когда Эстония была объявлена советской. Он стал получать первые письма из Москвы и Ленинграда, задумываться о переезде; его стихотворение увидело свет в «Огоньке», к нему приезжали корреспонденты из «Известий», он отправил рукопись в ленинградское издательство... Все планы нарушила война, рукопись погибла вместе с издательством при первой же бомбежке, Северянин про-

сил, чтобы советские власти выделили ему машину для выезда из Эстонии, но из этого ничего не вышло... Имущество Северянина и Коренди практически погибло при бомбежке, Северянин заболел воспалением легких (это — не считая туберкулеза и болезни сердца); по воспоминаниям Коренди, бредил и в бреду разговаривал с Пушкиным, Маяковским, Миррой Лохвицкой... Врачи не надеялись его спасти, но он выжил; встал вопрос о том, чтобы лечиться в Таллине. Больного поэта подкармливал трехразовым пайком немецкий врач, который сказал Вере Коренди, что он сам поэт и ненавидит фашистов; он же устроил пару на поезд в Таллин. Ехали два дня поездом, Северянин не мог уже сидеть, был слаб, начальник битком набитого поезда уступил ему свое купе... Впрочем, спасти умирающего Северянина нельзя уже было ни пайками, ни переездами: вслед за вторично утраченной Россией на его глазах гнула и Европа, уходил мир, уходила жизнь, уходили все смыслы. В жизни не оставалось ничего, за что он мог бы держаться — и 20 декабря 1941 года Игорь Северянин умер от сердечного приступа.

Чуть не всякую статью о нем принято заканчивать двестишестью о розах, брошенных в гроб, но у него много и других хороших стихов. Вот, например:

*Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит,
Что поправимы страшные потери, —
Еще весной благоухает сад...
О, нежная сестра и милый брат!
Мой дом не спит, для вас раскрыты двери...
Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит... ❀*

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПРОШЛОГО

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Время было такое, что задумываться приходилось над самыми основами бытия, а поделиться мыслью было нельзя: и невозможно, и небезопасно. Оставалось надеяться, что рукописи не горят, не пропадают и доходят до читателя.

Удивительно, что они в самом деле доходят. И ставят фундаментальные вопросы перед читателями иных времен, когда и в голову бы не пришло о них размышлять иначе как в рамках школьного сочинения: какое-нибудь «Добро и зло в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» — сущий кошмар для старшеклассника, поди распусти эту цветную ткань, раздели на черное и белое.

Булгаков был родом из многолетней интеллигентной семьи; отец — профессор Киевской духовной академии, оба деда — священники. Можно было ожидать, что Михаил — старший ребенок в семье — пойдет по духовной части, но на рубеже XIX и XX веков многие священнические династии пресекались. Так вышло и у Булгаковых. После гимназии Михаил выбрал медицинский факультет. У священников, врачей и писателей предмет профессионального интереса общий — человек. Но религиозностью юноша, в чьем доме по воскресеньям читали Евангелие, не отличался. Есть свидетельства, что он отговаривал друзей-семинаристов от поступления в духовную академию. О детстве Булгакова известно мало. Одноклассник и соученик по мединституту рассказывал Мариэтте Чудаковой, автору двухтомного «Жизнеописания Булгакова», что в гимназии Миша «был невероятный дразнилка, всем придумывал прозвища», участвовал во всех драках, хулиганил, держался не-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сколько особняком и, когда гимназисты бузили в 1905 году, не участвовал «ни в каких советах, митингах, собраниях». Он вообще не был революционером, напротив, консервативная семья воспитала его совершеннейшим монархистом. Ни дворянином, ни отличником не был, вообще, кажется, ничем не выделялся. Дома был обычным мальчишкой, выдумывал смешные глупости, устраивал спиритические сеансы; дом был открытый, в нем охотно встречали гостей, музицировали — вообще, ощущение гнезда, уютного дома было для Булгакова важно. Неустроенность быта его мучила, он всю жизнь тянулся к нормальной, домашней жизни. Потом уже, после долгих скитаний и безденежья, едва жизнь стала входить в колею, он сразу завел прюнелевые ботинки, носил дома клетчатую пижаму, купил мебель. Все это казалось его друзьям смешным и мелкобуржуазным — а он просто хотел быть дома.

ЮНЫЙ ВРАЧ

Детство кончилось в 1907 году: умер отец, страдавший склерозом почек (эта болезнь часто наследуется, и Булгаков не избежал ее). 16-летний Михаил остался старшим мужчиной в доме. Годом позже он встретил свою будущую жену, Татьяну Лаппа, приехавшую в Киев на каникулы из Саратова. Юная пара гуляла по Киеву — благо город, привольный, зеленый и живописный, к этому предрасполагал.

Студенчество его пришлось на времена университетских бунтов, от которых он оставался в стороне. Он начал писать, и первый рассказ был медицински-мистическим: об алкоголике, которого задушил явившийся ему в галлюцинации змей. Странным образом тут есть уже все темы позднего Булгакова: медицинская хроника безумия, алкогольная (наркотическая) зависимость, оживший кошмар, гигантская змея.

Любимая девушка была в Саратове, Михаил в Киеве; он стремился к Татьяне, не мог учиться, даже экзамены не стал сдавать, отложил на год. Поехал в Саратов, привез Татьяну, и опять они гуляли по Киеву и говорили, говорили... Мать Михаила просила повременить с браком, но они не послушались и обвенчались в 1913 году, торопливо — у невесты даже свадебного платья не было: деньги, которые отец прислал к свадьбе, ушли на оплату аборта. Жили беспечно: он давал уроки, ей присылал деньги отец; ходили в оперу, в кино, в кафе, а нет денег — и ладно, покупали дешевую колбасу... Летом ездили к родным жены в Саратов; там-то их и застала Первая мировая. В госпитале для прибывающих с фронта раненых (его устроила теща Булгакова) он работал до сентября, когда надо было возвращаться в университет.

В расписание студенческих занятий война внесла коррективы: врачей стали готовить ускоренно. Булгаков сдал экзамены по сокращенной программе и окончил университет в 1916 году. По этому случаю первый и единственный раз в жизни напился. Распределения не ожидал — сразу пошел в госпиталь Красного Креста. Госпиталь вскоре переехал в Черновицы, затем Булгакова вызвали в Москву, а оттуда отправили в Смоленскую губернию, в управление земских больниц. Ново-

испеченный врач оказался единственным специалистом в крестьянской больнице. Принимал роды, оперировал, ампутировал, лечил детей; некоторые случаи описал в «Записках юного врача». Отсасывая дифтерийные пленки из горла больного, заразился дифтерией, ввел сыворотку — на нее, по-видимому, пошла аллергическая реакция: у него опухло лицо, появилась сыпь, все страшно чесалось, он не мог уснуть и попросил медсестру впрыснуть морфий. После пяти впрыскиваний впал в зависимость.

Его перевели в Вязьму: теперь он заведовал двумя отделениями больницы. Появилось свободное время, Булгаков начал писать. За врачебной и писательской работой даже революция, прошумевшая в Петербурге, осталась незамеченной: до конца 1918 года, невзирая на смену власти, революционный хаос не коснулся Украины. Может быть, дело не в апатии и не в презрении к политике, а в усиливавшейся наркомании: Булгаков продолжал колоть себе морфий, мучился страхами и тоской, мучил жену. Она-то его и вытянула. Уехали в Москву, потом в Киев, на Украину, которая отламывалась от Российской империи, обретая самостоятельность.

НА ВОЙНЕ

Только здесь, в Киеве, Татьяне Николаевне удалось вытащить мужа из болезни: ему нужен был морфий, опиум, что угодно. Внешне молодая пара была благополучна: он завел венерологический кабинет (разгул венерических болезней был чудовищный), купил медицинское оборудование... Днем прием, вечером гости, наедине — ужас: он впал в ярость, требовал морфию, она подменяла раствор для инъекций водой, выдерживала его ломки. Им удалось почти невероятное: он освободился от зависимости. Ни один из его героев этого подвига не повторил: героя «Морфия» ждет безумие и гибель.

Война подходила все ближе, а врач оставаться в стороне от войны не мог. Гетман объявил мобилизацию в украинскую армию, к городу подошли петлюровцы, братья Булгаковы пошли защищать Киев — попытка героическая и совершенно безнадежная. О ней он потом написал в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных».

В январе Булгакова мобилизовали в армию Директории, пришедшей на смену гетману, — увели насильно, но он сбежал домой. За синезупанниками явились Советы и в апреле снова мобилизовали молодого доктора — отправляли в Москву бороться с сыпным тифом. Он, скорее всего, и тут улизнул; затем пришел атаман Григорьев, за ним вновь Красная армия, за Красной — Добровольческая, и вот тут Булгаков уже мобилизации не избежал. Его отправили во Владикавказ, в военный госпиталь, оттуда в Грозный, жена поехала с ним. В Грозном он начал печататься — это были публицистические газетные статьи, о которых он старался впоследствии не распространяться. Из Грозного его перебросили во Владикавказ, где он все так же работал врачом и печатался в газете.

В начале 1920 года он заболел тифом, который в ту зиму пожирал и фронт, и тыл. Пока лежал еле живой — белые ушли. Он пенял потом жене: почему не увезла? А ей врачи запретили везти, сказали: умрет по дороге.

ЖУРНАЛИСТ И ДОКТОР. БЫВШИЙ

Когда он пришел в себя, вокруг была советская власть. Пришлось искать работу при ней. Погоны он снял, профессию скрыл: факт службы в Белой армии, пусть и врачом, афишировать не стоило. Военного врача Булгакова больше не было. Появился человек без прошлого, журналист с естественно-научным образованием. Узнать в нем бывшего белого журналиста или доктора мог кто угодно — внезапные встречи были мощным двигателем трагических сюжетов не только в литературе тех лет, но и в жизни. Булгаков сначала заведовал литературной секцией в подотделе искусств Наробраза, потом стал выступать в русском театре с предваряющим спектакль рассказом, затем взялся заведовать театральной секцией и даже писать пьесы. Кончилось это безрадостно: из подотдела искусств его вычистили как белогвардейца — хорошо еще, не расстреляли. Отдел закрыли.

Во Владикавказе он написал несколько пьес, в том числе «Братьев Турбиных» — первое приближение к многолетней мучительной теме. Героям дал фамилию своей бабушки по матери. Пьесами можно было зарабатывать: театры очень хотели «современного материала», а автор хотел есть. Пьесы, написанные ради куска хлеба, литературными достоинствами не блистали, и Булгаков потом их сам уничтожил. Однако денег, выплаченных за последнюю, как раз хватило на отъезд из Владикавказа. Теперь он мечтал о Париже. Путь оказался длинным и извилистым: в Баку, потом в Тифлис, затем в Батум, где они с женой продали обручальные кольца — настолько нечего было есть. Жену отослал в Киев к родным, велел ехать в Москву и ждать от него известий, сам хотел уехать в Константинополь, да так и не смог. Мандельштам, с которым Булгаков познакомился в Батуме, посоветовал отправиться в Москву.

В МОСКВЕ

Первый год в Москве — он приехал туда в разгар голода, в 1921-м, — был бездомным и бесхлебным. У жены по дороге в Киев украли все вещи, да и сам он ничего не нашёл. Семья разбросало: у Татьяны два брата погибли, один пропал, о младших братьях Булгаковых ничего не было известно с 1919 года — первые вести о них пришли только в 1922-м, тревога о мамах, о братьях и сестрах, на которых теперь держится семья, мучила безвыходно.

Служить он пошел в Наркомпрос, к которому относился владикавказский подотдел искусств. Сообщил о себе скупые сведения: литератор, жил в Киеве и Москве, не воевал. Что делал до 1917 года? — был студентом. Литераторы под крылом Наркомпроса чем только не занимались! Главным образом политическим просвещением масс. Мариэтта Чудакова цитирует лозунг для борьбы с голодом, изготовленный Булгаковым в то время: «Ты знаешь, товарищ, про ужас голодный, // Горит ли огонь в твоей честной груди, // И если ты честен, то чем только можешь, // На помощь голодным приди». Такие стишки километрами кропали измученные «ужасом голодным» литераторы.

Булгаков перебрался в Москву осенью 1921 года, метался по редакциям, перехватывая пайки и гонорары (ЛИТО Наркомпроса, где служил Булгаков в начале московской жизни, вскоре закрылось, прогорел журнал, где он пытался работать). И он оказался в «Гудке», газете транспортников.

«Гудок» навеки обессмертил себя тем, что позволил не умереть с голоду Ильфу, Петрову, Олеше, Катаеву, Булгакову. Они, как говорило советское литературоведение, в «Гудке» сблизилась с рабочей массой и прошли пролетарскую школу... старательно насилая свой талант, придавая стихотворную и прозаическую форму жалобам рабкоров.

Все они не любили свою газетную поденщину, Булгаков — так откровенно ненавидел. Одесская компания состояла из людей молодых, холостых, связанных узами дружбы и родства; Булгаков был старше их и женат. Но с этой компанией сдружился; они бесконечно острили и подначивали друг друга, ему было нетрудно поддерживать этот тон: к тому предрасполагала и юношеская склонность к розыгрышам, и нерастроченный запас желчи, накопленной за годы становления советского государства с его благородными лозунгами, бессмысленным истреблением людей и бюрократией (именно о ней — фантазмагорическая «Дьяволиада»). Может быть, поэтому ведущим жанром для всех стала сатира, хотя пробоvalи они себя во всем: Олеша писал не только знаменитые стихотворные фельетоны под псевдонимом «Зубило», но и героические стихи к важным датам, Катаев строчил опысы о международной политике (Булгаков от подобного предложения отказался — политика его совершенно не трогала).

Жить было негде, Булгаковых приютил у себя на Большой Садовой муж сестры Михаила, Надежды Афанасьевны. Это и радость была — все же крыша над головой, и проклятие: дом заселили типографскими рабочими, в соседях у Булгаковых оказались пропойцы, лупившие своих жен и детей. В «нехорошей квартире» с потолка лило, жильцы пили самогон, и обра-

зы незабвенных соседей не раз запечатлелись в произведениях писателя.

Он уже понял: уехать вряд ли удастся, власть эта надолго; надо жить при ней и не ждать, что обстоятельства переменятся к лучшему. Они понемногу менялись — уже можно стало жить не только пайками, но и зарабатывать деньги и покупать на них что-то. Появилась газета «Накануне» — издавалась в Берлине, но охотно печатала писателей из Советской России; интеллигентские круги газету презирали, но она соединяла писателя с читателем, потерянным за годы разрухи. Наладилась связь с зарубежьем, пришли вести от потерявшихся братьев, стала понемногу собираться разрушенная, разметенная культурная среда.

Он жалел, что не смог уехать. Но и сейчас, когда граница на недолгое время стала проницаемой, — не уехал.

Забрезжила надежда отстроить нормальную жизнь: жить в своем доме, держать книги, одеваться не в тряпье из распределителя, нормально питаться, носить обувь по ноге. Все это было просто: люди, знавшие Булгакова в те времена, вспоминали непостижимо безвкусные желтые ботинки (и те ему чудом достались) и легкое драповое пальто, в котором он ходил в самые жестокие морозы. «К 1923 году я возможность жить уже добыл», — писал Булгаков. Появилась и возможность писать: он уже работал над «Белой гвардией» и «Записками на манжетах». Родилась «Дьяволиада» — и на гонорар он купил мебель. Над мебелью, больше подходящей для дамского будуара, друзья посмеивались. А ему было не важно: мебель означала дом, уют. В жизнь стали возвращаться друзья, вечеринки, танцы, домашнее музицирование.

И в эту новую жизнь ворвалась и новая любовь: молодая, красивая Любовь Белосельская-Белозерская вытеснила преданную, любящую Татьяну Лаппа. Нерешенный квартирный вопрос терзал Булгакова: жить в одной квартире с бывшей и новой женой невозможно. Ровно та же коллизия, что удивительно, возникла и тогда, когда он собрался уходить от Белосельской-Белозерской к третьей жене, Елене Сергеевне Шиловской. Квартирный вопрос, который испортил москвичей, испортил и Булгакова, заставляя его страстно завидовать любому обладателю отдельной квартиры. Пожалуй, профессор Преображенский, который живет и работает в большой квартире, — несбывшийся вариант булгаковской судьбы: собственный врачебный кабинет в ней промелькнул и быстро пропал в революционной неразберихе. И столкновение интеллигента с человеком из народа, малограмотным и некультурным, доведенное до фантастических пределов в его прозе, происходило каждый день —

и доводило до фантастических примеров его отчаяние и злость — лучшие двигатели социального гротеска.

Но есть и другая сторона в его прозе: профессор в ней тоже оказывается безупречен. Он вроде бы добро замышляет — исследует, двигает вперед науку, — а выходит безобразное зло: гады затевают поход на Москву, а добродушный пес, оловечившись, орет мерзкие песни под балалайку.

ЗНАМЕНИТОСТЬ

1925 год — переломный в его биографии: Станиславский, прочитавший в журнале «Россия» начало «Белой гвардии», пригласил его к сотрудничеству. Так начался его «театральный роман». Инсценировка «Белой гвардии» была готова очень скоро, вслед за ней появилась «Зойкина квартира», московские и ленинградские театры заваливали Булгакова предложениями — он чуть не в одночасье стал знаменитым драматургом. Рецензенты неистовствовали, обвинения в белогвардейщине и требования снять пьесу с репертуара сыпались одно за другим. Но пьесы шли, деньги капали, а вскоре и проклятый квартирный вопрос разрешился: Булгаков с новой женой переселился в трехкомнатную квартиру на Большой Пироговской.

В жизни его в 20-х годах наметился один лейтмотив: дьявольская сделка — выживание и даже ограниченная свобода в обмен на душу. Предлагали ему сравнительно невинные вещи — за реальные и жизненно необходимые блага: поучаствуй в травле — и напечатают, напиши требуемое — и примут за своего... Похоже, несколько раз он воспользовался заключенным тогда контрактом, после чего безжалостно отверг его. Но окончательно расторгнуть сделку можно было только собственной смертью — и Булгаков прибегнул к этому крайнему способу.

Не стоит видеть здесь мистическую спекуляцию на биографии художника: Булгаков

не зря повторял, что он писатель по преимуществу мистический, и свою жизнь он воспринимал в том же ключе. В каждой судьбе есть повторяющиеся мотивы: дело-то происходит с одним человеком, мир всего лишь возвращает нам мяч, который мы ему бросаем. И к домыслу о контракте Булгакова с «некими силами» стоит отнестись серьезнее, чем к обычной метафоре.

В ТИСКАХ

Кажущееся благополучие длилось недолго: гайки начали закручиваться, цензура становилась злее, а пролетарская риторика — трескучее.

К 1929 году положение театра и литературы было почти катастрофическим: все живое и талантливое искоренялось, пока не осталось одно сплошное РАППство — пролетарская литература, вожди которой искренне убеждены, что писать надо как можно хуже, тогда новый класс поймет и оценит. Три пьесы Булгакова снимаются с репертуара: «Зойкина квартира» у вахтанговцев, «Багровый остров» в Камерном у Таирова и мхатовская «Белая гвардия» («Дни Турбиных»), любимое отдохновение театральной Москвы от бесчисленных «Хлебов» и «Бронепоездов». Время отвердело, сжалось — даже «Бег» с его очевидной анти-эмигрантщиной запрещен. Булгаков чувствует себя уткой в смерзающей полынье. Он все чаще видит перед собой «улицу, кошмар и гибель» — и то, что он успел пережить все это в 20-е, дало ему в 30-х шанс вести себя достойно, без надежд и сожалений.

Он прогуливается в окрестностях Новодевичьего монастыря и носит с собой пистолет — на случай, если внезапная решимость пересилит. Он явно готовится к самоубийству. А потом, на одной из скамеек у пруда, неподалеку от нынешней Савиновской набережной, он замечает странного гражданина, разноглазого, корректного, холодного. Мы знаем об этой встрече лишь из разговоров Булгакова с Еленой Сергеевной годы спустя: кто-то явился и нечто предложил. Пистолет выбрасывается в пруд. А когда Булгаков возвращается домой, глупая, не читавшая ни одного его сочинения прислуга соседей вдруг говорит: «Трубная пьеса ваша пойдеть. Заработаете тыщу».

И через час Булгаков узнает из телефонного звонка, что «Турбины» вновь разрешены, что «автору возвращена огромная часть его жизни», что вся столица гудит о небывалом либерализме. В принципе и эту историю легко объяснить: звонили без него, прислуга взяла трубку, ничего не поняла и передала, как слышала. Непостижимо другое: почему в разгар социалистического строительства Сталин разрешает «Турбиных», почему говорит Хмелеву, играющему Алексея: «Мне даже усики ваши снятся»? Сталин хочет монархии и видит в Булгакове образцового монархиста? Скорее всего, дело в ином: Булгаков, любивший силу и порядок, и сама эта сила, искавшая эстетического оформления, нашли друг друга. Сталину нравился булгаковский

черный юмор, Булгакову — сталинская неприязнь к модернизму и избыточной лести.

Что же было ему предложено и какой ценой? Вероятнее всего, в сделку входила и любовь, поскольку с Белосельской к этому времени все разладилось — и Булгаков находился в поиске. А уже в последние дни февраля 1929 года, на Масленицу, при обстоятельствах, точно изложенных в «Мастере», Булгаков встречает Елену Сергеевну Шиловскую, в девичестве Нюрнберг. Она пребывала во втором и не слишком удачном браке с высокопоставленным военным. Они встретились в гостях, и точен Булгаков в знаменитой фразе: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих одновременно». Несмотря на негодование Шиловского, на его требование прекратить встречи (и 15 месяцев — с 1931 по 1932-й — они действительно не виделись), брак состоялся 4 октября 1932 года. Шиловский писал Булгакову: «То, что я делаю, я делаю не для вас, а для Елены Сергеевны». И если у Булгаковой сложились вполне дружеские отношения с бывшими женами нового мужа, то Шиловский категорически отказывался от любого общения с Булгаковым и неохотно встречался с бывшей женой, даром что старший сын от этого брака остался с ним.

Много спорят о знаменитом телефонном разговоре Булгакова со Сталиным, состоявшемся в мае 1930 года, вскоре после самоубийства Маяковского. Разговор, по словам Булгакова в письме к Вересаеву, был проведен «ясно, сильно, государственно и элегантно»; определения — одно другого комплиментарнее, и Сталину такое отношение не могло не понравиться. В силе его мало кто сомневался, но элегантность — что-то новое. Здесь Булгакову в очередной раз предложен контракт (предложен, кстати, тонко) — и он опять принимает его и покупает десять лет свободной жизни и творчества. «Что, мы вам очень надоели? Может быть, отпустить вас за границу?» — «В последнее время я много думаю, Иосиф Виссарионович, может ли русский писатель жить вне России. И мне кажется — нет, не может». — «Я тоже так думаю». Этот разговор дает Булгакову должность второго режиссера во МХАТе, временно прекращает его травлю в прессе, а главное — дарит ему этически сомнительное, но иногда чрезвычайно плодотворное чувство государственной поддержки. Булгаков обращался к Сталину редко, в крайних случаях, но во всяком отчаянном положении он мог уповать на Сталина, и его просьбы время от времени удовлетворялись (скажем, он добился смягчения участи Николая Эрзмана). Существование Булгакова было полулегально, но этот твердый в убеждениях, благородный фрондер нравился Сталину больше «тонкошеих вождей», бездарных сторонников, преданных певцов. Булгако-

ва не выпускали за границу, снимали только что поставленные пьесы, не печатали книг, но когда Сталин громил литературу, Булгаков вместе с другими «попутчиками» оставался на свободе. Более того — низвергали булгаковских литературных врагов, тех, кто его травил с особенной яростью; и хотя сам Булгаков удерживался от злорадства, Елена Сергеевна в дневниках не могла отказать себе в этом удовольствии.

ПОПЫТКА ДИАЛОГА

В конце 30-х среди ужаса, в который ввержена страна, Булгакову предложен новый контракт — на этот раз МХАТом. Ему заказывают пьесу о юности вождя. И Булгаков пишет «Батум» — пьесу талантливую, суть которой сводится к пушкинским стансам 1826 года: это новая попытка диалога со Сталиным, отчетливый призыв актуализовать лучшие юношеские черты, которыми он наделен в булгаковском воображении. Булгаков рисует его гордым, остроумным, загадочным, смелым и гуманным не потому, что хочет подольститься, а потому, что хочет его таким видеть, призывает его стать тем Сосо, который выведен в «Батуме». Этот человек не станет упиваться вакханалией террора, сводить счеты — нет, ведь он столько натерпелся от царской власти, которая в «Батуме» наделена явными чертами советской. Ведь он сам сидел, сам бежал из ссылки — неужели он хочет теперь сослать и посадить всю лучшую часть страны, ее интеллектуальную элиту? Не то чтобы Сталин это почувствовал: он запретил спектакль по совершенно другим причинам, куда более прозаическим. Ему не нужно было напоминание о сомнительных моментах революционной юности — о кражах и сотрудничестве с охранкой, которого не отрицали и его соратники. Но не мог он не ощутить другого: Булгаков слишком явно намекал, что Сталин мог бы поменьше прибегать к террору. «Батум» — не то что разговор на равных, но попытка воспитывать и наставлять, чем в отношениях с властью всегда обязано заниматься искусство. Проблема в том, что с этой властью вообще не следовало бы вступать в диалог, но попробуйте объяснить это тем, кто при ней живет и надеется повлиять на ситуацию!

Отношения Булгакова и Сталина — серьезная тема (правильнее было бы говорить об «отношении Булгакова к Сталину», поскольку никакого равного интереса, конечно, не было). Александр Мирер в блестящей и глубокой книге «Этика Михаила Булгакова» наглядно показал, что образ Христа у Булгакова как бы раскладывается на две ипостаси — Иешуа и Пилат, добро и сила; Пилат в конце концов получает свет — в отличие от Мастера, заслужившего только покой, — и уходит по лунной дороге, беседуя с Иешуа. Прокуратор производит на Иешуа впечатление «человека весьма умного», но разговор их отка-

зывается представить и самое раскрепощенное воображение. Тем не менее для Булгакова особенно важна силовая, государственническая, даже имперская составляющая пилатовского образа: Пилат — представитель той самой империи, которая определила судьбу и нравы всей цивилизации. Для Булгакова Пилат — не копия, не вариация на тему Воланда. Воланд — «полезное зло». Пилат — «сильное добро». У него бывают минуты слабости, и не зря Иешуа

говорит перед казнью, что страшнейшим из человеческих пороков является трусость...

Но когда Пилат намекает Афранию на необходимость расправы с Иудой, Булгаков откровенно любит Пилатом, и начальником тайной полиции Афранием. Булгаков отлично понимает, что добро делается из зла, и не зря его самые прилежные ученики Стругацкие часто повторяют эту мораль (сформулированную наиболее внятно Робертом Пенном Уорреном). Без силы не построишь ни порядка, ни счастья, и культ силы у Булгакова заметен. Но любить государство он хочет как равноправный, а не как подобо-страстный; он настаивает на праве сотрудничать, а не подчиняться. Именно Мастер прекращает муки Пилата криком: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!» Иное дело, что этот крик разрушает горы, которые отразили его, горы, отделяющие художника от героя; чтобы тебя услышали, надо прорваться через окружение. И не случайно в предсмертном бреду Сталин представал Булгакову «среди камней».

История запрещения «Батума» хорошо известна. Именно она убила Булгакова — после этого стресса он уже не оправился, и тот же склероз почек, от которого умер его отец, сгубил его за полгода. Похоже, за год до гибели Булгаков пересмотрел перспективы «контракта» — не предпринимал никаких попыток «навести мосты» и спасти пьесу, отгородился от МХАТа, бросил поденные заработки. Кажется, ему стали представляться сомнительными любые попытки научить, воспитать, договориться... Видимо, и гибель его, столь стремительная, была следствием внутреннего отказа соблюдать дальше условия сделки. Знаменитые слова «Никогда и ничего не просите, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут» следовало бы продолжить: «Но и тогда не берите». Позднейшие попытки редакции романа — а Булгаков диктовал правки до самой смерти — были, видимо, связаны с тайным стремлением подчеркнуть именно это: пользоваться помощью Воланда можно, но верить ему не следует. ❶

ЗАЙМИТЕСЬ, ГОСПОДА, КУЛЬТУРОЙ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

На первый взгляд кажется, что история жизни Чуковского — это история очевидного успеха: одесский мальчишка, рожденный вне брака крестьянкой-прачкой, стал самым публикуемым русским писателем и почетным доктором литературы Оксфордского университета. Начавший жизнь в полуподвале — к концу ее он имел все, чего только могли захотеть непритязательные соотечественники: дачу в Переделкино, квартиру на Тверской, машину и много денег за всё новые и новые тиражи ставших классикой книжек. Он купался в народной любви, ему мешками носили читательские письма — но был ли он счастлив?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАЧАЛО

При крещении он получил имя Николай, а отчество в церковную книгу записали по батюшке, совершившему обряд, — Васильевич. На самом деле должно было быть — Эммануилович. Отец его, Эммануил Левенсон, сын одесского врача, учился в Петербурге, куда взял с собой горничную Екатерину Корнейчукову. За несколько лет у этой пары родились двое детей — Маруся и Коля. А потом отец оставил их: семья нашла ему богатую невесту. Мать с детьми вернулась на родину, где стала зарабатывать на жизнь стиркой; дети все детство таскали ей ведрами воду. С мамой соседи не здоровались. Клеймо незаконного лежало на Коле долго, он уже вырос, уже писал статьи в газету, а все не знал, как отвечать на вопросы об отце и отчестве — мялся, краснел и мучительно ненавидел себя.

В остальном его детство было, пожалуй, обычным детством одесского мальчишки — с беготней по дворам, рыбалкой, играми, марками и скучной гимназией. Учился он неровно (по гуманитарным предметам — блестяще), был неистощим на проказы, нередко прогуливал и постоянно получал выволочки от гимназического начальства. С детства любил стихи, пробовал их писать, но тетрадка с первыми опытами попала в руки к недругам, и его задрознили. Он спрятался во дворе в каламашку-колымажку — такой полукруглый ящик — и проплакал остаток дня. В этих каламашках Коля Корнейчуков любил прятаться один или вместе с приятелем, мечтать, говорить о других странах. Читал стихи, волнуясь и радуясь их красоте. Он даже грузчикам и извозчикам пытался читать стихи — «Энеиду» Котляревского.

Характер у него был нелегкий — нервный, взрывной. На обидчиков налетал с кулаками, домашним устраивал тяжелые сцены.

Когда вчитываешься в страницы его дневника, с детства знакомый портрет седого джентльмена с коварной улыбкой обнаруживает не замеченные дотоле черты: горькие складки у рта и нечеловеческую тоску в глазах. Дневник Чуковского — чтение для сильных духом: через некоторые страницы трудно даже продираться без постоянного понукания себя, столько на них густого, бескрайнего, самого черного отчаяния. И в самом деле, в его долгой жизни было столько потерь, что не понять, как он смог это все вынести. Он пережил троих из четверых своих детей, жену и многих близких друзей. Терял работу, несколько раз был всенародно ошельмован и изгнан из литературы, отлучен от печати — казалось, навеки. И каждый раз он поднимался и жил дальше.

советовал Чуковского: ведь он знает английский. Чуковский срочно женился на девушке Маше, которую давно любил (Маша, девушка из хорошей еврейской семьи, ради этого убежала из дома и крестилась). И молодая пара отправилась в Англию. Денег было мало, они кочевали из пансиона в пансион, один хуже и дешевле другого. Молодой Чуковский ежедневно ходил в Библиотеку Британского музея, изо дня в день читал; в конце концов его взяли туда на работу — поручили составить каталог книг на славянских языках.

РЕВОЛЮЦИЯ

Он вернулся в Россию, когда газета перестала ему платить, полный впечатлений и нового опыта. Одесса после Лондона казалась слишком маленькой, слишком мещанской, его тянуло в Петербург, он поехал туда, пытался пристроиться корреспондентом, но ничего не вышло. А дома уже был маленький сын, тоже Коля, и семью надо было кормить, а он был еще совсем молод, едва за двадцать, и, честно говоря, мало что умел. Лондонские штудии заострили его перо, научили его писать короче, ядовитее, чем раньше — первые его корреспонденции были удручающе громоздки и многословны. Новый Чуковский писал легко, изящно и обо всем, но его никто не торопился взять на работу.

Грянула революция 1905 года; в одесский порт пришел мятежный броненосец «Потемкин», город взволновался. Чуковский с компанией воодушевленных неслыханными событиями людей плавал на броненосце — просто так, квасу повезли, вдруг им там надо... Увез с него матросские письма родным, весь вечер наблюдал пожар в гавани и подавление мятежа, смотрел, как увозят трупы расстрелянных и споровших людей. После этого он заболел революцией — ни о чем не мог думать и говорить, кроме того зверства, которое свершилось у него на глазах. Хотел как-то участвовать в революционных событиях, но не знал как, чем помочь... Осенью снова уехал в Петербург и там — после царского манифеста, даровавшего свободу печати, — стал издавать сатирический журнал «Сигнал», хотя и не имел на то права. На редактора журнала, шутившего над властью, завели уголовное дело по нескольким статьям, от оскорбления членов царской фамилии до призывов к свержению существующего строя. Чуковскому грозило заключение в крепость; он даже просидел в предварительной тюрьме на Шпалерной. Читал в камере Марка Твена и хохотал. Культура, писал он потом в одной из своих статей, уже

Из гимназии вылетел — сам писал везде, что из пятого класса, на самом деле, похоже, из седьмого, и не по закону о кухаркиных детях, а за издание рукописного журнала, что гимназистам строго воспрещалось. Крестьянское происхождение все-таки играло свою роль — и сейчас, и потом. Как крестьянин, он, уже взрослым, не имел права редактировать журнал и был ограничен в избирательных правах. Окончил он потом гимназию экстерном или нет — так толком и неизвестно, дальше было только самообразование, постоянное, изо дня в день, на протяжении всей жизни.

С мамой он поссорился в подростковом возрасте, ушел из дома, снимал у кого-то жилье, работал маляром, учил по случаю купленному самоучителю английский язык и выписывал английские слова кистью на крышах. Читал много, и не только поэзию, но и книги по философии, экономике — его юношеские дневники пестрят конспектами какого-нибудь Спенсера или Бокля, которых он тоже штудировал. Читал много, беспорядочно, страстно — и на основании прочитанного складывал свою всеобщую теорию всего, как это и делают много думающие молодые люди. Из этой юношеской теории потом выросли его воззрения на роль искусства и литературы в человеческой жизни — воззрения, которым он на всю жизнь остался верен. Заклучались они в простом тезисе: искусство делается ради искусства, ради красоты и гармонии. Литература абсолютна — она не может и не должна ничему служить. Всякая полезность только тогда полезна, когда дело делается с полным осознанием его бесполезности: пишу потому, что не могу не писать, пою потому, что не могу не петь, а какая-то польза от этого, может быть, произойдет сама собой, если я хорошо сделаю свое дело. За эту теорию ему немало попадало всю жизнь: ему довелось жить во времена, которые ценили «что» и не придавали значения «как». А Чуковский — этот псевдоним он себе придумал для первых публикаций, разбив на кусочки свою «мужицкую» фамилию Корнейчуков, — Чуковский всю жизнь говорил о том, что только эстетика — надежный критерий оценки художественного произведения.

Его штудии принесли плоды: свой трактат Коля Корнейчуков показал другу — Владимиру Жаботинскому. Тогда он был молодым корреспондентом «Одесских новостей» (потом пути друзей разошлись; журналистику бросили оба, но один ради литературы, а другой — со временем основал Государство Израиль). Жаботинский отнес в редакцию работу друга, она повалывалась там какое-то время и увидела свет, и автору даже заплатили гонорар, на который, как говорят свидетели, он купил себе новые штаны. Когда встал вопрос о том, кого послать в Лондон корреспондентом газеты, Жаботинский по-

для них — не то для Коли, не то для Бобы, третьего ребенка, он придумал «Крокодила», — быстро-быстро плел все, что приходит в голову, забалтывая в дороге большого мальчика, чтобы он не хныкал... «Крокодил», вобравший в себя всю музыку улиц, всю скороговорку уличной речи, вышел в свет в 1916 году.

В Первую мировую Чуковский в компании Алексея Толстого, Владимира Набокова и еще нескольких человек ездил в Англию — смотреть, как союзники воюют. Он написал оттуда несколько больших корреспонденций для журнала «Нива».

Вернулся из Англии, занял у Репина денег, выкупил в собственность дачу, в которой жил. Вскоре грянула революция, и дача осталась по ту сторону государственной границы, в независимой Финляндии. А Чуковские, уехавшие в город отдать детей в школу, так там и застряли. Революция принесла голод и безработицу — Чуковский со старшим сыном даже газетами торговали. Корней Иванович читал лекции за продукты, за дополнительные пайки семье. Литература кончилась: встали издательства, не было бумаги, писатели и поэты голодали. Чуковский задумал спасти русскую литературу от гибели, собрав литераторов вместе в помещении, где тепло, есть еда, где можно хотя бы поговорить друг с другом, где можно читать лекции на литературные темы и услышать новости о том, кто что пишет... С помощью Горького ему удалось выбить для этой цели и здание, и деньги; Дом искусств помог выжить в голодную зиму многим писателям, поэтам и художникам. А еще он работал в горьковской «Всемирной литературе» — невероятной затее, которая должна была дать победившему пролетариату библиотеку лучших произведений мировой классики. Чуковский заведовал англо-американской секцией. Блок — немецкой. Гумилев — французской. В 1921 году один за другим ушли и тот, и другой. Он уже раньше видел, как один за другим умирали от голода и уезжали друзья, но впервые на его памяти власть расстреляла одного поэта и уморила другого.

СКАЗКИ

Наверняка он тоже думал, уезжать или нет. Решил остаться. По призванию он был культурным работником, а сейчас культурная работа была нужна родине как никогда. И он остался делать эту ежедневную, неблагодарную, иногда скучную, иногда захватывающую работу: воспитывать читателя. До середины 1920-х годов он еще мог писать то, что думает, и публиковаться. Гайки, однако, завинчивались,

тем замечательна, что прекрасно занимает ум, когда сядут тебе на голову всем седалищем; займитесь же, господа, культурой. Время подтвердило справедливость этой мысли: в иные времена культура в самом деле оказывалась единственной отдушиной, когда садились на голову всем седалищем.

Уголовное дело тянулось до самого 1907 года и навсегда отбило Чуковскому охоту лезть в политику.

КРИТИКА

К этому времени он уже переехал в финскую Куоккалу под Петербургом: там недорого сдавались дачи. Там не было столичной суматохи, там у него был кабинет, там было море и лес — там он, с юности страдавший бессонницей, мог нормально жить. В семье появился второй ребенок — Лида. Чуковский подружился с соседями — ближним, куоккальским, Репиным, и дальним, из Ваммельсуу, Леонидом Андреевым. Его работа во множестве мелких изданий принесла свои плоды: молодую звезду русской литературной критики заметили и пригласили работать фельетонистом в газете «Речь», которую издавала партия кадетов. Именно в «Речи» Чуковский опубликовал лучшие свои критические статьи о современной литературе. Одновременно много выступал с лекциями о литературе. Лектор он был прирожденный: аудиторию держал цепко, ошарашивал неожиданными сравнениями, поворотами сюжета. Читатели и слушатели недоумевали: разве можно с такой стороны смотреть на писателя? С какой? Через призму его текста. Текст выдает все тайны писателя, уверял Чуковский. Даже такие, о которых он и сам не знает.

Не могла публика понять и его пристрастия к анализу совсем уж второсортной популярной литературы, глупых книжек для детей, дешевых брошюр для рабочих, бездарных детективов, плохих стихов. А он предупреждал: массовая любовь к таким поделкам — грозный призрак наступления на культуру огромных бескультурных масс. Наступает армия полубразованных, невежественных, энергичных варваров, видел он и пытался предупредить: массу надо учить, просвещать. Иначе очень скоро культуре придет конец. Над его пророчествами смеялись — недолго, правда. Пока они не сбылись. Много позже он написал, что уже тогда в примитивной жестокости первых кинофильмов и детективных выпусков было видно зарождение той мешанской, самодовольной силы, которая через несколько десятилетий оформилась в фашизм.

СПАСТИ ЛИТЕРАТУРУ

Подрастающие дети заставляли его задумываться о законах развития детской психики, о том, как ребенок овладевает языком, о детском творчестве и творчестве для детей. Он читал подрастающим детям книжки и не мог не задумываться о том, как убого большинство этих книг. Он сам начал сочинять

и довольно скоро с критикой пришлось покончить: она не могла выжить в условиях постоянного идеологического давления. И, как обычно на стыке эпох, он менял занятие и брался за что-то новое. Сейчас у него подрастала дочка Мурочка, Мария, четвертая, младшая и, может быть, самая любимая. Именно ей досталось его взрослое, умудренное опытом отцовство — игры, разговоры, стихи... Для Мурочки он пересказывал любимые сказки — так появился Доктор Айболит и другие переводные, пересказанные истории. И посыпались свои — как из рога изобилия. За несколько лет домашнего счастья он написал почти все свои главные сказки — для нее, Мурочки.

К концу 20-х тучи над его головой стали сгущаться. Сначала под суд попала дочь Лида, угонившая в политический кружок и высланная из Ленинграда. Затем началась коллективизация — не только колхозная, но и писательская. Писателей-кустарей власть захотела объединить в артели для коллективного полезного труда. Сказки были объявлены вредным пережитком прошлого, а сам Чуковский — едва ли не вредителем. Его вынуждали отречься от сказок, признать свою неправоту, дать обещание служить социализму. Истерзанный критикой, которая требовала выбросить книги Чуковского из библиотек, выброшенный вон из профессии, он дал вымученное согласие. Пообещал какую-то «Веселую колхозию», сборник новых песен и частушек о колхозе для советских детей. И надорвался на этом. Всю жизнь не мог себе простить этого шага. И болезнь Мурочки расценил как наказание за малодушие.

ТЯЖКОЕ

У Мурочки был костный туберкулез. Лечить его тогда не умели — только помещали больного в мягкий климат и давали усиленное питание, чтобы организм окреп и сам боролся с болезнью. Но еды было мало, не за горами был голод начала 30-х; оставалась надежда на климат. Мурочку — ослепшую на один глаз, с гипсом на обеих ногах — увезли в Крым, в алуштинский санаторий, где таких детей умели лечить. Порядки в санатории были свирепые: ребенка забирали у родителей, свиданий почти не разрешали — и, чтобы пробраться к Мурочке, отцу приходилось то выдумывать журналистское задание и писать очерк о санатории для «Нового мира», то приходиться к детям в качестве детского писателя... Крымский климат не помог. В 1931 году Мурочка умерла. Чуковский вернулся в Москву поседевший, постаревший, с ампутированной половиной души. В Москве тем временем появились признаки перемен. Власть изменила отношение к писателям: их перестали шельмовать и травить, партия осудила переги-

бы — и теперь к писателям стали проявлять уважение. Печатали книги, давали зарплаты, переселяли в новые квартиры. Понемногу вернулся к жизни и Чуковский, оглушенный своим горем. Тогда-то он и понял, как справляться с тоской и отчаянием: надо помогать другим людям. «Расширять сердце», — написал он однажды. Расширять, впускать в него других людей с их бедами и помогать им.

Писать сказки он больше не мог: он сам много раз говорил, что детский поэт должен быть прежде всего счастлив. Критика для него тоже была закрыта. Он ушел в некрасоведение (Некрасовым занялся еще до революции) и переводы. Всерьез занялся проблемой комплектования школьных библиотек и преподавания литературы в школе, написал об этом множество блестящих статей.

Когда начались репрессии, он помогал детям арестованных, хлопотал за севших в тюрьму и канувших в неизвестность — а среди них был его зять, муж Лидии Корнеевны, талантливый физик Матвей Бронштейн. Кольцо постепенно сжималось вокруг его семьи — Лидию Корнеевну он насилу уговорил уехать из Ленинграда — ордер на ее арест был уже выписан; органы разрабатывали версию о шпионской деятельности сына Коли... Почему-то, однако, репрессии приостановились, не успев зацепить Чуковских, — почему, вряд ли мы когда-нибудь узнаем. Но оставаться в Ленинграде было опасно. Так что в 1938 году Корней Иванович с женой и сыном Бобой переехали в Москву. Вскоре они получили дачу в новом писательском поселке Переделкино — там пройдут следующие тридцать лет жизни Чуковского.

ИЗГОЙ

Переделкино напоминало Куоккалу — разве что моря не было. Здесь он снова мог работать в тишине и покое. Покой был недолгим: едва переделкинский дом успели утеплить и обжить, как началась война. Оба сына ушли на фронт; любимый Боба погиб осенью 1941 года под Москвой, старший, Николай, стал свидетелем страшного умирания блокадного Ленинграда. Сам Корней Иванович писал статьи для Совинформбюро; потом, в ташкентской эвакуации, помогал искать семьи потерявшихся эвакуированных детей, написал книгу «Дети и война», где рассказал, как много и умно дети воюющей страны помогают взрослым в работе. Он затеял почти невыполнимое дело: рассказать малышам, что это — война. На понятном им сказочном языке объяснить, за что сражаются взрослые. Попробовал включить в язык сказки языковые клише из сводок Совинформбюро. Мучился, переписывал заново и заново, читал детям в госпиталях и школах, проверяя, как они воспринимают сказку «Одолеем Бармалея». Наконец издал в Ташкенте и попытался издать в Москве. Но сказ-

ка, где отважные зверушки ездили на танках и защищались от наступающих гиен, многими была воспринята как злая насмешка над горем и подвигом советского народа... «Правда» написала о «пошлой и вредной стряпне Корнея Чуковского», он снова оказался отлучен от детской литературы. Еще одну попытку написать сказку он сделал после войны. В его «Бибигоне» были дача и мирное лето. Отважный лилипут Бибигон в треуголке храбро сражался с индюком и спасал сестру Цинцинелу от дракона. Дети приняли новую сказку, которую он прочитал по радио, с восторгом.

Чуковского завалили письмами, в которых наперебой звали Бибигона в гости, слали ему рисунки и подарки... Он хотел даже сделать выставку этих трогательных писем, присланных детьми, только что пережившими страшную войну. Но «Бибигона» тоже объявили пошлым и вредным, аполитичным. Мешки писем на радио уничтожили, выставка не состоялась. Следующие несколько лет — вплоть до смерти Сталина и «оттепели» — он жил изгнанником. Писал в газеты статьи к юбилеям писателей — то Чехова, то Некрасова, то Шевченко. Занимался Некрасовым, восстанавливал в текстах места, вымаранные цензурой, и готовил к печати его произведения. Писал свое «Мастерство Некрасова» — трудно писал, потому что так, как он привык — легко, парадоксально, остроумно, — ему не давали редакторы, которые из всякого его труда вымарывали любое неказенное слово, всякий удачный образ — и вставляли штампы и ссылки на основоположников. «Мастерство Некрасова» на сегодняшний взгляд кажется вымученным, тяжелым текстом, даже подневольным — однако современники восприняли его горячо и с сочувствием, и не только потому, что вопрос о формальном мастерстве Некрасова был принципиально нов для советского литературоведения, занятого поисками революционного содержания. Еще и потому, что угадывали в судьбах некрасовского поколения свою судьбу, в их жизни при политическом терроре — свою жизнь, и искали ответов на свои вопросы. Ответ у Чуковского был, и он не изменился с давних времен: займитесь, господа, культурой.

В последние десятилетия жизни, когда душная атмосфера позднего сталинизма сменилась энтузиазмом «оттепели», он занимался культуртрегерством — объяснял, как грамотно и с любовью писать для детей стихи, преподавать им литературу, как делать переводы, как говорить и писать по-русски, избегая казенной пошлости и дешевых штампов. Шумно радовался любым свежим мыслям, новым талантам, защищал их от гонений: вступался за Василия Аксенова, за Бродского, у него на даче подо-

лгу жил Солженицын... Переделкинская дача Чуковского стала, как некогда его куоккальский дом, центром тяготения для интеллигенции. К нему ехали поэты, писатели, переводчики, педагоги, иностранные делегации. Не просто как к детскому поэту, критику, литературоведу и теоретику перевода — он уже стал живым воплощением русской культуры, полуразрушенной за годы советской власти, но живой и непобежденной.

О СЧАСТЬЕ

Как же получилось, что одесский недоучившийся гимназист в дырявых штанах к концу жизни стал непререкаемым авторитетом в русской литературе? Может быть, дело в его колоссальной воле, непрерывном самообразовании и самовоспитании. «Я каждое утро заносу над собой кнут», — писал он на старости лет. Непрерывное чтение по-русски и по-английски, непрерывная работа каждый день, как бы плохо ни было на душе, какая бы ни стояла погода, каков бы ни был политический климат. Работа была и его отдушиной, его радостью, и его проклятием. Всю жизнь он много, систематически работал, воспитывал себя русским интеллигентом. Нравственным ориентиром для него всю жизнь был Чехов, у которого он учился вниманию к людям, участию, мягкости в обращении, по примеру которого построил в Переделкино детскую библиотеку. Он всю жизнь верно и бескорыстно служил русской литературе, про которую еще в 1906 году сказал: «Литература абсолютна». Литература для него воплощала все лучшее в людях, весь их культурный опыт, все духовное богатство, всю красоту и гармонию. Он сам не прощал себе редких отклонений от прямого курса и всякий раз возвращался на него, жертвуя карьерой, деньгами, возможностями — просто не мог иначе.

Был ли он счастлив, став седым патриархом русской словесности, хитрый дед, окруженный деточками, седой и одинокий литературный волк, проживший долгую и трудную жизнь? В его дневниках мы находим не только бездны отчаяния, но и свидетельства редких и ослепительных взлетов радости, когда, кажется, весь мир танцует вокруг: солнце в небе качается в пляске, летучие мыши на крыше платочками машут и пляшут, на березах от радости выступают слезы, а на осинах зреют апельсины. Он, человек сложный, неровный, депрессивный, умел делиться этой радостью как никто — и в своих сказках, где добро, победив зло, закатывает пир на весь мир, и в критике, где умеет не только браниться, но и замирать от счастья перед гением Толстого, Чехова или Блока. Он всю жизнь видел красоту языка, стиля, человеческой души, мира вокруг — и щедро делился этой красотой с читателем. Может, потому и выжил, и выстоял, и не сломался.

РОЖДЕННЫЙ ЛЕТАТЬ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Несчастий в этой жизни хватило бы на десяток других, а он писал о счастье. Невезучий и не очень удачливый, злой, сильно пьющий, он ассоциируется у русских читателей не со свинцовыми мерзостями во вкусе Горького, а с радостью, полетом, морем — вообще чем-то таким прекрасным и таким блистающим, что бывает только в хороших снах. Проза Александра Грина вообще похожа на хороший сон.

А жизнь его, рассказанная в «Автобиографической повести», кажется сном страшным — такой липкий кошмар, из которого, как ни выпутываешься, все никак не можешь вылезти. Первая жена Грина, Вера Павловна (во втором замужестве Калицкая), писала, что в нем было два существа — Гриневский и Грин, и они почти не смешивались друг с другом: «Если каждого из нас можно изобразить в виде ткани, в которой белая и красная нити замысловато, но довольно равномерно переплетены, то Александра Степановича следовало бы изобразить в виде двух полотнищ — красного и белого, только изредка перекрывающихся или смешивающихся друг с другом».

ШХУНА С БУШПРИТОМ И ДВУМЯ ПАРУСАМИ

Отец его, Стефан Гриневский, по-русски Степан Евсеевич, был потомственный польский дворянин, сын богатого помещика. Еще гимназистом он участвовал в восстании 1863 года и был сослан в Томскую губернию, потом пришел пешком в Вятскую, работал бухгалтером. Он женился на Анне Лепковой, дочери коллежского секретаря. Сначала у семьи не было детей, и они взяли на воспитание подкидыша Наташу, но тут дети пошли один за другим. Александр, рожденный в 1880-м, был старшим; за ним последовали Антонина,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Екатерина и Борис. Денег у Гринеvских почти не было, семья сильно нуждалась. Дети учились плохо: Антонину забрали из четвертого класса гимназии, Екатерину собирались исключить из шестого, и отец забрал ее, так что экзамены она сдавала экстерном. Александр получал сплошные пятерки по литературе, Закону Божьему и географии, но в точных науках ничего не понимал, и задачи по математике за него решал отец. Он же, увидев, что мальчик страстно интересуется охотой, купил ему, десятилетнему, ружье и научил стрелять. Охотником Саша был плохим — слишком нетерпеливым, но на охоте пропадал целыми днями.

Неусидчивый, неистощимый на выдумки и шалости, Грин-блин, как его прозвали товарищи, часто оставался после уроков без обеда в наказание за какую-нибудь провинность. Дома его ругали, иногда били. И не сказать чтобы отец не любил детей — напротив, сам учил их читать и считать, делал с ними уроки, хлопотал о них, когда их исключали из учебного заведения. И все равно в семье было как-то неуютно, нехорошо — дети не слушались, отец пил, оскорблял мать при детях, им тоже доставалось. Мать, измученная детьми, хозяйством, бедностью и нездоровьем, злилась на всех. «Я испытал горечь побоев, порки, стояния на коленях. Меня, в минуты раздражения, за своеволие и неудачное учение звали «свинопасом», «золоторотцем», прочили мне жизнь, полную пресмыкания у людей удачливых, преуспевающих», — писал Грин в «Автобиографической повести».

Саша Гринеvский был типичным подростком конца XIX века — из тех, что упоенно рубают лопухи самодельными саблями, воображая себя великими воинами, читают под партой Фенимора Купера и Густава Эмара, выписывают журнал «Вокруг света» и хотя бы убежать в Америку — вот точно как чеховские Володя и Чечевичын из «Мальчиков». «Два раза Сашу исключали за шалости, — писала Вера Калицкая, — но по просьбе отца принимали обратно. Из третьего класса исключили опять, и на этот раз хлопоты родителей не помогли». Причиной исключения стали стихи — подражание пушкинской эпиграмме: «Капустин, тощая козья-

ка, // Засохшая былинка, травка, // Которую могу я смять, // Но не желаю рук марать». И дальше, про каждого учителя так. Дома его побили, несколько дней стыдили: что из тебя вырастет! Потом отец перевел мальчика в городское четырехклассное училище, которое Саша окончил в 1896 году.

Мать его умерла от туберкулеза, когда ему было 13 или 14 лет. Отец вскоре снова женился, пошли дети — Николай, Варвара, Ангелина, да еще у мачехи был сын от первого брака. У старших детей отношения с мачехой совсем не заладились, отец снимал комнаты Александру и Екатерине, чтобы они жили отдельно.

Саша давно мечтал о море, и, когда он окончил училище, семья решила отправить его в Одессу, где были мореходные классы. Мальчик уехал на юг с плетеной корзинкой и акварельными красками — рисовать невиданные цветы на берегах Ганга. Когда приехал — оказалось, что прием в классы окончен. И платить за обучение семья все равно не могла. Можно было наняться на судно учеником, но учеников брали за плату. Саша долго мыкался по порту, пытаясь наняться хоть куда-нибудь. Наконец, еле живой от голода, обратился за помощью к портовому бухгалтеру Хохлову (сам он пишет, что рекомендательное письмо к нему получил от случайного попутчика). Тот поселил его в бордингаузе, где ночевала береговая команда; юноше выдали одежду и обувь — а вскоре его взяли учеником на пароход «Платон»: он выпросил у отца денег на оплату одного месяца. Корабельная служба, о которой он так давно мечтал, оказалась изнурительной; она аукается в «Алых парусах»: «Случалось, что петлей якорной цепи его сшибало с ног, ударяя о палубу, что не придерванный у кнека канат вырывался из рук, сдирая с ладоней кожу, что ветер бил его по лицу мокрым углом паруса с вшитым в него железным кольцом, и, короче сказать, вся работа являлась пыткой, требующей пристального внимания». Морская служба Грина была пыткой от начала до конца. Один рейс на «Платоне» — затем пришлось уйти, нечем было платить за обучение. Он лежал в больнице для бедных, голодал, побирался, наконец нанялся на маленькое судно «Святой Николай», однако

при расчете оказался еще и должен хозяевам, ушел со скандалом. Работал в пакгаузе, ходил матросом на «Цесаревиче» в Константинополь, но не удержался и там: поднял на смех капитана, и тот снял его с работы, не дожидаясь конца рейса. Через год он вернулся в Вятку ни с чем — с пустыми руками, без денег, без вещей, только с горьким опытом. Краски давно продал, единственное его сокровище — китайскую чашку, за чем-то купленную на последние деньги, — у него украли. Через несколько лет он попал в армию, и в его армейских документах сохранилась запись: «Особые приметы: на груди татуировка, изображающая шхуну с бушпритом и фок-мачтой, несущей два паруса». Это, наверное, единственный материальный след его матросской службы.

Отец надеялся, что подросший сын будет помогать семье, а не тянуть с нее деньги; Сашу устроили на железнодорожные курсы, но ему там стало тошно, и он их бросил. Стал переписывать роли для актеров, через год затосковал и отправился на юг в жажде приключений. На сей раз в Баку. Этот год оказался хуже даже, чем год в Одессе: «холод и мрак». Саша пытался работать на нефтяных и рыбных промыслах, в порту, где придется; он заболел малярией. Один раз чуть не умер от жажды, неправильно выбрав маршрут пешего перехода под палящим солнцем. Спал в ночлежках. Побирался. Редко кому из русских писателей доставалась такая чудовищная юность — разве что Горькому да Сологубу. Даже не удивительно, наверное, что из всех троих вышли романтики — из кого революционные, а из кого мрачные. Должно быть, потому, что все это совершенно невозможно вынести, если не быть уверенным в том, что человек — это звучит гордо, а на свете есть Лисс, Зурбаган и звезда Маир.

В Вятку он снова явился без гроша. Опять переписка ролей, потом железнодорожные мастерские — стабильная работа и заработок, но он опять затосковал и уехал. Сначала хотел жить охотой, как куперовский Следопыт. Работал банщиком. Матросом на речной барже. Пьянствовал. Был переписчиком у присяжного поверенного. Ушел на Урал на золотые промыслы — но и там не удержался. Вернулся, наврал отцу, что ограбил с разбойниками контору золотодобытчиков, но все деньги прокутил. Отец задумался: «Не знаю, что из тебя выйдет».

ЛЮБОВЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

В 1901 году Гриневскому исполнился 21 год — время призыва на военную службу. Ему дали отсрочку на полгода, уж больно тщедушен оказался призывник. Но в 1902 году забрали в армию. Службу он возненавидел с первых же дней. Из девяти проведенных в армии месяцев три просидел в карцере.

В армии познакомился с революционером Студенцовым и тоже решил пойти в революцию. С помощью друзей-эсеров бежал из армии, и теперь его жизнью управляла партия. По ее решению он переезжал из города в город. Он скоро понял, что сама идея террора ему не нравится, что это путь не для него. Партия сочла, что из него получится хороший пропагандист, говорил он горячо и убедительно. Его посылали к матросам и солдатам — там он был свой. Он вспоминал: «Оказывается, один солдат после моего ухода бросил с головы на землю фуражку и воскликнул: «Эх, пропадай родители и жена, пропадай дети! Жизнь отдам!»

Партийная работа снова привела его на юг — Екатеринослав, Киев, Одесса, Севастополь, где он встретил первую свою большую любовь, Екатерину Бибергаль. В его «Автобиографической повести» ее зовут Киска. Есть несколько ее фотографий: иронический прищур, видно, что умная и незаурядная. Гриневский звал ее замуж, она обещала ему — но в любовную историю вмешалось правосудие. Солдаты, которых агитировал Гриневский, выдали его полиции. Он не давал показаний, не называл себя, не сотрудничал со следствием — и два года просидел в тюрьме, при всякой возможности пытаясь бежать. Киска уехала в Швейцарию, откуда вернулась после амнистии 1905 года. Но вместо воссоединения получилась драма: он устал голодать, мерзнуть, прятаться, бояться, ждать ареста и гибели. Он хотел жить и любить, она хотела жертвовать собой и делать революцию. У него в рассказе «Апельсины» (1907) арестант в тюрьме пытается читать «Капитал»: «Сухие, математически ясные строки понеслись перед глазами, падая в какую-то странную пустоту, без следа, как снежинки. И от этих безжалостных строк,

ядовитых, как смех Мефистофеля, неутомимых и спокойных, как бег маятника, — ему стало скучно и холодно». А весна смотрит в окно камеры «ласковыми, бесчисленными глазами», и синяя река дрожит золотыми блестками.

Вера Калицкая пишет о Бибергаль: «В Грине она видела талантливого агитатора, в момент увлечения становившегося вождем тех, кто его слушал. В такие часы и Бибергаль увлекалась им». Он решил отойти от революции — она сказала, что раз он ушел из революции, то ушел и из ее жизни. Он пытался ее удержать — она его отталкивала. Тогда он вытащил револьвер и наставил на нее. Она не сдавалась. Грин писал об этом: «Она держалась мужественно, вызывая, а я знал, что никогда не смогу убить ее, но отступить тоже не мог, — и выстрелил». Так у него в «Острове Рено», первом из «нерусских», романтических его рассказов, Тарт стреляет в преследующего его Блемера — и так зримо и слышимо булькает воздух в пробитом легком Блемера и сочится сквозь пальцы липкая кровь, так бездумно стреляет Тарт и так растерян потом, — что ни секунды не сомневаешься в том, что рука, написавшая «Остров Рено», не дрогнула бы, спуская курок в нескольких сантиметрах от чьей-то груди... Киске пуля попала в грудь и застряла в боку; раненая даже смогла выйти в комнату хозяев квартиры и попросить их, чтобы они уговорили Гриневского уйти. Он ушел, Киску прооперировал знаменитый профессор, она выздоровела, но больше с отвергнутым влюбленным не оставалась наедине и возможностей объясниться ему не давала. Его арестовали в 1906 году, и они больше никогда не виделись. Она провела несколько лет на каторге; известна ее фотография среди других эсерок-каторжанок, среди них знаменитая Мария Спиридонова. Грин послал ей туда свою книгу с рассказом «Маленький комитет» — там речь идет о городском революционном комитете: «Комитет ходит в юбке. Ему девятнадцать лет, у него русые волосы и голубые глаза. Очень маленький комитет». Послереволюционная судьба Киски — тоже типичная для социал-революционерки: сталинские лагеря и ссылка.

ИЗ РЕВОЛЮЦИИ В ЛИТЕРАТУРУ

Революционер Гриневский попал в петербургские «Кресты», и Красный Крест, помогающий заключенным, позаботился о том, чтобы к нему на свидание ходила фиктивная невеста, раз в городе нет родных, которые могли бы носить передачи. Невестой назначили преподавательницу вечерней школы для рабочих Веру Абрамову. На свидании арестант поцеловал свою «невесту» на прощание; этот поцелуй смутил ее. Гриневский скоро уехал в ссылку и должен был провести несколько лет в Тобольской губернии, но сбежал оттуда на следующий день после приезда, вернулся в Петербург с чужим паспортом (В. Вихров пишет, что паспорт умершего «личного почетного гражданина» Мальгинова для него раздобыл отец. — *Прим. авт.*) и сразу направился к невесте, которая вскоре стала его гражданской женой: венчаться по фальшивому паспорту было нельзя. Именно к этому времени относятся первые литературные опыты Александра Степановича. Написаны они были по заказу партии — как агитационные материалы: рассказ «Заслуга рядового Пантелеева», впоследствии конфискованный и сожженный, и «Слон и Моська». Редактора и издателя «Заслуги рядового Пантелеева» посадили, но они не выдали, кто автор, — рассказ был подписан «А. С. Г.». Заслуга, кстати, состояла в том, что рядовой Пантелеев застрелил крестьянина во время бунта; текст предназначался для агитации среди солдат. Рассказ «Случай», на ту же тему, стал первым текстом, под которым в печати появилась подпись «Грин»; позднее высказывались догадки, что автор взял этот псевдоним для иностранного колорита — но никакого иностранного колорита в первых рассказах Грина еще не было, подписаться собственным именем беглый ссыльный, живущий по чужому паспорту, никак не мог; наконец Грин — просто детское прозвище.

Первые рассказы Грина похожи вовсе не на Грина, а на русскую литературу «критического реализма»: «Ночью, когда все затихало и в спертom, клейком воздухе казармы прели вонючие портянки и лапти; когда смутные, больные звуки стонали в закопченных бревенчатых стенах, рожденные горами тел,

разбитых сном и усталостью, Евстигней вскакивал, ругался, быстро-быстро бормоча что-то, затем бессильно опускал голову, скреб волосы руками и снова валился на твердые, гладкие доски». Это мог быть чей угодно текст, таких полно было в «Русском богатстве», или в «Мире Божьем», или в сборниках «Знание». Прошло несколько лет, пока он нашел свою дорогу в прозе. Его первый сборник рассказов, «Шапка-невидимка», повествует о нелегалах-подпольщиках. Грин ясно понимал, что революционера из него не вышло: террористических методов он не одобрял, устал от бездомной жизни, ожидания ареста, от бесконечных странствий. Жена его пишет: «Именно из-за этой нервной усталости Грин и отказался от работы в партии, открыто заявив: «Не хочу работать больше, устал, не хочу рисковать». И вот сейчас, в 1907 году, когда революция закончилась всеобщим разочарованием, усталостью и тоской, на смену Грину-подпольщику пришел Грин-романтик.

Со словом «романтик» в русском языке произошла ужасная история: оно безнадежно опошлилось. Романтик XIX века — мрачный одиночка, рассказывающий жуткие истории о сильных людях, преодолевающих страшные обстоятельства. В парах абсента он различает смутные предупреждения о будущем, ловит напевы диких и прекрасных мелодий и видит далекие прекрасные страны, где природа не испорчена цивилизацией, а нравы первобытны и суровы. В начале XX века романтик — это человек, вдохновленный великой идеей, уверенный в ее могучей силе и собственной способности перевернуть мир и сделать его пригодным для жизни. Но уже к концу XX века романтик стал ассоциироваться не с хмурым мощью романтизма, а с сопливой и слабодушной романтикой. И особенно не повезло тут Грину, которого совершенно разменяли на брэнчание гитары, песни про бригантину и девичьи мечты про романтические свидания и прогулки на яхте, от каких всякого романтика непременно стошнило бы.

Первое «нездешнее» произведение Грина — «Остров Рено»: матрос Тарт решает не возвращаться на корабль и остаться на прекрасном острове. Здесь уже звучат все гриновские ме-

лодии: и разочарование в человеческом обществе, и поиски настоящего, и — самое главное, по чему безошибочно опознается Грин, — момент счастья, когда тоскливая действительность вдруг открывается и в ее сердцевине проступает чудо: «С минуту, трепеща от восторга, Тарт не решался поднять веки, боясь, что случайною сказкою мысли покажется неожиданное великолепие окружающего. Но сильный, горячий свет проникал в ресницы красным туманом, и нетерпеливая

радость открыла его глаза...» — и дальше чистая песня, симфония счастья, сложенная из пыли водопадов, радуги, золотистого дрожания капель, и ни одной фальшивой ноты. Грин — человек ломаный, мрачный, сильно пьющий и во хмелю нехороший — знал за собой тягу к болезненным фантазиям и гадким видениям (об этом у него есть несколько совсем больных, декадентских, жутких рассказов). Это стремление он сознательно в себе давил; так, один из его героев, художник, прячет и уничтожает свои inferнальные творения, вместо того чтобы показывать их миру: «...реку, запруженную зелеными трупами; сплетение волосатых рук, сжимавших окровавленные ножи; кабачок, битком набитый пьяными рыбами и омарами; сад, где росли, пуская могучие корни, виселицы с казненными; огромные языки казненных висели до земли, и на них раскачивались, хохоча, дети...» По нынешним временам все эти цветочки зла — вполне невинный мейнстрим; Грин мог стать мрачным мастером безумия, крови и ужаса, природных данных бы ему для этого хватило, недаром его постоянно сравнивали с Эдгаром По, — и щедрую дань этой стороне своего таланта он отдал в цикле «Наследство Пик-Мика», написанном во время Первой мировой войны. И все-таки вторым По он не стал: По — мастер темный, мастер колодца и маятника, а Грин стал мастером ветра, бега по волнам, солнечных пятен и полетов наяву. В 1916 году он сформулировал для себя: творчество — воплощение всякой свободы.

Он может быть зол, может быть жесток и даже жесток — но ослепительное сияние

счастья, но мастерство музыкального взлета в его прозе совершенно неподдельны, и вот это, надо сказать, высший пилотаж: напугать читателя легче, чем обрадовать. Заставить его заплакать, затаить дыхание от ужаса и напряжения — легче, чем заставить его задохнуться от восторга, рассмеяться свободно и счастливо, от полноты души. Это вообще мало кто умеет — но в том поколении умели; Блок, ровесник Грина, точно умел: «свирель запела на мосту, и яблони в цвету»...

Критик Горнфельд, автор первой большой и доброжелательной рецензии, писал о Грине: «Он хочет говорить только о важном, о главном, о роковом: и не в быту, а в душе человеческой». Рецензия вышла в народническом «Русском богатстве», которое, кстати, взяло у Грина для публикации вполне традиционный рассказ «Ксения Турпанова» из жизни ссыльных: жена уехала с острова покупать мужу подарок, а муж в это время привел домой другую...

Несколько лет Грин пишет по-разному, то традиционно, то по-новому, нарабатывая мастерство и сочиняя свой мир: нанося на карту новые земли, населяя их новыми людьми, преобразуя реальность.

С 1907–1908 годов он влился в круг петербургских писателей, стал ходить по редакциям, знакомиться с литераторами — и, как многие из них, проводить время в ресторанах и кабаках; он и раньше выпивал, теперь иногда пропадал на несколько дней. Гонораров, разумеется, на жизнь не хватало. Фактически его содержала жена.

Его снова арестовали в 1910 году, и теперь уже он мог венчаться; Вера Павловна долго хлопотала об этом; арестанта доставили в церковь, на венчании присутствовали сестры Грина и полицейские агенты. Почти сразу новобрачные отправились в ссылку в Архангельскую губернию, где прожили два года. Годы эти трудно назвать идиллическими, и закончились они разрывом, причем по инициативе Грина. Жена не возражала: ей было все труднее терпеть грубость и пьянство Грина. Тем не менее они остались на всю жизнь добрыми друзьями, и Вера Павловна, умевшая разглядеть в злом и дисгармоничном Гриневском нежную, летящую душу Грина, спокойно и доброжелательно помогала ему и его второй жене.

НЕГДЕ ПЕЧАТАТЬСЯ

Перед Февральской революцией он жил в Финляндии и, узнав новости, отправился в город пешком, потому что поезда не ходили. Ни писем, ни записей его за этот год не сохранилось. «Два человека, видевшие его после февраля, рассказывают, что часто встречали его на многочисленных стихийно возникающих митингах. Он ко всему приглядывался, прислушивался», — пишет его биограф Владимир Сандлер.

Жизнь его после Октябрьской революции, как и у всех, — бедная и голодная. Книги не издаются, зарабатывать нечем. Ник. Вержбицкий рассказывает в воспоминаниях, что Грин жил на даче в Барвихе, имущества у него не было, кроме чемоданчика со сменным бельем, хлебных карточек тоже; он собирал в лесу грибы, жарил на костре и ел, иногда таскал с поля картошку и ел сырой, варить бы не позволил хозяин дома. Осенью он влюбился, переехал к женщине по фамилии Долидзе, о которой мало что известно; три месяца прожил с ней, потом обиделся, что от него прячут варенье и запирают буфет: «Я не приживальщик, и не моя вина, что негде печататься. Я потом все бы вы платил. Я послал всех, куда следует, и ушел», — сказал он Вере Павловне.

В 1919 году его призвали в Красную армию. Он служил в тылу, в телефонной команде на Охте. К военной службе он всегда испытывал отвращение, страшно тосковал; наконец обратился в санитарный вагон, просто от тоски, но врач нашел, что он слаб, и отправил на комиссию, а та дала отпуск. Он вернулся в Петроград, но чувствовал себя плохо — оказалось, тиф. Горький

устроил его в больницу, а после больницы, совсем слабого, направил в Дом искусств на Мойке, где писатели и художники вместе спасались от холода и голода и пытались поддерживать культурную жизнь: издавали журнал, устраивали лекции и чтения. В декабре 1920 года Грин читал в Доме искусств свои «Алые паруса» (хорошо принятые слушателями, а потом читателями и, за редким исключением, критиками); в Доме

искусств родился его жуткий «Крысолов» — толчок для него дал совместный поход с Виктором Шкловским и художником Милашевским в заброшенное помещение банка — за книгами на растопку.

8 марта 1921 года Грин женился на Нине Николаевне Мироновой, и этот брак оказался крепким, до самой смерти. Как это

бывает со счастливо влюбленными, у него сейчас все получалось — но денежные дела не поправлялись никак: из-за разлуки и издательского кризиса печататься было негде. Многих писателей спасало сотрудничество с издававшейся в Берлине газетой «Накануне», но на свой крупный гонорар из «Накануне», как свидетельствует Э. Миндлин, Грин накормил десять голодных писателей.

Издательства стали появляться с началом нэпа, в 1923 году, и денежные дела Грина начали поправляться: печатали его охотно — но тянули время, задерживали гонорары, все давалось с боем... В 1924 году Грин с женой и тещей переехал в Крым: там не было столичной суеты, уплотнений, жилтовариществ — там вообще было больше возможностей спокойно работать, а жизнь дешевле. Приходилось обременять друзей и знакомых просьбами добиться, чтобы издательство выплатило гонорары. Но зато Грину пишется. Он живет тихо, катается на лодке, думает, пишет — и пишет одну за другой свои лучшие вещи: «Джесси и Моргиану», «Блистающий мир», «Золотую цепь», «Бегущую по волнам». Середина 20-х — время, когда читатель хочет необычных приключений, а печататься еще можно; пока все удастся. Времена, однако, ужесточаются: теперь требуют выполнять социальный заказ. Уже «Золотую цепь» ругали за отсутствие связей с современностью. Вержбицкий вспоминал, как Грин отговорился от требования писать о фабриках тем, что «ненавидит машины», а Юрий Домбровский рассказывал, как на предложение написать что-нибудь антирелигиозное писатель спокойно ответил, что он верит в Бога. «Бегущая» буксовала в издательстве «Земля и фабрика», но все-таки вышла. А вот собрание сочинений в 15 томах, начатое издатель-

ством «Мысль», остановилось после восьмого тома, и Грин начал судиться с издательством.

1929 и 1930 годы, мрачнейшие для русской литературы годы «великого перелома», когда писателей травили, вынуждали отречься от себя, присягать на верность советской власти и клясться, что будут писать о современности, стали для Грина в буквальном смысле голодными: денег не было, а в 1930 году в Крыму начался голод. Грин был тяжело болен; сначала предполагали туберкулез, уже перед самой смертью диагностировали рак желудка. Только обращение в Союз писателей помогло ему пристроить в издательство «Автобиографическую повесть» и получить деньги; впрочем, деньги все равно не спасли — исхудавший, обессиленный, он уже не вставал. В наступающей действительности Грину места не было, и он ушел из жизни именно тогда, когда стал невозможен как писатель. У него был любимый ручной ястреб Гуль, который умер в 1930 году. У ястреба было сломано крыло, он не мог летать — и Грину казалось, он умер от тоски. Грин всю жизнь мечтал летать — так, как летает его герой в «Блистающем мире» — вольно, как во сне, без механизмов и подпорок. Он писал после смерти Гуля Вере Павловне: «В журнале я сочинил, что он стал летать, потому что мне очень хотелось этого. Так вот я думаю, что Бог сжалился над ним. Все равно его жизнь невеселая была». В «Истории одного ястреба» сказано: «Утром я выпустил его со двора, и Гуль, плавно взмахивая крыльями, скрылся по направлению к горам».

Полет и радость, дрожание золотых блесков на реке, синий каскад Теллури (само название — воплощенное счастье!), алые отсветы от парусов на утреннем тумане в устье реки, нетерпеливое ожидание чуда, навстречу которому душа разворачивается, как паруса, как крылья — и не может не взлететь. ¹¹

ЭМИГРАНТСКОЕ ЗЕРКАЛО РОДИНЫ

БЕСЕДОВАЛА НАТАЛЬЯ ШЕРГИНА

Идея переиздания 70 томов легендарного журнала «Современные записки» («ANNALES CONTEMPORAINES») была озвучена в канун 300-летия Петербурга. Казалось, лучшему толстому журналу в истории русской журналистики уготована скорая реинкарнация в родном Отечестве.

У же в 2004 году увидел свет справочник «Указатель содержания», с репринтом оглавлений каждого номера журнала, хронологической росписью, авторским и именным указателем, а также указателем рецензируемых периодических изданий и книг, описанных под заглавием. Но затем возникли финансовые трудности, на несколько лет приостановившие проект. Однако нашлось издательство — «Петрополис», — отдающее себе отчет в том, какое огромное значение для России имел этот эмигрантский журнал. И вот весной 2010 года читателям предъявили первый том с научными комментариями. Об истории проекта «Русскому миру.ru» рассказал главный редактор издания, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета Борис Аверин.

— Чем запомнилась вам личная история знакомства с «Современными записками»?

— Это случилось в 1970 году, в бытность мою аспирантом. Я занимался изучением творчества Владимира Короленко. И узнал, что Короленко писал Луначарскому письма, и они опубликованы. Пришел к своему учителю Григорию Абрамовичу Бялому и спрашиваю, где мне их прочесть. А он мне ответил: в девятом номере журнала «Современные записки», который можно найти либо в спецхране, либо в основном фонде Публичной библиотеки. И вот я иду в основной фонд и заказываю девятый номер какого-то неизвестного журнала. Когда начал его листать — ошалел. Вы меня поймете, если пробежитесь по оглавлению,

которое есть в нашем «Указателе содержания»: Короленко — «Шесть писем к Луначарскому», Алданов — статья о Короленко, стихи Константина Бальмонта, статья Владимира Познера «Баллада о ночном обыске», статья Льва Шестова «Преодоление самоочевидности. К столетию рождения Достоевского», а еще — статья Керенского «Февраль и октябрь»! Где я мог в ту пору развитого социализма встретить печатную работу Керенского? Конечно, я не был наивным молодым человеком и почитывал зарубежную литературу и самиздат. Но ничего подобного не встречал. Пришлось моему учителю рассказать мне по большому секрету о сложной судьбе интересующих меня писем. Луначарский приезжал к Короленко по просьбе Ленина, чтобы уговорить его уехать за границу. Потому что хоть и был Короленко «честью и совестью России», но то и дело что-нибудь писал в разных газетах про большевиков, и всегда отрицательно. Товарищи большевики волновались о здоровье дорогого писателя и очень рекомендовали ему где-нибудь в Европе подлечиться. На что Короленко, по свидетельству его дочери Софьи Владимировны, ответил: «Передайте вашему Ленину, что из меня эмигранта сделать не удастся». Тогда нарком просвещения предложил писателю направлять критические письма прямо ему, в газету «Известия», а он, Луначарский, будет на них отвечать, и получится публичная полемика. Короленко-то письма написал, но Луначарский показал их Ленину, и вождь приказал: «В архив!» В архиве эти письма не залежались, а были тайно переданы американскому корреспонденту,

и тот отвез их в Париж, в «Современные записки». Короленко к тому времени уже умер. После перестройки я опубликовал эти письма в собрании сочинений Короленко, которое готовил. Опубликовал и статью «Торжество победителей» — это ведь было тоже обращение к Луначарскому, на раннем этапе Октябрьской революции напечатанное в «Русских Ведомостях» (3 декабря 1917 года). Короленко, к сожалению, оказался пророком: «Вы торжествуете победу, но эта победа гибельная для победившей с вами части народа, гибельная, быть может, и для всего русского народа в целом», поскольку «власть, основанная на ложной идее, обречена на гибель от собственного произвола».

— Позже вы решили переиздать «Современные записки» целиком?

— Нет, сам я не замахнулся бы на такой неподъемный труд. А вот тогдашняя моя аспирантка Вероника Ермакова, занимавшаяся творчеством Владислава Ходасевича, решила: у нее постоянно возникала необходимость обращаться к текстам «Современных записок». И вместо того, чтобы жаловаться на трудности, Вероника приступила к их преодолению.

Надо сказать, «Современные записки» до сих пор нашему читателю практически недоступны. Конечно, можно взять в библиотеке Академии наук (БАН) микрофильм, постараться что-то прочесть, но это очень неудобно для работы. Однажды директор БАН Валерий Павлович Леонов рассказал мне детективную историю о том, как он раздобыл подшивку этого журнала. В начале 90-х годов, приехав в командировку в Париж, он попросил сотрудников Русского культурного центра, русских эмигрантов, собрать ему все номера «Современных записок». Наши бывшие соотечественники прошерстили весь Париж, искали по всей Франции. Из 70 номеров смогли найти 64. Затем Леонова, нагруженного журналами, не хотели выпускать из аэропорта Орли, требуя заплатить пошлину за вывоз редкого издания. Денег у него не было, и он со своим бесценным багажом несколько часов просидел в зале ожидания. Французам ничего не оставалось, как махнуть рукой на нищего русского. Прилетев в Россию, Леонов все-таки пошлину заплатил, потому что за ввоз букинистических редкостей тоже берут деньги. Вот

так в библиотеке Академии наук появилась подшивка «Современных записок», ее-то и микрофильмировали.

Есть такой знаменитый автор этого журнала, историк, искусствовед, культуролог — Бицилли. В свое время его комплект «Современных записок» попал в составе его архива в Россию. Он хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН. В библиотеке

нашего университета есть всего четыре номера журнала. Так что даже в Москве и Петербурге этот журнал очень трудно достать. Вероника Ермакова довольно быстро нашла спонсоров для стартового этапа проекта. Создав рабочую группу, мы начали работу над подготовкой «Именного указателя». Основная заслуга здесь принадлежит библиографу Алле Яковлевне Липидус. Указатель выпустили довольно быстро, а затем приступили к научному комментированию.

— Надо было найти специалистов по каждому из трехсот с лишним авторов?

— Специалистов мы решили пригласить самых лучших, блестящих знатоков творчества тех авторов, которые печатались в «Современных записках». Но помимо Бунина, Куприна, Белого, Мережковского, Гиппиус, Алданова, Набокова и других знаменитостей в журнале печатались авторы, чьи имена совсем не на слуху. Силами одних филологов справиться с этим делом невозможно: в журнале множество материалов, посвященных историческим, политическим и экономическим темам. Поэтому в состав комментаторов вошла целая плеяда авторитетных историков. И платить за комментарии решили так, как платят на Западе, а не в России. У нас за несколько лет был создан коллектив — я называю его научно-исследовательским институтом имени «Современных записок» — с большим числом специалистов по той эмигрантской эпохе. Это широчайший международный проект. Привлечены историки и филологи из разных стран — Франции, Чехии, Германии, США, Израиля. Участвуют Санкт-Петербургский университет, Пушкинский Дом, Институт истории РАН, крупные библиотеки, центральные университеты Европы и Америки.

института им. Горького, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. Солженицына Сергей Федякин.

— Мне очень нравится этот проект. Электронная версия — замечательная вещь, я внимательно прочел уже готовые номера. Но виртуальные страницы никогда не заменят печатную версию. Авторы интернет-проекта нам не конкуренты, они воспроизводят текст без всяких комментариев. Скажем, есть такой автор — Ловцкий. Кто это такой? Простой читатель не может найти сведений о том, чем он примечателен. А мы рассказываем о нем, о его дружбе с Львом Шестовым, о его музыкальных произведениях и музыковедческих работах. Статьи Ловцкого прокомментировала крупнейший петербургский музыковед Людмила Барсова. Электронное издание нам очень помогает, могу только сказать спасибо коллеге Сергею Федякину.

— Где разместились ваш НИИ?

— В виртуальном пространстве! У всех компьютеры, переписываемся. Мы разработали очень подробные правила комментирования и условия оплаты.

— Какой объем комментариев уже заготовлен?

— Пока откомментировали два первых тома, начали работать над третьим и четвертым. До конца года, я надеюсь, издадим еще четыре номера. А далее будем выпускать, по расчетам издательства, не менее пяти-шести номеров в год. Таким образом, за 10–12 лет управимся. К сожалению, со сменой спонсоров нам пришлось прервать работу, но сейчас набираем обороты, благодаря прекрасному закону, по которому в истории господствуют случайности, а не закономерности. Я как-то приехал в Москву на книжную ярмарку и познакомился с руководителями петербургского издательского дома «Петрополис» — Еленой Павловой и Владимиром Барболиным. Они загорелись идеей переиздания «Современных записок». Это люди с прекрасным образованием, и они понимают, что какую-то часть тиража следует бесплатно передать библиотекам и научным центрам.

Конечно, сегодня такого рода литература не рассчитана на массового читателя. Это издание необходимо специалистам, историкам и любителям изящной словесности. Представьте себе читателя, обнаруживающего на прилавке простую серенькую обложку, на которой написано: «Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал». Обложка копирует оригинал. Тексты воспроизводятся репринтно. Только у просвещенного человека при виде этого заголовка забьется сердце, и он бросится листать страницы, не зная, с чего лучше начать — с начала или с конца! Ведь в конце — составляющий не менее трети объема книги безупречный научный комментарий с полными библиографическими сведениями об авторе, а также именной указатель, куда входят все имена, упоминаемые в томе.

— У вас за годы простоя проекта появились мощные конкуренты. Энтузиасты проекта «Электронная научная библиотека в сети Интернет» занялись оцифровкой «Современных записок». Руководит работой ваш коллега, доцент кафедры литературы Литературного

— Вы не опоздали? Книги Набокова, Бунина, Цветаевой есть в каждой библиотеке, в каждом компьютере. Читатель за последние 20 лет не только утолил свой интерес, но и успел пресытиться именами из «Современных записок». Интерес к ним спал.

— Интерес к соотечественникам, писавшим за рубежом, в эмиграции, не спал, просто «перестроечный» всплеск, массовая жажда открытия некогда запрещенных имен прошла. Сейчас особенно вдумчиво читают Шмелева, Зайцева, Набокова, Мережковского. А что такое и кто такой Мережковский? Четыре томика сочинений вышло да еще несколько отдельных томов. Что такое Алданов? Тоже несколько томов. Ну вот я, к примеру, издал статьи Алданова. Но за этими статьями — огромный социокультурный пласт, осознать который под силу не каждому нашему современнику. Ведь важно не просто прокомментировать те или иные события. Например, философ Лев Шестов имел привычку ввернуть в текст цитату по-латински или по-гречески и не указать источник. Без комментария статью Шестова не понять. Есть человек, который может прочесть и откомментировать Шестова, — это московский философ Анатолий Ахутин. Другого специалиста я не знаю.

Ведь в начале прошлого века философы были просвещенными людьми, они читали первоисточники на латыни, на греческом. Поэтому Шестов и не задумывался о том, что его читатель не сможет его понять.

Конечно, было бы лучше, если бы «Современные записки» переиздали пару десятилетий назад, возможно, это как-то повлияло бы на общественное сознание. Ведь из впечатлений массового читателя формируется сознание народа. Тогда этот журнал запросто разошелся бы тиражом в 20 тысяч экземпляров, а то и больше. Если бы в стране была книготорговая сеть, такая, какой она была раньше в Советском Союзе! Кто сегодня повезет 20 экземпляров в Хабаровск и 20 — в Якутск? Я, помню, издал «Историю моего современника» Короленко в издательстве «Правда», тиражом 500 тысяч. А перед этим я то же произведение издал в Петербурге тиражом 200 тысяч экземпляров. И мгновенно все разошлось. Мне в Москве даже авторских экземпляров не досталось! Почему? А в издательстве мне ответили, что все 500 тысяч отправили в Сибирь, и они там буквально растворились. Короленко же упоминает несколько сибирских городов, а сибиряки очень дорожат своей историей и собирают все, что о них кто-то написал.

— Найден архив с перепиской пяти редакторов «Современных записок» с авторами, который считался пропавшим. В 2008 году в Германии в Университете Бохум собралась конференция зарубежных филологов, историков, литераторов. Они обсуждали проблему научного издания этой русской «культурной сенсации». Не пересекутся ли ваши научные интересы?

— В этом переиздании участвует много ученых, и этот проект такой же «долгоиграющий», как и наш. Но мы не конкуренты, а соратники. Комментаторы переиздания переписки редакторов обязательно будут участвовать в нашем проекте. Вот мы публикуем произведение, скажем, Ходасевича. А далее любопытно прочесть реакцию редактора: эта статья интересная или не очень, какие в нее были вне-

сены поправки? С их разрешения мы будем цитировать эту переписку. Тем более что один из крупнейших западных ученых, который занимается русской литературой и, в частности, этой перепиской, — англичанин Ричард Дэвис. В далеком 70-м году я с ним познакомился, когда он приехал к нам на кафедру стажером. Он писал диссертацию об Андрее Белом. А издание «Библиотеки поэта» со стихами Белого достать в нашей стране было невозможно. И он пошел на беспрецедентный, по меркам иностранного менталитета, шаг: попросил подарить ему книги с произведениями поэта. Мне, конечно, было жалко, но я подарил ему свой экземпляр. А Ричард оплатил мне сторичей: в течение 10 лет он присылал мне из Англии все новые издания «Библиотеки поэта». У нас их было не достать, разве что в «Книжной лавке писателя», а я тогда еще не был членом Союза писателей.

Что касается другого организатора этой конференции в Бохуме, Даниэля Риникера, то он у меня писал диплом об «Окаянных днях» Бунина. Видя его замечательные способности, я пригласил этого студента в соавторы при подготовке издания «Бунин: Pro et contra». Там он и публиковал свои комментарии. Сейчас он крупный ученый, и мы обязательно будем сотрудничать. В эту команду вошел также замечательный историк Олег Будницкий. Кстати, «нырнув» в архив переписки редакторов «Современных записок», он обнаружил в материалах недостающие звенья для завершения своей книги «Золото Колчака». Все, что делают зарубежные и отечественные коллеги, это нам огромная помощь. Конечно, они нас обгонят, потому что комментирование 70 томов это кропотливый труд и долгая история.

— Какое значение имел журнал «Современные записки» для русской литературы и русской культуры, с вашей точки зрения?

— Огромное! Ни «Отечественные записки», ни пушкинский «Современник», ни «Вестник Европы», ни «Русское богатство», ни даже «Весы» или «Аполлон» ничего подобного не собирали — я имею в виду «букет» авторов.

— Почему именно этот эмигрантский журнал смог стать лучшим?

— Ответов на этот вопрос не менее пятнадцати, рассмотрим важнейшие. Во-первых, сложилась совершенно невероятная

ситуация: в Париже собирается цвет русской интеллигенции. Во-вторых, люди оторваны от России, но еще верят, что Россия стряхнет с себя наваждение большевизма. В-третьих, они себя воспринимали хранителями русской культуры, которая гибнет на Родине. Итак, пятеро хорошо образованных эсеров решили создать не просто партийный, а общественно-политический и литературный журнал. Для них главное было, конечно, общественно-политическое содержание. Все толстые русские журналы традиционно занимались прозой и поэзией, а также обозревали жизнь страны. А в «Современных записках» в центре внимания были события жизни Советской страны и реакция Европы и Америки на то, что там происходит. Но для того, чтобы этот общественно-политический журнал пользовался высоким спросом, в нем решено было также публиковать литературные произведения. А со временем литература и религиозная философия стали в «Современных записках» доминировать над политикой. Можно сказать, что литература, философия и история несколько «перевоспитали» издающих журнал политиков. Как ни странно, редакторы журнала даже начали пересматривать свое отношение к революции, не снимая с себя ответственности за участие в подготовке к ней.

— **Как могла редакция заниматься «внутренним обозрением», живя вдали от России?**

— А вот это самое трудное. Всем кажется, что было две России: одна в Советском Союзе, другая — за рубежом. Неправда. Россия была одна — советская и эмигрантская, и они отражались друг в друге. Все события XX века в России, с 20-го по 40-й год, отражены в «Современных записках». Их источником, конечно, была официальная пресса. Они просматривали выходявшие на родине газеты, не только центральные, но и провинциальные: «Правду», «Известия», «Молот» в Невеле, «Известия Перми», «Красную правду». По этим газетам они пытались понять, что происходит в России. И публиковали выдержки. Первое, что бросилось им в глаза при анализе русской прессы, — это расстрельные списки. Все газеты до определенного времени публиковали списки арестованных и расстрелянных «врагов революции». И это производит на эмигрантов чудовищное впечатление. Им становится понятной одна из причин, почему большевики удержались у власти: берешь газетный лист, а там расстрел, берешь назавтра другой — тоже расстрел.

Какие суды? ВЧК действует! Расстреливает и публикует. Или, например, промышленность исчезла — расцвело кустарное производство. Эмигранты это фиксируют, комментируют. Пишут, к примеру, о русском языке: «75 процентов слов у коммунаров и коммунистов — мат». И еще тревожные факты: «За три года смертность в России выросла в шесть раз. Если такое будет продолжаться, в стране людей не останется». Как не процитировать? Получалась страшная картина жизни на вынужденно покинутой Родине. Эмигранты внимательно читают официальную советскую прессу, излагают свое мнение.

Большевики отменили понятие «Родина». Для них был важнее интернационал. Они не просто физически уничтожали страну, они уничтожали само понятие Родины как некоей субстанции, определяющей мирозерцание нормального человека. Из журнала в журнал идут материалы, в которых исследуется процесс уничтожения таких понятий, как «национальный характер», «нация». А наши в Кремле — читают журнал «Современные записки». Он выписывался в кремлевскую библиотеку чуть ли не до 1924 года. И наши с «Современными записками» даже полемизировали на страницах газеты «Правда». Потом эта полемика прекратилась, так как большевики стали ощущать себя во власти все более уверенно. Получалось как бы два зеркала, в которых отражалось по-разному нечто, что мы можем назвать русской реальностью. Другого такого журнала или газеты, которые бы выходили в эмиграции непрерывно в течение 20 лет, не было.

— **Политики-редакторы смогли привлечь в свой журнал лучших литераторов, оказавшихся в эмиграции. Они оказались еще и тонкими знатоками литературы?**

— Нет, в литературе они не разбирались и привлекали профессионалов в этих вопросах. Каких авторов публиковать, определяли другие люди. Советы давали Михаил Цетлин, Марк Алданов, Федор Степун и другие литературные крити-

ки. Но в чем, допустим, была проблема первого журнала? А еще не все приехали в Париж. Еще нет Бунина, Шмелева, еще учится Набоков. И они обращаются к Алексею Толстому — он отдает им «Хождение по мукам». Хотя первые части этого романа уже опубликованы в журнале «Грядущая Россия», но он закрылся на втором номере. Так в «Современных записках» роман Толстого начинается с 11-й главы, а в приложении к первому номеру даются начальные главы. Смешно опубликовано. Приглашается Бальмонт. Помимо стихов он дает еще статью «Мысли о творчестве». Приехала Марина Цветаева, печатается она. Часто «Современные записки» оказываются первоисточником при публикации писателей русского зарубежья. Мы с этим журналом сверяем тексты.

В «Современных записках», конечно, публиковали рукописи. Русская интеллигенция, бежавшая от большевиков, вывезла их в эмиграцию вместо золота и серебра. В журнале было огромное количество статей о русской литературе.

— **Зачем решили печатать статьи философов?**

— Это — особенность «Современных записок», которую не сразу осознаешь. Ведь он стал не просто одним из русских толстых журналов, он считается энциклопедией русской религиозной философии 20–30-х годов XX века. Это первоисточник по изучению русской религиозно-философской мысли. Из номера в номер идет Шестов. Затем Бердяев, да и вообще, все русские религиозные философы. Почему их привлекли? А потому, что их имена уже были широко известны как в России, так и за рубежом.

С какой целью пригласили известных философов? Эсеры, убежденные в справедливости идей социализма и демократии, решили устроить полемику с Советской Россией. Ведь там провозгласили те же идеи. Большевики и эсеры стояли на одной почве, только по-разному понимали одно и то же. Вот редакторы журнала и обратились к философам, надеясь, что мыслители все растолкуют.

Но и Булгаков, и Бердяев, и другие авторы вместо трактовки сиюминутных общественных явлений писали о проблемах христианства и государства, христианства и социализма.

Что же получается? Журнал исторический, философский, религиозный, политический и литературный.

— **Можно ли считать эмигрантскую русскую литературу того периода гораздо сильнее той, которая развивалась при большевиках?**

— Это, несомненно, так. Литераторы-эмигранты были свободными, а в Стране Советов царил жесточайшая цензура. У нас вообще не было религиозно-философской тематики. У нас три главных журнала назывались «Безбожник», «Воинствующий безбожник» и «Безбожник от станка». У эмигрантов если и была некоторая идеологическая цензура, то по понятным принципам. Редакция не брала в печать работы националистов и своих идейных противников — монархистов. Хотя мемуары, в которых о монархии писалось положительно, они публиковали. Главным принципом отбора авторов был талант. Политическая тематика со временем оказалась как-то отодвинута, хотя политики хватало. Например, однажды один из соавторов журнала, Вадим Руднев, исключил из романа Набокова «Дар» главу о Чернышевском. Это была цензура.

Между прочим, благодаря «Современным запискам» постепенно осознавалась миссия русской эмиграции. Бунин писал, что эмигранты должны хранить русский язык и русскую культуру.

В «Современных записках» было написано и опубликовано огромное количество рецензий, как на зарубежные издания, так и на книги, выходящие в СССР. В Париже эмигранты внимательно следили за нашей наукой, историей, нашими публикациями по истории литературоведения и прочему. Рецензии были яркими и точными. И сегодня по журналу «Современные записки» вполне можно изучать историю советской науки и культуры, причем в большей степени, чем по толстым ежемесячным советским изданиям. 📖

«Я ЖИВУ РУССКИМ ЯЗЫКОМ»

БЕСЕДОВАЛА ЛАДА КЛОКОВА

Русским языком он владеет блестяще. Казалось бы, что тут странного? Ведь Жорж Нива — один из авторитетнейших западных славистов. Но все равно удивляешься непривычной сегодня изысканности фраз и подчеркнuto правильному произношению, очарование которому придает еле заметный акцент. Профессор Женевского университета, академик Европейской академии, почетный профессор многих университетов, президент Международных Женевских встреч и соредактор многотомной «Истории русской литературы» на французском и итальянском языках весьма демократичен в общении и готов обсуждать огромный спектр вопросов. В интервью «Русскому миру.ру» Жорж Нива делится своими мыслями о русской культуре и об отношениях России с Западом.

— **В**ы часто бываете в России. Можете оценить те изменения, которые здесь происходят? Скажем, начало 90-х и 2009 год.

— Налицо огромные перемены. Во-первых, у людей пропало чувство страха. Во-вторых, одно время был энтузиазм в политической жизни, теперь он заметно снизился. Раньше, когда я включал телевизор, всегда видел своих друзей-интеллектуалов — писателей, ученых. И они вещали: как написать Конституцию, как обустроить Россию. Теперь такого нет. Телевидение в России с политической точки зрения стало неинтересным. Зато у вас есть телеканал «Культура» — это большая удача. В-третьих, налицо расцвет культуры в стране.

— **Вы уверены насчет последнего?**

— Безусловно. Посмотрите, какое количество интересных книг выходит по гуманитарным наукам. Они есть в магазинах.

— **Но они не пользуются особой популярностью.**

— Но ведь тот, кто хочет, может их свободно купить. А это большой плюс, особенно если сравнить с советским периодом, когда хотели, но не могли.

— **Что вы считаете вредным для современной российской культуры?**

— Прежде всего замкнутость. Я не хочу сказать, что она сейчас замкнута, но тенденция к этому наблюдается. Довольно многие считают,

что российскую культуру нужно оградить от влияния американской и европейской культуры, в которых разрушена нравственность. Это опасно.

— **Вам часто задают вопрос, как улучшить имидж России за рубежом?**

— Мне часто задают вопрос: почему имидж России негативен за рубежом? Я отвечаю, что надо знать Россию. А для того, чтобы на Западе знали Россию, надо показывать ее такой, какая она есть, а не выстраивать какую-то идеальную картинку. За рубежом считают, что нынешняя Россия — этакий монолит, чуть ли не как при сталинизме, где все думают одинаково, где образ мышления диктуется.

— Вы с этим не согласны?

— Не согласен. Потому что я слежу за интеллектуальной жизнью России. В литературе, например, есть остро оппозиционные люди. Взять хотя бы Людмилу Улицкую, Захара Прилепина. Или журнал «Континент», где публикуют бесконечные автономные политические анализы. Если же говорить в целом о культурной, интеллектуальной жизни, то она свободная, но не все готовы пользоваться этой свободой. Мне кажется, на Западе надо больше показывать Россию такой, какая она есть, с плюсами и минусами. Вот, например, переписка Людмилы Улицкой с Михаилом Ходорковским, которая вышла в журнале «Знамя». Удивительный документ. Они начали эту переписку больше года назад, и переписка ведется до августа 2009-го. Улицкая задает вопросы. В принципе, она не любит богатых людей — так она начинает. Михаил Ходорковский ей отвечает, становится понятней,

кто он. Я опубликовал об этой удивительной переписке статью. Переписка не секретная, она напечатана. Это все-таки усложняет «монолитную» картину. Лучше показывать эту сложность жизни. Жизнь — это всегда борьба внутри страны за идеи, за мысли. Или вот когда президент Медведев напоминает о Дне политического заключенного... Ведь это идет против мнения немалого числа людей в России, которые вернулись к рассуждениям «лес рубят — щепки летят». Поэтому я всегда отвечаю: Россия сложнее, чем вы думаете. Здесь идет богатая культурная жизнь, хотя, увы, нет пророка... Но мы вообще живем в эпоху, когда пророки не доминируют. Мне казалось, одно время Александр Солженицын представлял пророческий голос. Но изменились обстоятельства. И пророк оказался не нужен, что не значит, что он и его книги не сыграли свою роль.

— А как на Западе обстоят дела с пророками?

— Да уж, нет Солженицыных. На Западе общество тоже становится более горизонтальным. Все эти опросы общественного мнения... «Вы за или против? Звоните на такой-то телефон». Каждый высказывает свое мнение... Статистически это интересно, индивидуально это неинтересно. Мнение последнего дурака меня не интересует.

ЭВОЛЮЦИЯ МИФА О РОССИИ

— Вы нередко выступаете в защиту России. Сейчас это, наверное, даже сложнее, чем раньше?

— Это трудный вопрос, если смотреть на эволюцию мифа и знаний о России.

— Что вы подразумеваете под «эволюцией мифа»?

— В Западной Европе, в особенности во Франции, первый миф о России возникает в XVIII веке. Этот миф — идея просвещенного деспотизма. Считалось, что в России просвещенная царица-философ и деспот, Екатерина Великая. Вольтер считал, что хотя в России и деспотизм, но там могут быть применены идеи просвещения народа. Этот миф исчезает, когда Французская революция меняет все координаты. Затем подавление Польского восстания в 1830 году Николаем I приводит к тому, что большинство людей оказываются настроенными против России, все заделываются полонофилами. Адам Мицкевич — герой, его назначают профессором Коллеж де Франс. И все кончается войной в Крыму...

Затем появляется второй миф — о глубоких христианских корнях, о духовности, которую потерял Запад и которую сохранила Россия. О русской общине, о сельском мире. Об этом пишут и немцы, и французы. Этот миф получает подтверждение в русской литературе.

И тогда некоторые люди начинают учить русский язык, в том числе и несколько известных интеллектуалов. Например, Проспер Мери-ме. В конце XIX века в Сорбонне вводят изучение русского языка.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Но вот — Первая мировая война, бойня, русская революция... Происходит раскол: некоторые настроены категорически против России, а некоторые лелеют очередной, третий миф. Миф о русском социализме.

Мой учитель Пьер Паскаль был одним из «французских большевиков». Был секретарем Чичерина, работал в Кремле, но при этом каждое утро ходил на мессу как истинный католик. Его вызвали на товарищеский суд. Спросили: «Петр Карлович, как же так? Вы же большевик, а ходите в церковь». А он ответил: «В области экономики я марксист, а в области философии Маркс очень слаб. Я — последователь Фомы Аквинского».

достерегал: вы хорошо подумали о своем решении? И что вы думаете? Они в полном восторге. Почему? Не так-то просто это объяснить. При всей трудности жизни осталось какое-то братство в личных отношениях.

— **Не могли бы вы пояснить, что имеется в виду?**

— Да я сам не очень это понимаю. Более открытые отношения, наверное. Хотя в России отношения между разными социальными слоями трудные и порой агрессивные. Мне, как профессору, легче общаться с крестьянином в Савоие, чем здесь академику с каким-то жителем глуши.

— **Вообще-то это будет зависеть от академика.**

— Надеюсь, это так.

— **Насколько молодому поколению европейцев интересны, скажем, Толстой и Достоевский? Когда читаешь, что в Лондоне Достоевский издается в виде комиксов...**

— В России издатель Захаров тоже сократил «Войну и мир»... И изменил финал: нельзя, чтобы князь Андрей умер, потому что это опечалит читателя. Не будем говорить о таких романах, как «Война и мир». Это долго. Это не для молодого читателя.

— **Ладно. А Чехов? Куприн?**

— Чехов — да. Вот Куприна он не откроет.

— **Зощенко? Бунин? Шолохов? Булгаков?**

— Нет. Он откроет, скорее, современных писателей. Например, Пелевина. Или Сорокина. Или Улицкую. Петрушевская читается. Но при этом купить Толстого, Достоевского и Чехова вы сможете в любом городке, в любой сельской лавке, где продаются газеты и журналы.

Кстати, фильмы играют очень большую роль! И очень важно знать, что мы в этом смысле получаем из России. У вас есть гений — Александр Сокуров. Но, я думаю, этот гений никогда не получит премию в Каннах. Потому что каннское жюри хочет не только прославить лауреата, но и получить славу этого ла-

— **Он романтизировал русскую революцию?**

— Он разочаровался в ней уже в начале НЭПа. Когда комиссар и кухарка стали получать разные пайки, для него это означало конец идеи. Ведь он считал, что должно быть полное «уравнение», как сказано у апостола Павла. И этот миф на Западе разделяли многие. Но миф постепенно рушился. Чистки, репрессии — какие-то сведения все-таки доходили. А потом появился следующий миф, вернее, трансформировался второй миф, из XIX века. Речь идет о диссидентстве и главным образом о Солженицыне.

Сегодня никакого мифа нет. Остались корни мифа, общие представления. Но, обобщая, мы больше не получаем ничего особенного из России. Если человек хорошо знаком с русской культурой, он с интересом читает новости из России, русскую литературу. Вот и все.

— **Кто вам нравится из современных российских писателей?**

— Марк Харитонов, Андрей Дмитриев, Михаил Шишкин, Леонид Юзефович. Сначала я не слишком хорошо относился к Прилепину, но то, что я читал в последнее время, меня увлекает. Очень хорошо отношусь к Улицкой. Правда, иногда мне кажется, что, если бы книга была короче, она была бы эффективнее. Улицкая из тех писателей, которые очень полезны для России, в том числе для имиджа России. Она не пишет для России, она пишет, потому что она пишет. Как любой настоящий писатель.

— **При вашей поддержке книги Марка Харитонova были переведены и изданы во Франции, но особого успеха там не имели...**

— Да, это так. К сожалению, объективно я должен сказать, что на русскую литературу сейчас мало обращают внимания, да и вообще на иностранную литературу.

Понимаете, многое зависит от общей экзистенциальной перспективы. Я знаю довольно много людей, которые живут какое-то время в России, и они, как правило, в восторге. Одна моя бывшая аспирантка с мужем, не знающим русского языка, и двумя дочерьми на два года приехала в Москву. Я их пре-

уреата. А Сокуров слишком элитарный. У него очень трудные фильмы, он не делает никаких уступок.

— **И все-таки интересно, почему Пелевина или Петрушевскую во Франции читают, а к Харитонову или Иванову интерес меньше...**

— Я ведь только чуть-чуть занимаюсь издательским делом. Мне интересно взять отсюда то, что мне нравится, перевести и перенести туда. Почему нет популярности? Не знаю. Тут есть доля тайны. Например, в последние два года одна из самых популярных книг во Франции — роман Джонатана Литтла «Благонмеренные». Это, если грубо обобщить, история уничтожения евреев Гитлером, рассказанная эсэсовцем-эстетом. Может быть, этот парадокс захватил людей? Не знаю, будет ли этот роман переведен на русский. Может быть, это не нужно. Потому что он вызовет здесь нехорошую реакцию. Он и во Франции вызывает реакцию. Но в России воспоминания о войне еще сильно берегут старые раны. Это, между прочим, одна из разниц между нашими странами. Западу трудно это понять.

— **А в чем разница?**

— Нет культа войны на Западе, во всяком случае, такого, как у вас.

— **Это не культ. Это — память.**

— Да, но... Надо больше жить будущим, чем прошлым.

— **Но и прошлое забывать нельзя.**

— Но вы зацепились за это.

— **За последние двадцать лет у нас произошло столько всего... Память о войне объединяет и примиряет всех.**

— Я понимаю. Старая идеология рухнула. Что вместо нее? Православие? Но оно не для всех, надо ведь быть верующим. Хотя есть неверующие православные, для которых православие — лишь идеология. Этого я не одобряю. Православие — живое явление. Я очень им интересуюсь. Я — верующий христианин, протестант. У меня есть приятели среди священников. И я вижу, что и здесь нельзя обобщать. А на Западе обобщают. Например, «православие и власть» — византийская симфония. Но никакой симфонии нет. При этом Россия уже не может быть

православной страной, какой она считалась во время империи. Так что, да — остается Победа, с большой буквы. И безусловно, по числу жертв, страданий, масштабу уничтожения — все понимают, что это оставило такой след... Но, мне кажется, нельзя из этого делать культ.

КУЛЬТУРЫ-КОРНИ **И КУЛЬТУРЫ-КОРНЕВИЩА**

— **Чем вас заинтересовал Алексей Иванов? Вы ведь поддерживаете издание его книг во Франции?**

— Да. Перевели «Географ глобус пропил». Сейчас переводится «Золото бунта». Чем заинтересовал? Да я в Петербурге в книжной лавке взял в руки «Географ глобус пропил» и не смог оторваться, пока не прочитал до конца. Какая-то особая прелесть.

— **А как во Франции реагируют на такие провокационные вещи, как «Мечеть Парижской Богородицы» Чудиновой? Вы читали эту книгу?**

— Начал читать в Интернете, но мне не понравилось. Мне кажется, там нет знания проблемы, а только пристрастный взгляд извне. Такое часто случается. Например, мой любимый Андрей Белый в 1911 году приезжает в Париж и пишет: «Негр прет на Париж». Это было дурацкое высказывание Андрея Белого, но интересное, поскольку он жил своими фантастическими кошмарами. Если это его собственный кошмар — это интересно, если это анализ Франции — это ноль или минус. Проблема сегодня есть, конечно. Она осмысливается, об этом много пишется, в том числе учеными арабского и африканского происхождения — коренными французами. Это граждане Франции. Второе и третье поколение тех, кто приехал в Париж из наших бывших колоний.

Если вспомнить бунты, которые вспыхнули три года назад на севере Парижа, покажется, что все горит. Но это не так. Когда говорят о проблеме с ассимиляцией, речь идет о меньшинстве. О тех детях, которые не ходят в школу. Сейчас наш министр образования объявил,

что надо платить «бонус» классу, если все ученики этого класса исправно посещают занятия. А класс на эти деньги может устроить себе поездку куда-нибудь. Такое уже есть в Англии и в некоторых других странах. По этому поводу у нас сейчас идет гигантская полемика. Одни заявили, что это — подкуп, принципы республики нарушены. Другие считают, что нужен эксперимент. В Англии это частично работает, в Бельгии тоже. Но это подход очень не французский. Французский подход — это «или все — или ничего». Какой-то абсолютизм. Конечно, англосаксонцы более открыты для экспериментального образа жизни.

— **Но в этом тоже есть свои минусы.**
— Но все-таки президент Обама — потрясающий пример. Мы хулили Америку во время президентства Буша, и вдруг она дала нам такой пример. Это пока невысказано в других странах. Ну вот, например, в России невысказано — исключением был, увы, Сталин. Во Франции мыслимо, но не сейчас.

— **Какое влияние испытывает французский язык из-за притока иммигрантов?**

— Влияние в первую очередь ощущается в поп-музыке. Это называется культура «Бер». Откуда это слово — я не знаю. Этих людей отличает акцент, который стал модным. Есть влияние и на литературу. С наших Антильских островов мы получили великих писателей, например Патрика Шамуазо, Эмме Сезер, которые вносят креольскую нотку. Есть теория о креолизации мира. Она гласит, что мы идем к всеобщей культуре, которая будет не с вертикальными, а с горизонтальными корнями.

— **Речь о теории Гаттари и Делёза, выделяющих два типа современных культур — вертикальные культуры-корни, базирующиеся на истории, и горизонтальные культуры-корневища, то есть смешение различных культур? Как вы думаете, какой из этих типов победит?**
— Не знаю. Сам я принадлежу к первому. Это как борьба между книгой на бумаге

и информационным потоком в Интернете. Наверное, они будут сосуществовать. Мыслящий читатель всегда предпочтет бумагу и книгу. Потому что можно вернуться, указать на полях то, что тебе нравится. В общем, можно активно читать. На экране компьютера это намного труднее. Мне кажется, бумажная книга останется. И вертикальные корни — тоже.

— **Вы как-то заявили, что относитесь к демократии скептически. Почему?**

— Я в этом вопросе солидарен с Уинстоном Черчиллем. Демократия — очень плохая форма общественной и политической жизни, но лучшая из всех плохих. Западу кажется, что система баланса власти и оппозиции — лучшая система. Она, безусловно, имеет плюсы, один из которых — надзор друг за другом. Это помогает бороться с коррупцией и бюрократией. Хотя этот постоянный надзор раздражает. Но система плодотворна и приносит больше положительных результатов для страны. Этой системы пока нет в России. И если посмотреть на историю России, то ее здесь никогда не было — даже в периоды полной политической свободы.

— **Вы считаете, что историю России хорошо знают на Западе?**

— Могу сказать, что Россию знают лучше, чем те государства Восточной Европы, которые были приняты в Евросоюз. О них существует не меньше отрицательных стереотипов, чем о России. Вот, например, Польша. Что приходит на ум европейцу? «Двойня» Качинских и ретроградная церковь. Польша намного сложнее, естественно, имеет таких героев гражданских, как Михник. А Болгария? Румыния? Скажут: цыгане, мафия! Но раньше это были части Римской империи, и оттуда мы получаем замечательные фильмы, как, например, «Концерт» румына Михайлеану.

— **Вам не кажется странной такая ситуация?**

— Принимать в Евросоюз членов, которых мы знаем недостаточно, это, с моей точки зрения, греховно, то есть мы должны лучше знать Европу. Надо знать, что такое Эстония, Литва, Украина. А как лучше узнать страну? В том числе через ее литературу. Нужны переводы книг национальных авторов.

УРОЧИЩА РУССКОЙ ПАМЯТИ

— Что было для вас самым сложным, когда вы начали изучать русский язык?

— Сложным? Я не думал об этом. К тому моменту, когда я решил серьезно изучать русский язык, я уже знал латынь, древнегреческий, некоторое время учился в Оксфорде, затем — на английском отделении Сорбонны. Ушел с английского отделения Сорбонны. Ушел с английского отделения Сорбонны, потому что мне не нравились преподаватели. К тому времени я уже потихоньку учил русский, мне помогал мой знакомый — белоэмигрант Георгий Георгиевич... И как-то я зашел в соседнее отделение Сорбонны — русского языка, и случайно попал на лекцию Пьера Паскаля. Он меня просто очаровал... Так что в выборе русского языка была доля случайности... Я еще не знал ничего об удивительной судьбе Паскаля. Что он был секретарем Чичерина, что во Франции был заочно приговорен как дезертир, что работал в Кремле... Он подготовил на французском языке трехтомную антологию текстов Ленина. Я купил эти книги на набережной Сены, зашел к нему и прошу: «Петр Карлович, напишите...» А он не дал автограф, не хотел. Ответил с улыбкой: «Попросите у автора».

— А какую книгу на русском языке вы прочитали первой?

— Сначала был «Филиппок» Льва Толстого. Затем «Русский характер» Алексея Толстого. «Филиппок» был первым потому, что Георгий Георгиевич считал, что, раз молодой человек хочет учить русский язык, — надо взять детскую книжку. Педагогически он был не прав, но я ему очень благодарен. Он первым подарил мне русский язык. Свою предпоследнюю книгу я назвал «Жить русским языком». Я не живу по-русски. Зато я живу русским языком. Три четверти моего чтения составляют тексты на русском языке. Я пишу о русской культуре, литературе, и я мыслю по-русски.

— Как возник ваш проект «Урочища русской памяти»?

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

— Во Франции выпущен семитомник «Места памяти» историка Пьера Нора, который очень быстро стал популярным. Это описание тех мест, где укореняется и зиждется французская память. Например, базилика Сен-Дени на севере Парижа, где похоронены наши монархи. Да, все было разрушено во время революции, так что теперь это — пустые склепы. Но эта прекрасная базилика отреставрирована. И долгое время это была колыбель французской памяти. Или, например, там есть глава о всех коммунах Третьей республики. Каждая коммуна построила свою мэрию. Сейчас невозможно представить Францию без этих мэрий. Любая деревушка — это мэрия, колокольня церкви и памятник жертвам войн. Плюс трактир. И все это образует цепь, звенья памяти. К примеру, там есть статья и о слове «шовинизм». Это французское слово образовано от имени солдата Шовэна, который славился своим дурацким патриотизмом. Вот такие главы в этих томах, которые образуют совершенно новое понятие об истории.

— Второй — это «История русской памяти». В нем речь идет о великих историках, создавших сказ о России. Фигуры самозванца, самодержца...

— **Сказ?**

— Историк все равно сказитель. Скажем, историк копается в архивах французского нотариуса XV века или земств. Вот он все изучил — хорошо, но нужно какое-то заключение, и тогда заключение вписывается в контекст, и он доходит до этапа синтеза. А синтез — это обязательно рассказ. Или сказ.

И я подумал: почему бы не попробовать сделать то же самое о России? Но совершенно по-другому надо построить книгу... К тому же на французском языке. И трудно собрать команду единомышленников.

— **Когда вы начали заниматься «Урочищами»?**

— Лет шесть-семь назад, а год назад вышел первый том — «География русской памяти». Планирую выпустить еще два тома.

— **Что, по-вашему, является основным признаком русской памяти?**

— Это то, носителем чего является любой русский человек, — русский язык, еще больше, чем русский пейзаж. Но описать русский язык по-французски... Грамматика построена совершенно иначе. Одно из моих утопических мечтаний — описать, поэтически естественно, русский язык на французском языке. То есть передать кое-что... Например, почему некоторые потрясающие стихотворения Пушкина обходятся совершенно без метафор — все построено на прозрачности грамматики.

— **А вы думаете, это возможно передать?**

— Нужно попытаться. Это ведь интересно. Почему очаровывает русский язык?

— **Ну, он не всех очаровывает.**

— Может быть, не всех. Я не знаю, как подходит к этому камерунец. Может, ему все равно... Я привел в пример Камерун просто потому, что мы считаем, что предок Пушкина был из Камеруна, а не из Эфиопии.

— **А что вы включили в «Географию»?**

— Русский пейзаж. Понятие города. Понятие села. Село — это нечто особенное. В западной культуре ему нет эквивалента. Там были деревни, а село — это не деревня. Музеи, в особенности литературные. Русская усадьба. Краеведение...

— **А о чем второй том?**

— **Когда выйдет второй том?**

— Я был бы счастлив, если бы мог назвать дату. Готовы три четверти книги. Некоторые авторы меня подвели, не прислали свои главы. Ну, все как всегда. Попросишь специалиста написать двадцать страниц на тему, по которой он специализируется, — он упадет в обморок.

— **Почему в обморок?**

— Потому что не может синтезировать.

— **Он же специалист...**

— Именно поэтому. Неспециалисту легче это сделать, чем специалисту, потому что специалист считает, что ему нужно двести страниц, а не двадцать.

— **А о чем будет третий том?**

— «Болезни и мифы русской памяти». Иногда даже лжепамять. Память о том, чего не было. Например, историческим теориям математика Фоменко будет посвящена своя главка.

— **Да зачем вам это?**

— Потому что миф существует. Будут и другие мифы. Самозванцы памяти.

— **Пожоже, у вас там кунсткамера соберется...**

— Нет, задача будет в том, чтобы соблюсти пропорции. Я не хочу ничего преувеличивать. В любой памяти есть и правда, и кривда... ❀

У МЕНЯ РАСТУТ БИЛИНГВЫ!

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

Харлем, город на западе Нидерландов. На тротуаре крохотной улочки неподалеку от своего дома Ирина Хилл, русская супруга астролога Рула Хилла, разговаривает с престарелой соседкой. Только легкий акцент выдает славянское происхождение Ирины. Соседка — с болонкой на поводке, Ирина держит за руку маленького сына Бен-Ариана. На прощание мама напоминает сынишке по-русски: «Скажи бабушке «до свидания!» Улыбка соседки при звуках русской речи сменяется осуждающим взглядом: «Ik snap er helemaal niets van! — Ничего не понимаю!» Но Ирину это не смущает: говорить с сыном только по-русски, по ее мнению, главный принцип воспитания ребенка-билингва.

Метод себя оправдал: Бен-Ариан владеет русским так же хорошо, как и языком страны, в которой родился и живет. «Передо мной никогда не вставал вопрос о том, на каком языке я буду воспитывать ребенка, — говорит Ирина. — Для меня само собой разумеющимся было, что мой ребенок должен говорить на моем языке, иначе как же мы будем общаться? Ведь люди обмениваются не только и не столько словами, сколько мыслями, чувствами, которые они лишь озвучивают с помощью слов. Хорошо объяснить я смогу и на нидерландском, и на английском. Но эмоционально могу связать себя только с русским языком, ведь в Нидерландах я живу лишь последние девять лет».

ТОЛЬКО НАШ С ТОБОЙ ЯЗЫК

В свое время Ирина увлеклась эзотерикой и медитацией, стала изучать китайское искусство фэн-шуй. Так и познакомилась с будущим мужем: он представлял Нидерланды на закрытом семинаре европейских консультантов по фэн-шуй, который в 2000 году проходил в Париже. Через год Ирина переехала жить в Харлем, а еще через год у нее и Рула родился первенец — Бен-Ариан. Сейчас ему семь, а его младшему брату, Яромиру, скоро будет два года. Главный метод воспитания детей-билингвов Ирине подсказало материнское сердце и... случай.

Недалеко от их дома располагался магазин, где продавалась свежеприготовленная еда take-away. Владельцы — молодая китайская пара с двумя детьми. Этих малышей Ирина часто видела играющими в магазине. Однажды она обратила внимание, что дети, сидящие за столиком с карандашами, говорят между собой по-голландски. Ирину это поразило: расспросив хозяйку, она выяснила, что дома родители говорят только на китайском. Дети язык понимают, но отвечают по-голландски. Мама-китаянка призналась: она очень расстраивается из-за того, что дети не говорят на китайском, но поделаться ничего не может. А главная причина сложившейся ситуации, по мнению китаянки, заключалась в том, что, несмотря на «китайскую среду» дома, в своем магазине она разговаривала с детьми по-голландски, чтобы не показаться невежливой по отношению к покупателям. «Эта история тронула меня и научила самому главному: всегда, при любых обстоятельствах говорить с ребенком на русском, не поддаваться на ложное чувство стыда или неудобства, — признается Ирина. — Во время беременности я почитала в Интернете статьи на эту тему и убедилась, что педагоги и психологи в один голос утверждают: хочешь, чтобы ребенок говорил с тобой на *твоем* языке, — говори с ним *только* на своем языке».

«МАМА, ИЗВИНИ, СЕЙЧАС Я БУДУ ГОВОРИТЬ ПО-ГОЛЛАНДСКИ»

Когда родился Бен-Ариан, Рул Хилл не возражал против того, чтобы Ирина общалась с сыном только на русском. Ему хотелось, чтобы

ребенок хорошо знал оба языка. Осознанно Бен-Ариан заговорил в 10 месяцев: его первыми словами стали «папа» и «мама», которые одинаково звучат как по-голландски, так и по-русски. А вот следующими словами

стали русские «дядя», «тетя» и «титя». Прошел первый год: малыш проводил основную часть времени с мамой и по-голландски разговаривать не торопился. Рул Хилл начал побаиваться, что сын будет говорить исключительно по-русски и не сможет понять собственного отца! «У нас даже был спор, который перерос в ссору, — вспоминает Ирина. — Рул просил меня начать говорить с сыном по-голландски, а я отказалась. Это был довольно трудный момент в нашей совместной жизни». Конфликт был исчерпан тогда, когда у малыша естественным образом появились другие социальные контакты — на детской площадке, в магазинах, в автобусе — и он начал чаще использовать голландские слова.

Как раз в те годы в Нидерландах прошла волна споров и дискуссий на тему интеграции иммигрантов: высказывались мнения, предлагавшие всем жителям страны, независимо от национальности, использовать в общественных местах для общения даже между собой исключительно голландский язык. Однако Ирина продолжала общаться с сыном по-русски не только дома, но и повсюду — в кабинете врача, в магазине, на почте... «Мой подход вызвал много непонимания, некоторые упрекали меня в негибкости, но я была непоколебима! — говорит Ирина. — Я извинялась, объясняла, сваливала все на методику воспитания детей в двуязычных семьях и упорно продолжала разговаривать по-русски. Я видела, как иногда на нас обращались в автобусе, как дети на игровой площадке раскрывали рты и глазели на нас. Зато сейчас многие люди, включая учителей, кассирш и медсестер, восхищаются, слыша, как разговаривает мой сын. Та самая бабушка-соседка, которой не нравилось наше с сыном русскоязычное общение, спустя пару лет восторгалась способностью Бен-Ариана свободно разговаривать на двух языках».

«Сначала он произносил на голландском те слова, выговаривать которые легче, чем соответствующие русские, — например, «бук», а не «книга», — вспоминает Ирина первые успехи сына. — Некоторое время он использовал слова из обоих языков вперемешку. Но в два с половиной — три года оба языка «выровнялись», и он стал говорить дифференцированно: с мамой только по-русски, с остальными — по-голландски, и никогда не запутывался, переключаясь с одного языка на другой. Есть мнение, что дети-билингвы начинают говорить позже своих одноязычных сверстников. У меня опыт обратный: он говорил больше и лучше своих голландских одноязычных сверстников».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Сын настолько привык ассоциировать маму с русским языком, что и сейчас никогда не заговаривает с ней по-голландски. Поначалу доходило до смешного: общаясь с родителями, он сообщал что-то отцу, потом оборачивался к маме и пересказывал то же самое по-русски, хотя прекрасно знал, что она и так все поняла. Позже Бен-Ариан, прежде чем сообщить что-то обоим родителям, извинялся перед Ириной за то, что будет говорить только по-голландски, ведь «иначе папа ничего не поймет». «Меня это так трогало!» — улыбается она.

АРИФМЕТИКА ВМЕСТО СКАЗОК

Постоянно общаться с ребенком на русском Ирине было трудно не только из-за непонимания окружающих, но и из-за своей собственной немногословной натуры. «Я не люблю болтать, но иногда рот у меня не закрывался целыми днями, — вспоминает она. — Я понимала, что мне надо говорить с сыном по-русски не только «за себя», но и за папу, за всю родню, за детей во дворе, за воспитателей, за кассирш в магазине, за прохожих... Иногда это было утомительно, но что поделать! Я описывала ему все, что он видел, свои и его действия, проговаривала гипотетические ситуации, выдумывая их на ходу, старалась использовать больше синонимов. Например: «Посмотри, какая большая тыква лежит! Ну просто огромная, гигантская, настоящий великан!» И сразу же вводила антонимы: «Это совсем не маленькая тыква! Совсем не малюсенькая!»

Помимо аудиозаписей сказок, песен и стихов на русском, видеокассет и дисков с российскими мультфильмами и детскими компьютерными играми Бен-Ариан слушал и рассматривал

книги на русском, которые читала ему Ирина. Если не могла достать новые книги на русском языке, брала из библиотеки голландские и читала их сыну по-русски.

Когда Ирина не знала, о чем говорить, или ей не хотелось рассказывать сказки и стихи, она начинала... считать. «Да, вот так просто: один, два, три, четыре, — смеется она. — Решала вслух примеры: «два плюс три будет пять» и так далее. Так ребенок не только овладевает языком, но и учит числовой ряд, простейшие математические операции. Я сделала для себя в этот период очень важное открытие: ребенку слушать счет не менее интересно, чем сказку! Иногда, укладывая Бен-Ариана спать, я считала, а он слушал затаив дыхание! Кстати, сейчас у него отлично идет математика в школе».

ХОДИТЬ БОСИКОМ, ЧТОБЫ ЛУЧШЕ ГОВОРИТЬ

Ирина понимала, что развитие речи и овладение языком — это лишь часть общего процесса роста и развития, и ни на минуту не забывала о том, что родная речь осваивается не только от повторения сказок. Кроме того, с мужем они приняли решение, что уже в три года сын пойдет в вальдорфскую (антропософскую) школу. Освоить русский нужно было до этого времени — иначе голландский «затмил» бы русский! К изучению языка и развитию речи нужно было подходить комплексно — Ирина использовала и пальчиковые игры, и классическую музыку, которая, как известно, является замечательным стимулятором мозга, развивает чувство ритма и мелодии, что тоже важно для овладения языком.

«А еще в теплое время года Бен-Ариан практически не носил обуви и все время ходил босиком, — делится она своими секретами. — Контакт стопы с различными поверхностями — травой, песком, камнем, асфальтом — является замечательным стимулятором мозга. Кроме того, мы познакомились с иностранными языками. Наверное, это странно звучит, но мне кажется, с чем большим количеством языков соприкасается ребенок в раннем детстве, тем легче он ими овладевает — включая родной! При этом целью было не изучение, а именно ознакомление, привы-

кание к звукам языка. Мы слушали и пели английские и французские песенки для детей, у меня были диски с записями детских песенок на китайском, японском, иврите. Иногда, когда Бен-Ариан играл, я включала их как фон, а иногда мы вместе прыгали и кружились под эти песенки».

Идеи и методики развития Ирина заимствовала из книг американского физиотерапевта Глена Домана, использовала приемы японской системы раннего обучения детей из книги «После трех уже поздно» японского инженера, одного из основателей Sony — Масару Ибуки. Большое впечатление на нее произвела книга «Взращенные с любовью» известного японского педагога-скрипача, основателя авторской скрипичной школы Синити Судзуки. Но самым главным «навигатором» оставалась интуиция: «Иногда мамы чересчур стараются следовать тому, что прочитали в книгах. Просто смотрите в глаза ребенку, слушайте его, наблюдайте за его игрой, поведением, и нужное решение или метод обязательно найдутся!» — таков опыт Ирины Хилл.

С ОДНОЙ РОДИНЫ — НА ДРУГУЮ

К сожалению, у Ирины не получается ездить с сыном в Россию чаще, чем раз в два-три года, а русскоговорящих знакомых в Нидерландах у нее почти нет. Но как только ребенок научился вести осмысленные беседы, она стала побуждать его звонить по телефону двоюродному брату. «Сначала в разговоре с Бен-Арианом я как бы ненароком задавала вопрос: «Хм... интересно, чем там занимается Максим? Где он сегодня был? Что кушал на обед? Какая у него погода?» И мы бежали к телефону, чтобы задать все эти вопросы».

Постоянное напоминание о русском происхождении, по мнению Ирины, критически важно. «Мы читали былины о богатырях, смотрели картинки с Бабой Ягой и Иваном Царевичем. Мы слушаем Чайковского, Римского-Корсакова, время от времени я использую в речи русские пословицы. Очень важно было познакомить сына с русской кухней: ни одно блюдо голландской кухни не пахнет так, как пахнет русский борщ в тот момент, когда его варит мама! В числе игрушек у него была расписная деревянная посуда».

Когда сын подрос, Ирина стала рассказывать ему о том, чем знаменита Россия: они часто смотрели на карту мира и «путешествовали» на игрушечном самолете из Нидерлан-

дов в Россию, «заезжая» ко всем родственникам в разные города. Когда бы по телевизору ни упоминалась Россия, Ирина пользовалась случаем, чтобы рассказать сыну побольше — будь это соревнования по фигурному катанию, сообщение о гастролях петербургского балета или трансляция парада на Красной площади. «Мы даже специально пошли в оперу в тот день, когда там пела Анна Нетребко, и посетили выставку Эрмитажа в Амстердаме, где сын мог увидеть, например, царский трон. Мне кажется, все это побуждает его продолжать говорить на языке, страной которого можно гордиться. Ребенку всегда нужен весомый мотив для поддержания навыка говорить на языке, который он почти не слышит в своем окружении. По опыту я поняла: если в раннем возрасте акцент лежит на факте освоения грамматики, лексики и фонетики языка, то по мере взросления ребенка психологический и социальный факторы начинают приобретать больший вес».

Ирина заметила, что сын с нетерпением ждет каждой новой поездки в Россию и чувствует себя там как дома: «Я думаю, в первую очередь потому, что он хорошо говорит по-русски и легко контактирует с людьми в России, будь то родственники или дети во дворе. Однажды он сказал мне, что когда вырастет, то, может быть, женится на русской девушке. Я думаю, ему придется жениться на русской, ведь иначе кто ж ему будет готовить борщ, который он так любит?»

Возвращение в Нидерланды проходит спокойно: «Он просто переезжает с одной родины на другую, — говорит Ирина. — Хотя однажды я слышала, как он сказал кому-то из здешних ребят в ответ на его вопрос: «Я — русский».

ЭТИ ТРУДНЫЕ «Ж» И «Ш»!

В свои семь лет Бен-Ариан свободно говорит по-русски и считает язык родным. Но Ирина продолжает работать над словарным запасом: сын быстро растет и приносит домой из школы много новых голландских слов, которые слышит на уроках и еще не знает по-русски. Маме приходится поспевать за всем — учить с сыном и математические термины, и названия природных явлений, и дорожную терминологию, и лексику, связанную с различными профессиями, подсказывать, как выражать на русском различные чувства и эмоции. «Я думаю, сейчас его активный словарный запас несколько меньше, чем у его ровесников в России, но я стараюсь, хотя за школой довольно трудно угнаться. На уроках фортепиано все музыкальные термины преподаются Бен-

Ариану на двух языках. С грамматикой проблем у нас нет и не было. Падежи, склонения и спряжения выучились естественным образом. Раньше он иногда делал типичные даже для детей в России ошибки типа «рисоваю» или «даваю», потом это прошло само собой».

С русской фонетикой все оказалось не так просто: долго ждали своей очереди звуки «ч» и «щ», а вот «ш» и «ж» до сих пор не звучат — в голландском их просто нет. «Здесь эти звуки больше напоминают «с» и «з», поэтому мы до сих пор надеваем «сапку, сарф и варезки», — расстраивается Ирина. — Здешние логопеды ставят только звуки родного языка, поэтому вся надежда на российскую логопедию — последние русские звуки мы собираемся освоить этим летом во время нашей ближайшей поездки. Сейчас я жалею, что не обратилась за логопедической помощью, когда сыну было года четыре: думала, все звуки еще появятся сами собой, и ждала. Но опыт показал, что нельзя оставлять «на произвол судьбы» трудные звуки русской речи — особенно те, что не присутствуют в его втором родном языке. Поэтому со вторым сыном я буду более бдительна и раньше воспользуюсь профессиональной помощью, если почувствую такую необходимость. Это очень важно, ведь от этого зависит правильное написание слов в дальнейшем. Я вижу, что из-за дефекта в фонетике Бен-Ариан делает те же ошибки при письме».

Сейчас Бен-Ариан говорит на русском каждый день — с мамой, а с недавнего времени и со своим младшим братом, которому скоро будет два года. «Когда родился Яромир, у меня на душе было беспокойно, — признается Ирина. — На каком языке Бен-Ариан будет с ним говорить, особенно наедине? Я опять вспомнила тех детей из китайского магазинчика. Но к моей огромной радости, они общаются между собой по-русски! В результате большинство слов, которые сейчас произносит Яромир, — русские».

Ирина говорит, что воспитанию речи младшего сына у нее получается уделять гораздо меньше времени. Но она не переживает, ведь ее второй ребенок набирается разговорного опыта уже от двоих русскоговорящих.

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

«ЕСЛИ КТО-ТО МНЕ ОТВЕТИТ...»

НАДЕЖДА ФОСС

Как заинтересовать детей из русских или смешанных семей, проживающих за рубежом, учить русский язык? Два педагога, из Шотландии и Швеции, нашли свой ответ на этот вопрос: письма!

Я живу в столице Шотландии Эдинбурге, преподаю русский язык и литературу в субботней школе для русскоязычных детей Russian Edinburgh.

На конференции в Берлине познакомилась с преподавателем из Швеции Инной Шестопаловой. Мы часто обсуждали по телефону непростые проблемы сохранения русского языка у детей, живущих за рубежом. В какой-то момент мы обе поняли: если нам так интересно друг с другом, наверное, и нашим ученикам есть что обсудить. Давайте писать письма! Идея сама по себе нехитрая, но за два года ее реализации мы обнаружили в ней такие достоинства, о которых и не подозревали.

«БУДУЩЕЕ ШАСТЬЕ»

Мы занимаемся с детьми 12–18 лет, все они уверенно говорят и читают по-русски, но почти не пишут, поскольку в их жизни не возникает такой ситуации, когда им необходимо применять подобные навыки. Письма друг другу — самые значительные написанные ими тексты. Уроки русского языка в Шотландии — дело добровольное. Как и выполнение домашних заданий. В нашей школе нет оценок и других способов воздействия на не слишком прилежных учеников. Поэтому учителю нужно придумать задания, которые очень хотелось бы сделать. Написать письмо другу — разве можно от такого отказаться?

Наши ученики пишут старательно, работают над текстом, поскольку очень важно произвести хорошее впечатление. Ведь о чем бы человек ни писал в письме, оно рассказывает и о нем самом. И это дает нам шанс научить детей думать над словом, выстраивать фразу

и не забывать про орфографию, описывая свое «будущее счастье». Нашим ученикам нужен русский язык здесь и сейчас, чтобы писать о себе, о своих планах, увлечениях, воспоминаниях. Это новая для них область применения русского языка: письменное общение с похожими на них людьми.

Для каждого письма мы выбираем тему, обсуждаем на уроке возможное содержание. За два года переписки мы рассказали

о себе, о своем городе, о летних каникулах, об увлечениях и о занятиях в свободное время. Очень удачными были письма на темы «Когда я был маленьким» и «Кем я буду через 20 лет». Письма получаются разными: у одних — обстоятельный отчет, у других — ироничный взгляд на самого себя, а у кого-то — стилизация под сказку или под «Трое из Простоквашино».

Сложилось некоторые ритуалы, которые мы стараемся соблюдать: письма пишем на бумаге карандашом, как принято во многих европейских школах. Я ношу письма на почту и выбираю марки поинтереснее: автор лучшего письма получает марки с шотландского (шведского) конверта. Так как группа меняется (ученики приезжают и уезжают), писать конкретному адресату невозможно, поэтому мы пишем группа — группе. Собственно, именно поэтому мы и читаем в классе вслух чужие письма: и те, которые пишем сами, и те, которые получаем.

Стараясь сделать переписку более адресной, в декабре 2009 года мы познакомили детей: провели сеанс связи по скайпу. Ребята впервые увидели друг друга на большом экране, представились и коротко рассказали о себе, выяснили друг у друга, где живут их бабушки и дедушки; кто любит брейк-данс и почему это так привлекательно; есть ли у мальчиков шотландские юбки, как часто их носят и удобно ли их носить; какое направление в программировании самое интересное и перспективное; есть ли в Швеции (Шотландии) снег зимой и чем можно заняться в зимние каникулы...

От полноты чувств девочки вдруг... запели! Рэп на шведском языке прозвучал так неожиданно, ярко и динамично, что исполнителей просили повторить еще и еще раз. Увы, уловить смысл энергичных шведских фраз шотландцам не удалось.

Английским языком, конечно, никого не удивишь, но русско-японско-шотландская девочка Моника с удовольствием отвечала на бесчисленные вопросы: «А как сказать по-японски...?»

Темы разговора менялись ежеминутно, мы с Инной практически не принимали в нем

участия, но прислушивались: что интересно нашим ученикам? О чем еще можно написать? Впрочем, в идеях недостатка нет. Собираемся прочитать и обсудить произведение русского писателя, отметить День письма 9 октября, освоить такой жанр публичного выступления, как «открытое письмо», и написать вместе «Письмо в будущее».

КОГДА ХВОСТ ВИЛЯЕТ СОБАКОЙ

Мы начали переписку во имя педагогических целей. Но, должна сознаться, уже давно «хвост виляет собакой»: нам просто очень нравится получать, писать и читать письма. Предлагаем и вам почитать «избранные места из переписки с друзьями». С разрешения авторов, конечно.

«Мне было очень интересно читать про твой город и странного человека, который успел заснуть в пещере и там же умереть. Сейчас я напишу такую же интересную историю про мою школу. У меня в школе есть тайный тоннель из школы до замка. Когда тоннель нашли, туда кинули маленького барабанщика и сказали ему барабанить, пока не дойдет до замка, где его тоже ждали люди. Он барабанил, барабанил и перестал, и никогда его больше не видели. И сейчас говорят, что иногда можно его услышать, как он там барабанит».

«Шведское лето очень короткое, оно начинается в мае и в июле взрывается. До холодных ночей в сентябре надо очень много успеть. В середине шведского лета очень светло, замечательный запах, аромат летних пионов и светлых длинных ночей». «Дорогие шведы! Мое свободное время я провожу вместе с котом Матроскиным и Федькой, не забывая Шарика и Гаврюшу...».

«Вчера я смотрела фильм! Он называется «2012». Этот фильм о конце мира и жизни. Очень хороший фильм! Еще я смотрю серии «Кремлевских курсантов» и «Папиных дочек». В субботу и воскресенье я смотрю «Х-фактор». Какие программы ты смотришь?»

«Можно сказать, когда меня друг научил программированию, я был чайником. Теперь я знаю язык компьютера намного лучше друга. А почему?»

«Потому что я не лез вперед и не программировал с крутыми командами. Я читал основу, и я стремился вперед».

«Я люблю: читать (по-шведски), играть на пианино, играть на компьютере, люблю животных, рисовать, люблю пельмени.

Я не люблю: читать по-русски, математику, пауков, убираться, гамбургеры из McDonald's».

«Когда я был маленьким, я жил в Калининграде. Я ходил в детский садик. У меня там было много друзей. Но я не любил ходить в садик по утрам, потому что на завтрак была манная каша, которая мне не нравилась. Бабушка приносила даже в садик клубничное варенье, чтобы я ел кашу. А после обеда и сна было здорово. Мы играли на улице в разные игры. Когда погода была плохая и шел дождь, мы играли в группе, делали разные поделки, рисовали. К каждому празднику мы учили новые стихи, песни и танцы... А еще к нам приходили дети из музыкальной школы».

«Один раз, когда я была маленькая, я пришла в магазин с мамой и увидела браслет, который мне очень понравился. Я начала просить маму: «Пожалуйста, пожалуйста, можно мне браслет!» Но мама говорила нет. Продавцу стало жалко меня, и она мне дала браслет бесплатно. У меня было хорошее детство».

«Я расскажу, какая я была в детстве. Про меня говорили, что я самая крикливая девочка была в больнице. На самом деле я сейчас тоже крикливая, не затыкаюсь ни на минуту. Мне мама говорит, чтобы я замолчала и подумала про жизнь».

«Я родился в самом веселом городе Одессе... У меня было любимое дерево акация около моего старого дома. Иногда я ел цветы акации, и они были очень сладкими, но после них у меня болел живот. Мне папа подарил боксерскую грушу, которую я колотил. Мне скоро она надоела, и я начал висеть на ней, как на тарзанке, но она оборвалась».

«Но кто вообще знает, что будет? Образно говоря, у меня есть ключ, чтобы открыть дверь, но я не знаю, что меня ждет за этой дверью».

«Как же я представляю себя через 20 лет? У меня будут длинные светло-коричневые волосы, не окрашенные. Внешность у меня будет, как сегодня, только вид будет мудрее. Я буду жить в теплой стране около моря с моим мужем и детьми».

«Можно также подумать о профессии журналиста. Ведь это здорово быть в курсе всех событий и доносить правду до людей. Рассказывать о жизни и культуре, политике и искусстве других народов. Если я стану журналистом, я смогу помогать другим людям, рассказывая о проблемах и нарушениях прав простых людей. Наш мир не идеален, и исправить его можно, только донося информацию до всех, пробуждая сознание и совесть у людей. Мне очень нравится эта работа, и я все чаще и чаще задумываюсь о работе журналиста».

«Я вижу себя успешной деловой леди в строгом костюме с длинными шикарными волосами и легким make-up».

«Чтобы представить мое будущее, нужно немного рассказать обо мне. Самую малость. Я очень люблю скалолазание. Через год собираюсь получить лицензию и подрабатывать, тренируя, уча или просто помогая людям готовиться к соревнованиям по скалолазанию. А может быть, просто уча, как правильно залезть на стену».

«Оказывается, мое будущее формировалось еще тогда, 20 лет назад! Почему же у меня постоянно проскальзывает эта дата — 20 лет? Ой!!! Как же я могла забыть??? Тогда я писала письмо о том, какой стану! И сбылось все, о чем мечталось в свои неполные 18 лет! Наступил вечер... Подведена черта. А значит, я буду строить головокружительные планы на следующие 20 лет! Жизнь продолжается! Мечты сбываются!»

«Этим письмом я тоже хочу сказать, что если ты хочешь чего-нибудь добиться, то никогда не сдавайся. Если есть вопросы, то не стесняйся спросить меня».

«Тот, кто понял, — молодец!

А не понял — читай снова!»

«Если кто-то мне ответит, я могу рассказать много интересного».

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

«МОЯ ДУША ЖИВЕТ В РОССИИ»

БЕСЕДОВАЛ АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Не так давно в Москве прошла презентация удивительной книги — «Ковчег. Семья Толстых». Удивительна она тем, что для ее автора, которая основательно изучила архивы и дневники родных и близких великого писателя, а также включила в книгу неизвестные широкой российской публике мемуары четвертой дочери Толстого — Александры Львовны, родным является не русский, а японский язык. О своей книге и о том, как и почему этот труд появился на свет, «Русскому миру.ру» рассказывает Фумико Дэвис.

— Ф умико-сан, с чего началось ваше увлечение русским языком и русской литературой?

— Я с детства зачитывалась рассказами Льва Николаевича Толстого. Правда, на японском языке. Хочу заметить, что вообще русская классическая литература очень популярна в Японии. На японский язык переведены многие авторы — весь Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев, Чехов, Горький... И, между прочим, именно произведения Льва Николаевича оказали сильнейшее влияние на японских писателей XX века.

— А русские поэты, скажем Пушкин или Лермонтов, наверное, не известны в Японии из-за сложностей с переводом?

— Да, к сожалению, это так. Практически невозможно перевести на японский язык Пушкина, Лермонтова или любого другого вашего поэта. Не получается передать ритмику и красоту мелодики русского языка.

— А когда вы впервые услышали русскую речь?

— Когда мне было 12 или 13 лет, в нашей школе показывали советский черно-белый фильм «Обещание отпуска». Так на японский язык перевели название «Баллада о солдате». И меня все в нем поразило: и трогательная музыка, и сюжет, и сцены. До сих пор перед глазами стоят несколько картин из него: вот мать повязывает платок, гуси идут по дороге... Фильм шел с японскими субтитрами, я даже не знала, на каком языке говорят герои... Но этот язык меня просто очаровал. Вот так я и услышала русскую речь впервые.

— Что было потом?

— Потом я выучилась на скульптора. Отец хотел, чтобы я продолжила образование в Америке, а я хотела поехать в Россию. К тому времени я уже познакомилась с русским искусством, литературой, музыкой. Языка, правда, по-прежнему, не знала. Но очень хотела выучить. И в итоге поехала учиться в Российский университет дружбы народов.

— Тяжело было учиться?

— Очень! Я ведь, когда приехала, буквально ни слова не знала... А русский язык очень сложный, особенно фонетика... До сих пор помню, как я училась выговаривать звук «л» — его же нет в японском

языке. И так же мучилась со звуком «р». Приходилось заниматься с ложкой во рту — тренироваться произносить эти звуки.

— **Вам, наверное, было сложно привыкнуть к другой культуре общения и жизни?**

— С этим было много сложностей. Можно сказать, что сначала у меня был культурный шок. Ну, например, я чуть в обморок не упала, когда в первый раз попала в гастроном.

— **Почему?**

— Понимаете, в Японии все мясо режут кусочками или соломкой. Я ведь даже целую курицу никогда не видела. А тут в магазине в первый раз увидела, как мясник рубит топором тушу коровы. Мне было очень плохо. Да и стиль общения в Японии совершенно другой. Здесь все торопились, толкались на улице, ругались, если замешкаешься... Но потом я привыкла.

Проучилась в университете шесть лет, окончила его в 1975 году, вернулась в Японию, а затем снова приехала в Россию — работала в японской авиакомпании. В России же встретила своего будущего мужа-англичанина. В общей сложности я прожила в России 14 лет. И по-прежнему очень люблю русский язык, русскую литературу и Россию. Я считаю, что у японцев много общего с русскими.

— **А что именно у нас общего?**

— Мы очень похожи в эмоциональных реакциях. Мы одинаково оцениваем литературу, мы одинаково ценим красоту. Вы думаете, почему в Японии так популярны русские народные песни? Их же буквально все поют! На мой взгляд, особенно похожи русские и японские женщины. Я, конечно, имею в виду не внешность. Сложно это объяснить... Внутренняя интеллигентность, терпение, выстраивание отношений в семье, нежность, мягкость. Мы действительно очень похожи, поверьте.

— **Интересно. Может, поэтому в Японии популярна и русская литература?**

— Вполне возможно, вполне... Знаете, в Японии, например, «Братья Карамазовы» в переводе г-на Камэямы до сих пор держатся в списке бестселлеров. Или вот вам еще интересный пример. Не так давно в Токио прошла представительная гуманитарная конференция японских ученых. На ней обсуждались нынешнее кризисное положение в мире — терроризм, конфликты между народами, экономический и экологический кризисы — и пути выхода из этой ситуации. Обсуждали вопросы: как быть, как поступать человеку? И многие склонялись к тому, что ответы на такие сложные вопросы нужно искать в русской литературе.

— **Вот как?**

— Конечно! Я уверена, очень многие ответы можно найти в произведениях и философии Льва Николаевича.

— **А вам не кажется, что философия Толстого в некоторых моментах близка буддизму?**

— Безусловно! Хотя главное то, что он уважал все религии, считал, что у каждого — не важно, мусульманин ты, буддист или христианин, — свой путь к одному и тому же Богу. Потому что Бог един.

— **Какой роман Толстого вы любите больше всего?**

— «Воскресение». Катюша Маслова живет в моем сердце.

— **Фумико-сан, давайте поговорим о вашей книге о Толстом, которую вы не так давно представили в России. Как все началось?**

— Мой «роман» с Толстым по-настоящему начался еще тогда, когда я была студенткой РУДН. Как-то на одном из университетских конкурсов я спела песню на японском языке. Я очень боялась, переживала перед выступлением, но все-таки спела. И меня наградили поездкой в Тулу, где мы — студенты РУДН — даже выступали перед публикой. И мне тогда подарили очень красивый букет. А на следующий день нас повезли в Ясную Поляну. И этот самый букет я положила на могилу Толстого. Я не могу передать словами свои ощущения... Это была первая настоящая «встреча» с Толстым. Гораздо позже, когда я уже работала в России, то посещала международные литературные курсы, на которых случайно встретила с правнучкой Льва Николаевича — Натальей Олеговной. Мы подружились. Отец Натальи — Олег Толстой — был художником. А ведь старшая дочь Льва Николаевича Толстого, Татьяна Львовна, тоже была художницей, ученицей Репина. И я решила, что было бы очень интересно устроить в Японии выставку Толстых-художников. Пришлось немало потрудиться, но затея удалась. К тому времени

я уже оставила занятия скульптурой, но продолжала рисовать. Наталья Олеговна предложила устроить выставку моих работ в Ясной Поляне. И это тоже получилось — в 2000 году. И я еще раз приехала в Ясную Поляну. Конечно, пошла на экскурсию в усадьбу. И в этот раз мне все не давал покоя вопрос: почему он решил в конце жизни уйти от всех и от всего? Я спросила об этом экскурсовода. Она сказала, что на этот вопрос очень сложно ответить, и посоветовала почитать мемуары Ва-

лентина Булгакова, который работал у Льва Николаевича секретарем в последние годы его жизни. Я, конечно, прочитала их. Прочитала мемуары и дневники других людей, так или иначе связанных с Толстым. Обсуждала тему ухода Толстого с Натальей Олеговной. Так родилась идея книги «Ковчег. Семья Толстых», написание которой ушло четыре года. А в этом году она была переведена на русский язык.

— **А вы сами для себя нашли ответ на вопрос, почему он в конце жизни решил удалиться от всего?**

— Очень трудно все это понять и уж тем более объяснить. Далеко не все его действия и решения понимали и принимали те, кто его окружал. Конечно, это было сложно. Он ведь все хотел раздать, хотел жить совсем просто, выращивать огурцы, тачать сапоги... В его поздних дневниках есть замечательные слова о том, что ему не хочется ссориться с людьми, спорить с ними и обижаться на них. Он ведь писал: «Мира хочу». Лев Николаевич хотел покоя. Но его неожиданный уход от семьи, от всего суетного, который, казалось, не был запланирован, — все это по-прежнему рождает вопросы, на которые пока нет точных ответов. Но мне кажется, это можно сравнить с тем, как ведут себя буддисты. Когда буддист чувствует, что все сделано, что жизнь подходит к концу, — он уходит в храм ради мира и покоя, ради духовного спокойствия и просветления.

— **Почему вы использовали в названии книги слово «ковчег»?**

— В этом слове много смыслов. Но главное — оно, мне кажется, очень подходит к той мысли, которую я попыталась выразить в книге. Книга — о Толстом и его потомках. Лев Николаевич был уникальным человеком, оставившим после себя большую и удивительную семью. Хотя, конечно, как в любой семье, и в семье Толстых были конфликты и недопонимание. Но они сумели все это преодолеть. Потомки Льва Николаевича каждый год собираются в Ясной Поляне. Сейчас их почти 300 человек. Это удивительно, согласитесь. И все они придерживаются философии своего великого предка. Мне все это кажется очень красивым и правильным.

— **Кажется очень символичным, что в вашей книге использованы и работы потомков Толстого...**

— Да, это действительно так. Иллюстрации к книге сделала Наталья Олеговна, и в Японии они очень всем понравились своей простотой и выразительностью. Кроме того, я включила в книгу мемуары четвертой дочери Льва Николаевича — Александры Львовны. Как вы помните, это именно она участвовала в уходе отца, она помогала ему, она была с ним в последние дни. Она была сестрой милосердия во время Первой мировой войны, пережила революцию, восстанавливала в Ясной Поляне школу, больницу, продолжала помогать крестьянам. Потом все-таки покинула Россию и прожила 20 месяцев в Японии, которую называла «волшебной страной». Она оставила мемуары об этом, и я перевела их на японский язык. Ее мемуары вызвали большой интерес в Японии. Прежде всего потому, что они являются взглядом извне на жизнь японцев. И в них масса интересных и даже забавных моментов.

Так вот, когда я писала «Ковчег. Семья Толстых», я решила, что отец, дочь и праправнучка должны быть вместе в этой книге.

— **Фумико-сан, а правда ли, что планируется снять художественный фильм по мемуарам Александры Львовны?**

— Работа над ним уже началась. Скорее всего, это будет совместный российско-японский проект. Японская сторона хочет снять фильм о том, какой представлялась Япония Александры Львовне. Он будет сниматься и в Японии, и, конечно, в России, поскольку сюжет начинается как раз с ухода Льва Николаевича.

— **А известно ли уже, кто будет исполнять главные роли?**

— Роль Льва Николаевича согласился играть Юрий Соломин. А кто будет исполнять роль Александры Львовны — это пока точно неизвестно.

— **Честно говоря, очень приятно, что рождаются такие совместные культурные проекты, особенно с учетом того, что дипломатические отношения между Россией и Японией трудно назвать безоблачными.**

— Да, российско-японские отношения не совсем удались, если можно так выразиться. И мне очень жаль, что эти острова стали причиной недопонимания между нашими странами. Я очень люблю Россию, я считаю себя больше русской, нежели японкой. И для меня Россия значит больше, чем Япония. Моя душа живет в России. Я приезжаю сюда каждый год, потому что не могу иначе. Знаете, один мой знакомый говорит так: Россия — это как наркотик. Пока не попробуешь — не узнаешь. А когда попробуешь — не сможешь оторваться. По-моему, это очень метко сказано. 🍷

ЭНЕРГИЯ ОТ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

БЕСЕДОВАЛ ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН

На Второй ассамблее Русского мира ректор Токийского института иностранных языков Икуо Камэяма держался скромно, журналистов старался избегать. Интервью у автора сенсационного, восьмого по счету в Японии перевода «Братьев Карамазовых» удалось взять лишь с третьей попытки, по возвращении Камэямы из Кремля, где Дмитрий Медведев вручил ему медаль Пушкина.

— Какое самое главное качество души русского человека?
— А вы как полагаете? (Камэяма адресует этот вопрос своим бывшим ученикам, работающим в Москве и собравшимся в ресторанчике «Цветение сакуры», чтобы повидать мэтра.) Открытость? Вы уверены? (Переспрашивает сидящего по правую руку от него корреспондента газеты «Санкей симбун».) А вы что думаете? (Обращается ко мне.)

— Ну, я еще бы широту прибавил.
— Нет, это неинтересно! Я об этом долго думал и вот что скажу. Самое главное в русской душе — готовность к самопожертвованию! Квинтэссенция русской души — это именно самопожертвование. А то, что вы назвали, это, так сказать, на виду у всех, но это банально, на это все указывают... Когда меня спрашивают про русскую душу, я всегда вспоминаю кинофильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Там хор исполняет песню на музыку Сергея Прокофьева (слова Владимира Луговского. — *Прим. ред.*), в которой есть такие слова: «Вставайте, люди русские, // На смертный бой, на грозный бой...» Так вот эта песня, этот фильм прекрасно выражают квинтэссенцию русской души, несмотря на то, что «Александр Невский» был снят в 1938 году, при Сталине, в годы Большого Террора.

— А какой еще фильм вам нравится?
— «Зеркало» Андрея Тарковского. И мне было особенно приятно, что передо мной российскую награду от вашего президента получил близкий друг Тарковского, режиссер Мадридского театра имени Чехова господин Рамирес (Анхель Хорхе Гудьеррес Рамирес. — *Прим. ред.*). После церемонии я подошел к нему и спросил: «А вы знаете фильм Тарковского «Зеркало»?»

На что он ответил: «А как же! Я ведь там роль сыграл!»

— Какой первый русский фильм вы посмотрели?

— «Иваново детство». Там на экране в эпизоде появляется русская девочка, знаете, это моя первая любовь (улыбается). Эту девочку сыграла Вера Митурич-Хлебникова, внучатая племянница Велимира Хлебникова. Я 18 лет изучал Хлебникова, и вот в конце 80-х так получилось, что я встретился с Верой Митурич, и она вспоминала, как снимался фильм, как Тарковский отобрал ее среди 150 других детей — кандидатов на эту роль...

— А какую первую книгу из русской литературы вы прочитали?

— «Преступление и наказание». В 13 лет прочитал. Это случилось в роковое для меня лето. Роковое в том смысле, что после прочтения этого романа Достоевского я и решил посвятить себя русской литературе. На следующий день после прочтения почувствовал себя преступником (улыбается).

— Вы поняли тогда все?

— Да. Потому что на тот момент это был современный перевод.

— Русскую поэзию любите?

— Люблю. Очень люблю Иосифа Бродского. Когда в 80-х годах я приезжал в Университет Амхерст, что рядом с Бостоном, я встречался там с ним. Я был к тому времени знаком с его ранними стихами.

— Вы переводили его?

— Нет. Из русских поэтов я переводил Цветаеву, точнее, одно ее произведение — «Поэму горы». Также перевел на японский язык ее биографию, написанную Симоном Карлинским.

— Вернемся к «Братьям Карамазовым». Разве за всю историю книгоиздательства в Японии больше не было «миллионников»?

— Нет. Хотя «Кафка на пляже» Харуки Мураками тоже достиг недавно тиража в миллион экземпляров, но ведь этот роман издан шесть лет назад. Ну, и седьмой по счету перевод «Братьев Карамазовых» тоже разошелся в Японии тиражом около миллиона экземпляров, но на это понадобилось 35 лет! Мой же Достоевский прошел эту дистанцию всего за полтора года.

- **Как вы считаете, интерес к русскому языку в Японии повысился?**
- Конечно! Вот возьмите наш университет, факультет русского языка у нас считается самым престижным, он также самый лучший среди аналогичных факультетов других университетов. Каждый год на факультет русского языка поступают 70 человек.
- **Скажите, а российские компании дают стипендии японским студентам-русистам? Для стажировки в российских вузах, например? Мне говорили, что среди ваших студентов много желающих нашлось бы.**
- С удовольствием бы ехали!
- **Значит, есть такие компании-спонсоры?**
- Есть, но японские. Прежде всего это компания «Мицуи». Президент «Мицуи-Москва» окончил наш университет. Я его недавно видел, и он сказал мне, что между нашим университетом, его компанией и Санкт-Петербургским университетом подписано трехстороннее соглашение о финансировании этой компанией стажировок японских студентов и преподавателей в России. Надеюсь, с российской стороны фонд «Русский мир» тоже подключится к этому.
- **Вы говорили, что Достоевский созвучен эпохе глобализации...**
- Между нынешней эпохой глобализации и периодом российской истории после отмены крепостного права есть что-то общее. Например, та же имущественная поляризация, то же растущее противоречие между богатыми и бедными.
- **Вы получаете письма от японских читателей?**
- Конечно, из разных городов страны приходит множество писем. Я удивился, когда одна читательница написала, что получила очень большую энергию от «Братьев Карамазовых» и что она чрезвычайно горда, что в Японии появился такой хороший перевод этого романа.
- **Когда же в России возникнет бум вокруг какой-нибудь японской книги или фильма, такой же, как вокруг «Братьев Карамазовых»? Вот суши-ресторанов в Москве полно, а ажиотажа большого по поводу японской культуры не наблюдается...**
- Вы, русские (смеется), наслаждаетесь утонченностью японского суши, а мы, японцы, — глубиной русской души. 🍣
- **Почему шедевр Достоевского именно в вашем переводе стал абсолютным чемпионом японского книгоиздания?**
- Предыдущие переводы сделаны в сравнительно более сложной стилистической манере, изобилуют старыми речевыми оборотами. Я кое-что модернизировал, в частности сложные русские имена, которые вызывают затруднения у нашего читателя. Например, я убрал в большинстве мест имена и отчества, называя героев на японский манер. Точно так же я делаю, работая сейчас над переводом «Преступления и наказания». То есть у меня главный герой в переводе фигурирует как Раскольников-сан, на японский манер, а не Родион Романович Раскольников или Родион Романович. Но и тот, и другой вариант японцами трудно воспринимается. Раньше переводчики слишком уважительно относились к тексту, переводили его буквально, ничего не меняя, в том числе сложные для японского восприятия русские имена.
- **А идея с разделением книги на пять томов карманного формата ваша?**
- Ну, это уже стало традиционным форматом. Да, еще я в каждом следующем томе вначале резюмировал содержание предыдущего. Эта была моя идея.
- **Комиксы не собираются сделать на основе «Братьев Карамазовых»?**
- Уже сделали. «Карамазовы» и раньше были в виде комиксов, а сейчас, после моего перевода, появился новый вариант. Но это все без моего участия.
- **Как продвигается дело с «Преступлением...»?**
- Уже половину перевел. Пока издан, в том же издательстве, первый том, тираж — 30 тысяч экземпляров. Всего будет три тома, которые так же, как и «Братья Карамазовы», издаются в карманном формате.
- **А как, в каком графике вы работаете над переводами?**
- Каждый день в среднем перевожу по две страницы, это минимум. Иногда по 15 часов в день сижу. Работаю в основном по ночам, бывает и до 5–6 утра.
- **Все значения русских слов понимаете? Или иногда пользуетесь словарями?**
- Использую в основном словарь Даля, электронный. Но иногда и в бумажную версию залезаю, у меня дома есть том Даля, очень тяжелый. Ну, и конечно, пользуюсь Большим русско-японским словарем. Нет, электронным переводчиком не пользуюсь. (Смеется.)

ИДУЩИЕ К ХОЛОДУ

Как американцы постигают русскую литературу и что в ней открывают

БЕСЕДОВАЛА СВЕТЛАНА БАБАЕВА

В Вашингтоне заработала «Инициатива по продвижению русской культуры» (Initiative for Russian Culture) при Американском университете, в рамках которой проходят показы фильмов, музыкальные вечера и другие мероприятия. С «Инициативой» сотрудничает российское посольство, которое привлекло к программе «Мосфильм». Американские студенты посмотрели «Летят журавли», «Балладу о солдате», «Иваново детство». Новые грани жизни за океаном даются вкупе с традиционным изучением русской литературы, но помимо этого — с возможностью посещения городов, которые вдохновляли классиков. Например, Петербурга. Замдиректора программы, профессор Американского университета Антон Федяшин, в этом семестре обсуждает со студентами Федора Достоевского, писателя с философией, казалось бы, столь же далекой для американца, как и сама холодная Россия...

— К

то эти люди — американцы, которых сегодня интересуют русская литература и кинематограф? Зачем им это?

— Студентов интересует русская культура, потому что большинству имена великих русских писателей, художников, представителей кинематографа попадаются на глаза. И хотя к 18 годам, когда поступают в университет, многие слышали эти имена, они почти ничего не знают о них. Большинство американцев знают, например, что «Война и мир» — это великое и очень длинное произведение великого Толстого. Но мало кто его читал.

— Вы сказали — ребята встречают имена. Где американский подросток может увидеть или услышать имена русских классиков XIX века?

— В газетах, в Интернете, в старших классах школы, в семьях, по телевизору, иногда в фильмах. Учтите, у современных ребят голова полна имен, к моменту появления в университете студенты напичканы информацией, среди которой информация о России и ее писателях. Другое дело, что это не то же самое, что знания. Их начинают получать в университете...

ВАНЕССА РОБЕРТСОН (VANESSA ROBERTSON)

— Проведенное в Вашингтоне блиц-исследование показало, что даже образованные американцы знают максимум три русских имени: Толстой, Достоевский, иногда Чехов. Особо продвинутые что-то слышали про Тургенева. А вы говорите — голова у студентов напичкана именами. Какими?

— Знаете, если опросить ребят, поступающих сейчас в российские вузы, думаю, они тоже вряд ли поразят знанием американской литературы. Советский образовательный запас иссяк. Да, именами, которые вы назвали, в основном и ограничивается знание американских студентов о русской культуре. Иногда появляются Эйзенштейн, Тарковский, Чайковский, Дягилев, другие. Но для начала уже неплохо. Достаточно, чтобы зажечь интерес и вдохновить на дальнейшие поиски. А судить молодых людей справедливее не по знаниям, а по любознательности — она открывает миры...

— Что в принципе может зажечь американца в русской культуре?

— В первую очередь все-таки экзотика, которую на уровне университета мы потом пытаемся развеять... Но в большинстве случаев это именно северная экзотика всего русского, начиная с медведей и ледяных скульптур и заканчивая очень длинными романами и фильмами. Таково среднестатистическое понимание американцем России. А из этой искры мы потом раздуваем пламя... Приведу пример. В американских университетах есть предметы обязательные и необязательные. Мой курс «Россия Достоевского» необязателен, на него ребята записывались по желанию. И записалось 36 человек! Это очень много для историко-литературного предмета. Вот вам и пламя.

— Пламя... У американцев совершенно иной эмоциональный фон и внутренняя картина мира. Например, на обсуждении после просмотра «Летят журавли» их больше интересовали практические вещи: вышла ли Вероника замуж за Марка, как был воспринят фильм в Европе и США. То же происходило при обсуждении на вашем семинаре «Преступления и наказания»: Раскольников не такой плохой человек, потому что помогал людям деньгами, говорят американцы. Они воспринимают фактуру, а не внутреннюю борьбу. Идет анализ не эмоционально-философского среза, который прежде всего и присущ русской литературе, а фактов. Как это совершенно разное восприятие влияет на понимание российской литературы и действительности?

— Конечно, разница в восприятии есть, каждая культура подходит к произведению со своей точки зрения. Американцы как народ — сказывается англосаксонская закалка — действительно не столь эмоциональны, как русские. У них более прагматичный подход, в том числе и к литературе. Они больше

внимания уделяют фактам, которые составляют основу повествования. Изложение фактов для американцев очень важно: обстоятельство дела, последовательность действия, причинно-следственная связь, развитие сюжета. Это, кстати, прослеживается в американской культуре на всех уровнях. Если, к примеру, взять детективы, сразу заметно, особенно русскому, что развития самого персонажа там почти нет. Эмоциональное состояние жертв и преступников не раскрывается; действие сериала, — как правило, часового — определяют улики. Поэтому неудивительно, что первым делом ребята цепляются за то, к чему привыкли. Но суть преподавания русской литературы в том и состоит, чтобы с помощью великих произведений вывести людей из их культурного мира на общечеловеческий.

— По всей видимости, американцам проще иметь дело с моносюжетностью произведений, чем русская классика тоже никогда не отличалась...

— Знаете, не надо исходить из стереотипа, что американцы примитивно думают и так же смотрят на литературу. Способность схватывать многоукладные произведения зависит не только от культуры, но и от возраста. Не думаю, что 18-летний россиянин понимает в Достоевском гораздо больше, чем его американский сверстник.

— Мы не осуждаем и не выносим оценок. Англосаксонская нация за последние столетия доказала свою эффективность и вдумчивость, создав, кстати, не только пару сильных империй и работоспособные политические модели, но и произведения мировой литературы. Речь не о примитивности, а о разнице мировосприятия. У русского человека, например, есть одно свойство, абсолютно непонятное американцу: бесконечная, мучительная саморефлексия. Как думает американец? Если есть проблема и ты можешь ее решить — решай. Если она не в твоей власти — переключись или измени угол зрения, но не позволяй этим мукам разрушать тебя. А ведь великая русская литература — на глубинных внутренних

мучениях и философских откровениях. Как это могут понять американцы?

— А что вы подразумеваете под словом «понять»? Мое дело как профессора, как историка — донести разницу между американской ментальностью и российской. Не мое дело — и, может, даже не дело самих писателей — объяснять американцам, как быть русскими. Это невозможно. Но показать, что есть другой мир, в котором люди по-другому думают, чувствуют, где другая духовная культура по-иному окрашивает политическую и социально-экономическую среду обитания, — вот главное. Не делать из американцев россиян посредством литературы, а показать, сколь много разницы может быть между менталитетами, и в то же время найти множество общего — вот в чем красота литературы и истории.

— Что же общего можно найти?

— Общее — в главных вопросах бытия. В вопросах свободной воли, любви, отношения к человеку, к социуму. Общие вопросы человечества существуют, хотя разные общества дают на них разные ответы... Но помните: литература не философия, она не ставит вопросы впереди повествования; к этим вопросам надо подойти, пройдя путь героев. Хотя в конце концов мы возвращаемся к тем же общечеловеческим темам.

— И все же кажется, что американцы, как, кстати, и русские — видимо, это черта всех больших наций, отделенных территорией от других культур, — неспособны постигать иное. Особо продвинутые способны что-то допустить — ну, что жизнь на Марсе возможна. Но знать и понимать не одно и то же. Знание еще возможно, но как американец может понять, скажем, подход «очищение через страдание»?.. Тем более в 18 лет.

— Понять Достоевского в 18 лет, конечно, трудно. Надо пожить, потом перечитать снова. Именно поэтому люди возвращаются к великим произведениям в разном возрасте... Я специально начинаю с фактов и с того, что студентам легче схватить. Дальше мы погружаемся в философские вопросы. Но если ребята не привлекают к великим произведениям в этом возрасте, то когда это делать? Студенты как раз находятся в том возрасте, когда начинают перерастать свое детское мироощущение и хотят испытывать интеллектуальные возможности, сравнивая

рии, — мы читаем «Отцов и детей». Кстати, эта книга американским студентам легко дается, в ней действуют двое друзей их возраста. Вообще, Тургенев легко идет, и стиль его легче переводить на английский, чем стиль Достоевского или Толстого. Что касается Достоевского, то мы начали с «Двойника», затем прочитали «Записки из мертвого дома», «Записки из подполья», сейчас сражаемся с «Преступлением и наказанием», впереди отрывок из «Дневника писателя», а заканчиваем «Карамазовыми».

себя уже не с близкими, друзьями или поп-кумирами, а с великими мира сего. Тут-то они и начинают открывать для себя новые миры, приобретать духовную глубину, в том числе и очищение, и страдание...

— **Конечно, и сразу — очищение через страдание.**

— Нет-нет, я как раз и говорю, что к этому надо подводить постепенно. Наскоком Достоевского не возьмешь. Вообще, в великие произведения мировой литературы надо входить постепенно. Не верю, что такую литературу можно читать запоем, ее надо постигать в несколько приемов, оставляя время на раздумье. Я строю курсы так, чтобы между прочтением нескольких глав оставалось время для обдумывания, сравнения. Достоевский все же облегчает задачу американцу, который прежде схватывает факты. Как заметил один критик, если бы книга не называлась «Преступление и наказание», ее можно было бы назвать «Россия в 1865 году», потому что Достоевский использует огромное количество реальных, повседневных фактов, черпая их из газет и журналов. Затем от частностей идем в психологию Раскольникова и в идею очищения через страдание.

Все же я не согласен с тем, что эта идея — эксклюзивно русская. В американцах она заложена их религиозным воспитанием, особенно, кстати, в католиках, для которых страдание часть религии... Другое дело, что в материальном плане американцы создали у себя в стране настолько комфортабельный мир, что большинство студентов к 18 годам не знают, что такое терять или жить в обществе, которое требует жертвования... Личной свободы или чего-то другого... Достоевскому надо дать время, чтобы в американских студентах он задел эти религиозные струны, на которых большинство воспитаны. Тогда начинается процесс осознания философии писателя, приложение этих взглядов на себя. Все, что я могу сделать, — это преподнести. А уж они пусть сами решают, сражаться с этим или примиряться...

— **Что вообще из русской литературы дается в хорошем американском университете?**

— Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев. Это стандартный набор русских писателей, который определяется доступностью перевода, затем выбором профессора и самой идеей курса. Я, например, даю Тургенева, когда преподаю курс общероссийской исто-

— **А «Идиот»?**

— Времени нет, в следующий раз. Я и «Бесов» в этот курс не включил.

— **«Бесов», надо полагать, они вообще не поймут.**

— Я заметил, «Бесы» даются тяжелее всего. Студенты не понимают, что такое провинциальная жизнь в России, плохо понимают радикальный фанатизм русской интеллигенции. Глумление и цинизм американцам также не близки.

— **Сами американцы с легкостью называют лишь два произведения Достоевского: «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых». Но что интересно — «Преступление и наказание» идет как детектив...**

— ...Чему очень помог Набоков. Он вообще не любил Федора Михайловича и особенно «Преступление и наказание». Сцену Сони Мармеладовой с Библией называл верхом ханжества, да и вообще говорил о Достоевском как о детективном писателе, чем и поспособствовал распространению такого взгляда.

Что касается «Карамазовых», то я впервые буду давать книгу американским студентам, самому интересно, как будет воспринято произведение. А «Великому инквизитору» мы специально посвятим отдельное обсуждение.

— **Существуют ли лингвистические проблемы с переводом? Некоторые полагают, что структура английского языка не дает возможности передать всю точность и красоту русского. Ну, хотя бы из-за отсутствия суффиксов.**

— Все переводы теряют некоторую долю смысла. Но альтернативы все равно нет. Лучше читать в переводе, чем не читать вовсе... Действительно, английский язык структурно легче русского, слова не обременены окончаниями, предложения — причастными и деепричастными оборотами. Американские глаза быстрее скользят по страницам Достоевского, потому что в английском переводе нет той красивой философской тяжести, которая присутствует в русском и заставляет замедляться, задумываться. Возможно, отчасти поэтому англоговорящие читатели чувствуют Достоевского по-другому.

— **На лекциях вы зачитываете студентам куски на русском, хотя они его не знают и не изучают. Зачем?**

— Чтобы слышали мелодику языка. Большинство фамилий специально произношу так, как они произносятся по-русски. Огромная проблема для англоговорящих — наши имена и фамилии, но особенно отчества. Первое, что я делаю, — это объясняю, что такое Михайлович, что «-ич» — это, как правило, отчество, а «-ов» и «-ин» — фамилии. Потихоньку начинают ориентироваться, привыкают.

— **Вы ведете в том числе курсы по европейской истории. Что в европейской и российской истории американцев наиболее потрясает, цепляет и, наоборот, является наиболее трудным для постижения?**

— Первое, чего не понимают в отношении России, причем и в истории, и в литературе, — это терпение русского народа. Почему они так долго терпят? — спрашивают американцы. А второе, что шокирует еще больше, — когда терпение заканчивается, это выливается в лютую анархию... Умеренному англосаксонскому менталитету непонятны эти крайности: революции, бунты, фанатическая оппозиция государству. И в то же время — бесконечные абстрактные поиски себя вкупе с желанием водворить тотальную справедливость на земле...

— ...Царство Божие.

— Не совсем. Это есть во всех религиях, в нашей оно лишь более выражено. А общую, универсальную, плохо сформулированную, но безоговорочную справедливость...

С Европой немного другая ситуация, здесь студентам тяжелее всего дается понимание, как на таком маленьком пространстве уживаются народы со столь разной культурной и религиозной историей. Для американца непостижимо, что значит жить рядом с соседями, которые экономически, политически и социально более организованы и представляют угрозу. Ни Канада, ни Мексика угрозы для США никогда не представляли. Вообще, над Америкой никогда не нависала угроза серьезного нападения, оккупации. Циклы европейских войн и революций больше всего и шокируют ребят.

Определенные препятствия к пониманию других политических, социальных и философских систем кроются в американском индивидуализме и прагматизме. У американцев очень открытое общество, но одновременно им трудно дается относительность мирового устройства. Я с большим уважением отношусь к американскому индивидуализму, но часто он ослепляет. И в американской истории XX века это вылилось в катастрофические ошибки.

— **События последних лет — Ирак, Афганистан, а главное, экономические потрясения, которые по американским меркам делятся уже невыносимо долго и не обещают скорого выхода, — добавляют ли красок в оценку студентами себя и других? Может, вносят определенные сомнения, упадничество?**

— Должен признаться, пока нет. В большинстве своем даже те, кто не согласен с вторжением в Ирак, считают, что рано или поздно американская точка зрения все равно восторжествует. Кроме того, эти войны проходят далеко от самой американской территории. Что касается экономического кризиса, упадничества не существует точно. Сомнения только начинают появляться, и, поскольку менталитет всегда меняется очень медленно, они и близко еще не подошли к критической отметке, за которой начинаются перемены в обществе. И не забывайте, мы говорим о Восточном побережье США, более от-

крытом, европеизированном, либеральном. В глубинке, думаю, американская уверенность не породила даже сомнений. Кроме того, студенты больше защищены от экономических потрясений, поскольку находятся еще в своем микромире. А Вашингтон уникален еще и тем, что финансовый кризис затронул его меньше всего. Задумываться обо всем этом ребята начинают на четвертом курсе, когда рассылают резюме.

— **Вы даете студентам становление и крах империй, прошлых и современных. Что они извлекают для себя, есть ли какая-то типология их выводов и касается ли вы американской практики?**

— У Европы были колонии; у американцев, если исходить из викторианского понятия империи, колоний нет и не было. Для американских студентов США — максимум экономическая империя, не захватническая. Попутчики, если к ней и присоединяются, то по своей воле. Я часто стараюсь вывести ребят на сравнения, особенно с Британской империей, но, как правило, они не видят тех выводов, которые находят в своей истории европейцы. Существует барьер между эксклюзивностью, присущей американскому менталитету и взгляду на свою историю, и тем, что происходило в Европе и России.

— **Между тем отцы-основатели много размышляли над крушением Римской империи. И хотя современные американские политики вряд ли согласятся, что США — империя, речь идет прежде всего об ошибках, которые могут быть совершены обитателями «Града на холме» и которые приведут их к тому же закату, что привели римлян.**

— Никаких параллелей между американским опытом и историей крушения Российской, Британской или Римской империй не возникает. Но вот где начинаются размышления студентов об американской политике — так это на периоде холодной войны. Когда говорим о Вьетнаме, о политике США в Южной и Центральной Америке в 1950–1980-е годы, это резонирует, ребята начинают задумываться о том, что унаследовала их страна с эпохи холодной войны, как американская политика заходила в тупики, насколько правительство переоценивало порой свои возможности. Но в целом у американцев совсем иной исторический опыт, они считают, что географическое положение им дано Богом, и им трудно понять, почему государства готовы жертвовать благополучием своего народа ради каких-то геополитических интересов.

— **Готовы жертвовать... Тема жертвенности, отношение к жизни земной... Ценность жизни в американском обществе ставится очень высоко. Как американцы реагируют на русскую неспособность ценить жизнь? Впрочем, Европа тоже это проходила...**

— Им это очень трудно дается. Американцы не понимают диссонанса между российской реальностью, например между ссылкой Достоевского и его выживанием в Сибири, и постоянным обращением к внутреннему, к душе, к Богу с универсальными вопросами. Они не понимают, как, имея такое неустройство земной жизни, вместо того чтобы решать бытовые проблемы, можно уделять столько энергии и сил духовным исканиям, поискам философского смысла. Почему энергия уходит не в устройство жизни, которая подавляет?.. В американской литературе таких примеров нет, Америка была основана совершенно на других принципах.

— **И все-таки там тоже не было ни стяжательства, ни стремления к богатству.**

— Верно, не было. Но именно демократизм их церкви вынуждал пуритан покидать Великобританию. Этот демократизм, соединенный с протестантской этикой, блистательно описанной Максом Вебером, создавал культ труда и материального успеха. Не в смысле количества денег, а в смысле материального результата и филантропии как показателя успеха. Это антропологические черты нации, звенья, из которых и состоит американский менталитет. Поэтому американцам так трудно понять: как в России можно жить, как Достоевский, в холоде и промозглости сибирского плена и в то же время видеть и находить в насильниках и убийцах зерна человеческого и даже Божественного... ❀

ДУХОВНОЕ ПРОТИВОЯДИЕ ДЖУЛИАНА ЛОУЭНФЕЛЬДА

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

Поэзия Пушкина не только способна помочь человечеству преодолеть ценностный кризис, но даже может спасти нас от глобального потепления — так считает Джулиан Генри Лоуэнфельд. Этот потомственный американский адвокат и прекрасный переводчик русской лирики на английский называет Александра Сергеевича «духовным противоядием» — универсальным лекарством и для России, и для всего мира.

—Россия и Америка мало чем отличаются друг от друга — и знаете почему? Потому что найти могилу Уолта Уитмена у нас так же трудно, как у вас — могилу Анны Ахматовой. Если спрашиваешь об Уитмене в штатах, то люди уточняют: «Вы имеете в виду торговый центр?» А когда я искал Ахматову в Комарове и спросил у местной женщины, она мне ответила: «Такие у нас не живут». И ведь не обманула, — грустно улыбается Лоуэнфельд.

Ему легко сравнивать: страсть к России у этого американского гражданина легко может поспорить с любовью к родине. В нем вообще много всего намешано: мать — кубинка, отец — выходец из Германии, и его семья, как шутит сам Джулиан, «родилась благодаря двум диктаторам: Гитлеру в Германии и Кастро на Кубе». Родители-беженцы встретились и поженились в Америке. Как положено прилежному сыну адвоката, Джулиан с детства знал несколько языков. И он помнит, как его бабушка в Техасе пела «Волга-Волга, мать родная, Волга, русская река». Отвечая на звонок телефона, она обычно говорила по-русски: «Слушаю!» И если на том конце провода не реагировали, то не продолжала разговор, а просто вешала трубку и говорила: «Wrong номер!»

КАК «АДВОКАТ ЧЕБУРАШКИ» УСЛЫШАЛ ОКУДЖАВУ

Вслед за дедом, дядей и отцом Лоуэнфельд избрал юридическое поприще — окончил Гарвард, стал доктором права. В этой своей ипостаси он больше всего известен как «адвокат Чебурашки»: в качестве специалиста по защите интеллектуальной собственности не раз представлял в суде интересы российских киностудий. Но Гарварду он обязан не только юридическими познаниями, в студенческие годы Джулиан по-настоящему услышал русскую речь, которая буквально околдовала его.

— На улице в Бостоне я как-то услышал песню на незнакомом языке. Что-то во мне шевельнулось... Я подошел, спрашиваю: что это такое? Мне говорят: это русский язык, песня Булата Окуджавы. Из песни я не понял ни слова, но решил, что мне нужно обязательно этот язык выучить, — рассказывает Джулиан. Надо заметить, рассказывает на очень чистом русском, практически без акцента.

С того момента и началось: почти каждый день в Гарварде будущий юрист бегал к восьми утра на занятия по русскому языку и русской литературе. А вот Пушкина он откроет для себя позже, уже в России, впервые попав сюда по студенческому обмену. В Петербурге Лоуэнфельд обретет и свою «вторую маму» — так

Пушкинские строки на русском и английском — Джулиан Лоуэнфельд читает с крыльца болдинской усадьбы «Отцы пустынноики и жены непорочны...» в своем переводе

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Джулиан называет главного учителя русского языка в своей жизни, литературоведа Надежду Семеновну Брагинскую. Строгая, она поначалу не одобрила попытки своего ученика перевести на английский «наше всё» — мол, еще не дорос! А он взялся за переводы стихотворений Пушкина не от большого сомнения, просто устал объяснять родным и друзьям, за что так любит этого малоизвестного им русского поэта...

В 2010 году за свой двуязычный сборник переводов «Мой талисман. Лирика Александра Пушкина», который с трудом, но все-таки удалось издать небольшим тиражом, Лоуэнфельд получил престижную российскую художественную премию «Петрополь», его переводы пушкинисты обеих стран называют блистательными. Такие таланты — это, возможно, «наследство» от прадеда, который был первым переводчиком Льва Толстого на немецкий язык. Но главное — не хорошая наследственность,

а огромная любовь и стремление проникнуть в суть: Джулиан переводит Пушкина, стараясь прежде всего передать дух его поэзии, не слово в слово, но «ритм в ритм» — так, что даже не знающие английского русскоговорящие по знакомой мелодии сразу узнают известные со школьной парты стихи.

ТАЙФУН ПОМОГ ПЕРЕВЕСТИ «СКУПОГО РЫЦАРЯ»

Джулиан прекрасно помнит свой первый день в СССР — было это в сентябре 1986 года.

— Солнечно, как будто солнце целуется с камнем, розовый такой свет, — вспоминает он. — Я иду по площади Искусств, влюбленный в эту красоту, навстречу памятнику Пушкину. Я не знал, что в то время это было место встречи геев. Милицы-

онеры их периодически забирали в отделение... И вот подходит ко мне человек в форме. Я, начитавшийся Солженицына, историй о ГУЛАГе, смотрю на него и думаю: «Вот, меня уже и арестовывают. А ведь это только первый день!» Но милиционер лишь строго спросил меня: «Что ж вы, товарищ, бесцельно шатаетесь?»

Этот вопрос ленинградского стража порядка Джулиан называет «программным» для своей жизни. Когда бесцельно шатаешься, считает он, то обязательно вынесет туда, куда нужно.

Этим «течением» его однажды вынесло на ту улицу, где пели Окуджаву. Оно же помогает теперь ему и в переводах. Джулиан рассказывает, что пять месяцев усердно трудился над «Скупым рыцарем» — ощущение того, что дело как-то не клеится, усугубилось, когда он случайно забыл рукопись в такси. А тут еще и другие беды навалились: сбегая от «черной полосы», он взял карту, ткнул пальцем и... через несколько дней оказался на Таити. Райское место встретило его не только морем и пальмами — вскоре на острове начался тайфун! Всего за четыре дня, пока из дома нельзя было выходить и не было электричества, Лоуэнфельд легко перевел «Маленькие трагедии» — все то, над чем безуспешно бился почти полгода. Перевел настолько удачно, что, когда прославленный балетмейстер и владелец Центра искусств в Нью-Йорке Михаил Барышников прочел, решение было однозначным: «Это надо ставить!» Нужно отметить, что до этого «Маленькие трагедии» Пушкина никогда полностью не ставились на английском языке — именно из-за отсутствия качественного перевода.

Будучи еще и музыкально одаренным, Лоуэнфельд сочинил к спектаклю музыку. Моцарта в этой нью-йоркской постановке играет Луис Симас — блестящий пианист, композитор и выдающийся джазовый импровизатор. А Сальери — сам переводчик!

— Потрясающе интересно сыграть человека, которого, казалось бы, никак нельзя понять, — объясняет Джулиан свой «странный» выбор. Злодея рядом с гением ему нравится играть еще и по-

тому, что он — судебный юрист. — Мне кажется, любой актер — где-то адвокат, а любой персонаж, которого он играет, его подзащитный. И если судьи-зрители сумеют Сальери пожалеть, увидеть его в себе, тогда и произойдет катарсис.

КОВБОЙ ЧИТАЕТ ПУШКИНА, КОГДА ПАСЕТ КОРОВ

Мы познакомились с Джулианом в Большом Болдино, на мультимедийном фестивале «Живое слово», где он проводил мастер-класс, не по-американски страстно доказывая актуальность Пушкина в наши дни. Джулиан впервые в этой Мекке для всех истинных пушкинистов и, переполненный эмоциями, готов говорить о любимом поэте часами.

— **Джулиан, чем ты объяснишь то, что Пушкин все-таки не получил общемирового признания?**

— В смысле, что он недостаточно известен на английском? Частично я виню в этом Набокова — он такой ревнивец!.. При всем уважении к его таланту своими переводами он будто приколол Пушкина, как мертвую бабочку, под стекло... Убил неопишемую прелесть бабочки в полете! Причина — не в его таланте или знании английского, конечно: это просто характер. Я преклоняюсь перед Набоковым как перед прозаиком, но он — не легкий. А Пушкин — это прежде всего легкость, пылкость, огонь. Все поэты немножко хулиганы, и это хорошо. Проблема с Пушкиным в том, что к нему слишком серьезно относятся! Известен случай, когда Тургенев пытался объяснить Флоберу прелесть пушкинских стихов на примере «Я помню чудное мгновенье...» Получилось: «I remember a wonderful moment...» Флобер ему ответил: «Он пресен, ваш поэт!» Но ведь в этом переводе совсем пропала музыка стиха!

— **Ты начал переводить Пушкина прежде всего из-за желания поделиться его поэзией со своими родными и друзьями. Многие ли теперь разделяют твою страсть?**

— О да! Я все время получаю письма от простых американцев. Недавно мне написал ковбой из Техаса — он читает Пушкина, когда пасет коров. Один монах из Калифорнии тоже написал

- Да, при всем своем оптимизме даже Пушкин иногда жаловался. Но «говорят, что несчастье хорошая школа; может быть. Но счастье есть лучший университет» — это тоже его слова.
- Я знаю, что приехать в Болдино было твоей мечтой, хотя ты во многих местах России уже побывал. Куда еще мечтаешь отправиться?
- На озеро Светлояр, где, говорят, град Китеж затонул... А по пути в Нижний Новгород, выезжая из Владимира, я видел храм Покрова на Нерли — такая прелесть!
- Говорят, ты соблюдаешь русские приметы...
- Ну да, по дереву стучу. А если наступлю кому-то на ногу, то обязательно подставляю ножку в ответ, чтоб не посориться. Но если я про все приметы расскажу, то... Можно, я сохранию немножко «прайвеси»?
- Какие твои любимые блюда русской кухни?
- Гречневая каша. Я покупаю ее и в Америке. И между прочим, я недавно случайно сделал открытие: оказывается, маслом кашу — испортишь! Нужно сначала хорошенько сухую крупу поджарить, тогда она получается на вкус почти как грецкий орех. И не надо слишком много масла!
- Вместе с любителем гречневой каши и страстным пушкинистом Джулианом Генри Лоуэнфельдом мы заходим в родовую усадьбу Пушкиных — ныне музей-заповедник. В рабочем кабинете, где во время осенних приездов в Болдино поэт создал множество своих шедевров, Джулиан вдруг, отстав от экскурсионной группы, низко припадает к дивану — так, чтоб глаза были на уровне глаз лежащего человека, и машет мне рукой:
- Смотри! — громко шепчет он, показывая в окно. — Вот так же и он, должно быть, лежал на этом диване, он ведь любил работать лежа...
- В глазах у Джулиана — неподдельное счастье. 🍷
- И все-таки, почему из всех русских поэтов — именно Пушкин?
- Потому что он — солнце, свет. А я люблю солнце. Вы знаете, это удел интеллигенции: нам всегда кажется, что мы живем в самое ужасное время. Но хотите услышать древнейшее стихотворение мира? Оно было найдено при раскопках города Ура в Месопотамии: «Несчастный современный человек! Таскается один-одинешенек // По шумным улицам грязного города. // Голова у него раскаляется от острой боли. // Он уже не слышит голос бога своего, // Поющего ему в тишине». Уже до нашей эры шумеры жаловались! Я занимаюсь правозащитной деятельностью в области экологии, и иногда мне думается, что феномен глобального потепления — это не только следствие выхлопов углекислого газа, но и плод духовного похолодания человечества. Ведь физики почти доказали уже, что мысль материальна. Так что искусство не только отражает, но и со-творяет мир. Смотря на жизнь «с холодным вниманием вокруг», мы сами выхаживаем ее. И мне кажется, продолжение всей нашей жизни на планете Земля зависит от нашего скорейшего перехода от «мудрости» образованной депрессии к «глупости» сердечного тепла... Меня часто спрашивают, особенно в Америке: чем твой Пушкин актуален? Я думаю, красота сама по себе — высшая актуальность. И мне очень нравится эта формула, которую я вывел для себя: Пушкин — это духовное противоядие. В ответ на богатую дешевку, которую предлагают нам современные продюсеры, он напоминает: цель искусства — не польза, а созидание прекрасного. Пушкин как золото, он не ржавеет, он лечит от депрессии, пессимизма, безнадежности.
- А как же его «Цели нет передо мною: сердце пусто, празден ум...»?

ЕВГЕНИЙ ПЛАДКА

КОНЕЦ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН*

В последние десять лет печатная пресса на русском языке в Израиле переживает трудные времена. Предоставленные самим себе и не получающие поддержки от кого бы то ни было, израильские СМИ на русском языке в ближайшее десятилетие могут прекратить свое существование.

Пресса на русском языке появилась в Израиле в середине 50-х годов XX века. Хотя родиться она могла бы и раньше, учитывая большое число выходцев из Российской империи в первых волнах сионистской иммиграции в страну. Однако многие из этих людей читали по-русски, их родным языком, как правило, был идиш, который они отвергали во имя иврита — идейно близкого языка борьбы за возро-

ждение национальной государственности. В период британского мандата евреи Палестины/Эрец-Исраэль издавали газеты, в частности, на английском и немецком языках, но на русском периодические издания не выходили. Интересно, что в итоге первым периодическим изданием на русском языке в Государстве Израиль стал

начиная с 1954 года «Бюллетень» Землячества выходцев из Китая. В 1959 году на русском языке начал выходить ежемесячный журнал «Вестник Израиля», а в 1963-м — журнал «Шалом».

Эти издания обозначили два основных вектора, определивших существование большинства русскоязычных газет и журналов в Израиле до конца 1980-х годов. Часть из них, по сути, являлась функциональными многотиражками, служившими доказательством наличия тех организаций, от имени которых они выпускались. Остальные издавались государственными или окологосударственными структурами — Еврейским агентством, Федерацией профсоюзов, политическими партиями, которые преследовали при этом свои цели. Во-первых, им было важно способствовать культурно-политической аккультурации русскоязычных новых граждан Израиля, а во-вторых — формировать среди советского еврейства мотивацию к отъезду в «землю обетованную» (для решения этой задачи была создана и русскоязычная редакция радиостанции «Голос Израиля», передачи которой транслировались на территорию СССР с 1958 года).

Израильские оппозиционные партии газет и журналов на русском языке не выпускали, и потому идеологического плюрализма на «русском» газетно-журнальном рынке не было. Это не значит, что все публиковавшиеся материалы проходили идеологическую цензуру, однако общее направление статей и обзоров не отклонялось от курса истеблишмента. Эти издания не были экономически рентабельными и содержались именно для того, чтобы служить «коллективными агитаторами и пропагандистами».

В ПОИСКАХ «ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ»

До начала массовой волны эмиграции 1990-х годов русскоязычные СМИ заведомо не могли быть рентабельными. Читателей было мало, покупателей — еще меньше. Однако лишь за 1990 год

русскоязычное население Израиля практически удвоилось, а за 1991–1992 годы — утроилось. Причем если иммигранты 1970-х прибывали и учили иврит постепенно, то в начале 90-х в страну приехали сотни тысяч людей, в подавляющем большинстве своем совсем не владевших языком. Создалась крайне благоприятная ситуация для появления газеты принципиально нового в «русском Израиле» типа, которая бы соответствовала запросам читателей, а не служила рупором тех или иных государственных или политических сил. Такая газета могла стать первым коммерчески успешным израильским проектом на русском языке. Именно такая задача и была поставлена перед редакцией газеты «Время» (первый номер вышел 29 марта 1991 года. — *Прим. авт.*) ее владельцем, медиамагнатом Робертом Максвеллом. Возглавил газету легендарный диссидент-антисоветчик Эдуард Кузнецов, оставивший ради этого пост редактора новостного отдела русскоязычного радио «Свобода». И по содержанию, и по уровню публикуемых авторов газета «Время» (с 1992 года — «Вести») в 90-е не уступала лучшим газетам русской диаспоры, будь то нью-йоркское «Новое русское слово» или парижская «Русская мысль», опережая все другие израильские газеты, выходившие в то время: «Наша страна», «Новости недели» и «Спутник». Понятно, что, учитывая различия в читательских контингентах, в Израиле был нерелевантен формат «Русской мысли», которая, отвечая на запросы славянофильски и антисоветски ориентированной европейской русской эмиграции, практически вся была посвящена общественно-политической и культурной жизни России. Вместе с тем, какой бы сионистской ни была мотивация иммигрантов, искавших свое место под солнцем в Израиле, их культурный багаж все равно был почти исключительно российским, а во многом — советским. Газете «Время»/«Вести» удалось найти некую «золотую середину» между форматом газеты русской диаспоры и форматом израильской газеты, выходящей на русском языке в прямом или опосредованном переводе с иврита. Изначально газета выходила еженедельно, потом появилось и ежедневное издание, куда менее содержательное.

Массовая иммиграция последнего десятилетия XX века привела к расцвету рынка русской прессы в Израиле, и во второй половине 90-х в стране одновременно выходило целых пять ежедневных газет на русском языке: «Вести», «Новости недели», «Время», «Наша страна» и «24 часа». К настоящему времени три из них прекратили свое существование, а «Новости» вернулись к еженедельному формату. Ежедневными остаются только «Вести». Процесс «сворачивания» русской прессы шел постепенно, но вектор этот остается неизменным на протяжении всего последнего десятилетия. На то есть много причин.

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

В первой половине 90-х годов из бывшего СССР в Израиль прибыли полмиллиона человек. Многие из них являлись представителями русско-еврейской городской интеллигенции, то есть довольно активными потребителями печатной продукции. В 2000-е годы темпы иммиграции резко упали: например, в 2010 году в Израиль из бывшего СССР приехало всего 7 тысяч новых граждан. При этом большинство из них прибыли вовсе не из крупнейших городов. Регулярно читавшие газеты и журналы люди старшего поколения, прибывшие в страну в ходе так называемой «алии 1990-х», постепенно уходят из жизни, но на их место не приезжают новые потенциальные потребители русскоязычной прессы. Показательно, с какими российскими изданиями сотрудничают сегодня израильские газеты: не только таблоиды «Эхо» (в него вкладывается дайджест «Комсомольской правды»), «Луч» (дайджест российского «Собеседника») или «Секрет» (вкладыш материалов «Аргументов и фактов»), но и достаточно серьезная газета «Новости недели» не нашла себе лучшего партнера, чем «Московский комсомолец». Израильские русскоязычные газеты работают не с качественными российскими изданиями, а с массовыми таблоидами, что отражает вкусы читательской аудитории, весьма отдаленно напоминающей столичную интеллигенцию.

Еще один важный момент — повсеместный переход молодежи на иврит. Речь идет о так называемом «полуполторном» (приехавших в дошкольном и школьном возрасте) и втором (родившихся уже в Израиле в семьях новоприбывших) поколениях выходцев из СССР/СНГ. Эти выросшие в Израиле молодые люди, как правило, прилично владеют разговорным русским, но читать и писать им легче на иврите. Не стоит забывать, что за все эти годы в Израиле так и не возникло ни одной дневной школы, преподавание в которой шло бы на русском языке. Обучение в школах и вузах ведется только на иврите, а всеобщий обязательный призыв в армию, где русский язык не имеет никакого статуса, неизбежно формирует тенденции не дополняющего, а замещающего билингвизма. Для живущей в Израиле более десяти-пятнадцати лет русскоязычной молодежи и тем более для детей выходцев из СССР/СНГ, родившихся в Израиле, русский остается языком для общения с бабушками, но не для чтения газет и журналов, что приводит к дальнейшему сокращению их читательской аудитории.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ — НАШЕ ВСЁ

Существенный удар по печатной прессе нанесло появление израильских русскоязычных телеканалов. 12 ноября 2002 года заработал канал «Израиль плюс», что привело к массовому перемещению читателей газет к телеэкранам. В 2003–2006 годах успешно развивался довольно качественный блок израильских программ русскоязычного канала RTVi. Но его деятельность существенно сократилась после того, как в мае 2006 года Верховный суд удовлетворил иск канала «Израиль плюс» (руководство которого утверждало, что только они из всех русскоязычных каналов, транслирующихся в Израиле, подчиняются регуляторным ограничениям и потому имеют право транслировать израильскую рекламу. — *Прим. авт.*). Однако существование на протяжении четырех лет двух русскоязычных израильских телекана-

лов нанесло очевидный удар по печатной прессе, а сокращение сетки вещания канала RTVi привело к оттоку зрителей к другим телевизионным каналам, но не к их возвращению к чтению газет.

ЗАБЛУДИВШИСЬ В ИНТЕРНЕТЕ

Еще одной проблемой стало то, что израильская русскоязычная печатная пресса не смогла адаптироваться к переходу в интернет-среду.

Можно спорить о том, должен ли сайт газеты или журнала быть идентичным печатному изданию или отличаться от него, должны ли материалы появляться в Сети одновременно с появлением печатной версии или нет, — на все эти вопросы конкретные издания отвечают по-разному. Однако необходимость наличия у любого уважаемого печатного СМИ приличного интернет-сайта сомнений не вызывает, и это очевидно как для российских газет, так и для израильской прессы на иврите и английском языке. Ряд периодических изданий уже полностью переключались в Интернет, отказавшись от печатной версии. По причинам, не поддающимся разумному объяснению, ни одна из израильских газет на русском языке, как существующих, так и вышедших в прошлом, не создала собственного сайта. Эта ниша была занята самостоятельными игроками, не имеющими отношения к печатным СМИ. Порталы Newsru.co.il, Cursorinfo.co.il, Zahav.Ru, Mignews.com, IzRus.co.il и другие, становясь частью глобального русскоязычного интернет-пространства, заполнили сегменты, на которые могли претендовать израильские газеты на русском языке.

ДЕФИЦИТ РЕКЛАМЫ

Изменения социально-демографических характеристик читателей печатной прессы привели к снижению интереса рекламодателей к русскоязычным газетам и журналам. Эта тенденция, естественно, не самым лучшим образом отражается на их и без того скудных бюджетах.

Люди молодого и среднего возраста, предпочитающие читать новости в Интернете, оказались потеряны для печатной прессы из-за отсутствия у русскоязычных газет и журналов собственных сайтов. Основной частью аудитории печатных СМИ на русском языке остаются пожилые люди, в большинстве своем не заработавшие в Израиле полноценной пенсии и живущие очень скромно. Поэтому неудивительно, что эта пресса не слишком привлекает рекламодателей. В результате общий бюджет газет и журналов существенно сокращается. Это, в свою очередь, приводит к оттоку интересных авторов, ухудшению изданий в целом и, естественно, к продолжению оттока читателей. В итоге — новый виток сокращений рекламных бюджетов...

Как выйти из этого замкнутого круга — не ясно.

ИНТЕРЕСЫ ОБЩИНЫ ИЛИ «ПРОСТО БИЗНЕС»?

Не стоит сбрасывать со счетов и еще одну серьезную проблему общинной прессы. За весь описываемый в данной статье период в Израиле не возникло ни одной газеты, которая бы находилась в собственности кого-либо из представителей русскоязычной общины. Все израильские газеты на русском языке принадлежали и принадлежат либо ивритоязычным израильским бизнесменам и издательским домам («Вести» — концерну «Едиот ахронот»; «Время» — группе «Миррор», а затем — концерну «Маарив» и т.д.), либо их российским коллегам (выходившим в 1997–

2007 годах еженедельником «Русский израильтянин» владел «Московский комсомолец»).

Для владельцев израильских русскоязычных газет и журналов это — не более чем бизнес, перед ними не стоит задача решать информационно-просветительские задачи. В отличие от многих сотрудников редакций русскоязычных изданий они не стремятся внести вклад в общинное строительство. В результате сотрудники нередко справедливо воспринимают редакционный менеджмент как враждебную надстройку,

тью у успешных писателей, деятелей науки и культуры, которым публикация в «Вестях» или «Новостях недели» не нужна для каких бы то ни было своих целей. В 1990-е годы, когда литературно-художественное приложение к «Нашей стране» (в разное время оно последовательно называлось «Бег времени», «Знак времени» и «Звенья») редактировала Ирина Врубель-Голубкина, а литературно-публицистическое приложение «Окна» к газете «Вести» — Анна Исакова и Александр

выражающую интересы социально чуждых доминирующих слоев, заинтересованную в максимизации прибыли за счет того социально менее благополучного слоя общества, к которому принадлежат сами журналисты и редакторы.

Подобная атмосфера едва ли способствует формированию благоприятного климата в редакциях, приводит к текучке кадров, а также нередко становится причиной принятия решений, имеющих разрушительные последствия для развития того или иного издания.

При этом численность сотрудников русскоязычных газет и журналов была и остается крайне низкой в сравнении с ивритоязычными редакциями, хотя ожидалось, что объемы газет и журналов на русском языке будут сравнимы с ивритоязычными аналогами. Выпуски израильских газет в конце недели включают многочисленные приложения, доводящие объем издания до 200–300 и даже более страниц. Подготовить все это силой редакции из пяти-семи человек при весьма скудном бюджете для оплаты труда внештатных авторов практически невозможно. В итоге в русскоязычных СМИ «в целях экономии» развилась поощряемая ивритоязычной администрацией практика масштабных пиратских перепечаток из российских, украинских, американских и западноевропейских изданий. Иногда это становилось поводом для судебных исков: в феврале 2007 года суд Герцлии обязал концерн «Новости недели» выплатить российской компании «ОВА-пресс» 285 тысяч шекелей за пиратскую перепечатку 19 статей, в октябре 2010 года суд Ришон ле-Циона постановил, что газета «Вести» должна заплатить издательскому дому «Коммерсант» 230 тысяч шекелей за перепечатку более 50 статей, и т. д. Однако подобные разбирательства в суде единичны, так что тысячи пиратских перепечаток оставались без правовых последствий. Правда, репутация изданий они подрывали безнадежно.

ДЕШЕВОЕ СЛОВО

Крайне низкие гонорары внештатным авторам в русскоязычной прессе не позволяют редакторам заказывать ста-

Гольдштейн, можно было говорить о том, что в «русском Израиле» существовали издания, в которых публиковались лучшие из возможных авторов. В последнее десятилетие ситуация принципиально изменилась: «Бег времени» превратился в малотиражный элитарный альманах «Зеркало», выходящий один-два раза в год, а уровень «Окон» существенно снизился. Талантливые авторы печатаются в российских изданиях, где и тиражи, и гонорары сегодня, даже будучи относительно небольшими, существенно выше, чем в русскоязычных израильских СМИ. В результате интеллигентные читатели среднего возраста, покупавшие в первой половине 1990-х годов «Нашу страну» и «Вести», теперь нередко читают своих любимых писателей, эссеистов и публицистов преимущественно в интернет-версиях различных российских изданий.

Надо сказать, что, вопреки прогнозам, практически никто из русскоязычных писателей и журналистов, даже прожив в Израиле долгое время, не перешел на иврит, на котором пишут молодые представители «полупуторного» и второго поколений. Наиболее яркий и едва ли не единственный пример много и успешно работающей на иврите журналистки, выросшей в русскоязычной семье, — Наташа Мозговая, статьи которой с 2008 года на постоянной основе публикуются в газете «Ха'арец», хотя сама она все эти годы живет в США.

Это, кстати, еще одна тяжелая проблема — из Израиля в разные страны выехали ряд русскоязычных интеллектуалов, публицистов, а также перспективных медиаменеджеров. Если, к примеру, говорить о России

и Украине, то это Демьян Кудрявцев (с января 2006 года — генеральный директор издательского дома «Коммерсант»), Антон Носик (с ноября 2008 года по март 2011 года — главный редактор и шеф-редактор портала деловых новостей BFM.ru, в прошлом — один из руководителей интернет-холдинга «Рамблер», первый руководитель сайтов «Газета.Ру», «Лента.Ру», NEWSru.com и ряда других), Альберт (Элизер) Фельдман (с ноября 2009 года — генеральный директор компании «Digital Fly Ukraine», в прошлом — глава украинского интернет-холдинга «Обозреватель») и другие.

Отъезд значительного числа опытных и перспективных руководителей медиапроектов стал заметным «гвоздем в гроб» израильской русскоязычной прессы.

БЕЗ ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛОВ

Заметно сократился и интеллектуальный сегмент рынка печатной прессы, представленный традиционно уважаемыми в среде русской и русско-еврейской интеллигенции толстыми журналами. Расцвет их пришелся на первую половину 2000-х годов, когда в Израиле на русском языке выходили журналы и альманахи «22: Москва — Иерусалим», «Иерусалимский журнал», «Зеркало», «Евреи в русском зарубежье», «Вестник Еврейского университета», «Новый век», «Время искать», «Nota Bene», «Еврейское образование», «Еврейский книгоноша», «Солнечное сплетение»... Сейчас из этих 11 изданий продолжают выходить только четыре первых, пятый («Вестник») выходит даже не каждый год, а остальные шесть вообще закрылись. Ни один из этих журналов

и альманахов не достиг уровня самоокупаемости, их тиражи не превышали планку в тысячу экземпляров, вследствие чего прекращение спонсорской дотации изданий практически неминуемо вело к их немедленному закрытию.

К огромному сожалению, проекта, аналогичного «Журнальному залу» «Русского журнала», в Израиле не возникло, а потому большая часть публикаций этих журналов в принципе недоступна в Интернете. У журналов «Новый век», «Nota

Bene», «Вестник Еврейского университета», «Еврейское образование» и «Еврейский книгоноша» полноценных сетевых версий не было никогда, тогда как сайты, на которых размещались номера журнала «Время искать» (портал ассоциации «Теэна») или альманаха «Евреи в русском зарубежье» (русскоязычный портал, созданный на платформе колледжа «Ораним»), исчезли постфактум в связи с прекращением оплаты услуг хостинга и веб-мастера. Из всей интеллектуальной периодики «русского Израиля» в Интернете представлены сегодня лишь журналы «22: Москва — Иерусалим», «Иерусалимский журнал», «Зеркало» и архив ныне не существующего «Солнечного сплетения».

НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Перечисленные выше причины привели к серьезному сужению поля израильской русскоязычной периодики. Сегодня у нее еще остаются читатели, но их число все время сокращается. По данным опроса, проведенного в мае 2009 года сайтом «Курсор», менее 50 процентов выходцев из бывшего СССР верят, что у русскоязычной прессы в Израиле есть будущее. Причем треть из них считают, что она исчезнет уже в ближайшие десять лет (всего в голосовании приняли участие 3212 респондентов, из которых 3017 ответили на все вопросы). Лишь 2 процента респондентов сообщили, что ежедневно приобретают газету, 4 процента делают это два-три раза в неделю, а 31 процент — раз в неделю. Вообще не покупают газет 48 процентов опрошенных.

«Золотой век» израильской русскоязычной прессы остался в прошлом, и, если не случится ничего экстраординарного, скоро этот сегмент газетно-журнального рынка Израиля станет уделом лишь специалистов-историков. 📌

* Автор — доктор социологических наук, преподаватель отделения социологии, политологии и средств массовых коммуникаций Открытого университета Израиля, автор книг «Израиль и проблема палестинских беженцев», «Израиль и (не) контролируемые территории: уйти нельзя остаться», «Генезис и закат «левого» Израиля» и др.

АЗБУКА УДОВОЛЬСТВИЯ

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Зачем немцы учат русский язык и почему в 2012 году — Год Германии в России — они засылают к россиянам своих волонтеров?

«**В**есь мир открыт. Зачем ехать в Россию?» — этот вопрос в семи из десяти случаев немцы задают, когда им предлагают изучать русский язык как еще один иностранный.

В Евросоюзе пускает корни идея «личного приемного языка», принятая Еврокомиссией в 2000 году. Или идея многоязычия. Согласно ей каждому гражданину ЕС рекомендуется вместе с родным языком учить обязательный английский и дополнительный — какой-нибудь из европейских языков, чтобы знать культуру соседей. В числе «дополнительных» есть и русский. Вот только пыл энтузиастов, желающих учить наш язык, охладевает еще на стадии выбора. Набившие оскомину стереотипы («в России всегда холодно», «в России всегда пьют» и «там в избах нет электричества») давят на сознание многих желающих попробовать говорить по-русски. Максимум, на что хватает эрудиции и воли тех, кто вопреки массовым настроениям выбрал русский язык как «приемный», так это быть уверенным в том, что «медведи уже не гуляют по Красной площади». Правда, Россия при этом у многих из них ассоциируется «с Транссибирской магистралью и паровозом, который мчит мимо бесконечных степей и снежных полей».

Еще поэтому, владея обязательным английским, многие немцы выбирают для дополнительного изучения испанский, французский, итальянский или португальский. И тем не менее, по данным Еврокомиссии, если в 2002 году из 10 немецких школьников лишь двое выбирали русский для изучения, то в 2012-м их стало трое-четверо. Один из таких отважных, Феликс Кноблох из Гамбурга, по программам ЮНЕСКО и МИД Германии с марта по июль 2012 года будет жить и работать волонтером в сибирском Иркутске. Кстати, это он представляет

Россию как одну большую Транссибирскую магистраль.

— Образ России как долгой дороги у меня появился в детстве, — рассказывает Феликс. — Тогда я учился в одном классе с русским немцем из Красноярска Стефаном Райзером. Еще он мне рассказал про самое глубокое озеро в мире, Байкал. Теперь оно мне снится как мечта. Жду не дожусь, когда она осуществится.

ЧТО РУССКОМУ ХОРОШО, ТО НЕМЦУ ШНАПС

Клоблех учит русский, как и большинство немцев другие иностранные языки, с прикладными целями — чтобы поехать в Россию и, возможно, работать в стране изучаемого языка. Теперь, когда он неплохо говорит по-русски, много читает и активно переписывается с друзьями из Иркутска, Братска и Санкт-Петербурга, Феликс с иронией вспоминает времена, когда он был жертвой «факкультативных» представлений о россиянах.

— У нас самое распространенное клише: «все русские — пьяницы», — чуть смущаясь, говорит Феликс. — Я тоже так думал, пока не побывал в Санкт-Петербурге и в Иркутске. Еще до поездок общался с вашими студентами по молодежному обмену. Теперь знаю, что пьют везде. Меня возмущает то, что немцы обвиняют только русских в пьянстве. А вот почему — не понимаю. Ведь отношение к алкоголю у среднего класса в России ничем не отличается от алкогольных привычек жителей Кёльна или Мюнхена. Среди простых людей у нас тоже встречаются сильно пьющие. Просто русскому хороша водка, а немцу — шнапс. Но мы не хотим себе в этом признаваться.

Не только Клоблех, но и лингвисты и эксперты фонда «Германо-российский молодежный обмен» заметили, что укоренившиеся стереотипы друг о друге немцы и русские зачастую воспринимают охотнее, чем правду. В такой живучести стереотипов велика «заслуга» СМИ. Они намеренно и последова-

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКО

тельно используют клише, чтобы привлечь читателей, зрителей и пользователей Интернета. «Для нас плохие новости имеют большую ценность, — признается Бенъямин Биддер, редактор немецкого еженедельника Der Spiegel. — Не важно, идет ли речь о русских проститутках или о погрязших в коррупции полицейских. Броские заголовки лишь укрепляют имеющиеся представления немцев о России. Конечно, в клише о зиме, водке и коррумпированной полиции есть доля правды. Но если избитые фразы часто повторять — а СМИ это делают регулярно, — возникают новые клише, которые мешают объективному взгляду на вещи. Тем же самым страдают и русские. У вас многие считают, что Германия пассивна по отношению к мигрантам. Ваше ТВ часто показывает берлинские районы Кройцберг и Нойкёльн как пример резерваций иммигрантов-мусульман. Вывод — ЕС превращается в европейский халифат. Типичное клише».

Однако эксперты фонда «Германо-российский молодежный обмен» решили, что стереотипы могут не только отдалять друг от друга, но и сослужить хорошую службу в деле новаторского и, возможно, подвижнического изучения русского языка.

КАК НЕМЦЫ И РУССКИЕ ЧИСТЯТ БАНАН

— Мы обратили внимание, что на бытовом уровне, — рассказывает исполнительный директор фонда «Германо-российский молодежный обмен» Регине Кайзер, — русские о немцах говорят, что мы любим порядок, пунктуальны и технически одаренны. Немецкие машины, пиво и колбаски — любимые темы для русских, желающих пообщаться с немцами, а Бавария в их понимании — воплощение всего немецкого, включая короткие кожаные штаны на подтяжках и охотничьи шапки с перьями. Чепуха!

Экспрессивная, с хлещущей через край энергией, говорящая на чистом русском такой скороговоркой, что не каждый сибиряк за ней успеет, Кайзер признается, что любит порядок, но уже забыла, когда он был у нее дома.

— Вот, покажите. — Она протягивает мне банан. — Как вы его чистите?

Я беру спелый, уже коричневевший банан и там, где кожура потемнела, у основания, начинаю счищать «лепестки», разделяя их на три части.

— Вот! — торжествующе смеется Регине Кайзер. — Вы — типичный русский! Чистите банан с низа, а не с верхушки.

— Как — с низа? — не соглашаюсь я. — Это же верхушка. И между нами завязывается короткий спор, в результате которого выясняется «фундаментальное» противоречие. Немцы считают верхушкой банана ту его часть, которой плод крепится к связке, а русские — часть, которой он свисает вниз. И чистят в соответствии с устоявшимися представлениями о верхе и низе банана. Регине Кайзер берет банан

и ловко отрывает плодоножку.

— Вот так мы чистим банан.

— Но это же неудобно, — удивляюсь я.

— А нам неудобно чистить так, как это сейчас сделали вы.

Это был не только мой первый урок изучения русского языка по немецким методикам. Именно с чистки банана начинается первый урок для желающих изучать русский язык в Гамбурге.

— Понимаете, — продолжает Регине, — мы заметили, что язык легче и веселее изучать, когда он преподается с учетом культурных, бытовых или этнических различий между народами. И такие «банановые» истории помогают запомнить за один урок сразу 10–12 новых слов. Или вот еще пример. Когда мои знакомые в Москве мне жалуются, что в России службы сервиса долго — два-три дня — везут мебель или устанавливают компьютер, я «торжествую». Мне лично в Гамбурге пришлось 14 дней ждать доставки мебели, а подключения Интернета — почти месяц. И это, к слову, типичная немецкая ситуация, хотя в России считается, что у нас все работает как часы. Когда мы нашим ученикам об этом рассказываем на уроках русского языка, разумеется на русском, сразу видно, кто и как его освоил. Те, кто понимает, смеются. Кто плохо понимает — задают вопросы. И урок превращается в изучение бытовых привычек и различий в наших культурах.

По этой методике — развенчания мифов, клише и устоявшихся стереотипов — потом преподается весь курс русского языка. Например, на вопрос: зачем изучать русский язык, если мир говорит на английском? — откровением для новичков звучит то, что русский язык — один из шести международных языков, а еще — что он первый шаг к изучению других славянских языков и русской культуры, являющейся частью

мировой. Также новая методика изучения русского языка позиционирует Россию как страну рекордов: самая большая территория в мире, самое протяженное в мире московское метро и т.д. Для большей наглядности издаются открытки, на которых «русский мишка с балалайкой» танцует рэп, матрешка носит мини-юбку. А шапки-ушанки, модернизированные под дизайнерские эксклюзивные вещи, пропагандируют немецкие продвинутые школьники.

Найдено противоядие и для отпугивающего стереотипа — что русский язык трудный, как китайский. Его разрушает смелый курс под названием «Русский язык — это удовольствие».

Один из таких уроков «удовольствия» начинается с того, что преподаватель просит ничего не подозревающего русского гостя в немецком классе показать на пальцах, как он считает до пяти. Я, как кур в ощи́п, попал и в эту ловушку. На вежливую просьбу Регине Кайзер начинаю загибать пальцы. Естественно, я пальцы собираю в ладонь, и по окончании счета все пальцы оказываются сложенными в кулак.

Все опять смеются. Или неумело начинают копировать мои загибания пальцев, давась от смеха или пожимая плечами.

— Так считают только русские! — улыбается госпожа Кайзер. — Мы сначала собираем руку в кулак, а потом разжимаем по одному пальцу.

И она ритмично выбрасывает вперед по одному пальцу: «Раз, два...» На счет «пять» все пальцы руки открывают ее ладонь.

Госпожа Кайзер показывает мне брошюру, в которой методика получения удовольствия от изучения русского языка через привычки и быт россиян расписана по урокам. А истории с бананом и счетом до пяти значатся как уроки для начинающих.

ТРУДНОЕ ПАРТНЕРСТВО

— Освоение чужого языка через свое представление о культуре и бытовых привычках страны изучения, — считает Юрген Трабант, профессор языкознания Свободного университета Берлина, — это действенная игровая методика погружения в иностранный язык через собственные стереотипы. Ведь стереотипы будут существовать всегда, поскольку они отображают коллективный опыт людей. А изучение языка через клише и стереотипы — задача вполне благородная, если она состоит в том, чтобы бороться с клише при помощи позитивных примеров или преодолевать негативные стереотипы. Еще продуктивнее — отрицательные клише обращать в шутку, извлекая из них прагматичную пользу.

Прагматизм немцев, как признают филологи и лингвисты, очевиден: они культивируют изучение русского языка в Германии прежде всего потому, что он расширяет возможности немецких граждан на международном рынке труда и дает им возможности карьерного роста в будущем. Именно с этой целью фонд «Германо-российский молодежный обмен» уже несколько лет пытается договориться с фондом «Русский мир» о взаимно выгодных контактах в изучении русского языка немцами, а немецкого — россиянами.

— С фондом «Русский мир», — говорит Регине Кайзер, — мы успешно сотрудничаем с 2007 года. В проекте Russisch kommt в рамках публикации о языковой анимации «Русский мир» был готов поддержать нас и заключить с нами договор. Наша проблема заключалась в том, что нам бы дорого обошлось предъявление запрашиваемых россиянами документов к отчету, к чему бы мы обязывались, подписав договор. Пункт «Получатель обязуется приобщить к Отчету о целевом использовании Пожертвования должным образом заверенные копии гражданско-правовых договоров с лицами, указанными в пункте 5.3 настоящего Договора» — с дизайнерами и издателями — для нас оказался неприемлемым. В Германии не заключают договоры с дизайнером или типографией. Они просто выставляют счет за проделанную работу. Поэтому у нас не сложилось взаимовыгодного сотрудничества. Надеюсь — пока. Поскольку в «Русском мире» я вижу важного партнера.

Как признают и немцы, и россияне, проблемы в переговорах двух фондов временные. Они — пример разных законодательских стереотипов двух стран, точнее, их несоответствие мешающее сотрудничеству. Из-за разности подходов к оформлению документации и финансовой отчетности страдают желающие изучать немецкий язык в России, а русский — в Германии. Ведь немцы, изучающие русский язык в Германии, по окончании специальных курсов, как Феликс Кноблох из Гамбурга, едут волонтерами преподавать немецкий язык в Россию. И Регине Кайзер предложила «Русскому миру» взаимовыгодный обмен: фонд «Русский мир» принимает участие в организации германо-российского молодежного обмена, а немецкая сторона делится методиками изучения русского языка для иностранцев.

— Я думаю, со временем точки соприкосновения между двумя фондами найдутся, — надеется Андреас Шокенхофф, депутат бундестага, координатор германо-российского парламентского и общественного сотрудничества. — Точно так же, как по-

степенно и Россия придет к осознанию необходимости внедрения в языковую культуру общества модели дву- и трехязычия. Ведь у вас живет более 120 народов. Таким образом, задача переформатирования преподавания иностранных языков упрощается. Помимо родного части россиян уже приходится учить русский, английский и еще один язык. Я знаю, что у вас изучают еще и немецкий. В 2012 году, в Год Германии в России, разные наши центры предлагают культурные обмены по изучению немецкого языка россиянами, а русского — немцами. На мой взгляд, это хороший пример того, как разрабатывается модель изучения третьего, или «приемного», языка.

СТИХИЯ «ПРИЕМНОГО» ЯЗЫКА

А Феликс Кноблох, лишь два месяца проживший в Иркутске, уверен в том, что русские уже привыкают жить в меняющихся условиях многоязычия. «Когда я в первый раз прошелся по улицам Иркутска, — делится он сибирскими впечатлениями, — то думал, что попал не в Россию, а в Китай. Я не ожидал увидеть столько мигрантов. Думал, в Гамбурге их больше». В Иркутск Кноблох прилетел преподавать немецкий язык, но почти сразу обратил внимание, что его слушатели — а это школьники и студенты младших курсов вузов — параллельно с немецким изучают еще и китайский язык.

— На мой вопрос зачем, — говорит Феликс Кноблох, — слушатель курсов немецкого языка, мой ровесник, ему тоже 19 лет, ответил: «Это же наши соседи. А вдруг после университета я туда поеду работать?»

И Феликс Кноблох, недолго думая, тоже записался на курсы китайского языка. Теперь он старательно учит иероглифы и в китайских кафе Иркутска, которые, как правило, держат мигранты, старается говорить по-китайски. «Они меня еще не понимают, — смеется Феликс, — но я не отчаиваюсь».

Для этого у него есть хорошие основания. В июне вместе со школьниками иркутского лицея № 3 и школьниками из Китая Кноблох едет на озеро Байкал. Еще одна его мечта — увидеть самое глубокое пресное озеро в мире — осуществится. Там он будет рассказывать о Германии, преподавать немецкий язык, совершенствоваться в русском и учить китайский. 🇷🇺

ПОБЕДА ДВУЯЗЫЧИЯ

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Недавно на улице в Тбилиси спрашиваю по-русски у молодого полицейского, как пройти в Старый город. Парнишка лет 23 меня не понимает. Перехожу на английский. Тоже не понимает. Как два вежливых инопланетянина, жестами показываем друг другу, что все хорошо.

Вот так в тбилисских переулках на собственной шкуре пришлось осознать правоту социологов Международного исследовательского агентства «Евразийский монитор»: сфера разговорного русского языка в странах Содружества сужается. Настолько, что молодое поколение части республик бывшего СССР не понимает по-русски, а если еще и понимает, то уже не говорит.

Правда, тот самый грузинский полицейский жестом показал мне: «Момент!» и, оглядев-шись по сторонам, попросил подойти мужчину средних лет. С ним мы говорили по-русски. Провожая меня к Старому городу, он грустно заметил: «Совсем не говорю по-русски. Не с кем». Так и дорогу удалось найти, и убедиться: желание понимать друг друга не пропало. Остается вместе решить: на каком языке?

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ

Как показывают исследования «Евразийского монитора», доля тех, кто использует русский как единственный язык повседневного общения, сокращается практически во всех республиках бывшего СССР. Почти не говорят по-русски (от 0,5 до 6 процентов используют его как единственный) Грузия, Армения, Литва и Азербайджан, все остальные страны из года в год постепенно отказываются от русского как единственного языка, на котором раньше говорили дома или с друзьями. Что закономерно для республик, строящих национальную государственность. Единственное исключение — Белоруссия, где русский как единственный язык общения используют почти 70 процентов населения.

А вот лидер падения популярности русского языка — Украина. За последние пять лет доля тех, кто говорит здесь на русском как на единственном языке, снизилась с 49 до 34 процентов (средний темп снижения — около 3 процентных пунктов в год). Украина возглавила список стран Содружества, которые семимильными шагами переходят на двуязычие — используют в быту русский и титульный языки в равной степени.

— Это выраженная тенденция последних лет, — говорит Игорь Задорин, руководитель проекта «Русский язык на постсоветском пространстве» агентства «Евразийский монитор», — сокращение использования русского языка в быту — свершившийся факт, связанный с определенной внутривнутриполитиче-

ской линией руководства стран СНГ и Балтии. Итог этой политики: доля двуязычного населения растет повсюду. При этом наибольший рост билингов сегодня дают Белоруссия, Казахстан и Азербайджан, а вчерашние лидеры — Молдавия и Армения — уже существенно снизили долю двуязычного населения, с разной степенью интенсивности перейдя на титульные языки. Армения — почти стопроцентно, Молдавия — в большей степени. Эти две страны — примеры создания моделей нового отношения к русскому языку как к языку межнационального общения.

Исследования последних лет показывают, что в странах бывшего СССР идет не только сокращение использования русского языка как единственного, но и перемещение русскоговорящей части населения в категорию билингов. Иными словами, на титульном языке, отказываясь от русского, начинают говорить не только молдаване в Молдавии, но и местные русские. Точнее, первыми к изучению местных языков перешли русские в Латвии и Эстонии, что было стимулом для получения гражданства в этих государствах, а последними — русские Украины и Казахстана, чтобы не тонуть в документообороте и не потерять работу. Эти тренды новой языковой политики на постсоветском пространстве отражают настроения и языковые предпочтения молодежи, родившейся и росшей в нулевые годы.

В странах Прибалтики до 88 процентов титульной молодежи не знают русского, в Закавказье — до 70 процентов, в Узбекистане и Таджикистане — до 60 процентов. Таков итог формирования государственности этих стран: местная молодежь восприняла «новые» ценности, в основном связанные с национальной идеологией, и ориентирована не на русский язык и русскую культуру. Этот вектор национально-культурной самостоятельности и независимости, как показывают исследования, оборачивается признаками изоляционизма молодежи Грузии, Литвы, Западной Украины, Туркмении и Молдавии. Но если с закрытой от мира Туркменией все относительно очевидно, то курс Молдавии и особенно Литвы на европейские ценно-

сти, интеграцию в ЕС и желание быть для СНГ «мостом в Европу» пока оборачивается поражением. Ожидания многих не оправдались: образование в странах ЕС зачастую оказывается не по карману, а престижная работа — просто недоступна. Исключение составляет неквалифицированная работа. Вот на нее балтийскую и молдавскую молодежь в ЕС берут охотно. Все это не очень добавляет самоуважения молодежи новых восточноевропейских стран.

— У нас люди «европами» наелись, думаю, до отвала, — признается Оазу Нантой, молдавский политолог и общественный деятель, — молдаван там часто дальше строек и портов не пускают. И, насколько я знаю, прибалтов тоже. У нас теперь многие грезят Америкой, страной «равных возможностей для всех мигрантов», поэтому учить русский не хотят. Английский, правда, тоже не знают.

Однако новый тренд очевиден: молодежь СНГ в возрасте от 16 до 24 лет все меньше говорит по-русски, а та часть, что знает русский и говорит на нем, сокращается. Молодежь большей части СНГ ориентирована на изучение не русского, а английского языка.

НОВЫЕ ИЗГОИ

Русский язык в быту — явление пока повсеместное, но, как заметил Оазу Нантой, в сознании многих молдаван и русских Молдавии «это прошлый век». За самим фактом русскоязычности часто стоят не только и не столько культурные, сколько социально-экономические и политические расколы. Во многих странах СНГ русскоязычные общины после распада СССР превратились в подобие социальных «лузеров». Сегодня им сложнее, чем представителям титульной нации, получить работу, особенно в странах Средней Азии, уже почти везде введено образование на родном языке, местные власти препятствуют в проявлении политической активности, а иногда и просто ущемляют их гражданские и политические права. Ситуации, в зависимости от конкретной страны, различны: острое противостояние украиноговорящих и русскоговорящих на Украине, нарушение гражданских прав русских в Балтии, тихое выдавливание из активной жизни в Азии и Закавказье. Пожалуй, лишь в Белоруссии русскоязычные граждане, составляющие большинство, ощущают себя «как дома».

ТИТУЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

На каком языке вы говорите в семье?

СТРАНА	НА РУССКОМ	НА ТИТУЛЬНОМ	НА РУССКОМ И ТИТУЛЬНОМ	ДРУГОЕ
БЕЛОРУССИЯ	69%	7%	23%	1%
КАЗАХСТАН	45%	37%	15%	3%
ЛАТВИЯ	36%	59%	5%	—
УКРАИНА	35%	43%	20%	2%
ЭСТОНИЯ	30%	68%	2%	—
МОЛДАВИЯ	20%	66%	8%	6%
КИРГИЗИЯ	17%	60%	6%	17%
ТАДЖИКИСТАН	15%	83%	2%	—
УЗБЕКИСТАН	14%	81%	4%	1%
АЗЕРБАЙДЖАН	6%	81%	12%	1%
ЛИТВА	5%	87%	2%	6%
АРМЕНИЯ	3%	91%	6%	—
ГРУЗИЯ	0,5%	88%	4%	8%
ТУРКМЕНИЯ	Опрос не проводился			

ИСТОЧНИК: МЕЖДУНАРОДНОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО «ЕВРАЗИЙСКИЙ МОНИТОР».

Одна из причин, как показали исследования «Евразийского монитора», — русскоязычные граждане стран СНГ сохраняют высокий образовательный и культурный потенциал, нередко превосходя представителей титульной языковой общины по профессиональным навыкам, знаниям и общей культуре. Но при этом, как уже говорилось выше, они пополняют прослойку местных изгоев. Наподобие тех, кем себя чувствуют гастарбайтеры из СНГ в России или Евросоюзе. И в силу большей образованности, и в силу национального менталитета русскоязычное население более критично относится к социальной реальности страны проживания, чем граждане титульной национальности, у них более высокий уровень притязаний и социальных требований. А поскольку в основном они проживают в больших городах или столицах, то русскоязычные «новые изгой» примыкают к особой группе населения — жителям столиц, которые в значительной степени задают культурные образцы, передовые модели поведения и социальные практики. Яркие примеры — преимущественно русскоговорящие города: Рига, Кишинев, Астана, Киев и, в меньшей мере, Баку и Таллин. Выделяется Рига, где более 54 процентов жителей — «новые изгой», пораженные в политических правах, но переживавшие в бизнес, СМИ и культуру, что во взаимодействии

ГОВОРЯЩИЕ ЦИФРЫ

На вопрос: «Важно ли для детей вашей страны изучение русского языка?» — «Да, важно» ответили:

УКРАИНА	76%
МОЛДАВИЯ (данные 2007 года)	39%
БЕЛОРУССИЯ	99%
АЗЕРБАЙДЖАН	71%
АРМЕНИЯ	94%
ГРУЗИЯ	64%
ТУРКМЕНИЯ	Опрос не проводился
УЗБЕКИСТАН (данные 2006 года)	97%
ТАДЖИКИСТАН	98%
КИРГИЗИЯ	96%
КАЗАХСТАН	91%

ИСТОЧНИК: GALLUP WORLD POLL, 2006–2010.

с титульными столичными жителями позволяет русскоязычным принимать участие в формировании и распространении моды на двуязычие. Еще поэтому в большинстве случаев столицы стран Содружества сохраняют русское влияние, их жители ориентированы на ценности межэтнического и интернационального общения. И именно они тяготеют к русской культуре и языку. Правда, недостаточная активность России ведет к тому, что заметно ниже стало влияние русскоговорящих столичных групп в Бишкеке, Баку, Вильнюсе и Ташкенте. А в Душанбе, Ереване и Тбилиси среди жителей русский язык и вовсе почти не принят, что выдвигает «новых изгоев» из этих стран. А те, кто остаются (как правило, пенсионеры), постепенно мигрируют в депрессивные слои общества. Что в перспективе также работает против повышения распространенности русского языка и ослабляет стимулы его развития.

ПРОБЛЕМА СТАТУСА

Социологи выделяют четыре типа стран постсоветского пространства с разными перспективами влияния и развития русского языка. Вот они.

Белоруссия остается русскоязычной.

Украина, Казахстан, Латвия — вторая группа. Это страны с большой долей русскоязычных, которая сопоставима с долей титульной нации. В этих странах позиции русского языка очень сильны, что создает очевидный языковой раскол и делает перспективы развития русского языка менее определенными. Как прогнозируют ученые, в этих странах есть вероятность уменьшения его влияния: из-за физической эмиграции носителей языка и сокращения использования русского языка по причине новой социальной нормы.

Третья группа — Киргизия, Таджикистан, Молдавия, Эстония. Это страны с заметной, но стремительно сокращающейся русскоязычной общиной и с явным доминированием титульной национальности. Здесь использование русского языка определяется как раз не местными русскими, а заинтересованностью коренного населения в изучении русского языка в связи с активной трудовой миграцией в Россию (кроме Эстонии).

И, наконец, последняя группа — Армения, Азербайджан, Грузия, Узбекистан, Литва. Это страны с минимальной русской диаспорой. Здесь русский язык сохраняется в основном в узких элитных группах (интеллигенция, власть). Если в Литве и Грузии русский язык, скорее всего, и дальше будет выходить из языковой практики, то в Армении, Азербайджане и Узбекистане он с большой вероятностью будет поддерживаться на текущем уровне и развиваться, правда, в тех же узких группах. Чтобы русский язык был более востребован во всех группах стран СНГ и Балтии, нужна интенсификация связей с Россией, чего почти нет.

По разным прогнозам — социологов Gallup World Poll и лингвистов Института русского языка имени А. С. Пушкина, — если со стороны России в странах Содружества не бу-

дет расширяться зона преподавания русского языка и его гуманитарное влияние, то через пять-восемь лет до 90 процентов молодого поколения Грузии и Азербайджана, до 70 процентов — Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, до 60 процентов — Армении и Молдавии, до 40 процентов — Казахстана и до 20 процентов — Украины знать русский язык не будут.

Все постсоветские годы Москва подчеркивала и продолжает настаивать на значимости русского как международного языка коммуникации и доверия, высокой литературы и мировой науки. Противники Москвы долго относили русский язык к разряду «имперского наследия» и рудимента, который отпадет по мере развития национальной независимости.

И вот ситуация меняется. Не все, но большинство элит стран Содружества терпимо относятся к доминированию русского языка, поскольку понимают, что титульные языки развиваются медленно и пока не справляются с рядом своих функций, в частности в области науки и технической терминологии. К тому же факт ориентации трудовых потоков СНГ на Россию вынуждает национальные элиты терпимее относиться к российскому гуманитарному влиянию.

— Много говорят о значимости «великого и могучего» как средства международного общения, Москва для поддержания его статуса почти ничего не делает, — считает Валерий Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН. — Так, статус русского языка определен только в половине стран СНГ. Самый высокий — в Белоруссии, где он стал вторым государственным. Высок статус русского языка в Киргизии — «официальный язык». Еще в четырех странах — на Украине, в Молдавии, Казахстане и Таджикистане — русский определен в качестве «языка межнационального общения». В остальных странах Содружества и Балтии, вопреки большой русской диаспоре или тяге к России Среднеазиатских республик, проблему статуса пока держат «про запас» политически целесообразных договоренностей и уступок, упуская время и целые поколения, которые скоро не будут говорить по-русски.

ПОРАЖЕНИЕ В ПРАВАХ

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

Около 280 тысяч жителей Латвии на референдуме 18 февраля высказались за внесение поправок в Конституцию страны и придание русскому языку статуса второго государственного. Против проголосовали почти 820 тысяч.

Всего в референдуме приняли участие более миллиона человек (70,73 процента) латвийских избирателей. Свыше 300 тысяч русскоязычных жителей Латвии, не имеющих гражданства, были лишены права выразить свое мнение посредством плебисцита. В то же время участвовать в референдуме было разрешено заключенным и пациентам психиатрических больниц. Такая вот демократия по-латвийски... Два месяца назад, когда около 190 тысяч граждан Латвии подписались за проведение референдума по приданию русскому языку статуса второго государственного, у большей части общества впервые за последние двадцать лет появилась слабая надежда, что уж теперь-то власти не смогут отмахнуться от них. Волей-неволей, но они будут вынуждены признать, что русский язык, на котором говорят

почти 40 процентов населения страны, никак не может считаться здесь иностранным... На минуту поверилось, что наконец-то прекратятся языковые репрессии, грабительские штрафы и налеты языковых инспекторов на предприятия, в детские сады, торговые центры, больницы, на концертные площадки. Мы успели помечтать о том, как наши дети смогут учиться в школах и вузах на родном языке, а старики — прочитать русские аннотации к лекарствам. И главное — прекратятся бессмысленные распри на почве языка, и в обществе наметится поворот к согласию и примирению. Ведь Латвия двадцать лет назад встала на путь разделения своего народа — на латышей и нелатышей, граждан и неграждан, оккупантов и патриотов. Мы надеялись, что убедительные итоги опроса по предстоящему референдуму уже сами по себе могут стать серьезным сигналом хотя бы для начала диалога правящей элиты с национальными меньшинствами...

Игра в политкорректность и вправду вроде бы даже началась. В декабре 2011 года президент Латвии Андрис Берзиньш встретился с консультативным советом по делам нацменьшинств, чтобы обсудить ситуацию. Представитель старообрядцев Илларион Иванов и председатель латвийского Общества русской культуры педагог Елена Матьякубова передали главе государства заявление с предложением организовать дискуссии о языках нацменьшинств, в том числе на пленарном заседании Сейма. Правда, накануне Андрис Берзиньш через СМИ оповестил общественность, что он лучше уйдет в отставку, но никогда не подпишет закон о втором госязыке. Но как говорится, возможны варианты. Русские общественные организации уже давно выступают за разумные компромиссы, одним из которых мог бы стать для русского языка статус языка нацменьшинств. Тем более что это соответствует требованиям Рамочной конвенции о защите нацменьшинств, подписанной Латвией в 2004 году, правда, с оговорками, выхолостившими основополагающие статьи документа.

Увы, все чаяния русскоязычного населения растаяли в первые же дни, как только латышская элита немного отошла от культурного шока, вызванного небывалой активностью своих сограждан, выступивших за референдум по русскому языку. И после этого в стране начался невиданный со времен Атмоды (так называлось в 1990-е годы народно-освободительное движение за возрождение независимой Латвии) политический марафон на тему «кто самый большой патриот и защитник латышской Латвии». На электорат обрушилась вся мощь пропагандистской машины, призывающей единым фронтом встать на защиту латышского языка, а фактически и независимости Латвии. Неудивительно, что народ дрогнул... Хотя, строго говоря, совершенно непонятно, что антилатышского или антигосударственного в предложении активистов движения «Родной язык», ставших инициаторами поправок в Конституцию страны, предусматривающих введение русского языка как второго государственно-го? Но оно вызвало в стране эффект разорвавшейся бомбы. После чего в Латвии фактически был объявлен крестовый поход уже не только против русского языка, но и против русских школ, образования, СМИ, партий и т.д. За неделю до плебисцита лидеры радикальной националистической партии «Visu Latvijai!» («Все Латвии!») уже без псевдодемократических реверансов объявили, что референдум, хотя они считают его антиконституционным и абсурдным, должен стать «неписаной договоренностью о том, что высшая цель развития страны — латышская Латвия». Заметим, не благосостояние народа, не процветание и здоровье нации, не согласие в обществе... Об этом было сказано в публичном заявлении сопредседателя VL! — ТБ/ДННЛ Райвиса Дзинтарса и его сопартийца, министра юстиции Гайдиса Берзиньша. Тут уж, как ни складывай, а получается свастика...

И ДЕДУ МОРОЗУ ДОСТАЛОСЬ...

Можно составить хронологию событий с декабря прошлого года по 18 февраля нынешнего — дня референдума, в ходе которых власти Латвии превзошли все рамки приличия в стремлении оскорбить и унижить русскоязычных граждан, а уж тем паче неграждан. «Центр согласия» сразу после ноябрьского опроса предложил обсудить в Сейме поправки к Закону о госязыке, расширяющие употребление языков нацменьшинств в кон-

тактах с государственными и муниципальными учреждениями в населенных пунктах, где не менее 20 процентов населения составляют представители нацменьшинств, — все по Рамочной конвенции! В ответ оппозиция тут же услышала от правящей коалиции, что в вопросах языка компромисса нет и быть не может: «Эти вопросы не подлежат обсуждению, — заявила спикер парламента Солвита Аболтиня, — государство существует только в том случае, если есть единый национальный язык». Интересно, конечно, что думает по поводу этого смелого геополитического открытия соседняя Финляндия, где государственными являются финский и шведский языки? А Швейцария с ее четырьмя языками? А Канада — с двумя?.. Компромиссное предложение «центристов», которое могло бы сразу снять этническое напряжение в стране, было высокомерно отвергнуто правящей коалицией. Та же участь постигла очередную попытку депутатов ЦС объявить праздничным днем православное Рождество, за что левые латвийские партии выступают уже почти двадцать лет.

Рождественского чуда не произошло, зато антирусские настроения, подогреваемые национальными силами из Сейма, начали стремительно набирать обороты, принимая порой параноидальные формы. И первой жертвой пал... Дед Мороз из Великого Устюга, приехавший на рождественские праздники в латвийский город Резекне (Латгалия) по приглашению Центра русской культуры. Праздник удался на славу, Дед Мороз водил хороводы с детворой, вручал подарки. Мэр города Александр Барташевич (ЦС) поблагодарил гостя на понятном ему русском языке, пожал ему руку и пожелал счастливого пути. А на следующий день в Центр русской культуры пришла инспекция по госязыку и оштрафовала организаторов мероприятия за дискриминацию латышских детей и неиспользование латышского языка в нужном объеме. Да что там Дед Мороз! Руководитель комиссии Сейма Латвии Ина Друвиете призвала всех высших должностных лиц впредь давать интервью русским СМИ только на ла-

МАРИС МОРКАНС

тышском языке. Ее призыв подхватило объединение политрепрессированных, направивших свой меморандум президенту страны, который пока еще общается с прессой и по-русски. Советник премьер-министра по вопросам интеграции Сармите Элерте, высказав критику в адрес латышей, которые «по-латышски переходят на русский язык, если их собеседник не владеет свободно латышским», предложила «каждому латышу интегрировать хотя бы по одному русскому». Хотя сама почему-то отклонила встречное предложение лично взяться за интеграцию одного из лидеров движения «Родной язык», Владимира Линдермана...

Не осталась в стороне от священной битвы за язык и экс-президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга, которая в начале своего президентства обещала журналистам выучить русский язык. Действительно, спустя некоторое время она продемонстрировала свои познания, произнеся по-русски три слова — «водка, вобла и частушки» в своем скандальном интервью, данном телеканалам накануне 9 Мая: «Конечно, мы не переубедим, не изменим сознание тех пожилых россиян, которые 9 мая будут класть воблу на газету, пить водку и распевать частушки,

По мнению лидера объединения «Родной язык» журналиста Владимира Линдермана, борьба за равные права будет продолжена и после референдума

а также вспоминать, как они геройски завоевали Балтию», — заявила глава Латвии. К чему же сейчас призывает граждан Латвии профессор психологии, еще недавно претендовавшая на пост Генсека ООН? Конечно, проголосовать против русского языка на референдуме, итоги которого, по ее мнению, латвийским дипломатам нужно разъяснять всему миру уже на следующий день, иначе этим воспользуется «российская сторона». Еще один урок «интеллигентности» латышам г-жа Фрейберга преподала за три дня до референдума, выступив по местному телеканалу с новой сентенцией: «Латыши должны быть более требовательными в вопросе повседневного использования государственного языка. Например, если продавец в магазине обращается к клиенту по-русски, надо попросить его перейти на латышский язык»... По словам экс-президента, в Латвии существует реальное двуязычие. Никого не обижают и не преследуют за то, что он не владеет латышским языком (поклон ей от языковой инспекции!). Если русский язык получит официальный статус, тогда «латышский потеряет свои последние позиции в публичном пространстве», сказала она.

О том, что латышский язык в опасности, с небывалой силой заголосили не только политиканы, но и представители общественности. И как из рога изобилия в СМИ посыпались коллективные заявления от творческой интеллигенции, бывших «лесных братьев» и легионеров СС, от армейских генералов и адмиралов, хоккеистов, студенческих корпораций, латышей, живущих за рубежом, бывших послов и депутатов, а также от обществ врачей, медсестер и даже агрономов, которых собрали на чрезвычайное собрание, чтобы те сказали свое решительное нет русскому языку. Видимо, только по недоразумению к ним не присоединились латвийские кактусоводы и заводчики кроликов... Что характерно: ни одного серьезного аргумента при этом услышать не довелось.

МАСКИ ДОЛОЙ!

Что сегодня реально может угрожать государственному языку коренной нации, защищенному законами и подзаконными актами? Язык жил и развивался даже в советские времена, когда в стране существовало реальное двуязычие, хотя при этом никого не штрафовали и не преследовали за ошибки в употреблении языков. Латышский никогда не числился среди языков, которым что-то угрожает, и по квалификации ЮНЕСКО. Сколь-

ко можно обвинять нацменьшинства в нежелании изучать государственный язык, притом что Латвия стала лидером Евросоюза по билингвальности — около 90 процентов жителей страны владеют и латышским, и русским языками? По недавним исследова-

ниям Агентства латышского языка, в Латвии даже «выросла толерантность нацменьшинств к языку и готовность его изучать». В ходе опроса более 80 процентов русскоязычных респондентов выразили мнение, что латышский язык нужно знать и владеть им. Среди молодежи более 60 процентов продемонстрировали хорошее знание госязыка. Так что истинная подоплека национальных призывов, видимо, не в этом. Тогда в чем?

Откровеннее всего это выразили два депутата Европарламента, представители правящей партии «Единство», — Кришьянис Кариньш (американец латышского происхождения) и Инесе Вайдере, бывший преподаватель истории марксизма и коммунизма. Первый в интервью журналу... Playboy заявил: «Нам нужно, чтобы русские, которые здесь растут, стали латышами. Да, конечно, это политически еретическая мысль. Нам надо понять, что интеграция — это, по сути, ассимиляция. Такой и должна быть наша цель — ассимилировать их детей». Ему вторит и Вайдере, по мнению которой, впредь надо обеспечить, чтобы «интеграция проходила строго на базе латышского языка и культуры. Все выпускники нелатышских школ должны совершенно свободно владеть государственным языком. Более того, надо постепенно переходить к госфинансированию только тех школ и детских садов, где образование дают на государственном языке». Старая песня, с которой, между прочим, в Латвии и разгорелся нынешний пожар. Вайдере также предложила ввести присягу при получении гражданства ЛР с возможностью его лишения в случае нарушения клятвы. Правда, депутат не пояснила, как это будет выявляться, но есть подозрение, что в качестве критериев будут рассматриваться неподходящий акцент или не та «историческая память».

По словам депутата Сейма, известного правозащитника Бориса Цилевича (ЦС), все это время диалог в языковой сфере последовательно заменялся «промыыванием мозгов». «Мы не требуем ничего такого, чего бы не предусматривали международные стандарты нацменьшинств. Неужели латышский язык окажется в опасности, если русской пенсионерке в Даугавпилсе позволят подавать жалобу в домоуправление на ее родном языке?» — недоумевает депутат.

Директор Латвийского центра прав человека Анхелита Каменска неоднократно указывала на необходимость доступности публичной информации на русском языке. «Русский в Латвии не является и не может быть иностранным языком. С точки зрения преподавания языков иностранный — это язык, который вы учите и у которого в данной стране нет среды. У русского языка в Латвии среда есть. К сожалению, приходится сталкиваться с попытками ограничить информацию на русском, даже в тех случаях, когда закон это допускает. Приведу пример, который является просто вопиющим. Так, Центр госязыка запретил распространять на русском языке информацию о противораковой профилактике. Ну куда уже дальше?! На одном мероприятии, на котором, к сожалению, не было журналистов, я задала даме-депутату, очень известному авторитету в сфере языков, вопрос: что в данной ситуации важнее — здоровье женщины или латышский язык? И она ответила — латышский язык... Я не знаю, как это можно комментировать», — говорит Каменска. Эксперт отмечает, что в Латвии требования к уровню знания языков для представителей различных профессий не всегда соразмерны. «У нас в этой сфере множество курьезов. Например, горничная в принадлежащей государству гостинице должна знать латышский на более высокую категорию, чем горничная из частной гостиницы. Различные категории знания языков нужны и дворникам — в зависимости от места их работы. Но больше всего мне нравится, что госязык на вторую категорию должен знать чревоушатель в цирке и сборщик березового сока!» — удивляется Каменска.

ОДИН ЯЗЫК — ВОПРОС СПРАВЕДЛИВОСТИ?

Латышских политиков, сделавших свою карьеру исключительно на национальной карте, здорово встревожил тот факт, что в опросе за референдум по русскому языку участвовали и латыши. И было их не так уж мало. Да, многие из них подписались, протестуя таким образом против экономической ситуации в стране, но были и те, кто хотел, чтобы их дети знали русский язык, тогда у них будет больше возможностей найти хорошую работу в Латвии, и не придется уезжать полоть грядки в Ирландию. Подписывались и просто из чувства справедливости, желая поддержать своих русскоязычных друзей, родных, соседей, с которыми мирно жили бок о бок на протяжении нескольких веков. Поняв, что они недооценили ситуацию в ноябре, когда шел сбор подписей, депутаты из правящей коалиции даже предприняли попытку отменить референдум с помощью Конституционного суда, но безрезультатно. Тогда они ринулись в бой с криками: «Русские придут!» Надо признать, что за короткий период, подключив весь административный ресурс, им удалось внушить своему электорату, что русские голосуют не за второй государственный язык, а против латышского, что грозит титульной нации потерей своей идентичности. Рядовых латышей, а также служащих госпредприятий, старшеклассников и студентов не на шутку напугали тем, что их заставят в обязательном порядке владеть двумя языками. Страшилики одна нелепее другой, видимо, сыграли свою роль... Шоком для многих стало выступление известного латышского режиссера, постановщика прекрасного спектакля «Рассказы Шукшина» (Театр наций, Москва) Алвиса Херманиса, назвавшего референдум стресс-тестом для латвийского общества, с помощью которого можно будет выявить всех предателей: «За 2 миллиона латов мы получим списки всех неверных стране граждан. Потому что референдум 18 февраля — это тест для предателей государства», — сказал режиссер в телепередаче «100 граммов культуры».

Как тут было не дрогнуть, если к хору общих голосов присоединились даже духовные пастыри? Епископы римско-католической церкви призвали всех жителей Латвии проголосовать против русского языка, заявив, что один государственный латышский язык — это вопрос справедливости.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

После плебисцита по языку власти Латвии обещали подумать, как защитить Конституцию и базовые ценности от «диктатуры меньшинства» (из заявления президента ЛР Андриса Берзиньша и спикера Сейма Солвиты Аболтини)

«ЛАТЫШСКАЯ ЛАТВИЯ» — ЭТО КАК?

Под шумок антирусских дебатов в Сейме националам удалось протолкнуть поправки к закону о труде, запрещающие работодателям требовать от работников знания иностранного (читай — русского!) языка. Поправки были разработаны объединением VL! — ТБ/ДННЛ с целью «уменьшить лингвистическую дискриминацию латышского языка при приеме на работу». Хотя это чисто профессиональное требование и против этих поправок уже высказалась конфедерация работодателей, проект был одобрен большинством депутатов. Трудно представить, как будет действовать закон на практике, да и кто может заставить работодателя подбирать персонал не по профессиональным качествам. Так недолго дойти до закона, обязывающего при наличии двух кандидатов на одно рабочее место трудоустроить в первую очередь представителя титульной нации... Не прибавили оптимизма русскоязычным жителям Латвии вступившие в силу с нового года поправки, которые предусматривают, что в школах нацменьшинств теперь и в начальных классах не менее 40 процентов предметов должно преподаваться на латышском языке, в старших классах эта пропорция была введена с 2004 года.

С подачи националов в обиход, похоже, уже прочно вошло понятие «латышская Латвия», хотя оно не предусмотрено ни Конституцией, ни каким-либо иным законом. Вот как об этом

пишет, комментируя вопрос о госязыке, представитель Латвии, судья Европейского суда Эгилс Левитс: «То, что Латвия — государство латышской нации, вытекает из смысла создания нашего государства, закодированного в Конституции, даже если это не записано словами. Это сверхпринцип, основная аксиома латышского государства, основа его существования...»

Между тем исторически Латвия и раньше никогда не была, и сейчас не является, моноэтническим государством. По последней переписи (март 2011 года), на территории страны проживают представители 170 национальностей. Латыши в общей численности составляют 62,1 процента (1 284 194 человека), русские — 26,9 процента (556 422), белорусы — 3,3 процента (68 174), украинцы — 2,2 процента (45 699), поляки — 2,5 процента (44 783), литовцы — 1,2 процента (24 426). Помимо этого в стране с давних пор существует еврейская община — 6416 человек, цыганская — 6452 человека, эстонская — 2000 человек и другие.

Перед референдумом досталось и депутатам, осмелившимся высказаться в поддержку своих русскоязычных избирателей. Выговор был вынесен Николаю Кабанову (ЦС), подписавшему за референдум. Выявить через ЦИК всех остальных «подписантов» и лишить их мандатов народных избранников потребовали депутаты от «Visu Latvijai!». Но самым оголтелым нападкам подвергся рижский мэр Нил Ушаков. Некоторые ретивые политики начали добиваться его смещения. А председателя фракции ЦС в Сейме Латвии Яниса Урбановича лишили доступа к гостайне и отозвали из комиссии Сейма по нацбезопасности, как только он заявил, что из солидарности со своими избирателями и в знак протеста против нигилизма правящих партий проголосует на референдуме за русский язык. Главного возмутителя спокойствия, одного из организаторов референдума, Владимира Линдермана, как водится, обвинили в связях с российскими спецслужбами, а по-

том еще и сравнили с Гитлером. Что само по себе довольно странно, фюрер-то воспевал расовую чистоту одной нации, а лидер общества «Родной язык» борется за равные права двух практически равнозначных общин — русскоязычной и латышской. Но логика исчезает там, где начинается массовая истерия. И уже не воспринимаются голоса здравомыслящих людей, призывающих своих соплеменников не поддаваться общему психозу, а подумать, что сделать для установления согласия в обществе.

Да, действительно, и среди латышской интеллигенции нашлось немало смельчаков, которые пытались убедить общество, что не референдум угрожает латышскому языку, а набирающая темпы эмиграция носителей этого языка за границу. За первое десятилетие независимости (1990–2000) Латвия потеряла 296 тысяч человек — 11 процентов, за второе десятилетие (2000–2011) — 309 тысяч, или 13 процентов. По данным последней переписи, численность населения Латвии составила 2 067 887 человек, сейчас даже эта цифра уменьшилась еще на несколько десятков тысяч... Таких потерь страна не знала со времен Второй мировой войны. Но даже шокирующие цифры последней переписи населения не стали поводом для серьезной обеспокоенности властей. Вместо того чтобы исправить разрушительные последствия национальной политики, они решили поправить... Конституцию страны, чтобы впредь больше никому не вздумалось покушаться на ее основы. Сейм Латвии в этом месяце передал комиссиям поправки, которые запрещают проводить референдумы по ключевым (национальным) вопросам. На рассмотрении находятся и поправки от VL! о том, чтобы сделать четыре первые статьи Конституции неприкосновенными, то есть запретить их менять даже путем референдумов. Нынешние политики тем самым загоняют себя в ловушку, лишая людей возможности мирными и законными способами добиваться своих прав. Учитывая, что в Латвии уже был начат сбор подписей еще за один референдум — по ликвидации института «безгражданства», — напряжение будет только нарастать.

МАРИС МОРКАНС

В день референдума на защиту «латышской Латвии» вышли и brave бойцы за «деокупацию и дебольшевизацию»

ЕВРОПА ЗАСТУПИЛАСЬ ЗА КУР-НЕСУШЕК, АМЕРИКА — ЗА НАЦМЕНЬШИНСТВА

Интересной была реакция Европы. Никакой обеспокоенности европейские эксперты не высказали. Зато Европейская комиссия в эти же дни поймала Латвию на несоблюдении прав... кур-несушек, которые содержатся в неподходящих условиях. И начала соответствующую процедуру против страны. Похоже, несущкам в этой жизни повезло больше, чем нацменьшинствам? Правда, за права последних неожиданно вступилась посол США в Латвии Джудит Гербер, которая, выступая на русскоязычном латвийском телеканале, пояснила, что и в Америке есть свои этнические проблемы, но при этом все считают себя американцами: «Этническое разнообразие страны — это наша гордость и сила. Этническое разнообразие Латвии является и ее большим преимуществом». По поводу предстоящего плебисцита американский посол сказала: «Референдум по второму госязыку — это признак демократии!» Но оптимистичное откровение посла почему-то недолго красовалось на новостных лентах, исчезнув через пару ча-

сов... А вот по мнению посла РФ Александра Вешнякова, «референдум — это естественное следствие накапливающейся внутренней напряженности в Латвии. Отношение к этому событию недавно выразил министр иностранных дел России Сергей Лавров. Россия поддерживает рекомендации международных организаций в области прав человека. Они остаются очень актуальными, и если бы Латвия их выполнила, то не было бы основы для инициирования референдума», — пояснил посол.

Накануне референдума президент Андрис Берзиньш предложил всем жителям Латвии подписать *Манифест доброй воли*, в котором содержится призыв приложить все силы для примирения. Манифест призывает всех людей доброй воли отказаться от прежних обид, прекратить сводить счеты и начать диалог. Документ, вскоре названный в народе мармеладным, хоть и не вызвал особого энтузиазма, но был принят благосклонно, особенно интеллигенцией. Примерно 300 человек сходили-таки в президентский замок и поставили свои подписи под меморандумом. Не остался в стороне и предшественник Берзиньша, экс-президент Валдис Затлерс, ныне возглавляющий в Сейме правящую Партию реформ Затлерса (ПРЗ). За три дня до референдума он опубликовал видеообращение на русском языке (о, чудо! — если вспомнить, что в бытность своего президентства он начисто «забыл» язык «оккупантов»...). Впервые за долгие годы официальное лицо вспомнило, что в 1991 году «мы вместе стояли на баррикадах и боролись за восстановление независимости Латвии». Нынешний лидер правящей коалиции, призвав голосовать против второго госязыка, заверил, что Латвия всегда была и будет страной, где говорят на многих языках, ну и далее все в очень политкорректной форме. В заключение г-н Затлерс пообещал делать все, что в его силах, чтобы «наше общество исправило ошибки прошлого, преодолело обиды и недоверие между людьми». Судя по оставленным комментариям, лейтмотивом которых было «не верю!», это обращение возымело сильный обратный эффект, и через пару часов оно исчезло с информационного портала.

А под занавес в Ригу подкатила тяжелая артиллерия в лице Валерии Новодворской и ее верного спутника Константина Бороваго, прибывших, по словам московской гостьи, «спа-

сать русских Латвии». Правда, в местных русских СМИ многие сравнивали эту «скорую помощь» с катафалком, тем не менее г-жа Новодворская не упустила возможности обвинить в инициировании референдума спецслужбы России: «За сбором подписей слышу гимн СССР и ненависть к латышу, — заявила она на пресс-конференции в Рижской думе, а затем и в парламенте Латвии. — Референдум — это тройнянский конь, хамство и операция российских спецслужб. Главная цель — поссорить народы Латвии». Глядя на эту пышущую злобой даму в розовом и ее кавалера, подумалось: насколько же надо не понимать настроение русскоязычной общины Латвии, чтобы привезти для их «просвещения» эту нелепую парочку, ничего, кроме недоумения и раздражения, не вызывающую...

Все-таки не все средства хороши, да и войны-то у нас тут никакой по большому счету нет — исход референдума заранее был всем известен: разогретое национальное большинство математически значительно превзойдет меньшинство. Но власти Латвии понимают, что, несмотря на исход голосования, им придется объяснять Европе, почему в стране, которая уже почти девять лет входит в ЕС, на референдум выносятся базовое право граждан получать информацию на родном языке. Придется разьяснять мировому сообществу, почему до сих пор в этой стране не выполнены европейские нормы, закрепленные в Конвенции о защите нацменьшинств и других международных актах. Да и почти 280 тысяч граждан, поставивших свои подписи за второй государственный язык, уже не выдашь за последствия оккупации или за отщепенцев-маргиналов. Отсюда и сладкие меморандумы перед плебисцитом, и заклинания

глав государства, и тяжелая артиллерия в лице заезжих псевдодемократов... Но словам в Латвии сегодня уже мало кто верит, все ждут реальных перемен, не желая более мириться с поражением в правах. И этого джина загнать в бутылку вряд ли удастся. 🍷

ЯЗЫК ДО БРЮССЕЛЯ ДОВЕДЕТ

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Во Франции и франкоговорящих частях Бельгии и Нидерландов стартовала необычная инициатива: началось тестовое голосование по вопросу об объявлении русского языка официальным языком Евросоюза. Зачинателем неожиданной и, как полагают многие эксперты, рискованной, но закономерной гражданской инициативы выступил Союз русофонов Франции, созданный в 2006 году.

Термин «русофония» мы позаимствовали от обще — принятого французского понятия «франкофония», — говорит президент Союза русофонов Франции (СРФ) Ирина Кривова. — А стремление придать русскому статус одного из системных европейских языков ЕС мы считаем логичным: на нем говорит не только Европа, но и почти весь мир. Это — язык международного общения, что мы и предлагаем закрепить в документах ЕС. Такой статус облегчит изучение и преподавание русского языка в Европе, а также обращение в структуры ЕС на родном языке. Ведь мир русофонии включает в себя не только соотечественников, но и всех тех, кто говорит по-русски. Это граждане СНГ и Балтии, а также те коренные местные жители, например, Франции, Испании, Германии или стран Восточной Европы, что изучали русский язык или используют его в личных либо профессиональных целях.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В БРЮССЕЛЬ

Как признает Ирина Кривова, сторонникам придания русскому языку официального статуса в Евросоюзе предстоит длинный и тернистый путь. Прежде чем официально обратиться в Еврокомиссию с изложением доводов в пользу своей инициативы, СРФ надо собрать как минимум 1 миллион голосов в свою поддержку. Чем французские русофоны и за-

няты: ими составлена и выложена в Интернете петиция, в которой они обращаются к 7-миллионному русскоговорящему миру Европейского союза и тем, кто использует русский язык в деловой и научной практике, с просьбой проголосовать за или против идеи придания русскому языку официального статуса в структурах и документообороте ЕС. Пока голосование идет только в трех странах — Франции, Бельгии и Нидерландах. Но, как признают в СРФ, гражданская инициатива возлагает большие надежды на республики Балтии, Чехию и Германию, где сосредоточена значительная часть русского и русскоязычного населения. Подключение этих стран к голосованию планируется с октября 2012 года.

— К тестовому голосованию мы подходим основательно, — объясняет вице-президент СРФ Дмитрий Кошко, — ведь оно, как лакмусовая бумажка, определит наши шансы на успех. Признание русского языка в ЕС поможет нам в деле защиты преподавания русского языка, который сегодня не в почете и в странах Балтии, и в Министерстве образования Франции. Его преподавание со-

кращается. А изучение русского языка хотя бы на прежнем уровне в будущем поможет русскоговорящим согражданам, в том числе в регионах ЕС, где они являются меньшинствами «по рождению», обращаться на их родном языке в учреждения ЕС. Это облегчит различные обмены между разны-

ми национальностями внутри Европы и окажется фактором, способствующим интеграции и примирению, как, например, в Бельгии, где между русскоговорящими фламандцами и валлонами нет проблем.

Правда, в СРФ признают, что изучение русского языка во Франции сокращается. Пик падения интереса к нему пришелся на 2001/02 учебный год. С 2004 года число изучающих русский язык во Франции продолжало уменьшаться, но впервые замедлились темпы падения. А с 2008 года начался медленный рост числа изучающих русский язык, но не за счет русскоговорящих, а за счет коренного населения. Их совокупное количество характеризуют следующие цифры: в государственных учебных заведениях в качестве первого иностранного языка русский учат 3395 человек, второго — 3833, третьего — 4784. Или, в целом, — 12015 школьников и студентов. В частных школах и вузах — 14 570 человек.

— Цифры небольшие, но и неполные и нерепрезентативные, — считает почетный председатель Союза русофонов Франции Петр Шереметев. — И во Франции, и в Германии значительная часть русских общин изучают родной язык дома или на специальных курсах еще до школы или параллельно с ней, чего не учитывает статистика. Тут важнее учитывать то, что в разных странах ЕС сегодня насчитывается более 7,3 миллиона русскоговорящих (руссофонов). Русские не только сосредоточены в исторически сложившихся центрах, например в странах Балтии, но и разбросаны по всему Европейскому союзу. Именно поэтому мы считаем, что русский язык — это не местный или автономный язык определенных стран ЕС. По своей сути и амбициям он является региональным или, возможно, международным языком в рамках ЕС, что и должно быть отражено в языковой структуре Евросоюза.

ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК

При этом представители СРФ особо подчеркивают, что они ни в коем случае не претендуют на то, чтобы русский язык отнял часть

функций у «ооновского или ээсовского английского». Гарантия такой позиции: ни в одной из европейских стран русский язык не является проводником идей сепаратизма. Напротив. Большинство экспертов-лингвистов Еврокомиссии признают, что русский язык — фактор европейской интеграции. А с точки зрения русофонов Франции, очевидно, что английский язык незаменим для ежедневного использования, но более тесное общение между людьми, принимающее во внимание их культуру и образ мышления, не может проходить без других языков-посредников. Такими в Европе и мире остаются немецкий, испанский, французский и русский языки. «Только эти языки, в силу сложившихся исторических причин и условий, передают определенные понятия и образы, которые будут утеряны, если мы перейдем на единственный упрощенный и утилитарный язык, — убежден Петр Шереметев. — А сохранение в разговорной практике разных языков и есть конкретное проявление разнообразного и многополярного мира, в котором русский язык — это средство общения между людьми разных национальностей, в том числе внутри Евросоюза».

В Союзе русофонов Франции рассчитывают, что первые тестовые итоги голосования в пользу признания русского языка официальным в ЕС, которые появятся к концу 2012 года, будут обнадеживающими.

РИСКИ

Однако у этой инициативы есть несколько рисков. Первый — меняющееся отношение россиян к Евросоюзу. Если раньше россияне к ЕС испытывали однозначную симпатию, то сегодня, по данным социологического опроса DW-Trend (Германия), признаки разочарования очевидны. И хотя в 2012 году доля сторонников вступления России в ЕС увеличилась с 36 до 38 процентов, почти половина россиян (47 процентов) не поддерживают эту идею. Это на 11 процентов больше, чем в 2011 году. Теперь россияне все больше склоняются к тому, что цель ЕС — поддержка своего экономического роста (55 процентов опрошенных) и территориальное расширение (40 процентов). При этом меняется самооцен-

Союз русофонов Франции (СРФ) создан 16 сентября 2006 года в Париже. СРФ, или Union des Russophones de France (URF), объединил руководителей и активистов общественных организаций, деятелей культуры и литературы, журналистов и преподавателей русского языка Франции. Его цель — объединение русскоговорящих людей и друзей русского языка во Франции для содействия использованию и изучению русского языка и русской культуры в ЕС.

ка россиян и оценка имиджа своей страны в глазах европейцев. Тут скепсис растет такими темпами, что росту популярности русского языка в Европе он никак не поможет. Например, большинство считает, что европейцы Россию воспринимают прежде всего как поставщика энергоносителей и дешевой рабочей силы. Доля тех, кто в этом уверен, выросла с 30 процентов в 2011 году до 35 процентов в 2012-м. А 22 процента придерживаются еще более скептических взглядов. Они уверены, что Россию в Европе воспринимают как непредсказуемую державу с имперскими амбициями. Правда, по сравнению с 2011 годом число тех, кто разделяет эту точку зрения, почти не изменилось. Таким образом, за последние месяцы Россия, по мнению участников исследования, не смогла улучшить свой имидж в Европе. Что, как признают в Союзе русофонов Франции, не повышает шансы их гражданской инициативы.

Второй риск, поджидающий сторонников придания русскому языку официального статуса в ЕС, — разработанная и принятая Еврокомиссией в 2011 году концепция «личного приемного языка». Ее инициатором и горячим сторонником был комиссар ЕС по языковым вопросам Леонард Орбан. По этой концепции, каждому гражданину Европы рекомен-

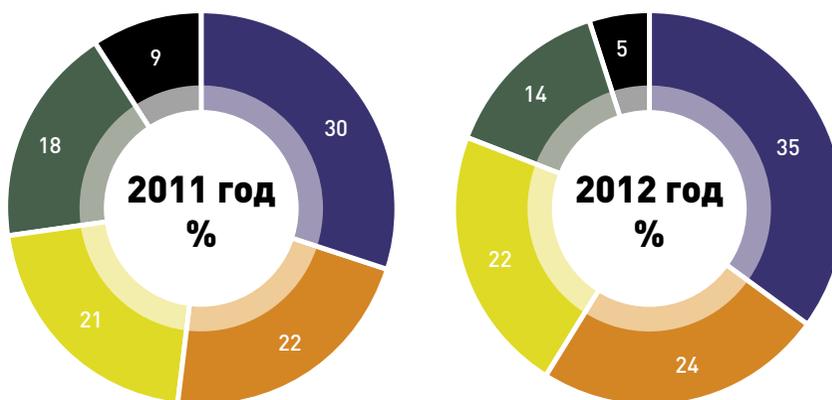
довано наряду с английским учить родной язык и еще один европейский, чтобы познакомиться с культурой соседей. То есть в школах и вузах уже изучаются не только английский, но и «приемные языки», включая русский. Это, по мысли Еврокомиссии, способствует сохранению многоязычия.

— Поэтому инициатива франкофонов может иметь разные последствия, — полагает профессор языкознания Свободного университета Берлина Юрген Трабант. — С одной стороны, именно концепция «личного приемного языка» дала юридическое право на законодательную инициативу по изменению статуса русского языка в рамках ЕС. С другой стороны, инициатива вполне вписывается в концепцию «личного приемного языка», что не требует дополнительного придания русскому языку официального статуса в ЕС. Он и так признан европейским и автономным языком Евросоюза. Что же касается инициативы придания русскому языку статуса официального языка ЕС, то это потребует пересмотра его нынешнего статуса — с автономного до регионального языка Евросоюза. Это длительная и технически поэтапная процедура в рамках Еврокомиссии. К тому же возможный пересмотр уместен при впечатляющих итогах тестового голосования и во многом будет зависеть от последующей готовности России участвовать в росте и расширении изучения русского языка в странах ЕС.

ОЖИДАНИЕ ЗА И ПРОТИВ

Профессор Трабант считает, что, скорее всего, голосование в пользу русского языка будет успешным. Однако это вовсе не означает, что он легко получит статус официального языка объединенной Европы. Скорее всего, как полагают многие эксперты, Еврокомиссия пойдет по пути дальнейшего укоренения и развития принятой концепции «личных приемных языков». В ее рамках русский язык получит дополнительные полномочия, ресурсы и площадки для изучения — как школьные, так и университетские. Весомый аргумент в пользу этой точки зрения: в целом в странах ЕС изучение русского языка или незначительно сокращается, или держится на стабильном уровне. А попытка Союза русофонов Франции переломить эту негативную тенденцию воспринимается как элемент культурной автономии, в границах которой русскому языку тесно. Одна-

ОЦЕНКА РОССИЯНАМИ ИМИДЖА РОССИИ В СТРАНАХ ЕС

- Поставщик сырья и дешевой рабочей силы
- Стратегический партнер
- Непредсказуемая держава
- Глобальный игрок
- Затруднились с ответом

ИСТОЧНИК: DW-TREND.

ко на большее ему претендовать сложно по двум причинам: первая — спад изучения русского языка; вторая — господство английского языка и высокий статус немецкого, испанского и французского языков в границах ЕС.

— Все же мы хотим доказать, — говорит Ирина Кривова, — что русский — не только один из основных европейских языков, но и вектор распространения в мире разных культур, опирающихся на посредничество русского языка. Например, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и даже Украина вряд ли смогут без посредничества русского, испанского или французского языков познакомить мир со своей культурой и историей. Аналогичная ситуация и в странах Евросоюза. Какое общение между калмыком и каталонцем, киргизом и румыном, болгариним и таджиком возможно без русского, испанского или французского?

Бумаги со всеми этими аргументами лягут на стол Еврокомиссии, как ожидается, в 2013 году. Еще год-два уй-

дут на принятие решения. Но каким бы ни был итог, в Союзе русофилов Франции убеждены — русский язык необходим как для экономического развития Европы, так и для русскоязычных жителей ЕС. Право пользоваться русским языком как родным и со временем, надеются в СРФ, как транснациональным языком общения в Европе станет элементом европейского многоязычия. И упрочение статуса русского языка, и его популяризация позволят как Евросоюзу, так и России максимально использовать экономическую и стратегическую взаимодополняемость европейских Востока и Запада.

Вопрос лишь во времени, терпении и размере неизбежных затрат.

МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ВИЛЬК*

Жизнь и удивительные приключения писателя Мариуша Вилька в России

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

Сейчас, когда путь странствий и творчества польского писателя Мариуша Вилька в России занял во времени двадцать лет и маршруты его путешествий исчертили все пространство Русского Севера, результатом чего стали четыре книги, выпущенные петербургским издательством Ивана Лимбаха, делается, собственно говоря, не так уж важно, откуда он пришел и почему избрал дикие северные берега Онега своим домом.

Опыт, пережитый им в России (двадцать лет — срок немалый), настолько значительнее всех прошлых его опытов, настолько глубже по задачам и блистательнее по исполнению, что перед всей этой громадой делается почти неважным, почему польский фрондер, человек глубоко западный, в прошлом — редактор газеты известного бунтарского профсоюза «Солидарность», пресс-секретарь самого Леха Валенсы и автор блистательно написанной и нашумевшей на Западе книги о польском подполье — «Нелегалы», — однажды как корреспондент польской газеты очутился в России. Вернее, на пляже в Сухуми, где на его глазах парочка не успевших убежать от абхазской войны туристов была зверски умерщвлена подвыпившей грузинской солдатней.

РОЖДЕНИЕ ВОЛКА

Здесь — точка истинного поворота судьбы. Потому что до этого был бойкий хлопец, который, несмотря на свою протестность и явный талант, все равно даже думать по-своему не умел. А тут судьба предложила ему жестокий выбор: сделать вид, что ничего не случилось, продолжать сидеть рядом с этими людьми с автоматами и ножами, пить с ними водку и есть шашлык или все-таки как-то отнестись к случившемуся. Он не смог не отнестись. Не смог остаться равнодушным. Он понял, что вместе с этими убитыми парнем и девушкой смертельно ранена сама его душа.

Из того, что он знал о России, он знал, между прочим, и слово «Соловки». И — понимаете — такие решения принимаются раз в жизни. Он почувствовал, что ему надо на эти Соловки, к какой-то древней святости, древним камням, неиспорченным людям, к которым он мог бы припасть и исцелиться. Он думал, что поедет на четыре-пять дней — а оказалось, что на девять лет. Он не думал, что навсегда бросает работу корреспондента, он надеялся, возможно, что кто-то за него отмолит его грехи — и он опять вернется в тот мир, который сейчас Мариуш

(используя словечко Джойса) с презрением называет «сифилизацией».

Пять лет на Соловках он ничего не писал. Много медитировал, постился, изучал русский и древнеславянский языки, погружаясь в глубину общих корней. Так он «наработал» тот удивительный писательский язык, в котором русские слова глядят польскими, польские — русскими, но те и другие воспринимаются в каких-то неуловимо-новых гранях своих значений.

Мариуш любит рассказывать про Соловки, любит подчеркивать, как медленно зрело в нем рождение нового человека. Но главной на Соловках оказалась встреча со старцем отцом Германом, который, выслушав длинную исповедь Мариуша — и про «Солидарность», и про подполье, и про тюрьму, куда он угодил, подобно одному из своих героев-нелегалов, и про выход в свет, про известность и даже про этот последний случай на пляже, — в конце концов сказал: «Мар, куда ты так бе-

жишь всю жизнь? Остановись. Задержись. А посмотришь — дальше дойдешь». И Мариуш остановился.

Через пять лет его уединенной жизни на Соловках Ежи Гедройц, после войны основавший во Франции культовый для поляков журнал «Культура», предложил Мариушу сотрудничество: писать «Соловецкие дневники» в каждый номер журнала. Мариуш начал работать. Эти дневники публиковались пять лет. Но однажды, когда он прислал очередную корреспонденцию, Гедройц ответил ему: «А теперь сложи их. Разве ты не видишь, что книга уже готова?» Поворот завершился. Родился писатель. Родился свободный северный волк.

Из всей современной цивилизации Мариуш взял в Заонежье только компьютер и проигрыватель CD

ДОМ НАД ОНЕГО

Мариуш написал о Русском Севере несколько очень интересных и непохожих друг на друга книг: после «Волчьего блокнота» (Соловецкие записки) появились «Волок» (формально — книга о путешествии по Беломорканалу; по сути — глубокое внутреннее исследование тех метаморфоз, которые принес ему русский опыт) и «Тропами северного оленя» — беспощадная и вместе с тем сказочная книга о кольских саамах.

Но самой значительной до последнего времени была книга «Дом над Онего». Он избрал этот дом как судьбу. Прекрасный, вековой дом из тесаных бревен, в два полных этажа с бельведером наверху, у самой воды (здесь все дома смотрят не на улицу, а на озеро — оно же было главной дорогой). Собирался писать книгу о Петровских заводах, о датчанине Бутенанте, который начал здесь разведку железной руды, о том, как на онежских берегах Россия, добывая железо, оправлялась от поражения под Нарвой и готовила екатерининские завоевания Бессарабии и Таврии... Но вышло совсем другое: книга получилась о любви. И дом, который он купил просто для работы («я всегда покупаю дома там, где работаю»), стал не просто домом — он стал родным гнездом его, Мариуша, позднего ребенка — Марты. Наверное, поэтому я так люблю этот дом. Он весь вышел из волшебной русской сказки: он полон света, семейного тепла, уютных запахов печи и чистого дерева, рябиновой ряби расшитых полотенец, полон света и простора. Строили его более ста лет назад братья Кирьяновы: один крестьянствовал, другой был на заработках (и разбогател) в Петербурге. Поэтому отличаются «верхняя» и «нижняя» половины: внизу — традиционная крестьянская изба, а наверх ведет лестница с точеными голубыми балясинками; помимо русской печи в одной комнате отделанная белой фаянсовой плиточкой «городская» голландка, в другой — металлическая круглая, американской системы Ленгольда... И при этом — европейская библиотека и тот удивительный нежный запах, который созда-

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ет вокруг себя состоявшееся, счастливое, как солнечное лето, детство. Собственно, это детство, эта новая жизнь все и изменила.

Однажды, когда Мариуш путешествовал по Лабрадору, он на пароме разговорился с одним эскимосским шаманом. У эскимосов все стороны света имеют строго определенное мифологическое значение. Юг — это молодость. Запад — это зрелость. И Север — это старость и смерть.

— Я не смог удержаться и сказал шаману, — рассказывает Мариуш. — Смотри, Алекс, какой расклад: я уже пятнадцать лет живу на Севере и в принципе не собираюсь двигаться оттуда. Я живу в обители старости и раньше или позже здесь умру. Шаман посмотрел мне в лицо и рассмеялся: «Нет, старик, нет. Ты скоро зайдешь на второй круг».

В тот же год после свадебного путешествия в Европу с Натальей родилась Марта.

— Понимаешь, мне тогда было 56 лет. Пятьдесят шесть с половиной. И до тех пор я вел абсолютно эгоистичный образ жизни. Абсолютно. Я жил для себя и для «партнерки», с которой мы живем. «Партнерки» менялись. Но когда я впервые уви-

**На печке
в этой комнате
молодая
семья и
перезимовала
первую зиму**

дел своего ребенка на экране УЗИ... Это было похоже на Тарковского, фильм «Солярис». Космический океан и пульсацию жизни. Марту. Она сидела в позе лотоса, и было отлично видно, что она девочка, а не мальчик. Это был март или апрель. И когда я еще до рождения увидел своего ребенка, я понял, что я от-ве-ча-ю. И что я буду отвечать до конца своих дней уже. Что я не один сам по себе, что у меня есть кто-то, кого я поведу через всю жизнь. И это...

В общем, книга о Петровских заводах так и не была написана. Зато появилась другая, может быть, самая пронзительная, самая главная: завет отца своему ребенку. Называется она «Мартуша».

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

— Когда она родилась, я понял, что для меня сейчас самое интересное и самое важное — это писать про нее. И мы отложили все наши дела. Я захотел, чтобы первые годы своей жизни она провела здесь, в Заонежье. Как в Зазеркалье, понимаешь?

— Почему — как в Зазеркалье?

— А много ты можешь назвать в мире мест, где, ложась спать, люди до сих пор не запирают двери? Где соседей зовут не «Николай Иванович» или «Любовь Ильинична», а дядя Коля и тетя Люба? И это не просто фигуры речи. Здесь действительно всё по-родственному: дядя Коля вечером зайдет за велосипедом, сгоняет в Великую, а утром привезет к столу свежей рыбки. А у тети Любы своих двое, там Ляля, главная Манина (так Марта называет себя по-русски. — *Прим. авт.*) подруга, так что они тут все — под теткинским присмотром. И нетронутая красота этих мест...

Я хочу, чтобы лет до пяти она открывала дверь и видела это синее море, эти тополя, этот простор, эту часовню, эти травы. Чтобы видела, как валит снег и гаснут звуки в этом снегу... Чтоб это вошло в нее, стало ее частью, частью ее внутреннего пространства.

— А ты не боишься, что в 6 лет, когда она из Зазеркалья попадет в обычную городскую школу, это очень больно ударит по ней? Петрозаводск — город тихий, но уж очень она будет выбиваться из среды одноклассников...

Мариуш на некоторое время замолкает, смотрит в окно. За окном — озеро. Тут в каждом окне дома — озеро.

— Знаешь, — медленно начинает он следующую мысль. — Я говорил со своей издательницей — это очень мудрая и свободная женщина, Вера Хоффман-Михальска. Я спрашивал ее: когда надо отдавать девочек в школу? И она мне сказала: раньше 13 лет не надо. Потом — в Швейцарии есть такие специальные школы, где быстро

«дотягивают» то, что я не могу ей дать: математику, физику, химию... А историю, географию и языки я преподам ей сам. Мы поедем путешествовать дальше: я хочу прожить с ней год на Байкале. Понимаешь, Байкал — это такая грандиозная штука, которая накладывает свой след на каждого человека. Я хочу пожить с ней в Бурятии, показать ей буддийские храмы, монахов. Показать ей бедность, горе. Она должна узнать, что это такое.

— И закончить все-таки Швейцарией...

— Кто знает, как изменится к этому времени мир?

Мариуш сказал, что с тех пор, как родилась Марта, время для него как бы понеслось вскачь: она взрослеет на год, он — на год стареет. На год меньше жизни остается у него. Но он надеется успеть. С трех месяцев Марта и отец танцуют под музыку в кабинете Мариуша. Каждый день. Раньше она танцевала на руках у отца, теперь — рядом с ним. Танцую вместе с отцом, она впервые увидела книги. Вот это, — называл свои любимые книги папа, — господин Капушинский, это — Никола Бувье, а это — Брюс Чатвин. Первый писатель, имя которого Марта, кстати, запомнила, и был Брюс Чатвин, «Брючака». Тот самый «Брючака», который как-то сказал: «Если у этого мира вообще есть будущее, то это аскетизм».

В этом году из пяти деревенских стариков умерли четверо. И Мариуш, ухватив чуть ли не силой последнюю старушку, бабу Клаву, ходил с ней по деревне, составлял план, где чей дом стоял, как хозяйство было устроено, у кого родственников расстреляли, как работал колхоз...

— Зачем это тебе надо было?

— Моя задача — описать для нее мир ее детства — то, что ты видел, что нас окружа-

ет. Одновременно и моими, и ее глазами. Ты же понимаешь, что с нею мы никогда не посидим, не поговорим так, как с тобой. Но я так хочу все написать, чтобы в 45 или в 50, когда меня давно уже не будет на свете, она могла открыть мою книгу — и вернуться в мир своего детства. А заодно узнать мои раздумья на тему Бога, на тему жизни и смерти и о том, зачем нам дан Путь Жизни. Одновременно она вспомнит и мосток над водой, и бабу Валю, и бабу Клаву, которые вот сейчас еще есть в ее жизни, но уже завтра перестанут существовать... Клава-то уезжать собирается, дочь приехала, вещи собирает...

— А что так?

— Я с ней месяц беседовал. Почти день в день. И вначале, слушай, никак не мог найти к ней подхода. Не тот тон взял с ней. И она не открывалась. Меня подвело слишком красивое решение литературное. И я, вместо того чтобы увидеть в ней обиду — то, что потом увидел, через две недели, — я увидел сначала ненависть. И отсюда пытался попасть с ней в один ритм. Но когда увидел обиду, а не ненависть — о, тогда дело пошло!

— А на что она обижена?

— Чтобы объяснить, тебе надо дать весь ее портрет, который я написал. Это шесть страниц. Портрет называется «Баба Клава». А последняя фраза... подожди... я тебе ее скажу точно: «Вот и наплодили нас без любви, на нашу беду»... Кажется, каждую минуту своего позднего отцовства Мариуш вкладывает в любовь к Марте: чтобы беда никогда не коснулась ее, чтобы она никогда не изведала доли *нелюбимых* детей.

ВОЛЧЬИ ЗАКОНЫ, ИЛИ ПРАВИЛО ТЫНА

Мариуш без всяких имиджмейкеров отлично поработал над своим «волчьим образом»: темная шапочка, почти всегда надвинутая глубоко на лоб, овальные черные очки, безразличного цвета жилет, вылиняв-

шая футболка с портретом Че, мешковатые штаны и шлепанцы на ногах, привыкших ходить босиком. В таком виде перед фотографами не попозируешь.

— Свет медиа для писателя страшнее всего. Он ослепляет. Тыловишь кайф от того, что все видят тебя, но сам не видишь уже ничего. Мой принцип волчий — отойти в тень леса от освещенной поляны. Из тени ты видишь все, но тебя не видит никто.

При всей своей неутолимой отцовской любви Мариуш и дочь растит по своим, «волчьим» законам. Есть общеславянское слово «тын», означающее плетень, забор, то, что закрывает. Но то, чего не следует делать, тоже следует как бы отгородить от себя. Змея на дороге — тын. Огонь в печке — тын. Спички — тын. Тын ничего не в силах запретить, он только огораживает, бережет от опасности. Тын как бы говорит: Марта, будь внимательна, это опасно.

Я спросил Мариуша, какую первую заповедь он таким образом внушил своей дочери.

— Не ври. Не ври — тогда ты опять будешь любимой дочкой, снова будешь Мартой, и тебе будет можно все.

Тын — это не внешний запрет, а именно живая смысловая конструкция, которую любящий родитель бережно строит в душе у ребенка, чтобы она без всяких принуждений работала сама. Чтобы ребенок сам хорошо понимал, что хорошо, а что плохо.

— Над каким же последним тыном вы работали?

— Последний тын, который я пытаюсь сейчас строить... Последнее, над чем я серьезно начал работать, — это алкоголь. Это работа и для нее, и для меня. Мне надо не просто *показать* ей, а своим примером *доказать*, что папа алкоголя вообще не пьет, только чистую воду. Потому что был случай, когда мы тут с друзьями выпивали пиво, и она увидела это и поняла, что она — осталась одна. А насчет алкоголя «рассуждения» бесполезны. Как только любимый папа прикладывается к бутылке, ребенок прикладывается вместе с ним. Не сейчас, так через несколько лет. Так мы программируем детей. Поэтому пить я не должен. Ведь мы в жизни будем ездить, будут разные дяди и тети что-то выпивать. Сейчас в Лозанне мы первым делом попадаем на банкет издательства «Noir sur blanc», и там, естественно, все будут ходить с шампанским и т.д. Для меня сейчас важно, чтобы она поняла, где мы — а где они. Мы пьем воду — Марта, Наташа и я. Но это последний тын.

Часовня
Преподобного
Сампсона
Странноприимца,
в которой крестили
Марту

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

— Почему — последний?

— По-моему, главное она уже поняла. И многому уже я учусь у нее. Она — мой главный учитель.

В доме нет телевизора, но зато Мариуш переводит на польский Заонежские сказки и читает их дочери. И мама, Наташа, читает что-нибудь из мировой сказочной классики, если папа не успел к сроку перевести очередной заонежский шедевр. В доме два компьютера, но Марта безразлична к компьютерным играм и, скорее всего, даже не знает об их существовании. Ее вполне устраивает мир улицы, где среди всей детворы она одновременно является и лидером, и королевой. И иногда эта королева называет свое имя: Марта-Матильда Вильк.

Однажды мы слишком рьяно заговорили о том, что ждет Марту, когда она из Зазеркалья выйдет на ту сторону зеркала...

— Понимаешь, — сказал Мариуш, — если ребенок родился в каком-то захудалом дворе, в вонючем подъезде, среди пластмассы — я видел в Петрозаводске немало таких подъездов, — тогда у него нет шансов на видение реальности. Потому что он

будет все детство проводить в таких помойках или, может быть, даже прыгнет чуть выше — в клубы, где пиво пьют, — и все, понимаешь? Но она-то три года своей жизни провела здесь, в лучших местах Севера, и опыт общения с людьми, с мамой, с папой, с соседями у нее очень положительный. Она выросла очень положительной и жизнелюбивой. С современностью она уже сталкивалась в каждом аэропорту, где есть бар, бутылки. Пока что ничего страшного.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕТА

В прошлом году мы навещали Мариуша и Наталью вместе с женой и тогда на велосипедах много путешествовали вдоль берега: там помимо Кондобережной есть еще пара сохранившихся деревушек с очень красивыми старыми домами и деревянной церковкой, которая сквозь острова, казалась, переглядывается с седыми главами Кижей (тут близ-

Счастлив человек, который понимает, что есть его настоящая жизнь

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ко). И если ехать по этой дороге, то справа всегда играло вспышками солнца озеро, а слева — чернел задичавший, заглохший лес, в котором, без сомнения, и медведь — не редкость. А в этом году я приехал в самом конце августа, лесная дорога расклякла, да, по совести, одному и не хотелось крутить педали. Обычно вечером я поднимался до крошечной часовенки во имя византийского святого, преподобного Сампсона Странноприимца, где отец Николай в свое время крестил Марту, и оттуда звонил в Москву. А остальное время без всякой тяготы для себя проводил у воды, наблюдая, как разгорается и гаснет в ней свет неба, как причудливо отражаются облака, как голубизна внезапно облекается сталью или начинает катиться как ртуть, или отражает зелень прибрежных зарослей и темную тяжесть похожих на ржавые ядра береговых камней. Эта игра света на воде воистину завораживала, в конце концов я не выдерживал — и бросался в воду. Холод стискивал тело, одновременно лаская и крепя его, вода была живой, какой-то почти сладкой на вкус, и я не мог удержаться от того, чтобы, купаясь, не выпить глоток-другой...

Полдень. Мариуш, как всегда, закрылся в своем кабинете в нижней правой половине дома и спешно завершает отдел-

ку нескольких сюжетных линий книги. 3 сентября — юбилей издательства «Noir sur blanc» в Швейцарии, и он, разумеется, приглашен со всей семьей как один из ведущих авторов. Потом — неделя в Париже и — зимовка в Котловине Клодзкой — тихом местечке на границе Польши и Чехии, где у сестры Мариуша есть дом. Для Марты там — красота первозданной зимы, горные лыжи и привычное ей уединение. Для Мариуша — еще одна возможность поработать в крохотном польском «Зазеркалье». Там к весне следующего года книга будет завершена.

Наташа к полудню уже привела в порядок дом и с невыразимой грацией женщин, легко делающих любую работу, возится на огороде, стирает белье, вычищает коврики, одновременно приглядывая за Мартой, готовя обед и незаметно организуя мой отъезд на завтрашний день. Слава, старший сын Натальи, красивый молодой парень, давно за работой: распиливает бензопилой поседевшие бревна, оставшиеся от разобранного двора (сейчас лишь у двух-трех домов по берегу сохранилась задняя хозяйственная часть), и колет их на дрова. Когда набирается порядочная куча, я начинаю таскать их в дом и складывать в два ряда под лестницей. Мы забиваем дом дровами, как патронташ — патронами. Я в очередной раз ныряю в воду Онего, чтобы вылезти из нее помолодевшим и очищенным, и принимаюсь наконец за отрывок из последней книги Мариуша, который уже существует в русском переводе. Медленно отрываюсь от играющей воды и погружаюсь в каленую онежскую весну:

«...Который раз уже смотрю из окна своего кабинета над Онего за таянием льда. Передо мной разворачивается чудо превраще-

ния мертвой природы в водную стихию. Представьте большое пустое пространство до самого горизонта, белое поле, скованное льдом, заваленное снегом в течение многих месяцев. Никаких следов жизни, никаких шевелений, вообще ничего. Лишь ветер, который иногда свернет плюмаж из белой пыли, немножко помашет им и полетит дальше. Даже

солнце не в силах оживить этот ландшафт, зимой оно само едва-едва дышит, и самое большое, на что оно способно, — это выглянуть из-за горизонта как из окопа и брызнуть желтой струйкой на лед. Только в апреле, когда тени вытягиваются, лед набухает и чернеет. Верный знак, что скоро грянет чудо...»

Вот я сижу на солнышке, читаю про чудо весеннего исчезновения онежского льда, сопровождающееся мириадами звуков: лопаньем, треском, грохотом, хрустом, а сам слушаю мелодию, которую живая вода тихонько выпевает в прибрежных тростниках, между свай мостков или среди камней, — и чудо этой музыки кажется мне ничуть не менее волшебным, чем весеннее чудо исчезновения льда.

Сегодня рано проснулся, было холодно: показалось, стая диких гусей прилетела, села на озеро недалеко от дома, плавает, отдыхая и гогоча... Оказалось — нет, просто чайки раскричались на крыше часовенки Преподобного Сампсона, которую они давно избрали своим насестом. Иней уже лежал на траве. И неподвижным огромным зеркалом лиловела вода — без единой морщинки — до самого горизонта.

Я не выдерживаю и отправляюсь к Мариушу.

Перерывы в его работе и ответы на вопросы моего растянувшегося на три дня интервью входят в распорядок дня. Но на этот раз мне хочется спросить о том, что неустанно гложет меня самого. Я стучу в дверь:

— Мар?

— Заходи.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ПИСАТЕЛИ, КОГДА ПОБЛИЗОСТИ НЕТ ЧИТАТЕЛЕЙ

— Понимаешь, об этом не спрашивают, но я спрошу. Все это безумие в мире, климат, который выходит из-под контроля, политехнологии, дикий бизнес, дикое отношение к человеку — ведь это все не кончится добром, Мар. Что ты об этом думаешь?

— Знаешь, у меня в гостях тут была журналистка, которая задавала мне много подобных вопросов. И я ей ответил, что бесполезно рассказывать, что такое медитация, пока ты сам не пережил этот опыт. Но когда ты наконец переживаешь его, рассказывать уже не нужно, потому что приходит тишина. Видишь ли, Василий, я тоже катастрофист, никакого будущего для современной «сифилизации» я не вижу, но меня это не волнует, потому что для меня будущее время вообще не существует, как для Набокова и многих других...

— Будущее заложено в семени каждого растения, в геноме твоей Мартуши, Мар. Поэтому если, не ссылаясь на Джойса, говорить о современной «сифилизации» — где беда? В чем «сифилис»?

— Ты знаешь, был такой американский поэт, монах и мистик Томас Мёртон — он жил на Цейлоне, а умер в Бангкоке. Много раз я его перечитывал и только в этом году заметил, что в некоторых местах — в редких местах — он слово «Бог» заменяет словом «Реальность». Вот подумай...

— Я уже понял.

— Может быть, об этом надо говорить осторожно? Реальность, настоящее — это и есть Творение. В ней мы узнаем Бога — потому что это не мы сделали. А «сифилизация» — это мир, полностью сделанный человеком, для человека, в понятиях человека. И он заслоняет реальность как замысел Бога. В этом смысле и любой храм — заслоняет собою Бога. Ну а если брать виртуальную реальность, которая там, у вас, полностью определяет и мысли, и чувства, и желания человека...

— Что делать со всем этим?

— Может быть, мое спасение в том, что я не задаю этими вопросами, потому что будущее для меня не существует. Есть настоящее, в котором надо работать, растить детей, любить жену, вить гнездо и путешествовать. А этот пластмассовый мир в конце концов замкнется сам на себе: вот это и будет настоящая гибель. Но все дело в том, что я не интересуюсь пластмассой... 🍷

* «Вильк» — по-польски «Волк».

АНГЛИЙСКИЙ КЛАССИК С ВОЛОГОДСКИМ АКЦЕНТОМ

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

Только один человек в Вологде будет отмечать в августе 86-ю годовщину со дня смерти классика английской литературы, яркого мастера приключенческого романа Джозефа Конрада. Человек этот — краевед Владимир Аринин. Благодаря именно его многолетним изысканиям город из северной российской глубинки был внесен в официальную биографию писателя.

Церкви, церкви, церкви и резной палисад... Такой увидел Вологду в 1862 году маленький Юзеф Теодор Конрад Коженёвский (будущий Джозеф Конрад). Русский Север заметно отличался от родного Бердичева, где Юзеф родился и прожил пять первых лет своей жизни.

Отец будущего классика английской литературы, поэт Аполлон Коженёвский, был сослан в Вологду за участие в польском освободительном движении. Жена Эвелина с маленьким Юзефом последовала за ним. Так в вологодской польской колонии ссыльных появились арестанты под номерами 21, 22 и 23. Здесь они пробыли чуть больше полугода. Эвелина заболела, и Аполлон Коженёвский попросил власти перевести семью в место с более теплым климатом. В январе 1863 года семья переехала в Черниговскую губернию, где Эвелина скончалась. А Аполлон умер в 1869 году в Кракове. Юзеф перешел на попечение своего богатого дяди Тадеуша Бобровского. С его разрешения в 1874 году будущий классик уезжает в Марсель и становится моряком...

Вологодский писатель и краевед Владимир Аринин, первым заинтересовавшийся пребыванием Юзефа Коженёвского в своем родном городе, зачитывался романами Джозефа Конрада в детстве, пришедшемся на послевоенные годы. «Я рос в интеллигентной семье, и, хотя жили мы в Вологде — Мекке деревенской литературы, я никогда не был ее любителем. Засодимского читать ни-

когда не хотелось. Тянуло на что-то необычное», — говорит Аринин. Он не член Союза писателей, об Аринине, издавшем 11 книг, вы не найдете упоминаний ни в одном сборнике вологодских писателей. Как и о Конраде, впрочем.

С Конрадом Аринину пришлось серьезно «повозиться», ведь следов пребывания семьи Коженёвских в Вологде почти не было. К своим поискам Аринин привлек в середине 70-х старейшего местного краеведа, Владимира Панова, железнодорожника по профессии. Еще в 20-е годы Владимир Капитонович загорелся страстью к истории и литературе — в доме его отца некоторое время жили сосланные на вольные поселения писатели Ремизов и Амфитеатов.

Закипела работа в архивах. В Вологде, конечно, никто не знал, что в то же время на Филиппинах режиссер Фрэнсис Форд Coppola начинает съемки фильма «Апокалипсис сегодня» — вольной экранизации романа Джозефа Конрада «Сердце тьмы». За этот фильм Coppola получил «Оскара», а с романов Конрада стряхнул пыль.

СТОЛИЦА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ

Отец Юзефа писал пьески с «идеями», переводил на польский Грибоедова и Гюго. Юзеф же, прежде чем стать творцом прозы, сам в нее попал: в письмах родным Аполлон рассказывает о страданиях некоего мальчика Конрадека, «загнанного в край цинги и стужи», как называл он Вологду.

Вологда — столица русской политической ссылки, во все времена и при всяком строе привозили сюда на телегах людей в пенсне и английских ботинках, с двумя чемоданами в руках — один с одеждой, другой с книгами. Интеллигенция... Террорист Борис Савинков, сестра Ленина Мария Ульянова отбывали здесь сроки, да и сам Иосиф Сталин на удивление тепло вспоминал свою вологодскую ссылку. Во время сталинских репрессий многие были отправлены в Вологду уже по его приказу. «Ссылды вносил в климат Вологды категорию будущего времени», — говорил о своем родном городе Варлам Шаламов, сам испытавший прелести ГУЛАГа.

Известный издатель Лонгин Федорович Пантелеев, живший в Вологде, рассказывает о встрече с Коженёвским-старшим, «литератором, хорошо принятым в местном обществе», где его на русский манер звали Антоном. Тем не менее «держался он очень гордо, сам ни с кем не знакомился». Таким же Аполлон воспитал и сына: Юзеф, по воспоминаниям знакомых, всегда был высокомерным и малоразговорчивым, отчего близких друзей так и не нашёл. В последний год жизни он отказался от титула английского лорда, заявив, что принадлежит к польской аристократии.

КОРАБЛЬ ВМЕСТО ДОМА

Один из сыновей Джозефа Конрада, Борис, рассказывал, что отец не любил вспоминать о России. Как бы то ни было, но и побег из родной Польши можно считать удачей для Юзефа Коженёвского.

Начитавшись приключенческих романов о жизни моряков, молодой Коженёвский поступил во французский флот. В первые годы свободы он не на шутку загулял: всюду транжирил дядины деньги, пускался в разные авантюры, даже занимался контрабандой оружия в Испанию. Проигрывался в пух и прах, несколько раз пытался застрелиться. В 1878 году подался в Англию, опасаясь, что из Франции его могут выслать в Россию. На кораблях английского торгового флота Конрад плавал 15 лет, стал капитаном, однако родины так и не заимел. Писать начал в 31 год, для чего моряку пришлось вплотную заняться изучением английского языка. Герои его первых романов — люди, для которых море и есть родина, а корабль с командой — дом и семья. Да и писал он свои романы на корабле. Одну из рукописей капитан показал своему пассажиру — известно-

му английскому писателю Джону Голсуорси. Так началась литературная карьера Джозефа Конрада.

Поначалу в Англии Конрада восприняли как очередного автора приключенческих книг. Правда, критики не преминули отметить несвойственный развлекательной литературе трагизм: на каждой второй странице герои говорили либо «за жизнь», либо о смерти. Произведения Конрада никогда не были «сырыми» — над отдельными пассажами он работал по несколько суток.

СЛАВЯНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

«По-английски он пишет чисто и правильно, но как будто с каким-то акцентом», — говорили критики. «Поляк, русский... Тогда мало кто их различал. Славянский писатель, одним словом... Следовательно, душа нараспашку», — сказал о нем Герберт Уэлс.

Поляк, русский... Все мы помним споры политические и исторические, разговорные и стихотворные — Пушкина и Адама Мицкевича, изрядного ненавистника России. О своем

Вологодский писатель не скрывает, что, сложись судьба иначе, и он бы, подобно Конраду, писал о море и дальних странствиях

столкновении с Аполлоном Коженёвским вспоминает и Лонгин Пантелеев. Своего «недовольного поляка» повстречал и Владимир Аринин: «После того как статья о поисках следов Конрада в Вологде была напечатана в «Литературной России», к нам начали поступать письма от «конрадистов» со всего

мира, статью переводили и перепечатывали». К примеру, доктор Морф из Монреаля прислал копию фотографии Аполлона Коженёвского, а также высказал предположение, на какой из улиц могли жить польские ссыльные. Откликнулся и известный польский писатель Ярослав Ивашкевич. Наконец, однажды Аринину сообщили, что «в Вологду собираются приехать Здислав Найдер — знаменитый диссидент, один из лидеров польской оппозиции, — поговорить по поводу нашего материала о Конраде». С Найдером приехал сопровождающий от Союза писателей, как его представили. Не составляло труда опознать в нем сотрудника КГБ. «Оставшись с глазу на глаз, — вспоминает Аринин, — мы перешли с Конрада на политику. Вся польская интеллигенция против существующего строя, но литературу вашу мы любим и читаем, — сказал он мне». Через несколько лет, в 1983 году, Найдера — будущего советника президента Польши Леха Валенсы — заочно приговорили к смерти за бегство на Запад. А еще через десяток лет, когда стало можно, Аринин написал статью о встрече с «человеком, приговоренным к смерти».

РОМАНЫ БЕЗ МОРЯ

Джозеф Конрад в политику до поры до времени не лез. К русской литературе относился неоднозначно, хотя дружил с супругами Гарнетт, знаменитыми переводчиками с русского языка. Достоевского называл сумасшедшим и «чересчур русским»: «Во всей его прозе мне слышится подобие яростных воплей». Тем забавней тот факт, что критики видят в некоторых романах Конрада явное влияние именно Федора Михайловича. Толстого не понимал, Тургенева уважал, но, по большому счету, за то, что тот эмигрировал. Всю жизнь Джозеф Конрад утверждал, что не знает русского языка, что, естественно, маловероятно — ведь до 16 лет писатель прожил в России, а его отец окончил Санкт-Петербургский университет. «Мне не хотелось бы выступать в роли знатока русской жизни», — признавался Конрад. Однако в начале XX века что-то изменилось в миропонимании Конрада. Он осел на бере-

гу, оставив море лишь на страницах написанных им произведений. Три его последних романа — все не без политики. «Ностромо» — про выдуманное государство в Латинской Америке, одна из провинций которого решила отделиться и отстаивать свою независимость. Правительство, в котором диктатор на тиране сидит, жестоко подавляет эту попытку. Среди повстанцев попадают и поляки, «совершенно случайно», разумеется. Два следующих романа — «Тайный агент» и «Глазами Запада» — уже без всяких иносказаний написаны про революционеров, а второй — так даже про русских. Герой романа студент Разумов борется с дилеммой: самодержавие ему не нравится, но террористические методы борьбы с ним его тоже не устраивают. Сомнения еще более усиливаются, когда в его квартиру попадает другой студент, Гальдин, ищущий убежища после того, как бросил бомбу в министра. Англичане романа не поняли. Потому что даже самому неизощренному читателю было очевидно, что русский студент Разумов Конраду ближе, чем типичный английский джентльмен, каким он сам стремится стать. Английские литературоведы считают, что роман написан специально для России, причем России провинциальной.

РАЗОШЛИСЬ, КАК В МОРЕ КОРАБЛИ

В Вологде о Конраде никто не вспоминает. Никаких чтений, конференций, памятников и бюстов, не говоря уже о названии улицы. Жители без внутреннего трепета проходят мимо старой пятиэтажки на бывшей улице Урицкого, ныне снова Козленской, где, как выяснили Панов и Аринин, стоял дом, в котором жили ссыльные поляки. Еще в далеком 1977-м призывал Владимир Панов установить здесь хотя бы мемориальную доску, но этого не сделано до сих пор.

Книги Конрада трудно купить и в Вологде, и в крупных городах окрест. Но, правду говоря, и Конрад ни разу не вспомнил о Вологде ни в одной из своих многочисленных биографий. Разошлись, как в море корабли. Наверное, порта «Вологда» не было на морской карте капитана Юзефа Коженёвского, которого сегодня знают под именем Джозефа Конрада. Владимир Панов умер в середине 80-х, всего года не дожив до ста лет. А его тезка и соавтор Аринин по-прежнему живет в Вологде, пишет сейчас в основном сказки для детей. Его книги пользуются большой популярностью у местной детворы. 📖

ЧУЖОЙ РОДНОЙ ЯЗЫК

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ

— Здравствуй, солнышко! Как поживаешь?

— Спасибо, тетя Ирана, хорошо...

Это — невольно подслушанный диалог в продуктовом магазинчике в центре Баку. Молодая продавщица разговорилась со своей подругой и ее дочуркой. Все они — азербайджанки.

Спустя неделю попадаю на пляж приморского поселка Бильгя. Отовсюду доносится русская речь. Даже оглядывался пару раз: вдруг кто из коллег или знакомых здесь? Да нет, одни азербайджанцы — за соседним зонтиком компания молодежи, справа загорают две подружки, а за моей спиной разместились молодые родители с сыном и дочкой трех-четырёх лет. Малыши лепетали попеременно на двух языках, но чаще по-русски...

«НАЦИЯ БАКИНЦЕВ»

Нельзя сказать, что русская речь слышна в столице Азербайджана повсюду. Чаще всего «великий и могучий» звучит в центральных районах. Здесь все еще проживает особое сообщество людей, считающее себя чуть ли не отдельной нацией — «бакинцами». Космополитическое сообщество, свободно говорящее на русском, но не всегда столь же свободно — на азербайджанском. Насчитывает оно сейчас свыше полумиллиона человек, из них, по некоторым оценкам, три четверти — этнические азербайджанцы. Оставшаяся четверть «бакинцев» — это не только русские, но и украинцы, татары, евреи. Да и немало проживающих в Баку представителей других нацменьшинств Азербайджана (лезгин, талышей) также считают себя русскоязычными, хотя и не афишируют это.

Ряды «бакинцев» за двадцать лет существования независимого Азербайджана заметно поредели; считается, чуть ли не вдвое. Почти у каждого в России дети, брат, сестра... Те, кто остался, приспособились к тому, что они стали в Баку «меньшинством», но при этом продолжают говорить в семьях и между собой по-русски. Тем паче что и нынешний президент, Ильхам Алиев, и многие члены азербайджанского истеблишмента выросли в русскоязычных семьях, получили образование в России. К тому же действующая с 1995 года Конституция Азербайджана гарантирует обеспечение «свободного использования и развития других языков, на которых говорит население», более того, запрещает дискриминацию граждан по признаку языковой принадлежности.

Но закон законом, а вполне конкретное вытеснение азербайджанскими властями «великого и могучего» из многих сфер нарастает. В 2007–2008 годах прекращено вещание российских телеканалов и радиостанций. Затем запретили показ на азербайджанских телеканалах программ на русском языке.

Под предлогом «отсутствия правовой базы» была приостановлена деятельность 14 филиалов российских вузов. А против руководства одного из них — никак не хотевшего закрываться Бакинского филиала Московского государственного открытого университета — недавно возбуждено уголовное дело

по обвинению в «незаконном приеме студентов». Семь лет назад было вдвое (с четырех до двух в неделю) сокращено количество уроков русского языка в средних школах. Наконец, согласно недавнему указанию властей показ в кинотеатрах иностранных фильмов (они покупаются у российских дистрибьюторов) теперь возможен только при их дублировании на азербайджанский язык...

А в июне 2011 года лидер проправительственной партии «Ана взэн» («Отечество») депутат Фазаил Агамалы выступил в парламенте с предложением законодательно

закрепить обязательное использование родного языка в государственных и общественных местах. Он посетовал, что азербайджанский язык в Баку постепенно вытесняется русским, причем делается это «при поддержке России». Депутат призвал своих коллег уже осенью законодательно «принудить граждан в публичных местах на русском языке не общаться». У Фазаи-

ла Агамалы оказалось немало сторонников, в том числе среди тех, кто давно обосновался в России. Президент московского Общества азербайджанской культуры «Оджаг» профессор Тофик Меликов в своей статье в газете «Эхо» (7 июля 2011 года) выразил обеспокоенность тем, что азербайджанское общество до сих пор расколото на две культурно-языковые общности — русскоязычную и азербайджаноязычную. Один социум — это «те, кто получил образование на родном языке и приобщился к национальным культурным ценностям», а второй — «те, кто воспитывался на иноязычной культуре». Тофик Меликов расценивает «насаждение русского языка в ущерб азербайджанскому» в годы СССР как «изошренное воздействие», направленное на трансформацию азербайджанского народа и общества. Более того, в его понимании «через язык можно вести захватнические войны, подчинять себе другие народы, менять общество в нужном ключе. Причем те, с кем это будет производиться, не станут сопротивляться, ибо чаще всего они этого не почувствуют и не осознают». Короче, профессор и иже с ним призывают к ускоренному избавлению азербайджанского общества от «чужой» идентичности.

И процесс этот полным ходом идет; причем двигают его как представители власти, так и оппозиция. К примеру, некоторые СМИ Сумгаита недавно завалили жалобами городского главу Эльдара Азизова из-за того, что его аппарат, вопреки закону «О государственном языке», распространяет пресс-релизы и брошюры исключительно на русском; к тому же мэр Сумгаита еще и говорит исключительно на русском. То же самое, сетуют сумгаитские патриоты, наблюдалось и в Гяндже, когда Эльдар Азизов возглавлял там исполнительную власть. Подобные примеры, указывает рупор оппозиции газета «Ени мусават», вовсе не единичны: «Спустя двадцать лет независимости у нас на самом высоком уровне все еще в ходу русская речь», а в СМИ «писать на азербайджанском считается проявлением чуть ли не «отсталости» и «деградации». Еще категоричней высказался один из лиде-

ров оппозиционной Общественной палаты, Мехрибан Везир, обвинивший правящую элиту в том, что «русский язык у них родной и что именно он чаще всего используется в быту». «То есть, — резюмирует он, — наши власти выполняют заказ Москвы, не уважают родной язык».

Цитируя противников и сторонников русского языка в Азербайджане, сразу замечу, что обе стороны, как это часто бывает, намеренно сгущают краски. На самом деле картина не столь однозначна; борьба между «бакинцами» и их оппонентами не закончена.

ОТЛОЖЕННАЯ МЕСТЬ

Чтобы понять глубину водораздела между двумя этими силами, приведу реакцию на наскоки на «великий и могучий» своего знакомого — коренного бакинца, азербайджанца: «Слава богу, можно еще ваше телевидение смотреть по «кабелю» и «тарелке». Как прикроют, так мотать отсюда буду».

Но все же в нынешнем истеблишменте все более правят бал выходцы с периферии, где с русским языком и в советские времена было не очень. В своем порыве утвердить в Азербайджане ценности азербайджанства и тюркизма многие переселившиеся в Баку из Нахичевани, Габалы, Армении, Ирана и т.д. чуть ли не главной помехой тому видят русский язык. В личном же плане свержение русского языка с пьедестала сопрягается у них с выдавливанием «бакинцев» с ключевых позиций в госорганах и бизнесе.

Знакомый бакинский политолог назвал постепенное вытеснение русского языка из общественной жизни Азербайджана «отложенной мстью». По историческим, так сказать, основаниям. О коих напоминают, например, на сотнях страниц авторы школьных и университетских учебников, когда описывают «откровенную политику русификации», «вытеснения родного языка русским языком и превращения последнего в государственный язык» в царской России и в советское время. «Ускоренно эта политика проводилась в столице страны, Баку, пропагандируемом в качестве «интернационального города», — втолковывает студентам в учебнике «История Азербайджана» директор Института истории Академии наук Азербайджана, депутат парламента Якуб Махмудов.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ФОРУМА ПОРТАЛА WWW.DISPUT.AZ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Новый Друг

«В мире издается и публикуется огромное количество книг на разные темы, в разных сферах. Большую часть всего этого можно найти на русском языке. И несравнимо меньшую часть можно найти на азербайджанском языке... Зайдите в любой известный в Баку книжный магазин — посмотрите, сколько там литературы на азербайджанском языке и сколько на русском?!!

Можно найти целую коллекцию онлайн-библиотек на русском языке. Можно найти огромное количество видеотренингов на различные темы на русском языке. Есть ли у нас подобное? Можно найти огромное количество обучающих видео на различные темы на русском языке. Есть ли у нас хоть одна подобная база?»

elen_elina

«Учась в азсекторе, половину своих знаний я приобрела благодаря русскому языку, читая литературу, журналы в Интернете. Далеко ходить не надо, элементарно возьмем наши и их телепередачи. У нас сплошной той-байрам и жизнь «звезд». Чему можно научиться, смотря эту фигню? То же самое на турецких каналах — ничего познавательного. Но сколько интересных передач на российских каналах, сколько нового можно узнать!»

ямб

«Я преподаю русский язык в образовательном центре. Последние несколько лет число студентов и работающих молодых людей, желающих изучать этот язык, просто зашкаливает. Основные причины — нет нормальных учебников на азербайджанском языке для вузов и невозможно устроиться на работу без знания русского языка. Информация — со слов самих студентов. Доходит до абсурда — в мединституте для студентов азсектора некоторые лекции читают на русском».

Bakinskiy Paren

«Когда была советская власть, она палкой заставляла всех учиться говорить по-русски и быть образованными людьми, у тех, кто не хотел этого делать, кто в то время был колхозником, скопилось обида, и сейчас они эту обиду выплескивают, будучи на коне».

Bahhir

«Цель реформы с насильственным внедрением азербайджанского и вытеснением русского ясна как свет божий — сделать еще более ограниченным наш забитый народ... У нас была возможность без напряжения выучить на уровне родного один иностранный язык, ее нас лишают. Каким образом люди должны мировую литературу читать, на азербайджанском? А кто переводить будет это (я в курсе этой госпрограммы массового перевода мировой литературы)? Люди, которые вчера наши универы с помощью бабок и дай-даев окончили? Темные времена грядут для народа, мы по уши завязли в этом болоте, а наши толстобрюхие политики-дилетанты, стоя на кочке, забивают нас своими подошвами все глубже».

valett

«На митинги, на мой взгляд, надо выходить с требованием введения русского как второго государственного языка, а не с теми лозунгами, с которыми выходят сегодня».

death181shadow

«Тут (на форуме) была одна гражданка, которая сказала, что по русскоязычным надо стрелять на поражение. Так вот, девушка, показывая себя с такой стороны, вы еще раз убеждаете всех в своей деградации... В любой стране к иностранным языкам относятся с уважением и даже проявляют интерес к традициям чужого народа, и я не понимаю, почему в наших людях настолько воспитан национализм».

«НЕ ЗАБЫТЬ ПОЗВОНИТЬ СЕСТРЕ!»

Ну а как «отложенная месть» бьет по русскому языку в сфере образования? С 1998 года в школах с азербайджанским языком обучения (так называемый азсектор) русский язык стал изучаться как иностранный, а с 2002-го — как факультативный предмет. По официальным данным,

примерно из 4,5 тысячи средних школ страны русский сектор обучения сохранился лишь в 335 школах, а в 21 школе преподавание ведется только на русском. Правда, недавно при поддержке Минобрнауки РФ был запущен пилотный проект по углубленному изучению русского языка в 50 школах: в первом — пятом классах там дают четыре урока русского в неделю.

Увы, далеко не во всех из упомянутых 335 школ учебный процесс в русском секторе находится на достойном уровне; а чисто «русских» школ в Азербайджане в последние годы вообще никто не видел.

По оценке директора Правозащитного центра Азербайджана Эльдара Зейналова, вытеснение русского языка из школьного образования за последние десять лет приобрело системный характер; в большинстве школ, после того как ему дали статус иностранного, «уволители сотни учителей русского языка». Русский язык оказался вытесненным из всех областей делопроизводства, и в этом легко убедиться, побывав в любой компании или организации. Например, в банках, в том числе с российским капиталом, внутренним регламентом запрещено выдавать клиентам депозитный договор на русском. Открываете депозитный счет, получаете договор на двух страницах, но только на азербайджанском. Просите перевод, а вам в ответ: «Нам не разрешают этого делать». То же самое в компаниях-провайдерах мобильной связи. Между прочим, сотрудники компании Azqtel, когда я там заключал договор (опять-таки только на азербайджанском), болтали между собой по-русски. А у девушки, которая оформляла договор, монитор был оклеен стикерами с надписями на русском типа «Не забыть позвонить сестре!».

В Баку постоянно проводятся разные конференции и круглые столы с международным участием. Синхронный перевод идет с английского языка на азербайджанский или наоборот. Но вот в перерыве в фойе чаще всего звучит русская речь! Удивило меня и посещение US-Azerbaijan Education Centre. Начал разговаривать с его сотрудниками по-английски, но те, узнав, что я из России, стали общаться по-русски... Оказывается, в этом центре, финансируемом правительством США, знание русского обязательно для всех сотрудников, особенно местных. То же самое в посольствах и представительствах международных организаций в Баку.

«ВАЖНЕЕ ЗНАНИЯ ЛЮБОГО ДРУГОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА»

Новый всплеск дискуссии в Азнете минувшим летом вызвало решение Минобразования республики сократить с 2011/12 учебного года преподавание русского языка в средних школах вдвое; теперь, начиная с пятого класса, учебным планом на «великий и могучий» будет отводиться лишь час в неделю. И хотя преподавателям дозволено проводить уроки русского языка на факультативной основе, большинство опрошенных агентством ANS PRESS директоров школ назвали такое решение неверным шагом. В итоге школьники вынуждены ходить к частным педагогам и платить за групповые занятия по 30 манатов (это свыше 1000 рублей) в месяц.

Ну а что говорят по этому поводу чиновники от образования? Заведующий отделом Минобразования Фарзали Гадиров уверяет СМИ, что спрос на русский язык невысок. «В советское время русский язык преподавался как отдельный предмет, как второй родной язык. Сейчас же он в ряду иностранных языков, два из которых может выбрать школа, так же как и английский, немецкий, арабский или какой-либо другой. Да, для преподавателей русского языка сейчас возникли определенные трудности. Мы рекомендуем школам преподавать русский язык в качестве иностранного. Родители для своих чад предпочитают английский. Мы не можем никого принудить», — рассуждает чиновник.

С Минобразования не согласны авторитетные педагоги. Председатель образовательного центра «XXI век», доктор филологических наук Этибар Алиев: «Сейчас затруднено из-

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКОВ

учение русского языка молодежью. Между тем на азербайджанском языке нет необходимой научной литературы. В вузах нет переводческих центров». А ведь в стране, сказал он журналистам, где в течение семидесяти лет 80 процентов литературы, научных работ и материалов было на русском, резкое сокращение учебных часов на русский язык уже сказывается негативно, создавая проблемы, например, в научной сфере.

Странность ситуации в том, что сегодня человек, ищущий приличную работу в Баку, может рассчитывать на успех, если: имеет высшее образование по специальности, обладает опытом работы и знает русский и английский языки. То есть спрос на «великий и могучий» остается высоким; уже не говоря о том, что для десятков тысяч азербайджанцев, выезжаю-

щих на заработки в Россию, русский язык вообще выступает в роли кормильца.

Тогда почему же русский «выдавливает»? Конечно, сюда вмешивается еще и политика. Апологеты пантюркизма считают, что те же «бакинцы» не вписываются в мегаобщность «один народ — два государства», которую, согласно официальному видению, образуют азербайджанцы и турки. Один чиновник влиятельного госучреждения прямо сказал мне, что русскоговорящих соотечественников он рассматривает как «пятую колонну». Такие воззрения подпитывает и официальная историо-

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКИЙ

графия, выставляющая Россию как источник главных бед Азербайджана — «раскола на север и юг страны и азербайджанского народа», «заселения азербайджанских земель армянами» и т. д.

В этой ситуации «бакинцы» вынуждены то и дело обороняться, доказывать, что они не меньшие патриоты Азербайджана, чем остальные. Вот что написал на интернет-форуме некий Октай Атахан: «Знание

и владение русским языком для нашей нации нужно как минимум на протяжении ближайших 100–150 лет. Русской нации глубоко наплевать, будете вы знать русский язык или нет, хотя со стратегической точки зрения для них было бы намного выгоднее, чтобы вы русский язык не знали и не изучали. Знание русского языка надо вам, и знание русского языка со всех точек зрения в отмеченные мною годы важнее знания любого другого иностранного языка. Не хотите изучать русский язык? Это ваши проблемы. Последние двадцать лет прекрасно показали, куда мы скатились в своем образова-

нии, культуре в результате политики выживания и геноцида русского языка».

По убеждению моих бакинских собеседников, до 90 процентов информации по целому ряду дисциплин азербайджанские ученые и преподаватели находят в литературе на русском языке. Но при этом число людей, хорошо владеющих русским, в стране неуклонно сокращается!

И вот здесь «азербайджанизация» образовательной сферы принимает порой гротескные формы. Знакомый профессор, завкафедрой в одном техническом университете Баку похвастался недавно, что написал за последние три года 14 учебников и монографий по своей специальности! На вопрос, как ему это удалось, профессор, учившийся в советское время в Москве, признался, что почти во всех случаях это была компиляция переведенных им же российских статей и монографий. «А как же авторские права?» — спрашиваю. «Так ведь в большинстве случаев, — объясняет, — мои книги проходят как пособия для внутреннего пользования, выпущенные ограниченным тиражом. То есть официально они как бы не издаются». И все это делается в рамках спущенной сверху установки на ускоренный выпуск «отечественных» учебников.

Тотальная «азербайджанизация» охватила и средние школы страны. По российским учебникам в них запрещено преподавать еще в 2007 году. В итоге спешно наладили производство «дженериков», которые значительно уступают по всем параметрам российским «оригиналам». Последние пока не запретили использовать в качестве учебных пособий, что настоящие учителя в русском секторе и делают.

Между тем в Азербайджане русский сектор средних школ генерирует абитуриентов, которые на вступительных экзаменах в вузы показывают результаты в среднем на порядок выше, чем абитуриенты азербайджанского сектора. А среди тех, кто поступает в российские вузы, их вообще абсолютное большинство.

«А ВЕДЬ ОНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО КОНЧИТСЯ!»

«Русский язык, — констатирует филолог Этибар Алиев, — является более удобным для повышения интеллектуальных способностей». Ему вторит писатель Натиг Расулзаде: «Мыслящие русскоязычные писатели, читатели, как правило, имеют более широкий кругозор, к сожалению, чем азербайджаноязычные». Причина, поясняет Расулзаде, очевидна: у русскоязычных гораздо больше возможностей в информационном плане, они имеют выход к неизмеримо более богатому российскому книжному рынку. Как результат, азербайджанские писатели, пишущие по-русски (братья Ибрагимбековы, Чингиз Абдуллаев, Расулзаде), находятся в несомненных лидерах. Но в Азербайджане это кому-то не нравится, в итоге лидеров с пьедестала хотят сместить. «Социальный заказ» на смещение наглядно проявился в мае 2011 года при определении победителей Национальной книжной премии. Так, Натигу Расулзаде, бесспорному лидеру онлайн-голосования, присудили — на двоих с кем-то еще — третью премию. От этой «половинки» маститый автор отказался. В знак протеста. По той же причине вышли из состава жюри Чингиз Абдуллаев, Рашад Меджид, Рабият Асланова.

...Не так давно прошел VII Бакинский международный фестиваль авторской песни. Кстати, спонсируемый не Россией, а министерствами культуры и молодежи и спорта республики. Высокие чиновники не явились, видимо, по соображениям политкорректности. Но все равно стало ясно, что «русское лобби» во власти еще держится. Фестиваль, в котором участвовали барды из России, Азербайджана, Германии, Белоруссии, Грузии, шел неделю. Азербайджан представил очень сильных исполнителей — Бакинский клуб авторской песни. Оказывается, еще не все из них перебрались в Москву. «Бакинцы» не уступали россиянам в глубине смыслов, во владении нюансами русского языка. Мне запомнился припев из песни замечательно бакинского барда Самира Раджабова:

И не уйти нам никуда,

Когда мы продали свои города.

И что тогда мы будем петь,

Когда кончится нефть?

Гитарная струна еще звенела, когда из зала послышалось: «А ведь она действительно кончится!»

«ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ, Я ЕЩЕ ПОНИМАЮ»

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Если Россия не будет расширять зону преподавания русского языка в СНГ и его гуманитарное влияние, то через пять-восемь лет до 70% молодого поколения Киргизии и Узбекистана, до 40% — Казахстана, до 35% — Армении, до 20% — Украины и до 90% — Грузии и Азербайджана знать русский язык не будут.

Этой зимой на отдыхе в горах Болгарии жалко было смотреть на туриста в куртке с надписью «Lietuva». Он безуспешно пытался объяснить что-то инструктору на английском, прикладывая свой sky pass к подъемнику и указывая, что тот не двигается с места. Инструктор, глянув на оборот sky pass, на английском же ответил, что пропуск просрочен. Литовец не понимал. Болгарин добродушно предложил: «Говорите по-русски, я еще понимаю». Надо было видеть, какой желчью налилось лицо туриста. Он отвернулся и зашагал в сторону ресторанички. Глядя ему вслед, я вспомнил, как в середине 90-х группе журналистов в Риге довелось участвовать в трехсторонних латвийско-российско-китайских переговорах. Прибалты сразу задали тон общения исключительно на английском языке. Но уже через несколько минут китайцы просили уточнить произношение одного слова за другим. Потом, не то не выдержав плохого английского латышей, не то иронизируя над собственным его знанием, вежливо заметили, что, «кажется, русский здесь знают лучше» и предложили вести переговоры на нем. Легкость, с которой прибалты перешли на русский, у китайцев вызвала аплодисменты. Однако 30-летнему литовцу образца 2009 года, оказавшемуся

в Болгарии, такая легкость уже не по плечу. У русского языка выход на уровень глобальных культур есть и сохраняется. Другое дело, что сфера разговорного владения «великим и могучим» повсюду, включая республики бывшего СССР, сужается. Между тем, как выяснили социологи Института Гэллага в России, все не так пессимистично. На смену временам 90-х, когда национальные элиты бывших союзных республик объявляли войну русскому языку, пришло понимание, что взаимодействие с мировой культурой невозможно без контакта с русской. «Исследование было поэтапным и растянулось на годы, поскольку у местных элит сохраняется настороженное или политизированное отношение к проблемам, связанным с изучением русского языка, — говорит Сергей Градировский, советник по исследованиям Института Гэллага в России. — Тем не менее итоги, пусть и разных лет, оказались оптимистичнее, чем принято считать. Стабильный интерес к русскому языку и достаточно высокая ориентированность на его изучение сохранились в большинстве постсоветских государств».

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Одним из парадоксов исследования стало то, что едва ли не самый низкий уровень интереса к русскому языку из всех

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

стран СНГ был зафиксирован на Украине. Там сумма ответов «очень важно» и «важно» на вопрос: «Насколько важно для детей вашей страны изучение русского языка?» — составила 76%. Правда, и данные самые поздние — 2008 года (в 2005-м — 88%). Частично, как полагают социологи, спад интереса к русскому языку связан с высоким

уровнем его знания, особенно в восточной и юго-восточной частях страны, культурно и исторически наиболее близких к России. Другая причина спада — государственный курс на отмежевание от русского языка как символа империи, лишившей украинскую элиту независимости. Такая установка украинских лидеров отражает настроения части общества. И хотя русская речь, например, в Киеве слышна всюду, она, скорее, дань разговорным и бытовым привычкам предыдущих поко-

НА ВОПРОС: «НАСКОЛЬКО ВАЖНО ДЛЯ ДЕТЕЙ ВАШЕЙ СТРАНЫ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА?» — «ВАЖНО» ОТВЕТИЛИ:

Украина	76%
Молдавия	39%
	(данные 2007 года)
Белоруссия	99%
Грузия	64%
Азербайджан	71%
Армения	94%
Туркмения	Опрос не проводился
Узбекистан	97%
	(данные 2006 года)
Таджикистан	98%
Киргизия	96%
Казахстан	91%

ИСТОЧНИК: GALLUP WORLD POLL, 2006–2008.

лений. По данным Института Гэллапа, около 70% киевских школьников понимают русский, но говорят только на украинском; 22% — в состоянии самостоятельно оперировать русской речью; и лишь 8% — свободно владеют письменным и устным русским языком.

Закрывая русские школы, Министерство образования Украины предлагает перейти на изучение русского языка в форме тематических диалогов (коммуникативный метод). Полученных знаний, как полагают чиновники, хватит школьникам, которые пожелают натурализоваться в России, чтобы сдать установленный там для иностранцев экзамен. При этом речь идет и о переводе всего высшего образования востока Украины на государственный язык, что в этом регионе, мягко говоря, вызывает недовольство (см. «Ассимиляция посредством теста»). Хотя официально Киев заверяет, что «такой тенденции в Украине нет», а международные наблюдатели отмечают,

что четвертая часть всех украинских школ — это школы с разными языками преподавания, в том числе с русским. Фактически же речь идет о вытеснении русского языка из всех сфер жизни украинского общества, которое почти на две трети — русскоговорящее. Россия пока принимает эту тенденцию как данность. Хотя запас прочности, как показал опрос, на то, чтобы русскому языку вернуться на Украину, есть.

НА МЕСТЕ УЧАТ!

Узбекистан еще в начале 90-х перешел на латиницу, но в Ташкенте объявления на столбах и рекламных щитах до сих пор пишутся на кириллице — и по-узбекски, и по-русски. Эта промежуточность времени чувствуется и в Таджикистане. Там можно слышать, как в речь на фарси неожиданно вплетаются слова «трактор», «холодильник» или «парк». Сегодня наступило время удивляться таджикам. Фарси, заимствовавший в советский период много русских слов, снова возвращает былое влияние. «Читаю местную газету, и я, таджик, многих слов не понимаю, — жалуется журналист Дододжон Атовулло. — В обращение возвращаются слова, которые много лет не использовались. Люди недовольны. Читаем, говорят, и не можем понять».

Подобные проблемы переживают казахи, туркмены и киргизы. Вслед за Украиной там началась настоящая борьба с заимствованиями из иностранных языков и возвращение в обиход слов из родных языков, иногда — устаревших или попросту древних. Причем в СНГ не изобретают велосипед, а всего лишь снимают кальку со «старшего брата» — СССР. В Советском Союзе было время, когда в рамках борьбы с «иностранным влиянием» из русского языка пытались исключить прижившиеся слова и понятия. К примеру, из публикуемых материалов слово «шофер» вычеркивалось, его меняли на доморощенное «водитель». Или группу «Битлз» критики упорно называли «Жуки». Теперь сходные советы и рекомендации разрабатываются для титульных языков в странах СНГ. В Туркмении из употребления «выдавливают» «футбол», «волейбол», «фортельяно» и даже «автомобиль». На Украине, веками говорившей «город», рекомендовано писать «місто». Да и сама устоявшаяся формулировка «на Украине» обижает тамошних политиков. При случае они преподают россиянам русский язык и просят

говорить «правильно» — «в Украине», отменяя заодно и норму русского литературного языка. В Узбекистане все привычные и созвучные с остальными ведущими языками мира названия месяцев заменены на «титulyные понятия времен года на национальном языке».

Однако, как и в СССР, быстро выяснилось, что радикализм при обращении властей с языками опасен. И в СНГ медленно, но начинается переоценка националистического разгула политиков от филологии. Ведь пример перед глазами. 90-е годы для русского языка во многом стали преобразующими — он смог и продолжает переваривать лавину заимствований из иностранных языков. Она просачивается и в национальные языки СНГ, но не из первоисточника — из английского, а, видоизменившись, опять из русского языка. Так было со словами «суверенитет», «шоковая терапия», «мэр» в 90-е. Так происходит сегодня со словами «секвестр», «легитимный», «пиар». Поэтому постепенно филологи и лингвисты СНГ начинают формировать у своих политиков иное представление о русском языке. Он силен именно тем, что ассимилирует больше иностранных слов, чем принято считать. Например, многие русские слова — «арба», «арбуз», «диван» — тюркского происхождения. Греки подарили русским почти все слова на Ф, поскольку в славянском языке такой буквы до принятия христианства не было. «Метро», «вагон» достались от французов, немцы и голландцы обогатили русский язык техническими и военными терминами. И ничего, русский язык не растворился в других.

Как установили социологи Института Гэлапа, самый высокий интерес к русскому языку сегодня проявляют в Таджикистане (98%), Узбекистане (97%) и Киргизии (96%), что связано с абсолютной зависимостью домохозяйств этих стран от рынка труда в России. Но при этом именно в этих странах из всего СНГ люди хуже всего говорят на русском языке. После стран Балтии, где русский не преподается с начала 90-х, именно в Среднеазиатских странах самое большое число вообще не говорящих на русском — до 45%. И хотя интеллигенция Средней Азии традиционно старается посылать детей в русские школы, массовая тенденция иная. Поскольку в Среднеазиатских государствах до 60–75% населения живет в сельской местности, то погоду в преподавании русского языка делают сельские школы. Там он преподается или два

раза в неделю, или не преподается вообще из-за отсутствия кадров. Поэтому по-русски сельская молодежь и школьники почти не говорят. Если в махалля или в ауле Узбекистана школьник, увидев русского туриста, скажет на русском «Здравствуйте», то на вопрос: «Как тебя зовут?» — может ответить: «Ташкент — столица Узбекистана».

При этом в городские школы, где обучение ведется на русском языке, и в Узбекистане, и в Туркмении, и в Киргизии на каждое место претендуют от трех до десяти человек! Ведь и родители, и дети хорошо осведомлены о языковых сложностях, которые испытывают их родственники, работая в России. У сельских таджиков и узбеков проблемы начинаются уже на границе — они не могут заполнить даже миграционную карту.

И для России сегодня вопрос стоит четко: или она последовательно помогает обучению русскому языку, финансово и организационно вкладываясь в преподавание в странах проживания ее будущих гастарбайтеров, или имеет дело с такими работягами, как дворник одного из московских домов. Когда я его спросил, где он учил русский, он ответил: «Нигде».

— Но ведь неплохо разговариваешь, — удивляюсь. — Здесь учил?

— Чего его учить? — отвечает. — Земляки и менты на месте учат.

РЕСУРС ГУМАНИТАРНОГО ВЛИЯНИЯ

Как-то в Зугдиди — это запад Грузии — довелось попасть в городскую школу на урок русского. Его здесь преподают три раза в неделю, что-то вроде первого иностранного. Юный ученик получил задание написать на доске: «Я помню чудное мгновенье...» Но делал он это так, что русских букв в зашифрованной восточной вязи я не узнавал. Потом, когда учителя позвали в учительскую, где на «буржуйке» варился ароматный кофе, веселая и говорливая учительница Манана не унывала: «Не хотят учить русский. Все считают, что в Америку поедут, как будто географии не знают. Английский, правда, тоже не знают».

Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН, член Общественной палаты РФ. — В СНГ начинают понимать, что такой подход выгоден и для развития национальных систем образования. За последние 15 лет общий уровень образования в Грузии, например, явно понизился. В Узбекистане, наоборот, наблюдается положительная динамика. Эксперты

считают созданную там систему образования лучшей в СНГ. Расходы на образование в этой республике составляют около 8% от ВВП. Это больше, чем в России. Украина очень проигрывает при таком сравнении Казахстану. Немало молодых людей из Узбекистана и Казахстана направляются на учебу в вузы как западных стран, Турции, Китая, так и России. Престиж российских дипломов в большинстве стран СНГ высок». Однако, признает Тишков, Россия фактически почти не использует или использует мало ресурс гуманитарного влияния, данного ей своей культурой.

В Молдавии число тех, кто считает «важным» для себя учить русский язык, выросло с 27% в 2004 году до 39% в 2007-м. Здесь всегда была слышна русская речь. Но в последние годы еще произошла переоценка как взаимоотношений с Румынией, так и надежд, связанных с массовой эмиграцией на заработки в Европу. Дело в том, что Румыния, долгие годы игравшая с Кишиневом в интеграцию «одного братского народа», став членом ЕС, отгородилась от молдаван высоким «шенгенским» забором. И если трудовые ресурсы из Молдавии в Румынию еще просачиваются, то молдавским товарам туда путь заказан, что отразилось и на отношениях между этнически близкими соседями.

Как итог, отвечая на вопрос: «В какой стране вы имеете родственников и друзей, которые вам помогут, когда вы будете в этом нуждаться?» — 54% указали на Россию, 28% — на Италию, 16% — на Украину и только 5% — на Румынию. Хотя социологи прогнозируют, что в Молдавии ситуация будет меняться. Примерно как в странах Балтии (кстати, эти государства не разрешили Ин-

Но исследование социологов Гэллапа опровергает и пророчества грузинских учителей, и россиян, полагающих, что грузины стали хуже относиться к России. В Грузии число тех, кто убежден, что русский язык изучать «очень важно», увеличилось с 43% в 2005 году до 64% в 2008-м (исследование проводилось после конфликта в Южной Осетии. — *Прим. ред.*). Правда, есть ощутимая зависимость от России: доля работающих грузин в РФ среди тех, у кого кто-либо из родственников (иногда до 3–5 человек) работает за границей, — 49%. В Армении число работающих в России еще больше — до 75% семей (до 5–8 человек из одной фамилии-клана). Соответственно на важность изучения русского языка указывают 94% опрошенных. Но при этом лишь 3% (самый маленький показатель среди всех стран) армян — участников опроса выбрали русский для проведения анкетирования. Для сравнения: на Украине — почти 92%, в Казахстане — 54%, в Грузии — 20%, в Киргизии — 41%, в Узбекистане — 9%. Во многих странах Содружества в ходе опроса часто возникала ситуация, когда его участники не понимали сложных вопросов на титульном языке. Они просили повторить их на русском. Лидерство Украины и Казахстана по ответам «на русском» отражает в том числе факт, что в этих странах сохраняется высокая доля русского населения.

Когда-то интернациональный Баку по-прежнему охотно говорил по-русски. Правда, кириллицу в Азербайджане еще в начале 90-х заменили латиницей. И читать надписи в Баку — отдельное удовольствие, сопоставимое с походом на восточный базар. Кстати, на бакинских рынках и уличных рыночках, прилегающих к туристическому центру, по-прежнему пишут на кириллице — «чирэшня», «пэрсик», «яблук вкусны». Еще занятнее и поучительнее читать надписи, как неоновые, так и «самопальные», вдоль дорог и по периметру жилых кварталов — «Моука», «Balansirovka», «Svarka». В спальных районах Баку возникает стойкое ощущение, что самые востребованные профессии в городе — «tokar» и «slesar». Ими с указанием номеров телефонов исписаны остановки общественного транспорта, столбы и дома.

«Не везде и не ко всем, но постепенно в СНГ приходит понимание необходимости параллельного развития и использования как русского, так и собственного языка, — говорит Валерий

ституту Гэллага проводить у себя исследования. — *Прим. ред.*): там миграционные трудовые потоки переориентированы из России в престижные страны «старой» ЕС и Скандинавии. В связи с позаимствованной Кишиневом у прибалтов государственной политикой переориентации миграционных потоков из России в страны ЕС сфера как распространения, так и изучения русского языка в Молдавии будет сжиматься. И если Москва не станет финансировать изучение русского языка в этом регионе, то, по прогнозам социологов, уже через 10–15 лет он в Молдавии «сожмется», как шагреновая кожа.

ПРОБЛЕМА СТАТУСА

Несмотря на позитивные для русского языка итоги исследования Института Гэллага, многие филологи и лингвисты признают, что симпатия к «великому и могучему» и потребность на нем говорить в странах Содружества сохраняются за счет среднего поколения, выросшего в СССР. Молодежь демонстрирует другие привычки. Даже молодые люди наиболее зависящих от трудовой миграции стран — Таджикистана и Молдавии — по-русски говорят все меньше. А по прогнозам Института Гэллага, в этих странах каждый второй школьник, став взрослым, русский знать не будет. Для молдаван, имеющих выбор — или ЕС, или Россия, — это не беда. Для Таджикистана, где от каждого второго домохозяйства кто-либо работает в России (54%), — проблема будущего.

По прогнозам социологов Гэллага и филологов Института русского языка имени А.С. Пушкина, если со стороны России в странах СНГ не будет расширяться зона преподавания русского языка, то через пять-восемь лет до 70% молодого поколения Киргизии и Узбекистана, до 40% — Казахстана, до 35% — Армении, до 20% — Украины и до 90% — Грузии и Азербайджана знать русский язык не будут.

Все постсоветские годы Москва подчеркивала и продолжает настаивать на значимости русского как международного языка коммуникации и доверия, высокой литературы и мировой нау-

ки. Противники Москвы долго относили русский язык к разряду «имперского наследия» и рудимента, который отпадет по мере развития национальной независимости. И вот ситуация меняется. Не все, но большинство элит стран Содружества терпимо относятся к доминированию русского языка, поскольку понимают, что титульные языки развиваются крайне медленно и пока не справляются с рядом своих функций, в частности в области науки и технической терминологии. К тому же факт ориентации трудовых потоков СНГ на Россию вынуждает национальные элиты терпимее относиться к российскому гуманитарному влиянию. Так, статус русского языка определен только в половине стран СНГ. Самый высокий — в Белоруссии, где он стал вторым государственным. Высок статус русского языка в Киргизии — «официальный язык». Еще в четырех странах — Молдавии, Украине, Казахстане и Таджикистане — русский определен в качестве «языка межнационального общения».

Кстати, Казахстан — единственная (за исключением Белоруссии) страна, в которой президент часто произносит программную речь перед национальным парламентом на русском языке. В остальных странах Содружества и Балтии Россия, вопреки большой русской диаспоре или тяге к России Среднеазиатских республик, проблему статуса пока держит «про запас» политически целесообразных договоренностей и уступок, упуская время и целые поколения.

«Из общения только в трех странах — в Казахстане, Белоруссии и Армении, — делится впечатлениями Нелли Есипова, старший вице-президент Института Гэллага, — из опросов и бытовых разговоров с людьми складывается ощущение, что они к знанию русского языка относятся как к фактору, обеспечивающему конкурентоспособность нации на постсоветском пространстве вообще и в Евразии в частности. На мой взгляд, это низкий показатель конкурентоспособности России в мире и в СНГ в частности».

Итак, русский язык на просторах СНГ хотя и уступил по многим позициям другим языкам, но в целом устоял. Наконец-то его авторитет в массовом сознании соседей и бывших соотечественников связан не с политическим давлением, а с его достоинствами. Россиянам остается, не навязывая, но и не стесняясь, этими достоинствами пользоваться, продвигая русский язык и создавая тем самым вокруг себя дружественное окружение. ☞

«Я ТАК ДАВНО НЕ СЛЫШАЛ РУССКОЙ РЕЧИ»

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Когда в начале 2011 года Таджикистан обратился к России с просьбой прислать преподавателей русского языка, масштабы проблемы, как теперь признают эксперты Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества и филологи Российского университета дружбы народов, не были поняты сразу.

Сначала было принято решение к 1 сентября направить десант учителей из России. Но потом эксперты филологического факультета РУДН пришли к выводу о том, что таджикских преподавателей русского языка нужно научить новым методикам преподавания и... разговорному русскому языку. На один из таких мастер-классов, организованных РУДН, отправился специальный корреспондент «Русского мира.ru».

В Душанбе в перерыве одного из многочисленных мастер-классов для учителей русского языка национальных школ Таджикистана, устроенных профессурой РУДН, ко мне подошел учитель из Гиссарского района Мирзо-Акрам Саидов. И неуверенно спросил: «Можно с вами поговорить?» Явно стесняясь, добавил: «Я так давно не слышал русской речи». За ним подошли и две молодые учительницы. Их всех интересовало, что они знали или помнили о России: сколько сейчас стоят конфеты «Мишка косопалый»? Где в Москве продают самые недорогие «Жигули»? Или: «А правда, что за коммунальные услуги вы отдаете ползарплаты»? Но когда мы разговорились, ощущения того, что понимаем друг друга, не было. Что-то неуловимо улетучивалось. И это «что-то» подсказывало: дело вовсе не в густом, иногда непонятном, акценте собеседников. Наконец самая смелая, Адиба Хамитуллоева из Файзабада, робко попросила: «Вы не могли бы говорить медленнее? А то мы не успеваем понимать».

Так в кругу учителей русского языка из сельских школ пришлось осознать неприятную правоту социологов Международного исследовательского агентства «Евразийский монитор»: сфера разговорного владения русским языком в странах СНГ сужается. Настолько, что молодое поколение этих стран не понимает по-русски, а если еще и понимает и даже преподает русский язык в школах, то уже не говорит. «Не с кем», — жалуется Адиба Хамитуллоева. «Нет языковой среды», — констатируют социологи. Вот с нее, языковой среды, носителями которой в Таджикистане перестали быть даже учителя русского языка, и решили начать организаторы мастер-классов.

РУССКИЙ РАЗГОВОРНЫЙ ИЛИ «СТРОИТЕЛЬНЫЙ»?

— Идея простая, — объясняет Владимир Синячкин, заведующий кафедрой русского языка и литературы ИИЯ РУДН, — как для студентов-иностранцев РУДН создать языковую среду и внутри нее учить сначала не письменному, а именно разговорному языку. Ведь проблема Таджикистана и почти всех республик Средней Азии в том, что они русскому языку учат детей еще по советским методикам. То есть как родному языку, но не три-пять раз в неделю, как в СССР, а один. И таким образом, они выпадают не только из современных методик преподавания иностранных языков, но и из тренда века — межнационального общения. Оно в Средней Азии попало в прокрустово ложе: без русского языка не приживается, а среды для общения на русском или уже нет, как в селах, или оно сжимается, как в городах.

Хотя на первый взгляд с Владимиром Синячкиным трудно согласиться: в Душанбе всюду слышна русская речь. Более того, по данным «Евразийского монитора», третий год после 20-летнего мощнейшего оттока русских из Таджикистана теперь они возвращаются в страну. Пусть и не массово, но тенденция есть.

— Столица все-таки не показатель, — возражает Адиба Хамитуллоева. — В районах, даже в городах, например в Файзабаде, многие школьники и даже выпускники вузов не могут не только говорить по-русски, но даже читать. Я знаю, что многие из школьников завтра поедут на заработки в Россию, поэтому

не раз просила их: «Напиши автобиографию на русском». Не могут! Понимаете, проблема обострилась настолько, что молодежь не умеет не только говорить, но и читать и писать на русском языке.

Как считает молодой педагог, иначе и быть не может: русские от них уехали, а язык преподается всего раз в неделю. К тому же не последнюю негативную роль играет то обстоятельство, что снижается качество преподавания русского языка в национальных школах. Квалифицированных кадров не просто не хватает. Когда Адиба Хамитуллоева училась в педагогическом институте в Душанбе, в ее школе в Файзабаде русский язык вел учитель физкультуры. Он окончил институт физкультуры в Казахстане, в Алма-Ате, где все преподавание велось на русском, вот и решил директор школы, что такому педагогу прямая дорога в учителя русского языка. Однако такие «преподаватели», не владея методикой преподавания языка, как правило, идут по простому пути: требуют заучивать наизусть тексты на русском, а потом их пересказывать. Так в СССР нередко преподавали английский и немецкий языки. Ясно, что эти методики не только не соответствуют современным, но и отбивают желание что-либо изучать.

— Это еще ничего, — поддерживает разговор учитель из Гиссарского района Мирзо-Акрам Саидов. — У нас в соседнем кишлаке Кипчак русский язык в школе преподает парень, который года четыре проработал на стройке в Москве. Потом, когда его дети собираются на заработки в Россию, они ко мне едут — учиться заполнять миграционную карту. Как признают эксперты ФМС, каждый второй приезжий из Таджикистана не может заполнить миграционную карту, пересекая российскую границу.

КУРС НА РУССКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ

Ситуация стала настолько критичной, что граждане Таджикистана на рынке трудовых ресурсов СНГ из-за незнания языка межнационального общения становятся неквалифицированной рабочей силой. Проблема усугубляется тем, что таджики относятся к языковой группе фарси, поэтому их общение с соседями — тюркскими народами Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Туркмении — облегчается на одном понятном всем языке — русском. Но, выезжая на заработки как в Россию, так и в соседние страны и попадая в иную языковую среду, таджики, которым кажется, что они умеют бегло говорить по-русски, ничего или почти ничего не понимают.

— Чтобы переломить негативную тенденцию, — говорит Абдуджаббор Рахмонов, министр образования Таджикистана, — мы, во-первых, подняли статус русского языка до языка межнационального общения,

что закреплено нашей Конституцией. Потом, благодаря поддержке российского посольства сегодня во всех районах республики проводятся мастер-классы и семинары по повышению квалификации преподавателей русского языка. Нами издан обновленный «Русско-таджикский словарь». И мы ждем преподавателей русского языка из России. Приезд гостей, желающих передавать свои знания, всегда вдохновляет и педагогов, и желающих научиться говорить по-русски. Но я понимаю, приезд гостей и мастер-классы проблемы не решат. Я бы сформулировал так: опираясь на помощь и компетенцию российских преподавателей, нам надо растить свои квалифицированные кадры. Как признают и таджикские русисты, и филологи из России, задача номер один — обучить таджикских учителей русского языка современным методикам преподавания. За основу берется так называемая ассоциативная методика преподавания русского языка как иностранного. Чуть раньше она прошла относительно успешную обкатку в Казахстане. Ее смысл в том, чтобы научить говорить по-русски, отталкиваясь от общих составляющих в двух языках — русском и казахском. И вот на мастер-классе в Душанбе Владимир Синячкин дает таджикским русистам то же задание, что и несколько лет назад казахским: — По-русски степь — широкая, а по-казахски — великая. А по-таджикски как выражается отношение к земле?

В зале сначала повисает пауза. Потом рождаются варианты: — У нас вместо степей горы. Земли мало, поэтому если переводить на русский, то «хлеб или лепешка — корень». Или, как у вас говорят, «всему голова».

— Потом, у нас много русских слов в таджикском — «трактор», «холодильник», «аэропорт», «вокзал», «музей» — это уже таджикские слова.

Как полагает Татьяна Гусейнова, преподаватель Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ), влияние русской и российской культуры на таджикскую сопоставимо с влиянием британской культуры на индийскую. Она считает, что надо разобраться и грамотно использовать уникальную историко-культурную ситуацию. Поэтому, с ее точки зрения, задача мастер-классов по русскому языку — систематизировать как ассоциативный ряд, так и накопленный общий словарь русско-таджикских слов, с тем чтобы потом этот багаж использовать в преподавании русского языка. Частично это уже делается. Так, учебников по русскому языку не хватает в таджикских школах, правда, их в республике большинство. Русскоязычные школы дефицита в учебниках не испытывают, так как они обучаются на основе российских программ. И как итог — большинство родителей в Душанбе предпочитают, чтобы их дети учились не в национальных, а в русских школах, куда выстроилась жуткая очередь.

Чтобы решить эту проблему, ученые филологического факультета РТСУ закончили работу над составлением учебников русского языка для национальных школ. Это будет уже третья редакция. Обновленные учебники подготовлены и сданы в издательство. К началу нового, 2012/13 учебного года они поступят в национальные школы. А после мастер-классов, организованных РУДН, на их основе ожидается четвертая редакция учебников русского языка для национальных школ Таджикистана. По этим методикам, как планируется, и будут преподавать русский язык местные учителя, а также десант педагогов, ожидающийся в Таджикистане из России в течение 2012–2013 годов. Таким образом, ученые и педагоги стараются снизить другую намечающуюся проблему межнационального общения — проблему культурного контекста.

— Когда была одна страна, СССР, этот культурный контекст не был единым, но он был общим, — говорит Владимир Синячкин. — Сегодня, когда на русском общаются таджик и узбек или таджик и казах, где-то проявляется казахский, где-то киргизский или таджикский, а в целом — среднеазиатский культурный контекст. Русский контекст и культура постепенно уходят. Нет или почти нет у них вокруг ничего русского. Я спрашиваю у русских преподавателей русского языка в Таджикистане и Казахстане: «На базе какого менталитета вы говорите?» Они отвечают: «Конечно, во многом местного». Хотя русский у них родной.

Отрыв русского языка и культуры от менталитета народов Средней Азии аукается россиянам, в частности, в том, что сегодня уже в России появилось много русскоязычных мигрантов, особенно из Таджикистана и Азербайджана, которые не вписываются в российскую жизнь и культуру и не собираются этого делать.

Проблема культурного контекста в том, уверены ученые, что россияне не настаивают на интеграции приезжих, считая, что мигрантам это не надо. Однако опыт Великобритании и Франции показывает, что в этих странах тоже так думали и получили проблему не интегрированных диаспор, устраивающих погромы и поджоги. Вот и задумались власти и в России, и в странах СНГ о некой адаптационной ситуации для мигрантов. Как дома — языковой подготовительной, — так и в стране работы и, возможно, постоянного проживания.

СЕБЕ ПОДАРОК

Один из мастер-классов по русскому языку в Душанбе посетил министр образования Белоруссии Сергей Маскевич. Прибыл он к учителям в бодром расположении духа: накануне его приезда в Душанбе Минск открыл в Таджикистане сразу три филиала своих технических вузов, обеспечив их белорусскими кадрами. Преподавать они будут на русском языке.

— Вот какой подарок мы себе сделали, — пошутил Маскевич. — Кому подарок? — в тон отшутился сопровождавший его министр Абдуджаббор Рахмонов. И сам ответил: — Нам подарок. Дело в том, что это тот редкий случай, когда правы оба. Белоруссия, как Россия и Украина, переживающие демографический спад и тенденцию к уменьшению числа студентов, нашла современный способ трудоустройства своих научных кадров и применения технологий. А Таджикистан, где идет бум рождаемости на фоне оттока из страны и квалифицированной, и всякой рабочей силы, получил возможность подготовить высококлассных специалистов и закрепить их в родной экономике. — Это хороший старт, он нам нужен, — говорит Абдуджаббор Рахмонов. — Нашим правительством разработана государственная программа по развитию в Таджикистане русского языка. Наша задача — поднять статус русского языка и постепенно начать изучать его с детского сада.

Еще поэтому таджикский министр поблагодарил белорусов за открытие в Душанбе белорусских филиалов технических вузов, но признал, что это следующий, интенсивный этап сотрудничества, к которому республика массово не готова по причине незнания многими людьми русского языка.

Стратегия Таджикистана, как и большинства Среднеазиатских республик, пока иная — сначала овладение разговорным русским языком при помощи десанта преподавателей русского языка из России и местных русистов, потом поступление абитуриентов в Сетевой университет СНГ, а следующий этап — повсеместное открытие в своих республиках филиалов российских, украинских и белорусских вузов. Те уже объявили, что способны предоставить Средней Азии и Казахстану конкурентоспособные учебные программы и профессуру.

Осталась пока неподъемная «малость» — выучить русский язык. 🇷🇺

МОЛДАВСКИЕ ПАРАДОКСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

С русским языком в Молдавии происходят парадоксы. С одной стороны, сфера его употребления сужается год от года. С другой — число желающих его изучать, напротив, растет.

В процессе оптимизации закрываются в первую очередь русские школы; местные телеканалы выпускают все меньше передач для русскоговорящей аудитории; в парламенте еще весной был зарегистрирован законопроект о лингвистической политике, предполагающий отмену обучения на русском языке, запрет вести на нем делопроизводство в коммерческих фирмах и общественных организациях и вообще замену языка межнационального общения с русского на английский. Однако когда в этом году Кишинев подключился к всероссийской акции «Тотальный диктант», желающих испытать себя на ниве русской грамматики оказалось вдвое больше,

чем ожидалось. Так что сотрудникам Российского центра науки и культуры (РЦНК) пришлось спешно готовить дополнительные аудитории. В июне на завершающий очный тур Международной олимпиады по русскому языку, организованной Министерством образования и науки РФ и Центром международного образования МГУ имени М. В. Ломоносова, в Москву из Молдавии отправилась самая представительная команда — 12 человек. Двое — Мария Рэдукану, двенадцатиклассница из кишиневского лицея имени Мирче Элиаде, и десятиклассница Юлия Ильязова из столичного лицея имени Алеку Руссо — стали абсолютными победителями олимпиады, обогнав в знаниях 120 ее участников. Еще пятеро членов молдавской команды получили призовые места в разных номинациях. Хороший урожай призов Молдавия получает ежегодно. И год от года растет число людей, желающих изучать русский язык. Как, скажите, это вяжется с участием в последние годы попытками выдавить русский из всех сфер общественной жизни?

ОБ УЧИТЕЛЯХ, РОДИТЕЛЯХ И ДУХОВНОМ ГОЛОДЕ

По мнению профессора, доктора филологии Виктора Костецкого, в течение многих лет возглавлявшего Молдавское общество преподавателей русского языка и литературы, успехи молдавских школьников на международных олимпиадах обусловлены целым рядом факторов.

Первый — это то, что в Молдавии еще остались учителя, получившие образование в советских вузах. «Дело в том, что и вузовская система подготовки специалистов по русскому языку, и школьная система в советское время были дидактически выверены. Достаточно серьезно работал НИИ педагогики. Были серьезные исследования по сопоставительной лингвистике, что позволило и соответствующие минимумы — лингвистический, грамматический, прочие — подготовить, и учебники, и кадры. Часть этих кадров до сих пор в строю, они остаются приверженцами этой научно выверенной школы. Этим и объясняется пока еще хорошее качество преподавания русского языка, несмотря на то, что сегодня оно не всегда поддерживается необходимой для этого дидактической базой. То есть многое определяется профессиональной инициативой учителей», — считает Виктор Костецкий.

Второй фактор связан с тем, что в Молдавии много смешанных браков, которые объединяют людей разных этносов и в конечном счете поддерживают на семейном уровне статус русского как языка межнационального общения. Многие ученики молдавских гимназий, где русский изучается только с пятого по девятый класс всего по два часа в неделю, общаются на нем дома. К тому же многие родители поддерживают участие своих детей во всевозможных олимпиадах и конкурсах, даже если оно не финансируется организаторами (что в условиях тяжелого материального положения подавляющего большинства жителей страны очень важно).

«Попытки установить технократическую методику преподавания русского языка в Молдавии встречают сопротивле-

ние, — продолжает перечислять профессор Костецкий. — Все-таки народ, который здесь живет, привык смотреть на язык как на сферу духовной жизни. И вот этот духовный голод заставляет тянуться к русскому языку и прежде всего к высшей форме его проявления — к русской литературе и вообще к художественной литературе на русском языке. Любопытно, что многие ученики молдавских школ читают зарубежную классику в переводе на русский. Вот такая сложилась практика».

Периодика на русском, трансляция на территории Молдавии российских телеканалов (несмотря ни на что, подчеркивает профессор), Интернет, наконец, — все это способствует сохранению языка на территории Молдавии и его изучению. Плюс хорошая работа российского представительства. Многие культурные акции, в том числе и направленные на утверждение русского языка и русской культуры, инициируются Российским центром науки и культуры, например «Светлый автобус» — культурно-просветительский проект, который привозит книги, кинофильмы, спектакли в самые отдаленные уголки страны.

И еще, добавляет Виктор Костецкий: «Пусть об этом не кричат во весь голос, но все-таки люди, которые здесь живут, продолжают впитывать ценности нашего единого православного пространства. То, что русский язык — своеобразный символ этого пространства, то, что многие заповеди Божьи звучат на нашей земле — пусть и не так широко, как нам бы хотелось, — на русском языке, тоже способствует функционированию русской речи в Молдавии. И в этом духовно-нравственном вареве рождаются те, кто побеждает на олимпиадах».

«ВОТ ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ, ОН — В РУССКОЙ РЕЧИ»

Автор нескольких книг, поэт, прозаик, публицист Александра Юнко уверена, что в молдавской системе образования еще остались самоотверженные словесники, которые дают ребятам дополнительные знания «сверх крох, предусмотренных программой». Хорошие педагоги сохранились не только в столице: среди победителей международных олимпиад есть ученики гимназий и лицеев из других регионов Молдавии, в том числе из тех, где население говорит преимущественно

БОЛЬШАЯ ЛОЖКА ДЕГТЯ

С глобализацией и распространением Интернета русский язык в Молдавии оказался на такой же «границе нервного срыва», как и в самой России. «Ушли старые бессарабцы, носители чудного пласта старого, дореволюционного языка, который в самой России давно уж исчез. Сейчас нет его и у нас.

Наряду с языком русской интеллигенции — а это особая и не столь уж многочисленная группа — в Молдавии существует паразитический язык — убогий, арготизированный», — сетует Александра Юнко. Особенно это чувствуется в средствах массовой информации, говорит она: «Я делала несколько обзоров русских программ молдавского телевидения — и ужаснулась. Когда-то ТВ давало речевой образец, сейчас — и у нас — нет ни единообразия употребления топонимов, ни элементарной грамотности».

Уровень владения русским языком среди молодых специалистов очень сильно упал в последнее время, поддерживает коллегу журналист Светлана Деревщикова. Если раньше профессиональный уровень журналистики в Молдавии был традиционно высоким, то сейчас планка опустилась. «Да, в стране выходит много изданий на русском языке, но мало где сохранились литературные редакторы и даже корректоры. Я с ужасом наблюдаю, как во многих газетах и их интернет-версиях просто не вычитываются материалы, они пестрят подчас грубыми грамматическими ошибками», — рассказывает председатель Ассоциации русскоязычных журналистов Молдавии. Как объясняют редакторы газет и информационных агентств, сегодня самое главное — скорость. Нужно успеть выдать аудитории информацию раньше конкурента. А это не предполагает кропотливой работы, в том числе и над грамматическими ошибками.

И все-таки с этим нужно и можно бороться, говорит Светлана Деревщикова. Иначе скоро от хорошего русского языка останутся только воспоминания. «Мы лишимся опоры, защиты, самих себя в конце концов!» — уверена она. ❶

на молдавском. Несмотря на то, что в местных СМИ идет массированная атака на русский язык и «российскую оккупацию», многие родители, в том числе из молдоговорящих семей, хотят, чтобы их дети получали высшее образование именно в России. Понятно, что этот выбор требует от детей из таких семей колоссальных усилий, ведь многим приходится изучать русский как иностранный.

А желающих его знать все больше, утверждает преподаватель Марина Попова. К ней все чаще обращаются за помощью и молодые, и взрослые уже люди, успевшие обзавестись семьей и профессией. «Как правило, начинают учить язык из утилитарных соображений, — рассказывает она. — Кто-то собирается поступать в российский вуз, кому-то понравился телесериал — бывает и такое! — кто-то едет в Россию на заработки. И знаете, что происходит? Когда люди начинают читать периодику, художественную литературу на русском, они открывают для себя целый мир! Один из моих учеников, тридцатилетний уже человек, был поражен, узнав о пребывании Пушкина в Молдавии. Но еще большее впечатление произвела на него старая газетная статья о потребкооперации, из которой он узнал, что, оказывается, в советское время эта нищая сегодня страна была одной из самых богатых республик в СССР — то, о чем умалчивает проводимая сегодня пропаганда».

Успехи молдавских школьников на международных олимпиадах Марина Попова объясняет также языковой средой, которая сложилась в Молдавии. Здесь нет влияния других славянских языков, как на Украине, где родился суржик («близкородственные языки дают убойную смесь», — считает Марина). Здесь нет влияния российских диалектов. К тому же в послевоенные годы в Молдавию направляли специалистов для восстановления разрушенных городов и сел, организации промышленного производства, образования, здравоохранения. Научная, творческая интеллигенция говорила на русском языке, который сегодня сохранился у их внуков (кстати, он звучит несколько старомодно для жителей крупных российских городов). Но, сетует Попова, в олимпиадах участвуют единицы, а у подавляющего числа жителей страны уровень владения русским языком оставляет желать лучшего. И дело здесь не только в политике.

Наряду с языком русской интеллигенции — а это особая и не столь уж многочисленная группа — в Молдавии существует паразитический язык — убогий, арготизированный», — сетует Александра Юнко. Особенно это чувствуется в средствах массовой информации, говорит она: «Я делала несколько обзоров русских программ молдавского телевидения — и ужаснулась. Когда-то ТВ давало речевой образец, сейчас — и у нас — нет ни единообразия употребления топонимов, ни элементарной грамотности».

Уровень владения русским языком среди молодых специалистов очень сильно упал в последнее время, поддерживает коллегу журналист Светлана Деревщикова. Если раньше профессиональный уровень журналистики в Молдавии был традиционно высоким, то сейчас планка опустилась. «Да, в стране выходит много изданий на русском языке, но мало где сохранились литературные редакторы и даже корректоры. Я с ужасом наблюдаю, как во многих газетах и их интернет-версиях просто не вычитываются материалы, они пестрят подчас грубыми грамматическими ошибками», — рассказывает председатель Ассоциации русскоязычных журналистов Молдавии. Как объясняют редакторы газет и информационных агентств, сегодня самое главное — скорость. Нужно успеть выдать аудитории информацию раньше конкурента. А это не предполагает кропотливой работы, в том числе и над грамматическими ошибками.

И все-таки с этим нужно и можно бороться, говорит Светлана Деревщикова. Иначе скоро от хорошего русского языка останутся только воспоминания. «Мы лишимся опоры, защиты, самих себя в конце концов!» — уверена она. ❶

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

АННА ПЕЛЕГОВА

В Узбекистане пробуждается интерес к изучению русского языка. Чем вызвана эта тенденция?

Сколько ведется споров о том, есть ли будущее у русского языка на земле Узбекистана! Но длящаяся уже второе десятилетие дискуссия не мешает ему существовать в самых разных сферах. Не стоит забывать, что в стране проживают представители почти ста национальностей. Несмотря на то, что в законе «О государственном языке» у русского нет статуса государственного, хочется этого кому-либо или нет, он остается языком межнационального общения.

Большинство статей на тему дерусификации на постсоветском пространстве будто списаны одна с другой. Причем делятся на два типа. В одних поется погребальная песнь языку, другие, наоборот, искрятся переливами оптимизма. Не надо полностью верить ни тем, ни другим. Правда, как всегда, где-то посередине.

...Мы прощаемся с ученым-филологом, преподавателем университета на автобусной остановке, где и состоялось полуконспиративное randevu. Кстати, следует отметить, что все визави, которые согласились вести беседы на данную тему, сразу оговаривали условия анонимности. Так вот, этот седовласый акакал — из числа пессимистов. Когда я попросила его одним словом определить состояние русского языка в Узбекистане, он, не задумываясь, выпалил: «Агония». И, садясь в новенький

«исузу», ткнул пальцем в надпись на боковине. Там кириллицей, но с применением местной «транскрипции», сообщался маршрут: Сугдиёна (по-русски Согдиана) — Саттепа (Сартепо) и так далее. Я огляделась. Вокруг — буквенная сумятица! «Svadebni salon», «kapitalbank — надежные вклады», «dorihona, дорихона, аптека» — провизоры расстарались, выстроив столбцом сразу три варианта. Тяжко лицезреть подобную мешанину. Непросто и приехавшему сюда впервые сориентироваться в алфавитном ералаше, уяснить, какой же язык тут правит бал. Но большинство местных жителей терпимо относятся к лексическому смешению на ярлыках, табличках, ценниках и вывесках. Главное, каждый находит нужное и понимает, куда ему зайти за необходимым.

В этой неразберихе становится ясно, как пострадал государственный язык, пытавшийся перейти на латинскую графику. Кириллица не сдала своих позиций, зато выросло целое поколение, с первого класса изучающее грамоту латинской графикой. Похоже, именно им следует сочувствовать. В подтверждение приведу переписку, выловленную в Интернете на бизнес-форуме Узбекистана. Некто по имени Дильшод сетует по поводу удаления сообщений на латинице: «Пачиму правила форума пративаречат Закону РУз О языке?» — вопрошает он. Администрация и блогеры пытаются объяснить юноше, что таковы условия, которые он принял при регистрации. Но парень не успокаивается: «...участники форума малодые кто учился на латине... в кишлаке люди забыли кирилу...» На горестный вопрос о том, что, выходит, ему не место на форуме, прозвучал замечательный ответ от персоны, именуемой себя Радиоголова: «Тому, кто не умеет грамотно излагать свои мысли, вообще нет

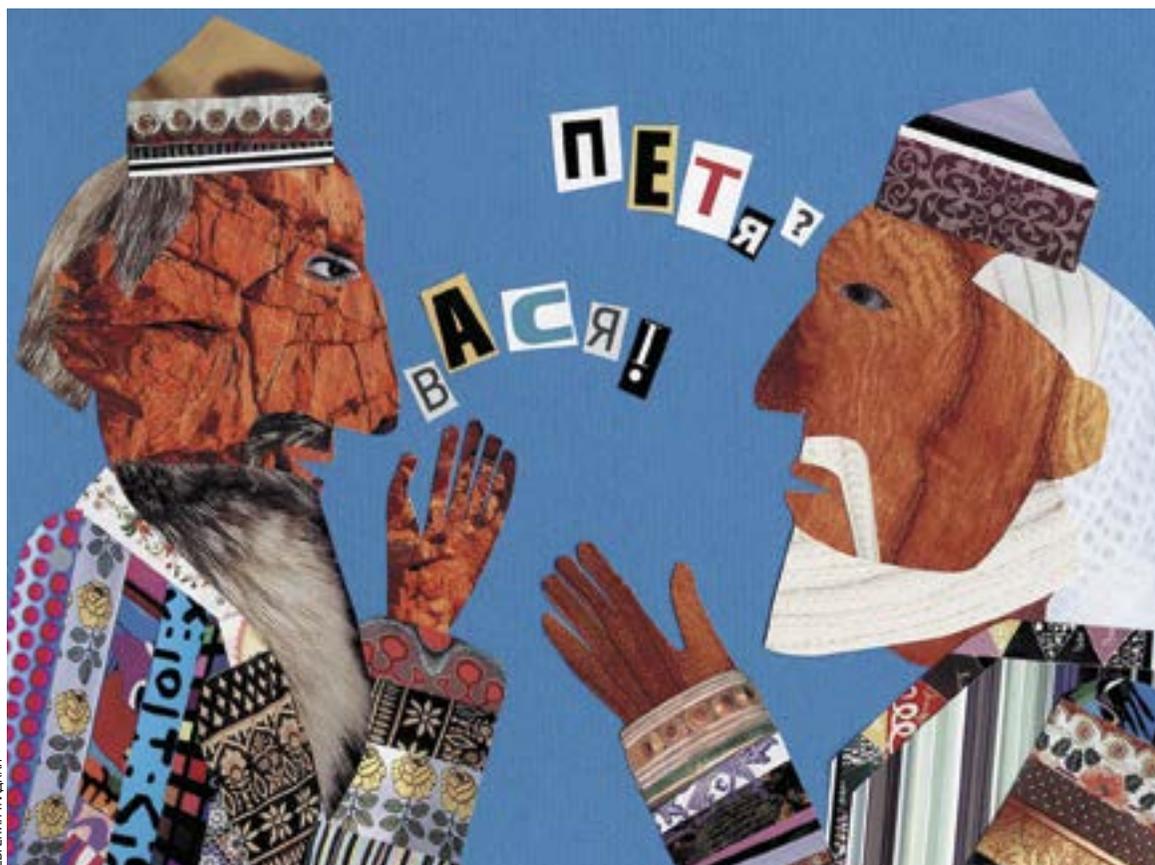
нигде места». Еще один блогер: «Это русскоязычный форум, ищи другие страницы. Узбекистан — многонациональная страна. Допустим, корейцу не придет в голову требовать здесь общения на корейском». Ехидный оппонент подкалывает: «На узбекских деньгах вообще-то написано кириллицей, как ты в них разбираешься?!» А особа, скрывающаяся под ником odetta, как тре-

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

зала: «Каждый заинтересованный родитель сегодня должен побеспокоиться, чтобы его чадо знало кириллицу и латиницу». Нашлись и сочувствующие: «Мои двоюродные братья в 90-х учились на латине. Теперь не понимают буквы ю, ё, ь, щ, й. И на компе у них кириллица не установлена. Что им делать?» Вопрос вопросов. Тем не менее сердобольная русская диаспора переживает. Пенсионер — преподаватель технического вуза, не потерявший связи со своим коллективом, сокрушается: как станут растить специалистов? Специализированная литература из-

дана на кириллице. Не говоря уже о фундаментальных исследованиях, монографиях, диссертациях — как русскоязычных авторов, так и интеллектуальная собственность представителей титульной нации. Где, кто и когда обеспечит перевод? В одном из областных центров собрали на заседание горькихимята (совета) бизнесменов средней руки. Руководство настаивало, чтобы вывески на магазинах, кафе и ресторанах были на узбекском, исполненном латинской графикой. Но предприниматель, поведавший эту историю, категорически отказался. «Мне, — говорит, — все равно на каком, лишь бы прочитали и зашли! А для иностранца недоступно, что «хамом» на кириллице, что «хамом» на латинице. Лучше уж останется просто «баня»...».

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

Да, намудрили с латиницей дальше некуда. Учебников для всех ступеней образования не хватает, пресса узбекоязычная — и та на кириллице. Документы, указы спускают в организации на ней же. Что дальше? А дальше — всплеск тяги к русскому. С кем ни поговори из ответственных работников системы образования, удивляются неожиданной переоценке значимости русского языка в последние пару лет. Отдавая ребенка в сад или школу, родители настаивают на русском языке обучения. И ведь не только русскоязычная родительская братия об этом печется. Какая уж тут агония?

ВСЕ НА КУРСЫ!

Конечно, кое-кто предпочитает европейские, а то и американские науки, отправляя своих чад за грамотой в дальнее зарубежье. Но богатых в стране не так много. К тому же мальчики и девочки из привилегированных семей, вернувшись в отчий дом, вынуждены выбирать из прежнего языкового меню. Английский в республике востребован... своеобразно. Ходить на платные курсы и к частным педагогам

модно, престижно. Но в повседневности «гость» из Туманного Альбиона применяется весьма скупо. Еще в начале тысячелетия группа ташкентских, бухарских, самаркандских ученых, что называется, по велению сердца, провела анкетирование в своих городах. Через несколько лет опрос повторили. Ситуация изменилась не сильно.

Разве что к моменту последнего анализа более склонилась в пользу русского. В профессиональной деятельности английским пользуются не более 1 процента респондентов, прессу на нем читают 0,3 процента. Из анкет следовало: в качестве коммуникативного внутрирегионального средства английский употребляют 0,2 процента, тогда как русский — 96 процентов!

При Самаркандском русском культурном центре с марта 2010 года функционируют курсы русского языка. Желающих — хоть отбавляй. Планировали набрать две группы, но, похоже, придется открывать третью. Основной состав «курсантов» — молодые люди. Ориф родом из далекого Ургутского района, сейчас учится на физфаке СамГУ. На уроки русского юноша спешит после занятий два раза в неделю, как сам признается, с удовольствием. В университетской библиотеке увидел несколько книг, необходимых для учебы, а вот навыков чтения, увы, не хватило. Да и в общении с «городскими» сокурсниками, которые смотрят кабельное телевидение, ходят в театр, на концерты, обсуждают новости, несколько скован. Жалеет, что небрежно относился к предмету в школьные годы. Вот и решил не жалеть времени на освоение языка, способного помочь расширить кругозор. А вот Саид уже оканчивает Институт экономики и сервиса. Уверен, что для будущей профессии основательное знание русского просто необходимо. К тому же выпускник надеется поехать работать в Россию и, если повезет, там продолжить образование. Медсестре по имени Марджона русский необходим для того, чтобы понимать пациентов, среди которых так много пожилых. Девушке особо жаль бабушек, взрослые дети которых давно перебрались в Россию в поисках лучшей доли... А вот Бишофат не чувствовала проблем, вполне обходясь без русской грамматики до тех пор, пока у дочери-школьницы не начались проблемы с этим предметом. Подсказать, проверить домашнее задание мама не могла. Записались на курсы вместе.

Среди посещающих курсы русского есть и потенциальные претенденты на гражданство России. Ведь теперь предстоит сдавать экзамен...

Такой всеобщий проходит во многих городах Узбекистана, есть такие весточки, например, из Термеза. А вот подписчики газет «Андижаном» и «Андижанская правда» с января получают приложение на русском языке. Более того, русская речь чаще звучит и на местном радио. Публикуются в прессе и передаются в эфир не только новости, очерки о замечательных делах и людях, идет информация об истории России, о культуре речи, об этике поведения. Житель Каратюпинского района пишет в областную редакцию с благодарностью: «Русскую литературу и поэзию невозможно не любить... Сегодня почти каждый сельский житель хочет приблизиться к русской речи. Мне искренне жаль не открывших ее для себя...»

Оба вышеупомянутых проекта заработали в республике благодаря поддержке РФ. К осуществлению андижанского подключился непосредственно фонд «Русский мир». А представительство Россотрудничества регулярно передает в помощь педагогам-русистам учебники и методические разработки, которые, по свидетельству преподавателей, являются хорошим подспорьем. Ведь изданные здесь книги по данному предмету не совсем устраивают учителей. Высказываются претензии к содержанию, наличию элементарных грамматических и стилистических ошибок и даже к внешнему облику — так, брошюры.

ШКОЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

На уроках литературы дети в «русских» классах наряду с русскими писателями проходят творчество узбекских в русском переводе. А сокращение отведенных на изучение материала часов сказывается не лучшим образом на знаниях учащихся. Более того, русская литература оказывается как бы оторванной от истории государства российского. Времени на родной для русских детей язык отведено в расписании уроков на пару часов меньше, чем в российских образовательных учреждениях. Отсюда — явная «хромота» на деепричастные обороты, пунктуацию...

Русский язык в классах с узбекским языком обучения имеет статус иностранного. Уроки два раза в неделю, особенно в глубинке, где зачастую сами учителя слабо знают предмет. В библиотеке одного из областных институтов повышения квалификации и переподготовки педагогических работников проштудировала ряд учебников. Из них ребенок мало что узнает о такой стране, как Россия. Тексты чаще посвящены родной тематике, национальным праздникам. Возможно, так легче усваивать чужой язык. Но, насколько помню, с тем же английским в школьные годы мы знакомились, встречая на страницах Пита, Мэри, Ника, Биг-Бен, Лондон, Темзу и Тауэр. А тут чаще Нигоры и Джамшеды рассказывают про Навруз, государственную символику, климат региона.

В учебнике русского языка для узбекской школы (4-й класс) упражнение 307, подразумевающее изучение счета, утверждает, что семья 12-летнего мальчика (естественно, с узбекским именем) состоит из 9 человек: бабушки 82 годков от роду, 78-летней бабушки, мамы и папы, которым соответственно 43 и 46, 20-летнего брата и 16-летней сестры. Сколько ни загибала пальцы, численность семейства не превышала цифры 8. Здесь же, на странице 105, едва не всплакнула над стишком (пунктуация сохранена):

«Серенькая тучка, злишься целый день

Ты все плачешь, плачешь

И тебе не лень

Мой цветочек маленький,

Он промок насквозь.

Ведь погибнет ландыш

Жалко мне до слез».

В другом учебнике, больше напоминающем брошюру, на глаза попался кроссворд. Цитирую ответы в клеточках, вписанные рукой какого-то преподавателя: «кастюм», «памудори», «юпка». Готовя себе шпаргалку, этот ас от педагогики продемонстрировал не просто безграмотность, он вызвал испуг: чему же и как научит? В книжке за 3-й класс к загадке «Что за комната такая? Очень светлая, большая. Парты ровными рядами, а за партами — мы сами» тоже накарябана

разгадка: «Пинал»(!) Вот и вспомнишь анонимного доцента, сокрушающегося о предстоящей участи и судьбе дела, которому отдана его жизнь: «На первый курс приходят люди, слабо владеющие языком. И вместо того, чтобы давать академические знания, мы должны тратить время на азы!»

Но ведь хорошо, что все же приходят, все же идут штурмовать русскую филологию. Грустно, конечно, что утрачена знаменитая некогда лингвистическая школа, прижившаяся в Узбекистане со времен Великой Отечественной

(кстати, здесь это понятие забытое, принято говорить и писать «Вторая мировая»). В Самаркандском госуниверситете читал лекции, воспитал плеяду ученых близкий Брюсову человек — Яков Зунделович. Георгий Поливанов — имя также известное в филологических кругах.

Зато грант «Русского мира» выиграла не только андижанские журналисты, но и Узбекская академия меднаук, самаркандцы под этой эгидой завершают книгу, где восстанут из небытия славные русские фамилии, приумножившие в свое время славу Туркестана. И Год Чехова стартовал нынче вполне достойно — вечерами в колледжах, театральных премьерами, выставками в ресурсных центрах, в которые теперь переименованы библиотеки. Продолжаются традиционные Виноградовские чтения. Правда, таят обиду на периферии: в качестве приглашенных все больше представители столицы. Но тут, скорее, сказываются финансовые трудности. Зато работают филиалы российских вузов, зато некоторые узбекские студенты имеют возможность обучаться в России и еще стипендию им там приплачивают! Наши педагоги участвуют в Пушкинских конкурсах, занимают призовые места и ездят в Москву за наградами. Выходят на русском газеты, журналы, теле- и радиопередачи. Только вот почему-то русским, живущим здесь, не спокойно и волнительно, и едва ли не каждый из оставшихся мечтает об отъезде, о маленьком домике на российских просторах. И чтоб гражданство без хлопот. Не только и не столько в языке

дело. Вроде бы все терпимо, но душа ма-
ется. Наверное, от того, что даже и тут она
остается русской.

72 ЧАСА

...Звонит приятельница, переносит визит.
Вызывают ее в институт, где учится сын. Она
вся в тревоге: парень неглупый, но непосе-
да. Что натворил? Семья — мусульманская,
но, как тут говорят, европеизированная. Об-
щаются дома по-узбекски и по-русски, дети
ходили в русскую школу, на русском получа-
ют высшее образование. А вызвали родите-
лей в институт, как выяснилось, из-за того,
что половина группы первокурсников ис-
фака не владеет русским. Преподавателями
предъявлен ультиматум: нанимать репетито-
ров или неуспевающие не будут допущены
к экзаменам. Вопрос, как же они сдавали
вступительные тесты, к нам не относится...

Таких, как моя приятельница, здесь немало,
на наше счастье. Они, билингвы, невольно
помогают держаться русской речи на плаву.
С трибун звучат речи на государственном
языке, на нем ведутся совещания в хокими-
ятах и большинстве организаций, почти все
бланки в конторах и счета за коммунальные
услуги напечатаны на узбекском. А старшее
поколение до сих пор не стесняется исполь-
зовать когда-то придуманные себе имена.
Можно увидеть седобородого, в тубетейке
дядю Федю (Фурката или Фархода), побесе-
довать с говорливыми тетушками Раей (Раь-
но) и Машей (Мафтуной), выпить зеленого
чая с уважаемым Аликом-бобо (Алиаскаром
либо Алишером). Старая смена с удоволь-
ствием поддерживает беседу на русском,
блистая порой изысканными оборотами.
Если попадешь в кишлак, надежда — только
на старшее поколение. Кто еще поможет
отыскать нужный адрес, объяснив на русском,
куда и как пройти? Молодежь из глубинки
нередко и двух слов по-русски свя-
зать не может. Обижаться ни к чему: другие
времена, другое государство, другие
принципы.

Почему-то вспомнила своего знакомого,
ярого когда-то «бирликовца» (члена давно
запрещенной в стране партии). В кон-

це 80-х Сухроб-ака мечтал о двух вещах. Во-первых,
чтобы вслед за Москвой не переводили два-
жды в год стрелки часов. А во-вторых,
чтобы дворничих-узбечек заменили на ули-
цах русские женщины. Последнее особенно
его вдохновляло на эмоциональную риторику.
Дескать, почему это наши мусульманки
должны асфальт подметать, это на своей-
то родине! А ваши русские, куда ни глянь,
то учителя, то врачи... Доказывать, что
мы для этого учились, сутками зубрили,
готовясь к зачетам, а они — в 16 лет заму-
ж, потом куча детей и никакой профес-
сии — было бесполезно. Сегодня можно
констатировать: идеи бывшего знакомого
победили только в части часов. Метлами
машут по-прежнему чернобровые пери
средних лет в ярких атласных платьях.
Правда, некоторые обладательницы ин-
ститутских дипломов славянского обли-
чья пошли-таки в репетиторы и няни, а то
и в домработницы в состоятельные «вос-
точные» семьи. Но обладателей «зеле-
ных» паспортов на тех же должностях,
а еще в числе лифтеров, консьержек и
уборщиков российских дворов, все равно
больше. Тут виной дефект не националь-
ной принадлежности, а финансовая не-
состоятельность отдельных граждан и
государства в целом.

Не правы те, кто пишет, что в Узбекистане
нет русских школ. Есть и классы, и школы.
Меньше, чем раньше, но более 700. В кол-
леджах, лицеях, вузах продолжается обу-
чение в русских группах. На факультетах
и отделениях с государственным языком
обучения русский — обязательный пред-
мет. Только вот отведено на него всего 72
часа.

Но стоит, думаю, тревожиться не о коли-
честве, а о качестве. Учителя русского
языка редко являются его носителями.
Впрочем, английский, немецкий, фран-
цузский тоже преподают не представи-
тели этих национальностей. Проблема,
видимо, в том, что к получению специ-
альности преподаватели иностранных
языков в студенчестве относились по-
разному. Различна и мотивация изу-
чения языков нынешней юной поросль-
ю. Как там у классика: кто-то любит
арбуз, а кто-то — свиной хрящик. В
современной интерпретации: кому-то
Йельский университет или хотя бы
гринкарта, а для кого-то предел меч-
таний — торговля курами гриль в
Выхино. У всякого своя корысть. ¹⁰

СПОРНЫЕ БУКВЫ

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Как переход на латиницу в Казахстане и возвращение арабской вязи в Таджикистане отразятся на статусе русского языка в Средней Азии.

На сообщение о том, что Казахстан переходит с кириллицы на латиницу, обычно строгий и предельно политкорректный глава МИД России Сергей Лавров отреагировал с юмором. Вопрос о причинах смены шрифта был задан министру иностранных дел Казахстана Ерлану Идрисову на научной конференции в МГУ. Министр стал объяснять, что процесс этот будет происходить плавно и растянется с 2014 до 2025 года. Сидевший рядом с ним с непроницаемым лицом Лавров неожиданно сказал то, что привело всех в замешательство:

— По моей информации, не так давно в недрах МГУ тоже начала разрабатываться идея перевода русского языка на латиницу. — Лавров выдержал мхатовскую паузу, во время которой зал замер. — Но хочу предупредить, что мы русский язык не отдадим в латиницу хотя бы потому, что там нет букв «ё» и «й».

Гул, прерывистый и нервный, как вздох двоечника, избежавшего вызова к доске, был ответом на шутку российского дипломата. Тем заметней оказалась «школьная» реакция Идрисова, который заговорил о том, что ожидаемый переход Казахстана на латинскую графику не стоит считать «элементом геополитики». «Ничего такого близко нет», — заверил он. Чем, кажется, добился обратного эффекта. В экспертном и международном сообществах все чаще ученые и политологи склоняются к тому, что вопрос графики не относится к разряду исключительно технических.

Так, переход Азербайджана и Узбекистана с кириллицы на латиницу в середине 90-х в один момент отправил народы

этих государств обучаться грамоте с нуля. Что до сих пор заставляет ликвидировать там безграмотность в сельских и отдаленных районах. Так же, особенно в Узбекистане, многократно сузилась сфера распространения русского языка, хотя по числу трудовых мигрантов узбеки в России вышли в лидеры среди стран Средней Азии.

И декларируемый переход Казахстана с кириллицы на латиницу, и возвращение арабской вязи в Таджикистан, и сужение законодательных прав русского языка в Киргизии неуклонно снижают его статус в Средней Азии.

ЛАТИНИЦА ИЛИ КИРИЛЛИЦА?

Хотя инициаторы новой языковой политики, вступая в Евразийский союз, декларируют обратное. Русский язык провозглашен в этих трех странах официальным или языком межнационального общения. Казахстан, как региональный лидер, взял курс на проект «Триединство языков». Его цель — всеобщее изучение казахского языка как государственного, русского — как языка межнационального общения, английского — как языка интеграции в глобальную экономику. И вот в рамках этого проекта наметилась трансформация. Впервые о переводе казахского языка с кириллицы на латинскую графику заявил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. В декабре 2012 года он объявил языковую реформу «возвращением к корням», хотя известно, что внутри казахстанского общества идет спор: насколько латиница укоренилась в национальной письменности и культуре?

— Шрифт казахский народ менял не один раз, — признает философ, академик Национальной академии наук Казахстана Жабай-

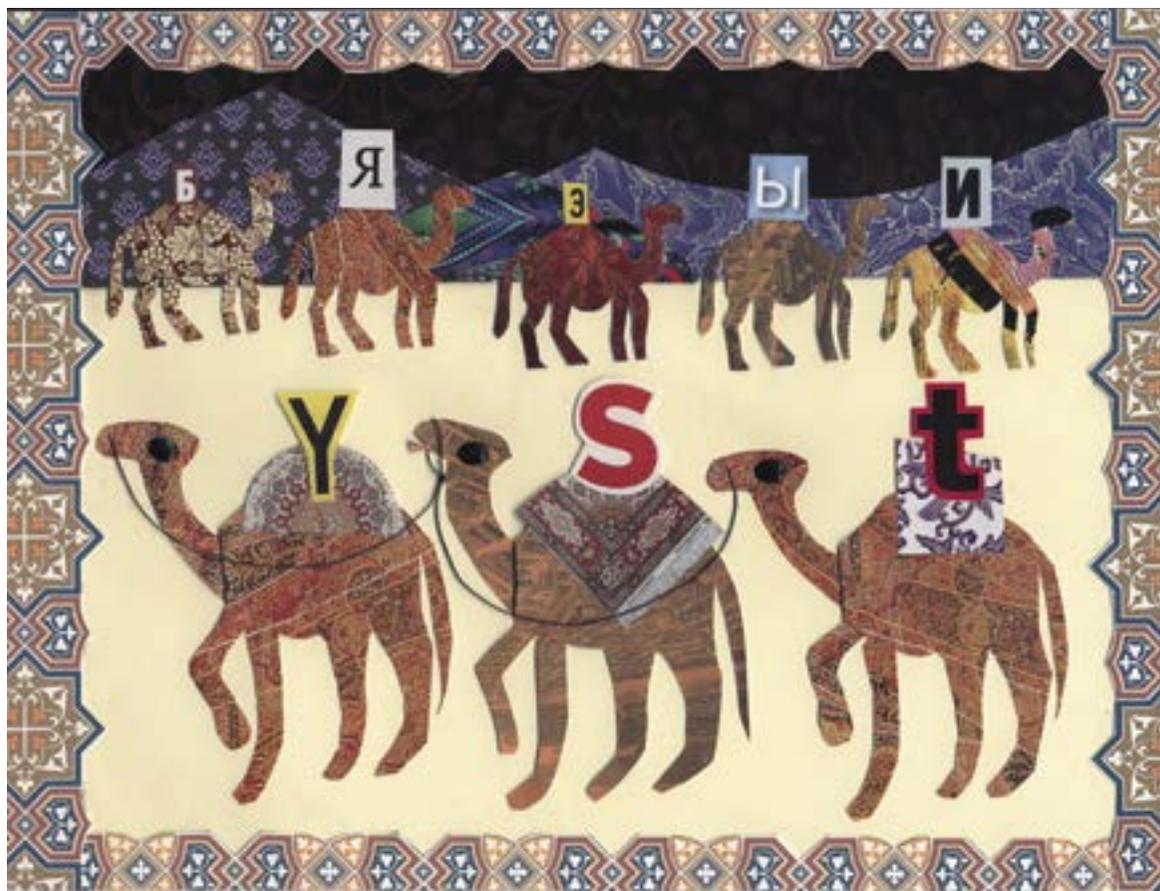
хан Абдильдин. — В XIX и XX веках мы несколько раз переходили с одной графики на другую. У нас был арабский алфавит, обновленный арабский, потом, с начала XX века и до 1940 года, латинский алфавит. Затем перешли на кириллицу. Скачки с одной графики на другую тяжело отражаются на национальном менталитете и культуре. Нелегко дается и предстоящая рефор-

ма. Однако она диктуется временем. Мир покрывает универсальность. Часть стран переводят обучение дисциплин естественно-научного и математического циклов на английский язык, чтобы получать информацию из первоисточников. Так поступают Китай, Южная Корея, Турция, часть стран ЕС. Латинский алфавит облегчает освоение иностранных языков, применение новых технологий. А кириллица способствует сохранению межнационального общения внутри СНГ.

Как считает Абдильдин, писавший послание народу о языковой реформе для президента Назарбаева, «переход на латинскую графику — это пофазовая работа, с четким планированием средств и возможностей, не терпящая поспешности». А дело это дорогое.

По данным Министерства образования и науки Казахстана, для перевода национальной письменности с кириллицы на латиницу потребуется около пятнадцати лет, при этом общие затраты на обучение населения страны оцениваются в 35,8 миллиарда тенге, или около 180 миллиардов рублей.

При этом казахстанский истеблишмент на всех уровнях — внутри страны, в СНГ и в общении с российскими политиками — уверяет, что русский язык останется в республике официальным, а латиница никак не отразится на сфере его изучения и распростра-

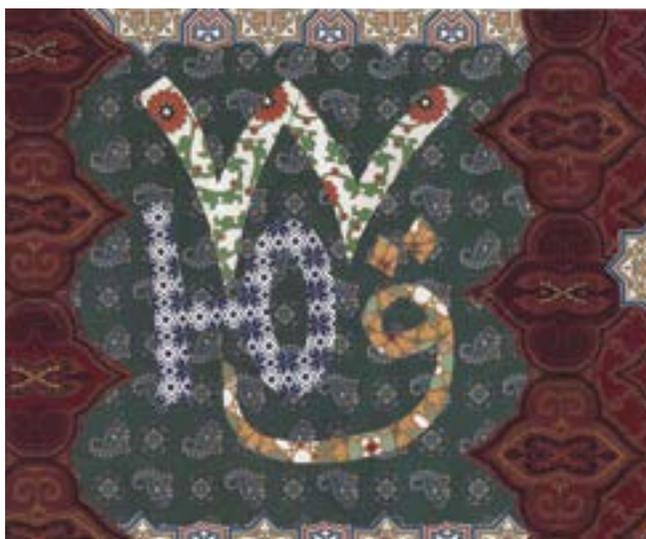

нения. Что лишь часть правды: русский язык изучают почти во всех казахстанских школах, но с 2020–2025 годов планируется, что вся документация страны будет вестись только на национальном языке, а на государственную службу людей, не владеющих им, уже не примут. И таким образом, русский язык постепенно перейдет в гуманитарную сферу, «пофазово» утратив официальный статус в пользу языка межнационального общения.

Неспешный темп введения латиницы Астана выбрала еще и потому, что в 1998–2003 годах уже потерпела неудачу с «казахстанизацией» — переводом на казахский язык всего делопроизводства. Оказалось, людей, в достаточной степени знающих казахский язык, даже среди этнических казахов мало. И вот, по мнению реформаторов, с переходом на латиницу казахский язык станет «динамичным носителем современной информации», да еще и в той же системе технических параметров, что и английский язык, и — это не менее важно — в близкой к казахам тюркской языковой группе народов (турки, узбеки, азербайджанцы).

Правда, противники повторного введения латинской графики замечают, что «ход конем» — быстрый переход на латинский шрифт Узбекистана, Азербайджана, Туркмении и Молдавии — не сделал эти страны успешнее. За исключением изолированной Туркмении все они остаются поставщиками своих граждан на российский рынок труда, а рынки и границы ЕС или США, несмотря на переход на латинскую графику, для них закрыты. Есть и культурный аспект в казахстанской полемике. Казахи веками, благодаря кириллице, приобщались к европейским ценностям, изучая через русский язык и культуру все те же английский, немецкий или французский языки.

— Теперь культурное заимствование из кириллических стран в Казахстане считают чем-то второсортным? — риторически вопрошает председатель славянского движения «Лад» в Казахстане Максим Крамаренко. — Тут дело, как мне кажется, в разном понимании природы Таможенного союза. Если российская сторона старается создать единое экономическое,

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

культурное и политическое пространство, не ущемляя суверенитетов, то Казахстан рассматривает ТС как способ заработать, расширив рынок. О более глубокой интеграции речи не идет. Этот прагматизм связан с национальной политикой, усилением позиций казахского языка.

— Как дипломат я признаю, что переход на латинский шрифт — это право страны, — говорит Армен Смбатян, исполнительный директор МФГС СНГ, — соседям разумно его уважать. А как современный человек, не могу не видеть, что 40 процентов казахстанцев — русские и русскоязычные. На латинице когда-то короткое время писали «верхи», а массовая грамотность казахов — заслуга кириллицы. Благодаря ей в Казахстане наступила всеобщая грамотность. А с переходом на латиницу меняются не только графические символы. Меняется система языкового мышления, а за ней и психология. Но русский язык в Казахстане функционален, и, надеюсь, его ужимать никто не собирается. В этом тоже есть логика. Как и в том, что сужение пространства русского языка вряд ли прибавит темпа интеграции в Европу. Ведь для большинства стран Содружества русский язык — это способ интеграции в мир.

вернуться к арабской вязи прозвучали в 2000-м из уст интеллигенции, когда к таджикам даже в горные аулы пришло радио Ирана, а затем массовая и религиозная литература на арабском языке. С 2005 года, когда начались переговоры меж-

ду Афганистаном, Ираном и Таджикистаном о создании единого телевизионного персонального канала, острота дискуссий перешла в социальные сети, на базары и улицы. Одни боятся прихода радикального ислама с «иранским телевизором», другие — отсутствия доступа к изучению русского языка, который нужен для работы в России 42 процентам трудоспособного населения республики. Историк Муллоджанов считает, что вопрос о таджикском алфавите излишне политизирован и мифологизирован. Все, с его точки зрения, гораздо жестче.

— Перейти на арабскую вязь в обозримом будущем невозможно, — считает Сайфулло Муллоджанов. — Вся научная и государственная база за последние семьдесят лет строилась на основе кириллицы. Только на издание учебников и подготовку учителей потребуются сотни миллионов долларов. У Таджикистана таких средств нет. Надеяться на внешнюю финансовую поддержку — это значит ставить под вопрос независимость. А от кого зависеть — вопрос выбора графики.

После официального заявления президента Таджикистана Эмомали Рахмона о том, что перехода на арабскую вязь не будет, страна взяла курс на языковую модель Армении и Грузии, которые в советские годы параллельно развивали две системы графических знаков — национальную и кириллицу. Душанбе тоже развивает кириллицу и арабскую вязь, но арабская графика — факультативна для изучения, что вызывает все большее недовольство части интеллигенции. В пример приводятся соседний Казахстан, где уже заработала госкомиссия по вопросу перехода на латинский шрифт, и Киргизия, где принимаются новые подзаконные акты, переводящие русский язык из статуса официального в статус языка межнационального общения. Весной 2013 года в Киргизии

Однако дискуссия в казахстанском обществе как раз и идет вокруг того, насколько русский язык и кириллица помогают или отдают молодое государство от глобализации. Один из аргументов сторонников латиницы таков: через стандартизацию шрифта легче консолидировать тюрк и вместе с ними влиться в глобальный мир. Оппоненты подобного подхода, наоборот, видят в изменении графики национального шрифта не только шаг в сторону от России, но и опосредованное влияние на соседей — Таджикистан, где набирает обороты идея перехода на персидско-арабскую вязь, и Киргизию, также принимающую подзаконные акты, урезающие права русского языка.

КИРИЛЛИЦА ИЛИ АРАБСКАЯ ВЯЗЬ?

В Таджикистане языковых реформ нет. Страна пишет на кириллице. И потому здесь острее, чем в Казахстане, идут научные и общественные дискуссии о том, стоит ли молодому государству отказаться от кириллицы и перейти на исторический для таджиков шрифт — арабскую вязь.

Историк Сайфулло Муллоджанов из Национальной академии наук РТ свободно говорит на родном языке, но вот научные труды пишет на русском.

— У меня таджикский язык советского времени, — объясняет он. — В быту нет проблем, а вот как принесут современный текст — с арабскими или религиозными терминами, с устаревшими таджикскими словами, я сажусь за словарь. Иногда родной перевозоу как иностранный.

Впрочем, с точки зрения ученого, проблема расширения влияния таджикского языка на культуру и менталитет таджиков за счет арабской культуры и языка — это закономерно. Ненормально то, как это делается.

— Мне трудно читать таджикские газеты, — признает Сайфулло Муллоджанов, — я понимаю далеко не всю телевизионную речь на таджикском. Иногда даже думаю: «А на моем ли языке идут новости?»

Интенсивность арабизации таджикского языка такова, что за ее темпами не успевают даже ученые. Таджикистан за последние сто лет дважды менял письменность. Первый раз в 1929 году, когда республика отказалась от арабской вязи в пользу латиницы. А в 1940 году таджики, как и казахи, перешли на кириллицу. И у них тоже всеобщая грамотность наступила с приходом кириллицы и русского языка. Первые призывы

вступил в силу указ президента Алмазбека Атанбаева, по которому все законы, включая нормативные акты местных органов власти, будут писаться на государственном (киргизском) языке. То есть русскоязычный гражданин — а в республике проживает около 70 национальностей, — не говорящий по-киргизски, фактически оказывается вне гражданского общества. — Принятый указ через три-пять лет может поставить точку в статусе русского языка как официального и используемого в качестве разговорного, — считает председатель Русского объединительного союза соотечественников Киргизии Александр Иванов. — Негласная многолетняя политика вытеснения русского языка из многих сфер жизни уже привела к тому, что на русском языке не говорят и не ведут делопроизводство в пяти из семи областей республики, за исключением Чуйской и Иссык-Кульской. Конечно, киргизский как государственный язык нуждается в особом развитии, но это не должно происходить за счет ограничения официального статуса русского языка. Русский и киргизский должны помогать друг другу и стране развиваться. Но, по сути, киргизский язык искусственно теснит русский.

Так, в Киргизии тоже набирает обороты языковая политика, старт которой дал Казахстан и подхватил Таджикистан. Поскольку в последнем меньше всего русскоговорящих, то ее плоды уже созрели. В Душанбе всюду слышна русская речь, что создает впечатление востребованности русского языка, но стоит за километр отъехать от столицы, попадаешь в другой мир — там никто не знает русского.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Итак, начавшийся переход Казахстана с кириллицы на латиницу, возвращение арабской вязи в Таджикистан и сужение прав русского языка в Киргизии постепенно снижают статус русского языка в Средней Азии. Одновременно меняется и природа общего духовного и культурного пространства создаваемого Евразийского союза. Причем настолько, что филологи и лингвисты заговорили о процессе потери русским языком статуса местного языка Средней Азии и его медленного сползания к статусу иностранного. Ведь в связи с отъездом не только русских, но и русскоязычных из азиатских стран СНГ русский язык сужает сферу разговорного применения, а новая языковая политика азиатских партнеров по СНГ постепенно выводит его

за рамки официального письма и документооборота.

— Это закономерно, что возрождается лексика классического таджикского или киргизского языков, а также религиозная лексика, — полагает заведующая сектором иранских языков Института языкознания РАН Елена Молчанова. — Ускоренный темп языковых перемен в Таджикистане, например раздражающий людей среднего и пожилого возраста, объясним. Это ответ на предыдущие годы русификации. Этот процесс замедлится. Он уже тормозится оппонентами перемен. Таджикская молодежь, например, смело внедряет в язык персидские и арабские неологизмы, а также новые русские слова, пришедшие в фарси и русский из английского языка в связи с глобализацией и интернетизацией. Другое дело — вопрос пропорций. И вот тут каждой из стран Средней Азии и Казахстану самим решать, как менять статус русского языка в их государствах. У каждой из республик он будет востребован в разной мере.

Ученые Института языкознания РАН полагают, что для азиатских стран СНГ, скорее всего, окажется полезен опыт языковой политики Китая и Южной Кореи. Там тоже в середине и в конце 90-х годов велись разговоры о возвращении национальной письменности к иероглифам. В итоге достигнут компромисс. В Корею на иероглифах пишет узкая группа специалистов-филологов. В Китае введен двойной стандарт высшего образования — на китайском (иероглифы) и английском языках. В азиатских странах СНГ роль английского или языка интеграции в мир веками выполнял русский язык. И теперь из среднеазиатских республик русский язык медленно уходит как местный и вынужден будет сменить статус — пока на первый и главный среди иностранных языков.

Но это при благоприятном развитии событий и продуманной языковой и гуманитарной политике России. Если этого не будет, русский язык просто уйдет из Средней Азии с последними русскими. 🇷🇺

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

После нескольких лет изгнания русского языка из преподавания в вузах и школах стран Содружества он снова туда возвращается. О том, почему это происходит, о болезни отрицания родины у диаспор, о первом и втором сорте преподавателей русского языка в интервью журналу «Русский мир.ru» рассказывает исполнительный директор Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества (МФГС) государств — участников СНГ Армен Смбатян.

— А рмен Багратович, МФС утверждает, что пространство русского языка в странах Содружества расширяется и на его основе создается общее культурное пространство, а социологи приводят пугающие цифры: в России, по разным данным, от 20 до 40 процентов трудовых мигрантов живут, не зная русского языка...

— Проблема, разумеется, есть. Но она не должна затенять благоприятную тенденцию — новый виток развития русского языка. После первых и трудных лет независимости в СНГ осознали, что русский язык им нужен. Как инструмент. Как доступный способ совместно освоиться в глобальном мире. Да, влияние русского языка снижалось в первые годы независимости в новых государствах. Теперь, когда эйфория национальной самодостаточности — не у всех, но у многих — постепенно отходит на второй-третий план, многие страны и народы начинают понимать, что им рынок русскоговорящего пространства нужен. Он дает выход в мир и заработки.

— Тогда почему в потоке трудовой миграции растет число тех, кто не говорит или почти не говорит по-русски?

— Откуда его будут знать трудовые мигранты, если русскоязычные, в том числе преподаватели, уехали или уезжают из их стран? Я недавно был в Узбекистане. В сельской школе под Ташкентом. Там русский язык преподает молодой парень, который выучил его на стройке под Москвой. Какому русскому языку он научит соотечественников? За годы первых лет независимости молодых государств утеряны кадры, отстала от времени структура преподавания.

— То есть новый тренд — страны СНГ обратились к России с просьбой о выделении им преподавателей русского языка — продиктован необходимостью заработков?

— Чем это плохо? В начале 90-х годов действительно была агрессия против русского языка, но не конкретно против него, просто это был эффект советского негативизма. Все плохое, что было связано с СССР, — дефицит, межнациональные конфликты, оккупация, как считали некоторые страны, — воспринималось через русский язык. Двадцать

с лишним лет спустя, когда улеглись страсти, началась переоценка ценностей. Эти годы Россия, конечно, хотела сохранить влияние русского языка на русскоговорящую аудиторию бывшего СССР. Не будем лукавить, это абсолютно нормальный способ влияния. Но инициатива, исходившая только от России, воспринималась как политика.

И лишь сейчас национальными элитами начинается мучительное осознание того, что русский язык — это не только политика и влияние, но и гораздо больше и большее — возможность донести информацию до соседей и шанс заработков, шанс давать качественное образование своим детям и просто способ общения.

— Почему не английский язык, ведь курс именно на его развитие взяли постсоветские страны?

— Практика показала, что все происходящее в мире — развитие наук, искусства и разных областей высоких технологий, — к сожалению, чтобы донести до стран Содружества, чтобы об этом знали и читали, надо все переводить на национальные языки. Что оценивается в несколько миллиардов долларов. Найти такое количество средств и кадров невозможно. Предположим, пришел на помощь английский язык. Им владеют мизерные 1–2 процента от численности нации. Но даже не все продвинутые ученые могут читать специальную литературу в своей области на английском, а изучать свое направление могут и вовсе единицы. Единственная доступная возможность — приобщаться к мировым научным, информационным и прочим основным тенденциям развития через русский язык. Из которого, кстати, в языки народов стран Содружества приходят научная и техническая терминология, просто слова нового века.

— Почему именно Таджикистан первым обратился с просьбой направить к ним русистов из России?

— Там тяжелее всего. Таджики должны общаться со своими соседями — киргизами,

узбеками, туркменами, которые принадлежат к тюркской группе языков, совершенно непохожих на фарси, на котором говорят таджики. На границе люди, которые торгуют картошкой или помидорами, не понимают друг друга. На английском они заговорят? На немецком? Вот и получается, что простой народ, если он не говорит по-русски, выпадает не только из информационного поля, но и из всякого развития.

— **Опять начнутся упреки в «имперскости» России и ее стремлении не мытьем, так катаньем подчинить независимые страны?**

— Умные люди осознали, что принципы соседства меняются на наших глазах. России выгодно, чтобы страны-соседи выкарабкались из бедности и встали на ноги. Ведь приятнее и выгоднее соседствовать и общаться с состоятельным партнером, чем с бедным.

— **То есть продвижение русского языка — это не политика, за которую россиянам уже приходилось сталкиваться с антирусскими настроениями в этих странах?**

— Продвижение русского языка — это и политика тоже. Это хорошо понимают все стороны процесса сближения, которым он взаимовыгоден. Только на этих началах возможно продвижение вперед. Это понимают все страны, и они задают только тот тон и настрой сближения, который бы их устраивал. Пока активно за дело взялся только Таджикистан. Но интерес выражают и другие. Узбекистан изучает ситуацию. У Киргизии есть интерес к преподавателям русского языка из России. Когда случилось землетрясение в Оше, МФГС вместе с гуманитарной помощью отправил туда несколько тысяч книг на русском языке. Не представляете, какой колоссальный интерес был не к теплым одеялам, палаткам — к книгам! Мать нашего сотрудника Сергея Алещенко, всю жизнь собиравшая серию книг «ЖЗЛ», свою библиотеку подарила Киргизии. Мне такое отношение русского человека к тем, кто хочет знать русскую культуру, показалось символичным.

— **На какие сроки и на каких условиях российские преподаватели едут преподавать русский язык?**

— МФГС — международная организация, поэтому вот так, напрямую, мы не формулируем задачи. Это предмет переговоров между странами, чему мы содействуем. У нас простая политика: мы стараемся быть полезными тогда, когда у стран есть предложения и инициатива сотрудничества исходит от них. В Таджикистане первая группа учителей работает год и готовится ко второму учебному году. Как долго продлится сотрудничество? Не знаю. Решение за таджикской стороной.

— **На ваш взгляд, насколько оправданно привлечение российских преподавателей в таджикские вузы и школы, если местным специалистам власти отказывают в трудоустройстве? Конкретная история. На личные средства служащая одного из отелей в Душанбе окончила факультет русского языка и литературы Самарского педагогического университета. Приехала в Душанбе, но с нее в одном из вузов запросили 1500 долларов за прием на работу (при том что у нее у самой не оплачен кредит в 35 тысяч рублей за учебу), в другом месте — 1000 долларов. Когда она сказала, что оплачивает российский кредит за учебу, ей ответили: «Вот и езжай в Россию». Зачем россиянам тратить свои педагогические кадры на иностранцев, если они не могут распоряжаться своими?**

— Если брать конкретные примеры, то негатива будет много. Но мы ищем и находим людей, мыслящих позитивно и смотрящих вперед. Желательно на несколько шагов вперед. В этих странах таких людей много. Важно их найти. Но в этих странах, как и на всем постсоветском пространстве, есть серьезная болезнь — коррупция. А в ее основе — плохая жизнь. Советская инерция в самом плохом смысле слова в этой области продолжается. Она наложилась на становление государственности и рыночных отношений у наших соседей. Мы испорченные люди: надеемся на то, что будущие поколения смогут перебороть коррупцию, но ее барьер преодолеть надо нам. Везде берут взятки, в том числе при устройстве на престижную работу. У кого-то получается обойти этот барьер, у кого-то — нет. Не к тому пошел, папа не смог договориться с директором школы или девушкой из богатой семьи, а в русской школе работать престиж-

ТИТУЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

На каком языке вы говорите в семье?

Страна	На русском	На титульном	На русском и титульном	Другое
Белоруссия	69%	7%	23%	1%
Казахстан	45%	37%	15%	3%
Латвия	36%	59%	5%	—
Украина	35%	43%	20%	2%
Эстония	30%	68%	2%	—
Молдавия	20%	66%	8%	6%
Киргизия	17%	60%	6%	17%
Таджикистан	15%	83%	2%	—
Узбекистан	14%	81%	4%	1%
Азербайджан	6%	81%	12%	1%
Литва	5%	87%	2%	6%
Армения	3%	91%	6%	—
Грузия	0,5%	88%	4%	7,5%
Туркмения	Опрос не проводился			

ИСТОЧНИК: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО «ЕВРАЗИЙСКИЙ МОНИТОР».

но, «за престиж» берут «налог». Или город маленький, все всех знают, директор не хочет деловых отношений именно с этим кланом-семьей. Обстоятельств — масса. Это цепочка, которая приводит к доминированию негативизма. Преодолеть его, как обществу в целом, так и отдельной личности, например девушке-таджичке, желающей преподавать русский язык, это как раз умение противостоять обстоятельствам, чем и измеряется зрелость общества и личности. Надо искать другой выход. А не ныть: «Вот на работу не берут...» Часто я слышу такие истории. Часто эти люди уезжают из своих стран в Россию, но они обманывают не столько окружающих, сколько себя. Ясно зачем — чтобы оправдать свое отсутствие в своей стране. Это поголовное «заболевание» диаспор. Диаспора всегда критикует родину, «не-

дооценившую» его или ее профессиональные или деловые качества. Это тоже болезнь. На нее надо смотреть многомерно. Как критично — люди уезжают не от хорошей жизни. Так и философски, на несколько шагов вперед, — как сделать так, чтобы остановить идущую деградацию в странах, откуда уезжают граждане? Без языка, русского языка, как выясняется, этот процесс усугубляется.

— Как снизить коррупционное давление и отток диаспор, чтобы помочь российским преподавателям русского языка, как эстафетная палочка, была передана местным преподавателям-русистам?

- Это деликатная проблема. Ведь пока получается, что во многих странах есть первый и второй сорт преподавателей русского языка. У преподавателей русских школ — современные учебники, финансирование из России и растущая очередь желающих. У национальных школ — старые советские учебники, которых не хватает, и острый дефицит учителей. У приезжающих россиян изначально условия, включая оплату труда, будут лучше, чем у тех, кто худо-бедно преподаёт русский язык всю жизнь. Здесь надо общаться с руководством стран, с министерствами образования, договариваясь о более или менее равных условиях для профессионального роста. МФГС свою работу начал с мастер-классов и стажировок для местных учителей, с тем чтобы погружать их в языковую среду, культуру и новые методики преподавания. Ведь не имеет смысла и прагматичной пользы учить иностранцев тому русскому языку, который учат в России, — орфографии и чистописанию. Народам СНГ нужен сначала русский разговорный язык, а потом — письмо. А не наоборот, как это сегодня происходит в национальных школах. Там учат писать по-русски, а до разговорной практики дело просто не доходит. Хотя остро стоит вопрос о том, что надо осваивать новые методики преподавания и новые технологии изучения русского языка.
- Но ведь выросло целое поколение азербайджанцев и армян, приднестровцев и молдаван, русских и грузин, таджиков и узбеков, которые разъединены и никогда не общались. Если вы, армянин Армен Смбалян, можете сесть не только за стол переговоров с азербайджанцем Поладом Бюль-Бюль оглы, но и за столик в ресторане, то эти молодые люди не просто лишены такой возможности. Они не знают, на каком языке понимать друг друга. Захотят они говорить на русском?
- С Поладом Бюль-Бюль оглы мы не раз наблюдали, как азербайджанцы и армяне в России не только общаются, но и умело ведут совместные дела. Значит, можно договариваться? Просто, как показывает опыт и многочисленные миссии посредничества, надо говорить напрямую. Без посредников. Это путь не только к договороспособности, но и к примирению и добрососедству. Надо общаться. На русском, на английском, на родных языках, но — напрямую.
- По данным ВЦИОМ, если до 40 процентов трудовых мигрантов в России не знают русского языка, то среди трудовых мигрантов из Средней Азии этот показатель доходит до 58 процентов.
- Это и есть элемент деградации. К счастью, он не пустил глубокие корни. Все зависит от нас, нашего здравомыслия и прагматизма. Никто не собирается навязывать русский язык как единственное средство межнационального общения или инструмент влияния. Более того, мы спокойно относимся к тому, что везде снижается доля владеющих русским языком. Если такова реальность, мы её принимаем. Но там, где есть возможность и желание говорить по-русски, мы будем этому содействовать.
- Где ещё есть спрос на возвращение в обиход русского языка?
- В общем, во всех странах Содружества. Просто если, например, в Армении где-то в отдалённых районах местное руководство не говорит по-русски, конечно, оно против расширения влияния русского языка. Потому что местная власть уже не понимает по-русски так, как это было в СССР. Но это не политика страны, а страх отдельных руководителей за свое благополучие и пост. Если же руководитель образован, он обязательно говорит по-русски. Это новая норма. И не только в Армении. Той же Армении повезло, что сегодня в стране у власти много выходцев из Нагорного Карабаха. Они русскоязычные и русскоговорящие. И они смогли постепенно вернуть русскому языку статус востребованного языка межнационального общения. Кстати, в Азербайджане тоже высок статус русского языка. В Баку всюду слышна русская речь, много русских школ и есть потребность и желание говорить по-русски. Но если, например, Казахстан и Азербайджан готовы к расширению сферы применения русского языка, то Узбекистан, Украина или Молдавия относятся к новому спросу на русский язык избирательно и аккуратно, предпочитая поднимать статус государственных языков. Что, на мой взгляд, надо уважать, учитывать и принимать как данность. 🇷🇺

«БЕЛИНСКОГО И ГОГОЛЯ С БАЗАРА ТАК НИКТО И НЕ НЕСЕТ»

БЕСЕДОАА ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Язык нашего общения меняется слишком быстро, заставляя ученых говорить о его сверхскоростном обновлении. О том, как информационная эпоха меняет структуру современной речи и динамику отношений между людьми, в интервью «Русскому миру.ru» рассказывает заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ профессор Сергей Гиндин.

— С

ергей Иосифович, раньше на лекциях по «Введению в филологию» вы приводили типичный пример коммуникации, не понятной постороннему. Женщина

в учреждении обращается к коллеге: «Галь, городской». И добавляет: «Мужской».

— Это давняя история, причем настолько, что она обросла искажениями. До вас она дошла в очень усеченном виде. История эта произошла в стоматологической поликлинике МВД. Я сидел в ожидании врача. Вдруг из противоположного кабинета вышла дородная дама в белом халате и сказала: «Ольга Геннадиевна, городской». И добавила: «Мужской». Ольга Геннадиевна тут же бросила пациента и побежала через коридор, потому что поняла, кто ее ждет. Все вокруг всё поняли. А теперь представьте, что записку такого же содержания Ольга Геннадиевна находит у себя дома. Она, разумеется, в тупике. Оказывается, при отсутствии того, с кем происходит коммуникация, ее содержание непонятно.

Вот о чем я говорил лет двадцать назад на лекциях. Сегодня с общением происходит нечто подобное, просто меняется его техническое и технологическое оснащение.

— А как сегодня меняется специфика устного дистанционного общения?

— Лингвисты под устной коммуникацией обычно понимают коммуникации между людьми, находящимися в непосредственной близости друг от друга. Ученые не относят к обычному устному общению ни общение по телефону, ни разговоры по мобильному. Это устная коммуникация по форме — в основе ее речь, но это преобразованная формула коммуникации. Она имеет несколько параметров: материя общения или то, что иногда называют фактурой речи (устная — это звуковые волны, а письменная — знаки на плоскости); использование технических средств — они меняют характер коммуникации; находятся ли общающиеся в непосредственном контакте или коммуникация опосредована. То есть или глаза в глаза, или уши в уши. Общение с заключенным на свидании, если оно происходит через стекло, — глаза в глаза, а по мобильному — уши в уши. Еще один параметр, который меняется и обязательно изменится еще, — это параметр отношений между общающимися. Устная коммуникация может меняться от того, говорим ли мы со знакомыми, близкими или вышестоящим руководством. Приятелю

по работе мы можем сказать: «Скинь-ка мне на флешку». А вот руководству, если хотим сохранить репутацию и рабочее место, — вряд ли. Все эти параметры общения надо учитывать. Другое дело, что на первое место сегодня вышли технические средства. Они имеют колоссальное значение для меняющейся стилистики коммуникации. Но при этом на целый ряд вопросов, если не учитывать других параметров общения, ответить нельзя.

— **Отдельная тема — разговор по мобильному телефону. Часто вместо приветствия многие начинают с вопроса: «Ты где?» В публичном месте позволяют себе, не стесняясь, громко обсуждать семейные проблемы, ссориться и т.д. В этом смысле куда дрейфует современная городская коммуникация?**

— Так происходит не потому, что разговор идет по мобильному, а потому, что разговор происходит между близкими людьми. Мы по утрам не протягиваем руку членам своей семьи. Даже не всегда говорим «Здравствуй». И по мобильному часто не здороваемся. Такова устанавливающаяся норма.

— **«Норма» — это болтать без умолку, а то и орать, и ругаться по телефону в общественном транспорте или в кинотеатре?**

— Это разные вещи. Одно дело уважение или игнорирование личного пространства собеседника. Но я тут неуважения не вижу. Просто это такая же непринужденная форма общения людей, как дома. Что особенного в том, что близкие люди общение начинают с вопроса: «Ты где?» А вот неуважение к тем, кто вынужденно присутствует и не является участником коммуникации, очевидно. Что тут меняется? Обычно при посторонних людях непринужденных, тем более интимных, разговоров не ведут. Мобильная связь заставляет общаться по-свойски и в ситуациях, когда присутствуют посторонние. Что коренным образом многое меняет. Тут, конечно, по отношению к окружающим нужно соблюдать такт. Но это вопрос не столько культуры

коммуникации, сколько общей культуры. Замечаете ли вы, что сейчас многие, особенно молодежь, стали громче говорить? Когда в фойе нашего института скапливается пять-семь молодых людей и начинается разговор, приходится иногда выходить с кафедры и просить: «Пожалуйста, потише, здесь работают». Изменения в поведении нашей молодежи связаны с большей ее раскованностью. Это с одной стороны. С другой... Как-то моя студентка сказала мне: «У нашего поколения ослабленный слух, мы ходим на дискотеки». Они действительно хуже слышат. По-видимому, это неизбежное следствие для тех, кто много пользуется техническими средствами для общения. Наушниками и плеером, например. Возможно, еще поэтому они не очень умеют принимать во внимание других людей. Тут совпали три процесса — процесс постепенного освобождения личности, который у нас идет с эпохи Горбачева; наступление технических средств, увлечение или злоупотребление которыми ослабляет слух; третье — личная раскованность необязательно предполагает невнимание к окружающим и возможность учитывать тех, кто оказался случайным и вынужденным свидетелем, — это норма. Ее отсутствие идет от невоспитанности.

— **Недавно девушка в кинотеатре во время сеанса попросила соседку тише общаться по телефону. Та была искренне возмущена «вторжением» в ее «частную жизнь». Почему в Европе обсуждают проблему уместности длительного общения по мобильному в общественном месте и даже ввели систему штрафов, а у нас свобода перерастает во вседозволенность?**

— Новое тут не в том, что соседка по кинозалу огрызнулась, а то, что она использовала юридическую терминологию. Все остальное было всегда. В театре, на концертах во все времена находились люди, которые начинали разговаривать. Просто раньше могли замолчать или ответить невежливо. Но никогда бы не сказали: «Почему вы вторгаетесь в мою частную жизнь?» Привычка ссылаться на юридические нормы, похоже, входит в повседневность. Другое дело, если бы уже наступило время, когда мы грамотно научимся ими пользоваться. «Придет ли времечко, когда (приди, желан-

ное!..) ... мужик не Блюхера... — Белинского и Гоголя с базара понесет...». Написано почти 150 лет назад, а Белинского и Гоголя с базара так никто и не несет. Будем над этим работать — значит что-то будет меняться. В 90-е, когда с экрана выступал академик Лихачев, который заметно выделялся даже среди образованных людей, его манера общения, мне казалось, начинала оказывать влияние на телезрителей. Теперь людей, которые бы пользовались авторитетом и воплощали норму общения, на телеэкране не вижу. Есть телеканал «Культура», но там почти нет прямых передач, таких как «Вечера в «Останкине» в конце 80-х. Там выступали Виктор Астафьев, Зиновий Гердт и тот же Лихачев. Они говорили, не повышая голос, а главное — вы чувствовали, что они обращаются именно к вам. Эти люди ушли, и их очень не хватает для воспитания культуры речи.

— **Вы преподавали в Италии и Польше. Какие издержки осложняют общение там? И наоборот, чему россиянам стоило бы поучиться у соседей?**

— Я не активно знаю языки, поэтому мои заключения субъективны. Мне кажется, для Польши свойственна большая сдержанность в публичных местах. Там громкое общение по мобильному не принято. Так же как не принято, чтобы студентка пришла в университет с обнаженным животом. Это даже непредставимо. У нас и на лекцию, и на экзамен вполне возможно и в коротких шортах, и с обнаженным животом явиться. И это не кажется предосудительным.

В Италии несколько иная ситуация. Когда я туда попал в первый раз, у нас почти не было мобильных, а там они были и еще поражали. У меня возникало ощущение, что сумасшедший идет по улице и разговаривает сам с собой. И тогда это было громко. К тому же итальянцы экспансивны. Но позже я обратил внимание — они тихо, даже приглушенно говорят по мобильным. Хотя в личном общении говорят громко и много жестикулируют, а, например, с полицейскими гибки и законопослушны и вполне регулируют тембр и громкость голоса. При этом они легче, чем мы, переходят на ты. Моя итальянская коллега мне как-то сказала: «По-русски мы на вы, а по-итальянски — на ты».

— **Насколько оправданна эпидемия на употребление слов «коммуникация» и «коммуницировать»? А еще иногда приходится слышать «коммуникатировать»...**

— Давайте сразу обозначим — слова «коммуникатировать» нет. Те, кто так говорит, не владеют словообразованием в русском языке. Со словами «коммуникация» и «коммуницировать» происходит то, что укладывается

в общую тенденцию, — мы легко заимствуем иностранные слова, даже без необходимости. Самый простой пример слова, без которого можно обойтись, — «презентация». Его было бы разумно заменить словосочетанием «публичное представление» или просто «представление». Тем более что глагол «презентовать» первоначально имел другое значение — подарить. Помню, когда вышла газета «Книжное обозрение», на ее первой странице было написано: «Редакция презентует читателю книгу сказок». Я стал ждать, когда мне эту книгу пришлют. Не прислали. Оказывается, они имели в виду совсем другое значение этого слова. Предел же совсем неудачного заимствования — это когда из канадского хоккея было перенято слово «конференция» для обозначения территориальной части чемпионата. Но по-русски «конференция» — уже устоявшееся слово в ином его значении. К сожалению, мы научились калькировать иностранные слова, но не подумали о том, как эту же мысль можно выразить по-русски. С «коммуникацией» происходит нечто подобное. Остается надеяться на редакторов и постепенное выветривание совсем уж поверхностных заимствований. Действительно, этих слов гораздо больше, чем есть в них надобность.

— **Вытеснят ли слова «коммуникация» и «коммуницировать» традиционные — общение, общаться?**

— На мой взгляд, глагол «коммуницировать» не нужен. Он образован от существительного, уже обозначающего действие, поэтому проще было бы сказать — «вступить в коммуникацию». С существитель-

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

ным «коммуникация» этот глагол не вполне равнозначен по смыслу. Дело в том, что общение предполагает взаимность. Когда на плацу офицер командует: «Налево, кругом!» — это не общение. Но люди поворачиваются. Односторонняя передача информации не укладывается в нормы общения, но вполне соответствует термину «коммуникация» — намеренная передача информации. «Коммуникация» — это все же научный термин, и использовать его в обиходной жизни надо осторожно. Так же как когда-то Корней Чуковский ввел слово «канцелярит». Но когда канцелярские слова, нужные в канцелярии, начинают без надобности использоваться в других сферах, общение затрудняется или вообще прерывается одной из сторон. Так и с коммуникацией. Когда этот термин используется в быту, меняется тональность общения и порождаются лож-

ные цели. Если молодой человек, желающий познакомиться с девушкой, без тени улыбки скажет: «Позвольте с вами вступить в коммуникацию...» Что его ждет?

— **С точки зрения лингвистики насколько сознание людей успевают реагировать на динамику современных городских коммуникаций?**

— Во-первых, надо говорить не только о сознании. Не все, что мы говорим, мы говорим сознательно. Это хорошо, если владение языком осознанно. Значит, достигнут высокий уровень владения речью. Но это необязательно. Есть люди, которые стихийно образцово общаются. Что называется, у них хорошо подвешен язык. Если при этом человек еще и быстро соображает, то он обычно в коммуникатив-

ные ловушки не попадает. Так что важно, чтобы не сознание успевало, а чтобы практика владения языком была адекватной. Например, когда вы приходите к чиновнику и говорите с ним как с соседом по квартире, а он не хочет так коммуницировать, тут сознание нужно, но не обязательно. Во многом такое общение регулируется стихийно. Через практику. А сознание обязательно для того, кто изучает коммуникацию. Для человека, для которого коммуникация является частью профессии. Конечно, язык сегодня, как и речевая деятельность, менее стабилен, чем это было в советское время. Сегодня ситуация отчасти напоминает то, что происходило с языком после революции 1917 года и позднее — в 20–30-е годы XX века. Та речевая ситуация, которая отражена в учебной и монографической литературе, сходна с сегодняшней. В литературе эти процессы отражены у Бориса Пильняка, Исаака Бабеля. Ничего страшного в этом нет. Язык и не такое претерпевал. Думаю, он справится и переварит нынешние новации.

— Помимо устного меняется и стилистика письменного общения. В электронных письмах мы все меньше пишем — «Добрый день» или «Добрый вечер». Появляется новый язык электронного письменного общения?

— Я не вижу никакого нового языка. Его и не может быть. Это еще одна форма коммуникации, производная от письменной речи, но не письменная речь. Ее специфика в том, что от письменной речи есть только один параметр — графический. Электронное письмо мы читаем глазами. Но мы не видим собеседника, не общаемся с ним. А приведенные вами примеры свидетельствуют о двух вещах. Действительно, когда не знаешь, в какое время прочтут письмо, смешно писать «добрый день» или «утро». Но «доброе время суток» — это уже от большой головы. К сожалению, один говорит «коммуницировать», другой — «доброе время суток». Это ничем не лучше. «Привет» — нормаль-

ное, свойское обращение. Кстати, итальянцы редко говорят «добрый день». Чаще — «чао». Это как наш «привет». А вот почему уходит или находится в тени слово «здравствуйте» — непонятно. Думаю, оно вернется. Бывает, слова уходят, а потом им не находится равноценной замены, и они возвращаются. Если новации не поддерживают искусственно. Тут нужна здоровая критика речи. Языковая критика должна быть в СМИ — в печати, на ТВ. Она может стать мощным средством укрепления грамотной речи. Выражения типа «коммуницировать» должны разбираться. Например, ничего неправильного в формуле «доброе время суток» нет, но это плохо, вычурно и официально. В нем нарушаются два постулата общения — естественность и нормальная дистанция по отношению к людям.

— Помните строки Вероники Тушновой: «Ты так захочешь теплоты, не полюбившейся когда-то, что переждать не сможешь ты трех человек у автомата»? Для современников «трех человек у автомата» звучит как что-то инопланетное.

— Этот пример — не изменение в коммуникации, а изменение в той жизни, о которой говорим или пишем. Я вот недавно вышел на Пушкинскую площадь и увидел рекламный щит: «Получи классный прикид». Я слово «прикид» до этого не встречал. Это изменение в языке. А когда уходит вещь, называемая словом, это изменение в жизни. Телефонные автоматы были и есть. Услышать старый текст — это разница между непосредственной и опосредованной коммуникацией. Кстати, дети 50-х годов не знали, что такое конка — трамвай, который везла лошадь. Это знали до революции и до 30-х, даже 40-х годов. Потом в живом общении уже надо было объяснять, что такое конка. А вот чтобы справиться со старым текстом, песнями, книгами, тут уж Белинского и Гоголя с базара надо нести. Тогда и новации информационной эпохи легче усвоятся, если в них есть нужда, или опадут со временем из-за своей экзотичности или пустоты. 🍷

ПОДСКАЗАНО ЖИЗНЬЮ

ТАМАРА СКОК*

На идею противостояния агрессии против родного языка нас подвигнул ректор Омского государственного педагогического университета Константин Александрович Чуркин. Примеров нарушений языковых норм он за последние годы собрал предостаточно, выуживая их в основном из бумаг, которые ежедневно ложатся на его стол.

Последней каплей для нашего ректора стало очередное письмо, начинавшееся оригинальным обращением: «Уважаемый!» без имени и отчества, а также без указания должности.

А уж примеров нарушения речевых норм за пределами университета — не счесть. Например, на рекламных плакатах красуются «шЫшки» и «Тайланд». А вот в объявлении предлагают услуги загадочного «эваПуатора» и заывают поселиться в гостиничных «апОртаментах». В аптеке вам предлагают «обезбАливающее», в магазине покупатели интересуются «почем торты?», в автобусе призывают «оплатить ЗА проезд». С экрана телевизора известный спортивный ведущий произносит «хала-хуп» вместо «хула-хуп», а политик говорит о трудном периоде «двух тыщ восьмого года»...

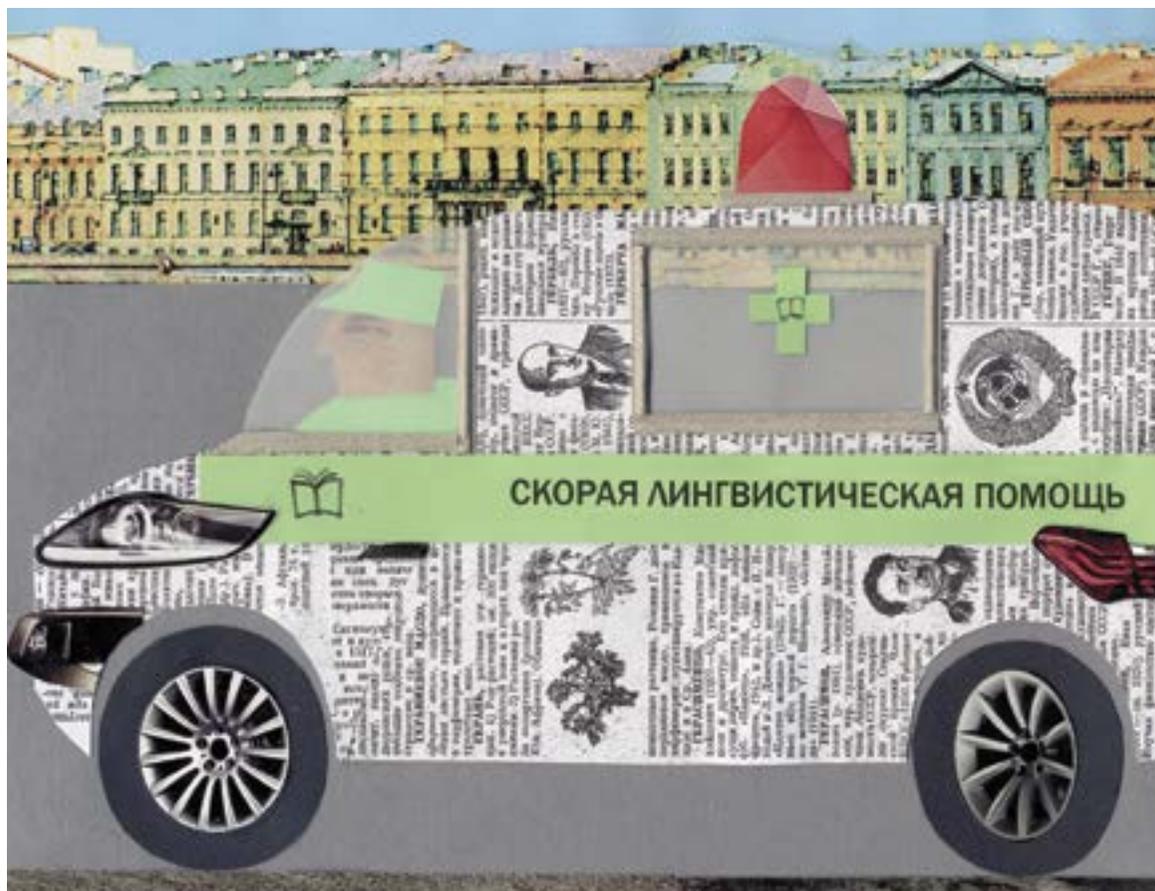
Приступив два года назад к проекту «Современный русский», мы попытались донести до людей известную филологам истину: речь и мышление неразрывно связаны, и, коверкая одно, мы неизбежно калечим и другое. Снижая уровень речевой грамотности, мы понижаем и уровень мыслительной

деятельности. Но как воспрепятствовать процессу дальнейшей речевой деградации, которому, увы, способствуют и телевидение, и кино, и реклама, и СМИ? Поиск ответа на этот вопрос и привел к созданию социального информационно-просветительского проекта «Современный русский». Почему было выбрано такое название? Оно подразумевает ассоциативную переключку с принятым в филологической среде определением нынешнего временного сегмента языка, одновременно намекая на обобщенный образ человека, относящего себя к сообществу «русский». Не важно, по каким соображениям — этническим или ментальным. «Классическое» содержание проекта, его лингвистическая составляющая, ориентация на просвещение как основную функцию потребовали от нас учета стереотипов массовой аудитории.

Для проекта был разработан фирменный стиль, реализующийся в коммуникационных продуктах, сам проект был разбит на несколько направлений. Для каждой целевой аудитории были определены виды лингвистической помощи и каналы коммуникации. В качестве логотипа был выбран образ Пушкина. Разработали первые направления проекта и дали им названия: «Чисто по-русски!», «Экстренная лингвистическая помощь», «За словом в карман», «Цитаты из жизни». В итоге сегодня в рамках проекта реализуется семь направлений.

РЕКЛАМА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС

Первое направление называется «Чисто по-русски!» и осуществляется вузом при содействии городских рекламных агентств, владеющих мониторами в общественном транспорте. Эфир мобильного телевидения заполнен в основном рекламой. Мы подумали: а почему бы не использовать видеоряд в образовательных целях? Разработали ролики о нормах произношения и правописания и представили

аудитория — граждане РФ в возрасте от 23 до 55 лет. В день служба принимает до 25–30 звонков. Вот, например, звонит постоянный «клиент», бабушка-москвичка, у которой внук плохо пишет диктанты и прямо во время урока посылает ей СМС с вопросами. Вместо того чтобы открыть словари, бабушка звонит в Омск и, получив экстренную лингвистическую помощь, «спасает» внука. Но обращаются в ЭЛП не только с вопросами

их на суд рекламистов. Представляли не без опасений: рекламное время дорого, и размещать в эфире социальные ролики о русском языке — удовольствие не для филологов. Но коммерсантам «оригинальная и вкусная идея» пришлось по нраву. В итоге с легкой руки генеральных директоров агентств Вадима Германа и Василия Казанцева наши ролики с марта 2008 года бесплатно демонстрируются на 160 мониторах в автобусах и маршрутных такси. В них рассказывается о нормах произношения и правописания в современном русском языке, о происхождении распространенных общеупотребительных понятий, приводятся примеры неверного употребления слов и рекомендуются правильные варианты. Тематическое обновление роликов производится раз в неделю. В эфир вышло уже более 60 серий образовательных подборок. Основные их темы: «Осторожно: чужое слово!», «Пишем и произносим правильно!», «Что означают наши имена?», «Корни слова» и т.д. По оценкам городского департамента транспорта, ежедневно около 170 тысяч человек во время поездок могут в доступной форме ознакомиться с речевыми нормами. Каждый ролик неизменно снабжен контактными данными вуза и предложением помощи лингвистов ОмГПУ.

СКОРЯЯ ПОМОЩЬ

Второе направление проекта — «Экстренная лингвистическая помощь» (ЭЛП) — заработало тоже с марта 2008 года. В его рамках населению предоставляются бесплатные консультации по телефону горячей линии и с помощью ICQ. И хотя сначала задумывалась такая помощь только для омичей, постепенно она перешагнула границы нашего города. Сегодня любой житель России, стран СНГ и дальнего зарубежья может получить консультацию лингвистов ОмГПУ по всем разделам языкознания. Ежедневно мы получаем запросы по телефону и ICQ из самых разных городов мира. С начала работы направление зафиксировано 8500 обращений в службу ЭЛП. Основная

по русскому языку. Бывают и совершенно удивительные случаи. Например, сотрудник ФСБ, извинившись, что вопрос не совсем лингвистический, дотошно выпрашивает, почему Достоевский, отбывая каторгу в омском остроге, был закован по рукам и ногам, «ведь политических не заковывали. А раз его все-таки заковали, значит, он был осужден и как уголовник? По каким статьям Уголовного кодекса тогдашней России был осужден Достоевский?». Для ответа на этот вопрос пришлось обратиться в Литературный музей им. Ф. М. Достоевского. Получили развернутые ответы и про обязательные облегченные кандалы для перехода по этапу, и про то, что политических в остроге заковывали в случае попытки к бегству, и про Свод военных уложений, по целому десятку статей из которого Достоевский был лишен и чинов, и званий... А вот молодой человек интересуется символикой цифры 7; девушка спрашивает, как расшифровывается аббревиатура SPA; автор детективов с нашей помощью расставляет в тексте запяты; старушка нашла в газете опечатку и сообщает нам об этом «безобразии»; автобаза просит подкорректировать объявление...

За время своей работы «Экстренная лингвистическая помощь» обзавелась друзьями и единомышленниками. Люди сообщают об опечатках и ошибках в газетах, объявлениях, рекламе. Предлагают устроить в масштабах России День делового письма и День без брани. Этот отклик людей на нашу деятельность, большое количество интересных и умных вопросов, активная гражданская

позиция заставили нас по-иному взглянуть на тех, кому адресован проект.

ЗА СЛОВОМ В КАРМАН

Третье направление проекта — «Цитаты из жизни» — позволило ему «выйти на улицы», ибо оно относится к наружной рекламе. Мы решили, что для повышения статуса русского языка населению нужно предложить билборды с емкими, запоминающимися высказываниями выдающихся деятелей науки, литературы и искусства, культуры и политики. Макеты билбордов с высказываниями А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, К. Г. Паустовского и других о русском языке, о любви к Отечеству, о пользе чтения были представлены в мэрию Омска, которая в итоге взяла на себя финансирование изготовления и размещения обновляемых рекламных щитов в городе. Это направление проекта «Современный русский» подпало под статус городской социальной рекламы и реализуется при содействии департамента информационной политики и общественных отношений и управления дизайна городской среды и рекламы администрации Омска. А в ноябре 2008 года на Втором региональном конкурсе социальной рекламы «Пора!» рекламная кампания проекта «Современный русский» была признана лучшей.

Четвертое направление проекта — выпуск серии малоформатных словарей-справочников под общим названием «За словом в карман». Многие работники различных организаций нуждаются в кратком, емком и удобном в использовании справочном пособии, которое всегда было бы под рукой и помогало бы при составлении деловой документации, проведении встреч и т. д. К работе над справочниками были привлечены сотрудники кафедры русского языка ОмГПУ и кафедры исторического языкознания и лингводидактики, которые подобрали материал для двух выпусков карманных словарей. Первый — «За сло-

О ЧЕМ СПРАШИВАЮТ ЧАЩЕ?

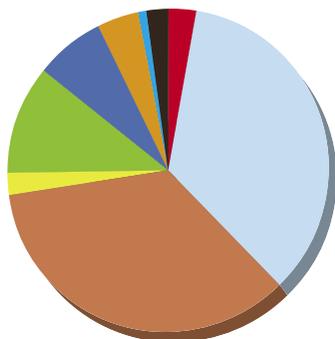
Разделы, по которым поступали вопросы лингвистам ОмГПУ в 2009 году

вом в карман» — содержит краткие сведения по словоупотреблению, лексической сочетаемости в деловой речи, образцы устойчивых оборотов, характерных для официально-делового стиля. Второй, «Папка делового человека», включает современную юридическую и экономическую терминологию, дает рекомендации по составлению различного рода деловых бумаг. Партии словарей были отправлены по запросам руководителей ведомств в ряд министерств, организаций и компаний Омской области. Кроме того, бизнесмены Санкт-Петербурга, Новосибирска, Краснодара, Ангарска выписали наши справочные пособия для своих сотрудников. Между тем лингвисты

КОМУ НУЖЕН «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ»?

Основные целевые группы населения, участвующие в проекте и пользующиеся его продуктами и услугами:

источник: омгпу.

ОмГПУ приступили к созданию третьего тематического выпуска из серии «За словом в карман», посвященного правилам склонения имен и фамилий.

Пятое направление проекта «Современный русский» — «Наши публикации». Оно предусматривает размещение публикаций информационно-просветительского характера в печатных СМИ федерального и муниципального уровня. Сообщения о проекте и статьи преподавателей ОмГПУ появились в газетах «Комсомольская правда», «Российская газета», «Учительская газета», «Коммерческие вести», «Новое обозрение», «Вечерний Омск» и др. Направление «Наши публикации» адресовано той части общественности, которая ощущает острую потребность в интересной и познавательной публицистике, стимулирующей творческую и интеллектуальную активность читателей. Уже создан и постоянно пополняется банк статей преподавателей вуза по наиболее актуальным социальным проблемам современного общества. Все они размещены на сайте проекта: www.bezoshibok.ucoz.ru.

ПРОЕКТ ДЛЯ НАРОДА

Шестое направление — «Палитра русского языка» — появилось в начале 2009 года. Оно было организовано для вовлечения в проект более молодой аудитории. Цель была достигнута: при взаимодействии с омскими художественными школами и школами искусств удалось создать серию выполненных детьми мультипликационных фильмов о русском языке. Эти мультфильмы выполнены в различной технике (кукольные, рисованные, пластилиновые, с использованием флеш-технологий); возраст

авторов — от 7 до 17 лет. Мультки о русском языке у всех участников получились разные. Саша Хохлова из нанизанных друг на друга пословиц и поговорок сочинила целую историю, о том, как замкнутый было

в пространстве библиотек русский язык смело пошел в народ. Для своего рисованного мультика она создала 240 акварелей, сама подобрала оригинальную музыку, написала субтитры. Сережа Шевченко создал мультфильм, иллюстрируя пословицу «Не надобен и клад, коли в семье лад». Используя флеш-технологии, он выстроил интересный видеоряд, в котором развивается история несчастливой, несмотря на материальный достаток, семьи. Мир в семье настал лишь тогда, когда эгоистичная в своих устремлениях пара пересмотрела свои взгляды и взяла на воспитание детдомовского мальчика. «Я хотел обратить внимание на проблемы детей, оставшихся без родителей, — говорит Сережа. — Главные ценности вовсе не материальные. Тема злободневная, но в то же время добрая. Когда я делал ролик, я очень хотел, чтобы он носил позитивный характер. Вдруг кто-нибудь задумается над пословицей и возьмет в семью ребенка».

В этом учебном году направление «Палитра русского языка» привлекло к деятельности по созданию анимационных фильмов не только учащихся художественных школ, но и учеников общеобразовательных школ, гимназий и лицеев города и области. Лучшие работы будут размещены в эфире омских телеканалов.

И, наконец, седьмым направлением проекта, позволяющим выйти на непосредственное взаимодействие с аудиторией, является «Филологический класс». Оно было организовано по инициативе школ, гимназий, лицеев города и области, желающих установить более тесное взаимодействие школьного сообщества с вузовским. Выезд коллектива лингвистов ОмГПУ с публичными лекциями, мастер-классами для учителей-предметников, конкурсными заданиями по филологии для разновозрастной детской аудитории имеет для школ особую ценность и способствует активизации детского интереса к языку и культуре речи. Во время встреч

с учителями и школьниками всплывает ряд проблем. Один старшеклассник посетовал, что в разных профильных классах одна общая беда: мало часов на русский язык и литературу. «Мама говорила, что у них русский и литература были каждый день, а у нас по часу, по два в неделю, и то только к тестам натаскивают. А потом нам же говорят, что мы мало читаем и говорим неправильно». А учителя начальной школы жалуются, что в новых учебниках приводятся не отрывки из пушкинских сказок, которые сами ложатся на слух и будят генетическую память детей, а выхваченные из книги Толкиена куски о смертельной схватке хоббитов с пауками. Текст страшный, сложный, во многом непонятный, а требование к нему — подробный пересказ. Из-за подобных неумных нововведений у детей возникает вполне объяснимое стойкое отторжение и к книге, и к чтению.

За два года своего существования проект «Современный русский» стал весьма востребованным. В наших планах на ближайшее будущее открытие восьмого направления — «Деловой русский». Учреждения и предприятия города хотят организовать с помощью филологов ОмГПУ выездные кратковременные лингвистические курсы для своих сотрудников. Кроме того, сейчас идет работа над созданием серии стихов, где рифма помогала бы запоминать ударения в проблемных словах. Вот парочка примеров: «Внук у дедушки школяр, дед у внучека — столЯр», «В огороде Фёкла посадила свЁклу». Думаем, что и ролики со стихами выпустим, и в школы подарим.

Дальнейшее развитие проекта определяет сама жизнь. Он ведь не сухой и академический, а живой, для народа сделанный. Вот народ идеи и подкидывает. А наше дело — чутко реагировать на эти запросы и пожелания. 📍

* Автор — менеджер и координатор проекта «Современный русский», к.ф.н., старший преподаватель кафедры массовой информации и коммуникации Омского государственного педагогического университета.

НОВЫЙ РУССКИЙ ПАРАДОКС

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

По данным, опубликованным Ethnologue — рейтинговым справочником по языкам мира, — русский язык в 2012 году вновь стал четвертым в мире по распространенности, но скатился с 6-го на 8-е место среди тех носителей языка, кому он приходится родным.

Даже эксперты справочника Ethnologue и филологи международной организации SIL International, его издающей, обескураженно констатируют новый русский языковой парадокс: русскоязычное пространство с 1991 года последовательно сужается, число тех носителей русского языка, кому он родной, сокращается из-за демографических проблем, настигших Россию, а спрос на русский язык в мире растет. Критерии для определения популярности того или иного языка у Ethnologue, как принято в последние годы, совокупные. Традиционные — по числу носителей языка как разговорного (рейтинг № 1) и родного (рейтинг № 2). И новые или инновационные — распространенность языка среди интернет-пользователей (рейтинг № 3). Именно эти три рейтинга популярности языков мира экспертиза SIL International считает наиболее объективными и отражающими текущую языковую картину мира.

КАК РУССКИЙ ПОДНЯЛСЯ

И вот по совокупности, согласно рейтингам Ethnologue 2012 года, русский язык после двадцати лет пребывания на 6–7-х позициях вновь стал четвертым ведущим языком мира и остался одним из самых распространенных в Европе. Правда, подводных камней успеха (возможно, краткосрочного, считают многие эксперты) несколько: число носителей русского языка как родного в мире сокращается, а по числу интернет-пользователей русский впервые в 2012 году попал в ведущую десятку, заняв 8-е место (до этого был на 12–14-м местах). Однако поскольку Всемирная сеть

все же англоязычная, возможности расширения русскоязычного пространства в Интернете почти наполовину (до 47 процентов) использованы. А за оставшуюся часть аудитории русскому языку предстоит жесткая конкурентная борьба с китайским и испанским языками. С английским тягаться бесполезно: в Сети он — гранд и законодатель коммуникации, хотя и не является самым распространенным языком в мире. Пока же сводная десятка мировых разговорных языков (рейтинг № 1) выглядит следующим образом:

САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ ЯЗЫКИ МИРА

Язык	Число носителей языка как разговорного
КИТАЙСКИЙ (МАНДАРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ)	1,213 МЛРД
АНГЛИЙСКИЙ	514 МЛН
ИСПАНСКИЙ	425 МЛН
РУССКИЙ	275 МЛН
ХИНДИ	258 МЛН
АРАБСКИЙ	256 МЛН
БЕНГАЛЬСКИЙ	215 МЛН
ПОРТУГАЛЬСКИЙ	194 МЛН
ИНДОНЕЗИЙСКИЙ (МАЛАЙСКИЙ)	176 МЛН
ФРАНЦУЗСКИЙ	129 МЛН

ИСТОЧНИК: ETHNOLOGUE.

ЕВГЕНИЯ ПЛАКОВАЯ

Из мировой десятки лидеров выбыл немецкий язык, перекочевав на 12-е место. Эксперты давно отмечают тенденцию к регионализации ведущих европейских языков — итальянского, шведского, французского, но немецкий долго оставался в лидерах. Однако, как признают германские лингвисты, в последние десятилетия внутри страны немецкий язык в престижных областях информационного пространства последовательно сдает позиции английскому. Снача-

ла этот процесс рассматривался как интеграция в глобальный мир. Теперь филологи фиксируют иную тенденцию: чем успешнее немцы и выше их интеллектуальный уровень, тем меньше они говорят на родном языке, особенно если работают в международных корпорациях. «Авторитет немецкого языка пошатнулся, — считает профессор языкознания Свободного университета Берлина Юрген Трабант. — Элиты воспитывают своих детей в англоязычном окружении, а мигранты, глядя на них, все чаще задаются вопросом: зачем учить немецкий, если успешные немцы говорят на нем разве что дома? Мигрантам нужен рабочий язык, а его функции в германском общест-

его легко, а вот русский... Они часто считают достаточным, что говорят на русском языке в семье. Но не умеют на нем писать, не пользуются русской клавиатурой в Интернете. Мы же создаем русскоговорящую среду. И только тогда они начинают сами тяготеть к русскому как элементу своей национальной и культурной идентичности. Но не все. Часть

из них, когда говорят: «Мы европейцы», имеют в виду свою англоязычность». Алевтина Захарова признает, что многие ее ученики потеряны для русскоязычного пространства. Они, как и немцы в Германии, если учатся или работают в международных компаниях, стесняются говорить на родном языке. Что есть диагноз идущей регионализации русского языка как части европейского культурного пространства. Шанс избежать дальнейшего сужения русскоговорящего пространства в ЕС Союз русофонов Франции видит в своей инициативе придания русскому языку официального статуса в ЕС или статуса рабочего языка Евросоюза. «Это расширит его права и сферу применения, — полагает председатель Координационного совета российских соотечественников во Франции Дмитрий Кошко. — Тогда наш язык в Ев-

ро все чаще выполняет английский. Разумеется, это ослабляет лояльность к немецкому языку. Но он существует не только для нужд практической коммуникации. Все мышление, культура того или иного языкового сообщества передаются через язык. И, разумеется, нам надо его популяризировать, чтобы не утратить культурное германское пространство». На первый взгляд русский язык далек от тенденции к регионализации, настигшей немецкий язык. В Европе, после испанского, он остается самым распространенным. Однако не самым востребованным. И внутри русскоговорящей диаспоры Евросоюза — а она сегодня огромная: более 7 миллионов человек — родная речь испытывает те же проблемы, что и немецкий язык внутри германского общества. «Русские в Европе перестают говорить по-русски, — говорит директор русской школы «Матрешка» в Роттердаме (Нидерланды) Алевтина Захарова. — Основные наши ученики — дети от межнациональных браков и дети российских ученых и программистов, которые часто сюда едут семьями. И у тех, и у других остро стоит одна проблема: дети понимают, зачем им нужен английский, и учат

его легко, а вот русский... Они часто считают достаточным, что говорят на русском языке в семье. Но не умеют на нем писать, не пользуются русской клавиатурой в Интернете. Мы же создаем русскоговорящую среду. И только тогда они начинают сами тяготеть к русскому как элементу своей национальной и культурной идентичности. Но не все. Часть

из них, когда говорят: «Мы европейцы», имеют в виду свою англоязычность». Алевтина Захарова признает, что многие ее ученики потеряны для русскоязычного пространства. Они, как и немцы в Германии, если учатся или работают в международных компаниях, стесняются говорить на родном языке. Что есть диагноз идущей регионализации русского языка как части европейского культурного пространства. Шанс избежать дальнейшего сужения русскоговорящего пространства в ЕС Союз русофонов Франции видит в своей инициативе придания русскому языку официального статуса в ЕС или статуса рабочего языка Евросоюза. «Это расширит его права и сферу применения, — полагает председатель Координационного совета российских соотечественников во Франции Дмитрий Кошко. — Тогда наш язык в Ев-

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЯЗЫКИ МИРА

Регион/ страна	Язык	Число носителей разговорного языка
АФРИКА	БИКЬЯ	1
	ГОУНДО	30
	ЭЛМОЛО	8
ЮЖНАЯ	ТЕХУЛЬЧЕ	ОКОЛО 30
АМЕРИКА	ИТОНАМА	ОКОЛО 100
СЕВЕРНАЯ	КАГУИЛА	35 (МЕКСИКА И США)
АМЕРИКА	ЧИНУК	12 (США)
	КАНСА	19 (США)
РОССИЯ	КЕРЕКСКИЙ	4 (ЧУКОТКА)
	УДЭГЕЙСКИЙ	100 (ХАБАРОВСКИЙ И ПРИМОРСКИЙ КРАЙ)
	ТОФАЛАРСКИЙ	900 (СИБИРЬ)

ИСТОЧНИК: ETHNOLOGUE.

САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ ЯЗЫКИ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЯ

Язык	Число пользователей (млн)
АНГЛИЙСКИЙ	478
КИТАЙСКИЙ	384
ИСПАНСКИЙ	137
ЯПОНСКИЙ	96
ФРАНЦУЗСКИЙ	79
ПОРТУГАЛЬСКИЙ	73
НЕМЕЦКИЙ	65
АРАБСКИЙ	50
РУССКИЙ	45
КОРЕЙСКИЙ	37

ИСТОЧНИК: WORD INTERNET STATS.

ропе будет восприниматься как достояние разных стран, а не только России. Ведь русский — это язык не отдельно взятой страны. Это также язык и соотечественников, проживающих за рубежом, и тех, для кого русский не является родным, но кто им все же широко пользуется».

Как считают в Союзе русофонов Франции, перевод документации Евросоюза и Европарламента и на русский как официальный или рабочий язык ЕС дает не только право россиянам обращаться в Европейский парламент и его структуры на родном языке, но и шанс сохранить русский язык в деловом и культурном пространстве Европы. Еще поэтому, как полагают многие лингвисты и общественные деятели русской диаспоры ЕС, Россия должна сделать ставку на русскоязычную молодежь Европы, чтобы не потерять ее как часть русскоговорящей аудитории. Поэтому 4-е место в мире русского языка по итогам 2012 года можно считать авансом и инерцией прошлых десятилетий, когда он был популярен в мире. Теперь же, как признают лингвисты, на фоне продолжающегося сужения русскоговорящего пространства и демографических проблем внутри России рост спроса на русский язык и престижное 4-е место в мире можно рассматривать как передышку в нелегкой борьбе за его популяризацию.

Проблема в том, что сужение русскоязычного пространства отчасти объективно. Раньше русский язык в социалистических странах изучали массово, но с развалом СССР ситуация изменилась. Хотя запрос на русский язык в странах СНГ есть, а вот способность его удовлетворять отстает от спроса. Например, вновь появившийся интерес к русскому языку в странах Восточной и Центральной Европы (особенно в Венгрии, Словакии и Польше) в целом удовлетворяется за счет тех, кто оплачивает языковые курсы, — будущих экспатов или бизнесменов, едущих в Россию на заработки. Однако это далеко не самый массовый интерес к русскому языку. Массовое желание изучать русский язык проявляют страны Средней Азии — Таджи-

кистан, Киргизия, в меньшей мере — Узбекистан и Туркмения. Есть спрос на русский язык в Африке — Эфиопии, Анголе, части стран Центральной Африки и Азии (Афганистан, Монголия). Однако Россия не учитывает специфику этих стран — их бедность и, как правило, неспособность большинства желающих оплачивать языковые курсы и школы.

Более того, самих школ и языковых курсов, как и педагогических кадров, остро не хватает в таких странах, как Таджикистан, Киргизия и Узбекистан, откуда идет основной поток трудовых мигрантов в Россию, часто не говорящих на русском языке и неспособных заполнить даже анкету для ФМС. В итоге русскому языку их приходится обучать в России, что целесообразнее и дешевле было бы делать у них на родине при содействии России. Этот процесс сегодня нельзя назвать успешно развивающимся, как из-за плохой координации различных организаций, занимающихся поддержкой русскоязычных за рубежом, так и из-за недооценки этой работы со стороны государства и общества.

Причем обществу еще предстоит осознать, что именно ему нужно сохранять русскоязычное пространство СНГ, а не возмущаться, почему деньги уходят на обучение русскому языку иностранцев, когда их не хватает россиянам. Проблема в том, что до 50 процентов мигрантов из Средней Азии не умеют писать на русском, а до 60 процентов — говорить. Растущее количество межнациональных конфликтов — следствие неинтегрированности мигрантов в российское общество, в том числе по причине незнания русского языка. Как промежуточный итог — миллионы трудовых мигрантов, ежегодно прибывающих в Россию, стали угрожать культурной целостности страны. Новый закон, по которому с 2013 года гастарбайтеры, занятые в сфере обслуживания, при устройстве на работу должны будут подтверждать достаточный уровень владения русским языком, обещает перемены к лучшему. Но и констатирует запущенность проблемы: сужение русскоязычного пространства напрямую коснулось самой России, проникнув вглубь ее языковой культуры и общества.

Еще поэтому 4-е место в мире русского языка по степени распространности можно считать чудом. Ведь процесс языковой адаптации мигрантов не будет легким и быстрым.

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

КАК УСИДЕТЬ НА ДВУХ СТУЛЬЯХ

Чтобы понять, что ждет любой язык, если он постепенно скатится в хвост мирового рейтинга, даже если он, как русский, занимает 8-е место в мире среди тех, кому он родной, и 9-е среди языков интернет-общения, стоит обратить внимание на экзотичный рейтинг самых редких языков мира.

Россия в этом списке уходящих языков представлена тремя народами. Один из них, керекки, на грани исчезновения. Еще в 60-е годы их было около 300 человек, проживавших на российской Чукотке и американской Аляске. По переписи 2010 года,

осталось лишь четверо россиян. Из них лишь двое действительно говорят на родном керекском языке. И, похоже, скоро он останется только в речевых образцах и обрядовых песнях, записанных лингвистами Института языкознания РАН. Такова расплата керекков за желание говорить в основном на чукотском и русском языках. А керекский язык, близкий к корякскому и эскимосскому, условно включаемый в палеоазиатскую языковую группу, остается лишь в музее мировых языков, насчитывающих сегодня до 6 тысяч единиц. Из них около 4 тысяч языков, как и керекский, исчезающие.

По прогнозу ученых, из оставшихся 2 тысяч языков через столетие-другое выживут не более 500–600 языков. И то при условии продуманного сохранения и развития на планете многоязычия. Вот еще почему так важно вкладываться в развитие русского языка как идеологически, так

и материально. Ведь еще совсем недавно (а с точки зрения истории — мгновение назад), в 1988 году, русский язык в мировом рейтинге родных языков занимал 6-е место в мире. В 2012 году — 8-е. Самым популярным языком по числу его родных носителей остается китайский (1,213 миллиарда человек). Потом идут — испанский (329 миллионов), английский (328 миллионов), арабский (221 миллион), хинди (182 миллиона), бенгали (181 миллион), португальский (178 миллионов), русский (142,5 миллиона), японский (125 миллионов), немецкий (109 миллионов). Показательно, что английский, последние годы уверенно шедший вторым, уступил не только китайскому, но и испанскому. Хотя в последнем случае уступка невелика — 1 миллион. Правда, эта цифра оспаривается американскими и британскими лингвистами, поэтому не исключено, что справедливее 2-е место поделить между английским и испанским языками. Тем более что, в отличие от китайского и испанского, на английском языке говорят на всех материках или почти в 185 странах.

То есть сокращение числа носителей английского языка как родного не сказалось на его востребованности и популярности в мире. Чего нельзя сказать о русском языке. Самый распространенный среди славянских языков, русский сполз на 8-е место. И мог бы опуститься еще ниже, если бы не был официальным языком не только в России, но и в Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Автономной Республике Крым (Украина), славянских коммунах уездов Тулча и Констанца (Румыния), штате Нью-Йорк (США). И вот теперь в связи с начавшимся тестовым голосованием в странах ЕС у русского языка появилась возможность стать официальным языком Евросоюза. А это, при успешном исходе, еще плюс 7 миллионов голосов в копилку русского как родного.

Именно по такому пути — кропотливой работы по популяризации русского языка — пошел русскоговорящий Интернет. Первоначально, с появлением Интернета, переход

на английский рабочий язык в Сети казался неизбежным. И уже в конце 90-х годов это отражалось на мировом рейтинге русского языка в Сети: 18–19-е места в мире. Однако исследование агентства Word Internet Stats, проведенное по заказу языкового справочника Ethnologue, в 2012 году рисует иную картину: русский язык по степени востребованности в Рунете занимает 9-е место в мире. А лидирует английский. Правда, стоит учитывать, что рейтинг Word Internet Stats отражает не только популярность языков, но и степень доступности Интернета в районах проживания носителей этих языков.

И хотя Россия не охвачена Интернетом даже наполовину (лишь 47 процентам россиян доступна Сеть и только 39 процентов ею активно пользуются), утешать себя «неизбежным» ростом популярности русского языка в Рунете — это самообман. Если продуманно не расширять русскоязычное пространство, в том числе интернет-общения, оно неизбежно сузится, как сузилось русскоговорящее пространство ЕС за счет русских же мигрантов и экспатов, постепенно переходящих на английский язык. То есть и за развитие интернет-сообщества предстоит языковая борьба. Ее вектор таков, что, по прогнозам лингвистов, помимо востребованной топ-десятки мировых разговорных и интернет-языков лишь примерно еще 10–12 процентов региональных языков Европы, Азии и Латинской Америки способны будут постоять за ареал своего обитания и влияния. Но то, что они будут ужиматься, — вопрос времени, пропорций и географического ареала. Так, итальянский, немецкий, шведский, бенгальский уже в разной мере и степени превращаются в местные языки. По прогнозам ученых, несмотря на отчаянное сопротивление, местным станет, скорее всего, и французский. Хорошие, но ограниченные шансы сохранить статус региональных международных языков есть у испанского, арабского и русского.

Исторически так сложилось, что русский в мире востребован как язык культуры и искусства. В этом его сила и влияние. И если Россия сможет в будущем предложить миру новые форматы культурного мышления, русский язык, по прогнозам лингвистов, сохранит сферу регионального, в основном евразийского, влияния. 🇷🇺

FOTO: DETSTVO.RU

«И СТАЛ ОН ПАРНЕМ ОЧЕНЬ КЛЕВЫМ И ЛУЧШЕ ВЫДУМАТЬ НЕ МОГ»

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

Современных детей мы, взрослые, уже привыкли обвинять во всех смертных грехах. Говорят односложно, читать не любят, только и делают, что играют в компьютерные игры и смотрят развлекательные программы по телевизору. Но в Санкт-Петербурге взрослые, которые еще не потеряли веру в детей, решили сломать сложившиеся стереотипы. И сломали: оказалось, в душе каждого ребенка скрывается творческая жилка настоящего поэта.

«**С**ухие листья. Гладкий лед. Шумит ручей, и снег идет. Зима, лето, осень, весна. А мы с тобой все идем в никуда» — такое небольшое стихотворение написала Марина Домбровская. Девочке всего 9 лет, но ее никак не обвинишь в отсутствии философских размышлений. Ма-

рина — одна из участников детского поэтического фестиваля «Табуретка», который недавно прошел в Петербурге. Первой площадкой маленьких поэтов стал Фонтанный дом, где находится Музей Анны Ахматовой. Дети действительно залезли на специальную табуретку (некоторых, по причине малого возраста, приходилось на нее ставить родителям) и читали свои стихи с импровизированной сцены.

— Первая «Табуретка» собрала около 100 детей, — рассказывает один из организаторов проекта, Евгений Шлионский. — Конечно, далеко не все из них стремились забраться на табуретку и прочесть свои творения, многие стеснялись — и совсем малыши, и подростки. Мы никого не заставляли — это наш принцип. Предоставляли детям возможность перебороть свой страх. И в итоге очень многие блестяще справились: не только выходили на «сцену» и читали свои стихи, но и импровизировали на ходу. Правда, потом все очень интересовались — кто же выиграл в этом «конкурсе»? Сложно было объяснить, что тут нет проигравших, все — победители... А наша задача — лишь дать им толчок для собственного творчества.

— Когда я слышала, как выступают дети, мороз по коже пробирал, — рассказывает мама одной из девочек Ольга Захарова. — Кажется, ну о чем они, такие маленькие, могут писать? А оказывается, они понимают жизнь ничуть не хуже взрослых, хотя и с другой, детской стороны. Рассуждают о жизни, о смерти, о любви. Например, одна девочка спела песню собственного сочинения про пингвиненка, мечтавшего научиться летать. Он залез на высокую гору и сказал, что полетит с нее. Его все отговаривали, убеждая, что он разобьется, но он настоял на своем: «Я все равно полечу — не важно, вверх или вниз». И все-таки он полетел вверх.

Юные поэты, участвовавшие в фестивале, получили свой подарок — по одному стихотворению каждого опубликовали в специально изданном детском поэтическом сборнике, причем каждый автор должен был сам проиллюстрировать свое произведение. Правда, взрослые получили подарок куда лучше: возможность собрать детские стихи и понять, чем живут современные дети.

ТВОРЧЕСТВО ПО СМС

— Дети есть дети, — говорит Евгений Шлионский. — Они пишут о том, что видят: о погоде, о маме и папе, о том, как наступила зима и они наряжают елку, или о том, как из садика пошли в школу.

Правда, у современных талантов есть новые способы записать свое творчество. Если тридцать лет назад дети сочиняли стихи и записывали их огрызком карандаша на бумаге, то теперь на помощь поэтам пришли новые технологии.

— Мне приходят в голову стихи, когда я ложусь по вечерам в кровать, — признается 10-летняя Наташа Бахонкина. — Сначала я их записываю на мобильный телефон, а утром переписываю в тетрадку. Уже два года я пишу стихи, даже помню, как сочинила первый: моя младшая сестра принесла с прогулки кленовый листок, и я вдруг взяла и сочинила стих про осень. Иногда, когда мне бывает грустно, я пишу печальные стихи, а когда весело — радостные. Один раз, когда я жила с бабушкой на даче, писала стихи родителям и отправляла им по СМС.

Свои творения Наташа в первую очередь читает морской свинке, которую иногда выгуливает на улице на травке. По словам юной поэтессы, Агоша проявляет большую поэтическую чуткость, а в самых удачных местах даже подпеваает.

— Иногда мои стихи зачитывает учительница в школе, — говорит Наташа. — Но это не всегда хорошо кончается. Один раз я написала стихотворение про наш класс, и там была такая фраза: «Есть у нас Сережа, который корчит рожи». Так Сережа еще долго за мной гонялся...

ЮНЫЕ ПУШКИНЫ И ЛЕРМОНТОВЫ

Многие дети своим творчеством доказывают, что бедность их словарного запаса, о которой постоянно твердят родители и учителя (мол, кроме «о'кей» и «круто», они ничего сказать не могут), не более чем очередной стереотип о «современной молодежи».

— Вы хотите послушать мои стихи? — оживает 9-летняя Аня Захарова. — Я вам тогда прочту не то, что опубликовано в сборнике, а мой новый стих, я его буквально на днях написала.

Девочка ждет, пока я достану ручку, и начинает размеренно диктовать, подражая, видимо, своей учительнице.

*«С горизонта сдернув пелену,
Выпустив лишь тонкий луч рассвета,
Солнце, вдребезги разбив фарфоровую тьму,
Согревало медленно планету.
Желтые, оранжевые, красные,
Засверкали в небе облака,
Загорелась в лучах солнца ясного
Синья красавица-река».*

Видно, что Ане самой очень нравится ее творчество, хотя девочка и признается — подыскивать рифмы было довольно сложно.

— Я назвала стихотворение «Рассвет», — важно поясняет она.

Многие детские стихи посвящены природе. От самых простых: «Тучки весело играли — убежали, догоняли. Дождик капал тут и там — было весело цветам» (Катя Бахонкина, 5 лет) — до сложных, навеянных чисто питерским осенним настроением: «По улицам широким и тоскливым проходят люди, кутаясь в пальто. Им хочется увидеть солнца лучик, но только ветер хмурый бьет в лицо» (Аня Петрова, 12 лет).

Детские творения можно условно поделить на две категории: одни дети серьезно подходят к написанию своих произведений, придумывают пафосные рифмы (часто, впрочем, копируя уже известных им классиков), а другие весело и бесшабашно лепят одну рифму за другой, сочиняя забавные истории.

— Снег повис клоками, околдован лес. Тишина таится в сумраке небес. И развешан иней по стволам берез, полон лес трево-

ги, тайных грез, — торжественно выводит 11-летняя Саша Малахова.

А ее ровеснице Ире Коваль чужды «высокие материи», вдохновение она черпает в окружающих прозаических вещах.

— Люблю свою метелку я, мы настоящие друзья. Она верней любой подружки, она — мила! Ну просто душка! Поет метелка, как пичужка, и тем щекочет мои ушки, — декламирует она. У мальчиков темы, естественно, более «мужские».

— Эй, спасайтесь поскорей! Убежал на кухне клей! — сочиняет 8-летний Максим Шмаков. — Никого он не жалеет, всех, кого он встретит, — клеит. Все скамейки стали клейки, кто присел — приклеился!

Двенадцатилетний Дима Добряков мучился над своей басней о талантливом музыканте несколько дней, постоянно внося в нее поправки, а 9-летний Паша Ботвинник заглянул на «Табуретку» за компанию, но ему так понравилось, что он сел и тут же написал стихотворение.

— С тех пор его прорвало, — смеется его мама Прасковья. — Все пишет и пишет!

МАЛЫШИ — О ПЕТЕРБУРГЕ, ПОДРОСТКИ — О ЛЮБВИ

Еще одна тема, которая интересует детей, — это Петербург. Пусть говорят, что дети сейчас нечувствительны к прекрасному, но красоты родного города не оставляют их равнодушными. У каждого — свой Петербург. У 9-летнего Левы Домбровского — история мышки, которая «была чуть мокра и сыровата, ходила она по улицам нашим, заходила в музеи, узнавала историю города». А 10-летняя Полина Евстафьева проводит небольшую экскурсию по Невскому проспекту: «Гостиный, Дом книги, Казанский собор ведут меж собою немой разговор. И каждый мой шаг будто в небо зовет, туда, где над шпилем Кораблик плывет».

Конечно же, дети постарше — а в «Табуретке» участвовали все желающие до 18 лет — уже не пишут про птичек и цветочки, да и тема родного города их уже не так привлекает. У подрост-

ков — серьезные рассуждения: о смысле жизни, о непостоянстве, о мироздании и, конечно, о любви.

— Я поставила точку, словно знак конца. Это всего лишь точка, она не для меня. Я всего лишь уезжаю. Здесь расставанья ни к чему. Я поставила точку, но я еще приду, — по-женски непоследовательна 12-летняя Юля Шумилова.

— Я счастлив, что мы на берегу вдвоем и просто, искренно живем, — вторит ей 17-летний Павел Вагин. — Подвинься ближе, будет так теплей, смотря на вдаль идущих, чужих каких-то кораблей...

— Моя бабушка говорит, что, глядя на мои стихи, можно подумать, что у меня уже богатейшая любовная биография, — смущается 16-летняя поэтесса Лена Иванова. — А на самом деле у меня еще никого не было...

Где любовь, там и проблема выбора, трудность принятия решений — о многих своих проблемах «роста» молодые люди не готовы говорить прямо, но родители бы многое узнали о внутренней жизни своих детей, если бы прочитали их стихи.

— Кажется нам иногда, обстоятельства правят нами, — рассуждает 16-летняя София Жанарстанова. — Как стрелочник — поездами. Но выбор у нас есть всегда.

«ПОРОЧНОЕ» ПОКОЛЕНИЕ

В детских стихотворениях, если их анализировать, очень интересно переплетаются реалии современной жизни — классические произведения, которые читают своим чадам родители, в головах молодого поколения смешиваются с услышанными репликами из телевизора, отрывками из популярных и детских песенок, модные словечки и сленг сочетаются с высоким словом. Причем для детей в этом нет ничего противоестественного, они радостно переваривают всю поступающую информацию, еще не сортируя ее, как это делают взрослые, на «плохую» и «хорошую». Так получаются забавные стихи, например притча про «Удавов-интеллектуалов» 10-летней Наташи Шпажниковой. Удавы, сидящие на траве, «любили выпить чаю или капелку хлебнуть мохито, курнуть кальяна на ночь и говорить немного: «О, как же дальше жить?»

А 10-летняя Ксюша Платонова не может выбрать, что же ей больше нравится — современный сленг или «Евгений Онегин». Поэтому она прекрасно совмещает их в своей «Песенке про попугая»:

— Наш попугай красавцем не был, и не любил его никто, — сочиняет она. — Но, поглядев однажды в небо, решил: куплю себе пальто. Куплю себе костюмчик новый и буду выглядеть как Бог. И стал он парнем очень клевым и лучше выдумать не мог.

Кстати, сведения о «порочности» своего поколения дети черпают опять же из разговоров и нотаций взрослых. И принимают на веру то, что с ними что-то не так. Свои мысли по этому поводу одна из авторов сборника выразила в стихотворении «Наше время».

— Наше время сложнее, чем у наших родителей, в наше время хитрее и злей соблазнитель. Это время жестоко, но ведь мы в нем живем! Так зачем удивляться, что мы курим и пьем?! — сочинила 14-летняя Ирэк Аджаматова.

Хотя взрослые, кажется, уже смогли заразить детей своим пессимизмом и неверием, тяга юного поколения к сочинительству не угасает, несмотря ни на что — ни на компьютеры, ни на «отупляющие» передачи по телевизору и мультфильмы.

— Мы убедились, что в России по-прежнему много юных Пушкиных и Лермонтовых, — смеются организаторы фестиваля. — Наша задача — не мешать им. Наша задача — вовремя подсунуть табуретку и обеспечить хорошие аплодисменты. Тогда дети поверят в себя, а потом уж и взрослые поверят в своих детей и их таланты. 📍

ЛИТФОНД

БЕСЕДОВАЛ ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ

Герои этих небольших интервью по-разному зарабатывают на жизнь. Кузнец, переводчица, аниматор, критик, преподаватель философии... Что их объединяет? Литература. Все они — молодые российские писатели и поэты. Возможно, те, кто через несколько лет будут задавать тон в российской словесности. Познакомимся поближе?

ПРИЗРАК КЕНЦУХЕ НАД ГОРНОРЕЧЕНСКИМ

Екатерина Репина

27 лет, стипендиат Министерства культуры РФ в 2009 году. Финалист премии «Дебют». Повести и рассказы печатались в журналах «Октябрь» и «Сибирские огни». Живет в поселке Кавалерово Приморского края. Окончила факультет китаеведения Дальневосточного госуниверситета и Пекинский институт материальных ресурсов. Работает переводчиком в компании, экспортирующей лес в Китай.

— Откуда у поселка, в котором ты живешь, такое звучное название?

— О, у нас замечательный поселок, в этом году ему исполняется сто лет! Назвали его так в честь кавалера Георгиевского ордена, участника Русско-японской войны Федора Пополитова. Он был одним из первопоселенцев... Раньше тут были маленькие китайские деревушки, но в начале XX века, после заселения Приморья русскими, китайцы уехали. А названия многих городов и деревень еще долго оставались китайскими. Например, я родилась в поселке Горнореченский, и даже лет десять назад, помню, его по привычке иногда называли по-старому — Кенцухе.

— Сейчас много говорят о китайской «экспансии» на Дальний Восток. Ты работаешь на китайском предприятии, так что у тебя, конечно, свой взгляд на эту проблему...

Екатерина
Репина

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

— Ну, во-первых, это, скажем так, компания с китайским капиталом. В Приморском крае много организаций, занимающихся этим бизнесом, и большинство из них сто процентов российские, так что в этой области нет сильного китайского преобладания. На мой взгляд, никакой «экспансии» нет.

Есть другая проблема — отток российского населения с Дальнего Востока. В результате здесь не хватает рабочих рук, и приходится по квоте завозить рабочих из Китая. Это сезонные рабочие, когда у них кончаются визы, они возвращаются обратно, а на смену им приезжают другие. Получается, что китайских граждан здесь много, но у них нет цели

остаться. Они просто зарабатывают деньги. Многие русские это видят, понимают и поэтому относятся к китайцам с уважением и без страха.

А работа у меня интересная, хотя очень нервная. Но ведь при всем желании невозможно писать прозу с утра до вечера. Работа нужна, чтобы отвлекаться...

— Тяжело, наверное, жить так далеко от всех «центров», ведь и авиаперелеты на «большую землю» у вас дорогие?

— Мне нравится жить в Приморском крае. Самое главное, здесь есть море, и летом в нем можно купаться. Есть красивые бухты, острова, водопады. Но возможностей для самореализации, увы, не так много. Поэтому люди и уезжают на запад, в центральную часть России. У нас есть кое-какая промышленность, но нет желания улучшать условия жизни, отдыха. Например, на праздники и в отпуск приморцы едут в Китай, Японию, Корею. Это близко и не так дорого. А в Приморье есть места не хуже, просто их надо обустроить.

Билеты в Москву недешевы, но работники бюджетных организаций раз в два года могут слетать в любую точку России и обратно бесплатно, есть льготы для студентов, пенсионеров. Иногда авиакомпании проводят разные акции, главное — их отслеживать. В общем, тут все не так плохо.

Хорошо, если бы на Дальнем Востоке появился настоящий центр, который привлек бы новые силы, создал рабочие места и возможность для творческой самореализации. В 2012 году во Владивостоке пройдет саммит стран Азиатско-Тихоокеанского региона, сейчас строятся объекты для него. Вот бы все сложилось, и Владивосток стал таким настоящим центром! Тогда и уезжать не нужно. Видели бы вы, как тут красиво!

— Что ты ешь сейчас?

— Только что отправила несколько рассказов в литературный журнал, а сейчас начинаю работать над повестью о родном поселке.

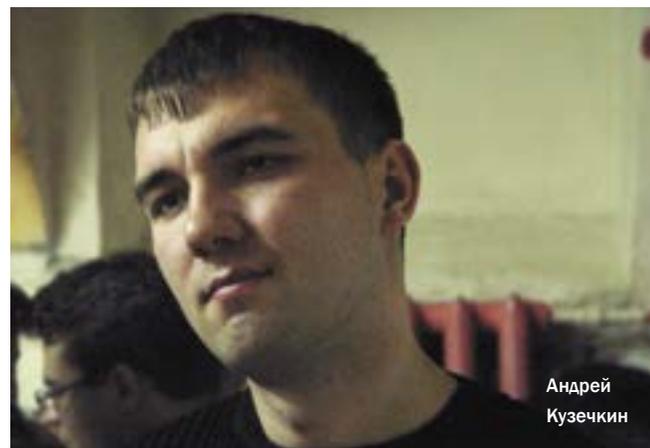
ЧЕЛОВЕК С «ХРОМАТИКОЙ»

Андрей Кузечкин

27 лет. Автор книги повестей «Менделеев-рок» (2007). Лауреат премии журнала «Октябрь» за 2006 год. Живет в городе Бор Нижегородской области. «Плохо учился, плохие отношения с учителями и одноклассниками, поэтому к 17 годам превратился в замкнутого мизантропа, пришлось в буквальном смысле учиться общаться с людьми, как младенец учится ходить». Окончил филфак Нижегородского университета. Работал учителем в сельской школе, журналистом, охранником, грузчиком, дворником, «но главное — писал книги и осваивал губную гармошку».

— Расскажи о своей рок-группе.

— Она называется «Мир с двойным дном», по названию моей самой первой повести, которая вряд ли будет опубликована. Нас пятеро: барабаны, бас, гитара, девочка-певица и я — губная гармошка и тоже вокал, хотя больше читка, потому что вокальные данные у меня так себе. Я же и администратор — определяю репертуар, график репетиций, договариваюсь о концертах и т.д. Стиля как такового у нас нет — легкий альтернативный рок, причем основной соло-инструмент — хроматическая губ-

Андрей
Кузечкин

ная гармошка, что довольно необычно, особенно если уметь на ней играть. Выступаем редко, но с удовольствием.

— «Менделеев-рок» — книга про музыкантов, про то, как трудно жить в маленьком промышленном городе, полном наркоманов, гопников и пр. «Сопrotивление среде» действительно дается так тяжело?

— Когда я это писал, то под городом Нефтехимик подразумевал скорее не родной Бор, а город Дзержинск. А что касается моей малой родины... Говорят, Бор очень «трудный» и «депрессивный», но мое мнение: проблемы бывают у того, кто сам их ищет, это не зависит от места, где живешь. Любить Бор можно за то, что там все близко, рукой подать. Весь Бор — это две длинные городские улицы, а вокруг них — огромная деревня.

— Чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Последние одиннадцать месяцев работал на производстве защит картера двигателя, гнул железо, варил, шлифовал болгаркой и еще много чего делал своими руками. На этой неделе уволился, ибо кризис, платят мало. Кроме того, числюсь аниматором в одной фирме, которая организует праздники. В Новый год неплохо заработал Дедом Морозом, ближе к лету намечается еще работа — ведущим свадеб и детских утренников.

— Почему ты ушел из школы?

— Не понравилось. Быть учителем — почти то же самое, что быть, скажем, священником и миссионером. В том смысле, что если сам себе не веришь, то и никто не поверит. Я вот прекрасно видел, что детям не нужна эта учеба, потому и работал спустя рукава. Настоящий учитель должен быть самоотверженным, но при этом понимать детей. Проблема школы в том, что таких мало, а пенсионеры советской закалки сегодняшних детей не понимают или делают вид, что не понимают.

— Ты счастлив?

— Да. Счастье — в движении, а я движусь. Пишу книги, продвигаю свой музыкальный проект и занимаюсь сексом с любимой девушкой.

— Что из новой прозы мы сможем прочитать в ближайшем будущем?

— В этом году, надеюсь, удастся сдвинуться с мертвой точки — публикация повести «Магма» в екатеринбургском журнале «Урал». Надеюсь также издать вторую книгу. Есть два готовых и никому на фиг не нужных романа, «социальщина», о современной молодежи. Сейчас пишу фантастическую сагу, давно хотел. Может, хоть ее куда возьмут.

СПАСИБО ЗА ТОПОР

Алексей Лукьянов

34 года. Лауреат Новой Пушкинской

премии. Автор книги «Спаситель

Петрограда», изданной в 2006 году.

Живет в городе Соликамске Перм-

ского края. Образование среднее.

Кузнец. В настоящее время числится

сотрудником Усольского историко-ар-

хитектурного музея.

— Как относятся к твоей первой профессии коллеги-писатели?

— Для писателей я — кузнец, для кузнецов — писатель. Долгое время эта игра в «свой среди чужих» меня раздражала. Действительно, кто я? Не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка. Но, побывав на нескольких писательских тусовках, решил, что все-таки я кузнец. Кузнец может вариться в своем соку, может заниматься текучкой и не задумываться: нужна ли моя работа кому-то или нет? На производстве все ясно: вот ломы, они нужны путейцам. Вот стрелочная тяга, она нужна связистам. Другое дело, что сейчас экономическая ситуация такая, администрация хочет, чтобы за меньшие деньги ты выполнял ту же работу. Но, положила руку на сердце, если бы меня позвали обратно, сказали бы: «Леха, ты нам нужен», — я бы вернулся. У нас превосходно сработавшийся коллектив, я там себя чувствовал человеком. С писательством совсем иная ситуация. Это хобби. Я люблю сочинять, у меня неплохое чувство юмора и, как мне кажется, способность видеть и пересказывать забавные истории. Но таких сочинителей сейчас пруд пруди. Сейчас в русской литературе каменный век, период накопления знаний об изменившемся пространстве-времени. Наскальная живопись, натуральный макет, магические обряды. Мы должны стать удобными для тех, кто придет потом, потому что мы выработали ресурс советской литературы, из которой вышли. Литература обесценилась. И в этой ситуации мне быть писателем как-то не улыбается. Потому что в ней никто никому не нужен. И если все, что я на-

писал, сгорит и сотрется, никто этого не заметит. А ограда, которую я выкопал, или двери — останутся. И человек, который колет дрова моим колуном, вспомнит меня добрым словом.

— Ты много писал в жанре «альтернативной истории», то есть обращался к прошлому и будущему нашей страны. Каким ты его видишь, это будущее?

— О будущем я как раз ничего не пишу. По большому счету, меня интересуют люди, их судьба, их воля к жизни. Мне очень интересны люди, которые покоряют мир, не сходя с места. Ну вот, скажем, сейчас меня занимают две личности, тесно связанные с Соликамском: Алексей Турчанинов, богатый горнозаводчик, который сумел выдавить из нашего города два промышленных клана — Строгановых и Демидовых, добиться за сравнительно недолгую жизнь небывалых успехов, и Владимир Цифринович, директор Первого калийного комбината, поднявший весь советский калий и магний. Эти люди не стремились уехать туда, где жизнь лучше, они строили свой мир здесь и сейчас.

Проблема в том, что я не пишу романы. Меня этот жанр угнетает, я привык бегать на короткие дистанции, и даже повесть для меня — очень тяжелый и длинный путь. Просто гнать километры текста я не умею, мне подолгу приходится формулировать мысль. Впихнуть же в рассказ жизнь человека, причем жизнь, полную событий, заведомо гиблое дело. Если Алексей Иванов живописец-станковист, то я — книжный график, что тоже интересно, но менее заметно.

Что же касается будущего, то я не склонен романтизировать его. Мне кажется, сейчас у нас странная смесь времен: у нас и первая мировая, когда внешняя политика мешает заниматься внутренними делами, и индустриализация, когда надо поднимать отечественное производство, но внизу не умеют, а вверху тянут резину. Однако рассуждать, кто виноват и что делать, не буду — не моя это прерогатива.

— Ну и стандартный вопрос о «творческих планах».

— У меня пока затишье. В прошлом году дописал небольшую повесть о том, как все забыли крепкие слова и что из этого вышло. Сейчас заканчиваю работу над книжкой (не художественной) о Соликамске. Это работа в соавторстве, интересный опыт, но, думаю, больше я так экспериментировать не буду: работа сделана на треть, а результаты не нравятся, и на кого в таком случае пенять? О том, что сейчас ждет своего часа, говорить, пожалуй, не буду, не из суеверия, а потому, что заготовок слишком много, и я просто не уверен, чем именно займусь: там и детская сказка, и еще один альтернативно-исторический детектив, и вестерн про китайцев. Было бы время.

Елена
Погорелая
в эфире
«Вестей»

«АНГЕЛ РУССКОГО ЯЗЫКА» СРЕДИ ГАСТАРБАЙТЕРОВ

Елена Погорелая

22 года. Поэт и критик. Статьи и рецензии печатались в «Новом мире», «Знамени» и многих других журналах. Живет в Москве. Окончила МГУ. Работает в редакции научного журнала «Вопросы литературы», преподает в гуманитарной школе при РГУ. Член редколлегии журнала «Литературная учеба».

— Многим трудно представить себе такое «совмещение»: очаровательная юная девушка — и опытный профессиональный критик. Часто ли приходится сталкиваться с удивлением, а то и с иронией?

— До недавнего времени я «опытным профессиональным критиком» не была, да я и сейчас не рискую так себя называть, хотя опыт работы в серьезном журнале, конечно, способствует профессионализму — но и повышает степень ответственности. А на «критических подмастерьев» гендерные предубеждения обычно не распространяются. Гораздо чаще приходится сталкиваться с предубеждениями другого характера: в литературном пространстве бытует мнение, что отрицательная рецензия критика на какой-то текст вызвана его «политической» (в смысле литературной политики) принадлежностью, что высказывание критика обусловлено мотивами, лежащими где-нибудь в сфере «тусовки» или кружка. Не так давно, например, меня обвинили в том, что в статье о поэтах периода нулевых я называю только «своих». Но как я могу назвать «своими» тех, например, кого я ни разу не видела? Получается, в современной

литературе нельзя и шагу ступить, чтобы тебя не приписали к какой-нибудь партии. Это намного печальнее иронии или удивления по поводу пола и возраста «профессионального критика».

— Сейчас разгорелся очередной скандал, связанный с якобы оплаченными рецензиями во вполне авторитетных изданиях. Тебе еще не случалось сталкиваться с этим «теневым бизнесом»?

— Знаешь, мне в этом плане «не повезло»: я получаю письма в основном от бедных поэтов. С просьбой: помогите напечататься. Помнишь Раневскую? «Бог поможет...» «Теневой бизнес», разумеется, есть, но он случаен и шаток. Впрочем, я могу сейчас вспомнить пару фамилий прозаиков, о которых пишут за деньги, но все же и так понимают, что это за рецензии. Поэтому никакого влияния на собственно литературный процесс книги под их фамилиями не оказывают.

— Кроме шуток. Сейчас работа критика, если это не коммерция, почти безгонорарна. Как тебе удается прокормиться?

— А как удастся прокормиться студентам Литинститута, вообще — студентам и аспирантам, приехавшим в Москву из других городов? Обычно: частными уроками, подработкой, левыми или «халтурными» заказами на какие-нибудь дипломы или рефераты... У меня, к счастью, еще есть работа в журнале, которая дает стабильный, хотя и небольшой заработок. А вообще, работая над статьей для толстого журнала, человек изначально отдает себе отчет в том, что пишет не для денег, не для гонорара, а, если угодно, как говорил Бродский, для некоего «ангела русского языка». У каждого критика, поэта, прозаика, мне кажется, должен быть такой собеседник с абсолютным слухом, которого нельзя обмануть.

— Ты обосновалась в Москве. Каким видишь этот город?

— Я здесь работаю, учусь, снимаю квартиру, как тысячи «понаехавших». Своим я этот город считать не могу, да и вообще у меня родного города нет, я его не вижу, не знаю, не чувствую. А то, что я наблюдаю в Москве... В районе, где я живу, очень много подготовленных к сносу пятиэтажек, говорят, им осталось сроку — три-четыре года. Коренные москвичи отсюда почти все разъехались, квартиры сдают приезжим гастарбайтерам. Живут они по 10–15 человек в однушке, работают с шести утра до полуночи,

весь черный труд — строителей, продавцов в круглосуточных магазинах, снегоуборщиков — их. А русские москвичи — мужчины «от 35 и старше» — в тех же магазинах клячат на выпивку. Какие в таком случае перспективы у города? Москва — это многослойный пирог: внизу — заезжая нелегальщина, чуть повыше — заехавшие легально, а что там на самом верху, я не знаю. Если все это попробовать перемешать, может вспыхнуть. А может и не вспыхнуть. Я вижу довольно узкий, локальный кусочек жизни в столице, мне трудно судить.

МАЛЕНЬКИЙ ХРАМ В АКАДЕМГОРОДКЕ

Дмитрий Бирюков

30 лет. Лауреат премии «Дебют» за 2005 год. Живет в Новосибирске. Окончил истфак Новосибирского государственного университета.

— Насколько я знаю, ты вернулся в Новосибирск несколько месяцев назад, а до этого жил в Москве. С чего такой крутой поворот?

— «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря». Я устал от Москвы, эта суета, шум и постоянные стрессы — слишком высокая цена за то, что я искал

Дмитрий
Бирюков

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

в этом городе. Я ехал в Москву как в культурную столицу. Но Москва также и столица политическая и экономическая. От этого лучше держаться подальше. Там я занимался журналистикой, здесь продолжаю писать о культуре, кроме того, редактирую научный журнал.

— Как тебя встретил Новосибирск?

— Город очень сильно изменился. Это произошло очень быстро. Я не узнавал даже улицы по дороге из аэропорта домой. Теперь здесь есть все, чего мне когда-то не хватало, но сохраняется чувство меры, которого не знают там. Все достоинства Москвы можно найти и здесь, но нет тех недостатков.

— Ты католик. Это редкость для нашей православной страны. Как ты пришел к католицизму?

— Иисус говорил: не вы выбрали Меня, но Я выбрал вас. Стоило только зайти в католический храм, чтобы понять, что тут мое место, это мой дом. Безусловно, это проявляется в том, что я делаю. Католицизм — огромный культурный пласт, к которому можно обращаться бесконечно. Церковь позволяет быть внутри европейского наследия, понимать его. Кроме того, в целом христианство — духовный фундамент, который постоянно поддерживает меня в самых разных испытаниях. Конечно, в церкви, где больше миллиарда человек, встречаются и подлецы, и негодяи, но я могу объяснить им, почему они не правы. А мне укажут на мою собственную неправоту. Есть общий язык, который все понимают. К тому же христианство и как мировоззрение, и как культура просто преисполнено красотой. Будь это маленький приход в Академгородке, будь это огромный старинный храм, что я видел в Европе, везде чувствуешь эту красоту, доброту, тепло.

— Возвращение на родину как-то повлияло на твоё творчество?

— Планов всегда много, но наконец-то получается писать что-то более крупное, чем рассказы. Потихоньку продвигается повесть. Кроме того, есть несколько сюжетов для пьес.

— Каким ты видишь своё будущее и будущее страны?

— Давай оставим мое будущее мне, а будущее страны — стране, и тогда мы не станем мешать друг другу.

МЕЖДУ МАЙСКИМ ЖУКОМ И ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СКАТОМ

Александр Гриценко

30 лет. Живет в Москве. Окончил Литинститут им. Горького. Занимается общественной работой (в московской организации Союза писателей России, экспертном совете премии «Дебют»), проектами в сфере режиссуры, PR и продюсерского дела, ведет авторскую передачу на «Радио России», рубрики в различных СМИ, возглавлял отдел критики газеты «Литературная Россия». Лауреат нескольких премий, награжден почетной грамотой Министерства культуры РФ, медалью правительства Москвы.

— Мне не очень понятно, как один человек может все это успевать.

— А еще я занимаюсь спортом, выпиваю с друзьями, плету интриги против врагов, сам выбираюсь из интриг недоброжелателей, веду блог, уделяю время супруге, много читаю... Ничего странного в этом нет. Там, где я работаю, я не один — стараюсь окружить себя командой из умных и преданных людей. Отды-

Александр
Гриценко

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

хоть я тоже люблю в компании. Только творчество для меня акт интимный, и писать я предпочитаю в одиночестве.

— **Список твоих наград и постов угрожающе велик для молодого писателя. Нет ли страха стать функционером, а не творцом?**

— Во-первых, в тридцать автор, который публикуется с шестнадцати, не такой уж и молодой. Это у нас сохранились представления с советских времен, что до пенсии — все в молодых писателях. А те уже вполне сформировавшиеся ребята, которым двадцать, у которых выходят книги, они что, младенцы, что ли, совсем?.. Во-вторых, почему нужно бояться стать литчиновником? Это тоже страх, привитый советской эпохой. Тогда чиновники от литературы давили все не удобное власти. Сейчас же дела обстоят иначе. Как правило, такие «чиновники» — это современные продюсеры. Они кормят и поят коллег, выводят авторов на новый этап развития. Быть продюсером — это неплохо. Потому что творческие идеи или даже готовый, написанный роман (или снятый фильм) — это только материал, который нужно правильно применить, чтобы его захотели посмотреть или прочитать. Есть очень много талантливых творцов, которые не встретили своего продюсера и пребывают в безвестности. Что же в этом хорошего?

— **По твоим наблюдениям, что сегодня происходит в драматургии, в литературе?**

— Возрождение. По-другому начинают творить драматурги, которые известны с двадцати своих лет. Художники из этого поколения или исчезают, или начинают писать всерьез. Я считаю, что культуру ждет прекрасное будущее. Возможно, даже новый «золотой век».

— **Ты вхож в совершенно разные театры — и в сугубо традиционные, и в молодые, новаторские. Серьезен ли раскол между ними? По какому пути пойдет театр?**

— Ну, как понять — раскол? Между майским жуком и электрическим скотом есть раскол?.. Просто они разные, и все. Например, МХАТ Дорониной живет по правилам эпохи блестящей, но уже мертвой. Их боги уже никогда не вернуться. Уйдут вслед за ними и эти театры-музеи. А новаторские театры — это пока не театры в обычном понимании,

а экспериментальные площадки, студии, на которых растут будущие великие художники. Они пришли рано, многих из них объявили гениями, но это не так. Они только сейчас набрались сил. Думаю, в России сохранится репертуарный театр, но «новые» из подвалов придут в него и модернизируют.

— **О чем ты сейчас пишешь?**

— Закончил и редактирую повесть о первой чеченской войне. Ездил в Чечню, собирал материал. Надеюсь, получилась хорошая вещь, а то мне со всеми моими наградами будет неудобно. Кроме того, сейчас я пишу роман о довоенной Чечне. Действие начинается в последние годы ссылки чеченцев и ингушей, а заканчивается в первый год войны. Судьбу Чечено-Ингушетии я показываю через жизнь выдающегося композитора Аднана Шахбулатова. Будут там и такие одиозные личности, как, например, Зелимхан Яндарбиев. Совсем непохожий на того, кого мы видели по телевизору. В книге он будет не бородатым террористом, идеологом чеченских сепаратистов, а молодым нищим поэтом, выпускником Высших литературных курсов Литературного института имени А. М. Горького. Я постараюсь понять его превращение. А сверхзадача, которую я поставил, — показать, как мирная советская республика вдруг превратилась в горячую точку. Сейчас работаю над второй частью. Всего роман будет состоять из семи частей.

— **Каким бы ты хотел видеть свое будущее?**

— Я хочу быть здоровым, знаменитым и богатым. До сорока лет я планирую заниматься литературой и пиар-бизнесом, а потом, возможно, пойду в политику. Дальше я пока не загадываю.

ГОРИЗОНТ СОБСТВЕННОГО ВСЕСИЛИЯ

Михаил Богатов

29 лет. Живет в Саратове. Окончил Саратовский государственный университет. Кандидат философских наук. Преподает ряд философских дисциплин, ведет ежегодный коллоквиум по современному искусству, выпустил несколько научных монографий. Обладатель гранта президента России для молодых ученых. Поэт, прозаик. Автор книги стихов «Лолита в Греции» (2010).

— **Как ты сам считаешь, кто ты в первую очередь — ученый или писатель?**

Михаил Богатов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

— Понятно, что никакой очереди не существует, хотя сказать, что этот вопрос для меня решен или, наоборот, не важен, не могу. Много размышлял по этому поводу, когда ловил себя на том, что творческий подъем всегда един — то есть когда вдохновишься на какой-нибудь труд, сразу же чувствуешь себя всемогущим, хочется делать многое, тут и задумки в литературе, и статьи научные. Но это лишь поначалу так происходит, поскольку затем, чем больше работаешь над чем-то определенным, тем более сужается этот горизонт собственного всемогущества, и это происходит до тех пор, пока он вообще не исчезнет. Это уже стадия доработки начатого, почти в режиме автопилота. Меня всегда поражала и подавляла судьба Сартра, который и в литературе, и в философии, и в политике. Но затем, последовательно ознакомившись со всеми сферами его достижений, я понял, что человек, который везде сразу, — он нигде.

У меня был опыт одновременного начинания диссертации вместе с романом «Машина тишины». Долгое время эти тексты шли параллельно: на одном я «отдыхал» от другого; во время серьезной научной работы скапливалось много дурных и шальных мыслей, которым я давал «оторваться» в романе. Но в итоге диссертация победила, и «Машина тишины» была брошена.

В литературе отдаешься тому, что пишешь, полностью, безо всякой возможности критически отнестись к тому, что ты де-

лаешь, при максимальной предвзятости к тому, как ты это делаешь; в философии, напротив, размышления над тем, что ты говоришь, зачастую оставляют в тени для тебя самого, как ты говоришь.

— Не слишком ли ты нагружаешь себя, ведь ты еще и собираешь ежегодно поэтический фестиваль «Дебют-Саратов»?

— Наш клуб собирается уже пять лет, изначально это было человек четырнадцать молодых поэтов. Почему именно поэтов? Клуб был задуман не только как организация по интересам, но и как площадка для выступлений. Читать стихи публично куда проще, чем прозу. Кроме того, в Саратове, да и не только, большие проблемы с прозой. Со стихами тоже проблемы, но с прозой хуже. Пишут люди про компьютерные игры, про любовные переживания, пишут детективы, но почти никто из пишущих прозу не удосуживается читать некоммерческую литературу, с которой покончено на школьной скамье. Говорят, не читают «других», чтобы не потерять своей «оригинальности», не замечая, что такая «оригинальность» как две капли воды похожа на все прочие.

Но у нас находятся очень внимательные и начитанные ребята, идеальные слушатели и, возможно, иногда даже собеседники. Когда мы были готовы к первому большому выступлению в городском масштабе, нас вызвался поддержать московский поэт Виталий Пуханов и с ним несколько человек. «Несколько человек» оказалось восемнадцать. Первый фестиваль шел несколько дней. В этом году готовим уже четвертый.

Зачем это нужно мне? Это опыт моей жизни, которая одна, и другой пока не обещали. Если что-то и делается в ущерб себе (в финансовом смысле), то ведь дело не в деньгах, их с собой никуда не возьмешь, когда жизнь закончится. Это общение с людьми, которые родственны тебе по духу. Видя других пишущих, перестаешь воспринимать себя с луны свалившимся человеком.

— Чем сейчас занят Михаил Богатов?

— Готовлю книгу стихов, работаю над романом «Отче наш». Читаю лекции. Между делом работаю над рубрикой «быть интересным папой для своей дочери Алены», которой скоро уже шесть лет. Живу, интересуюсь и люблю. 📖

НОВЫЕ ГЕРОИ ДЛЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

Книг для детей сейчас издается много — в любом книжном магазине отдел детской литературы занимает солидное место, пестря яркими обложками. Но если убрать из этого множества вечную классику, отложить в сторону книги иностранных авторов и явный ширпотреб вроде «детских детективов», то полки останутся практически пустыми.

Родители бьют тревогу: мой ребенок не читает! При этом немногие из взрослых найдут силы отказать от телесериала в пользу книги или сходить в воскресный день в библиотеку, а не в магазин. А подкладывая чаду любимую повесть из своего советского детства, не учитывают, что герои прошлых лет так и остались пионерами и продолжают собирать макулатуру. Редкая мама найдет время сесть рядом с подростком и объяснить ему, для чего, скажем, нужно было носить красный галстук. Но в основном мальчики и девочки хотят читать все-таки о своих ровесниках. Хотя бы поэтому стоит обратить внимание на современных авторов поэзии и прозы для детей. Но родители, особенно не обделенные литературным вкусом и образованием, стонут: это какой-то суррогат, а не книги, — сплошная пошлость, глупость, аляповатость!

Известный литературовед, специалист по детской литературе Ирина Арзамасцева уверяет: огромный ассортимент подобных книг — просто расхождение между издательско-торговым бизнесом и литературным процессом, а не смерть детской литературы в целом. Таланты есть, и даже издаются, но, чтобы разыскать их, нужно желание и немного любопытства.

ПИШЕМ ДЛЯ ДЕТЕЙ. ДЛЯ СВОИХ ДЕТЕЙ

Наша встреча с авторами недавно изданной в Нижнем Новгороде серии «Писатели — детям» (13 книг 17 авторов) проходит в областной детской библиотеке. Место не случайное: именно библиотеки в России сегодня являются буфером между книжным рынком и ребенком. По понятным причинам там работают в основном лишь настоящие подвижники своего дела, и каждый отдел комплектования старается хотя бы часть скудных средств тратить не только на то, что популярно, но и на то, что действительно стоит внимания. Сюда попадают издания, которые никогда не пробьются на прилавок: о спецтираже для библиотек заботится большинство детских литературных премий. Кстати, запомнить имена победителей этих премий («Заветная мечта», «Алые паруса», имени Чуковского и др.) неплохой способ заочно оценить уровень автора книги, которую будет читать ваш ребенок. Более верный, пожалуй, только если прочитать самому.

— Я не считаю себя детским писателем, — признается Виктор Карпенко, подполковник запаса с тремя высшими образованиями, автор исторических романов. — Но у меня бывают такие «выплески» — рассказы для детей пишутся очень быстро, может быть, потому, что все сюжеты я беру из жизни. Даже редактировать рукопись потом практически не приходится. Тем не менее

мой первый сборник рассказов для детей, «Солдатская каша», в 2009 году стал лауреатом Международной премии «Имперская культура» в номинации «Детская книга».

— Приходит время, у тебя рождаются дети, и именно для них ты начинаешь создавать детскую литературу, — говорит Елена Крюкова, серьезный «взрослый» поэт и прозаик. Недавно, например, в крупном московском издательстве вышел ее роман «Серафим», так что увидеть ее в детской библиотеке, нарраспев читающую стихи о волшебном скафандре и слоне с планеты Венера, было очень неожиданно. — Большинство авторов-женщин творят именно для своих детей. Посмотрите, я держу в руках книгу «Чебудушка» москвички Ирины Горюновой, которую она посвятила дочке Машеньке. Герои ее рассказов — Валька, Маша и Алина, обычные ребята, которые попадают в разные смешные ситуации. Как вы думаете, с кого она писала эту книгу?.. Каждая история — непременно с моралью, разве можно без этого представить хороший рассказ?

ИНТЕРЕСНЕЕ УЧЕБНИКА

Во все времена задача детской книги — не только развлечь, но и воспитать. И если в произведениях советской эпохи, на которых выросли нынешние папы-мамы-бабушки, делался упор в том числе на идеологическую мораль, то сейчас авторы хороших детских книг воспевают общечеловеческие ценности: умение любить и дружить, помогать ближнему, мечтать, творить... Хотя время расставляет свои приоритеты, и даже среди вечных нравственных ориентиров появляется то, что кажется сегодня особенно важным: умение отказаться от искушений; зоркость, позволяющая разглядеть за оболочкой суть; силы идти к цели. Нередко возникает тема экологии.

— Каждый живет в свое время, но вопросы совести, дружбы и ответственности актуальны во все времена. И если моя книга когда-нибудь поможет ребенку принять верное решение, я буду этому очень рад, — говорит Виктор Карпенко.

В одном из его рассказов девятиклассник тратится на цветок для новенькой симпатичной одноклассницы, а та небрежно бросает: «Лучше б ты пивка купил», чем немедленно вызывает отторжение главного героя и сразу дурнеет в его глазах. В стихах Юрия Ермолова (это иногда он «работает» детским поэтом, а вообще-то — заместитель начальника Нижегородского кадетского корпуса) девочка переживает из-за веснушек, но в конце оказывается, что мальчишкам именно они и нравятся больше всего. В стихотворной повести Елены Крюковой «Созвездие льва» герои на фантастическом корабле попадают на планету, где сбываются все желания, и вдруг понимают, что это — очень скучно, гораздо интереснее самим добиваться поставленной цели.

Более заметная тенденция современной детской литературы в том, что родители, озабоченные образованием своих детей, начинают учить их читать-писать-считать почти с пеленок и поэтому активно предпочитают современным художественным книгам обучающую детскую литературу. По данным Российской книжной палаты, среди наиболее издаваемых детских авторов в 2010 году лидирует классик Чуковский (общий тираж — более 3,7 миллиона экземпляров), а за ним следует автор «Букваря для малышей» и других развивающих стихов Владимир Степанов с общим тиражом почти в 2 миллиона. В первой десятке, среди Барто, Андерсена, Маршака, Перро, Волкова, Носова и Остера, — Ирина Гурина, по книгам которой можно учиться читать, считать, определять время и так далее.

Впрочем, сами детские писатели не против того, чтобы их книги обучали и по-своему дублировали школьные знания, упаковывая их в увлекательный сюжет. Наоборот, в этом, по мнению некоторых, — миссия современной неидеологизированной детской литературы.

— Я писала повести о космических путешествиях для взрослого сына, потому что сама болела астрономией в детстве. И он, видимо, почувствовал и впитал это — стал астрофизиком, сейчас докторант Университета Оберн, США, — делится писательница Елена Крюкова.

— То, что изучается в школе на уроках, наверняка со временем забудется. Но если прочитать о тех же самых законах физики интересную историю, такая физика запомнится на всю

АНАСТАСИЯ ПОЛУИНИНА

жизнь, — убежден Павел Шаров, в прошлом сотрудник научного института, а теперь, когда ему почти 80, — «молодой» детский писатель, недавно издавший книгу воспоминаний о военном детстве «Пашка с Макаронки». В его новой, фантастической повести чудеса не противостоят современному естественнонаучному знанию, а, скорее, иллюстрируют его. При этом наука дана в разумных пределах — Шаров заслуженно гордится, что сумел книгой о путешествии к Венере и другим планетам оторвать от компьютера собственного внука.

ДЕТСКАЯ КНИГА VS ИНТЕРНЕТ

Противостояние книги и Интернета — еще одна проблема, которая была неведома классикам прошлого и которую приходится решать современной детской литературе. Во времена Гайдара и Катаева без телевидения, компьютерных игр и Интернета ребенку надо было чем-то себя занять, и он читал. Читали его родители, иногда по вечерам и вслух — Виктор Карпенко до сих пор с содроганием вспоминает эти семейные

чтения, когда ему, 5-летнему, приходилось слушать «Жерминаль», и говорит, что именно это побудило его еще до школы впервые прийти в детскую библиотеку. Однако современные медиа способны не только отвлекать от книги, но и, наоборот, притягивать к ней.

— Немалую долю популярности тому же «Гарри Поттеру» принес фильм, — считает Карпенко. — Книги о так называемых Волшебницах (Winx) печатаются миллионными тиражами, потому что есть одноименный мультфильм. Как только появляется кино или сериал, популярность книги, по которой они сняты, тут же начинает расти.

Становится понятно, почему современные сказочники стараются участвовать не только в чисто литературных конкурсах и фестивалях.

— Мой сценарий по сказке «Невероятная рождественская история» стал лауреатом VI Международного кинофестиваля «Лучезарный ангел», в рамках которого был организован конкурс сценариев мультипликационных фильмов, — рассказывает автор стихов и прозы для детей Ирина Дружаева из Города Нижегородской области. Ирина часто принимает приглашения от библиотек города и области и встречается со своими читателями.

— Такие встречи — процесс взаимовыгодный, они часто превращаются для меня в праздник, — говорит Ирина. — В последний раз я увезла целую пачку рисунков, которые дети нарисовали к моей книге «Лунное озеро».

Но, вообще, ситуация, когда школьники приходят на встречу с писателем подготовленные, скорее исключение, чем правило. Чаще всего такая встреча становится первым знакомством ребенка с новым автором, побуждающим взяться за книгу. Ведь многие дети, вскормленные современными медиа, даже представить не могут, что писатель — это не портрет дяденьки на стене в кабинете литературы. Что автор книги может запросто встретиться с ними, оставить автограф, пожать руку, дать совет.

А это уже, как ни крути, не виртуальная реальность, а живой, осязаемый опыт.

Для современного же детского писателя, особенно в регионах, регулярные встречи с читателями и их родителями — вопрос выживания. Их книги, напечатанные скромным тиражом со скромным оформлением, не могут конкурировать со столичными изданиями.

— Книга должна расходиться за три месяца, иначе сначала она съедает свою прибыль, а затем и свою себестоимость, — уверяет Виктор Карпенко, не только автор, но и главный редактор небольшого нижегородского издательства. — Если раньше одни только библиотеки вбирали в себя по 700 экземпляров, то сейчас с трудом — 350. Продать остальные в нашем полумиллионном городе практически невозможно, у нас нет развитой системы реализации книг местных издательств.

Несмотря на это, Карпенко продолжает выпускать книги, а во встречах с читателями видит свой главный ресурс: детям книги дарит, взрослым — продает.

Отношения детских авторов и столичных издательств тоже складываются непросто. Галину Дядину из Арзамаса Нижегородской области, которую местные СМИ давно окрестили «нашей Агнией Барто» и которую с удовольствием печатали детские журналы вроде «Кукумбера» и «Мурзилки», заметил наконец и один из гигантов детской печатной индустрии. Столичное издательство предложило ей контракт на несколько лет. Книги с прекрасным дизайном хотя и подготовили, но не выпустили: проект отложили из-за «непростой экономической ситуации». Но свое право печататься где-то в другом месте, пока действует контракт, она потеряла.

Авторы, не желающие пропадать в забвении и писать «в стол» только из-за финансовых сложностей, публикуют свои опусы в Интернете, где их находят не только издатели, но и читатели.

— Я завела себе ЖЖ, когда поняла, что блог — это отличный инструмент, который позволяет делиться творчеством, общаться и поддерживать контакт с огромным числом людей, — подтверждает Елена Крюкова.

С одной стороны, зачем бесплатно выкладывать в Сеть произведения, которые можно продать? С другой — только так современный автор, не имеющий средств на раскрутку, и может привлечь к себе внимание. А главное — убедить родителей: его творчество достойно того, чтобы прочитать ребенку. 📖

СКАЗКА – ЛОЖЬ. ЕЕ НЕ ТРОЖЬ!

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

Отравившаяся яблоком царевна с помощью азбуки Морзе вызывает «скорую помощь», а победившего злую колдунью царевича назначают председателем колхоза. Так «бают» сказочную классику сказители сегодняшней глубинки.

Жанр русской сказки нынче хоронят. Бабушек-рассказчиц заменили книги, диски и кассеты, а Иванов Царевичей и Иванов-дураков — их западные аналоги вроде хоббита Фродо и огра Шрека. Современному поколению куда интереснее герой, который одновременно человек и паук, чем царевна, обращающаяся лебедем.

Однако сказка хоть на ладан дышит, но все же живет в устном сказании. Специалисты Центра традиционной народной культуры Череповецкого района не один год записывали сказки в деревнях западных районов Вологодской области, правда, ни одного сказителя моложе 60 лет не встретили. За проект «Сказки Вологодской области в записях конца XX — начала XXI века» его куратор Татьяна Кузьмина удостоилась нескольких наград на областных и региональных конкурсах работников культуры. Ею было собрано и обработано более 130 сказок.

РУССКИЙ БОГАТЫРЬ НЕ КУРИТ И НЕ ПЬЕТ

С появлением «радива» да «телевизира» необходимость в сказках и легендах, которые помогали раньше скоротать вечернее время за домашней работой, исчезла. Теперь сказка если и существует, то скатилась на положение анекдота — рассказать в темпе речитатива у колодца, пока ведро набираешь, и сбежать сериал смотреть. А раньше, по словам Татьяны Кузьминой, сказку в один вечер уместить не могли, на следующий день собирались, чтобы дослушать.

В сказках, записанных в последние несколько лет на территории Череповецкого, Бабаевского, Кирилловского, Белозерского и Шекснинского районов, сюжеты почти сплошь избитые. Но современность наложила на самый архаичный жанр свой отпечаток. Примеров тому масса: царь зовет гостей к себе

СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ

Приведем несколько сказок из тех, что собрали Татьяна Кузьмина и сотрудники Центра традиционной народной культуры.

Беззаботный монастырь

«Вот, значит, построили монастырь. Монахи собрались и не знают, какое монастырю дать название. Не могут придумать, и все тут. И вот, приезжает царь и говорит: «Как это не дали название монастырю? Приеду в следующий раз, и чтобы назвали его как-нибудь». Вот. Да, хорошо. Уехал царь. Вот все монахи сбились, не знают, что и делать. А идет Ванька-мельник. «А вот, — говорят ему монахи, — не знаем, какое монастырю дать название». «А назовите, — говорит. — «Беззаботный монастырь». Ладно. Царь приезжает, ему говорят: «Дали название монастырю. Теперь он Беззаботным зовется». Царь озлился! «А я вам наделаю заботы и пе-

чали сейчас! К такому-то дню отгадайте три загадки! Первая загадка — что я стою? Вторая загадка — сколько на небе звездочек? А третья загадка — что я думаю?» Да. Хорошо. Думали монахи, думали — никакой загадки не могут отгадать. Позвали Ваньку-мельника, а он и говорит игумену: «Давай твоё одеянье все, тогда буду отвечать царю». Оделся. Приходит к царю. «Ну, первая загадка — что я стою?» — спрашивает. «А, — говорит Ванька, — царь Николай стоил двадцать пять, а вы уж на пядь его меньше, так двадцать. Сколько на небе звездочек, считайте у себя. Сколько волосинок на вашей голове, столько на небе звездочек». «Ну а третья загадка — что я думаю?» — царь спрашивает. — «А вы думаете, что здесь игумен, а здесь Ванька-мельник». — «А когда ты Ванька-мельник, так будь игуменом, а ты, игумен, будь мельником!» Царь все и устроил!»

**ЗАПИСАНО В Д. ПУШКИНО
ГОРОДИЩЕНСКОГО С / С БЕЛОЗЕРСКОГО
РАЙОНА. РАССКАЗЧИЦА — Е. М. БЕСПАЛОВА.**

Как баба ребенка баюкала

«К одной бабе замужней в Ленинграде ходил сударчик. У них договоренность была — ставила самовар на окошко, а он идет мимо и смотрит. Если краном поставлен влево, значит, заходи, мужа нету дома, а если вправо — иди мимо, муж дома. Вот раз один приезжает полюбовник к ей в Ленинград, она и поставила самовар-то на окошко, да, как на грех, перепутала. Муж дома, а краник показывает — заходи, мол. Что делать? Сидит у открытого окошка, ребенок-то качает, а миленок на улице стоит. Она дитяте своему и напевает такую колыбельную:

Я поставила не ладно,
Повернула не туда,
У меня мужик-то дома,
Не уехал никуда».

ЗАПИСАНО В ШЕКСНИНСКОМ РАЙОНЕ.

Старое седло

«Вот солдат служил двадцать пять лет. Вот царь пригласил его: «Ты у меня, — говорит, — верой и правдой прослужил хорошо. Какую тебе награду дать?» «Мне ничего, — говорит солдат, — не надо, а вот дай мне старое седло». Дома мне чтоб отдали старое седло. Ну, царь сразу старосте волостному указ написал, чтоб солдату,

как приедет домой, отдали старое седло. А «Старое седло» — это было поместье такое у нашего барина, видишь. Вот солдат пришел да поместье отобрал у барина. Вишь, солдаты какие раньше были!»

ЗАПИСАНО В Г. БЕЛОЗЕРСКЕ.

РАССКАЗЧИК — Н. К. ПЕТРОВ.

Дядя Вася

«Вот дядя Вася сел в автобус, поехал от Луцково до Пленишника. Едет, едет — выбегает зайчик: «Дядя Вася, довези меня в Череповец!» Дядя Вася открывает: «Садись!» Едет, едет дядя Вася — выходит мишка-медведь: «Дядя Вася, посади меня в автобус!» — «Ну, садись, Мишенька!» Едут дальше, едут — выбегают волки: «Дядя Вася, посади нас!» И волков посадил. Доезжают до Пленишника, а дядя Вася и говорит: «А ну, запевайте все песни!» Вот все по-своему и запели: волкушки завывали, медведь заорал, зайчики тоже заверещали. Много зверья набрали — целый автобус. Едут по деревням, едут, а все смотрят: «Да кого же это дядя Вася везет?» А дядя Вася и говорит: «Повез их всех в Череповец на базар продавать».

ЗАПИСАНО В Д. ПЛЕНИШНИК ЯГНИЦКОГО

С / С ЧЕРЕПОВЕЦКОГО РАЙОНА.

РАССКАЗЧИЦА — О. И. СЕМИНА.

на «искуссию», царевна с помощью азбуки Морзе вызывает «скорую помощь», герой перед боем со Змеем Горынычем ночует в гостинице, богатыри ездят в командировки, ковер-самолет управляется «рычажками и кнопками», а победившего злую колдунью царевича назначают председателем колхоза. Сказочные герои не чураются передвигаться на пароход, самолично выстроенном (в частности, в деревенском варианте пушкинской сказки царь Салтан использует именно этот транспорт, дабы посетить чудо-город своего сына). Оригинальные отношения у сказочных героев XXI века с географией — в одной из сказок богатырь бахвалится: могу, мол, земной шар перевернуть. В другой — вошедший в совершеннолетие царе-

вич задает отцу вопрос на засыпку: одно ли наше царство-государство на земле или другие есть?

Заплутавшие в лесу братья просят у прохожего не дорогу показать, а одолжить коробок спичек. Одной из главных положительных характеристик богатыря-«надежи земли русской», считается такая: «не пьет, не курит». За провинность плохому герою полагается расстрел, а честные и хорошие чуть что — грозят написать заявление на обидчика в суд. В череповецком варианте сказка про семерых козлят заканчивается «хеппи-

эндом». Мама-коза, подоспевшая на помощь деткам, которых съел волк, освобождает козлят из брюха хищника благодаря раскаленной кочерге и осведомленности в волчьей анатомии. Пожалуй, лишь денежные реформы на сказках не сказались никак — за спасение жизни царь награждает солдата 100 рублями, и тот уходит вполне довольный. 500 рублей по сказочным меркам сумма и вовсе астрономическая. На нее

персонажи играют свадьбу и долгие годы существуют безбедно. Непременная финальная присказка у большинства повествователей — «жили-поживали, добра наживали, да и по сей день живут». Особым шиком считается указать деревеньку, в которой проживают герои. «Нельзя не признать, что классическая устная сказка доживает свой век, — грустно произносит Татьяна Кузьмина. — Но, как мне кажется, сказкотворчество (простите за неологизм) в народе не угасает. Традиционная культура консервативна и постоянно обновляется, адаптируется в изменяющихся условиях. На смену классической сказке приходят другие формы, например устные рассказы, городские легенды и другие жанры не сказочной прозы. Теряя установку на достоверность, они также стали входить в сознание людей как нечто, тождественное сказке. Большинство бабушек и дедушек, у которых мы пытались сказок, объясняли, что запомнили их для того, чтобы детей убаюкивать. Думаю, никакие «звуковые книги», которые сейчас в ходу, и впредь живого рассказа не заменят».

ПОРТРЕТ СКАЗИТЕЛЯ

Сюжеты сказок — не главное, что удалось записать участникам многочисленных экспедиций Центра традиционной народной культуры Череповецкого района. В конце концов сюжеты эти, и без того бродячие, то бишь в том или ином виде существующие в фольклоре разных народов, давно записаны, обработаны, изданы, а многие — даже экранизированы. Самое существенное открытие подопечных Татьяны Кузьминой — описание образа сказочника, или иначе — сказителя. К величайшему изумлению, «профессия» эта дошла до наших времен почти без изменений.

Главное качество сказителя во все времена — правдоподобность его повествования. Как известно, сочиненное трогает куда меньше «всамделишного». Профсоюза у сказочников не имеется (да и в прежние времена баяны и гусляры ансамблями не ходили), а значит, лучший способ доказать свою честность — опорочить коллегу. «Я не то что разные-другие вам врут, чего приснилось или примерещилось, то и растреплют. Я самую что ни на есть правду говорю», — с подобной присказки приступает к своей были каждый настоящий сказитель.

Девяностолетний житель деревни Курьяково Череповецкого района Иван Цветков на просьбы филологов рассказать сказочку сначала долго мнется и ругает дырявую память за то, что «слышал много, да все подзабыл». Потом сдается на уговоры, замечая, что сказок не знает, а лучше статью перескажет, которую в газете вычитал. Четверть часа вслед за этим старичок честно шарит руками вокруг себя, суется на подоконник и даже под кровать, якобы в поисках упомянутой газеты. «Ладно, потом найду, покажу», — заявляет он и пускается в длиннущее повествование об Иванах Царевичах и Марьях Моревнах, подробно останавливаясь на деталях — вроде того, платье какого цвета носила героиня и сколько стоила «во времена оны» царевичева стрела по ценам тридесятого царства. Его землячка Лидия Сухарева из деревни Текарь того же Череповецкого района для начала рассказывает, что слышала историю от родного деда. Для достоверности откуда-то с антресолей достается не то фотография, не то рисунок бородатого старца. Лидия Андреевна просит слушателей обратить особое внимание на честные глаза предка. Только после этого приступает. О каждом герое ее повествования непременно рассказывается полная биография, в которой поражает один факт: все персонажи как один умерли, причем давно, а следовательно, свидетелей существования говорящего серого волка, кроме Лидии Сухаревой, не осталось никого. Особенно трогательные места рассказа сказительница подчеркивает искренними слезами.

Когда собиратели рассказали Марии Смирновой из деревни Якушево Череповецкого района, зачем приехали, пенсионерка 80 с лишним лет схватилась за ухват. «Брешут, что сказки сказываю, ничего такого за мной не водится», — сообщила она нараспев. Спустя несколько минут этим же ухватом Мария Ивановна доставала из печки чугунок, угощая дорогих гостей. О сказках говорить отказалась, к застолью же пригласила пару соседок. И так, слово за слово, одну за другой, будто случайно, принялась вспоминать сказки из своего богатого репертуара. Собирателей же, сидевших за тем же столом, вроде и не замечала, но говорила при этом громко. Мол, не буду же соседкам-то врать. Те же, по всей видимости, работавшие с Марией Ивановной в одной команде, не уставали причитать и охать: «Вот как на свете-то бывает».

СИБИРСКИЙ СТРОЙ

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

Непостижимая планета языка... живая и трепетно-чуткая... С одного ее полюса — жестокая трансформация под напором нового времени, с другой — его скрытая подснежная жизнь в русской провинции. К примеру, в заповедной сибирской глубинке. Не пора ли снова вслушаться в эти родники живого еще слова? Чтобы вспомнить, какие возможности сокрыты в языке и каким выразительным слово может быть. Как много значат смысловые оттенки, как слова живут и какую творческую роль может выполнять человек — носитель языка. И что жив этот самый русский язык — а значит, и есть что защищать!

И можно в очередной раз отделаться прописными истинами о прижившихся иностранных словах, вроде «контора» или «школа», если бы не последняя словесная интервенция. Ее несметная конница ввезла на своих спинах отнюдь не дефицитную терминологию, призванную облегчить жизнь специалистам новых технологий, а западную идеологию с ее системой ценностей. Живая и удивительная природа слова наглядно проговаривается об этом в терминах, вроде «менеджер», повально употребляемого вместо традиционного для России «управляющего». Отличие «менеджера» от «управляющего», несмотря на «юридическую» тождественность, на мой взгляд, в самом духе, исходящем от подобных слов. Духе бизнеса, то есть зарабатывания денег. Не зря главной мотивацией при обучении менеджеров ставится личное обогащение, а не управление в его исконном смысле. Вдумаемся, что такое управление в русском понимании. Возьмем, к примеру, управление судном. Это навигация, выбор направления, путь, ответственность... Нынче слово «управленец» берется как синоним «менеджера» и употребляется уже в новом, привнесенном смысле.

Чем отличается американское слово «администрация» от привычного русскому уху «правительства»? «Администрация» несет оттенок некой сугубо формальной и демонстративно заниженной (ах, не ущемить бы какую свободную личность!) роли государства, милостиво устранившегося от важных аспектов общественной жизни, будто бы оставленных на совести вольных индивидуумов. «Правительство» же предполагает именно *правление* страной и народом, управление, направление (однокоренные слова: «правота», «правда», «правило»). Некое опережающее знание о пути и ответственность за этот путь перед Богом и народом — словом, все то, что испокон было свойственно русской имперской традиции.

Говоря о состоянии русского языка, не будем впадать в подсчет надругательств над ним, начиная с всевозможных «фандрайзингов» и заканчивая целой кухней называния ком-

мерческих товаров заморской рецептуры — всяких «дьяносов» и «вкусноффых», за которые горе-словотворцев впору наказывать... Не побоюсь повториться, если в который раз заявлю о необходимости введения гражданского обращения «сударь» и «сударыня» как наиболее приемлемого да и просто замечательного по звуча-

нию, теплу и уважительности. Робкая попытка продвижения «господина» и «госпожи» ничего, кроме недоумения и раздражения, у народа не вызвала, так как со словом «господа» у большинства населения ассоциируется нечто антинародное и паразитическое — из области господства одних над другими. Мой знакомый охотник-промысловик говорил: «Да если не чувствую я себя никаким господином, так зачем же буду им называться?»

Как же быть с этим самым «господином» в дореволюционной России? Да никак... Просто после всего, происшедшего с нами в XX веке, говорить о возвращении к словному делению, принятому в прежней

России, вряд ли имеет смысл. (Что касается «сударя»: традиционно именно нота *уважительности* была главной в этом производном от слова «государь». Поэтому не следует искать здесь какую-либо общественно-политическую окраску, связанную с понятиями «государь», «государство», «суд» и прочее, включая иностранный термин *sudarium*. — **Прим. авт.**)

Словом (хороший оборот!), обязанность и государства, и гражданина — проявлять особенное внимание, строгость и ответ-

ственность в отношении к языку и понимать, что стоит за словом вообще.

Наш язык понес огромные потери после преступного упрощения его в 1917 году. Всем известно, что до коммунистической реформы в нашем языке было 36 букв, а в «классической» старославянской кириллице — вовсе 43. Уничтожение каждой буквы — это потеря языкового оттенка. Примитивный язык приводит к примитивному мышлению. Упрощение языка — путь к национальной деградации, хотя именно упрощение и объявлялось главной целью данной реформы.

Введение алфавита вместо азбуки — это посягательство на сакральную сущность языка. Вспомним, что за каждой буквой азбуки стояли важнейшие смысловые материки: Аз — я, Буки — буквы (Боги), Веди (ведать), а дальше и объяснять не надо: Добро, Есть, Жизнь...

И если взглянуть в древнерусскую, старославянскую и церковнославянскую языковую глыбу, то так и замрешь, замороженный огромными возможностями, которые упускались при каждом упрощении. Удивительно, почему в школах не изучают старую азбуку (хотя почему-то изучение так называемых мертвых языков считается незыблемой составной классического образования) — такое обращение к прошлому было бы очень полезно.

Великой школой и сокровищницей русского языка является наша литература. Пушкин, Гоголь, Толстой, Лесков, Бунин. Из писателей последней эпохи — Астафьев и Распутин. Все эти мастера чувствовали сохраняющую и животворную роль народного языка и питались его родниками. И в наши дни именно язык русских деревень еще противостоит технологической атаке, которой подвергаются города, где сотнями вводятся без всякого контроля чужеродные слова, которым можно подыскать отечественную замену — была б на то воля.

Русская деревня — это та заповедная территория, где еще жив русский язык как носитель национального духа. И, конечно, самые глубокие и нетронутые места — это Сибирь

и ее наиболее удаленные уголки. Здесь, в поселках, деревнях, станках, еще звучит речь русского времени, здесь сам язык еще говорит на другом (богатом и гибком) языке, и ты испытываешь ощущение, будто попал на сто лет назад... Точно так же, как, оказавшись в старообрядческом поселке и поднявшись на угор, замираешь... Тебя буквально ошатывает могучей волной времени при виде бородатых мужиков в рубахах с расширенными воротами и женщин в сарафанах и платках.

Язык, на котором говорят жители Енисея, имеет несколько истоков. Чую в нем самое малое четыре ноты: северо-русскую (поморскую), сибирско-енисейскую, тюркскую и самоедскую (кетскую и эвенкийскую). Русская нота пришла во времена освоения Сибири через морской Север. На Енисее, так же как и в Архангельской, Вологодской областях, проглатывают-подрубают окончания глаголов: «быват», «заедат», «токо громоток делат». Здесь называют ветра кратко: «север», «запад», причем обязательно по-старинному — «сивер». «Угором» зовут высокий берег по-над рекой. На угорах стоят деревни на Енисее.

Тюркские слова вроде бы тоже есть — «тузлук» (рассол для рыбы), «ястык» (пласт икры), а как возьмешься считать — не так и много их в обиходе. Так же как кетских и эвенкийских слов. Таких как, к примеру, «голомуха» — от эвенкийского «голомо» (род таежного на скорую руку жилища). «Пушальня» (точно-го происхождения не могу сказать) — ставная сеть. Слово это связано с северными народами. В одной из ссылок обозначено долганское происхождение. В сборнике кетских сказок оно указано в словаре.

Теперь о сибирско-енисейском замесе...

Вообще, в Туруханском районе на берегах Енисея как основное население, так и говор традиционно русский. Его можно подразделить на чисто енисейский и... назовем так — общесибирский. На общесибирском говорит целое пространство, городская и Южная Сибирь на разных широтах, население Иркутска, Красноярска и Новосибирска.

Сибирский говор — это обязательно вместо «чего» — «ково». «Ково реवेशь?» («реवेशь» — кричать, звать. «Пореви меня по рации»). «Знатьё» — «знать бы заранее» («кабы знатьё — дак...»). Вместо «желтый» сибиряк скажет «с желтá», вместо «вроде» — «подвид». («Блесна на подвид битюра». — В. М. Шукшин).

«Шаить» — означает «медленно гореть», «тлеть». Шаят всегда сырые дрова. Какая звукопись! Так и слышится шипение капель на торце мокрого полена. Вместо «повесить» сибиряк обязательно скажет «повешать». «Язви тя!» — крикнет в сердцах заполошная хозяйка, опрокинув ящик с рассадой. На Енисее еще говорят: «От, яскорь тебя!» Что это значит, не могу сказать. Есть еще характернейшее «чо моя?» — производное от «чо, моя хорошая?». Так обращались к близким, к доченьке, к матушке, а потом выражение перенеслось на любого собеседника. И бывает, маленькая усохшая старушка скажет здоровенному мужику: «Чо моя?» Мол, что у тебя? Какие трудности-заботы? Болезни-печали?

Тажная избушка называется «зимовьём». С отменой буквы «ё» многие образованные люди, усвоив из литературы «зимовье» как нечто «сибирское», произносили его с ударением на «о», и это ударение вошло даже в песни, написанные горожанами (у Визбора «В чахлой тайге замечает зимовье»).

Очень типично общесибирское слово «уросить» — значит «капризничать». Так говорят про ребенка.

А вот удивительное выражение, которое я слышал только на Енисее: «грезить». Оно вовсе не из высокого штиля — грезы и мечты здесь ни при чем. «Грезить» — это безобразничать, разорять («зорить»), бедокурить. «Росомага (росомаха) нагрезила». Значит, росомаха набедокурила, разорила ловушки, сняла приваду и сожрала попавшихся соболей. «От (вот) греза» — так могут ласково сказать про нашкодившего ребенка.

Замечательно слово «быстерь», означающее быстрину на реке. Хариуса здесь зовут «хайрюз». Вместо «им», «ими» говорят — «имя́». Вместо «две или одну» скажут «двѹ́ или однуѹ́». «Просторечье», — скажет лингвист. «Богатство и гибкость», — скажет поэт.

«Шаглы» — это жабры. Невразумительного человека могут прозвать «бесшаглым». «Корга» — каменистая гряда, вдающаяся в реку (не путать с беломорскими коргами). «Курья» — заводь. Особо произносятся слова, заканчивающиеся на «-и», «-ю» — «ночью» звучит как «ноччю», «свиньи» — как «свинни». Звучит с каким-то замечательным оттягом.

«Кутит» — это закручивает (в сани) ветер и снег. «Быгать» — так говорят про мясо, которое выветривается, вымораживается на воздухе. «Выбыгала» — привада. Слово «дивно» оз-

начает «порядочно», «довольно», «много». «Вередить» — повредить. «Вередила палец». «Изнахратить» — испортить, изуродовать. Необыкновенно звучное, выразительное слово! Что такое «нюховитый», думаю, объяснять не надо. По этому же лекалу сработано «воровитый». В городской речи из этого края выжило, например, «деловитый».

По-особому произносится множество слов: «отдал» — «ондал». «Опять» — «опеть». «Разве» — «разле». «Мимо» — «нимо». «Порознь» — «порозь». «По отдельности» — «нарозно».

«Провьянтом» моя соседка называла боеприпасы — порох, гильзы, капсюля, пыжи. Удивительно старинным духом веет от этого оборота!

За словом «оборот» потянулось словечко «оборотный» — «оборотная стерлядка» — стерлядка, которая уже прошла вверх, а теперь «катится» обратно. А вот закупать продукты называется «снабжаться». В этом «снабжении» — большая капитальная закупка, деревянная лодка, полная мешков с мукой, всякого товара. «Снабжаются» на промысловую охоту, на долгую зиму.

«Виска» — это протока (между озером и рекой). Ручей произносится как «ру́чей». Переехать на ту сторону Енисея называется коротко: «через». «Поехал через». У рукавицы большой палец — «напалок». Голенища у бродней (енисейской обуви) — «ноговицы» (скроено по выкройке «рукавицы»). «Пальник» — тетерев-косач (от слов «черный», «паленый»).

На Енисее есть целая, так сказать... поднародность — сельдюки. О них Виктор Астафьев писал в «Царь-рыбе». Считается, что «сельдюк» происходит от названия туруханской селедки — ряпушки, которую так любят промышлять по осени жители Енисейского Севера. Сельдюки — потомки русских переселенцев,

к которым, возможно, подмешалась кровь коренных жителей, кетов и эвенков. Вообще же, они абсолютно русские и по облику, и по фамилиям (Хохловы, Поповы, Никифоровы, Плотниковы). Сельдюки — главные носители енисейского говора. Все это «ихнее» — и «сивер», и «быват», и «здравствуй-ка»,

ЕВГЕНИЙ ПЛАДИАР

но главная особенность — что шипящие они произносят по-своему: вместо «ш» — «с», вместо «ж» — «з». «Сто ты парень». «Зырный». «Последний санс». Еще они говорят вместо «л» — «в». «На вызах убезала» (на лыжах). Мягко произносят «л» — «бутыука».

У Валентина Григорьевича Распутина в повести «Живи и помни» описывается говор одной из ангарских деревень: там, к примеру, слово «сучка» произносилось как «щуцка». Что-то родственное с сельдючьим выговором есть в этом переворачивании шипящих на Ангаре, сестре Енисея.

Масса слов связана на Енисее с мастерской культурой. С предметами быта, охотничьего промысла, рыбной ловли. «Шарга» — расслоенные на плоские волокна стволики черемухи, которые использовались для плетения и скрепления различных частей снаряжения.

«Гартъё» — кедровая щепка, из которой делали «морды» (ловушки на животь — мелкую рыбешку, используемую в качестве живца). Очень енисейским показалось мне когда-то слово «кляч» — веревка из черемуховой коры, снятой в виде лент. Перед рыбалкой кляч замачивали в Енисее. Каково было мое удивление, когда у Гоголя во второй части «Мертвых душ» я натолкнулся на этот самый «кляч» — герои использовали его для рыбалки. Долбленные лодки, которые на Енисее называются «ветками» и вовсе в ходу здесь, были в старину широко распространены по всей Руси и назывались «обласами». Все это еще раз подтверждает, что Сибирь — это действующий запасник русской традиции.

Самое главное и удивительное, что почти у каждого здешнего человека была своя система, свой неповторимый речевой строй, которым он (и каждый на свой лад) прокладывал дороги внутри языка. Примечательно, что взаимоотношения с грамотностью могли быть обратными — чем слабей грамотность, тем поразительней языковое творчество. Несомненно, одно с другим связано прочно и парадоксально. Выходит, грамотность в некоторых случаях блокирует творческое речевое начало.

Вспоминаю моего соседа дядю Гришу, Царствие ему Небесное. Григорий Трофимович Попов был одним из самых испоконнейших и по судьбе, и по духу енисейских жителей. Без тайги и особенно реки, Батюшки-Анисея, он себя не мыслил. Единственная поездка в город стала для него страшным испытанием. Он жил рекой — вслушивался, всматривался, вчувствовался в Енисей, каждое его дыхание ловил-переживал. Был ему Енисей как огромный термометр-барометр всей жизни, да оно и понятно — рыбак есть рыбак... Вечная зависимость от погоды у огромной воды. «Запад ли верховка (юг) задует?» «Что вода делает — прибывает или падает?» То на прибылую воду сети плесенью забьет, то сивер так заклат, что через не перейти. Как-то он сказал (речь зашла про Красноярск): «Город-то ране в Енисейска был». Город для него был с большой буквы — образ центра, енисейской столицы — независимо от названия.

Есть такое понятие «крень». Это особо плотная и смолистая древесина с одного бока дерева. Ее избегают при выборе лесины на изделие. Дядя Гриша высказал по этому поводу собственное мнение: что раньше делали из крневой стороны ствола полозья для нарт, что к такому полозу не «подлипат» снег, что он катится отлично, и вообще, настолько кристаллически-крепкая эта самая крень — что «дас топором — как соль отлетат!».

Есть еще один мой односельчанин — единственный ныне здравствующий ветеран Великой Отечественной Анатолий Семенович Хохлов. Разговорились с ним про березовые заготовки для нарты (для полозьев). Дядя Толя сказал, что, вообще, береза «кать имет хорошую», если только не «вертлявая». «Кать» он произвел от слова «катиться». А витую (свилеватую) березу назвал «вертлявой», будто она вертится (под топором, допустим). С глаголом «катиться» связан еще один термин: «некать» — пора или, скорее, состояние снега с шершавой поверхностью, который не дает катиться полозам и лыжам. Не-

кать бывает в сильный мороз. Образовано по тому же принципу, что и «небыль», «нетель», «нерусь». Еще хорошее слово есть, обозначающее род верховой воды: «поводь».

В русском языке окраску однокоренным словам придают многочисленные суффиксы, приставки и окончания. И ока-

зывается, у одного слова они остались, а у другого незаслуженно забылись, стерлись. Множественное число от слова «дерево» — «деревья» — звучит привычно, а вот от слова «колесо» — «колесья» — уже по-старинному. На Енисее такое словообразование в порядке вещей. Старики говорят: «Поднял капканья», то есть насторожился. Точно так же брат Григория Трофимовича, дядя Петя, пожаловался, что на «Красноярска нету-ка билетьев нисколь». Соседка Серафима Ильинична Никифорова однажды сказала, что в магазин «привезли спагетья». Насколько сильны у этих людей правила жизни языка! Они и новые слова гнут по-старинному!

И вот слово уже видится со всеми связями, жилами. Так енисейские старики учат нас помнить старинные языковые скрепы, что будто черемуховой шаргой сшивают понятия, людей, эпохи. И стыдно перед этими носителями национального духа за современное состояние языка.

Слово, по нашей вине порвавшее связи с миром, как озеро, потерявшее сообщение с рекой, его породившей. Не так ли зарастают тиною и ряской виски, связывающие душу с родным и кровным?

Как руки, тянутся от каждого слова лучи смыслов, напоминают о великих взаимосвязях в Русском мире, о том, что, если не убережем язык, останемся окруженными словами-инвалидами с ампутированными конечностями, превратимся в одну огромную культу и так и будем доковывать на иностранных протезах.

Вначале было слово — не зря богоданный русский язык напоминает нам об этом в повседневном слове «спасибо», в котором заложено целое мировоззрение. Оно и держится на смысле: «Спаси, Бог». ❀

ЗА ЛЕМЕЗОМ НА СКРЫГОТНЕ

МАРИНА КРУГЛЯКОВА

Жители села Новый Ропск валяют валенки и разговаривают на шаповальском языке, который понятен только им. Его придумали их предки несколько веков назад. У него нет письменности, и его передают из поколения в поколение в устной форме. Изучать самостоятельный язык отдельно взятой деревни мы отправились в Брянскую область.

Версий происхождения лемеза (шаповальского языка) у ропчан множество. Говорят, он достался от разбойников, живших в болотах и лесах, что были на месте Нового Ропска много веков назад. Дмитрий Давыдович Соболев, в просторечии дед Митяй, считает, что язык принесли ссыльные люди и беглые ремесленники разных профессий. А его однофамилец Василий Николаевич, дед Василь, убежден, что лемез придумали в Новом Ропске: «Наш язык особый — он возник, когда людям был дорог кусок хлеба. Шпинская (хорошая) земля была у монастырей, а у простых людей — хусая (плохая), и той мало, а детей — по пять-семь. Что матрять (кушать)? Стали овечек держать. Мегерки максали (шапки делали). Затем их катрухами назвали, а язык — катрушинским. Потом научились делать валенцы — антюхи. И язык стал антюшный. Он так до сих пор по-нашему зовется».

Специалисты не сомневаются в уникальности шаповальского языка, первые упоминания о котором исследователи относят к XVII веку. В XIX столетии местный житель Ф. Николайчик опубликовал в «Киевской старине» небольшой шаповальско-русский словарь. Он увидел сходство лемеза с языком слепцов-лирников.

Диалектологи относят шаповальский язык к условно-профессиональному. Его главная функция — конспиративная, то есть возник он с целью самозащиты, сохранения секретов профессии, для ведения переговоров и предупреждения об опас-

ности. Слова шаповальского языка заимствованы из греческого, тюркского, славянских и финно-угорских языков. Моделей словообразования масса: к корням прибавляли необычные суффиксы и приставки, меняли местами, заменяли или удаляли согласные и так далее.

Скорее всего, в Новый Ропск лемез попал вместе с промыслом. Откуда — точно не известно. Возможно, из России или Белоруссии, где в Могилевской области до сих пор существует аналогичный дрибинский язык. Дрибинские шаповалы (так на Руси издревле называли мастеров, валявших из шерсти шапки, шляпы и другие вещи. — *Прим. ред.*) тоже говорили на «катрушницком лемезне».

ХУСАЯ ШАМОВКА

Расцвет языка в новое время пришелся на послевоенные годы — тогда многие люди занимались отхожими промыслами. В колхозах жили бедно, работали за палочки-трудодни, а налоги надо было платить большие. Мастеров, умевших свалить из вовны (шерсти) валенки, в Новом Ропске больше половины села. Сбыть товар в деревне было

невозможно, вот и уходили шаповалы с осени, после окончания полевых работ, до весны в дальние села, на заработки. Обычно ходили по два человека — так безопаснее, да и дело быстрее спорилось. Остановятся на постой в избе, живут несколько дней, хозяин кормит их, а они валяют валенки на всю

семью, затем переходят в другой дом. И так до тех пор, пока не обуют всю деревню.

— Мы як хлебаем, так и стегаем, — говорит дед Митяй, — поэтому чаще хозяйева кормили шпински. Знали: покормят хусо, мы и смаксаем хусо.

— А порой ты работаешь как сукин сын, по 16 часов в сутки, а иная похазница (хозяйка) в сморщ (борщ) бульбу чисти да капусту поджаре, а крошки сала и мяса нема, а сама за печкой лупиху с кресом матрает (картошку с мясом ест), — вспоминает дед Василь.

Старались антюшники побыстрее избавиться от таких хозяев, предупредить о них

остальных, а чтобы другие «не чули ихних слов», говорили друг с другом на шаповальском языке.

— Хусая шамовка! (Плохая еда!) Хусый сморщ!

— Похазница и дулесу не отгурила! (Хозяйка и чаю не дала!) Или, наоборот, хвалили: «Шпинска шамовка! Подматрянем шпинска! Чель похазники шпинцей ту онцых!»

Порой куропцев (так звали себя ропчане) грабили, и возвращались они домой ни с чем, а то и пропадали вместе с заработанными деньгами. И тут спасал лемез. «Неделю максима

ешь, по 15–20 кербулей (рублей) в день выходит, это большие деньги были, — говорит дед Митяй. — Макрецов много таких, что могли отнять. Чтоб не объяперили нас, мы гроши домой посылали. Скажешь: «Бальбечка, бойба лайлу нашут пахаи хауби (друг, иди на почту, пошли гроши!)» И никто не знает, что ты с большими деньгами пошел».

А иной раз хотят шаповалы сделать дело хорошо, а не получается — хозяин материал дал негодный. Сваляют и переглядываются между собой: «Вовна то крепко хусая. Ой, хусо смаксали! Нашкрабень хора ухлевать! (Шерсть совсем негодная. Плохо сделали! Надо быстрее сматываться!)»

В те годы человек, не трудящийся в колхозе, считался тунеядцем. Поэтому ходить по селам валять валенки официально запрещалось. Как-то дед Митяй с товарищем начали работать в хате, приходит хозяин-милиционер, пьяный.

— Что за люди?

— Валенщики.

— Арестованы. Поехали в район!

Жена и так, и этак просила мужа отпустить мастеров, ничего не помогало. Дед Митяй говорит товарищу: «По лашоге (дороге) в воксике (в лесу) я скица (милиционера) щукану шкрябницею, скица — в канаву, а ты прикабонь волота (лошадь), и схлеваем!» Хозяйка услышала непонятную речь, заподозрила неладное, испугалась, вцепилась мертвой хваткой в мужа: «Не пущу!» Ночью, когда все уснули, шаповалы незаметно ушли из села. Спас лемез деда Митяя от греха и от тюрьмы!

НЕ СКОЛЬТИСЕ, ЧУЗЫ!

Многие шаповалы делали валенки дома — валяли по ночам, а утром шли на работу в колхоз. Продавали на рынках, ярмарках. Те, кто этим занимались, должны были получить патент и ежемесячно платить налог. Так как он был высоким, никто из куропчан официального разрешения на производство и торговлю валенками не имел.

Шаповалов отслеживали и гоняли на базарах, обыскивали и снимали с поездов, обыскивали дома. Запрещалось даже хранить шерсть: ее наличие служило доказательством занятия незаконной деятельностью. Товар отбирали, с антюшников взымали штрафы и даже судили.

Иван Ефимович Апостолов, или дед Иван, как-то попался: «Максал я антюхи, ряха (жена, женщина) моя помогала. Вдруг входят

стыченный (большой начальник) из Климова и наша ропская, что налоги принимала: «Валенцы делаешь?» И сразу в степню сепят (в печку смотрят), а там антюх сохнет. Застали на месте преступления! Погляне на меня климовский и говырдает:

«Буду протокол писать!», а наша ропская ряха, что с ним: «Кириллыч, не трогай, не надо писать, это хороший человек!» А раз я хороший чуз (мужчина, мужик), значит, надо дать! И заплотишь! Соседа мого застали — антюхи максал, — отгурили (дали) год тюрьмы!»

Шаповалы старались сбыть свой товар где возможно. Знали, когда какие ярмарки проходят, возили валенки на все узловые станции, где устраивались большие базары, торговали в Стародубе, Новозыбкове, Гомеле, Харькове, Полтаве и других городах. Придут на станцию куропцы, на платформу не выходят, боятся, засядут где-нибудь в сторонке и ждут, когда скрыготник (поезд) подойдет, чтобы сразу заскочить в вагон. Приедут в Новозыбков, а там их уже скицы поджидают, дань собирают — по десятке с носа. Делать нечего — отдавали!

Алексею Павловичу Веркееву, деду Ляксею, как-то не повезло: «Макшейка протарила лулиху (мать продала картошку), я на эти ховбы впулил вовны (на эти деньги купил шерсти), смаксал пять пар валенок и повынзырил протаривать (повез продавать) в Гомель. У меня скицы в Новозыбкове все заяперили (отняли), и дали мне год принудительных работ. Утопили в слезах букшен чузов (шесть человек): меня, моих бакрых сбранов (двух братьев), бакрых сбранок (двух сестер) и мою макшейку!»

Доберутся наконец шаповалы до базара, но и тут им покоя нет. Вдруг шепнет кто-то: «Хурбаньте антюхи, скицы прихлаяли (прячьте валенки, милиционеры пришли!)» И уже пошло дальше по рынку: «Вой как бойба, скицы пригаяли!» Чужие не скумают (не поймут), а антюшники засуетятся, заховают товар, ухлевают (отойдут) куда-нибудь в сторонку и ждут, пока скицы не уйдут.

Как-то забрали двоих с валенками. Привели в кабинет протокол составлять. Сокруша-

ются куропцы, говорят друг другу: «Прочали чузы (пропали люди)!» А милиционер в ответ: «Не скольтите, чузы, я и сам антюхи максал (не бойтесь люди, я и сам валенки делал). Похляйте, протаривайте (идите, продавайте)!» Отдал им валенки и справку выписал — разрешение торговать. Продали шаповалы товар и магарыч ему хороший принесли.

ПОСЛЕДНИЕ КАТРУШИНЦЫ

Мария Степановна Андросова, или просто баба Маня, в умении валять валенки не уступала мужикам. И на базаре так же бойко торговала: «Подошли ко мне двое в серых костюмах антюхи куплять. Я протарила (продала). А они и говырдают: «Пройдемте с нами!» И заперили меня с антюхами (забрали меня с валенками)! Рядом с шусто парута стычила (рядом с базаром хата стояла). Завели меня, там шкридько (дед) сидит. И говырдают: «Жди!» И ушли. А я сижу и думаю: «Что же я не схлаваю (не убегая)? Говырдаю у шкридько: «Дедушка, а где здесь туалет?» — «Там, во дворе, деточка». Я схлавала, а антюхи шкридько оставила. Пришла обратно на шусто (рынок), нашла своего бальбечку (товарища), говырдаю ему: «Ухлявай, а то похляют в серых лапсердаках антюхи бесплатно куплять (уходи, а то к тебе сейчас придут в серых костюмах валенки бесплатно покупать)!» И корая похлала до хаза (и скорее поехала домой). Мово похазника (хозяина), он без ходырки похлал (без ноги ходил) на «колене», по весне на шусто заперили с антюхами. В книжку посмотрели — а это в третий раз. Его судили и приудиловку дали».

Часто шаповалы на базаре одну пару возьмут и продают, а остальные где-нибудь припрячут. Милиция подойдет, а они и говорят:

«Да я их себе только что купил». Скицы проверить не могут, поэтому не забирают. Или брали катрушники с собой детей. Продадут валенки, а деньги положат ребенку в потайной карман. Заперят антюшника, отберут антюхи, зато деньги целы останутся!

Доставляли куропцы немало хлопот не только милиции, но и военной цензуре: писали письма на непонятном языке. Стояла часть деда Василя в конце войны в Австрии. Пришло ему письмо из родной деревни: «Бусает шихта Марие с Василем. Набусали макреца, климаете и багряца...» — ну и так далее. А вслед за ним — требование цензуры немедленно перевести, что написано. Растерялся дед: «Бальбечки (друзья) пишут, кояка в хорье гуят (как в селе живут), кто с кем бусает (гуляет) — шихт ламоных (девок молодых) богато было. Но об этом прямо не напишешь, неудобно, по-русски это похабно звучит, так они на лемезе — никто ж не скумает (не понимает). А кояко (как) военным перевести? Стыдно».

Проигнорировал дед цензоров. А они запрос командиру отправили. Приказал он немедленно послать перевод письма. Вскоре пришел из цензуры ответ: «Извините за беспокойство, ваши слова правильные».

Конечно, в «органах» прекрасно знали обо всех тайных языках, их носителей проверяли, но не преследовали. И шаповалы, находясь далеко от дома, всегда были в курсе всех пикантных подробностей жизни односельчан.

С улучшением жизни в колхозах у жителей Нового Ропска уже не было необходимости ходить в другие села на заработки. Исчезла потребность хранить секреты ремесла, предупреждать об опасности, передавать тайно информацию, обслуживать хозяев на постое. Шаповалы прекратили активно торговать на базарах и ярмарках и стали говорить на лемезе лишь тогда, когда надо было что-то скрыть от жен, выругаться, но так, чтобы никто этого не понял, обсудить хорошеньких девушек в их присутствии и так далее.

Как говорят лингвисты, утратилась конспиративная функция языка, и ее место заняла экспрессивная — бытовая. Лемез начал медленно деградировать и угасать. Постепенно уходит и породившее его ремесло. Нет спроса на валенки, и сегодня лишь единицы в Новом Ропске максают антюхи.

Средний возраст людей, которые знают шаповальский язык, 70–80 лет, их осталось не так много. Их дети и внуки знают лишь отдельные слова. Старики доживают свой век, а вместе с ними и лемез — уникальное явление, порожденное людьми, которые считали себя особенными и таковыми являлись на самом деле. ❶

СЛОВО — НЕ ВОРОБЕЙ, ВЫРУГАЛСЯ — 50 РУБЛЕЙ

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

В одном из колхозов Рязанской области работники несут материальную ответственность за свои слова. Если слова эти — нецензурные.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АВТОРОМ

За каждое крепкое словцо кошелек колхозника худеет на 50 рублей. Зная склонность русского человека к выстраиванию многостажных лингвистических конструкций, легко предположить, что платить сельчанам приходится оптом...

Чуть более месяца назад председатель СПК «Вышгородский», что в Рязанском районе Рязанской области, подписал распоряжение, ограничивающее употребление не-

цензурных выражений. Сей примечательный документ начинается словами: «В целях улучшения морального образа жизни и культуры общения в хозяйстве распоряжаюсь...» В «антиматерном» постановлении три пункта:

- запретить руководящим работникам и работникам хозяйства употреблять грубые и нецензурные выражения;
- за нецензурные и грубые выражения штраф — 50 рублей;
- собранные средства направить на проведение поездок в театр и другие культурные заведения.

«Идея появилась сама собой, — объясняет председатель колхоза Николай Митрохин, — как-то послушал на совещании, как говорят наши сотрудники, — уши завяли. А ведь многие так и дома разговаривают. Это же страшно подумать, сколько негатива домой несут, в семьи...».

Многие работники восприняли «ограничение свободы слова» в штыки. Некоторые говорили, мол, мне лучше хлеба не давайте, а без мата прожить не смогу. Доярки даже доказывали, что без привычных высказываний коровы и доитесь перестанут. Тем не менее надои в «Вышгородском» не снизились, а устная речь сейчас фильтруется тщательно.

«Я был оштрафован первым, — вспоминает заместитель председателя Виктор Афанаскин. — Когда распоряжение появилось, думал, это шутка, и сразу же налетел на кругленькую сумму — мне выписали штраф в 300 рублей. Пошел на крыль-

цо, выругался, но выругался про себя, потом вернулся, говорю — теперь можем продолжать разговор».

Сейчас в списке «нарушителей порядка» более двух десятков пунктов. Чьи-то фамилии встречаются только раз, чьи-то мелькают чаще. Основные фигуранты списка, конечно, мужчины, но есть и представительницы прекрасного пола. Из руководящего звена в штрафном списке не значится только один человек — главный инженер Олег Меркулов. Он сам признается, что старается быть осторожным в выражениях.

«Изначально на выручку от мата мы подумывали финансировать поездку в театр, — говорит Николай Митрохин, — но сейчас некоторые предлагают использовать деньги из «матерной» кассы для поездки в Питер. Я не против, это уж куда захотят наши сотрудники».

«Я со спокойной совестью поеду в театр за свой счет. А еще немного, и на поездку в Питер хватит, — вздыхает лидер по штрафам, директор свинофермы Вячеслав Косоногов, который уже расстался с 800 рублями. — Не то чтобы я больше всех выжался, просто попадался чаще».

«А я выругался-то всего разок, и сразу — в список штрафников», — сетует токарь Андрей Кондрашкин.

БОРЬБА С ВНУТРЕННИМ КРИЗИСОМ

Сегодня в «сквернословной» кассе скопилось больше 3000 рублей.

«И это еще не все свои штрафы оплатили, — объясняет бухгалтер сельхозпредприятия Любовь Аксенова. — Конечно, сумма получится намного больше. Тяжело контролировать каждое слово, вот и разрастается наша «культурная ведомость». Некоторые возмущаются — мол, что с меня так много взяли? Я на это отвечаю: «Сколько наругался, столько и взяли». «Вот и мужа своего пришлось штрафовать, — вздыхает Любовь Ивановна. — Но что поделаешь, распоряжение для всех одно, исключений нет».

Нет исключений и для председателя. Звонок в бухгалтерию со словами: «Люба, Митрохи-

на запиши...» никакого удивления не вызывает. Митрохин тоже в списке штрафников — ему выписано 300 рублей. Председатель вину свою полностью признает и от уплаты не уклоняется. «Я и хотел начать в первую очередь с себя. У меня тоже проskalьзывали такие выражения... Мы ведь даже не замечаем, какими словами выражаемся. Приходишь на производство, и половина слов, которые слышишь, из разряда непечатных. — Николай Николаевич говорит очень убежденно. — Вот и появилась такая идея. Сейчас, в условиях современного экономического кризиса, хочется, чтобы мы хотя бы душевного кризиса миновали».

Председатель «Вышгородского» известен в родной области неординарным подходом к работе. Не секрет, что в сельской местности проблемы не только с матом — бороться со страстью к спиртному тут очень тяжело. Тем не менее сегодня в «Вышгородском» с этим полный порядок. И помогла не только строгость председателя. Если была такая проблема у человека, он сам возил работника к наркологу. Так что, зная серьезность подхода Митрохина, не исключено, что и с матом в колхозе справятся.

В ОТВЕТЕ ЗА БАЗАР

«Мы сначала все это воспринимали как шутку, — признается Вячеслав Косоногов. — Но шутки шутками, а ругаться-то мы стали меньше».

«Раньше, бывало, и здесь, у нас в конторе, когда приходили сюда с визитами, разные речи можно было слышать, проskalьзывали порой всякие выражения, — подтверждает старший инспектор отдела кадров Нина Пронина. — Сейчас это абсолютно исключено».

Сначала ограничение мата вводилось на время Великого поста. Но сейчас председатель говорит, что распоряжение отменять не собирается, и действие штрафных санкций в колхозе, скорее всего, продлится и в «скромное» время.

Кстати, Николай Митрохин считает, что инициатива ответственности за слова может получить достойное развитие: «Еще бы представителей власти обложить штрафами за пустые обещания, — смеется Митрохин. — Вот было бы серьезное пополнение бюджета...». 📌

КАТЕГОРИЯ НЕИЗБЕЖНОСТИ ТЕКСТА

БЕСЕДОВАЛА ЕКАТЕРИНА КОСТИКОВА

Романы Андрея Геласимова переведены на 12 языков. Его «Степные боги» стали «Национальным бестселлером». В 2005-м Геласимов был признан самым популярным российским писателем во Франции, обойдя Улицкую и Акунина. Последние полтора года Андрей Геласимов работал над сценарием о русском балете XX века: писал о Матильде Кшесинской историю под рабочим названием «Матильда», которую будет снимать Алексей Учитель.

— До этого я балета не знал вообще. Я человек не хореографический. А продюсеры начали меня водить в Большой театр. Сажают в первый ряд и говорят: сиди, внимай. Я сижу и ничего не понимаю. Меня-то всегда интересует драма, а не внешнее выражение.

Балет же — искусство строго внешнее. В нем драма явно на вторых, на десятых ролях. Хотя не везде... В «Жизели», например, драма... Я на «Жизели» плакал. Когда Света Лунькина бежит, и я понимаю, что — все, в последний раз, и я понимаю, что прощаться надо, что утро наступает, — я сижу и чувствую, что глаза заблестели...

Так вот, до своей балетной эпохи я не понимал внешней стороны искусства. К десятому походу мне начало нравиться. А теперь я только этого и хочу. Недавно разговаривал с Игорем Яцко — это мой однокурсник бывший, он сейчас руководит театром «Школа драматического искусства». Говорю: ты знаешь, Игорь, мне кажется, драматический театр должен умереть. В драматическом театре люди просто выходят на сцену и разговаривают. А в балете... Первые такты увертюры, и вдруг как снежинка влетает девушка, встала в позицию, руку подняла — и все, я уже умер от счастья. Сейчас для меня существует только такой театр. И я считаю, в нашем фильме с Учителем должно быть много балета. Я вчера смотрел «Ромовый дневник» с Джонни Деппом. Там есть эпизод с бойцовыми петухами. Они взлетают, музыка красивая латиноамериканская, и вдруг эти петухи — в рапиде... Я Надю, жену, толкаю и говорю: Надя, вот так надо балет снимать! Нужно, чтобы Учитель посмотрел бой петухов! Вот так голова балерины поворачивается, и вот так вдруг она — фух! — раскрывается и летит, и мы в рапиде летим за ней... Для Учителя это не первый опыт, он уже снимал про балет — «Манию Жизели». Но там нет хореографии. Я говорю: «Алексей Ефимович, как же так? Нет танцев!» А он: «Меня интересовала история сумасшествия этой балерины»... Но сейчас я просто даже настаивать буду, что должно быть очень много балета. Хотя решать режиссеру, конечно.

— Интересный переход. Насколько я понимаю, все, что вы писали раньше, оно очень такое... мужское, а тут — балет, пачки, бриллианты...

— Цари, великие князья, революция, Гражданская война, бегство в Париж... И триумф там еще потом. Такая золоченая дворцовая история...

— С чего вдруг такая перемена?

— Мне просто предложение сделали. Появились продюсеры, сказали: хочешь такую историю? А для меня это действительно новое плавание. Мне стало любопытно. Думаю, продюсеры рисковали, предлагая мне такую тему. Хотя, возможно, они считали, что я, со своей прозой, со своими взглядами, со своими диалогами, смогу привнести в балет, в это очень оформленное искусство, которое существует в строгих рамках, современную, живую жизнь.

— Герои ваших романов в основном очень молодые люди...

— Да. Я начинал писать, когда еще помнил свои подростковые опыты. Мне было тридцать. А потом дети начали подрастать, и я за ними наблюдал. Это совершенно другое поколение, и во многом они были моими учителями — мои дети. С возрастом возникает интерфейс компромисса: тебе нужно добиваться успеха, надо какое-то пространство отвоевать, должны поступать какие-то ресурсы и так далее. И с детским максимализмом приходится прощаться. Приходится тупо слушать продюсера. Продюсер говорит: я хочу так. И ты делаешь, как ему нравится. А у мальчишек иначе. У сына, например, с педагогом конфликт в университете. И Борька мой говорит: «Она не права». Я говорю: «Это да, но власть у нее. Если ты не получишь зачет, тебя выгонят, и ты пойдешь в армию». Боря походил-походил, через неделю приходит и говорит: «Я сходил в военкомат и взял повестку. И идет она лесом,

педагог этот!» Ушел в армию с третьего курса. Жена рыдала. Но как я могу вмешиваться? Парень так решил... Это ведь поступок на всю жизнь. Он моего парня отстраивает в его дальнейшем течении. Я подумал: кровь в нем казацкая бежит, крепкая, что я буду сейчас вмешиваться?

...Мои предки, забайкальские казаки, искали прежде всего личной свободы, уходили от помещиков, расширяя свое личное пространство. Казаки искали свободы для себя и при этом расширяли, увеличивали страну, для того чтобы мы сейчас не испытывали того, что испытывает Европа, всех этих диких кризисов. Я сейчас читаю книгу Дельбрюка «История военного искусства». Он пишет, что в Риме уже в III веке были исчерпаны золотые рудники. Все. Не было золота. И монеты стали делать из сплавов. Я думаю: ничего себе! А у нас-то сколько?! У нас — вся Якутия, Бодайбо... Когда я об этом думаю, говорю своим предкам-казакам: спасибо, дедуля. Прямо так и говорю.

Мой дед-казак умер в 82 года. Сам. Сказал: надоело. Лег и умер. Он воевал, был председателем колхоза, поднимал целинные земли в Забайкалье... А потом, в 82, просто сказал: надоело. Понимаете? Когда такая кровь, я не могу своему парню ничего сказать.

— **Вы сами в армии служили?**

— Нет, не получилось из-за перелома позвоночника. Я уже призывался, попросился в Афганистан... Написал заявление: прошу взять меня в ограниченный контингент интернациональных войск. Я был мальчик, пронизанный советской идеологией, хотел выполнить свой интернациональный долг. Мне отказали. Записали в пограничные войска. Я остригся наголо, собрался в армию. Устроили проводы, напились сильно. Я шел с этих проводов домой, проходил мимо дома своей школьной подружки. И думаю: а дай-ка я с ней попрощаюсь! Она жила на третьем этаже. В Якутске дома на сваях, тамошний третий — это как здесь четвертый. Я полез по балконам, добрался до третьего этажа, а дальше надо было от балкона дойти до ее окна. Там приступочек такой узкий... Я носок поставил туда, одной рукой еще держусь за балкон, другой взялся за ее подоконник. И вот когда вторую руку-то отпустил — вниз и полетел. Это я уже вспомнил только через месяц в больнице, после того как мне операцию сделали. Потом при-

шло воспоминание о разжимающихся перчатках. И я проснулся от ужаса... Я в «Жажде» описал все свои больничные ужасы. Потом я еще год ходил в корсете, стоя учился, стоя возле туалета в самолетах летал. Мне говорят: садитесь, а я говорю, мне нельзя. Как рыцарь в доспехах.

А потом я женился на девочке, к которой тогда по балконам лез. Я когда лез, не думал, что это моя судьба, никакого романа у нас на тот момент не было. Роман случился потом, и тут уже, мне кажется, нас судьба соединила. По мне — браки заключаются на небесах. Бывает так, что это какая-то неизбежность. Такая категория неизбежности... Это бывает и с текстами. Я для себя определил так: книга должна быть написана, только если возникает категория неизбежности текста. То есть этот текст неизбежно должен быть написан — как в случае с «Войной и миром», с «Анной Карениной». Без него человечеству будет хуже. Если нет этой неизбежности — лучше не пиши. Поэтому я многие тексты свои не пишу. Я подхожу к ним, а потом говорю: человечество явно проживет без этой истории. И оно проживает...

Мне кажется, с людьми так же. Есть категория неизбежности человека в твоей жизни. Какого-то конкретного человека. Вот с этим конкретным взглядом, с этой конкретной улыбкой, смехом... Без этого человека жизнь пойдет по-другому, хуже, не так, как ты хотел. И вопрос только в твоей внимательности. Насколько ты вдруг — в движении, в улыбке, в том, как человек курит, — понимаешь: я без этого человека не могу. У меня так получилось. Я понял, что все остальное — это чужие сюжеты.

— **Поворачивать в тридцать с преподавателя на писателя, все бросать — не страшно было?**

— Было весело. Это был реальный и очень важный бунт. Потому что я понял: можно одну жизнь прожить, а можно несколько. А дальше — выбирай сам, как ты хочешь, одну жизнь или разные. Я подумал: разные интереснее. Уволился из университета, ушел с места заведующего кафедрой, хотя там нормально все было. Еще через пять-семь лет стал бы я деканом, сейчас был бы проректором... Но я понял, что не хочу.

— **У вас тогда уже дети были?**

— Да, трое. Когда я уволился из университета, мы переехали в Москву. Мы жили в Якутске, продали там квартиру и ку-

пили в Подмоскowie небольшое жилье, у нас осталось 80 долларов. Я посчитал деньги и Наде говорю: вот, все, что есть. Мы пошли, купили бутылку какого-то вина, открыли окно, сели на подоконнике. Гроза была дикая, тополя освещаются, ливень льет, я пью это вино из горлышка, мне за тридцать, я понимаю, что ничего нет, и от этого — колоссальное ощущение свободы. Можно все начать с нуля. Ты обнуляешься, ты обновляешься абсолютно. Кровь становится новой, свежей, приходит масса новых идей... Я бы вообще советовал всем это делать. На тот момент у меня был серьезный кризис. На Западе говорят: кризис среднего возраста после сорока... У меня он в тридцать случился. Я поставил под сомнение ценности, которые у меня были. Я смотрел на свою жизнь и думал: это все? Все, что мне досталось? Ну кафедра, ну студенты, бесконечные дипломники ходят, девочки волоокие, — я им про Оскара Уайльда, а у них вот такие вот глаза... И ничего не меняется — год, два, пять лет... И ты начинаешь задыхаться. А когда осталось 80 долларов и гроза в окне — оказывается, впереди длинная дорога. Возникает перспектива, и ты говоришь: ну, я пошел. Рюкзачок на спину и двигаешься. Это было, я думаю, самое умное, что я сделал в своей жизни. Хотя все сказали: «Ты — дурак. Как это можно — бросить карьеру?»... Но — нет. Это было мое самое умное решение.

Сейчас я нахожусь примерно в той же ситуации, что тогда. Мне скучно. Возник некий формат. Ты снова куда-то прилетишь, выйдешь из аэропорта, тебя встретит человек с табличкой, на которой написано «Мсье Геласимов». Тебя привезут в дорогую гостиницу, вы вечером будете сидеть с издателем в дорогом парижском ресторане, такие почтенные господа. Будете выпивать, в девять утра разбудит телефон, портье скажет: «Господин Геласимов, вас ждет фотограф и машина, чтобы отвезти на салон». Вы поедете, сядете на круглом столе с Акуниным и Прилепиным, расскажете, как в Москве прошли митинги на Болотной... Придет — ну, я не знаю — 200 человек, будут сидеть, будут в конце аплодировать. А ты смотришь на это все и понимаешь: так уже было, так уже будет...

Когда возникает формат, возникает некое заострение. Нет ощущения жажды. А оно должно быть всегда. Не должен быть сосуд наполнен. Задача, наверное, в том, чтобы мы все время

ходили куда-то на ручей и все время приносили воды. Потому что, если у тебя в доме все сосуды наполнены, видимо, надо, как мой дед, лечь и сказать: все, идите, надоело.

Раньше успех работал как манок. Пока человек молодой, успех работает как мотивация. Мужчине важно добиться успеха — это такой мужской комплекс, мачизм. Доказать, что я могу.

Пока ты себе это доказываешь — это колоссально двигает вперед. Но когда ты уже знаешь: я могу... И что дальше? Тут остается молиться, видимо.

— **Вы верующий человек?**

— Да, очень. Но не воцерковленный. Я сам по себе. Я нечасто причащаюсь, не очень соблюдаю ритуалы, не держу посты, не хожу в церковь. Но я все время молюсь. Не то чтобы громко. Бубню тихонечко. Ну, детская такая история. Наверное, это у меня комплекс... Как сказать... Нехватки отца. Отец был военный, он был очень строгий человек, такой суровый, подполковник. Мало проводил со мной времени и рано погиб. Наверное, когда я молюсь, я ищу фигуру отца. Нужен кто-то, большой, сильный, добрый, тот, кто тебя защитит. Это же очень умное чувство, когда ты просишь помощи, и — раз! — в сердце как-то спокойней становится, и ты думаешь: я не один, кто-то обо мне заботится. Мне важно это ощущение заботы, потому что очень рано пришлось заботиться о себе самому. Я женился в 18 лет, параллельно учился, работал. Дети как-то быстро начали рождаться. Приходилось очень много давать частных уроков, бегать, деньги зарабатывать. А время было тяжелое — 90-е годы. Я сразу взвалил на себя очень много ответственностей не подростковых. Поэтому я для своих сыновей стараюсь быть той фигурой, которой у меня не было. Я сижу у себя в комнате, сын — в соседней, домашнее задание делает, и для меня очень важно, когда из соседней комнаты раздастся голос: «Па, слушай, а вот этот глагол как спрягается? Английский». И я говорю: он спрягается так-то... Для меня ощущение Бога, моей внутренней религиозности состоит в том, что я себя ощу-

шаю как ребенок, который сидит в детской, дверь входная далеко, а между детской и входной дверью есть еще комната, где сидят родители. Они сидят и смотрят телевизор. А я у себя, со своими игрушками. Но я знаю, что никто чужой не попадет ко мне, минуя их. И мне в детской очень безопасно и уютно. Моя религиозность вот в этом состоит.

— **И всегда есть у кого спросить, как спрягать английский глагол?**

— Да. Они помогут, подскажут, решат. Когда мне надо будет, я крикну, и мне что-то дадут. Такое ощущение. Оно наивное, детское, но мне здорово помогает. Есть набор молитв, которые я знаю, я их проговариваю, но часто я вступаю в такой диалог сумасшедшего, как в фильме «Рассекая волны». Вот у меня примерно такие диалоги и происходят. И это дает очень много сил и уверенность. Прежде всего мысль о том, что я умру, что жизнь конечна. Сразу, как только ты говоришь: все кончится, это не важно, а важно — не пойти на компромисс, например... Знаете, что те же древние римские моряки писали на кораблях? У них на носу была вырезана надпись: «Плывать по морю необходимо, сохранять жизнь не так необходимо». Понимаете? Необходимо плавать, потому что это помогает торговле, поддерживает жизнь и так далее, а держаться за собственную жизнь — не так необходимо. И это, конечно, тоже ресурс свободы, согласитесь. Поэтому я горжусь, что Борька принял такое решение.

Когда я молюсь, я прошу сил, чтобы избавиться от страхов. Говорю: дай мне сил увидеть, что это не страшно, что это меня просто что-то пугает, что на самом деле оно не имеет большого значения. Страх выпасть из обоймы, страх, что тебя забудут, страх не понравиться читателю, издателю, продюсеру. Вот эти страхи нас, конечно, корректируют в жизни. И в этот момент нужно отодвинуться и спросить: это действительно важно? Ты точно этого хочешь? Ты кто вообще? И надо вспомнить, кто ты, вспомнить, что ты здесь ненадолго и отпущенное тебе время надо провести с удовольствием, с пользой и с достоинством.

И знаете что? Господь очень добр, и когда ты поднял голову и говоришь: «Кажется, я хочу»... Тут же — раз! — кто-то появляется и говорит: «Кофе, сэра». И ты говоришь: «О! Точно! Кофе я хочу!» Когда у меня случился кризис среднего возраста,

так и произошло. Это было в Йоркшире. Я там жил полгода, преподавал. Я как всегда, помню, перед сном молился... Обычно я благодарю. А если прошу, то только споконья, чтоб меня избавило от соблазнов или силы придало. Но в тот раз я просил света. Я чувствовал, что заблудился. Это было еще в мою университетскую эпоху, этот формат жизни уже начал меня тяготить, я не понимал, что делать... Вроде преподаю, платят хорошие деньги, все нормально, но я чувствую: что-то не то, как-то не так. И вот, я помню, вечер. У меня в спальне большое окно. Знаете, такие переплетчатые британские окошки — маленькие, но их много, и окно — во всю стену. Я жил на окраине небольшой деревушки, и за окном у меня — пастбище, а за ним лес начинается. Такие йоркширские поля, как в «Грозном перевале». И ничего: ни огонька, ни света в той стороне нет. Темно абсолютно. От горизонта до горизонта все небо черное — полночь. Я стою у окна и начинаю свой разговор: позаботься о моих детях, все такое, и мне как-то помоги. Я, говорю, заблудился, темно очень, Господи, дай света. И вдруг все это черное небо освещается белым. Все небо. Я в этот момент испытываю дикий ужас. Я понимаю, что услышан, что я не одинок на этом мосту, что на том конце адресат есть, и он говорит: я тебя слышу. Света хочешь? На!... Не знаю, может, это где-то зарница ударила, может, где-то далеко гроза была. Может, дискотека какая-то была где-то за лесом. Но я просил света — и небо вспыхнуло. Просил? Получи! А буквально через год после этого я изменил свою жизнь.

— **Что вы читаете? Наше, зарубежное, современное, классику?**

— Наше, в основном классику. Как-то так получилось, что начинаешь читать современных авторов... Ну, коллег, друзей... Мишу Шишкина, Захара Прилепина, Люсю Улицкую... Но все время берешь с полки другую книгу. Из иностранного мне вот Фоер понравился — молодой американский писатель. Сильное влияние на меня оказал Исаак Башевис Зингер. Роман «Шоша». Мне он про-

сто снес башку конкретно. Думаю, я во многом под его влиянием написал «Жажду». Она поэтому такая эмоциональная. Но, вообще, я уже мало от чего получаю удовольствие в литературе. А вот кино смотрю с удовольствием, очень нравится скандинавское. Норвежские фильмы потрясающие есть. Та же «Девушка с татуировкой дракона». Не американский вариант с Дэниелом Крейгом, а норвежский. От этих же продюсеров «Охотники за головами». Очень нравится Аки Каурисмяки — финский кинорежиссер. Просто лучший. С удовольствием смотрю Жака Одиара — «Мое сердце биться перестало», «Пророк»... Роберт Редфорд иногда показывает хорошее кино на своем фестивале «Сандэнс». Из последнего, что я смотрел, — потрясающее кино «Замерзшая река». Там такие мощные истории, персонажи. Причем очень малобюджетное кино, но это такие живые люди... Такое шершавое, живое кино... И если бы такая была литература, если бы писались такие истории, я бы просто был в восторге. Это та жизненная плоть, которой я бы хотел, — не стилистических поисков и не политических каких-то там манифестов... У нас в российском пространстве такого пока нет. Может быть, потому что все как-то увлечены самопродвижением, что ли. Сидит писатель у Бермана и Жандарева и с гордостью заявляет: а вы знаете, меня Путин с Медведевым читают. А я вот тут с Водяновой сфотографировался — мы с ней были на вечеринке... А я думаю: блин, ну ты писатель, ну нашел чем гордиться! С Водяновой сфотографировался. Ну молодец. Вон сколько ее плакатов. Встань рядом и сфотографируйся. А потом, «меня Путин и Медведев читают» — ну что, такие литературно продвинутые люди, что ли? Авторитеты в литературе? Если бы он пришел и сказал... Ну, я не знаю... Майкл Ондаатье, тот, что «Английского пациента» написал, прочитал мою книгу, или Кормак Маккарти тащится, тогда бы я сказал: это круто, ты молодец! А Путин и Медведев — люди другой профессии. И писателю интересоваться этими плоскостями, мне кажется, суетливо. Но у нас

считается, что надо быть в тренде. Или как мне мой редактор сказал однажды в издательстве: Андрей, ваши тексты не в дискурсе. Я говорю: но это же ужасно, если писатель будет в дискурсе! У вас уже совсем крыша поехала?! Я понимаю, что вам надо книги продавать, но если писатель окажется в дискурсе, то это не писатель. Вы представляете себе, как бы стал думать Фолкнер: в дискурсе я или нет? Это же чепуха! Он должен писать про то, как самогон люди варят, как убивают друг друга и так далее. А дискурс его — это маленькая деревня в округе Джефферсон, штат Миссисипи. И все. Вот и весь дискурс. Но он про это пишет и создает великое произведение...

Я понимаю, что никогда в жизни не напишу как Достоевский или как Толстой. Этих величин достичь невозможно. Так же как, скажем, существует в хореографии современный Начо Дуато, который делает свои замечательные мини-шедевры. Он никогда не будет Петипа. Ну и что? Они играют на разном поле. И не думаю, что Начо Дуато от этого страдает.

Сейчас появляется много молодых писателей, которые пытаются пройти на экзальтации читателя, эпатировать обнаженной или какими-то странными перверсиями. Но это все уже было. Можно открыть Апулея, «Золотого осла», и вы увидите, что эротика была такая, что мама не горюй. Или, я не знаю, «Сатирикон» Петрония. Пытаться шокировать читателя, удивить темой — глупо, это не работает. И тогда возникает только одна категория, которая остается у писателя, — интонация. Вот здесь определяется писатель. Интонация, дыхание. Если ты это нашупал, то у тебя все в порядке, и дальше уже не важно, эпатируешь, шокируешь, развлекаешь, смешишь. Важно, что ты услышал свой голос и у тебя есть возможность пропеть какую-то ноту. Вот это и нужно, собственно говоря: тратить все силы, чтобы услышать только свой голос.

Тема придет. Она не важна абсолютно. Она может быть про соседа, про солдата, про войну, про любовь — не важно. Главное — голос. А дальше — умеете вы складывать композицию, как вы существуете в языке, в ритме, каков у вас синтаксис — это уже вторичные вопросы. Они касаются только техники. Главное — голос. Поскольку мне кажется, что я иногда слышу свой голос, узнаю свои интонации, то я, в общем, ощущаю себя довольно гармонично в этом смысле. 📍

«Я — ВЕРУЮЩИЙ В БОГА ФИЗИК»

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

Автор мирового бестселлера «Одиночество в Сети» совершил турне по российской глубинке.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В России польский писатель бывает часто, но, как правило, ограничивается визитами в Москву. Майское путешествие по северо-западу стало самым затяжным пребыванием Вишневого в России. «С каждым днем мой русский язык становится все лучше и лучше», — признавался писатель во время многочисленных встреч с читателями. На второй неделе путешествия писатель лишь изредка советовался по поводу правильного ударения со своей переводчицей Анастасией, которую упорно называл Анестезией.

Практически в каждом из российских городов у Януша Вишневого была разработана особая программа пребывания. В Калининграде он принял участие в «Библионочи» — глубоко за полночь рассуждал в читальном зале научной библиотеки о моногамии и полигамии. В Вологде открыл памятник польскому классику английской литературы Джозефу Конраду, который в детстве жил здесь вместе со ссыльными родителями. В Санкт-Петербурге Вишневский поработал телеведущим, записав несколько выпусков ток-шоу «Любовь без границ». А еще побывал в Пскове, Череповце и Архангельске.

Его встречи с читателями правильнее было бы назвать встречами с читательницами: как говорит сам Вишневский, около 80 процентов аудитории составляли женщины. У писателя, снискавшего славу эксперта по взаимоотношениям современных мужчины и женщины, спрашивали о разном, начиная с вопросов о смысле жизни и заканчивая просьбами дать советы по поводу того, как вернуть загулявшего супруга. Корреспондент «Русского мира.ru» сопровождал писателя в поездке и записал наиболее интересные из его рассказов.

О ПЕРВЫХ ШАГАХ В ЛИТЕРАТУРЕ

«Я живу во Франкфурте-на-Майне и работаю ученым, пишу компьютерные программы по химии и биологии. По образованию я физик и экономист. Кандидатскую диссертацию защищал по информатике, а докторскую — по химии. Писательство — не главная моя профессия, это, скорее, хобби. Пишу по вечерам и в выходные. Как я всегда говорю, я женат на на-

уке, а литература — моя любовница. У меня множество научных степеней и званий, но в литературе я дилетант. Забавно, что именно это дилетантское увлечение меня и прославило.

В литературу я пришел очень поздно. Мне было 44 года, когда я написал первую строчку романа «Одиночество в Сети». Мне тогда было плохо и очень грустно из-за расставания с женщиной, и я находил в самом процессе письма определенное спасение от душевных неурядиц. Хочу сказать,

что я никогда прежде не работал со словом всерьез — не был журналистом, не вел дневника... Но в тот раз я объявил войну своей печали и постарался взбодриться. Конечно, я мог пойти к психоаналитику, как делают многие немцы, но я посчитал, что написать книгу будет дешевле. Издавать написанное тогда не было ни малейших планов.

Но по стечению обстоятельств текст попал в Варшаву, где его прочитали люди, имеющие отношение к издательской деятельности, и «Одиночество в Сети» было опубликовано. Я думал, это первая и последняя моя книга, но она очень быстро стала популярной, и издатели предложили написать что-нибудь еще. «О чем?» — спросил я. «О чем хотите... На вас сейчас спрос», — ответили мне. Так до сих пор и не могу остановиться, потому что до сих пор у меня есть темы, на которые я хочу высказываться».

О ПИСАТЕЛЬСКОЙ «КУХНЕ»

«Литература очищает меня изнутри. До того как стать прозаиком, я написал десятки, если не сотни научных статей и трактатов, но я рассуждал о том, что знал. И никогда о том, что чувствовал, а чувства и эмоции требуют не меньшего осмысления и анализа, чем интеллектуальная деятельность. Я начал писать художественные произведения, потому что стремился к внутреннему балансу.

Есть ли у меня ориентир при создании произведений? Да, он есть. Когда пишу, я всегда держу в голове, что своей книгой отнимаю у читателя не только деньги, но и время, а это ценнее денег. По крайней мере, для меня. Писатель не в силах вернуть время, потра-

ченное читателем на его плохой, скучный или бесполезный роман. Время, которое он мог потратить как-то иначе — есть тысячи способов это сделать. Поэтому я стараюсь максимально разнообразить и насытить интересной информацией те часы, которые человек проведет с моей книгой.

Есть авторы, которые могут прекрасно писать ни о чем на трех страницах. И я очень люблю творчество таких мастеров слова, но сам не стремлюсь писать красиво и рассказываю свои истории сухим языком, похожим на язык журналиста-репортера. Рассказ историй — вот на чем стоит литература и без чего она расползается. Истории должны быть в первую очередь интересны и трогательны. Если книга не заставляет сопереживать героям, я назову ее плохой, как бы автор ни прикрывался поиском новых форм. Мои произведения эмоциональны, и это их важнейший ингредиент. Критики пишут — если роман Вишневого состоит из 311 страниц, но в нем будет 312 трагедий. И это недалеко от истины.

Еще для меня особо важна точность пересказа. Должно быть, в этом сказывается мой научный склад. Например, работая над романом «Бикини», действие которого происходит в военном Дрездене, я неделю прожил в этом городе. Дух этого места, конечно, был для меня очень важен, но не только это... Я ходил с часами по улицам и измерял, сколько времени моя героиня будет идти от костела до дома. Я хочу иметь аргументы своей высказанной позиции, хочу быть доказательным, а у правды мелочей не бывает».

О РОССИИ

«Первый раз в Россию я приехал в сентябре 2007 года. Года, когда мой роман «Одиночество в Сети» был переведен на русский язык и книги появились на прилавках. С тех пор я много раз бывал здесь, но визиты получались очень короткими. К тому же издательства посылали меня исключительно в Москву и Санкт-Петербург. Их можно понять, там расположены самые крупные книжные магазины в стране и аудитория большая. Но и меня, которому все это надоело, тоже можно понять. «Хочу увидеть другую Россию», — твердо сказал я им. И они послали меня в Хабаровск. Было страшно холодно — минус

33 градуса, на Амуре замерз лед толщиной 4 метра. Но было очень интересно, и прием был теплым. Из Хабаровска мы отправились в Новосибирск, где было еще холоднее. Через год я снова взбунтовался и был отправлен в Архангельск, где сибирские морозы показались мне жарким летом. И теперь представьте, как я рад побывать в российской глубинке в теплое время года».

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

«Русский язык для меня иностранный, так было и так есть. Я говорю на польском, немецком и английском гораздо лучше. Я живу в Германии довольно давно и ежедневно разговариваю на нескольких языках. В моей компании работают люди из 14 стран, и там я в основном использую английский. На улице и в магазине изъясняюсь по-немецки, дома говорю по-польски. Возможность попрактиковаться в русском языке появилась у меня только сейчас. И знаете, каждый день я чувствую, что говорю по-русски все лучше и лучше. К концу моего турне по городам России, наверное, и вовсе откажусь от переводчика.

Мне нравится мое многоязычие, оно дает мне определенную свободу. И я как могу поддерживаю свое владение языками, причем не только в устном варианте, но и в письменном. На столике в моей спальне всегда лежат три книги — польская, английская и немецкая. Вернусь, положу туда русскую. Столик большой, место есть. Кандидаты уже есть. Очень люблю романы Акунина и Улицкой. И классику, само собой. Сейчас после выхода хорошей экранизации перечитываю «Анну Каренину».

О МЕСТЕ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«Живу в Германии, но меня ни в коей мере нельзя назвать немецким писателем. Я польский писатель и пишу только по-польски (научные статьи и монографии получаются и на английском языке, но не художественная литература). Более того, в Германии мои книги не издаются и на немецкий не переведены. Я сам так решил — не продаю права местным изда-

тельствам... Хочу оставаться в стране, где живу, неприметным и малоизвестным ученым. В отпуск я покидаю Германию и ныряю в мир шоу-бизнеса с автографами и встречами с читателями, но очень скоро возвращаюсь к белому халату и жизни скромного обывателя.

Моим дочерям такое положение дел не очень нравится. Им бы хотелось, гуляя по книжному магазину с подружками, показать на стеллаж с моими книгами и небрежно произнести: «Папа написал». Но пока мы живем в Германии, такого не будет.

Я могу себе позволить издаваться там, где хочу, не связывая себя контрактом с одним издательством, что погубило немало талантливых писателей. Только в Польше мои книги выпускают шесть издательств. Я диктую им свои условия, а не они мне. У издателей нет инструментов для давления на меня, потому что я пишу не ради хлеба насущного и не умру от голода, если уйду из литературы временно или навсегда.

Я так много работаю, а свободного времени так мало, что не успеваю тратить деньги, которые зарабатываю. Но мои дочери не оставляют меня в беде и помогают расправиться с финансовыми излишками.

Что касается моего места в польской литературе, то я одновременно внутри нее и отдельно от нее. Я мало с кем знаком из польских писателей, в совместных вечеринках не участвую, ни в каких союзах не состою».

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

«Мою книгу «Одиночество в Сети» экранизировали в Польше в 2006 году. Я восхищен фильмом, но экранизация мне не понравилась. Такой вот парадокс. Большой бюджет, играют отличные актеры, лучшие польские артисты, картина безумно красивая и динамичная, Париж показан изумительно. Вот только я писал не об этом. Суть романа не передана. А потому это хороший фильм, но плохая экранизация. Надеюсь, российская версия фильма — а речь идет о восьми сериях — получится лучше.

Русские чувствуют мою книгу лучше, чем соотечественники. В петербургском театре «Балтийский дом» больше трех лет идет спектакль по ней. Превосходный спектакль. Я его трижды смо-

трел. А один раз даже вышел на сцену в роли бомжа, которого в начале действия спасает от самоубийства главный герой Якуб. Маленькая роль, но важная. В польском фильме я его тоже сыграл. На экране я меньше минуты, но снимали мы больше четырех часов. 17 дублей, можете себе представить? Вот уж кем точно никогда не стал бы, так это актером».

О ЗАПРЕТНЫХ ТЕМАХ

«Я жил за железным занавесом и знаю, что такое цензура. Мне было бы очень сложно писать в условиях цензурных запретов. Я считаю, что для писателя не может быть запретных тем, потому что если эти темы возникают, то они являются частью человеческой жизни. Однако внутренняя цензура все же должна быть у каждого автора. О чем я никогда не буду писать? О личной жизни. К сожалению, сейчас эта тема очень популярна. Все пишут книги. Актеры снимаются в сериале и тут же выпускают мемуары, как проходили съемки, чем они занимаются ночью, а чем утром и какое блюдо особенно удалется их пятой жене.

Многие считают меня атеистом, потому что в своих книгах я иногда нелестно отзываюсь о служителях церкви. Но это не так, я — верующий. Верующий в Бога физик. Если наука не может доказать, что Бога нет, значит, он есть».

О РОДИТЕЛЯХ

«Моя мама была немкой, она родилась в Берлине. Мой папа был польским солдатом, который четыре года провел в концентрационном лагере. И все эти жизненные перипетии не помешали им встретиться и влюбиться друг в друга. О сложностях в польско-немецких отношениях я не в газетах читал, я переживал их дома практически ежедневно. Когда мама и бабушка принимались на кухне сплетничать о личной жизни соседок, они переходили на немецкий, чтобы мы, дети, не понимали, о чем они говорят. Но когда папа слышал немецкий язык, у него волосы на руках вставали дыбом от ужаса. Вместе с тем папа не учил меня ненавидеть немцев, а мама не учила их любить.

Я потерял маму, когда был молодым человеком, но все эти годы после ее смерти я веду с ней непрерывный диалог. В итоге этот диалог перерос в книгу «На Фейсбуке с сыном», которая посвящена моей матери. Она умерла до изобретения Интернета, но мама была очень современной женщиной, и я уверен, у нее сегодня была бы своя страничка в социальных сетях, где мы бы с ней общались. В итоге я завел эту страничку сам и веду ее по сей день. Так мне проще смириться с утратой.

Книга начинается вечеринкой в аду, в которой моя мать встречает множество известных людей, от Сергея Есенина до Мэрилин Монро, все самые интересные люди мировой истории обретаются там. Многих читателей и критиков шокировало, что я поместил свою нежно любимую маму в ад. Но я погрешил бы против истины, если бы поступил иначе. У мамы было три мужа и два незаконнорожденных ребенка, а это осуждается церковью и общественной моралью».

О ЛЮБВИ И ЖЕНЩИНАХ

«Все мои книги о любви, даже детская. Когда пишу о любви, не забываю о том, что я химик. Знания в этой науке помогли мне многое понять в природе человеческой привязанности. Любовь — это тоже химия, и, если мне дадут доску и мел, я могу доказать это формулами. Я приблизительно знаю, какие процессы и реакции происходят в мозгу влюбленных мужчин и женщин. И какие продукты и субстанции возникают в результате этих химических реакций. Очень опасные субстанции. Сродни отравлению.

Женщины часто просят меня дать совет, как жить и какими быть. Я отвечаю так — будьте умными. Умные женщины очень привлекательны и желанны. Страсть к разговору, по моему мнению, главная страсть в отношениях между мужчиной и женщиной. Если мужчина спешит из офиса на ужин домой, чтобы рассказать жене, как прошел день, это и есть любовь. По-моему, неверность начинается тогда, когда супруги перестают разговаривать друг с другом и начинают искать собеседников на стороне».

ПРАВО НА ЧТЕНИЕ

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

Вы знаете свод прав любого юного читателя? Право не читать. Право не дочитывать. Право перескакивать неинтересные места. Право читать с конца. Право перечитывать. Право читать что попало и где попало. Право читать вслух. Право молчать о прочитанном.

Эти права сформулировал французский писатель Даниэль Пеннак в своем эссе «Как роман», написанном в 1992 году. По мнению автора, эти простые, хотя и шокирующие читателей «старой закалки» права помогут вернуть интерес современных детей к книге, от которой они все чаще равнодушно отворачиваются.

О том, что современная российская молодежь не любит читать и не берет в руки книг, не сказал за последние пятнадцать лет только ленивый: «книги никому не нужны», «компьютер вытеснил чтение», «уровень грамотности падает». Международное исследование PISA (Programme for International Student Assessment. — *Прим. ред.*) только подтверждает самые пессимистичные оценки: в 2009 году по степени читательской грамотности среди 15-летних школьников Россия находилась на 41–43-м месте среди 65 стран, принявших участие в исследовании. Опубликованные в 2005 году социологические исследования «Левада-центра» также засвидетельствовали катастрофическую статистику по итогам 2003 года: 52 процента россиян никогда не покупают книг, а 37 процентов их никогда не читают.

«ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ» = «ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ»

Ученые Санкт-Петербургского государственного университета и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, разработав проект «Успешное чтение», решили разобраться, что мешает современным детям подружиться с литературой и как их привлечь к чтению.

— В России начали официально констатировать кризис чтения десять-пятнадцать лет назад, — говорит один из авторов проекта «Успешное чтение», доктор педагогических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена Татьяна Галактионова. — За границей тревогу

по поводу отказа от чтения забили почти на полвека раньше. В 1983 году в США уже был подготовлен доклад «Нация в опасности», посвященный проблемам функциональной неграмотности. Но в 90-е годы в нашей стране, наоборот, был своего рода читательский бум, связанный с социальными, культурными и политическими событиями того времени. На рынок выплеснулась запрещенная литература, много было переводной и зарубежной литературы. Но потом все пошло на убыль. Первым наступление на книгу начал телевизор, потом к нему присоединился компьютер.

Сегодня вопрос именно детского чтения стоит особенно остро. — Чтение как увлечение, как вид досуга активно вытесняется другими возможностями, — отмечает Татьяна Галактионова. — С появлением компьютера это приобрело уже серьезные масштабы и последствия. Ведь само чтение — это мощный интеллектуальный навык. Известный социолог культуры и чтения Сергей Николаевич Плотников обобщил данные исследователей о типичных отличиях читающих людей от не читающих. Оказывается, первые отличаются от вторых уровнем развития интеллекта. Читатели способны схватывать целое и выявлять противоречия и связь явлений, более адекватно оценивать ситуацию, быстрее находить правильные решения, имеют больший объем памяти и активное творческое воображение, лучше владеют речью. Они точнее формулируют, свободнее пишут, легче вступают в контакты и приятны в общении, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении. Таким образом, с точки зрения ученого, чтение формирует качества духовно зрелого, просвещенного, культурного и социально ценного человека.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН ПРОТИВ ДЭНА БРАУНА

Утрата интереса к художественной литературе особенно для России чревата ни много ни мало утратой национального самосознания, так как нигде российское самосознание не высказывается в такой степени, как в национальной литературе.

— В России через произведения литературы традиционно транслировались духовно-нравственные ценности, — говорит Татьяна Галактионова. — Как написала в своей работе одна исследовательница из Свердловской области: «Наше национальное богатство — художественная литература, «создавшая феномен русских мозгов», отвергнута современным русским человеком». Семейные ценности тоже передаются через классическую литературу — из поколения в поколение. Существует литература, которая является общим текстом: это читали бабушки, родители, это же читают дети. «Помнишь, как у Маугли?» «А что сказал Винни-Пух?» Если этого нет, то у разных поколений в семье становится все меньше общего.

Несмотря на ставшую расхожей фразу о том, что российские дети перестали читать, серьезные национальные социологические исследования на эту тему не проводились — чаще всего учителя и родители высказывают лишь свои наблюдения. Специалисты, изучающие проблемы детского чтения, отмечают важную тенденцию — изменилась модель чтения. Уходящая модель детского чтения (ее называют «литературоцентристской») просуществовала не менее века. Именно этой модели до сих пор придерживаются многие взрослые, в том числе и учителя. Для нее характерны любовь к чтению, престиж в обществе «человека читаю-

щего», обязательность регулярного чтения, наличие домашней библиотеки. У детей, и особенно у подростков, сюда добавляется общение со сверстниками по поводу прочитанного, наличие «литературных героев» в качестве жизненного ориентира. У большинства современных детей и подростков совсем другое восприятие книжной культуры. Книга для них — не учебник жизни, а одно из средств информации. Не случайно из массового чтения уходит классическая приключенческая объемная литература (Дюма, Майн Рид, Купер, Жюль Верн). Психологи объясняют это тем, что современный ребенок является носителем совершенно новой — визуальной, «мозаично-клиповой» — культуры, требующей постоянной смены движения. Для культуры современного школьника важны не описания, а быстрая смена декораций, приближенная к мультфильмам и компьютерным играм. Отсюда — любовь к комиксам у младших подростков, тяга к чисто развлекательной и остросюжетной литературе у старшеклассников.

— Изменился текст, читатель и социум. Эта изменившаяся реальность ставит иные задачи воспитания нового «человека читающего», — говорит Татьяна Галактионова. — Самый простой и проверенный временем способ — об этом говорят и у нас в стране, и за рубежом — читать вместе со своими даже выросшими детьми. Например, в отношении своего младшего сына — ему 14 лет — я, воспитанная на классике, считала важ-

ным, чтобы он, как любой культурный человек, прочитал «Капитанскую дочку». Однако я чувствовала, что это его не сильно вдохновляет. Поэтому просто стала читать ему вслух, обсуждать, пояснять. Когда заканчивалось наше чтение, он открывал и читал дальше уже самостоятельно, правда... увы, другую книгу — «Код да Винчи» Дэна Брауна.

«БРОСЬ ВСЕ И ЧИТАЙ!»

За рубежом уже давно пришли к выводу: все средства хороши, лишь бы книга и ребенок встретились друг с другом. Когда петербургские педагоги стали изучать опыт своих западных коллег, то были поражены разнообразием идей. Например, в США в некоторых школах практикуют материальное поощрение — за чтение книг детям дают талоны, которые в конце полугодия ребенок может обменять в специальном магазине на игрушки или канцтовары. В одной из школ Финляндии для создания атмосферы «вокруг книг» устраиваются «ночи историй» и «вечера книги» (дети в спальнях мешках собираются вместе, учитель читает им вслух, потом все вместе обсуждают прочитанное), даже названия школьных кабинетов взяты из детской литературы («Ривенделл» из «Властелина колец», «Косой переулок» из «Гарри Поттера», «Сто акров леса» из «Винни-Пуха»). В Норвегии учителя организуют чтение историй о призраках в темноте на улице, чтение стихов у камина. В Японии каждое утро обязательно десятиминутное чтение. Большой успех у учеников и учителей имела программа «Брось все и читай!» — во время урока выделяется 15 минут, когда и учитель, и ученики откладывают в сторону учебники и тетради и погружаются каждый в свою книжку. Количество прочитанных книг учитель записывает и вывешивает списком в конце полугодия.

Библиотеки тоже не сидят сложа руки. Например, во Франции практикуются «библиотеки без стен», когда книги выносятся на улицу рядом с детскими площадками, чтобы дети и их родители могли без лишней робости с ними познакомиться. Большим спросом пользуются кни-

ги, которые приносят в очереди к врачу в поликлинике. По всему миру создаются литературные парки и музеи литературных героев — например, Долина Муми-троллей в финском городе Тампере, Музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит в Лондоне, Музей Тома Сойера в США и Робин Гуда в Англии.

Даже «злейший враг» книги — компьютер — может стать союзником в приобщении к миру чтения.

— Самая распространенная ошибка современных родителей, отчаявшихся заставить своего ребенка «полюбить» читать, это запрет на пользование компьютером, — говорит Татьяна Галактионова. — Даниэль Пеннак описывает стандартную для любого родителя ситуацию — ребенку дается книга со строгим наказом: «Пока не прочитаешь от сих до сих, за компьютер не сядешь!» Неудивительно, что у подростков накапливается негатив по отношению к чтению, а компьютер становится недостижимой наградой.

В своих исследованиях петербургские педагоги предлагают термин «открытое чтение» — то есть чтение, не противопоставляющее себя другим способам получения информации, а сотрудничающее с ними. Например, в Великобритании есть специальный сайт с технологией интуитивного интерфейса. Пользователь выбирает книгу не по автору и названию, а согласно своим запросам: «Я бы хотел прочитать очень романтическую книгу, со сложным сюжетом, немного печальную...» По результатам запроса сайт предлагает каждому свою книгу, выбрав ее из 20 миллионов комбинаций.

«ГЛАГОЛ «ЧИТАТЬ» НЕ ТЕРПИТ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ»

Вооружившись мировым опытом, петербургские исследователи, не желая соглашаться с утверждением, что «никто больше не хочет читать», создали в 2007 году проект «Успешное чтение».

— Мы попытались найти непривычные, новые технологии, которые стали бы поводом для чтения книги, — объясняет Татьяна Галактионова. — Сейчас конкуренция между книгой и другими возможностями проведения досуга такова, что если нет повода, то редкий ребенок заглянет на книжную полку. Если же повод есть, и повод для ребенка привлекательный, то он начинает читать, и появляется надежда, что это станет его потребностью. Мы придумывали разные интересные для школьников события, но, чтобы стать участником этого события, нужно

суждали на переменах блокбастеры, ужастики, стрелялки, то постепенно тот или иной сюжет или книга становятся темой для разговоров. Еще дети начинают обмениваться книгами, это становится престижным.

что-то прочитать. Конкурс, постановка, выставка, диспуты, дебаты. Один из главных принципов «Успешного чтения» мы взяли опять-таки у Даниэля Пеннака: «Глагол «читать» не терпит повелительного наклонения». Чтение должно быть добровольным и доставлять удовольствие. Поэтому мы часто отталкивались от того, чем увлекаются дети. Например, ты не очень активный читатель, но тебе нравится музыка — сделай музыкальный клип к книге. Собери фрагменты, запиши музыкальную дорожку. Это круто? Но ты не можешь это сделать, не прочитав книгу. Для того, кто любит рисовать, поводом к вдумчивому чтению может стать иллюстрация к книге.

Петербургские педагоги разработали несколько программ для школьников разного возраста, пытаюсь задеть те струны детской души, которые могут разбудить потребность к чтению. Для начальной школы методика называется «Хорошее время читать» — дети становятся обладателями «Портфеля читателя», за каждую прочитанную книгу из списка и выполненные задания они получают жетоны и все выше поднимаются по «лестнице успеха».

— Обычно программа рассчитана на несколько месяцев, занятия и обсуждения проводятся во время внеклассного чтения, — говорит Татьяна Галактионова. — Учителя всячески подстегивают соревновательный элемент — у кого больше всего жетонов, кто выше поднялся по «лестнице успеха»? Проводятся выставки, беспроигрышные лотереи, игра в читательские «крестики-нолики» — чтобы заполнить поле, нужно ответить на вопрос, связанный с прочитанной книгой, или разгадать ребус.

Школьники постарше участвуют в проекте «Реклама книги» — выбирают книгу по вкусу и создают рекламный ролик про нее. Еще один популярный проект — «Горячая десятка», когда ученик выбирает десять книг, которые больше всего повлияли на его жизнь, и презентует их своим одноклассникам. Read and art — конкурс рисунков, фотографий и видеоклипов на тему чтения. «Книга на сцене» — песни, танцы, пантомима, музыкальные номера на тему чтения.

— Изначально петербургский проект уже давно стал общероссийским, а наши методики успешно применяются в десятках российских городов, — с гордостью рассказывает Татьяна Галактионова. — Учителя и родители, которые оказываются причастны к этому, фиксируют положительную динамику. В чем это выражается? Например, если до проекта дети об-

БАБУШКИНЫ КНИЖКИ

«Успешное чтение» сейчас существует на волонтерских началах — российские учителя-энтузиасты, услышав про эту программу, просят прислать им учебные пособия и рабочие тетради для школьников.

— С помощью издательства «Просвещение» мы хотим выпустить учебно-методическое пособие для пятиклассников, — делится планами Татьяна Галактионова. — Идея такая: портфель читателя для пятого класса будет посвящен теме семейного чтения и будет называться «Книжное дерево моей семьи». Какие книги в 10 лет читали бабушки и дедушки, какие книги в этом же возрасте читали мамы и папы, что читают сами пятиклассники. Цель — создать в семье повод для разговора о книге и чтении. Чтобы бабушка сняла с полки какую-то книжку, рассказала, чем она интересна, может быть, прочитала вместе с внуком. А бабушка, может быть, прочтет историю о Гарри Поттере, чтобы говорить с внуком на одном языке.

В Петербурге есть идея перевести программу «Успешное чтение» на «официальные» рельсы, предложить ее в школах почти как обязательную.

— Мы всегда были «вне системы», теперь с коллегами собираемся разработать надпредметную программу для школ, — говорит Татьяна Галактионова. — С одной стороны, это хорошо, но с другой стороны, есть определенные риски. Одно дело, когда «успешно читают» учителя со своими классами по своей воле, а другое — когда указание приходит сверху. Главное, чтобы чтение не превратилось в «обязаловку», а оставалось удовольствием...

За предоставленные материалы исследований редакция благодарит кафедру педагогики РГПУ имени А. И. Герцена.

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ НАРОДА

БЕСЕДОВАЛА ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

В следующие четыреста лет в русском языке могут появиться артикли и может исчезнуть средний род. О ближайшем и далеком будущем в интервью журналу «Русский мир.ru» размышляет Виталий Костомаров — известный русский языковед, доктор филологических наук, профессор, президент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

— В италий Григорьевич, русский язык деградирует?

— Выбросьте слово «деградирует» по отношению к языку. У нас часто говорят: «Ах, язык портится!» Да ничего с ним не делается! Он великолепный, звучный, богатый. Ножом можно вырезать из дерева удивительные вещи, а можно лишить жизни человека. Языком можно пользоваться во благо и во зло, по делу и всуе, умело и бездушно. Язык отражает настроения, потребности, притязания нас с вами. В нем больше 50 слов, выражающих мужское восхищение женщиной, сегодня же обходятся одним — «сексапильная». В свое время меня чуть с работы не выгнали, потому что я сказал, что не понимаю фразы «Русский язык — язык коммунизма». Разве на русском языке нельзя капиталистическую идеологию изложить? «Коммунистический манифест» написан по-немецки, главы марксистского «Капитала» — по-английски. Меня спасла ссылка на Сталина, который сказал, что язык, как явление особого типа, не относится ни к экономическому базису, ни к идеологической надстройке. Так что грех обвинять язык за ограниченность своих интересов, за скудость своей мысли.

— Но ведь язык меняется?

— Конечно, каждую секунду. Но только он намного сложнее, чем нож, компьютер, часы. Я, например, вижу, как бежит секундная стрелка. Минутную стрелку, быть может, я увижу, а часовую не увижу точно. Но поверьте, она движется даже на моих наручных часах. Мы можем судить о движениях языка. Тем более что иногда он дремлет, а иногда спешит, бурно меняется. Вот сейчас он бурно развивается. Срочно бежать к часовщику? Не стоит — по крайней мере, пока.

— И все-таки, вы знаете, в какую сторону будет двигаться эта часовая стрелка?

— Никто этого не знает. Можно лишь предполагать. Приведу два примера, которые что-то предсказывают на будущее. Звучащий язык дает возможность общаться лишь камерно, контактно, поэтому люди изобрели письменность. Умение условно буквами опредмечивать результат звуко-

вого общения означает возможность хранить и передавать текст в пространстве и во времени, создать две гениальные институции — почту и библиотеку. При этом, компенсируя то, чего текст не передает (интонацию, мимику, жесты, движение, цвет, все неязыковые носители смысла), люди усложнили сам язык. Создали сложную систему союзов, союзных

АНДРЕЙ СЕМШУКО

слов, предложений, словосочетаний, новых слов, синонимов, аналогических конструкций. Этот книжный язык, гениальное творение нескольких столетий и многих поколений, справедливо обожествляется как образец правильности, но несправедливо принижает начальную разговорную разновидность языка как неорганизованную, стихийную. Технический прогресс, позволяющий фиксировать акты общения в их полноте, устраняет эту несправедливость. Он показывает, что и в звуке язык не хаотичен (иначе в разговоре мы не понимали бы друг друга), что обе разновидности языка достойны. Более того, тексты радио, кино, телевидения, Ин-

тернета, особенно его социальных сетей, обладают даже преимуществами — большей, пусть имитированной, естественностью, легкостью восприятия, красочностью. Не зря дети их предпочитают, считая чтение избыточно сложным, трудоемким, скучным. В самом деле, умение читать (то есть дешифровать!) требует особого умения, запаса знаний и личного опыта, напряжения ума и чувств. Надо долго, упорно учиться, чтобы оно стало приятной потребностью. Получать информацию с экрана телевизора, дисплея ком-

что за синтаксис? Разговорный. Всем ли это нравится? Конечно, нет.

— Орфографию упрощать нужно?

— Конечно! У нас сейчас есть мнения, что единственное, что с орфографией нужно делать, — это вернуть букву «ять»! Зачем?! Послушайте, уже триста лет, как нет никакой разни-

пьютера куда проще. Даже библиотеки из хранилищ книг незаметно превратились в карто-, фильмо-, кассето-, флешко-теки.

— Что сейчас происходит с книжным и разговорным языком?

— Близкие родственники, они все больше расходились, хотя и обогащали друг друга. В нашу эпоху на месте их противопоставления происходит явное сближение, что, разумеется, как и все новое, многих раздражает. Скажу смелую вещь: мы перешли в другую эру. Нанесен сильный удар по многовековой монополии письменности. Мы еще не понимаем, к чему пришли, слишком мало времени прошло. Еще пять лет назад мы восхищались только блогосферой — скайпа и фейсбука не было. Гуттенберг вряд ли поверил бы, что благодаря его изобретению каждый день утром и вечером люди будут получать напечатанную газету. Мелочь, но все же: почта уже не принимает телеграммы. Книжной и разговорной разновидностям суждено взаимодействовать и взаимопроникать. Будем надеяться, что они не сольются, но лишь изменят наши представления о норме, о правильности, сохраняя свои семантические и стилистические оттенки.

— Что книжный язык стал более «разговорным» — понятно. Поясните, как разговорная речь становится ближе к книжной. Кажется, культура речи не растет нигде.

— Давайте разговор о культуре отложим, есть минимум 300 определений слова «культура». К тому же не надо связывать общее падение культуры с языком. Что касается «книжности» нашей речи... В простом разговоре мы все больше и свободнее употребляем термины «электричество», «напряжение 220 вольт», «микроволновая СВЧ-печь», «предохранитель», «переключатель», «трансформатор», «зарядное устройство», «выделенная полоса общественного транспорта», книжные обороты «в связи с этим», «таким образом» и т.д. В письменной речи, наоборот, мы стремимся даже передавать разговорную интонацию. Приведу заголовки из «Российской газеты»: «Почта России — модернизация или ликвидация?», «Весна: опять подтопление деревень!». Это

цы в звуке слов «бес» и «лес». А писать надо было «бес» через «е», а «лес» через «ять». Таких слов, которые нужно было просто запомнить, было чуть менее сотни. По легенде, известный академик, учивший будущего царя Николая II словесности, на вопрос наследника, зачем алфавиту эти две буквы, ответил: «Для того, Ваше Высочество, чтобы можно было сразу отличить грамотного человека от неграмотного». Наше общество устало от изменений. Но славное время не вернется от того, что будем писать «Пересветь» с «ером» на конце, но, тем более, без «ятя». Упорядочить кое-что, уменьшить количество исключений можно: «цып-цып-цып» мы пишем через «ы», а «циркуль» почему-то по-другому. Произносим «жюльен», а писать рекомендуют «жюльен». Почему надо писать «метеный пол» с одним «н», а «подметенный» с двумя? Кстати, рассуждения об орфографии стоит теперь вести с учетом нового соотношения разговорности и книжности.

— Прежде чем перейти ко второму примеру, объясните, почему «не надо связывать общее падение культуры с языком». Ведь как я мыслю, живу, так и говорю.

— Сложный вопрос. Думаю, нужно различать цивилизацию и культуру. В цивилизации всегда есть прогресс: автомобиль удобнее телеги, реактивный самолет лучше винтового. В культуре — другой принцип. Можно ли с уверенностью сказать, что трагедии Софокла отсталые по сравнению с Шекспиром, а Вампилов прогрессивнее Софокла и Шекспира, вместе взятых? Важнейшей частью культуры является религия. Можно пошучу? Культуру придумал Бог, а цивилиза-

цию — Дьявол. Мы с вами живем в двоичном мире, и эти две силы всегда борются друг с другом. Диалектика Гегеля: плюс и минус, материализм и духовность. Мы привыкли полагать, что язык — это средство выражения культуры, но он и средство выражения цивилизации. Он лепит и информацию, и образы.

— **Выходит, «падения культуры» происходить не может?**

— Не то что может, но и происходит у нас на глазах. Вот мы сидим с вами в семизвездочной гостинице, я позволил себе прийти сюда чуть ли не в джинсах, а раньше меня бы без фрака сюда не впустил швейцар. Это нынешний уровень культуры, явление общемировое. Он находит отражение и в устной, и в письменной речи.

— **И при этом вы говорите, что язык не деградирует?**

— Ни в коем случае не деградирует. Язык, не являясь ни частью культуры, ни частью цивилизации, особое явление, без которого нельзя жить, как без воздуха, без которого задохнешься. В его запасниках обретается все, что хотят говорящие (культурные и даже бескультурные) в зависимости от своих нужд и желаний. Н. В. Гоголь сравнивал его с огромным, «едва берега имеющим океаном». Мы любим эту цитату: вот какой у нас богатый, замечательный океан. Но мы забываем, что сравнение это глубже. Океан действительно безбрежный и бездонный, поэтому в нем есть все: наряду с сокровищами еще живые и дохлые рыбы и киты, утонувшие пароходы, грязь, медузы, вонь. Мы вылавливаем из него так называемый литературный язык. Кстати, это определение неточное: говоря «литературный», думаем прежде всего о художественной литературе, хотя книжный язык намного богаче: на нем и научная литература, и детская, и иностранная, да и просто нормальный разговор. Лучше было бы назвать его «образованным» — по двум значениям глагола «образовать»: «сделанный, рукотворный» и «свойственный просвещенным людям». В России в его создании особая роль исторически принадлежит поэтам и писателям, отчего хорошо подчеркнуть это и в термине «литературно-нормативно образованный язык». Состав его, принятый стандарт, конечно, меняется в зависимости от интересов и культуры (если точно определить, что подразумевается под нею). Но эта связь опосредована и, видимо, не очень обязательна. Мы ведь вообще употребляем в среднем не более 8–10 тысяч слов.

— **Ежедневно?**

— В течение жизни. Я говорю об активном употреблении. Наш пассивный запас слов, которые мы узнаем, зависит от того, чем мы занимаемся, много ли читаем. В сочинениях и письмах Александра Сергеевича Пушкина встречается 24 тысячи слов. Сколько он их произносил, мы можем только догадываться. Это вдвое больше, чем у образованного русского человека. Больше слов нашли только у Шекспира — 28 тысяч.

Все слова в языке выстроены в организованную иерархическую систему, в которой есть словарь, грамматика (морфология и синтаксис), фонетика, стилистика. Все эти уровни языка, или подсистемы, находятся в сложном взаимодействии, что и составит содержание второго моего примера. Я буду говорить о грамматике — способе, которым слова соединяются, когда мы говорим. В русском языке слова объединяются изменением одного из них, то есть флексией. Если мне нужно объединить слова «ножка» и «стол», я говорю «ножка стола». Или «ножка от стола», особенно если она отломана. В английском языке слова почти не изменяются, а их связи определяются порядком слов, предлогами, артиклями, здравой логикой. Языки со словами, в которых главным способом соединения слов является флексия, называются флективными.

— **Русский язык — флективный.**

— Да. Любой профан воспринимает его как такой, где слова склоняются и спрягаются. Ученые классификации также называют его флективным, английский, например, аналитическим. Оказываясь под влиянием других языков, русский развивает черты аналитизма. Возникает вопрос: не теряет ли он при этом свою самобытность?

— **Это явление в современном языке уже есть?**

— Рассмотрим пример. Русская грамматика привыкла к тому, что существительные, которые кончаются на «о» или «е», среднего рода. Ну, какие?

— Кофе.

— Пример не убедительный. Слово иностранное, появилось в приемлемой форме мужского рода, склонялось (у Г.Р. Державина: «А я, проспавши до полудня, курю табак и кофий пью»), отчего до сих пор грамотеи спорят, среднего или мужского рода последующее его превращение в «кофе». Я имею в виду собственно русские слова на -о, -е, которые грамматика относит к среднему роду и склоняет. В годы безумного увлечения Францией и ее языком мы позаимствовали массу слов с таким окончанием: «бюро», «манто», «какао», «казино», «табло», «трюмо», «безе», «варьете», «желе», «пенсне», «пюре», «резюме». Нам не хочется их изменять, мы даже часто пишем их по-французски, демонстрируя, какие мы образованные, и издеваясь над непросвещенными, говорящими «был в пальте», «шел из депа», «недалеко от метра», «был в кине». Извечное наше низкопоклонство перед всем иноземным оказывается сильнее флективной грамматики не только среди этих слов; не склоняем «авокадо», «гестапо», «манго», «медресе», «сомбреро», «гетто», «эскимо», «эсперанто», а также «Киото», «Монтевидео», «Сорренто», «Сакраменто», «Тоledo», «Токио», даже «Гродно», «Ковно». Мало того что не склоняем, еще и род путаем: понятно, что «микадо» — мужчина (императорский трон в Японии женщины не наследуют), а «сопрано» — женщина (у мужчин такого голоса не бывает). Но вот что «метро» может осмысляться как слово мужского рода по аналогии с «метрополитен», смущает: от имени извозчика Л. О. Утесов пел: «но метро, сверкнув перилами дубовыми, сразу всех он седоков околдовал». Современный певец четко произносит «мое сердце остановилАсь, мое сердце за-мер-ла... и снова пошлА». Нельзя не заметить, что в конце XVIII века и русские слова среднего рода приобретали мужские формы: «гнезды», «кушаны», «чувствы», «средствы» (еще и у Тютчева: «для них и солнцы, знать, не дышат») вместо «гнезда», «кушанья», «чувства», «средства» (в просторечии даже с ударением на -а); до сих пор многие сомневаются: «щупальца — щупалец» или «щупальцы — щупальцев».

— Неужто иностранных слов среднего или неизвестно какого рода больше, чем русских?

— Да, намного больше, если не учитывать производных вроде «домишко», «домище» и новейших, заимствованных чаще всего из английского языка (мы ведь живем в эпоху американомании): «евро», «нано», «песо»... Перестают склоняться многочисленные собственно русские названия, что молодежь считает вполне нормальным, а старшее поколение все еще упирается. Корней Иванович Чуковский, которого я спросил, считает ли он нормальным, что люди путают «ехать в Бутово» и «жить в Бутове», с раздражением воскликнул: «Если писатель скажет, что у него дача в Переделкино — есть такой писательский дачный поселок под Москвой, — я не смогу называть его русским писателем». Боюсь, нынешние школьники удивляются тому, что М. Ю. Лермонтов не нашел рифму, декламируя без изменения слово «Бородино»: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французю **отдана**? Ведь были ж схватки боевые, да, говорят, еще какие! Недаром помнит вся Россия про день **Бородина**».

О чем свидетельствует второй мой пример? Громадная масса слов нерусского происхождения, не только имена среднего рода, но и еще более «несъедобные» для нее на -у («шоу» или «ноу-хау»), или, к примеру, «рок-н-ролл», давит на нашу флективную морфологию. Ей, бедняге, деваться некуда, потому что лексическая подсистема их доброжелательно принимает, мало заботясь о трудностях их грамматического освоения.

— Что в этом опасного?

— Грамматика — это святое, самобытное, системообразующее начало, она определяет природу языка в целом. Изменится она, будет другой язык. Вы спросили, что будет с нашим языком. Два приведенных примера показывают возможные события в самом языке. В первом я не вижу опасности, так как это универсальный путь общечеловеческого языкового развития в глобализирующемся мире, не посягающий на врожденные особенности отдельных языков. Во втором вижу именно культурно-историческую (вас волнующую, если я правильно понял) опасность утраты этнонациональной особенности вообще и в языке в частности, хотя его структура и система, строго говоря, независимы от культуры как таковой. ❀

АНТОН БЕРКАСОВ

ДИКТАНТ ДЛЯ ВСЕГО МИРА

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

Поучаствовать в акции под названием «Тотальный диктант» в этом году собирались даже космонавты МКС, но запланированная на 6 апреля стыковка не позволила им заняться в этот день своей грамотностью. Зато на всех шести континентах Земли, включая Антарктиду, любители русского языка сели за парты, чтобы написать под диктовку один и тот же текст, специально созданный к этому событию.

Тотальный диктант — это интеллектуальная игра, в которой так и тянет поучаствовать каждого любителя родной словесности, если в нем еще сохранилась доля детского авантюризма и соревновательности. Правила этой акции, придуманной в 2004 году в Новосибирске, просты и пото-

му, наверное, увлекательны: во-первых, все участники пишут один и тот же текст (вернее, одну из трех его частей — части разнятся в зависимости от часовых поясов); во-вторых, этот текст специально создается для диктанта известным современным русскоязычным писателем (в этом году автором стала Дина Рубина); в-третьих, во всех городах акция проходит в один день, по одному и тому же сценарию, а для проверки и оценки работ используются единые критерии.

Заикин, так объясняет стремительно выросшую популярность: «Мы связываем появление большого числа волонтеров по всему миру с тем, что «Тотальный диктант» — это действительно независимый общественный проект, а не чья-то PR-акция или спущенная сверху государственная программа».

Но главная традиция в том, что все координаторы проекта в различных городах — волонтеры-энтузиасты, и организовать диктант у себя в городе может кто угодно, от учительницы литературы и обычного студента до ректора вуза или губернатора. В результате в этом году «Тотальный диктант» писали в 120 населенных пунктах страны и 50 городах зарубежья — к Австралии, Африке, Америке присоединились даже полярники на станции «Прогресс» в Антарктиде. Один из авторов идеи, новосибирец Егор

— «Тотальный диктант» доказывает: каждый студент может придумать такой проект, который даже без больших финансовых вложений может стать важным для всего мира, — во всяком случае, для всего русскоязычного мира, — восхищался размахом Захар Прилепин, современный российский писатель и автор текста прошлогоднего диктанта. — Удиви-

ЖИВОЕ ДЕЛО

АННА ГАМАЛОВА

«Тотальный диктант» начался со студенческого междусобойчика и за несколько лет превратился в крупную международную акцию, охватившую все шесть континентов. Как это вышло? Почему тысячи людей в свой выходной день бросают все дела и идут писать диктант?

Гуманитарный факультет всегда был самым маленьким в Новосибирском государственном университете. У больших факультетов — физфака и матфака — были знаменитые студенческие клубы «Контора братьев Дивановых» и «Квант», из которых потом получилась известная команда КВН (а из нее, в свою очередь, вышло несколько телезвезд). Апрель в НГУ — сезон капустников и коллективного дуракаваляния — всяких там соревнований

по «душевому пению» (это когда поют в душе) и прочих веселых глупостей. «Тотальный диктант», который филологи задумали для студентов других факультетов в рамках Дней гумфака, вполне вписался в традицию апрельских мероприятий. Уже на первый диктант, десять лет назад, прибежало 150 человек: слух о нем широко разошелся по студгородку и окружающему его Академгородку. Уже тогда появилась особая атмосфера, которую организаторы диктанта стараются бережно сохранить: дух веселой соревновательности, единодушия и дружеского ощущения «не один я такой сумасшедший — писать под диктовку в свои выходные».

Несколько лет диктант мирно подрастал; диктовали тогда отрывки из классиков. Пока организаторам не пришла в голову идея попросить живого и действующего писателя написать текст специально для диктанта. Просить решили Стругацкого — просто потому, говорит руководитель проекта Ольга Ребковец, что точно знали, как его найти через общих знакомых по теории шести рукопожатий. Борис Натанович сначала не согласился: «Ненавижу диктанты и диктатуру в любом виде». Но потом сдался: тут поспособствовал новосибирский фантаст Геннадий Прашкевич. На следующий год пригласили поучаствовать Дмитрия Быкова — тоже по личным каналам, через новосибирских друзей. И вот с этого года «Тотальный диктант» стал заметно расти. «Захару Прилепину и Дине Руби-

всех этих людей вместе — так ответила на вопрос о том, что побудило ее прийти, одна из рядовых участниц — маркетолог Евгения Симакова.

А еще были те, кому просто интересно посмотреть на «диктаторов» — так по традиции называют тех, кто читает текст диктанта, и обычно эту роль

исполняют известные ведущие, актеры, писатели, журналисты, в крайнем случае — профессиональные филологи. К примеру, в Москве на различных площадках в этом году диктовали Леонид Ярмольник, Алексей Кортнев, Юрий Колокольников и Дмитрий Быков, а в Нижнем Новгороде компанию писателю Захару Прилепину составили радиоведущий, актер и режиссер театра «Зоопарк» Лев Харламов, директор Приволжского филиала Государственного центра современного искусства «Арсенал» Анна Гор и актер театра DEREVO Павел Алёхин, который в этот день пришел, нарядившись в костюм клоуна-мима Авабуки.

— Надеюсь, Паша соединит диктовку с элементами пантомимы! — поделилась Надя Лебедева. — Лично я хочу писать диктант в аудитории, где будет диктовать именно он.

СЕМЬ ПРИЧИН ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ

В результате Прилепин вернулся 6 апреля в Нижний Новгород и диктовал текст в родном городе. Нижний присоединился к «Тотальному диктанту» в прошлом году, инициатором проведения его в столице Приволжья стала студентка (ныне выпускница) переводческого факультета местного лингвистического университета (НГЛУ) Надежда Лебедева: пришла в родной вуз с идеей провести акцию, и ее поддержали — согласились выделить аудитории, организовать проверку работ. И если в прошлом году тестировать свою грамотность пришли полторы сотни нижегородцев, то в этом — более 350 человек, актов зал НГЛУ даже не смог вместить всех желающих.

Знакомый математик, пришедший на «Тотальный диктант» из странного, казалось бы, побуждения — «давно уже ничего не писал под диктовку от руки», — пошутил, что со стороны мероприятия напоминает «неофициальный всемирный съезд филологов». Но он был не прав: люди на диктант пришли самые разные, далеко не одни словесники. Были и школьники, которым просто было «нечего больше делать» и «интересно побывать внутри университета, куда собираюсь поступать», были и пенсионеры, желающие проверить собственную память на правила и знание языка. Были и те, кто неплохо написал диктант в прошлом году, а теперь спортивно мечтал улучшить результат и даже принес с собой в аудиторию Розенталя. Были и те, кто диктантов не любит, но поддался общему позитивному настрою людей, спешащих на этот коллективный урок русского языка.

— Меня привело сюда не столько желание проверить свое знание русского языка, сколько желание почувствовать себя частью этой толпы — в хорошем смысле этого слова. Такой энергичной, интеллигентной, умной и неравнодушной толпы. Частью той силы любви и уважения к родному языку, которая собрала

исполняют известные ведущие, актеры, писатели, журналисты, в крайнем случае — профессиональные филологи. К примеру, в Москве на различных площадках в этом году диктовали Леонид Ярмольник, Алексей Кортнев, Юрий Колокольников и Дмитрий Быков, а в Нижнем Новгороде компанию писателю Захару Прилепину составили радиоведущий, актер и режиссер театра «Зоопарк» Лев Харламов, директор Приволжского филиала Государственного центра современного искусства «Арсенал» Анна Гор и актер театра DEREVO Павел Алёхин, который в этот день пришел, нарядившись в костюм клоуна-мима Авабуки.

«ИНТЕРНЕТ» С ЗАГЛАВНОЙ БУКВЫ

Но прежде, чем все любители языка распределились по аудиториям и сели за парты, их ждал урок-пятиминутка русского языка. Напоминать некоторые правила, которые потом сразу же пригодятся на практике, это тоже традиция «Тотального диктанта», ведь одна из задач акции — образовательная. А тут всего четыре слайда, зато как запоминаются! Озвученные правила касались слов «Интернет», «Всемирная паутина» и прочих синонимов, написание которых словари до сих пор строго регламентируют с заглавной буквы и только в составе сложных слов («интернет-магазин») — со строчной. Сразу стало понятно, на какую тему решила высказаться в этом году Рубина, чье авторское прочтение диктанта мы чуть позже услышали в записи. В зале зашумели, обсуждая орфографические нормы, которые до сих пор не позволяют поставить Интернет в один ряд с радио и телевидением. Общее мнение потом выразила в блоге

ной мы уже просто писали на их официальные адреса, указанные на сайтах, — говорит Ольга Ребковец. — Некоторые писатели отказывались: кто-то считает, что это слишком большая ответственность, кто-то занят работой над новой книгой, кто-то не может приехать в Новосибирск в день диктанта, а это наше главное условие. Дина Рубина выяснила все подробности — будем ли ограничивать тематику, в частности — и согласилась. Хотя до тех пор даже не слышала о нас».

ЗАЧЕМ ВАМ ДИКТАНТ?

В этом году писать диктант пришли 32 278 человек. Из них 32 207 сдали работы на проверку. За рубежом диктант писали 2594 человека, сдано на проверку 2564 работы. Почему популярность диктанта все время растет?

— Это очень актуальная тема, — поясняет Ольга Ребковец. — Раньше тексты, которые попадали к читателю, были вычитаны редакторами и корректорами, обработаны профессионалами. Сейчас — каждый сам себе автор, редактор и издатель. Каждый из нас публикует огромное количество открытых текстов. И встает вопрос о грамотности этих текстов: становится ясно, что грамотность необходима современному человеку, чтобы его понимали, чтобы его собеседник чувствовал уважение к себе — ведь когда ты отсылаешь текст с ошибками, адресату кажется, что ты просто не удосужился ради него ошибки исправить, чтобы ему было удобно читать. А это способно подорвать репутацию. Вокруг нас очень много текстов — и каждому из нас важно быть грамотным здесь и сейчас. Современные писатели пишут тексты на живом языке. И работа с этими текстами позволяет филологам делать важные наблюдения над тем, как меняется язык. «Мы не стремимся проверять грамотность по сборнику школьных диктантов, — говорит Ольга Ребковец. — Мы имеем дело с языковыми ситуациями из реальной жизни. Тексты писателей помогают нам увидеть изменения в языке, которые еще не зафиксированы в справочниках. Например, у автора стоит запятая в неожиданном месте; мы поднимаем тексты Национального

корпуса русского языка, озадачиваем экспертов — и видим существенный рост употребления запятой в этой конструкции. Такую запятую мы встретили у Прилепина и Рубиной, в одном и том же месте. Здесь уже можно говорить о том, что складывается новая норма пунктуации».

НИКАКОЙ ОБЯЗАЛОВКИ

Империя «Тотального диктанта» разрастается, охватывая все новые города. Организаторы, однако, изо всех сил стараются сохранить присущий акции дух... даже трудно сказать, какой именно. Он чувствуется, когдаходишь в аудитории, где его пишут, — сидящие в них излучают общий доброжелательный интерес.

— Мы принципиально стоим на том, чтобы сохранить наш проект некоммерческим и негосударственным, — говорит Ребковец. — Все руководители проекта — волонтеры. Все обязаны разделять общие принципы: добровольность участия, заинтересованность в проекте... Он придуман молодыми людьми для молодежной же аудитории — это весело, интересно, даже модно. Это вызов себе самому. Выбор писателей помогает добавить интриги: пусть аудитории не понравится текст, пусть она будет с ним спорить — но ведь это же заставляет думать!

Государственной поддержки у акции нет, и организаторы ее не хотят. Труд волонтеров — бесплатный, расходы оплачиваются из спонсорских денег:

«Пусть все будет неформально и добровольно. Наш проект — принципиально независимый. Как только нас станут опекают сверху — акция умрет. Она живет, пока люди делают ее для себя, пока им самим интересно. А если начнется контроль, попытки вписать акцию в официальные рамки — ничего не выйдет».

«Тотальный диктант» сотрудничает с АСИ — Агентством стратегических инициатив. Информационное сотрудничество, рекомендательные письма — да, административный ресурс — нет. «Они нам очень помогли с Роскосмосом, — говорит Ольга Ребковец. — Предлагали разослать письма во все вузы страны. Но нет, это не нужно».

одна из участниц, Татьяна Ильина: «Вообще-то я с этим правилом не согласна. В диктанте я написала, как требовали, но больше на такие «уступки» не пойду».

Когда началась диктовка, выяснилось, что в пяти аудиториях практически нет свободных мест, а кое-где пришлось даже принести дополнительные стулья — и такой аншлаг был практически во всех местах проведения акции. Традиционные крики «Помедленнее!» с мест — печатать на компьютере у многих получается уже куда быстрее, чем писать ручкой, — и традиционные аплодисменты в конце, ведь «диктаторы» старались не меньше пишущих. За первой партией в одной из аудиторий — ректор НГЛУ Борис Жигалев.

— **Борис Андреевич, давно столько ручкой не писали?**

— Давно... Поразился, честно говоря, тому, какой у меня неровный почерк...

— **На какую оценку надеетесь?**

— Четверку, я думаю, заслужил. В пунктуационном смысле текст был не слишком простым — в некоторых моментах я сомневаюсь.

— **Много студентов на диктанте — это их добровольное решение или приказ ректора?**

— Что вы, все сугубо добровольно! Но мне приятно видеть здесь не только наших студентов, но и преподавателей.

ПОЛОВИНА ПИСАВШИХ — «ДВОЕЧНИКИ»

Но не везде акция прошла так демократично. В Ульяновске, где проведение диктанта поначалу поддержали на губернаторском уровне, разыгрался гротескный скандал. К ульяновскому губернатору Сергею Морозову публично обратился местный литератор Николай Марянин, автор гимна города и области, которому не понравилось, что текст «Тотального диктанта» в этом году написан гражданкой Израила Диной Рубиной, «использующей в своих произведениях ненормативную лексику». Губернатор в день диктанта заменил текст на фрагмент из очерка об ульяновском художнике Аркадии Пластове. Узнав о происшедшем, организаторы «Тотального диктанта» заявили, что замена не была с ними согласована и поэтому результаты участников, писавших диктант не по единому тексту, к большому сожалению, придется аннули-

ровать. Как только новость об ульяновской «подмене» разнеслась по Интернету, нашлись и те, кто самоуправца Морозова поддержал, но даже они пеняли губернатору на то, что текст о Пластове оказался слишком легким.

Текст же Рубиной содержал и словарные слова, и множество авторских знаков препинания, так что хотя случаи разночтения были прописаны заранее экспертами-филологами и не считались ошибкой, результаты и оценки вызвали много вопросов. К слову, в Нижнем Новгороде из почти 350 писавших — 6 пятерок, 72 четверки и 108 троек, остальные работы — «неудовлетворительно». Все «отличники» и «хорошисты» получили именные сертификаты и памятные призы. И нижегородский результат куда лучше среднего: так, в прошлом году в большинстве мест проведения диктанта «двоечников» было не меньше половины! При этом нужно учитывать, что пятерка допускает лишь одну пунктуационную ошибку, четверка — суммарно четыре ошибки, тройка — не более восьми.

И все же организаторы акции предостерегают от «охов и ахов» по поводу неграмотности современных носителей русского языка. Ведь «Тотальный диктант» — это не ЕГЭ, и тексты, которые предлагаются на нем, куда сложнее стандартных школьных. Статистика показывает, что на пять диктанты пишут не более 1,5 процента участников, а есть населенные пункты, где «отличников» не бывает вовсе — впечатляет, учитывая, что на это мероприятие все-таки приходят люди с языковыми амбициями. В то же время оценка — не только данность, но и побуждение к действию: задумайся, что тебе нужно повторить, чтобы действительно сказать о себе — да, я знаю родной язык. Кому-то для этого достаточно повторить правила оформления прямой речи...

— Оказывается, писать под диктовку ручкой — это такая забытая полезная нагрузка для моз-

гов! Я бы ходил на такой диктант и два раза в год, — сдав работу, сделал для себя вывод Алексей, директор интернет-магазина.

Интересно, если бы кто-то придумал организовать «тотальную арифметику» или «тотальную географию», пользовались бы они таким успехом? 📊

Увеличивается и количество стран, принимающих участие в акции. В прошлом году их было 11, в этом — 35. «Мир объединяет любовь к русскому языку, — комментирует Ребковец. — За рубежом есть огромное желание участвовать в нашем диктанте. И мы считаем, что Дина Рубина, гражданка Израиля, пишущая по-русски, символизирует эту общую любовь к русскому языку. Она ведь не израильский, а именно русский писатель».

КТО НАС БУДЕТ РУССКОМУ УЧИТЬ?

Выбор писателя-«диктатора», однако, в этом году не всем понравился. Ульяна Скойбеда из «Комсомольской правды» выразила возмущение тем, что гражданка Израиля собирается учить граждан России русскому языку. Комментаторы зашумели: чтобы израильтяне наших детей учили писать по-русски! А в самый день диктанта ульяновский губернатор Сергей Морозов заменил текст Рубиной на текст Василия Пескова о художнике Пластове, сославшись на то, что в книгах Рубиной много матерщины, а надо бороться за чистоту родного языка. Оказалось, незадолго до того местный поэт Николай Марянин пожаловался губернатору, что «Тотальный диктант» оседлала оппозиция: Стругацкий, Быков, Прилепин... теперь вот матерщинница Рубина... Губернатор услышал глас народа — и своей начальственной волей лишил ульяновцев возможности поучаствовать в акции вместе со всеми. Получилось, их в принудительном порядке перенаправили на альтернативный диктант Морозова.

— Все эти люди демонстрируют непонимание сути и смысла проекта, — вздыхает Ольга Ребковец, которая чуть не сутками напролет раздавала комментарии по поводу внезапного вторжения большой политики в проект. — Это вообще не детская акция, она для взрослых. Автор ничему не учит. Автор пишет текст. Потом с этим текстом работают филологи: они пишут комментарий, предлагают варианты, чтобы текст был удобен для диктанта. Ульяновский случай ясно показывает, как желание высокопоставленного чиновника поучаствовать в общей «движухе» оказывается губительным для акции.

Если бы нам тексты выбирал губернатор, проект не получил бы такого размаха. Писателей выбирают сами студенты и выбирают тех, кто им интересен. Господин Морозов вполне мог не принимать участия в акции: имя автора текста было известно за месяц; у него были все возможности отказаться и создать свой проект у себя в области. Мы работаем через Интернет с организациями по всему миру, и все они соблюдают цели и задачи акции. И нам очень жаль, что ульяновский губернатор воспользовался «Тотальным диктантом», чтобы запустить свою акцию.

Борьба за чистоту русского языка тоже бывает разной. Можно сбрасывать с корабля современности писателей-матерщинников. Изъять из библиотек непристойного по нынешним меркам протопопа Аввакума, запретить Маяковского и Пушкина. Вывать из сборников школьных диктантов страницы с текстами французского гражданина Бунина. Ну и вообще прошерстить как следует писательские ряды, многовато среди них неблагонадежных: те эмигрировали, эти клеветали, да еще пьянство и суицид, опять же, на каждом шагу. Можно произносить речи о повышении культуры письма и проводить областные фестивали «Мой край родной», можно устраивать губернаторские проверки грамотности.

А можно придумать дело, которое самим делать нравится. А потом вдруг оказывается, что его подхватывает вся страна, соскучившаяся по живой и веселой любви. 📖

УЧИТЕЛЬНИЦА ФРАНЦУЗСКОГО

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

О том, что Валентин Распутин выдвинут на соискание Нобелевской премии, 81-летней жительнице Нижнего Новгорода Лидии Михайловне Молоковой рассказали внуки. Они знают о многолетней дружбе, связывающей их бабушку и знаменитого писателя. Еще бы! Ведь прототипом учительницы в знаменитом рассказе «Уроки французского» была именно Лидия Михайловна.

О молодом писателе Валентине Распутине она узнала случайно. На лекции в Москве литературный критик Галина Белая рассказывала о современной советской литературе. Лекция читалась преподавателям русского языка, которых готовили к работе за границей. Была в этой группе и Лидия Михайловна Молокова. Ей предстояло вести занятия русского языка в Париже, в Сорбонне. Всю советскую литературу последних лет лектор разложила на три разряда: военная, молодая и деревенская. К представителям последней она отнесла и Валентина Распутина. Имя это для Лидии Михайловны оказалось новым, хотя она следила за новинками отечественной и зарубежной литературы! Где-то она его уже слышала. Распутин... Валя Распутин... И Лидия Михайловна вспомнила о далеком глухом поселке Усть-Уда в Иркутской области, куда попала по распределению в 1951 году. Среди учеников был тихий мальчик — Валя Распутин.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

«Не может быть, чтобы это был он», — думала она, слушая лекцию. На том и успокоилась. Впереди были отъезд, хлопоты, надо было устроить детей в интернат... А через две недели она уже гуляла по Парижу. Заглянула в магазин советской книги и стран народной демократии «Глоб». Толстой, Достоевский, Пришвин, Бунин, Ахматова... И все без очереди и давки. И тут Лидия Михайловна решила спросить, нет ли в магазине книг Валентина Распутина. Оказалось, были, да раскупили. «А кто его читает?» — продолжила допытываться учительница. «Да все», — ответила продавщица. В следующий раз Лидия Михайловна зашла в магазин только через пару месяцев. Продавщица ее узнала: «Пришел ваш Распутин».

Этот сборник рассказов и повестей «Живи и помни» Лидия Михайловна хранит до сих пор. ...Она вернулась в комнату в парижском общежитии и все мучилась: ее ли это ученик? Какая пропасть лежит между поселком Усть-Уда и книжной полкой в парижском магазине! Просмотрела оглавление. «Уроки французского». Рассказ. Подумала: «О, это меня касается». С «Уроков...» и начала. И сразу все поняла.

Действие происходит в поселке Усть-Уда. Герой рассказа приезжает из деревни продолжать учебу в районной школе. В трудное послевоенное время на квартире у чужих людей ему живется голодно. Ни родных, ни знакомых у него нет. Сын квартирной хозяйки знакомит его с местной шпаной, которая увлечена «чикой» — игрой на деньги. Доктор прописал мальчику для поправки здоровья молоко, и он начинает играть в «чику», чтобы выиграть деньги и купить на них молока. В один из трудных моментов на помощь мальчику приходит молодая учительница французского языка. Она пошла против всех действующих правил, играя с ним у себя дома, чтобы дать возможность мальчику покупать молоко. В финале рассказа игроков застают директор школы. Уволенная учительница французского присылает ученику посылку с макаронами, поверх которых лежат яблоки. Раньше их мальчик никогда не видел. В этом рассказе автор

с большим чувством и тактом рассказал о человеколюбии молодой учительницы.

С первых строк Лидию Михайловну поразило сходство с тем мальчиком, каким Распутин был тогда в усть-удинской школе. Худенький, одинокий. Но когда Лидия Михайловна дошла до появления на страницах рассказа учительницы французского языка, то буквально подпрыгнула, а когда прочла, то поспешила себя успокоить: «Нет, это не я». И все же она была потрясена. Этот худенький мальчик стал известным писателем, и его книги теперь продаются в Париже.

Далеко за полночь села писать письмо. Адреса писателя она не знала. Знала только, что живет он в Иркутске. Поэтому на конверте написала: «Иркутск, писателю Валентину Распутину».

Ответ от писателя пришел через полгода: «Я знал, что Вы найдетесь». И тогда она поняла, что Распутин писал все-таки о ней. Тогдашней молоденькой учительнице французского языка.

УСТЬ-УДА

И она вспомнила то, что давно старалась забыть. Маленькую комнату в Москве, маму, работающую на швейной фабрике, отца — инженера-геолога. Летом 1941 года семья уехала в Забайкалье. Начало войны застало их на станции Тайга. Пришлось им остаться в Сибири. После окончания школы в Сретенске девушка поехала за высшим образованием в Иркутск. Выбирала специальность, сообразуясь со своими эмоциями, а не с практицизмом, который у нее отсутствует до сих пор. Приемное отделение исторического факультета, куда она принесла документы, находилось в бывшей семинарии. Здесь девушке не понравилось: низкие потолки и узкие окна. И тогда она отнесла документы в светлое здание пединститута, в котором раньше располагался институт благородных девиц.

В институте Лидия жила бедно. Зато когда однажды в корпус общежития забрел фотограф, она сумела уговорить богатую соседку дать примерить ее наряды. В пиджаке, шляпке, перчаточках, с сумочкой, Лидия Михайловна на фотографии вышла как актриса или заграничная дама. Именно такой ее и восприняли в глухом поселке Усть-Уда на реке Ангаре, куда Лидию вместе с подругой Лилией отправили по распределению.

Прибыв на место, девушки расплакались. Тайга. Болота. Мошка. «Француженки» мечтали вырваться оттуда в город. Осенью школа выделила учительницам три сотки посаженного картофеля, чтоб с голода не пропали. Но никто «француженок» не предупредил о мошке. После выкапывания картофеля нежные девичьи лица превратились в решето. Все село смеялось над ними, когда они ехали верхом на мешках с картошкой, пряча свои опухшие лица: «Вы думали, куда вы попали, девоньки? В тайгу!» В качестве спасительного средства от мошки им предложили мазаться дегтем.

В деревянной двухэтажной школе почти все учителя были местные. На Лидию Михайловну с подругой смотрели как на иностранок. Одна ревнивая преподавательница, поглядев на городских девушек, заявила: «Сунетесь к моему мужу — у меня кислота стоит!» У Лидии Михайловны было всего три платья, которые она помнит до сих пор: шерстяное темно-синее с отделкой воротника и рукавов в горошек, полосатое из штапеля и еще одно в клеточку из сатина. В школу Лидия Михайловна ходила в туфлях на каблуках, осторожно переступая щели в деревянном тротуаре.

С первых занятий Лидия поняла, что тут рады французскому языку. Единственный иностранный язык — немецкий — преподавал учитель химии, и то только в старших классах. Учебники по предмету были. Ни разу она не услышала: зачем нам французский? Одеты ученики в том далеком 1951 году были плохо. Старые шапки, заносенные фуфайки, на ногах чиги — сапоги, внутри которых солома для тепла. Холщовые сумки через плечо вместо портфелей. Некоторые приходили в школу за пять-семь километров.

Опрятнее всех выглядел 8 «А» класс Веры Андреевны Кириленко. Этого классного руководителя, участницу войны, считали образцовым. На «француженок» она смотрела снисходительно. Ученики Веры Андреевны, как все дети в Усть-Уде, носили старую одежку, но она у них всегда была без дырок, а рубашки чисто выстираны. И на уроках они вели себя

дисциплинированно. В этом классе и учился Валя Распутин. Спустя годы Лидия Михайловна напишет писателю: «Ты ведь, наверное, написал про Веру Андреевну, а не про меня!» «Я ее не помню, а вас помню», — ответит ей Распутин.

Класс, руководила которым молодая «француженка», состоял из самого наглого хулиганья. Доводили они ее весь учебный год до горьких слез. Предлагает она им организовать художественную самодеятельность — они отказываются. Хором отвечают: «Нам вечером стойки надо чистить». «Что-что?» — переспрашивает учительница. А они хохочут. «Стойками» в Усть-Уде называли стойла, где держали домашнюю скотину. Новость о неосведомленности «француженки» тут же разносится по селу, и над городской красавицей снова все подсмываются. После очередного сорванного урока учительница выбежала в слезах на улицу и побрела домой. Весь класс шел за ней и слушал ее рыдания. Им было интересно, как плачет «француженка». Однажды школьники залезли к учительнице домой, чтобы подсмотреть в классном журнале оценки за контрольную работу. Заодно выпили бутылку вина, припасенного для праздничного дня. Мучилась с озорниками Лидия Михайловна, пока на следующий год ее класс не объединили с тем, где классным руководителем была Вера Андреевна Кириленко. Перемену в отношении она заметила, когда заболела и несколько дней лежала дома, не могла даже нарубить дров. Вдруг является ватага учеников и коротко спрашивает: «Где топор-то?» Нарубили дров, бросили топор на пол и ушли. Был среди них и Валя Распутин.

Первый раз Лидия Михайловна услышала о нем от учителя химии. Тот назвал Валу Распутина «мальчиком со стержнем внутри». Учитель химии требовал, чтобы ученики честно признавались в том, что не выполнили домашнее задание. Конечно, никто в этом не признавался и увертывался как мог. Но однажды Валя Распутин встал и сказал, что не готов к уроку. «Вы, Валентин Распутин, выйдите из класса!» Одноклассники относились к Вале Распутину уважительно. Он запомнился Лидии Михайловне худеньким, молчаливым, скромным маль-

чиком, в котором действительно чувствовался стержень. Лидия Михайловна знала: Распутин жил некоторое время в интернате, потом — у друзей.

Лидии Михайловне больше запомнились другие ребята, из числа озорников и хулиганов. Например, когда самый угрюмый и плохой ученик, Спартак Соколов, однажды вечером поздоровался с учительницей на улице, она восприняла его

«здрасьте» как подарок. Даже когда учительнице французского удалось уговорить учеников поставить спектакль по произведению Бориса Горбатова «Юность отцов», то на репетициях Валя Распутин тоже ничем особым не выделялся. Никакой влюбленности ученика она не чувствовала. Дома у нее, кроме того случая с дровами, он никогда больше не был.

Лидия Михайловна помнит, как однажды на перемене Вале Распутину сломали руку. На занятия он не ходил больше месяца. Учительница забеспокоилась. Тут подошел праздник 8 Марта, и она случайно узнала, что ее класс собрал большую сумму денег, чтобы купить ей баян. Сама она на музыкальных инструментах никогда не играла. Брать дорогой подарок от сельских детей ей показалось постыдным, она побежала к заучу. «Поговорите с ними — мне достаточно открытки!» 8 Марта класс встретил Лидию Михайловну хмуро. Староста класса шлепнул деньгами об стол: «Деньги-то собрали, что с ними делать?» И тогда Лидия Михайловна предложила передать деньги Вале Распутину на лечение. Одноклассники говорят: «Нет, он не возьмет». Лидия Михайловна предложила сказать, что это деньги родительского совета, а дают их в долг, после окончания школы он может их вернуть в любое время. Деньги эти Валентин Распутин не только вернул, но и спасал свою родную школу множество раз.

История с этими деньгами имела бурное продолжение. Летом Валентин Распутин заработал деньги, вернул «долг», а на оставшуюся сумму пригласил ребят в столовую. Среди них был озорной мальчишка, который залез в буфет за бутылкой вина. Всю

РИА НОВОСТИ

компанию отвезли в милицию разбираться. Идет Лидия Михайловна по улице в своем самом красивом платье, а на встречу ей коллега: «Ваши-то в милиции сидят!» Очень Лидия Михайловна за ребят испугалась... Но все тогда закончилось благополучно. Хотя и посудачили за спиной: что ждать от класса, руководителем которого учительница французского, любительница шляпок и нарядных платьев? Шесть человек из ее класса окончили школу на «отлично», но медали получили только пятеро. Шестым, которому медаль не дали, был Валентин Распутин. Из-за репрессированного отца. Но высказать свое сожаление ученику Лидия Михайловна не успела. Сбылась ее мечта: она уехала из Усть-Уды в Иркутск. Там-то она последний раз и встретила случайно на улице Валентина Распутина. Она шла вместе с мужем. Распутин вежливо поздоровался с учительницей и сказал, что учится в институте. На ее бывшем ученике был хороший пиджак, новые ботинки. Правда, он так же, как и раньше, смотрел в землю, на вопросы отвечал тихо. «О, Валя, какой у тебя вид франтоватый!» — сказала Лидия Михайловна и, засмеявшись, пошла дальше с мужем под руку. Валя Распутин остался позади, как и все связанное с ним — тайга, Ангара, мошка...

Больше они не виделись, и Лидия Михайловна ни о нем, ни об Усть-Уде не вспоминала. Считала те годы работы самыми неудачными в своей педагогической практике.

ПИСЬМО, ПАРИЖ И КНИГА

После смерти мужа она с двумя маленькими дочками в 1963 году переехала из Иркутска к своей маме в Саранск, где в местном университете оказалась свободная должность преподавателя французского языка. Со студентами ей удалось быстрее найти общий язык, чем с учениками в глухой сельской школе. К этому времени она окончательно забыла об Усть-Уде. Жизнь была интересная. От университета Молокова ездила преподавать русский язык на базе французского в Камбоджу и Алжир. В Камбодже ее наградили правительственной медалью, которую впервые в этой стране вручили женщине. В Алжире она преподавала русский в школе военных кадетов. За время работы за границей она прославилась строгим поведением и дипломатичностью. Ее часто приглашали на встречи

в общество франко-советской дружбы выступить с рассказом о жизни в СССР. И она удачно отвечала на самые каверзные вопросы. Правда, однажды на каком-то торжественном приеме в Парижском университете, где собрали филологов-русистов, она подала руку седенькому человеку с бородой. Лидию Михайловну отозвали в угол и прошипели на ухо: «Кому руку подала! Это ж Синявский». Ничего об опальном в СССР писателе Молокова не слышала, но за свою дальнейшую работу за границей, признаться, испугалась. Но обошлось. И когда ее пригласили преподавать русский язык в Сорбонну на два года — не могла поверить своему счастью. Для преподавательницы из провинциального университета в 1975 году это было чудом. Коллеги на факультете Молокову недолюбливали. Завидовали. Спрашивали ехидно: «Вы когда будете преподавать русский язык в России?» Не могли простить новых нарядов. Даже говорили: «Вот сколько вы из-за границы новых кофточек привезете, столько у вас и врагов. Кончатся, что будете делать?» «В Париж поеду», — улыбалась она. И вот она в Париже, но вместо новых нарядов у нее в руках книга Распутина, его письмо и воспоминания о далекой Усть-Уде...

ВСТРЕЧА

Лидия Михайловна понимала, что никогда бы не вспомнила о Вале Распутине, если бы не этот рассказ, в котором писатель воплотил свою детскую мечту о том, каким должен быть педагог. И, размышляя о том давнем времени, она восприняла рассказ как упрек учителям. Но, с другой стороны, Лидия Михайловна признавалась себе, что не все ей нравится в своем образе. И голос у нее другой, не такой, как у героини. И нос иной

формы. И патефона у нее никогда не было. И в деньги она никогда бы не стала играть с учеником... Это непедагогично. Но когда много лет спустя Валентин Распутин в одном из интервью сказал о прототипе своей героини: «Не играла она в деньги, не было этого, но по ее характеру можно было предположить, что она пошла бы на это...» — она согласилась с ним.

В 1977 году Лидия Михайловна получила письмо от Распутина, в котором он сообщил о снятом фильме «Уроки французского». Фильм ей понравился. Только в главной героине она снова не захотела узнать себя. Но с тех пор ни одного показа фильма по телевидению не пропускает. Только когда идут эпизоды со шпаной, преследующей ее ученика, она уходит на кухню. Ей тяжело это видеть. И каждый раз, сопоставляя свой характер и характер героини, по-прежнему говорит: «Это все-таки не я, это собирательный образ». Об этом она писала и в письмах Распутину. А тот однажды ответил: «От макарон-то не отказывайтесь!» И опять пригласил к себе в гости, когда Лидия Михайловна будет в Москве.

Решилась на встречу она неожиданно. Гостила в столице у сестры, набралась смелости и позвонила писателю. Трубку взял Распутин. Словно ждал ее звонка все эти годы! Пригласил домой, встретил в дверях, трижды поцеловал. Лидии Михайловне было приятно, что квартира писателя не забита барахлом, нет в ней признаков мещанства. Она попала в квартиру настоящего интеллигента — ничего лишнего, все необходимое. На столе стоял рыбный пирог. Говорили об Иркутске, о школе. Вспомнили тот случай с буфетом и милицией. «Это Гвоздюк полез тогда», — рассмеялся писатель, вспомнив прозвище одноклассника. Молокова рассказала о своей работе в Париже. О том, что читает. О своей любви к Франсуа Мориаку и Франсуазе Саган. Распутин спросил ее, нравится ли ей что-нибудь из его творчества? Лидии Михайловне более всего нравились его очерк «Вверх и вниз по течению» и рассказ «Изба». Она сказала об этом. «Такое впечатление, что вместе с тобою писала. А тебе что нравится из своего?» — спросила в свою очередь. «Уроки французского».

Лидия Михайловна покраснела.

« НАПИШИ ЧТО-НИБУДЬ ЕЩЕ »

Дочери и внуки Лидии Михайловны знают о ее дружбе с писателем. Знают его произведения. Но особого интереса не проявляют. Только подшучивают иногда. С ними Лидия Михайловна ведет споры: устарело

или не устарело творчество Распутина? Однажды в качестве доказательства ей показали публикацию, где говорилось, что книги Распутина в библиотеках не берут. Лидия Михайловна пошла в самую ближнюю библиотеку, где давно является почетным читателем, и поинтересовалась Распутиным. «Нет книг, — ответили ей. — Его читают, он у нас в ходу».

Домой Лидия Михайловна вернулась с гордым видом. Но писать об этом своему бывшему ученику, конечно, не стала. В переписке они обсуждают другие темы: семья, здоровье близких, планы на лето.

Лидия Михайловна получает от Распутина в год пять-шесть писем. Он никогда не высказывает суждений о литературе и писателях, она об этом и не спрашивает. Лидия Михайловна бывает глубоко тронута, когда писатель пишет ей о ее здоровье. «Не утерпел, решил потревожить. Как Ваше здоровье? Теперь, когда и я знаю, что такое нездоровье, испытываю большое сочувствие к тем, кто живет с ним в обнимку». Эти дружеские отношения между ними продолжаются с того самого 1975 года, когда она впервые прочла его рассказ. Часто Лидия Михайловна, перечитывая письма, улыбается из-за подписи: «Ваш старательный и бестолковый ученик Валя Распутин». Однажды она ему написала: «Какой ты знаменитый и известный, а я все к тебе — Валя и Валя». Следующее письмо он подписал: «Ваш Валя».

На последний день рождения Валентина Распутина Лидия Михайловна долго думала, чтобы пожелать известному писателю. Долго ходила по комнате на первом этаже в старенькой пятиэтажке в Нижнем Новгороде, куда она недавно переехала из Саранска. Здесь живут ее дочери и внуки. Внучка Катя — тоже, как и бабушка, преподавательница французского — скоро уезжает работать переводчиком в Нью-Йорк, в ООН.

Думая о поздравлении для писателя, Лидия Михайловна вспоминала споры с детьми и внуками о литературе. Оглядывала полки с книгами. Ответ нашелся сам собою. Четким каллиграфическим почерком, который она выработала еще в Усть-Уде, она вывела: «Валя, прошу тебя, напиши что-нибудь еще — читать нечего». ❀

МИФЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙНА

БЕСЕДОВАЛА КИРА СТЕРЛИН

«Это просто фантастика какая-то, — неожиданно произносит он, встречая меня в кабинете Литинститута. — Тут же был другой стол, с ящичками, а теперь вот этот поставили, а ящичков нет!.. Ну, так им и надо! — Он сбрасывает пепел прямо на пол. — А вы садитесь, садитесь, если хотите...».

Когда Евгений Рейн всенародно определил себя в «марафонцы», оставшиеся собратья по перу тут же переименовали его в «мифотворца». И есть за что. По количеству баек Рейн вполне может тягаться с Довлатовым, тем более что тот, по словам поэта, утащил себе большую часть его собственных рассказов. Но Рейн не в обиде, ему просто скучно. «Мы снова оказались чужими, — вздыхает он, затягиваясь очередной «Явой», — сначала поэтов не печатали, но читали. А сегодня печатают, но не читают».

— Евгений Борисович, есть у Довлатова одна история в «Соло на ундервуде», где герой «Женя Рейн» пригласил к себе в гости даму, соблазнив бутылкой водки и палкой сервелата. Увидев из окна, что она идет к нему не одна, «Рейн», пока гости поднимались по лестнице, со злости выпил всю водку и съел весь сервелат. Это правда?

— Частично. Насчет колбасы Довлатов загнул, конечно, — столько я вряд ли осилил бы за десять минут. А вообще, мне часто задают подобные вопросы в контексте прозы Довлатова. Да и обиженных на него до сих пор много. Ведь читатели Довлатова искренне уверены, что все написанное им — «правда». Ну что им на это сказать? Действительно, это так. Настоящее искусство уничтожает свой материал и становится единственной правдой. Сужу об этом не абстрактно, а на примере тех довлатовских отрывков, где действует некто, поименованный как «Евгений Рейн». Я об этом писал и говорил уже не раз.

— Не обижаетесь, когда и вас именуют «мифотворцем»?

— В этом определении, безусловно, есть частица правды. Любые мемуары, воспоминания — это все отчасти мифы. Некоторые истории входят в разряд «наигранных пластинок», которые повторяются из раза в раз. Когда я писал об Ахматовой, то повторил одну из таких «пластинок», которую услышал от нее. Но мне кажется, эта «пла-

стинка» наиболее точно описывает атмосферу, которая царила в Петербурге начала века. Ахматова рассказывала о том, как впервые ее привели в квартиру Вячеслава Иванова, который тогда был самым влиятельным человеком литературного Петербурга. Ахматова пришла к Иванову днем, читала стихи. Больше всего Иванова впечатлило стихотворение «Песня последней встречи», там, где «я на правую руку надела перчатку с левой руки». Он даже сказал, что это «огромное событие в русской поэзии», так еще никто не писал. Понятно, что совсем молодую, двадцатилетнюю Ахматову такое полное признание привело в восторг. В тот же день, вечером, когда к Иванову съехался «литературный» Петербург, хозяин при всех разругал это стихотворение. Больше она к нему не ходила. И, по-моему, обижена была до самой старости. Вообще, я не так много записал историй Ахматовой — она была немногословным человеком.

— «Запустим» еще пару «пластинок»? Например, на тему того, как вы с ней познакомились.

— В 1946 году, мне 10 лет было. Кузина моего отца — Валерия Яковлевна Познанская, лауреат Сталинском премии, между прочим, — познакомилась с Ахматовой во время войны, когда была в эвакуации в Ташкенте. О ней упоминается в записях Ахматовой. И вот зимой 1946 года тетя приехала в Ленинград (сама она была москвичкой), поселилась в гостинице «Астория» и устроила прием в честь Ахматовой. По тем временам это было поступком смелым, поскольку уже существовали ждановские постановления в журналах «Звезда» и «Ленинград», где из Ахматовой сделали жупел и всячески ее поносили. На этот прием тетя пригласила и мою маму. Ну а мама захватила меня. И я этот день очень хорошо помню, это был декабрь 1946 года. Ахматова тогда была еще худой, очень красивой. В общем, произвела впечатление. Тем более до этого я, по совету мамы, прочитал две или три ее книги, которые у нас были. Второй раз я встретился с Ахматовой по собственной инициативе, это был уже, наверное, 1958 год. К тому времени я окончил Техноложку (Технологический институт. — Прим.

авт.) и работал инженером-механиком на заводе. Но это все было малоинтересно. Единственное, что меня всерьез увлекло, — это поэзия. И однажды я сообразил, что Ахматова живет в Ленинграде, и решил ее найти. Тогда я просто обратился в Ленгорсправку. И мне за десять копеек дали адрес Ахматовой. Я тут же к ней и поехал. Она тогда жила на улице Красной Конницы, около Смольного. Я позвонил, мне открыли дверь. Это была не Ахматова, а женщина, которая жила с ней вместе, ее звали Ханна Горенко, она была в первом браке женой брата Ахматовой. Потом брат эмигрировал в Америку, а она осталась. Жила у Ахматовой, помогала по хозяйству. Ханна спросила, кто я такой. Я назвался, она попросила подождать. И через пять минут уже провела меня к Анне Андреевне. Я напомнил Ахматовой, что, когда был еще мальчиком, присутствовал на том приеме в «Астории». Она моментально все вспомнила, у нее была феноменальная память. Спросила: «Как ваша матушка?» Потом я часа два у нее сидел, мы разговаривали. Она сказала, что ей дали новую квартиру, и попросила меня вместе с каким-нибудь приятелем помочь ей упаковать и перевезти библиотеку. На следующий день я пришел к ней вместе со своим приятелем Дмитрием Бобышевым.

— Это тот самый Бобышев?..

— Тот самый. Я его тогда представил Ахматовой, как и Бродского впоследствии. А Найман с ней познакомился по каким-то своим каналам. Мы с Бобышевым долго разглядывали книги Анны Андреевны, их было немного, в основном — поэзия. И на них было очень много автографов, посвящений. Помню, когда мы уже паковали книги, между нами и Ахматовой состоялся такой диалог: «Как у вас дела с иностранными языками?» — спросила Ахматова. «Английский немного». «Читать нужно как минимум на двух-трех. Хорошо бы и на итальянском еще», — продолжала она. «Но как этого добиться?» — «Просто взять книгу и читать. Вот уж дело совсем несложное!» С тех пор я стал бывать у Ахматовой. А потом, через пару лет, привез к ней Бродского. Нельзя сказать, что мы с Ахматовой

приятельствовали. Она была учителем, авторитетом. Стихи она нас писать не учила. Учила каким-то очень простым вещам: правилам хорошего тона, как одеваться, как ухаживать за девушками. Анна Андреевна живо интересовалась нашими романами, историями. Помню такой случай. Однажды я решил приехать в Комарово без предупреждения, что было для меня поступком странным. И вот на одном из полустанков я увидел полевые цветы, которые местные женщины

продавали прямо в ведрах. Я купил большой красивый букет и приехал в Комарово. Подошел к дому не со стороны калитки, а со стороны окна. И увидел у окна Ахматову, на ее лицо падало солнце, и в тот момент оно было очень красиво. Я остановился, залюбовался. Она увидела меня и спросила: «Вы ко мне?» Сперва я удивился этому вопросу: ну а к кому же еще? А потом оценил всю тактичность Анны Андреевны — я мог идти к кому угодно с этим букетом цветов. И чтобы не ставить себя и меня в неловкое положение, она нейтрально поинтересовалась, к ней ли я направляюсь.

— А откуда взялась метафора «ахматовские сироты»?

— Да это же из бобышевского стихотворения. Вы что, не знаете, что ли? «В череду утрат заходят Ося, Толя, Женя, Дима ахматовскими сиротами в ряд. Лишь прямо, друг на друга не глядя четыре стихотворца-побратима. Их дружба, как и жизнь, необратима...». После этого нашу четверку (Бродского, Бобышева, Наймана и меня) стали именовать «ахматовскими сиротами», хотя пути наши к тому времени давно уже разошлись. Самая большая дружба сохранилась только между мной и Осей (Бродским. — Прим. авт.).

— Сегодня многие ваши современники заявляют о том, что успех Бродского — это в основном стечение обстоятельств.

— Это вы снова на Диму Бобышева намекаете? Помню, он как-то выступал в Москве и заявил: «Мою славу запретил Бродский!» Полная ерунда! У каждого из нас

своя судьба, которая реализовалась в меру дарования. Себе я лучшей судьбы не желаю. Да и жизнь Бобышева, думаю, сложилась бы ненамного лучше, даже без «запрета его славы».

— **Как началась ваша дружба с Бродским?**

— Эта история тоже из разряда «наигранных пластинок». Я впервые увидел Бродского, думаю, году в 1959-м. У меня был приятель Ефим Славинский, он давно живет в Лондоне, работает на Би-би-си. В тот момент он учился в Ленинградском университете, у него своего жилья не было, и он снимал комнаты. И тут ему повезло — он снял себе маленькую квартирку на самой окраине, возле мясокомбината, на улице с названием «Новоблагодатная». Я приехал к нему на новоселье, а там уже была какая-то компания, вино, девушки. Ефим вышел меня встретить в прихожую и говорит: «Знаешь, у нас проблема: к нам затесался какой-то человек, он все время читает свои графоманские стихи и всем мешает. Ты не мог бы его как-нибудь остановить?» И он привел Бродского. Потом оказалось, что я видел его и раньше: выступал в каком-то клубе, и на сцену выскочил парень, который начал прилюдно обвинять меня в диссидентстве. Это был Бродский. На новоселье я сказал ему, что стихи нельзя читать бесконечно, что он надоедает всем, и пригласил его к себе домой. Он пришел через два дня. Я выслушал его стихи. Они мне совершенно не понравились. Это было что-то в стиле Назыма Хикмета или Пабло Неруды, которые в то время были у нас очень популярны. Потом мы пошли в пивную, разговорились. Он рассказывал, как живет. Оказалось, он даже школу не окончил, поменял множество работ. Тогда он жил по такой схеме: каждое лето ездил рабочим в геологическую партию, там зарабатывал деньги, а зимой на них жил. Потом он уехал в очередную партию, я не видел его, наверное, полгода. Когда вернулся, пришел ко мне и прочел совсем другие стихи, которые меня заинтересовали. С тех пор мы стали видеться. Оказалось, мы живем недалеко друг от друга, я на улице Ру-

ИТАР-ТАСС

бинштейна, а он — на углу Литейного проспекта и улицы Пестеля.

А у меня уже была к этому моменту невероятная роскошь — отдельная комната. Да и зарабатывал я неплохо — писал сценарии для кино. К тому же мы все — я, Найман и Бобышев — уже были женаты, вели какое-то хозяйство. В общем, Бродский часто ходил ко мне обедать.

— Я слышала, что вы вроде и Бродского пытались устроить в кино?

— Ну да. Я занимался в основном «научпопом», писал сценарии для документальных фильмов: как делать цемент, как строить корабли, о диспетчерском управлении производством. Я же инженер по профессии. И фильмы, кстати, были немаленькие: по 30 минут, по часу. За эти сценарии платили очень неплохие деньги. А у Бродского денег тогда не было, и я предложил ему тоже написать какой-нибудь сценарий. Он написал. Но Бродский был очень принципиальным: ему предложили что-то исправить, он отказался. В результате в фильме был использован другой сценарий, а Бродскому выплатили какие-то копейки. Где написанный им сценарий теперь? Не знаю. Затерялся, наверное, где-то...

— А как относитесь к тому, что Бродский называл вас своим учителем?

— Весь вопрос в том, что он вкладывал в это понятие. У нас разница в возрасте — пять лет. Для молодости — это много. Когда мы познакомились, ему было еще 17, а мне уже 22. Я с юности увлекаюсь книгами. И тогда каждую неделю ходил по книжным барахолкам, по букинистическим, что-то покупал, читал. Естественно, давал книги ему, рассказывал о чем-то. Помню, кстати, один эпизод, который, на мой взгляд, оказал значительное влияние на творчество Бродского. Это было 7 ноября 1961 года. Мы собрались у нашего приятеля Бориса Понизовского на Коломенской улице в Ленинграде. Собрались вроде бы по поводу 7 ноября, хотя никто

из нас этот день, естественно, не отмечал, просто удобный случай для того, чтобы поболтать и выпить. И кто-то из моих московских приятелей, Валя Хромов или, может быть, Леня Чертков, приехал из Москвы и привез машинописные перепечатки поэм Цветаевой. Это были «Поэма конца», «Поэма горы», «Царь-девица» и «Крысолов». И эти поэмы они передали мне, причем я должен был их вернуть дня через три, когда приятели уезжали обратно в Москву. И так как прочесть эти поэмы каждый из нас за эти три дня не успевал, то мы собрались у Понизовского и, попивая сухое вино, стали их там читать вслух с листа. И, наверное, на Бродского это произвело громадное впечатление. Он подошел ко мне и сказал, что умоляет меня дать ему на одну ночь всю пачку Цветаевой. И я ему на одну ночь эту пачку дал. И после этого в его стихах появилась цветаевская техника. В это же время он написал одну из своих первых поэм, «Шествие», в которой, не смотря на явные «цветаевские» отголоски, уже начинает проявляться «Бродский».

Потом еще эта история с Ахматовой. Ведь это я привез Бродского к ней в Комарово. Наверное, во всем этом был некий элемент учительства. Но это было естественно: я был старше, у меня было больше знакомств.

В то время Ахматова получила дачу в Комарово, ей там дали деревянный домик, который она называла «будка». Я договорился с ней, сказал, что у меня есть приятель, молодой талантливый поэт, и я его привезу. И мы поехали. Причем забавно, что он даже не знал, куда мы едем. Когда я ему сказал, что мы едем к Ахматовой, он решил, что я его разыгрываю. Он вообще был уверен, что Ахматова давно умерла. И мы к ней приехали. Потом я выяснил случайно, когда это было — 6 августа 1961 года. В этот день запустили в космос Титова, поэтому я и запомнил. Она выслушала какие-то его стихи, стала что-то вспоминать. Через какое-то время Бродский тоже поселился в Комарово. Прожил там несколько месяцев, много писал, часто навещал Ахматову.

— В тот момент у него уже начался роман с Мариной Басмановой?

— Да. Кажется, да.

— **Какой она была?**

— Ну, какой... молчаливой. Она — дочь очень хорошего художника Павла Басманова. Сама вроде никакого специального образования не получила, но рисовать любила. Марина была очень хороша в молодости — высокая стройная нежная шатенка с очень милым лицом. Бродский часто ее ко мне приводил. Она сидела с блокнотиком весь вечер, что-то там рисовала. Приходя, говорила «Здрасьте», уходя «До свидания», все. Бродский ее очень любил, и я думаю, что всю жизнь. А по ней ничего не было понятно... Потом началось это неприятное дело против него. И я думал, что это сугубо ленинградское дело, поэтому отвез Бродского в Москву. Сначала он жил у Ардовых, потом лежал в Кашенко. Через месяц попросил меня забрать его оттуда, боялся, что сойдет с ума.

В это время, как всем уже известно, у Басмановой начался роман с Бобышевым. Узнав об этом, Бродский одолжил у меня денег на билет и вернулся в Ленинград. Там состоялось какое-то выяснение отношений. После этого Бродский пытался покончить с собой: в Эрмитаже перерезал себе вены стеклом. Потом его арестовали, приговорили к пятилетней ссылке и отправили в деревню Норенская Архангельской области. Я туда к нему приезжал. И она туда поехала.

— **Басманова? Но зачем?**

— Да я откуда знаю? Бродский ее позвал, она и поехала. Но за ней туда приехал Бобышев. Они с Бродским решили устроить дуэль на топорах. Тогда Басманова уехала от Бродского вместе с Бобышевым. Потом она оказалась беременной, у нее родился сын Андрей. Он был очень похож на Бродского. Это его сын, я в этом уверен. Но Марина не вернулась к Бродскому и с Бобышевым рассталась. Она жива еще, живет в Ленинграде. Я ее мало видел потом. Как-то раз в Музее Пушкина была выставка ее отца Павла Басманова, и она меня на эту выставку пригласила. Тогда я видел ее в последний раз. Она не поддерживает отношения ни со мной, ни с Найманом. Может быть, потому, что я к тому времени уже перебрался в Москву.

— **За шесть лет до смерти Бродский посвятил всю свою любовную лирику «М. Б.»...**

— Да. Но я думаю, в этом есть скорее литературный момент, чем личный. Хотя, как я уже говорил, мне кажется, что Бродский был однолюбом.

— **И в этом он совсем не похож на Сергея Довлатова...**

— Мы с Довлатовым жили на одной улице. Я в «толстовском» доме 19, а он в доме 21/23. И между нами был только узкий Щербаков переулок. Я Сережу впервые увидел, когда ему было лет 17–18, но у нас тогда были разные компании, и мы мало общались. Потом он попал в армию, служил в охране лагеря в Коми, вернулся, стал писать рассказы. А я к тому времени жил уже в Москве, в квартире своей второй жены. Но моя ленинградская комнатка еще долго была за мной. Я приезжал в Ленинград и жил в ней по полтора-два месяца. Тогда мы и подружились с Довлатовым. Он приходил ко мне очень часто — с фокстерьером Глашей под мышкой, в тапочках на босу ногу (он в них, по-моему, до поздней осени ходил) и с пивом, естественно. Ну, мы, как водится, болтали, я ему что-то рассказывал, потом оказалось, что он все эти рассказы запомнил и использовал...

— **Обидно?**

— Ну, как вам сказать. Я сам виноват. В литературе так часто бывает: один рассказал, другой написал. Каждый литератор берет свое добро там, где находит... А потом он уехал в Таллин, потому что очень хотел издать свою книгу, а в Эстонии в то время это было сделать проще, чем в Ленинграде. Там он работал в газетах, жил у своей временной жены — Тамары Зибуновой.

Она, кстати, и сейчас живет в Таллине, вместе с дочерью Сашей, внебрачной дочерью Довлатова, очень симпатичная женщина. Я к нему туда приезжал раз пять. Мы пили, гуляли, болтали, как обычно. Издание Сережиной книги сорвалось в самый последний момент, у него начались серьезные неприятности, он уехал, устроился работать экскурсоводом в заповедник в Пушкинских Горах. В заповеднике

РИА НОВОСТИ

он снимал избу. Я и туда к нему приехал, жил с ним в этой избе, наверное, месяц. За 10 дней пропили все мои деньги, а их по тем временам было много — 300 рублей.

— Я слышала, там вы с Довлатовым серьезно поссорились?

— Не поссорились, а подрались. Из-за куска сыра. Когда мы пропили все деньги, Довлатов собрался в Ленинград навещать жену Лену. А я остался в Пушкинских Горах, без копейки денег. Довлатов сказал мне, что я могу бесплатно брать молоко у какой-то местной женщины. Но одним молоком сыт не будешь. И тут я случайно увидел, что икона в избе висит косо. Я забрался на стул и увидел, что за ней лежит огромный кусок сыра. Я его съел. Когда он вернулся и обнаружил пропажу, то набросился на меня с кулаками: «Ты съел мой сыр!» С тех пор мы больше не ссорились.

Перед отъездом в Америку, он приезжал ко мне, мы попрощались. А потом я увидел его уже в Америке. Он жил в Нью-Йорке, в Квинсе, и, когда я к нему приехал туда, всячески меня развлекал: рестораны, бары... Это было не хвастовство, просто свойство его природы — он был очень широким человеком.

— В каком-то интервью вы назвали его «закомплексованным»...

— Да. Я это наблюдал сто раз. Была, например, такая история. Он мечтал познакомиться с Василием Аксеновым. А я был приятелем Аксенова. Это был 1972 год.

И я позвонил Аксенову, а тот пригласил нас на обед в ЦДЛ. За полчаса до встречи приходит ко мне Довлатов, наряженный, в свежей сорочке, в галстук. При этом видно, что он страшно нервничает, мечется, что-то бормо-

чет. За 10 минут до назначенной встречи он хватается пальто и шапку и убегает... Не может он пережить свидание с Аксеновым. Потому что Аксенов — знаменитость, уже тогда переведенная на иностранные языки, а Довлатов тогда — еще никто... И таких случаев — масса. Возможно, от этого вся его проза пронизана такой трагичностью.

— **Все уехали, а вы остались. Это — осознанная позиция?**

— Конечно. Я никуда не хотел уезжать. Тут мой дом. Один раз только, когда после издания альманаха «Метрополь», где я составил всю поэтическую часть и где вышла большая подборка моих стихов, у меня начались проблемы и стало понятно, что книгу мне издать не дадут, я позвонил Бродскому. Иосиф с кем-то из друзей прислал мне чистую открытку. «Если решишь эмигрировать, — сказал он мне по телефону, — поздравь меня этой открыткой хотя бы с 1 Мая. И я пойму, что надо организовывать твои дела за рубежом». Но я не уехал. Хотя первая моя книга вышла только в 1984 году.

— **По-моему, она поставила абсолютный рекорд, пролежав в издательстве пятнадцать лет...**

— Не пятнадцать, а семнадцать. Впервые я принес ее в ленинградское отделение издательства «Советский писатель» в 1956 году. Там тогда работал мой друг Сергей Спасский, очень неплохой поэт, и он хотел ее издать. Но не успел — умер. И без него издатели стали тянуть, возвращать мне ее постоянно на доработку. В общем, я понял, что меня не издадут. И в 1968 году, когда переехал в Москву, отнес книгу в московское отделение «Советского писателя». Та же история. На мою первую книжку, «Имена мостов», написано 9 рецензий. Их писали Антокольский, Межиров и т.д. Когда дело дошло до предела, издательство заказало рецензию поэту Цыбину, и он написал отрицательную рецензию. И они опять отдали мне книгу на доработку. Но мне это, естественно, надоело, и я, по просьбе Аксенова,

отдал свои стихи в журнал «Метрополь». Разгорелся скандал невероятный, и мне книгу издательство вернуло. Потом издательство возглавил Егор Исаев. И он выпустил мою книгу. Мне было 49 лет.

— **Чем это было для вас?**

— Да ничем. Как говорится, хорошо яичко ко Христову дню.

— **«Бедный Йорик, поздно ты попал в Нью-Йорик»?**

— Типа того. Я рад, что меня издают, печатают, переводят, приглашают. Я наконец-то смог путешествовать. Но все это важно и нужно в молодости, в старости уже нет нужной энергии...

— **А что это за история с вашими «голландскими корнями»?**

— Это вообще фантастика. Я всю жизнь рассказывал выдуманную историю о том, что моя родословная восходит к Ван Рейну (Рембрандту). Никто, конечно, не верил, смеялись. И вдруг несколько лет назад мы получаем необычное письмо из Нидерландов. Там говорилось, что Рейны происходят из старинного голландского рода баронов, состоящего из двух кланов: Броук и Рейн. Даже фотографии прилагались. На одной был изображен наш предок из клана Броук, который был как две капли воды похож на моего отца. Теперь я с полным основанием называю себя Третьим Рейном.

— **Что вы думаете о современной поэзии?**

— Очевидно — она переживает кризис. Раньше поэзия была очень востребована. В наше время она до некоторой степени была способом сказать хотя бы частицу правды. Да и поэтов талантливых хватало: Светлов, Антокольский, Межиров и даже Маргарита Алигер. Проблема тогда была в первой книге. Но и она решалась с помощью «паровозов» — пишешь десяток советских стихов, издаешься, а потом пиши что хочешь. Сейчас можно издать что угодно. Да только — кому это нужно? Круг читателей невыносимо сузился. Да и поэтов, готовых сказать новое слово, придумать оригинальный язык, пока нет. Наверное, они придут. Во всяком случае, история знает подобные примеры. 📖

МАГИЯ КАРНАВАЛА МИХАИЛА БАХТИНА

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

О том, что Михаил Бахтин отбывал ссылку в городе, где я живу, мне с завидным постоянством напоминают московские знакомые. В ответ я обычно замечаю: можно подумать, я не знаю, что великий русский мыслитель и литературовед, исследователь творчества Рабле и Достоевского 25 лет жил и работал в Саранске.

Тогда мне объясняют разницу между ссылкой и жизнью. Сказать, что я знаю эту разницу, было бы несправедливо, но я имел возможность наблюдать ее результат на примере одного преподавателя филологического факультета института, в котором учился. Он скромно ходил вдоль стенок, не целовался с коллегами, как это было заведено, при встрече, спина его была испачкана мелом, но никто ему об этом не говорил. Вся же вина Сергея Ивановича Морозова заключалась в том, что он любил рассказывать о своей единственной встрече с Анной Ахматовой и своей вере в Бога. А сослан он был в наш город преподавать только студентам-заочникам, которые по большей части являлись жителями отдаленных районов. Если Сергей Иванович слышал умиленные воспоминания о Михаиле Михайловиче Бахтине, который преподавал в том же институте, то громко стучал палкой в пол и называл своих коллег нехорошими словами. «Опять Морозов карнавал вокруг Бахтина устроил!» — сокрушались в таком случае присутствующие и расходились. Бахтин — неудобное это было имя... То, что Бахтин жил и творил в Саранске, я, как и все остальные студенты, много раз слышал от преподавателей филфака, кото-

АВТОР ЭКОРТА ЮРИЙ СЕМЬЕРСТОВ

рые были его учениками, ходили к нему в гости и даже клялись, что из аудиторий еще не выветрился дым его сигарет. Бахтину единственному была предоставлена привилегия курить во время лекций. А пепел сигарет стряхивать прямо на пол. Иногда пепел покрывал его одежду, и казалось, что она припорошена снегом. Когда он отворачивался, над ним хихикали. Жил Бахтин на втором этаже элитного дома, от которого до местного обкома партии было рукой подать. В подъезд Бахтина я не раз бегал к однокурснице за конспектами пропущенных лекций. Ее папа был лектором в обкоме партии. Конспект я переписывал на маленькой кухне в квартире ее родителей. Такие же маленькие кухни были и за стеной у моих соседей, работавших на заводах. По сравнению с ними Бахтин жил багрином...

Однокурсница любила Ахматову, подсмеивалась над Морозовым, дружила с преподавательницей филфака, которая считалась любимой ученицей Бахтина. В свое время она была его аспиранткой и написала под его руководством кандидатскую работу о творчестве немецкого писателя Виланда (Христоф Мартин Виланд, 1733–1813, видный поэт и идеолог немецкого рококо, издатель первого немецкого журнала литературы и искусства «Германский Меркурий», дружил с Гете. — *Прим. ред.*). Бахтин тогда заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы Мордовского госуниверситета.

Я часто ходил вместе с однокурсницей в гости к той самой преподавательнице — любимой ученице Бахтина. Она редко, но очень подробно рассказывала о Бахтине, его жизни, своих впечатлениях о нем. «Бахтин — это ум!» — повторяла она. Это был единственный человек в городе, а может, и в мире, который действительно много знал о Бахтине, и если до нее не добрались исследователи жизни этого великого мыслителя XX века, то только потому, что она отказывалась от встреч. Дама была красива, элегантна, и я не знаю, в кого я был тогда больше влюблен: в нее или в однокурсницу. Или в атмосферу вечеров, когда речь шла о литературе Средних веков и эпохи Ренессанса. С тех пор прошло почти 20 лет. Морозов умер, однокурсница теперь живет среди памятников Средневековья и Ренессанса в Европе с богатым мужем, я иногда бываю у той преподавательницы и стараюсь не напоминать о Бахтине. Теперь об этом опасном мыслителе я знаю больше.

Оказывается, у Бахтина в Саранске была не только любимая ученица, но и любимый ученик. Юрий Федосеевич буквально дневал и ночевал в квартире Бахтина, который явно выделял его из всех остальных. Женат этот молодой человек был на дочери соседки Бахтина по лестничной площадке и потому часто заходил в гости к великому мыслителю. Испытывал смущение он только тогда, когда у Бахтина заходила речь о Виланде. А все потому, что в аспирантку, которая писала диссертацию, Юрий Федосеевич был влюблен. Короче, это была драма. Но только для него. Аспирантка была замужем, а Бахтин наблюдал за развитием этого сюжета холодно и спокойно. У него на столе лежали страницы будущего труда «Франсуа Рабле», в кото-

ром, кстати, фрейдизму, впервые в советском литературоведении, уделялось много внимания. В основу книги легла научная работа о Рабле, за которую после долгих споров и обвинений в космополитизме, в пропаганде разврата и западных ценностей Бахтину все же присвоили кандидатскую степень... После отъезда Бахтина из Саранска в Москву Юрий Федосеевич за-

пил, потерял работу в университете, даже из пригородной школы был уволен. Говорили, что погубила его любовь...

Я набрался смелости и спросил ту самую преподавательницу. «О, нет, — ответила она с грустной улыбкой, — это — Бахтин». И пояснила. Тогда ее спасла семья, дочери, жизнь, молодость, недооценка общения с великим мыслителем, а те, кто стал догадываться о ценности присутствия такого человека в провинциальном захолустье, кто стал сравнивать себя с ним, кто слишком приблизился, были обожжены священным огнем и заболели Бахтиным. Уж если он повлиял на ход философской мысли всего XX века, то что могло случиться с головами бедных провинциалов, которые окружали его в те годы в Саранске? Без общения с Бахтиным жизнь кончилась для Юрия Федосеевича.

Работы Бахтина в области философии и филологии ныне считаются классическими. В книге «Проблемы творчества Достоевского» вводится представление о «полифонизме» текста. При таком типе повествования слова героев звучат как будто из разных независимых источников — так игра разных инструментов в ансамбле образует полифонию. В противовес «монологическому» слову большинства писателей проза Достоевского «диалогична». Переворот в теории литературы вызвала работа Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (завершена в 1940 году, опубликована в 1965-м). По Бахтину, литература имеет корни в «народных праздниках» — карнавалах и мистериях древности.

Работы Бахтина, посвященные исследованию западной литературной традиции, остаются революционными до сих пор и,

по сути, открывают новый мир — мир мифоритуальной традиции, которую Бахтин увидел в карнавале и связал с народной смеховой культурой. Он реабилитировал «мрачное» Средневековье. В противовес сложившимся представлениям в эпоху феодализма народная жизнь бурлила, была полнокровной и яркой: «Особо важное значение имела отмена во время карнавала всех иерархических отношений. На официальных праздниках иерархические различия подчеркнута демонстрировались; на них полагалось являться во всех регалиях своего звания, чина, заслуг и занимать место, соответствующее своему рангу. Праздник освящал неравенство. В противоположность этому на карнавале все считались равными».

Бахтина называют загадкой. А те, кто берется ее разгадать и не может дать ответ, должны, как известно, умереть. Как в мифе о Сфинксе. Или сойти с ума, на худой конец, как в «Принцессе Турандот». Так случилось с местным саранским скульптором, который взялся создать памятник Бахтину и начал работу над ним с чтения трудов философа. В итоге готовый памятник вызвал шок у местной интеллигенции. Все вспоминают великого мыслителя бредущим по городу с костью под мышкой на одной ноге... А тут он стоял... на двух ногах. «Карнавал!» — сказал бы, наверно, по этому поводу сам Бахтин.

Нашлись среди старожиллов города люди, которые объявили его своим фронтовым товарищем, а потерю ноги — раной, полученной во время диверсионного задания в тылу у немцев. И это, поверьте, была еще не самая дикая выдумка насчет этого человека. Но для жителей Саранска послевоенных лет, когда много было вокруг инвалидов, она более простительна, нежели корыстное желание скульптора быстрее заработать на известном имени.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ БАХТИН

родился 17 (5) ноября 1895 года в Орле. Отец будущего великого ученого был банковским служащим. Гимназию Михаил Бахтин окончил в Одессе, здесь же поступил в университет. В 1916 году Бахтин переводится в Петроградский университет на историко-филологический факультет. Болезненный худенький юноша (Бахтин страдал хроническим остеомиелитом) со страстным увлечением занимается древними и новыми языками, углубленно изучает общее языкознание, литературоведение, философию, историю мировой культуры. В 1918 году Бахтин по окончании университета уезжает работать в городок Невель (ныне в Псковской области). Здесь в местном альма-нахе «День поэзии» (1919) вышла первая работа молодого ученого, «Искусство и ответственность». Осенью 1924 года Михаил Бахтин вместе с женой Еленой Александровной переезжает в Ленинград. В год «великого перелома» Бахтина арестовали по обвинению в подготовке политического заговора против государства. Ссылка на Соловки вследствие тяжелой болезни была заменена

«поездкой» в Кустанай. Книга о Ф. М. Достоевском вышла в свет тогда, когда автор находился под следствием. Ныне это всемирно известный научный труд «Проблемы поэтики Достоевского», который произвел научный переворот и взрыв. В 1940 году Михаил Бахтин завершил работу над трудом «Франсуа Рабле в истории реализма». В наши дни всемирно известное исследование Бахтина носит принципиально другое название — «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В сентябре 1945 года Бахтина утверждают в должности заведующего кафедрой всеобщей литературы Мордовского педагогического института имени А. И. Полежаева (ныне — Мордовский государственный университет). В 51 год Бахтин становится кандидатом филологических наук. Осенью 1969 года Бахтин выехал из Саранска на лечение в Москву. По выходе из больницы он оказался в доме для престарелых в городе Климовске. М. М. Бахтин скончался 7 марта 1975 года. Похоронен на Введенском кладбище в Москве, заложенном в 1771 году во время эпидемии чумы.

ками без абажуров и книгами, которых было много, очень много. «Он про Достоевского писал, но я не читал... я как с должности ушел, нуτριль стал разводить на шапки», — говорил Кузьма Федорович. Видел я эти шапки на кафедре русской и зарубежной литературы. Их «надевали» на поставленные ребром словари, чтобы не сваля-

лся на краях дорогой мех. Так же поступали со своими шикарными головными уборами студентки в библиотеке. Служили «подставками» для шапок и книги Бахтина, которые, увы, не пользовались у студентов особым спросом. Когда я служил в армии, то мы под свои армейские шапки с кокардами подставляли томики Общевоинских уставов. Офицеры нам за такое неуважение наряды вне очереди давали. Мы на командиров обижались. Но университет — не казарма, тем более тот, в стенах которого преподавал когда-то великий гуманист. Хотя я тогда на эти книги под шапками никак не реагировал. Понимал. А вот теперь — не понимаю. Офицеры-то, похоже, правы были... Уставы кровью писаны. А труды Бахтина?

В 1937 году в Саранске расстреляли ректора педагогического института Антонова, который пригласил Бахтина на работу в город. Это был первый приезд ученого в Саранск по окончании ссылки в Кустанай, которой из-за болезни был заменен его пятилетний срок заключения по обвинению в контрреволюционной деятельности и за участие в антисоветской организации «Воскресение». Интересно, что за такую замену хлопотал в числе прочих и советский граф Алексей Толстой. В пединституте Бахтин невольно оказался в круговороте событий: ректора критикуют за приглашение на работу человека после пятилетней ссылки. И хотя в 1957 году Антонова посмертно реабилитируют, преподавателям и студентам не рекомендовано тесно общаться с мыслителем, который после войны снова вернулся в Саранск и оказался в тюрьме, как в прямом, так и в переносном смысле.

Ради справедливости надо сказать, что моя знакомая из дома Бахтина свою шапку на его труды в библиотеке не водружала.

В 1945 году, когда Бахтин приехал в Саранск, ему сначала дали комнату в здании бывшей саранской тюрьмы. Там жили преподаватели местного университета. А в том элитном доме квартиру ему выделили уже потом, за 16 лет до его отъезда из Саранска в Москву.

Видел я это здание бывшей городской тюрьмы и даже поднимался по высоким ступеням в кабинет начальника коммунального хозяйства, которое там расположено сейчас. И каждый раз, ставя ногу на очередную узкую и высокую кривую ступеньку покосившейся лестницы, я вспоминал почему-то арестантов с бубновым тузом на спине, представлял тяжелое дыхание великого мыслителя XX века. По этим ступеням он таскал ведра с водой из колодца, связки книг, тут он, как говорят, сломал свой костыль. После полиомиелита, которым он болел с детства и который обострился в Кустанайской ссылке в 1934 году, Бахтин лишился ноги. Иногда ему, чтобы добраться до квартиры, предоставляли в университете телегу... Без ноги, в тюрьме, солома на дне телеги... Кстати, тогда в Саранске и его окрестностях произошла самая большая в стране вспышка эпидемии трахомы (инфекционное заболевание конъюнктивы и роговицы, при котором резко снижается острота зрения. Раньше трахома была частой причиной слепоты. — **Прим. ред.**), и кругом бродили безглазые люди... Средневековое какое-то... Бахтин бы сказал, наверное: «Карнавал!»

В таких условиях он писал труд о Рабле. Позже, когда появились его публикации за границей, Бахтина стали мучить просьбами дать в долг не только соседи по дому, или коллеги по кафедре, или студенты, но и вовсе не знакомые ему люди. Он не отказывал никому.

Пришлось мне как-то общаться с человеком, которому Бахтин дал денег в долг на легковой автомобиль. Проситель работал проректором в университете по хозяйственной части и, когда во время очередной борьбы с привилегиями списывали машины, решил приобрести одну из университетских «Волг». Деньги ему великий мыслитель и литературовед вынес из кухни в банке из-под чая. «Даже с женой не посоветовался!» — смеясь, рассказывал 94-летний Кузьма Федорович Бурмистров. После Бахтин предложил выпить по бокалу красного вина и отказался брать расписку. Было это уже в новой квартире философа. Она Кузьме Федоровичу не понравилась голыми стенами, лампоч-

Зато она рассказывала о новом жильце бахтинской квартиры. Серый и тихий человек был еще недавно первым секретарем обкома, но после смещения с поста и развода с женой оказался в этой квартире, которую ему выделил город. Руководил городом на тот момент его политический противник, который в свое время немало недель просидел в приемной у первого секретаря и однажды поклялся ему жестоко отомстить, поставив в такое же положение. Поэтому и оказался бывший «первый» в бахтинской квартире неслучайно.

Это была западня. Мэр начал кампанию по созданию в этой квартире музея Бахтина и привел свое проклятие в исполнение. Днями бывший хозяин региона сидел в приемной, и полгорода ходило смотреть на этот карнавал. Потом жилец бахтинской квартиры умер, труп пять дней пролежал в комнате... В квартиру эту боялись после селиться. Тогда «Мастер и Маргарита» был очень популярным романом, и моя знакомая часто говорила: «Как у Булгакова! Дьявольская квартира!» Слышал я разговоры о дьявольской квартире Бахтина и от других людей: чиновников и хозяйственников. Сейчас на фасаде этого дома вывески Сберегательного банка, обувного и охотничьего магазинов. Я редко прохожу мимо этого дома с памятной доской Бахтину. Мне не нравятся встречи со старыми знакомыми, расспросы.

Пять лет назад мне все же пришлось подняться по знакомой лестнице. К этому времени дотошные бахтиноведы добрались и до моей любимой преподавательницы по зарубежной литературе, и она сдалась под их напором. Белых пятен в биографии Бахтина, видимо, не осталось. Кроме сомнительной легенды о его последней квартире в Саранске. Я согласился на это исследование без желания и до сих пор жалею о нем. Не очень-то приятно слушать рассказ о тягостных днях мыслителя и философа.

Антонина Максимовна Шепелева прожила рядом с ним 15 лет на одной лестничной площадке. Она не считала общение с Бахтиным главным событием своей жизни, говорила о нем просто, а по поводу истории с памятником сказала: «Он бы издеватель-

ски посмеялся и выразил бы свое негодование. Так его здесь унижали и третировали, что он сбежал отсюда без оглядки». Антонина Максимовна знает, что в городе на Бахтина оказывали моральное давление, видели в нем только врага народа. Бахтины боялись каждого очередного перевода денег из-за границы. Жена Бахтина Елена Александровна прижимала сжатые кулачки к груди и говорила: «Только не из-за границы. Только не из-за границы». Им поступали деньги за произведения, которые выходили за рубежом, но Елена Александровна прилагала усилия, чтобы получать гонорары только советскими деньгами. Бахтин из квартиры без повода старался не выходить. Ему было тяжело передвигаться на костылях. Возвращался Михаил Михайлович мокрый от пота, усталый... Никто его не сопровождал, не провожал. Да он и сам не хотел, чтобы его кто-то поддерживал под руку. «Нет, дорогие мои, это была не гордость, это было больше, чем осторожность. Это был самый настоящий физиологический страх животного. Бахтин с супругой производили впечатление очень сильно напуганных людей... Старались громко не вздохнуть, лишь бы не привлечь лишнего внимания», — рассказывала Шепелева. По этой причине Бахтины никому ни в какой просьбе не отказывали, лишь бы никто не составил о них пусть мимолетного, но дурного мнения. Их несчастным положением пользовались в корыстных целях: брали займы у них маленькие и большие суммы денег. Чаще большие, конечно. Был с такими просителями случай. Супруга Бахтина прибегает к Шепелевой на кухню и кричит: «Посмотри в окно! Видишь, мужчина пошел? Кто это? Он сейчас у Михаила Михайловича взял большую сумму займа, а кто он такой, мы и не знаем!» Супруга Бахтина выбирала самые дешевые продукты на рынке, выгадывала каждую копейку. В последнее время перед отъездом из Саранска в Москву они так бедно жили, что сама Елена Александровна ела одну картофелину в день. Так получилось, что Шепелева стала для Бахтиных нянькой. День для них заканчивался примерно в десять вечера. По ночам Бахтин не работал. Они ложились в постель, а соседка за-

пирала дверь с внешней стороны и ушла в свою квартиру вместе с ключом. Они сами просили закрывать их с внешней стороны, чтобы никто не мог их побеспокоить. Если бы даже кто-то пришел, они бы не открыли дверь. Они вообще по собственной воле не хотели никого видеть. Телефона у них в квартире не было, они сами отказались от него. В семь часов утра соседка приходила к ним открыть дверь. За уход они не платили. Но в благодарность Бахтин многие страницы кандидатской диссертации написал за зятя своей соседки. Им был тот самый Юрий Федосеевич.

Дом у Бахтиных был запущенным. Никаких штор, никаких занавесок. Он носил обручальное кольцо, а она — нет. Антонина Максимовна помнит своеобразную улыбочку Бахтина, его желчные замечания. Не по поводу событий современной жизни, об этом он не говорил, ибо боялся. «Тормозной механизм у него работал и сбоев не давал, — авторитетно заметила Антонина Максимовна. — Между собой супруги, конечно, откровенничали. Друг от друга секретов никаких не было».

В квартиру к Бахтиным Антонина Максимовна заходила как в кочегарку. Дома валялось много пепельниц и огромное количество сигарет почему-то всегда в смятых пачках. Когда соседка выходила от них, то ее одежда была пропитана запахом табачного дыма. Супруг ругал ее за частые посещения соседей. Но та слушать увещаний мужа не стала. Юрий Федосеевич, ее зять, тоже не прислушивался к словам тестя и продолжал ходить к Бахтину. Но дружбы у них, по ее мнению, быть не могло. Бахтин к этому времени был уже в таком состоянии, что все чувства в нем умерли, сгорели, были уничтожены жестокой жизнью, которая ему досталась. Эта человеческая часть его существа умерла. Остался только интеллект и большая физическая оболочка, а также физиологический страх животного, у которого могут отнять даже эту жизнь. Философ сам признавался в этом своей соседке. А доверял ей Бахтин только потому,

что ее исключили из комсомола: Антонина Максимовна не сообщила своим товарищам о муже собственной сестры, который был объявлен врагом народа.

«Я с вами вот сейчас разговариваю, — прервала вдруг воспоминания Шепелева, — а сейчас как будто вижу его... Как идет по лестнице... Ему надо подняться еще на одну площадку, а он задыхается от усталости и будто пытается собрать силы, чтобы подняться выше... Супруга его всегда ждала, он сам дверь не открывал. Он запрещал помогать себе, не разрешал, все сам, сам».

Я был не первым, кто пришел к Шепелевой с расспросами о Бахтине. Приезжают незнакомые люди. Крутятся возле дверей квартиры Бахтина, потом звонят в соседнюю квартиру, к Шепелевой. На ее глазах они кланяются дверям, за которыми столько лет жил и страдал их кумир. Так что того и гляди скоро начнется паломничество. Но никакой дьявольщины с квартирой она не помнит. А кто жил здесь после Бахтина, она сбилась со счета! Помнит только, что квартира после отъезда Бахтиных долго стояла пустой с их вещами. Они с собой ничего не взяли, даже одежду оставили. Елена Александровна вообще в халате поехала. Так поспешно бежали, как только поняли, что могут покинуть Саранск.

После Бахтиных заселился бывший партийный работник, чья супруга жаловалась соседке, что квартира очень запущенная и главное — никак не могут выветрить табачный запах. «А еще антиинтеллигент!» — возмущалась она.

Антонина Максимовна уговорила нынешних хозяев бахтинской квартиры впустить нас. Мы вошли. Когда-то тут у порога стояла и моя преподавательница, которая писала работу по Виланду, а Бахтин, провожая ее, целовал ей руки... И кто был виноват в той драме с мужем дочери Антонины Максимовны? Любовь, Бахтин, карнавал?

В комнате, где раньше стоял стол Бахтина, бродил бульдог новых хозяев. Он залаял на нас, а потом улегся и стал грызть кости. Как все это похоже на карнавал: великий мыслитель с супругой голодали в этой комнате, а теперь здесь собака от скуки глодает кости. Невольно на память пришла цитата из Бахтина: «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения». ❀

НАСЛЕДИЕ ЛИХАЧЕВА

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

Меня, еще маленькую, дед учил не разбрасываться, не тратить время зря. Телефон, например, в нашем доме существовал только для того, чтобы договориться о встрече, выяснить важные вопросы. Не для пустой болтовни. Заниматься спортом, ходить на танцы — все это, по его мнению, было тратой времени.

РИА НОВОСТИ

вещи. Что же нужно было читать интеллигентному человеку? Что нужно было читать мне, по его мнению? Классику русскую и зарубежную. Труды по истории С. Платонова. Из пушкинистов — Ю. Лотмана. Издания о правильном произношении. Конечно, моего любимого Льва Успенского «Ты и твоё имя». Книжки о животных Даррелла. Книжки ленинградцев — Евгения Тарле, Владислава Глинки. Помню «Повесть о Сергее Непейцыне», героя 1812 года, — я ее зачитала до дыр. Во время одного из переездов она пропала. Я до сих пор помню ее твердый переплет с истертыми уголками, картинку на обложке — солдат, идущий в атаку. Необычную фамилию автора — Глинка. Дедушка всегда расспрашивал потом, что мне понравилось и почему. Рассказывал про авторов. Не разрешал давать книги кому-то из друзей. «Зачитают, не вернут».

Во многом благодаря деду я полюбила книги. Запах свежей типографской краски и запах старых книг, разные типографские шрифты, книжные элементы-заставки, концовки, шмуцтитутлы. Золотой обрез, суперобложки, красивые форзацы и, конечно, экслибрисы. Каждый уважающий себя владелец библиотеки должен иметь такой книжный знак, квадратик с картинкой, который наклеивают на форзац. Моей маме, искусствоведу, дед подарил пачку экслибрисов, это были ксилографии, выполненные художником. На них — элемент византийского храма и надпись: «Из книг Веры Лихачевой». Лет в 14 я уже знала — буду книжным иллюстратором.

Дед считал, что читать нужно много, но в соответствии с определенной системой. В книжном шкафу тоже не должно быть «ничего лишнего». Каждый профессионал всю жизнь собирает библиотеку — это сложно, это важно. Книжки достают, выписывают из-за границы, покупают у букинистов. Хорошая библиотека — это клад.

Дедушка следил за тем, что я читаю. Часто приносил книжки из магазина на Невском, он и сейчас, слава богу, существует — это «Книжная лавка писателей». Там ему «оставляли» какие-то редкие

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ

(28 (15) ноября 1906–30 сентября 1999)

Всемирно известный ученый и деятель культуры, выдающийся филолог, историк, философ культуры. Родился, прожил жизнь и скончался в Санкт-Петербурге. Похоронен в Комарово, под Санкт-Петербургом. Его имя присвоено малой планете (2877), открытой отечественными астрономами. Академик Лихачев был председателем Российского фонда культуры, депутатом Верховного Совета, Героем Соцтруда, лауреатом трех Государственных премий, первым кавалером ордена Андрея Первозванного, среди его многочисленных наград ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, орден «За заслуги перед Отечеством» и др. Весь путь Д. С. Лихачева в науке связан с Пушкинским Домом — Институтом русской литературы АН, куда он пришел младшим научным сотрудником в 1938 году, заслужил все возможные ученые степени, возглавил Отдел древнерусской литературы и не расставался с Пушкинским Домом до конца, до последних дней научного творчества. Его исследования летописания, «Слова о полку Игореве» и многих других памятников древнерусской литературы, фундаментальные труды, посвященные историко-литературным проблемам и глобальным вопросам русской художественной культуры, — признанная славистами всего мира классика. Д. С. Лихачев автор 500 научных и примерно 600 публицистических работ. Академик Лихачев был избран иностранным членом Болгарской, Сербской, итальянской Национальной академии деи Линчеи, членом-корреспондентом Австрийской, Британской, Геттингенской академий наук, почетным доктором университетов Бордо, Будапешта, Оксфорда, Софии, Цюриха, Эдинбурга, Университета имени Николая Коперника в Торуне и др.

Образование — это прежде всего самообразование, считал дед. И здесь чтение играет важнейшую роль.

Была и литература, которую читать, по его мнению, было нельзя. Она портила вкус. Я так и не читала «Двенадцать стульев» — не рекомендовал. Еще ругал Андрея Синявского «Прогулки с Пушкиным».

Когда я увлеклась Кавериним, дедушка выписал мне его собрание сочинений. Некоторые из книг, что он мне дарил, дед снабжал полусерьезными надписями на авантитуле. Вот альбом «Авангард, остановленный на бегу» Евгения Ковтуна. Серьезная научная работа о ленинградских авангардистах 1930-х. Дедушка написал ее так: «Дорогой Зиночке. Для ознакомления, но не для подражания». Это было в те времена, когда я профессионально училась живописи.

Некоторые фильмы дедушка тоже запретил смотреть. «Андрей Рублев» Тарковского был, по его мнению, неправильной картиной. Неправильно трактующей отечественную историю.

Он был невероятно цельной личностью. Он знал, чего хочет в жизни, он знал, сколько всего ему нужно сделать. Поэтому сам был предельно собран, работал очень много и, конечно, не разбрасывался по мелочам.

Всегда и во всем он оставался архивистом, историком. Вот альбомы с семейными фотографиями, которые хранятся у меня. Каждый снимок подробнейшим образом подписан. Кто изображен, где, когда, с кем. «Свадьба тети Шуры и дяди Вали Андреалетти», «Бабушка Вера и Юра в квартире на Каменноостровском, сзади

висят фамильные портреты, кожаный диван потом продали во время блокады». Целые биографии предков на этих страницах. Как это важно сейчас, когда деда с бабушкой уже нет и некому рассказать о некогда большой семье. А дипломы, справки, письма, записки, карточки — все это дед хранил в особом чемоданчике. Он вез с собой из Соловецких лагерей особого назначения деревянную ложку, вырезанную другом, пропуск, чтобы ходить по лагерю, английский сло-

варь, который отбывал с ним срок. Он уже тогда, 26-летним юношей, понимал: это — история.

Именно поэтому, как только дедушка умер, весь его архив мы передали в Пушкинский Дом. Многие говорят: надо было отдавать в ЦГАЛИ. Не знаю, но ведь дед хотел, чтобы все было в Пушкинском Доме, Институте русской литературы, где он проработал всю жизнь. Потом уже я отдала и библиотеку, и красивый книжный шкаф в институт. В отдел древнерусской литературы, которым дед руководил. Когда я прихожу в Пушкинский Дом, то смотрю на знакомые переплеты.

А вот архив за 10 лет так почему-то и не разобрали. Хотя это по меньшей мере очень интересно... Впрочем, жизнь сейчас иная. Наверное, поэтому и нет человека, который за небольшие деньги разбирал бы архив Лихачева... Нет пока и книги об академике Лихачеве. Ее хотели выпустить в издательстве «Молодая гвардия», в знаменитой серии ЖЗЛ. Но как писать, когда архив не разобран? Впрочем, есть и другой аспект проблемы. Кто будет писать? Вызвался один из дедушкиных учеников, но провалил эту затею. Ведь комарику не под силу осмыслить и описать жизнь слона.

Все личные вещи дедушки мы отдали в музей истории города. Все ордена, кроме «Андрея Первозванного» — его дед сам передал Эрмитажу. Три мантии — особенно ценную Оксфордскую, Пражского университета и Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Фотографии, письменный стол, пишущую машинку, на которой были написаны все его знаменитые вещи — «Поэзия садов», «Смеховой мир» Древней Руси», «Письма о добром»... Косоворотку, вышитую бабушкой в 1947-м. Все подарки, сделанные известными людьми. Например, смокинг Николая Бенуа. Коллекцию пластинок с дарственными надписями Марии Юдиной, Ивана Козловского... Сначала нам обещали, что будет отдельная экспозиция в Румянцевском особняке. Что все вещи

будут храниться в одном месте. Но этого, к сожалению, не случилось.

Все предметы расписали по разным фондам. Часть вещей музей отдал без описи в народный музей гимназии Мая (гимназия, где дед учился). Все это очень печально для меня и не очень объяснимо. Ведь такая экспозиция и имя Лихачева могли бы привлечь особое внимание к музею. И не только внимание, но и деньги!

Однажды я спросила деда, почему он решил заниматься именно древнерусской литературой. Он рассказал мне такую историю. Когда дедушке было лет восемь, а его брату Мише тринадцать, к празднику Рождества они рисовали поздравительные открытки. Миша изобразил новогоднюю елочку, падающий снег — обычный в таких случаях набор. Дедушка — тогда маленький Митя — нарисовал древнерусскую икону с Богородицей. Он запомнил, что брат над ним потешался, но у него осталось ощущение, что он поступил единственно правильным образом. Когда дедушка учился в старших классах школы, начались гонения на православную церковь. Храмы оскверняли, во время службы в них входили пьяные комсомольцы в шапках. Священников репрессировали. Тогда — вспоминал дед — особенно остро он почувствовал жалость к родной стране, интерес к ее истории, желание заниматься древнерусским искусством и литературой, популяризировать их. При дедушке отдел древнерусской литературы в Пушкинском Доме получил особый статус, сотрудники ездили повсюду с докладами, конференции проходили в столице и провинции. Приезжали коллеги-иностранцы. «Слово о полку» — наше все!

Интересный факт. В 1975-м деда попытались избить на лестнице нашего дома — это была акция устрашения, после того как он отказался выступить против Сахарова. С верхней площадки спустился человек и ударил деда в область сердца. А у дедушки за борт пальто была вложена рукопись доклада о «Слове о полку». Так вот дед много раз вспоминал: «Меня спасло «Слово»!

А что теперь? Дедушка ушел 10 лет назад. Недавно один из его учеников сделал в Пушкинском Доме доклад

«МОИ КНИГИ — В СУЩНОСТИ, ПОМИНАЛЬНЫЕ ЗАПИСОЧКИ»

Дмитрий Сергеевич Лихачев был великим книжником, и у него была его любимая книга. Это — «Русское искусство. От древности до авангарда», книга, опубликованная совместными усилиями не существующего ныне московского издательства «Искусство» и итальянского «Фабри». Как только книга увидела свет, она мгновенно превратилась в библиографическую редкость.

...Дмитрий Сергеевич представил в редакцию эстетики нашего издательства материал для книги под условным названием «Ответственность искусства». При знакомстве я подарила ему иллюстрированную книгу известного искусствоведа Михаила Алпатова. Дмитрий Сергеевич, просмотрев ее, сказал, что у него не было издано ни одной красивой книги. В ответ на мое замечание, что красивые иллюстрированные издания готовятся долго, он ответил, что был бы счастлив, даже если бы она вышла после его смерти, потому что красота привлечет внимание к мыслям, красивую книгу купят. Не прочтет хозяин, прочтет сын хозяина... Книгу «Русское искусство. От древности до авангарда» тиражом всего в 3,5 тысячи экземпляров удалось издать в 1992 году. Она получилась красивой. Дмитрий Сергеевич был счастлив, разглядывал и гладил каждую страницу...

Десять лет с нами нет Лихачева. Человека, которого называли совестью нации, знаковой фигурой русской культуры.

Ровесник века, Д. С. Лихачев пережил три войны, революцию, голод, блокаду, каторгу. «Прожив большую жизнь от самого начала века до его приближающегося конца, — писал Дмитрий Сергеевич, — я имею не книжные, а самые непосредственные впечатления от русской истории... Для меня, например, памятни Николай II, Александра Федоровна, наследник-цесаревич, великие княжны, старый дореволюционный Петербург — и его мастеровые, и его балерины. Революция и пулеметные очереди у стен Петропавловской крепости со стороны Артиллерийского музея, а затем выстрелы из наганов

на кладбище Соловков, видения прячущихся в мороз в Ленинграде 32-го года по парадным крестьянок с детьми, проработки плачущих от стыда и бессилия ученых в стенах университета и Пушкинского Дома, ужасы блокады — и все это в моей зрительной и слуховой памяти».

На каторге в Соловецком лагере особого назначения началась трудовая биография будущего академика. Среди его сокамерников были и уголовники, и люди, известные в русской культуре. «Чему я научился на Соловках? Прежде всего я понял, что каждый человек — человек. Мне спасли жизнь «домушник» Овчинников и... король всех урок на Соловках, бандит и соучастник налетов знаменитого Леньки Пантелеева — Иван Яковлевич Комиссаров, — вспоминает Дмитрий Сергеевич. — Из всей этой передряги я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать... добро, полученное от самих сокамерников, опыт всего виденного создали во мне какое-то очень глубоко залегающее во мне спокойствие и душевное здоровье. Я не приносил зла, не одобрял зла, сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу». Памятником соловецкого заключения явилась первая научная публикация, «Черты первобытного примитивизма воровской речи». Позднее были изданы воспоминания о годах каторги и блестящее историко-культурное исследование Соловецкого монастыря с его уникальным архитектурным комплексом, знаменитым собранием рукописей и икон и мартирологом узников. Но избранной в студенческие годы сфере научных интересов — литературе и культуре Древней Руси — Д. С. Лихачев был верен всю жизнь. «Я хотел удерживать в памяти Россию, как хотят удерживать в памяти образ умирающей матери... — пишет академик Лихачев в своих воспоминаниях. — Мои книги — это, в сущности, поминальные записочки, которые дают за упокой... записываешь наиболее дорогие имена, а такие находились для меня прежде всего в Древней Руси»... Мечта об изучении летописания и искусства Древней Руси осуществилась лишь в 1938 году. Проработав корректором издательства

Академии наук, а затем редактором, Дмитрий Сергеевич становится младшим научным сотрудником Института русской литературы АН — Пушкинского Дома. 11 июня 1941 года блестяще защищает кандидатскую диссертацию по новгородскому летописанию XII века. А через две недели началась Великая Отечественная.

Воспоминания о блокаде, о гибели под обстрелом и еще более страшной смерти — от холода, голода, истощения, о самоотвержении, благородстве и о подлейших проявлениях человеческой природы Дмитрий Сергеевич написал вместе с женой, Зинаидой Александровной. «Были ли ленинградцы героями? Нет, это не то: они были мучениками», — скажет он позднее. А в блокадные годы он совместно с археологом М. А. Тихановой публикует исследование «Оборона древнерусских городов». «С этого момента мои узкотекстологические занятия древними русскими летописями и историческими повестями приобрели для меня «современное звучание», — пишет ученый...

Дмитрий Сергеевич защищал гонимых ученых, дискредитируемые нравственные ценности, духовные традиции, архитектурные памятники, великие реки, малые города. Это была великая оппозиция души. Когда режим преступал пределы нравственно допустимого, когда искусствоведческая критика уподоблялась судам инквизиции, а научные дебаты могли завершиться для одной из сторон лагерем, Лихачев вводил в актив общественного сознания великое наследие древнерусской культуры. «В произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле этого слова культура не знает старения», — утверждал Дмитрий Сергеевич. Он выступал с требованием не разоблачать, а изучать старое искусство. Разъяснял, что эстетические категории не носят оценочного характера и что прогресс в области культуры обнаруживает себя не столько в изменении, сколько в сохранении прошлого, в накоплении культурных ценностей. Лихачев стремился вернуть вытесненный из нашей жизни пласт духовной культуры, требующей хотя бы некоторого знания Священного Писания. Древнерусские писатели, летописцы и философы, озабоченные исторически-

ми судьбами родины, исправлением общественных недостатков, защитой справедливости, поднимались из глубины веков как живой укор существующему порядку.

Постперестроечная эпоха принесла академику Лихачеву свободу передвижения, многочисленные награды и почести, государственное признание... И большое разочарование от нравственного упадка и безразличия к гнущейся культуре. Он прилагает титанические усилия для защиты культурного наследия на государственном уровне, формулирует «Декларацию прав культуры» и, наконец, в последней надежде вразумить сограждан, разрабатывает проблему экологии культуры, рассматривая ее как цель и смысл существования человечества. У академика Лихачева были враги: агрессивное невежество, людская глупость, предательство, которое он считал более страшным, чем смерть, следователь Стромин, который сфабриковал его дело, беспринципность в науке и... беспочвенные концепции. Наверное, поэтому блестящие и бесспорные теоретические выводы, полученные в итоге скрупулезного изучения памятников древнерусской и русской художественной культуры на протяжении ее исторического развития, Дмитрий Сергеевич называет своим сугубо личным мнением. Итак, личное мнение академика Лихачева о русской культуре: многовековая русская культура не замкнута в себе, Россия жила и живет единой жизнью общекультурного космоса. Д. С. Лихачев сказал: «Ученый — это его труды, открытия. В этом он в той или иной степени бессмертен». Память о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве хранят его бесчисленные добрые дела — спасенные культурные ценности, восстановленные репутации, его ученики. Но лучшей памятью об ученом будет — перечитать его книги.

ЛАРИСА МАРИУПОЛЬСКАЯ

о том, что «Слово» — поздняя подделка... Как я могу прокомментировать это? Если бы дед был жив, это была бы бесстрашная вылазка врага, притаившегося в родном гнезде. А когда его нет...

Лихачева бесконечно переиздают. По-разному происходят эти переиздания. В свое время в издательстве «Искусство» вышла книга «Русское искусство. О древности до авангарда». Там был ряд глав-статей, их список и порядок дед утвердил лично. Он радовался выходу этой книги, вернее, альбома, радовался красивой обложке, великолепным иллюстрациям. Даже гладил переплет, когда из Москвы пришел первый этот альбом. Теперь эту книгу решили переиздать. Но... своеобразно. Исключили статью «Слово о Киеве», центральную, основополагающую. Почему? Из-за политики, из-за ситуации с Украиной. Получается, Лихачева правят и цензурят...

История с Советским фондом культуры для деда была и блистательная и грустная одновременно. Он основал его единолично, а Раису Горбачеву привлек к работе в фонде по понятным причинам. Сколько всего замечательного было сделано. Сколько перевезено из-за рубежа в Россию ценных раритетов, не сосчитать. Русские эмигранты помогали из-за того, что верили именно академику Лихачеву. Знаменитая парижанка и меценат Лидия Борисовна Варсано подружилась с дедушкой и передала крупные суммы в Пушкинский Дом, оплачивала выступления во Франции талантливых юных музыкантов. Дед лично вез в Россию вещи Тургенева, и на таможене отчаянно зазвенели у него в чемодане тургеневские ножи и вилки. Помню, как к деду обратилась искусствовед Марина Бенцони. Она рассказала, что художник театра Николай Бенуа тяжело болен, у него остается огромный архив, из которого российские музейщики хотят отобрать часть. «Какую часть, надо увозить все!» — крикнул дедушка и написал письмо президенту страны. Таких историй сотни. Дед ездил, уговаривал, писал в высокие инстанции.

Не жалел себя и своего времени. Его должность в фонде не оплачивалась, да он и не думал о материальном вознаграждении или какой-то личной выгоде.

Однажды он понял, что ему не все говорят, что за его спиной кто-то решает свои дела, придумывает командировки, чтобы отдохнуть за границей. А один известный москвич явился в гости к мадам Варсано и попросил шубу для своей дочери. Для деда это было неприлично, позорно. После его выхода из фонда был у него публичный спор с режиссером и новым президентом фонда, Никитой Михалковым, на тему «Может ли культура зарабатывать деньги?». Михалков считал, что может. Особняк, принадлежавший фонду, стали сдавать для вечеринок, пока в нем не произошел пожар... Дед потом говорил: «Я против любых фондов...» В год столетия дедушки на одном из телеканалов прошла программа, где главным интервьюируемым был как раз Никита Михалков. Хотя в ситуации, когда у них сложились такие, мягко говоря, плохие отношения, записывать интервью с Михалковым как-то странно.

А после дедушкиной смерти было образовано целых три фонда. Один как-то очень быстро перестал существовать, другой, самый известный, возглавляемый писателем Граниным, сейчас особенно активно занимается популяризацией Петра I (этой эпохой и этой фигурой дед не занимался).

А вот журнал, основанный одновременно с фондом — «Наше наследие», продолжает выходить. На здании в Неопалимовском переулке, которое занимает редакция, установили мемориальную доску. 30 сентября 2009 года здесь отмечали 10-летие со дня смерти дедушки. Была выставка фотографий и автографов...

В Петербурге именем Лихачева названа маленькая площадь на Петроградской стороне, на ней год назад открыли с большим вкусом сделанную стелу. Есть школа, которая носит его имя, — там учился он и его братья. Проходят Лихачевские чтения в Гуманитарном университете профсоюзов и Пушкинском Доме. Талантливым детям из области ежегодно вручают «Звезду Лихачева». Конкурс «Созвездие талантов» был придуман еще при его жизни, там много номинаций, теперь вручают победителям и звезду из бисера его имени.

Лихачева помнят.

Много печального происходит, но много и хорошего. ❀

ЗАВЕЩАНИЕ ПАТРИАРХА

БЕСЕДОВАЛА НАТАЛЬЯ ШЕРГИНА

Особое место среди работ академика Лихачева занимает документ под названием «Декларация прав культуры». Претворить Декларацию в жизнь в начале 90-х годов пытались ученики и соратники академика. В том числе литератор, историк, соредaktor журнала «Звезда» Яков Гордин, продолжатель дела своего отца — известного пушкиниста Аркадия Гордина. Судьбы этих семей, принадлежащих к особому кругу петербургских интеллектуалов, не раз пересекались. В беседе с корреспондентом «Русского мира.ru» Яков Гордин вспоминает, каким был Дмитрий Сергеевич Лихачев.

— **М**ожно предположить, что свел вашего отца с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым интерес к наследию Пушкина? Ученый работал в Пушкинском Доме, а Аркадий Моисеевич Гордин восстанавливал после войны усадьбу в Михайловском...

— Нет, они познакомились гораздо раньше. В первой половине 30-х годов оба были молодыми людьми, но за плечами Дмитрия Сергеевича были Соловки и Беломорканал, а отец тогда заведовал редакцией в «Учпедгизе». И поскольку Дмитрий Сергеевич был в очень трудном положении, бедствовал, отец давал ему корректорскую работу. Впоследствии Дмитрий Сергеевич доброе отношение отца помнил. Позже, уже после войны, они встречались чаще, в том числе, конечно, и в Пушкинском Доме. Потому что музей в Михайловском, где несколько лет проработал отец, долгое время был филиалом Пушкинского Дома. С момента первого, «корректорского» пересечения добрые отношения у них сохранялись всегда. Отец никогда не рассказывал подробностей о поводе для знакомства с Лихачевым. Об этом мне как-то напомнил сам Дмитрий Сергее-

вич. Он очень ценил человека, протянувшего руку неблагодарному гражданину со «шлейфом» сидельца ГУЛАГа. Позже Лихачева взяли на работу в Пушкинский Дом, где он с увлечением исследовал «Слово о полку Игореве». Там и застала его война и блокада Ленинграда. Именно в тот период Лихачев написал книгу о защите русских крепостей.

— Причем эту работу о военном искусстве русских воинов нужно было написать всего за два месяца. Но дойти на своих ногах в типографию, чтобы сдать рукопись в печать, он уже не мог, — был настолько истощен и изможден, что жена отвезла его на саночках. Только после этого семью Лихачева отправили на Большую землю в эвакуацию.

— В тот момент остро потребовалась патриотическая книга для поднятия духа бойцов. Его вызвали, дали задание, и он его выполнил.

Карьера Дмитрия Сергеевича была непростой, да и академиком он стал далеко не сразу, только с третьего раза. Научен-

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ КУЛЬТУРЫ

Под культурными ценностями подразумеваются не только отдельные объекты — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора, — которые могут быть отмечены в списках, каталогах и т. п., но и явления, такие как традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д.

Живая культура не может быть исчерпана списками, каталогами, описаниями и т. д. Она составляет определенную ценность и целостность в своей совокупности, в которую входят как произведения и явления первого разряда, так и второстепенного свойства, кроме обычаев и навыков, явно вредных для окружающих.

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла.

I. ПРАВА КУЛЬТУРЫ И ГОСУДАРСТВА

Ответственность за сохранность культурных ценностей и культуры как таковой лежит на государстве. Государство, в частности, отвечает за самовозобновляемость культуры в стране, за образование, за свободу творчества при полном невмешательстве государства в творческую жизнь.

Культура во всех ее формах имеет право на финансовую поддержку со стороны государства: поддержку образования и охрану культурных ценностей в первую очередь и культуры всех этносов, проживающих на территории государства. На государственных организациях (воспитательных, образовательных, информирующих и пр.) лежит обязанность воспитывать уважение к культуре в целом, к культурным памятникам, культурной деятельности, интеллигенции, отдельным языкам малых и крупных этносов; не ущемлять права пользования любым языком на своей территории, учитывая, что язык является главной культурной ценностью любого народа, малого или большого, проживающего на любой территории.

Что касается отца, то, действительно, два его старших брата были репрессированы. Один отсидел 20 лет, вышел, а второй, дядя Владимир, погиб. Интеллигенция той поры была разная, в том числе достаточно активная, к примеру оба моих дяди были в ленинградской антисталинской оппозиции. Несмотря

на давление, тогдашние «несогласные» пытались действовать и даже печатали и распространяли листовки, в городе было немало подпольных групп. Разумеется, к 1928 году всех оппозиционеров похватали. Что касается отца, то он, хотя и не был причастен к заговорам в силу возраста, в 1945 году все-таки был из Ленинграда выслан. Несмотря на то, что был награжден медалью «За оборону Ленинграда», невзирая на другие заслуги. Видимо, сказалось неблагонадежное родство.

— А когда в Ленинграде зазвучало имя Дмитрия Сергеевича Лихачева как маститого ученого? После написания серии исследований о «Слове о полку Игореве» или позже?

— Уже в 50-е и 60-е годы прошлого века. Вообще, принято связывать его имя с изучением «Слова о полку Игореве». Можно подумать, что Дмитрий Сергеевич занимался только этим произведением средневековой литературы. Дмитрий Сергеевич — это тот человек, который фактически заново открыл древнерусскую культуру. У него есть важные теории, связанные с тем периодом, а анализ «Слова о полку Игореве» — только часть этой работы. У него есть выдающаяся работа об Иване Грозном, в издании памятников «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». И это одно из самых тонких и точных сочинений, пример культурно-психологической аналитики этого «замечательного» царя и его литературного наследия. Напомню его работу «Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси». Чтение статей и книг Лихачева было для образованного общества интеллектуальным открытием, погружением в культуру русского Средневековья. А уже в конце 60-х о Дмитрие Сергеевиче знали не только как об ученом, но и как об обще-

ный горьким и тяжелым жизненным опытом, он точно выбрал предмет исследования: Древняя Русь не так идеологически контролировалась, как XVIII–XIX века, не говоря уж о XX столетии. В 2006 году в специальном номере журнала «Звезда», посвященном 100-летию академика Лихачева, мы внесли ясность в полемику о том, за что же все-таки «закатали» на Соловки совсем юного ученого. Принято считать, что за организацию безобидного веселого студенческого кружка «Космическая академия наук». Это совсем не так. Мы опубликовали следственное дело кружка. Дмитрий Сергеевич вел себя не так безобидно. В частности, следствие зафиксировало, что на заседании кружка он сделал доклад о репрессиях ЧК, о расстрелах. Дмитрий Сергеевич не хотел представлять себя героической личностью и поэтому об этом докладе он нигде не упоминает. В автобиографии он пишет, что студенты кружка обсуждали реформу алфавита, языка и тому подобное. На самом деле это был вполне политизированный кружок резко настроенных против советской власти молодых людей, людей религиозных. Это был один из кружков — ведь в Ленинграде во второй половине 20-х годов была целая сеть таких религиозно-философских кружков, к примеру «Воскресенье» и другие. Во главе стояли более зрелые люди, мыслители, о них-то Дмитрий Сергеевич писал с большим уважением. Разгром подобных кружков был в общем-то с точки зрения советской власти совершенно логичным.

— Семья вашего отца тоже пострадала от репрессий, как и сотни тысяч людей. Каким же мощным оказался тот «культурный пласт», который, невзирая на страдания и вопреки культу силы, сделал столько открытий во многих областях знаний, что нам до сих пор есть чем гордиться.

— Этот слой не изгнанной, не расстрелянной, не сосланной русской интеллигенции «тянул» национальную традицию, что было, конечно, очень важно. Интеллектуалы, в противовес господствующему невежеству, занялись своим предназначением — просвещенческой работой. Они стремились сохранить фундаментальные ценности дореволюционной русской культуры. Тут советская власть попала в собственную ловушку. Потому что, с одной стороны, они настаивали на прославлении отечественных классиков, чтобы было чем гордиться, а с другой — эта классика очень плохо корреспондировала с соцреализмом.

Самоокупаемость культуры (или отдельной ее части) может быть декретирована в тех случаях, когда она не ведет к снижению качества произведений культуры.

«Самоокупаемая» культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей.

II. ПРАВА КУЛЬТУРЫ НА СОХРАННОСТЬ

Культура всех стран любого уровня, если только она является подлинной культурой, а не псевдокультурой (что в случае необходимости устанавливается экспертами ЮНЕСКО), имеет право на сохранность, строго инспектируемую как местными организациями, так и единым для всех стран высшим учреждением при ЮНЕСКО. Этот орган со своим независимым штатом инспекторов, своими юридическими полномочиями по единым для всех стран статьям сможет привлекать к судебной ответственности виновников нарушений сохранности (уничтожения или искажения) произведений культуры или нанесения различного рода ущерба для учреждений культуры и ее положения в обществе.

Учитывая, что культура больше всего терпит ущерб от военных действий, мы вновь подтверждаем полную правомочность «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14 мая 1954 года и настаиваем на неукоснительном соблюдении ее требований всеми государствами, в том числе и вновь образованными.

Ввиду того, что памятникам культуры очень часто наносится ущерб при реставрационных работах, в дополнение к существующим правилам (в частности, так называемой «Венецианской хартии») считать необходимыми постоянные совещания по основным вопросам реставрации и международные консультации реставраторов, особенно если памятник создан не в той стране, где он находится в настоящее время.

К реставрации особо значительных памятников (список которых должен быть серьезно расширен по сравнению с существующими) необходимо допускать лишь реставраторов, имеющих международные дипломы высшей категории, выданные соответствующей организацией при ЮНЕСКО.

Ансамбли памятников культуры, созданные как единое целое (алтари, деисусы, диптихи, триптихи, гарнитуры мебели, библиотеки и коллекции, представляющие собой эстетическое или историческое целое и имеющие общечеловеческое значение), не должны разъединяться при продажах и различных перемещениях. Исторические города (список которых необходимо значительно расширить и утвердить ЮНЕСКО) должны иметь право на сохранение не только своего центра, но также окраин и окрестностей, которые зачастую представляют собой историческую ценность (для России это: Петербург с его окраинами, дворцовыми городами и селениями; Новгород с окружающими его монастырями и церквами; Москва с подмосковными усадьбами и т. п.).

Охраняемый исторический облик наиболее ценных городов определяется планировкой, высотой (не выше, скажем, Зимнего дворца в Петербурге) зданий, их средними габаритами, окраской фасадов, допустимостью того или иного стиля в городе и т. п.

Исторический облик наиболее ценных исторических городов определяется понятием «облик города», согласно с введенными в свое время в науку определениями в работах И. М. Гревса и Н. П. Анциферова.

Понятие ценного ландшафта определяется не только историческими событиями, произошедшими на этих местах (в России — битвы: Полтавская, Куликовская, Бородинская, Сталинградская, Курская, Севастопольская оборона), но и памятью художественной (Плес на Волге, связанный с именем Левитана, гора св. Виктории, памятная работами Сезанна и т. п.).

ственной фигуре. Помимо научных заслуг он был известен своей абсолютной порядочностью. Он не подписал ни одного письма против гонимых людей, например против Солженицына или Сахарова. Кстати, он помогал Солженицыну с материалами, когда тот писал главу о Соловках в «Архипелаге ГУЛАГ». Что весьма существенно изменило отношение к нему властей, когда этот факт стал известен. В результате у Лихачева появились серьезные жизненные осложнения. Но он не делал громких заявлений, не вел себя вызывающе. Это был образец порядочного человека, которого не может сломать советская власть. Несмотря ни на что, он не переставал писать статьи в защиту Ленинграда как города-памятника от разрушения. Благодаря Лихачеву власти оставили в покое Невский проспект, а ведь хотели снести старинные здания, все переделать. Благодаря ему остались не вырубленными Екатерининский парк в Царском Селе и Петергофский парк. Он защитил, отстоял старинные деревья, которые помнили Пушкина и других великих русских людей, и сделал это в 60-е годы, то есть в глубокие и чреватые последствиями советские времена. Это академик Лихачев не допустил строительства высотной гостиницы «Ленинград». Позже Дмитрий Сергеевич встал на пути строительства небоскреба в устье реки Смоленки. Выдвинув и обосновав знаменитый тезис о «небесной линии» города на Неве, он убедил образованное население, равно как и начальников, в том, что нарушать гармонию смыкающихся над невысокими зданиями линий водного и воздушного горизонта недопустимо. И все это он смог сделать без шумных телевизионных кампаний, без информационных штурмов в прессе. К Дмитрию Сергеевичу как к знатоку русских древностей обращались жители многих старинных городов России. Люди просили его вступить за старину и защитить от сноса местные исторические памятники. И он живо отзывался, письменно и устно поддерживал хранителей национального достояния. Спокойное слово Лихачева или его подпись под петицией были гораздо более весомыми, чем официальная пропаганда.

— Идею написания Декларации прав культуры придумал академик Лихачев или коллектив авторов, единомышленников?

— Декларацию разработал, конечно, Лихачев. Не думаю, чтобы кто-то претендовал на соавторство.

— Была ведь целая городская комиссия по доработке текста, в которую входили и вы.

— В реальности вся наша комиссия не так-то много в текст Декларации добавила. Мы, скорее, были заняты тем, чтобы о ней рассказывать на всех уровнях, пропагандировать идеи прав культуры и скорейшего принятия документа на государственном уровне.

— А вот принять Декларацию Лихачева страна не успела. Позже политики стали говорить, что Россия не имеет права принимать такие обязательства, потому что они противоречат мировой практике. И сегодня важнейшее завещание академика — стать государством, в котором главный приоритет отдан культуре, — отодвинуто, согласны?

— К сожалению, это так. Надо сказать, подобное отношение к наследию человека, служившего культуре России до последнего вздоха, легкомысленно. Дмитрий Сергеевич был одним из тех людей, кто прекрасно понимал, что культура страны — это не только чтение книг. Культура не менее важна, чем экономика, потому что это связанные категории. В малокультурной стране не может быть ни экономического процветания, ни политического равновесия. Культура — основа всего уклада жизни, фундамент безопасности государства, если хотите. Что произойдет с нами вслед за ветшающими в значительной части провинции библиотеками, разваливающимися Домами культуры, закрывающимися музеями? Мы уже ведь даже говорим о разрушении общего культурного пространства.

Потому что культура сегодня как функциональная составная общества сосредоточена в городских и областных центрах. А на остальных просторах России, в бесчисленных деревнях и райцентрах, живут по-другому. Разрушение культурного пространства ведет к дальнейшей деградации. Вот когда говорят об опасности распада России, почему-то меньше всего вспоминают о содержании Декларации прав культуры. Меньше всего

III. ПРАВА КУЛЬТУРЫ НА ДОСТУПНОСТЬ

Доступ к ознакомлению и изучению произведений культуры должен быть открыт для каждого человека (кроме, разумеется, потенциальных злоумышленников, вопрос о которых должен быть рассмотрен соответствующими комиссиями).

Открытость («гласность») произведений должна касаться как находящихся в государственном, так и в частном владении. Невозможность обозрения тех или иных книг, акварелей, рисунков и пр. должна решаться компетентными комиссиями, и сами решения эти не должны быть тайными.

Все произведения культуры должны быть доступны для бесплатного обозрения в назначаемые владельцами дни не реже двух раз в год. Особый статус для обозрения предоставляется учащимся, пенсионерам, ученым.

Особо ценным собраниям необходимы полные каталоги. Финансовая поддержка в их составлении и печатании осуществляется государством или благотворителями (с соответствующим сокращением налогов для последних).

Под полными каталогами понимаются научные описания произведений, находящихся как в экспозиции, так и в запасниках. Сведения о малых собраниях или отдельных произведениях, хранящихся в частных руках, могут печататься в прессе (научной или популярной).

Произведения культуры (археологические, живописные, прикладного искусства и т. д.) должны иметь стабильное местопребывание и только по особым причинам, исключительно культурного характера, могут менять его; причины должны быть рассмотрены в ЮНЕСКО.

Вместе с тем необходимо усилить права жертвователей произведений культуры. Их воля относительно местонахождения пожертвованных предметов, имеющих общечеловеческую ценность, должна полностью выполняться прижизненно и посмертно, о чем в случае прижизненного пожертвования необходима полная договоренность между прежним и новым хранителями.

В случае невозможности выполнения условий жертвователя (или в некоторых случаях продавца) разрешение на перемену условия хранения общечеловеческих ценностей должно выдаваться ЮНЕСКО.

Настоящая «Декларация прав культуры» является сугубо предварительной. Государства, принявшие положение данной Декларации, обязуются организовать учреждение при ЮНЕСКО, которое разработает окончательный текст, создав действенные меры по охране и доступности культуры, и станет в дальнейшем пристально следить по общим для всех государств правилам и законам за выполнением всех прав культуры.

Д. ЛИХАЧЕВ

думают о том, что скрепой большой страны должна быть культура, а вовсе не властные вертикали или горизонталы, какие-то чиновничьи связки. К огромному сожалению, я не вижу сегодня у власти понимания роли культуры в государстве. И нет Дмитрия Сергеевича, чтобы авторитетно указать всем нам на этот опасный провал.

— Дмитрий Сергеевич бывал в гостях в семье ваших родителей или у вас?

— У нас он не бывал, но я у него несколько раз гостил.

— Говорят, у Лихачевых был очень простой быт?

— У Лихачевых был очень гостеприимный дом. Как-то раз меня угощали у них рисовыми котлетками. И я сразу вспомнил Льва Николаевича Толстого и Ленина. В работе «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин над писателем за эти самые рисовые котлетки издевается. А они были очень вкусные, я ел с удовольствием.

— Кого в сегодняшней России можно назвать всенародно признанным носителем нравственных идеалов?

— Думаю, такой фигуры нет, хотя совестливых людей у нас много. 🍷

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ЕЛЕНА ТАХО-ГОДИ

НЕВЕСОМОСТЬ АЛЕКСЕЯ ЛОСЕВА

БЕСЕДОВАЛ АНДРЕЙ КУЛЬБА

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения известного русского ученого Алексея Федоровича Лосева. И одновременно — 25 лет со дня его кончины. О том, что философ считал целью своей жизни и почему за полгода до смерти обронил: «Жизнь погибла», рассказывает профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, куратор научной деятельности Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» Елена Тахо-Годи.

— Н

а многих фотографиях Алексея Федоровича можно увидеть вас рядом с ним — в том числе и совсем еще маленькой девочкой. Можете рассказать о своих первых воспоминаниях о нем?

— Надо сказать, что я не жила постоянно в одном доме с Алексеем Федоровичем, я только приезжала к нему. Первое знакомство я не помню, мне было 2 года, и воспоминаний об этой поре у меня не сохранилось. Но другое дело, что он умер, когда мне был уже почти 21 год. К тому времени я видела Алексея Федоровича в разных ситуациях: дома, на Арбате; во время летних каникул на даче в поселке Отдых; на юбилейной конференции, когда ему исполнилось 90 лет... Алексей Федорович был человеком живым, страстным, горячим, полным юмора, сарказма. О нем, с одной стороны, можно вспоминать бесконечно, с другой стороны, очень сложно рассказывать. Недавно «Дом А. Ф. Лосева» издал воспоминания о Лосеве Галины Даниловны Беловой, бывшего редактора издательства «Искусство», где Алексей Федорович долгие годы печатался. В этих мемуарах Лосев предстает совершенно живым человеком — таким, каким его знали люди, общавшиеся с ним в разных ситуациях. Галине Даниловне удалось воскресить очень разного Алексея Федоровича: веселого и грустного, строгого и умеющего поддержать людей — близких и даже иногда далеких, но интуитивно ощущающих в нем духовного руководителя, почти старца. Галина Даниловна долго писала и долго не публиковала свой текст, потому что не была уверена, нужны ли кому-то ее фрагментарные, домашние или околодомашние воспоминания. А они нужны, потому что для нынешних читателей Лосев — или незыблемый авторитет, или даже если фигура, с которой спорят, то фигура уже абстрактная, лишенная во многом плоти и крови.

— За свою жизнь Алексей Лосев проделал гигантский объем работы, при этом будучи не совсем здоровым, как я понимаю, человеком...

— У Алексея Федоровича было замечательное, можно сказать, завидное здоровье, унаследованное им от его предков. Мы на сайте «Дома А. Ф. Лосева» в минувшем году разместили генеалогическую таблицу, родословную Алексея Федоровича, — попытались восстановить его казачьи корни. По данным, которые у нас есть, начиная с конца XVIII века, предки его были очень воинственные, участвовали в сражениях, отличались храбростью. И Алексей Федорович унаследовал не только казачий боевой дух, но и чисто физическую силу. Он был человеком очень мощным, высоким, за метр девяносто ростом — уже в старости. Когда позднее я читала его лагерные письма 30-х годов — в 2005 году они вышли отдельной книгой под названием «Радость на веки», — на меня произвело впечатление то, как он — абсолютно здоровый, физически сильный человек — за несколько месяцев работы на беломорском лесоповале практически стал инвалидом. Именно там и началась потеря зрения, которая постепенно прогрессировала. К 50-м годам он уже не мог самостоятельно читать и писать. Когда я появилась на Арбате, он уже ничего практически не видел, только отличал свет от тьмы.

— И все-таки, несмотря на почти полную слепоту, написал огромное количество трудов. Как проходил его день? Как строилась его работа? Может быть, он как-то специально развивал память?

— Никаких специальных рекомендаций, как организовывать свой день, труд, я от Алексея Федоровича никогда не слышала. В конце 1910-х годов, когда он был молодым человеком и преподавал в гимназии, психология и методы воспитания его очень волновали. Может быть, тогда он пришел к мысли о том, что воспитывать человека можно только своим примером? Иногда ведь достаточно одной фразы. Расскажу такой эпизод. Я была уже студенткой и начинала писать первую курсовую работу о тогда совершенно всеми забытом поэте Константине Случевском. Я рассказывала Алек-

сею Федоровичу о своих «открытиях». Он с живым интересом слушал мои повествования о связях Случевского с Владимиром Соловьевым — он тогда писал большую книгу о Соловьеве, где в том числе шла речь о связях Соловьева с русской литературой. Тогда мне попала какая-то параллель между поэзией Случевского и философией Шопенгауэра — параллель, не лишенная оснований, если мы вспомним, к примеру, интерес к Шопенгауэру старшего современника Случевского и тоже поэта — Афанасия Фета. И я решила пойти легким путем: немного почитав кое-что о Шопенгауэре, я подумала, что проще всего спросить о нем Алексея Федоровича, для солидности попросив его объяснить, как понимает Шопенгауэр закон достаточного основания. Конечно, Лосеву не составило бы труда рассказать мне о Шопенгауэре и его книге «Мир как воля и представление», о которой он сам с восторгом писал в 1918 году (мне посчастливилось републиковать несколько лет назад эту не входившую ни в один его список печатных работ небольшую статью). Но, видимо, он мой замысел сразу раскусил. Не забуду его насмешливую улыбку и брошенную фразу: «А нельзя ли как-нибудь без Шопенгауэра?..» Эта фраза, с одной стороны, значила, что если хочешь уж писать о Шопенгауэре, то изволь для начала сама все досконально изучить. Но главное — она навсегда научила меня избегать в своих работах откровенного дилетантизма. И когда порой мне хотелось вдруг пуститься в какие-то рискованные сопоставления и не слишком продуманные параллели, я повторяла ее сама себе: «А нельзя ли как-нибудь без Шопенгауэра?..» Это не было обидно, это был урок, за который я признательна по сей день.

Кстати, девочкой я не видела ничего необычного в том, как живет, работает, пишет книги Алексей Федорович. Его день был четкий: в час дня приходил секретарь, Лосев до пяти вечера диктовал, и мне казалось, что это абсолютно нормально, что в этом нет никакого труда. Потом уже, когда Алексея Федоровича не стало, я сама занялась научной работой и многое поняла. Попробуйте закрыть глаза

и представить, что вы не можете взять ни одну книжку в руки, не можете перечитать свой текст, что вы полностью зависите от окружающих вас людей, и если нет секретаря — значит у вас потерян день... Но ребенком я считала, что иначе просто быть не может, что это нормальное времяпрепровождение, что у каждого есть свои увлечения, и вот у Алексея Федоровича такое: сидеть и диктовать... Отработав целый день, он потом еще вечером встречался с гостями. Где-то в девять часов на Арбат приходили гости, и беседы бывали до полуночи. Никто не думал о том, что Алексею Федоровичу надо на следующий день снова диктовать, а он, естественно, про это не говорил. Что я любила в нем и все реже встречаю вокруг себя — это удивительный интерес к чужой личности, к чужой мысли, мнению. Часто встречаются крупные ученые, замкнутые в мире своих идей. Эти идеи могут быть замечательные, прекрасные, их авторы могут с большим энтузиазмом говорить о том, чем они занимаются. Но стоит их «рядовому» собеседнику, допустим, студенту, начать повествовать о своих изысканиях или попросить прочесть свой текст, как они зачастую тут же гаснут — весь интерес исчезает. А Алексей Федорович просто зажигался, когда видел, что человеку что-либо интересно, он с большим энтузиазмом начинал в это вникать. Недаром он с готовностью публиковался в журнале «Студенческий меридиан», к чему многие снобы — а снобы были и в советское время — относились презрительно. Но для Лосева важна была не просто его собственная мысль, а, вообще, жизнь в мысли, и не важно, кто эту мысль продумал, кто ее воплощает. Если это действительно мысль, она заслуживает максимума внимания, максимума энтузиазма и максимума поддержки — независимо от того, кто ее носитель.

— **И с таким же вдохновением Алексей Федорович восстанавливал идеи из других эпох?**

— Да, как он сам об этом писал в 30-е годы, он умел, как бы мы теперь сказали, артистично вживаться в чужую мысль, в чужую эпоху, что требовало, конечно, досконального знания эпохи

и той самой мысли. Поэтому, как иронизировал Алексей Федорович, те люди, которые приходили к нему на лекцию, допустим, о Шеллинге, думали, что он шеллингианец, а те, кто приходил к нему на лекцию о Канте, думали, что он кантианец, на лекции о Гегеле он казался гегельянцем. А ведь это совершенно несхожие системы. Он говорил, что он ни то, ни другое, ни третье: он — Лосев. Но ему чрезвычайно было интересно понять, как, из чего вырастает мысль. А для того, чтобы понять ее, надо было вжиться. И не важно, была это эпоха Возрождения или античность. Для Лосева важен был стиль. Очень важно было понять стиль эпохи, стиль мысли отдельного человека или целого культурного или философского направления.

— Похоже, он просто наслаждался тем, как у человека рождается идея, как она развивается. Примерно как музыкой наслаждаются.

— Да, недаром он был и музыкантом. У него был абсолютный музыкальный слух и, можно сказать, абсолютный интеллектуальный слух. Поэтому надо представить себе, какие внутренние страдания доставляло Алексею Федоровичу то падение культуры, то отсутствие мысли, с которым он столкнулся после революции 1917 года. Эта какофония вместо мысли окружала его на протяжении практически всего его жизненного пути, с 1917 до 1988 года. Поэтому он особо и ценил среди мрака безмыслия собеседников, не только способных ему сочувствовать и понимать, о чем он мыслит, но и просто имеющих желание думать. Может быть, из-за этого люди, которые сталкивались с Алексеем Федоровичем, иногда кардинально меняли потом свой путь. Наверное, один из самых ярких таких примеров — это журналистка Наталья Мишина из газеты «Правда». Она брала интервью у Алексея Федоровича уже в 80-е годы, и в разговоре ей пришла мысль задать вопрос о Боге. Казалось бы, корреспондент из газеты «Правда»! И что получилось? В конце концов уже после падения Советского Союза она стала монахиней. Такой совершенно невероятный путь: от корреспондента газеты «Правда» до монахини Павлы.

— В расхожем представлении Лосев был затворник. Но как теперь выясняется, в круг его общения входили десятки, если не сотни людей. Практически все известные российские мыслители XX века прошли через дом Лосева — и Асмус, и Аверинцев, и Бибихин, и Гайденко...

— И на Арбат, и на дачу почти ежедневно кто-нибудь приходил или приезжал. Причем на дачу — зачастую без каких-то предварительных договоренностей. Раздавался на аллее лай со-

бак, кто-то стучал в дверь веранды, и тогда выяснялось, что приехали гости. Тогда же не существовало ни мобильных телефонов, ни других возможностей оперативно договориться. Разве что почта работала хорошо — можно было, допустим, послать открытку. Но все равно согласовать приезд на дачу было довольно сложно, поэтому люди приезжали сами, иногда их никто не ждал. Арсению Владимировичу Гулыге — специалисту по немецкой философии — даже пришлось перелезть через забор: калитка была заперта. Можно перечислить много известных имен. Из-за этого может показаться, что к Лосеву приходили только люди избранные, но ведь к Алексею Федоровичу обращались люди и совершенно неизвестные ни тогда, ни теперь. Они писали ему письма в огромном количестве. Просто читатели, которые прочли его книги, что-то в них нашли свое, совершенно разные люди. Например, у нас в библиотеке висит портрет Алексея Федоровича, присланный из тюрьмы. Мы ничего не знаем о его авторе, кроме фамилии. От него сохранилось единственное письмо, сопровождавшее этот портрет, где он заверял, что пусть никто не боится, он никогда больше не потревожит, что он заключенный и так проникся судьбой Лосева, его книгами, что ему как-то хочется отозваться на смерть Алексея Федоровича, и вот он нарисовал портрет Алексея Федоровича, никогда его не видя. Когда делалась наша мемориальная экспозиция, мы сочли, что такому портрету самое место в музее.

Или иного рода пример. Михаил Ниссенбаум — он еще 18-летним мальчиком написал Лосеву письмо из Нижнего Тагила — прие-

хал в Москву, к бабушке, работал маляром и дворником, чтобы одновременно и стаж был, и можно было учиться и общаться с Лосевым. Теперь он живет в Москве, пишет романы, выпустил учебник латинского языка, курс которого прослушал у Алексея Федоровича.

— В круге общения — философы, филологи. А из поэтов-современников Лосев признавал кого-нибудь? Или это все для него тоже была какофония и он читал лишь классику?

— Когда Алексея Федоровича начинали спрашивать об отношении к современной ему литературе, к таким ярким явлениям, как, например, Михаил Булгаков, он говорил, что не может об этом судить как специалист, потому что литература тоже нуждается в продумывании до конца. А времени жизни оставалось мало, поэтому нельзя себе позволить такую роскошь — такие отвлечения. К сожалению, мы очень мало знаем об отношениях Алексея Федоровича с его современниками эпохи Серебряного века, потому что его переписка 1910–1920-х годов исчезла после его ареста в апреле 1930 года за выпад в адрес советской власти в его «Диалектике мифа». Тогда, как записано в протоколе, были изъяты две корзины писем. Эти письма так до сих пор не обнаружены, может быть, они действительно сожжены и уже не существуют, а может быть, все-таки томятся где-то в глубинах архивов. Но мы знаем, что Алексей Федорович был знаком с Вячеславом Ивановым, который был одним из любимых его поэтов. Когда Алексей Федорович впервые пришел в религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева по рекомендации своего учителя — философа и психолога Георгия Ивановича Челпанова, — то первый доклад, который он там услышал, был доклад Вячеслава Иванова «О границах искусства». Это был ноябрь 1913 года. Доклад и заседание произвели на Лосева огромное впечатление. И в конце жизни он вспоминал об этом заседании и о выступлении Вячеслава Иванова. Позже Вячеслав Иванов читал его дипломное сочинение об Эсхиле, потому что он был не только поэтом-символистом, но и очень серьезным филологом-классиком. В 1918 году Алексей Федорович

вместе с ним и отцом Сергием Булгаковым задумывали издание религиозно-философской национальной серии под названием «Духовная Русь». Есть письмо Алексея Федоровича к Иванову по этому поводу.

Если говорить о поэтах эпохи юности Алексея Федоровича, нельзя не вспомнить Бориса Пастернака, который был с Лосевым знаком. Они учились на одном факультете, только Борис Леонидович был немного старше. Когда Пастернак уезжал учиться в Германию, он оставил Лосеву

«в наследство» и свою комнату, и своего ученика — Вальтера Филиппа. Это имя можно найти на одном из гимназических учебников, хранящемся в лосевской книжной коллекции «Дома А. Ф. Лосева».

— А в советское время они общались?

— Мы не знаем, были ли личные встречи с Борисом Леонидовичем, но известно, что были общие знакомые. Ученица Алексея Федоровича и дочь его друга философа Матвея Кагана, Юдифь Матвеевна, когда отправлялась к Пастернаку, желая с ним сблизиться, брала такое своего рода письмо-рекомендацию от Алексея Федоровича. Это было в конце 40-х — начале 50-х годов.

Среди знакомых с Лосевым поэтов Серебряного века нужно назвать Георгия Чулкова, с которым Алексей Федорович общался и жене которого после смерти Георгия Ивановича помогал финансово. Он помогал многим, несмотря на то, что его материальное положение было более чем шатким, он сам долгое время не имел постоянной работы.

А недавно, благодаря Монике Спивак, заведующей музеем Андрея Белого, я опубликовала отклик Андрея Белого на книгу Лосева 1930 года «Очерки античного символизма и мифологии». Белый писал, что, если бы эта книга вышла в Европе, всем сразу бы стало понятно, что она — более мощное явление, чем потрясший современников «Закат Европы» Шпенглера. Лосев как философ, с точки зрения Белого, гораздо интереснее своих старших современников — Бердяева или Булгакова, потому что у него живая

мысль, а не голое абстрактное философствование. Этот любопытный отзыв долгое время хранился в глубинах Лубянки и дошел к нам оттуда.

— Как я понимаю, труды Алексея Федоровича требуют очень серьезной переоценки. Сейчас известно, что он был глубоко верующим человеком и что занятия античностью — это был, скорее, такой подцензурный способ заниматься философией и даже богословием. **Что-то обойдено умолчанием, какие-то термины использовались как метафоры. То есть известные труды Лосева требуют нового прочтения...**

— Конечно, нельзя сказать, что Лосев занимался античностью исключительно потому, что ему невозможно было ничем другим заниматься. На самом деле античность была ему интересна как колыбель, как некая философская база для тех дальнейших религиозно-богословских исканий, которые начались в христианском мире еще в античную эпоху. Но читать работы Алексея Федоровича 60-х, 70-х, 80-х годов буквально, не сознавая, что в них он зачастую переформулирует свои прежние взгляды в новых терминах, — по меньшей мере наивно. Попробуйте там, где Лосев говорит о будущем коллективизме, заменить «коллективизм» словом «соборность», и лосевская мысль сразу станет понятней. Такой «иносказательный» характер его произведений этих лет более очевиден в вещах литературного плана, а не сугубо научных. Например, в его странном на первый взгляд автоинтервью под названием «Невесомость». В 70-е годы ему предложили дать интервью для газеты «Культура», а он подал им эту «Невесомость», где говорит не без юродства о философии как об акробатике, о себе как о космонавте, для которого полная невесомость — главная цель. Не знаю, поняли ли редакторы, о чем тут рассуждает Лосев, но они точно почувствовали, что это не «свое», и отвергли. Сейчас, читая этот текст, не знаешь даже, чему поражаться — лосевской наивности или его дерзости, ведь «невесомость» для Лосева тут не что иное,

как бессмертие души. Попутно говорит он и о том, что всегда боролся за свои идеи и что иногда его за эти идеи сажали в погреб, то есть с вызовом намекает на события вполне реальные — на свой арест 1930 года.

— Не готовится ли переиздание работ Лосева с обширным комментарием, где объясняются все эти подтексты, метафоры, игры с цензурой и т.д.?.

— Это огромная работа. Пока ни у кого не нашлось мужества и энтузиазма взяться за академическое издание трудов Алексея Федоровича. Мы рады и тому, что издаются книги, ждавшие своего выхода многие десятилетия. Например, на излете 2012 года — книга помечена 2013 годом — вышли «Диалектические основы математики», ее Алексей Федорович начал писать еще в лагере, когда появилась первая возможность взять в руки карандаш и бумагу. При жизни автора книга не была опубликована. Этот огромный том открывает нам Лосева-математика. В малом собрании сочинений Лосева, издававшемся с 1993 по 2003 год, «Диалектические основы» появились фрагментарно, так что можно говорить о том, что лосевская философия математики впервые достойно издана только сейчас. Труд по подготовке тома проделал Виктор Петрович Троицкий. Он же в 2001 году готовил вместе с Азой Алибековной Тахо-Годи издание «Диалектики мифа». Это лучшее издание на сегодня этой самой знаменитой лосевской книги, переведенной теперь на английский, немецкий, испанский и даже японский языки, — наиболее академическое, с комментариями, примечаниями. Именно ею мы всегда рекомендуем пользоваться тем, кто обращается к лосевскому творчеству.

— Аза Алибековна Тахо-Годи, спутница жизни Алексея Федоровича, если судить по ее книге воспоминаний, пришла к убеждению, что в результате страшных испытаний, через которые прошли они, все устроилось к лучшему, все скорби пошли на пользу. Алексей Федорович разделял это убеждение?

— Вы знаете, у каждого человека одно дело — сердце, а другое — голос разума. Алексей Федорович считал себя философом разума, называл себя в первую очередь служителем ума. Он говорил, что душа — иногда он даже использовал словосоче-

тание «жалкая душонка» — боится и только ум дисциплинирует и наводит порядок. Вряд ли Алексей Федорович, пережив все то, что он пережил, был как человек, как живая душа счастлив тем обстоятельством, что на его долю выпали такие испытания. Недаром мои опубликованные под названием «Гиган» воспоминания об Алексее Федоровиче кончаются его словами о том, что жизнь погибла. Жизнь погибла. Это было потрясением для меня — совершенно молодой тогда девушки. Я считала в тот момент жизнь на Арбате абсолютно благополучной, а все, что переживали близкие в 30-е годы, — далеким, трудно представимым прошлым. Но одно дело — твердое убеждение ума Алексея Федоровича как верующего человека в том, что лучше страдания со смыслом, чем бессмысленное счастье. А совсем другое — ощущения человека творческого, человека думающего. Вряд ли кто-то, кроме самого Лосева, адекватно представлял, что могло быть реально сделано — не только продумано, но и воплощено на бумаге, — если бы не было столько препон на его пути. Он еще в 30-е годы считал, что все его знаменитые теперь книги 20-х годов — лишь предисловие к большой работе. Лосев не забывал, как и какими методами ему запретили эту работу продолжать, мог говорить о своих идеях только эзоповым языком. Ведь не в 30-е, а в 80-е хотели уничтожить его первую книгу о Владимире Соловьеве — под нож не пустили, но запретили к продаже в крупных городах. Так что недаром в 70-е годы, после публикации очередного тома «Истории античной эстетики» — книги, казалась бы, столь далекой от современности, — Лосев признавался, что чувствует себя Мандельштамом. То есть человеком, который выкрикнул правду среди полной тишины и страха и которого ждет, в лучшем случае, Воронеж, а в худшем — расстрел в лагере. И это ведь не от того, что Лосев был такой пугливый. Это был неистребимый уже никакими силами опыт жизни людей, переживших помимо революций и войн советский строй, советские лагеря. В книге Галины Беловой, с которой мы нача-

ли разговор, есть рассказ и о другом человеке — о замечательном знатоке древнерусской архитектуры и искусства Георгии Карловиче Вагнере. Он сидел в лагерях в общей сложности почти 25 лет. Галина Даниловна вспоминает, как уже в 80-е годы он признался ей, что до сих пор все время готов к аресту. И это не был человек психически ненормальный, не способный после лагеря вернуться к обычной жизни. Он как раз в это время издавал книгу о древней Руси совместно с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Но это то, что современному поколению практически невозможно понять: мы сейчас не можем представить себе ни немецкие, ни советские концлагеря во всем их бесчеловечном ужасе. Издалека нам уже не так страшно.

— Какие главные мероприятия планирует «Дом А. Ф. Лосева» в этот юбилейный год?

— Прежде всего это 14-е Лосевские чтения, которые на этот раз будут посвящены непосредственно творчеству Алексея Федоровича. Эти международные научные конференции стали проходить вскоре после кончины Алексея Федоровича, они посвящались как Лосеву, так и тем фигурам русской культуры, которые были для него знаковыми: Достоевскому, Соловьеву, Иванову. Или, например, мы проводили Лосевские чтения, приуроченные к столетию знаменитого сборника «Вехи», который Алексей Федорович очень ценил и о котором вспоминает в единственном документальном фильме, снятом режиссером Виктором Косаковским в 1986–1988 годах.

Помимо этой научной конференции библиотека во главе с директором «Дома А. Ф. Лосева» Валентиной Васильевной Ильиной проводит всероссийский «Лосевский конкурс» для молодых исследователей — в первую очередь для специалистов-филологов. Это могут быть и студенты, и аспиранты — люди, которым нет еще 30 лет. Участвующие в конкурсе должны предоставить работу об Алексее Федоровиче. Конкурс называется «Творчество А. Ф. Лосева — взгляд из XXI века». Алексей Федорович писал, что чувствует себя сосланным в XX век. Будем надеяться, что в XXI столетии наконец-то раскроется подлинный масштаб Лосева — и как личности, и как мыслителя. 📖